

СУБОТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Местная этническая культура не стояла в стороне от общего прогресса культурного развития племен Средней и Восточной Европы. В ней по-своему перерабатывались заимствованные формы материальной культуры. Эта среда в свою очередь оказала сильное воздействие на развитие культуры соседних народностей.

А.И. ТЕРЕНОЖКИН, 1961

В настоящее время необходимы работы, которые вбирали бы в себя и перекрывали старые, давно ставшие библиографической редкостью, издания, извлекая из них максимум полезной информации, упорядочивая и систематизируя их, но в то же время оставляя полную возможность для проверки авторских истолкований.

В.А. ИЛЬИНСКАЯ, 1975

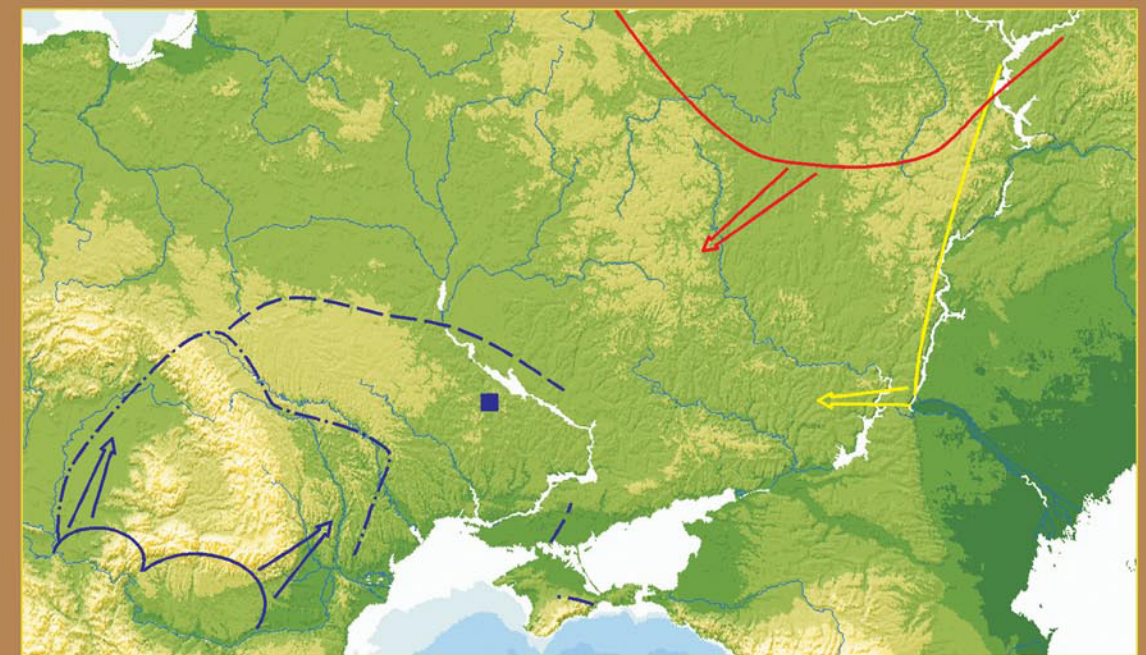
Яков Петрович
ГЕРШКОВИЧ

В книге впервые, спустя более половины столетия после раскопок, публикуются все объекты и находки Суботовского городища, расположенного на окраине с. Суботов Чигиринского района Черкасской обл. Городище относится к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку, времени кардинальных изменений в образе жизни, способах ведения хозяйства, внедрения новых производственных технологий. Это было время появления городищ там, где их раньше не было, и установления широких связей между населением различных, часто значительно удаленных друг от друга территорий Евразии. И все эти изменения и события нашли отражение в археологических материалах Суботовского городища. Издание рассчитано для археологов, историков, краеведов, преподавателей археологии и истории, всех тех, кто интересуется проблемами древней истории, культурогенеза и охраны археологического наследия.

Я.П. ГЕРШКОВИЧ
СУБОТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Я.П. ГЕРШКОВИЧ

СУБОТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG

Я.П. ГЕРШКОВИЧ

**СУБОТОВСКОЕ
ГОРОДИЩЕ**

КИЕВ • 2016

УДК 903.4(477.46)''637/6383''
ББК Т4(4Укр-44Ек)263.1/273.1-423
Г 423

Ответственный редактор

Е.П. БУНЯТЯН, кандидат исторических наук

Рецензенты

С.С. БЕРЕЗАНСКАЯ, доктор исторических наук
В.В. ОТРОЩЕНКО, доктор исторических наук
О.Г. ЛЕВИЦКИЙ, доктор исторических наук

*Рекомендовано к печати ученым советом
Института археологии НАН Украины
от 20.10.2016 (протокол № 7)*

Гершкович Я.П.

Г 423 Суботовское городище / Институт археологии НАН Украины. – К., 2016. – 508 с.

ISBN 978-966-02-8235-3

В книге впервые, спустя более половины столетия после раскопок, публикуются все объекты и находки Суботовского городища, расположенного на окраине с. Суботов Чигиринского района Черкасской обл. Городище относится к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку, времени кардинальных изменений в образе жизни, способах ведения хозяйства, внедрения новых производственных технологий. Это было время появления городищ там, где их раньше не было, и установления широких связей между населением различных, часто значительно удаленных друг от друга территорий Евразии. Все эти изменения и события нашли отражение в археологических материалах Суботовского городища.

Издание рассчитано на археологов, историков, краеведов, преподавателей археологии и истории, всех тех, кто интересуется проблемами древней истории, культурогенеза и охраны археологического наследия.

УДК 903.4(477.46)''637/6383''
ББК Т4(4Укр-44Ек)263.1/273.1-423

ISBN 978-966-02-8235-3

© Я.П. Гершкович, 2016
© Институт археологии
НАН Украины, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5	III.3. Специализированная постройка и производственный участок	72
Глава I. ИССЛЕДОВАННЫЕ УЧАСТКИ	13	III.3.1. Теплотехническая конструкция	72
I.1. Общая характеристика полевой документации и коллекции	13	III.3.2. Металлообрабатывающий центр или кузнечно-литейная мастерская?	74
I.2. Физико-географические особенности региона и топография городища	14	III.4. Фортификация	76
I.3. Большой Городок	15	Глава IV. МАТЕРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: КЕРАМИКА	79
I.3.1. Северо-восточная зона	15	IV.1. Посуда глиняная бытовая	79
I.3.2. Центральная зона	23	IV.1.1. Методика обработки	79
I.3.3. Южная зона	33	IV.1.2. Технология изготовления: поверхность, обжиг, состав формовочных масс	80
I.4. Малый Городок	38	IV.1.3. Классификация сосудов по морфологическим признакам	82
I.5. Новый Городок	40	IV.1.4. Объем посуды и ее функциональные группы	94
Глава II. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	41	IV.1.5. Элементы орнамента и их соотношение с категориями сосудов и функциональными группами	99
II.1. Культурный слой и планиграфия объектов	41	IV.2. Посуда глиняная специального бытового назначения и техническая	111
II.2. Зольники белогрудовского типа	42	Глава V. МАТЕРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, КОСТИ, РОГА И КАМНЯ, ПЛАСТИКА И МЕЛКИЕ ПРЕДМЕТЫ	113
II.2.1. Зольники: объекты культа или быта?	43	V.1. Металлические изделия	113
II.2.2. Формирование и археологизация зольников белогрудовского типа	44	V.1.1. Вооружение и орудия труда	113
II.2.3. Несколько замечаний о фазах зольников, по Е.Н. Саве и Э. Кайзер	47	V.1.2. Украшения и детали одежды	117
II.2.4. Зольные отложения и зольные святилища	49	V.2. Изделия из кости и рога	123
II.3. Домохозяйства Суботовского городища и зольники белогрудовского типа	50	V.2.1. Конская узда	123
Глава III. ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ. ФОРТИФИКАЦИЯ	53	V.2.2. Предметы вооружения	128
III.1. Жилища	53	V.2.3. Орудия различных видов производств	129
III.1.1. Основные проблемы изучения	53	V.2.4. Предметы для игр, украшения и детали одежды	131
III.1.2. Котлованы и входы	55	V.3. Изделия из камня и кремня	131
III.1.3. Типы жилищ	56	V.3.1. Металлообрабатывающие орудия	131
III.1.4. Ямы как универсальный элемент жилища	58	V.3.2. Орудия кожевенного производства	132
III.1.5. Очаги и переносные жаровни внутри жилищ	66	V.3.3. Земледельческие орудия	132
III.1.6. Внешний вид и интерьер жилищ	68	V.3.4. Предметы вооружения	133
III.1.7. Местные и заимствованные традиции домостроительства	69	V.4. Пластика	133
III.2. Организация внежилищного пространства	71	V.5. Мелкие изделия	134

Глава VI. СЛЕДЫ ОБЫЧАЕВ, ОБРЯДОВ И РИТУАЛОВ	137	Е. Изделия из металла	367
VI.1. Профанное и сакральное в археологических источниках	137	Ф. Изделия из глины	379
VI.2. Обычаи и ритуалы, связанные с возведением, обустройством и функционированием жилища	139	Н. Мелкие изделия	396
VI.3. Обряды и ритуалы при оставлении жилищ и возможная сакрализация мест бывших домохозяйств	141	Таблицы	
VI.3.1. Разборка жилища	141	К. Сводные данные по категориям сосудов	403
VI.3.2. Ритуальное «убийство» и «захоронение» сосудов	141	ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	423
VI.3.3. Захоронения людей и обращение с частями их тела	142	Приложения	
VI.3.4. «Захоронения» глиняных статуэток	145	Приложение 1. Н.П. ГЕРАСИМЕНКО. ИЗМЕНЕНИЕ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ В РАЙОНЕ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА ПО ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ И ПЕДОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ	447
VI.3.5. Оставление кладов	145	1. Палинологическая и педологическая характеристика разрезов	449
VI.3.6. Оставление псалиев	146	1.1. Естественный разрез фоновой почвы	449
VI.3.7. Оставление каменных зернотерок	146	1.2. Разрез почвы, погребенной под валом Малого Городка	453
VI.3.8. Роговая лопаточка и приготовление ритуальной пищи	147	1.3. Разрез почвы с культурным слоем возле жилища № 9	456
VI.3.9. Сакрализация оставленного домохозяйства	148	1.4. Разрез заполнения жилища № 4	459
VI.4. Орнаментация сосудов как отражение идеологических воззрений	149	2. Динамика изменений природной среды в голоцене	463
VI.4.1. Возможная семантика некоторых элементов орнаментации	149	2.1. Эволюция природных обстановок до возникновения поселения	463
VI.4.2. Циклические композиции	151	2.2. Палеоэкология Суботовского городища (горизонты Суботов II и Суботов III)	466
Глава VII. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ И ДАТИРОВКА ГОРОДИЩА	157	3. Эволюция природных обстановок после исчезновения городища	470
VII.1. Критерии выделения хронологических горизонтов	157	Закключение	471
VII.2. Распределение типов сосудов и элементов их орнаментации по горизонтам	159	Summary	472
VII.2.1. Горизонт Суботов I	159	Литература	472
VII.2.2. Горизонты Суботов II и Суботов III	160	Приложение 2. А.Н. УСАЧУК. ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ, РОГА И КАМНЯ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА	475
VII.3. Происхождение суботовской посуды	165	1. Кость и рог	475
VII.3.1. Юго-западные и западные традиции	165	2. Камень	480
VII.3.2. Северо-восточные традиции	173	Summary	485
VII.3.3. Юго-восточные и восточные традиции	175	Литература	485
VII.3.4. Местные традиции	177	Приложение 3. Л.В. ЛИТВИНОВА. ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА	487
VII.4. Хронологическая позиция горизонтов	178	Summary	490
VII.4.1. Горизонт Суботов I	178	Литература	490
VII.4.2. Горизонты Суботов II и Суботов III	179	Приложение 4. А.В. ДЯЧЕНКО. ОБЪЕМ СОСУДОВ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА	491
Глава VIII. КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	187	1. Общие замечания	491
VIII.1. Очаги культурогенеза	187	2. Корреляция морфологических и мерных признаков	491
VIII.1.1. Западный и юго-западный компонент	187	3. Закономерности в распределении объемов посуды в рамках морфологических особенностей изделий	494
VIII.1.2. Северо-восточный компонент	190	4. Закономерности в распределении объемов посуды в рамках домохозяйств	496
VIII.1.3. Юго-восточный и восточный компонент	190	Закключение	500
VIII.2. Культурная принадлежность Суботовского городища и культурогенетические процессы переходного периода	193	Summary	501
VIII.3. Культурно-хронологический феномен Гордеевского могильника	195	Литература	501
VIII.4. Формы взаимодействия пришлых и местных групп населения и древние торговые пути	199	Приложение 5. А.В. КОРОХИНА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЦЕПТОВ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА	503
Закключение	205	Summary	506
Summary	209	Литература	506
Рисунки		Список сокращений	507
А. Суботовское городище: планы, чертежи, фото	215		
В. Глиняная бытовая посуда	246		
С. Изделия из кости и рога	334		
Д. Каменные изделия	355		

ВВЕДЕНИЕ

Суботовское городище относится к переходному периоду от бронзового века к раннему железному. Этот период начался в последней четверти II тыс. до н. э. и на юге Восточной Европы длился около трех столетий. В это время был осуществлен прорыв в технологической сфере – в производстве орудий труда и предметов вооружения железо в значительной мере заменило бронзу. Происходили эпохальные изменения в образе жизни и способах ведения хозяйства. Оседлость сменял кочевничество, и завершение этого процесса совпало с началом собственно раннего железного века (Бунятян, 2001: 103).

Многие события этого периода не только на смежных, но и на удаленных друг от друга территориях оказываются тем или иным образом связанными. Казалось бы, каким образом события «темных веков» гомеровской Ахейской Греции отразились на юге Восточной Европы? Но именно тогда древнегреческие племена усиливали натиск на прибрежные территории северо-запада и запада Малой Азии, завоевывали Трою. В слое Troia VIIb встречена керамика неместного происхождения. И эта керамика аналогична той, которая в виде одной из групп представлена в Северном Причерноморье вплоть до Среднего Поднепровья, природные и людские ресурсы которых оказались востребованными в разных частях Евразийского континента.

Если в Северной Евразии переходный период от среднего к позднему бронзово-

му веку – время воинов-колесничих, то переход к раннему железному веку – время воинов-всадников (Кузьмина, 2010а: 6). Это также время городищ, которые появляются и там, где их никогда ранее не было. Мир становится мобильным и, как никогда ранее, воинственным.

В этой книге речь пойдет о населении лесостепного Днепровского Правобережья. Но из-за глобального характера культурно-исторических процессов и широких связей между различными группами населения этого периода исследование охватывает значительно больший регион.

Уже первое тщательное картографирование памятников эпохи бронзы и раннего железного века лесостепного Днепровского Правобережья показало концентрацию их здесь тремя группами (Тереножкин, 1961: 13, рис. 1): от р. Ирпень до р. Рось на севере, от р. Горный Тикич до верховьев р. Синюха на юго-западе и от р. Тясмин до верховьев р. Ингулец на юго-востоке. Именно в юго-восточной группе находится Суботовское городище, расположенное на окраине с. Суботов Чигиринского р-на Черкасской обл. (рис. 1–3).

Поражает, насколько это село богато историческими и археологическими памятниками. В середине XVII в. тут находилось родовое имение и резиденция гетмана Богдана Хмельницкого, его дворец с библиотекой, укрепления, подземные ходы и церковь. В XIX в. отсюда в Императорскую Археологическую комиссию поступили находки из

Рис. 1. Суботовское городище на карте Восточной Европы

Fig. 1. Subotiv hill-fort on the map of the Eastern Europe

Рис. 2. Суботовское городище и древние курганы на современной топографической карте

Fig. 2. Subotiv hill-fort and ancient barrows on a modern topographic map

1 – Суботовское городище; 2 – городище на Замчище в с. Суботов; ● – курганы

Рис. 3. Топографическая карта от с. Суботов до г. Чигирин (по Ф.Ф. Шубер, Атлас Военно-Топографических карт Российской империи, лист XXV, ряд 11, съемка 1863 г.)

Fig. 3. Topographic map from Subotiv to Chyhirin (surveying of 1863)

погребений с трупосожжениями заруби-
нецкой культуры рубежа эр (Самойловский,
1960; Максимов 1960). Здесь открыто посе-
ление позднескифского времени (Граков и
Тереножкин, 1958: 178). Недалеко от села на-
ходится ур. Волчий шпиль (или Гайдамаков
шпиль) — высокий доминирующий холм,
входивший с XVII в. как наблюдательный
пункт в систему обороны близлежащих тер-
риторий. Совсем недавно на месте дворца
гетмана, на так наз. Замчище, Д.П. Куштан
выявил еще одно городище позднего брон-
зового — раннего железного века.

Раскопки на Суботовском городище про-
водила в 1951, 1955, 1971 и 1972 гг. Степная
скифская экспедиция Института археологи-
гии АН УССР под руководством А.И. Тере-
ножкина и В.А. Ильинской. В 1955 г. вместе
с украинскими археологами работал отряд
МГУ им. М.В. Ломоносова под руководст-
вом Б.Н. Гракова.

Первая краткая публикация результа-
тов исследования в ведущем тогда археоло-
гическом журнале страны (Граков и Те-
реножкин, 1958) вызвала большой интерес
у советских археологов и их зарубежных
коллег (Kossak, 1980: 116). Интерес этот был
вполне закономерным. Ведь данные, полу-
ченные на городище, имели непосредствен-
ное отношение к решению широкого круга

исторических и археологических проблем,
в частности определили новый этап археоло-
гического изучения предскифского пери-
ода на юге Восточной Европы. Одним из его
направлений был поиск археологического
эквивалента киммерийцев — первого на-
рода Северного Причерноморья и Северо-
Западного Кавказа, известного по «Таблице
народов» Библии, древнеассирийским
письменным свидетельствам, поэме «Одис-
сея» Гомера и другим древнегреческим ис-
точникам, включая «Историю» Геродота.
Считалось, что Суботовское городище по-
гибло в результате нашествия именно этих
воинственных кочевников (Граков и Терено-
жкин, 1958: 167–169; Граков, 1977: 165). Таким
образом, суботовские материалы, казалось,
открывали новые перспективы в изучении
старой традиционной проблемы, хотя на
городище есть материалы и более раннего
времени.

Напомним, что в 1950-е гг. возобнови-
лось изучение белогрудовской культуры,
начатое в 1920-е гг. (Куринний, 1926; 1927).
Еще в конце 1940-х гг. Т.С. Пассек рассма-
тривала ее как предскифскую с позднетри-
польской генетической подосновой (Пас-
сек, 1949: 229). Очень долго такой вывод не
поддавался сомнению. Вплоть до 1970-х гг.
его повторял даже Т. Сулимирский, веро-

ятно, более доверяя старым представлениям, чем новым выводам украинских, российских, румынских и молдавских ученых (Sulimirski, 1970: 375–379). Но после раскопок в Среднем Поднепровье, проведенных А.И. Тереножкиным, С.С. Березанской и Г.Т. Титенко (Ковпаненко), а также раскопок В.Д. Рыбаловой и Г.И. Смирновой в междуречье Южного Буга и Среднего Днестра вывод Т.С. Пассек стал достоянием истории археологии.

Наиболее вероятной подосновой белогрудовской культуры была, по терминологии С.С. Березанской, восточнотшинская для северных районов и комаровская для южных (Березанська, 1964: 72; 1982: 87). Ныне С.Д. Лысенко рассматривает белогрудовские памятники в рамках финального горизонта комаровской культуры тшинско-комаровского круга – ТКК (Лысенко С.Д., 2012а: 271). Но возникают вопросы: почему, как и когда, условно говоря, тшинско-комаровская культура трансформировалась в белогрудовскую, и только ли ее носители участвовали в этом?

В 1950-е гг. была выделена также чернолесская культура (Тереножкин, 1952; 1954: 95; 1961: 182). А.И. Тереножкин сперва считал ее синхронной белогрудовской, но скоро отказался от этого и отнес белогрудовскую культуру к позднему бронзовому веку, чернолесскую – к началу железного века. Б.Н. Граков считал их «последовательными этапами одной и той же культуры» (1977: 160). Но, в любом случае, была очерчена генетическая непрерывность развития в Среднем Поднепровье вплоть до раннескифского времени, к которому тогда относили и памятники жаботинского типа, следовавшие за чернолесскими (Тереножкин, 1955: 76, 77). Это соответствовало официальной установке исторической науки в СССР, нацеленной на доказательства автохтонного происхождения археологических культур, а вместе с этим и народов на своей территории. Подчиненная такой установке интерпретация археологических материалов часто противоречила исходным данным, вольно или невольно вела к тенденциозным выводам.

Некий белогрудовско-чернолесский симбиоз всегда был вполне очевидным (Граков и Тереножкин, 1958: 171; Березанська, 1964; Ильинская и Тереножкин, 1986: 29), но единой точки зрения относительно его природы не было. В своей последней работе В.Д. Рыбалова отметила, что лишь поздняя фаза белогрудовской культуры соответству-

ет ранней чернолесской (ср.: Рыбалова, 1961: 9–10 и 1999: 331). Эту позицию разделяет М.Т. Кашуба, отождествляя позднюю Белогрудовку с ранним Чернолесьем (2000: 243). В.А. Ромашко допускал, что между ними вообще нет существенных различий и очертил единый белогрудовско-чернолесский ареал в лесостепной зоне от Днестра до Днепра и от верховьев Горыни и Случи до Орельско-Самарского междуречья (1995: 45, 73).

Чернолесское воздействие видели в наличии своеобразной столовой лощеной посуды (Тереножкин, 1961: 122–124; Березанская, 1982: 87–92 и др.). А.И. Тереножкин пытался найти ее местные истоки. Задолго до этого, оценивая подобную керамику Немировского городища на Левобережье Южного Буга, А.А. Спицын обратил внимание на центральноевропейские аналогии, образно связав ее с проявлением «русского гальштата» (1911: 155, 162).

Связи Среднего Поднепровья с гальштатским миром Карпато-Подунавья стали еще более очевидными к началу 1960-х гг., когда в Среднем Поднепровье начали исследовать памятники типа Сахарна, Кишинэу, Шолданешть (Кашуба, 2000: 246–248). Но даже сейчас исследователи вынуждены возвращаться к вопросу о восточных пределах гальштатизации (Кашуба, 2012а: 233, 234). Эпицентр влияний переходного периода, которые определили лицо некоторых культур, локализируют то на западе – в Карпато-Подунавье и Поднепровье (Кашуба, 1999), то на востоке – в лесостепном Днепровском Правобережье (Крушельницька, 1998: 179–190 и др.; Бандрівський і Крушельницька, 1998). В последнем случае взгляды оппонентов объясняют как дань «модному миграционному подходу» (Крушельницька, 1998: 195), что не всегда справедливо. Вместе с тем Н. Бандривский реанимирует термин «украинский гальштат» (Бандрівський, 2005а: 313), предложенный Т. Сулимирским и Я. Пастернаком (Sulimirski, 1936: 42; Пастернак, 1961: 300, 305, 306 и др.) как своеобразный ответ А.А. Спицыну. Но тогда почему «гальштат», если истоки его локализируются в Среднем Поднепровье? Дальше – больше. Недавно белогрудовская культура вместе с висоцкой была возведена, ни много ни мало, в ранг «центрально-восточноевропейской цивилизации эпохи бронзы – раннего железного века», существовавшей, по меньшей мере, тысячу лет (Бандрівський, 2005б: 242–244).

Сейчас, как и полвека назад, актуальным остается выяснение реальных компонентов

и факторов культурогенеза позднейшего предскифского периода и его хронологических рамок (Бруяко, 2005: 19). Это невозможно осуществить без изучения соотношения Белогрудовка—Чернолесье, включая выявление возможных путей трансформации белогрудовской культуры в чернолесскую. Утверждения С.Д. Лысенко относительно двойственного характера белогрудовской культуры из-за ее бытования между финалом тшинецко-комаровской и началом чернолесской (2012а: 271) не снимают задачи размежевания их и поиска ответа на вопрос, что же представляет собой белогрудовская культура, какова роль в ней чернолесской составляющей и где находятся истоки формирования последней.

Раскопки Суботовского городища также совпали с выделением в лесостепи Левобережной Украины марьяновско-бондарихинской культуры (Ильинская, 1961) и созданием О.А. Кривцовой-Граковой (1955) генеральной схемы развития срубной культуры от Поволжья до Северного Причерноморья и Приазовья, в частности выделением ее белозерского этапа в Нижнем Поднепровье.

Таким образом, Суботовское городище очутилось на перекрестке западных и восточных культур. Однако потенциальные направления исследований, в которых могли быть использованы суботовские материалы, не реализованы в полной мере. В немалой степени это связано и с тем, что авторы раскопок городища, вполне осознавая необходимость публикации полученных находок, полностью не издали их, вероятно, просто не успели. В разных сочетаниях или по отдельности они демонстрировали или упоминали лишь самые аттрактивные изделия: меч, браслеты, псалии, намного реже и всегда неполно — керамику (Тереножкин, 1961; Іллінська і Тереножкін, 1971: 15–24; Ильинская, 1975; Граков, 1977: 160–165, рис. 111; 112, 115 и др.; Ильинская и Тереножкин, 1986: 29–36). Такова же судьба многих других памятников.

Результаты раскопок и разведок в Поднепровье 1950-х гг. в обзорном виде появились почти пять десятилетий спустя (Рыбалова, 1999). Чрезвычайно скудны сведения даже по эпонимным памятникам — Белогрудовскому поселению и Чернолесскому городищу. Информация по поселениям эпохи поздней бронзы и раннего железного века Восточной Европы также очень выборочна, часто рассеяна в сериях статей, свести ее к

общему знаменателю сложно. Исключений очень мало. Среди них отметим монографическое издание Мосоловского поселения срубной культуры в Среднем Подонье (Пряхин, 1993; 1996), Усово Озеро (впрочем, в несколько усеченном виде) в Северском Подонцовье (Березанская, 1990), для более раннего периода — Левенцовской крепости на Нижнем Дону (Братченко, 2012), для раннего железного века — Жаботинского поселения (Дараган, 2011). Хотя ситуация изменяется, но крайне медленно и непоследовательно.

Стоит ли удивляться тому, что зачастую культурно-хронологическая атрибуция находок, памятников и даже целых культур невозможна и / или ошибочна? Для лесостепи Днепровского Правобережья и Побужья наиболее ярко это проявилось после открытия замечательного Гордеевского могильника (Березанская и Лобай, 1994). Оказавшись в белогрудовско-чернолесском ареале, пусть и на его юго-западной окраине (Березанська, 1982: рис. 2), он, по мнению С.С. Березанской и В.И. Ключко, не вписался ни в одну из известных археологических культур региона (Berezanskaja und Kločko, 1998). Но насколько полно последние были изучены? Почему-то такой вопрос исследователи не задавали, предпочитая решать возникшую проблему «окольным путем».

Публикация Суботовского городища и ранее была необходима, тем более, сейчас, после нового критического анализа сообщений античных авторов о киммерийцах в Северном Причерноморье в доскифскую эпоху, уточнения раннескифской хронологии, когда традиционная интерпретация предскифских памятников поставлена под сомнение (Иванчик, 2001; 2011: 66–69). Кроме этого, получены качественно и количественно новые данные по эпохе поздней бронзы и раннего железного века на территории от Центральной Азии до Европейского Средиземноморья, Переднеазиатского нагорья и Кавказа.

Эти новые данные предоставлены немецкими, румынскими и молдавскими археологами (Б. Хенсель, А. Ласло, М.Т. Кашуба, О.Г. Левицкий, А. Ничик и др.), создавшими схему развития раннегалльских культур Карпато-Подунавья и Поднепровья. В частности, для Днестро-Сиретского междуречья М.Т. Кашуба предложила «новую концепцию культурно-исторического развития», согласно которой происхождение культуры

Козия—Сахарна однозначно связано с раннегальштатским миром (Кашуба, 2000: 247).

Археологи Украины и Молдовы активно изучают древности степной зоны Северного Причерноморья, представленные такой яркой культурой (или культурно-исторической областью?) переходного периода как белозерская (В.П. Ванчугов, Г.Л. Евдокимов, В.В. Отрощенко, Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, С.М. Агульников и др.). В Правобережной лесостепи, кроме белогрудовской и чернолесской, изучается культура Гава-Голиграды и висоцкая (Ю.Н. Малеев, Л.И. Крушельницкая, Н.С. Бандрицкий), на Левобережье в междуречье Дона и Северского Донца — бондарихинская (Ю.В. Буйнов, В.И. Воловик, А.В. Корохина). Во многом спорные, но интересные и стимулирующие выводы предложены В.А. Ромашко, выделившим на Левобережье Украины срубно-белозерскую культуру, позже переименованную в богуславско-белозерскую (1996: 68—69; 2001: 132; 2013). Первоклассные поселенческие комплексы открыты В.Н. Горбовым в Северо-Восточном Приазовье.

Целый пласт культурных образований переходного постсрубного периода выделен российскими археологами на территории от Нижнего Подонья и Прикубанья до Поволжья и Южного Приуралья (Ю.И. Колев, Н.М. Малов, М.Ф. Обыденнов, В.В. Потапов и др.), российскими и казахскими археологами — для постандроновского периода Южного Зауралья, Центрального и Северного Казахстана (В.В. Варфоломеев, В.В. Евдокимов, Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович, Т.М. Потемкина, М.К. Кадырбаев, Ж. Курманкулов, и др.).

Проявления этих культур в том или ином виде также прослеживаются в лесостепном Поднепровье и Потясминье, являясь одним из маркеров переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Таким образом, одна из основных задач этой книги — показать место Суботовского городища в системе культур переходного периода. Естественно, что выполнение этой задачи опирается на публикацию памятника, насколько это доступно в настоящее время. Ведь без тщательного описания археологического источника невозможен переход к его преобразованию в источник исторический (Клейн, 1978: 44, 48, 79—80, табл. V). Главная методическая задача сводится к такой подаче материалов, которая бы позволяла проверить полученные автором выводы. Об этом, кстати, давно писала В.А. Иль-

инская: «в настоящее время необходимы работы, которые вбирали бы в себя и перекрывали старые, давно ставшие библиографической редкостью, издания, извлекая из них максимум полезной информации, упорядочивая и систематизируя их, но в то же время оставляя полную возможность для проверки авторских истолкований» (Ильинская, 1975: 6).

Перекодировка применительно к поселениям существенно отличается от той, которая применяется к погребениям. Последние являются закрытыми комплексами, но номенклатура изделий, входящих в них, стандартизирована и ограничена древними, часто нераспознаваемыми обычаями, ритуальными нормами и предписаниями. Поселения же, как правило, представляют собой открытые комплексы, но включают остатки более широкого диапазона — и бытовые, и хозяйственные, и ритуальные. При выяснении характера формирования культурных отложений на поселениях вполне возможно выявление условно закрытых комплексов, и их информационный потенциал не следует преуменьшать.

Итак, структура данной работы подчинена задачам исследования. Если говорить кратко, она сводится к полной публикации материалов, их упорядочения и сравнения в синхронном и диахронном плане с данными других культур с целью выяснения генезиса суботовского культурного комплекса, определения его культурной принадлежности и хронологии. Этим задачам подчинены анализ объектов, состава, планиграфии и условий образования культурного слоя, что позволило понять внутреннюю структуру городища, а также выделить хронологические горизонты. Рассмотрены также археологические следы обычаев, обрядов и ритуалов.

Уточним некоторые термины и названия, использованные в работе. Под Северным Причерноморьем здесь понимается степная полоса, северная граница которой проходит примерно в 200—250 км от береговой линии Черного моря, и соответствует Причерноморской низменности, расположенной от дельты Дуная до р. Кальмиус. Поэтому Восточные Карпаты, Северо-Восточное и Восточное Прикарпатье могут быть причислены к Северному Причерноморью, как это делают М.Т. Кашуба и О.Г. Левицкий (Кашуба, 2012а: 236; Левицкий и Кашуба, 2014: 242), лишь сугубо формально. Отдельно следует рассматривать также Северо-Вос-

точное Приазовье, Северское Подонцовье и Доно-Донецкое междуречье.

Хотя это и не имеет прямого отношения к содержанию книги, укажем на повсеместно встречаемое неверное написание названия «Субботов». Село Суботов (укр. – Суботів) получило название от протекающей в селе небольшой речки Суботь, впадающей в р. Тясмин вблизи села. Ошибка возникла при составлении военно-топографических карт Российской империи в середине XIX в., когда старые украинские названия переводили на русский язык произвольно, в данном случае – по созвучию с русским словом «суббота» (день недели)¹. Но в различных местах лесостепного Днепровского Правобережья встречаются такие древние гидронимы как Суботь, Субот, Субодь (все с одним б), обозначающие либо места слияния рек, либо, что более вероятно, «стоячая вода, болото», так как имеют вариативное название Нетеча (Архипов, 1981: 224–240). По Б.А. Рыбакову, подобные названия синонимичны словам «событие» или «совместное бытие, совместное нахождение» и отвечают местам языческих сходбищ, на которых происходили многолюдные общеплеменные события (1981: 286–294). Даже такая, по-моему мнению, ошибочная этимология, не предполагает написание «Субботов».

Несколько слов о том, как создавалась эта книга. Замысел подготовить ее возник в 1992 г. после приезда в Киев И. Мотценбекера, будущего сотрудника создававшегося тогда в Берлине Евразийского отдела Германского археологического института (DAI). Перед этим отделом стояла задача развернуть работы в пределах бывшего СССР. Наиболее привлекательной для немецкого коллеги, ранее изучавшего кавказские коллекции металла позднего бронзового века, а также и первого директора этого отдела профессора Г. Парцингера², ученика профессора Г. Коссака, была именно проблематика указанного переходного периода. Так

как масштабные новые раскопки в Украине в то время не планировались, для публикации надо было выбрать уже имеющиеся материалы. В.И. Ключко предложил Суботовское городище.

1993 г. началась подготовка издания в рамках совместной научной программы Евразийского отдела Германского археологического института и Института археологии НАН Украины. С украинской стороны ее руководителем стал В.И. Ключко, предложивший мне принять в ней участие. Я охотно согласился, поскольку тогда завершил раскопки и обработку новых многослойных поселений эпохи поздней бронзы в Северском Подонцовье. Необходимо было провести их сравнение с другими синхронными памятниками. Возможность привлечения суботовских данных была весьма кстати. Прельщала и перспектива, как тогда представлялось, относительно быстрого и качественного издания книги в ФРГ – в Украине середины 1990-х гг. это было практически невозможно.

Заранее было понятно, что имеющихся текстов и иллюстраций из старых научных отчетов для подготовки книги недостаточно. Необходимо было уточнить некоторые данные, в частности стратиграфические разрезы, составить общий план, так как раскопки 1970-х гг. не были совмещены с раскопками прошлых лет. Для этого в 1994–1995 гг. украинско-немецкая экспедиция произвела на городище небольшие раскопки. Но очень скоро успешно начатая перспективная и нужная всем программа оказалась под угрозой срыва. От участия в ней отказался В.И. Ключко. В принципе к этому склонялся и я, но по убедительной просьбе профессора Г. Парцингера и, учитывая большой объем уже проделанной мной на тот момент работы, все же решил довести ее до конца.

С самого начала выполнения совместной программы стояла задача проведения по возможности современного комплексного исследования. В 1994 г. под руководством В.П. Дудкина осуществлена геомагнитная съемка, но она была малоинформативной из-за проложенной через территорию городища действующей ЛЭП. В 1995 г. Н.П. Герасименко провела споро-пыльцевой анализ в увязке с изучением почвенно-литологического строения, результаты ее исследования существенно дополнили археологические данные, позволив реконструировать развитие процессов седиментации и почвообразования, отразившиеся в стратиграфии

1. Написание «Субботов» встречаем на трехверстной карте (1 : 126 000) Киевской и Херсонской губерний Ф.Ф. Шуберта (рис. 3) из атласа Военно-Топографических карт Российской империи 1863 г. съемки (лист XXV, ряд 11) – доступно в Интернете по <http://www.etomesto.ru/shubert-map/25-11>.

2. Вскоре в Обь-Иртышском междуречье под руководством Г. Парцингера и академика РАН В.И. Молодина начались широкомасштабные раскопки городища Чича того же переходного периода, к которому относится Суботовское.

(Приложение 1). Изучение костей животных из новых раскопок¹ провел О.П. Журавлев (Журавлев, 2001: табл. 26; 54; 59; 66 и др.), трасологический анализ каменных и костяных изделий – А.Н. Усачук (Приложение 2), антропологические заключения предоставила Л.В. Литвинова (Приложение 3), А.В. Дяченко произвел анализ объема суботовской посуды (Приложение 4), а А.В. Корохина определила рецепты ее формовочных масс (Приложение 5). Всем им я глубоко признателен.

В 1994–1995 гг. большую помощь в организации раскопок оказали заслуженный деятель культуры Украины директор Национального историко-культурного заповедника «Чигирин» кандидат исторических наук В.И. Полтавец, заведующий отдела Суботовского исторического музея этого заповедника В.И. Гугля, сотрудники Черкасской областной археологической инспекции Н.А. Суховой, О.Т. Савко и А.В. Назаров. В 1994–1995 гг. в работах экспедиции приняли участие Л.С. Клочко и Д.В. Клочко, в 1995 г. – лаборанты В. Кюнеманн с немецкой стороны, С.Д. Лысенко и С.С. Лысенко – с украинской.

Различные вопросы, связанные с поднятыми в книге проблемами, обсуждались в отделе энеолита – бронзового века Инсти-

тута археологии Национальной академии наук Украины с В.В. Отрощенко, С.С. Березанской, Е.П. Бунятян (она любезно взяла на себя труд по редактированию рукописи), С.Н. Братченко, А.В. Дяченко, А.В. Корохиной, Д.П. Куштаном, А.В. Николовой, В.Б. Панковским, Ю.Я. Рассамакиным. Стимулирующую роль сыграли вопросы или просто добрые пожелания молдавских (О.Г. Левицкого и М.Т. Кашубы) и немецких коллег (Н. Бороффки, Э. Кайзер, А. Наглера, В. Иоселиани, Б. Говедарицы) и Ф. Кола (США).

Новые чертежи объектов, разрезов, рисунки посуды, глиняных изделий, литейных форм выполнены мною и моей женой Е.М. Зайцевой, рисунки большинства каменных и костяных орудий – А.Н. Усачуком.

Подводя итог многолетней работы, считаю своим долгом выразить признательность ее инициаторам И. Мотценбеккеру и В.И. Клочко, а также дирекции Евразийского отдела, предоставлявшей мне возможность несколько раз посетить Берлин для работы в замечательных библиотеках Германского археологического института. В 2000 г. я два месяца работал над книгой в Берлине по программе Немецкой службы научного обмена (DAAD).

В 1993 г. трудно было предположить, что подготовка и издание книги растянется на столь длительный срок, но сейчас она выходит, и это – главное.

1. Правда, серия оказалась не очень представительной и поэтому здесь не публикуется.

ИССЛЕДОВАННЫЕ УЧАСТКИ

I.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЕВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И КОЛЛЕКЦИИ

В настоящее время находки из раскопок 1951, 1955, 1971 и 1972 гг. составляют обширное собрание в научных фондах Института археологии НАНУ, частично они выставлены в экспозиции его Археологического музея. Материалы раскопок 1994–1995 гг. хранятся в Национальном историко-культурном заповеднике «Чигирин». Находки из раскопов V–VII в 1950-х гг. попали на исторический факультет МГУ, их судьба не известна.

Приводимые ниже описания осуществлены с учетом всех видов старой полевой документации, хранящейся в научном архиве ИА НАНУ (Тереножкин, 1951а; 1955б; Тереножкин и Ильинская, 1971; Ильинская и Тереножкин, 1972). Конечно, с точки зрения современных требований, полевые дневники и тексты отчетов полувековой давности порой слишком лаконичны, чертежи стратиграфических разрезов схематичны, и их очень мало. Нет разрезов заполнения хозяйственных ям, не все находки зафиксированы на общих планах, отобраны они выборочно.

При составлении нового общего плана пришлось произвести почти криминалистическое расследование, сопоставляя записи из полевых дневников исследователей, чертежи и старые фотографии. Казалось, решить эту проблему вообще невозможно. Помогло обнаружение на городище остатков чудом сохранившейся привязки 1971 г.,

обозначенной в полевом дневнике А.И. Тереножкина как столбик лесника. Кроме этого, контур раскопа IX удалось проследить в ходе зачисток в 1995 г.

А.И. Тереножкин вел отдельную нумерацию ям и очагов на каждом раскопе. Этот принцип был им нарушен для трех участков раскопа III, из-за чего сейчас пришлось изменить первоначальную нумерацию некоторых ям¹. Лишь жилища имеют у него сквозную нумерацию.

Несмотря на удовлетворительную сохранность коллекции, шифр на отдельных находках почти стерт, поэтому точное место их обнаружения установить невозможно. Некоторые находки, упомянутые в дневниках или в описях, к настоящему времени утеряны, но вид некоторых восстановлен по старым фотографиям или рисункам. Если восстановить их было невозможно, находки ниже только упоминаются.

Рисунки и таблицы в тексте обозначены арабскими цифрами, а рисунки, поданные в конце книги, распределены по блокам: А – чертежи и фото объектов, общие планы, разрезы и условные обозначения к ним; В – глиняная бытовая посуда; С – орудия и украшения из кости и рога; D – каменные изделия; Е – изделия из металла; F – глиняные литейные формы, воронки, сковороды, жаровни; Н – отдельные мелкие изделия. Особый блок в конце книги представлен таб-

1. На участке № 1: № 1 – № 48, № 2 – № 47, № 3 – № 51, № 6 – № 49.

лицами со сводными данными по всем категориям сосудов (табл. К1–К7). Глиняная бытовая посуда (блок В) дана по комплексам, остальные находки – на сводных рисунках.

Для большей наглядности поверхность костяных, каменных, бронзовых и железных изделий обозначена различным образом (соответственно горизонтальными штрихами, точками, ломаными линиями). У сосудов грубые поверхности переданы рассеянными точками, лощеные или заглаженные – мелкими или средними, образующими параллельные линии. При зарисовке образцов в натуральную величину предполагалось, что благодаря мелким точкам будут визуально выделяться лощеные поверхности, а по средним – просто гладкие (без зеркального эффекта). При последующем уменьшении отдельных рисунков и их компоновке эти различия оказались слабо различимыми.

1.2. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА И ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩА

По данным современного физико-географического районирования, городище находится в пределах Днестровско-Днепровской лесостепной провинции (Физико-географическое ..., 1968: 237, 293, рис. 7; 8). Оно расположено на мысовидном выступе над балкой, в ложе которой протекает небольшая пересыхающая ныне перекрытая запрудами р. Суботь, один из многочисленных южных притоков р. Тясмин. Примерно в 18 км юго-восточнее с. Суботов Тясмин впадает в Кременчугское водохранилище на р. Днепр (рис. 2).

В долине р. Тясмин, местами достигающей ширины 4 км, имеются многочисленные впадины и старицы. Одной из особенностей всего региона является сочетание степных и смешанных лесных ландшафтов. В 1950-е – начале 1970-х гг., как видно по старым фотографиям, вблизи села произрастал байрачный лес, но на плакорах какая-либо древесная растительность отсутствовала (рис. А2). Со временем грабовый лес с примесью клена, липы и вяза фактически полностью покрыл все склоны и частично плато, плотно «замаскировав» городище со всех сторон ¹.

1. В 1994–1995 гг. не удалось найти подходящее место для фотографирования его внешнего вида. К 2010 г. участки новых раскопов уже были покрыты густым самосевом акации.

Под городище древние его обитатели выбрали участок (рис. А2–А4) с очень удобной сопряженностью относительно ровных площадок со спусками в долину. Для близлежащих холмов и склонов характерен более развитый плоскостной смыв, сильное расчленение и крутизна, что делало их в древности непригодными для заселения.

Суботовское городище имеет сложную структуру, поскольку включает нескольких топографически обособленных участков. Общая их площадь составляет около 4 га ². Конфигурация и размеры глубоких балок и оврагов создавали здесь очень хорошую естественную защиту (Тереножкин, 1961: 14; Полтавец, 2008б: 36; Сыроватко, 2009: 29).

Основной по площади, количеству объектов и находок участок находится на мысу, именуемом местными жителями Большой Городок (рис. А2; А4). Его площадь составляет около 3,7 га, абсолютная высота 140,3 м от уровня моря (около 26 м от подножия мыса), поверхность относительно ровная, но с явно выраженным уклоном с юго-востока на северо-запад. По периметру четко видна сильно оплывшая высотой не более 0,2–0,3 м земляная обваловка, сооруженная для предотвращения смыва плодородной почвы с располагавшихся здесь когда-то огородов жителей села. С севера и юга мыс окружен двумя большими оврагами, их вершинные уступы почти соприкасаются, образуя узкий шириной не более 10–15 м перешеек между двумя глубокими оврагами (рис. А3; А4). Только тут мог быть въезд с плато на Большой Городок, и не случайно именно здесь сейчас проходит грунтовая дорога. По словам местных жителей, тут когда-то находилась каменная стена – «брама» (Тереножкин, 1961: 17). Однако ни А.И. Тереножкин в 1950-х гг., ни мы позже, в 1990-х гг., никаких признаков «брамы» не обнаружили.

С запада в мыс вклиниваются два оврага, один из которых очень крутой, без удобного спуска, другой – относительно пологий, с тропинкой, идущей вниз. Овраги задернованы, что свидетельствует об их формировании в местах понижения рельефа задолго до основания городища ³.

2. В.И. Полтавец указывает общую площадь в 7,7 га (Полтавец, 2008б: 37), вероятно, добавляя к площади Большого и Малого Городков возможную площадь Нового (см. ниже).

3. Н.П. Герасименко предполагает, что формирование этих оврагов началось в атлантический период голоцена.

За северо-западной оконечностью Большого Городка находится останец террасы эрозионного происхождения площадью около 0,3 га – так наз. Малый Городок. Перепад высот от Большого Городка до северо-западной оконечности Малого составляет не менее 10 м. Вдоль юго-восточного края останца расположен древний земляной вал, который на рисунке А.И. Тереножкина (Тереножкин, 1961: рис. 11) обозначен по всему периметру. Малый Городок отделен от Большого Городка рвом, плавно переходящем в глубокие овраги. Внутри рва есть седловина-перемычка, явно служившая проходом сюда с Большого Городка (рис. А4).

Еще один участок находится севернее перешейка, напротив юго-восточной оконечности Большого Городка. Здесь над склоном большого оврага прямо на современной поверхности встречены фрагменты сосудов. О них было известно еще А.И. Тереножкину (Тереножкин, 1961: 29), но он не рассматривал этот участок в общей структуре памятника, не имеет он специального названия и у местных жителей. Условно он обозначен как Новый Городок. Определить его площадь пока не представляется возможным.

Ниже приведены результаты полевых исследований указанных участков городища.

1.3. БОЛЬШОЙ ГОРОДОК

В пределах Большого Городка условно выделены три зоны (рис. А5): северо-восточная – раскопы I, II (1951 г.), VII (1955 г.), VIII–IX (1971 г.), XII (1994 г.) и прирезка к раскопу IX (1995 г.); центральная – раскопы III (1951, 1955 гг.), V и VI (1955 г.), X (1971 г.); юго-западная – раскоп IV (1955 г.), небольшая по площади прирезка к нему (1995 г.) и раскоп XI (1972 г.).

1.3.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЗОНА

Культурный слой здесь (рис. А6, 2) представлял собой лессовидный светло-серый суглинок («пепельный» или «зольный грунт», по А.И. Тереножкину), залегающий под гумусовым горизонтом дерна и над суглинистыми иллювиальными отложениями (археологический материк); ниже – лессовидная супесь.

При знакомстве с полевой документацией по раскопам I и II (рис. А6, 1) выяснилось несоответствие между полевыми чертежами и описанием ситуации. В частности, по чертежу разреза, материк (верхнеплейсто-

ценовый лесс) залегал на глубине 1,25 м, а не 1,0 м, как указано в отчете. Скорее всего, в ходе первых раскопок не удалось выявить нижнюю границу культурного слоя. Примечательно, что в полевом дневнике А.И. Тереножкина (запись от 29.X.1951 г.; дневник 1: 9) указал, что светло-серое заполнение ям начинается с глубины около 1,0 м. Вряд ли можно было проследить верхние контуры этих ям в однородном неконтрастном культурном слое, т. е. до светлого предматерика. Такая, на первый взгляд, незначительная ошибка привела к тому, что в 1951 г. у восточной стенки раскопа I не удалось проследить северо-западную часть (она была прокопана) жилища № 8, открытого двадцать лет спустя рядом в раскопе VIII (рис. А7, 1).

Как удалось выяснить по восстановленному в 1995 г. разрезу восточной стенки раскопа IX, далее уровень залегания материка повышался, культурный слой почти полностью исчез, а на фоне суглинка проявилось светло-серое суглинистое заполнение котлована жилища № 9. В нижней части этого котлована, в основном по бокам (рис. А7, 2), залегал светло-серый пылевидный суглинистый грунт (в ряде случаев обозначен А.И. Тереножкиным как глинистый намыв).

Толщина культурного слоя несколько увеличивается на раскопе XII, но лишь в его северо-западной части (рис. А12, 2, 3), тогда как с противоположной стороны он постепенно выклинивается, грунт становится более плотным и почти не содержит находок. Грунт в заполнениях хозяйственных ям фактически аналогичный грунту культурного слоя, но иногда более темный.

Объекты и находки на раскопах I и II (рис. А6)

Открыты очаги, скопления обожженной глины (площадки, по А.И. Тереножкину), ямы и клад металлических предметов (Граков и Тереножкин, 1958: 165).

Площадки находились в северной половине раскопа I на уровне 0,6–0,8 м от современной поверхности (далее – СП). Представляли собой скопления обожженной глины на площади около 40 м², вероятно, продолжают и за пределами раскопа. Ниже их до уровня 0,15–0,20 м от древнего горизонта¹ (далее – ДГ) шли мелкие кусоч-

1. Уровень ДГ неразличим, для всех участков установлен по разнице уровня современной поверхности и толщины дернового слоя вне городища.

ки обожженной глины и фрагменты сосудов – явное свидетельство залегания площадок в переотложенном состоянии. Они перемещены с близлежащих участков или объектов, в частности, возможно, связаны с функционированием очагов или представляли собой остатки глинобитных стен наземной части жилищ.

Возле одной из площадок находился очаг № 1 диаметром около 0,3 м. Почва под ним обожжена незначительно. В золе этого очага обнаружены ошлакованные и деформированные фрагменты сосудов, рядом – неполный развал горшковидной корчаги¹ (рис. В1, 8), баночка (рис. В2, 3), фрагменты горшков (рис. В1, 1–7, 9, 10), мисок (рис. В2, 7–10), чаши (рис. В2, 6), стенки сосудов (рис. В2, 1, 2), костяной струт из нижней челюсти лошади (рис. С1, 1) и обломанный псалий из оленьего рога (рис. С14, 5).

Близ этого очага расположены две небольшие ямы (№ 1 и 2), обе вверху круглой в плане формы диаметром 1,2 м на уровне 0,25 м от ДГ, выходят за пределы раскопа. В заполнении ямы № 1 встречены фрагменты мисок (рис. В2, 11, 12), рядом, вне заполнения, найдена бронзовая обломанная булава (рис. Е10, 10).

Очаг № 2 расположен у юго-западного угла раскопа на уровне 0,4 м от ДГ. Представлял собой сильно обожженное возвышение округлой формы диаметром 0,4 м. Возле него сосредоточено небольшое количество фрагментов горшков (рис. В3, 2, 5) и миски (рис. В3, 6).

Очаг № 3, исследованный у юго-восточного угла, овальной формы, размерами 2,3 × 1,5 м, ориентирован по линии запад–восток. Почва под ним сильно прокалена. Сверху перекрыт золой, в толще которой встречены фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. В3, 1, 3, 4), миски (рис. В4, 2) и кубковидных корчаг (рис. В4, 1, 3). Восточнее, на уровне 0,2–0,3 м от ДГ, обнаружено скопление кусков кварцита на площади около 1,0 м². Возле очага найден костяной наконечник стрелы с обломанным вильчатым черешком (рис. С21, 16) и массивное навершие из базальной части рога оленя (рис. С18), глиняное изделие с начатыми отверстиями на широких плоскостях (рис. Н3, 1), фрагмент глиняной изложницы (рис. F1, 4).

На раскопе II исследованы две ямы.

Яма № 1 овальная, размерами 1,0 × 0,85 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагменты горшков (рис. В5, 1, 2).

Яма № 2 круглая в плане, диаметром 1,1 м, дно на уровне 0,6 м от ДГ. В ней – фрагменты горшка (рис. В4, 6), кубковидной корчаги (?) (рис. В4, 5) и стенка сосуда (рис. В4, 4).

Еще одна яма № 3 находилась в 6,0 м южнее очага № 3 (в траншее, заложенной в начале раскопок). Округлая, диаметром 1,8 м, дно на уровне 1,1 м от ДГ, выходит за пределы раскопанного участка. Заполнение состояло из пепельно-серого грунта с небольшим количеством костей животных и мелких фрагментов сосудов.

В культурном слое раскопок обнаружены фрагменты горшков (рис. В5, 3–8; В6, 9, 10; В7, 1), мисок (рис. В5, 9, 10; В6, 11; В7, 4–6), стенки сосудов (рис. В6, 1–8; В7, 2), фрагмент глиняной воронки (рис. F15, 2), костяной наконечник стрелы (рис. С21, 8), каменные абразивы (рис. D2, 14), шаровидные орудия (рис. D5, 4; D6, 3), фрагмент каменного топора (рис. D10, 3). На участке, примыкающему к раскопу IX, – несколько разбитых глиняных литейных форм (рис. F6, 2, 6; F8, 1, 9; F9, 3, 8, 9; F11, 2, 3; F13, 4, 6), бронзовая пронизь (рис. Е12, 2), куски известковых камней и кварцита, глиняное подпрямоугольной формы изделие со сквозным отверстием (рис. Н4, 4), каменные орудия (рис. D4, 8; D6, 4; D8, 4).

Объекты и находки на раскопе VII

Поскольку материалы, а также полевая документация по этому раскопу оказались недоступными (они очутились у Б.Н. Гракова), ограничимся краткой информацией по одной из первых публикаций (Граков и Тереножкин, 1958).

В центре раскопа находилось жилище № 7. Оно имело прямоугольную форму, размеры 11 × 7 м, ориентировано запад–восток. Площадь пола 77 м². Пол на уровне 0,4–0,5 м от ДГ. В жилище (середине) было два очага в виде скоплений золы на обожженных докрасна участках пола. В одном из очагов обнаружены глиняные вальки и «кирпичики» размерами 14 × 5 см. Скопление подобных изделий было и на полу, вне очага.

В золистом заполнении жилища найдены два сосуда с обломанными ручками (Граков и Тереножкин, 1958: рис. 10, Б). В хозяйственной яме рядом с жилищем – глиняный

1. См. главу IV, посвященную керамике.

сосуд, который «довольно сильно выделяется из числа обычных» (чернолесских. — Я. Г.; Там же: 172). Судя по фотографии, этот сосуд орнаментирован тремя ярусами насечек, нанесенными концом палочки, на поверхности видны слабые расчески (Там же: рис. 10, А). Особо отмечено, что он обнаружен в яме «в сопровождении других чернолесских керамических материалов». В другой яме, рядом с жилищем, найден фрагмент «сильно потертого в древности браслета».

В культурном слое вне жилища, найдены горшок (Граков, Тереножкин, 1958: рис. 8, 2), фрагмент псаля (рис. С15, 4¹; Там же: рис. 7, 5), костяное изделие с отверстием (Там же: рис. 7, 4); бронзовая посоховидная булава и бляшка (Там же: рис. 7, 11, 12).

Объекты и находки на раскопе VIII (рис. А7)

Открыто 12 ям.

Яма № 1 сверху округлая, диаметром 1,3 м, к низу расширялась до 2,0 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты горшков (рис. В8, 2, 4), миски (рис. В8, 5), стенки сосудов с многоваликовой орнаментацией (рис. В8, 1, 3), кости животных.

Яма № 2 сверху круглая, диаметром 2,1 м, вдоль северной стороны устроена ступенька шириной до 0,4 м. Южная ее стенка отвесная, дно на уровне 1,5 м от ДГ. В заполнении, на уровне 0,7 м, найдены уложенные вместе бедренные кости человека (рис. А8, 1), под ними — череп без нижней челюсти.

Яма № 3 сверху овальная, диаметром 1,0 м, стены отвесные, дно на уровне 0,3 м от ДГ.

Яма № 4 сверху овальная, диаметром 1,0 м, к низу расширялась до 1,8 м, дно на уровне 1,5 м от ДГ. В заполнении — фрагмент горшка (рис. В8, 8), стенки сосудов (рис. В8, 6, 7), кости животных, несколько камней, обломок костяного псаля (рис. С14, 1).

Яма № 5 сверху круглая, диаметром 1,7 м, к низу расширялась до 2,0 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В заполнении обнаружены мелкие фрагменты керамики, кости животных, скелет лисицы (?).

Яма № 6 сверху круглая, диаметром 1,3 м, к низу расширялась до 1,9 м, дно на уровне 1,3 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагменты сосудов, мелкие камни, каменное орудие (рис. D2, 12).

Яма № 7 сверху круглая, диаметром 1,2 м, к низу расширялась до 1,9 м, дно на уровне 1,3 м от ДГ. В заполнении фрагменты сосудов, кости животных, фрагмент бронзового ножа (рис. Е11, 6). На уровне 1,35 м под южной стеной обнаружен скелет взрослого человека (рис. А8, 2).

Яма № 8 сверху круглая, диаметром 1,6 м, к низу слегка расширялась, дно на уровне 1,3 м от ДГ. В заполнении выявлены фрагменты сосудов, кости животных, кусочки гранитных и кварцевых камней, тазовая кость взрослого человека, костяные наконечник стрелы и ложило (рис. С8, 3).

Яма № 9 сверху круглая, диаметром 1,0 м, к низу расширялась до 1,7 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В заполнении встречены мелкие фрагменты черпака (рис. В8, 9), кости животных, плечевая кость человека.

Яма № 10 сверху круглая, диаметром 1,0 м, стены отвесные, дно на уровне 0,4 м от ДГ.

Яма № 11 сверху круглая, диаметром 1,0 м, к низу расширялась до 1,4 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В заполнении найден фрагмент миски (рис. В8, 10).

Яма № 12 сверху овальная, размерами 1,60 × 0,75 м, ориентирована северо-восток—юго-запад, дно на уровне 1,0 м от ДГ. Обнаружены мелкие фрагменты сосудов, кости животных, каменное ложило (рис. D8, 1), костяная проколка (рис. С5, 5).

В культурном слое раскопа VIII встречены фрагменты горшков и горшковидных корчаг (рис. В9, 4, 5; В10, 1–9, 11), чаши (рис. В10, 10), стенки сосудов (рис. В9, 1–3), обломки кварцитовых сколов (отходы от изготовления зернотерок), каменные зернотерки и терочные камни от них (Тереножкин и Ильинская, 1971: 4, 7). В центре раскопа найден слиток железа или крица, в северной его половине, около ям № 2 и № 7, встречались обломанные и расколотые бедренные кости человека. Восточнее ямы № 1 — фрагменты глиняных литейных форм (рис. F8, 6), количество находок которых заметно возрастало к югу.

В северо-восточной части раскопа на уровне 0,5 м от ДГ найдено скопление обожженной глины — очаг № 1 — в плане бесформенное, размерами 3,3 × 2,8 м. К нему тяготеют находки, среди которых есть фрагменты мисок (рис. В11, 1, 2), стенки сосудов (рис. В9, 6–10²; В11, 3–5, 7–9), ручка черпака (рис. В11, 6), костяная рукоять (рис. С9, 9).

1. Прорисовка по фотографии.

2. Рис. В9, 6–9 — один сосуд?

В юго-западном углу раскопа, на уровне 0,4–0,5 м от СП, найден железный меч с бронзовой рукоятью (рис. А11, 1) и два бронзовых браслета (рис. А11, 2), в которые были вложены мелкие бронзовые украшения, – клад № 1 (рис. Е1, 1). А.И. Тереножкин описал эти находки следующим образом: «Меч (рис. Е2, 1; здесь и далее ссылки на мои рисунки – Я. Г.) лежал с запада на восток, с концом ножен в восточной стороне. Наконечник ножен (рис. Е2, 2) обнаружен на глубине 0,4 м, тогда как рукоять оказалась на 10 см ниже. Южнее верхней части клинка, в 35 см от него, стояли на ребре друг на друге два бронзовых браслета (рис. Е1, 8) чернолесского типа. Верхний переломлен и наклонился внутрь. В нижней части (где он входит в нижний браслет) находились мелкие украшения: одна небольшая и одна более крупная проволочная спираль (рис. Е1, 3), две проволочные серьги¹ (рис. Е1, 4, 5); распавшееся маленькое железное украшение. В земле, под местом браслетов, нашлись круглая бляшка (рис. Е1, 7) и два миниатюрных слиточка бронзы. С этой же группой находок, очевидно, связана, найденная в выкиде из квадрата, бронзовая трубчатая пронизь.

Помимо этого клада, остальные находки на кв. 15 (рядом с мечом – Я. Г.) содержали обычные культурные остатки. Среди них – стенки и венчики горшков с проколами, обломки кварцита и кусочек гнейсокварцита (рис. D11, 5), кости животных, один амфорный обломок (конечно, из более позднего, уничтоженного распашкой горизонта зарубинецкого времени – Я. Г.) и небольшой каменный пестик» (Ильинская и Тереножкин, 1972: 10–11, 14).

Объекты и находки на раскопе IX (рис. А7, 1)

Открыты два жилища и ямы.

Жилище № 8 (рис. А9, 1). Контур котлована нечеткий, стены очень пологие. Из-за неправильно определенного уровня залегания материка продолжение котлована в западную сторону, в пределы раскопа I, не было прослежено ни в плане, ни по разрезам. Вероятно, в 1971 г. исследована восточная часть жилища со стенами длиной не более 7,0 м. Его углы, особенно юго-восточный, закруглены. По центру поперечной

стены имеется выступ, образованный ямой № 7. Пол на уровне 0,8–0,9 м от ДГ. На уровне пола жилища выявлено шесть ям.

Яма № 3 вверху круглая, диаметром 1,5 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 4 вверху круглая, диаметром 0,8 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,25 м от пола.

Яма № 5 вверху круглая, диаметром 1,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,25 м от пола. Западной стороной соприкасается с ямой № 6 (или перерезана ею?). Над ямой, на уровне 0,5 м, выявлено скопление кусков гранитных камней.

Яма № 6 вверху круглая, диаметром 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 7 вверху круглая, диаметром около 1,1 м, к низу расширялась до 1,3 м, выходя за стенку жилища, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 9 вверху круглая, диаметром 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,2 м от пола.

Непосредственно на полу жилища № 8 материал во время раскопок 1971 г. не фиксировался, но можно определить находки из заполнения его котлована. Это фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. В12; В13, 1–5; В14, 1–3), мисок (рис. В14, 4–6), стенки сосудов (рис. В13, 6–9), глиняная фигурка животного (рис. Н5, 5), фрагмент костяного изделия с круглым отверстием (рис. С14, 4), рог оленя с отбитым острым концом с продольным срезом, обломок «конька» (рис. С3, 4), лопаточка из рога (рис. С19, 13), наконечник стрелы с овальной заостренной головкой и вильчатым черешком (рис. С21, 15). Обращает внимание большое количество изделий, связанных с бронзолитейным производством: фрагменты глиняных литейных форм (рис. F10, 1), глиняные вкладыши в литейные формы (рис. F2, 2, 4).

Жилище № 9 (рис. А10, 1) обнаружено в 1971 г., но не было тогда полностью исследовано. В 1995 г. возникли сложности в поисках места старого раскопа и самого жилища, так как раскопы VIII и IX были засыпаны, их края на современной поверхности не были видны. Проблема была решена с помощью траншей и горизонтальных зачисток в них. Так были выявлены контуры ранее открытых участков, в их пределах встречались мелкие фрагменты сосудов и литейных форм, не взятые в 1971 г., и даже бронзовый

1. А.И. Тереножкин не указал точное местонахождение еще одной серьги (рис. Е1, 6).

браслет (рис. Е3, 1). Признаком старых раскопанных участков также были проявившиеся в ходе зачисток неестественные неровности материка (следы горизонтальной зачистки лопатами), очень контрастная граница между материком и дерновым слоем (отсутствие предматерика), залегание выкидов супеси вперемешку с суглинком на уровне материка (выборка заполнения ям при раскопках 1971 г.). Старые исследованные ямы отличались большими размерами вследствие обрушения стен и очень темным заполнением из-за попадания в них черноземной почвы пахотного слоя.

Это жилище близко к прямоугольной форме, размерами 12,0–13,0 × 7,0–8,5 м, ориентировано запад–восток с небольшим отклонением. Стенки с южной стороны, как и в жилище № 8, очень пологие, поэтому контур котлована нечеткий. Восточная поперечная стенка вогнута внутрь, неровная, углы закруглены. Площадь пола 96,9 м². Пол на уровне 0,75 м от ДГ, видимо, утоптан, в нем встречались включения углей, пещины, фрагменты сосудов и мелкие кости животных.

По центру прослеживалось бесформенное неглубокое пологое углубление размерами 6,0 × 3,5 м. В восточной его половине был очаг № 1, представлявший собой обожженный грунт на площади около 2,0 м², в этих же пределах – скопление обожженных камней, пещина, древесные угли.

На исследованном в 1995 г. участке пола жилища № 9 обнаружены фрагменты горшков (рис. В15, 5, 6), стенки сосудов (рис. В15, 1–4); в северо-восточном углу – лежащие перевернутыми вплотную друг к другу каменная зернотерка и терочный камень (рис. D7, 3, 4), рядом с ними – каменный растиральник и куски кварцита. К сожалению, в западной половине жилища, исследованной в 1971 г., на уровне пола фиксация материалов фактически не проводилась, считалось, что «жилище было заброшено, в результате чего здесь не осталось никаких сколько-нибудь сохранившихся культурных остатков» (Тереножкин и Ильинская, 1971: 27).

В пределы котлована жилища № 9 попадает 18 ям различных размеров ¹.

1. А.И. Тереножкин пронумеровал их вместе с ямами вне жилища. Вероятно, он предполагал, что они впущены в пределы котлована. Поскольку проверить это невозможно, сохранена старая нумерация, но эти объекты рассматриваются как части жилища. № 1–10 даны ямам, вскрытым в 1995 г. (в полевой документации они имеют другие номера).

Яма № 1 сверху округлая, диаметром 0,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола. В заполнении обнаружены стенки сосудов (рис. В16, 1–4), кости животных, пещина, железистые конкреции, древесный уголь, камни.

Яма № 2 округлая, диаметром 0,6 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола. Находится вне котлована, но связана с конструкцией жилища (см. главу III).

Яма № 3 овальная, размерами около 1,6 × 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от пола. В заполнении обнаружены стенки сосудов, астрагалы овцы-козы, кости животных, кварцевый отщеп.

Яма № 4 сверху круглая, диаметром 0,8 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола. В заполнении – стенки сосудов (рис. В16, 5) и куски глиняных литейных форм.

Яма № 5 округлая, диаметром 0,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола. В заполнении найден фрагмент горшка (рис. В16, 6), часть глиняной фигурки животного (рис. Н5, 2), бронзовая игла (рис. Е11, 4) и трубчатая пронизь (рис. Е12, 6), кости животных, камни, пещина, абразив (лощило) из стенки сосуда (рис. Н2, 15).

Яма № 6 сверху круглая, диаметром 0,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 7 сверху круглая, диаметром 0,6 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 8 сверху круглая, диаметром 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 9 сверху круглая, диаметром 0,5 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,15 м от пола.

Яма № 10 сверху круглая, диаметром около 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 20 сверху круглая, диаметром 2,0 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола. В заполнении обнаружены фрагменты горшка (рис. В16, 7) и миски (рис. В16, 8).

Яма № 21 сверху круглая, диаметром 1,5 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 22 сверху круглая, диаметром 0,8 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,15 м от пола.

Яма № 23 сверху круглая, диаметром 2,2 м, к низу сужается до 1,25 × 1,0 м, ориентирована с запада на восток, дно на уровне 0,7 м от пола.

Яма № 24 сверху круглая, диаметром 1,0 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,3 м от пола.

Яма № 25 сверху круглая, диаметром 1,0 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 26 сверху округлая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,25 м от пола.

Яма № 27 сверху круглая, диаметром 0,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от пола.

В заполнении жилища № 9 встречены фрагменты горшков (рис. В17, 1–3, 9, 10; В18, 1–5, 7; В19, 1; В20, 5, 6), горшковидных и кубковидных корчаг (рис. В17, 2; 18, 6), мисок (рис. В17, 4–8; В19, 6–9), горловина кубка (?) (рис. В19, 3), стенки сосудов (рис. В19, 2, 4, 5; В20, 1–4), куски глиняных литейных форм (рис. F11, 1, 4, 6, 7; F13, 5; F14, 1–6, 8, 9), глиняный вкладыш для отливки втульчатого изделия, бронзовые пластинка (рис. E12, 1) и прут, каменные терочки, зернотерка и абразивы, куски обожженной глины, крупный нуклеус из кварца и несколько изделий из его сколов, костяная заготовка для пряслица (рис. С9, 1), обработанный отрок рога оленя (рис. С17, 4), астрагалы с затертыми гранями (рис. С13, 4, 5). В верхней части заполнения, которое состоит из пепельно-серого грунта, найдено очень много фрагментов разбитых глиняных литейных форм. С западной стороны, ближе к поперечной стене, находились два округлые скопления обожженной глины диаметром 0,7 и 1,0 м, возможно, сброшенные в котлован остатки очагов, располагавшихся рядом с жилищем.

В культурном слое возле жилища № 9 найдены фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. В21, 1–6), мисок (рис. В22, 8–11), боковина большого толстостенного сосуда и тонкостенного кубка (?) (рис. В21, 15), ручки (рис. В22, 1–5) и стенки сосудов (рис. В21, 7–14, 16, 17; В22, 6; В23, 1–12), фрагмент глиняного пряслица (рис. Н4, 17), несколько абразивов из стенок сосудов (рис. Н2, 1, 2, 6–12). Южнее были расчищены фрагменты горшков (рис. В24, 2, 3), кубка (рис. В24, 4), кубковидной корчаги (рис. В24, 1), миски (рис. В24, 7), стенки сосудов (рис. В24, 5, 6).

Между жилищами № 8 и 9 – фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. В25, 1–3), мисок (рис. В25, 4–6), астрагал с обработанными гранями (рис. С13, 3), ложка (рис. С19, 14).

На других участках выявлены каменная ступка-растиральник и наковаленка (рис. D1, 1), обломок проушного каменного топора (рис. D9, 4), оселок (рис. D1, 4), абразивы для заточки мелких металлических предметов (рис. D2, 6) и крупных широких лезвий (рис. D1, 6), фрагменты глиняных изделий в виде вальков (рис. Н1, 2, 8) и параллелепипедов – «кирпичики» (рис. Н1, 1, 37). Многочисленны куски разбитых глиняных литейных форм, на которых диагностируются негативы втульчатых долот (рис. F4, 1–4), крупных браслетов (рис. F5, 1–5, 7), малых браслетов с концентрической рельефной орнаментацией (рис. F7, 1–3, 5, 7; F9, 4, 7) и продольным валиком (рис. F8, 2, 3, 7), стержни булавок или браслеты (рис. F12, 1–5, 7, 10–12), браслеты с ромбическим (рис. F10, 3, 4) или волнообразным (канеллюроподобным) сечением (рис. F10, 2), стержней (гривен?) с ромбическим сечением (рис. F13, 2).

На раскопе исследованы 14 ям. Четыре из них находились севернее жилища № 9 (№ 3, 17, 18, 19), две (№ 1 и 2) – между жилищами № 8 и 9, семь (№ 10–16) – южнее жилища № 9, одна (№ 8) – возле южной стены жилища № 8.

Яма № 1 сверху круглая, диаметром 1,0 м, стены отвесные, дно на уровне 1,5 м от ДГ. Отделена от соседней ямы № 2 узкой перемычкой. В заполнении встречались мелкие фрагменты сосудов, куски обожженной глиняной обмазки, разбитые глиняные литейные формы, гранитные камни, фрагмент роговой муфты (рис. С11, 4).

Яма № 2 сверху круглая, диаметром 2,0 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,1 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты горшка (рис. В25, 8) и толстостенного мисковидного сосуда с ошлакованной поверхностью – тигель (?) (рис. В25, 7), камни, астрагал с обточенными гранями – шпатель (рис. С7, 4), кости животных, куски литейных форм. А.И. Тереножкин отметил также миску с косыми каннелюрами по внешнему краю венчика и фрагменты «горшочка с носиком для слива» (Тереножкин и Ильинская, 1971: 18).

Яма № 3 сверху округлая, диаметром 0,8 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,1 м от ДГ. В заполнении были вкрапления пещины.

Яма № 8 сверху круглая, диаметром 1,0 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

Яма № 10 сверху круглая, диаметром 1,6 м, к низу расширялась, дно на уровне

1,2 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты горшковидных корчаг (рис. В26, 3, 4), ножка от рюмковидной пиксиды (?) (рис. В26, 1) и стенка сосуда (рис. В26, 2), множество кусков литейных форм, кости животных, мелкие камни, астрагал с обточенными гранями (рис. С13, 6), маленький кусочек железа, два каменных терочника. Из этой ямы также происходит медный самородок.

Яма № 11 сверху круглая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от ДГ.

Яма № 12 сверху круглая, диаметром 1,8 м, к низу расширяется до 2,2 м, дно на уровне 1,3 м от ДГ. Вверху сильно деформирована. В заполнении обнаружены фрагменты горшков (рис. В27, 3–6, 7, 8, 9), миски (рис. В27, 10), боковина кубка (?) (рис. В27, 1), миниатюрная чашечка (рис. В27, 2), нижняя часть воронки (рис. F15, 1), глиняное пряслице (рис. Н4, 6), костяная рукоятка и заготовка (?) пронизи (рис. С11, 2, 3).

Яма № 13 сверху круглая, диаметром 1,4 м, к низу расширяется до 2,1 м, дно на уровне 1,1 м от ДГ. В заполнении – фрагменты сосудов, два каменных терочника, кости животных.

Яма № 14 сверху круглая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от ДГ.

Яма № 15 сверху круглая, диаметром 1,5 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от ДГ. В заполнении найдены мелкие фрагменты сосудов и кости животных.

Яма № 16 сверху овальная, размерами 1,75 × 1,55 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,8 м от ДГ. Найдены стенка сосуда (рис. В26, 5) и мелкие кости животных.

Яма № 17 сверху круглая, диаметром 0,9 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от ДГ. Восточной стороной соприкасается с ямой № 18.

Яма № 18 сверху круглая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,8 м от ДГ. В заполнении встречены фрагменты сосудов, каменные терочники, бедренная кость взрослого человека. Возможно, с заполнением связана находка железного однолезвийного ножа (рис. Е11, 10).

Яма № 19 сверху круглая, диаметром 1,2 м, к низу расширялась до 1,7 м, дно на уровне 1,9 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты стенок сосудов и кости животных.

На раскопах VIII–IX встречались также фрагменты амфор и двуствольные ручки от

них, кухонная и столовая керамика зарубинецкой культуры. Последней было очень мало, и она «как бы равномерно» рассеяна на всех участках (Тереножкин и Ильинская, 1971: 31).

Объекты и находки на раскопе XII (рис. А12, 1)

Обнаружены только ямы.

Яма № 1 (рис. А13, 1) округлая, диаметром около 1,5 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от ДГ. В верхней части заполнения обнаружены стенки сосудов, стенка тигля с бронзовой накипью, печина, куски гранита, кости животных, в нижней части заполнения – фрагменты горшков (рис. В28, 2, 3) и чаши (рис. В28, 4), куски глиняной литейной формы с негативом гривны, небольшой обломок бронзового изделия, мелкие кости животных.

Яма № 2 (рис. А13, 2) сверху округлая, диаметром около 0,9 м, к низу расширялась, дно на уровне 0,8 м от ДГ. В заполнении встречены фрагменты горшков, кубков и кубковидной корчаги (рис. В29, 2, 4–7), стенки сосудов (рис. В29, 1, 3). По всему заполнению – печина, глиняный валец, куски жаровни (?), каменный абразив, полупрозрачный кварцевый камень (рис. D11, 2), фрагмент каменного орудия (рис. D11, 7), ложило из стенки сосуда, фрагмент тигля в виде миниатюрного баночного сосуда (рис. F3, 4).

Яма № 3 прослежена по скоплению кусков пережженного гранита и заполнению с вкраплениями суглинка. Судя по уровню залегания основного массива находок, глубина ямы была не менее 0,3 м. Она перекрывала яму № 7. В заполнении найдены фрагменты тонкостенного сосуда (рис. В28, 7) и кубков (рис. В28, 5, 6), фрагмент каменного проушного топора со следами вторичного использования (рис. D10, 2), кусок сильно обожженной гранитной зернотерки и базальная часть рога оленя со срезанными ветвями (рис. С17, 2).

Яма № 4 (рис. А13, 3) прослежена по скоплению обожженной глины. С уровня предматерика определен четкий восьмерковидный контур длиной 2,24 м, шириной 0,98 и 1,30 м, ориентированный запад–восток. Стенки отвесные, дно в восточной половине на уровне 0,7 м, в западной – на уровне 0,50 м от ДГ. В северо-восточной части ямы сосредоточены куски обожженной глины с параллельными отпечатками

веток или прутьев толщиной около 3,0 см. Вверху заполнения обнаружены фрагменты горшков и миски, на среднем уровне – фрагменты горшков, горшковидной корчаги (рис. В30, 1, 3–5, 10, 11) и стенки тонкостенных сосудов (рис. В30, 7, 8), в нижнем ярусе и на дне – фрагменты горшка (рис. В30, 2) и мисок (рис. В30, 6, 9), каменные терочники (рис. D4, 4; D5, 7; D6, 6), костяной струг из нижней челюсти лошади (рис. С1, 2). Привлекают внимание находки частей одного и того же сосуда (рис. В30, 11) на дне и в верхнем уровне заполнения – свидетельство однократной и быстрой засыпки.

Яма № 5 (рис. А13, 4) вверху овальная, размерами 1,7 × 1,5 м, ориентирована юг – север, к низу слегка сужалась, дно на уровне 0,5 м от ДГ. Обнаружены стенки сосудов (рис. В28, 8–10), печина, каменный терочник-отбойник (рис. D5, 11).

Яма № 6 (рис. А13, 5) вверху овальная, размерами 0,51 × 0,44 м, ориентирована юго-восток–северо-запад, стенки отвесные, слегка покатое дно на уровне 0,15 м от ДГ. Найден фрагмент чаши (рис. В28, 11).

Яма № 7 (рис. А13, 6) вверху, вероятно, округлая, диаметром 1,35 м, к низу расширялась до 1,85 м, слегка покатое дно на уровне 1,3 м от ДГ. Сверху перерезана ямой № 3, с юго-запада выходила за пределы раскопа. Обнаружена стенка сосуда (рис. В28, 14).

Яма № 8 (рис. А13, 7) вверху круглая, диаметром 1,36 м, к низу расширялась, дно на уровне 0,9 м от ДГ. Обнаружены стенки горшков, кусок каменной плитки-абразива (рис. D2, 7), обломок орудия (рис. D11, 9), мелкие кусочки печины.

Яма № 9 (рис. А13, 8) вверху округлая, диаметром 1,06 м, к низу расширялась до 1,44 м, дно на уровне 1,1 м от ДГ. В верхней части заполнения обнаружены фрагменты миски (рис. В31, 7), в нижней и на дне – горшков (рис. В32, 7, 10–14), миски (рис. В31, 6), кубковидной корчаги (рис. В31, 5) и кубка (?) (рис. В31, 3), чашка (рис. В32, 5), стенки сосудов (рис. В31, 1; В32, 1–4, 6). Среди других находок – куски стенок и пода глинобитной печи с отпечатками прутьев, костяной струг (рис. С3, 1), два астрагала с обточенными гранями (рис. С13, 1, 2), нижняя челюсть свиньи (?) со следами использования – ложило (рис. С1, 3), шпатель (рис. С8, 4).

Яма № 10 (рис. А14, 1) вверху, вероятно, округлая, диаметром около 0,96 м, к низу расширялась, дно слегка покатое, на уровне 0,6 м от ДГ, выходило за пределы раскопа. Обнаружены фрагменты горшков (рис. В28,

12, 13) и куски стенок глинобитной печи с отпечатками прутьев.

Яма № 11 (рис. А14, 5) вверху круглая, диаметром 1,12 м, стены отвесные, очень покатое дно на уровне 0,6 м от ДГ.

Яма № 12 (рис. А14, 3) вверху круглая, диаметром 1,75 м, стены к низу сперва сужаются, затем расширяются до 1,44 м, дно на уровне 1,9 м от ДГ. На дне найдена черепная крышка взрослого человека и стенка сосуда (рис. В33, 5). По всему заполнению рассредоточены фрагменты горшков и чаш (рис. В33, 1, 2–4, 6, 7; В34, 1–12), банки (рис. В33, 9), мисок (рис. В33, 8, 10), миниатюрная толстостенная банка – тигель (рис. F3, 2), куски глинобитной печи, ложила из стенок сосудов, каменный оселок (рис. D2, 10) и абразив (рис. D2, 9), костяная проколка (рис. С6, 7), а также очень обточенный астрагал (рис. С13, 8).

Яма № 13 вверху округлая, диаметром около 0,9 м, к низу немного расширялась, покатое дно на уровне 0,5 м от ДГ, выходило за пределы раскопа. Обнаружены фрагменты мисок (рис. В31, 8, 9) и горшка, стенки сосудов.

Яма № 14 (рис. А14, 2) вверху округлая, диаметром 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от ДГ. В заполнении – кусочки обожженной глины и череп быка; в северо-восточном секторе – кусок обгорелого дерева размерами 0,60 × 0,14 см, фрагмент горшка (рис. В29, 8), ручка и стенка сосуда (рис. В29, 9).

Яма № 15 (рис. А14, 4) вверху, вероятно, округлая, диаметром не менее 0,36 м, стенки почти отвесные, ровное дно на уровне 0,3 м от ДГ, выходила за пределы раскопа.

В культурном слое раскопа XII найдены фрагменты горшков (рис. В35, 1–5, 8, 9), кубков (?) (рис. В35, 13–15) и мисок (рис. В36, 1–5), стенки сосудов (рис. В37, 8–15), костяное колесико (рис. С13, 11), несколько костей человека, большой фрагмент бронзового браслета (рис. E3, 2). Среди каменных изделий – терочники-абразивы (рис. D6, 5; D9, 2), терочники-отбойники (рис. D2, 3; D3, 5; D4, 3), терочники-ложила (рис. D2, 8) и их фрагменты (рис. D11, 8, 10–12), абразивы для заточки металлических изделий (рис. D1, 5), ложила (рис. D8, 2, 3), кремневые нуклеидные отщепы (рис. D12, 3, 5), кусочки молочно-белого и светло-серого стекловидного кварца (рис. D11, 1, 3), мелкие гальки (рис. D11, 4, 6), глиняная головка животного (рис. H5, 1). Найдены также фрагменты сероглиняных и красноглиняных амфор, ми-

сок зарубинецкого времени, сосредоточенные в верхних отделах культурного слоя.

1.3.2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА

Крайний с запада участок № 1 раскопа III (рис. А15, 1) расположен на краю склона, где непосредственно под дерном залегал материковый лесс, который, по описанию А.И. Тереножкина, с северной стороны имел более светлые тона. Светло-серый культурный слой проявлялся восточнее, в некоторых местах толщина его достигала 0,45 м. Котлованы жилищ, открытых в раскопе, заполнены пепельно-серым грунтом, который и по цвету (более темному), и по структуре (неслоистый, пылеватый) несколько отличался от грунта культурного слоя вне котлованов, в нижней части он наиболее темный (рис. А15, 2, 3)¹. Наибольшее количество находок сконцентрировано в основании культурного слоя и в заполнениях ям и жилищ.

На раскопе X материк залегал на уровне от 0,3 до 0,6 м от поверхности, но выраженного «золистого» грунта не было, а количество находок увеличивалось лишь у ям и котлована жилища № 10. В заполнении этого жилища А.И. Тереножкин отметил наличие верхнего «зольного» слоя, который утолщался к середине котлована до уровня 0,4–0,8 м и содержал большое количество находок.

Объекты и находки на раскопе III (рис. А15; А17)

Обнаружены три жилища, большие углубления, заполненные «зольным» грунтом, очаги и ямы.

Жилище № 1 (рис. А15, 4) находилось на склоне в юго-западной оконечности раскопа (на участке № 1 раскопа III, по А.И. Тереножкину). Над котлованом жилища была западина с пепельно-серым грунтом (рис. А15, 2), разрушенная, как и жилище, оврагом. На дне котлована — «земля с углями и комьями обожженной глины» (Тереножкин, 1961:

рис. 21), по характеру грунта обозначенная также как «плотный глинистый намыв» (Тереножкин, 1951а: 15). Сохранились только северо-восточная и частично северо-западная стенки, по которым можно предположить прямоугольный или близкий к прямоугольному контур размерами около 6,5 × 5,0 м, ориентированный юго-запад–северо-восток. Длина северо-восточной стены около 6,2 м. Площадь пола, включая разрушенную часть, около 32,5 м². Пол на уровне 0,6 м от ДГ. У северо-восточной стены — очень плотная глиняная обмазка толщиной 0,35 м. А.И. Тереножкин связывал ее с прокаленностью, но более вероятным представляется длительная трамбовка и естественное обветривание. Возле северо-западной стены находилось глинобитное возвышение округлой формы с неровной поверхностью и отвесными стенами диаметром 0,7 м и высотой 0,25 м от пола.

В центре пола был очаг № 1. Он представлял собой неглубокое (0,05–0,07 м) понижение близкой к прямоугольной формы длиной около 1,0 м, ориентированное юго-восток–северо-запад. Западная сторона очень покатая и поэтому не имеет четкой границы, с северо-западной стороны расположена овальной формы яма, заполненная золой, глубиной 0,6 м. Верхняя часть этой ямы оформлена обмазанным глиной бортиком высотой 0,04 м.

На полу, северо-восточнее очага № 1, найдено костяное пряслице, горшок (рис. В38, 1) и кубок (рис. В38, 5).

В центре жилища обнаружен черпак (рис. В38, 2), возле восточной стены — кубковидная корчага (рис. В38, 4), у юго-западной — горшок (рис. В38, 3) и горшковидная корчага (рис. В38, 6). Согласно записям в полевой описи, рядом найдены фрагменты еще одного подобного сосуда. А.И. Тереножкин отметил также находку «очень толстостенного керамического изделия, напоминающего собой низкий сосуд больших размеров — обломки от него представляли собой целые плиты», а возле северо-восточного угла — каменной зернотерки, перевернутой рабочей стороной вниз.

В так наз. зольном заполнении жилища № 1 обнаружены фрагменты горшков (рис. В39, 3–7), мисок (рис. В39, 11–14), кубков (рис. В39, 1, 8–10), стенка с кольцевым налепом (рис. В39, 2), куски глиняных литейных форм с негативами стержней или булавок (рис. F14, 7; F12, 8, 9; F13, 1), браслетов (рис. F9, 2, 5), головок булавок (рис. F11,

1. В публикации границы более темного заполнения котлованов и дерновый слой не обозначены (Тереножкин, 1961: рис. 21, 22), но они явно того же характера, что и на участке 3 этого раскопа (см. ниже). К разрезам (рис. А15, 2, 3) добавлены новые условные обозначения, но сохранены (рис. А15, 2) элементы реконструкции А.И. Тереножкина, который нарисовал целый маленький сосуд на глиняной вымостке и большой сосуд рядом с ней. В реальности эти сосуды были представлены развалами.

5), фрагмент глиняной литейной формы с негативом кельта (рис. F4, 6). С бронзолитейным производством также связаны находки глиняной льячки, бронзового шила, возможно, каменный терочник. Костяные изделия – бляха, фрагмент рогового молотка (рис. C12, 1), пронизь, роговая муфта (рис. C12, 2), наконечник стрелы (рис. C21, 11), струг из нижней челюсти лошади (рис. C3, 2). Возможно, из этого заполнения происходит заготовка наконечника стрелы (рис. C21, 1).

Жилище № 2 (рис. A16, 1) расположено рядом с жилищем № 1. Его также перекрывало скопление пепельно-серого грунта в плане овальной формы, размерами 12,0 × 9,5 м, ориентированное юго-запад–северо-восток (рис. A15, 3). Часть этого скопления разрушена оврагом. Над полом жилища – светло-серый пылеватый суглинок.

Котлован жилища близкой к прямоугольной формы, размерами (по сохранившимся северо-западной и северо-восточной стенам) 10,8 × 5,2 м, ориентирован юго-восток–северо-запад, глубина 1,1–1,2 м. Юго-западная часть одной из продольных стен уничтожена обрывом. Площадь пола (включая разрушенную часть) около 56,2 м². Пол глиняный, неровный, нарушен норамми, на уровне 0,4–0,6 м от ДГ. К юго-западной стенке примыкала впадина с отлогими стенками и плотным твердым дном, размерами 2,5 × 2,0 м, глубиной до 0,35 м. С внешней стороны от нее – очаг № 1 близкой к прямоугольной формы, с обожженной ровной поверхностью и большим количеством золы на площади 1,0 × 0,7 м.

На уровне пола жилища, в северо-западном углу, на площади 1,30 × 1,25 м, обнаружено скопление фрагментов сосудов, среди которых – кубковидная корчага (рис. B42, 7), между очагом и северо-восточным углом – кубок (рис. B42, 4); между ямой № 2 и северо-западным углом – днища от четырех сосудов и нижняя часть каменной зернотерки (рис. D7, 2). Ближе к юго-западной стене, возле впадины в полу, найдены костяные шпатели (рис. C6, 1), фрагменты горшковидной корчаги (рис. B40, 10) и кубка (рис. B42, 6); возле очага – фрагмент сосуда с зубчатым орнаментом, между очагом и ямой № 4 – фрагмент горшковидной корчаги (?) (рис. B40, 5) и кубка (рис. B41, 12). К юго-востоку от ямы № 1 и между очагом и северо-восточной стеной найдены днища от сосудов, в 2,0 м северо-западнее ямы № 5 – костяная проколка, юго-западнее –

развал кубковидной корчаги (рис. B42, 5) и фрагмент горшка (рис. B40, 9). В различных местах пола выявлены фрагменты горшков и горшковидных корчаг (рис. B40, 1–4, 6–8; B41, 1, 5, 7, 9), банки (рис. B41, 6), сковороды (рис. F16, 7), чаши (рис. B41, 8) и миски (рис. B42, 1, 2), стенки сосудов (рис. B41, 2, 10), глиняный грузик (рис. H3, 7).

На полу обнаружено пять ям.

Яма № 1 круглая, диаметром 0,3 м, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 2 круглая, диаметром 0,35 м, к низу сужалась, дно на уровне 0,6 м от пола.

Яма № 3 овальная, размерами 0,5 × 0,3 м, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 4 близка к квадратной, размерами 0,4 × 0,4 м, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 5 овальная, размерами 0,5 × 0,4 м, дно на уровне 0,5 м от пола.

В «золистом» заполнении жилища № 2 найдены фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. B43, 7, 13, 14), банки (рис. B43, 8), чаш (рис. B43, 4, 5), мисок (рис. B43, 9–12), кубка (рис. B43, 6), стенки сосудов (рис. B43, 1–3), куски глиняных литейных форм с негативами тонких браслетов с рельефной орнаментацией (рис. F6, 3–5; F7, 6, 9, 10; F8, 4, 5, 8, 10; F9, 1, 6), глиняная льячка с ручкой (рис. F1, 2), костяной струг (рис. C2, 2), обработанный кусок рога оленя (рис. C17, 3), костяные псалий, муфта и пуговица, глиняная фигурка человека – ноги и головка отбиты (рис. H5, 3).

В культурном слое возле котлована найдены стенки сосудов (рис. B44, 1, 3), фрагменты горшков (рис. B44, 2, 6–8), кубка (рис. B44, 5), банки (рис. B44, 4) и миски (рис. B44, 9), глиняный конусик, куски глиняных литейных форм с негативами булавок, каменная ступка (рис. D6, 8), фрагмент глиняной крышки.

В северо-восточной оконечности участка № 1 раскопа III – два больших углубления, заполненные «зольным» грунтом (рис. A15, 1).

Углубление № 1 не имеет правильной геометрической формы, размерами около 6,0 × 5,0 м, глубиной до 0,5 м (примерно на уровне ДГ), выходило за границу раскопа. В пределах углубления – два очага в виде прокаленных докрасна слоев глины диаметром 0,8 м и 1,0 м. Возле очагов, а также в пепельно-сером грунте найден наконечник стрелы (рис. C21, 9) и острие, фрагмент горшка (рис. B44, 13), кубка (рис. B44, 10), сковороды (рис. F16, 5), стенки сосудов (рис. B44, 8, 11, 12). В пределах углубления обнаружены три ямы.

Яма № 46¹ круглая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

Яма № 50 круглая, диаметром 0,5 м, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

Яма № 51 овальная, ориентирована север–юг, размерами 2,9 × 2,0 м, к низу расширялась. На уровне 0,7 м от южного края – уступ, дно на уровне 0,9 м от ДГ. В заполнении обнаружен каменный терочник.

Южнее углубления № 1 – яма № 52, округлой формы, диаметром 0,7 м, глубиной 0,65 м от ДГ.

Углубление № 2 овальной формы, размерами 7,0 × 2,5 м, ориентировано юг–север. К северу и востоку от него в культурном слое найдены наконечник стрелы (рис. С21, 10). В пределах углубления № 2 обнаружены три ямы.

Яма № 47 круглая, диаметром 0,7 м, дно на уровне 1,1 м от ДГ.

Яма № 48 круглая, диаметром 0,6 м, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

Яма № 49 овальная, размерами 2,0 × 1,2 м, ориентирована юго-запад–северо-восток, к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,9 м от ДГ. В заполнении найден развал горшка (рис. В44, 14).

Остальные материалы, вне описанных объектов и их заполнения, немногочисленны из-за смыва культурного слоя, особенно в северо-западном углу раскопа. Найдены фрагменты горшков (рис. В45, 1, 2, 4–6), кубка (?) (рис. В45, 3), стенка сосуда (рис. В45, 7), обработанные рога оленя (рис. С16, 2, 3; С17, 1), глиняная лепешка (рис. Н3, 8), возле жилища № 1 – глиняное пряслице (рис. Н3, 4).

«Жилище» № 3² находилось у южного края мыса на участке 2 раскопа III (рис. А17, 1). Стратиграфический разрез (рис. А18, 2) показал, что здесь, непосредственно под дерновым слоем, залегал пепельно-серый грунт, под которым шли глинистые прослойки, обозначенные А.И. Тереножкиным как обмазка. Ниже – «темная глинистая земля с камнем», на дне – древесный уголь, прослойки обожженной глины, обожженная земля. В нижнем уровне заполнения были

тонкие наклонные глинистые прослойки, показывающие, что заполнение котлована жилища производилось сверху, с восточной стороны.

В верхней части котлован (рис. А18, 1) округлой формы, размерами 6,5 × 6,0 м. На уровне 1,6 м от ДГ заплечики шириной 0,50 м и 0,25 м, такие же с северной стороны. Ко дну котлован сужался до 4,0 × 3,5 м, в северо-восточной стенке был небольшой подбой. Площадь пола 14 м². Пол на уровне 2,25 м от ДГ, на его западной половине обнаружен большой гранитный камень близкой к треугольной формы размерами 0,75 × 0,50 м, в восточной – остатки очага № 1 в виде обожженного пятна близкой к четырехугольной формы размерами 1,0 × 1,0 м (рис. А19, 1). Рядом с очагом найден кубок (рис. В45, 8).

В заполнении котлована найдены половина глиняного пряслица (рис. Н3, 6), фрагмент горшка (рис. В45, 9), костяные наконечники стрел (рис. С21, 3, 4), бронзовые восьмерковидные бляшки (рис. Е10, 5–7). В верхнем уровне заполнения, на границе с пахотным слоем, обнаружены каменные терочники (рис. D3, 4; D4, 6) и обломок топора (?) (рис. D9, 1), костяной орнаментир (рис. С8, 5), псалий (рис. С15, 3), фрагмент глиняного сопла (рис. F2, 5)

В культурном слое вблизи котлована найдены фрагменты горшков (рис. В46, 2–5), миски (рис. В46, 11), стенки сосудов (рис. В46, 1, 6–9), куски рога оленя и костяная проколка.

Ближе к «жилищу» № 3 встречено большое количество ям, условно объединенных в две группы.

Группа северо-западнее «жилища» № 3 состояла из 12 ям.

Яма № 10 вверху круглая, диаметром 1,05 м, к низу расширялась до 1,35 м, дно на уровне 0,90 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты горшков (рис. В47, 1–3, 5, 6), стенка кубка (?) (рис. В47, 4), мелкие кости животных, камни и куски обожженной глины.

Яма № 11а вверху круглая, диаметром 0,95 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ. В заполнении мелкие фрагменты сосудов и камни, несколько костей животных.

Яма № 11б вверху круглая, диаметром 1,1 м, с южной стороны к низу расширялась до 1,7 м, дно на уровне 1,4 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты стенок сосудов, мелкие камни, каменный терочник, несколько костей животных. На 0,3 м выше

1. Ямы участка 1 раскопа III в полевой документации 1951 г. имеют другую нумерацию (№ 48 – № 1, № 47 – № 2, № 49 – № 6, № 51 – № 3, № 50 – № 4, № 46 – № 5, № 52 – № 7). Изменения внесены в нумерацию для того, чтобы избежать дублирования с номерами ям других участков этого же раскопа (в 1955 г. они почему-то снова были пронумерованы, начиная с № 1 и далее).

2. О характере этого объекта см. ниже.

дна обнаружены лежащие друг на друге четыре верхних камня зернотерок. Размеры камней $37 \times 12 \times 5$; $39 \times 29 \times 7$; $37 \times 17 \times 9$ и $30 \times 9 \times 5$ см.

Яма № 12 сверху круглая, диаметром 0,9 м, к низу сужалась, покатоое дно на уровне 0,5 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагменты сосудов, мелкие камни, кости животных.

Яма № 13 сверху круглая, диаметром 1,35 м, к середине прослеженной глубины сужалась, затем к низу расширялась до 1,25 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В заполнении найдены мелкие фрагменты сосудов, камни, кости животных.

Яма № 14а сверху круглая, диаметром 1,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма № 14б перерезала яму № 14а, сверху округлая, диаметром 1,3 м, к низу слегка сужалась, дно на уровне 1,3 м от ДГ.

Яма № 14в перерезала яму № 14б, сверху круглая, диаметром 1,2 м, западная сторона отвесная, восточная к низу расширялась до 1,75 м, дно на уровне 1,6 м от ДГ.

Яма № 15а сверху круглая, диаметром 0,95 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от ДГ. В заполнении найдены несколько фрагментов сосудов и мелкие кости животных.

Яма № 15б перерезала яму № 15а, сверху круглая, диаметром 1,1 м, к низу расширялась до 1,35 м, дно на уровне 1,10 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты сосудов, мелкие камни и кости животных.

Яма № 16 сверху круглая, диаметром 0,75 м, к низу расширялась до 1,0 м, дно на уровне 1,5 м от ДГ. В заполнении обнаружены мелкие камни, кости животных, несколько фрагментов сосудов. Возможно, эта яма входит в конструкцию «жилища» № 3 (см. главу III).

Яма № 24 сверху круглая, диаметром 1,2 м, к низу расширялась до 2,0 м, дно на уровне 1,1 м от ДГ. В заполнении – фрагменты сосудов, мелкие камни, кости животных.

Между ямами № 11–15, примерно на уровне ДГ, располагался очаг № 2. Он представлял собой скопление печины округлой формы диаметром 0,8 м.

В культурном слое возле ям этого скопления найдены фрагменты мисок (рис. В48, 5, 6) и банки (рис. В48, 3), стенки сосудов (рис. В48, 1, 2, 4), фрагменты горшков (рис. В48, 8, 9), горшок (рис. В48, 10), горловина кубковидной корчаги (?) (рис. В48, 7),

абразив из стенки сосуда (рис. Н2, 5), куски литейных форм с негативом узкого браслета с рельефной орнаментацией в виде спиралей (рис. F6, 1), спиралей с несколькими рядами округлых выступов (рис. F10, 6, 7), обломанная костяная проколка (рис. С5, 4).

Возле ям № 12 и 13 выявлены куски глиняных литейных форм, каменные терочки-отбойники (рис. D6, 1, 2), недалеко от ямы № 10 найдена глиняная ладьевидная изложница со сквозным отверстием сбоку (рис. F1, 1).

Вторая группа из 14 ям расположена к северо-востоку от «жилища» № 3.

Яма № 21 сверху овальная, размерами $0,90 \times 0,75$ м, ориентирована северо-запад–юго-восток, с юго-запада перерезана котлованом «жилища» № 3, к низу расширялась до 1,0 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В нижнем уровне заполнения были фрагменты горшков (рис. В45, 10). Возможно, эта яма связана с конструкцией «жилища» № 3 (см. главу III).

Яма № 27 сверху круглая, диаметром 1,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,0 м от ДГ. В заполнении – мелкие кости животных, фрагменты стенок сосудов, костяная рукоять (рис. С9, 8), абразив из стенки сосуда (рис. Н2, 4).

Яма № 28а сверху круглая, диаметром 1,75 м, с восточной стороны расширяется к низу до 1,8 м, дно на уровне 0,8 м от ДГ.

Яма № 28б сверху овальная, размерами около $2,2 \times 1,75$ м, ориентирована северо-восток–юго-запад, с юго-запада перерезана ямой № 29, с северо-востока – ямой № 28а. К низу слегка расширялась, дно на уровне 0,6 м от ДГ. В заполнении, кроме мелких костей животных, обнаружены несколько фрагментов миски (рис. В49, 1), костяной шпатель (рис. С6, 2) и спица (рис. С9, 6).

Яма № 29, по мнению А.И. Тереножкина, соединялась с ямой № 28б. Вверху она в виде полукруга, западная сторона прямая, размерами $2,2 \times 1,8$ м, стенки отвесные, дно на уровне 1,25 м от ДГ. В заполнении фрагменты сосудов, среди которых распознаются части миски и сосуд с носиком (?), мелкие камни, кости животных.

Яма № 30 сверху овальная, размерами $1,6 \times 1,2$ м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 1,2 м от ДГ. Обнаружены мелкие фрагменты сосудов, кости животных, камни.

Яма № 31 сверху овальная, размерами $1,8 \times 1,5$ м, ориентирована запад–восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от ДГ. В запол-

нении найдены фрагменты горшка (рис. В49, 5) и сосуда с обломанными выступами (рис. В49, 3), стенки сосудов, в том числе с многоваликовой орнаментацией (рис. В49, 2), мелкие камни, кости животных.

Яма № 32а сверху овальная, размерами 1,10 × 0,75 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, юго-восточная половина перерезана ямой № 32б, к низу расширялась до 1,30 × 0,85 м, дно на уровне 1,10 м от ДГ.

Яма № 32б перерезала юго-восточную половину ямы № 32а и северо-восточную часть ямы № 32в. Вверху овальная, размерами 2,0 × 1,0 м, ориентирована северо-восток–юго-запад, к низу расширялась до 2,1 × 1,8 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ.

Яма № 32в сверху круглая, диаметром 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,1 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагменты горшка (рис. В49, 8), стенки сосудов, в том числе с многоваликовой орнаментацией (рис. В49, 7), кусочки обожженной глины, мелкие камни, половинка каменного терочника.

Яма № 33 почти вплотную примыкала к яме № 34б, сверху круглая, диаметром 1,5 м, к низу сужалась, дно на уровне 1,1 м от ДГ. Обнаружены фрагмент горшковидной корчаги (рис. В49, 9), абразив из стенки сосуда, костяной шпатель (рис. С7, 3).

Яма № 34а перерезала северо-западную сторону ямы № 34 б. Вверху круглая, диаметром 1,3 м, к низу расширялась до 2,0 м, дно на уровне 1,9 м от ДГ.

Яма № 34б перерезана с северо-западной стороны ямой № 34а, в восточной – ямой № 34в. Вверху круглая, диаметром около 1,5 м, к низу сужалась, дно на уровне 0,9 м от ДГ. В ямах № 34а и 34б найдены фрагменты банки (рис. В49, 12), стенки горшков (рис. В49, 10, 11), глиняные вкладыши в литейную форму для втульчатого орудия – кельта, копья и т. п. (рис. F2, 1), камни, куски глиняной литейной формы с негативом браслета, кусочек бронзы.

Яма № 34в сверху круглая, диаметром 1,4 м, стены отвесные, дно на уровне 1,4 м от ДГ.

В культурном слое возле ям этого скопления найдены фрагменты горшков (рис. В50, 4, 6), мисок (рис. В50, 3), чаши (рис. В50, 1), стенки сосудов (рис. В50, 2, 5); возле ямы № 27 – обломок глиняной фигурки коня (сохранился загривок и шея, грудь и частично передние ноги; Рис. Н5, 4), каменный терочник-отбойник (рис. D3, 6), костяная пронизь (рис. С19, 3), глиняное пряслице (рис. Н4, 9),

абразив из стенки сосуда (рис. Н2, 3), костяной наконечник стрелы (рис. С21, 12), обломок псаля (рис. С14, 2).

У северо-западного угла участка № 2 раскопа III находился очаг № 1, представлявший собой скопление обожженной глины округлой формы, диаметром 0,75 м. Возле него – 10 ям.

Яма № 1 сверху круглая, диаметром 1,20 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,20 м от ДГ. В заполнении найдены мелкие фрагменты сосудов, камни, несколько костей животных.

Яма № 2 сверху овальная, размерами 1,60 × 1,45 м, ориентирована север–юг, к низу сужалась, дно на уровне 0,40 м от ДГ. Обнаружены стенки сосудов (рис. В51, 5), несколько костей животных, верхний камень зернотерки (рис. D7, 1).

Яма № 3 сверху овальная, размерами 1,75 × 1,55 м, ориентирована север–юг, с восточной стороны к низу расширялась до 2,0 × 1,7 м, дно на уровне 1,0 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты горшка (рис. В51, 6) и кубка (рис. В51, 7), кости животных, каменный отбойник (рис. D3, 9) и круглая костяная пронизь.

Яма № 4 сверху овальная, размерами 1,75 × 1,35 м, ориентирована север–юг, к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,4 м от ДГ. Обнаружены горшок (рис. В51, 9), стенка сосуда (рис. В51, 8) и мелкие кости животных.

Яма № 5а перерезала яму № 5б. Вверху овальная, размерами 1,55 × 1,40 м, ориентирована север–юг, к низу расширялась до 2,0 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ.

Яма № 5б сверху круглая, диаметром 1,6 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м ДГ. На дне обнаружена стенка сосуда (рис. В47, 8) и кости ног коня, в заполнении – горшок (рис. В47, 9), фрагменты горшка (рис. В47, 10), стенка сосуда (рис. В47, 7), каменные терочники и отбойники (рис. D3, 7; D5, 3, 8), обломок верхнего камня зернотерки.

Яма № 6 сверху круглая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, покатоое дно на уровне 0,8 м от ДГ. В заполнении найдены мелкие фрагменты стенок сосудов и кости животных.

Яма № 7 сверху овальная, размерами 1,35 × 1,25 м, ориентирована север–юг, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагменты стенок сосудов, костей животных, большая и малая берцовая кости человека.

Яма № 8 сверху круглая, диаметром 1,20 м, к низу расширялась до 1,35 м, сильно утрамбованное дно на уровне 1,40 м от ДГ. Обнаружены фрагменты горшка (рис. В51, 2), миски (рис. В51, 4), кубка (рис. В51, 3), стенка черпака (рис. В51, 1), каменные терочки (рис. D5, 5, 10), мелкие камни и кости животных.

Яма № 9 сверху овальная, размерами 2,10 × 1,75 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, к низу расширялась до 2,4 × 1,8 м, дно на уровне 0,9 м от ДГ. Обнаружена боковина кубковидной корчаги (?) (рис. В51, 11), стенка сосуда (рис. В51, 10), кусок глиняной литейной формы для отливки булавок (рис. F13, 3).

Юго-восточнее этого скопления ям зафиксирован очаг № 3 – бесформенное скопление обожженной глины на площади 1,10 × 0,75 м. Возле очага расположены девять ям.

Яма № 17 круглая, диаметром 1,25 м, до глубины 0,4 м сужалась, ниже расширялась до 1,1 м, дно на уровне 0,9 м ДГ. Обнаружены фрагменты сосудов, кости животных, керамический шлак.

Яма № 18 сверху овальная, размерами 2,25 × 1,75 м, ориентирована северо-восток–юго-запад, примерно на середине проследенной глубины сужалась до 1,9 м, к низу расширялась до 2,4 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ. Найдены фрагменты сосудов, мелкие камни, кости животных.

Яма № 19 сверху овальная, размерами 2,7 × 2,0 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, к низу сужалась, дно на уровне 0,6 м от ДГ. По мнению А.И. Тереножкина, стены ее прокалены. Обнаружены обожженные камни, каменный терочник-отбойник (рис. D4, 1), на дне – скопление обожженной глины размерами 1,5 × 1,2 м, обозначенное А.И. Тереножкиным как очаг.

Яма № 20а сверху круглая, диаметром 1,5 м, с западной стороны к низу сужалась, восточная стенка отвесная. Наклонное дно имеет наибольшую глубину с юго-востока, 0,9 м от ДГ.

Яма № 20б перерезана ямой № 20а. Сверху овальная, размерами 1,30 × 0,85 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от ДГ. Обнаружена боковина горшка (рис. В48, 12) и стенка сосуда (рис. В48, 11).

Яма № 22 круглая, диаметром 1,85 м, к низу расширялась до 2,25 м, дно на уровне 1,3 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты сосудов, кусок глиняной воронки, череп человека, камни, фрагмент глиняной изложницы (рис. F1, 3).

Яма № 23 круглая, диаметром 1,2 м, стены отвесные, дно на уровне 1,0 м от ДГ. В заполнении несколько камней, кости животных и фрагменты сосудов.

Яма № 25 сверху круглая, диаметром 2,0 м, стены слегка спрямлены, отвесные, дно на уровне 0,8 м от ДГ. Обнаружены фрагменты горшков (рис. В52, 2, 5), черпака (рис. В52, 4), мисок (рис. В52, 7–11), стенки сосудов (рис. В52, 1, 3), несколько крупных фрагментов горшка (рис. В52, 6), каменный терочник-отбойник (рис. D3, 10), кусок глиняной литейной формы для широкого браслета (рис. F10, 5), костяная проколка и бусина (?) (рис. С19, 6), глиняное колесовидное изделие с намеченными отверстиями на широких плоскостях (рис. Н3, 2).

Яма № 26 сверху овальная, размерами 1,65 × 1,50 м, ориентирована запад–восток, стены отвесные, дно на уровне 0,5 м от ДГ.

В культурном слое в северной половине участка № 2 раскопа III встречены фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. В53, 1–6, 8, 9; В54, 13, 14; В55, 4), черпака (рис. В54, 10), чаши (рис. В54, 4), мисок (рис. В54, 1–3), фрагмент кубка (?) (рис. В54, 15), стенки и ручки сосудов (рис. В54, 5–9, 11, 12; В55, 3, 5–10), стенки с многоваликовой орнаментацией (рис. В55, 1, 2), куски сковород (рис. F16, 1, 3). Также найдены костяные наконечники стрел (рис. С21, 2, 14), пронизи (рис. С19, 1, 2), острия (рис. С4, 7, 10), большая круглая бляха (рис. С19, 11), обломок каменного топора, кусок глиняной литейной формы с негативом узкого браслета.

Возле ямы № 4 или в ее заполнении – железный нож (рис. Е11, 8), между ямами № 4, 5 и 8 – бронзовое двухвитковое кольцо (рис. Е10, 8), возле ямы № 9 – каменный терочник (рис. D4, 5), возле ямы № 7 – фрагмент каменного привязного молота (рис. D9, 5), у ямы № 19 – каменное изделие (рис. D3, 2) и песчаниковое точильце.

В 13 м к северо-востоку от «жилища» № 3 (на участке № 3 раскопа III, по А.И. Тереножкину) находилось жилище № 6 (рис. А20, 1).

Жилище № 6 (рис. А21, 1) в плане близкое к трапециевидной форме, размерами 9,0–10,3 × 8,5–10,5 м, пол на уровне 0,7 м от ДГ. Площадь пола 91,7 м². Северо-восточная стенка почти прямая, остальные имеют выступы. Северный угол с частью стен не прослежен.

На полу, в центре, в ряд расположены очаги по линии северо-запад–юго-восток, занимая площадь 4,9 × 1,3 м. Очаги находи-

лись в ямах со слившимися смежными стенами. Крайняя с северо-запада яма овальная, размерами 1,5 × 1,2 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, глубина 0,18 м от пола. По ее краям и в центре небольшие обожженные гранитные камни, у юго-западной стороны – кусок верхнего камня зернотерки. Следующая яма вытянута в том же направлении, размерами около 1,70 × 0,75 м, в ее заполнении были обожженные камни, обломок каменного топора (рис. D10, 4) и горшок (рис. B56, 10). Далее яма, закругленная с северной и восточной сторон, размерами 1,0 × 0,7 м, ориентированная так же, дно на уровне 0,4 м. В заполнении этих ямочагов и рядом на полу найдены куски обгоревшего дерева, обожженные камни, горшковидная корчага (рис. B57, 10). Крайняя с юго-востока яма овальной формы, размерами 1,25 × 1,00 м, ориентирована так же, глубиной 0,26 м, заполнена углями, золой, обожженной глиной, в северо-восточной половине имела углубление (яма № 31, по А.И. Тереножкину) круглой формы, диаметром 0,37 м, дно на уровне 0,4 м. Возле юго-западной стены обнаружены кремневые вкладыши серпов (рис. D12, 1), шпатель из клыка кабана (рис. C8, 1), шило, верхний камень зернотерки, кубок (рис. B57, 2), горшок (рис. B57, 5), фрагмент чаши (рис. B57, 4).

В полу жилища обнаружено большое количество ям.

Яма № 1 овальная, размерами 1,80 × 1,55 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно с уступом в западной половине на уровне 0,7 м от пола. Обнаружены фрагменты сосудов, куски обожженной глины, мелкие камни и кости животных.

Яма № 2 (рис. A22, 14) бобовидная, размерами 2,1 × 1,7 м, ориентирована юго-запад–северо-восток, к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,8 м от пола. Обнаружены камни и фрагменты сосудов.

Яма № 3 (рис. A22, 15) сверху овальная, размерами 1,75 × 1,35 м, ориентирована север–юг, стенки отвесные, дно на уровне 0,2 м от пола. Внутри несколько костей животных, фрагменты жаровни и сосудов.

Яма № 4а (рис. A22, 11) сверху овальная, размерами 0,75 × 0,60 м, ориентирована северо-восток–юго-запад, с южной стороны к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,45 м от пола. В северной части округлое углубление диаметром и глубиной 0,2 м – яма № 4б. В заполнении были фрагменты стенок сосудов, мелкие камни, кости животных.

Яма № 5 круглая, диаметром 0,95 м, к низу расширялась (особенно в южную сторону) до 1,2 м, дно на уровне 1,5 м от пола. В заполнении комья обожженной глины, два каменных терочника и абразив (рис. D3, 3), мелкие кости животных и горшок (рис. B56, 1).

Яма № 6 сверху овальная, размерами 0,75 × 0,60 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,25 м от пола, в южной половине округлое углубление диаметром 0,5 м. Обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. C21, 17).

Яма № 7 представляет собой несколько слившихся углублений (кротовин) на площади 2,8 × 2,4 м вокруг округлой ямы диаметром 0,4 м. В некоторых местах к низу она сужалась, дно неровное, с юго-востока на уровне от 0,25 м, в центре – до 0,45 и 0,65 м от пола. Обнаружены мелкие камни, кости животных, фрагменты сосудов.

Яма № 8 – это три слившиеся ямы. Северо-западная (№ 8а) сверху овальная, размерами 0,8 × 0,5 м, ориентирована северо-восток–юго-запад, с северо-западной стороны к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,6–0,8 м от пола. Центральная яма (№ 8б) овальная, размерами 0,4 × 0,3 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,75 м от пола. Крайняя с юго-востока яма (№ 8в) овальная, размерами 0,6 × 0,5 м, ориентирована как предыдущая, стенки отвесные, дно на уровне 0,25 м от пола. Обнаружены мелкие фрагменты сосудов.

Яма № 9 сверху овальная, размерами 0,9 × 0,7 м, ориентирована северо-запад–юго-восток. С юго-восточной стороны небольшой выступ, к низу сужалась, дно на уровне 0,3 м от пола. В заполнении были фрагменты кубка (рис. B56, 3), мелкие кости животных и камни.

Яма № 10 круглая, диаметром 0,55 м, стенки отвесные (рис. A22, 8), дно на уровне 0,3 м от пола. В заполнении найдены фрагменты сосудов и мелкие кости животных.

Яма № 11 круглая, диаметром 0,35 м, к низу расширялась до 0,75 м, дно на уровне 0,65 м от пола. В заполнении, кроме фрагмента горшка (рис. B56, 2) и мелких стенок сосудов, обнаружены два верхних и два нижних камня зернотерок.

Яма № 12 круглая, диаметром 0,37 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,30 м от пола (рис. A22, 2). В заполнении комья обожженного грунта.

Яма № 13 и яма № 14 – обе круглые сверху, диаметром 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от пола.

Яма № 15 круглая, диаметром 0,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 16 круглая, диаметром 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от пола.

Яма № 17 и яма № 20 – обе круглые вверх, диаметром 0,35 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,30 и 0,35 м от пола.

Яма № 21 представляет собой нескольких небольших ям-кротовин с округлой ямой диаметром 0,2 м, дно на уровне 0,3 м от пола (рис. А22, 10).

Яма № 22 круглая, диаметром 0,3 м, стенки отвесные (рис. А22, 1), дно на уровне 0,25 м от пола.

Яма № 23 восьмерковидная (две слившиеся ямы?), размерами 0,6 × 0,3 м, ориентирована северо-восток–юго-запад, стенки отвесные (рис. А22, 9), дно на уровне 0,35 м от пола.

Яма № 25 круглая, диаметром 0,23 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,27 м от пола.

Яма № 26 круглая, диаметром 0,25 м, стенки отвесные (рис. А22, 4), дно на уровне 0,4 м от пола. В заполнении фрагменты стенок сосудов и два каменных терочника-отбойника (рис. D4, 9; D5, 1).

Яма № 27 круглая, диаметром 0,25 м, стенки отвесные (рис. А22, 3), дно на уровне 0,4 м от пола.

Яма № 28 овальная, ориентирована с севера на юг, размерами 0,36 × 0,3 м, стенки отвесные (рис. А22, 7), дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 30 округлая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,25 м от пола, с юго-запада переходит в небольшое углубление (кротовину?). Обнаружены фрагменты сосудов и мелкие кости животных.

Яма № 32 круглая, диаметром 0,35 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола (рис. А22, 5). В заполнении фрагменты стенок сосуда.

Яма № 33а перерезана ямой № 33б, круглая, диаметром 0,75 м, к низу слегка расширялась до 0,80 м (рис. А22, 12), дно на уровне 0,70 м от пола. В заполнении найдены фрагменты сосудов, много костей животных, костяное острие.

Яма № 33б примыкает к яме № 33а, круглая, диаметром 0,45 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от пола.

Яма № 34 близкая к треугольной формы, размерами 1,25 × 1,05 × 0,75 м, к низу сужалась (рис. А22, 13), дно на уровне 0,25 м от пола. В заполнении найдены фрагменты стенок сосудов, глиняные вкладыши в ли-

тейную форму для втульчатого орудия, возможно кельта (?) (рис. F2, 3), куски глиняной литейной формы с негативом браслета.

Яма № 35 круглая, диаметром 0,15 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 36 круглая, диаметром 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,37 м от пола.

Яма № 38 с восточной стороны диаметром 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от пола (рис. А22, 6), в верхней части заполнения обнаружено обуглившееся дерево; с западной стороны диаметром 0,25 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,90 м от пола¹.

На полу жилища № 6, между ямами № 21, 15 и 20, найден обломок бронзового браслета (рис. E10, 12), фрагмент горшка (рис. B56, 4) и кубковидной корчаги (рис. B56, 5). Между ямами № 14 и 10 – кубки (рис. B56, 6, 8), возле ям № 1, 2 и 32 – фрагменты горшковидных корчаг (рис. B56, 7, 9). Между ямами № 7, 5, 33 и очагами найдена чаша² (рис. B57, 3), стенка сосуда (рис. B57, 1), костяная заготовка пряслица (рис. C9, 2), кремневый вкладыш для серпа (рис. D12, 2), обломок костяной проколки (рис. C4, 8). Между ямами № 6, 5, 33 и юго-восточной, поперечной, стеной жилища – фрагменты горшка (рис. B57, 12), обломок каменного топора (рис. D10, 5), костяное шило. Между ямами № 4 и 25 – фрагменты банок (рис. B57, 6, 7), кубка (?) (рис. B57, 8), горшка (рис. B57, 11). В юго-восточном углу, возле ям № 28 и 36, лежала пара псалиев (рис. C15, 1, 2) и бедренная кость человека. В жилище также найдены астрагалы овцы-козы с обработанными гранями (рис. C20, 1–15) и костяной шпатель (рис. C5, 8).

Выше пола, в «золистом» заполнении жилища № 6 (на уровне 0,6–2,0 м от СП), зафиксированы фрагменты и развалы горшков (рис. B58, 1–3, 6, 7, 13; B59, 2–10), один из которых (рис. B59, 1) стоял вверх дном, а также дно сосуда с округлым отверстием (рис. B58, 10), фрагменты кубковидных кор-

1. Еще четыре ямы, которым в ходе раскопок были присвоены № 18, 19, 24, 29, позже А.И. Тереножкин рассматривал как кротовины.

2. В публикации Б.Н. Гракова и А.И. Тереножкина ошибочно указано место ее находки в «землянке № 3» (Граков и Тереножкин, 1958: рис. 5, 3). Кстати, на том же рисунке показан горшок узких пропорций из «землянки № 5» (Там же: рис. 5, 1), которого нет в фондах ИА НАНУ. Вероятно, и здесь произошла ошибка – этот сосуд мог происходить из раскопок V, VI или VII, материалы которых попали в фонды МГУ, тем более, что из раскопа VII приведены и другие сосуды (Там же: рис. 8, 2; 10).

чаг и кубков (рис. В58, 8, 9, 11, 12), стенки сосудов (рис. В58, 4, 5), костяные наконечники стрел (рис. С21, 6, 7), пронизы (рис. С19, 5), псалий (рис. С15, 5), бляха с обломанной петлей на обороте (рис. С19, 10), проколки (рис. С5, 1–3, 10), тупик (рис. С2, 3), кремневый скребок, каменные терочники (рис. D3, 8; D4, 2; D5, 2, 6, 9), абразив-лощило (рис. D2, 13), зернотерка (рис. D1, 8), глиняное пряслице (рис. Н4, 5).

Выше «зольного» заполнения (на уровне 0,2–0,6 м от СП) обнаружены фрагменты горшков и стенок (рис. В60, 1, 3, 4), ручка черпака (рис. В60, 2), фрагмент миски (рис. В60, 5), абразивы из стенок сосудов (рис. Н2, 13, 16), несколько бронзовых пронизей (рис. Е12, 3–5), обломок железного шила (рис. Е11, 3), обломок псалия или заготовки для него (рис. С14, 6), кремневый вкладыш серпа (рис. D12, 4).

Севернее жилища № 6 было девять ям.

Яма № 35 овальная, размерами 1,3 × 0,6 м, ориентирована юго-запад–северо-восток, с западной стороны стена отвесная, с восточной яма к низу слегка расширялась, дно на уровне 1,1 м от ДГ.

Яма № 36 овальная, размерами 2,7 × 2,0 м, ориентирована запад–восток, к низу слегка сужалась, дно на уровне 0,6 м от ДГ. На дне ямы, с северной стороны, углубление размерами 0,7 × 0,1 м. Обнаружены фрагменты сосудов, куски обожженной глины, мелкие кости животных.

Яма № 37 и яма № 38 – обе круглые, диаметром 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 и 0,6 м от ДГ.

Яма № 39 круглая, диаметром 0,6 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от ДГ.

Яма № 41а размерами 1,7 × 1,5 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,4 м от ДГ.

Яма № 41б на юго-востоке сливается с ямой № 41а, бесформенная, размерами 2,2 × 1,8 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от ДГ.

Яма № 42 овальная, размерами 1,25 × 1,0 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма № 43 овальная, размерами 1,4 × 0,8 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 1,3 м от ДГ.

К югу от жилища № 6 выявлены очаг и три ямы.

Очаг № 4 расположен на уровне ДГ, представлял собой участок обожженной глины размерами 0,8 × 0,7 м.

Яма № 40 восьмерковидная (слившиеся две ямы?). Северная половина овальная, размерами 2,5 × 1,8 м, ориентирована северо-восток–юго-запад, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ; южная тоже овальная, размерами 2,0 × 1,5 м, ориентирована так же, стенки отвесные. Обнаружены фрагменты сосудов, череп собаки и несколько камней.

Яма № 44 овальная, размерами 1,5 × 1,1 м, ориентирована север–юг, к низу сужалась до 1,0 × 0,75 м, дно на уровне 0,6 м от ДГ.

Яма № 45 круглая, диаметром 1,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

В культурном слое к северо-западу и северу от жилища № 6 найдены фрагменты горшков и горшковидных корчаг (рис. В61, 1–6; В62, 1–4, 6), чаши (рис. В60, 7), кубка (рис. В60, 8), ручка сосуда (рис. В60, 10), боковина кубковидной корчаги (рис. В60, 9), фрагмент миски (рис. В60, 11), каменный терочник-отбойник (рис. D4, 7), костяная проковка (рис. С5, 6), пронизь (рис. С19, 4) и овальная роговая бляшка-пуговица (рис. С19, 8). Возле северо-западной стенки жилища № 6 – каменные терочники, абразив (рис. D3, 1), массивный отщеп с карандашевидного нуклеуса (рис. D12, 6), кусок каменной литейной формы для отливки кельта (рис. F4, 5) и глиняной литейной формы для широкого браслета (рис. F5, 6), костяная пронизь, глиняное пряслице (рис. Н3, 9). Северо-восточнее от жилища № 6 найдены фрагменты горшков (рис. В62, 5–9).

К юго-западу от жилища № 6, возле ямы № 45, на уровне 0,4 м от СП, на расстоянии 0,3 м друг от друга обнаружены стоящие вверх дном два горшка, в которых находились бронзовые украшения (рис. Е5, 1).

Один из этих горшков (клад № 2) сохранился частично (рис. А19, 2; В63, 3). В нем было 15 бронзовых восьмерковидных блях разных размеров (рис. Е5, 4–18), две бронзовые спиралевидные серьги (рис. Е5, 2, 3) и восемь бронзовых пронизей (рис. Е5, 19–26).

В другом горшке (клад № 3; рис. В63, 4) было 12 бронзовых пронизей (рис. Е6, 3–14), бронзовая серьга (рис. Е6, 2), 25 восьмерковидных блях (рис. Е7, 1–22), три бронзовых спиральных браслета (рис. Е6, 15–17) и пастовый бисер (рис. Е6, 1). Еще одна бронзовая восьмерковидная бляшка найдена вне этих сосудов в близлежащем культурном слое (рис. Е10, 2).

На других участках в культурном слое найдены фрагменты горшков (рис. В63, 1, 2, 5), стенки сосудов (рис. В63, 6–9), фрагмен-

ты мисок (рис. В63, 12, 13) и кубка (рис. В63, 11), чаша (рис. В63, 10), ветвь рога оленя, каменная зернотерка, терочники и абразив для заточки крупных лезвий (рис. D1, 9). У края ямы № 44 и между нею и юго-восточным углом жилища выявлены глиняное пряслице (рис. Н4, 7) и воронка (рис. F15, 3), костяной наконечник стрелы (рис. С21, 13) и обломок рогового стержня — заготовка для украшения (?) (рис. С19, 12), за юго-западным углом жилища № 6 — два глиняных пряслица (рис. Н3, 3; Н4, 12).

Объекты и находки на раскопах V—VI

Речь идет о раскопках Б.Н. Гракова 1955 г. Никаких данных по этим раскопам в документации, хранящейся в Научном архиве ИА НАНУ, нет. Надо полагать, здесь встречались лишь единичные находки белогрудовско-чернолесского периода. Это подтверждается тем, что на первом опубликованном общем плане (Граков и Тереножкин, 1958: рис. 1) никакие объекты здесь не указаны. Краткие дополнительные сведения можно получить из недавно опубликованных писем Б.Н. Гракова к жене О.А. Кривцовой-Граковой. В письме от 19.08.1955 г. он сообщал: «На нашей площади оказался слабо насыщенный слой. Вчера к вечеру мы его закончили. Существенных находок нет, если не считать в одной яме двух обломков белогрудовских кремневых серпов и в ней же доньшко от сосуда с многочисленными отпечатками проса на нем» (И жизнь, и слезы ..., 2011: 303).

На раскопе VI обнаружена землянка и две ямы зарубинецкой культуры. Судя по описаниям, котлован землянки (была исследована юго-западная ее часть) имел прямоугольную форму, ориентирован северо-запад—юго-восток, дно котлована на уровне 1,4 м (от ДГ?). Отмечено наличие «золистого» заполнения, находки «обломков амфор, краснолаковых сосудов, сероглиняной гончарной керамики» (Максимов, 1960: 23). Если бы удалось доказать, что поздние находки находились только в заполнении котлована, можно было бы предположить более ранний (эпохи поздней бронзы — раннего железного века) возраст этой землянки.

Объекты и находки на раскопе X (рис. А29, 1)

Обнаружены жилище, очаги и ямы.

Жилище № 10 (рис. А23, 1) близкой к прямоугольной формы, размерами (по

дну) 6,10—7,15 × 5,90—7,10 м, ориентировано юго-запад—северо-восток. Верхние контуры котлована размыты, к низу он сужался, юго-западная стенка слегка выгнута наружу. Площадь пола 42,8 м². Пол наклонен к середине, где его глубина составляла 0,6 м от ДГ. В юго-западной половине находился очаг № 1 в виде бесформенного зольного пятна внутри мелкого углубления размерами 1,3 × 1,2 м. На очаге найдены фрагменты глиняной жаровни (рис. F17, 2) и горшка (рис. В64, 1).

В полу открыто 12 ям.

Яма № 1 круглая, диаметром 0,6 м, дно на уровне 0,4 м от пола. В заполнении найдена придонная часть горшка с заполированным в древности верхним краем (рис. В64, 3) и кремневый вкладыш серпа (рис. D12, 7).

Яма № 2 состояла из двух «слившихся» ям, ориентированных юго-восток—северо-запад. Юго-восточная часть (яма № 2б) круглая, диаметром 0,43 м, северо-западная (яма № 2а) — овальная, размерами 0,5 × 0,4 м, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 3 круглая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 4 круглая, диаметром 0,3 м, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 5 овальная, размерами 0,3 × 0,2 м, ориентирована с запада на восток, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 6 круглая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,4 м от пола.

Яма № 7 круглая, диаметром 0,4 м, к низу расширялась до 0,6 м, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 8 круглой формы, диаметром 0,3 м, дно на уровне 0,35 м от пола, западной стороной соприкасается с ямой № 9.

Яма № 9 круглая, диаметром 0,5 м, дно на уровне 0,35 м от пола.

Яма № 10 круглая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 11 круглая, диаметром 0,3 м, дно на уровне 0,25 м от пола.

Яма № 12 круглая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 13 круглая, диаметром 0,3 м, дно на уровне 0,4 м от пола.

На полу, на северо-восток от ямы № 12, найден кубок (рис. В64, 6); между этой ямой и очагом — фрагмент кубка (рис. В64, 7) и горшок (рис. В64, 2); между ямами № 8 и 13 — два горшка (рис. В64, 4, 5) и скопление фрагментов сосудов. Между ямой № 13 и южной стеной лежал развал горшковидной корчаги (рис. В64, 10), между ямой

№ 1 и очагом – кубок (рис. В64, 8). Возле юго-западного угла жилища найден струг из нижней челюсти лошади (рис. С2, 1) и кремневый вкладыш серпа (рис. D12, 8). В разных местах на полу были стенки сосудов (рис. В64, 9), фрагмент горшковидной корчаги (рис. В64, 11), костяной шпатель (рис. С7, 2) и астрагал с заточенными гранями – шпатель (рис. С7, 5), возле юго-западного угла – тупик из нижней челюсти крупного животного (коня или коровы).

В нижнем уровне «зольного» заполнения котлована жилища № 10 (над полом) обнаружены фрагменты горшков (рис. В65, 4–6) и кубка (рис. В65, 1), стенки сосудов (рис. В65, 2, 3), костяные шпатель (рис. С6, 6) и ложило (рис. С6, 4), кремневый вкладыш серпа, каменный проушный топор.

В среднем уровне «золистого» заполнения (0,4–0,95 м от СП) встречены фрагменты горшков (рис. В65, 7–10; В66, 1–5; В67, 1–8), кубков (рис. В67, 10, 11), чаш (рис. В67, 12–14) и мисок (рис. В66, 6–10), стенки сосудов (рис. В66, 9). Среди других находок этого уровня – костяной наконечник стрелы, половинка глиняного пряслица (рис. Н4, 15), костяной орнаментир (рис. С8, 6), несколько астрагалов (рис. С13, 7), крючок, песчаниковое точило, фрагмент глиняной льячки, обломок каменного топора.

В верхнем уровне золистого заполнения (до 0,4 м от СП) – фрагменты горшков (рис. В68, 8–11), чашка (рис. В68, 1), блюдце (рис. В68, 2), фрагменты чаши (рис. В68, 3), кубковидных и горшковидных корчаг (рис. В69, 1, 2) и мисок (рис. В69, 3, 4), ручки от сосудов (рис. В68, 5, 6), стенки (рис. В68, 7). Здесь же найдено каменное орудие для заточки лезвий тонких предметов (рис. D2, 2), кусок глиняной литейной формы, глиняное пряслице (рис. Н4, 8) и астрагал овцы-козы.

Возле жилища № 10 (вне его заполнения) обнаружены кости животных, каменные абразивы для заточки металлических орудий (рис. D2, 1, 5), терочки, обломок зернотерки, амулет из кабаньего клыка. А.И. Тереножкин специально выделил и описал стенку «чернолощеной корчаги», украшенную врезным орнаментом с инкрустацией белой пастой (рис. В69, 6), и стенку с орнаментом, выполненным оттисками зубчатого штампа, также заполненной белой пастой (рис. В69, 5).

Западнее жилища № 10 обнаружены три очага и ямы.

Очаг № 1 и очаг № 2 – на уровне ДГ пятна обожженного грунта округлой формы диаметром 0,6 м.

Очаг № 3 – примерно на уровне ДГ, диаметр не менее 1,8 м. Над ним найдены комья обожженной глины и глиняные «кирпичики».

Яма № 1 округлая, диаметром не менее 1,0 м, «по-видимому, содержит отходы бронзолитейного производства» (Тереножкин, 1971: 33). В заполнении найдены каменные точильца из мелкозернистого песка.

Яма № 2 овальная, длиной не менее 3,0 м, ориентирована запад–восток, дно на уровне 0,7 м от ДГ. В придонной части находились фрагменты сосудов, каменный терочник (рис. D2, 11), фрагмент клыка кабана и несколько костей животных.

Яма № 3 овальная, длиной не менее 2,0 м, ориентирована северо-запад–юго-восток.

В 22 м к востоку от жилища № 10 выявлен край котлована еще одного жилища – жилища № 12 (рис. А29, 1), уходивший за пределы раскопа.

1.3.3. ЮЖНАЯ ЗОНА

В 1995 г. на раскопе IV за пределами жилища № 4 установлена следующая стратиграфия (рис. А24, 2, 3): перемешанный грунт из раскопок 1972 г.; гумусный дерновый слой толщиной до 0,3 м; лессовидный светло-серый суглинок культурного слоя толщиной около 0,6 м, почти не отличающийся от подстилающего его переходного горизонта к матерiku; с уровня 1,1 м – материковый лессовидный суглинок. В месте расположения жилища № 4 стратиграфия более сложная: перемешанный грунт; гумусовый горизонт дернового слоя толщиной до 0,45 м; слабо гумусированный серый и светло-серый суглинок пепельного оттенка толщиной до 0,5 м (культурный слой и верхняя часть заполнения котлована жилища); перерезающая материковый лессовидный суглинок часть котлована жилища, включающая толщу светло-серого пылевидного суглинка¹.

1. В пределах археологического разреза Н.П. Герасименко произвела более детальное разделение в рамках культурного слоя и верхней части заполнения котлована.

Объекты и находки на раскопе IV (рис. А24, 1)

Открыты два жилища, несколько ям и клад. В 1995 г. доисследовано жилище № 4. К этому времени площадь для заложения раскопа значительно сократилась из-за многочисленных деревьев, хотя места старых раскопов на современной поверхности были видны достаточно отчетливо.

Жилище № 5 (рис. А26, 1) расположено у северо-западной оконечности мыса, частично разрушено оврагом. Возможно, первоначально было близкой к прямоугольной формы, ориентировано северо-запад–юго-восток. Полностью сохранилась юго-восточная, поперечная, стена длиной 5,5 м. Площадь пола 43,1 м². Пол на уровне 1,0 м от ДГ, очень неровный, с многочисленными кротовинами и ямами. В юго-восточной и северо-западной частях пола были остатки очагов в виде бесформенных пятен очень обожженного грунта. Один из них, ближе к юго-западному углу жилища (очаг № 1), размерами 0,78 × 0,60 м, другой, возле ямы № 1 (очаг № 2), размерами 1,2 × 0,5 м.

На полу жилища выявлены четыре ямы.

Яма № 1 овальная, размерами 0,4 × 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от пола.

Яма № 2 овальная, размерами 0,45 × 0,30 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от пола.

Яма № 3 круглая, диаметром 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,8 м от пола. В заполнении найдены древесные угольки и кости животных.

Яма № 4 округлая, диаметром 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от пола.

Возле ямы № 3 найдены развалы кубков и кубковидных корчаг (рис. В70, 2, 5, 6), горшок (рис. В70, 7), три небольших камня и обгоревшие кости животных; над ямой – банка (рис. В70, 1), чаша (рис. В70, 9). Между ямами № 2 и 3 – горшки (рис. В70, 3, 4). На полу, возле ям № 1 и № 2, – куски обожженной глины, на северо-восток от ямы № 1 – кубковидный сосуд (рис. В70, 10). К юго-западу, на краю очага, обнаружены фрагменты горшка (рис. В70, 8), северо-западнее – кубковидный сосуд (рис. В70, 11) и верхний камень зернотерки, к юго-западу – фрагменты сосудов и каменный терочник-отбойник (рис. D4, 10).

В «золистом» заполнении котлована жилища № 5 найдены фрагменты горш-

ков (рис. В71, 3, 5–11), черпака (рис. В71, 1), банки (рис. В71, 2), нижняя часть небольшого кубка с кольцевым поддоном (рис. В71, 4), фрагмент тигля, обуглившийся струг из нижней челюсти лошади (рис. С3, 3), обработанный рог оленя (рис. С16, 1), обломок каменного проушного топора (рис. D9, 3), заготовка костяного пряслица (рис. С9, 3) и глиняное пряслице (рис. Н4, 1, 3).

Жилище № 4 расположено в 10 м к юго-востоку от жилища № 5 (рис. А24, 1). Большая площадь исследована А.И. Тереножкиным. В 1995 г. установлено, что оно состоит из двух помещений, образующих Г-образную в плане структуру (рис. А27, 1).

Контур котлована помещения № 4а прослежен с уровня 0,7–0,8 м, к низу слегка сужался. Пол на уровне 1,5 м от ДГ, неровный, местами имеет очень плотную трамбовку и многочисленные кротовины. Котлован имеет близкую к прямоугольной форму, ориентирован северо-восток–юго-запад. Поперечные стенки с выступами наружу, продольные – слегка вогнуты внутрь. Длина юго-западной, поперечной, стенки 5,75 м, северо-западной, продольной, – 7,50 м (с северной стороны она нечеткая). В северо-восточном углу был выступ наружу длиной 1,0 м и шириной 3,8 м. Углы закруглены.

На уровне пола выявлено 26 ям (рис. А25, 1, 2; А27, 1).

Яма № 1 круглая, диаметром 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от пола. Обнаружены фрагменты сосуда и кусок верхнего камня зернотерки.

Яма № 2 круглая, диаметром вверху 0,75 м, к низу расширялась до 0,85 м, дно на уровне 0,75 м от пола. Найдены фрагменты сосудов, в том числе от горшков, каменный терочник, необработанный камень.

Яма № 3 круглая, диаметром 0,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от пола, с наклоном. В заполнении обнаружены фрагменты двух сковород – одна с прямыми наклонными стенками (рис. F16, 2), другая «разрезана» поперек (рис. F16, 4), стенки сосудов (рис. В72, 1, 2).

Яма № 4 круглая, диаметром 0,75 м, стенки отвесные, на уровне 0,7 м от пола, на дне, – небольшой подбой, в который ведет ступенька высотой 0,4 м. Этот подбой доходит до уровня 1,1 м от пола. А.И. Тереножкин обратил внимание на характер заполнения ямы, а именно: наличие до середины заполнения «земли с золой», ниже «почти чистой глины» (Тереножкин, 1955б: 9). Подбой мог быть норой или кротовиной, что

подтверждает и «чистый» суглинистый характер заполнения – результат прохождения кротовины под полом, в материковом грунте. В яме обнаружены стенки сосудов – одна от того же сосуда, что и фрагменты из ям № 12, 13 и 17 (рис. В72, 4), фрагмент кубка (рис. В72, 5), костяной шпатель (рис. С3, 4), половина глиняного пряслица (рис. Н3, 5), мелкие камни и кости животных.

Яма № 5 примыкала к яме № 4, овальная, размерами 0,6 × 0,5 м, ориентирована юго-восток–северо-запад, к низу расширялась до 0,8 м, дно на уровне 0,65 м от пола. Обнаружены фрагменты сосуда, жаровен, мелкие камни и кости животных.

Яма № 6 круглая, диаметром 0,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,3 м от пола. У южной стенки круглое углубление диаметром 0,3 м и глубиной 0,5 м, стенки отвесные. В яме обнаружены фрагменты сосудов и мелкие кости животных.

Яма № 7 круглая, диаметром 0,6 м, с одной стороны к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,3 м от пола. В заполнении – фрагменты тонкостенного сосуда (рис. В72, 3) и обработанный отросток оленьего рога (рис. С16, 4).

Яма № 8 круглая, диаметром 0,25 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,4 м от пола.

Яма № 9 овальная, размерами 0,50 × 0,35 м, ориентирована юго-запад–северо-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,36 м от пола.

Яма № 10 овальная, размерами 1,00 × 0,45 м, ориентирована юго-запад–северо-восток, дно на уровне 0,2 м от пола. В заполнении найден фрагмент горшка (рис. В73, 13).

Яма № 12 круглая, диаметром 0,8 м, к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 13 примыкала к яме № 12 с северо-востока, круглая, диаметром 0,8 м, к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,2 м от пола.

В общем заполнении ям № 12 и № 13 обнаружены фрагменты горшков (рис. В72, 6, 8, 9), кубка (рис. В72, 7), фрагмент сковороды (рис. F16, 6), две подвески из раковин (рис. Н5, 7, 8), обломок костяной проколки (рис. С4, 9), глиняное пряслице (рис. Н4, 13).

Яма № 14 круглая, диаметром 0,4 м, дно на уровне 0,25 м от пола. Обнаружены фрагменты стенок сосудов и мелкие кости животных.

Яма № 15 круглая, диаметром 0,45 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,25 м от пола.

Яма № 16 круглая, диаметром 0,75 м, к низу расширялась до 0,9 м, дно на уровне 0,65 м от пола. Обнаружено несколько фрагментов сосудов, мелкие кости животных и камни.

Яма № 17 овальная, размерами 1,1 × 0,7 м, ориентирована запад–восток. С одной стороны к низу слегка расширялась, дно на уровне 0,55 м от пола. В заполнении найдены фрагменты горшка (рис. В73, 12) и стенки сосудов (рис. В73, 11).

Яма № 18 овальная, размерами 0,5 × 0,3 м, ориентирована юго-запад–северо-восток, дно на уровне 0,3 м от пола.

Яма № 19 круглая, диаметром 0,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,8 м от пола. В заполнении найден фрагмент горшка (рис. В73, 10).

Яма № 21 круглая, диаметром 0,25 м, дно на уровне 0,2 м от пола.

Яма № 22 округлая, размерами 0,28 × 0,20 м, ориентирована север–юг, к низу сужалась, дно на уровне 0,20 м от пола.

Яма № 23 бобовидной формы, размерами 1,0 × 0,7 м, ориентирована север–юг, к низу сужалась до 0,78 × 0,45 м, дно на уровне 0,2 м от пола. На дне, у западной стенки, найден обработанный отросток оленьего рога (рис. С16, 5).

Яма № 24 круглая, диаметром 0,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,22 м от пола.

Яма № 25 овальная, размерами 0,82 × 0,6 м, ориентирована север–юг, к низу расширялась до 1,0 × 0,85 м, дно на уровне 0,7 м от пола.

Яма № 26 круглая, диаметром 0,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,35 м от пола.

По центральной оси жилища на расстоянии 0,85 и 0,75 м друг от друга расположены три очага.

Очаг № 1 – крайний с северо-востока. Сохранилось округлое пятно обожженного грунта диаметром около 0,7 м. С юга к очагу примыкала круглая предочажная яма (яма № 20) диаметром 0,7 м, к низу она расширялась до 1,0 м, дно на уровне 1,0 м от пола. В яме обнаружены фрагменты сосудов, мелкие кости животных и каменный терочник.

Очаг № 2 – центральный – обожженное округлое пятно диаметром 0,6 м.

Очаг № 3, крайний с юго-запада, в овальной мелкой яме размерами 1,1 × 0,8 м, ориентированной северо-восток–юго-запад, очень обожженное дно на уровне 0,2 м от пола. С юга к очагу примыкала предочажная яма (яма № 11) овальной формы, размерами 1,30 × 0,85 м, ориентирована юго-

запад–северо-восток. Стены ее отвесные, дно на уровне 0,8 м от пола. В заполнении куски печины и небольшой костяной диск с отверстием – пуговица (?) (рис. С19, 9).

С различных участков пола жилища происходят два крупных фрагмента чаши (рис. В73, 6), стенки сосудов (рис. В73, 3–5), фрагмент миски (рис. В73, 7), горшка (рис. В73, 2) и кубка (рис. В73, 8), горловина кубка (?) (рис. В73, 9), черпак (рис. В73, 1).

В нижнем горизонте заполнения котлована помещения № 4а встречены стенки сосудов (рис. В74, 2–4), горшков (рис. В74, 1, 5) и кубков (рис. В74, 6, 7), чаши (рис. В74, 8), зубчатый штамп из стенки сосуда (?) (рис. Н5, 6), костяной наконечник стрелы (рис. С21, 5), железный нож с обломанным концом (рис. Е11, 9).

В верхнем горизонте заполнения котлована помещения № 4а обнаружены стенки сосудов (рис. В74, 10–16; В75, 1), неполный развал горшка (рис. В74, 9), горшковидная корчага (рис. В75, 7), фрагменты кубков (рис. В75, 9, 13), мисок (рис. В75, 18, 19), кубковидных корчаг (?) (рис. В75, 12, 14, 16, 17), ручка черпака (рис. В75, 11), обломок костяной проколки.

Контур котлована помещения № 4б проявился при зачистке пола помещения № 4а. Создается впечатление, что он частично перерезает последний, во всяком случае, его дно местами на 0,15–0,25 м ниже. Большая часть этого котлована выходила за пределы раскопки. На исследованном участке пола найдены фрагмент кубка (?) (рис. В76, 3), горшковидной корчаги (рис. В76, 4), стенки сосудов (рис. В76, 1, 2, 5).

В нижнем горизонте заполнения котлована помещения № 4б выявлены стенки горшков (рис. В76, 6–11, 15–17), мисок (рис. В76, 18, 20, 21), банки (?) (рис. В76, 19), горловина кувшина (?) (рис. В76, 13) и корчаги (?) (рис. В76, 14), фрагмент тигля (рис. F3, 5).

В верхнем горизонте заполнения котлована помещения № 4б найдены фрагменты горшков (рис. В77, 5–7), банки (рис. В77, 8), мисок (рис. В77, 13, 14), стенки сосудов (рис. В77, 1–4, 9–11). Здесь же встречено погребение взрослого человека (рис. А28, 1), в 1,2 м к северо-востоку от него – толстостенный кубок (рис. А28, 2; В77, 12). В этом же заполнении на различных уровнях встречались разрозненные кости человека (ребра, позвонки).

В культурном слое возле жилища № 4 обнаружены фрагменты горшков (рис. В78, 9, 11, 13), кубковидной корчаги (рис. В78, 10)

и мисок (рис. В78, 5, 6), банка (рис. В78, 4), стенки сосудов (рис. В78, 1–3, 7, 8), костяная проколка (рис. С5, 9), обломок проколки (рис. С4, 5), глиняное пряслице (рис. Н4, 11).

Южнее жилища № 4 располагались хозяйственные ямы.

Яма № 1 круглая, диаметром 0,85 м, к низу расширялась до 1,0 м, дно на уровне 0,9 м от ДГ. Обнаружены мелкие фрагменты сосудов, кости животных и несколько небольших камней.

Яма № 2 круглая, диаметром 0,8 м, дно на уровне 0,4 м от ДГ.

Яма № 3 круглая, диаметром 1,0 м, к низу расширялась до 1,5 м, дно на уровне 0,8 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагменты горшков (рис. В79, 2, 3), стенка сосуда (рис. В79, 1), два каменных терочника, несколько небольших камней и кости животных.

Яма № 4 круглая, диаметром 1,1 м, к низу расширялась до 1,6 м, дно на уровне 0,8 м от ДГ.

В культурном слое вне жилищ обнаружены фрагменты горшков и горшковидных корчаг (рис. В79, 13, 14; В80, 5–9), банки (рис. В80, 4), миски (рис. В80, 10), кубка (рис. В80, 12), кубковидных корчаг (?) (рис. В80, 13, 14), стенки сосудов (рис. В79, 11, 12; В80, 1–3, 11), в том числе с многоваликовой орнаментацией (рис. В79, 10), бронзовая серьга в раскрученном виде (рис. Е10, 11), лунницевидная бляха (рис. Е12, 7), обломки железного (рис. Е11, 2) и бронзового шильев (рис. Е11, 5), глиняное пряслице (рис. Н4, 14, 16),

Между жилищами № 4 и 5 было семь ям.

Яма № 5 круглая, диаметром 1,2 м, к низу расширялась до 2,0 м, дно на уровне 1,25 м от ДГ. В заполнении было несколько костей животных, мелкие камни и стенка сосуда (рис. В79, 4).

Яма № 6 круглая, диаметром 1,6 м, дно на уровне 0,65 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты горшка (рис. В79, 5), кубка (рис. В79, 6), ручка от сосуда (рис. В79, 7), несколько камней и костей животных.

Яма № 7 круглая, диаметром 1,45 м, до уровня 0,8 м сужалась и имела цилиндрическую форму диаметром до 1,0 м, далее к низу расширялась до 1,8 м, дно на уровне 1,8 м от ДГ. В заполнении найдены фрагмент миски (рис. В79, 8), много костей животных и камни.

Яма № 8 овальная, размерами 1,25 × 1,00 м, ориентирована север–юг, дно на

уровне 0,15 м от ДГ. Найдена стенка сосуда, кости животных и каменный терочник.

Яма № 9 круглая, диаметром 1,1 м, к низу расширялась до 1,8 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ.

Яма № 10 овальная, размерами 1,8 × 1,6 м, ориентирована север–юг, к низу сужалась до 1,00 × 0,75 м, дно на уровне 1,3 м от ДГ.

Яма № 11 круглая, диаметром 1,6 м, стенки отвесные, с северной и восточной сторон небольшие подбои, дно на уровне 1,5 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагмент горшка (рис. В79, 9), много костей животных, костяное лоцило (рис. С5, 7), бронзовые восьмерковидная (рис. Е10, 3) и большая круглая бляха-фалар (рис. Е12, 8).

В культурном слое на запад от жилища № 4 встречены фрагменты горшков (рис. В81, 1, 2, 5, 6), мисок (рис. В81, 10–13), черпака (рис. В81, 9), стенки сосудов (рис. В81, 7, 8), глиняное пряслице (рис. Н4, 2), обломок рогового псаля (рис. С14, 3), железный нож (рис. Е11, 7), обломок костяной проколки (рис. С4, 6), тупик из нижней челюсти коровы (рис. С4, 11), астрагал с отверстием (рис. С13, 9), проколка (рис. С4, 1), обломки бронзовых булавок (рис. Е10, 9; Е11, 1), несколько бронзовых восьмерковидных бляшек (рис. Е10, 1, 4). На север от жилища – фрагменты горшков и горшковидной корчаги (рис. В82, 3–8, 12), миски (рис. В82, 14), кубковидных корчаг (рис. В82, 13, 15), стенки сосудов (рис. В82, 1, 2, 9, 11), банка (рис. В82, 10). К северу от ям № 7 и 10 – фрагмент бронзовой ножевидной пластинки или спиралевидного браслета (?) (рис. Е10, 11).

В 6,0 м к северу от жилища № 4 найден клад № 4 (рис. Е8, 1) – два больших бронзовых браслета (рис. Е9, 1, 2) и кельт (рис. Е8, 3), в 0,5 м южнее их – железное тесло (рис. Е8, 2).

Объекты и находки на раскопе XI (рис. А29, 2)

Обнаружен край жилища, очаги и ямы.

Жилище № 11 находилось в южной части раскопа, котлован выходил за его пределы, ориентация либо северо-запад–юго-восток, либо запад–восток. Пол жилища на уровне 0,6 м от ДГ. На нем найдены фрагменты горшков и горшковидных корчаг (рис. В83, 1–5). У северной стенки – яма № 23, заполненная золистым грунтом, сверху круглая, диаметром 2,2 м, стенки отвесные, дно на

уровне 0,5 м от пола. В заполнении найдены горшок и миска (рис. В83, 6, 7), обожженная глина, зернотерка, кости животных, куски жаровни (рис. F17, 1).

В заполнении котлована жилища № 11 отмечены находки обожженной обмазки, кости животных, каменный терочник.

Севернее жилища найдены два очага и 27 ям.

Очаг № 1 представлял собой участок обожженного грунта округлой формы диаметром около 0,5 м.

Очаг № 2 – участок обожженного грунта округлой формы диаметром около 0,2 м.

Яма № 1 сверху круглая, диаметром 1,5 м, к низу расширялась до 2,1 м, дно на уровне 1,4 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты сосудов, мелкие кости животных.

Яма № 2 сверху круглая, диаметром 1,8 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,2 м от ДГ. В западной половине было углубление круглой формы, диаметром 1,0 м, также с отвесными стенами, дно на уровне 1,6 м от ДГ. В заполнении обнаружены фрагмент горшковидной корчаги (рис. В84, 1), кости животных, куски обожженной глины, камни.

Яма № 3 сверху круглая, диаметром 1,5 м, к низу расширялась до 1,9 м, дно на уровне 1,2 м от ДГ.

Яма № 4 сверху округлая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма № 5 сверху круглая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,8 м от ДГ.

Яма № 6 сверху круглая, диаметром 1,0 м, к низу расширялась до 1,4 м, дно на уровне 0,8 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты сосудов, кости животных и каменный терочник.

Яма № 7 сверху круглая, диаметром 1,7 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,4 м от ДГ.

Яма № 8 сверху круглая, диаметром 0,9 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от ДГ. В заполнении, кроме мелких костей животных и фрагментов сосудов, найден костяной шпатель (рис. С7, 1) и просверленный зуб животного.

Яма № 9 сверху круглая, диаметром 1,6 м, стенки отвесные. На уровне 0,9 м было круглое углубление диаметром 1,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма № 10 сверху круглая, диаметром 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от ДГ.

Яма № 11 неправильной формы, вероятно, из двух «слившихся» ям. Северная яма овальная, размерами 2,0 × 1,5 м, ориентирована север–юг, стенки отвесные. Южная яма также овальная, размерами 2,5 × 1,6 м, ориентирована запад–восток, дно на уровне 0,9 м от ДГ. Найдены фрагменты горшков (рис. В84, 2–4), кубковидной корчаги (рис. В84, 5), миски (рис. В84, 7) и кубка (рис. В84, 6).

Яма № 12 сверху овальная, размерами 2,6 × 1,7 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, к низу сужалась до 2,25 × 0,90 м, дно на уровне 1,7 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты сосудов, кости животных, глиняная обмазка.

Яма № 13 сверху круглая, диаметром 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

Яма № 14 сверху овальная, размерами 1,8 × 1,6 м, ориентирована северо-запад–юго-восток, стенки отвесные, дно на уровне 0,7 м от ДГ.

Яма № 15 сверху круглая, диаметром 1,4 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,5 м от ДГ.

Яма № 16 сверху круглая, диаметром 1,5 м, к низу овальная, размерами 2,2 × 2,0 м, дно на уровне 0,9 м от ДГ. В заполнении, помимо фрагментов сосудов и мелких костей животных, найден каменный терочник.

Яма № 17 сверху круглая, диаметром 1,3 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма № 18 сверху круглая, диаметром 1,1 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,6 м от ДГ.

Яма № 19 сверху овальная, размерами 1,6 × 1,4 м, ориентирована с северо-востока на юго-запад, стенки отвесные, дно на уровне 1,4 м от ДГ.

Яма № 20 сверху круглая, диаметром 0,8 м, стенки отвесные, дно на уровне 1,3 м от ДГ. В заполнении обнаружены горшок (рис. В84, 8), кости животных, куски глиняной обмазки.

Яма № 21 сверху круглая, диаметром 1,2 м, стенки отвесные, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма № 22 сверху круглая, диаметром 1,5 м, к низу расширялась до 1,8 м, дно на уровне 1,7 м от ДГ.

Яма № 24 сверху овальная, размерами 2,0 × 1,5 м, ориентирована север–юг, стенки отвесные, дно на уровне 1,0 м от ДГ. В заполнении найдены фрагменты сосудов, мелкие кости животных, куски глиняной обмазки,

отдельно лежащие на различных уровнях кости ребенка.

Яма 25 сохранилась частично, размеры и ориентацию установить невозможно, к низу сужалась, дно на уровне 0,8 м от ДГ.

Яма 26 сверху овальная, диаметром 1,25 × 1,10 м, к низу сужалась, дно на уровне 0,9 м от ДГ.

Яма 27 сверху круглая, диаметром 1,5 м, к низу сужалась, дно на уровне 0,85 м от ДГ.

В 1972 г. из культурного слоя раскопа «в собрание коллекции обычный рядовой материал не отбирался» (Ильинская и Тереножкин, 1972: 34). «Отобранными» оказались фрагменты горшков (рис. В85, 1–3, 5–8; 86, 1, 5), развал горшковидной корчаги (рис. 85, 9), стенки сосудов (рис. В86, 3, 4, 9–12, 15), кубки (рис. В86, 7, 8) и боковина кубковидной корчаги (?) (рис. В86, 14), чаша (рис. В86, 13), тигли (рис. F3, 1, 3, 6). Среди других находок имеются фрагмент сильно обожженной глиняной воронки, абразив для заточки крупных лезвий – мечей (?) (рис. D1, 7), точильный песчаниковый камень, куски каменных зернотерок (рис. D2, 4) и терочников, обломок каменного проушного топора – возможно, переоформлен в привязной молоток (?) (рис. D10, 1), костяные проколки (рис. С4, 2, 3), шпатель (рис. С6, 3), массивная проколка на рукояти (рис. С4, 4), кочедык (рис. С9, 4), глиняное изделие в виде колесика. В 13 м к западу от жилища найден фрагмент горшка (рис. В85, 4) и развал горшковидной корчаги (рис. В85, 9), в 15 м к северу – фрагмент чаши (рис. В86, 2) и жаровни.

I.4. МАЛЫЙ ГОРОДОК

Уровень поверхности от Большого Городка в сторону Малого Городка и далее к краю последнего имеет уклон в 25–30°. Уклон от края останца Малого Городка к подножию мыса – 70–80°. Этот останец имеет высоту около 26–30 м, примерно на середине его высоты, с западной стороны, расположена еще одна, не имеющая правильных геометрических форм площадка-останец размерами 60 × 20 м. С северной, западной и южной сторон склоны, возможно, искусственно эскарпированы.

Между Большим и Малым Городком находится ров (рис. А4; А5). Он имеет ширину до 20 м, вырыт в понижении – в месте обрушения северо-западной оконечности ранее единого мыса. Во рву на глубине около 5,0 м есть проход-перемычка шириной до 10 м, плавно переходящая в овраги. Со

стороны Большого Городка крутизна рва составляет 70°, со стороны Малого – 30°.

На юго-восточной оконечности площадки Малого Городка расположен земляной вал. А.И. Тереножкин полагал, что на большей части вал разрушен в силу естественных причин и графически реконструировал его как кольцевой, т. е. полностью окружавший Малый Городок (Тереножкин, 1961: 23, рис. 11). На самом деле вал был подковообразный, имеет наибольшую высоту около 1,6 м от СП возле перемычки, к краям постепенно понижается и исчезает. Возводить его по всему периметру Малого Городка не было необходимости из-за высоких крутых, физически неприступных склонов, в чем легко убедиться и сейчас. Напомним, что такие же подковообразные валы известны и на других городищах – Чернолесском, в ур. Секирное у с. Жаботин, Янычском, Полудневском, где они с напольной стороны также ограждают небольшие останцы между двумя большими оврагами (Тереножкин, 1961: рис. 2; 14; 16; 17). Рвы и валы с напольной стороны известны и на других близких территориально и хронологически Суботовскому городищу памятниках (Лагодовська, 1954: 133).

В 1994–1995 гг. в наивысшей точке вала была заложена поперечная траншея. Установлено (рис. А30, 1, 2), что материковый верхнеплейстоценовый лесс залегает на уровне 1,55 м от вершины (гребня) вала. В основании вала – погребенная почва толщиной до 0,5 м с наклоном под углом 10–15°, которая по своей структуре и цвету приближается к выщелоченным и оподзоленным черноземам. На уровне ДГ – слой белой глины толщиной до 0,18 м со спорадическими включениями очень мелких кусочков горелого дерева. Очевидно, белесой глиной произвели своеобразную предварительную разметку перед сооружением вала. Эта глина была выброшена при рытье канавы шириной около 1,0 м у подножия вала с внутренней стороны. Основная насыпь вала (ядро) состоит из лесовидного светло-серого грунта с включениями кусков белесой глины и большого количества археологического материала. С внутренней стороны ядро перекрыто еще одним слоем белесой глины толщиной от 0,25 до 0,70 м, заходящей и на его вершину. На этой глине залегает мощный слой зеленой глины толщиной до 0,8 м, взятой из глубинных отложений по склону останца или из основания рва. Невдалеке от подошвы вала, в гумусирован-

ном суглинистом грунте, бессистемно лежат необработанные известняковые камни. Так как слой зеленой глины выходит за края погребенной почвы, возможно, ею укрепили не только внутренний склон, но частично и вершину.

Никаких признаков, которые бы указывали на наличие на гребне вала каменных или деревянных конструкций, нет. Отмечу еще такую деталь, как наличие с внутренней стороны вала нескольких уступов. Более или менее четко прослеживается не менее пяти: первый (нижний), у края погребенной почвы, образован за счет небольшого углубления в материке (канавка у внешнего края вала); второй – в погребенной почве, у основания слоя белесой глины; третий – в месте стыка белесой прослойки, залегающей по склону, и погребенной почвы; четвертый – на середине ядра; пятый – в верхней части белесой прослойки, в зоне ее стыка с дерновым слоем.

Под валом, на уровне ДГ, обнаружено погребение женщины (?) в возрасте 16–18 лет¹ (рис. А31, 1, 4; см. Приложение № 3), возле левого локтя найден астрагал овцы с обточенными гранями (рис. А31, 3) и небольшой однолезвийный железный нож (рис. А31, 2).

Находки в ядре вала представлены фрагментами сосудов (рис. В87, 9, 10, 12–14; В88, 7) и глиняных вальков, кусочком керамического шлака, печиной, куском каменной обожженной зернотерки (рис. D7, 5) и мелкими камнями.

В других местах вала получены еще два разреза, показавшие, что его структура в целом одинакова. В одном из разрезов были кусок дерева, обожженная глина, куски кварцита (в том числе обработанные), обожженные камни, кусочки глиняных вальков, льячка, пряслице, каменные терочники, куски каменной зернотерки и глиняной литейной формы для отливки булавки (рис. F12, 6), абразив из стенки сосуда (рис. H2, 14), стенки сосудов (рис. В87, 7, 8, 11, 15), стенки сосудов с многоваликовой орнаментацией (рис. В87, 1–3). Иными словами, большая часть вала возведена из перемещенного культурного слоя².

1. В статье В.И. Клочко, Н.Н. Ковалюха и И. Мотценбеккера указано, что это скелет подростка 10–12 лет (1998: 97), что повторил С.Д. Лысенко (2004а: 263). Несмотря на мое замечание (Гершкович, 2004б: 269), ошибку продолжают тиражировать до сих пор (Дараган, 2011: 717, 718).
2. Такая же ситуация характерна для Чернолесского городища (Тереножкин, 1952: 120).

Шурфовка площадки Малого Городка в 1990-х гг. не выявила признаков культурного слоя за исключением редких находок фрагментов сосудов (рис. В87, 1; В88, 9). Почва здесь вообще очень плотная. Шурфовкой на Малом Городке в 1951 г. также не выявлено объектов и культурного слоя (Тереножкин, 1951а: 3).

В 1972 г. местные жители передали А.И. Тереножкину бронзовые браслеты (рис. Е4, 1, 2), найденные, по их словам, в горшке на Малом Городке (клад № 5?). А.И. Тереножкин не занимался уточнением места этой находки, да и вряд ли это было возможно. Кроме этого, в отчете 1951 г. он сообщил, что, по словам местного жителя, тот «в 1910 г. на Малом городке выпалхал высокий глиняный сосуд, наполненный предметами конской узды из бронзы, а именно: удила, три или четыре большие круглые гладкие бляхи и свыше сотни мелких таких же бляшек с петлями на обратной стороне» (Тереножкин, 1951а: 2). Вероятно, местный житель сообщил не вполне достоверные сведения, но сам факт находки вполне реален, так как описание и состав этого клада

совпадает с теми, которые были получены в ходе раскопок.

I.5. НОВЫЙ ГОРОДОК

Об этом участке известно очень мало. Бросается в глаза его доминирующее положение (абсолютная высота 146,3 м над уровнем моря) относительно Большого и Малого Городков. На поверхности собраны фрагменты горшков и стенки сосудов (рис. В88, 10–17). Не исключена возможность их перемещения вместе с грунтом с близлежащих более высоких и крутых склонов плато дождевыми потоками и тальми водами. Осмотр обнажений со стороны большого северного оврага показал, что явных археологических объектов здесь нет, хотя заметны локальные выходы более светлой почвы, по структуре и цвету напоминающие культурный слой.

С.Д. Лысенко (2004: 249) предполагает существование вокруг чернолесских городищ открытых поселений. Возможно, такое поселение существовало в пределах Нового Городка.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

II.1. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И ПЛАНИГРАФИЯ ОБЪЕКТОВ

Культурный слой представляет собой переработанную в результате антропогенного и природного воздействия почву, включающую различные категории материальных остатков. В пределах того или иного памятника его мощность может значительно увеличиваться или уменьшаться вплоть до полного исчезновения, фиксируя границы бытовых, хозяйственных, производственных и иных зон. Его пред- и постдепозиционные изменения обусловлены последовательностью и продолжительностью образования. Даже первоначально идентичные синхронные отложения могут менять свой цвет в условиях вторичного залегания, а материальные остатки часто откладываться очень неравномерно.

В составе культурного слоя Суботовского городища — лессовидный светло-серый уплотненный грунт без каких-либо стерильных прослоек. Его нет только на северной и северо-восточной оконечностях Большого Городка. Этот «пустой» участок начинается от перешейка, соединявшего Новый и Большой Городки, и доходит до рва и вала на Малом Городке. В результате вырисовывается нечто вроде ответвления от дороги, шедшей через южную часть Большого Городка вниз к р. Суботь и далее в долину р. Тясмин¹.

1. Еще у одного возможного спуска к р. Тясмин располагалось городище на Замчище в 2 км севернее от Суботовского.

В нижней части засыпки котлованов жилищ грунт культурного слоя наиболее темный, так как при залегании сплошным массивом на значительной глубине меньше подвергался интенсивному и длительному естественному воздействию (промерзанию, размывам, ветровой эрозии). А.И. Тереножкин обозначал такой грунт как зольно-земляные скопления, зольники или пепельный грунт².

За пределами котлованов жилищ и ям культурный слой залегает на предматериковом лессовидном суглинке и занимает около 2/3 площади Большого Городка. В северной зоне его максимальная толщина и насыщенность находками отмечена возле жилищ. В центральной зоне золистого грунта нет на раскопе X, в других местах он снова приурочен к жилищам, на удалении от которых замечен слабо и, возможно, частично связан со значительно более поздним этапом заселения носителями зарубинецкой культуры. В южной зоне культурный слой также определенно связан с жилищами, но слабо выражен возле жилища № 11 и в заполнении его котлована. На Малом Городке под валом хорошо сохранилась погребенная почва без признаков золистого грунта, но ядро вала состояло именно из него. Складывалось впечатление

2. Как и А.И. Тереножкин, зольником Ю.В. Буйнов назвал золистое заполнение котлована жилища на городище бондарихинской культуры Веселое на правом берегу р. Великий Бурлук в Харьковской обл. (Буйнов, 2005: 247, 248, рис. 1).

ние, что этот грунт принесен сюда с близлежащих участков Большого Городка, но там каких-либо явных следов срытия почвы нет.

В целом на общем плане Большого Городка разрывы культурного слоя фиксируют, помимо дороги и ответвления от нее, несколько пространственно-обособленных участков овальной или округлой в плане формы размерами от 40 × 30 до 70 × 60 м, расположенных на расстоянии примерно от 10–15 до 30–35 м друг от друга (рис. А5). Они представляют собой отдельные домохозяйства.

Домохозяйство № 1 состояло из трех жилищ (№ 7–9), расположенных в ряд в направлении запад–восток; № 2 – из трех¹ (№ 1, 2, 6) по линии северо-запад–юго-восток; № 3 – из двух (№ 5 и 4, последнее из двух помещений), расположенных в ряд северо-запад–юго-восток. Границы домохозяйств № 4 и 5 нечеткие из-за незначительной исследованной площади. В одном из них не менее одного, в другом не менее двух жилищ. В центре Малого Городка, вероятно, располагалось еще одно домохозяйство, но культурный слой там или смыт вниз по крутому склону, или срыт для возведения ядра вала. Здесь он явно не доходил до краев останца, что хорошо видно по разрезу вала (рис. А30, 1, 2).

На Большом Городке домохозяйства окружают лишенную культурного слоя и объектов площадку размерами около 60 × 30 м. Подобные площадки известны на поселениях с круговой планировкой (Берестнев, 2001: 77; Ромашко, 2013: 58) и трактуются либо как загоны для скота (Шаповалов, 1976: 152; Березанская, 1982: 103; Кузьмина, 1994: 70), либо как культовые места (Ромашко, 2013: 58). В реальности их функции более разнообразны, например, они могли служить местом сбора (своеобразной агорой) для жителей древнего поселка и ближайшей округи.

На Большом Городке группы жилищ образуют так наз. гнезда или кусты, которые следует отличать от блоков, встречающихся в эпоху поздней бронзы и в начале переходного периода на поселениях с каменным домостроительством в Северо-Восточном Приазовье (Горбов, 1997) и Северном и Северо-Западном Причерноморье. Блоки образуют расположенные впритык жили-

ща², т. е. это несколько иной планиграфический и архитектурный принцип, хотя также предполагающий обособленность жилищ. Их сравнивают с инсулами (Черняков, 1985: 44; Ванчугов и Раллев, 1999: 106–109), многокомнатными домами, состоявшими из жилых и нежилых помещений, или с дворами (Ванчугов и др. 1991: 9, рис. 4).

В эпоху поздней бронзы группы жилищ в виде гнезд или кустов характерны для так наз. зольников белогрудовского типа, расположенных, как правило, на низких участках рельефа вне больших стационарных поселений или на их периферии. Прежде, чем перейти к анализу ситуации на Суботовском городище, рассмотрим эти памятники.

II.2. ЗОЛЬНИКИ БЕЛОГРУДОВСКОГО ТИПА

На территории Украины зольники были выявлены еще в конце XIX – первой четверти XX вв. Это всхолмления, внешне очень похожие на курганы. Они получили название из-за обильных включений неплотного грунта светло-серого или белесого цвета, напоминающего пепел или золу. Сейчас на открытых участках местности из-за продолжительной интенсивной распашки они заметны на поверхности лишь по светлым пятнам, но под лесом могут достигать толщины до 2,0 м. Их размеры варьируют приблизительно от 30 × 20 до 60 × 40 м. В местах сосредоточения нескольких зольников культурный слой между ними фактически отсутствует.

Термин «зольники белогрудовского типа» ввела С.С. Березанская, и он стал привычным (Березанська, 1970: 23; 1982: 168; 1987: 118), хотя зольники свойственны не только белогрудовской культуре и появились до нее. В эпоху поздней бронзы они представлены в лесостепи и степи от Подунавья и Поднестровья до Нижнего и Среднего Поднепровья в культурах Ноуа, Кослодженъ, сабастиновской и тшинцево-комаровской³. С самого начала переходного периода они зафиксированы в степной зоне на позднесабатиновских-раннебело-

1. О характере «жилища» № 3 см. в следующей главе.

2. На Большом Городке блокировка, да и то неполная, представлена только в жилище № 4, состоявшем из двух помещений.

3. С.С. Березанской тшинцево-комаровские зольники были не известны, она считала, что в белогрудовскую культуру эта традиция перешла из среды культуры Ноуа (Березанська, 1970: 28).

зерских поселениях, но позже неизвестны. В южной лесостепи зольники встречаются на раннегалыштатских, белогрудовско-чернолесских памятниках и вплоть до раннескифского времени (Березанська і Тітенко, 1954; Лагодовська, 1954: 133; Бессонова, Романюк и Скорый, 1995; Рыбалова, 1999: 326–327; Куштан, 2007: 7; Нісіс, 2008: 490).

II.2.1. ЗОЛЬНИКИ: ОБЪЕКТЫ КУЛЬТА ИЛИ БЫТА?

Дискуссия о сути (характере) зольников белогрудовского типа традиционно сводится к либо культовой, либо производственно-бытовой их интерпретации.

Для культовой трактовки зольников наибольшее количество фактов неоднократно приводила С.С. Березанская (Березанская, 1982: 174; 1987: 118, 120): расположение всхолмлений или светло-серых пятен вдали от воды и отдельно друг от друга, отсутствие культурного слоя вверху и за пределами всхолмлений, фрагментированность керамики, незначительное количество костяных и кремневых изделий, находки многочисленных миниатюрных сосудов, пряслиц, глиняных «хлебцов» и других явно или предположительно votивных изделий. Остатки ям и очагов исследовательница объясняла исключительно необходимостью приготовления жертвенной пищи (Березанська і Пясецький, 1978: 49–50, рис. 1; Березанская, 1982: 168). Б.А. Рыбаков, отвечая на вопрос, «что же представляют собой зольники – жилые бугры или священную помойку?», не сомневался, что эти объекты позднего бронзового – раннего железного века отличаются от жилищ (Рыбаков, 1981: 306, 312–316). И.П. Русанова (2002: 113) указывала на культовое назначение зольников скифского времени и на их сходство с античными и с зольниками-святилищами эпохи бронзы.

Культовая трактовка зольников, на первый взгляд, привлекательна, но ее сторонники игнорировали ряд очевидных фактов. Зольники белогрудовского типа действительно часто располагаются вдали от современных водных источников, но приурочены к пониженным участкам рельефа, истокам балок, в которых в древности, наверняка, протекали ручьи, т. е. был хотя бы сезонный водоток. Что касается фрагментированности керамики, то находки в них целых или развалов сосудов тоже не редки, не

езде засвидетельствованы многочисленные миниатюрные сосуды, да и критерии признака «миниатюрность» никем четко не обозначены. Основная масса находок не отличается от ассортимента из культурного слоя обычных поселений. Наконец, обожженность костей, сосудов, орудий труда из кости и камня вполне объяснима бытовым использованием, вообще следы воздействия огня встречаются не повсеместно. Поэтому не удивительно, что А.И. Тереножкин всхолмления в Синицком лесу возле Умани и в Собковке, которые он назвал буграми, считал остатками жилищ. Показательно, что такой вывод он аргументировал теми же признаками, которые С.С. Березанская отнесла к разряду культовых (Тереножкін, 1951б: 173–174; 1961: 9, 10).

Г.Н. Тощев и И.Т. Черняков (1986: 136, 137), рассматривая материалы сабашиновского зольника у с. Новоселица, пришли к выводу о последовательном накоплении золы у очага, затем у очажной ямы, в отдельном жилище, группе жилищ и последующем возведении из накопленной золы всхолмления, но вне поселения. Под раннескифским зольником в ур. Лысая Гора на Киевщине открыта небольшая землянка и отмечена синхронность находок в ее заполнении и насыпи, хотя авторы раскопок считают, что зольник образовался за счет сброса принесенного откуда-то со стороны очажного мусора (Бессонова, Романюк и Скорый, 1995: рис. 2: 21). И в первом, и во втором случае осталось загадкой, где и на каком конкретно поселении находились места первоначального накопления золы.

Недавно попытку дать культовое объяснение зольникам культуры Ноуа предпринял румынский археолог М. Виттенбергер (Wittenberger, 2013: 168–170). Но большинство исследователей культуры Ноуа, пытаются решить вопрос, за счет каких действий они образовались, обращали внимание, как и А.И. Тереножкин, на остатки под или рядом с ними наземных жилищ (Petrescu-Dâmbovița, 1953: 450; Florescu, 1964: 191–192, 203–204; Morintz, 1978: 152; Savruc, 1996: 69). П. Драгомир, исходя из того, что только остатков жилищ было недостаточно для появления всхолмления, предположил использование куч навоза, которые накапливали рядом с жилищами и сжигали с целью гигиены (Dragomir, 1959: 455).

А.И. Мелюкова отличала зольники культуры Ноуа от белогрудовских, ссылаясь на отсутствие в первых наслоений и подсы-

пок, расположение на поселениях, а остатки жилищ не связывала непосредственно с их формированием (Мелюкова, 1961: 12–15). Между тем, в зольниках белогрудовского типа многочисленных наслоений также зачастую нет, за них принимают залегание грунта светло-серого цвета и гумуса единой линзой внутри насыпи (Березанская, 1982: рис. 65). Единственный известный случай залегания золы с углями выше очагов внутри чернозема с подзолом зафиксирован в зольнике № 6 в Собковке (Там же: рис. 63), где этот слой нужно рассматривать как конструктивную деталь, возникшую в ходе образования первичной насыпи.

Г.И. Смирнова (1969: 13–14) отмечала постепенный рост всхолмлений вследствие выброса в одно место золы из жилищ, расположенных где-то рядом. Подобные взгляды развил Е.Н. Сава, считая зольники следами навозных куч, «перемешанных с остатками человеческой жизнедеятельности, которые накапливались на протяжении длительного времени рядом с жилищами и в загонах для скота» (Sava, 2003: 21). Позже он признал их полифункциональность (Sava, 2005: 88–91, 93) и вместе с Э. Кайзер подчеркивал, что они являются остатками «хозяйственно-производственной деятельности населения» (Sava und Kaiser, 2011: 20, 442).

Сторонники бытовой трактовки видели в всхолмлениях только остатки жилищ, перед взором любителей культов на их месте пылали костры, танцевали шаманы, понуро брели гонимые на заклятие животные. Подход по принципу или / или считаем непродуктивным из-за двойственной природы этих памятников, на что автор давно обращал внимание (Gerškovič, 1999: 43–45). Упорное неприятие (или непонимание?) приводимых аргументов заставляло вновь и вновь возвращаться к этой проблеме. Ничего необычного и принципиально нового в этом нет. Даже краткий анализ историографии демонстрирует, что нередко исследователи уходили от решения вопроса о сути зольников и раньше, не желая вникать в исходные позиции друг друга, зачастую искажая или игнорируя их (Гершкович, 2004а: 109). Один из последних примеров такого рода – статья Л. Дитрих, в которой поставлена банальная задача решать проблему с учетом не только внутренней структуры зольников (надо полагать с этим уже вопросов нет?), но и прилегающего к ним пространства (Dietrich, 2011: 132,

133, 137). К сожалению, выбранный ею для анализа объект – некий котлован культуры Ноуа на поселении Ротбав в юго-восточной Трансильвании – проиллюстрирован схематично (Ibid: Fig. 2; 4), за его пределами обнаружены разновременные культурные отложения культур Витенберг, Гава, не говоря уже о двух горизонтах культуры Ноуа. Таким образом, в этом котловане и вне его, возможно, сравниваются заведомо разновременные материалы, что делает решение проблемы невозможным в любом из вариантов.

II.2.2. ФОРМИРОВАНИЕ И АРХЕОЛОГИЗАЦИЯ ЗОЛЬНИКОВ БЕЛОГРУДОВСКОГО ТИПА

Исходные вопросы, которые должны быть поставлены для объяснения характера археологических памятников, сформулировал Л.С. Клейн: «Как, почему, зачем этот источник формировался – обретал свою форму и структуру, насыщался соответствующей информацией, соответственно ее преобразовывал и консервировал». Исследователь указал четыре вида человеческой практики, обусловивших формирование памятника: обитание – наиболее широкая деятельность, приводившая к его образованию; хранение или упокоевание – деятельность, распространенная на отдельные, специально отобранные части остатков; созидание – остаются отдельные сооружения; пребывание – изолированные остатки в различных местах вследствие кратковременного их посещения. При сопоставлении этих разных видов формирования со способами археологизации – через катастрофу, специальный вынос, нормальное или аномальное выпадение – культурные слои поселений, жертвоприношения, святилища, культовые сооружения, производственные участки попадают в разные классификационные ячейки, представляя разные типы гомогенных (простых) памятников (Клейн, 1978: 89, 100–112, табл. IX).

Непреодолимые преграды в интерпретации возникают тогда, когда не учитывается возможность гетерогенного характера памятника, его формирование через различные виды практики и способы археологизации. Зольники белогрудовского типа не являются статичными застывшими структурами наподобие разовой погребенной под слоем вулканического пепла Помпеи. Практически заранее бесполезно их изучение

по принципу *Pompeii premise* (Kadrow, 1998; Клейн, 2011: 328), так как они обретали форму и структуру постепенно, содержат признаки как профанного, так и сакрального характера. Только учет признаков этих двух сфер позволяет избежать противоречий в трактовке зольников.

Если принять за основу зависимость формирования зольников белогрудовского типа от той или иной человеческой практики и способа археологизации, получаем следующую многоэтапную схему.

I этап – появление жилищ, образующих домохозяйство. Основные действия: выбор участка под застройку, его ограждение, возведение первых жилищ, иногда захоронение людей в качестве строительной жертвы (см.: Зеленин, 2004: 145–152 и др.).

Археологическое отражение: находки *in situ* оснований печей и очагов, каркаса жилищ, ям-погребов, погребения людей под полом жилищ. Остатки оград из камней сохранились на поселениях культуры Ноуа Старые Рошиетичи, Гиндешти, Островец (Мелюкова, 1961: 10; Балагурі, 1964: 54–56). На городище белогрудовской культуры Адамовка (в 10 км северо-восточнее Суботовского городища) предполагается наличие плетня (Березанська, 1970: 21). Остатки заборов, изгородей, оград отмечены для многих поселений эпохи поздней бронзы разных территорий (Кузьмина, 1994: 70; Горбов и Усачук, 2001: 30). Они выступают как искусственные ограничители, за пределы которых культурный слой и предметы массово попадать не могли.

Выявление контуров жилищ обеспечивается тщательной фиксацией всех находок (а не только наиболее аттрактивных с точки зрения исследователя), как минимум, на уровне основания всхолмления. При этом нельзя исключать, что жилища представляли собой легкие конструкции, от которых почти ничего не остается. Также часто, хотя не всегда, не прослеживаются очаги или те же заборы, но первые на поселениях эпохи поздней бронзы порой отсутствуют в пределах даже явных больших жилищ (Шарафутдинова И., 1982: 40), а вторые большей частью уничтожались при оставлении домохозяйства (см. ниже) или же оказались за пределами исследованных раскопками участков.

В случае находок погребений людей зольники белогрудовского типа ошибочно интерпретируют как курганы. Например, в начале 1980-х гг. на Волини, в бассейне

р. Горынь у с. Дорогоща, были исследованы небольшие всхолмления. По их разрезам четко выделяется перекрытые слоем желтого песка массивы песка и пепла, нижние части которых имели вид «утрамбованных площадок» с очагами и ямами (Винокур, Гуцал і Мегей, 1998: 434, 448, 451, мал. 2, 10, 17, 23, 25). В толще песка выявлены фрагменты, развалы и даже целые сосуды, кремневые и бронзовые изделия, пряслице и т. п., но погребение человека по обряду труположения найдено лишь под одной насыпью на уровне материка (Там само: 441, мал. 11). Рядом с Дорогощей, на окраине г. Нетишин, исследованы такие же по структуре и составу находок объекты (Березанська, Гершкович і Самолюк, 1998: 53–54). В свете сказанного, трактовка объектов в Дорогоще, Нетишине и им подобных как курганов исключается.

На этом этапе формирование будущих зольников осуществлялось через обитание, а археологизация – нормальное выпадение.

II этап – функционирование домохозяйства. Основные действия: накопление на уровне дневной поверхности хозяйственно-бытовых остатков и органики растительного и животного происхождения, которые постепенно становятся составной частью культурного слоя. Естественное почвообразование внутри домохозяйства кардинально нарушается или даже полностью прекращается из-за длительного антропогенного воздействия.

Археологическое отражение: в составе глиняной посуды есть образцы фактически всех функциональных групп (см. главу IV); кости животных – типичные кухонные отбросы, характеризующие весь половозрастной и видовой состав домашнего стада (Журавлев и Гершкович, 1999; Моргенштерн, 2011: 254; Хохмут, 2011: 337, 338, 341); ассортимент орудий и инструментов из камня, кости, металла тот же или очень близок ассортименту обычных поселений. Вне жилой зоны, за оградой, культурного слоя и массовых находок нет (Мелюкова, 1961: 12, 14; Florescu, 1964: 203; Балагурі, 1968: 142; Смирнова, 1969: 10; Березанська, 1970: 20, 27).

Археологические данные дополняются педологическими: культурный слой имеет очень слабые признаки гумусонакопления (см. Приложение 1), уровень древнего горизонта различается с большим трудом или вообще практически не заметен. Последнее объясняют специальным предварительным

обустройством площадок (Березанська і Пясецький, 1978: 48), но культовый характер этих действий вовсе не обязателен. Например, имеется информация о наличии видимого уровня древнего горизонта под зольниками № 1 и 3 в Гиндешть. Если здесь зола действительно залежала на уровне древнего горизонта (см.: Мелюкова, 1961: 8, 9, рис. 2), а не на слабогумусированном плотном не контрастном уровне предматерика, то это связано не с длительным накоплением бытового мусора, а с его быстрым одноразовым складированием, приведшем к консервации локального участка древней дневной поверхности — иначе под невысокой насыпью уровень древнего горизонта, как и в невысоких курганах, был бы невидимым.

На этом этапе формирование и археологизация те же, что и на первом — через обитание и нормальное выпадение. Такое совпадение формально указывает на возможность объединения этапов I и II, но этап I более или менее сжат во времени, тогда как II этап продолжителен и более разнообразен по материальному содержанию и потенциальным видам деятельности.

III этап — оставление и деструкция домохозяйства, сопровождаемые его сакрализацией (см.: Байбурин, 1983: 3–22; Усачева, 2007: 238–239).

Основные действия: разборка жилищ, захоронение людей или частей их тела, а также черепов или частей туш животных, в особых местах укладывали глиняные «хлебцы» и статуэтки. Сакрализация распространяется и на предметы, на первый взгляд, вполне утилитарного назначения: возле и внутри домов разбивали сосуды, оставляли непригодный для дальнейшего использования производственный и бытовой инвентарь, в частности, «захоронению» подлежали предметы литейного дела (Черных, 1976: 173; 1978а: 284), иначе — «ритуальному убийству» (Charman, 2007: 57–58), или их просто «прятали» (Voškarev und Leskov, 1980: Taf. 20, Karte 1).

Археологическое отражение: находки во «взвешенном состоянии» кусков глинобитных печей и очагов, фрагментов обмазки стен жилищ; глиняные вальки различной формы и фигурки животных, единичные и в скоплениях, находятся в неглубоких ямках, в верхней части заполнения больших хозяйственных ям и возле очагов, т. е. в таких условиях, в которых они не могли сохраниться, если бы жизнь в пределах домохозяйства продолжалась. Фрагменты одних

и тех же сосудов образуют развалы, иногда залегают на разных глубинах культурного слоя и в заполнениях котлованов жилищ, у очагов и вне их, на разных уровнях заполнения ям¹. Там же встречаются погребения, отдельные кости и черепа людей, но уже не как строительные жертвы. Производственный инвентарь имеет значительную степень износа или фрагментирован (Gerškovič, 1999: Taf. 39–43; 44, 4–7; 49). В целом имеет место преобразование обычного мусора в «священный мусор», а весь цикл действий можно назвать «жертвой оставления жилища» (Мимоход, 1996: 27–28; 2001: 99; Горбов, Мимоход 1999: 25, 27–28) или «обрядом оставления жилища» (Гершкович, 2004а: 106).

На этом этапе формирование происходит через упокоение, археологизация — через специальный вынос.

Интересные этнографические и исторические параллели предоставляет изучение жизни индейцев тараумара на северо-западе Мексики, сочетающих в хозяйстве мобильное скотоводство и земледелие. Тараумара периодически оставляют дома и переносят на новое место все, включая постройки. На прежнем месте остаются выброшенные и поломанные вещи, мусор, а также большие каменные емкости для кормления животных, которые легче изготовить заново, чем транспортировать на новое место (Graham, 1993: 36–37).

IV этап — искусственное образование первичной насыпи.

Основные действия: накопившийся в пределах жилищно-бытовой зоны мусор и срытый грунт культурного слоя вместе с частично задетым предматериком складировуют над остатками жилищ, причем происходит это быстро и фактически разово.

Археологическое отражение: наличие всхолмления или массива светло-серой почвы над бывшими жилищами или иными объектами, что обычно хорошо видно по разрезам и общему плану и что называют зольным слоем.

На этом этапе формирование осуществлялось не только через упокоение, но и созидание (образование всхолмления), археологизация — через специальный вынос.

V этап — естественное преобразование насыпи.

1. Это является доказательством того, что на этот момент ямы были пустыми.

Основные процессы: сконцентрированный в одном месте грунт, вмещающий значительное количество органики, перегнивая без доступа воздуха, постепенно приобретает светло-серый (пепельный) цвет¹. Тем самым создаются идеальные условия для активного роста бурьянов и кустарников, перегной и корневая система которых, в свою очередь, приводили к накоплению гумуса, интенсивному формированию дернового слоя. В результате ежегодных продолжительных сезонных смывов по склонам вниз, у подошвы, как и в полах курганов, накапливались темные гумусные отложения, впоследствии перекрытые окончательно осевшей и расплывшейся насыпью.

На этом этапе не исключается обитание и нормальное выпадение или пребывание и специальный вынос. Но археологически их выявить и / или отличить от предшествующих бывает очень трудно, а зачастую и невозможно.

В рамках приведенных последовательных этапов возможны различные вариации. Иногда внутри всхолмлений встречаются камни (Ванчугов и др., 1991: 30–31, рис. 13), по краям – глиняные площадки (Березанська, 1970: 21–23, рис. 1), служившие для укрепления насыпи. Большие или меньшие размеры всхолмлений обусловлены продолжительностью существования домохозяйства и интенсивностью бытовой и производственной деятельности в нем. Отсутствие золы, отмеченное А.И. Тереножкиным для «бугров» Белогрудовского леса, Собковки, Синицкого леса (1961: 8–10), связано с непродолжительным накоплением там культурного слоя, в других случаях – результат плохой сохранности органики в специфичных почвенных условиях, например, в супеси².

Крайне важно, что зольники белогрудовского типа образовывались непосредственно над остатками жилищ в пределах домо-

хозяйств, а не где-то далеко за пределами последних. Те объекты и материалы, которые иногда обнаруживают рядом с зольниками, относятся к другому времени. Так, в Магале материал рядом с зольником культуры Ноуа относится к раннегалльскому горизонту. В Островце возле зольника той же культуры находилось жилище, но из него происходит более поздняя «керамика фракийского типа» (Балагурі, 1968: 145). В Кавадинешть три жилища действительно располагались рядом, но одно из них в зольнике более древнего горизонта, два – позднего (Dragomir, 1959; 1961: 157). Непонятной остается ситуация с поселением Петрушень, где, по приведенному общему плану раскопанного участка, очевидно лишь наличие единого светло-серого слоя (Levitskii, Sava, 1993: Des. 2; Sava, 2005: Abb. 8), но характер объекта, в котором он залегал, не выяснен, так как не раскопан полностью.

С.С. Березанская была права, выделив зольники белогрудовского типа и увидев в них следы ритуальных действий. Но правы были и исследователи, увидевшие в них остатки жилищ. Противоречия исчезают, если представить рассматриваемые памятники как результат преобразований первоначально жилого или производственно-бытового объекта в культовый, – преобразований, как бы дублирующих жизненный цикл человека, т. е. рождение соответствует I этапу моей схемы, жизнь / существование – II этапу, смерть – III этапу, захоронение – IV этапу.

II.2.3. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «ФАЗАХ» ЗОЛЬНИКОВ ПО Е.Н. САВЕ И Э. КАЙЗЕР

Несколько лет немецкие и молдавские археологи проводили раскопки около с. Одая-Мичурин Дракиевского р-на Республики Молдова на берегу небольшого притока р. Реут³ (Sava und Kaiser, 2011: Abb. 10). Они обеспечили завидную комплексность исследования, осуществив подробную топографическую и геомагнитную съемку, флотацию грунта, археозоологический, почвоведческий, химический и палеоэтнобота-

1. И. Драгомир допускал образование такого грунта в результате самовозгорания и длительного тления органики (Dragomir, 1981: 31–37), но это совершенно иной процесс, чем предполагаемый мной. Как минимум, «сомовозгоревшаяся» масса должна была сразу перекрыта грунтом.

2. Объект, исследованный в Синицком лесу, состоял из чернозема и суглинка (Тереножкін, 1951б: 174). В Собковке «чернозем с подзолом» был приурочен лишь к участкам обожженной глины – очагам (Березанская, 1982: рис. 63–65). Мощные светло-серые прослойки отсутствовали в Славутском зольнике (Березанська і Пясецький, 1978: 49).

3. В Пруто-Днестровском междуречье известно более 400 поселений с «зольниками» культуры Ноуа. Высокая их концентрация отмечается именно в бассейне р. Реут – 90 поселений (Sava și Sîrbu, 2009: 169).

нический анализы, получена большая серия радиоуглеродных дат. Почвенно-химические и минералогические анализы ¹ подтвердили мои давние наблюдения (Gershkovich, 2003: 307–309, 312–314), с которыми в целом совпадают и выводы Е.Н. Савы и Э. Кайзер, что зольник белогрудовского типа представляет собой отдельное подворье / домохозяйство. Однако они внесли некоторые коррективы в понимание формирования зольника.

Возле с. Одая-Мичурин исследованы зольники № 1, 16, 17 и 21 (Sava und Kaiser, 2011: 79–176). По разрезам установлено наличие пахотного слоя, под ним – светло-серой почвы без каких-либо прослоек, ниже – не выходящая за пределы светло-серой погребенная почва каштанового цвета толщиной до 20 см с черным гумусом по краям. В их формировании исследователи видят нескольких фаз. Фаза I в общих чертах соответствует моим этапам I и II, последующие связаны с оставлением (фаза II), возвращением (фаза III) и, наконец, окончательным покиданием участка (фаза IV ²), причем каждое возвращение сопровождается, как они считают, строительством рядом со старыми новыми жилищ, расширением границ «ранее существовавшего подворья» (Ibid: 426–428, Abb. 103). Какие есть основания для таких соображений, т. е. оставления домохозяйства и возвращения в него, а также зачем это делали?

В зольниках в Одая-Мичурин обнаружен типичный для зольников белогрудовского типа ассортимент находок. На разрезах нет каких-либо прослоек или слоев, доказывающих неоднократные возвращения и постоянное расширение отдельного домохозяйства (Sava und Kaiser, 2011: 302–303, 351, Abb. 20, 24, 27, 39 ³). Возвращение, видимо, было, но новое домохозяйство устраивали на незастроенном ранее месте. Отмеченные нечеткие контуры насыпей, полученные в ходе горизонтальных зачисток, фиксируют их видоизменение вследствие неизбежных естественных деформаций.

В схеме Е.Н. Савы и Э. Кайзер остается непонятным, каким образом скопления из

остатков разновременных жилищ обеспечивали рост всхолмления по вертикали, так как предполагаемые (только предполагаемые!) жилища IV фазы они не нашли и, надо полагать, таковых здесь и не было.

Анализируя результаты геомагнитной съемки, исследователи справедливо отметили ее «скромные результаты», так как ничего, кроме нескольких аномалий за пределами всхолмлений, обнаружить не удалось (Ibid: 37). Характер этих аномалий и их возраст не установлен. Но на поселении, кроме материалов эпохи поздней бронзы, есть находки от энеолита до позднеантичного и средневекового времени, каждые, наверняка, со своими аномалиями и своими невыявленными структурами. Но даже если эти аномалии относятся к культуре Ноуа, это ничего не решает, так как жизнь не замыкалась в стенах жилища, отдельного домохозяйства или поселения в целом, и это неизбежно приводило к появлению тех или иных объектов и находок за их пределами.

Получены две радиоуглеродные даты из светло-серого слоя, т. е. ядра насыпи. Оказалось, что взятый ниже образец (1314–992 cal BC) моложе верхнего (1390–1338, 1326–1028 cal BC). Это вызвало немалое замешательство у авторов раскопок (Kaiser und Sava, 2006: 144, 146–147, Tab. 1). Однако именно такая последовательность вполне закономерна. Она обусловлена неизбежным частичным перемешиванием грунта и находок, отложившихся за весь период функционирования домохозяйства, во время засыпки жилищ (III этап моей схемы). Разброс полученных для всех объектов радиоуглеродных дат в пределах трех столетий (Sava und Kaiser, 2011: 432) указывает не столько на многовековое существование отдельных зольников, сколько на продолжительность освоения конкретной территории, когда старые домохозяйства оставляли, а новые создавали невдалеке от них. Именно таким образом зольники возле Одая-Мичурин постепенно заняли большое пространство вдоль р. Реут (Ibid: 24, 25, Abb. 2).

Остается напомнить, что зольники саба-тиновской культуры на Новокиевском поселении в Нижнем Поднепровье, как выяснилось после сопоставления их керамических комплексов, также появились не одновременно (Gerškovič, 1999: Tab. 4; 5). Поэтому актуальным остается выяснение микрохронологии каждого зольника в Одая-Мичурин, как и на любом другом памятнике.

1. Исследования проведены В.А. Демкиным.
2. Тот период этой фазы, в течение которого, по Е.Н. Саве и Э. Кайзер, насыпь деформировалась в силу естественных причин и на ней образовывался дерн, соответствует V этапу моей схемы.
3. На указанных рисунках контуры переданы разным цветом и почему-то переименованы в слои.

Изучение почвенного материала светло-серого грунта в Одая-Мичурин показало возрастание карбонатов и необычно высокое содержание фосфатов «при полном отсутствии собственно золы и иных продуктов горения» (Kaiser und Sava, 2006: 165, Tab. 5). Хотя это вроде бы давало ответ на вопрос, действительно ли в составе зольников имеется зола (Гершкович, 2004а: 107, 109), не все оказалось таким однозначным¹. В процессе горения органического вещества образуются карбонаты – поташ и кальцит. Поташ очень легко и быстро растворяется, кальцит сохраняется, особенно в условиях накопления большой массы золы, и может перемещаться в первоначально бескарбонатные отложения (Александровский, 2007: 517, 521). Следовательно, самого по себе содержания карбонатов – пусть даже только кальцитов – достаточно для вывода о первоначальном наличии фракций пирогенного происхождения, той же золы в почве. Однако она, во-первых, не является основной частью культурного слоя, во-вторых, появилась не в результате разведения грандиозных костров, а после обычных повседневных бытовых действий возле и внутри жилищ (приготовление пищи, обогрев жилищ, просушка зерна и т. п.)². Нет проблемы и с повышенным содержанием фосфатов, ибо они всегда входят в состав органических остатков культурного слоя древних поселений. Давно известно, что по количеству и изменению фосфатов в почве можно проводить поиск поселений и определить их размеры и границы (Веллесте, 1952).

А.И. Тереножкин сравнивал известные ему зольники со среднеазиатскими тепе (Тереножкин, 1961: 9, 10), Е.Н. Сава и Э. Кайзер – с теллями (Sava und Kaiser, 2011: 447). Но по сути и тепе, и тель – одно и то же (тепе по-турецки, а тель на иврите означает холм), они образуются не на месте в

общем небольших жилищ, а на остатках городов или крупных жилых и торговых центров с массивными глинобитными строениями в результате длительного их функционирования и многократного заселения. В зольниках белогрудовского типа нет признаков ни того, ни другого. Если к местам оставленных жилищ их бывшие обитатели или их потомки периодически возвращались, то на короткое время (V этап моей схемы), и их действия существенно не видоизменяли ранее образовавшиеся всхолмления³.

II.2.4. ЗОЛЬНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ И ЗОЛЬНЫЕ СВЯТИЛИЩА

Этот обзор был бы неполным без четкого разделения зольников белогрудовского типа и обычных зольных отложений. Игнорирование этого приводит к неверным построениям⁴.

Отметим, зольников белогрудовского типа нет в ареале срубной и андроновской культур, а также в близких к ним или производных от них образованиях. От Приазовья, Северского Донца, Дона до Северного Кавказа, Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Казахстана зольниками называют либо обычный светло-серый культурный слой, либо скопления бытовой золы возле очагов и жилищ, либо золистые напластования в котлованах жилищ и в естественных понижениях рельефа (Кривцова-Гракова, 1948: 73, табл. II–VII; Збруева, 1950: 72; Черников, 1960: табл. XXII; Зданович, 1988: 42, 52–53; Кузьмина, 1994: 69, 73, 74; Мыськов, Лапшин, 2007: 23–27). Нередко отмечаемый слоистый их характер является результатом продолжительного накопления и отложения.

В лесостепной зоне Западной Сибири для поселения пахомовской культуры Ново-Шадрино упоминаются случаи, когда зольники «имеют внушительные размеры и выглядят в рельефе как всхолмления в форме овала, подковы, гряды высотой 0,5–1,0 м и площадью от 100 до 300 м²» (Корочкова, 1999: 57), отмечены находки расчлененных

1. Вывод Е.Н. Сава и Э. Кайзер об отсутствии золы подверг резкой критике М. Виттенбергер (Wittenberger, 2013: 168).

2. На поселениях пепельный или светло-серый цвет могут иметь почвы, формировавшиеся в условиях повышенной или умеренной увлажненности, в курганах подобные белесые прослойки на уровне древнего горизонта образовывались в результате естественного процесса перегнивания травяного покрова под насыпями (Гершкович, 2004а: 109). По В. Демкину, это «минерализованный древний горизонт, состоящий преимущественно из корневой фитомассы» (Демкин, 2011: 531).

3. Если бы можно было проследить такие видоизменения, необходимо было бы выделить еще один VI этап.

4. В первую очередь, это относится к установлению приоритета восточной линии в процессе формирования блока культур Ноуа-Сабатиновка, о котором так часто, в частности при анализе зольников, пишет Е.Н. Сава (Sava, 1998: 272).

скелетов людей. Но зольники белогрудовского типа не имеют вид гряд и подков, площадь их разная, но никогда не достигает таких больших размеров. Что же касается скелетов людей, то в Ново-Шадрино они происходят из котлована заброшенного жилища, так как характер находок на полу жилища иной, чем в заполнении. Следовательно, это и не строительная жертва, и не захоронение в ходе оставления жилища. В другом случае кости человека залежали между двумя жилищами (Корочкова, 1999: 58; 2009), представляя собой выброс мусора из одного из них. Котлованы жилищ городища Чича долгое время (не одноразово!) после завершения их функционирования использовали для сброса мусора и отходов (Schneeweiß, 2007: 262),

Еще один тип зольников – зольники-святилища. Они представлены античными жертвенниками или, согласно аттической терминологии, эсхарами. По свидетельству древних авторов, они служили для ссыпания золы из очагов и совершения различного рода жертвоприношений. Такой жертвенник в Олимпии был устроен «из пепла бедренных костей тех жертв, которые приносились Зевсу», его профисис (первая ступень или преджертвие) имел диаметр 125 футов, высота самого жертвенника составляла 22 фута (Павсаний: V, XIII, 8, 9). Жертвенник-эсхара в Китее – самый большой греческий сакральный комплекс в Северном Причерноморье – имел мощность до 12 м, общая площадь его около 5000 м² (Молева, 2002: 188).

По сравнению с зольниками белогрудовского типа, эсхары имеют совершенно иное строение. В Мирмекии для них отмечена «мелкослоистая структура, образуемая перемежающимися (курсив мой – Я. Г.) пластами зольных и глинистых отложений, обильно насыщенных вещевым материалом» (Гайдукевич, 1987: 71, рис. 106). То же характерно и для сравнительно небольших жертвенников (Носова, 2002: 63). Для святилища Ахилла на Бейкушском мысу свойственна многократность засыпок золой, в отличие от жилищ там нет целых сосудов, а остеологический материал представлен, в основном, костями молодых животных (Буйских, 2001: 38). Т. е., эсхары независимо от высоты и размеров, формировались в результате созидания, археологизировались исключительно через специальный вынос.

В то же время в пределах сельской округи Ольвии выделяют несколько типов насе-

ленных пунктов VI – первой половины V вв. до н. э., связанных с сельскохозяйственной направленностью экономики первых греческих колонистов. На них на местах оставленных жилых и хозяйственных построек имеются светло-серые пятна и всхолмления (Крыжицкий и др., 1989: 26–27, 38). По наблюдениям В.А. Демкина, в Заволжье подобные структуры образованы на разрушенных усадьбах золотоордынского времени (Демкин, 2011: 529). Эти примеры показывают, как на разных территориях и в разное время могут проявляться близкие формы организации жилищно-бытового пространства и их археологизация.

Итак, среди зольников нужно четко различать: 1) зольники белогрудовского типа как сложные монументальные памятники жилищно-культового характера (Гершкович, 2009); 2) зольники срубно-андроновского типа – простые бытовые остатки на площади поселений; 3) зольные святилища. Сопоставление зольников белогрудовского типа с «зольно-мусорными слоями» земледельческих поселений раннего бронзового века юго-запада Средней Азии (Sava, 2005: 82) представляется неуместным, так как последние представляют собой обычные депозиты бытового и / или производственного характера любой эпохи и территории.

II.3. ДОМОХОЗЯЙСТВА СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА И ЗОЛЬНИКИ БЕЛОГРУДОВСКОГО ТИПА

Домохозяйства (группы жилищ) Суботовского городища по размерам занимаемой площади, расстоянию между ними от 10–15 до 30 м, по наличию зольной почвы и характеру залегающего в ней материала тождественны зольникам белогрудовского типа. Можно думать, что последовательность их формирования и археологизации были одинаковы. Наиболее яркое подтверждение дает стратиграфический разрез помещения № 4б жилища № 4 (рис. А24, 2, 3). Здесь низ заполнения котлована от пола до основания светло-серого (зольного) слоя представляет собой смешение грунта пола и обрушенных стен, врытых в лесс, т. е. преднамеренное одноразовое уничтожение («захоронение») жилища; зольный слой – засыпку котлована накопленным в пределах домохозяйства культурным слоем; слабо гумусированный серый суглинок – верхнюю часть культур-

ного слоя, уходящего за пределы жилища до границы домохозяйства.

В том или ином виде следы домохозяйств представлены и на других поселениях, хотя они не всегда именно в таком качестве распознаются исследователями. Культурный слой в виде отдельных скоплений С.С. Березанская отметила на восточнотшинецком (по ее терминологии) поселении Мошны (1972: 29). Группы жилищ выделены и для более позднего времени – на поселении у с. Большая Андрусовка (Покровська і Петровська, 1961: 132). В Адамовке границы групп жилищ фиксируют зольники в виде всхолмлений (Тереножкин, 1961: 32, рис. 16; 20), в центральной части Чернолесского городища они даже имеют вид холмов высотой до 1,0–1,5 м (Тереножкин, 1954: 96). В лесостепной Молдове на поселениях Метеуць-Ла Башнэ и Алчедар III культуры Козия–Сахарна жилища и производственные участки образовывали усадьбы на удалении 20–25 м друг от друга (Kašuba, 2007: 129). Разумеется, возможность выделения групп жилищ / домохозяйств практически исключается на памятниках, не исследованных большими площадями, или на тех, где не была изучена планиграфия жилищ и культурного слоя. Но почему на этих поселениях, как и на Суботовском городище, часто нет всхолмлений? Ответ на этот вопрос достаточно прост.

Зольники белогрудовского типа имели вид возвышений на местах наземных или очень слабо углубленных жилищ, которые открыты в Новокиевке, Трушешть, Каводинешть, Магале, Гиндешть, Островце, Слободке-Ширеуцы, Одая-Мичурине и др. (Florescu, 1957: 209, 214–215; Смирнова, 1957; Dragomir, 1959: 462; Мелюкова, 1961; 1969; Дергачев, 1973). Ни в одном из известных случаев нет указаний на наличие всхолмлений над несколькими большими и глубокими землянками или полуземлянками, ибо в этом случае зольный грунт очутился в засыпке их котлованов (Gerškovič, 1999: 22–28, Abb. 4). В Молдове на поселении культуры Ноуа Костешть VIII группы зольников были связаны с землянками (Дергачев, 1982: 65), поэтому на современной поверхности выделялись лишь специфическим цветом грунта.

Для понимания феномена зольников следует не только учитывать их реальную внутреннюю структуру, но и соотношение с другими синхронными памятниками. Анализируя зольники белогрудовского типа,

С.С.Березанская обратила внимание на их топографическое и планиграфическое размежевание с поселениями. В Потясминье зольник и поселение в Собковке располагались по разные стороны ручья (Березанська і Тітенко, 1954: 83, рис. 1), в Большой Андрусовке в западной части правого берега болота Инбек была группа жилищ, в восточной – четыре зольника (Покровська і Петровська, 1961: рис. 2). Зольник в Славуте был в 500 м от поселения на р. Горынь (Березанська і Пясецький, 1978: 48), так наз. курганы у с. Дорогоща – в 200–300 м от поселения (Винокур, Гуцал і Мегей, 1998: Мал. 1). В Северо-Западном Причерноморье на поселении Вороновка-II зольники расположены в 100–200 м от блока каменных построек (Ванчугов и др., 1991: 10, 11, рис. 3), в Новоселице – на расстоянии примерно от 600 до 900 м от сабашиновских поселений Заречное II, Траповка, Новоселица II (Тощев и Черняков, 1986: 120, рис. 2). В Среднем Поднепровье раннескифский зольник в ур. Лысая Гора находился недалеко от поселения того же времени (Бессонова, Романюк и Скорый, 1995: 1, рис. 1).

Территориальное размежевание зольников и поселений при одновременном их бытовании может отражать устанавливаемое для эпохи поздней бронзы внутриобщинное разделение труда, когда одна часть общины была занята в земледелии, другая – в скотоводстве. Собственно, такое размежевание снимало противоречия между этими отраслями, одна из которых (земледелие) требовало оседлости, другая (скотоводство) – подвижности (Бунятян, 2000, 40; 2001: 101–103; Вунятуян, 2003: 282). Такой хозяйственно-культурный тип требовал организации скотоводческих и / или земледельческих баз и выселков, каковыми и предстают памятники с зольниками белогрудовского типа (Gershkovich, 2003: 307, 310). В эпоху поздней бронзы последние существуют только там, где фиксируется большее развитие земледелия, – в Северном Причерноморье (см.: Бунятян, 2000: 41). Но их нет в срубно-андроновском ареале, на пространствах, где в комплексном хозяйстве преобладало скотоводческая составляющая в силу большего градиента континентальности и меньшей обводненности (Антипина и Моралес, 2005: 31, рис. 1).

В переходный период к раннему железному веку зольники белогрудовского типа сохраняются лишь в лесостепи. Новацией явилось то, что пространственно-обособ-

ленные группы жилищ начали занимать высокие участки рельефа и были подчинены здесь единой планировке. Это хорошо видно на общем плане Суботовского городища, где на Большом Городке они расположены на равном расстоянии друг от друга вокруг незастроенной площадки.

В социальном отношении домохозяйства отражают совместную организацию быта и в целом стратегию выживания семьи, нацеленной на относительную автономию в пределах поселка. В исторической демографии популярна типология домохозяйств, предложенная в конце 1960-х гг. П. Леслеттом и Ю. Хэммелом. Они выделили пять типов с учетом родственности их членов. Думаю, количество жилищ в каждой из групп на

Суботовском городище (не более трех) указывает на то, что здесь представлен третий тип – хозяйство на основе одной брачной пары со взрослыми детьми (*simple family*; см.: Носевич, 2001: 15–20).

Предложенное понимание отложений в пределах домохозяйств Суботовского городища имеет принципиальное значение не только для выяснения его социального устройства, но и большого круга вопросов сугубо археологического характера, в первую очередь, – выделения хронологических горизонтов и их датировки. Но к этим вопросам лучше вернуться после анализа жилищно-хозяйственных и производственных объектов, духовного и материального комплекса памятника.

ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ. ФОРТИФИКАЦИЯ

Бытует мнение, что почти все обнаруженные на Суботовском городище котлованы являются остатками жилищ, а городище погибло в результате сокрушительного штурма (Граков и Тереножкин, 1958: 167–169; Тереножкин, 1961: 40; 1976: 214; Граков, 1977: 165, 182)¹. Относительно недавно появилось утверждение о наличии здесь крупного металлообрабатывающего центра Среднего Поднепровья (Демченко, Клочко и Маничев, 2000). Однако не все котлованы связаны только с постройками и не все постройки предназначались только для жилья. Для подтверждения штурма недостаточно наличия фортификации. А под впечатлением от найденных на памятнике многочисленных обломков литейных форм и нескольких кладов металлических предметов легко переоценить истинные масштабы металлопроизводства.

III.1. ЖИЛИЩА

III.1.1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Жилища как вид археологических источников, особенно представленный в дерево-земляной архитектуре, в дошедшем до нас виде лишены многих первоначальных деталей и черт. Их изучение сопряжено с многочисленными допущениями

1. Историография этого вопроса, в том числе менее традиционные объяснения, подробно рассмотрена М.Н. Дараган (2011: 707–713).

из-за фактически отсутствующих деталей верхних объемов – наружных стен, крыш и т. п. (Ванчугов, 1990: 32; Гусев и Загорулько, 2005: 20; Kašuba, 2007: 131; Кашуба, 2012б: 435). Кроме интуиции, основанной на очень общих представлениях, компенсировать этот недостаток, по сути, нечем. Следствием этого являются довольно произвольные реконструкции, которые воспроизводят, ссылаясь на первоисточник – как правило, авторитетного археолога.

В этой сложной ситуации обращаются к современным рекомендациям по использованию показателей аэродинамического коэффициента, нормативного скоростного напора для той или иной местности (Седова, 1993: 71), ссылаются на строительные нормы и правила (СНИП), предписывающие «последовательность действий, минимально необходимых для возведения любой постройки из любого материала, в любых природных условиях» (Коробейников, 2005: 26–27). Но древние строители не знали минимальных норм – их задачей было обеспечить максимальную надежность построек, и с этой точки зрения они не были профанами. Не по современным СНИП были воздвигнуты многие памятники мирового культурного наследия с ярко выраженным большим, часто просто чрезмерным, запасом прочности, характеризуемым в строительстве «степенью незнания» (Гольдштейн, 1979: 415). Это – древнеегипетские храмы, пирамиды и мастабы, зиккураты Месопотамии и Элама, крепости Ванского царства, арки

средневековых городов Центральной Азии и крепости-цитадели Западной Европы. Да и многие другие сооружения.

Для эпохи поздней бронзы в Восточной Европе классический допуск, возведенный в постулат, виден на примере землянок без столбовых ям на поселении у хут. Ляпичев на Дону. М.П. Грязнов предположил здесь устройство на краю котлована пирамидального бревенчатого сруба с плоским перекрытием (1953: 144–145, рис. 63). Примерно так их представляли себе и многие последующие исследователи, часто распространяя подобный принцип и на жилища других территорий (Сальников, 1959: 35–36; Сорокин, 1962: 53–55; Кузьмина, 1964а: 104; Шарафутдинова Э., 1980: 21, рис. 8; Зданович, 1988: 141). Отрезвляюще прозвучало замечание А.Д. Пряхина о том, что «такого рода реконструкция не представляется сколько-нибудь убедительной» (1993: 70). Достаточно скептически высказался и В.Н. Горбов, отметив необходимость для срубов большого количества строевого леса, крайне дефицитного в степи (2001: 145). Справедливости ради следует отметить, что в позднем бронзовом веке такой дефицит в Приазовье и на Донском краю не был критическим, так как вполне компенсировался байрачным лесом, да и сплав древесины в безлесные районы по рекам или их доставка по суше при наличии колесного транспорта не были неразрешимой задачей. В.Ф. Петрунь (1997: 161–162), изучив строительные материалы поселений эпохи поздней бронзы в Северо-Восточном Приазовье, установил, что камень как материал, требовавший больших усилий и времени для добычи и обработки, доставляли на эти поселения на плотах по небольшим степным речкам.

Различные приемы домостроительства зависели от привычек, традиций, устоявшихся бытовых норм. Например, в Волго-Окском междуречье вплоть до XIX в. богатые русские крестьяне строили дома из привезенного издалека хвойного леса (Бломквист, 1956: 71). Уже этот пример ставит под сомнение постулат о жесткой связи между природными ресурсами местности и предпочитаемым строительным материалом. Такая, казалось бы, очевидная связь могла быть, но не обязательно в любую историческую эпоху. Поэтому при оценке достоверности современных археологических реконструкций жилищ следует учитывать не только наличие / преобладание того или иного материала, но обоснованность исходных принципов реконструкций.

Одна из последних разработок по проблемам домостроительства позднего бронзового века Среднего Поднепровья и смежных с ним территорий принадлежит В.А. Ромашко. Для домовых форм лесостепного варианта выделенной им богуславско-белозерской культуры он назвал пять типов жилищ, в двух из которых (типы 1 и 2), по его мнению, опорные столбы, как и в землянках хут. Ляпичев, не использовали (Ромашко, 2001: 132–133). Оставив в силе вывод М.П. Грязнова о нагрузке кровли на края котлованов, В.А. Ромашко предположил наличие не сруба, а стропильно-шатровой конструкции. Допуски по количеству, длине, размещению и углу установки стропил привели к выводу о высоте кровли в жилище № 3 поселения Богуслав 1, при «относительно небольших размерах», ни много ни мало в 6,0 м! Графически такое жилище можно представить (Там же: 133, 134, рис. 1), но в реальности конструкция требовала чрезвычайно больших деревянных деталей, которые нужно было еще и надежно скрепить друг с другом (Грязнов, 1953: 144). После публикации чертежа жилища № 3 Богуслава 1 (Ромашко, 2013: 405, рис. 14) выяснилось, что в нем все же была серия ям, и хотя бы часть из них вполне могла быть столбовыми. Ничуть не лучше ситуация для жилищ с ямами (типы 3–5, по В.А. Ромашко), где по размещению их высота стропил жилища № 2 в Таранцево (тип 3) составила 5,0 м, № 6 в Богуславе и № 1 в Любовке (тип 4), соответственно, 6,0 м и от 4,5 до 6,0 м, № 7 в Ильичевке — 5,0 м (Ромашко, 2001: 134, 137, 138) ¹.

Жилища степного варианта представлены, по В.А. Ромашко, типами 6–8. В основу их выделения положено уже не наличие / расположение ям, а вид использованного строительного материала (в данном случае — камней) и «многокамерность» или «блокировка». Здесь В.А. Ромашко исключил стропильно-шатровые конструкции, осознавая, видимо, что при больших размерах котлованов жилища в степной зоне должны были иметь высоту, значительно превышающую даже немалую высоту лесостепных.

Скажем прямо, классификация и реконструкция жилищ В.А. Ромашко неудачны. В одних случаях двухскатные, в других — четырехскатные крыши лишены какого-либо

1. Подобные «небоскребы» позднего бронзового века реконструировал В.А. Колотухин на поселении Бай-Кият в Крыму (2003: рис. 48, 4, 5).

запаса прочности и были бы крайне неустойчивы при сильных порывах ветра и в осенне-зимний период с большим количеством осадков в виде дождя и снега. Кроме этого, упущена из вида потребность в огромном количестве топлива для обогрева просто грандиозных по объему внутренних пространств, очень низкая технологичность построек как на стадии их возведения, так и при неизбежных последующих ремонтах и перестройках.

Значительно более конструктивно понятные длинные многокамерные жилища железного века Северной Европы имеют высоту около или чуть больше 3,0 м, позже подобные постройки, фактически дома, вновь появились там лишь в период раннего средневековья у викингов (Kristiansen, 2013: 803, Fig. 47, 7). Задолго до эпохи бронзы, в трипольской культуре, в наиболее хорошо зафиксированных случаях высота первого этажа жилищ могла составлять всего около 2,5 м (Круц и др., 2005: 58–59). По материалам раскопок поселения Султана-Малу-Росу культуры Коджадермен–Гумельница–Караново VI в юго-восточной Румынии глинобитное жилище размерами 3,31–3,48 × 5,28–5,33 м достигало высоты максимум 2,29 м (Lazăr et al., 2012: 63–71, 73, Fig. 15, 20, 21). Высота реконструированного неолитического жилища в Аллерслев в Дании при размерах 15,0 × 6,0 м составила 2,5 м. В Левенцовской крепости конца среднего бронзового века (устье Дона) высота потолков жилищ на массивных платформах, без учета расположенных на крышах смотровых площадок, составляла 2,5–3,5 м (Братченко, 2012: 133–137, рис. 83). Высота столбов жилищ поселения Усово Озера была 2,0–2,5 м (Березанская, 1990: 34). Только такие высоты, достаточные для обеспечения естественной вентиляции, сохранения тепла и общей прочности, можно допустить для жилищ эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы.

Ни одну из существующих ныне реконструкций жилищ эпохи поздней бронзы нельзя механически перенести на жилища Суботовского городища.

III.1.2. КОТЛОВАНЫ И ВХОДЫ

На Большом Городке в качестве жилищ обозначено 12 объектов, еще одно могло располагаться в северо-восточном углу участка 1 раскопа III (рис. A15). Более или менее полную информацию имеем для 10 из них.

Это не мало, учитывая, что в Поднестровье, в ареале культуры Козия–Сахарна, на пяти поселениях открыто всего 16 жилищ (Kašuba, 2007: 127)¹. Восточнее, в Подонцове, на поселении Усово Озеро из 17 жилищ всего три относятся к постсрубному времени (Березанская, 1990: 16). На фактически полностью раскопанных поселениях Северо-Восточного Приазовья Безыменное-I и II около двух десятков жилищ этого же времени, но они вряд ли функционировали одновременно: в горизонте Va их 13, в Vb – 9. Финальный срубный горизонт (в моем понимании – постсрубный) поселения Ильичевка на Северском Донце представлен не более, чем 10 жилищами, но в рамках этого периода они также не могли быть возведены и существовать одновременно, если учесть не линейный (последовательный и в основном непрерывный), а пульсирующий характер освоения этого региона (Гершкович, 1995: 39; Гершкович и др., 2005: 95–96).

Площадь котлованов суботовских жилищ на уровне полов варьирует в диапазоне от 32,5 до 96,9 м². По этому показателю они четко подразделяются на две группы: большие – от 77,0 до 96,9 м² (№ 4², 6, 7, 9) и малые – от 32,5 до 56,2 м² (№ 1, 2, 10). Можно предполагать, что в больших жилищах основатели домохозяйств, старшие члены семьи. Такие жилища, кроме № 7, в пределах домохозяйств № 1–3 расположены на более высоких и ровных участках, где перепад высот от них к краям оврагов составляет не менее 1,5 м. В двух случаях жилища (№ 6 и 9) замыкают домохозяйства с востока, т. е. были намеренно удалены от подверженных обрушению краев оврагов и закрыты от непосредственного доступа со стороны ближайших подъемов.

Котлованы в плане близкой к прямоугольной или подквадратной формы, ориентированы по длине восток–запад (жилища № 7, 9, 10) или северо-запад–юго-восток (№ 1, 2, 5, 6, 8). При такой ориентации одна из продольных сторон направлена в сторону восхода солнца. Эта норма в жилище № 4 нарушена для помещения № 4а, но № 4б ориентировано «правильно» (рис. A27, 1), северо-запад–юго-восток или запад–восток.

В прослеженных случаях с ориентацией к восходу связаны входы. В жилищах № 6 и

1. К 2012 г. по всему ареалу этой культуры было учтено 24 жилища, в Тэмзоань-Холеркань – 5 (Кашуба, 2012б: 439).

2. Это жилище можно относить и к большим, если суммировать площадь двух его помещений.

9 (рис. А10, 1; А21, 1; А27, 1) им отвечает проем в северо-восточном углу котлованов.

В классификации М.Т. Кашубы жилищ эпохи поздней бронзы – раннего железного века Восточного Прикарпатья наличие / отсутствие входа, ступенек, лавок и т. п. учитывается на уровне субвариантов (Kašuba, 2007: Abb. 3; 2008b: Fig. 3). Однако такое подразделение во многих случаях теряет смысл, так как «наличие / отсутствие» этих деталей зависит от того, прослежены они в ходе раскопок или нет. Кроме этого, для входа в землянку или полуземлянку есть возможность устроить его сверху / сбоку по лестнице, т. е. без оставления каких-либо археологических следов.

Ни в одном котловане нет явных остатков деревянной облицовки, отмеченной для жилищ на других поселениях переходного периода лесостепного Поднепровья (Покровська і Петровська, 1961: 133). Косвенно на их наличие указывают контуры котлованов с многочисленными выступами и неоформленными углами. В больших жилищах такие очертания – результат обрушения земляных стен при оставлении домохозяйства и преднамеренной разборки жилищ (III этап моей схемы), т. е. извлечения деревянных частей (вбитых скоб и / или клиньев, обеспечивавших крепление облицовки в виде деревянных щитов, отдельных досок или плетня).

III.1.3. ТИПЫ ЖИЛИЩ

А.И. Тереножкин в «нижнем ярусе» Большого Городка выделял землянки, в «верхнем ярусе» предполагал наличие наземных жилищ. Четких критериев такого подразделения он не привел, да их тогда и не существовало. Они были разработаны значительно позже для античных памятников Северного Причерноморья (Крыжицкий, 1982: 12; 2000: 3–5) и вполне применимы для построек позднего бронзового века (Gerškovič, 1999: 41). Пессимизм относительно этого заключения, высказанный В.А. Ромашко (2013: 60), понять можно, но сомнения у исследователя возникли из-за отсутствия котлованов глубиной до 0,3 м на изученных им памятниках. Среди жилищ других регионов или культур, конечно, могут отсутствовать землянки, полуземлянки или наземные жилища, не укладывающиеся в предложенные С.Д. Крыжицким критерии. Иногда отрицают правомерность употребления термина «полуземлянка». Так произошло при анализе жилищ Бельского городища, где котлова-

ны представляли собой не жилую часть, а подполье наземных (Шрамко Б., 2000: 28, 30, рис. 1, 9; Шрамко И., 2005: 32), но это достаточно редкий случай.

С.Д. Крыжицкий наземными предложил считать жилища, объем которых был выше уровня дневной поверхности или углублен до 0,3 м, но таким образом, что высота стен в наземной части позволяла устраивать наземный вход под краем карниза крыши. Полуземлянки – постройки с объемом, углубленным более, чем на 0,3 м, с несущими стенами выше уровня дневной поверхности, частично образованными стенами котлована, а также наземной конструкцией; торец кровли их – выше дневной поверхности, но по высоте недостаточен для устройства наземного входа, т. е. он должен быть углублен. Землянки – это жилища, вырытые в земле, т. е. стены их ниже уровня дневной поверхности, карниз кровли упирается примерно в дневную поверхность.

Возведение наземных жилищ, в отличие от полуземлянок и землянок, требует принципиально различных решений задач по укреплению стен, утеплению и понижению уровня влажности воздуха внутри помещений. Землянки, полуземлянки и наземные жилища являются объектами с заранее заданными древними строителями характеристиками, отражающими конкретные природно-климатические, исторические и социальные коллизии. Например, землянки лучше, чем наземные и полуземлянки, сохраняют тепло зимой или относительную прохладу летом. Они, в отличие от полуземлянок и наземных, отражают наиболее простые архаичные традиции или начальную фазу застройки (Збенович, 1989: 43), затем исчезали и могли появиться вновь.

Наличие на одном памятнике построек разных типов может быть связано с их хронологическими отличиями, как это показал В.Н. Горбов для поселения у хут. Ляпичев на Дону, где землянки без столбов в котлованах и со столбами оказались разновременными по данным планиграфии и составу находок (2001: 146, 168). Появление на той или иной территории любого ранее неизвестного здесь типа жилищ, помимо всего прочего, является возможным индикатором внешнего влияния, оживления контактов с инородным окружением (Гусев и Загоруйко, 2005: 21–23), и, наконец, те или иные типы характерны для разных видов поселений и, соответственно, систем расселения и образа жизни оставившего их населения.

Однако следует признать и сложность полного учета критериев, предложенных С.Д. Крыжицким. Помимо многочисленных случаев плохой сохранности построек, это обусловлено и субъективными причинами, в первую очередь – разнобразием в определениях типов как таковых. Полуземлянки и землянки часто обозначают термином «землянка» (Синицын и Фисенко, 1972: 14; Березанская, 1990: 33), полуземлянки и наземные жилища как «углубленные» (Пряхин, 1993: 69; Матвиішина та ін., 2005: 216). В культуре Козия–Сахарна в лесостепном Днестро-Сиретском междуречье жилища глубиной от 0,35 до 0,40 м определены как наземные, глубиной 0,6–0,9 м как «слегка углубленные» (Kašuba, 2007: 130, 132). Позже М.Т. Кашуба, рассматривая гальштатское домостроительство в Восточном Прикарпатье, разделила постройки на три группы (2012б: 437, 445, 450, 452, 455, 456, рис. 2; 6; 9; 10; 13; 14), не объясняя, на каком основании установлены критерии глубин: для полуземлянок – от 0,3 (0,2) до 0,6–0,8 м, землянок – более 0,9–1,0 м (Там же: 438). В.А. Ромашко усомнился в выделении В.Н. Горбовым двух традиций домостроительства эпохи поздней бронзы: наземных жилищ для сабаатиновской культуры и углубленных для срубно-андроновского круга (Горбов, 1997), но при этом сабаатиновские постройки глубиной до 0,2–0,4 м принял за углубленные (Ромашко, 2001: 143). И это не все примеры существующего терминологического разноречия.

Выйти из такого положения можно, четко осознавая связь размеров жилища с антропометрией. Не случайно древние меры длины соотносятся с величиной человеческого тела: в старинных русских мерах «аршин» – длина шага человека, «маховая сажень» – расстояние между концами пальцев широко расставленных рук взрослого мужчины, «малая пядь» – расстояние между концами расставленных большого и указательного (или среднего) пальцев, «локоть» – расстояние от конца вытянутого среднего пальца руки или сжатого кулака до локтевого сгиба и т. д.

Принимая во внимание рост взрослого в 160–170 см¹, разделение жилищ на три группы с учетом объективно доступных, археологически сохранившихся данных и

предполагаемых по антропометрическим показателям, будет выглядеть следующим образом.

- *Наземные.* Объективные данные: пол приходится или на уровень древнего горизонта или чуть ниже, но в пределах шага (до 0,3–0,4 м – четыре ладони, величина шага Витрувианского человека Леонардо да Винчи). Предполагаемые дополнительные данные: для входа внутрь не требуется ни аппарели (пандуса), ни приставной лестницы, ни земляных ступенек.
- *Полуземлянки.* Объективные данные: пол расположен так, что верх котлована приходится примерно по колено или по пояс человека, не превышая его рост (от 0,4 до 1,5–1,6 м). Предполагаемые дополнительные данные: для входа / спуска требуются или пологая аппарель, или три–четыре земляные ступеньки (в современном строительстве считается, что для обеспечения безопасности и удобства оптимальная высота подступенка составляет около 0,2 м), или короткая приставная лестница².
- *Землянки.* Объективные данные: глубина котлована соответствует или больше роста человека (от 1,5–1,6 м и выше). Предполагаемые дополнительные данные: наружные стены ниже, чем у полуземлянок; из-за значительного перепада высот от пола до верха котлована для входа / спуска необходима или крутая аппарель, или более трех–четырёх земляных ступенек, или же длинная приставная лестница.

Следуя этим критериям, на Большом Городке в качестве землянок определяется жилище № 4 (глубина двух его помещений 1,5 и 1,7 м), остальные, имея глубину от 0,5 до 1,0 м, – полуземлянки.

Значительно сложнее ситуация с наземными жилищами, существование которых на городище предполагал А.И. Тереножкин. Единственными достоверными археологическими признаками их являлось бы достаточно большое по занимаемой площади скопление фрагментов сосудов или их развалов, костей животных, деталей печей или очагов и т. п. – всего того, что встречается в достоверных жилищах с четко прослеженными деревянными, глинобитными

1. По формуле М. Троттера и Г. Глезера, рост мужчины, погребенного в заполнении жилища № 4а, 173 см, женщины (?) под валом Малого Городка – 159,4 см (см. Приложение 3).

2. Прослеженная высота ступенек входов в жилища андроновской культуры Шандашта и Ушката составляет 0,15–0,20 м (Кузьмина, 1994: 79).

или каменными стенами. Такие признаки можно получить только при тщательной и полной полевой фиксации всех находок. Но А.И. Тереножкин наносил на план лишь очаги, ямы, локальные обожженности грунта и наиболее аттрактивные изделия или их фрагменты. Предполагалось, что остатками наземных жилищ являются «площадки» на раскопе I и II (Тереножкин, 1951а: 3; Граков и Тереножкин, 1958: 165), хотя сперва, если судить по записям в полевых дневниках исследователя, у него были большие сомнения. Во всех случаях только по сходству локальных обожженных участков на площадках с глиняной обмазкой полов отождествить их с наземными жилищами твердо нельзя. Нет веских оснований для трактовки в таком качестве и небольших по площади скоплений материала, как это допускала А.И. Мелюкова для Кишиневского поселения (1958: 37).

Единственным возможным признаком наземного жилища в пределах Большого Городка являются лишь расположенные недалеко друг от друга бесформенные углубления № 1 и 2 в северо-восточной оконечности участка № 1 раскопа III (рис. А15, 1). Они имеют такое же, как в котлованах, зольное заполнение, занимают общую площадь не менее 90 м², в одном из них есть очаги, и только в них или возле них находятся ямы, вероятно, от столбов (см. ниже). Глубина этих углублений составляет не более 0,3 м.

III.1.4. ЯМЫ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЖИЛИЩА

Неполнота сведений по древним домовым формам не снимает задачу поиска в сохранившемся материале универсальных, значащих элементов и их связей (Гусев и Загорулько, 2005: 20). Эти элементы бессмысленно искать на повсеместно отсутствующих, по сути, безвозвратно утерянных, деталях верхних объемов, т. е., фактически, в воздухе. Единственно перспективный путь – поиск их по горизонтали, т. е. в котлованах жилищ и на прилегающем к ним пространстве.

Универсальными считаются те элементы жилища, которые в том или ином виде и качестве встречаются в них наиболее часто. В дерево-земляной архитектуре, кроме котлованов, таковыми являются различные ямы, порой образующие на полу настолько причудливые скопления, что их по праву сравнивают со звездным небом (Коробейников,

2005: 47). Но на звездном небе, наверняка, есть лжезвезды¹, в процессе раскопок в жилищах не всегда можно найти следы всех столбов и / или раскосин из-за характера почв (Кашуба, 2012б: 435) или установки столбов на специальные подушки или лежни, слабо или вовсе не прослеживаемых археологически. Надо полагать, именно это произошло с землянками у хут. Ляпичев.

Существование жилищ без столбовых ям теоретически допустить можно, но логичней исходить из презумпции их неполной сохранности, особенно в объектах, где имеется хотя бы несколько «бессистемных» ям. Полной уверенности в том, что в результате раскопок открытый объект предстает со всеми своими первоначально заданными элементами, нет.

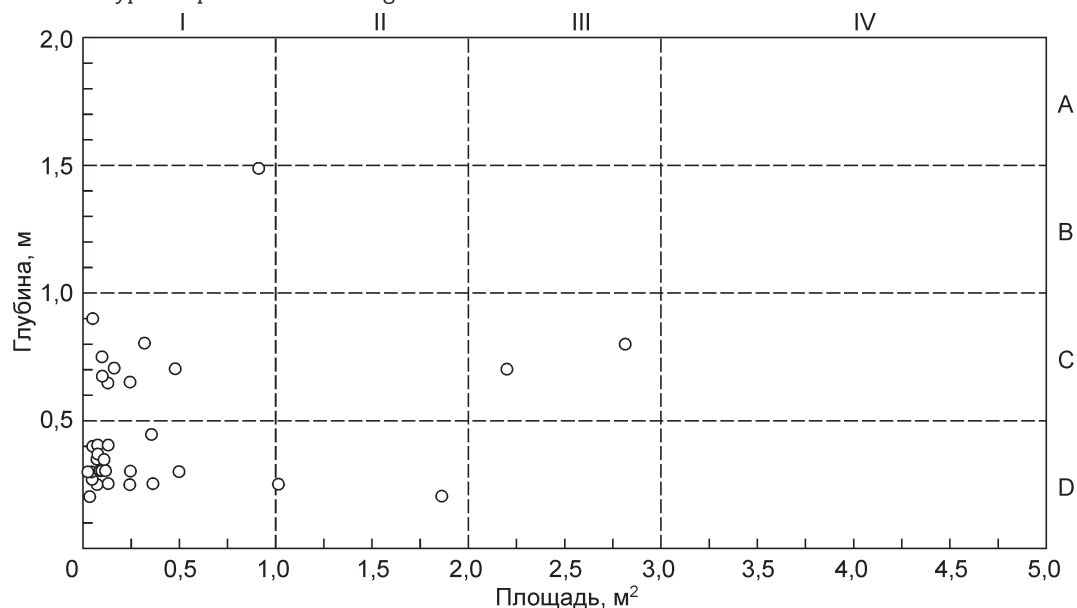
Спектр функционального назначения ям очень широк. Но основные, наиболее очевидные варианты, сводятся к их связям со следующими утилитарными элементами жилища:

- несущими стенами, опорами каркаса и перекрытий, деталями оформления входа;
- перегородками между помещениями или отдельными отсеками;
- внутренним неподвижным интерьером, т. е. убранством, наподобие того, который известен в восточнославянском доме, где сооружали неподвижные лавки, полки, посудник, так наз. «неподвижный наряд жилья» (Бломквист, 1956: 419);
- погребями для продовольственных запасов;
- хранилищами различного рода производственно-бытового инвентаря, фуража, топлива и т. п.;
- «местом содержания в домашних условиях молодняка, свиней, возможно, птицы» (Березанская, 1990: 35);
- приспособлениями («ямы-гнезда», по Бруяко, 2010: 249) для установки крупных керамических сосудов (Потемкина, 1985: 323, 328; Пряхин, 1993: 50; Ромаш-

1. В жилищах это, например, следы землеройных животных. Четкое вычленение ям-кратовин возможно только в процессе раскопок. Их целесообразно фиксировать на общих планах с помощью специальных обозначений, поскольку таким образом можно представить степень сохранности/повреждений объектов. На старых чертежах А.И. Тереножкина таких обозначений нет. Можно предположить, что кратовинами являются скопления бесформенных ям разной глубины вокруг ям № 7 в жилище № 6, 12 раскопа IX, 41а и 20б раскопа III, 11 раскопа IX.

Таблица 1. Типы ям в жилище № 6

Table 1. Types of pits in the dwelling № 6

IB: № 5. **IC:** № 38; № 8а; № 8б; № 32; № 11; № 33а; № 33б; № 7. **ID:** № 4а; № 6; № 8б; № 9; № 10; № 12; № 13; № 14; № 16; № 17; № 20; № 21; № 22; № 23; № 25; № 26; № 27; № 28; № 30; № 36. **IID:** № 34; № 3. **IIIC:** № 1; № 2.

ко, 2007: 211–212, рис. 3) или емкостей из органических материалов (плетеных корзин, коробов и т. п.).

Возможна связь ям и с неутилитарными элементами, мемориальными, культовыми, церемониальными и т. п., но их наиболее трудно выявить.

Такая даже заведомо неполная многовариантность¹ усугубляется потенциально возможными перепланировками и ремонтами, установкой столбов в ямах, ранее служивших для других целей, или вообще вне их. Все это не означает, что попытки выяснения функций ям безнадежны, как считают некоторые исследователи (Березанская, 1990: 34, 36). Но явно недостаточно и учета лишь их формы и размеров, а сведения лишь о количестве ям (Кузьмина, 1994: 77) ничего не дают для понимания конструкции жилищ. Поэтому ведется поиск дополнительных значащих характеристик.

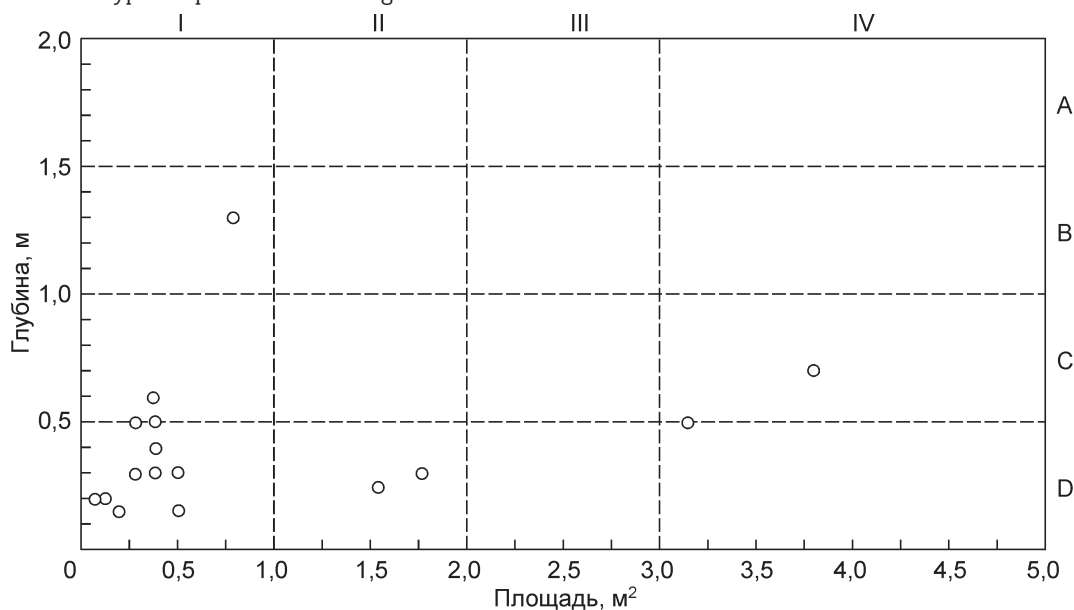
Интересно предложение обращать внимание на азимут и угол наклона столбов и специальная методика для соответствующих измерений (Коробейников, 2005: 44, 46–56). Такие (и любые другие) измерения не являются лишними, но необходимо учитывать еще и возможность преднамерен-

ной или ситуативной деструкции как полов, так и ям, вырытых в них, т. е. изменения их первоначальных параметров и форм вследствие длительной эксплуатации. Поиск новых подходов продолжается, один из них рассмотрим более подробно.

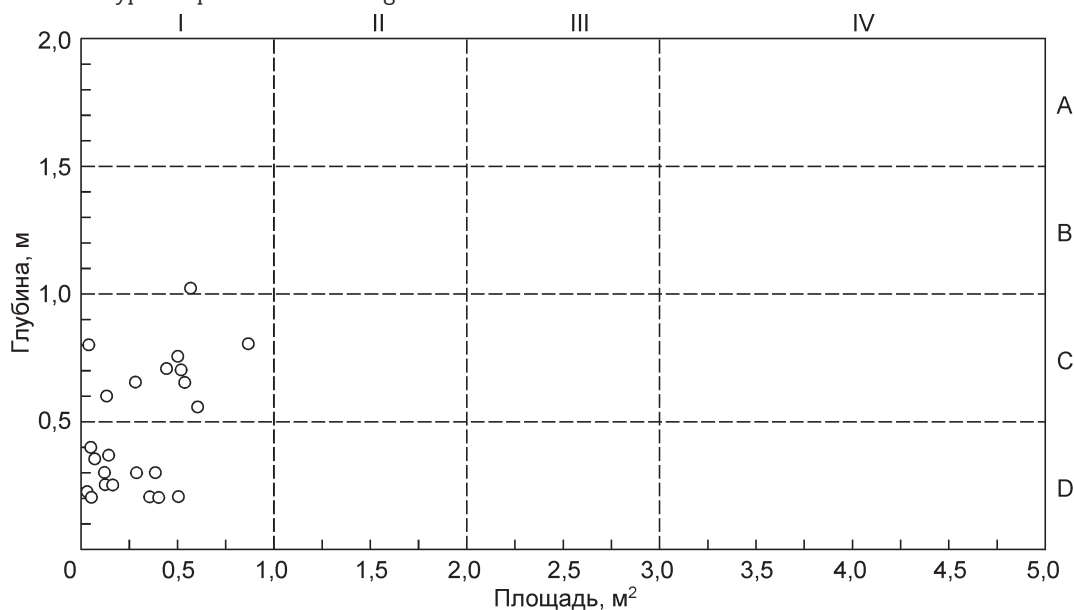
По материалам Большого Городка данные по ямам каждого жилища и на внежилищном пространстве сведены к точечным диаграммам, где по вертикальной оси указана глубина каждой ямы, а по горизонтальной — их средняя площадь сверху и внизу. По горизонтальной оси произведена условная с шагом градация в 1,0 м (от 1,0 до 3,0 м) и в 2,0 м (после 3,0 м), т. е. в четырех интервалах от I до IV, а по вертикальной оси — по 0,5 м, т. е. в четырех интервалах от A до D (табл. 1–8). В зависимости от попадания ям в образовавшиеся ячейки определяется их тип, в данном случае — IB, IC, ID, IID, IIIC, IVC.

В жилище № 6 представлены такие типы ям (табл. 1): ID — глубиной от 0,2 до 0,5 м, площадью до 0,5 м²; IC — глубиной от 0,65 до 0,90 м, площадью до 0,5 м²; IB — глубиной до 1,5 м, площадью до 0,9 м²; IID — глубиной от 0,2 до 0,3 м, площадью от 1,0 до 1,9 м²; IIIC — глубиной от 0,7 до 0,8 м, площадью от 2,2 до 2,8 м². В жилище № 9 представлены те же типы, но вместо типа IIIC имеем тип IVC: глубиной от 0,5 до 0,7 м, площадью от 3,1 до 3,8 м² (табл. 2). В жилище № 4 ямы

1. Например, в традиционном доме таджиков пары столбов использовали еще и в качестве основ для перекладин для подвешивания туш животных (Андреев, 1958: 445–449).

Таблица 2. Типы ям в жилище № 9**Table 2.** Types of pits in the dwelling № 9

IB: № 24; **IC:** № 25; № 1; № 2; № 3; **IC:** № 4; № 5; № 6; № 7; № 8; № 9; № 10; № 22; **IC:** 21; № 26; **IVC:** № 20; № 23.

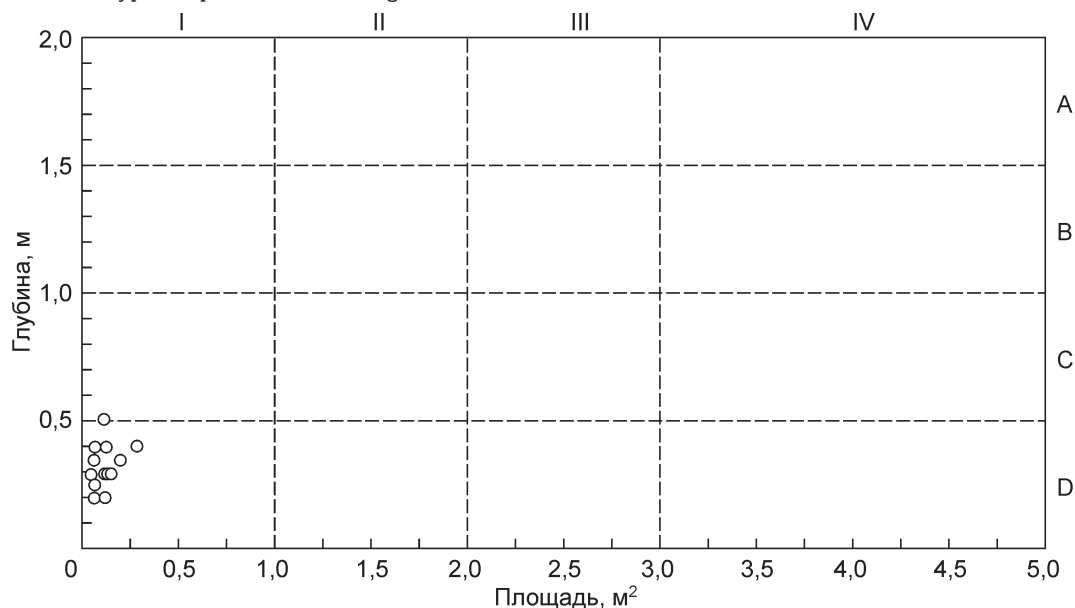
Таблица 3. Типы ям в жилище № 4**Table 3.** Types of pits in the dwelling № 4

IB: № 20; **IC:** № 1; № 2; № 3; № 4; № 5; № 16; № 17; № 19; № 25; № 11; **ID:** № 6; № 7; № 8; № 9; № 10; № 12; № 13; № 14; № 15; № 18; № 21; № 22; № 23; № 24; № 26.

IB, IC и ID (табл. 3), в жилище № 10 – IC и ID (табл. 4), в частично исследованных жилищах № 8 – ID и IID (табл. 5), в № 2 – IC и ID (табл. 6), в № 5 и 11 (суммарно) – IC, ID, IVC (табл. 7). Итак, только по одной яме типа IB встречено в полностью исследованных жилищах № 6 и 9; ям IC и ID большинство в жилищах № 2, 4–6, 9, 10; ям видов II, III или IV имеем по четыре в жилищах № 6, 9 и, возможно, № 8.

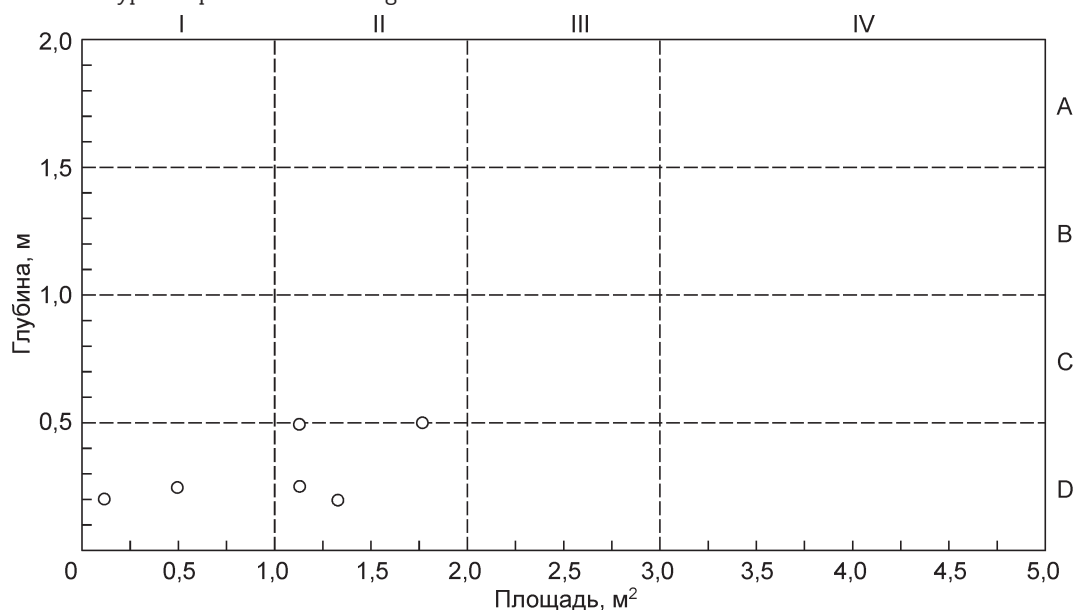
Затем изучена планиграфия выделенных типов в пределах конкретных жилищ с целью выяснения, с какими функциональными участками могут быть связаны ямы или какие группы или структуры внутри они образуют. Принималось во внимание традиционное положение о правомерности соединения линиями серий ям, расположенных на одной оси (Коробейников, 2005: 35, 46; Гусев и Загоруйко, 2005: 19–20). Полу-

Таблица 4. Типы ям в жилище № 10
Table 4. Types of pits in the dwelling № 10

IC: № 7; **ID:** № 1; № 2б; № 2а; № 3; № 4; № 5; № 6; № 8; № 9; № 10; № 11; № 12; № 13.

Таблица 5. Типы ям в жилище № 8
Table 5. Types of pits in the dwelling № 8

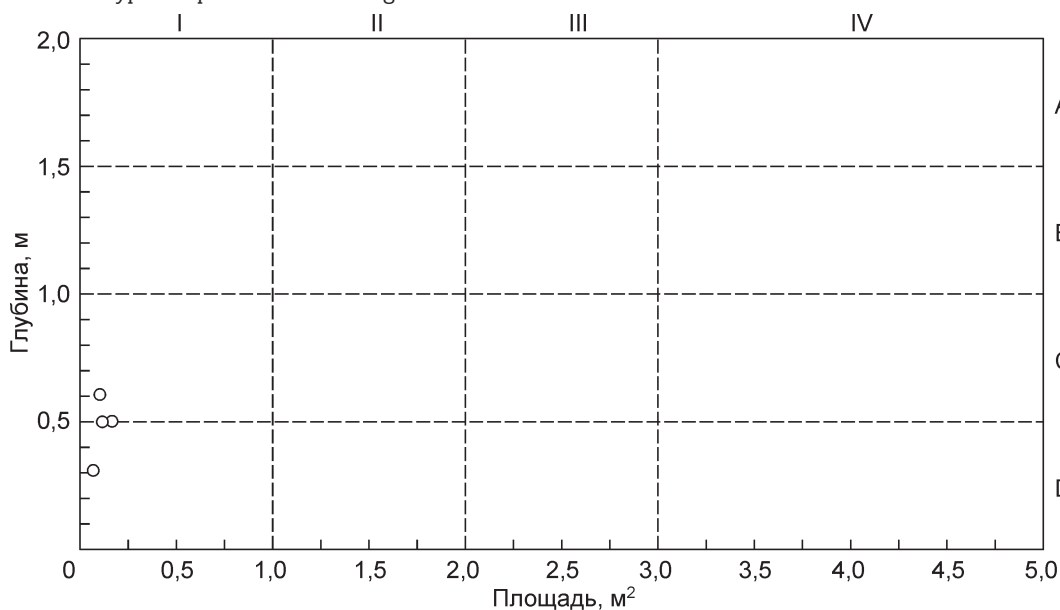

ID: № 9; № 4; **IID:** № 7; № 3; № 5; № 6.

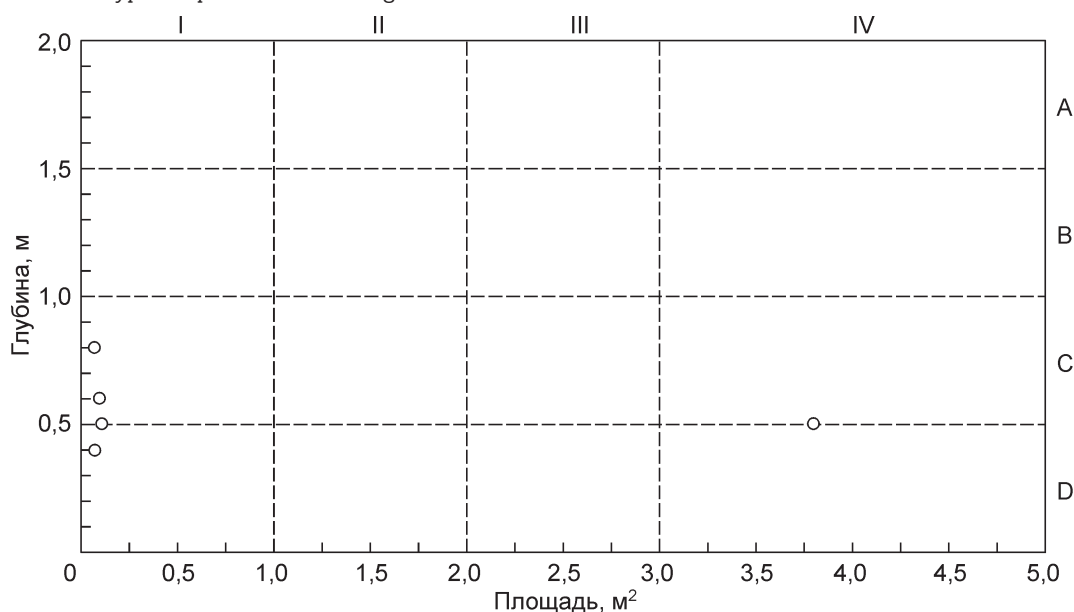
ченные в результате соединения замкнутые контуры, отдельные линии или точки (отдельные ямы вне контуров) оценивались с точки зрения симметричности, так как строители бронзового века, впрочем, как и более раннего, и более позднего, осознанно или стихийно должны были обеспечивать ее, стремясь, по Витрувию, к «стройной гармонии отдельных членов самого сооружения и соответствию отдельных частей и всего целого одной определенной части, приня-

той за исходную» (цит. по: Лосев, 1979: 601). Симметрия обеспечивала прочность и внешнюю, пусть и не в классическом понимании, эстетичность жилища.

Дополнительным критерием для определения назначения ям является их взаимное расположение. Для типов IID, IIC, IVC, больших, но не глубоких, можно предполагать очень близкие функции, например, типы IVC и IID примерно одинаковой глубины и незначительно отличаются размера-

Таблица 6. Типы ям в жилище № 2**Table 6.** Types of pits in the dwelling № 2

ID: № 2; № 3; № 4; № 5; **IC:** № 1.

Таблица 7. Типы ям в жилищах № 5 и 11**Table 7.** Types of pits in the dwellings № 5 and № 11

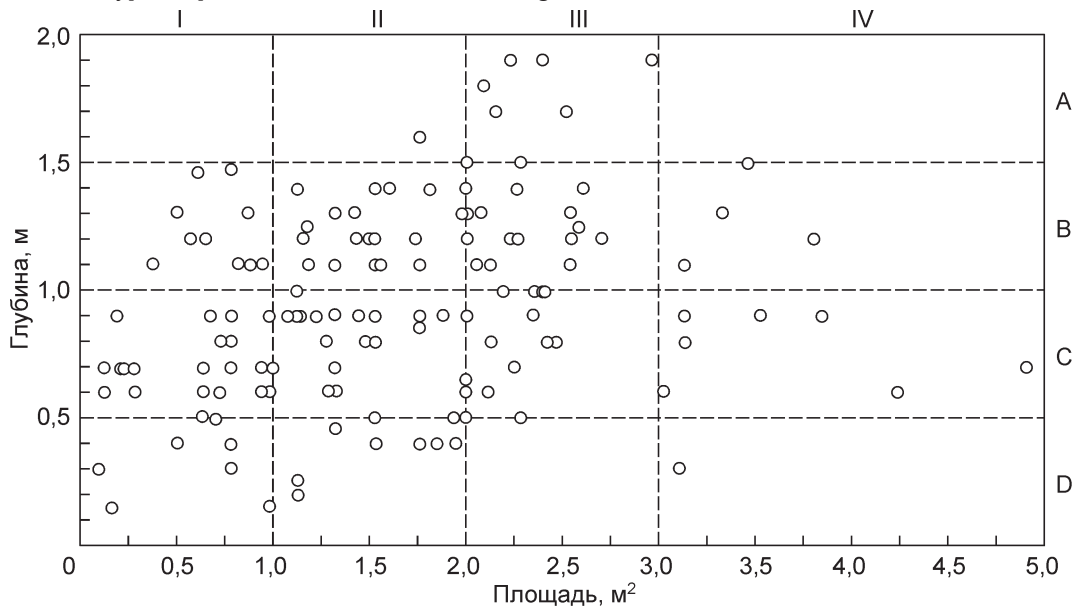
IC: № 1/5; 2/5; 3/5; **ID:** № 4/5; **IVC:** № 23/11.

ми. Рассмотрим жилища, начиная с наиболее насыщенных ямами.

В жилище № 6 (рис. А21, 2) очень неглубокие и сравнительно большие по размерам / площади ямы IID, IIIC, IVIC непригодны для установки столбов несущих стен, облицовок, перекрытий или перегородок, деталей интерьера, так как в них невозможно обеспечить надежное крепление столбов любых размеров даже при дополнительной забутовке. Непригодны они и для размеще-

ния сосудов или иных емкостей, поскольку незначительная глубина не обеспечивала пониженную температуру, темноту и постоянную относительно невысокую влажность — всего того, что необходимо для хранения продуктов. Обращает внимание парность некоторых ям: возле входа — № 1 и 2 (IID), в стороне от него — № 3 и 34 (IIIC). Возможно, в первом случае ямы служили для размещения какого-то мобильного инвентаря, который, попросту говоря, брали

Таблица 8. Типы ям на внежилищном пространстве
Table 8. Types of pits on the area between dwellings

IB: № 16/IX; № 1/IX; № 1/II; № 47/III; № 21/III; № 20/XI; № 3/IX; № 9/XII; № 43/III; № 32a/III; **IC:** № 2/XII; № 10/XII; № 45/III; № 46/III; № 48/III; № 12/III; № 17/IX; № 15a/III; № 37/III; № 38/III; № 39/III; № 1/IV; № 50/III; № 8/XI; № 11a/III; № 42/III; № 6/XI; № 2/II; № 8/IX; № 11/XII; № 45/III; № 20b/III; **ID:** № 2/IV; № 6/XII; № 13/XII; № 15/XII; № 3/VIII; № 10/VIII; № 8/IV; **IIA:** № 14в/III; **IIБ:** № 9/VIII; № 11/VIII; № 13/IX; № 11б/III; № 13/III; № 14б/III; № 15б/III; № 32в/III; № 33/III; № 34в/III; № 8/III; № 9/IV; № 10/IV; № 19/XI; № 5/IV; № 23/III; № 7/VIII; № 30/III; № 35/III; **IIС:** № 18/IX; № 8/XII; № 49/III; № 10/III; № 14a/III; № 34b/III; № 17/III; № 20a/III; № 6/III; № 3/IV; № 4/IV; № 4/XI; № 5/XI; № 16/XI; № 17/XI; № 21/XI; № 26/XI; № 10/XI; № 13/XI; № 18/XI; № 7/III; № 44/III; № 27/XI; **IID:** № 14/XII; № 11/IX; № 14/IX; № 15/IX; № 2/III; № 4/III; № 1/XII; № 26/III; № 15/XI; № 1/1; № 2/1; № 1/III; **IIIA:** № 4/VIII; № 12/XII; № 7/IV; № 11/IV; № 12/XI; 22/XI; № 34a/III; **IIIB:** № 3/II; № 1/VIII; № 5/VIII; № 6/VIII; № 8/VIII; № 12/VIII; № 10/IX; № 12/IX; № 7/XII; № 24/III; № 27/III; № 29/III; № 32б/III; № 3/III; № 41a/III; № 1/XI; № 2/XI; № 3/XI; № 7/XI; № 24/XI; **IIIC:** № 9/XI; № 11/XI-низ; № 14/XI; № 16/IX; № 4/XII; № 5/XII; № 31/III; № 5a/III; № 28a/III; № 5б/III; № 6/IV; **IVA:** № 2/VIII; № 19/IX; № 18/III; **IVB:** № 22/III; № 2/IX; **IVC:** № 44/III; № 28б/III; № 9/III; № 19/III; № 25/III; № 36/III; № 40/III; № 51/III; № 2/X; № 11/XI – середина; **IVD:** № 41б/III.

при выходе и клали назад по возвращению. Во втором случае следует иметь в виду расположение их в дальнем от входа углу, за перегородками (см. ниже), что наилучшим образом отвечает ямам, образовавшимся в результате содержания здесь молодняка мелкого рогатого скота или свиней (такие ямы можно увидеть в стойлах хлевов).

Большинство ям в жилище № 6 принадлежит к типам ID и IC. Из-за малых размеров они не могли быть ни погребями, ни хранилищами. Друг напротив друга, симметрично по отношению к условной продольной оси, находятся ямы № 38 и 9, № 32 и 8, № 10 и 6, № 20 и 28. Последовательное соединение крайних ям, а затем расположенных друг напротив друга очерчивает подпрямоугольной формы пространство размерами 5,5–5,5 × 8,3–9,2 м. За его пределами оказались ямы № 11 и 30, но функциональная связь их с очерченным пространством подчеркивается одинаковым расстоянием от ближайших продольных сторон.

Представляется, что указанная серия ям маркирует следы каркаса, установленного внутри котлована. Вертикальные его опоры были в ямах по углам и по периметру. Поперечные балки перекрытия укладывали на противоположащих столбах, причем в промежутках между ямами № 10 и 6, № 30 и 11 имелись еще дополнительные опоры (ямы № 7 и 33). Продольная балка перекрытия шла примерно вдоль оси каркаса (по линии ям № 4 и 33), далее была уложена поверх поперечных и / или вертикальных столбов, основа которых опиралась на лежаки. Расположение некоторых ям (№ 11, 4) указывает на то, что перекрытие могло выходить за пределы каркаса и даже котлована.

Ямы № 20, 21, 36, 26, 23, 22 вдоль поперечной, юго-восточной, стены каркаса находятся близко друг к другу. Таким образом тяжесть перекрытия на этой стороне распределялась более или менее равномерно. Углубления в ямах № 6 и 30, а также примыкающие к яме № 8а ямы № 8в и 8б, к

яме № 33а–33б (на пересечении продольной и поперечной балок), углубление (яма № 4б) в яме № 4а соответствуют столбам, установленным на участках, испытывавших наибольшую нагрузку.

Всего одна яма (№ 5) относится к типу IV, находится внутри каркаса, но не попадает ни в продольный, ни в поперечный пролеты, т. е. установленный в ней столб не был обычной опорой.

Выясняется, что в горизонтальной структуре жилища № 6 четко выражено наличие двух секций. Юго-западная больших размеров, огражденная каркасом, т. е. стенами, поддерживающими перекрытие, явно была жилой — здесь расположены очаги, отсюда происходит и наибольшее количество бытовых остатков. Северо-восточная, хозяйственная секция, приближаясь в плане к Г-образной форме, охватывала каркас с двух смежных сторон — продольной и поперечной. Подобное деление на секции уже давно и часто отмечалось, например, для жилищ срубной и андроновской культур (Грязнов, 1953: 144, 147; Кузьмина, 1994: 80).

Остальные ямы в жилище № 6 соразмерны маленьким ямам по юго-восточной стороне, но с каркасом не связаны, так как не попадают ни в продольные, ни в поперечные его пролеты. Для № 12 и 13 определяющим является расположение возле очагов — признак того, что они могли служить для размещения посуды для приготовления / подогрева пищи. Ямы № 14, 15 и 21, возле северо-восточного угла, предназначались для хранения емкостей или деталей внутреннего неподвижного интерьера.

Оставшиеся маленькие ямы за пределами каркаса образуют две группы: № 35, 17 и 16 соединяются линией, отделяющей две пары больших неглубоких ям друг от друга, причем между № 16 и продольной стеной оставлен проход; № 25, 26, 27 замыкают пространство к юго-западу от ям № 3 и 34. Эти две группы из трех маленьких ям — опоры легких перегородок внутри хозяйственной секции. Подобные ограждения встречены в постройке 2 поселения срубной культуры Мосоловка, где, помимо столбовых ям вдоль стен, были ямы меньших размеров, «ограничивающих участок площади вблизи от южного угла котлована, где находится одна из ям хозяйственного назначения» (Пряхин, 1993: 37, рис. 13, 1). Ямы от перегородок, разделяющих большое (хозяйственное?) помещение, отмечает С.С. Березанская для жилищ поселения Усо-

во Озеро на Северском Донце (Березанская, 1990: 33).

Близкая система расположения ям повторяется в жилище № 9 (рис. А10, 2), где одна пара ям (№ 21 — IID, № 20 — IVC) находится возле северо-западного угла котлована, другая пара (№ 23 — IVC, № 26 — IID) — у его южной стены. Надо полагать, и здесь они находятся в хозяйственной секции, являются хранилищами каких-то запасов и / или местом содержания молодняка.

В каркасе жилища № 9 вкопанными в пол могли быть не все столбы. Обратим внимание на следующее: с запада жилая зона ограничивалась ямой № 21, с юга — № 23 и 26; крайней северо-восточной ямой каркаса была яма № 5, так как далее уже был вход. Хотя бы часть северной продольной стены каркаса образована соединением ям № 5 и 6, при этом в № 7 и 27 устанавливали дополнительные опоры. Яма № 25 расположена на уровне южной продольной стенки. Если продлить северную продольную стену до ямы № 21, а поперечных — до ямы № 25, снова очерчивается прямоугольное пространство, т. е. каркас размерами 8,5 × 5,5 м. Эти значения очевидно очень близки, фактически повторяют, параметры рамы жилища № 6.

Внутри каркаса вблизи очага — ямы № 4, 8, 9, 10, «ямы-гнезда», за каркасом — № 22, единственно сохранившаяся яма перегородки между двумя парами больших неглубоких ям, как и в жилище № 6. Яма № 3 находится за первоначальными границами котлована, ямы № 1 и 2 оформляют вход. Яма типа IV (№ 24) расположена точно посередине и вплотную к южной продольной стене.

В жилище № 9 также выражено наличие двух секций. Жилая зона оконтурена каркасом, внутри нее находится очаг. Хозяйственная секция расположена за дальней, западной, поперечной стеной и за южной, продольной. Т. е., здесь хозяйственная зона расположена не вдоль продольной, как в жилище № 6, а у поперечной стены, поэтому ямы-хранилища находятся в стороне от входа. Но общий контур хозяйственной зоны и здесь имеет в плане почти Г-образную форму, охватывая каркас с двух смежных сторон.

Для жилища № 4, в помещении № 4а (рис. А25, 1, 2; А27, 2) А.И. Тереножкин отмечал большое количество ям различных размеров, «среди которых могли быть и ямы от столбов».

Северо-восточную поперечную стену каркаса образует линия ям № 14 и 25. Яма № 2 находится в промежутке между ними. Северо-западную продольную стену образует линия ям № 14 и 17 с № 16 в промежутке между ними. Юго-восточную поперечную стену маркируют ямы № 17 и 18, юго-восточную продольную – ямы № 25 и 9 с продолжением до пересечения с юго-восточной поперечной стеной.

Указанные ямы очерчивают каркас близкой к прямоугольной формы размерами 4,5–4,5 × 5,8–6,2 м. Он несколько меньше, чем в жилищах № 6 и 9, вероятно, из-за того, что это помещение входило в двухкамерное жилище. Помещение имеет трехчастное поперечное членение (по линии противоположащих ям № 16 и 9 и, возможно, № 4 и 20 с продолжением до северо-западной стороны). Линия ям № 1, 2 и 13 отвечает продольной балке, выходящей, как и в жилище № 6, за пределы каркаса. Дополнительной опорой последней служила яма № 12 за пределами котлована. Остальные ямы внутри каркаса – или интерьерные, или «ямы-гнезда» для емкостей (№ 5–7, 19, 21).

Интересно, что и в этом жилище имеются участки, охватывающие каркас со смежных противоположных сторон. Хотя на их площади нет ям-хранилищ, но их можно сравнивать с хозяйственными секциями жилищ № 6 и 9. На одном из участков находятся ямы типа ID (№ 22 и 26), образующие перегородку с проемом от входа в помещение № 4а до входа / спуска в помещение № 4б. О назначении ямы № 23, попадающей в образовавшийся своеобразный проход, более определенно можно было бы судить, если бы помещение № 4б было исследовано на большей площади.

В жилище № 10 (рис. А23, 2) северную стену каркаса образует линия ям № 5 и 12; восточную – № 5 и 6 (№ 4 в пролете между ними); южную (продольную) и западную (поперечную) – линии, продолженные, соответственно, от ям № 6 и 2 и № 12 и 13 (в точке их пересечения угловая яма отсутствует). Две слившиеся ямы (№ 2б и 2а), видимо, следствие ремонта, возможно, в месте наибольшей нагрузки перекрытия. Яма № 3 внутри каркаса – это или элемент интерьера, или место для размещения каких-то емкостей.

Размер каркаса этого жилища 5,0–5,5 × 5,2–5,8 м. Дополнительную жесткость ему придавала балка на столбах в ямах № 2 и 7, далее опиравшаяся непосредственно на северную стену, и балка на столбах в ямах

от № 10 до № 7 с продолжением до восточной (в пролете – № 9 и 8). Последняя, как и осевая балка в помещении № 4а, выходила за пределы каркаса и, возможно, котлована. Так же, как в жилище № 9, в западной стороне от входа части котлована может быть выделена хозяйственная зона, но без ям-хранилищ. В этой зоне маленькая яма (№ 11 – тип ID) для столба перегородки, направленной к яме № 8.

В жилище № 5 из-за частичного разрушения (рис. А26, 2) не сохранились угловые ямы каркаса. Крайними с северо-восточной продольной и юго-восточной поперечной сторон являются ямы № 1 и 4. По взаимному пересечению их уровней устанавливается место одного из углов и длина юго-восточной поперечной стенки в пределах от 5,5 до 6,0 м. Ямы № 3 и 2 находятся внутри каркаса, являются интерьерными или «ямы-гнездами».

В жилище № 2 (рис. А16, 2), также сохранившемся не полностью, угловой может быть яма № 1. Так как юго-западная продольная стена должна проходить за пределами обнаруженной в полу впадины, северо-западная поперечная стена каркаса имеет длину не менее 5,0 м. Расположенные вблизи впадины и очага ямы № 2–4 – «ямы-гнезда», а удаленная от них яма № 5 – интерьерная.

В жилище № 8 (рис. А9, 2) сведений о каркасе очень мало. По расположению ям-хранилищ (№ 3, 5, 7, 8) здесь выделяется хозяйственная зона, причем, хотя и не так явно, как в жилищах № 6 и 9, заметна парность ям, например, № 5 и 6. По аналогии с жилищем № 9, где такие ямы располагались в противоположной от входа стороне, здесь вход мог быть устроен в западной половине, в частности, по аналогии с жилищами № 4 и 6, в его северо-западном углу.

В полу исследованной части жилища № 1 (рис. А15, 4) нет ни одной ямы. Но если принять за его поперечную стену полностью сохранившуюся северо-восточную сторону и то, что каркас не вплотную подходил к стенам котлована, длина каркаса здесь была примерно 5,5 м.

Таким образом, благодаря выделению различного типа ям (ни одна из них не оказалась лишней на занятом ею пространстве) и анализу их расположения, удалось с большой степенью вероятности установить не только их назначение, но и определить жилую и хозяйственную зоны в жилище, расположение перегородок, форму каркаса

и его размеры, которые в некоторых жилищах почти полностью совпали. Показатель на также повторяемость тех или иных особенностей в разных жилищах, например, отсутствие внутри каркаса, в жилой зоне, каких-либо следов перегородок и отсутствие во всех жилищах ям-погребов. Все это показывает, что произведенное подразделение ям отражает вполне реальные и, главное, устоявшиеся на то время и в тех конкретных условиях бытовые и строительные нормы.

Размеры каркасов почти полностью совпали в больших жилищах № 6 и 9, в малых длина хотя бы одной из сторон составляет от 5,0 до 5,8 м. Это позволяет предполагать наличие у древних строителей определенных мерных стандартов. При анализе длины стен каркасов жилища № 6, помещения № 4а жилища № 4, жилищ № 9 и 10 выяснилось, что наименьшее из повторяющихся значений равно 0,3 м¹. Далее следуют величины 1,3; 1,7; 2,8 и 3,7 м. Таким образом, итерированные значения возрастают со следующими значениями переменной: 4, 6, 9 и 12 (доверительный интервал ±0,1 м). Данная закономерность позволяет заключить, что показатель, приблизительно соответствующий 0,3 м, является мерой длины. Доверительный интервал в ±0,1 м также сохраняется при делении длины стен каркасов на 0,3 м.

Среди известных мер длины величина около 0,3 м свойственна футу, т. е. длине стопы, точное линейное значение которого в разных странах несколько различается. Известно, что длина стопы как единица измерения широко использовалась в древности. Первые стандарты были приняты еще в Шумере в XXII в. до н. э. по ступне статуи Гудеа, правителя города-государства Лагаша. В догосударственных образованиях и в целом до введения метрической системы в XIX в. могли существовать различные местные мерные стандарты. Без них было бы невозможно обеспечить не только возведение жилищ и любых иных построек, но и заготовку необходимых материалов с заданными заранее не только количественными, но и качественными характеристиками.

III.1.5. ОЧАГИ И ПЕРЕНОСНЫЕ ЖАРОВНИ ВНУТРИ ЖИЛИЩ

Центром традиционного дома является очаг. На Большом Городке они выявлены в жилищах № 1–7, 9, 10, т. е., фактически, во всех, исследованных более или менее большой площадью. Они представляют собой скопление золы на обожженных участках пола, в его понижениях или ямах, иногда в сочетании с камнями, печиной и древесными углями. Площадь таких скоплений достигает 2,0 м². Понижения или ямы имеют овальную или близкую к прямоугольной форму размерами до 3,3 × 2,8 м. Верх очага № 1 в жилище № 1 оформлен в виде бортика, обмазанного глиной. В жилищах № 9 и № 2 возле очагов были большие бесформенные впадины, образовавшиеся в результате длительного вытаптывания и подметания, здесь отмечено возрастание количества находок. Такие впадины часто встречаются в глинобитных полах и древних, и современных жилищ в зоне наибольшей бытовой активности (Грязнов, 1953: 144–145; Кузьмина, 1994: 80).

В жилищах № 1, 2, 9 и 10 обнаружено по одному очагу близко к центру, в жилище № 5 — два на противоположащих участках, в жилищах № 4 и 6 — серия по осевой центральной линии, вблизи или на некотором удалении друг от друга напротив входа. Такое расположение — результат решения традиционной задачи равномерного обогрева жилища и соблюдения элементарных противопожарных мер. Расположение очагов в жилище № 6 близко к стенке каркаса косвенно может указывать на то, что здесь находились выходы в хозяйственную зону. С южной стороны от двух крайних очагов в помещении № 4а к ним примыкали предочажные ямы.

Рассматривая очаги поселения срубной культуры Усово Озеро и более широко в Подонцовье, С.С. Березанская (1990: 35) разделила их на три функциональные группы: производственные (металлургические), кухонные и осветительные, отметив, что «осветительные отличаются меньшими размерами и более чистым зольным заполнением». Очаги андроновской культуры, по Е.Е. Кузьминой, разделяются на кухонные, культовые и производственные (1994: 84). Такое подразделение представляется произвольным, так как, например, проблема освещения имеет более простые решения (светильники, свечи, лучины и т. п.), а ку-

1. Расчеты по моей просьбе произвел А.В. Дяченко.

хонное назначение очагов не исключает их использования в культовых и производственных целях.

По кускам обожженной глины с отпечатками дерева, встреченным на различных уровнях в культурном слое или в заполнении ям вне котлованов (№ 2 и 4 раскопа XI, № 1 раскопа IX и др.), можно предполагать наличие, помимо открытых очагов, печей с глинобитными стенами и земляным подом. Их деталями были камни, глиняные вальки и «кирпичики» (рис. N1, 1–8), аналогии которым широко известны на бытовых памятниках эпохи поздней бронзы, пожалуй, всей Северной Евразии (Зданович, 1988: 57; Кузьмина, 1994: 81; Берестнев, 2001: 78). На многослойном поселении Глубокое Озеро-2 на Северском Донце «кирпичики» в большинстве случаев связаны с постройками горизонтов переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Открытым остается вопрос о наличии на городище купольных печей. Достоверных находок их вообще не очень много на памятниках Правобережной и Левобережной степи и лесостепи, но детали их известны на поселениях с бондарихинскими, малобудковскими и срубными материалами (Ромашко, 2013: 68, 69). Ни очаги, ни безкупольные печи не требовали специальных дымоходов – в жилищах их заменяли свето-дымовые отверстия, подобные найденным в жилищах андроновской культуры (Кузьмина, 1994: 79).

Как показывают многочисленные этнографические данные, для отопления небольших закрытых помещений, насыщенных деревянными деталями, постоянный открытый огонь не нужен, если вместо дров использовался животный жир, мерзлый овечий помет, заранее заготовленный древесный уголь. Их жара было вполне достаточно даже для приготовления или разогрева пищи в глиняных сосудах. Этот простой прием был широко распространен в разных регионах мира с глубокой древности. Например, в иконографии Древнего Египта есть множество изображений процесса выпечки некоторых разновидностей хлеба непосредственно в золе или на открытых очагах. Приготовленные таким способом лепешки назывались «пастушескими» (Falting, 1998: 35–36, 60).

Для отопления помещений использовали также специальные жаровни (переносные

очаги). Например, большие куски жаровни найдены на очаге № 1 жилища № 10. Диаметр ее около 50 см (рис. F17, 2), в стенках – два сквозных отверстия, между которыми имеется горизонтальное углубление, по ширине соответствующее диаметру отверстий. Вероятно, такие же отверстия имелись на противоположной не сохранившейся стороне. Еще один экземпляр найден в яме № 23 раскопа XI, но вместо отверстий с внешней стороны имеется специальный желобок для горизонтальной перевязи (рис. F17, 2a).

Такие жаровни очень просты в обиходе, эффективны и экономичны. В них укладывали разожженные куски древесного угля, и, по мере необходимости, устанавливали в том или ином месте, например, у лежачков в бытовой секции (рис. F17, 3). Сквозные отверстия для веревок в стенках или для перевязи позволяли переносить и подвешивать их. Поскольку канат или толстая веревка проходили через внутреннюю сторону, где находился жар, то здесь, наверняка, она была обмазана глиной. Благодаря таким жаровням даже в зимнее время тепло в помещении сохранялось долго, и не было необходимости постоянно поддерживать огонь на очаге или печи.

В.А. Ромашко (2013: 69) обратил внимание на подвесные или напольные очаги украинских и северорусских домов, которые выдалбливали из ствола дерева. Они имели вид холщевых мешков или плетенки, обмазанных глиной. На мой взгляд, он удачно идентифицировал как часть подвесного очага находку крупного глиняного изделия с Кишиневского поселения. Переносная жаровня происходит с поселения (зольника) сабатиновской культуры возле с. Новокиевка на Херсонщине, которую я принял за часть свода печи (Gerškovič, 1999: 36, Abb. 9). Недавно переносной очаг найден в культурном слое поселения бондарихинской культуры у с. Войтенки. Его диаметр вверху около 60 см, высота стенок 15 см, два отверстия соединены желобком, их диаметр равен ширине желобка (Корохіна, 2011: рис. 177, 4).

Жаровни Суботовского городища толстостенные, изготовлены из глины с примесью большого количества травы, чем отличаются от значительно меньших по размерам сковород, вылепленных, как и обычные сосуды, из глиняной массы с примесью шамота, песка или дресвы.

III.1.6. ВНЕШНИЙ ВИД И ИНТЕРЬЕР ЖИЛИЩ

Основой жилищ Большого Городка была деревянная конструкция – каркас. Его возводили на некотором расстоянии от земляных стен котлована. Он представлял собой своеобразный «скелет», который дополняли «плотью» из плетня, разного рода обрешетки, досок и т. д. По периметру или на определенных участках, например, возле очагов (для обеспечения пожаробезопасности) плетень обмазывали глиной или обкладывали кусками дерна (Горбов, 1997: 145–161; Ромашко, 2001: 142). Одновременно каркас служил опорой для продольных и поперечных балок и брусьев перекрытия, которые вместе с обрешеткой и / или плетнями обеспечивали жесткость постройки. Показательно, что дополнительные опоры (ямы № 2б и № 2а в жилище № 10; углубления в ямах № 6 и 30, а также ямы № 8в и 8б, 33б, 4б в жилище № 6; № 7 и 27 в жилище № 9) находились в продольных стенах каркаса или на пересечениях балок, в местах наибольшей вертикальной нагрузки.

Отметим, что перекрыт был не только каркас, а весь котлован. Более того, перекрытие частично выходило за пределы котлована, где устанавливали внешние дополнительные вертикальные опоры или раскосины. Как правило, ямы от них, даже когда они прослежены, не рассматривают в связи с конструкцией жилищ. Но такие ямы легко проследить на поселениях, раскопанных большими площадями. Например, на Мосоловском поселении возле постройки 1 «несколько столбовых ям есть вне котлована и со стороны его юго-восточной стены», такие же – с внешней стороны котлованов 8, 18, 34 и др. (Пряхин, 1993: 35, 43, 44, 47). На Большом Городке такими можно считать ямы № 14 и 17 раскопа IX – внешние опоры для жилища № 9, № 8 того же раскопа – для жилища № 8, № 16 и 21 раскопа III – для «жилища» № 3. Они могли служить основой еще одного, дополнительного, внешнего каркаса, в пределах которого на пространстве до верхнего края котлована, располагался какой-то бытовой или производственный инвентарь, в частности, возле южной, продольной, стены жилища № 9 найдена яма-хранилище (№ 14), формально не имеющая отношения к этому жилищу, но фактически связанная именно с ним (рис. А7, 1; А10, 2). Ямы от опор внешнего перекрытия прослеживаются не везде,

так как они вырыты с уровня древнего горизонта, не менее чем на 0,3 м выше более светлого лесса материка, или еще выше, на вершине массива грунта, перемещенного наверх при рытье котлована.

Пожалуй, для жилищ Суботовского городища следует исключить высокую крутую двухскатную крышу стропильной конструкции, так как сравнительно легкий каркас явно не был рассчитан на большой вес. Кроме этого, при высоком уклоне возрастает ветровая нагрузка и понижается запас прочности. Остается допустить наличие простой легкой покатой односкатной или невысокой двускатной крыши без чердака. В больших жилищах, где необходимо было перекрыть и бытовую, и хозяйственную зону, крыша состояла из нескольких наклонных (косых) поверхностей. В кровле использовали солому или камыш, как повсеместно наиболее доступные и долговечные материалы, способные сохранять устойчивую температуру. Ю.В. Буйнов вслед за А.Т. Синюком предполагает для простых односкатных крыш перекрытие из камыша и дерновых прослоек (Синюк, 1981: 106, 111; Буйнов, 2008а: 13). Для саргаринских жилищ допускается засыпка камыша (байры) слоем земли или золы (Кузьмина, 1994: 79). Такие решения очень рациональны и имеют многочисленные этнографические параллели (Андреев, 1958: 440).

Вход в жилище оформляли деревянным щитом или плетнем, крепившемся на столбы (рис. А10, 2) внешнего каркаса. В жилище попадали через лестницу¹.

Каркасы, столбы и подпорки изготавливали из хвойных пород деревьев, наиболее простых для обработки и дававших приятный и полезный смолистый воздух в помещениях (Рабинович, 1969: 22).

Продолжительность функционирования жилищ, подобных суботовским, установить вряд ли возможно. На первый взгляд, они очень непрочные и недолговечные, но в них в случае необходимости основные элементы легко заменить. В этом состояло одно из достоинств таких конструкций. Периодический ремонт мог обеспечить их существование не менее длительное время, чем ка-

1. Одна из немногих удачных графических реконструкций входа и своеобразной лестницы представлена С.С. Березанской для жилища № 4 Пустынки (Березанская, 1974: 28, рис. 7). О лестницах или сходнях в котлован жилища писал и В.А. Ромашко (2001: 141).

менных или глинобитных домов – до 70 лет (см.: Збенович, 1989: 43).

Как считает С.С. Березанская, наиболее трудоемким при сооружении землянок и полуземлянок было не рытье котлованов (1990: 33), а монтаж в них деревянных, как на Суботовском городище, или, как на большинстве поселений в степной зоне, каменных конструкций. Но и эти операции, наряду с подготовкой к ним (заготовкой и транспортировкой строительного материала), не требовали титанических усилий и длительного времени. В музее под открытым небом в уже упомянутом Аллерсвеле в Дании в середине 1950-х гг. для постройки жилища размерами 15 × 6 м понадобилось 72 столба, четырехметровые стропила, перекладины и жерди, прутья для переплета стен, 9 т глинистого раствора, для перекрытия – камыш. Двенадцать человек построили такой дом всего за десять дней¹. Сама С.С. Березанская, ссылаясь на работы Г.Ф. Коробковой, указывает, что над строительством жилища размерами 11 × 6 м, с котлованом глубиной около 1,0 м, восемь–девять человек работали всего в течение срока дней (Березанская, 1990: 33).

Приведенные наблюдения будут использованы для графических и даже натуральных реконструкций внешнего вида и интерьера жилищ Суботовского городища. Сделав, благодаря любезной помощи В.Б. Панковского, несколько вариантов рисунков для этой книги, я все же не решаюсь их публиковать до проверки предположений на материалах других поселений. Как показывает история изучения жилищ эпохи бронзы (и не только), некоторые поспешно предложенные графические реконструкции легко принимаются на веру и живут своей жизнью даже тогда, когда ошибка стала понятной для всех, включая авторов.

III.1.7. МЕСТНЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

При изучении древнего домостроительства неизбежно возникают вопросы о происхождении тех или иных типов жилищ и их пространственном и временном континууме. Не без влияния этнографов и историков, уста-

новивших, что традиции домостроительства связаны с этнической средой, Е.Е. Кузьмина пришла к выводу о возможности выделения на основании изучения жилищ не только археологических культур, но и установления этнической принадлежности их носителей (1994: 67). Этот вывод справедлив, но настолько, насколько полно сохранились и изучены соответствующие археологические данные, а они, как в этом можно было убедиться, всегда весьма отрывочны. В. Коробейников отметил гносеологическую идентичность интуитивно-визуальных методов, исторических и этнографических аналогий, которые в известной мере ограничены. Они «сводятся к распознаванию объекта по эталону и экстраполяции свойств известного объекта на объект с неизвестными свойствами», но «процедура идентификации объектов для каждого исследователя произвольна, то есть в археологии нет ясности и сходства во мнении, по каким же признакам следует искать аналог данному сооружению ... разнотипности аналогичности не позволяет исследователям получать сравнимые между собой результаты» (Коробейников, 2005: 11). Типологические схемы этнографов, изучающих живую культуру, и археологов, исследующих разрозненные и/или неполные проявления мертвой культуры, различны по составу и количеству признаков. Л.И. Крушельницкая исключает приемы строительства из числа этнокультурных признаков, обращая внимание на их обусловленность локальными факторами (Крушельницкая, 1985: 4).

Для бронзового века Евразии Е.Е. Кузьмина выделила два типа жилищ: центральноевразийский и индопереднеазиатский (1986: 44–45; 1988; 1994: 82–88). Каркасно-столбовые конструкции в основном распространены в центральноевразийской зоне, где установлены их глубокие, начиная с неолита – энеолита, истоки². Е.Е. Кузьми-

1. Эту и много другой интересной информации можно получить здесь – <http://informvest.ru/21-postoyannye-doma.html> или на сайте Международной организации археологических музеев под открытым небом и экспериментальной археологии (EXARC) – <http://exarc.net/>.

2. В интересной и показательной дискуссии по поводу статьи М.Т. Кашубы (Кашуба, 2012б) Н. Бандрицкий справедливо отмечает широкое распространение каркасных конструкций в культурах раннего и среднего гальштата, догетского и фракийского периодов, формулируя сомнения относительно правомерности сопоставлений в виде риторического вопроса «а где их не употребляли?» (Бандрицкий, 2012: 474–475). Нужно заметить, что в данном случае сопоставление, предложенное М.Т. Кашубой, вовсе не лишено смысла, так как касается круга очень близких по происхождению культурных образований, которые, как считается, приняли участие в формировании исторических фракийцев.

на не придавала особого значения отличиям между жилищами отдельных культур в этой зоне, считая их второстепенными, хотя это не помешало ей выделить в отдельный тип андроновские жилища. Она полагала, что «социальная функция, архитектурно-планировочные решения и строительная техника поселений и жилищ различных культур этой зоны степи и лесостепи Евразии эпохи бронзы едины» (Кузьмина, 1994: 84–85). Но ведь даже наличие такого «общего» элемента как стропильные или пирамидально-ступенчатые крыши чаще всего очень спорно или вовсе недоказуемо.

Выделение известных ныне археологических культур первоначально произведено отнюдь не с учетом данных по домостроительству, а по специфическому керамическому комплексу или производственно-бытовому набору, совпадающих (да и то не полностью и не всегда) лишь в смежных регионах. Иными словами, «индопереднеазиатский» или «центральноевразийский» типы слишком широки для проведения для каждого из них детальных сопоставлений любого рода. Только констатация, казалось бы, очевидного факта о принадлежности к центральноевразийскому типу жилищ Суботовского городища, а именно такое сопоставление следует из имеющихся данных, ничего не дает для решения культурогенетических и хронологических проблем.

Важным представляется другое. Бесспорно, в Среднем Поднепровье и прилегающих к нему регионах непосредственные местные истоки традиций полуземляночного и земляночного домостроительства восходят к тшинцево-комаровской культуре, где постройки с внутренним каркасом, установленным на удалении от стенок котлована, представлены в сосницкой группе (Березанская, 1974: табл. I–XIV). Позже и в Потяминье, и южнее, по В.А. Ромашко, «в лесостепном варианте богуславско-белозерской культуры» известны такие же домовые формы. Для них следует исключить восточные прототипы, так как, судя по материалам поселений позднеабашевского облика Алешин Ручей, срубной культуры Мосоловского и Усова Озера, каркасы внутри жилищ располагались иначе – вплотную к стенам котлована (Березанская, 1990: табл. X; Пряхин, 1993: рис. 4; Санжаров, 2010: рис. 35; 37, 1).

В переходный период к раннему железному веку жилища с внутренним каркасом представлены на поселениях бондарихинской культуры в Подонцовье (Буйнов, 2008а:

рис. 1). Двухкамерные структуры наподобие жилища № 4 из Суботовского городища исследованы на поселении Давыдово-Никольское (Краснодонский р-н Луганской обл.), где землянка Г-образной формы состояла из двух помещений (№ 2 и 2а), соединенных между собой узким проходом: в северной части – помещение близкой к трапециевидной формы размерами 7,5 × 7,0 м, в южной – близкой к прямоугольной размерами 6 × 3 м; в северо-восточном углу северного помещения – ступеньки. Найденная здесь керамика определена авторами как поздняя БМСК, но наличие «воротничковых» оформлений венчиков сосудов (Пробейголова и Красильников, 2010: 31–33, рис. 1, 1, 2), скорее, указывает на постсрубный возраст. Двухкамерное жилище с помещениями, разделенными проходом, открыто на бондарихинском поселении Основа-3 (Буйнов, 2004: 146).

В неполной, но достаточно представительной выборке по площадям котлованов жилищ заключительного периода эпохи поздней бронзы Поднепровья, Подонцовья и Подонья, собранной В.А. Ромашко (2013), наиболее близкие суботовским по площади имеют малобудковские и бондарихинские (от 35 до 88 м²), а также срубные (от 36 до 90 м²). Примерно такие же были и в предшествующее время (от 30 до 98 м²). Интересно, что среди и малобудковских, и бондарихинских, и срубных есть жилища площадью от 108 до 160 м². Подобных на Суботовском городище нет.

Устройство входа в углу жилища характерно для многих памятников эпохи поздней бронзы Северной Евразии (Малов, 2013: 104), причем часто они устроены именно в северных углах (см.: Потемкина, 1985: 329; Пряхин, 1993: 40, 41, 52; Kašuba, 2007: 133). Это можно объяснить требованием ориентировать постройки таким образом, чтобы свет от восходящего солнца проходил в помещение через открытую дверь, а этого можно достичь только расположением проема-входа в пределах северной половины жилища. Такой принцип нарушался лишь тогда, когда ориентация зависела от расположения ближайших водных источников, микрорельефа, розы ветров в холодные времена года (Андреев, 1958: 431; Байбуурин, 1993: 163; Кузьмина, 1994: 70), а также других не всегда поддающихся учету обстоятельств. На Большом Городке вход в жилище мог быть ориентирован не только к восходу, но и в сторону Малого Городка,

возможно, игравшего в общей структуре поселения некую особую роль.

Вряд ли приведенный перечень сопоставлений является исчерпывающим, но даже в таком виде вырисовываются общие или близкие традиции домостроительства и бытового обустройства в местной тшинецко-комаровской культуре и синхронных белогрудовской, бондарихинской культурам и в постсрубных образованиях.

Кроме этого, к числу синхронных сопоставлений можно, хотя бы частично, добавить домостроительные традиции раннегальштатских культур Восточного Прикарпатья, включая лесостепное Поднестровье, а именно, культур Гава-Голиграды–Грэнничешть, Кишинэу–Корлэтенъ, Тэмэоань–Холеркань–Балта и Козия–Сахарна. Здесь столбовые и каркасные конструкции были очень распространены, хотя в них, во-первых, отмечается значительно большее разнообразие типов жилищ; во-вторых, нет каркасов, установленных на удалении от стен котлована. На стенах некоторых жилищ культуры Козия–Сахарна была роспись красной краской (Кашуба, 2012б: 459). В случае находок таких росписей на жилищах более восточных территорий, западные связи в домостроительстве нашли бы очень убедительные доказательства.

III.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕЖИЛИЩНОГО ПРОСТРАНСТВА

Многочисленные ямы, очаги, сосредоточение отдельных находок, включая развалы сосудов, – все это свидетельствует об активном освоении и длительном использовании пространств вне жилищ в каждом домохозяйстве.

Очаги представляли собой неуглубленные обожженные участки земли размерами от 0,3 м до 2,3 × 1,5 м, скопления золы, углей, глины. Как и в жилищах, к ним приурочено скопление находок. Даже в тех случаях, когда под скоплением кусков печины нет обожженности, можно предполагать расположение очагов на деревянных стойках (Бломквист, 1956: 265, рис. 55).

По сравнению с жилищами, отмечается значительно большее разнообразие ям: кроме типов IB, IC, ID, IID, IIIC и IVС, здесь представлены IIA, IIB, IIC, IIIA, IIIB, IVB, IVD (табл. 8). Спектр их функционального назначения частично совпадает с теми вариантами, которые были приведены для ям из

жилищ. В то же время большее разнообразие указывает и на более широкий диапазон использования.

Общая планиграфия ям лучше всего видна в домохозяйствах № 1 и 2 (рис. А5). В остальных группах, исследованных меньшими площадями, закономерности в расположении ям проследить сложно.

В домохозяйстве № 1 большинство ям находятся возле жилищ, меньше и не так компактно – на периферии.

В домохозяйстве № 2 ямы в основном сосредоточены возле «жилища» № 3 и 6, здесь же они часто перерезают одна другую (рис. А17, 1). В пределах этого домохозяйства видны слабо выраженные скопления ям, в частности, севернее и восточнее «жилища» № 3, где между ними имеются своеобразные проходы шириной около 1,5–2,0 м¹ (рис. А17, 1). Показательно, что в числе указанных ям оказались самые большие и глубокие из тех, которые представлены в этом домохозяйстве.

Некоторые интересные особенности можно проследить, анализируя расположение отдельных типов ям.

Ям типа IC за пределами жилищ немного. За северо-восточной стеной котлована жилища № 6 это № 37–39, 43, которые могли служить для опор ограждения или перекрытия ям-хранилищ № 41а, 41б (рис. А20, 1). Такие же ямы раскопа XII (№ 2, 13) предназначались для односкатного перекрытия ямы № 4 (рис. А12, 1). Невдалеке от «жилища» № 3 несколько таких ям (№ 11а, 12, 15) образуют прямой угол, в котором оказались ямы IIA, IIB, IIC и очаг № 2 (рис. А17, 1). Ямы № 6 и 8 раскопа XI расположены в одну линию и, вероятно, представляют собой остатки какой-то локальной оградки (рис. А29, 2). Подобное расположение ям на Мосоловском поселении А.Д. Пряхин рассматривает как свидетельство «возведения отдельных наземных конструкций» (1993: 39, 41). Скопления ям вокруг очагов вне жилищ на поселении бондарихинской культуры Орехово-Донецкое IV на Северском Донце трактуют как овины для просушки снопов (Горбов и Усачук, 2001: 30).

Наибольшие по объему / вместимости ямы вне жилищ – типа IVB и IVС (табл. 8). Такие ямы, № 2 и 19, находятся возле и

1. Системы проходов с навесами, известные на поселении Метеуць-Ла Башнэ и Алчедар III (культуры Козия–Сахарна) в лесостепной Молдове (Кашуба, 2000: 9), наверняка, имелись и на поселениях других территорий и культур.

между жилищами № 9 и 8 (рис. А7, 1); № 36 и 40 — возле жилища № 6 (рис. А20, 1); № 28 и 29 — возле «жилища» № 3 (рис. А17, 1); № 18, 19, 22, 25 расположены полудугой возле очага № 3 (рис. А17, 1). Как и ямы IIА, IIВ, IIIА, IIIВ (табл. 8), ямы этого типа большие, глубокие и часто грушевидные в разрезе. Как известно, именно их принято рассматривать как зерновые, и они широко представлены на поселениях предшествующего периода разных территорий. В Среднем Поднепровье они бытовали вплоть до рубежа 19–20 вв., хотя для древнерусского периода предполагают и более широкую их функцию (Готун, 2003: 344).

Продолжительность использования зерновых ям ограничивают пятью годами, связывая это с активностью бактерий (Clark, 1962: 47–48). Но это минимальный срок, так как в условиях любого постоянно функционирующего поселка, наверняка, время от времени производили элементарную дезинфекцию ям, их расширяли и углубляли. Что же касается расположения исключительно вне жилищ, то это, очевидно, связано со значительными их размерами и правилами распределения запасов зерна или иных хранящихся там продуктов.

III.3. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ПОСТРОЙКА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ УЧАСТОК

III.3.1. ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Как уже указывалось выше, при сравнении площади котлованов жилищ Большого Городка выяснилось, что они подразделяются на большие и малые. «Жилище» № 3 не попало ни в одну из них, так как отличается не только очень малой площадью (на уровне пола всего 14 м²), но и значительной, не свойственной ни одному из типов жилищ, глубиной в 2,25 м от ДГ. А.И. Тереножкин предполагал, что здесь под котлован была приспособлена глубокая большая яма, вырытая с какой-то хозяйственной целью, возможно, для добычи глины, т. е. глинище (Тереножкин, 1955б: 8). Он отметил прокаленность стенок котлована, связав ее с пожаром, хотя кубок из заполнения (рис. В45, 8) не имеет следов воздействия огня.

Если обратиться к общему плану участка, на котором расположено «жилище» № 3 (рис. А17, 1), то легко убедиться, что две ямы типа IV (№ 16 и 21) вплотную примыкают

к его котловану с северо-востока и северо-запада. Такие же ямы, вероятно, первоначально находились и с противоположных, обрушенных, сторон и образовывали единую конструкцию, в которой четыре столба служили опорой внешнего каркаса и навеса (рис. А18, 3).

Подобные объекты (их иногда называют «ямами-жилищами») известны в раннегальштатских культурах. В культуре Гава-Голиграды–Грэничешть, наряду с обычными жилищами прямоугольной формы площадью 24–26 м², имеются «земляночные жилища» площадью всего до 4,5–5,0 м², причем, как и в «жилище» № 3, значительную часть площади их пола занимает очаг. На поселении Дэнчень в качестве землянки (без очага) названа яма площадью 8,4 м², глубиной до 1,7 м со ступеньками и неровным полом (Кашуба, 2012б: 447, 450, рис. 8, 1). На Кишиневском поселении открыто углубленное сооружение, которое состояло из наклонного коридора со ступеньками. Его основная часть близкой к квадратной формы, размерами около 2,5 × 2,0 м, у входа — очажная яма, столбовых ям нет (Мелюкова, 1958: 36–37). На поселения Иждилень-Фрумушица культуры Тэмэоань–Холеркань есть землянка овальной формы площадью всего 6,0 м², без очага (Кашуба, 2012б: 451, 452, рис. 8, 2). Известны подобные землянки и полуземлянки на памятниках культуры Козия–Сахарна, в частности, на поселениях Солончень–Хлиная, Матеуць–Ла башне, Мэшкэуць–Ливада Бойерулуй (Там же: рис. 8, 3–6; Kašuba, 2007: 132–133, Abb. 5, 1–3), Сахарна–Микэ и Алчедаре III (Кашуба, 2012б: рис. 12, 1, 3).

М.Т. Кашуба предложила графическую реконструкцию жилища 7а на поселении Алчедаре III площадью всего 3,3 м² и глубиной не менее 2,0 м (Kašuba, 2007: 135–136; 2012б: рис. 12, 2). Снаружи возле него была серия столбовых ям, сам котлован в разрезе близкой к воронковидной формы, с ямой на дне (Kašuba, 2007: Abb. 8, 3, 4). Стены почти вплотную примыкают к «котловану», который к низу значительно сужался. На поселении Глинжень II открыта полуземлянка (сооружение 1) квадратной формы с округленными углами, размерами 2,0 × 2,0 м и глубиной 0,75–1,05 м. В ней, как и в «жилище» № 3, обнаружено очень мало материала — всего два десятка фрагментов и два сосуда (Гольцева и Кашуба, 1995: 8, табл. VIII, 2).

По приведенным М.Т. Кашубой аналогиям, создается впечатление, что такие «мик-

рожилища» характерны для всех раннегалльштатских культур с резной и штампованной керамикой, так как отмечены и в Нижнем, и Среднем Подунавье, на северных и северо-восточных Балканах (Кашуба, 2012б: 461). Позже, в период среднего галльштата, они есть в культуре Басарабь–Шолдэнешть Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья (Там же: 462, рис. 12, 4). В бассейне Муреша на поселении Иернут раннего периода культуры Басарабь открыта яма-жилище диаметром 2,65 м, в ее центре предполагается наличие опорного столба (Gogăltan și Ursuțiu, 1994: 81, Fig. 3), а с северо-восточной стороны прослежены, как минимум, три ступеньки. Такие же постройки известны на поселении Валеа Тимисулуй (Gumă și Gumă, 1977: 49, Pl. IV).

Многочисленные этнографические данные в общем-то не противоречат возможности реального бытования жилищ даже таких малых размеров. Это, например, бобыльские лачужки, хижки, кельи у восточных славян XIX в. (Бломквист, 1956: 136, рис. 19, 2). Можно обратиться и к заведомо экзотическим примерам, вспомнив об ямах-жилищах древних пуэбло, послуживших прототипом храмов, именуемых «кива» (Vivian and Reiter, 1980: 97). Считается, что маленькие кивы использовались и как жилые дома, в их полах были небольшие отверстия (синапу), символизирующие портал, через который, по представлениям пуэбло, их предки появились на свет. Само слово «кива» означает «нижний мир».

Вопрос о том, что стоит за ямами-жилищами – собственно ямы или жилища, или еще что-то (те же глинища, как предполагал А.И. Тереножкин) – остается открытым. Этого не отрицают М.Т. Кашуба и О.Г. Левицкий (Кашуба, 2012б: 446; Kashuba and Levitski, 2012), не исключая, что среди них есть и постройки хозяйственного назначения. Г.И. Смирнова сравнивала такие постройки из Магалы с жилищами поселения Самоторска Гора культуры Гава Юго-Восточной Словакии, выразив сомнения в их жилом назначении (1969: 28; 1976: 23), и, кстати, по наличию именно таких объектов она получила дополнительное доказательство существования единого культурного комплекса Гава-Голиграды.

Итак, выясняется, что в лесостепи «ямы-жилища» связаны с раннегалльштатскими, карпато-дунайскими, традициями (культуры Кишинэу–Корлетань, Тэмэоань–Холерканы–Балта), нашедших здесь продолжение

до периода HaC (Kashuba and Levitski, 2012: 573, 576–580). В лесостепном Поднепровье традиция их возведения, связанная с этим же источником, существовала до скифского времени. Подобные жилища представлены в позднем горизонте Пастырского, Хотовского и Матронинского городищ и рассматриваются как свидетельства наличия здесь скифского этнокультурного компонента, возникшего в результате «седентерезации какой-то части скифов-кочевников» (Скорый, 1997: 9–13). Однако для доказательства этого предположения нужны более надежные аргументы, и необходимо учитывать бытование таких построек задолго до времени скифской архаики. Кстати, в Среднем Поднепровье такие постройки известны вплоть до средневековья (Готун, Петраускас і Петраускас, 2005: 59–61).

Помимо необычной для жилищ формы, размеров, глубины, важным признаком, указывающим на назначение «жилища» № 3 Суботовского городища, является отмеченная А.И. Тереножкиным обожженность стен, наличие древесного угля, прослоек глины и земли, на дне – обожженного пятна («очага»?). По ним устанавливается связь с производственными операциями, предусматривающими использование большого количества тепла. Возможно, речь идет о лесохимическом промысле, т. е. сухой перегонке дерева (пиролизе), когда древесина нагревалась без доступа кислорода (от 500 до 600 °С или от 900 до 1050 °С). В результате такого т. н. ямного углежжения образовывались горючие газы, обогащенные углеродом остатки (древесный уголь) и другие химические вещества, в том числе деготь. Тяга для этого могла обеспечиваться через проемы в южной стене котлована, примыкавшей к краю оврага (впоследствии обрушилась вследствие расширения оврага).

Необходимость в древесном угле, как минимум, для отопления понятна. Достаточно широк и спектр применения дегтя как традиционного средства для лечения ран, ожогов, кожных заболеваний. Сосновый деготь используется для деревянных строений, т. е. это, по сути, универсальное вещество, необходимое и там, где значительная часть построек (жилых, хозяйственных, ритуальных, фортификационных) возводилась из дерева. Как нельзя лучше последнее согласуется с тем, что котлован (яма) «жилища» № 3 отличается заполнением (отсутствует зольный слой с массовыми находками) от реальных больших жилищ Суботовского

городища (рис. А18, 2). Этот котлован был равномерно перекрыт зольным грунтом уже в ходе функционирования домохозяйства или на этапе его оставления.

По форме, глубине, незначительной площади, расположению столбов, «жилище» № 3 очень напоминает связываемые с лесохимическими промыслами сооружения древнерусского поселения Автуничи (Готун, Петраускас і Петраускас, 2005: 62, рис. 5). По сути основное отличие между ними сводится к значительно большим размерам последнего, но это можно объяснить разными системами организации производств и их объемами в эпоху бронзы – раннем железном веке и средневековье.

Полагаю, нежилой характер «жилища» № 3 очевиден.

III.3.2. МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ЦЕНТР ИЛИ КУЗНЕЧНО-ЛИТЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ?

Учитывая разнообразие и многочисленность орудий из кости и камня в коллекции находок Суботовского городища, при обработке материалов стояла задача определить их функцию в таких основных группах как предметы вооружения, деревообработки, кожевенного и керамического производств и выяснения, существовали ли на городище производственные участки.

Пять орудий, связанных с изготовлением глиняной посуды, определено в жилище № 10 (Приложение 2; рис. С6, 6; С7, 2, 5; С8, 6). А.И. Тереножкин выделил зону изготовления каменных зернотерок (1961: 88–89). Однако все же ни в одном из домохозяйств явного преобладания орудий той или иной из названных групп нет. Таким образом, вырисовывается обособленность и/или самостоятельность каждого отдельного домохозяйства и, возможно, отсутствие жесткого внутриобщинного (для всего древнего поселения) разделения труда в указанных областях.

Но в домохозяйстве № 1 явно преобладают свидетельства металлообработки. Они представлены многочисленными обломками глиняных литейных форм. Именно здесь встречены скопления обожженной глины, специально устроенные глинобитные «площадки», которые А.И. Тереножкин считал остатками наземных жилищ.

Особенностью материкового грунта на этом участке являются значительные ло-

кальные покраснения. Это отмечалось во время раскопок 1950–1970-х гг. и нашло подтверждение в 1995 г. На общем светло-желтом фоне лессовидного суглинка такие покраснения образуют пятна размерами от 1,2 × 0,7 до 3,0 × 2,0 м, иногда их толщина достигает 0,3 м, но переход к подстилающему материковому лессу не контрастный, постепенный. В ходе раскопок В.И. Ключко высказал предположение, что это места плавки металла. Это наблюдение находит подтверждение по результатам экспериментов по реконструкции способов плавки в эпоху поздней бронзы, которые показали, что на поселениях ее действительно осуществляли на очагах, камнях или даже обычных кострах в специально оборудованных легких постройках или под открытым небом (Пряхин, 1993: 35; Саврасов, 1996: 149).

В 1995 г. из культурного слоя вне котлована жилища № 9 были отобраны образцы грунта. Геохимическое их изучение показало наличие в них высокого содержания меди по сравнению с фоновым значением на прилегающей территории. Таким образом, была установлена высокая степень загрязненности медью грунта, которая в древности, конечно, была еще большей. Найдено и меднорудное сырье: в яме № 10, наряду с кусками глиняных литейных форм и кусочком железа, был найден медный самородок размерами 7,5 × 3,5 × 2,8 см и весом 160 г. На его поверхности видны редкие каверны, небольшие трещины, примазки глинистого материала¹. В Государственном научном центре радиогеохимии окружающей среды НАН Украины минеральный состав самородка определен рентгеноструктурным методом. Собственно он и показал наличие самородной меди (основная масса), а также в меньшем количестве куприта, тенорита, малахита и в незначительном количестве ковеллина и хризоколла. Кроме этого, найдено несколько небольших фрагментов осадочных пород, обогащенных минералами меди. Инициаторы проведения анализа считают, что это сырье было доставлено в Поднепровье из Донбасса (Демченко, Ключ-

1. Внешне этот образец очень напоминает преднамеренно разбитый медный слиток, находки которых широко известны на памятниках эпохи поздней бронзы. Допускаю, что определение образца как самородка все-таки ошибочно, а «каверны», «трещины» и «глинистые примазки» – результат разлива расплавленной меди в земляные лунки.

ко и Маничев, 2000), но приведенные ими аналитические данные не признаны убедительными другими специалистами (Григорьев, 2013: 378).

Совершенно игнорируя явную малочисленность находок меднорудного сырья, авторы пришли к выводу, что, «исходя из большого количества фрагментов литейных форм и высокой степени техногенного загрязнения грунта ... есть основания утверждать, что Суботов был крупным центром по производству бронзовых орудий и украшений чернолесской культуры в Среднем Поднепровье, который существовал на протяжении около 400 лет» (Демченко, Клочко и Маничев, 2000: 44). В этом заключении совершенно не учитывается то важное обстоятельство, что все многочисленные обломки глиняных литейных форм на раскопе IX найдены преимущественно в верхних отделах культурного слоя или верхней части заполнения котлована жилища № 9 и ям. Настолько ли велико на самом деле количество литейных форм, если учесть, что литье осуществлялось по восковой (выплавляемой) модели, т. е. в одноразовых формах, которые после отливки разбивали на множество кусков? На самом деле ассортимент негативов изделий невелик, фактически ограничивается однотипными украшениями, четырехсотлетний диапазон существования которых сам по себе невероятен (Гершкович, 2008).

В полевых описях за годы раскопок (1951, 1955, 1971–1972, 1994–1995 гг.) всего зафиксировано 176 фрагментов литейных форм, из которых 126 (более 70 %) происходят из раскопов VIII и IX. Если допустить, что в коллекции оказалась четверть всех фрагментов, депонированных в культурном слое Большого Городка, а остальные или еще не обнаружены, или попали в отсев в ходе раскопок, то общее количество фрагментов не превышало 700.

Установить, на какое количество частей разбивалась глиняная форма после отливки изделий, конечно, невозможно. Но, допустим, от одной формы в среднем оставалось 10 обломков. В этом случае за все время предполагаемого В.И. Клочко четырехсотлетнего существования Большого Городка здесь было отлито не более 70 предметов, т. е. за каждые сто лет не более 18 изделий! Даже при вдвое–втрое менее длительном существовании поселения на Большом Го-

родке общее количество отлитых изделий значительно не увеличится.

Обогащение культурных слоев тяжелыми металлами установлено для древнерусских (и не только) городов X–XI вв. Эти факты сомнений не вызывают (Плеханова, 2006: 51), так как речь идет о доказанном масштабном ремесленном кузнечном и ювелирном производстве, находящем подтверждение в значительно большем количестве, чем, максимум, сотня–две одноразовых литейных форм и нескольких мелких кусочков меднорудного сырья, открытых на Большом Городке.

Согласно признанной в настоящее время номенклатуре, используемой при изучении древнего металлопроизводства, в пределах домохозяйства № 1 Большого Городка находится не металлообрабатывающий центр, а обычный производственный участок со следами кузнечно-литейных операций или, точнее, кузнечно-литейная мастерская (Voškarev und Leskov, 1980: 6, 7; Бочкарев, 2010: 170). Этот факт чрезвычайно интересен с точки зрения локализации мастерской на относительно небольшом пространстве возле жилищ № 8 и 9. Ее залегание в верхней части культурного слоя указывает на сравнительно кратковременное существование мастерской на этапе оставления этих жилищ.

Это не означает, что периодически обработку металла не могли производить на территории Суботовского городища на всем протяжении его существования. Ведь отдельные бронзовые предметы и множество каменных орудий, связанных с этим производством (Приложение 2), найдены на всех глубинах и по всей площади Большого Городка. Но такие находки, в отличие от разбитых глиняных форм в раскопах VIII–IX, нигде не сконцентрированы в одном месте, «рассеяны» во времени.

Остатки следов литейного производства на Суботовском городище не дают ни малейших оснований для локализации здесь крупного металлообрабатывающего центра, обеспечивавшего своей продукцией все Среднее Поднепровье. На завершающей стадии существования домохозяйства № 1 (возможно, и всего городища) здесь очень недолго функционировала кузнечно-литейная мастерская, в которой было выплавлено очень ограниченное количество изделий, в основном украшений (браслетов, булавок, гривен, подвесок, бляшек, пронизей).

III.4. ФОРТИФИКАЦИЯ

Основным признаком городищ является наличие фортификации – рвов и / или валов, хотя идентификация их не всегда является простой задачей. За рвы или валы можно принять естественные или относительно недавние рукотворные детали рельефа. Это произошло с «обводным оборонительным рвом» на поселении срубной культуры Усово Озеро в бассейне Северского Донца, где в качестве рва подана и красочно графически реконструирована современная противопожарная траншея (Березанская, 1990: 14, рис. 4). Нередко даже реальные очень глубокие и большие рвы лишены внешних признаков и выявляются только в ходе раскопок (Братченко, 2012: 7–8).

Суботовское городище, как в этом можно было убедиться, – сложный монументальный комплекс, состоящий из нескольких топографически обособленных участков, расположенных последовательно по склону плато до его мысовидного выступа и останца: Новый Городок – Большой Городок – Малый Городок. На других городищах этого времени также установлена сложная структура. В Среднем Поднепровье на Чернолесском городище «посад» был разделен на две части (Тереножкин, 1961: рис. 6; 7; 14; 16; 18). В Диком Саду в низовьях Южного Буга группы жилищ распределены как в пределах относительно небольшого по размерам участка («цитадели»), ограниченного рвом, так и на прилегающей к нему большой площадке (Gorbenko and Grebennikov, 2009: 377, Fig. 2). «Акрополь» и «посад» выделяются в Картале II в низовьях Дуная (Бруяко, 2010: 249–251, 296, рис. 1).

Благодаря расположению на высоких участках, обитатели этих городищ имели хороший обзор окрестностей. Определенно для Суботовского городища в пределах видимости огней находилось ближайшее из известных на сегодня городище (?) на Замчище, а также возможные укрепления, пока не найденные, в ур. Волчий шпиль в верховьях р. Суботь (Тереножкин, 1961: 22). Вместе с другими синхронными памятниками, как на вершинах террас, так и в пойме, они представляли единую систему расселения. Она предполагала сочетание поселений, между которыми могло существовать более или менее четкое распределение хозяйственных, производственных, социальных функций, в том числе оборонных. Ничего нового, вопреки утверждению

М.Н. Дараган (Дараган, 2011: 95), население более позднего, жаботинского, времени не изобрело.

На Малый Городок не было прямого доступа из-за рва, вала (до сооружения вала, возможно, забора или частокла и т. п.), эскарпированных склонов даже для основной массы обитателей Большого Городка, не говоря уже о непрошеных гостях. А ведь по гребню вала и вне его по периметру Малого Городка могли быть возведены еще дополнительные элементы защиты в виде засек, насаждений кустарников, рогаток и т. п. (см.: Коробейников, 2005: 59), не оставивших выраженных археологических следов. Устройство каких-то ограждений нельзя исключить также у подножия городища, но обнаружить их крайне сложно¹.

Несомненно, Малый Городок был наиболее защищен и представлял в общей системе городища наиболее функционально и социально значимую его часть. Здесь или хранились критически важные для обитателей запасы (продукты, семенной фонд, производственное сырье, оружейный арсенал и т. п.), или (наличие домохозяйства не исключается) жили люди, наделенные особыми полномочиями. Возможно, имело место сочетание и того, и другого.

Самым уязвимым, конечно, был Новый Городок, полностью открытый со стороны плато и не имеющий с этой стороны никаких естественных преград. Но уже узкий проход-перешеек с Нового на Большой Городок можно было защитить быстро и эффективно даже с помощью простейших подручных средств.

В эпоху бронзы потенциальные угрозы жителям поселений и городищ связаны с поражением целей метательным оружием. В Европе до появления в XIV в. огнестрельного оружия при дистанционном бое «потенциально применимыми смертоносными силами» (Ferguson, 1984: 5) были лук, копья и праща. Зона поражения копьем, выпущенным с помощью копьеметалки, не превышала 80 м. Дальность полета пращевоего камня, как установлено экспериментально, не превышает 100 м, соответственно его убойная сила еще меньше (Armit, 2007: 26–27). Максимальная прицельная дальность полета стрелы и ее убойная сила – величины непостоянные, зависят от типов и кон-

1. Таковые предполагали для дьяковских городищ раннего железного века (Розенфельд, 1970: 140–141), но их поиски оказались безрезультатными.

струкции луков. Татаро-монголы устанавливали свои камнеметные машины (пороки) не ближе 100–150 м от стен осажденных городов. Учитывая эти данные, принимаем дистанцию в 100–150 м как максимально опасную для обитателей Суботовского городища, хотя луки эпохи поздней бронзы были, наверняка, более простой конструкции и, соответственно, не такими дальнобойными, как в позднем средневековье.

В пределы 100–150 м¹ от всех участков городища попадают очень крутые склоны с углами наклона до 70–80° (рис. А3; А4). С таких склонов не только стрелять, но и сохранять на них вертикальное положение нападавшие (в том числе и лучники) практически не могли. Вне досягаемости всех видов «смертоносных сил» была вся северная часть Большого Городка с жилищами № 7–9, южная и восточная с жилищами № 1–6, удаленными от противоположного мыса (рис. А3) на расстояние не менее 200 м. В относительно безопасной зоне находились крайние с юго-востока жилища № 10–12, расположенные в 100–150 м от въезда со стороны Нового Городка. Вне зоны потенциальных обстрелов были объекты на Малом Городке, так как от них до площадок, с которых мог осуществляться обстрел, не менее 200 м. Большая угроза для Малого и Большого Городка связана с обстрелом снизу, от подошвы мыса, но при высоте в 26–30 м и крутых склонах, цели вверху, тем более скрытые за любого вида ограждениями, были не видны, а смещение стрелявших в сторону от подошвы приводило к потере прицельности и убойной силы и стрел, и копий, и пращевых камней (Коробейников, 2005: 61, 62).

Основную опасность для обитателей любых поселений и городищ эпохи бронзы и переходного периода представляла длительная осада. Общего количества постоянных обитателей Суботовского городища – потенциальных защитников, если судить по количеству открытых здесь жилищ, было немного. Если сюда в случае угрозы перемещалось население из ближайшей округи, то это при осаде приводило к быстрому истощению запасов продовольствия. Даже Малый Городок в случае осады рано или поздно был обречен, так как его последние защитники находились на ограниченном

пространстве, где были лишены выхода к водным источникам в пойме или по склонам террасы.

Любой переходный период – как исторический, так и более условный археологический – время жестких внутренних и внешних конфликтов. В догосударственных образованиях войны являются намного более постоянными и деструктивными, чем в современных государствах (Keely, 1996). Но это не означает, что все без исключения древние городища были обязательно сильно разрушены и сожжены.

Классические следы нападений в виде пожарищ, разрушений, скелетов погибших людей дают многие средневековые города Европы и Азии. Для эпохи бронзы яркие бесспорные следы осады и штурма известны для Левенцовской крепости (Братченко, 2012: 257 и др.). Совсем недавно на северо-востоке Германии, на берегу р. Толлензе, были открыты следы кровавого сражения примерно середины XIII в. до н. э.: разбитые булавами, топорами и мечами черепа людей (преимущественно взрослых мужчин), наконечники бронзовых и кремневых стрел в костях и т. п. (Jantzen et al., 2011: 417–433). Примерно такие же следы пытались увидеть на Суботовском городище.

Считается, что некоторые жилища (№ 3–6, 9) погибли в результате пожара во время штурма (Граков и Тереножкин, 1958: 167–169; Тереножкин, 1961: 37; Березанская, 1985а: 503). Однако согласиться с этим невозможно, если критически подойти к оценке реальных фактов. И эти факты таковы.

В жилище № 4 признаков пожара не было. А.И. Тереножкин считал его просто заброшенным, так как «только этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в жилище не оказалось никаких вещественных находок, если не считать незначительных керамических обломков» (Тереножкин, 1955б: 9). В жилищах № 5 и 6 найдены куски обожженной глины, камней и грунта, деформированные в огне сосуды и каменные изделия (например, зернотерки, распавшиеся от воздействия огня), но на полу вместе с обожженными были и не подверженные воздействию огня предметы. В жилище № 9 «зола в нижнем слое содержит угли, мелкие разбросанные головни, тонкий обуглившийся хворост или камыш, комья сажистой земли, обожженные комья земли, перегоревшие кости животных. Остатки пожарища, лежащие на краях ямы, свисают в нее наклонно. Обжиг виден и на стенах

1. При увеличении этой дистанции до 230 м (Дараган, 2011: 715) ситуация, тем более, не изменится.

ямы жилища» (Тереножкин и Ильинская, 1971: 35). Однако и эти явные признаки горения можно связать не столько с пожаром, сколько с хозяйственно-производственной деятельностью. Такое объяснение вполне подтверждается расположением рядом кузнечно-литейной мастерской. Как было установлено, «жилище № 3» – постройка нежилого назначения, его стены обожжены в результате производственных операций.

Наконец, не следует забывать, что из культурного слоя и всех открытых объектов происходит всего 18 наконечников стрел (включая заготовку). Большинство из них (11) найдено в пределах домохозяйства № 3. Важно и то, что стрелы залегали как в культурном слое, так и на различных уровнях заполнения жилищ, т. е. не попали в культурный слой одновременно. В жилищах № 5, 7–9, в вале Малого Городка их нет вовсе. Даже «зольный грунт» – это не результат единовременного пожара.

Функции городищ могли быть очень разнообразными, и оборона лишь одна из них. Осознание этого приходит не сразу. Показателен пример с оценкой так называемых «многоваловых городищ» раннего железного века юга Великобритании. Долгое время преобладала их сугубо «военная» интерпретация. В 1970-х гг. это было поставлено под сомнение, и их стали рассматривать как «центральные места» с некой не только оборонительной, но социокультурной функцией. Сейчас некоторые исследователи видят в них «опознавательные знаки ... политических центров, резиденций элиты, сакральных территорий, ограждений для скота, хранилищ урожая или мест торговли» (Armit, 2007: 35–36). Подобная полифункциональность характерна и для Субо-

товского городища, и для других городищ того времени.

Приведенные факты однозначно противоречат устоявшемуся выводу о гибели Суботовского городища в огне во время штурма¹, даже если допустить, что жизнь на нем после взятия неприятелем продолжилась, а следы разрушений тщательно убраны (Сыроватко, 2009: 49). Возможно, была осада, но она не оставила после себя никаких материальных следов, если не считать таковым сам факт прекращения функционирования домохозяйств.

Традиционно считается, что основная опасность в рассматриваемый период исходила от кочевников в лице киммерийцев, уничтоживших на своем пути в Центральную Европу не только Суботовское, но также Тясминское и Чернолесское городища и ряд бондарихинских поселений на Левобережье (Буйнов, 1981: 17; Скорый, 1999: 69, 70; Махортых, 2005: 299). М.Н. Дараган, четко показав скудность имеющихся доказательств традиционной «завоевательной модели» объяснения появления городищ, основную угрозу видит со стороны населения белозерской культуры (Дараган, 2011: 707–712; 721, 722). Однако угроза потенциального нападения в то время исходила отовсюду, а не только со стороны степи, хотя именно южное направление, как показывает ход дальнейших исторических событий вплоть до XVIII в., действительно, всегда оставалось наиболее опасным.

1. Представления о «волнах» ужасных разрушений по лесостепной зоне в рассматриваемый период так прочно укоренились, что переносятся и на памятники других территорий (Кравченко, 2014: 48, 49).

МАТЕРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: КЕРАМИКА

IV.1. ПОСУДА ГЛИНЯНАЯ БЫТОВАЯ

IV.1.1. МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ

Изучение археологической керамики предполагает анализ технологии ее изготовления, морфологическую классификацию сосудов и выявление способов и элементов их орнаментации. Даже для этих традиционных направлений количество существующих методик и теоретических рекомендаций превышает основанные на них практические исследования.

Проблемы возникают не только при выделении категорий и типов посуды, но и в их номенклатуре. Например, Г.И. Смирнова, характеризуя материалы поселения Днестровка-Лука на Среднем Днестре, обращала внимание на преобладание среди кухонной посуды «горшков тюльпановидного профиля», подчеркивала их позднечернолесский облик, но на иллюстрациях лишь один из трех образцов является тюльпановидным, остальные – обычные горшки, а чашкой она назвала черпак (Смирнова, 1984: 44, 45, рис. 4, 12–14; 8, 15). Л.И. Крушельницкая выделяет три типа тюльпановидных сосудов, но результат такой же (1998: рис. 9, 3, 6, 7). Нередко чаши зачисляются в кубки (Мелюкова, 1979: рис. 14, 1; 16, 9, 13) или даже миски (Березанська, 1964: рис. 8, 1–3). А ведь речь зачастую идет о типах – маркерах культур. Например, те же тюльпановидные сосуды, по Л.И. Крушельницкой, в лесостепи «явля-

лись наиболее стойкой формой посуды на протяжении значительного отрезка времени» (Бандрівський та ін., 1993: 188). В этом разное и неопределенности лежат недостатки интуитивного подхода, умозрительные субъективные методы классификации.

Считалось, что этого можно избежать, благодаря широкому внедрению в археологические исследования формализованно-статистических методов. Но мечта о единых принципах классификации глиняной посуды до сих пор так и не стала явью, и вряд ли вообще когда-либо будет достигнута. Стремление раз и навсегда отказаться от интуитивных классификаций себя не оправдало. Стоит задача совмещения, по определению Ю.В. Цетлина, «эмоционально-описательных» и «формально-классификационных» методов (Цетлин, 2001: 65–66) как дополняющих и корректирующих друг друга.

Как и на других поселенческих памятниках, глиняная посуда Суботовского городища в основном фрагментирована. Ее предварительная обработка в камеральных условиях была подчинена воссозданию максимально полного набора форм и выяснению пространственного распределения в пределах культурного слоя и объектов. Для этого образцы были рассортированы по комплексам или участкам культурного слоя на основании сохранившихся шифров и записей в полевых описях.

Для отождествления фрагментов с отдельными сосудами принимались во вни-

мание цвет и толщина черепков, их профилировка, детали орнамента, размеры, характер теста и / или обжига. Это позволило не только графически, но часто и физически совместить части одних и тех же сосудов, залежавших даже на удалении друг от друга (рис. В4, 3; 50, 4; 52, 6; 55, 4; 61, 6; 62, 2; 73, 6). Ничего принципиально нового в такой методике нет – она абсолютно необходима при обработке и осмыслении археологических источников, в первую очередь бытовых, с их, на первый взгляд, количественно необозримыми наборами изделий (и не только посуды) различной степени сохранности¹.

В целом по материалам Суботовского городища составлена коллекция из 608 сосудов, пригодных для идентификации на уровне категорий (горшки, банки, миски и т. п.): целые (включая реконструированные графически), неполные развалы, единичные фрагменты с характерными для той или иной категории деталями формы. Учтены также фрагменты (332 ед.), по которым можно установить способ нанесения орнамента и его виды. Таким образом, в анализе задействовано 940 образцов. Не учитывались и не зарисовывались недиагностируемые днища сосудов (их большинство), т. е. те, принадлежность которых к определенной категории определить невозможно.

О представительности полученной выборки говорит тот факт, что со всех поселений культуры Козия–Сахарна в Днестро-Сиретском междуречье учтено 133 целых сосуда (Кашуба, 2000: 12), а классификация

посуды сахарнянского горизонта поселения Глинжень II осуществлена на основе «33 целых и 7 археологически целых сосудов с привлечением фрагментов, отражающих морфологию сосудов» (Гольцева и Кашуба, 1995: 20). Количественные сопоставления с другими поселениями эпохи поздней бронзы – раннего железного века и Поднепровья, и лесостепного Днепроовского Правобережья, да и всего Северного Причерноморья невозможны, потому что соответствующие данные авторы раскопок в научных отчетах и даже в публикациях не приводят.

Предваряя дальнейшую характеристику посуды и процедуры по ее упорядочению, отметим, что она разделена изначально на шесть категорий: горшки, кубки, миски, чаши, банки и черпаки.

IV.1.2. ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ: ПОВЕРХНОСТЬ, ОБЖИГ, СОСТАВ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС

Некоторые наблюдения относительно изготовления посуды эпохи поздней бронзы и раннего железного века в Среднем Поднепровье привели А.И. Тереножкин и С.С. Березанская. Конкретно для суботовской отмечены такие детали, как закрепление нижней части ручки и выступов в специальных отверстиях в стенках, особенности формовки (Тереножкин, 1961: 47–50). Для белогрудовской керамики С.С. Березанская отметила включения в тесто слюды и толченого гранита², ленточную лепку, лощение, а также идентифицировала инструменты для лощения – речные гальки (Березанська, 1964: 50). Однако полными такие наблюдения назвать сложно. Ниже предпринята попытка осуществить всесторонний визуальный и инструментально-аналитический анализ керамики.

Визуально поверхность суботовской посуды подразделяется на грубую, заглаженную и лощеную. Отличие лощеной и заглаженной обусловлено интенсивностью и способами обработки. При лощении поверхность почти блестящая, имеет в разной степени выраженный зеркальный отблеск. Весьма вероятно, лощением, как и заглаживанием, сосуду придавался не только эстетичный вид, но и решалась сугубо технологическая задача повышения водонепроницаемости и

1. По сути, таким образом реализовывается подход к археологии как к «науке о смещении», требующий изучения и выявления связей между людьми и вещами в определенных культурных контекстах (Чарпан, 2007: 57–59), в данном случае – в пределах одного конкретного памятника. Иное дело – совмещение частей предметов из памятников, удаленных на значительные расстояния друг от друга. Дело не в том, что такие случаи принципиально невозможны, а в том, что приводимые примеры бывают крайне сомнительными. Воистину уникальное соединение фрагментов одного и того же бронзового меча, найденных на двух городищах бронзового века в Ханфорде и Трентхеме в Великобритании (расположены в 5 км друг от друга) провозглашено свидетельством синхронного отложения в ритуальных центрах, находящихся в поле взаимной видимости на разных берегах долины реки (Ibid, 2007: 63–64, Fig. 3, 1). Однако оба фрагмента найдены в разное время современными любителями металлопоиска, вряд ли сообщившими сотрудникам музеев, в которые были переданы находки, точные сведения об обстоятельствах и месте их обнаружения.

2. Позже выяснилось, что это характерно и для керамики балтской группы в Буго-Днестровском междуречье (Ванчугов, 1990: 59).

Таблица 9. Соотношение видов обработки поверхностей с категориями сосудов**Table 9.** Correlation of kinds of processing of surfaces with categories of vessels

прочности стенок во избежание деформации при обжиге (Беседин, 1996: 165).

Наименее тщательно обработана поверхность горшков (табл. 9): грубые – 86,8 % гладкие – 10,8 %, лощеные – 2,3 %. Для мисок характерна тщательная обработка: гладкие – 53,8 %, лощеные – 29 %, грубые – 17 %. Среди кубков лощеных 54 %, гладких – 34 %, грубых – 11 %. Среди чаш лощеных 47,8 %, гладких – 26,1 %, грубых – 26,1 %. Для черпаков характерна грубая 56,5 %, гладкая и лощеная поверхности – по 21,8 %. Поверхность банок в основном грубо обработана (81,2%), лощеных 18,8 %. Расчесы встречены в основном на грубой поверхности горшков, мисок, слабые расчесы имеются только на одной чаше (рис. В10, 10).

Среди технологических признаков имеется такой визуально различимый показатель как разный цвет внутренней и внешней поверхности одного и того же сосуда – результат окислительно-восстановительного обжига. Чаще всего так обжигали кубки – 47,4 % (рис. В41, 10; В42, 6; В58, 8, 9, 11; В78, 7; В81, 7; В82, 15; В86, 7), снаружи их стенки красноватые или желтые, изнутри – черные. Затем по ниспадающей следуют горшки – 21,1 % (рис. В16, 6; В38, 3; В44, 13; В61, 2) и миски – 10,5 % (рис. В8, 5; В43, 12). Для большинства фрагментов с такими поверхностями (рис. В6, 8; В21, 13; В30, 8; В60, 9) тип сосуда неопределим (21,1 %), но, скорее всего, это обломки кубков; один фрагмент – от пиксиды (?) (рис. В6, 8) с поверхностью черной снаружи и желтой внутри.

Большинство сосудов обожжены не в специальных печах, а на открытом костре. Даже сейчас именно такой способ практикуется у народов многих частей мира, счи-

тается простым и надежным (Бобринский, Волкова и Гей, 1993: 3–4; Tencariu, 2010: 147–154, Fig. 1–5). Результаты экспериментальных работ по реконструкции производства керамики на поселении срубной культуры Мосоловка в Среднем Подонье показали, что он не оставляет археологических следов (Беседин, 1996: 173).

Согласно этноархеологическим данным (Arnold, 2000: 338–339), места гончарного производства могут располагаться как внутри, так и вне жилищ под навесами, занимая площадь, превышающую жилую в несколько раз. Часть ям для опор таких навесов (ямы типа IC и ID) представлена в межжилищном пространстве Большого Городка (см. выше). В снежные и дождливые периоды года посуду не изготавливали или производили эпизодически. Специализированные гончарные центры, обеспечивавшие круглогодичное производство известны на памятниках раннего железного века, например, на поселении культуры Козия–Сахарна Алчедар III (Кашуба, 2000: 10).

Инструментально-аналитические исследования включало выявление рецептов формовочных масс на основе методики А.А. Бобринского (см. Приложение 5). Была поставлена задача не общей, суммарной характеристики, а изучение и сравнение формовочных масс по группам, соответствующим заведомо различным по происхождению и первоначальной географической локализации традициям (см. главу VII). Учитывалось, что положительный результат такого подхода уже был достигнут при изучении материалов Ильичевского поселения на Северском Донце, где в пределах одного раннесрубного горизонта обнаружена посу-

да культуры Бабино и абашевской (Шаповалов, 1976: 156, рис. 3, 11–13), и, как выяснилось, тесто для их производства готовили по разной рецептуре (Чубатенко, 1998). А.А. Денисова отметила подобие технологии керамического производства на всех стадиях развития сабастиновской культуры (2000: 52–54) и тождество формовочных масс (глина – шамот – навоз) для срубных поселений Подонья и Подонцовья (см.: Пряхин, 1993: 79). Таким образом, вполне можно было ожидать, что состав формовочных масс отобранных образцов разных групп окажется неоднородным.

Результаты исследований А.В. Корохиной действительно подтвердили такое предположение. Между тремя группами¹ имеются существенные отличия. Для малобудковско-бондарихинской отмечено сочетание глины и шамота, для белогрудовской – глины и дресвы, для раннегальштатской (наиболее технологически разнообразной) – глины ожелезненной и дресвы, глины неожелезненной и дресвы, глины ожелезненной, дресвы и шамота. В будущем такое же исследование следует провести на значительно более широкой серии находок и не только в рамках культурных, но и функциональных групп, выделяемых по объемам (см. ниже). У современных гончаров Мексики, Гватемалы и Перу различия в навыках отбора и подготовки глины больше связаны с многочисленными природными, технологическими и социальными факторами (включая религиозные), разные глины используют для емкостей для воды, приготовления пищи и ее хранения (Arnold, 2000: 335–340; 345–346; 355).

IV.1.3. КЛАССИФИКАЦИЯ СОСУДОВ ПО МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ

Классификация суботовской посуды производилась с учетом того, что та или иная категория ее имеет не только свой набор деталей (шейку имеют и горшки, и чаши, и кубки), но – и это главное – они отличаются друг от друга соотношением этих частей, т. е. указателями форм (Генинг, 1992: 49).

При линейных вертикальных и горизонтальных замерах между «точками наибольшей локальной кривизны» (Бобринский, 1986: 144–145, рис. 5) или «экстремальными точками перегиба контура» (Горюнова

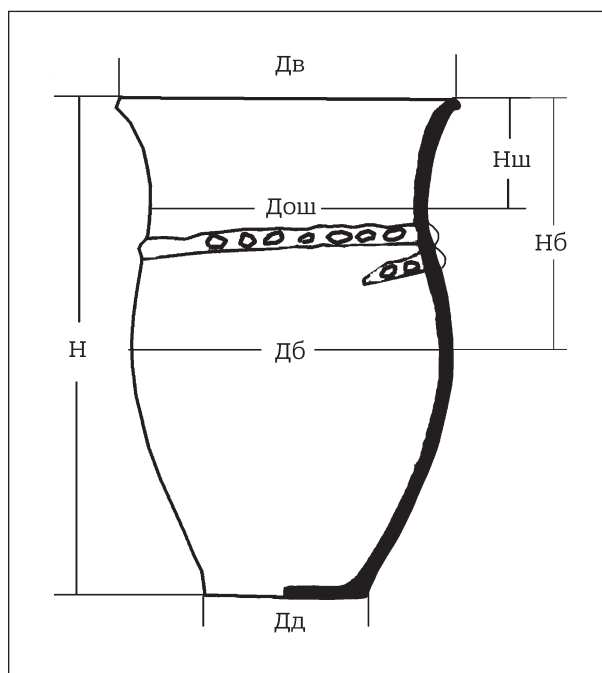

Рис. 4. Схема замеров параметров сосуда и их условные обозначения

Fig. 4. Scheme of measuring of vessel parameters and their symbols

и Савельев, 1981) учитывались следующие параметры (рис. 4): общая высота (Н), высота боков (Нб), высота шейки (Нш), диаметр венчика (Дв), диаметр основания шейки (Дош), диаметр боков (Дб), диаметр дна (Дд). Замеры высот производились от условного нулевого уровня, за который принята горизонтальная плоскость по верхнему краю венчика сосуда. Последнее сделало излишним учет высоты придонной части (от боков до дна), так как она является разницей между Н и Нб.

Далее вычислялось соотношение пар линейных параметров: общая пропорция сосуда (Дб : Н); степень стянутости / открытости устья (Дв : Дб); относительная высота шейки (Нш : Н); степень устойчивости или форма дна (Дд : Дб, где при Дд : Дб = 0 дно округлое); относительная высота боков (Нб : Н). Выбор именно таких сочетаний не случаен, так как каждое из них определяет морфологию, архитектуру сосуда. Разумеется, это не все возможные сочетания, но увеличение их количества, например учет соотношений Дв : Дош, Нш : Нб и т. д., делает классификацию излишне дробной, увеличивая количество типов.

Для линейных параметров В.Ф. Генинг определил пять интервальных групп сосудов: очень малые, малые, средние, большие и очень большие (Генинг, 1992: 49,

1. Образцы одной из групп (восточной) пока не изучались.

Таблица 10. Интервальные группы для указателей форм горшков

Table 10. Interval groups for indexes of forms of pots

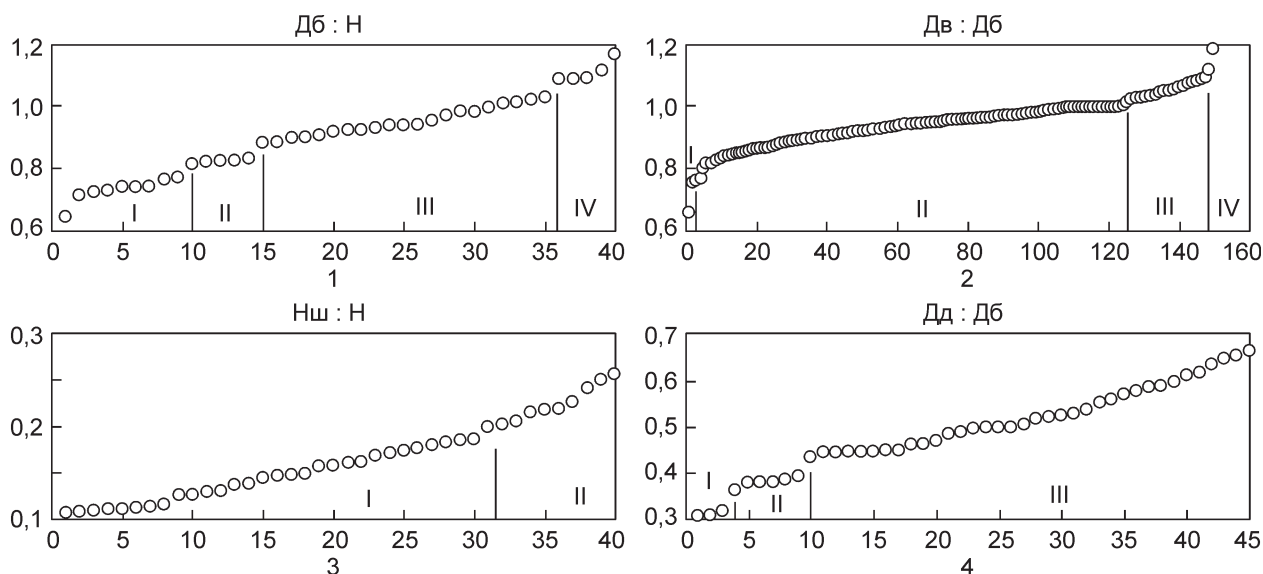

Таблица 11. Интервальные группы для указателей форм мисок

Table 11. Interval groups for indexes of forms of bowl.

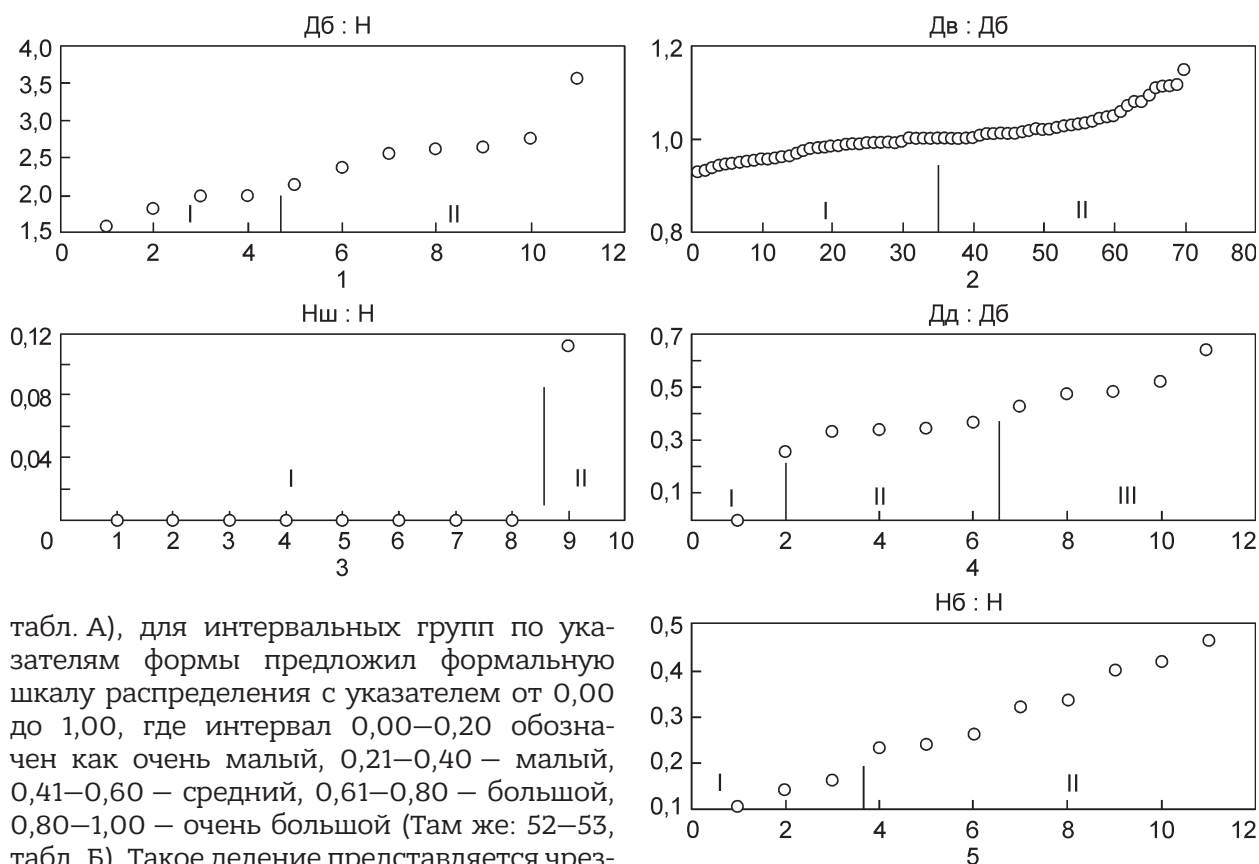

табл. А), для интервальных групп по указателям формы предложил формальную шкалу распределения с указателем от 0,00 до 1,00, где интервал 0,00–0,20 обозначен как очень малый, 0,21–0,40 – малый, 0,41–0,60 – средний, 0,61–0,80 – большой, 0,80–1,00 – очень большой (Там же: 52–53, табл. Б). Такое деление представляется чрезмерно условным и общим, препятствует практическому распознаванию типов, т. е. тому, что является главной целью любой классификации. Необходимо выявление более реальных стандартов древних мастеров с постоянной визуальной корректировкой формально полученных типов.

Для выявления параметров интервальных групп для указателей формы вычислены числовые соотношения принятых пар линейных замеров (Дб : Н; Дв : Дб; Нш : Н; Дд : Дб; Нб : Н). По ним для каждой кате-

Таблица 12. Интервальные группы для указателей форм кубков и кубковидных

Table 12. Interval groups for indexes of forms of beakers and beaker-shaped vessels

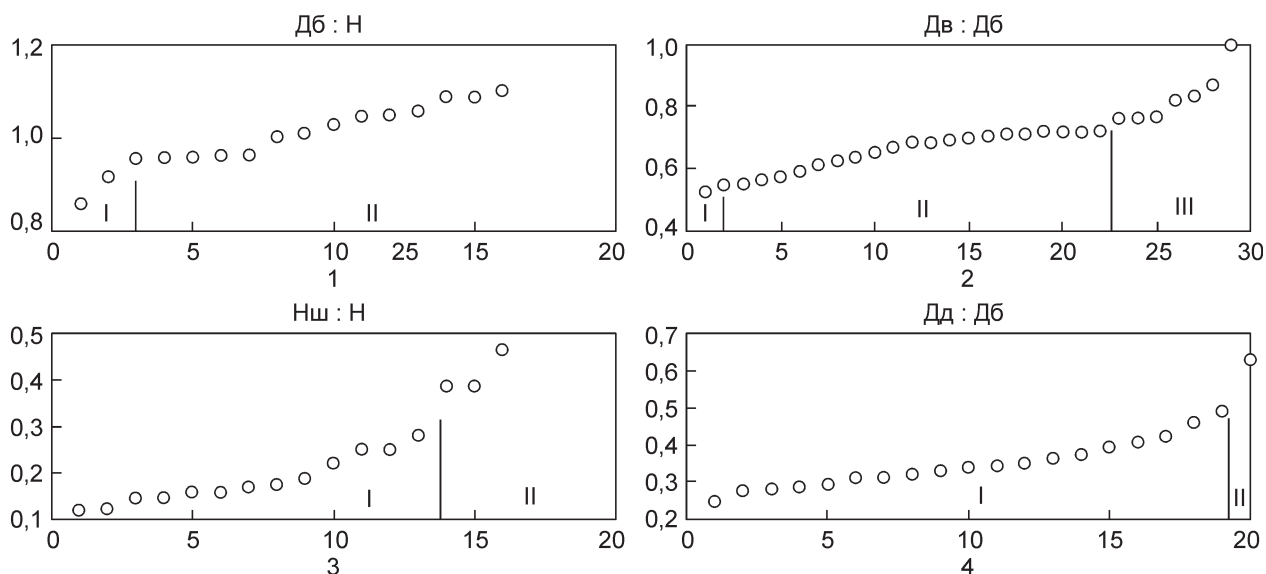
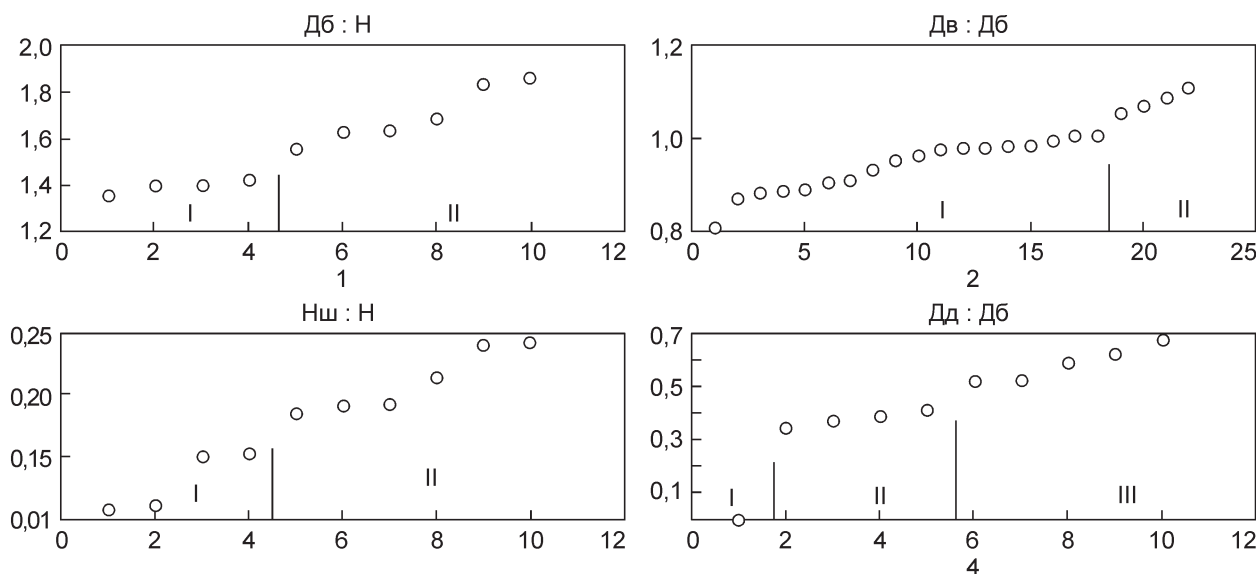

Таблица 13. Интервальные группы для указателей форм чаш

Table 13. Interval groups for indexes of cups.

гории сосудов¹ построены диаграммы, где данные сгруппированы от наименьших значений к наибольшим (табл. 10–15). На диаграммах обозначились разрывы, они присутствуют в категориях с большим количеством образцов, т. е. не являются случайными и отражают некие стандарты, которые соблюдались (пусть и интуитивно) древними керамистами.

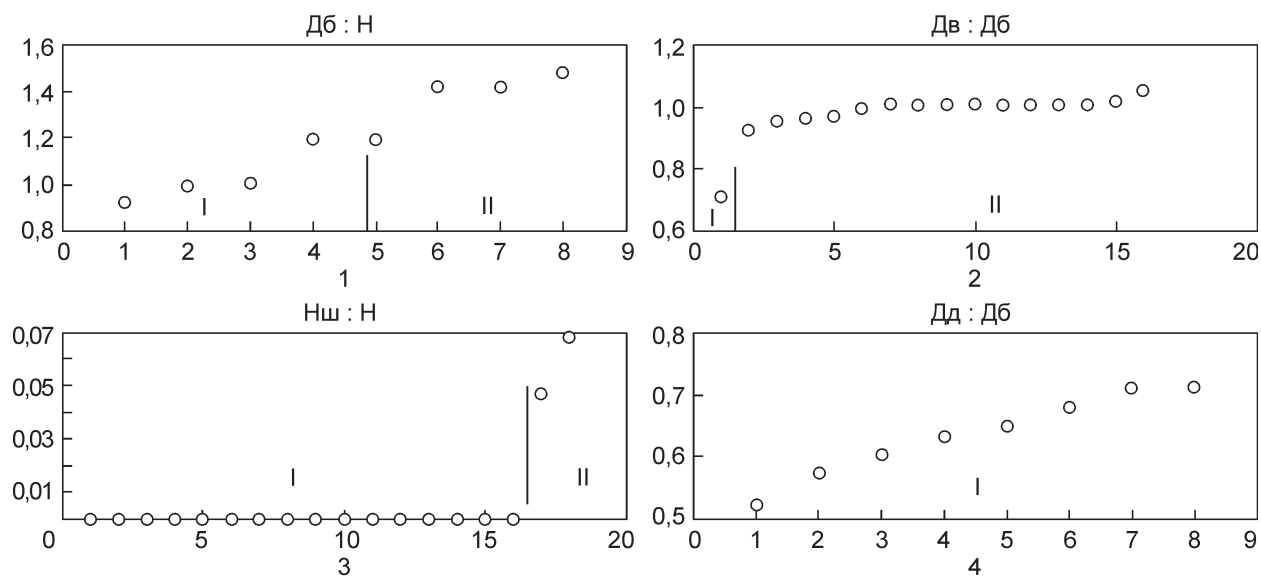
В частности, для горшков обозначились разрывы по показателям Дб : Н, Дв : Дб, Нш : Н и Дд : Дб (табл. 10); для мисок – по Нш : Н,

Дд : Дб и Нб : Н (табл. 11); для кубков – по Дб : Н, Дв : Дб, Нш : Н и Дд : Дб (табл. 12); для чаш – по Дб : Н, Дв : Дб, Нш : Н и Дд : Дб (табл. 13); для банок – по Дб : Н, Дв : Дб, Нш : Н и Нб : Н (табл. 14); для черпаков – по Дб : Н, Дв : Дб, Нш : Н, Дд : Дб (табл. 15). Явных разрывов нет для мисок по показателю Дв : Дб (табл. 11, 2), поэтому границы между группами здесь условно установлены на уровне 1,0 (<1,0 – группа I, >1,0 – группа II). Банки по показателю Дд : Дб (табл. 14, 4) не распадаются на группы, так как при резком уменьшении этого показателя такие сосуды теряли устойчивость, или вообще этому соотношению для данной категории древние мастера не придавали особого значения.

1. Для категории «редкие» диаграммы не строились из-за чрезвычайной малочисленности серии.

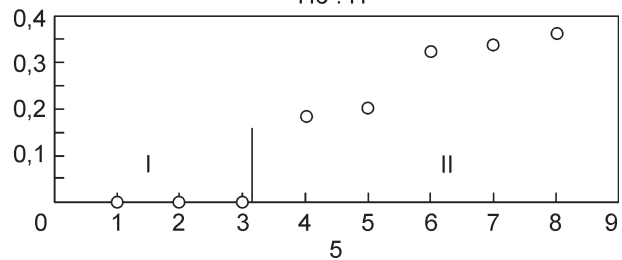
Таблица 14. Интервальные группы для указателей форм банок

Table 14. Interval groups for indexes of forms of jars.

Сводная таблица (табл. 16) дает представление о том, какие конкретные, а не условные числовые показатели по каждой интервальной группе соответствуют той или иной характеристике сосудов. Каждая такая интервальная группа обозначена римской цифрой.

По общим пропорциям (Дб : Н) среди горшков выделены четыре группы: I – узкие, в интервале от 0,6464 до 0,7664, II – средние, от 0,7746 до 0,8333, III – широкие, от 0,8690 до 1,0288, IV – очень широкие, от 1,0909 до 1,1711. Остальные категории распались на две группы. Кубки: I – широкие, от 0,8556 до 0,9150, II – очень широкие, от 0,9535 до 1,0980. Миски: I – широкие, от 1,5753 до

2,0, II – очень широкие, от 2,1410 до 3,5710. Чаши: I – широкие, от 1,3462 до 1,4133, II – очень широкие, от 1,5500 до 1,8600. Банки: I – широкие, от 0,9186 до 1,1892, II – очень широкие, от 1,4091 до 1,4737. Черпаки: I – широкие, около 1,0294, II – очень широкие, от 1,2352 до 1,25.

Таблица 15. Интервальные группы для указателей форм черпаков

Table 15. Interval groups for indexes of forms of scoops

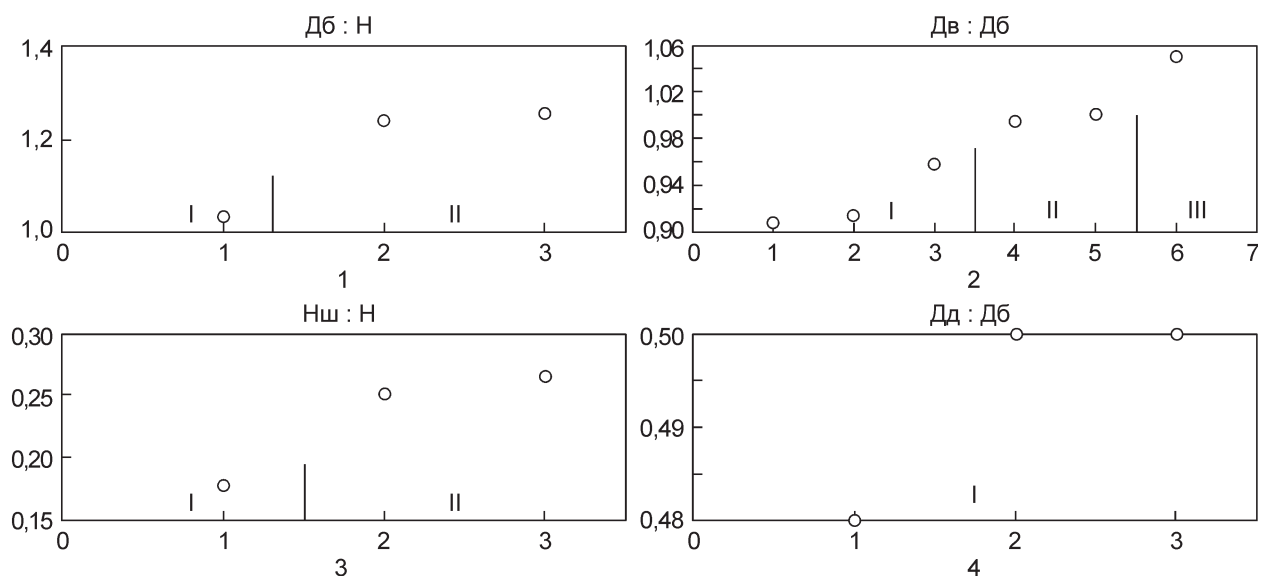
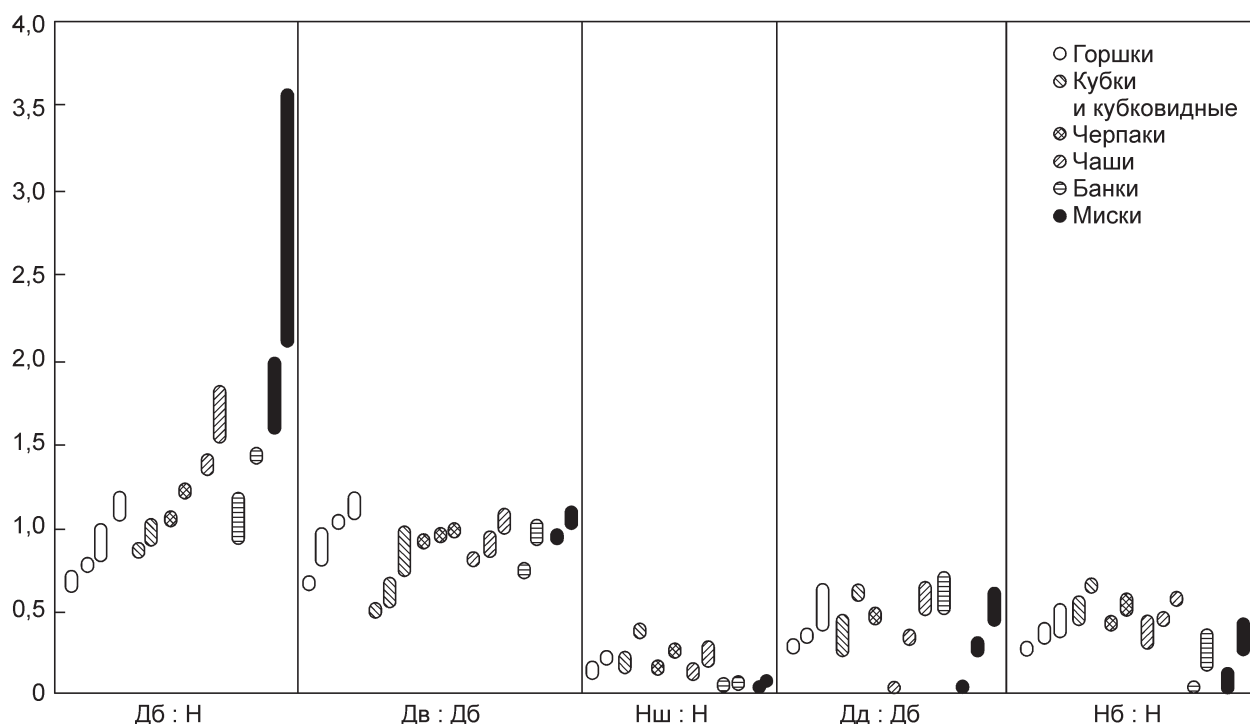

Таблица 16. Числовые показатели интервальных групп и их распределение по категориям сосудов
Table 16. Numerical indexes of interval groups and their distribution over categories of vessels

Категория	Вариант	Пропорции											
		Дб : Н, общие пропорции		Дв : Дб, устья		Нш : Н, шейки		Дд : Дб, днища		Нб : Н, бока			
		описание	показатель	описание	показатель	описание	показатель	описание	показатель	описание	показатель		
Горшки	I	узкие	0,6464—0,7664	сильно стянутые	0,6618—0,7640	низкие	0,1084—0,1855	узкие	0,3056—0,3175	высокие	0,2629—0,2941		
	II	средние	0,7746—0,8333	стянутые	0,8000—0,9926	средние	0,2000—0,2554	средние	0,3636—0,3933	средние	0,3333—0,4353		
	III	широкие	0,8690—1,0288	открытые	1,0000—1,0897	—	—	широкие	0,4359—0,6667	низкие	0,4522—0,5288		
	IV	очень широкие	1,0909—1,1711	сильно открытые	1,1200—1,1840	—	—	—	—	—	—		
Кубки и кубковидные	I	широкие	0,8556—0,9150	сильно стянутые	0,5231	высокие	0,1196—0,2781	узкие и средние	0,2462—0,4900	низкие	0,4375—0,5804		
	II	очень широкие	0,9535—1,0980	стянутые	0,5479—0,7222	очень высокие	0,3851—0,4632	широкие	0,6286	очень низкие	0,6296—0,6800		
	III	—	—	открытые	0,7576—1,000	—	—	—	—	—	—		
Черпаки	I	широкие	1,0294	стянутые	0,9048—0,9565	низкие	0,1764	широкие	0,4800—0,5000	низкие	0,4412		
	II	очень широкие	1,2352—1,25	открытые	0,9939—1,0000	средние	0,2500—0,2647	—	—	очень низкие	0,5059—0,6500		
	III	—	—	сильно открытые	1,0500	—	—	—	—	—	—		
Чашы	I	широкие	1,3462—1,4133	стянутые	0,8019	низкие	0,1067—0,1525	округлодонные	0	высокие	0,2963—0,3704		
	II	очень широкие	1,5500—1,8600	открытые	0,8657—1,000	средние	0,1852—0,2419	средние	0,3429—0,4086	средние	0,4200—0,4667		
	III	—	—	сильно открытые	1,0526—1,1047	—	—	широкие	0,5152—0,6707	низкие	0,5593—0,5769		
Банки	I	широкие	0,9186—1,1892	сильно стянутые	0,7045	—	0	—	0,519—0,7100	без боков	0		
	II	очень широкие	1,4091—1,4737	открытые	0,9155—1,049	—*	0,0465—0,068	—	—	высокие и средние	0,1842—0,3592		
Миски	I	широкие	1,5753—2,000	стянутые	0,9268—0,9940	—	0	округлодонные	0	очень высокие или без боков	0—0,1613		
	II	очень широкие	2,1410—3,5710	открытые	1,0000—1,1494	—*	0,1111	средние	0,2586—0,3691	средние и низкие	0,2307—0,4615		
	III	—	—	—	—	—	—	широкие	0,4292—0,6400	—	—		

* — «Ложная» шейка.

Таблица 17. Сравнительная характеристика соотношений групп параметров сосудов по категориям
Table 17. Comparison of the correlation of the groups of parameters over categories

По виду устья (Дв : Дб) горшки представлены такими группами: I – сильно стянутые, от 0,6618 до 0,7640, II – стянутые, от 0,8 до 0,9926, III – открытые, от 1,0 до 1,0897, IV – сильно открытые, от 1,12 до 1,1840. Кубки: I – сильно стянутые, около 0,5231, II – стянутые, от 0,5479 до 0,7222, III – открытые, от 0,7576 до 1,0. Миски: I – стянутые, от 0,9268 до 0,9940, II – открытые, от 1,0 до 1,1494. Чаши: I – стянутые, около 0,8019, II – открытые, от 0,8657 до 1,0, III – сильно открытые, от 1,0526 до 1,1047. Банки: I – сильно стянутые, около 0,7045, II – открытые, от 0,9155 до 1,049. Черпаки: I – стянутые, от 0,9048 до 0,9565, II – открытые, от 0,9939 до 1,0, III – сильно открытые, около 1,05.

По высоте шейки (Нш : Н) горшки разделены на: I – с низкой шейкой, от 0,1084 до 0,1855, II – средней, от 0,2 до 0,2554. Кубки: I – с высокой шейкой, от 0,1196 до 0,2781 и II – с очень высокой, от 0,3851 до 0,4632. Миски: I – бесшейные и II – с «ложной шейкой»¹, около 0,1111. Банки: I – бесшейные и с «ложной шейкой», от 0,0465 до 0,068. Чаши: I – с низкой шейкой, от 0,1067 до 0,1525, II – средней, от 0,1852 до 0,2419. Черпаки: I – с низкой шейкой, около 0,1764 и II – средней, от 0,2500 до 0,2647.

1. Некая иллюзия наличия шейки возникает из-за отогнутого наружу венчика.

Днища (Дд : Дб) у горшков: I – узкие, от 0,3056 до 0,3175, II – средние, от 0,3636 до 0,3933, III – широкие, от 0,4359 до 0,6667. У кубков: I – узкие и средние, от 0,2462 до 0,4900, II – широкие, около 0,6286. У черпаков: I – широкие, около 0,4800. У чаш: I – округлодонные, II – средние, от 0,3429 до 0,4086, III – широкие, от 0,5152 до 0,6707. У банок: I – широкие, от 0,519 до 0,710. У мисок: I – округлодонные, II – средние, от 0,2586 до 0,3691, III – широкие, от 0,4292 до 0,6400.

Показатель высоты боков (Нб : Н) для горшков, черпаков и чаш не учитывался, так как у них бока всегда приходятся на верхнюю треть или примерно на середину высоты. Что же касается других категорий, то среди банок имеются: I – образцы с прямыми стенками (одночастное строение), II – со средними боками, от 0,1842 до 0,3592 (двухчастное строение). У мисок: I – очень высокие бока или их нет, от 0,0 до 0,1613 (фактически, одночастное строение), II – средние и низкие, от 0,2307 до 0,4615. Этот показатель очень важен для кубков: I – низко расположенные, от 0,4375 до 0,5804, II – очень низко расположенные, от 0,6296 до 0,680.

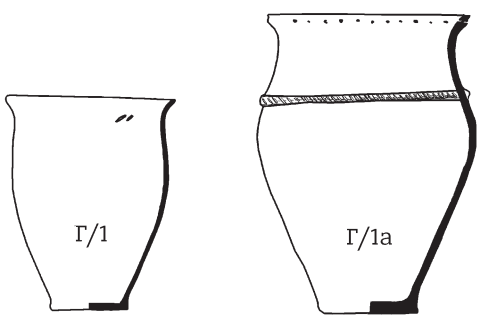
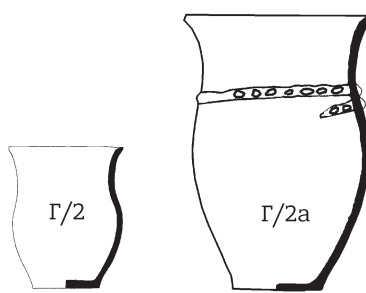
В результате становятся понятными отличия сосудов на уровне категорий (табл. 17). Так, среди бесшейных сосудов миски отличаются от банок большими общими про-

порциями (Дб : Н). Среди сосудов с шейкой (горшков, кубков, черпаков и чаш) самые широкие общие пропорции у чаш и отчасти черпаков, самые узкие – у некоторых горшков. При увеличении общих пропорций кубки трансформируются в чаши. Наиболее стянутые устья (Дв : Дб) и высокие шейки (Нш : Н) имеет большинство кубков, при этом даже визуально понятно, что для них важно еще соотношение Дош : Дб, имеющее максимальное значение по сравнению со всеми другими категориями сосудов. Часть кубков отличается от горшков очень низко расположенными боками (Нб : Н).

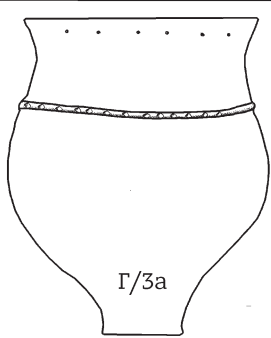
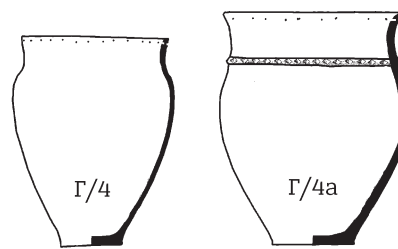
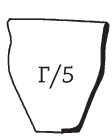

Сочетание показателей по всем вариантам учитываемых соотношений для каждой категории образует искомое для любой классификации устойчивое сочетание признаков. Например, внутри категории «горшки» образцы с набором признаков Дб : Н

(группа I), Дв : Дб (I), Нш : Н (II), Дд : Дб (II) и / или Дб : Н (II), Дв : Дб (II), Нш : Н (III), Дд : Дб (III) и т. д. попадают в разные ячейки, образуя разные типы.

Горшки. Как указывалось, горшки (рис. 5–7) по Дб : Н разделены на четыре группы (I–IV). В каждой группе произведено распределение их по признакам Дв : Дб, Нш : Н, Дд : Дб таким образом, чтобы оно шло по возрастающей (Дв : Дб – от I до IV, Нш : Н – от I до II, Дд : Дб – от I до III и т. д.). В результате в каждой группе горшки с крайними значениями не оказались в смежных ячейках, т. е. и формально, и визуально они абсолютно разные. Иная ситуация со смежными ячейками, где при отсутствии явных визуальных отличий сосуды с разными наборами признаков (таковых не должно быть более двух) можно объединить в один тип.

Дб : Н	Дв : Дб	II–III	III
	Нш : Н	I	II
I			
	Дд : Дб	III	III

1

Дб : Н	Дв : Дб	II	II–III	III	IV	
	Нш : Н	I	I	II	II	
II						
	Дд : Дб	I	II–III	III	III	

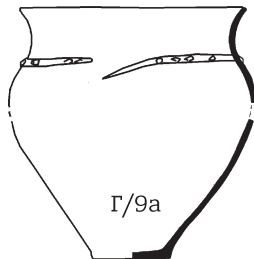
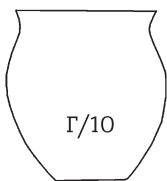
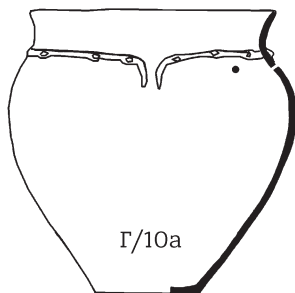

2

Рис. 5. Типы горшков

Fig. 5. Types of pots of narrow and average proportions

1 – узких пропорций; 2 – средних пропорций (здесь и далее буквами обозначены категории сосудов, арабскими цифрами – их типы, римскими – интервальные группы по соотношению определенных параметров)

IV.1. Посуда глиняная бытовая

Дб : Н	Дв : Дб	II	II	II
	Нш : Н	I	I	II
III				
				
Дд : Дб	I	II-III	III	

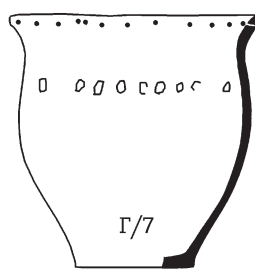
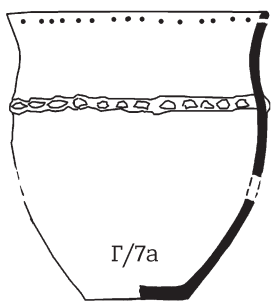

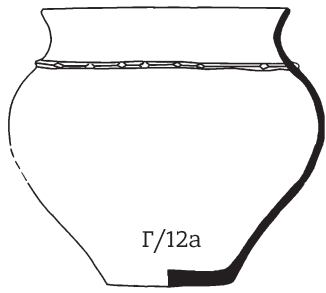

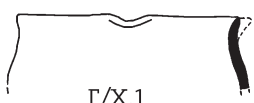
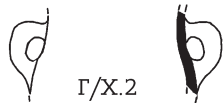
Дб : Н	Дв : Дб	III	III
	Нш : Н	I	II
III			
			
Дд : Дб	II-III	III	

Рис. 6. Типы горшков широких пропорций

Fig. 6. Types of pots of wide proportions

Дб : Н	Дв : Дб	I	II	III
	Нш : Н	II	II	II
IV				
	Дд : Дб	II	III	III

1

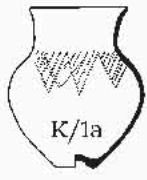

Дб : Н	Дв : Дб	?
	Нш : Н	?
?		
		
Дд : Дб	?	

2

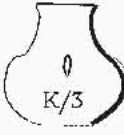
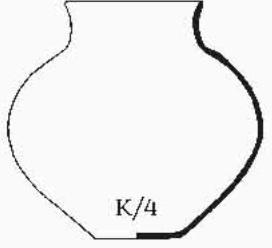

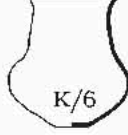

Рис. 7. Типы горшков

Fig. 7. Types of pots of very wide proportions and uncertain types

1 – очень широких пропорций; 2 – неопределенные типы

Дб : Н	Дв : Дб II	II
	Нш : Н I	I
I		
	Нб : Н I	II
	Дд : Дб I	II

1

Дб : Н	Дв : Дб I	II	II	II-III
	Нш : Н II	I	I	II
II				
	Нб : Н II	I	I	II
	Дд : Дб II	I	II	I

2

Дб : Н	Дв : Дб ?	?
	Нш : Н ?	?
?		
	Нб : Н ?	?
	Дд : Дб ?	?

3

Рис. 8. Типы кубков и кубковидных

Fig. 8. Types of beakers and beakers-shaped vessels of wide and narrow proportions, uncertain types

1 – широких пропорций; 2 – узких пропорций; 3 – неопределенные типы

Среди горшков узких пропорций (Дб : Н – I) выделены такие типы (рис. 5, 1): Г/1 и Г/1а¹ – по сочетанию признаков Дв : Дб – I и II, Нш : Н – I, Дд : Дб – III; Г/2 и Г/2а (тюльпановидные) – Дв : Дб – III, Дб : Н – II, Дд : Дб – III. Среди горшков средних пропорций

(Дб : Н – II) имеем типы (рис. 5, 2): Г/3а – Дв : Дб – II, Нш : Н – I, Дв : Дб – I; Г/4 и Г/4а – Дв : Дб – II и III, Нш : Ш – I, Дд : Дб – II и III; Г/5 – Дв : Дб – III, Нш : Н – II, Дд : Дб – III; Г/6 – Дв : Дб – IV, Нш : Н – II, Дд : Дб – III. Среди горшков широких пропорций (Дб : Н – III) выделены типы (рис. 6): Г/7 и Г/7а – Дв : Дб – III, Нш : Н – I, Дд : Дб – II и III; Г/8 – Дв : Дб – III, Нш : Н – II, Дд : Дб – III; Г/9а – Дв : Дб – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – I; Г/10 и Г/10а – Дв : Дб – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – II и III; Г/11 – Дв : Дб – II, Нш : Н – II, Дд : Дб – III. Среди горшков очень широких пропорций (Дб : Н – IV) имеем (рис. 7, 1): Г/12а – Дв : Дб – I, Нш : Н – II, Дд : Дб – II; Г/13 – Дв : Дб – II, Нш : Н – II, Дд : Дб – III; Г/14 – Дв : Дб – III, Нш : Н – II, Дд : Дб – III.

Всего выделено 14 типов горшков. Еще два типа – условны, так как не имеют полного набора линейных параметров (рис. 7, 2): Г/Х.1 – горшки со сливом; Г/Х.2 – горшки с ручками, крепившимися к боку и основанию шейки. На последних (рис. В22, 5; В51, 1; В60, 10) ручка служила не для зачерпывания, как у черпаков (см. ниже), а для перемещения наполненных емкостей или для их подвешивания.

1. Для сосудов с наlepным валиком введено дополнительное буквенное обозначение «а», так как этот элемент, по моему глубокому убеждению, является одновременно и деталью формы, и элементом орнамента. Буквой «б» (для кубков) обозначено вогнутое донце (умбон).

По подобному алгоритму произведено выделение типов и среди других категорий.

Кубки (рис. 8) разделены на две группы по Дб : Н (I и II). Среди кубков широких пропорций (Дб : Н – I) выделены типы (рис. 8, 1): К/1а – сочетание признаков Дв : Дб – II, Нш : Ш – I, Нб : Н – I, Дд : Дб – I и К/2 – Дв : Дб – II, Нш : Ш – I, Нб : Н – II, Дд : Дб – II. Среди кубков очень широких пропорций (Дб : Н – II) имеем (рис. 8, 2): К/3 – Дв : Дб – I, Нш : Н – II, Нб : Н – II, Дд : Дб – II; К/4 – Дв : Дб – II, Нш : Ш – I, Нб : Н – I, Дд : Дб – I; К/5 – Дв : Дб – II, Нш : Ш – I, Нб : Н – I, Дд : Дб – II; К/6 и К/6а – Дв : Дб – II–III, Нш : II–Ш, Нб : Н – II, Дд : Дб – I.

Итак, имеем шесть типов кубков и кубковидных. Еще два типа выделены условно (рис. 8, 3): К/Х.1 – с биконическим туловом и К/Х.2б – с вогнутым дном.

Миски (рис. 9) включают две группы по Дб : Н (I и II). Среди мисок широких пропорций (Дб : Н – I) выделены типы (рис. 9, 1): М/1 – Дв : Дб – I–II, Нб : Н – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – II–III и М/2 – Дв : Дб – II, Нб : Н – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – I (округлодонные). Среди мисок очень широких пропорций (Дб : Н – II) представлены (рис. 9, 2, 3): М/3 – Дв : Дб – I, Нб : Н – I, Нш : Н – I, Дд : Дб – III;

М/4 – Дв : Дб – II, Нб : Н – I, Нш : Н – I, Дд : Дб – III; М/5 – Дв : Дб – II, Нб : Н – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – III; М/6 – Дв : Дб – II, Нб : Н – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – II; М/7 – Дв : Дб – II, Нб : Н – II, Нш : Н – II, Дд : Дб – II.

Всего имеем семь типов мисок. Еще два типа условны (рис. 9, 4): М/Х.1 – с загнутым краем венчика; М/Х.2 – с выступом на краю венчика.

Чаш (рис. 10) состоят из двух групп по Дб : Н (I и II). Среди чаш широких пропорций (Дб : Н – I) выделены типы (рис. 10, 1): Чш/1 – Дв : Дб – I, Нш : Н – I, Дд : Дб – III; Чш/2 – Дв : Дб – II, Нш : Н – I, Дд : Дб – III; Чш/3 – Дв : Дб – II, Нш : Н – II, Дд : Дб – I (округлодонные); Чш/4 – Дв : Дб – III, Нш : Н – II, Дд : Дб – III. Среди чаш очень широких пропорций (Дб : Н – II) имеются типы (рис. 10, 2): Чш/5 – Дв : Дб – II, Нш : Н – I–II, Дд : Дб – II; Чш/6 – Дв : Дб – II–III, Нш : Н – II, Дд : Дб – II–III.

Всего имеем шесть типов чаш.

Черпаки (рис. 11) состоят из двух групп по Дб : Н (I и II). Среди черпаков широких пропорций (форма производна от горшков; Дб : Н – I) представлен (рис. 11, 1) тип Ч/1 – Дв : Дб – II, Нш : Н – II, Дд : Дб – I; среди черпаков очень широких пропорций (форма производна от чаш; Дб : Н – II) имеется (рис. 11, 2) тип Ч/2 – Дв : Дб – I, Нш : Н – I, Дд : Дб – I и Ч/3 – Дв : Дб – II, Нш : Н – II, Дд : Дб – I. Ни на одном из образцов ручки не сохранились (преднамеренно отбиты в древности?). Представлены фрагменты ручек овальных и круглых в сечении с небольшим гребешком (рис. В60, 2; 75, 11), ленточные (рис. В52, 4), овальные углощенные с небольшим выступом (рис. В68, 6).

Дб : Н	Дв : Дб	I–II	II
	Нб : Н	II	
I			
	Нш : Н	I	
Дд : Дб	II–III		I

1

Дб : Н	Дв : Дб	I	II	II
	Нб : Н	I	I	II
II				
	Нш : Н	I		
Дд : Дб	III		III	III

2

Дб : Н	Дв : Дб	II	II
	Нб : Н	II	II
II			
	Нш : Н	I	
Дд : Дб	II		II

3

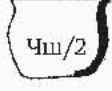

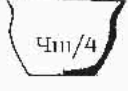
Дб : Н	Дв : Дб	?	?
	Нб : Н	?	?
?			
	Нш : Н	?	
Дд : Дб	?		?

4

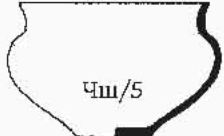
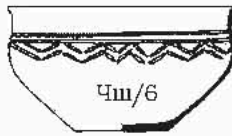
Рис. 9. Типы мисок

Fig. 9. Types of bowls of narrow and wide proportions, uncertain types

1 – узких пропорций;
2, 3 – широких пропорций;
4 – неопределенные типы

Дб : Н	Дв : Дб I	II	II	III
	Нш : Н I	I	II	II
I				
	Дд : Дб III	III	I	III

1

Дб : Н	Дв : Дб II	II-III
	Нш : Н I-II	II
II		
	Дд : Дб II	II-III

2

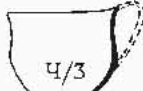
Рис. 10. Типы чаш

Fig. 10. Types of cups of wide proportions and very wide proportions

1 – широких пропорций; 2 – очень широких пропорций

Дб : Н	Дв : Дб II
	Нш : Н II
I	
	Дд : Дб I

1

Дб : Н	Дв : Дб I	II
	Нш : Н I	II
II		
	Дд : Дб I	I

2

Рис. 11. Типы черпаков

Fig. 11. Types of scoops of wide and very wide proportions

1 – широких пропорций; 2 – очень широких пропорций

Всего имеем три типа черпаков.

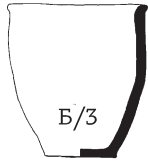
Банки (рис. 12) состоят из двух групп по Дб : Н (I и II). Среди банок широких пропорций (Дб : Н – I) выделены типы (рис. 12, 1): Б/1 – Дв : Дб – I, Нб : Н – II (двухчастные), Нш : Н – I, Дд : Дб – I; Б/2 – Дв : Дб – II, Нб : Н – I (однчастные), Нш : Н – I, Дд : Дб – I; Б/3 – Дв : Дб – II, Нб : Н – II (двухчастные), Нш : Н – II, Дд : Дб – I. Среди банок

очень широких пропорций (Дб : Н – II; рис. 12, 2): Б/4 – Дв : Дб – II, Нб : Н – I (однчастные), Нш : Н – I, Дд : Дб – I; Б/5 – Дв : Дб – II, Нб : Н – II (двухчастные), Нш : Н – I, Дд : Дб – I.

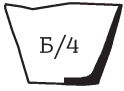

Всего имеем пять типов банок.

Редкие типы сосудов (рис. 13) представлены блюдцем (рис. В68, 2), чашками, кувшином (?) (рис. В32, 5; В68, 1) и рюмковидной пиксидой (?) (рис. В26, 1).

IV.1. Посуда глиняная бытовая

Дб : Н	Дв : Дб	I	II	II
	Нб : Н	II	I	II
I				
	Нш : Н	I	I	II
	Дд : Дб	I	I	I

1

Дб : Н	Дв : Дб	II	II
	Нб : Н	I	II
II			
	Нш : Н	I	I
	Дд : Дб	I	I

2

Рис. 12. Типы банок

Fig. 12. Types of jars of wide and very wide proportions

1 – широких пропорций; 2 – очень широких пропорций

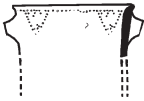

Блюдце	Чашка	Кувшин?	Рюмковидная пиксида?
			

Рис. 13. Редкие типы сосудов

Fig. 13. Rare types of vessels

Находки всех категорий сосудов распределены примерно одинаково в пределах исследованной площади городища. Количественные пики и спады каждой из них совпадают в пределах всех домохозяйств (табл. 18). Очень показательно, что в том случае, когда имеем данные о соотношении категорий посуды для других памятников эпохи поздней бронзы в пределах домохозяйств (в том числе, для зольников белогрудовского типа), ситуация абсолютна такая

же. Последнее, например, демонстрируют два полностью исследованные домохозяйства сабастиновской культуры на поселении у с. Новокиевка (Херсонская обл.), в каждом из которых процентное соотношение всех представленных в них категорий сосудов оказалось фактически одинаковым (Gerškovič, 1999: 59–60, Taf. 4; 5). Представляется, что это, во-первых, еще раз доказывает реальность существования таких отдельных хозяйственно-бытовых структур как

Таблица 18. Количественное распределение категорий сосудов по домохозяйствам

Table 18. Distribution of categories of vessels over households

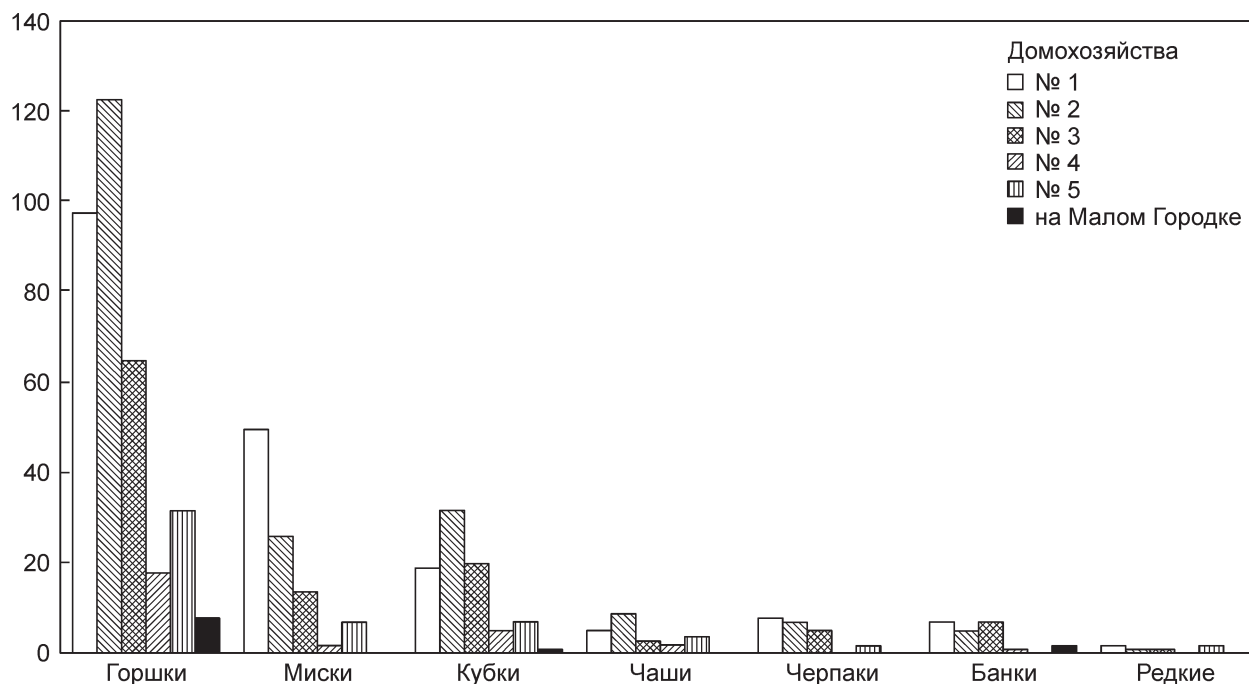
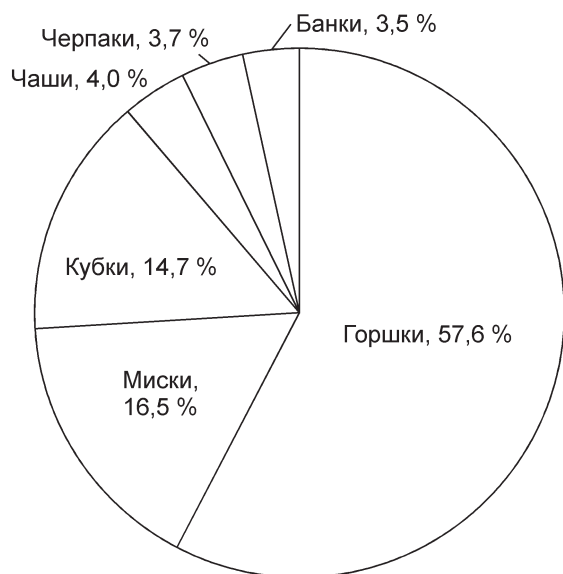

Таблица 19. Процентное соотношение всех категорий сосудов на Суботовском городище

Table 19. Percentage of all categories of vessels on Subotov hill-fort

домохозяйство; во-вторых, подтверждает объективность выбранной методики классификации посуды.

Среди 599 сосудов, пригодных для идентификации на уровне категории (табл. 19), горшки составляют 345 ед. (57,6 %), миски – 99 (16,5 %), кубки – 88 (14,7 %), чаши – 24 (4,0 %), черпаки – 22 (3,7 %), банки – 21 (3,5 %). Не имея возможности сравнить эти данные с материалами предшествующих и последующих культурных образований

Среднего Поднепровья и соседних территорий¹, все же обратим внимание на то, что для каждой эпохи / культуры характерно свое соотношение такого рода. В Нижнем Поднепровье на поселениях сабаотиновской культуры преобладают горшки, банки и черпаки (Gerškovič, 1999: 58, 59, Taf. 5). В Среднем Поднепровье ранний железный век (жаботинское время) А.И. Тереножкин назвал эрой черпака и кубка (1961: 78). Переходный период от позднего бронзового века к раннему железному, как показывает коллекция посуды Суботовского городища, – эра горшка, миски и кубка.

IV.1.4. ОБЪЕМ ПОСУДЫ И ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Весьма интересные результаты можно получить путем соотнесения категорий и типов сосудов с теми или иными их функциональными группами, выделяемыми по объемам рабочих частей. Для сосудов с шейкой – это емкость от дна до основания шейки, для бесшейных – от дна до края венчика². Ведь заведомо очевидным есть факт,

1. Исключением является соотношение категорий сосудов в срубной культуре, представленное, по убывающей, горшками, банками и чашевидными.
2. Для сосудов с шейкой вычислялся и общий объем (от дна до верхнего среза венчика), но в данном случае он не учитывается.

что функции горшков, мисок, кубков, банок, черпаков и чаш различны – иначе не было бы необходимости в таком разнообразии посуды.

Окончательно решить вопрос о назначении той или иной категории невозможно из-за повсеместной неполноты археологических контекстов. Даже современные естественнонаучные методы, в частности фосфатный и микробиологический анализы, показывающие характер содержимого емкостей, не применимы для, как правило, фрагментированной и неоднократно перетолженной поселенческой посуды. Помимо воли исследователя, возможности этих методов лимитированы самим характером древних материальных остатков и их сохранностью, хотя порой и демонстрируют достаточно интересные корреляции: растительный продукт – маленькие неорнаментированные горшки, мясомолочный – крупные орнаментированные банки (Демкин, Демкина и Удальцов, 2014: 153).

В этих условиях наиболее доступным индикатором функции выступает показатель объема, «абсолютный размер сосудов в целом» (Генинг, 1992: 4, 48), или «заведомо значимый признак функционального назначения» (Виноградов, 1991: 250). На это указывал еще В.А. Городцов (1927: 6), но в археологической практике вычислению объемов сосудов до сих пор уделяется крайне мало внимания. Причины игнорирования можно объяснить лишь кажущейся сложностью вычислений и их малой эффективностью. Но такие опасения в корне неверны.

Ранее (Гершкович, 2001a: 282) вычисление объемов суботовской посуды производилось по «формуле бочки»: $V = 0,0873h(2D + d)^2$. При наличии выпуклого бока, т. е. при двухчастном строении, D – диаметр боков, d – диаметр дна и диаметр основания горловины. Отдельно высчитывался объем для нижней половины корпуса (от дна до боков) и для верхней (от боков до основания горловины), т. е. как две полубочки, после чего результаты суммировались. Для одночастных бесшейных (одна полубочка) D – диаметр венчика, d – диаметр дна. После этого была создана база данных и на ее основе – диаграмма, на которой обозначилось несколько интервалов. Казалось, эти интервалы, в отличие от условных, пошаговых, которые были предложены В.Ф. Генингом (1992: 53, табл. Г), отражают более-менее реальное разделение и поэтому соответствуют различным

функциональным группам. Однако метод группировки и замеров оказался неверным: учитывались не внутренние, а внешние размеры емкостей, а на одну диаграмму были нанесены данные по всем категориям. Последнее, хотя и не было большой ошибкой, но диаграммы для сосудов каждой категории в отдельности даже чисто теоретически могли оказаться иными. Поэтому пришлось провести новые измерения и их анализ.

Это осуществлено с помощью предназначенного для вычисления объемов археологической керамики приложения Volumeps Stage – J.P. Thalmann, 2000 программы Macromedia Director Shockwave Studio 8.5. Приложение требует подготовки рисунка каждого образца в определенном разрешении, но процедура замера достаточно проста, применима к любым профилям и позволяет легко проводить замеры внутри емкостей.

Корреляция морфологических групп и признаков объема (Приложение 4) показала связь морфологии сосудов и объемов, т. е. подтвердила правильность систематизации именно в рамках отдельных категорий. Новое ранжирование значений признака «объем» по категориям позволило получить следующие результаты (табл. 20).

Горшки – здесь определены три группы (А, В, С) объемом (при округлении до десятых) от 9,5 до 35,8 л; две (D и E1) – от 2,3 до 6,9 л; одна (E-2, E3-1, E3-2) – от 0,8 до 1,4 л; одна (E3-3) – от 0,5 до 0,7 л; две (E3-4 и E3-5) – от 0,1 до 0,4 л.

Кубки и кубковидные – имеем две группы (А и В) объемом от 9,3 до 20 л; одна (С) – от 3,8 до 4,8 л; одна (D1) – от 1,7 до 2,0 л; одна (D-2, D-3) – от 0,3 до 1,1 л (собственно кубки).

Миски – распались на две группы (А и В) объемом от 2,7 до 3,1 л; две (С и D-1, D-2, D-3) – от 0,8 до 1,9 л; одна (D-4) – от 0,3 до 0,6 л.

Чашы – одна группа (А) объемом 2,3 л; одна (В, С) – от 0,9 до 1,2 л; одна (D, E) – от 0,3 до 0,6 л; одна (F) – 0,2 л; одна (G) – 0,1 л.

Банки – одна группа (А) объемом 1,8 л; две (С и В) – от 0,3 до 0,4 л; одна (D и E) – до 0,1 л.

Черпаки – одна группа (А) объемом до 0,4 л; одна (В) – до 0,1 л.

Редкие типы – две группы объемом до 0,2 л.

Не вызывает сомнения, что размер/объем сосуда связан с его назначением. Об-

Таблица 20. Ранжирование значений признака «объем» по категориям сосудов
Table 20. Ranking of indication «volume» over categories of vessels

Функциональные группы	Категории	Предполагаемое назначение	Объем, л						редкие типы
			горшки	кубки	миски	чаши	банки	черпаки	
1	Дозовые, <0,1 л	Пищевкусовые до- бавки и специальные растворы	—	—	—	0,0504—0,0663 (G)	0,0124—0,0586 (D, E)	0,0829 (B)	0,0290
2	Порцион- ные 1, <0,5 л Порцион- ные 2, <1,0 л	Прием пищи (индивидуальные) Прием пищи (семейные)	0,1294—0,1758 (E3-5) 0,2806—0,4240 (E3-4) 0,5299—0,7123 (E3-3)	— — 0,3030—1,0904 (D2 (D-3)	— — 0,3467—0,5852 (D-4)	0,1594—0,1743 (F) 0,3309—0,5594 (D, E)	0,2542—0,2934 (C) 0,4231 (B)	0,3791—0,4495 (A)	0,1764— 0,1929
3	Кухонные 1, <2,0 л	Приготовление пищи для семьи	0,8262—1,3777 (E2, E3-1, E3-2)	1,6962—2,0165 (D1)	0,8201—1,4464 (D-1, D-2, D-3) 1,9427 (C)	0,9269—1,2339 (B, C)	1,7942 (A)	—	—
4	Кухонные 2, >2,0 л Тара, >9,0 л	Хранение продоволь- ственных запасов для семьи (корчаги)	2,2524—2,5055 (E1) 3,9330—6,8699 (D) 9,5139—11,6830 (C) 14,2430—17,9609 (B) 35,3303—35,7614 (A)	3,7895—4,8376 (C) 9,2959—9,3607 (B) 18,9594— 20,0544 (A)	2,6660—3,0910 (B) 7,3459 (A)	2,3009 (A)	—	—	—

ращение к этому параметру позволило наметить такие функциональные группы.

Дозовые сосуды. Сосуды объемом менее 0,1 л часто называют мини-атюрными, приписывая им и ритуальные функции. Но можно допустить их двойственное и / или сугубо бытовое использование, например, для хранения пищевкусовых добавок или как мерных для лекарственных или иных специальных растворов / веществ. Подобные сосуды из гальштатского поселения Кульчицы в Прикарпатье или бондарихинских памятников Подонцовья интерпретируют как солонки (Бандрівський та ін., 1993: 141, рис. 75, 6; Горбов и Усачук, 2001: 36, рис. 13, 18—21). Как известно, в погребениях бережновско-маевской срубной культуры встречаются своеобразные сервизы из нескольких больших сосудов, деревянного блюда с уложенной на нем тазовой частью теленка или коровы и маленькой баночкой, возможно солонкой.

В любой коллекции дозовых сосудов очень мало, но можно полагать, что их изготавливали и из органических материалов. В нашей выборке в качестве дозовых использовали лишь чаши, банки, черпаки и редкие типы (табл. 20). Объяснить это сложно, отметим только, что именно эти категории сосудов наименее представительны в суботовской коллекции (табл. 19).

Порционные сосуды. Сосуды объемом до 1,0 л соответствуют современным глубоким и мелким тарелкам, стаканам, кружкам и т. п. При всей условности такого сопоставления их можно определить как порционные. Емкости до 0,5 л (горшки, чаши, банки, черпаки и некоторые редкие разновидности) предназначались для одного человека — это порционные 1, сосуды объемом от 0,5 до 1,0 л (горшки, кубки, миски, чаши) — для нескольких человек, например, семьи — порционные 2.

Кухонная посуда. Сосуды объемом от 1,0 до 2,0 и от 2,0 до 9,0 л (горшки, кубки, миски, чаши, банки) наиболее многочисленны, т. е. они использовались наиболее часто. Примерно такие же объемы имеет совре-

менная посуда для приготовления пищи и ее кратковременного хранения, т. е. кастрюли, небольшие котлы и т. п. Хотя нельзя исключать использования некоторой части сосудов как порционных семейных (порционные 2), в основном это посуда кухонная. Она включает две подгруппы: кухонная 1 и 2. Разница между подгруппами обусловлена необходимостью приготовления пищи для одной (кухонные 1) или нескольких семей (кухонные 2).

Тарная посуда. Сосуды объемом от 9 до 36 л определяем как тару для хранения продовольственных припасов. В эту функциональную группу попадают только горшки и кубки, представляя, соответственно, горшковидные и кубковидные корчаги.

Заметим, что горшки объемом 0,1294–0,4240 л (группы Е3-4 и Е3-5) отнесены к порционным 1, объемом 0,8262–1,3777 л (группы Е2, Е3-1 и Е3-2) – к кухонным 1, объемом 2,2524–6,8699 л (группы D и Е1) – к кухонным 2, объемом 9,5139–35,7614 л (группы А, В и С) – к тарным. В целом это подтверждает предположение о т. н. тяжелых хвостах в выделенных таксономических единицах (Приложение 4): коэффициент кратности для порционных 1, порционных 2 и кухонных 1 горшков составляет 2,24 и 1,77, т. е. близок к 2. Исходя из этого, горшки, условно объединенные в кухонные 2 и тарные, все же более целесообразно анализировать в рамках отдельных групп А, В, С, D и Е1 (см. Приложение 4).

Предположение о т. н. тяжелых хвостах в меньшей степени подтверждается коэффициентом кратности для порционных 2 и кухонных 1 кубков, мисок и чаш, т. е. с коэффициентом кратности, соответственно, 2,66, 2,55 и 2,43. Отклонения от значения коэффициента 2 в сторону увеличения, возможно, обусловлены относительно небольшим количеством таких сосудов в выборке.

Примечательно, что среди тарной посуды отсутствуют бесшейные сосуды. Этому есть простое объяснение. Ведь именно шейка обеспечивала возможность обвязать сосуд куском ткани или кожи и предохранить от насекомых, грызунов и просто загрязнения¹. Судя по степени стянутости устья и высоте шейки (максимальные значения – для кубковидных корчаг; табл. 16), послед-

1. Конечно, сосуды могли накрывать и деревянными крышками. Керамические в Суботове не найдены. Плоские глиняные крышки отмечены на Среднем Днестре на поселении Днестровка-Лука (Смирнова, 1984: 45).

Таблица 21. Сопоставление линейных параметров функциональных групп с параметрами отдельных фрагментов по категориям сосудов

Table 21. Comparison of linear parameters of functional groups and parameters of certain fragments over categories of vessels

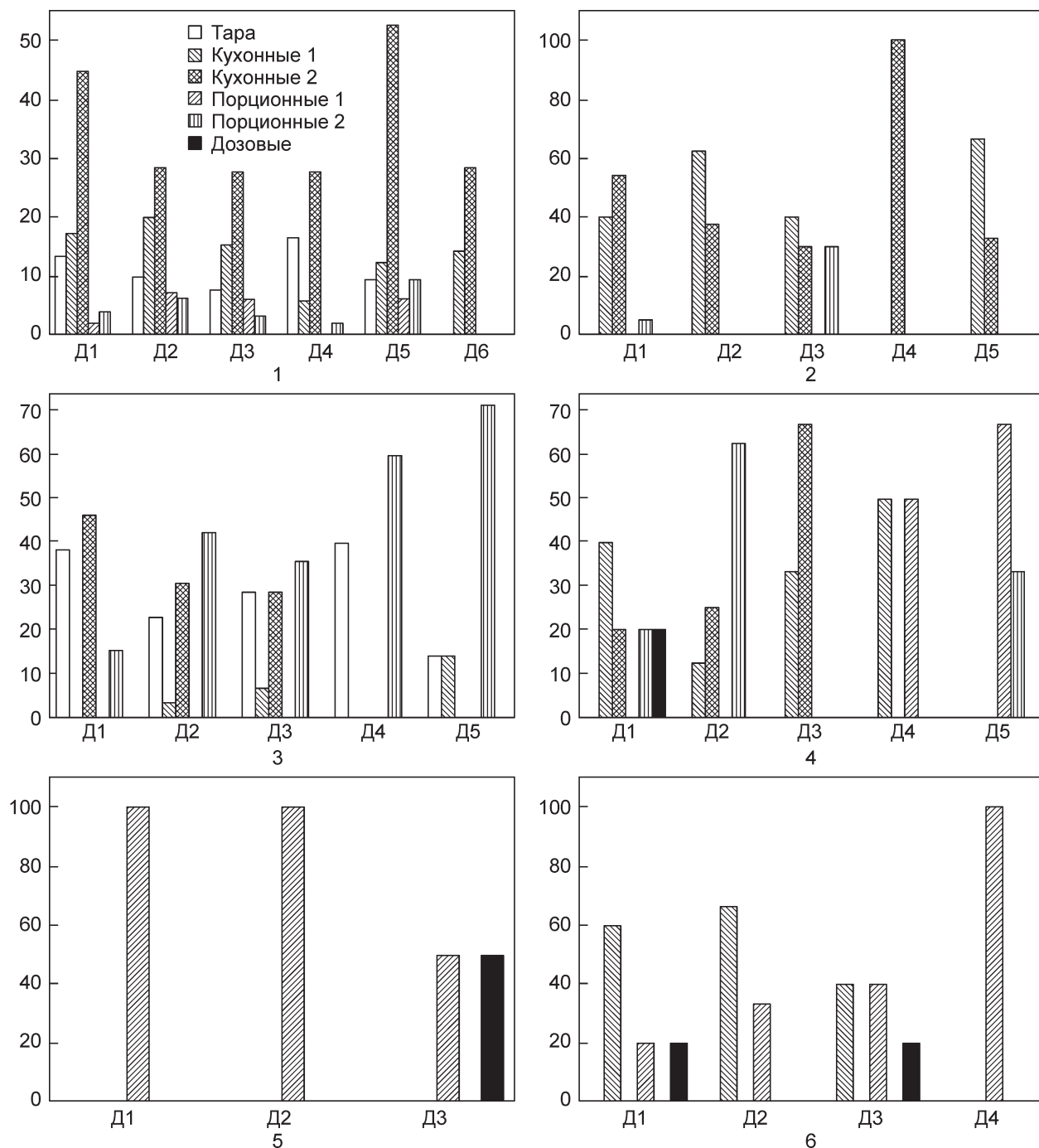
Группа	Параметры		
	Дб	Дош	Дв
Горшки			
A	36,0—40,5	29,0—33,0	32,5—35,0
B	29,0—33,0	23,5—30,0	25,0—30,0
C	27,6—35,6	25,0—25,6	26,0—30,0
D	18,1—27,0	15,7—25,0	18,4—27,0
E-1	16,0—19,0	14,7—17,8	15,4—18,5
E-2, E3-1, E3-2	12,5—22,4	11,7—18,0	12,6—16,5
E3-3	10,5—13,0	9,0—12,5	10,0—12,6
E3-4	9,0—10,0	7,5—10,4	7,4—11,2
E3-5	7,4—7,8	6,6—7,0	7,8
Миски			
A	26,0	29,0	29,0
B	23,0—30,0	23,0—30,2	23—30,2
C	23,2	24,0	22,0
D1—D3	17,4—20,5	17,5—21,5	17,5—21,0
D-4	11,8—14,7	11,8—14,0	11,8—13,2
Кубки и кубковидные			
A	36,4—36,5	20,4—23,0	20,0
B	28,0—31,5	16,5—18,0	20,0
C	20,5—23,6	12,0—15,0	12,5—15,0
D-1	16,0	10,0—10,5	10,0—11,5
D2—D3	7,6—14,5	7,8—10,3	6,8—10,2
Чаши			
A	19,8	18,0	19,0
B—C	15,5—18,6	13,5—18,0	13,7—18,7
D—E	10,6—13,6	8,5—13,6	8,5—14,5
F	8,2—8,6	7,5—8,4	8,0—9,5
G	6,7—7,0	5,8—6,5	6,2—6,7
Банки			
A	17,5	—	17,3
B	10,2	—	10,7
C	7,0—8,8	—	6,2—8,0
D	5,6—6,2	—	5,3—6,2
E	3,4	—	3,4
Черпаки			
A	10,0	9,2—9,8	9,5—10,5
B	7,0	6,6	7,0

ние предназначались преимущественно для хранения жидких и полужидких пищевых припасов, тогда как горшковидные для твердых и сыпучих.

Понятно также отсутствие черпаков в группах посуды объемом более 0,5 л. Ведь ручки имеют ограниченный запас прочности, служили для удобного захвата при

Таблица 22. Процентное распределение функциональных групп каждой категории сосудов по домохозяйствам – Д1–Д6 (1 – горшки, 2 – миски, 3 – кубки и кубковидные, 4 – чаши, 5 – черпаки, 6 – банки)

Table 22. Distribution of functional groups of every categories of vessels over households

зачерпывании, переливания из одного сосуда в другой. На больших сосудах Г/Х.2 (рис. В51, 1) они предназначались для иных целей, поэтому и прикреплены иначе. Наличие ручки на миниатюрном образце, дозовом (рис. В73, 1), похоже, связано с элементарным удобством пользования: разлива или подогрева какого-то раствора или вещества.

Анализ основных категорий сосудов показал их в целом равномерное распре-

деление по домохозяйствам (табл. 18). Разумеется, возникает вопрос: повторяется ли такая особенность и для функциональных групп? Учитывая наличие дискретных групп по объему с приемлемой длиной интервалов (Приложение 4), ответ на этот вопрос однозначно положительный, но проблема заключается в представительности выборки в 101 ед. Увеличение информативности источника можно достичь через сопоставление линейных параметров Дб, Дош, Дв

(табл. 21) каждой из выделенных функциональных групп с параметрами отдельных фрагментов той же категории. Благодаря такой процедуре количество сосудов, пригодных для соотнесения с той или иной функциональной группой, увеличивается до 454 ед. (48,3 % в коллекции)¹ и получена серия диаграмм (табл. 22).

Конечно, в этих диаграммах исходные данные в значительной степени отражают «степень распознавания» объема, а не реальное количество определенных сосудов и их соотношение, но все же и в этом случае важно, что их распределения очень близки, а «сбои», в первую очередь, имеют место в домохозяйствах, исследованных малыми площадями, т. е. там, где серия образцов заведомо неполная.

Очень близкое распределение посуды по домохозяйствам видно по горшкам (табл. 22, 1), мискам (табл. 22, 2) и кубкам (табл. 22, 3), черпакам в домохозяйствах № 1, 2 (табл. 22, 5) и банкам (домохозяйства № 1–3; табл. 22, 6). Для чаш, на первый взгляд (табл. 22, 4), не характерны какие-либо закономерности распределения, но показательно, что суммарно кухонные сосуды образуют пики на диаграммах (домохозяйства № 1 и 3). В целом такие особенности отражают ситуацию, когда в каждом домохозяйстве на протяжении его существования изготавливалось, использовалось, приходило в негодность, а, в конечном итоге, накапливалось и депонировалось в культурном слое примерно одинаковое количество сосудов разных функциональных групп. Это – результат сходных хозяйственно-бытовых нужд обитателей каждого домохозяйства и одинакового качества посуды.

При всех возможных будущих корректировках выделенных функциональных групп уже сейчас можно утверждать, что часто постулируемого подразделения посуды только по технико-технологическим признакам (столовая, кухонная, тарная) недостаточно. Стоит задача их сопоставления с мерными признаками (объемом), поскольку сам по себе факт лощения или орнаментации не является признаком столовой посуды. Оценивая перспективы исследований в этом направлении за пределами конкретного памятника, можно утверждать, что

крайне важным представляется выделение функциональных групп посуды, представленной в погребениях, поселениях и на стоянках археологических культур или культурно-исторических общностей.

Функциональная классификация крайне важна для переходных периодов, связанных с ломкой прежних традиций и вообще экономических и культурных систем. Ведь сам по себе переход не сразу мог воплотиться в полной смене материальной культуры, но наверняка радикально повлиял на исчезновение сосудов той или иной категории² или функциональной группы, на количественную их представительность в комплексах.

IV.1.5. ЭЛЕМЕНТЫ ОРНАМЕНТАЦИИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С КАТЕГОРИЯМИ СОСУДОВ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ

Изучение древних орнаментов является очень специфическим исследовательским направлением. Чаще всего оно ориентировано на решение хронологических и культурогенетических вопросов, реже – на выявление и расшифровку знаковой системы, отражающей особенности духовной и религиозно-мифологической (идеологической) сферы, и совсем редко – на выявление прикладного назначения орнаментов, которые, конечно, недостижимы только через получение всевозможных индексов как, например, абсолютной орнаментированности, показатель насыщенности рисунка и т. п. (Генинг, 1992: 85–89). Для поселенческой керамики, даже если все фрагменты надежно соотнесены с отдельными сосудами, трудно установить, какая часть композиции представлена, имеем ли мы полный набор элементов, знаков и способов их нанесения, а также на какой части сосуда они расположены. Это является одной из проблем. Не удивительно, что даже весьма детальный учет сюжетов и их кратности (Изотова и Слонов, 1994: 107) лишь подтвердил существующие выводы относительно последовательности смен историко-культурных образований на той или иной территории, полученные на основании стратиграфических наблюдений. Примерно то же происходит и с выявлени-

1. Некоторые фрагменты горшков (табл. 21), имеющие сходные параметры в смежных группах, отнесены к группе кухонные 1–2, но при выяснении распределения по домохозяйствам не учитывались.

2. Н.А. Гаврилюк обратила внимание, что для черноторовских погребений не характерны черпаки, но в них появились кувшины (Гаврилюк, 1979: 27, 29).

ем общих тенденций изменения орнаментов в рамках отдельного памятника.

Прорыв в изучении древних орнаментов, а именно трипольско-кукутенской культурно-исторической общности, осуществил Т.М. Ткачук. Он наметил интересные решения широкого круга вопросов: от синхронизации локальных групп до их генезиса и раскрытия закодированной в такой знаковой системе мифологии, ритуалов и идеологии (Ткачук, 2005: 32–36; Ткачук і Мельник, 2005: 196–198). Это исследование можно использовать как ориентир для выделения и каталогизации мотивов и элементов декора посуды из Суботова.

Укажем, что реестр видов орнаментов на посуде из Суботова значительно шире, чем представил Г. Коссак (Kossak, 1980: Abb. 2, 8, 9, 13, 15, 16, 19), располагая лишь краткими публикациями. И.В. Бруяко по этой же причине среди типов геометрической орнаментации на керамике предскифского времени Северного Причерноморья учел всего два элемента, обозначенные им как 5а и 7, сходные с суботовскими (Бруяко, 2005: рис. 2).

В ряде относительно недавних работ, посвященных, среди прочего, изучению орнаментации сосудов переходного периода, использована четырехступенчатая схема, предложенная В.С. Бочкаревым для описания прочерченных орнаментов сейминско-турбинских бронз (Бруяко, 2005: 17; Дараган, 2011: 412, 413). Согласно этой схеме (Бочкарев, 2010: 67, 68, 81–85), элементом орнамента является законченная геометрическая фигура, вариантом – способ нанесения этой фигуры, мотивом – группировка элемента в ритмические ряды, композицией – сочетания нескольких мотивов. При сохранении этих подразделений и их содержания, здесь принята лишь иная последовательность: мотив – элемент – вариант – композиция, а элемент и вариант объединены.

В сводных таблицах (табл. К1–К7) мотивы (линии, бордюры, пучки и т. д.) обозначены строчными буквами. Переданные в той или иной технике элементы или знаки пронумерованы арабскими цифрами по мере усложнения в мотиве. Композиции в сводных таблицах по каждой категории сосудов вписаны через черточку в последовательности расположения на сосуде – сверху вниз. Например, запись л/4 – в/2 означает, что в данном случае сверху размещен мотив «линия из проколов», а под ней имеется наклепной валик-кольцо с вдавления (полное описание мотивов и элементов см. ниже).

Следует признать, что выделенные мотивы очень условны, а критерий «усложнение» субъективен. Но такой подход позволил представить все без исключения орнаменты в табличной форме в виде максимально коротких буквенно-цифровых кодов. Это оказалось очень удобным, например, при анализе распределения орнаментов по отдельным категориям и типам сосудов, а также функциональным группам. В будущем любой исследователь может проверить полученные выводы и в случае необходимости вправе предложить свою систему кодировки и названий мотивов.

Углубленные орнаменты (рис. 14–16) выполнены пальцево-ногтевыми вдавлениями или специальными инструментами – зубчатыми, шнуровыми, псевдошнуровыми, фигурными или плоскими штампами. Концом палочки прочерчивали линии, наносили неглубокие ямки, проколы (сквозные отверстия), наколы (несквозные углубления). Узкие и широкие каннелюры вырезали, затем тщательно заглаживали по сырой глине. В глубоких каналах отпечатков штампов иногда встречаются следы инкрустацией белой пастой¹ (рис. В4, 3; В24, 4; В29, 6; В41, 10; В58, 9; В69, 2; В76, 1; В80, 2; В86, 9, 11).

Углубленные орнаменты представлены такими мотивами.

Линии (л) сплошные или из отдельных знаков-элементов, образующих ряды (рис. 14, 1).

Одноярусные (одна линия в горизонтальной плоскости): прочерченные (л/1), из больших округлых углублений (л/2); из косых клиновидных углублений (л/3), проколов² (л/4), наколов (л/5), маленьких углублений (л/6), прочерченных косых крестов (сетка) (л/7).

Многорярусные (более одной линии в горизонтальной плоскости): прочерченные (л/8), отпечатки шнурового (л/9) и зубчатого штампа (л/10), горизонтально ориентированные короткие косые углубления (л/11), вертикально ориентированные уколы (л/12) и отпечатки зерновидного штампа (л/13), горизонтально ориентированные уколы (л/14), отпечатки С-видного с очень закру-

1. Керамисты культуры Бабадаг полужидкую массу для инкрустации получали, смешав мел с костями и водой (Ailincăi, 2016: 323).

2. Не исключаю, что сквозные проколы могли служить какими-то дополнительными приспособлениями при использовании емкостей, иначе были, как и наклепные валики, и декоративной, и конструктивной деталью.

ченными внутрь концами (л/15) и S-видного (волнообразные ряды штампов л/16), горизонтально ориентированные зерновидные углубления с примыкающими группами таких же знаков (л/17), сегментовидные наклады с примыкающими группами таких же знаков (л/18), отпечатки разреженного мелкозубчатого штампа (л/19), прочерченные с примыкающими косыми отрезками снизу (л/20), отпечатки зубчатого штампа с косыми разнонаправленными отрезками сверху и снизу (л/21).

Бордюры (б) или, по М.Т. Кашубе (2000: 308–309, рис. XXII, 2), заштрихованные ленты (рис. 14, 2).

Одноярусные: из отпечатков зубчатого штампа, заполненные косыми отрезками (б/1), прочерченные, заполненные косыми отрезками справа-налево (б/2) или косыми отрезками слева-направо (б/3).

Многоярусные: из отпечатков зубчатого штампа, заполненные косыми разнонаправленными отрезками (б/4), прочерченные, заполненные группами косых отрезков в елочку (б/5), с косыми прочерченными ромбами, расположенными в шахматном по-

рядке (б/6) и косыми отрезками из отпечатков зубчатого штампа (б/7), прочерченные широкие наклонные с косой поперечной штриховкой – «лесенка» (б/8).

Рассеянные знаки (рис. 14, 3).

Представлены только косыми отрезками отпечатков зубчатого штампа (р/1), горизонтально ориентированными отпечатками S-видного штампа (р/2) и скобовидными (ногтеобразными) вдавлениями (р/6).

Точки и овалы (тч; рис. 15, 1).

Многоярусные: по обе стороны от прочерченной линии (тч/1), над прочерченными линиями и группой косых однонаправленных отрезков (тч/2), над прочерченным бордюром с косой однонаправленной штриховкой (тч/3), над двойным прочерченным бордюром с разнонаправленной штриховкой елочкой (тч/4), внутри и сверху бордюра в сочетании с углами (тч/5), внутри и сверху бордюра в сочетании с большим двухрядным зигзагом (тч/6).

Окружности концентрические (о) представлены такими вариантами (рис. 15, 2).

Одноярусные: отпечатки фигурного штампа между горизонтальными линиями из отпечат-

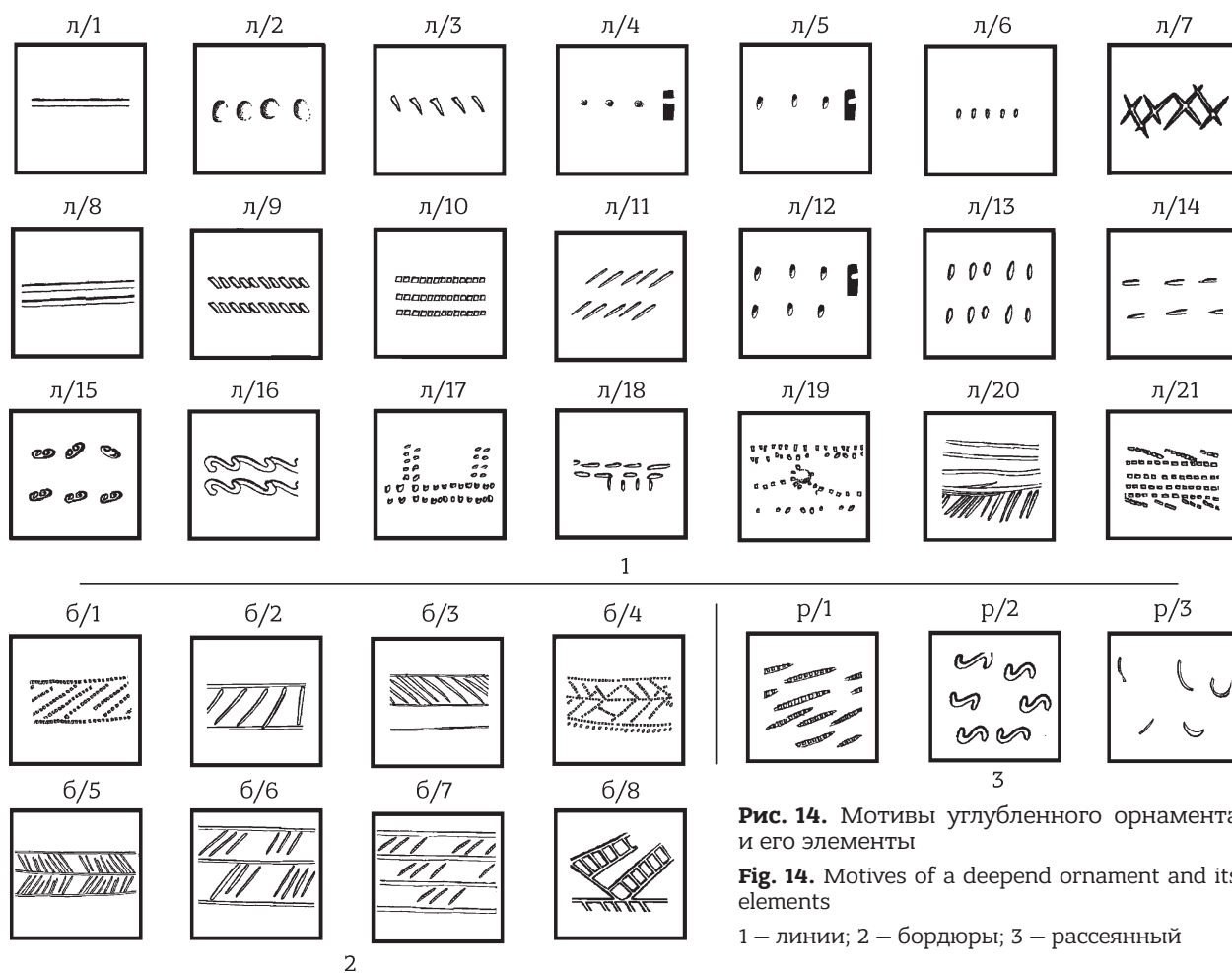

Рис. 14. Мотивы углубленного орнамента и его элементы

Fig. 14. Motives of a deepened ornament and its elements

1 – линии; 2 – бордюры; 3 – рассеянный

ков шнурового штампа (о/1) или короткими косыми углублениями (о/2), с примыкающими короткими косыми отрезками из отпечатков шнурового штампа (о/3), с примыкающими одиночными окружностями (о/4).

Многоярусные: между многорядными прочерченными линиями (о/5) и горизонтальными отпечатками ложного шнура (о/6), групповые (о/7).

Зигзаг (з), или ломаная линия (рис. 15, 3).

Одноярусный: прочерченный однорядный (з/1), из рассеянных косых углублений

(з/2), прочерченный множественный с вписанными углами и небольшими округлыми углублениями на вершинах (з/3), двухрядный под прочерченной линией (з/4), двухрядный из косых отпечатков короткого плоского штампа с небольшими округлыми углублениями на вершинах под горизонтальными отпечатками такого же штампа (з/5), двухрядный прочерченный под линией с маленькими углублениями (з/6), двухрядный из тонких углублений под такими же горизонтальными отпечатками (з/7),

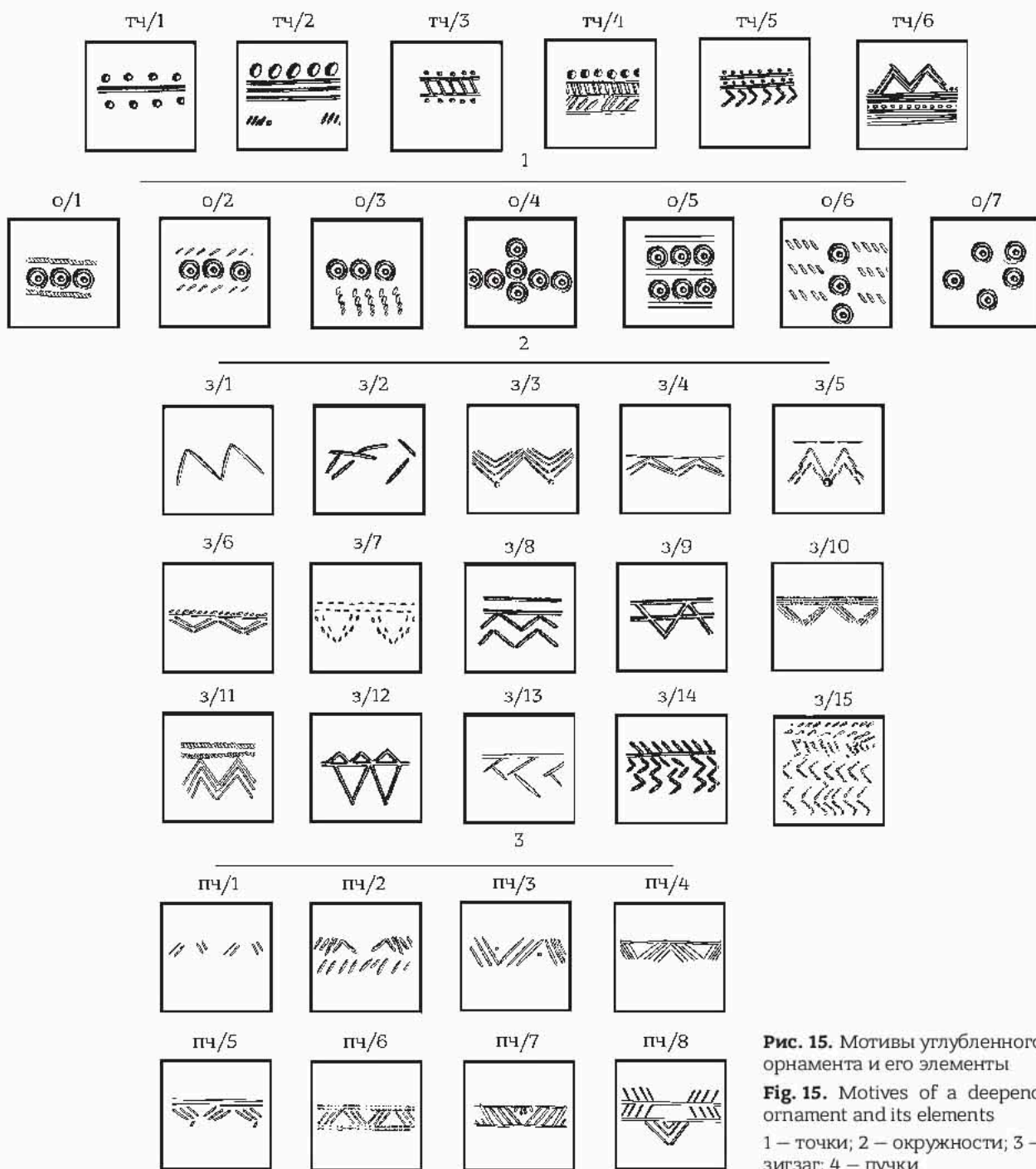

Рис. 15. Мотивы углубленного орнамента и его элементы

Fig. 15. Motives of a deepend ornament and its elements

1 – точки; 2 – окружности; 3 – зигзаг; 4 – пучки

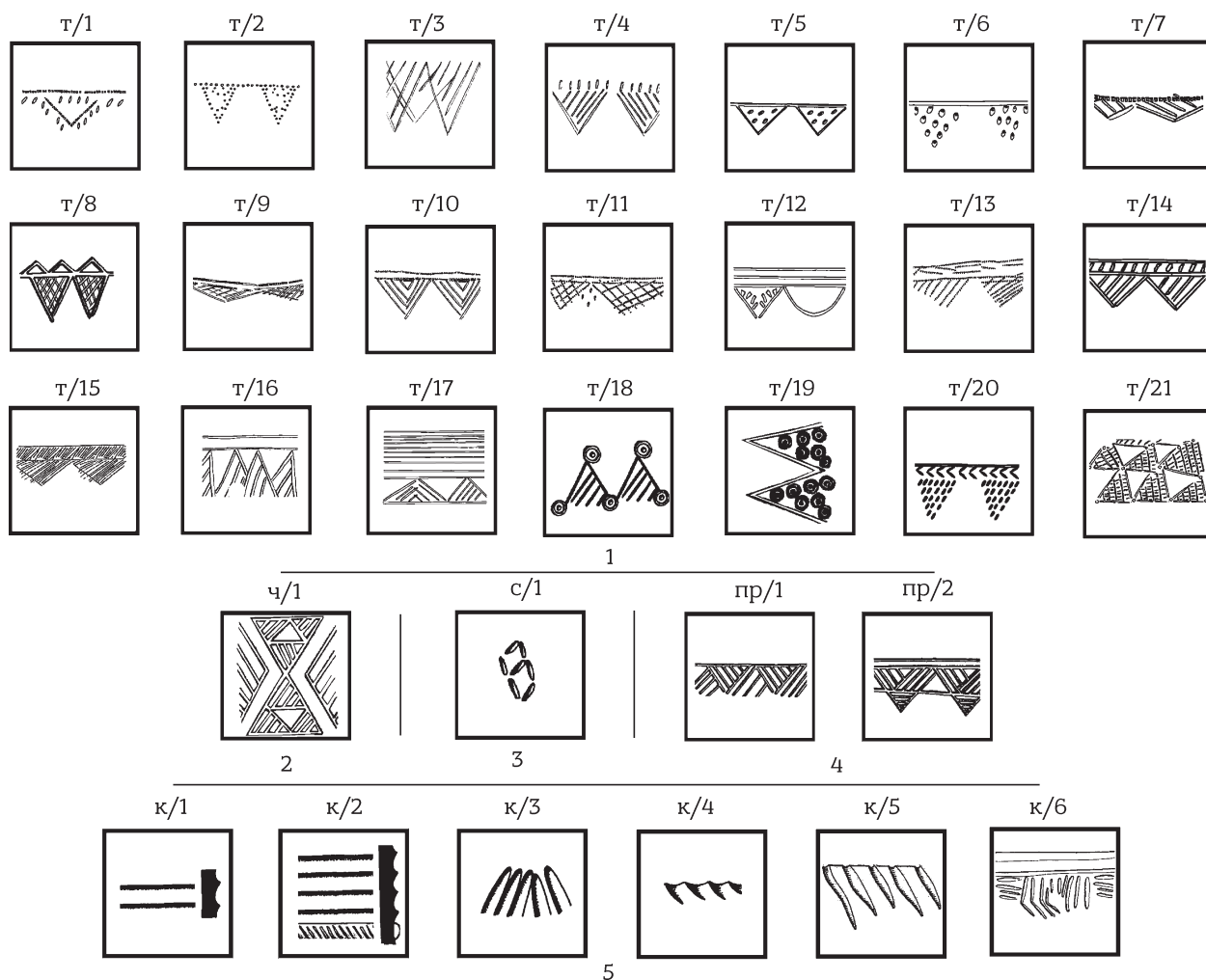

Рис. 16. Мотивы углубленного орнамента и его элементы

Fig. 16. Motives of a deepened ornament and its elements

1 – треугольники; 2 – «песочные часы»; 3 – смежные ромбы; 4 – паркет; 5 – каннелюры

двухрядный под прочерченными линиями (з/8), однорядный с горизонтальным пересечением (з/9), трехрядный под линиями из отпечатков зубчатого штампа (з/10), трехрядный прочерченный под отпечатками шнурового штампа (з/11), однорядный прочерченный под горизонтальной линией с маленькими треугольниками вершинами вверх (з/12), однорядный прочерченный (горизонтальная «елочка») под прочерченной линией (з/13).

Многорядусный: однорядный над и под прочерченной линией (з/14), из отпечатков гусеничного штампа между наколами или глубокими вдавлениями изнутри – «жемчужинами» (з/15).

Пучки (пч) – разновидность зигзага, стороны которого образованы парными или множественными несоединяющимися линиями, «зигзаг без вершин» (рис. 15, 4).

Однорядусные: группы парных коротких косых углублений (пч/1), множествен-

ные линии в сочетании с косыми отрезками (пч/2), с наколами у вершин (пч/3), под линией (пч/4) и с небольшими наколами у вершин (пч/5), отпечатки зубчатого штампа в бордюре (пч/6), с короткими углублениями между сторонами (пч/7).

Многорядусные: прочерченные групповые отрезки в бордюре и над ним (пч/8).

Треугольники (т) или зигзаги с заполнением (рис. 16, 1).

Однорядусные: с углублениями внутри и снаружи под линией из отпечатков зубчатого штампа (т/1), с углублениями внутри под линией из маленьких углублений (т/2), большие с косой прочерченной штриховкой (т/3) и в сочетании с группами маленьких углублений (т/4), с заполнением из маленьких округлых углублений под прочерченной линией (т/5), треугольники из зерновидных углублений под линией (т/6), с косой штриховкой под линией из отпечатков зубчатого штампа (т/7), с сетчатой штриховкой под

прочерченным однорядным зигзагом (т/8) и под отпечатками зубчатого штампа (т/9), с вписанными углами под отпечатками зубчатого штампа (т/10), с сетчатой штриховкой внутри и зерновидными углублениями между сторонами под отпечатками зубчатого штампа (т/11), прочерченные, заполненные короткими отрезками под прочерченными линиями в сочетании с сегментами (т/12), треугольники из косых отпечатков зубчатого штампа под бордюром с заполнением отрезками из наклонных отпечатков этого же штампа (т/13), с косо штриховкой под прочерченным бордюром с косыми отрезками (т/14), с косо штриховкой из отпечатков зубчатого штампа под бордюром с такой же штриховкой (т/15), косо штрихованные с вершиной вверх под прочерченными линиями (т/16), с заполнением косо штриховкой и углами между одной и многорядными прочерченными линиями (т/17), косо заштрихованные вершиной вверх с концентрическими окружностями в основании и на вершине (т/18), горизонтально ориентированные прочерченные с концентрическими окружностями внутри (т/19), треугольники из зерновидных углублений под прочерченной линией и «елочкой» (т/20).

Многорядные: заштрихованные со спорадическими маленькими углублениями у вершин и под основаниями (т/21).

«Песочные часы» (ч) или, по М.Т. Кашубе (2000: рис. XXIII), четырехзональные композиции (рис. 16, 2).

Многорядные: большие прочерченные треугольники с соприкасающимися вершинами и вписанными в них маленькими штрихованными треугольниками (ч/1).

Смежные ромбы (с; рис. 16, 3).

Однорядные (?): вдавления плоского короткого штампа (с/1).

Паркет (пр; рис. 16, 4).

Однорядный (?): косо заштрихованные взаимопроникающие треугольники под прочерченной линией (пр/1), треугольники с усеченной вершиной с разнонаправленной косо штриховкой под прочерченными линиями (пр/2).

каннелюры (к) — своеобразный переходный тип орнамента от прочерченного к рельефному (рис. 16, 5).

Однорядные: горизонтальные широкие (к/1), многорядные широкие углы (к/3), широкие косые (к/4) или узкие (к/5).

Многорядные: горизонтальные широкие (к/2) и из чередующихся групп верти-

кальных и горизонтальных отрезков или углов (к/6).

Рельефные (пластические) орнаменты (рис. 17) выполнены локальными фигурными налечами и выступами, а также валиками.

налечи и выступы (н; рис. 17, 1).

Круглые одиночные (н/1), парные (н/2), тройные (н/3), с вмятиной в центре (н/4). Овальные одиночные (н/5) и парные (н/6). Одиночные наклонные (н/7). Овальные горизонтально ориентированные продолговатые (н/8), с групповыми сосцевидными выступами (н/9), с парными вдавлениями — восьмерковидные (н/10). Карнизообразные (н/11), кольцевидные (н/12), серповидные (н/13) и букраниевидные (н/14), большие ушковидные, или роговидные (н/15) и вдавленные изнутри округлые (н/16).

налепной валик (в; рис. 17, 2).

Валик сплошной, иначе валик-кольцо: гладкий (в/1), с вдавлениями (в/2), с короткими косыми углублениями (в/3), с косыми длинными отпечатками зубчатого штампа (в/4), с глубокими прямоугольными отпечатками штампа (?) (в/5), с прочерченными косыми крестами (в/6), с косыми крестами из отпечатков зубчатого штампа (в/7).

Валик с несомкнутыми концами, опущенными вниз или загнутыми в противоположные стороны (валик-усы): гладкий, без знаков и фигур на нем (в/8), с овальными углублениями (в/9), с вдавлениями (в/10), с коротким косыми углублениями под основанием и под линией из таких же углублений (в/11), с короткими косыми углублениями (в/12).

Валик с несомкнутыми концами, заходящими друг за друга: с вдавлениями (в/13), гладкий, без знаков и фигур (в/14), с загнутым вверх концом без дополнительных знаков и фигур (в/15).

Валик с вертикальными отростками вниз: гладкий (в/16), с короткими косыми углублениями по валику и косым отростком (в/17).

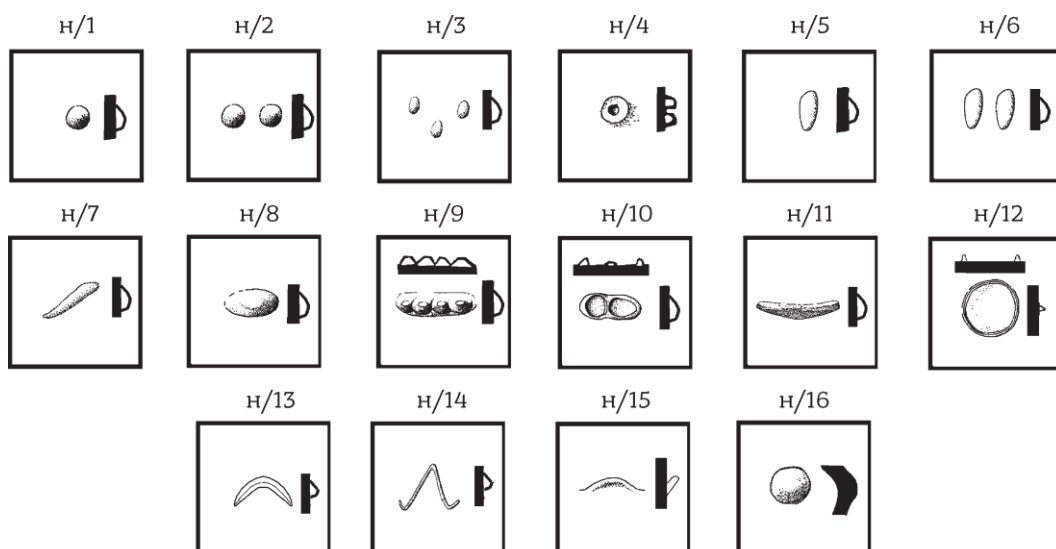
Валик с налечами ушковидными (в/18) или горизонтально ориентированными овальными (в/19).

Двойные гладкие (в/20), с вдавлениями на нижнем валике (в/21).

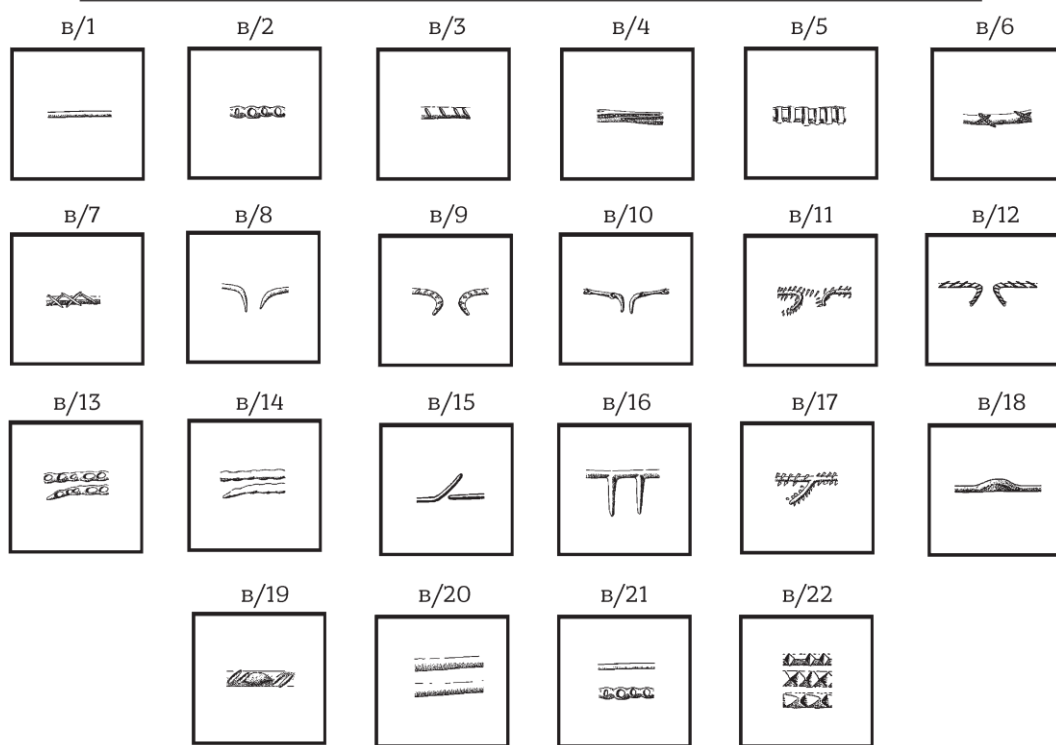
Множественные горизонтальные валики с вдавлениями (в/22), близкие к треугольным в сечении, легко отслаивающиеся.

По категориям сосудов описанные мотивы и элементы орнамента распределяются следующим образом.

Горшки. Для них характерны 75 отдельных элементов орнаментов и их сочетаний

1

2

Рис. 17. Мотивы рельефного (пластичного) орнамента и его элементы

Fig. 17. Motives of a relief (plastic) ornament and its elements

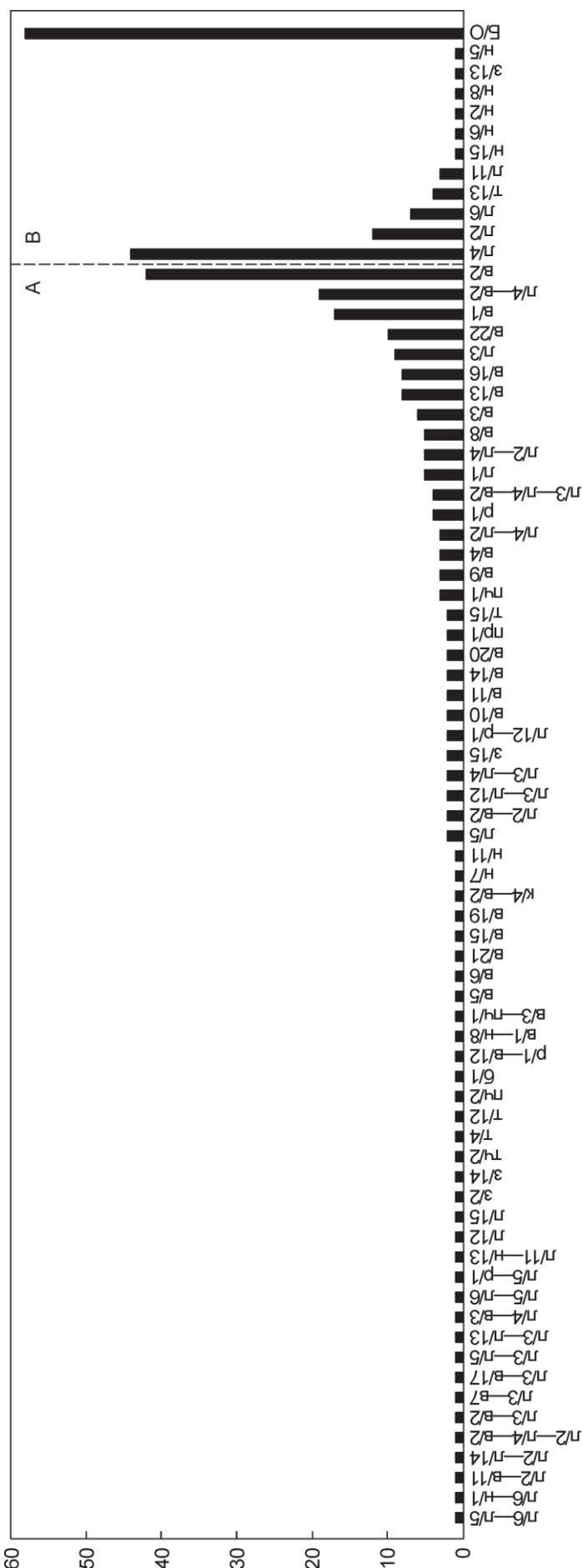
1 — локальные налепы и выступы; 2 — наклепные валики

(табл. К1). Из них 64 (85 %) встречаются только на них (табл. 23): валик в/2 — 56 %, далее, по убывающей, сочетания л/4 — в/2 — 25,3 %, простой валик-кольцо в/1 — 24 % и множественные в/22 — 13,3 %, линии л/3 — 12 %, валик в/16 — 10,7 %, в/13 — 9,3 %, в/3 — 8 %, сочетания л/2—л/4 — 6,7 %, валик в/8 — 6,7 %, линии л/1 — 6,7%, сочетания л/3—л/4—в/2 — 5,3 %, рассеянные отрезки р/1 — 5,3 %, сочетания л/4—л/2 — 4 %, валик в/4 — 4 %, в/9 — 4 %,

пучки пч/1 — 4 %. Другие элементы или сочетания представлены не более 2,6 %, например, треугольники т/15, паркет пр/1, валик в/10, в/11, в/14, парные валики в/20, зигзаг з/15, линии л/5, сочетания л/12—р/1, л/3—л/4, л/3—л/12, л/2—в/2 и т. д. Чаще в сочетании с другими выступают линии л/4, которые образуют один из самых высоких пиков на диаграмме (44 ед., табл. 23). Лишь 1 экз. с последним элементом оказался среди мисок.

Таблица 23. Элементы (в единицах) орнаментации горшков (представленность в других категориях: А — нет; В — да)

Table 23. Ornamentation elements (quantity) of pots

Миски (табл. К2). Для них характерны 12 орнаментов отдельных элементов орнаментов и их сочетаний. Половина встречаются только на них (табл. 24): каннелюры к/4 — 33,3 %, к/5 — 25 %, образцы с сочетаниями л/3—з/1, л/2—з/9, л/2—н/10 и треугольники т/16 единичны.

Кубки и кубковидные (табл. К3) — орнаментация их более разнообразна — всего характерно 47 отдельных элементов орнаментов и их сочетаний. Большинство (42) встречаются исключительно на сосудах этой категории (табл. 25). В орнаментации преобладают треугольники т/1, т/3, т/5 — т/9, т/11, т/14, т/17, т/18, т/21 — 28 %, линии л/8, л/9, л/10, л/16, л/17, л/20, л/21 — 16,7 %, окружности о/2, о/4, о/6, о/7 — 14,3 %, зигзаг з/4, з/5, з/7, з/11 — 9,5 %, точки тч/1, тч/3, тч/5, тч/6 — 9,5 %, налепы н/6, н/14, н/16 — 9,5 %, каннелюры к/1, к/3 — 7,1 %, пучки пч/3, пч/6 — 4,8 %. В единичных случаях представлен валик в/18, бордюры б/4, смежные ромбы с/1. Имеется лишь одно сочетание элементов к/2—в/3.

Чашы (табл. К4; 26) дают пять отдельных элементов орнаментов: л/19, з/8, н/1, н/2, из которых два встречаются только на них: л/19 и з/8.

Черпаки (табл. 26; К5) — на них имеем только налепы н/4.

Банки (табл. 26; К6) украшены скромно — линии л/2, налепы н/2 и н/1.

Редкие типы (табл. К7) — на них встречены только единичные налепы н/8 и треугольники т/2.

Анализ приведенных данных показывает, что есть серии элементов орнаментации и их сочетания, характерные для определенных категорий сосудов. Недавно к такому же выводу пришел С.-К. Айлинкэй, сопоставив мотивы орнаментов и способы нанесения их с сосудами той или иной категории культуры Бабадаг (Ailincăi, 2016: 331—335, Gr. 1—3).

Таблица 24. Элементы (в единицах) орнамента мисок (представленность в других категориях: А — нет; В — да)

Table 24. Ornamentation elements (quantity) of bowls

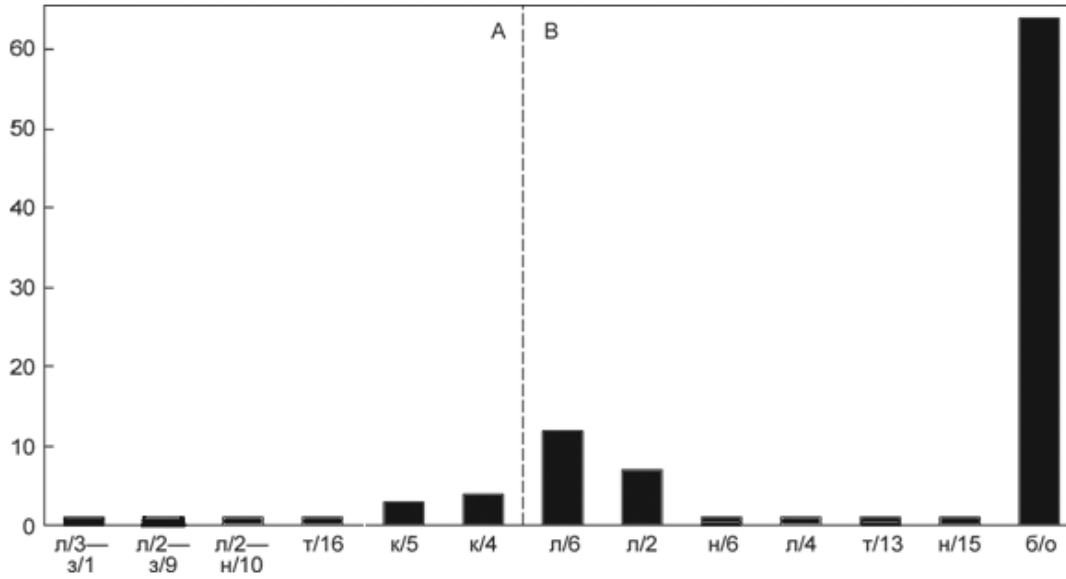

Таблица 25. Элементы (в единицах) орнамента кубков и кубковидных (представленность в других категориях: А — нет; В — да)

Table 25. Ornamentation elements (quantity) of beakers and beaker-shaped

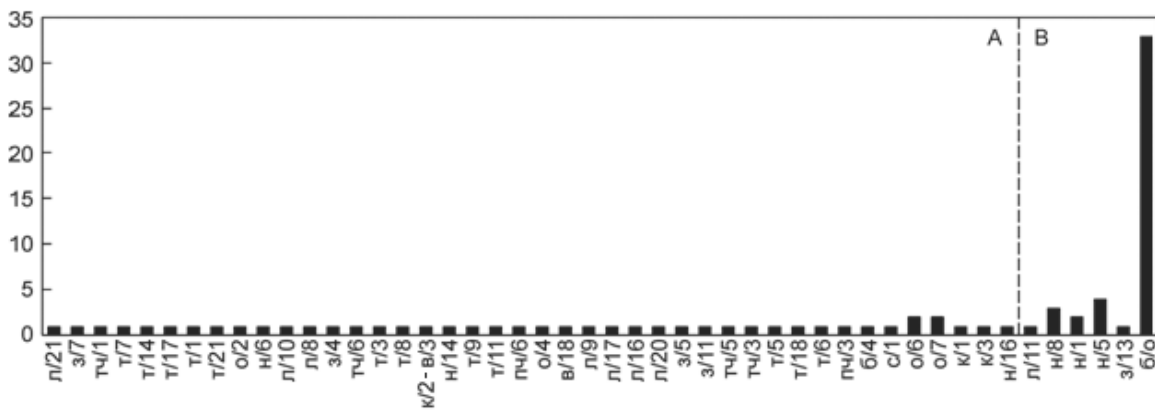

Таблица 26. Элементы (в единицах) орнамента чаш, банок, черпаков, редких типов (представленность в других категориях: А — нет; В — да)

Table 26. Ornamentation elements (quantity) of cups, scoops and rare types

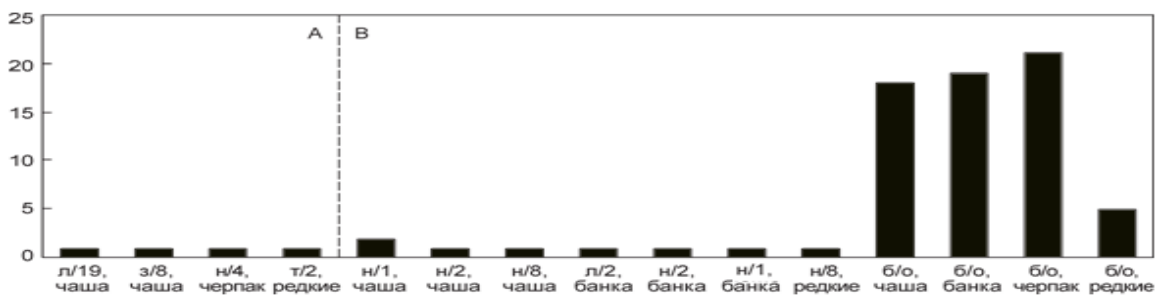

Таблица 27. Общие элементы (в единицах) орнаментации для некоторых категорий сосудов

Table 27. Common ornamentation elements (quantity) for some categories of vessels

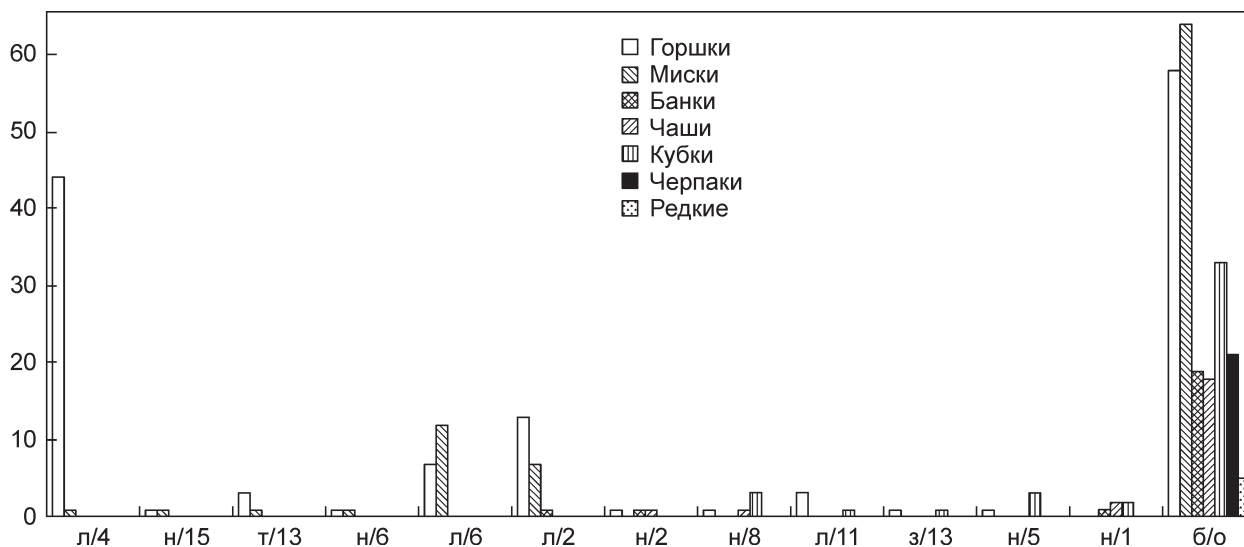

Таблица 28. Элементы (в единицах) орнаментации горшков с идентификацией по функциональным группам (А) и без такой идентификации (Б)

Table 28. Ornamentation elements (quantity) of pots with identification over functional groups (A) and without such identification (B)

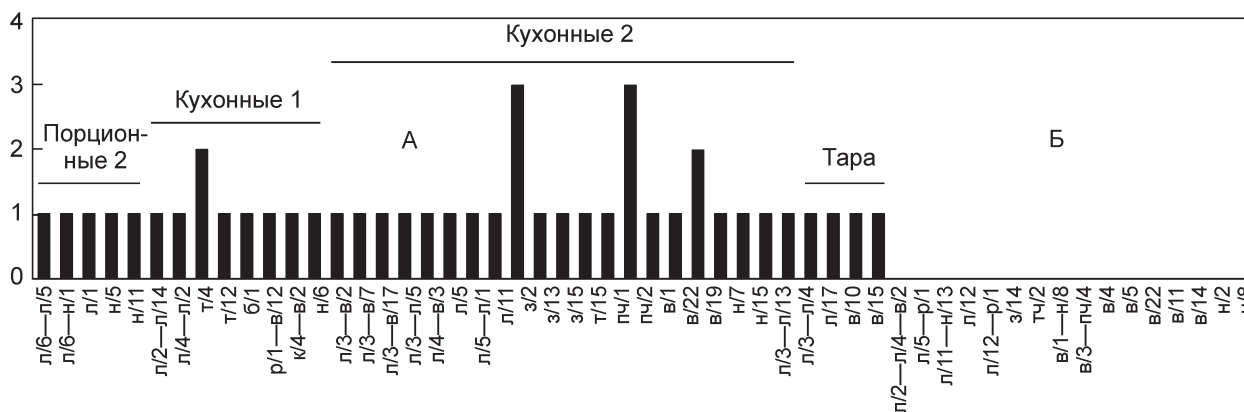
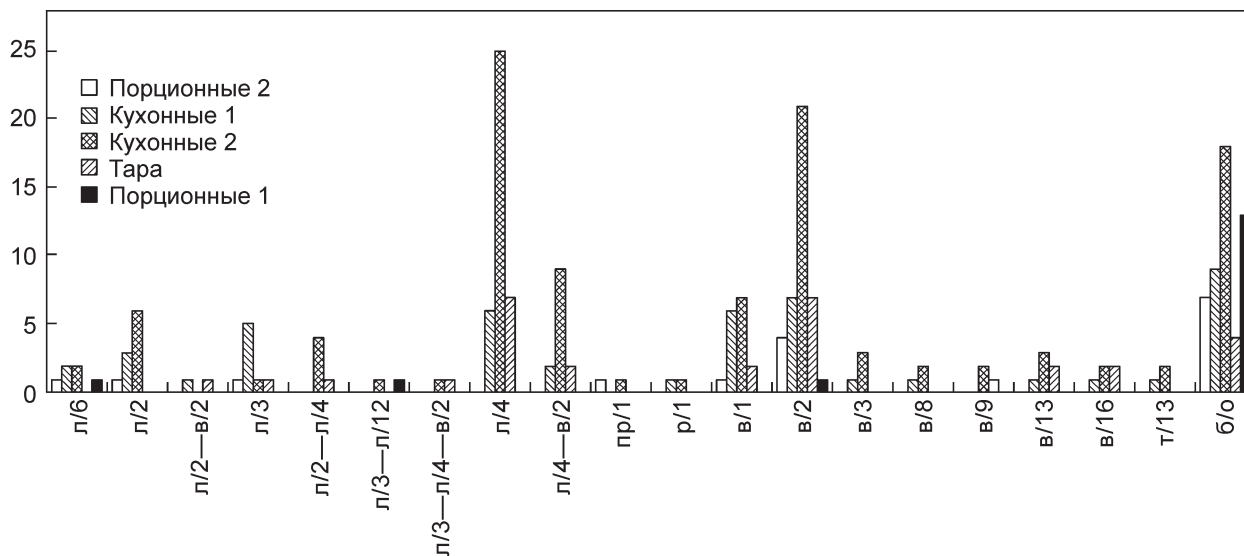

Таблица 29. Элементы (в единицах) орнаментации горшков с идентификацией в нескольких функциональных группах

Table 29. Ornamentation elements (quantity) of pots with identification in some functional groups

Некоторые элементы встречаются на нескольких, но не на всех категориях: л/4, л/6, н/6, н/15, т/13 – на горшках и мисках; л/2 – на горшках, мисках и банках; н/2 – на горшках, банках и чашах; н/8 – на горшках, чашах и кубках, л/11, з/13, н/5 – на горшках и кубках; н/1 – на банках, чашах и кубках (табл. 27).

Хотя в каждой категории есть много сосудов без орнамента, это не нарушает выявленную связь по линии орнамент – категория.

Интересные результаты дает сопоставление элементов орнаментации не только с категориями, но и с функциональными группами сосудов.

На горшках имеем орнаменты (табл. 28), характерные только для порционных 2, как отдельные, так и в виде сочетаний: л/6–л/5, л/6–н/1, л/1, н/5, н/11; только для кухонных 1: л/2–в/11, л/2–л/14, л/4–л/2, т/4, т/12, б/1, р/1–в/12, к/4–в/2, н/6; только для кухонных 2: л/3–в/2, л/3–в/7, л/3–в/17, л/3–л/5, л/4–в/3, л/5, л/5–л/6, л/7, з/2, з/13, з/15, т/15, пч/1, пч/2, в/7, в/20, в/19, н/7, н/15, л/3–л/13; только для тарных л/3–л/4, л/15, в/10,

в/15. Но есть элементы, представленные в нескольких функциональных группах (табл. 29).

На мисках есть элементы (табл. 30), характерные только для кухонных 1: л/2–з/9, т/16, н/15 и для кухонных 2: л/3–з/1, т/13. Одновременно в нескольких функциональных группах, среди кухонных 1 и кухонных 2 представлены каннелюры к/4, к/5 и линии л/6 и л/2.

Для кубков (табл. 31) имеются три большие серии элементов, которые распределяются по группам порционные 1: л/11, л/15, з/7, тч/1, т/7, т/14, т/13, т/2, т/21, о/2, н/3; кухонные 2: л/10, л/8, з/4, тч/6, т/3, т/8, к/2, н/14; тарные: т/9, т/11, пч/6, о/4, в/18. В нескольких функциональных группах (табл. 32) присутствуют налесты н/8 (в порционных 2, кухонных 2 и кухонных 1), н/1 (в порционных 2 и кухонных 1), н/5 (в порционных 2 и кухонных 2).

На чашах (табл. 33) с отдельными функциональными группами связаны налесты н/1 и н/2, зигзаг з/8, на банках (табл. 33) – линии л/2.

Таблица 30. Элементы (в единицах) орнаментации мисок с идентификацией по функциональным группам (А), с идентификацией в нескольких функциональных группах (Б) и без такой идентификации (В)

Table 30. Ornamentation elements (quantity) of bowls with identification over functional groups (A), with identification in some functional groups (B) and without such identification (B)

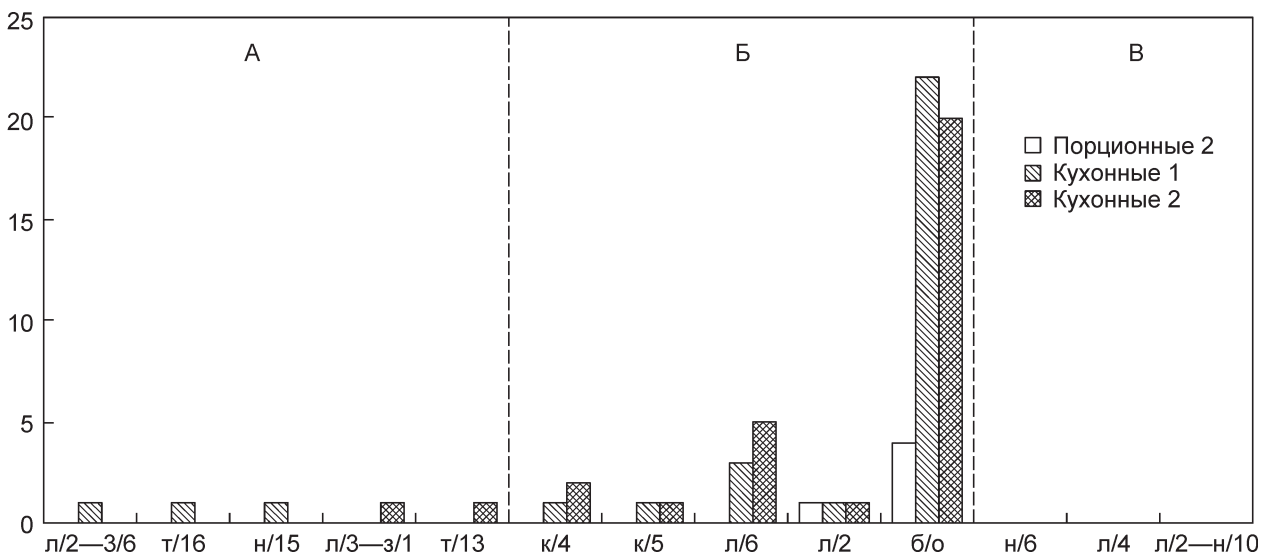

Таблица 31. Элементы орнаментации кубков и кубковидных с идентификацией по функциональным группам

Table 31. Ornamentation elements of beakers and beaker-shaped with identification over functional groups

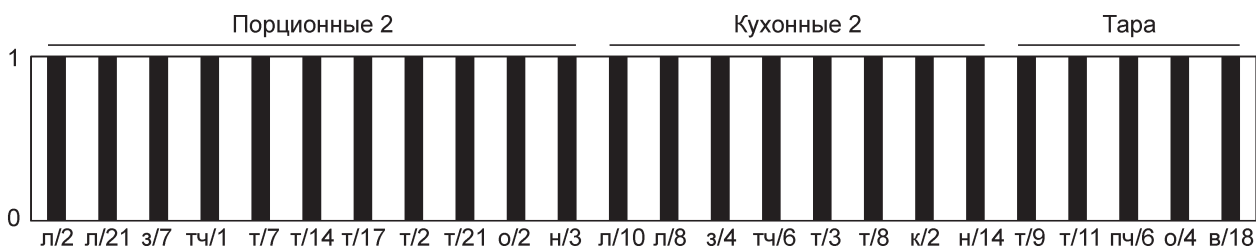

Таблица 32. Элементы (в единицах) орнаментации кубков и кубковидных с идентификацией по функциональным группам (А) и без такой идентификации (Б)

Table 32. Ornamentation elements (quantity) of beakers and beaker-shaped with identification over functional groups (A) and without such identification (B)

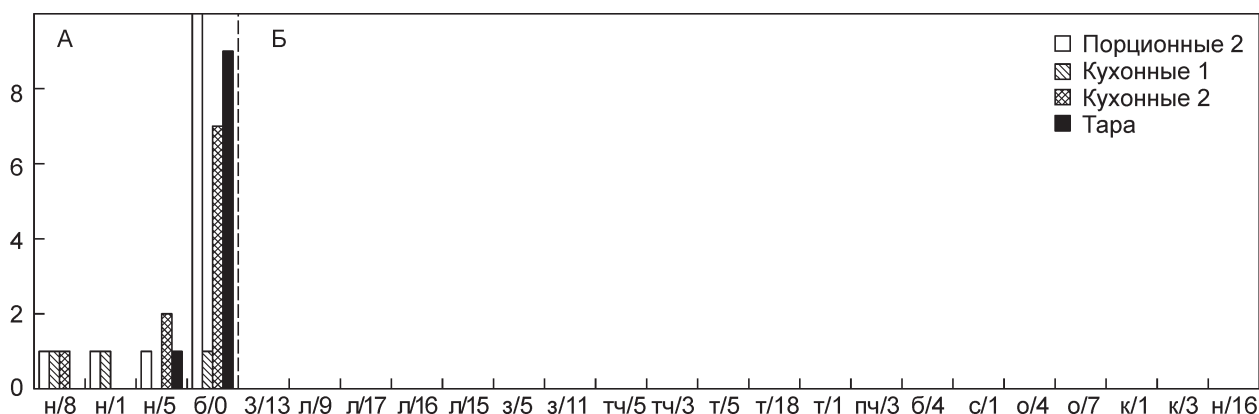
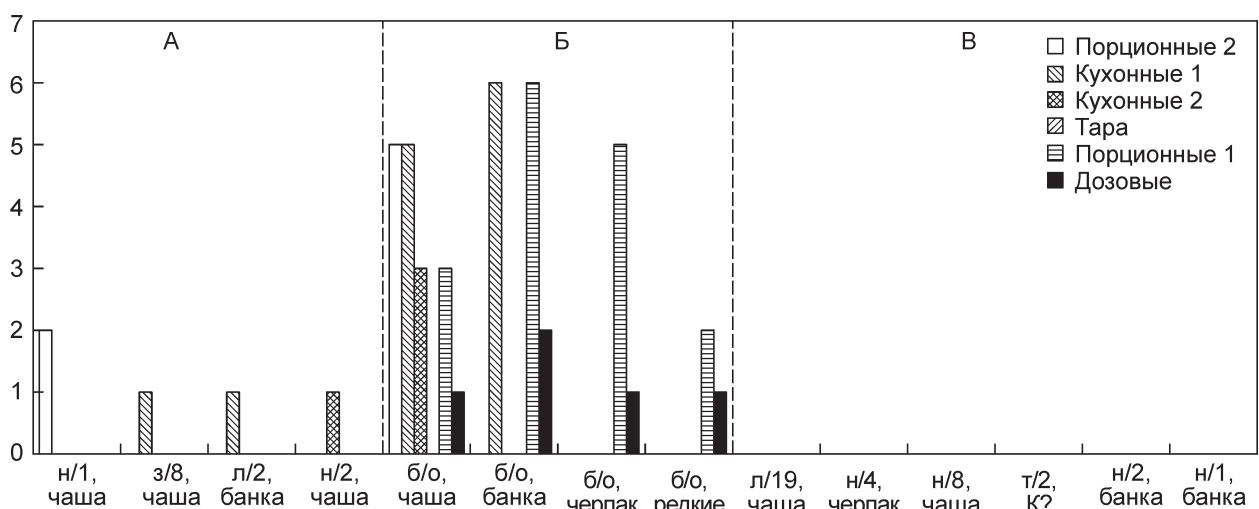

Таблица 33. Элементы (в единицах) орнаментации чаш, банок, черпаков и редких типов с идентификацией по функциональным группам (А), с идентификацией в нескольких функциональных группах (Б) и без такой идентификации (В)

Table 33. Ornamentation elements (quantity) of cups, jars, scoops and rare types of vessels over functional groups (A), without in some functional groups (Б) and without such identification (B)

Конечно, такие закономерности требуют дополнительной проверки на коллекциях из других памятников, причем не только рассматриваемого здесь периода и территории. А пока остановимся на одном показательном примере.

В Нижнем Подонье в могильнике Анапский I (курган № 2, погр. 3) найден сосуд, который, по Э.С. Шарафутдиновой, отличаясь от белозерских, подобен киммерийским (Шарафутдинова Э., 1991: 187, 190, 191, рис. 3, 4, 5). В.А. Подобед с соавторами считают его по форме кобяковским, а по орнаменту видят сходство и с кобяковскими, и бондарихинскими, и белогрудовскими сосудами (Подобед и др., 2012: 207). По целому ряду признаков этот сосуд не просто близок, но фактически идентичен

кубку из верхней части заполнения котлована жилища № 4 (рис. А24, 2; В77, 12). Его пропорции определяет соотношение линейных параметров: Дб : Н – 0,9101 (широкие), Дв : Дб – 0,6790 (стянутые), Нш : Н – 0,2247 (высокие), Нб : Н – 0,6461 (очень низкие), Дд : Дб – 0,5247 (средние или широкие I–II¹). Набор таких пропорций наиболее совпадает с типом кубков К/2 (рис. 8). Основным орнамент здесь представлен удлинёнными заштрихованными треугольниками вершиной вниз – т/3 (рис. 16, 1), т. е. элементом, который на суботовской посуде встречается исключительно на кубках (табл. 25) и толь-

1. Кубки Суботовского городища по этому соотношению разделяются на две группы. По Дд : Дб рассматриваемый сосуд попадает в промежуток между ними (табл. 16).

ко в функциональной группе кухонные 2 (табл. 31). Объем рабочей емкости сосуда из Анапского составляет 1,7320 л, т. е. он относится к этой же функциональной группе (табл. 20).

Приведенный пример еще раз демонстрирует связь функциональных групп и некоторых элементов орнамента. Эта связь отражает стремление древних керамистов тем или иным знаком или их сочетаниями выделять определенные сосуды из массы остальных. И это может иметь отношение к глиняной посуде всего долгого периода, предшествующего зарождению так называемой «функционально-деловой графики» (Золотухин, 2007: 92–100), нашедшей широкое распространение в Северном Причерноморье позже, начиная с древнегреческой колонизации.

Полученные результаты достаточно отчетливо указывают на перспективность дальнейшего изучения прикладного назначения орнаментов эпохи бронзы, наряду, конечно, с изучением хронологии, религиозно-мифологических представлений или, чем в последнее время плодотворно занимается В.В. Цимиданов, связей орнаментов с социальной дифференциацией населения культур эпохи поздней бронзы (Цимиданов, 2010: 120). Самой большой проблемой остается унификация названий мотивов, элементов орнамента и их композиций, без чего крайне сложно сопоставлять результаты, полученные разными исследователями.

Культурно-хронологические характеристики глиняной бытовой посуды будут рассмотрены в заключительных главах.

IV.2. ПОСУДА ГЛИНЯНАЯ СПЕЦИАЛЬНОГО БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ

Сковороды – изделия, внешне похожие на жаровни или переносные очаги, но отличающиеся от них отсутствием обильной растительной примеси в составе теста и меньшими размерами (рис. F16). Имеются образцы, как бы разрезанные поперек, т. е. из двух половинок (рис. F16, 4). Для эпохи поздней бронзы они представлены сериями находок на постсабастиновских и постсрубных памятниках (Шарафутдинова И., 1982: 96; Черняков, 1985: 76), но, как видим, сохраняются в переходный период. Обращает внимание относительно малое количество

таких находок, указывающих на то, что в быту их использовали намного реже обычной глиняной посуды.

В Древнем Египте подобные сковороды служили формами для выпечки плоского хлеба (Falting, 1998: Abb. 6a; 6b). На Ближнем Востоке в них выпекали лепешки (аси-зу), которые символизировали чистоту, их ели в честь божества по торжественным случаям, они также предназначались для жертвоприношений (Toussaint-Samat, 1992: 223). «Разрезанные», т. е. составные формы, позволяли легко отделять горячий хлеб (лепешку) от сковороды и разделять на равные части. С такой задачей сталкивались во все времена многие народы мира. Например, в Древнем Риме выпекали хлеба типа *panis quadratus*, буханки, разделенные на части крестообразными насечками для более удобного разламывания.

Воронки. На Большом Городке их найдено три в культурном слое раскопов I–II и IX, две из них разбиты (рис. F15, 1, 2), одна (рис. F15, 3) имеет следы воздействия огня. Как и подобные современные изделия их использовали для фильтрования и разлива жидкости. Максимальный диаметр сверху составляет 13–14 см, снизу – 3–4 см. Это предполагает их использование с горшками групп E3-3, E3-4, E3-5 (порционные 2 и 3; табл. 21, 1), мисками группы D-4 (порционные 1; табл. 21, 2), кубками групп D-1, D-2, D-3 (кухонными 1 и порционными 2; табл. 21, 3), чашами групп G, F, D-E, B-C (дозовыми, порционными 1 и 2, кухонными 1; табл. 21, 4), банками групп B, C, D, E (дозовыми и порционными 1; табл. 21, 5), черпаками (табл. 21, 6).

Внешне воронки напоминают согла, найденные на Чернолесском и Тясминском городищах (Тереножкин, 1961: 109, рис. 74, 75), но отличаются от них большими размерами.

Группу изделий технического назначения представляют тигли, льячки и изложницы.

Тигли и льячки представлены несколькими типами.

1. С выступами для вставного держака или с ручками: одна в виде лодочки (рис. F1, 1), другая – близкой к конусовидной формы с небольшим боковым выступом-захватом (рис. F1, 2).

Судя по объему емкостей, которые оказались очень близкими (соответственно 0,0304 и 0,0297 л), массы расплавленного металла в тиглях было недостаточно для отливки крупных массивных изделий типа

кельтов, больших браслетов и т. п. Скорее всего, их использовали для отливки бляшек, булавок, лунниц, небольших ножей.

Лодочковидные льячки встречены на Чернолесском и Московском городищах (Тереножкин, 1961: рис. 76, 6, 7). В культуре Козия–Сахарна их называют светильниками (Кашуба, 2000: 319, рис. XXV, 30, 31).

Тигли с ручкой нередко встречаются на бондарихинских и белозерских поселениях (Ромашко, 2013: 93), на памятниках культуры Гава-Голиграды и Кишинэу–Корлэтеня (Кашуба, 2000: 319), в восточном варианте кобанской культуры (Козенкова, 1982: табл. VIII, 1–12).

2. Без выступов банковидные (рис. F3, 1, 3) и мисковидные (рис. F3, 2, 4 (?), 5, 6), объемом от 0,0130 до 0,2870 л. Интересны и вряд ли случайны очень близкие показатели минимальных объемов образцов разных видов (0,0150 и 0,0130 л, 0,0292–0,0304 и 0,0297 л). Меньшие образцы предназначались для отливки украшений, объема

наибольших (0,2870 л) было вполне достаточно для изготовления одного большого или пары малых пластинчатых браслетов (рис. F3, 6).

Тигли банковидной формы с округленным дном найдены на Лубенецком городище (Тереножкин, 1961: рис. 76, 1), в культуре Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: рис. XXV, 3), мисковидные – в бассейне Северского Донца (Ромашко, 2013: рис. 44, 9, 11) и на бондарихинских поселениях (Ильинская, 1961: рис. 6, 17). Возможно, тиглями являются некоторые из миниатюрных сосудов культуры Кишинэу–Корлэтеня (см.: Levițki, 1994: Fig. 45, 2, 3, 6, 8; Rența, 2008: Fig. 95, 2, 3).

Изложницы – формы для получения слитков двух типов.

1. Продолговатой формы для отливки толстого подтреугольного в сечении прута (рис. F1, 3).

2. Вероятно, близкой к прямоугольной формы для отливки сегментовидного в сечении слитка (рис. F1, 4).

МАТЕРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, КОСТИ, РОГА И КАМНЯ, ПЛАСТИКА И МЕЛКИЕ ПРЕДМЕТЫ

V.1. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Найденные на городище металлические изделия образуют яркую и в некотором отношении уникальную серию. Они происходят из разных частей культурного слоя и домохозяйств как в виде отдельных находок, так и комплексов-кладов. Наряду с готовыми изделиями встречены и негативы на разбитых литейных формах, что однозначно указывает на их местное производство.

Анализ этих изделий проведен в рамках двух основных категорий: вооружение и предметы труда, украшения и детали одежды. Такое подразделение достаточно условно. Например, бляшки-лунницы могут быть и деталью одежды, и украшениями, а некоторые исследователи допускают, что они относятся к конской сбруе (Махортых, 2005: 66, 67). На практике не исключены все перечисленные варианты, так как они в одних случаях могли использоваться в системе распределения и крепления ремней конской узды, в других – в ремнях или иных деталях одежды.

V.1.1. ВООРУЖЕНИЕ И ОРУДИЯ ТРУДА

Кельты представлены готовыми образцами, а также на негативах литейных форм. Рассмотрим их детально.

1. На фрагменте каменной (тальковый сланец) двусоставной литейной формы ос-

татки негатива кельта с двумя валиками в верхней части втулки (рис. F4. 5). У нижнего валика – рельефный орнамент в виде вписанных друг в друга небольших дуг, ниже – арковидная нервюра, подчеркивающая начало фаски. В верхней части кельт овальный в сечении, возле фаски шестигранный. Значительная часть негатива не сохранилась. Скорее всего, кельт безушковый. А.Н. Усачук не исключает вторичного использования остатков формы в качестве лощила (Приложение 2).

В.А. Дергачев (1997: 21) безушковые кельты с орнаментированными арковидными фасками относил к нижнедунайскому типу Вырбица, в последующем – к варианту D типа Вырбица А, особенностью которых является отсутствие пещерок на фасках (Он же, 2011: 81–82, рис. 42, D, 8–11, табл. 11, 7, 8, 12; 14, 45). Допускается, что они бытовали «преимущественно» в период НаА2–НВ (Дергачев, 1997: 21), а мастерские, обеспечивающие внутреннее потребление, локализованы в основном в ареале раннегальштатских памятников с прочерченной и штампованной орнаментацией Северной Болгарии (Там же: 21–22; 2011: 90). Орнамент в виде горизонтально расположенных дуг встречен под втулкой кельтов типа Вырбица А только на образце варианта F (2011: табл. 13, 40). Близкие знаки в сочетании с косыми отрезками есть на двуушковом кельте из Лобойковского клада (Leskov, 1981: Taf. 2, 5). Северопричерноморские одноушковые и безушковые кельты с арочными фасками

белозерского времени таких орнаментов не имеют (Черных, 1976: табл. VI, 1–9).

2. На фрагменте разбитой глиняной литейной формы (двусоставной?) – верхняя часть негатива кельта с массивным валиком по верхнему краю втулки, переходящего в ушко (рис. F4, 6). Вертикальный узкий литник расположен у края втулки возле ушка. Судя по сохранившимся деталям, кельт одноушковый, так как для размещения второго ушка на отбитой плоскости формы места явно недостаточно. Под массивным валиком, примерно посередине ушка, – пара тонких горизонтальных валиков. В сохранившейся части кельт овальный в сечении. Отсутствие большей части негатива затрудняет точную его идентификацию, но массивность формы позволяет предполагать общую удлиненность и зауженность пропорций.

Сопоставление с двуушковыми овальными в сечении кельтами лобойковского или кабаковского типа (Voškarev und Leskov, 1980: Taf. 1, 10, 11; 2, 1,2), или K-54, по Е.Н. Черных (Черных, 1976: 84), было бы ошибочным, так как последние лишены орнаментов из горизонтальных валиков (Черных, 1976: табл. VIII, 1–3). В то же время один литниковый канал, наличие горизонтальных тонких валиков, овальное сечение в верхней части, массивные валики по краю втулки характерны для одноушковых кельтов типа Цельна Центральной Трансильвании в ареале культуры Гава-Голиграды–Грэничешть периодов NaA2–NaB1 при наиболее массовом производстве в периоды NaB1–NaB3 (Дергачев, 2010: 111–112, табл. 18, 10, 11 и др.).

3. Готовый бронзовый кельт из клада № 4 (рис. E8, 3) имеет массивный ободок на втулке, одноушковый. Хотя на боковых плоскостях есть небольшие дополнительные грани, кельт шестигранный в сечении, общие пропорции сильно заужены и удлинены. Ушко после отливки оказалось не цельным, но все равно достаточно прочным для использования (привязывания к рукояти). Под ободком серия тонких горизонтальных каннелюр, по фаске – две полосы в виде вертикальной елочки.

Такие «кельты чернолесского типа», по А.И. Тереножкину, или K-14, по Е.Н. Черных, – позднейший тип кельтов в Северном Причерноморье (Клочко В., 2006: 277). Они известны в Среднем Поднепровье, западнее – в Потясминье и на Среднем Днестре, спорадически встречаются в лесостепном

Днепровском Правобережье (Тереножкин, 1961: 126–130; Черных, 1976: 74, рис. 31). Фрагмент глиняной литейной формы для изготовления таких кельтов найден на поселении Подгорцы под Киевом (Тереножкин, 1961: рис. 78, 2) ¹.

Относительно связи таких кельтов с чернолесской культурой стало понятно сразу после раскопок на Суботовском городище, но вопрос об их происхождении даже сейчас вряд ли решен окончательно. Т. Сулимирский выводил их из лужицких, объединял в единый «лужицко-украинский тип», считая одним из доказательств лужицкой экспансии на восток. Лужицкий источник предполагает и Л.И. Крушельницкая (1976: 44, прим.). Между тем, еще А.И. Тереножкин (1957: 14–16; 1961: 126–130), увидев явные несовпадения морфологических признаков и отличия в орнаментации, пришел к выводу, что такие кельты образуют «локальный тип Днепровского Правобережья» и отсюда распространились на запад. Он же отмечал, что, кроме лужицкого металла, никаких иных признаков «лужицкой экспансии» на территории нынешней Украины нет (Тереножкин, 1953: 151). Недавно В.И. Клочко, переименовав такие кельты в боевые топоры, провел границу лужицкого влияния до Днепровского Левобережья (Клочко В., 1992: рис. 6; 2006: 277–278), хотя речь может идти не о лужицких, а о раннегалльских, среднедунайских, влияниях, которые одновременно достигли и Среднего Поднепровья, и Центральной Европы (Бандрівський та ін., 1993: 150; Махортых, 2003: 31).

Применительно к рассматриваемому типу следует обратить внимание на морфологическое сходство с кельтами типа Дебрецен (Дергачев, 1997: рис. 9, 2, 3 и др.), позднейшие варианты которых связывают с культурой Гава-Голиграды, реже – Кишинэу–Корлэтенъ. При достаточно длительной эволюции типа Дебрецен (Дергачев, 1997: 38–40), кельты «чернолесского типа», для которых нет местных прототипов, можно рассматривать именно как своеобразную местную модификацию среднедунайских.

Производство таких кельтов на Суботовском городище подтверждается находками глиняных вкладышей-сердечников в литейные формы (рис. F2, 1–4), размеры которых полностью совпадают с размерами их

1. Е.Н. Черных ошибочно указал место находки – Чернолесское городище (1976: 74).

втулок. Все вкладыши фрагментированы, вероятно, были разбиты при выемке готовых изделий из глиняной литейной формы. Без разбивания выемка втулок из отлитых изделий невозможна (Саврасов, 1996: 150). Незначительное количество вкладышей подтверждает преимущественную ориентацию обитателей городища на производство не орудий труда (как правило, втульчатых), а украшений.

Топор-тесло. Плоский железный топор-тесло («топор с крылышками») с прямоугольным в сечении лезвием имеет явные следы проковки. Местных прототипов и аналогий не имеет (рис. Е8, 2).

В Средней и Южной Трансильвании несколько таких топоров найдены на многослойном укрепленном поселении (городище) Телеак культуры Гава – горизонт Телеак II (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 17, 13–16) и в кладе Вайдей гальштатской серии Винчу де Жос (Petrescu-Dîmbovița, 1977: 164, Pl. 393, 5); в Молдове – в кладе Бырлад культуры Козия–Сахарна (László, 1994: Fig. 77, 3, 4; Кашуба, 2000: 329, рис. XXXIX, 15), в Добрудже – на поселениях Бабадаг (Jugănaru, 2005: Fig. 44, 6) и Телица (Ailincăi, 2013: 42, Fig. 27, 22). Они также входят в число изделий культуры Инсула Банулуй, для которых устанавливаются эгейские параллели (афинская Агора и Керамейкос), позволяющие датировать их временем от конца X до VIII в. до н. э. (Hänsel, 1976: 156–162, Tabl. 67, 9). К суботовской находке наиболее близкими считаются топоры из Инсула Банулуй и Бырлад (László, 1975: 29, 38), которые А. Вессе датировал концом X в. до н. э. (Wesse, 1990: 166–169, Abb. 55, Taf. 23).

Бронзовые так наз. топоры с крылышками представлены в восточном и западном варианте кобанской культуры, где их отливали в односторонних или двухстворчатых формах (Козенкова, 1982: 7; 1998, 12, 13, табл. II, 4, 5), а также в Волго-Камье, где А.Х. Халиков описал их как стамески или долота «с боковыми приливами-цапфами» (1980: 47, табл. 50, 8).

Этот тип орудий (или оружия?) развивался на протяжении всего II тыс. до н. э. в малоазийской среде (Erkanal, 1977: Taf. 19, 28) и, вероятно, оттуда проник в Юго-Восточную и Центральную Европу и только потом на восток, вплоть до Южного Зауралья (Сальников, 1951: рис. 14, 7). Не случайно А.И. Мелюкова связывала их происхождение (как и широких бронзовых браслетов) с «фракийскими памятниками» (1979: 84).

Проникновение на восток подобных и иных железных предметов из ареала культуры Козия–Сахарна М.Т. Кашуба рассматривает как демонстрацию «не технологического новшества, а преимущества широкого применения в быту железных предметов» (Кашуба, 2000: 331). Этот тип топоров в несколько видоизмененном виде доживает в Правобережной и Левобережной Украинской лесостепи до раннескифского времени и вместе с мечом из клада № 1 представляет собой древнейшие массивные железные предметы в Среднем Поднепровье.

Меч биметаллический с узким длинным стальным ромбовидным в сечении клинком и бронзовой рукояткой с грибовидной головкой-навершием и горизонтальной длинной гардой. Общая длина меча 58,0 см, длина клинка 45,4 см. Рукоять полая, внутри на всю ее длину вставлен узкий длинный прямоугольный в сечении черешок клинка (рис. Е2, 1, 1а). На рукояти спиральные выступы, в промежутках которых, вероятно, была веревочная или кожаная обмотка, обеспечивающая захват и амортизацию при ударе. Н.Л. Членова считала спиральные выступы на этом мече и некоторых карасукских кинжалах имитацией обмотки (Членова, 1973: 193, 194).

По заключению Б.А. Шрамко и его соавторов, клинок изготовлен методом кузнечной сварки двух полос науглероженного кричного железа низкого качества, бронзовая рукоять прилита на железный черешок без дополнительной обжимки (Шрамко, Фомин и Солнцев, 1977: 60, рис. 2, 1; 4, 3; 5).

Меч входит в категорию «биметаллические мечи и кинжалы с крестовидной рукоятью» (БМК КР)¹, составляющую одну из характерных серий изделий предскифского периода от Центральной Европы и Карпато-Подунавья до Волго-Камья. Среди наиболее близких по общей форме и типу рукояти – мечи из Среднего Поднепровья (из собрания НМИУ и Головятино), Северо-Западного Причерноморья (Суворово), мебельной фабрики в Кисловодске, Николаевского могильника в Адыгее, Сержень-Юртовского могильника, могильника Клинь-яр III в запад-

1. Имеются и другие их обозначения: кабардино-пятигорский тип, северокавказский, киммерийский (Махортых, 2003: 41) – все они представляются менее удачными, так как в основу положены не морфологические или конструктивные особенности, а территориальные или, как в случае с киммерийскими, исторические признаки, сами по себе требующие уточнения.

ном ареале кобанской культуры, Демкино и Билярска в Волго-Камье, в Центральной Европе – из Сзоны, Панада, Лейбниц, Штильфильда. В таких изделиях А.И. Тереножкин видел карасукскую подоснову (1976: 106, рис. 71, 1; 75, 3, 4, 6, 8, 9, 11). Появление их в Центральной Европе С.В. Махортых, вслед за Я. Хохоровским (Chochorowski, 1993: 118), считает свидетельством восточных, северопричерноморских, влияний – именно влияний, а не импорта, так как имеются свидетельства их производства там из местной бронзы (Махортых, 2003: 42, 43, рис. 25, 1, 3, 6, 10). Суботовский меч С.Б. Вальчак отнес к I отделу мечей с округлой в сечении рукоятью, но не считает их хронологически информативными (2008: 15).

Изображения таких мечей вместе с весловидным окончанием ножен или без таковых помещены на стелах¹ (т. н. оленних камнях), для которых предполагается черногоровская принадлежность (Ковалев, 2000: рис. 1, 2а; 5, 2: 87). В.Г. Котович считал, что мечи этого типа и новочеркасские с изогнутой гардой относятся к двум параллельным линиям развития, восходящим к различным прототипам, влиявшим друг на друга (1982: 33–46). Сосредоточение находок именно в лесостепном Правобережном Поднепровье В.И. Клочко связал «с рейдами кочевников-черногоровцев на земли «чернолессцев» (2006: 275). Не думаю, что причины попадания их сюда исчерпываются «рейдами», но соотношение с черногоровским горизонтом вполне очевидно.

Бронзовый литой наконечник ножен с весловидным гребнем (рис. E2, 2). По краям валикообразных утолщений на гребне украшен чеканным орнаментом, во втулке есть сквозное отверстие для крепления к окончанию деревянных ножен.

В лесостепном Правобережном Поднепровье известна еще одна подобная находка из с. Гулы Мироновского р-на Киевской обл. (Тереножкин, 1976: 123, рис. 37, 5). Такой тип ножен распространен примерно в том же территориальном диапазоне, что и указанные мечи (БМК КР), и считается более ранним по сравнению с ажурными (Махортых, 2003: 42).

Втульчатые долота зафиксированы только на обломках глиняных литейных форм (рис. F4, 1–4). На наиболее диагнос-

тичных из них долото шестигранное в сечении, с тремя горизонтальными валиками на втулке и тремя вертикальными валиками на лезвии (рис. F4, 2, 2а).

Каменная литейная форма для таких изделий (с одним валиком на втулке) известна из Завадовской литейной мастерской вместе с желобчатыми долотами (Гершкович и Клочко, 1987: 103, 111, рис. 1, а, в, д, ж; 2, в, с). Среди других изделий, отливавшихся в завадовских формах, – наконечник копья с пламевидным профилированным прорезным пером, черешковые кинжалы с параллельными лезвиями, одно- и двухушковые шестигранные в сечении кельты, булавка с кольцевой головкой, колоколовидная подвеска и другие изделия с аналогиями или прототипами в Трансильвании и в Северном Причерноморье. Датировка Завадовского комплекса периодом BD–HaA1 (Там же: 111), конечно, несколько удревнена², но западное направление связей не вызывает сомнений, равно как и в целом отнесение к раннегалльштатскому периоду, а в Северном Причерноморье – к белозерской культуре. Литое бронзовое долотце входило в состав клада из Неделиски Львовской обл. (Крушельницка, 1985: 81, рис. 25, 1–8, 10–27), найденном вместе с бронзовой чашей типа Kirkenegrup и котлом типа B1, по Т. Сорочану, периодов HaB1–HaB2 (Sorocanu, 2008: 56, Taf. 4–6; 75A; 75B).

Железные ножи (рис. E11, 7–10; A31, 2) черешковые, однолезвийные, некоторые с горбатой спинкой (рис. E11, 9, 10). На одном экземпляре широкий черешок слабо выражен (рис. E11, 8), на другом – у перехода в черешок намечен уступ (рис. E11, 9).

Такие же ножи встречены в верхнем горизонте поселения Таранцево на р. Мжа в бассейне Северского Донца (Берестнев, 1980; 1994: рис. 8, 26). Сравнительно небольшая, но выразительная серия находок происходит из черногоровских погребений (Дубовская, 1993: 142, 143), в которых они, как и в погребении под валом Малого Городка, располагались в основном у пояса погребенного (Бокий, Горбул и Отрощенко, 1991: 176; Махортых, 2005: 64–65). С.В. Махортых заметил, что невозможно соотносить бронзовые однолезвийные ножи только с

1. Мечи с крестовидной рукоятью, изображенные на зубовской и кызбурунской стелах, по своим размерам близки суботовскому (Бруяко, 2005: 102).

2. В 1987 г. при анализе завадовских форм я вместе с В.И. Клочко слишком увлекся западными прототипами. В основном они были приведены верно, но их даты в пределах периода BD не следовало механически переносить на северопричерноморские материалы.

черногорскими комплексами, а железные – с новочеркасскими, как предполагал А.И. Тереножкин.

Железные однолезвийные ножи представлены в культуре Козия–Сахарна (Кашуба и Гольцева, 1991: 200, рис. 2, 8; 3, 3; 4, 3; Кашуба, 2000: 330, рис. XXX, 16–20), Бабадаг (Jugăpaṅu, 2005: Fig. 43, 3, 6), в культурах висоцкой и бондарихинской (Ильинская, 1961: рис. 6, 3; Крушельницка, 1985: рис. 26, 16), на постсрубных памятниках (Берестнев, 1994: 122, рис. 8, 26), в Южном Зауралье – на постандроновских, саргаринских (Костюков и Ражев, 2004: 140, рис. 5, 1). Очевидна их морфологическая связь с бронзовыми однолезвийными ножами, появившихся в Северном Причерноморье в постсабаминоское время в качестве карпато-дунайских заимствований и / или импортов.

Невдалеке от Суботова железные ножи найдены на Адамовском и Калантаевском городищах, некоторые из них черешковые (Тереножкин, 1961: 151–153, рис. 99). На эти находки обратил внимание В.А. Ромашко в поисках соответствий железному ножу из погребения у с. Лычково Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. (1979: 105–106). Учитывая мнение А.И. Тереножкина, что такие ножи происходят из могил с вытянутым положением погребенного (новочеркасских), В.А. Ромашко отнес к этому периоду комплекс из Лычково, допуская значительное, вплоть до белозерского времени, удревнение подобных погребений (1979: 107).

Железные ножи с широким черешком (рис. E11, 8) и уступом у черешка (рис. E11, 9) по форме близки бронзовым раннеананьинским Волго-Камья и северокавказским, датируемым X–IX вв. до н. э. по совместным находкам с копьями трансильванских типов (Коренюк, 2009: 268, рис. 1, 23).

Бронзовый нож с параллельными лезвиями, ромбовидный в сечении, обломан (рис. E11, 6).

В.А. Ромашко выделил четыре типа ножей с параллельными лезвиями, из которых три (типы 8–10) ромбовидные в сечении, с ребрами на лезвии (2013: 99, 100). В нашем случае определить тип невозможно. При первоначальном отсутствии черешка экземпляр должен быть отнесен к разряду Н-16, по Е.Н. Черных (Черных, 1976: 115, 116), основной ареал находок которых – Нижнее Поднепровье. На западе они распространены до Поднестровья в зоне культуры Гава-Голиграды, на востоке и северо-востоке – в зоне бондарихинской культуры (Ильинская,

1961: рис. 6, 2) и постсрубных образований бассейна Северского Донца (Берестнев, 1994: 134, рис. 8, 23). В Среднем Поднепровье нож с треугольным в сечении лезвием найден на поселении Самовица-Остров наряду с яркой керамикой переходного периода, а также на Замчище, недалеко от Суботовского городища (Куштан, 2013: рис. 38, 14; 41, 20).

Бронзовые (рис. E11, 1, 3–5) **и железные** (рис. E11, 2) **шилья и иглы** относительно немногочисленны. Некоторые из них поломаны. Такие изделия распространены слишком широко и не являются четким хронологическим или культурным индикатором. Однако в данном случае показательно их изготовление и из бронзы, и из железа, что вместе с другими данными определяет переходное положение памятника.

V.1.2. УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ

Булавки бронзовые представлены готовыми образцами, а также негативами литейных форм.

1. Булавка с утолщенной головкой и боковой петелькой (рис. E10, 10). А.И. Тереножкин опубликовал также фрагменты литейных форм с негативами таких (1961: 169, рис. 79, 5; 80, 6)¹. Е.Н. Черных относит их к украшениям разряда У-10 и отмечает сосредоточение в Среднем Поднепровье (1976: 127, рис. 53, табл. XL, 19, 20). Между тем, булавка с боковой петелькой (головка отломана) найдена в Поднестровье на поселении Островец (Там же: 127). Условия находки не ясны, но возможна ее связь с гавским горизонтом этого памятника. На поселении Сахарна Маре такая булавка происходит из раннегальштатского горизонта (прочерченный гальштат; Niculiță, Zanoci and Băț, 2016: 301, Fig. 8, 1–5²). Наиболее показательны многочисленные трансильванские аналогии (Mozsolics, 1967: 238; 1973: 262; Petrescu-Dîmbovița, 1977: 104, Pl. 181, 7, 12),

Учитывая столь широкий ареал распространения, выходящий за пределы Среднего Поднепровья, название этого типа «булавки чернолесского типа» неуместно (см.: Тереножкин, 1961: 147; Лысенко С.Д. и др., 2005:

1. В коллекции не сохранились.
2. В этой статье также имеется большой перечень аналогий (2016: 302). Кстати, суботовский экземпляр отличается наличием петельки с «внутренней» стороны стержня, что, возможно, является показателем более позднего возраста.

166, 167). Но их хоровология отражает тот общий предшествующий и синхронный культурный фон, в пределах которого бытовали общие морфологически сходные типы как орудий, так и украшений. Последнее относится и к другим видам булавок с петелькой и грибовидной головкой, часть из которых имеет прототипы в тшинцево-комаровской среде (Лысенко С.Д. и др., 2005: 154–157).

2. Булавка с блюдцевидной головкой с загнутыми вверх краями (рис. E10, 9). Вполне аналогичная происходит из поселения Пояны Дулчешть культуры Кишинэу–Корлэтенъ (László, 1994: Fig. 69, 9).

По негативам на разбитых литейных формах присутствуют также другие разновидности.

3. С округлой головкой (рис. F11, 5, 5a).

4. С грибовидной головкой (рис. F11, 3a).

5. С грибовидной головкой с выступом сверху (рис. F11, 1, 1a).

Тип большинства булавок на фрагментах литейных форм не поддается точному определению. На их несохранившихся участках могли быть выступы, а в головках – косые отверстия.

Бляшки бронзовые восьмерковидные с полусферическими выступами представлены тремя разновидностями.

1. Большие и средние с выступом (рис. E7, 15–22; E10, 2–7).

2. Большие с выступом и валиком вокруг него (рис. E7, 3–11, 14).

3. Малые с выступом (рис. E5, 4–18; E7, 1, 2; E10, 1, 4).

Среди обломков литейных форм, найденных на городище, нет ни одного с негативом таких изделий. Их вырезали из тонкого листа, потом выдавливали выступы и валики. А.И. Тереножкин считал, что их штамповали, одна была вырублена зубилом из стенки бронзового сосуда (1961: 166, 173, рис. 101, 10). Последняя в коллекции не обнаружена. Возможно, А.И. Тереножкин имел в виду экземпляр с чеканным орнаментом в виде окружности и косых линий, ассиметричных по отношению к выступам (рис. E10, 7), т. е., действительно изготовленного из другого изделия, но не сосуда, а, скорее, оковки пояса.

На некоторых бляшках сохранились поперечные следы ниток или тесемок, с помощью которых их нашивали на одежду или головной убор. По расположению в погребениях С.И. Лукьяшко предположил их связь с ремнями (1999: 188). В ряде черногооровских погребений Северного Причерноморья они

найжены на черепе, так что вполне возможно их многофункциональное использование (Потапов, 1997: 37; Махортых, 2005: 68). М.Т. Кашуба обратила внимание на находки их в большинстве черногооровских погребений возле костей таза, что указывает, по ее мнению, о нашивании на края рукавов в качестве защитных деталей одежды лучников (2000: 329). Костяное восьмерковидное изделие с циркульным орнаментом из кургана № 37 Гордеевского могильника С.С. Березанская и В.И. Ключко считают застежкой от конской узды (Березанська і Ключко, 2011: 36, рис. 72, 3).

Ареал распространения восьмерковидных бляшек протянулся от Поднепровья и Волыни (Крушельницька, 1985: рис. 26, 13; Кашуба, 2000: 329) до Среднего Поднепровья, Крыма, Северного Кавказа, Волго-Камья, степного Поволжья и Южной Сибири (Членова, 1972: табл. 63, 41, 42). О явном хронологическим приоритете их в Волго-Камье и передаче оттуда черногооровцам, как считают некоторые исследователи (Потапов, 1997: 37; Коренюк, 2009: 268), говорить вряд ли можно. Они также древнее карасукских Южной Сибири, откуда их происхождение выводил А.И. Тереножкин (1961: 202). Однако для такого вывода надо назвать их местные прототипы. Таковыми могут быть подобные изделия из кости или рога, а их и в Волго-Камье, и в Южной Сибири нет. В то же время они известны на других территориях. Большая восьмерковидная бляха с орнаментом, аналогичная гордеевской, найдена на поселении Кент в Северном Казахстане (Евдокимов и Варфоломеев, 2002: рис. 31, 9; Варфоломеев, 2003: рис. 5, 9). Но большинство находок возможных прототипов сосредоточено в Поднепровье, хотя только количественное их преобладание где бы то ни было не решает вопроса происхождения.

О.Р. Дубовская видит прототипы в костяных бляшках наподобие найденной в погребении срубной культуры у с. Павловка Днепропетровской обл. (1993: рис. 73, 21, 49–52; 77, 12, 13). Это предположение поддержали другие исследователи, обратившие также внимание на находку в Белогрудовском лесу (Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: 32; публ. см.: Тереножкин, 1961: 104, рис. 62, 3). Дополнительным аргументом для такого заключения является то, что бронзовые восьмерковидные бляшки, которых нет в северо-западной зоне черногооровской культуры, сосредоточены в северо-восточной,

нижнеднепровской и орельско-самарской зонах (Дубовская, 1993: рис. 72), и именно последняя зона непосредственно примыкает к белогрудовскому и чернолесскому ареалу.

Погребение у с. Павловка по наличию столбовых ямок в могиле (Марина, Ромашко и Фещенко, 1988: рис. 2, 1) напоминает некоторые погребения Гордеевского могильника (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 6; 19; 33; 45; 46; 48 и др.) и белозерской культуры (Березанская и др., 1986: рис. 37, 1, 4). Срубная культурная принадлежность павловского погребения из-за наличия характерной посуды не вызывает сомнений, но оно может быть отнесено к ее позднему периоду, что обеспечивает хронологический стык производных с прототипами.

Обратим также внимание на находки в Среднем Поднепровье, Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье своеобразных костяных изделий восьмерковидной формы, причисленных В.А. Ромашко к псалям (1985: 96, рис. 1, 10). Сомнения в такой трактовке высказывали многие исследователи (Усачук, 2010: 252, рис. 8, 1). Д.П. Куштан предполагает их связь с деталями снаряжения коня – наносниками (2013: 176). На них нет отверстий (кроме двух маленьких дырок в центральной части), которые могли бы обеспечить мало-мальски надежное крепление капцуга и нащечных ремней¹. Вероятней всего, это – застежки, которые использовали не только в конском снаряжении, но и в одежде. На поселении Игрень-Подкова и в Диком Саду в Побужье они найдены в сочетании с заготовками и готовыми псалями того же типа (рис. С15, 1, 2), что и на полу жилища № 6 Суботовского городища (Ромашко, 1985: рис. 1, 9; Gorbenko and Grebennikov, 2009: Fig. 3, 1–5). Достаточно полный список аналогий этим изделиям от Южного Побужья до Алтая привел Д.П. Куштан (2013: 176).

Застежки из Павловки, Белогрудовки и Игрени составляют общую для белозерской и белогрудовской культур традицию и в равной мере могли послужить прототипами для металлических, бытующих в несколько видоизмененном виде (на внутренней стороне появляются петельки) вплоть до раннескифского времени (Dubovskaja,

1997: 318, Abb. 26, С, 6, 7). В этом случае верхние хронологические рамки прототипов обозначают нижнюю дату появления их производных. Вариант их (крепление осуществлялось не с помощью сквозных отверстий, а вырезом, близких к прямоугольным, по краям в центральной части) представлен на Юкалекулевском поселении межовской культуры Южного Приуралья и Зауралья. Это изделие, как и находка из Игрени, отнесено к псалям, хотя достоверные псалии в этой культуре абсолютно другие по конструкции и сопоставляются с «псалями белозерского типа» (Обыденнов, 1991: 62, рис. 53, 3).

Бляшка-лунница бронзовая дуговидной формы с петелькой на оборотной стороне и прочерченной линией на внешней стороне щитка (рис. E12, 7).

Фактически полностью идентичная найдена на Полудневском городище², расположенном недалеко от Суботовского (Тереножкин, 1961: рис. 102, 7). В Центральной Европе очень близкая аналогия происходит из Батина (Chochorowsky, 1993: 89, Rys. 7, 4), в Среднем Поднепровье – из Мошанецкого клада и могильника у Бернашевки (Крушельницька, 1998: рис. 114, 3, 12). О.Р. Дубовская ведет линию развития этого типа от костяных блях-лунниц белозерской культуры (совхоз «Степной») до раннечерногорских – погр. 2 в кургане в ур. Веселая Долина (1993: рис. 76 – внешний круг; 77, 31; см. также: Татаринцев, 1982: рис. 2, 6, 7; Вальчак, Мамонтово и Сазонов, 1996: рис. 3, 26, 27).

Параллельно с дуговидными бытовали и лунницы с дисковидными окончаниями. В Центральной Европе они происходят из Бихарурга и Батина (Chochorowsky, 1993: 91, Rys. 7, 2, 3), в западном варианте кобанской культуры снабжены рельефным орнаментом (Козенкова, 1995: табл. XXVIII, 17, 18). Более простой смотрится угловидная лунница из II Мурзихинского могильника раннего этапа ананьинской культуры (Кореньюк, 2009: 268, рис. 1, 8). Общая линия развития для таких лунниц в целом та же, что и для дуговидных (Дубовская, 1993: рис. 77, 29).

Браслеты бронзовые пластинчатые пяти разновидностей найдены в готовом виде и на негативах литейных форм.

1. В Нижнем Поднепровье такое же изделие найдено в одном из погребений Брилевского грунтового могильника белозерской культуры (не опубликовано).

2. Сходство настолько полное, что возникает вопрос, не ошибся ли А.И. Тереножкин или не заметил описки в подрисовочных подписях.

1. Браслеты широкие (готовые и на негативах). На одном конце размещен небольшой стержень, на другом – округлый выступ с отверстием в центре (рис. E1, 8, 8a; E3; E4; E9).

А.И. Тереножкин предполагал, что такие браслеты отливали в овальных глиняных литейных формах, затем полученную заготовку догибали, стержень вставляли в отверстие, расклепывали и браслет обретал окончательную форму (1961: рис. 82, 8, 9). В такой последовательности изготовления не совсем понятно, каким образом обеспечивалась и откуда производилась равномерная заливка расплавленного металла в массивную закрытую форму и вообще, насколько это было технически возможно? Ответ на этот вопрос может дать лишь современное экспериментальное литье подобных браслетов. Более простым представляется литье в плоскую форму и получение заготовки в виде пластины, тем более, что находки таких браслетов в несвернутом виде известны (см. ниже)

В готовом виде диаметр таких браслетов достигал 8,0–8,5 см, но это не значит, что их носили только на руке выше локтя, как считал А.И. Тереножкин. Будучи надетыми на одежду, они могли располагаться в любом месте от запястья до плеча, на ногах – только в нижней части голени.

Одной из примечательных особенностей таких браслетов является их насыщенная орнаментация: спаренные концентрические окружности или S-видные фигуры (рис. E1, 8; E9), между которыми размещены большие спирали или множественные концентрические окружности с маленькими спиральными выступами. По бокам прослеживаются узкие ободки с косыми насечками (рис. E3, 1; E9). Удивительным образом эти элементы повторяются на эфесе меча из с. Перевоз в Белоруси (Бандрівський і Кошман, 2011: рис. 1) ¹.

Еще одна разновидность широких браслетов сохранилась на негативах литейных форм (рис. F5). Судя по наличию стержня на одном конце (рис. F5, 6), они такой же конструкции, но без орнамента, по крайней мере, на большей своей части.

Такие браслеты являются одним из наиболее характерных украшений чернолесской культуры Среднего Поднепровья (Теренож-

кин, 1961: 160–166). Недавние находки и их картографирование еще раз подтверждают это (Полтавец, 2008а; 2013: 200, рис. 1) ². В Поросье и Киевском Поднепровье они найдены, вероятно, в грунтовых могильниках с трупосожжениями (Полтавец, 2013: 200). Единственная известная на сегодня аналогия вне Среднего Поднепровья происходит из Румынского Баната. Ф. Гоголтян опубликовал ее как «бронзовую пластину, декорированную в технике *au repoussé*» и, предполагая ее связь с близлежащим поселением эпохи средней бронзы (Gogăltan, 1999: 178, 179, Fig. 38, 4), все же воздержался от окончательного определения.

В силе остается замечание А.И. Мелюковой, что такие браслеты отличает от «фракийских» лишь оригинальность конструкции, но по стилю орнаментации они средневропейского круга. В Трансильвании очень близкие орнаменты из концентрических окружностей и S-видных знаков можно встретить на бронзовых поясах раннегалльштатской серии Чинку-Сусень периода HaA1 – конца HaA2, переходного периода от позднего бронзового к раннему железному веку (Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 171, a, b; 172; 255, 1, 2). Так же орнаментированы браслеты VI–VII типов, по В.И. Козенковой, в восточном варианте кобанской культуры, для которых нет северокавказских прототипов, но допускаются именно карпато-дунайские (Козенкова, 1982: 47–48, рис. XXVII, 12–14). Появление таких браслетов в Поднепровье в результате кавказского культурного импульса (Полтавец, 2013: 211–212) более проблематично.

В пользу западного происхождения таких браслетов свидетельствуют и их конструктивные детали. Так, крепление стержнем-штифтом через круглое отверстие есть ни чем иным как принципом «заклепки». Этот прием получил распространение в раннегалльштатское время в Карпато-Дунайской среде – таким образом прикрепляли плоские ручки к тулову бронзовых сосудов, начиная с периода HaA (Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 139, 15; 146, 11; 155, 8; 242, 2; Enăchiuc,

1. По наличию изогнутости эфеса Н. Бандривский считает, что он принадлежит однолезвийному клинку (Бандрівський і Кошман, 2011: 377, 378).

2. В последнее время в результате массового разграбления археологических памятников «черными археологами» (Гершкович, 2005а), на сайтах аукционных продаж предметов древностей можно встретить и браслеты, настолько аналогичные суботовским (<http://www.ancienttouch.com>), что можно допустить их происхождение именно с этого памятника.

1995: 299, Abb. 4, 2; Soroceanu, 2008: Abb. 7, a, b; 18; Taf. 60, 61; 75C).

2. Браслеты узкие известны по негативам. Конструкция и форма окончаний, т. е. принцип крепления, не известны. В материалах имеются литейные формы для отливки сразу двух узких браслетов (рис. F9, 8, 9). По размерам и видам орнамента они представляют собой продольную половинку широких пластинчатых браслетов (рис. F6; F7; F8; F9).

Помимо концентрических окружностей, они орнаментированы двумя-тремя рядами маленьких округлых выступов, пуансонов (рис. F10, 6, 7). Такой орнамент часто встречается на больших фигурных браслетах восточного варианта кобанской культуры первого этапа — X–VII вв. до н. э. (Козенкова, 1977: табл. XVIII, 9–12).

3. Браслеты узкие с тремя небольшими продольными валиками (рифлением) по центру и краям (рис. F10, 1) представлены также только на негативах литейных форм. Конструкция и форма окончаний не известны.

Аналогии им имеются в раннегалльских могилах периода НаА1 Трансильвании серии Чинку-Сусень (Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 126, 8; 161, 1–9; 264, 25–30; 265; 1998: Taf. 157, 2237–2243; 158, 2262–2263; 159, 2273–2279 etc.). Разновидность таких браслетов характерна для культуры Козия–Сахарна (Кашуба, 1999: 374), а также для восточного варианта кобанской культуры первого этапа — X–VII вв. до н. э. (Козенкова, 1977: табл. XVIII, 7, 8).

4. Браслеты узкие, треугольные или близкие к овальным в сечении фрагментарно представлены только на негативах (рис. F10, 3, 3а, 4).

Треугольные в сечении браслеты, но с иначе оформленными расширенными концами, считают характерными для культур каннелированного гальштата Среднего Подунавья и Восточного Прикарпатья середины НаА1 — конца НаА2 (Левицкий и Кашуба, 2014: 253).

5. Браслеты узкие, в сечении имеют вид двух овалов — большого и примыкающего к нему малого, известны только по негативам (рис. F10, 2, 2а).

Браслеты многовитковые разнообразны: овальные, сегментовидные и прямоугольные в сечении (рис. E6, 15–17; E10, 12). Имеются и в готовом виде, и на негативах разбитых глиняных литейных форм (рис. F12, 1–12; F13, 1–6; F14, 1–9).

Похожие браслеты характерны для культур Козия–Сахарна и Гава-Голиграды (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 18, 32; Кашуба, 2000: 329), для восточного варианта кобанской культуры первого этапа (Козенкова, 1977: табл. XIX, 4, 5). В Балкано-Подунавье известны их прототипы в эпоху бронзы (Petrescu-Dîmbovița, 1998: Taf. 1, 4–7; 2, 20–26; 3, 27–48 etc.), в Северном Причерноморье они появляются лишь в белозерское время.

Кольца-подвески бронзовые в два или три оборота из сегментовидной или прямоугольной в сечении проволоки с заостренными концами (рис. E10, 8; E1, 2, 3).

Аналогичные встречены в Нижнем Подонье в кургане у ст. Хапры, отнесенном В.В. Потаповым к кобяковской культуре, сопровождалась бронзовым кельтом маклашеевского типа (Потапов, 1993: 118–120; 2013а: 219, рис. 4, 2, 4). Они есть в серии Чинку-Сусень, но там ромбовидные в сечении (Petrescu-Dîmbovița, 1977: 91, 95, Pl. 135, 17–20; 160, 7), в белозерских погребениях Северного Причерноморья и Крыма — проволочные (Колотухин, 2003: рис. 32, 10; Потапов, 2010: 155).

Пронизи (бусины?) трубчатые из свернутого бронзового листа (рис. E5, 19–26; E6, 3–14; E12, 2–6).

Такие пронизи встречены в верхнем горизонте поселения Таранцево (Берестнев, 1994: рис. 8, 20), в погребениях белозерской культуры Северного Причерноморья (Ванчугов, 1990: рис. 37, 6–8; Agulnikov, 1996: Fig. 17, 7), в серии Ришешти–Балени Румынской Молдовы и культуре Козия–Сахарна (Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 74, 34, 35; Кашуба, 2000: 327, 382, рис. X, 26; 27; LVII, 3–6, 17, 18,), черноголовских и новочеркасских погребениях (Махортых, 2005: 70, рис. 30, 6, 26).

Местных, поднепровских и северопричерноморских, прототипов нет. А.И. Тереножкин (1961: 173; 1976: 73), учитывая находки в составе Залевкинского могила первой фазы древностей новочеркасского типа (конец IX — начало VIII вв. до н. э.), указывал на их кавказское происхождение (см.: Козенкова, 2004: 76, рис. 3, III). Наряду с трубчатыми, в культуре Козия–Сахарна известны скрученные (спиральные) пронизи. И те, и другие были «особенностью одежды, в которой широко присутствовала бахрама» (Кашуба, 2000: 328).

Серьги бронзовые спиралевидные с наружной малой петлей, придающей им вось-

мерковидную форму, довольно часто петля обломана. Представлены такими разновидностями.

1. Плоские в продольном сечении (рис. E1, 4, 6; E5, 2; E6, 2).

2. Близкие к пирамидальным в продольном сечении за счет выступа внутренних витков (рис. E1, 5; E5, 3), с железной или бронзовой вставкой (рис. E10, 11).

А.И. Тереножкин отличал такие серьги от более крупных белоградских колец (1961: 171). Однако и те, и другие представляют собой разновидности одного типа и являются своеобразными репликами карпато-дунайских, в том числе трансильванских и балканских спиралевидных украшений (см.: Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 160, 40; 120, 17, 18; 110; 180, 34; 191, 17, 18; Guma, 1993: Pl. XV, 1–4; 1995: Pl. VII, 19; XV, 31). По форме передают ту же солярную символику, что и на браслетах и сосудах (концентрические штампованные окружности o/I – o/IV).

Основной район распространения их локализуется в Среднем Поднепровье (Шарафутдинова И., 1987: 80; Лысенко С.С., 2001: 119–121; Lysenko S.D. and Lysenko S.S., 2009: 360, 361, Fig. 39; 40–41; Куштан, 2013: рис. 74, 9, 10; 80, 15–17, 20, 22, 23; 102, 10–12), но встречаются также в Восточном Прикарпатье, на Волини и в лесостепном Днепровском Левобережье (Тереножкин, 1961: 171; Крушельницка, 1985: рис. 23, 1; 26, 11, 12; Ромашко, 2013: 105, 106) вплоть до Подонцовья (Буйнов, 2005: рис. 2, 11). Серия находок происходит из Гордеевского могильника в Побужье (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 11, 9; 23, 2; 28, 4; 42, 2; 47, 5, 6). Близкие пирамидальным в сечении серьги известны в серии Чинку-Сусень (Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 134, 1, 2).

Бляшка и фалар бронзовые представлены единичными образцами.

1. Бляшка выпуклая, с петлей на оборотной стороне, прикрепленной к противоположным краям щитка (рис. E1, 7).

Многочисленные параллели ей имеем в культуре Козия–Сахарна и раннегалыштатских памятниках Подунавья (Кашуба и Гольцева, 1991: рис. 3, 4; Кашуба, 2000: 328, рис. XXVII, 5, 18).

2. Фалар с грибовидным выступом в центре, пуансонным орнаментом по краю, пятью выпуклинами на щитке и короткой петлей в центре на обороте (рис. E12, 8).

А.И. Тереножкин предполагал трансильванское происхождение фаларов (1961: 154).

В последующем это подтвердилось находками в сериях Уриу-Доманешти (конец периода BD) и Чинку-Сусень (Petrescu-Dîmbovița, 1977: Pl. 30, 10–12; 31, 109; 36, 1, 2; 48, 13, 14; 213, 33, 34; 218, 18; 363, 1). Нельзя не упомянуть сходство с некоторыми золотыми фаларами, деталями кожаного церемониального снаряжения, Первого Михалковского клада 1878 г. из Поднепровья (Бандрівський і Крушельницка, 2012: 32, рис. 1, 5; Ил. 1, 2). Последние отнесены к более древнему горизонту Михалков I, «михалковской постголиградской группы памятников», датированной серединой и второй половиной периода HaB3 (Там само: 102). Очень близкие по размерам, конструкции и орнаменту бляхи найдены, наряду с деталями упряжи колесниц, в Мошанецком кладе в Среднем Поднепровье (Крушельницка, 1998: рис. 114, 13), датированном IX в. до н. э. (Махортых, 2003: 49, рис. 40, 2, 3, 9). Такие же, но без орнамента распространены в древностях киммерийского горизонта Центральной Европы (Chochorowski, 1993: Rys. 9, 3).

Известному бронзовому фалару с пуансонным орнаментом из Печерского могильника были определены аналогии в Трансильвании и Повисленье (Рыбалова, 1961: 21–23, рис. 11, 1). Неместное – и для Поднепровья, и для Поднепровья – происхождение таких изделий совершенно очевидно. Более древние происходят из Юго-Западной Румынии, в том числе из раннегалыштатского клада Корнуцель (Petrescu-Dîmbovița, 1977: 55, Pl. 36, 1, 2; Guma, 1993: 259, Pl. XIII, 8–11). Их бытование до периода среднего галыштата подтверждается находкой в могильнике городища Картал (Картал III, по И.В. Бруяко; 2013: 358, рис. 86, 15).

Бляшки с маленькой петлей на обороте, но более простой формы и меньших размеров, известны в культуре Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: рис. XXVII, 6, 15–17). В Подонцовье в верхнем постсрубном слое поселения Глубокое Озеро-2 найдена каменная двусторонняя литейная форма, на которой вырезаны два тесловидные орудия, лезвийная часть кельта (?) (остатки старого распиленного негатива) и негатив небольшой круглой бляшки именно с короткой петлей, но плоским щитком (Гершкович, 1998: 78, рис. 13, 3). В связи с этой находкой напомним о многосторонней каменной литейной форме из поселения черкаскульской культуры Большой Имбиряй-10 в лесостепном Притоболье (Дегтерева

и Костомарова, 2011: рис. 2, 8) не только из-за ее сходства с бляшкой-негативом на форме из Глубокого Озера-2, но и потому, что на одной из ее сторон также сохранилась часть негатива тесловидного изделия, что подчеркивает неслучайность сочетания бляшка – тесло, хотя объяснить это сложно.

О некоторых металлических изделиях Суботовского городища можно судить по их негативам на литейных формах, иногда разбитых до такой степени, что многие из них нельзя точно диагностировать. Например, имеется фрагмент формы, предназначавшейся для отливки широкой изогнутой по продольной оси пластины с орнаментом в виде заштрихованного треугольника(-ов) и концентрических окружностей (рис. F10, 5). Возможно, это негатив шейной гривны.

Большая часть бронзовых предметов городища отлита в глиняных формах по восковой (выплавляемой) модели. Ранее, в эпоху поздней бронзы, не применяли такую технику литья в Северном Причерноморье и Поднепровье. На памятниках Карпато-Подунавья и Пруто-Сиретского междуречья, из которых происходят многие аналогии металлическим (и не только) предметам из Суботова, нет подобных глиняных литейных форм, во всяком случае для культуры Козия–Сахарна ни одна из таких находок не приведена. В то же время глиняные литейные формы с негативами браслетов и шейных гривен известны в междуречье Западного Буга и Стъри в лежницкой группе памятников (Бандрівський та ін., 1993: 150, рис. 81, 2–7), представляющей собой восточную филиацию лужицкой культуры. А.И. Тереножкин также отмечал находки их и собственно в лужицкой культуре Польши на памятниках IV периода эпохи бронзы – 1100–900 гг. до н. э. (1961: 117). В Северной Европе на памятниках этого времени такие литейные формы встречаются вместе с глиняными вкладышами, идентичными суботовским (Weidmann, 1982: 78–80, Abb. 1; 2; 3; 4; 5).

Для переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку не предполагали использование деревянных литейных форм. Такие формы для отливок украшений найдены в слое XII в. Новгорода (Рындина, 1963: 220, рис. 11, 1). Думаю, исключать использование таких же форм и для более древних периодов не следует, но шанс их найти ничтожно мал.

V.2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА

Такие вещи происходят из разных частей культурного слоя и домохозяйств, некоторые найдены на поверхности. Разделение их на категории (по назначению), как и для металлических изделий, иногда условно.

V.2.1. КОНСКАЯ УЗДА

Прежде, чем перейти к изложению материала из Суботова, обратим внимание на сложную ситуацию с изучением псалиев. Для этих изделий переходного периода к раннему железному веку еще не произошли качественные изменения наподобие тем, которые удалось получить после применения трасологического метода для древнейших дисковидных и щитковых (см.: Усачук, 2013). Но по информационному потенциалу и те, и другие не отличаются, хотя и отражают разные этапы использования лошади, развития колесничества и всадничества.

Еще К.Ф. Смирнов объединил предскифские псалии в тип V и показал их широкое распространение от Центральной Европы до Алтая (1961: 65, 66, рис. 12). В основу классификации он положил количество отверстий, расположенных в одной плоскости. Это привело к попаданию в один тип морфологически разных образцов. А.И. Тереножкин среди «стержневидных с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости» псалиев (V тип, по К.Ф. Смирнову) выделил в черноговской группе собственно черноговский, камышевахский и цимбальский варианты, разместив их на таблицах как типы (Тереножкин, 1976: 150, 155, 157, рис. 86–88). Среди костяных стержневидных наиболее ранними считаются псалии с овальными отверстиями, поздними – с близкими к подпрямоугольным (Лесков, 1971: 86; Чередниченко, 1977), хотя визуально отличия между формами отверстий часто нечеткие.

Схемы К.Ф. Смирнова и А.И. Тереножкина требовали существенной детализации. Сперва ее осуществил М.П. Грязнов на материалах раннескифского кургана Аржан, отражающих результаты длительной эволюции стержневидных псалиев. Оказалось, что ранее единый тип почему-то распался, как минимум, на пять, а в «аржанском» типе оказались изделия и разной формы, и с по-разному оформленными отверстиями, в том числе с муфтовидными выступами (Грязнов, 1980: рис. 30, 8).

Первые существенные уточнения внесли С.Б. Вальчак с коллегами. Они выделили в первой группе раннечерногоровских комплексов «псалии позднебронзового облика», во второй – типы Жирноклеевский-1, Жирноклеевский-2 и Веселая Долина (Вальчак и др., 1996: 35, 36). Однако в Жирноклеевский-1 попали или образцы совершенно разных пропорций – из погр. 31 Николаевского могильника и Сахарны (Там же: рис. 4, 14; см. также: Тереножкин, 1976: рис. 62, 15, 16), или те, которые от Центральной до Восточной Европы и Северного Кавказа представлены недиагностичными фрагментами (Вальчак и др., 1996: рис. 4, 14; 7, 1; см. также: Татаринцов, 1982: рис. 2, 4)¹. Указано, что тип Веселая Долина с муфтовидными выступами «практически не отличается» от Жирноклеевского-2, но по рисункам трудно судить, чем различаются «достаточно выраженные утолщения» на жирноклеевском образце от собственно муфт (Вальчак и др., 1996: 36, рис. 4, 15).

Вполне оправданно С.В. Махортых и те, и другие отнес к муфтовидным, а единственное отличие увидел в том, что у жирноклеевских один из концов заужен (Махортых, 2005: рис. 11: 44). Однако в его классификации я не вижу существенных отличий, кроме формы отверстий, овальных и подпрямоугольных, и между типами Жирноклеевский-1 и Фарс, у которых, как полагает С.В. Махортых, в разной степени удлинены концы. Реально удлинён один из концов у типа Березовский, для которого характерно наличие шляпки (Там же: рис. 11).

Н. Бороффка суботовские псалии причислил к типу III (Boroffka, 1998: 88, 107, 120, Abb. 7, 9–14; 10, 13). М.Т. Кашуба (2000: 326) справедливо отметила слишком общий характер этого типа – в нем оказались образцы и с разным оформлением головки, и разных пропорций. По сути, обозначив иначе тип V К.Ф. Смирнова, Н. Бороффка повторил старую схему.

Фактически все трехдырчатые стержневидные псалии, найденные в ареале куль-

туры Бабадаг в Румынии, проанализировал Х. Югенару. Но лишь один из трех его типов содержит более или менее однородные образцы с характерными грибовидными утолщениями на концах (Jugănaru, 2005: 65, Fig. 50, 1, 2, 5). Единственный экземпляр еще одного типа настолько фрагментирован, что вообще трудно судить об его принадлежности к псалиям (Ibid: Fig. 50, 9). В отдельный тип также попали явно неоднородные изделия с разными шляпками и более или менее удлинёнными окончаниями (Ibid: Fig. 50, 3–4, 7, 8, 10, 11). Наконец, 2 экз. из Никулицель-Корнет с одним большим центральным отверстием и маленькими круглыми дырками на концах, скорее всего, относятся к более раннему центрально-европейскому типу Фюзешабонь (Mozsolics, 1953: 70–74.; Hüttel, 1981: Taf. 5, 46).

Недавно к псалиям обратились донецкие археологи. Но они так же взяли в основу классификации лишь размещение центральных и периферийных отверстий относительно друг друга и соотношение их размеров и формы – овальной и прямоугольной (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2014: 88). Осуществлена также попытка определить, какие из азиатских псалиев не встречаются в Европе, а из восточноевропейских – в Азии. Но от классификации по отверстиям, без учета изделий, деталями которых они являются, трудно ожидать положительного результата. Вот почему в уважаемых коллег стержневидный прямой псалий из Карта-ла 1 оказался в одном типе (I-A-3-1) с изогнутыми псалиями из Торгажака и Еловки (Там же: рис. 1, 6–8). Типы I-A-2, I-A-4 и II-A-1 вообще выделены только по фрагментам (Там же: рис. 1, 5; 2, 3; 3, 1), а в типы II-A-2 и II-B-1 попали образцы с по-разному оформленными концами и степенью изогнутости (Там же: рис. 3, 2–7; 4). В то же время, морфологически и конструктивно идентичные псалии из Язево-1 и Тамбара, Чекановского Лога и Фирсово-XVIII оказались в разных типах (Там же: рис. 3, 2; 4, 4–6; 6, 5).

Некоторые из псалиев типа I-A-1 вовсе не являются сугубо азиатским достоянием, как считают авторы (Там же: 91, 92, рис. 1, 1, 3, 4). Например, образец из Чуста (Там же: рис. 1, 1) имеет аналогии на поселении Кослодженъ в Румынии (Boroffka, 1998: 95, Abb. 5, 1, 2). В Центральной Европе псалии с одним центральным и двумя периферийными отверстиями в разных плоскостях также хорошо известны, их относят к типу Моринген (Hüttel, 1981: 157–159, Taf. 15). От азиат-

1. Причисление к типу Жирноклеевский-1 фрагмента из поселения кизил-кобинской культуры Уч-Баш (Кравченко, 2011: 59, рис. 152, 6) ошибочно, так как он имеет более узкие пропорции, характер нижней части не известен, вокруг отверстий нет утолщений. Допускаю его сопоставление с некоторыми азиатскими прямыми стержневидными трехдырчатыми псалиями, отнесенными донецкими коллегами к разным типам: II-A-2, II-A-3, II-B-1 (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2014: 89, рис. 3, 1, 2; 5, 4; 6, 3).

ских последние отличаются лишь несколько иной формой отверстий, но таковые и в типе I-A-1 не всегда одинаковы (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2014: рис. 1, 1–3).

Из приведенного краткого обзора понятна справедливость слов И.В. Бруяко о том, что «сколько-нибудь унифицированной типо-хронологической схемы упряжи предскифского периода по-прежнему нет. А те, что имеются, обладают неким эзотерическим оттенком, поскольку в этих схемах более или менее уверенно ориентируются только их создатели» (Бруяко, 2009: 49).

При упорядочении находок **псалиев** из Суботова приняты во внимание не только количество, направление и внешнее оформление отверстий, но и общая форма стержня, соотношение его наибольшей ширины и длины, характер оформления концов. В итоге здесь можно представить следующие псалии.

1. Изогнутые зауженных пропорций (соотношение наибольшей ширины и длины равно $\approx 0,1$), с утолщениями на концах. Три близких к прямоугольным или овальным отверстия просверлены в одной плоскости (рис. С15, 1, 2), центральное почти вдвое больше остальных, вокруг него стержень заметно утолщен. Один образец, изготовленный из лосиного рога, орнаментирован врезным орнаментом в виде заштрихованных треугольников, циркульными окружностями и зигзагом (рис. С15, 2).

Такие псалии, известные как тип Усатово или тип Деревка (Лесков 1971: 85, рис. 4, 1), в разных вариантах очень характерны для предскифского периода. В горизонте II поселения Бабадаг в Нижнем Подунавье некоторые образцы орнаментированы циркульными окружностями и зигзагами (Morintz, 1987: 63, 64, Fig. 14, 2–4). В зольнике на поселении Кавадинешть в Пруто-Сиретском междуречье вместе с ними встречены материалы двух фаз культуры Ноуа, а также раннегалльштатская керамика (Boroffka, 1998: 89, Abb. 7, 13). Образец с циркульным орнаментом происходит из поселения Тринка культуры Кишинэу–Корлэтенъ (Levițki, 1994: 144, Fig. 61, 1). Такие же псалии (нередко фрагментированные) встречены на памятниках культуры Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: 324, 325, рис. XXX, 3, 4); в Поднепровье, Северном и Северо-Западном Причерноморье – на поселениях белогрудовской и белозерской культур (Черняков, 1985: 91, рис. 41, 17; Gorbenko and Grebennikov, 2009: 384, 385, Fig. 3, 1–3; Куштан, 2013: рис. 43,

13; Ромашко, 2013: рис. 111, 1). В степном и горном Крыму они найдены на поселениях Бай-Кият, Фонтаны (в том числе, с циркульным орнаментом), Дружное-2 (Березанская и др., 1986: 142, рис. 43, 14, 15; Колотухин, 1996: рис. 15, 21; 2003: рис. 63, 21, 22; 65, 3, 4). В бассейне Северского Донца из поселения Усово Озеро происходит заготовка с намеченными отверстиями (Березанская, 1990: 51, рис. 10, 2), связанная, скорее всего, с пострубным слоем.

Кроме этого, такие псалии встречаются в Нижнем Подонье (Потапов, 2013: рис. 1, 12, 13), Поволжье, Волго-Камье (Халиков, 1980: 50, табл. 55, 15–17; Казаков, 2001: 66, рис. 13, 19; Потапов, 2013: 219), на Северном Кавказе (Тереножкин, 1976: 156; Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: 35), в саргаринско-алексеевской культуре Притоболья, на Алтае и в Центральном Казахстане (Потемкина, 1985: 267, рис. 108, 237; Кадырбаев и Карманкулов, 1992: 185, рис. 145, 5; Ситников, 2004: 139, рис. 1, 1). В Барабинской лесостепи, в южной части Западной Сибири, на городище Чича найдены заготовки и обломок (Молодин, 1985: 166; рис. 86, 14; Молодин и др., 2004: 31, рис. 19, 6; 35, 5). Такому широкому распространению, конечно, способствовала практичность изделий, относительная простота изготовления и надежность в использовании.

Наиболее яркие вариации, надо полагать, хронологического характера, проявляются в степени выделения головок-окончаний и / или выраженности утолщений вокруг отверстий. Это хорошо видно, если сравнить белогрудовские образцы с раннечерногородскими в Поволжье и Северном Причерноморье (Тереножкин, 1976: 150, 151, рис. 86; Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: 30, рис. 5, 1–4; Махортых, 2003: 34, рис. 12, 5–11; 2005: 66, 67, рис. 27, 6–12). Последние имеют фактически не просто утолщения, а четко выраженные грибовидные шляпки-окончания. Что касается формы отверстий, то они эволюционируют от больших овальных и / или подпрямоугольных к малым круглым. На каком-то временном отрезке псалии с такими отверстиями могли сосуществовать, но на позднейших вариантах раннескифского времени сохраняются только круглые, например, на «прямоверхих» и «остроконечных» псалиях кургана Аржан (Грязнов, 1980: рис. 30, 20–26, 28–36). С.Б. Вальчак считает, что именно на основе псалиев типа Усатово / Деревка или их вариантов не позднее конца IX – рубежа VIII–VII вв. до н. э. появились бронзовые псалии

типа Сержень-Юрт и Черногоровка (Вальчак, 2009: 72).

2. Слабо изогнутые псалии расширенных пропорций (соотношение наибольшей ширины и длины равно $\approx 0,2$), один конец с грибовидным окончанием, второй заужен, компакта возле него удалена боковой подтеской (рис. С15, 5)¹. Изготовлен из лосиного рога. Три овальные отверстия в одной плоскости и восьмерковидная форма нижнего — результат двух последовательных сверлений в ряд. Центральное отверстие смещено книзу.

В качестве наиболее полной аналогии укажу псалий из погр. 9 кургана 6 у хут. Жирноклеевский со слабо выделенной грибовидной шляпкой на одном конце и заостренным другим (Смирнов, 1961: 12, 1; вероятно, более точный рисунок: Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: рис. 14, 12). В Нижнем Подунавье трехдырчатый псалий таких же пропорций (точные размеры неизвестны из-за фрагментации) со слабо выделенным грибовидным окончанием найден на поселении Силиште-Попина второй фазы культуры Бабадаг (Boroffka, 1998: 94, Abb. 7, 14; Jugănar, 2005: 65, Fig. 50, 8). Особая разновидность (или вариант?) — без грибовидной шляпки, но определенно широких пропорций и со смещенными нижними отверстиями представлен в Бабадаге (Jugănar, 2005: Fig. 50, 3, 4).

Своеобразными репликами таких псалиев на востоке являются образцы из Торгажака в Хакасии (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2014: рис. 3, 5, 6). Они таких же широких пропорций, но не имеют смещенных отверстий, а окончания равновеликие и без шляпок. На западе к этому же типу близки, но не идентичны, образцы из поселения Калакача культурной группы Горнеа-Калакача горизонта Босут IIIa в Сербии и Румынском Банате (Medović, 1998: 174–175, Sl. 157, 3) и из Асеновец культуры Пшеничево в Нижнем Подунавье (Мелюкова, 1979: 25, 26, рис. 4, 1). Все они трехдырчатые, широких пропорций, со шляпкой и заостренным концом, но с крайними отверстиями, ось которых перпендикулярна оси центрального.

Относительно небольшое количество находок псалиев этого типа, конечно, наводит на мысль о том, что пропорции заданы фор-

мой заготовки. Однако почти полное повторение их в материалах раннескифского времени (Грязнов, 1980: рис. 30, 8) не позволяет сделать такое заключение. Их изготавливали целенаправленно, решая сугубо функциональные задачи. В чем они заключались? На узких псалиях утолщения вокруг отверстий (от 1,0 до 1,5 см) обеспечивали дополнительную прочность в самом уязвимом месте, испытывавшем наибольшую нагрузку при натяжении поводьев². На широких псалиях в таких утолщениях в принципе не было необходимости, потому что сам по себе стержень толщиной почти до 2,0 см был прочным и обеспечивал надежное крепление узды как условия эффективного и безопасного управления конем. По сути, эти псалии представляют собой вариант типа Усатово / Деревивка, у которых не удалена компакта между отверстиями.

3. Фрагмент псалия с сохранившимся большим отверстием с четко обозначенным муфтовидным выступом (рис. С15, 3). Восьмерковидная форма отверстия — результат двух последовательных сверлений в ряд. Ниже начало еще одного большого отверстия, по которому произошел поперечный разлом стержня, вокруг него обозначен муфтовидный выступ. У противоположного края стержня есть еще один муфтовидный выступ и слабо выраженный край большого отверстия. С этого конца стержень обломан, но имеется маленькое круглое отверстие, просверленное в другой плоскости для ремонта³. Изготовлен из трубчатой кости животного.

Как уже упоминалось, муфтовидные выступы считаются основным признаком псалиев раннечерногоровского типа Веселая Долина (Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: 36, 37; Махортых, 2005: рис. 12). Целые образцы, включая металлические, узких пропорций, трехдырчатые, с прямым или изогнутым стержнем встречаются в черногоровских погребениях, более или менее крупные фрагменты — на поселениях культуры Козия–Сахарна Хлинжень II и Сахарна–Маре (Кашуба, 2000: рис. XXX, 7, 13), в горном Крыму (Колотухин, 1996: рис. 33, 1), в Поднепровье — на Адамовском городище (Тереножкин, 1976: рис. 36, 1). Сосредоточение таких псалиев в Северном Причерномо-

1. А.И. Тереножкин поместил в своей книге рисунок и фото псалия такого же типа (1976: 91, рис. 54, 4; 56, 3) и указал, что он найден на городище, но в коллекции его нет. Думаю, это очень схематичный рисунок описанного мной образца.

2. Не случайно именно в области отверстий чаще всего ламался стержень (рис. С14, 1, 2; С15, 3).

3. Вряд ли такой ремонт предполагал дальнейшее использование изделия по его первоначальному назначению.

рье, безусловная их связь с металлическими типа Малая Цимбалка, Уашхиту и Жаботин справедливо рассматривается как свидетельство местного происхождения (Махортых, 2003: 48), а не центральноевропейского, гальштатского, как считалось ранее (Иессен, 1953: 91, 98).

4. Фрагменты двух изогнутых псалиев узких пропорций с очень зауженной нижней частью (рис. С14, 1, 3). На одном сохранились два больших овальных отверстия (одно частично), рядом с нижним – следы начатого отверстия (рис. С14, 1).

Такие же удлиненные окончания имеют трехдырчатые стержневидные псалии из Алчедара III и Циглеу культуры Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: рис. XXX, 6, 12; LX, 4), на востоке – из Еловки (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2014: рис. 5, 5, 6). Фрагмент из культурного слоя раскопа IV (рис. С14, 3) является, возможно, поломанной заготовкой такого псалия.

5. Фрагмент псалия с маленьким отверстием у слегка зауженного окончания (рис. С14, 5). А.И. Тереножкин считал это изделие удилами (1961: 98, 99, рис. 67, 1; 1976: 83–84, 91, 148, рис. 54, 3), однако длинный стержень без отверстий позволяет, на мой взгляд, провести параллель с псалиями типа Сускан I, по Г. Хюттелю (Hüttel, 1981: Taf. 13, 129), или типом III, по К.Ф. Смирнову (1961: 63, 64, рис. 9, 2), у которых отверстие расположено в нижней половине стержня, а головка имеет фигурный выступ. На Северском Донце обломок такого псалия найден на Ильичевском поселении (Шаповалов, 1976: рис. 4, 2).

6. Фрагмент псалия с зауженным окончанием, большие отверстия в одной плоскости, вокруг них стержень утолщен (рис. С14, 2). При наличии внизу, на несохранившейся части, грибовидного окончания его можно было бы сопоставить с бронзовым псалием из Кармине III в Польше и из Чернотина в Моравии (Тереножкин, 1976: рис. 86, 6; Махортых, 2003: рис. 37, 17, 18), входящих в Центральной Европе в комплексы «киммерийского типа» первой хронологической группы – период NaB2 (Chochorowski, 1993: 181–183) и считающихся наиболее ранними свидетельствами контактов населения Северного Причерноморья и Центральной Европы (Махортых, 2003: 44).

7. Фрагмент псалия с зауженным концом и подквадратными отверстиями в одной плоскости (рис. С15, 4). Оригинал отсутствует в коллекции, по рисунку и фото в отчете

и книге А.И. Тереножкина (1976: рис. 55, 4) нельзя установить профиль стержня и форму второго окончания. При эволюции отверстий от больших овальных и / или подпрямоугольных к малым, близким к квадратным или округлым, фрагмент должен относиться к более позднему варианту трехдырчатых псалиев с одним зауженным и другим грибовидным концом, т. е. черногооровским, по А.И. Тереножкину.

8. Фрагменты из заполнения жилища № 8 и культурного слоя над жилищем № 6 (рис. С14, 4, 6) представляют собой псалии, отбракованные или поломанные в ходе изготовления. На одном имеется маленькое круглое отверстие (рис. С14, 4), чем он напоминает центральноевропейские образцы-полуфабрикаты (Hüttel, 1981: 119–122, Taf. 12). Еще один фрагментированный образец опубликовал А.И. Тереножкин без привязки к месту находки на городище. Его нет в коллекции, но, судя по рисунку, псалий изогнут, с одним большим овальным центральным отверстием и малым боковым, просверленным в другой плоскости по отношению к центральному (Тереножкин, 1961: рис. 67, 6).

Как установил А.Н. Усачук (Приложение 2), среди найденных на городище предметов из отростков оленьих рогов (рис. С16; С17, 1, 3, 4) были такие, которые имели специально оформленные узкие концы и служили мотыгами (рис. С17, 1). Однако на других таких следов нет, т. е. хотя бы часть таких предметов могла служить заготовками для псалиев. Именно так выглядят заготовки в Четья (Vogoffka, 1998: 81–88) – мастерской по изготовлению деталей сбруи культуры Витенберг в Румынии.

Бляхи костяные представлены двумя типами.

1. Овальные малые, размерами 3,1 × 2,8 см и 3,0 × 1,7 см, с двумя сквозными отверстиями поперек ребра на обороте (рис. С19, 7, 8), на выпуклой внешней стороне одной по периметру вырезана бороздка (рис. С19, 7).

Подобные бляхи встречаются от Трансильвании до Поднестровья в культуре Гава-Голиграды и Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: 325, 326), в погребениях северо-восточной зоны черногоровской культуры (Дубовская, 1993: рис. 72; 73, 64, 66, 67). В Поволжье они найдены вместе с костяными псалиями, типологически близкими суботовским (рис. С15, 1, 2) в погребении 1 кургана 5 могильника Подгорный (Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: 30, табл. 1; рис. 5).

2. Большие округлые бляхи, диаметром 4,4 см и 7,0 см, с большой петлей или двумя отверстиями на обороте, с разной степенью выпуклой внешней стороной (рис. С19, 10, 11). А.И. Тереножкин считал их подражаниями металлическим (1976: 158, рис. 56, 6, 7).

Аналогии представлены в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья (городище Дикий Сад; Gorbenko and Grebennikov, 2009: Fig. 3, 5) и Восточного Крыма (Кировское поселение; Лесков, 1970: рис. 30, 3), в Поволжье в маклашеевской культуре (Казаков, 2001: рис. 13, 21). Для этих изделий датировка, как минимум, в рамках переходного периода вполне очевидна, особенно для городища Дикий Сад, содержащего яркие материалы белозерской культуры. На Кировском поселении, наряду с сабашиновской керамикой, имеются достаточно выразительная белозерская, в частности кубки и чаши (Лесков, 1970: рис. 15, 4, 7, 14; 16, 4–9; 24). По этому сочетанию определяется позднесабашиновская-раннебелозерская позиция памятника (Gerškovič, 1999: Tab. 5).

V.2.2. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Наконечники стрел костяные втульчатые и черешковые.

1. Со скрытой втулкой, ромбовидные в сечении, с прямой базальной частью (рис. С21, 2, 3).

2. Со скрытой втулкой, ромбические и овальные в сечении, с вогнутой базальной частью (рис. С21, 4–10).

3. Со скрытой втулкой, округлые в сечении, с прямой базальной частью – пулевидные (рис. С21, 11).

4. Со скрытой втулкой, квадратные в сечении, с прямой базальной частью (рис. С21, 12).

5. С выступающей втулкой, трехгранной в сечении головкой и острыми выступающими концами граней (рис. С21, 13), «скифообразные» (Тереножкин, 1976: 136).

6. С ромбической в сечении головкой и расщепленным вильчатым основанием (рис. С21, 14–16).

7. Ромбические в сечении, с черешком (рис. С21, 17) ¹.

1. Разрез наконечника с обломанным черешком (рис. С21, 17) на рисунке в книге А.И. Тереножкина подан неверно, из-за чего выглядит как втульчатый (1976: рис. 53, 12). Не имея возможности сверить рисунок с оригиналом, Э.С. Шара-

футдинова отнесла его (и еще один наконечник, который в коллекции отсутствует) к втульчатым (Шарафутдинова Э., 1991: 190).

Наконечники со скрытой втулкой были в черноморских погребениях Малая Цимбалка, Высокая Могила, грунтовой могиле в Ставрополе и др. (Тереножкин, 1976: 135–136; Махортых, 2005: 63, рис. 22, 1–37), пулевидные и квадратные в сечении – в новочеркасских и доживают до раннескифского времени (Dubovskaja, 1997: 318, Abb. 26). Хотя А.И. Тереножкин и обращал внимание на почти полное отсутствие наконечников стрел на гальштатских памятниках и незначительное их количество в белогрудовской, чернолесской и белозерской культурах, но все же привел их находки на поселениях Царевка, Цэхнауцы и в Магале (Тереножкин, 1976: 136, рис. 63, 4; 64, 3). Пулевидные встречены на городище Телеак (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 17, 6–9), пулевидные и ромбические в сечении – в Бабадаге (Jugănar, 2005: Fig. 49, 2–6), на Калантаевском, Адамовском и Лубенецком городищах в Поднепровье, в Крыму на поселении Уч-Баш (Крис, 1981: табл. 8, 1–5; Кравченко, 2011: рис. 152, 1–4), на Северном Кавказе на Сержень-Юртовском поселении, на Нижнем Дону известны в кобяковской культуре (Шарафутдинова Э., 1980: табл. XXXIII, 5, 6). На городище Брно-Обжаны найдены два ромбических в сечении наконечника с вогнутой базальной частью (Chochorowski, 1993: 138, Rys. 17, 1).

Аналогии втульчатому трехлопастному наконечнику (рис. С21, 13), действительно очень напоминающему скифские бронзовые, происходят из, вероятно, белозерского горизонта Кировского поселения в Восточном Крыму (Лесков, 1970: рис. 29, 12), погребения белозерской культуры Хаджилар в Молдове (Агульников и Курчатов, 1994) и восточного варианта кобанской культуры (Козенкова, 1982: табл. XI, 19–21). Типологически близкие, но четырехлопастные, найдены в раннечерноморском погребении возле Головки (Дубовская, 1993: рис. 78; Махортых, 2005: рис. 22, 86).

Ромбовидные в сечении наконечники, а также лавролистные с длинным черешком (рис. С21, 14) и черешковые ромбические в сечении со слабо выделенными жальцами в основании (рис. С21, 17) встречены в финальном срубном горизонте Ильичевского поселения на Северском Донце (Ромашко, 2013: рис. 88, 18), на Северном Кавказе – в

футдинова отнесла его (и еще один наконечник, который в коллекции отсутствует) к втульчатым (Шарафутдинова Э., 1991: 190).

культурном слое X–VII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения и X–VIII вв. до н. э. Бамутского (Козенкова, 1982: 13–14, табл. X, 14). В погребении 14 могильника «Кресты» в дельте Дона черешковые наконечники сочетаются с наконечниками со скрытой втулкой (Потапов, 2013: 213–217). Черешковые, но с головкой иных разрезов, найдены на Кировском поселении (Лесков, 1970: рис. 29, 9–11). Под вопросом остается тип наконечника из Кипельского поселения в Южном Зауралье (Сальников, 1951: рис. 15, 4)¹, сперва отнесенный К.Ф. Смирновым и Э.С. Шарафутдиновой к втульчатым, затем Э.С. Шарафутдиновой – к черешковым (Шарафутдинова Э., 1991: 190).

В Поднепровье наконечники с расщепленным вильчатым основанием до сих пор известны только на Суботовском городище (рис. С21, 15–16). Близкие, но не идентичные наконечники с расщепленным основанием (жальцами) из Сержень-Юрта В.И. Козенкова отнесла к втульчатым V типа (Козенкова: 1982: 14, табл. X, 7). В конце I тыс. до н. э. костяные наконечники с т. н. расщепленным насадом, которые отличаются от указанных суботовских разве что удлинённостью пропорций, бытовали в лесостепных районах Предбайкалья (Харинский, 2005: 46, 48, рис. 1, 2–6, 9–15). Такое совпадение, учитывая значительный территориальный и хронологический разрыв между суботовскими и предбайкальскими образцами, видится случайным. Сходство обусловлено ограниченным количеством вариантов крепления наконечника стрелы к древку, которые время от времени могут повторяться во времени и пространстве. Можно допустить их разовое изготовление в разное время и на разных территориях для решения некой необычной, ситуативной задачи. Очевидно, что стрелы с таким сравнительно тонкими, легкими и непрочными наконечниками вряд ли предназначались для стрельбы по крупным стационарным или движущимся целям.

В нижней части заполнения жилища № 1 найден предмет, напоминающий четырехгранные наконечники с очень длинным черешком (рис. С21, 1). Массивность черешка в данном случае исключает трактовку этого изделия как готового наконечника. Это – заготовка. По ней прослеживается последовательность изготовления четырехгранных

ромбических в сечении наконечников со скрытой втулкой. Сперва из куска кости или рога вырезали длинный прямоугольный брусок, затем «черешок» как упор для обработки головки, далее – собственно головку. После удаления «черешка» на его месте, т. е. в основании головки, просверливали втулку. Подобным образом изготавливали костяные наконечники сабатиновской культуры (Gerškovič, 1999: Taf. 10, 10). Примечательно, что полуфабрикаты наконечников встречаются исключительно на поселениях, например, в Ильичевке (в т. н. втором сабатиновском горизонте) и малобудковском Студенок-6 на Северском Донце, где они ошибочно интерпретированы как черешковые наконечники (Буйнов, 1994: рис. 2, 1–5).

V.2.3. ОРУДИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПРОИЗВОДСТВ

Ложечка из рога оленя (рис. С19, 14) найдена в культурном слое между жилищами № 8 и 9. По продольной оси она чуть изогнута, с широкой близкой к прямоугольной в сечении рукоятью, закругленной сверху. Рабочая часть овальной формы, размерами 5,3 × 4,8 см. Общая длина 11 см, длина ручки 5,5 см. Находки подобных изделий известны на постсрубных и постсабатиновских памятниках от Поднепровья до Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Они встречены на Кизил-Кобинском поселении в Горном Крыму (Колотухин, 1996: рис. 27, 32), в восточном варианте кобанской культуры (Козенкова, 1982: табл. XL, 11), на поселении ранней стадии хвалынской культуры (Малов, 2013: 108, рис. 2, 8). В.И. Козенкова относил подобные костяные и бронзовые изделия кобанской культуры к деталям туалета (Козенкова, 1982: 66), обратив внимание на находку бронзовой ложечки на груди женщины в погребении Урус-Мартановского могильника.

Лопаточка из рога оленя (рис. С19, 13) найдена в заполнении котлована жилища № 8. Прямая по продольной оси, с овальной в сечении рукоятью, которая сверху сужается, внизу переходит в небольшой упор. Рабочая часть треугольная, расширенная книзу. Общая длина 12,2 см, длина рукояти 5,2 см, ширина рабочей части внизу 5,2 см². До раскопок в Суботове такие изделия не

1. На указанном рисунке К.В. Сальникова этот наконечник четырехгранный, но ни втулка, ни черешок не обозначены. Вероятно, Э.С. Шарафутдинова имела возможность видеть его в натуре.

2. Оригинал в коллекции не найден, но в отчете сохранилась хорошая фотография, по которой и сделан рисунок.

были известны, и отчасти поэтому находка не привлекла внимания. Видимо, у исследователей возникли сомнения относительно ее связи с основным слоем городища. Поскольку первая находка происходит из Суботова, весь класс подобных предметов можно назвать суботовским типом.

К настоящему времени очень близкие изделия найдены на чернолесском поселении у г. Градижска в Среднем Поднепровье (Шевченко, 1987), в бассейне Северского Донца на поселении Диброва и Глубокое Озеро-2 (пострубные слои)¹. В Верхнем Поволжье известна случайная находка возле с. Таутово Алиховского р-на Чувашской Республики РФ (Каховский, 1957: 39, 43), в Нижнем Поволжье – в погребении грунтового могильника Нижняя Добрянка Камышинского р-на Волгоградской обл.²

Орудия кожевенного производства из челюстей и ребер животных.

1. Тупики из нижней челюсти лошади (рис. С1, 1, 2; С2, 1–3; С3, 2, 3) и крупного рогатого скота (рис. С4, 11).

2. Струги из ребер животных (рис. С3, 1).

3. Ложила по коже разного вида (рис. С1, 3; С3, 4; С5, 7).

4. Проколки из фрагментов трубчатых костей или грифельных костей лошади (рис. С4, 1, 5–10; С5, 1–6, 8–10). Одна проколка сделана на обломке крупной рукояти (рис. С4, 4).

Орудия гончарства из грифельной кости и клыка.

1. Шпатели (рис. С6, 1, 2–6; С7, 1–3; С8, 2–4), в том числе из клыка кабана (рис. С8, 1).

2. Орнаменты из грифельной кости лошади (рис. С8, 5, 6).

Орудия ткачества в виде заготовки костяных пряслиц (рис. С9, 1–3) и спиц (рис. С9, 5, 6).

Молотовидные орудия в виде муфт и булав.

1. Муфты роговые для металлических или каменных орудий с прямоугольным проушным отверстием (рис. С11, 4; С12, 2).

Прямоугольный проух считается одной из характерных черт орудий предскифского периода (Панковський, 2005: 277). В раз-

ных вариациях такие изделия распространены в культуре Козия–Сахарна (Кашуба и Гольцева, 1995: табл. XXVIII, 3; Кашуба, 2000: рис. XXIX, 27, 30), на городище Телеак оно орнаментировано по всей поверхности врезными циркульными окружностями (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 22, 14). В 1950-е гг. на позднечернолесском поселении Нагоряны в Среднем Поднепровье найдена муфта, внутри отверстия которой оказался кремневый вкладыш (Шовкопляс, 1954: 103, рис. 8). В Приорелье известна находка из черногоровского погребения в Котовке (Махортых, 2005: рис. 31, 1), на которой циркульный орнамент замещен округлыми бронзовыми и железными вставками. На случайной находке из Константиновки Донецкой обл. орнамент в виде рядов точек и четырехлепестковых розеток (Каталог ..., 1993: 41, рис. 50, 1).

Судя по рисункам, не всегда полным и качественным (очень недостает разрезов), один из поперечных концов таких изделий или закруглен, или имеет следы забитости. Т. е., это своеобразные комбинированные орудия, что не исключает их «парадно-культового» назначения (Махортых, 2005: рис. 64) и того, что они могли быть навершиями скипетров (Панковський, 2005: 278). Последнее, в первую очередь, относится к орнаментированным образцам. Теоретически во втулке могли крепиться разные типы кремневых, бронзовых и каменных орудий. С кремневыми вкладышами, наподобие найденного в Нагорянах, они выполняли функцию клевцов.

2. Муфты из комлевой части рога оленя (рис. С12, 1; С18) с большим круглым проухом. Один экземпляр орнаментирован широкими зигзагообразными линиями (рис. С18), напоминающими некоторые элементы орнамента мотива зигзаг на посуде (з/8, з/11, з/14; рис. 15, 3). Имеет сильные следы забитости на широком выступающем конце. Близкие изделия в кобанской культуре В.И. Козенкова выделяла в V тип наверший булав, датировав их X–VII или X–VIII вв. до н. э. Интересно ее наблюдение о наличии намного более ранних экземпляров – XIV в. до н. э. в Закавказье (Козенкова, 1982: 26, табл. XVIII, 7–10). Думаю, это позволяет говорить, что в Северном Причерноморье и Поднепровье, где местные прототипы отсутствуют, такие изделия появились в результате северокавказских влияний, восходящих, в свою очередь, к более древним южнокавказским.

1. Мои раскопки 1989–1991 гг., не опубликованы. На поселении Глубокое Озеро-2 найдены их характерные рукояти с упором.

2. Раскопки А.А. Яркова 1982 г. Погребенный лежал на спине головой на юг, рядом с ним найден сосуд, бронзовые трубчатые пронизи, кварцитовый отщеп и т. п. В.В. Потапов относит его к маклашевской культуре (Потапов, 2013: 223). Благодарю В.В. Потапова за предоставленную информацию.

V.2.4. ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ИГР, УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ

Таранные кости мелкого рогатого скота. Астргалы со сточенными гранями (рис. С13, 1–9; С20, 1–15) принято считать принадлежностью определенных игр (Панковский, 2013: 452, 472, рис. 3, 4–8). Но некоторые экземпляры из Суботова, судя по всему, были использованы и как лощила по глине (рис. С7, 4, 5).

Очевиден широкий ареал распространения таких изделий в заключительный период эпохи поздней бронзы, ранее – в Среднем Поднепровье в киево-черкасской группе тшинецкой культуры (Панковский, 2010: 43, рис. 5, 1–3), в сабастиновской культуре Северного Причерноморья (Панковский, 2007: 239, рис. 6, 3–5; Панковский і Філатов, 2013: 69, рис. 1, 1, 2), на алакульских памятниках Южного Зауралья (Нелин, 2004: 167, рис. 14, 1–10).

Изделие из первой фаланги лошади со следами пиления на дистальном конце (рис. С13, 10).

Фрагмент кольца с большим круглым центральным и малым боковым отверстиями – амулет (?) (рис. С13, 11).

Полюе трубочки (рис. С11, 3; С19, 1–5), как и реплики бронзовых трубчатых пронизей (рис. Е5, 19–26; Е6, 3–14; Е12, 2–6), имеют очень широкий круг аналогий.

Фрагмент цилиндрического изделия, орнаментированного круглыми вдавлениями в двух уровнях, возможно бусина (рис. С19, 6). Подобные, но без орнамента, встречаются в культуре Бабадаг (Jugănar, 2005: Fig. 49, 19).

Двояковогнутый диск с маленьким круглым отверстием в центре (рис. С19, 9).

Среди **других категорий** изделий из кости и рога – орудие для плетения (рис. С9, 4), сверло по дереву (рис. С9, 7), рукояти (рис. С9, 8, 9), в том числе из первых фаланг крупных копытных – метоподий (рис. С9, 10; С10, 1–6; С11, 1), насадка на рукоять (рис. С11, 2).

Находки метоподий с отверстиями не редки в Северо-Восточном Приазовье (Привалова и Привалов, 1987: 105), известны в Поднепровье (Ромашко, 2013: рис. 88, 13, 14) и на Северском Донце (Берестнев, 1994: 133, рис. 8, 5). Насадки на рукоять с боковым отверстием обнаружены также и на поселении Телеак (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 21, 11) и в культуре Бабадаг (Jugănar, 2005: Fig. 49, 17).

V.3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ И КРЕМНЯ

V.3.1. МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ОРУДИЯ

Наковаленка с двумя рабочими поверхностями (рис. D1, 1). Использовалась и в качестве растиральника. В культуре Козия–Сахарна такие изделия считают предназначенными для мелких ювелирных работ (Кашуба, 2000: 320). Очень близкая по форме и размерам опубликована в каталоге случайных находок с территории Донеччины (Каталог..., 1993: 34, № 187; рис. 37, 7).

Фрагмент терочной плиты (рис. D1, 8) для растирания кусков железной руды.

Абразивы и терочки для заточки металлических орудий (рис. D1, 2, 5; D2, 1–4, 6, 7, 9, 11–14; D3, 1–3), в том числе мечей (рис. D1, 6, 7, 9). Некоторые служили и лощилами по коже (рис. D2, 11–14).

Оселки – небольшие абразивы близкой к прямоугольной формы с отверстием для подвешивания к поясу (рис. D1, 3, 4), что видно по их расположению в области пояса при погребенных (Махортых, 2005: 65).

В кочевнической среде оселки вплоть до позднего средневековья входили в состав воинского снаряжения, что хорошо документировано и археологически, и иконографически. Их широкое бытование в переходный период от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (в эпоху средней – поздней бронзы оселки иных типов) совпадает с началом массового производства и использования железных колющих и режущих орудий.

Находки оселков известны на поселениях белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья и Крыма, чернолесских поселениях Среднего Днестра, на памятниках культуры Козия–Сахарна и Гава, в высочкой культуре, в черноголовских и новочеркасских погребениях, в кобанской и кобяковской культурах, на раннеананьинских памятниках в Среднем Поволжье и на городище Чича в Барабинской лесостепи (Халиков, 1980: 101; Козенкова, 1982: табл. V, 14–20; 1995: табл. I, 6–17; XXI, 10, 11; Ванчугов, 1990: рис. 38, 9, 10; 1997: 162; Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 21, 17–19; Дубовская, 1993: 142, 145; Колотухин, 1996: рис. 27, 23; Dubovskaja, 1997: 318, Abb. 26; Крушельницка, 1998: рис. 105, 1–3; В, С; Лукьяшко, 1999: рис. 11, 5; Кашуба, 2000: 321, 389, рис. LIV, 3; LXIV, 6; Мо-

лодин и др., 2004: рис. 52, 1; Агульников, 2005: табл. I, 5, 2; Махортых, 2005: 36, 103, рис. 20; 39, 1–7 и др.; Czorek, 2009: 141, Rys., 1; 2).

Орудия шаровидной или близкой к шаровидной формы – сфероиды (рис. D3, 4–10; D4, 1–10; D5, 1–11; D6, 1–7). Это полифункциональные орудия металлообработки, использовались также как ручные молотки, отбойники и, возможно, как пращевые камни.

Ступка (рис. D6, 8) отнесена к группе металлообрабатывающих орудий условно, так как ее трасологическое изучение не производилось. Г.Ф. Коробкова указывала на вероятность использования подобных изделий как подшипников ручных дределей при сверлении камня и кости. Другие исследователи не исключали их вторичного использования как ступок (Шарафутдинова И., 1982: 134; Черняков, 1985: 92, рис. 43). Такие каменные изделия в Восточном Средиземноморье и Эгеиде многие исследователи интерпретируют как лампы и появление их в Трое VI связывают с крито-микенским влиянием (Gerškovič, 1999: 64, 65). В Северном Причерноморье и Поднепровье они появились в эпоху поздней бронзы и, как видим, существовали и в переходный период к раннему железному веку.

V.3.2. ОРУДИЯ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Лощила из обломка привязного топоромолота (рис. D9, 5), из орудия с намеченными рабочими гранями (рис. D8, 1), песты (рис. D8, 3), округлого в сечении орудия (рис. D8, 4) и из гальки (рис. D8, 2).

V.3.3. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ

Кремневые вкладыши составных серпов представлены двумя формами.

1. Бифасиальные клювовидные (рис. D12, 1, 4, 7, 8).

2. Бифасиальные трапециевидные (рис. D12, 2).

Такие вкладыши широко представлены в тцинецко-комаровском круге, позже в лужицкой и висоцкой культурах, непоротовской группе памятников, по Л.И. Крушельницкой, белогрудовской и чернолесской культурах¹ (Крушельницка, 1985: рис. 19,

7; 22, 6; 35, 1–6, 8, 12, 13; 1998: 170, рис. 37, 1–3, 7–10; 62, 8; 104, 1–8; 143, 7, 8, 10; Разумов, 2010: 36, рис. 2, 6, 7), лежничкой группе памятников (восточная филиация лужицкой культуры) Вольни (Бандрівський та ін., 1993: рис. 80, 14; 82, 9, 10), кизил-кобинской (Колотухин, 1996: рис. 27, 3–8). На поселении Уч-Баш найдены в III горизонте (Кравченко, 2015: 89, рис. 16, 1–4), который Э.А. Кравченко датирует второй половиной X – серединой IX вв. до н. э. (Кравченко, 2011: 112). Вкладыши для серпов распространены на Северном Кавказе (Козенкова, 1982: табл. V, 1–7) и в лесостепном Подонье (Медведев, 1999: 19).

Поскольку в лесостепном Днепровском Правобережье такие серпы использовали на протяжении всей эпохи поздней бронзы, бытование их в ее заключительный период выглядит вполне закономерным. Стоит отметить, что в постсрубных слоях поселений этого же времени в бассейне Северского Донца на фоне затухания добычи местной медной руды ощущается оживление кремнеобработки (Отрощенко, 2002: 379), и изготовление именно бифасиальных вкладышей из местного кремневого известняка составило особую ее отрасль (Колесник и Гершкович, 2001: 113–115). Такой кремневый Ренессанс не в последнюю очередь мог зависеть от влияний правобережных лесостепных традиций в форме прямой передачи забытых на востоке приемов двухсторонней обработки кремня. Большие масштабы кремнеобработки на территории Украины для конца II тыс. до н. э. фиксируются для висоцкой культуры, на поселениях-мастерских которой массово изготавливали орудия типа топоров, наконечников копий, а также серпов (Конопля і Онишук, 2008: 112–115, рис. 1, 2; 2, 1; 4, 2 та ін.).

Кремневые обломки (рис. D12, 3, 5) нуклеусов в начальной стадии расщепления.

Зернотерки близкой к квадратной (рис. D7, 4) и близкой к овальной формами (рис. D7, 2, 5) с одной рабочей поверхностью и верхние камни-куранты к ним (рис. D7, 1, 3). Такие изделия широко распространены в эпоху поздней бронзы в степной и лесостепной зонах, в том числе на памятниках территориально и в культурном отношении близких Суботовскому городищу – Чикаловка, Вовкова и др. (Тереножкин, 1961: 88–89, рис. 59; 60; Ромашко, 2013: 107). Обычны они и для культуры Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: 321), белозерской Северного Причерноморья (Ванчугов, 1990: 102) и Нижне-

1. Их ранее принятое обозначение как серпы белогрудовского типа устарело.

го Поднепровья¹, постсрубных горизонтов поселений Северского Донца (Буйнов, 1994: 7–8), дотаврских слоев поселений горного, предгорного и степного Крыма (Кравченко, 2015: 89).

Часть предметов из камня не имеет четких признаков, по которым можно было судить об их принадлежности к той или иной категории. Речь идет о различных обломках и мелких камнях (рис. D11, 1–12).

V.3.4. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Фрагменты проушных обушковых топоров (рис. D9, 1, 2 (?), 3, 4; D10, 1–3), использованные в металлообработке. На одном экземпляре намечены выступы по бокам на уровне проуха (рис. D10, 5).

Каменные топоры – целые и во фрагментах – широко представлены в культуре Козия–Сахарна и Бабадаг (Кашуба, 2000: 321, рис. XXVIII, 12, 15, 18), в культурах каннелированного гальштата (Leviṭski, 1994: Fig. 60, 4–6; Renṭa, 2008: Fig. 72, 2, 10), белозерской культуре (Ванчугов, 1990: рис. 38, 11–17). Известны они и на чернолесских памятниках Среднего Поднепровья (Крушельницка, 1998: рис. 105, 7, 12, 13), в Среднем Поднепровье и в бассейне Северского Донца (Ромашко, 2013: 107, рис. 88, 34, 35; 112, 7, 12; Куштан, 2013: рис. 33, 23, 36), в черногоровских и новочеркасских погребениях (Dubovskaĵa, 1997: 318, Abb. 26, B, C, 21, 22, 23), в кобяковской и кобанской культурах (Шарафутдинова Э., 1980: табл. XXXV, 2; Козенкова, 1982: табл. V, 22, 23; Лукьяшко, 1999: рис. 14), кизил-кобинской культуре Крыма (Колотухин, 1996: рис. 27, 24–28; 2003: рис. 65, 12; Кравченко, 2015: 77, рис. 2).

Довольно частые находки фрагментов топоров со следами вторичного использования демонстрирует стремление к максимальному использованию таких орудий, причем, вряд ли, исключительно благодаря только их физическим свойствам.

Заготовка булавы (?) (рис. D4, 4). В готовом виде должна была приобрести шаровидную или грушевидную форму. Ее изготовление было прекращено из-за неудачного выбора места сверления отверстия.

Булавы известны в культурах каннелированного гальштата (Leviṭski, 1994: Fig. 60, 7), в Среднем Поднепровье заготовка булавы грушевидной формы найдена в Большой Андрусовке (Куштан, 2013: рис. 42, 18), ша-

ровидные – в новочеркасском погребении в Луговом в Крыму (Махортых, 2005: 102, рис. 21, 17) и на поселении Уч-Баш (Кравченко, 2015: 75, 76, рис. 1), в Николаевском могильнике в Предкавказье (Тереножкин, 1976: рис. 84). Шаровидные и грушевидные булавы также известны в раннеананьинских погребениях Волго-Камья (Халиков, 1977: 182, рис. 70, 1, 2), шаровидные – в кобанской культуре (Козенкова, 1982: табл. XVIII, 2–4).

V.4. ПЛАСТИКА

Представлена очень фрагментированными глиняными статуэтками, по сохранившимся деталям которых, несмотря на значительный схематизм, распознаются фигурка человека и животных.

1. Торс человека (рис. H5, 3). Конечности и верхняя часть обломаны.

2. Фигурка коня – шея с гривой, грудь и предплечье (H5, 4).

3. Головка (рис. H5, 1) удлиненных очертаний и углом наклона примерно в 45°, свойственного коням.

4. Фигурки свиней – туловища (H5, 2, 5) с четко обозначенными спиной, брюхом, крестцом, коротким хвостом и ногами. Конечности и передние части обломаны.

Статуэтки, стилистически близкие суботовским, найдены на белогрудовских поселениях в Собковке, Ворошиловке (Безанская, 1982: 192), Чикаловке (Ромашко, 2013: рис. 44, 13), в культурах Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: 337, 338, рис. XXXIII, 1, 4, 6), Бабадаг (Jugănaŕu, 2005: Fig. 10, 1–5, 18–20), Гава-Голиграды (Малеев, 2007: 65, рис. 1–4) и кизил-кобинской (Колотухин, 2003: рис. 60, 27, 29). Начало их использования теоретически может восходить к более древнему культурному комплексу Ноуа-Сабатиновка-Кослоджен Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья, на памятниках которого глиняные статуэтки (антропо- и зооморфные) не являются редкими находками (Florescu, 1991: Fig. 95, 1–3; Gerškovič, 1999: Taf. 38, 4–8; Renṭa, 2008: Fig. 13; 14, 1). Следует также учитывать широкое распространение глиняной пластики в культурах каннелированного гальштата (Horedt, 1963: 532, Abb. 6, 1–6; Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: 69–70, Fig. 27; 28, 2–8; László, 1994: Fig. 46–48; 1995; Кашуба, 2000: 337–339), связанных с более ранними культурами Среднего Подунавья (Guma, 1995: 102).

1. Погребение 32 Брилевского могильника в Нижнем Поднепровье (материалы не опубликованы).

В.И. Козенкова выделила для Северного Кавказа девять типов антропоморфных статуэток. Среди них типы IV, VI первого этапа кобанской культуры (Козенкова, 1982: 68) близки суботовской по манере исполнения конечностей и головы. Зооморфные отличаются большим разнообразием – там встречаются статуэтки собак и птиц (Козенкова, 1982: 68–71, табл. XLII, 8–10; XLIII). При вполне возможных местных и / или южнокавказских источниках широкое бытование глиняной пластики на Северном Кавказе в начале I тыс. до н. э. совпадает с ее распространением и в раннегальштатском Карпато-Подунавье.

V.5. МЕЛКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Пряслица глиняные представлены так.

1. Большие и малые дисковидные и овальные в сечении с выступами – колесовидные (рис. Н3, 3–7, 9, 12; Н4, 8, 9, 12, 15).

Аналогичные пряслица встречаются на чернолесских и белогрудовских памятниках (Березанская, 1982: рис. 21, 5; 22, 15; Палагута, 1996: 66, рис. 3, 5; Рыбалова, 1999: рис. 3, 4), на раннегальштатских поселениях Карпато-Подунавья и на Балканах (Medović, 1988: Sl. 29, 5; 45, 16; 54, 2; 60, 7; Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 27; 28, 1–10; Gumă, 1993: Pl. XXXV, 3), в материалах белозерских памятников Нижнего Поднепровья (Оленковський і Гершкович, 1993: рис. 6, 14–16) и в Крыму (Колотухин, 1996: рис. 15, 25). В Верхнем Подесенье типичное колесовидное пряслице найдено на Почепском поселении позднесосницкой (?) культуры (Буйнов, 2014: 160, рис. 7, 4).

2. Малые круглые и сегментовидные в сечении (рис. Н4, 2, 6, 14, 16).

3. Малые шестигранные и близкие к трапециевидным в сечении (рис. Н4, 10, 17). Шестигранное орнаментировано врезными отрезками-лучами на одной из горизонтальных плоскостей.

Соотнесение некоторых подобных изделий именно с пряслицами, приспособлениями для утяжеления веретена, не всегда очевидно. Особенно это касается образцов с очень узким сквозным отверстием (рис. Н4, 8, 11), вряд ли пригодных для насадки на веретено. Есть экземпляры с отверстиями (рис. Н3, 1, 2), лишь намеченными с двух противоположных сторон. Не исключено, что в последнем случае перед нами бракованные изделия, у которых отверстия «заплыли» перед обжигом или во время его.

Подобное изделие с одним «запльвившим» отверстием известно в материалах бондарихинского поселения Орехово-Донецкое IV на Северском Донце (Горбов и Усачук, 2001: рис. 13, 16).

Не останавливаясь на многочисленных аналогиях в кругу названных памятников и культур разных территорий, обратим внимание на некоторое сходство орнаментации в виде лучей на биконическом пряслице (рис. Н4, 17) с орнаментами на пряслицах из поселения Богуслав в Среднем Поднепровье (Ромашко, 2013: рис. 85, 16) и раннегальштатского поселения Буку-Почина в бассейне Яломицы (Rența, 2008: Fig. 147, 2). Биконические пряслица известны в культуре Козия–Сахарна (Кашуба и Гольцева, 1991: рис. 4, 2).

Кружки из стенок сосудов (рис. Н2), края обточены и сработаны. Это – обычная категория находок на поселениях эпохи поздней бронзы. Вероятнее всего, они служили ложилами. А.В. Гейко, рассмотрев такие изделия в широком хронологическом диапазоне от энеолита до XIX–XX вв., трактует их как принадлежность манипуляционных или ритуальных игр – кремьяхи (Гейко, 2015: 15, 57, 171 та ін.). Приводимые им многочисленные этнографические свидетельства такого использования противоречат археологическим данным. В эпоху бронзы игральные наборы представлены в погребениях исключительно астрагалами, кремьяхи же не встречены ни в одном из сотен, если не тысяч, погребений.

Изделие глиняное (рис. Н3, 8), овальное в сечении. Назначение непонятно. Подобные изделия (шарики) известны на памятниках хвалынской культуры позднего бронзового века Нижнего Поволжья и восточной зоны культур валиковой керамики (Малов, 2013: 105, рис. 5, 3).

Предмет глиняный бочонковидный со сквозным продольным и поперечным несквозным отверстиями (рис. Н4, 1).

Цилиндрок глиняный со сквозным узким продольным отверстием (рис. Н4, 3).

Мелкие предметы с отверстиями – бусы или подвески. Керамические бусы существовали еще в эпоху поздней бронзы, но встречаются и в слоях поселений переходного периода (Ромашко, 2013: 94, 95).

Предмет глиняный продолговатый с поперечным узким сквозным отверстием в центре (рис. Н4, 4). А.И. Тереножкин обозначил его как «игрушечное воспроизведение каменного топора» (1961: 72, рис. 47, 3). Аналогичное

найденно на поселении в Белогрудовском лесу (Тереножкин, 1961: 54, рис. 28, 8). Подобные модели топоров представлены на памятниках переходного периода Северного Кавказа (Козенкова, 1982: 66, табл. XLI, 7).

Штамп-орнаментир глиняный овальной формы (рис. H5, 6). Один продольный край зубчатый, более тонкий и слегка загнут, противоположный – округлый и утолщен. Напоминает штампы культуры Козия–Сахарна, но там они комбинированные, с двумя рабочими поверхностями (Кашуба, 2000: 317). В Бабадаге II найден глиняный штамп (Morintz, 1987: Fig. 11, 2), на котором, кроме зубчиков для псевдошнуровых отпечатков, имеется специальный выступ для нанесения концентрических окружностей. находка из Суботовского городища, отличаясь от раннегальштатских формой (Hänsel, 1976: Taf. 3–10), также комбинированная, но только если допустить, что одна ее сторона предназначалась для нанесения зубчатого орнамента и / или расчесов, другая – для проработки глубоких борозд-каннелюр и лощения.

Кроме изделий и украшений из бронзы, камня и кости, на городище найдены также мелкие **фаянсовые бусы** (рис. E6, 1), **подвески из створки** раковины (рис. H5, 7, 8), которые в переходный период известны, например, в восточном варианте кобанской культуры Северного Кавказа (Козенкова, 1982: табл. XLI, 5) и на кизил-кобинских поселениях Крыма (Колотухин, 1996: рис. 12, 10; 27, 22, 29; 2003: рис. 64, 14; 65, 23).

Рассмотренный материальный комплекс Суботовского городища очевидно неоднороден. После приведенных многочисленных аналогий с разных территорий и культур может сложиться впечатление о хаотичных связях населения Суботовского городища в пространстве и времени. Однако за кажущейся хаотичностью скрывается многокомпонентность историко-культурных образований переходного периода, обусловленная влияниями различных очагов культурогенеза, а, возможно, и миграциями. О них речь пойдет в заключительных главах.

СЛЕДЫ ОБЫЧАЕВ, ОБРЯДОВ И РИТУАЛОВ

VI.1. ПРОФАННОЕ И САКРАЛЬНОЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Такие социокультурные явления как обычай, обряд, ритуал являются составляющими широкого родового понятия традиция. Обычаи возникают на основе повседневных привычек и связаны с реальной практической деятельностью, ритуалы – последовательные символические действия, связанные с сакральной сферой, обряды – это совокупность ритуалов, набор комплексных стереотипных действий символического характера, зависящих от бытовых норм (Триль, 2008: 265, 266).

Рукотворные вещи в первобытной культуре освящались, т. е. были связаны с мифологическими представлениями и нормами (Каган, 1996: 206–207). Даже в современной традиционной культуре различия практики и символов, включенных в обычаи и ритуалы, трудноуловимы, предметы оцениваются не только сугубо функционально, но и с учетом их символического смысла (Байбурин, 1983: 8; 1993: 173). На это обращают внимание археологи-постпроцессуалисты (Bell, 1992: 6, 74; 1997), подчеркивая, что в обществах, изучаемых этнографами, ритуальность определяется лишь из того или иного контекста и всегда остается весьма относительной. Многие общества вообще не различают ритуальные и бытовые, повседневные действия (Brück, 1999b: 314–316).

Если в реальной жизни границы между профанным и сакральным размыты, если

существуют не всегда поддающиеся учету переходы между ними, то тем более они трудно уловимы в археологическом источнике. Древним производствам, предметам, строительным объектам, не понятным с точки зрения нынешних знаний, норм и представлений, часто приписывают культовый характер, священное содержание, ритуальность. В этом, помимо объективных трудностей, сказывается желание выдавать интерпретации за факты, т. н. гуманитарный позитивизм, постоянно подпитываемый стремлением проникнуть в манящий мир древних культов и ритуалов. В итоге поселения и городища с их разнообразными бытовыми, производственными и фортификационными объектами становятся конгломератами жертвенных мест¹, святилищ и алтарей. Затем нередко реконструируют не безобидные идеологические химеры, приправленные изрядной дозой мистики и псевдо-сенсациями (Гершкович, 2011: 110, 111). Впрочем, существуют однозначные сопоставления непонятных объектов и исключительно с бытовой сферой.

1. Выявление на поселениях жертвенников-алтарей или просто жертвенников, пожалуй, наиболее распространено. Для этого бывает достаточно факта приподнятости некоей локальной площадки, «столиков», расположения у очагов скопления вальков или камней, фигурок животных, мела, гематита, астрагалов и т. п. (см.: Зданович, 1988: 28; 2013: 150–152; Березанская, 1990: 85, рис. 23; Кузьмина, 1994: 82; Горбов и Мимоход, 1999: 25; Берестнев, 2001: 79–80).

При выяснении сущности монументальных археологических памятников исследователи часто обращают внимание на такие отдельные детали или признаки, трактовка которых через кажущиеся очевидными аналогии надолго, если не навсегда, закрывает путь к получению объективной информации. Разрыв между желанием и возможностью понять археологический источник хорошо виден на примере длительных, но безуспешных дискуссий относительно интерпретации зольников. Есть смысл кратко коснуться и других примеров ошибочных, тупиковых толкований. В истории археологии их много, поэтому приходится выйти за пределы одного памятника, эпохи и региона.

К числу «домов мертвых» долго причисляли т. н. площадки трипольской культуры. Как сугубо ритуальные оценивали лабиринты из необработанных камней («вавилонь»), рассредоточенные от побережья Белого моря до Британских островов. Однако со временем было установлено, что трипольские площадки представляли собой жилища, которые подвергались сожжению (Зиньковский, 1976: 45, 46, 49), ритуализировались на этапе их оставления (Круц, 2003; Гершкович, 2003а: 28–30; Бурдо, 2011: 39; Зиньковский, 2013: 95), а беломорские лабиринты были связаны не только с промысловой магией, но и хозяйственной деятельностью (Гурина, 1953: 419).

Показательна история изучения хенджей — земляных структур-ограждений бронзового и железного веков Западной и Центральной Европы с многочисленными столбовыми ямами. Традиционно им приписывали церемониальное назначение. Такая трактовка вытекала из сравнения со средневековыми столбовыми постройками (хоррею) в Галисии на северо-западе Пиренейского полуострова. Но последние, хотя и имели на крышах кресты и располагались на открытых участках местности, представляли собой не культовые (церковные) сооружения, а зернохранилища. Для просушки зерна и предохранения его от грызунов их возводили на каменных столбах¹, и они одновременно выполняли и практическую, и символическую функции (Bradley, 2005: 4–12, 15–19). Такой же памятник возле Дюрингтон Волл, недалеко от Стоунхенджа, содержащий шесть

концентрических кругов из ям, сперва был принят за церемониальный центр, но позже сами авторы этого заключения признали его обычным поселением.

Кельтский памятник Мшецке Жировице в Богемии интерпретировали как святилище из-за находок огромного количества украшений наряду с обычными производственно-бытовыми остатками. Однако выяснилось, что возле этого поселения располагались богатые залежи железа и сапропелита (ископаемого угля), использовавшихся местными древними мастерами для изготовления вотивных предметов (Bradley, 2005: 20–21).

Ученица профессора М. Корфмана М. Пьененшек-Сикора в недавней статье под интригующим названием «Культовые ландшафты степи. К истокам сакральной архитектуры Северного Причерноморья» доказывает, что часть жилища поселения раннебелозерского времени Вороновка II в Северо-Западном Причерноморье имела сакральную функцию (Pieniżek, 2011). Основанием для этого послужили признаки храмов, разработанные К. Ренфрю (Renfrew, 1995: 49, 51–52), и предположение, что ключ к культовой интерпретации построек скрыт в их необычном плане и архитектуре (Pieniżek, 2011: 10). Исследовательница обратила внимание на наличие в Вороновке II в одном из блоков стелообразных плит, множество ниш в стенах, симметричное их расположение и ориентацию по сторонам света, сравнительно большое количество находок костей лошади, отсутствие костей свиньи и очагов. Как святилища она интерпретировала зольники белогрудовского типа и постройки на Хортице и Диком Саду, хотя зольники, как показано выше (см. главу II), формировались на месте групп жилищ, т. е. на бытовом памятнике.

Постоянная участница раскопок в Трое, М. Пьененшек-Сикора почему-то упустила из вида, что находки стел перед южными воротами Трои не означают, что Троя была храмом. Что касается Вороновки-II, то костей лошадей там действительно много, но это характерно для поселений позднесабатиновского-раннебелозерского периода Северного Причерноморья. Стационарные очаги довольно часто отсутствуют в жилищах эпохи поздней бронзы (Шарафутдинова И., 1982: 40), где они замещались переносными жаровнями. Порой бывает обманчива стелообразность плит. Не только в помещении, рассмотренном М. Пьяне-

1. С.С. Березанская в качестве ритуальных рассматривает небольшие столбовые постройки на поселении Пустынка (Березанская, 1974: 75–82, рис. 23, 26, 28).

шек-Сикорой, но и в других жилищах Воронки-II могли быть ниши, за которые легко принять неровности кладки. Наконец — и это главное — М. Пьянешек-Сикора выбрала для рассмотрения лишь один блок в северо-западной части довольно сложного по структуре комплекса каменных сооружений (Pienązer, 2011: Abb. 5–7; см.: Ванчугов и др., 1991: рис. 4).

Во многих т. н. круглых домах начала I тыс. до н. э. в южной Англии находки концентрировались в южной половине. На основании этого считали, что они очерчивают бытовое пространство для приготовления пищи. Однако дополнительный анализ показал, что такое распределение связано с порядком обрядовых действий, ритуализацией режима оставления дома (Webley, 2007: 139).

В 1980-х гг. значительное внимание стали уделять т. н. упорядоченным размещениям¹. Под ними подразумевали особые типы керамики и иные изделия, попавшие в культурный слой после преднамеренного, целенаправленного размещения остатков материальной культуры. Признаки преднамеренности видели в повторяемости (парности) находок одной категории или типа, их совместном залегании в пределах тех или иных участков жилищ, ям, рвов, культурного слоя и т. п. Действительно, теоретически керамика, слитки и изделия из бронзы, кости животных, угли, куски обожженной глины и т. д. на разных этапах существования домохозяйства так или иначе использовались в ритуалах, приуроченных к тем или иным событиям. Но практически большинство из них попали в культурный слой из-за поломки, выбраковки при изготовлении и просто потери, а не обязательно, как поневоле получается у некоторых исследователей, в ходе преднамеренных «медитативных» обрядовых манипуляций (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2013: 42, 44).

Английский археолог Д. Геррау назвал однозначные культовые сопоставления «гиперобъяснительным поворотом», справедливо указывая на необходимость даже в, казалось бы, очевидных случаях взвешенной и осторожной оценки. Он, в частности, писал: «мы как археологи, стремясь понять прошлое, должны исследовать также мате-

риальное отражение обычной повседневной жизни. Говоря это, я не защищаю направление, которое делает прошлое более скучным. В конечном счете, я думаю, что, если мы способны исследовать «повседневное» ..., то это также является большим достижением» (Garrow, 2012: 13, 85, 102–104, 114). Но как именно реализовать этот призыв и распознать, а распознав, разграничить те или иные поведенческие закономерности, профанное и сакральное, в археологических источниках, если они и в реальной жизни часто (если не всегда) имеют двойное содержание?

Так как нынешнее понимание необычности чрезвычайно субъективно, необходим не только учет расположения построек и иных объектов на поселении, а предметов в объектах и постройках, не только рассмотрение архитектуры жилищ или, тем более, их отдельных частей (как в восточной притче о слоне, представление о котором несколько слепцов безуспешно пытались получить, прикоснувшись к разным частям его тела). Главное — избежать упрощенного механистического восприятия памятника как застывшей статичной единицы, выявить его внутреннюю динамику, «структуру наполнения комплекса» (Мимоход, 2001: 95), последовательность и причины его формирования и потенциальные преобразования (Kadrow, 1998: 294–296).

Относительно Суботовского городища снова обратимся к процессу археологизации домохозяйств, соотнесенную с этапами формирования зольников белогрудовского типа (см. главу II). Только в этом случае следы обрядов и ритуалов обретут свой контекст в рамках искомой динамичной системы. В этой системе менялось назначение объектов и предметов.

VI.2. ОБЫЧАИ И РИТУАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗВЕДЕНИЕМ, ОБУСТРОЙСТВОМ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ ЖИЛИЩА

Возведение, обустройство и функционирование жилищ соответствуют I–II этапам археологизации домохозяйств, которые они образуют. Бросается в глаза, что с неизменным постоянством исследователи поселений находят следы ритуальных действий, связанные лишь с закладкой дома (Еньшин, Скочина и Зах, 2012: 43, 44). На Суботовском городище таких следов очень мало, так как

1. Среди других принятых обозначений можно встретить и такие, как преднамеренные отложения, формальные, формализованные, неутилитарные, странные, отобранные (Garrow, 2012: 93, 94).

они уничтожены на следующем этапе – этапе оставления жилищ.

Обычай, обусловленные хозяйственно-бытовыми стереотипами и нормами, проявляются в выборе места для сооружения печей и очагов, столиков и т. п., но лучше всего – по функциональным различиям типов ям, связанных с конструкцией жилищ. Ямы, которые служили для установки опор каркаса и кровли (IC и ID), помимо конструктивного назначения, имели и некое семиотическое содержание наподобие матиц и перекрытий в восточнославянском доме (Байбурин, 1993: 164–165). Опоры жилищ, по мнению Р. Мимохода, в «ритуально отмеченные моменты» выполняли функцию жертвенника (1999: 177).

Очень показательны ямы типа IV, не попадающие во внешние поперечные и продольные пролеты каркасов. Иногда они расположены ассиметрично в их пределах и во всех прослеженных случаях находились на одной оси со входом в северо-восточной и северной частях жилища (рис. A10, 2; A21, 2; A27, 2). Понятно, что при таком расположении именно на установленные в этих ямах столбы попадал утренний свет.

В общей структуре построек разных стран и народов, часто не связанных ни генетически, ни хронологически, видим наличие столбов, не имевших (как и столбы в ямах типа IV) исключительно утилитарного назначения. Одна из четырех опор в домах ведийских индоариев, согласно Атхарваведе, именовалась «царским столбом» или «стуна раджа» (Кузьмина, 1994: 96–97). По В.Н. Топорову, в ареале раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы, Передней Азии и Кавказа столб являлся воплощением богини, которая была призвана покровительствовать жилищу, «ее идеограмма изображалась на центральном столбе дома и ... на его угловых камнях, а также над входом» (Топоров, 1992: 12–14). У айнов, древнего населения Японии, у столба напротив входа размещался домашний алтарь. Ираноязычные таджики, входя в дом, когда в нем никого нет, здороваются с главным в доме «царским столбом» на дальнем от входа конце нар (Андреев, 1958: 445). В избах современных нанайцев напротив входа у стены имеется «столб гусин», не несущий утилитарной нагрузки. У бурят деревянная юрта использовалась в качестве своеобразных солнечных часов – для этого опоры устанавливали с учетом ориентировки входа, а та из них, на которую попадали

утренние лучи, называется баруун-хойто тээнди. В полдень и перед закатом солнца лучи попадали на другие столбы, определяя начало той или иной работы вплоть до вечерней дойки и ужина (Басаева, 1984). У таджиков долины Хуф по попаданию луча солнца через отверстие в крыше на те или иные столбы и участки стен определялись наиболее важные дни (Андреев, 1958: 163). Киргизы при установлении юрты ориентировали вход в зависимости от рельефа местности и направления ветра, но преобладала ориентация на восток, на центр аила.

Принято считать, что принцип устройства жилищ переносят на погребальные сооружения, «дома мертвых»: перекрытие могилы – крыша жилища, сама могила – котлован жилища и т. п. На этнографическом уровне отмечается «сближение» гроба и дома в ритуалах и космологических представлениях (Байбурин, 1993: 110). В украинском языке гроб – домовына.

Одной из общих деталей и для жилищ, и для могил являются также столбовые ямы. Они встречаются не повсеместно и не во всех могилах, т. е. конструкции, следы которых они отражают, возводили не во всех случаях и не для всех. В эпоху поздней бронзы они известны в погребениях БМСК, причем концентрируются в западном ее ареале, в Поднепровье (Цимиданов, 2004: 48, рис. 25, табл. 4). Столбы выявлены в известном погребении с богатым и разнообразным набором инвентаря тшинецко-комаровской культуры в кургане II в Иванье на Волини (Свешников, 1968: рис. 2–4), в таких же погребениях Гордеевского могильника, в курганно-грунтовых некрополях белозерской культуры Северного и Северо-Западного Причерноморья (Отрощенко, 1975: 196–206; Agulnikov, 1996: Fig. 4, 1; 8, 5; 14, 9; 16, 1; 19, 10; 20, 4) и, наконец, в погребениях, которые считают уже киммерийскими – Холмское, Софиевка, Слободзея, Зольное (Тереножкин, 1976: 60–61, рис. 29; Махортых, 2005: 92, 140, рис. 152, 1), а также скифских лесостепных и степных (Ольховский, 1978: 95–96). Таким образом, подобная традиция обустройства могилы имеет глубокие местные истоки, обеспечившие ее широкое бытование во времени и не восходит, как принято считать (Ольховский, 1978: 95–96; Мурзин, 1984: 58; Махортых, 2005: 277; Гречко, 2013: 147), только к белозерской культуре.

В.В. Отрощенко обратил внимание на отсутствие внутри таких ям собственно

столбов и предположил, что они связаны с установкой навеса над умершим (Отрощенко, 1981: 131). В принципе такое наблюдение подтвердил и В.П. Ванчугов, который, анализируя могилы белозерских захоронений по форме и конструкции (1997: 158, 159), выделил несколько их типов, два из которых имеют или просто столбовые ямы, или такие ямы в сочетании с канавками по периметру дна. Ни в одной из ям нет ни малейших признаков столбов, хотя в перекрытиях деревянные детали везде хорошо сохранились. То же отмечено для могил Гордеевского могильника, в которых найдены «как это не удивительно, достаточно незначительные фрагменты дерева» (Березанська і Ключко, 2011: 44). В столбовых ямах суботовских жилищ также фактически нет древесных остатков — они удалены в ходе разборки этих жилищ. Остатки столба в виде кусков горелого дерева встречены лишь в заполнении ямы № 38 и возле очагов в жилище № 6 (рис. А21, 1).

Очевидно, в случаях со столбовыми ямками проявляется сходство жилищ и могил не только в наличии общих конструктивных элементов, но и в обращении с ними. В могилах ямки предназначались для установки деревянных конструкций типа балдахина или носилок на ножках, которые разбирали и удаляли из могилы перед ее засыпкой, т. е. с ними обращались также, как с жилищами при обряде их оставления.

VI.3. ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ ПРИ ОСТАВЛЕНИИ ЖИЛИЩ И ВОЗМОЖНАЯ САКРАЛИЗАЦИЯ МЕСТ БЫВШИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

На III–IV этапах археологизации домохозяйств осуществлялся переход зыбкой границы между профанным и сакральным, а именно: происходила разборка жилищ, захоронение людей, оставляли клады и т. п.

В целом ритуализировались накопленные на предыдущих этапах бытовые остатки, по сути, обычный мусор, т. е. то, что по У. Раджу, представителю поведенческой археологии, изучают археологи (по: Клейн, 2011: 32). Это закономерно, так как особое отношение к мусору известно у многих народов мира. Достаточно вспомнить долину Енном (Хинном) юго-западнее древнего Иерусалима (Геенну Огненную), первоначально место выброса отходов и совершения жертвоприношений, впоследствии — один

из символов Ада. Этноархеологические исследования демонстрируют, как ритуализируется бытовой мусор у цыган, у народности мараквет в Кении, у горных нубийцев Судана (Garrow, 2012: 92).

VI.3.1. РАЗБОРКА ЖИЛИЩА

Следы разборки жилищ наиболее отчетливо выражены в преднамеренном обрушении земляных стен котлованов, ликвидации деревянных каркасов, столбов перекрытий и самих перекрытий. Разбирали печи и очаги, представляющие «трансформационный комплекс» или «канал связи между своим и иным миром, людьми и предками, между которыми происходит интенсивный обмен» (Байбурин, 1993: 215).

VI.3.2. РИТУАЛЬНОЕ «УБИЙСТВО» И «ЗАХОРОНЕНИЕ» СОСУДОВ

Археологические следы представлены разбитыми сосудами, фрагменты которых рассеивали по площади домохозяйства (рис. В4, 3; В50, 4; В52, 6; В55, 4; В61, 6; В62, 2; В73, 6), и локально расположенными целыми сосудами. Представления, лежащие в основе таких действий, созвучны кельтским, по которым разбивание символизировало переход в другое состояние и последующее возрождение (Русанова, 2002: 44). По урало-сибирским этнографическим материалам, преднамеренная ломка сосуда является одной из форм связи Верхнего Мира, неба, обиталища душ и божеств со Средним Миром, земной поверхностью (Косарев, 1984: 214, 221). В античное время захоронение частей сосудов осуществляли во время обряда эпитафии (Буйских, 2001).

На Большом Городке физически целые или поддающиеся графической реконструкции (поломаные) чаши, кубки и кубковидные сосуды происходят только с пола жилищ и нижней части их заполнений. В то же время, мисок, которых 16,5 % в коллекции (больше только горшков; табл. 19), в жилище найден лишь один целый экземпляр. Такое же «игнорирование» мисок в ритуалах прослеживается в могильниках белозерской культуры, в которых кубки, наряду с чашами, встречаются наиболее часто, а мисок очень мало или нет вовсе. В частности, в Казаклии миски найдены всего в двух из 79 погребений (Agulnikov, 1996: Fig. 11, 8; 16, 3). Нет мисок в погребениях могильника Будуржель в низовьях Дуная (Тоцев, 1992),

могильника «Степной» (Отрощенко, 1975: рис. 5), Первомайского (Евдокимов, 1987: 119) и Брилевского, самого большого белоцерского некрополя в Нижнем Поднепровье (Евдокимов, 1999).

VI.3.3. ЗАХОРОНЕНИЯ ЛЮДЕЙ И ОБРАЩЕНИЕ С ЧАСТЯМИ ИХ ТЕЛА

На городище представлены три основных вида обращения с телом умершего: традиционное погребение, т. е. в нерасчлененном виде, компактная укладка и рассредоточение отдельных частей тела.

Одно из погребений находилось в верхней части заполнения котлована помещения № 4б жилища № 4. Признаков впускной могильной ямы нет. Костяк принадлежал мужчине 55–60 лет, уложенном в слабо скорченном положении на правом боку (угол в тазобедренном суставе 125°, в коленях – 30° и 50°), головой на северо-восток, руки кистями на тазе (рис. А28, 1). На одном с ним уровне, но на небольшом удалении, найден кубок (рис. А28, 2; В77, 12), что позволяет предполагать их непосредственную связь и совершение погребения в конце засыпки котлована. Ведь сосуд находился бы рядом со скелетом лишь в ограниченном пространстве могилы.

В колоколовидной яме № 7 на раскопе VIII, у ее южной стенки, лежал, вероятно, скелет взрослого, ориентированный головой на север (рис. А8, 2). Руки согнуты в локтях, кисти на тазе, правая нога согнута, левая направлена коленом вниз, ее голеностопный сустав неестественно вывернут. Судя по этим признакам, тело было помещено (сброшено?) в яму до окончательного захоронения, т. е. вскоре после смерти. Отличия от обычного погребения видны и по специфическому обращению с телом, и по захоронению в хозяйственной яме. Если человек, тело которого помещено в яму, был насильно умерщвлен, то в этом, судя по этнографическим данным, просматривается связь с жилищной сферой и аграрными культурами (Велецкая, 1978: 53, 163–164). На поселении железного века Gussage All Saints в Южной Англии в колоколовидных ямах, которые, как доказано экспериментально, первоначально были зимними зернохранилищами, выявлены погребения, совершенные после того, как прекратилось использование этих ям (Bradley, 2005: 13, 14, Fig. 1, 6).

Указанные суботовские погребения, безусловно, не являются строительными жертвами.

Еще одно погребение открыто на уровне древнего горизонта под валом Малого Городка. Женщина (?) в возрасте 16–18 лет¹ уложена в вытянутом положении на спине головой на восток, руки кистями на тазе (рис. А31, 1, 4). Строго говоря, прямой связи с обрядом оставления жилища здесь нет, если не считать использование для сооружения вала грунта культурного слоя, отложившегося на месте домохозяйства № 6. Находясь под валом, это погребение было строительной жертвой, связанной с его возведением. Место для этого захоронения выбрано явно не случайно – оно находится там, где вал имеет наибольшую высоту, и где заканчивается проход на Малый Городок со стороны Большого. В таком расположении есть интересное совпадение с поселениями железного века Уессекса, где скопления костей животных, парные мелкие находки, кости человека приурочены к ямам с большим количеством фрагментов сосудов, которые как специальные отложения считаются символами границ и входов (Garrow, 2012: 98).

Погребения людей не редки на древних поселениях. Но так как их несоизмеримо меньше по сравнению с погребениями в курганах и грунтовых могильниках, их считают экстраординарными (Новикова, 2011: 262; Файзуллин, 2012: 226, 228). Они известны на поселениях срубной культуры (Пряхин, 1993: 29–33), в переходный период от бронзового к железному веку – в Среднем Поднепровье, например, в Осиповке, Сахновке и Залинейном (Куштан, 2013: 92), в Приазовье – на Кымышеватой-16, в бассейне Северского Донца – на поселениях Шоссейное и Глубокое Озеро-2, Рай-Стародубовка и др. Среди них есть погребения в скорченном положении на правом боку, ориентированные головой на восток (Ромашко, 2013: 160, 161, 297), т. е. в такой же позиции, что и погребение в заполнении жилища № 4².

Положение умерших в слабо скорченном положении на правом боку головой в восточном или северо-восточном направлении

1. В диапазон от 18 до 35 лет попадает один из пиков женской смертности в репродуктивный период (Козак, 2010: 256–257). На это обратил внимание и Д.С. Гречко, анализируя половозрастное распределение костных остатков людей из скифских зольников Лесостепи (Гречко, 2014: 48, табл.).
2. Преобладающее положение на правом боку характерно для погребений грунтовых и кургано-грунтовых могильников белоцерской культуры (Отрощенко, 1981: 136; Ванчугов, 1997: 161).

широко представлено в заключительный период эпохи поздней бронзы в курганных погребениях. Так, среди черногоровских погребений на правом боку составляет 16 %, восточная ориентация – 64 % (Махортых, 2005: 53–60). Но в целом погребальный обряд этого времени, как отмечают многие исследователи, потерял прежнюю степень стандартизации, и его каноны от Прута до Среднего Поднепровья и Нижнего Дона зависели от многовекторных культурных взаимодействий и спровоцированных ими локальных различий (Клочко В. и Скорый, 1993: 55; Kašuba, 2008a; Потапов, 2013a: 213).

Отход от прежних правил хорошо виден на примере серии захоронений переходного периода, XI–IX вв. до н. э., или финального, IV этапа срубной культуры, по Э.С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова Э., 1985: 158, 168), открытых в курганных могильниках Потаповский, Арпачин II, Колдыри, Северный II, Бессергеньевский в Нижнем Поволжье и Прикубанье. В некоторых из них найдены бронзовые кинжалы с параллельными лезвиями¹, большинство скелетов лежало на левом боку, но иногда на правом, головой на юго-восток и северо-восток, руки кистями вниз или вдоль тела (Шарафутдинова Э., 1991: 184–188). Положение умерших в скорченном положении на правом боку, но головой в юго-восточном направлении, отличает погребения ивановской и сусканской культур Поволжья от срубных, считается характерным для атабаевской культуры Прикамья и ряда андронидных (Колев, 2008: 212).

В прослеженных случаях погребенные в Гордеевском могильнике (большинство могил ограблено, кости умерших перемещены) уложены на боку или вытянуто на спине (Ślusarska, 2009: 369; Слюсарська, 2011: 132). Погребения в вытянутом положении (наряду со скорченными) известны в чернолесской культуре Поднепровья (Покровська, 1953: 128; Ковпаненко, 1981: 20, 58). В погребении у с. Лычково Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. скелет взрослого мужчины лежал на спине, но головой не на восток, как на Малом Городке, а на север с незначительным отклонением к востоку, руки вдоль тулова, сопровождался желез-

ным ножом (Ромашко, 1979: 105–106). Как и захороненная под валом Малого Городка женщина, уложен умерший (или умершая?) в раннечерногоровском погребении могильника Подгорный в Волгоградской обл., в котором были такие же роговые псалии (Вальчак, Мамонтов и Сазонов, 1996: 30, рис. 5, 1–7), что и найденные на полу жилища № 6 в Суботове (рис. С15, 1, 2). Погребение белозерской культуры в вытянутом положении на спине, ориентированное головой на восток, обнаружено в известном Лукьяновском кургане на Херсонщине (Фабриціус, 1927: 8, 9).

В.В. Потапов существенно уточнил культурную принадлежность немногочисленной группы погребений в вытянутом положении в низовьях Дона. Исследователь выяснил, что они, наряду с обрядовыми особенностями, свойственными маклашеевской культуре Волго-Камья (см.: Халиков, 1980: 60–66, табл. 9–20), содержат и предметы маклашеевского облика, в частности кельт с лобным ушком, несколько типов наконечников стрел и украшений. В погребении 17 грунтового могильника «Крест» найдены псалии типа Деревка / Усатово, его дата по результатам радиоуглеродного анализа определена XI–IX вв. до н. э. (Потапов, 2013: 224; рис. 3, 1). В.В. Потапов вполне обоснованно связал такие погребения с маклашеевским инфильтратом, интегрированным в местную кобяковскую среду (Там же: 226). Вероятно, некое маклашеевское влияние достигло и лесостепного Подонцовья (Гершкович, Панковский и Шамрай, 2013: 192–193), затем – и Среднего и даже Нижнего Поднепровья, что и проявилось в традиции хоронить умершего на спине, правда, иногда с разной ориентацией.

По наблюдениям М.Т. Кашубы, в зоне культур раннего гальштата погребения на поселениях изредка встречаются в культурах Гава-Голиграды и Кишинэу–Корлэтець, но их значительно больше на памятниках более позднего горизонта (2000: 284). Последнее совпадает с забвением традиции оставления кладов и их «замещением» погребениями людей (Kašuba, 2008a). То же прослежено на поселениях культуры Бабадаг (Jugănar, 2005: 32, Fig. 8; 9).

Погребения в колоколовидных ямах на поселениях культуры Козия–Сахарна М.Т. Кашуба относит к типу II.3 (Kašuba, 2008a: Fig. 3). Этот тип (погребение в сильно скорченном положении на правом боку головой на северо-запад) встречен на посе-

1. Донецкие археологи отметили некорректность такого обозначения, имея в виду, что лезвия ножей не всегда параллельны, и предложили иное – ножи с прямыми лезвиями, заметив, что их лезвия не всегда прямые (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2012: 195).

лении чернолесской культуры Непорото-во II (Крушельницка, 1998: рис. 18, 1). Это указывает на передачу ритуально-культурной практики носителями культуры Козия–Сахарна не только в позднечернолесскую среду Среднего Поднестровья (Кашуба, 2000: 339), но и далее на восток, где такой тип погребения встречен на Суботовском городище в указанной яме № 7 раскопа VIII. В слое культуры Бабадаг фазы II на поселении Енисала-Паланка в северо-восточной Добрудже в цилиндрических ямах найдены парные и единичные скорченные погребения в «неестественном положении», спиной вверх (Ailincăi, Mihai și Constantinescu, 2013: 393, 394, 402, Fig. 4; 7). Семантически подобный обряд – положение ничком – близок прослеженному в указанном суботовском погребении. Такую позу для погребений срубной культуры эпохи поздней бронзы не увязывают с социальным статусом умерших (Цимиданов, 2004: 63).

Вопрос о принципах выбора ориентации и позы при захоронении умерших не решен и заслуживает отдельного рассмотрения. Широкий перечень условий или причин, влияющих на выбор тех или иных погребальных норм – изменения по мере развития культуры, зависимость от локальных условий, расположения в кургане, «престижность», зависимость от пола (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2012: 209–210) – не вселяет оптимизма в получении однозначного ответа. Можно наметить огромное множество факторов, влияющих на ориентацию, но всегда останется не выясненным вопрос, все ли факторы перечислены и какие из них были главными. Ко всему, для экстраординарных погребений эти факторы могли быть принципиально иными, чем для курганных.

Раскальвание человеческих костей и операции с отдельными частями тела (разновидности демембрации) являются следствием культовой антропофагии или жертвоприношений. Отдельные кости людей найдены в разных частях Большого Городка, больше всего – в пределах домохозяйства № 1, но есть также в домохозяйствах № 2 и 3, а отсутствие в остальных, вероятно, связано с малой площадью раскопок. На раскопе VIII в яме № 2 выявлены уложенные вместе бедренные кости и череп под ними (рис. А8, 1); в яме № 8 – таз взрослого; в яме № 9 – плечевые кости; в культурном слое возле ям – обломанные и расколотые бедренные кости. На раскопе IX в яме

№ 18 была бедренная кость; на раскопе XII в яме № 12 – черепная крышка; в культурном слое – несколько неопределимых костей, возможно, конечностей. На раскопе III в яме № 7 выявлены берцовые кости; в яме № 22 – череп; на полу жилища № 6 – бедренная кость. На раскопе IV в заполнении помещения № 4б отмечены ребра и позвонки¹.

Манипуляции, как правило, с определенными частями тела – конечностями и черепами – известны и на других поселениях позднего бронзового века. Например, в Поволжье на Алексеевском поселении в землянке возле очага найдены лежащие в естественном сочленении большая и малая берцовая кости человека (Рыков, 1936: 52). В раннегальштатском горизонте поселения Хлинжень II–Ла Шанц в зольном слое было много человеческих костей со следами обработки и отдельные «ритуальные скопления» (Гольцева и Кашуба, 1995: 11, 12–20). Авторы раскопок предположили, что здесь зольник «связан не с хозяйственной деятельностью обитателей городища, а с ритуально-магической» (Там же: 13). Позже М.Т. Кашуба обозначила этот участок как пансвятилище – «долговременное местонахождение для отправления определенных ритуалов, связанных с человеческими жертвоприношениями», не имеющее «близких аналогий в культурах поздней бронзы – раннего железа Средней и Юго-Восточной Европы» (Кашуба, 2000: 339; Kašuba, 2008a: 106). Но ведь этот зольник-пансвятилище первоначально был связан с бытовым или производственным объектом. Не случайно в нем отмечено присутствие, наряду со скоплениями человеческих костей, «типичного поселенческого материала» (Гольцева и Кашуба, 1995: 12).

Расчлененные или парциальные захоронения представлены на скифских лесостепных поселениях и считаются местной традицией, восходящей к эпохе бронзы (Лысенко С.Д., 2004б: 8; Гречко 2014: 47; 2014–2015: 181, 194, 200). В описании святилищ Ареса / Ароя у скифов Геродот, описывая ритуалы, посвященные этому скифскому божеству войны, упоминает использование в них конечностей людей, что имеет подтверждение в археологических источниках (Гершкович і Ромашко, 2013: 70–72).

1. По мнению Л.В. Литвиновой, эти кости принадлежат погребенному в заполнении этого жилища (Приложение 3).

VI.3.4. «ЗАХОРОНЕНИЯ» ГЛИНЯНЫХ СТАТУЭТОК

Глиняные статуэтки встречены в пределах двух домохозяйств (№ 1 и 2): в заполнении жилища № 8 (рис. Н5, 5), в яме № 5 жилища № 9 (рис. Н5, 2), в «золистом» заполнении жилища № 2 (рис. Н5, 3), а также в культурном слое раскопов XII (рис. Н5, 1) и III (рис. Н5, 4).

Среди них распознаны фигурки человека (рис. Н5, 3) и свиней с отломанными головами и конечностями (рис. Н5, 2, 5), головки коней (рис. Н5, 1, 4). Первоначально руки на фигурке человека занимали положение, которое на центральноазиатских статуэчках раннего бронзового века называют «жестом объятия» (Массон, 1981: 84, табл. IX–XI). Так же выполнены глиняные статуэтки на скифских лесостепных поселениях, часто с обломанными конечностями (Гречко, 2014: рис. 1, 1). Целенаправленное, «по схеме», разрушение статуэток отмечают для пластики более ранних периодов в Центральной и Западной Европе (Ларина, 2013: 212).

По находкам на Суботовском городище и на других памятниках Среднего Поднепровья можно утверждать, что в переходный период к раннему железному веку этот регион входил в обширный ареал — от Ближнего Востока и Анатолии до Юго-Восточной и Центральной Европы, где отмечается пульсирующее во времени, но более или менее стабильное и долгое бытование глиняной пластики. Если попробовать обозначить непосредственный источник проникновения этой традиции в Украинскую лесостепь, то приходится полностью исключить восточные и северо-восточные по отношению к Поднепровью территории, так как в предшествующие эпохи подобных традиций там не существовало. Но они достаточно ярко представлены в памятниках блока таких культур эпохи поздней бронзы как Ноуа-Сабатиновка-Кослодженъ от Нижнего Поднепровья до Подунавья и севера Балканского полуострова (Florescu, 1991: Fig. 95-A), затем в раннегалльштатской среде (László, 1994: Fig. 46–49; Levički, 1994: Fig. 59, 1–5). Глиняные статуэтки обозначенного региона встречаются только на поселениях, т. е. это не заупокойные предметы наподобие древнеегипетским ушебти, помещаемых в могилу как замена покойника в потустороннем мире. Это — культовые предметы, использовавшиеся в обрядах, в том числе в обряде оставления жилища или близких ему по содержанию и цели церемониях.

VI.3.5. ОСТАВЛЕНИЕ КЛАДОВ

На Суботовском городище найдены четыре клада в пределах Большого городка и два, возможно, на Малом Городке.

Клад № 1 на раскопе IX (домохозяйство № 1) включал железный меч с бронзовой рукоятью, бронзовый наконечник ножен, два бронзовых браслета и украшения (рис. А13, 1, 2; рис. Е1, 1–8; Е2, 1, 2). Клад № 2 бронзовых украшений на раскопе III (домохозяйство № 2) был в горшке, установленном вверх дном (рис. Е5). В том же домохозяйстве — клад № 3: в горшке, установленном дном вверх, найдены бронзовые украшения и фаянсовые бусы (рис. Е6). Клад № 4 на раскопе IV (домохозяйство № 3) включал бронзовые браслеты, бронзовый кельт и железное тесло (рис. Е8; Е9). Клад (?) № 5 на Малом Городке (домохозяйство № 6?) — по непроверяемым данным, в горшке находился бронзовый браслет (рис. Е3, 1). Еще в одном кладе (?) № 6 в этом же домохозяйстве, по свидетельству жителей современного села, был сосуд с бронзовыми удилами и украшениями.

В большинстве суботовских кладов найдены широкие пластинчатые браслеты, в кладе № 3 — многовитковые пружинные, но нет ни одного узкого пластинчатого, негативы которых представлены на разбитых литейных формах. Можно предположить, что более массивные и широкие браслеты предназначались для взрослых, узкие — для детей и подростков. В кладе № 1, благодаря присутствию меча, ярко выражена воинская специфика, он приурочен к участку со следами металлообработки.

Все клады залежали неглубоко. На Малом Городке они найдены в дерновом слое, т. е. на глубине не более одного–полтора штыков. На Большом Городке меч и ножны находились на глубине всего 0,4 м от современной поверхности, клады в горшках были установлены на уровне древнего горизонта или в небольших углублениях. Невозможно представить, чтобы в подобных условиях они были оставлены при основании жилищ, так как в таком случае находились бы фактически на уровне дневной поверхности. Физическую их сохранность обеспечивало лишь оставление в ходе ритуалов, связанных с завершением функционирования жилища / домохозяйства, тем более, если группы разобранных жилищ перекрывали хотя бы небольшой насыпью.

Возвращение ккладам с целью их извлечения и дальнейшего использования

содержащихся в них предметов явно не предусматривалось. Это – votивные клады, своеобразные дары или посвященные жертвы местным божествам или духам умерших предков обитателей домохозяйств. В настоящее время признан votивный характер кладов позднего бронзового века Северной Европы, найденных на дне водных источников, а в Центральной и Юго-Восточной Европе также в сухих условиях (Бочкарев, 2010: 162). Допускают отсутствие прямой связи их с угрозами нападения (Hansen, 1994: 381–384; Hänsel, 1997: 19–22).

VI.3.6. ОСТАВЛЕНИЕ ПСАЛИЕВ

На городище найдено девять псалиев, два из них на полу жилища № 6 (рис. С15, 1, 2). Именно они целые, парные, т. е. определенно попадают в разряд странных депозитов (Brück, 1999a: 149–152). Строго говоря, здесь на полу оказалась уздечка, которая первоначально была повешена на столбе (псалии найдены возле столба, одного из основы каркаса).

Что касается фрагментированных псалиев из домохозяйства № 1 у очага № 1 раскопа I (рис. С14, 5), из одной из ям раскопа VIII и культурного слоя раскопа VII (рис. С14, 1; С15, 4), из домохозяйства № 2 в заполнении «жилища» № 3 (рис. С15, 3) и культурного слоя раскопа III (рис. С14, 2, 3), то они явных признаков ритуального использования не имеют, хотя подобным находкам часто дается однозначные культовое объяснение.

Классический «гиперобъяснительный поворот» по отношению к псалиям, найденным на памятниках Южного Урала, Центральной Азии, Сибири и Восточной Европы продемонстрировали В.А. Подобед, А.Н. Усачук и В.В. Цимиданов (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2010). Они отметили их сопряженность с металлоемкими изделиями и в целом с металлургическим производством вследствие преднамеренного неутилитарного акта оставления жилища, а также упомянули и пару псалиев из жилища № 6 Большого Городка, а далее последовали традиционные корреляции с атрибутами различных богов. Авторы этого интересного исследования не учли, что культовая сфера, как этого и следовало ожидать, оказалась у них представленной не только сочетанием псалиев с металлом (металлургией), но и другими упомянутыми (и неупомянутыми) категориями находок: костями человека,

стрелами, зольниками, заполнениями прекративших существования построек, – фактически всем, что входит в состав любого бытового памятника.

Относительно пары псалиев в жилище № 6 главным аргументом их использования в ритуале является не только сопряженность с любыми другими находками, сколько приуроченность, как и кладов, к этапу искусственной деструктуризации жилища. Кроме этого, важен факт находок на полу жилища № 6 рядом с ними бедренной кости человека и наличие орнамента на одном из псалиев, при том, что сам по себе орнамент для этого типа вообще очень редок¹. Кроме этого, один из пары псалиев имеет меньшую длину (рис. С15, 2). Если это исключает его реальное использование с более длинным, то само по себе интересно их совместное расположение в одном месте.

Узда в погребениях считается проявлением культа коня (Дашковский, 2003: 16–25), но вопрос о том, существовал ли в обитателей городища такой культ, остается открытым, даже несмотря на находки частей глиняных статуэток коней. Находка целых псалиев только в жилище № 6 косвенно указывает на «главный» его статус. По этнографическим данным, такие жилища иногда становились священными и после смерти владельцев на какое-то время приобретали статус ритуальных центров (Bloch, 1995: 79–83).

VI.3.7. ОСТАВЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ЗЕРНОТЕРОК

Как предметы широкого и регулярного бытового использования каменные зернотерки, целые и во фрагментах, найдены во всех домохозяйствах Суботовского городища. В пределах домохозяйства № 1 в культурном слое и ямах есть отходы их производства.

На полу и в заполнении жилища № 9 найдены целые зернотерки и курант (рис. D7, 3, 4). В домохозяйстве № 2 в ямах были куранты (рис. D7, 1), в жилище № 1 – зернотерка, перевернутая рабочей стороной вниз, в жилище № 2 – пригодная для использования нижняя часть (рис. D7, 2). В жилище № 6 отмечены фрагменты курантов; в яме № 11 на полу жилища № 6 – две зернотерки и два

1. Совместная находка пары псалиев одного и того же типа, один из которых орнаментирован, происходит из поселения Кослоджен в Румынии (Boroffka, 1998: Abb. 5, 8, 9).

куранта; в культурном слое — нижняя часть. В домохозяйстве № 3, в ямах жилищ № 4 и 5, зафиксированы куранты, в яме № 11б раскопа III — четыре верхних камня, лежащих друг на друге. В домохозяйстве № 4, в культурном слое и на полу жилища № 11, выявлены куски нижних частей и целая нижняя часть. В домохозяйстве № 5, в заполнении жилища № 10, были обломки. В ядре вала на Малом Городке выявлен обожженный фрагмент зернотерки. Из перечисленных случаев признак упорядоченности усматривается лишь для полных комплектов: зернотерка и курант, выявленных в жилище № 9 и яме жилища № 6.

Перевернутая зернотерка в жилище № 1 лежала рядом с сосудами возле очага и глинобитного возвышения (рис. А16, 1). В.А. Ромашко увидел в этом возвышении алтарь (2013: 151). Бесспорно, такое сочетание находок имеет некий семиотический характер, но алтарем на заключительном этапе существования жилища стал первоначально обычный очаг. Приносившиеся здесь жертвоприношения, судя по находкам тех же зернотерок, были связаны с аграрной сферой.

Сакральный статус зернотерок у населения Среднего Поднепровья в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке подтверждается находками подобных комплектов или абразивных плит в погребениях. Последние, кстати, характеризуются, как и погребение в заполнении жилища № 4, слабоскорченным положением на левом или правом боку, ориентацией на северо-восток или юго-запад и руками, уложенными кистями вниз (Берестнев, 1985: 100, рис. 1, 4–7; Ромашко, 1987: 49, рис. 1, 2). Известны находки перевернутых зернотерок на поселениях в Чикаловке, Вовковке и других, территориально, культурно и хронологически близких Суботовскому городищу, а также в белозерских погребениях в Нижнем Поднепровье¹. На поселении Червоный Шлях на Харьковщине в котловане жилища было погребение с трупосожжением, малобудковская и постсрубная керамика и зернотерка (Буйнов, 1992: 92; 1994: 7–8, рис. 1, 1, 2).

Почитание зернотерок, использование их в культовых целях очень широко распространено в пространстве и времени. Помещение зернотерок в насыпь пазырыкских

курганов или на окружавшие их каменные кольца рассматривают как показатель их сакрализации (Молодин, 1992: 103–106). В раннесредневековой цебельдинской культуре Абхазии мотыгу или обломок зернотерки клали в головах умерших женщин (Воронов, 1975: 109). В Азербайджане бездетные женщины во время праздника Новруза должны были семь раз прыгнуть через зернотерки, веря, что они как символ плодородия помогут им забеременеть. Л.С. Ильюков, рассматривая каменные оградки эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Приазовья, привел примеры использования каменных жерновов в погребальном обряде ираноязычных осетин, у которых они предназначались последним представителям семьи или рода (Ильюков, 2000: 28).

Уничтожение зернотерок связывают с идеей циклического обновления в земледельческих культах (Рыбаков, 1981: 256–260). Дж. Брюк рассматривает зерно как символ преобразования, а каменные зернотерки как предметы, «наполненные символикой жизни и смерти» (Brück, 2006: 304). В такой соподчиненности завершение бытования жилища (его смерть) сопровождалось «смертью» различных категорий бытовых предметов и орудий, в том числе и зернотерок. Символическое наполнение последних имеет как бы две ипостаси. На этапе существования жилищ они олицетворяют жизнь, на этапе его оставления — смерть. Зернотерки в виде комплектов (нижние камни с курантами) были готовы к новому использованию после предполагаемого возрождения.

VI.3.8. РОГОВАЯ ЛОПАТОЧКА И ПРИГОТОВЛЕНИЕ РИТУАЛЬНОЙ ПИЩИ

Роговая лопаточка (рис. С19, 13) внешне очень напоминает втульчатые лопаточковидные изделия переходного периода от средней к поздней бронзе, представленные в Синташтинском могильнике (Генинг, Зданович и Генинг, 1992: рис. 70, 6) и на памятниках абашевской культуры (Пряхин, 1977: 85, рис. 19, 32). Диапазон функциональной интерпретации последних очень широк: от «инструмента для управления лошадей» до «жезлов, указывающих на социальный статус владельца» (Моисеев и Ефимов, 1995: 74, рис. 3, 5; Синюк и Козмирчук, 1995: рис. 4, 6; 9, 9; 12, 5). Учитывая расположение в погребениях на удалении, но на одной оси с кос-

1. Погребение 32 Брилевского могильника в Нижнем Поднепровье (материалы не опубликованы).

тяными шипами-клинышками, вставлявшимися в древко, В.В. Отрощенко (1996: 7, 8) определил втульчатые лопаточки как составную часть штандартов, компонент снаряжения колесницы и одновременно как стрекала. Но функционально сопоставлять с ними лопаточки суботовского типа нельзя, так как, во-первых, последние не имеют втулок, а во-вторых, хронологический разрыв между ними и абашевскими составляет не менее полутысячи лет. Внешнее сходство изделий не всегда предполагает их одинаковое назначение.

Наиболее показательный археологический контекст, позволяющий судить о назначении лопаточек суботовского типа, получен при раскопках поселения Диброва на Северском Донце, где в верхнем постсрубном слое они находились в паре внутри поставленного вверх дном горшка малобудковского облика (Гершкович, 1989: табл. XX, 1–4). Рабочий объем этого сосуда составляет 7,3 л, что соответствует нашей функциональной группе «кухонные 2» (табл. 20). По такому сочетанию можно предположить связь этих изделий с механической обработкой продуктов питания, например, сбиванием сливок для получения масла. После сбивания масло снимали той же лопаточкой или ложечкой типа найденной в заполнении жилища № 9 (рис. С19, 14).

Использование масла и ритуализация процесса его приготовления отражены в Ригведе, в которой гром и молния уподобляются сбиванию масла в сосуде с помощью мутовки. Для получения амриты – напитка, дающего бессмертие, боги и великаны используют вместо мутовки гору Мандара и гигантского змея Васуки. Набор (горшок + лопаточки) в Диброве целенаправленно оставлен, «упорядочен», возле жилища. Возможно, не случайно лопаточка и ложечка на Суботовском городище найдены невдалеке друг от друга.

Обращает внимание редкость находок роговых лопаточек. Их нет на памятниках эпохи поздней бронзы, а для заключительного ее периода известно не более десятка на территории от Верхнего и Нижнего Поволжья до Подонцовья и Среднего Поднепровья. Можно предположить, что основная масса таких изделий была деревянной и поэтому не сохранилась. Но синхронное появление роговых остается бесспорным фактом. Объяснение, вероятно, следует искать в культовых предписаниях, ставших общими для населения указанных терри-

торий и предполагавших использование в приготовлении продуктов для отправления ритуала не деревянных, а именно роговых изделий.

VI.3.9. САКРАЛИЗАЦИЯ ОСТАВЛЕННОГО ДОМОХОЗЯЙСТВА

Явных археологических следов ритуалов, отправляемых после оставления домохозяйств (V этап), практически нет. Но есть признаки обычая, запрещавшего проводить строительство на месте прежнего обитания. Они проявляются в том, что на месте разобранных жилищ нет явных следов каких-либо новых крупных строительных объектов, хотя обитание здесь какое-то время и продолжалось. Такую же ситуацию проследил В.Н. Горбов на многослойном поселении Безыменное-II в Северо-Восточном Приазовье. Там подобное «неприятие» мест бывших жилищ установлено для построек постсрубного горизонта, но не распространялось на более ранние жилища срубного времени¹ (Горбов, 2000: 58). То же отмечено для производственных объектов древних карьеров Каргалы, которые отличались «девственной нетронутостью», тогда как расположенное рядом селище рудокопов предоставило очень богатые и разнообразные находки. Единственно вероятное объяснение этому видят в том, что существовал запрет на сброс любых отходов в карьеры, тогда как жилые и производственные объекты на поселении засыпали при уходе (Черных и др., 2002: 138, 139). Имеются и отдаленные этнографические параллели таких запретов: у восточных славян запрещалось строить новый дом на месте с «отрицательным значением», там, где раньше проходила дорога, где были найдены кости человека, находился сгоревший от молнии дом и т. п. (Байбурин, 1993: 155).

К. Ренфрю, определяя универсальные признаки храмов, проявляющиеся одинаково в разные времена и на разных территориях, указал на совместные действия и жертвоприношения, связь между миром земным и потусторонним, присутствие божества и фокусировку внимания (Renfrew, 1995: 49, 51–52). О характере совместных действий и некоторых распознаваемых ри-

1. Непосредственного хронологического стыка между этими горизонтами нет, а хронологический разрыв составляет не менее 200–300 лет, т. е. «неприятие» касалось объектов, о которых сохранилась память.

туалах при оставлении жилища речь уже шла. После оставления жилищ и целенаправленного искусственного складирования грунта над их остатками, на месте домохозяйств Суботовского городища образовывался небольшой холм или появлялся участок, выделявшийся на поверхности более светлым «зольным» цветом грунта. Не трудно представить, что это место в любом виде – с холмом или без него – было заметно на поверхности, особенно если здесь по завершению IV этапа устанавливали какие-то знаки. Конечно, участки с оставленными жилищами на Суботовском городище не были храмами, но в такой фокусировке внимания на места бывших жилищ проявляются элементы сакрализации.

Перечень обычаев и ритуалов, все случаи целенаправленной организации остатков материальной культуры на доступных археологических материалах выявить практически невозможно. Отчасти это может быть компенсировано рассмотрением орнаментов на глиняной посуде.

VI.4. ОРНАМЕНТАЦИЯ СОСУДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

VI.4.1. ВОЗМОЖНАЯ СЕМАНТИКА НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОРНАМЕНТАЦИИ

Незаменимым источником для изучения древних идеологических воззрений дописьменных обществ всегда была орнаментация сосудов. Входящие в нее мотивы и элементы представляет собой специфический набор идеограмм, отображающих широкий спектр знаковых систем. Для их интерпретации нет необходимости останавливаться на попытках «прочтения» через сравнение с буквами санскрита или любой другой письменности, как это давно безуспешно практикуется, а недавно в очередной раз попытались сделать В. Кульбака и В. Качур (1998: 49–50). Имеются многочисленные примеры того, как стремление «прочитать» знаки и изображения эпохи энеолита – бронзового века заканчивались эффектными, но лишеными какого-либо основания фантазиями. Графическое, скорее всего случайное, совпадение знаков с буквами того или иного алфавита не означает их обязательного фонетического созвучия (Фридрих, 1979: 94). В древних орнаментах-идеограммах пере-

даны не буквы и слова, а сложные космогонические, солярные, календарные и другие представления.

На сегодняшний день наиболее полно идеографические системы, причем в развитии, выделены и изучены для трипольско-кукутенской культурно-исторической общности (Ткачук і Мельник, 2005: 116, 186–196, 203 и др.; Ткачук, 2005), а также на керамике срубной КИО (Отрощенко и Формозов, 1968; Отрощенко, 1990: 15; 1998; Захарова, 2000).

Однако некоторые сюжеты оставляют широкое поле для домыслов. Открытием воистину космического масштаба Ю.А. Шилов и вдохновенный им А.Г. Кифишин (впрочем, влияние могло быть и обратным, но это абсурдности сделанных ими выводов не меняет) преподнесли мировой общественности прашумерскую библиотеку, запечатленную, по их мнению, на плитах Каменной Могилы возле Мелитополя. Они повторяют это настолько часто, как будто от этого загадочные знаки станут буквами или словами, плиты – книгами, а сама Каменная Могила – памятником забредших в приазовские степи, как они считают, гостей из далекой Месопотамии.

Древние орнаменты всегда вызывали определенные ассоциации, связанные с природными явлениями, образами Земли, Неба, животного и водного мира – всего, что всегда и везде окружает человека. Некоторые, конечно, очень субъективные ассоциации возникают и при рассмотрении мотивов и элементов орнаментации на посуде Суботовского городища.

Среди 136 элементов орнамента на суботовской посуде (рис. 14–17), если судить по чисто внешним признакам (см., например: Рыбаков, 1962: 69), есть те, которые, возможно, обозначают воду или водную стихию (л/15, р/2), зерна (л/6, л/3, л/13, л/17, л/16) и колосья (пч/8). Речь может также идти о солнце или луне (о/1–о/7), земной или водной поверхности (л/6, л/1, л/8, л/9, л/11), деревьях или кустарниках (л/18). Такие виды локальных выступов как н/1–н/3, н/8, н/16 ассоциируются с грудью человека – именно так подобные выступы трактуют на некоторых трипольских антропоморфных сосудах (Ткачук і Мельник, 2005: 104–106).

Не лежит ли в основе налепного валика образ змеи в разных позах? Свернувшаяся змея (в/1–в/7, в/13, в/14), змея с поднятым вверх кончиком хвоста, т. е. в позе угрозы (в/15), двухголовая змея, как Амфисбена

у древних греков (в/8–в/12), кубло змей (в/22), пара змей перед спариванием (в/20, в/21), змея во время родов (в/16, в/17), к числу живородящих змей, как известно, относится гадюка. Один из концов несомкнутых валиков часто плавно заужен и опущен вниз, обозначая, возможно, змеиный хвост. В традиционной культуре народов Европы культ змеи связан с их почитанием как покровительницы и защитницы дома, амбара, символа женской сексуальности и т. п. (Бер-Глинка, 2015: 71–74). Глубокие местные истоки формирования таких представлений очевидны.

Определенно часть мотивов и элементов дублируют друг друга в семантическом отношении. Например, расположением в верхней половине сосуда налепные валики повторяют некоторые углубленные мотивы: одиночным «валикам-кольцам» варианта в/1 соответствуют линии л/1, валикам в/20 и в/21 – линии л/8–л/10, валикам в/16 и в/17 – линии л/17 и л/18 и т. д.

Более определенно о семантике тех или иных элементов можно было бы судить при вхождении их в сюжетные композиции (изображения действий и действующих лиц, связанных с определенной мифологической, бытовой и прочей ситуацией) или циклические (ритм и геометрия орнамента нарушены и / или, по Е.Ю. Захаровой, имеет место чередование элементов; 2000: 81). Но в материалах из Суботовского городища нет ни тех, ни других. Это вынуждает обратиться либо к синхронным археологическим культурам смежных со Средним Поднепровьем территорий, либо тем (более ранним или поздним), в которых известны близкие приемы орнаментации и специфические ее элементы. Для посуды Суботовского городища такими специфическими элементами являются те, которые связаны с раннегалльскими традициями (см. главу VII).

Обзор можно начать с рассмотрения орнаментации одной из урн, найденной в кургане позднегалльштатского периода возле Шопрона в Венгрии. Как считают некоторые исследователи, на урне передана сцена тканья (Cromfoot, 1954: 443, Fig. 280; Bouzek, 1999: 17; Grömer, 2013: Fig. 3.3; 3.8). В центре двухъярусной композиции изображен примитивный вертикальный станок для производства ткани с диагональным переплетением – саржи. Нити-основы на станке представляют собой четыре ряда вертикальных переплетенных полос, внизу они заканчиваются парой круглых грузиков

или узлов. Слева от станка в верхнем ярусе, в пространстве между двумя горизонтальными линиями из круглых отпечатков, размещены две человеческие, вероятно, женские фигуры в полный рост, их ноги уходят в пределы нижнего яруса. В руках крайней слева имеется веретено, руки другой направлены к нитям. В основе обеих этих фигур – большие треугольники (платья, плащи или накидки?). Далее размещено изображение ребенка, в руках которого нечто напоминающее сосуда или, как считал Г. Кромфут, рамка для вышивания (Cromfoot, 1954: 443). В основе фигуры ребенка также треугольник, но узкий и заполненный штриховкой. И, наконец, крайняя справа фигура аналогична двум фигурам взрослых, но ее руки подняты вверх, а ноги упираются в разграничительную линию между верхним и нижним ярусами. Большие фигуры обращены к фигуре ребенка. В нижнем ярусе находится череда взаимопроникающих треугольников, вызывающих ассоциацию с широкими полотнами ткани.

Общий сюжет изображения на урне достаточно очевиден. Здесь передан не просто процесс тканья. Большие фигуры в плащах – образы (или праобразы?) мойр, духов судьбы в древнегреческой мифологии, дочерей Зевса и Фемиды. Клото, прядущая нить жизни, держит веретено. Антропос, обрезающая нить жизни, стоит у ткацкого станка. Лахесис, вынимающая жребий, выпавший ребенку, торжествуя, подняла руки вверх.

Архетипы или первообразы древнегреческих сюжетов имеют глубокие корни в более древней мифологии. Они пока не распознаваемы среди орнаментов позднего бронзового и раннего железного века Юго-Восточной и Восточной Европы, но некоторые элементы, которыми передана сцена на урне, повторяют раннегалльштатские вообще и некоторые суботовские в частности. Нити-основы на станке – линии из отпечатков шнурового или зубчатого штампа л/9, л/10; круглые грузики, горизонтальные линии в верхнем ярусе из кружков – концентрические окружности о/1–о/3, о/6; фигуры в виде больших треугольников, заполненные кружками и полосами из ромбов, – один из мотивов орнамента розеточного построения культуры Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: рис. XXIII). Сходство с последним мотивом тем более очевидно, что и края треугольников на урне, и на посуде культуры Козия–Сахарна обрамлены овалами и концентрическими окружностями. В

основе фигуры ребенка – широкие наклонные бордюры с косой поперечной штриховкой (б/8). Полотна переданы взаимопроникающими треугольниками, заполненными концентрическими окружностями (т/19) и малыми штрихованными треугольниками (т/3 и др.).

Считается, что в основе первобытных технологий (в данном случае – в ткачестве) и космологических представлениях находятся одни и те же принципы использования пространственных и временных параметров. В сюжете на урне из Шопрона отразились раннегальштатские традиции, согласно которым идея предопределенности судьбы человека передавалась в ином, более условном, нераспознаваемом сейчас виде. Это же характерно для всего переходного периода к раннему железному веку везде, где ощущается заметное влияние карпато-дунайских и северобалканских культур. Имеется в виду не только использование одних и тех элементов орнаментации (в этом сомневаться не приходится), но и включение ткачества в обычаи и ритуалы того времени.

Для Восточной Европы это видно по возрастающей частоте находок глиняных пряслиц в погребениях заключительного периода эпохи бронзы (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2012: 205) на фоне почти полного отсутствия в погребениях предшествующего времени, например, в срубной культуре (Цимиданов, 2004: 55) и более древних. Другой пример предоставляет Гордеевский могильник, в погребениях которого найдены очень длинные богато украшенные бронзовые булавки или булавки-жезлы (Лысенко С.Д. и др., 2005: 161, 162), не известные ранее в комплексах ни лесостепной, ни степной зоны Восточной Европы. Их считают деталью костюма, имитацией веретена (Клочко Л., 1998: 335; 2003: 28), приписывают сакральные свойства или даже сравнивают с молоточковидными булавками ямно-катакомбного времени, «портативными алтарями», допуская также соотнесение с колющим оружием (Лысенко С.Д. и др., 2005: 166). По сути, все перечисленные варианты теоретически возможны, включая использование одновременно в качестве алтаря и оружия. Но, как всегда, проблема состоит в доказательстве того или иного объяснения. Принимая во внимание размеры таких изделий и находки в погребениях, нужно обратить внимание на их сходство с инструментами для про-

изводства тканей или ковров (ширителями, иначе – расправителями, шпарутками), которые располагались по бокам ткущегося ковра и вкапывались в землю. В погребениях эпохи поздней бронзы Сумбар I и II, Пархай I в Юго-Западном Туркменистане длина таких металлических стержней составляла 20–22 см, в женских погребениях они лежали парами (Хлопин, 1994: 84, 85).

Характеризуя специализированные производственные комплексы на поселении Бзыменное-II в Северо-Восточном Приазовье, В.Н. Горбов и А.Н. Усачук весьма остроумно сопоставили кризис кожевенного производства в заключительный период позднего бронзового века с изменением моды, когда кожаную одежду стали заменять тканевой под влиянием культур именно раннегальштатского мира (Горбов и Усачук, 2000: 100). Такие изменения отразились на духовной сфере и идеологических воззрениях того времени там, куда новая «мода» проникла, стала востребованной.

Судя по всему, распространение тканевой, «италийской», одежды более или менее одновременно произошло в Центральной и Южной Европе, Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Это демонстрируют находки металлических фибул для застегивания плащей или накидок, возможно, наподобие изображенным на фигурах урны из Шопрона. Отсутствие фибул в лесостепи Среднего Поднепровья и Северо-Восточном Приазовье может оказаться временным явлением – они будут обнаружены в будущем при исследовании грунтовых могильников, до сих пор там не известных¹. Впрочем, то обстоятельство, что в Северном Причерноморье в белозерской культуре, а на Северном Кавказе – в кобанской, в отличие от Украинской лесостепи, фибулы встречаются, демонстрирует различную роль населения этих территорий в установлении налаженных связей и контактов или какие-то иные исторические коллизии в пределах тех или иных регионов.

VI.4.2. ЦИКЛИЧЕСКИЕ КОМПОЗИЦИИ

Еще одна важная и интересная находка, по которой можно судить об идеологи-

1. Исключение, но очень показательное, – открытие Вергуновского грунтового могильника на р. Тясмин в Черкасской обл., в 40 км северо-западнее Суботовского городища (Куштан, 2013: 81–92).

ческих воззрениях населения переходного периода, происходит из лесостепного Днепровского Левобережья. Это сосуд, найденный в 1880-е гг. роменским помещиком С.А. Мазараки во время раскопок курганов на мысу правого берега р. Хмелевка, в месте слияния ее с Сулой, вблизи с. Аксютинцы Роменского уезда Полтавской губ. (современное с. Пустовойтовка Роменского р-на Сумской обл.). Часть предметов из раскопок приобрел граф А.А. Бобринский, который опубликовал сосуд, указав на его орнаментацию двенадцатью свастиками (Бобринский, 1901: 37, фиг. 6).

В.А. Ильинская, характеризуя посульские материалы скифского времени, привела среди прочих рисунков и этого сосуда (1968: 6–9, 34–36, 168–169, 191, рис. 45, 1, табл. LXII, 27). Позже на него обращал внимание Б.А. Рыбаков (1981: 322–323), сравнил орнамент на нем с изображениями, которые считались графическими системами с календарным содержанием, – 12 свастик = 12 месяцев. Ни разу скифская атрибуция не ставилась под сомнение.

В нынешнем столетии при знакомстве с оригиналом в фондах Национального музея истории Украины оказалось, что сосуд (рис. 18, 1) вылеплен из глины с примесью мелкотолченого шамота и песка, поверхность слабо лощеная, имеет поддон, Н 7,3 см, Нб 4,8 см, Нш 1,0 см, Дв 4,5 см, Дб 8,5 см, Дд 3,7 см, рабочий объем 0,1759 л. Он был отнесен к переходному периоду от эпохи средней к поздней бронзе (Гершкович и Якубенко, 2001: 72, 73).

Орнамент на аксютинском сосуде прорисован тонкой палочкой со слегка притупленным концом, размещен от боков / плечиков до основания шейки. Вверху – десять косо заштрихованных треугольников, пространство между которыми заштриховано. Ниже находится горизонтальная линия (разделитель зон) и широкий бордюры со свастиками и квадратами. Еще ниже – узкий бордюры с 78 короткими вертикальными насечками, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга. По словам А.А. Бобринского, орнамент был покрыт белым составом (1901: 37), т. е. инкрустирован. Некую семантическую нагрузку здесь несут и череда треугольников, и насечек. Но насечки, помимо этого, служат еще и своеобразной разметкой для свастик и квадратов, поскольку каждый из этих знаков проектируется на 4–6 из них. Таким образом, последние являются мелкими структурными

единицами орнамента в дополнительной, служебной зоне.

Подобные служебные зоны В.И. Беседин и И.Е. Сафонов выделили на значительной серии посуды срубной культуры, выяснив, что в них содержится от 30 до 120 знаков при «исключительном разнообразии чисел при минимуме совпадений». Они предполагали предварительную разметку орнаментов на срубных сосудах (Беседин и Сафонов, 1996: 26–27, 30), которая, как видим, есть и на аксютинском. Собственно циклическая композиция представлена в основной зоне, где имеются 14 знаков: 11 правосторонних свастик и три квадрата. Последние нанесены между свастиками.

Свастика – традиционный и широко распространенный солярный символ, квадрат с крестом (перекрещенный квадрат) – символ плодородия и знак поля (Рыбаков, 1981: 49–51). Кроме этого, как универсальная равносторонняя геометрическая фигура квадрат, – это символ равновесия и пропорциональности и во многих мифах отождествляется с Землей, Средним Миром (Дашковский и Тишкин, 2002: 235). В орнаментах на трипольско-кукутенских сосудах крест часто связан со знаками зерна (Ткачук и Мельник, 2005: 66), а квадраты или четырехугольники, в том числе перекрещенные, разделяли орнаментальное поле на две или четыре зоны. Когда эти зоны объединялись тангентами (касательными к окружностям), «к статичным композициям добавлялись динамичные – образовывались свастики, а вся композиция приобретала вид соединения креста (статичная композиция) и свастики (динамичная композиция)» (Там же: 82–84).

Если посмотреть на квадраты в основной зоне аксютинского сосуда слева направо, то можно увидеть, что знак поля замыкает их, фиксируя конец цикла, а в секторах, образованных крестом, имеется наибольшее количество вдавлений (зерен). Таким образом, последний в цикле квадрат обозначает не просто поле, а проросшее, и, соответственно, два квадрата слева от него – засеянное поле (в них равное количество вдавлений)¹. Все три квадрата вместе с расположенными возле них свастиками обозначают три месяца от засеивания до созревания урожая

1. И.Е. Сафонов, изучая хозяйственные календари срубной культуры, посчитал символами зимних месяцев свастики с дополнительными знаками, в том числе в виде четырехугольников (1996а: 68, рис. 1, 5).

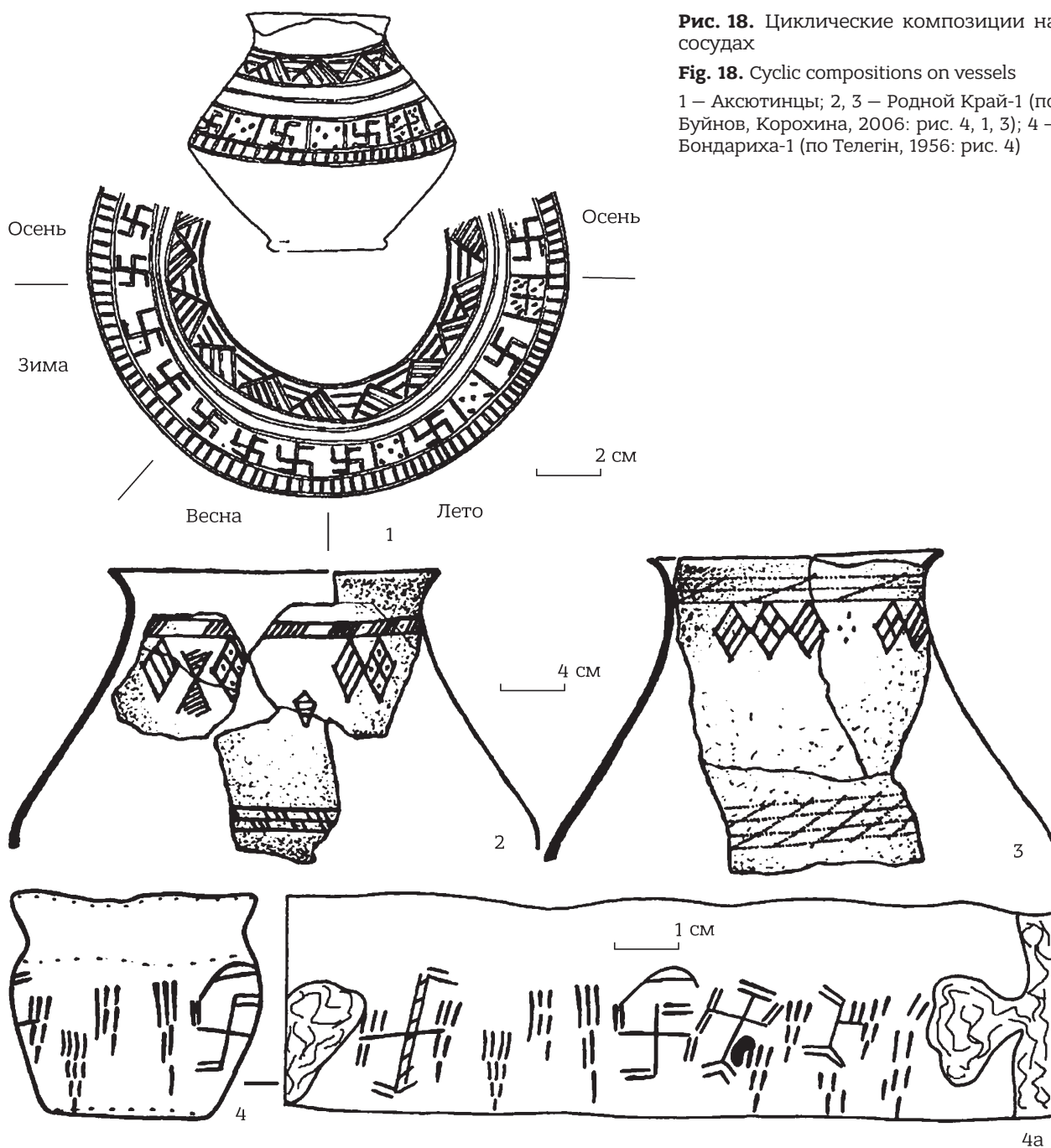

Рис. 18. Циклические композиции на сосудах

Fig. 18. Cyclic compositions on vessels

1 – Аксютинцы; 2, 3 – Родной Край-1 (по Буйнов, Корохина, 2006: рис. 4, 1, 3); 4 – Бондариха-1 (по Телегин, 1956: рис. 4)

(июнь–август). Остальные восемь свастики, соответственно, обозначают весну, осень, зиму, а «пропущенным» оказывается один зимний месяц, соответствующий времени затухания хозяйственной деятельности.

Пример деления года на сезоны, связанные с природными явлениями и земледельческими циклами, а именно такое изображение, похоже, представлено на аксютинском сосуде, дает древнеегипетский солнечный календарь, в котором выделяли Время Половодья (с середины июля по середину ноября), Время Восходов (с середины ноября по середину марта), Время Засухи (с

середины марта до середины июля) (Коерф, 2009: 398–391). Б.А. Рыбаков предполагал, что «жизнь нивы, ярового пшеничного поля» изображена на известном сосуде (чаре) черняховской культуры IV в. из Лепесовки (Рыбаков, 1962: 81, 84, рис. 2, 3, 5).

В том случае, когда количество знаков в циклических композициях равно двенадцати или тринадцати, вывод о месячных или лунно-солнечных (с дополнительным месяцем, интеркаляцией) календарях стал, пожалуй, традиционным (Рыбаков, 1962: 67–70; Андриенко, 1979: 70; Гершкович и Евдокимов, 1982: 228). Но нередко такого сов-

падения все же нет¹. И.Е. Сафонов (1996б: 63), проанализировав распределение элементов орнамента на сосудах катакомбной, абашевской и срубной культур, выяснил, что количество знаков бывает от 4–5 до 27–29, а пики гистограмм приходятся не только на 12–13, как это должно быть в лунно-солнечном календаре, но и на 6–8.

Одиннадцать свастик в основной зоне аксютинского сосуда также не соответствуют ни одному из типов лунного или солнечного календаря, количество месяцев в которых 10, 12 или 13 (Беседин и Сафонов, 1996: 29, табл.). Таким образом, это не календарь в современном понимании. Как и на сосудах срубной культуры (Беседин и Сафонов, 1996: 28), это «изображение года», культовый календарь-схема или гадательный календарь, функционально близкий чертам и резам древних славян, по которым осуществляли гадание и заклинания судьбы (Рыбаков, 1962: 66). С подобных систем изображений начинается длительный путь формирования математических знаний, без которых невозможно появление реальных календарей. В Древнем Египте этот путь растянулся почти на три тысячи лет (Нейгбауэр, 1968: 101). С 1900 г. до н. э. там наряду с официальным существовал народный лунный календарь, который использовали в повседневной жизни и для культовых целей (Бикерман, 1975: 36).

И сюжетные, и циклические композиции связаны с представлениями об особенностях мироустройства и законах возрождения. Конкретные исторические примеры отражения подобных представлений в ритуалах, связанных с семейными или календарными обрядами, очень разнообразны.

В Древнем Египте с месяцем отождествлялся Осирис, который управлял переходом от жизни к смерти и судил мертвых. В погребальной обрядности с культом Осириса была связана игра сенет, для которой изготавливали специальные разделенные на квадраты доски (каждый квадрат – день месяца) и фишки. Такой набор обнаружен в гробнице Тутанхамона (XVIII династия: 1580–1314 гг. до н. э.) и на настенных росписях гробницы Нефертити (XIX династия: 1314–1200 гг. до н. э.). Допускается их существование еще в Раннединастический период, в конце IV тыс. до н. э. (Крапп, 1999: 134).

1. В той же Лепесовке найдены две чаши, одну из которых с девятью секторами изображений Б.А. Рыбаков не рассматривал, так как она не укладывалась в его заключения (Щукин, 1988).

На территории Украины наборы игральных костей (астрагалов) известны в погребениях энеолита – бронзового века (Rassamakin, 2004: Taf. L, 263, 265, 269), нередко их находки в захоронениях катакомбной культуры, Бабино и срубной (Гершкович и Шепель, 1987: 66, 67, рис. 7, 3; Санжаров, 1988: 155–157, рис. 10). На Суботовском городище серия астрагалов (игральный набор?) найдена на полу жилища № 6 (рис. С20), где они были уложены преднамеренно.

Помещение в погребения сосудов с «изображением года» и / или наборов игральных костей не случайно. Как считали древние египтяне, прохождение в «дом Гора» (в сенете – особым образом выделенный квадрат с символом Солнца или Сокола) обеспечивало возрождение умершего. На аксютинском сосуде символом возрождения является последняя свастика и квадрат с обозначением проросшего поля.

Искать конкретный источник тех представлений, которые лежат в основе подобных идей и действий, бесперспективно, поскольку они формировались очень долго и независимо в различных регионах древнего мира. В Среднем Поднепровье они вобрали в себя давние, выработанные задолго до основания Суботовского городища, традиции. Примеры перехода определенной календарной обрядности (календарной приуроченности праздников) во времени и пространстве между разными народами хорошо известны по этнографическим данным (Златковская, 1979: 59, 69). Не исключен и симбиоз разных передач.

На примере аксютинского сосуда видно существование идеи возрождения человека и природы в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку, в частности у обитателей Суботовского городища. Дело в том, что это – кубок со следующим соотношением линейных параметров (табл. 16): Дб : Н – 1,1644 (очень широкие), Дв : Дб – 0,5294 (сильно стянутые), Нш : Н – 0,1370 (высокие), Нб : Н – 0,6575 (очень низкие), Дд : Дб – 0,4353 (узкие и средние). Набор таких пропорций наиболее (по трем позициям) совпадает с типом К/6 посуды Суботовского городища (рис. 8, 2). Ни свастик, ни квадратов нет среди выделенных видов орнамента, но группы точек зерен присутствуют в треугольниках т/5, т/6, в зигзагах з/3, з/4, з/7 (рис. 15, 3; 16, 1 3), кресты выступают в качестве основных элементов в линиях л/7 (рис. 14, 1) или на налепных валиках в/6 и в/7 (рис. 17, 2).

Линейные мотивы из череды свастики известны на бондарихинской керамике поселения Бондариха-1 (рис. 18, 4; см.: Телегин, 1956: рис. 4; Корохина, 2011: рис. 73, 13), ромбы со штриховкой, косыми крестами или точковыми углублениями, с точками по сторонам крестов (символ вспаханного и знак проросшего поля) – на кубковидных сосудах поселения Родной Край-1 (рис. 18, 2, 3) и Зубовском (Корохина, 2011: рис. 162, 1, 2; Буйнов и Корохина, 2006: рис. 4, 1, 3; Буйнов, 2006б: рис. 1, 16; 3, 1). Группа заштрихованных ромбов вместе с тангентами представлена на фрагменте сосуда из поселения Уч-Баш кизил-кобинской культуры в Крыму (Кравченко, 2011: рис. 134, 1). Последняя находка происходит из подъемного материала, но по наличию тангентов может быть отнесена к ранним горизонтам поселения I УБ–II УБ, т. е. не позднее периода НаВ1 (Кравченко, 2011: 111, 112).

Предложенные интерпретации ритуалов и орнаментов не бесспорны, исторические и этнографические примеры взяты из обычаев очень разных народов и культур. От них трудно отказаться, так как имеющиеся совпадения интересны с точки зрения общечеловеческих представлений и психи-

ки, которые, будучи и не связанными друг с другом, находят одинаковое отражение в археологических источниках.

Изучение следов обычаев, обрядов и ритуалов в материалах Суботовского городища показывает, что на завершающих стадиях бронзового века в идеологических воззрениях населения Среднего Поднепровья нашли проявление как более древние местные традиции, так и те, которые появились вследствие взаимодействия с синхронными культурными образованиями. В одних случаях это раннегальштатский мир Центральной и Юго-Восточной Европы, в других – бондарихинская культура Подонцовья, кобяковская Нижнего Подонья, кобанская Северного Кавказа, кизил-кобинская Крыма, белозерская Северного Причерноморья, постсрубные образования Поволжья, а затем раннечерногорская культура. Все они уже фигурировали при рассмотрении материального комплекса городища, т. е. указанные параллели в идеологической сфере вполне закономерны.

Для выяснения исторических факторов, обусловивших такой своеобразный палимпсест, необходим анализ керамического комплекса и выделение хронологических горизонтов Суботовского городища.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ И ДАТИРОВКА ГОРОДИЩА

VII.1. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТОВ

А.И. Тереножкин разделит литологически единый культурный слой Большого Городка на разновременные ярусы. К нижнему он отнес «семь больших глубоких землянок и несколько ям хозяйственного назначения», к верхнему – «остатки плохо сохранившихся жилищ, слабо углубленных в грунт, и огромное количество ям» (Тереножкин, 1961: 29). Так как в верхнем ярусе остатки жилищ не выявлены, «огромное количество ям» связать не с чем. Такая ситуация выглядит странно и неестественно.

Оценивая стратиграфию, исследователь исходил из элементарной посылки о последовательном накоплении отложений снизу вверх, определив в качестве наиболее ранних в пределах переходного периода находки с пола жилищ. Количественно эта ранняя серия оказалась очень небольшой и заведомо неполной.

На основе такого понимания стратиграфии памятника и, учитывая представления того времени об археологических культурах эпохи бронзы и раннего железного века, А.И. Тереножкин распределил керамику по сериям – культурным группам. Явным преувеличением с его стороны было утверждение, что «старший возраст белогрудовской культуры сравнительно с чернолесской получил безусловное подтверждение в стратиграфии культурных отложений на Субботовском городище». Четких дока-

зательств этому здесь не было получено, и различия в возрасте белогрудовской и чернолесской культур везде устанавливались «прежде всего путем простого сравнения уровней развития той и другой культуры» (Тереножкин, 1961: 182), т. е. сугубо интуитивно. Материальное содержание раннего Чернолесья тогда было определить сложно и для других территорий (Мелюкова, 1979: 84, 89). Чем конкретнее чернолесские типы керамики отличаются от белогрудовских, чернолесские ранние от чернолесских поздних, что определяет специфику собственно белогрудовского керамического комплекса зачастую непонятно до сих пор.

Незначительная часть посуды была сопоставлена с комаровской культурой, позднекатакомбной или памятниками с многоваликовой керамикой (сейчас – культура Бабино), а также марьяновским типом и отнесена к среднему бронзовому веку без выделения отдельного яруса (Граков и Тереножкин, 1958: 166, 167; Тереножкин, 1961: 64–68 и др.).

Нижний ярус был отнесен к переходному периоду от белогрудовской культуры к чернолесской – Чернолесье I. В качестве белогрудовских, ориентируясь на материалы поселений в Собковке и Белогрудовском лесу, были названы горшки с валиком-усаами и вообще с наlepным валиком, некоторые типы мисок, черпаки и кубки, среди приемов орнаментации – использование мелкозубчатого и гладкого штампа, а для мотивов орнамента – пояса (линии или ряды) из

заштрихованных ромбов (Тереножкин, 1961: 50–54, рис. 26, 1, 3; 27, 1, 2; 28, 5). Тюльпано-видные и простые горшки, корчаги, особые типы мисок, черпаков и кубков, «подобные белогрудовским», исследователь считал чернолесскими (Там же: 56–60, рис. 30, 1, 2, 4, 5; 31; 34, 2, 6).

Верхний ярус, по мнению А.И. Тереножкина, содержал белогрудовскую посуду и позднюю чернолесскую – Чернолесье II. Последняя характеризовалась горшками с валиком и со сквозными проколами под венчиком, кубками, использованием в орнаментации S-видных и мелкозубчатых штампов, каннелюр, разного рода насечек и налепов, корчагами виллановского типа (образец такой корчаги найден на Чернолесском городище). На них отмечено влияние «днестро-дунайского мира позднего гальштата» (Тереножкин, 1961: 56–66, 81).

Посуда срубного типа – банки, горшки «с обозначенным горлом и выпуклым корпусом», украшенные ямками и насечками, наlepными валиками, а также жаровни первоначально не были соотнесены с каким-либо ярусом. Происхождение этой группы связывалось с «поселениями конца существования срубной культуры в области Нижнего Поднепровья» (Граков и Тереножкин, 1958: 166, 167). Вскоре время ее бытования было лимитировано нижним ярусом (Тереножкин, 1961: 54, 55, 76, 193, рис. 29, 1–11). Предполагалось, что такая керамика исчезает на второй ступени чернолесской культуры, когда ее замещает бондарихинская (Там же: 76, рис. 37, 2).

Некоторые из принятых А.И. Тереножкиным терминов, в первую очередь термин «ярус», были ошибочными. В геологии под ярусом понимают пласты, ряды, слои, лежащие друг на друге – все то, что Суботовское городище не демонстрирует. Применительно к его реальной стратиграфии более подходит термин «горизонт». Если в геологии под последними понимаются одновременные породы с определенным комплексом органических остатков, то в археологии каждый горизонт представляет, соответственно, комплекс материальных остатков в рамках единого культурного слоя.

Предполагаемый последовательный рост / накопление снизу вверх был бы возможен лишь при постепенном формировании культурного слоя через обитание, а археологизация его – через нормальное выпадение. Однако в домохозяйствах Суботовского городища обитание и нормальное выпадение,

как и в зольниках белогрудовского типа, были замещены упокоением, созиданием и специальным выносом (см. главу II). Это означает, что «зольные» накопления в котлованах жилищ или нижняя часть их заполнения есть не что иное, как преднамеренно перемещенный грунт, накопленный в домохозяйстве на протяжении его функционирования. Находки отсюда, а не только с пола, являются более ранними. Выше «зольного» заполнения котлованов на месте оставленных жилищ и вне их в культурном слое должны залегать более поздние материалы, так как хотя бы какое-то обитание на месте оставленных домохозяйств, хотя и без сооружения новых землянок и полуземлянок, имело место. Однако из-за отсутствия стерильных прослоек эти материалы перемешаны или с более ранними, или более поздними, в чем повинны факторы не только антропогенного, но и природного характера.

В пределах Большого Городка непосредственно под дерном и ниже встречены находки белогрудовско-чернолесского и зарубинецкого времени, т. е. заведомо диахронные. А.И. Тереножкин (1951а: 3) отмечал, что «попытки стратиграфически уловить какие-нибудь особые различия в их залегании, при незначительной мощности культурного слоя, не дали никаких результатов». Здесь сказался эффект «погружения» (Грязнов, 1973: 67–68), обусловленный неоднократными циклами криогенеза и набухания без явно выраженных процессов нарушения почвы (Воробьева и Бердникова, 2003). Причину «погружения» А.Л. Александровский (2003) видит в зоотурбациях, полагая, что одним из важнейших факторов развития почвенного профиля является биомеханическая деятельность роющих животных, дождевых червей и степных землероев. В меньшей степени этому были подвержены нижние части заполнения котлованов и пол жилищ, куда во всех случаях не попадали находки рубежа эр из верхней части культурного слоя.

Ямы вне жилищ не одновременны, не случайно некоторые из них перерезают друг друга. Но реальные уровни их впуска и последовательность, т. е. распределение по горизонтам, в условиях поселения установить невозможно. Кроме этого, рытье ям и отложения в них могут относиться к разным периодам обитания, тем более это очевидно по залеганию всех без исключения находок в их заполнении. Учитывая это, материалы

из таких ям нужно рассматривать в рамках верхнего горизонта.

В настоящее время прежние выводы относительно последовательности отложения материалов и их распределения по культурным группам, состав этих групп и их происхождение требуют пересмотра и значительной корректировки. На памятнике представлены четыре горизонта.

Суботов I – горизонт среднего бронзового века или его финала. Он выделен по отдельным фрагментам сосудов, которые по очевидным внешним признакам нельзя отнести ко времени существования собственно городища. Таких фрагментов очень немного, все они явно переотложены. Выделение этого горизонта, несмотря на залегание маркирующих его находок в культурном слое собственно городища, необходимо, так как показывает цикличность заселения местности и представляет отдельную страницу истории памятника.

Суботов II – ранний горизонт памятника переходного периода – включает категории и типы находок, залегающие на полу жилищ и в «зольном» заполнении их котлованов.

Суботов III – поздний горизонт памятника переходного периода. К нему отнесены находки над «зольным» заполнением котлованов жилищ, из культурного слоя и заполнения ям за пределами жилищ.

Дополнительная проверка распределения материала по горизонтам переходного периода осуществлена путем выяснения взаимовстречаемости находок. Те из них, которые есть в обоих горизонтах, объединены в общий нерасчлененный горизонт Суботов II–III. Это позволяет представить горизонты Суботов II и Суботов III в отсепарированном, чистом виде.

Горизонт Суботов IV – времени зарубинецкой культуры рубежа эр.

Наибольшую информацию о материальном составе горизонтов дает посуда как наиболее массовая и разнообразная категория находок.

VII.2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ СОСУДОВ И ЭЛЕМЕНТОВ ИХ ОРНАМЕНТАЦИИ ПО ГОРИЗОНТАМ

VII.2.1. ГОРИЗОНТ СУБОТОВ I

Из основного массива посуды переходного периода выпадают образцы с многоваликовой орнаментацией (в/22), характерной для культуры Бабино (см.: Братченко, 1977:

26, рис. 3, 1, 7; 4, 4, 11, 13; 5, 5, 7, 9). Они встречены в ямах раскопа VIII домохозяйства № 1 (рис. В8, 1, 3), в ямах и культурном слое раскопа III домохозяйства № 2 (рис. В49, 2, 7; В55, 1, 2), в вале Малого Городка (рис. В87, 1–3).

Некоторые исследователи считают, что в рудиментарном облике многоваликовая орнаментация сохраняется в Среднем Поднепровье на керамике т. н. малополовецкого типа (Лисенко С.Д. и Куштан, 1997; Куштан, 2001). Однако валики на посуде этого типа не налепные, а образованы потеками жидкой глины (т. е. иные по технологии и дизайну). Они фактически не образуют выступов (т. е. функционально иные) и сложных схем, столь характерных для классических налепных валиков культуры Бабино.

Явной посуды ТКК¹, на которую как на комаровскую указывал А.И. Тереножкин, в суботовской коллекции нет.

Исключением является верхняя часть горшка или чаши (рис. В55, 4) и еще несколько фрагментов стенок (рис. В44, 6; В50, 5; В87, 4–6) с орнаментами, например, т/12, похожими на восточнотшинские (см.: Березанская, 1972: табл. LIII, 3, 2). Все они залегают в горизонте Суботов III, но могли оказаться в нем, как и бабинские, в результате переотложения.

Частичная синхронность культуры Бабино и ТКК (или восточнотшинской, по С.С. Березанской), допускается (Березанская, 1982: 53, 65, рис. 15), но последняя явно существовала дольше. Она не была изолированной от соседних синхронных с ней образований, примыкая на востоке, от Сейма до Днепра, к СКИО (Березанская, 1972: рис. 45; Куриленко и Отрощенко: 1997), а на юго-западе, от Днепра до Среднего Поднестро-

1. В нашу задачу не входит подробное рассмотрение или уточнение терминологии относительно этих древностей. Очевидна родственность тшинской, комаровской и сосницкой культур, на основании чего они включаются в единый культурный цикл или круг (Dąbrowski, 1972: 82; 1987: 6; Makarowicz, 2010). Как и ранее, я предпочитаю использовать термин «тшинско-комаровская культура» для равнозначных родственных составляющих (Гершкович, 2003б: 32). Н. Бандрівський указывает, что восточнотшинская и комаровская культуры размежованы высококими памятниками прото- и ранневысоцкой фазы (Бандрівський, 2005: 242). Само по себе удревнение высокоцкой культуры, отстаиваемое исследователем, не представляется убедительным, и даже, если и принять его точку зрения, трудно понять, где проходила граница между всеми этими культурами и насколько непроходимой она была.

вья, — к культурам Ноуа и сабадиновской. На Буковине тшинецко-комаровские проявления постепенно ослабевали (Магала I) вплоть до появления элементов лужицкого, в меньшей степени (Dąbrowski, 1972: 51–52) и гава-голиградского облика (Смирнова, 1976: 129). Это не позволяет однозначно соотносить образцы с орнаментацией, близкой тшинецкой, ни к горизонту Суботов I, ни к последующим. Из-за крайне незначительного их количества в коллекции пока можно воздержаться от конкретного ее определения.

Не исключено, что с горизонтом Суботов I связаны некоторые каменные топоры, вторично использованные обитателями городища (рис. D10).

Спорадичность фрагментов сосудов с многоваликовой орнаментацией, отсутствие связанных с ними объектов показывает, что во время бытования культуры Бабино на обращенных к пойме р. Тясмин участках мыса Большого Городка и на останце Малого Городка располагалось небольшое сезонное стойбище наподобие тех, которые известны на памятниках с высокой топографией в каневской группе культуры Бабино в лесостепном Среднем Поднепровье (Куштан, 2013: 31, 32).

Всего в суботовской коллекции керамики, которую с наибольшей вероятностью можно отнести к этому древнейшему горизонту, около 0,9 %¹.

VII.2.2. ГОРИЗОНТЫ СУБОТОВ II И СУБОТОВ III

Общее распределение посуды по этим горизонтам выглядит следующим образом.

Горшки (рис. 19). В горизонте Суботов II диагностированы горшки типов Г/2, Г/5, Г/9а, Г/12а, Г/14; в горизонте Суботов III — горшки типов Г/1а, Г/3а, Г/4 и Г/4а, Г/6, Г/8, Г/11, Г/Х.1 и Г/Х.2. Остальные типы встречаются в обоих горизонтах, т. е. отнесены к общему горизонту Суботов II–III: Г/1, Г/2а, Г/7 и Г/7а, Г/10 и Г/10а, Г/13.

На горшках как наиболее многочисленной категории имеем и наибольшее разнообразие элементов орнамента и их сочетаний (рис. 20). По горизонтам орнаментированные горшки распределены следующим образом.

В горизонте Суботов II: линии л/12; зигзаг з/14; пучки пч/2; паркет пр/1; налеты н/5, н/7, н/11, н/15; налетные валики в/6, в/15, в/19. Сочетания представлены: линии и валик-усы (л/2–в/11); линии и серповидные налеты (л/11–н/13); линии, переданные различным способом (л/3–л/1, л/3–л/13, л/3–л/5). На горшках горизонта Суботов III имеем: линии л/11, л/16; бордюры б/1; треугольники т/4 и т/12; зигзаг з/2 и з/13; точки тч/2; налеты н/2, н/6, н/8; налетные валики в/5, в/16, в/21. В общем горизонте Суботов II–III представлены: линии л/2–л/6; знаки р/1; треугольники т/13 и т/15; зигзаг з/15; пучки пч/1; налетные валики в/1–в/4, в/8–в/11, в/13, в/14, в/16, в/20. Сочетания представлены: линии в разных комбинациях (л/3–л/4, л/3–л/12, л/4–л/2, л/2–л/4); линии и налетной валик (л/4–в/2).

Кубки и кубковидные сосуды (рис. 21). В горизонте Суботов II диагностированы типы К/1а, К/3–К/5, К/6 и К/6б, К/Х.1а и К/Х.2а. В горизонте Суботов III имеется лишь один тип — К/2. Типы этих сосудов для горизонта Суботов II–III не определены из-за фрагментированности.

По горизонтам орнаментированные кубки и кубковидные сосуды распределены таким образом.

В горизонте Суботов II: линии л/8, л/14, л/17; треугольники т/3, т/7, т/8, т/9, т/11; точки тч/6; зигзаг з/4, з/11; каннелюры к/1; окружности о/2, о/4; налетной валик в/18; налеты н/3, н/14. Отмечено сочетание каннелюры и налетного валика (к/2–в/3). В Суботове III: линии л/11, л/16, л/20, л/21; треугольники т/1, т/6, т/14, т/17, т/18, т/21; точки тч/1, тч/3, тч/5; зигзаг з/5, з/7, з/13; бордюр б/4; пучки пч/3, пч/6; ромбы с/1; каннелюры к/3; выступы н/16 (выдавленные изнутри). В Суботове II–III на фрагментах кубков представлены: линии л/9; окружности о/6, о/7; треугольники т/5; налеты н/1, н/5, н/8.

Миски (рис. 22). В горизонте Суботов II диагностированы миски типов М/6 и М/Х.2. В горизонте Суботов III они разнообразней: М/1–М/5. В общем горизонте Суботов II–III представлены типы М/7 и М/Х.1.

В горизонте Суботов II миски орнаментированы треугольниками т/13 и т/16 или сочетанием линии и зигзагом с пересечением (л/2–з/9). В горизонте Суботов III имеем линии л/4; налеты н/6 и н/15; сочетания линии и зигзага (л/3–з/1), линии и налета (л/2–н/10). В горизонте Суботов II–III представлены линии л/2 и л/6; канне-

1. Здесь и далее за 100 % приняты 940 всех учтенных образцов.

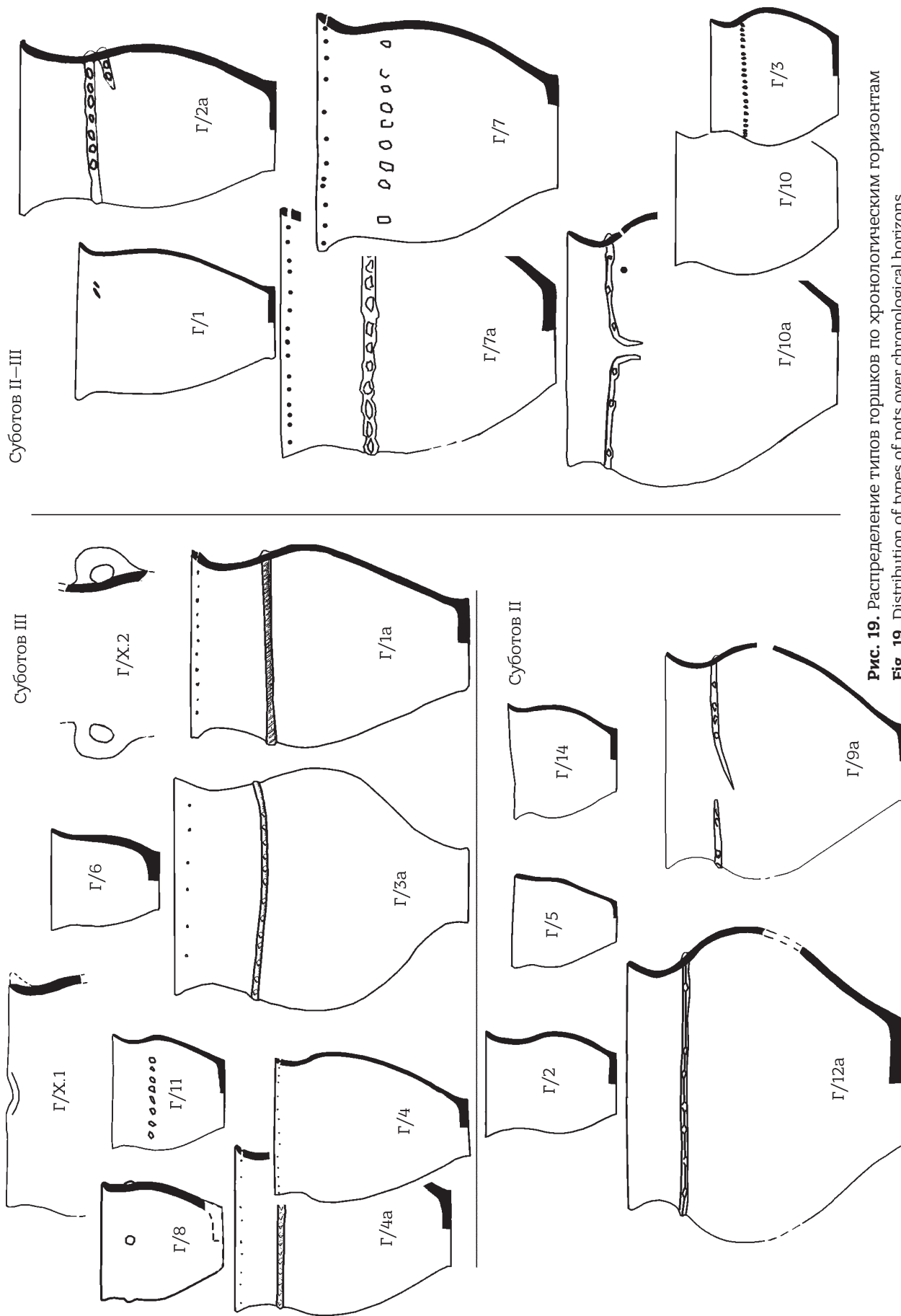

Рис. 19. Распределение типов горшков по хронологическим горизонтам
 Fig. 19. Distribution of types of pots over chronological horizons

VII.2. Распределение типов сосудов и элементов их орнаментации по горизонтам

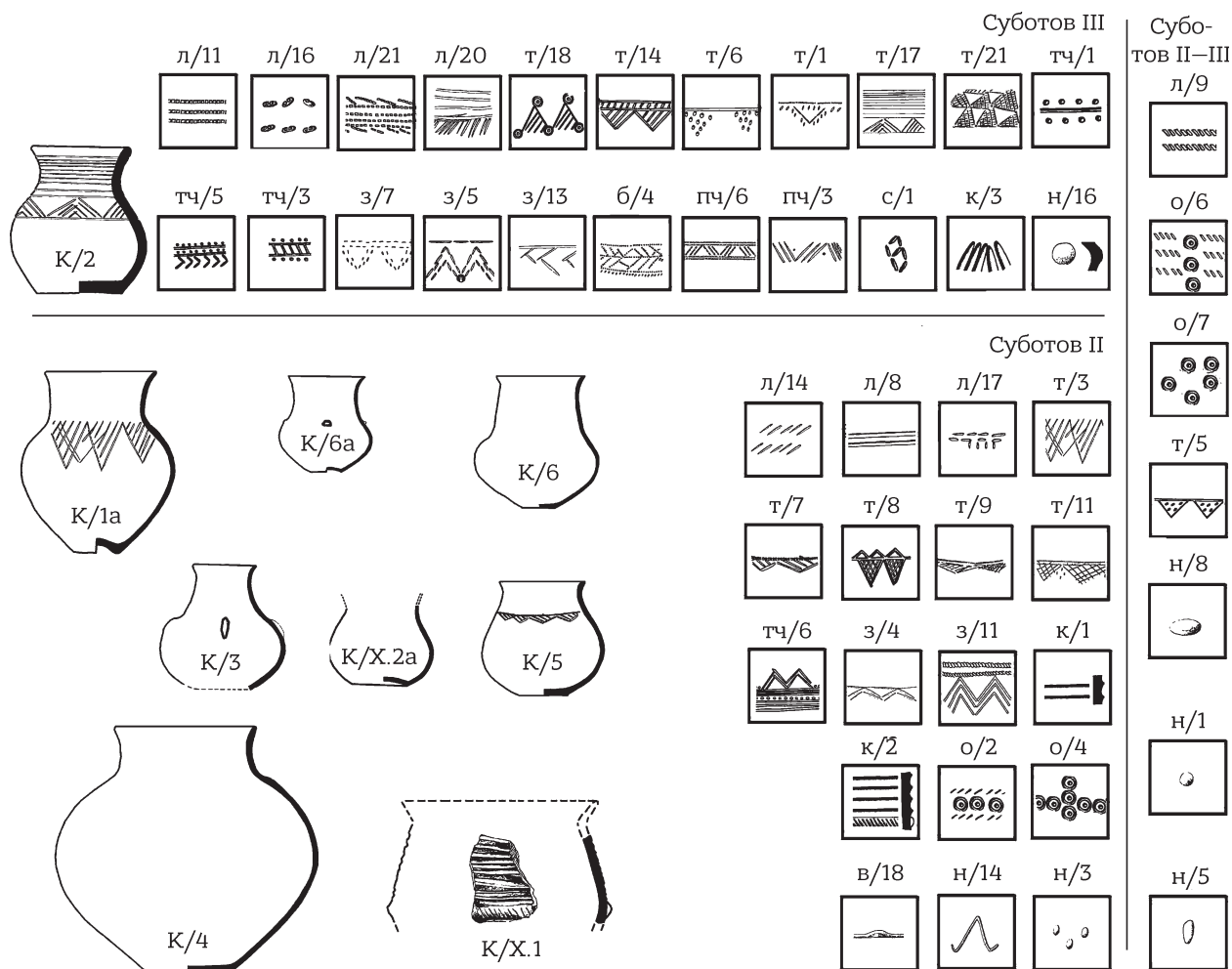

Рис. 21. Распределение типов кубков и кубковидных сосудов и элементов их орнаментации по хронологическим горизонтам

Fig. 21. Distribution of types of beakers and beaker-shaped vessels and their elements of ornamentation over chronological horizons

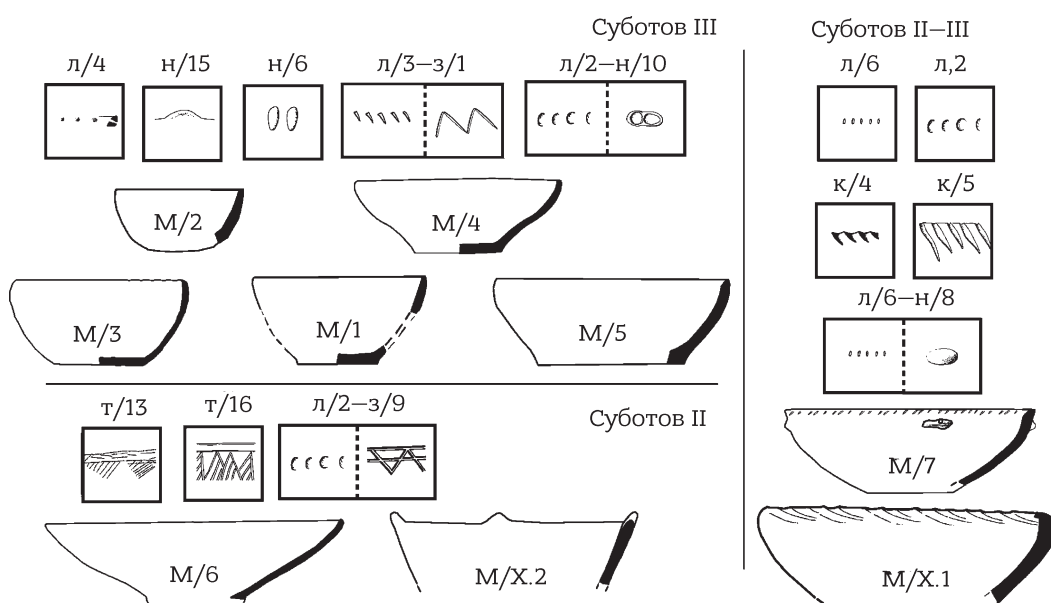

Рис. 22. Распределение типов мисок и элементов их орнаментации по хронологическим горизонтам

Fig. 22. Distribution of types of bowls and their elements of ornamentation over chronological horizons

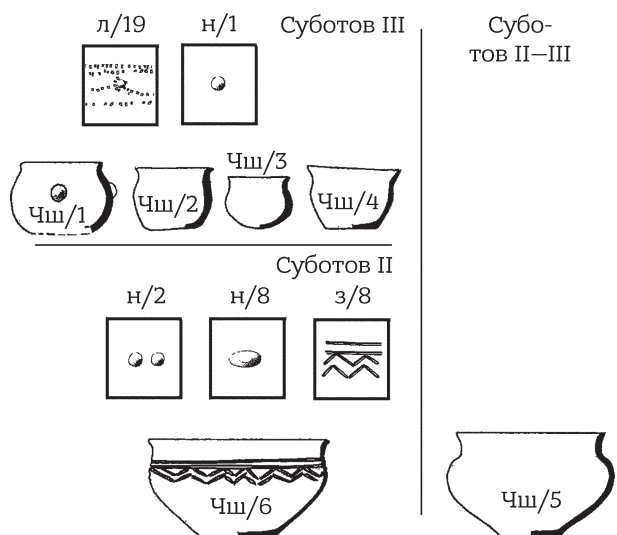

Рис. 23. Распределение типов чаш и элементов их орнаментации по хронологическим горизонтам
Fig. 23. Distribution of types of cups and their elements of ornamentation over chronological horizons

люры к/4 и к/5; сочетание линии и налепа (л/6–н/8).

Чаши (рис. 23). В горизонте Суботов II диагностирован только тип Чш/6. В горизонте Суботов III есть типы Чш/1–Чш/4. В горизонте Суботов II–III только Чш/5.

На чашах представлена такая орнаментация. Горизонт Суботов II: зигзаг з/8 и налепы н/2, н/8. Горизонт Суботов III: линии л/19 и налепы н/1.

Субо-
тов II–III

Черпаки (рис. 24, 1). В горизонте Суботов II диагностирован тип Ч/2, в горизонте Суботов II–III – Ч/1 и Ч/3.

Эти сосуды не орнаментированы, кроме налепа н/4 на фрагменте ручки из горизонта Суботов II.

Банки (рис. 24, 2). В горизонте Суботов II встречены банки типа Б/4; в горизонте Суботов III – Б/1 и Б/2; в горизонте Суботов II–III – Б/3 и Б/5.

Орнаментация представлена только на банках горизонта Суботов III: линии л/2, налепы н/1 и н/2.

Редкие типы сосудов (рис. 24, 3) связаны с горизонтами Суботов III и Суботов II–III. Орнаменты для горизонта Суботов II–III представлены: налеп н/8 и треугольники т/2.

Неопределенные категории и типы сосудов, т. е. фрагменты (рис. 25), по орнаментации распределяются по горизонтам таким образом. В горизонте Суботов II: пучки пч/4, пч/5, пч/7; бордюры б/2, б/8; точки тч/4; налепы н/9. В горизонте Суботов III: линии л/6, л/7, л/18; паркет пр/2; бордюр б/3, б/5, б/6, б/7; треугольники т/10, т/19, т/20; рассеянные знаки р/2, р/3; пучки пч/8; окружности о/1, о/5; зигзаг з/3, з/6, з/10, з/12; каннелюры к/6. Здесь имеем также сочетание линии и рассеянные знаки (л/12–р/1). В горизонте Суботов II–III: линии л/5, окружности о/3, «песочные часы» ч/1, налепы н/12.

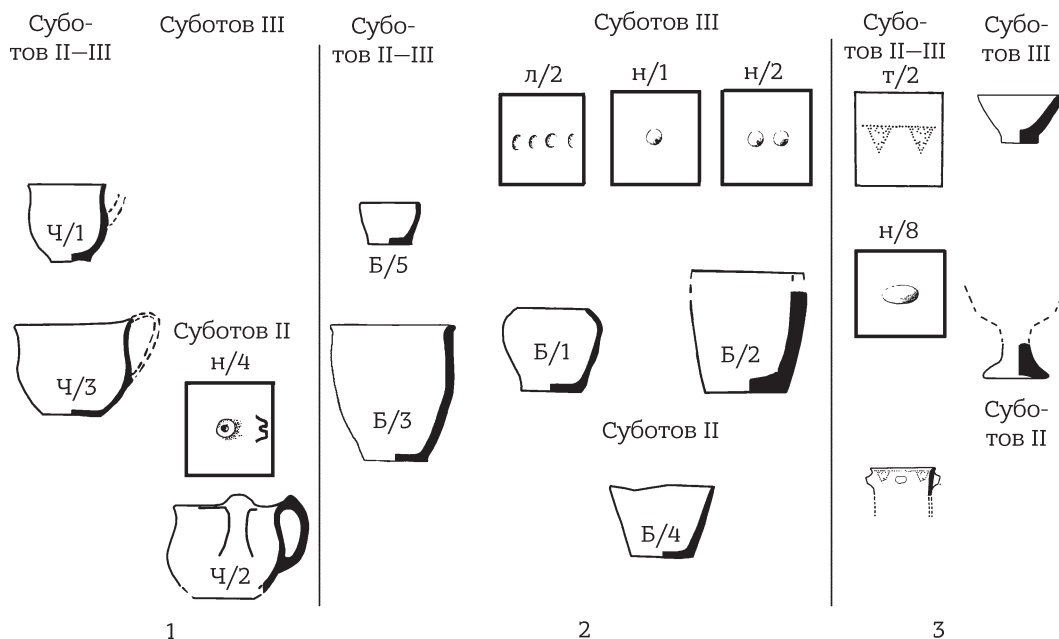

Рис. 24. Распределение других категорий сосудов и их орнаментации по хронологическим горизонтам

Fig. 24. Distribution of other categories of vessels and their ornamentations over chronological horizons

1 – черпаки; 2 – банки; 3 – редкие типы

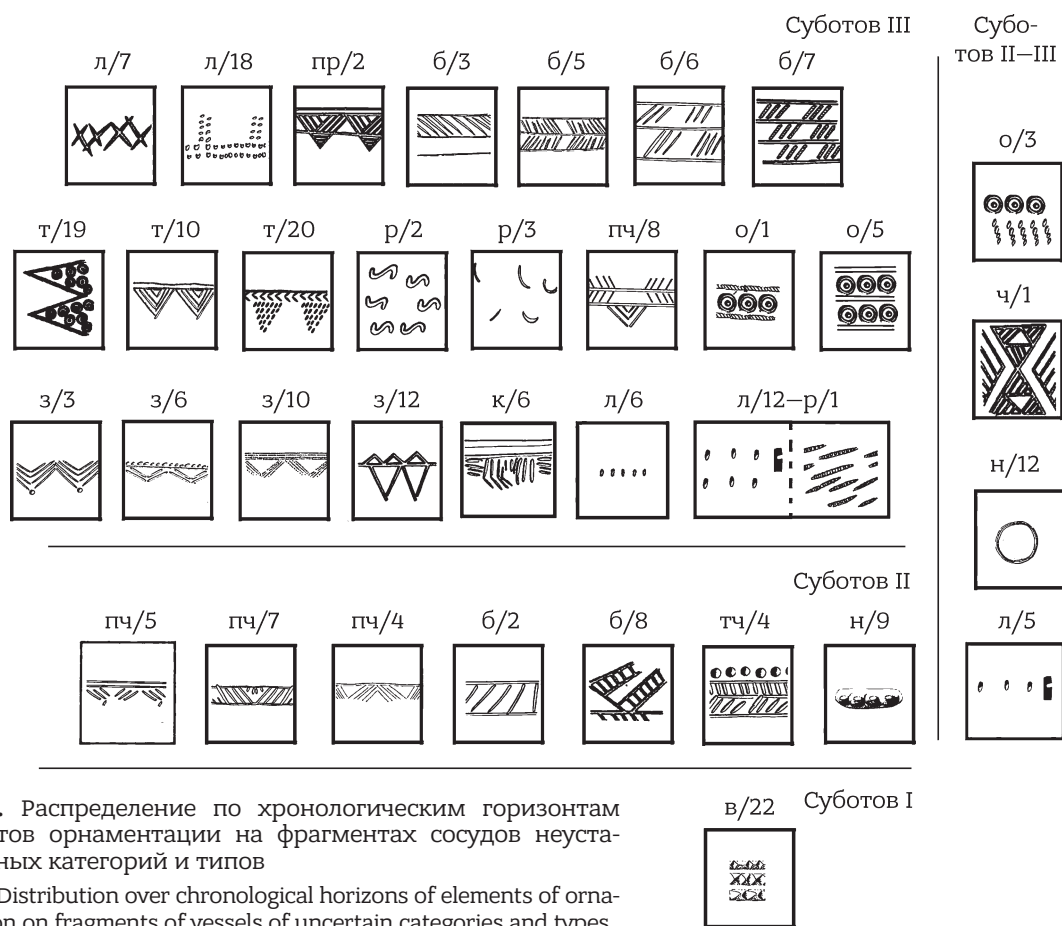

Рис. 25. Распределение по хронологическим горизонтам элементов орнаментации на фрагментах сосудов неустановленных категорий и типов

Fig. 25. Distribution over chronological horizons of elements of ornamentation on fragments of vessels of uncertain categories and types

VII.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУБОТОВСКОЙ ПОСУДЫ

Посуда Суботовского городища (горизонты Суботов II и Суботов III) имеет прототипы или аналогии в разных культурах позднего бронзового – раннего железного века. Сегодня можно говорить о четырех направлениях-традициях, с которыми она связана. Соответственно, керамика разделена на четыре основные группы. Каждая группа имеет свой ареал (очаг) первоначального формирования и последующего распространения.

VII.3.1. ЮГО-ЗАПАДНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ТРАДИЦИИ

В эту группу в основном зачисляли столовую посуду, т. е. лощеную. Единого мнения об ее происхождении нет. А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская настаивали на ее местных лесостепных истоках (Тереножкин, 1961: 81; Ильинская, 1973: 13–15; 1975: 30, 177), откуда она попадала в степную зону Северного Причерноморья. Их позицию разделяет Н.А. Гаврилюк, подчеркнув тесную связь белозерской и черногоровской посуды с лесостепью (Гаврилюк, 1979: 25, 29).

В отличие от них, А.И. Мелюкова и В.П. Ванчугов допускали для подобной посуды в Северном Причерноморье значительные «фракийские», раннегалльские, влияния (Мелюкова, 1979: 87; Ванчугов, 1990: 131, 132). В частности А.И. Мелюкова, определяя связи населения лесостепного Правобережного Поднепровья с Карпато-Подоунавьем, как доказательство указывала на лощеные корчаги «с небольшим, но стройным горлом и раздутым, иногда почти биконическим туловом», «конические миски с прямым или загнутым внутрь краем», корчаги с каннелюрами, разнообразные по форме черпаки, кубки и кубковидные сосуды, широкое использование налепов и штампов в орнаментации (Мелюкова, 1979: 74–76, рис. 25, 6, 7, 12, 29; 27, 2, 3, 5, 6). Она и Г.И. Смирнова указали на бесспорные аналогии им в культурных группах Инсула Банулуй–Пшеничево II–Бабадаг II, из которых они попали в зону Сахарно-Солонченской группы, а затем, уже в трансформированном виде, в чернолесскую культуру и далее на восток (Мелюкова, 1979: 80; 1989: 22; Смирнова, 1983: 70–71). Не местный характер такой посуды однозначно вытекает из факта отсутствия прототипов в предшествующих

культурах Ноуа и сабатиновской. Керамика культуры Ноуа на раннегалльштатских поселениях рассматривается лишь как механическая примесь (Мелюкова, 1979: 19, 20).

Относительно связи посуды чернолесской культуры с культурами штампованного галльштата не сомневался Г. Коссак (Kossak, 1980: 109). Б. Хенсель считает, что она появилась в Среднем Поднепровье еще в белогрудовской культуре (Hänsel, 1976: 150). Образцы из Днепровской лесостепи, определенные именно как раннегалльштатские, показала в ряде работ С.С. Березанская (1964: рис. 1, 6, 7, 10, 11; 8, 7; 11; 12; 1982: 87, 92, 93; 1985а: 503, рис. 137, 19).

В настоящее время установлено, что раннегалльштатский мир Нижнего и Среднего Подунавья, Северных и Северо-Восточных Балкан, Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья не един. В него входят различные общности или культуры, а именно: с каннелированной, прочерченной и штампованной керамикой или, соответственно, так наз. каннелированный, прочерченный и штампованный (орнаментированный) галльштат.

Общность с каннелированной лощеной посудой, или северный блок раннегалльштатских культур по С. Моринцу (Morintz, 1987: 58, 62, 67), сформировалась не позднее периода НаА1 (Guma, 1995: 100). В нее входят культуры Кишинэу–Корлэтенъ и Гава-Голиграды (или Гава-Голиграды–Греничешть).

На своеобразии памятников «типа Кишиневского поселения» в рамках культур раннего галльштата указывала Г.И. Смирнова (1976: 32). Сейчас культуру Кишинэу–Корлэтенъ рассматривают как восточное проявление Белегиш II (Кашуба, 2011: 53) или Кручени–Белегиш (Vulpe, 1979: 213) Среднего Подунавья (Румынского Баната, Северной Сербии и Северо-Западной Болгарии; Levițki, 1994: 154). Во второй фазе последней, формировавшейся на основе местных культур Жуто Брдо–Гырла Марэ, Балта Сэрата и др. при внешнем воздействии культур полей погребальных урн, произошел переход к орнаментации каннелюрами при сохранении прежних форм сосудов (Левицкий и Кашуба, 2014: 252, 253). Таким образом, сам по себе орнамент в виде каннелюр существовал в среднедунайской среде и ранее, в периоды ВС–ВД (Там же: 243–252). То же отмечается для таких декоративных и технологических особенностей как роговидные полые выступы.

Культура Гава-Голиграды распространена от Среднего Потисья до верховьев Сирета, Прута и Днестра (Кашуба, 2000: рис. 1;

2013: рис. 1). Наряду с Хайдубагос, поздней Отомань, Сучиу де Сус, Пилинь и др. в ее сложении также приняли участие носители культуры курганных погребений (Левицкий и Кашуба, 2014: 244), а Гавы – культура Белегиш II (Brukner, Jovanovic i Tasic, 1974: 240–246).

Общность с прочерченной (резной) и лощеной посудой или южный блок раннегалльштатских культур (Morintz, 1987: 58, 62, 67) представлена памятниками типа Бабадаг I–Тэмэоань–Голеркань–Ханск–Балта от Нижнего Подунавья до левобережья Среднего Днестра и Южного Побужья (Hänsel, 1974: 94; 1976: 144–146; Morintz, 1987: 54; Levițki, 1994: 152–153; Кашуба, 2000: 241, 242, рис. 1; 2011: 54). В Добрудже подосновой сложения Бабадаг I была группа Сихлеану (Сихлеану–Римничеле–Винэтори) или Пребабадаг (Кашуба, 2000: 286, табл. XI), что исключает ее пришлый характер на этой территории в отличие от более восточных и северо-восточных территорий.

Очень показательным вхождением в общность с прочерченной посудой памятников типа Балта (Levițki, 1994). Первоначально В.П. Ванчугов причислил ее к лесостепному варианту белозерской культуры, но с существенной оговоркой, что некоторые типы балтской посуды, как и тудоровского варианта белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье, средневропейского или нижнедунайского происхождения (Ванчугов, 1990: 36–38, 116, 131–133, 221–224, рис. 27, 16, 17; 29, 12–14; 30, 1–4 и др.).

Недавние исследования А. Ничика фактически показали необходимость включения в общность культур прочерченного галльштата не только поселений типа Балта, но и более восточных вплоть до Нижнего Поднепровья (Nicić, 2008: 127, 161, 162). Здесь на поселениях и в погребениях грунтовых могильников соответствующая керамика является маркером заключительного периода эпохи поздней бронзы и того образования, которое именуется белозерская культура. Последняя сформировалась в Северном Причерноморье на фоне кардинальных изменений постсабатиновского времени в домостроительстве, погребальной обрядности и металлообработке. Наличие в ней, как и в чернолесской и белогрудовской, галльштатских параллелей отмечал Н.Н. Чередниченко (1979: 8), а А.И. Мелюкова видела «зависимость» белозерских кубков от галльштатских и привела им многочисленные аналогии из Подунавья (1979: 51–53, рис. 14, 5, 6).

Специфика этой общности на южном пограничье лесостепи обусловлена, по М.Т. Кашубе, «буферным расположением» между степной белозерской культурой и лесостепными образованиями общности с каннелированной керамикой и «белогрудовско-раннечернолесским массивом» (Кашуба, 2000: 241, 242; Левицкий и Кашуба, 2014: 243). Вот почему по материальному наполнению она очень смешана. Это хорошо видно на примере поселения Картал II в низовьях Дуная. И.В. Бруяко, не поддавшись искушению выделить новую культурную группу, отметил здесь «абсолютно все мотивы, известные на памятниках соседних территорий (включая белозерские – Я. Г.), плюс еще и такие, которых нет больше нигде». Исследователь отнес Картал II к культурам (блоку) прочерченного гальштата Карпато-Подунавья (Бруяко, 2010: 251, 287).

На поздних памятниках общности с прочерченной керамикой использовали различные виды штампов (László, 1986: 72; 1994: 164), а в Среднем и Нижнем Подунавье и на Восточных Балканах происходило становление культур (групп) со штампованной керамикой типа Инсула Банулуй–Пшеничево II–Бабадаг II (Morintz și Roman, 1969: 393–422; Hänsel, 1976: 122, 134–140, 164), затем вычленение культуры Козия–Сахарна и миграция ее носителей на север и северо-восток – в лесостепное Пруто-Сиретское междуречье (Hänsel, 1974: 94; 1976: 144–146; Мелюкова, 1975: 54–68; Levițki, 1994: 152–153; Кашуба, 1999: 373; 2000: 241, 242, 355; 2011: 54). Таким образом, в раннегальштатских культурах Козия–Сахарна представляет их своеобразный крайний восточный блок (László, 1994: 164).

В попытках разместить сахарно-солонченский комплекс ранее других культур штампованного гальштата (Романчук, 2002) явно преувеличено значение местного субстрата в виде культуры Костиша¹ и принят, на мой взгляд, сомнительный тезис о том, что большее или меньшее распространение каннелированного или штампованного орнамента имеет хронологическое значение. Хотя С. Моринтц на основании изучения керамики городища Бабадаг считал, что эволюция орнаментации идет от прочерченной к штампованной, затем замещается врез-

ной (Morintz, 1964; 1987), этот вывод сейчас ставят под вполне обоснованное сомнение и на массовом материале доказывают их сосуществование (Ailincăi, 2016).

Итак, при сопоставлении суботовской керамики первой группы, т. е. имеющей истоки на западе и / или юго-западе относительно Потясминья и Среднего Поднепровья, следует учитывать разнообразие раннегальштатских культур и то, что их общий территориальный охват значительно шире ареала Козия–Сахарны, пусть и ближайшего к белогрудовско-чернолесскому. Это позволяет проводить поиск соответствий посуде первой группы по всему Карпато-Дунайскому региону и сопредельным областям Балкан. Речь идет о кубках и кубковидных сосудах, а также некоторых типах мисок, горшков, черпаков и банок. Показательно, что большинство сосудов этих категорий представляют собой ведущие формы раннегальштатского происхождения и на белозерских памятниках Северного Причерноморья (Левицкий, 2002: 182–185).

Кубки и кубковидные сосуды. По формам и пропорциям эти сосуды с высокой шейкой (горловиной) и наибольшим диаметром в средней части высоты или ниже наиболее близки сосудам-урнам, широко бытовавшим в курганных культурах Центральной Европы, и амфорам, известным в бронзовом веке от Балкан до Малой Азии (Бруяко, 2010: 257). Последние имеют те же пропорции и отличаются лишь наличием ручек. О.Г. Левицкий (2002: 185) связывает происхождение биусеченноконических сосудов (урн типа Гава) с культурами среднего и позднего бронзового века Карпато-Дунайского бассейна, в частности с культурой Кручени-Белегиш. В Поднепровье и Поднепровье в культурах эпохи поздней бронзы, в тшинецко-комаровской, сабатиновской, Ноуа и, тем более, срубной, прототипов для них нет. Это, безусловно, указывает на не местное происхождение сосудов этой категории, на общий западный и юго-западный их источник. При таком понимании вопрос о хронологическом приоритете кубков по отношению к кубковидным корчагам, т. е. сосудам той же категории, но наибольших объемов, теряет смысл. Поиск их прототипов и аналогий без указания конкретных показателей формы и объема, как это иногда практикуется (Ванчугов, 1982: 71), бесполезен.

Кубковидные корчаги типа К/4, т. е. сосуды очень широких пропорций со стянутым

1. С.Д. Лысенко низвел эту культуру до уровня группы и включил наряду с комаровской в «лесостепную линию развития восточного массива тшинецкого культурного круга» (Лысенко С.Д., 2011а: 23).

устьем, — это повторение типов IXa/10b и Ia/2 Нижнего Подунавья и Поднестровья, т. е. «яйцевидных с профилированным профилем сферической формы» и «биконических с узким горлом и профилированной шейкой» (см.: Nicic, 2008: Fig. 16, 12a; 42, 17; 99, 21; 102, 13; 108, 1; 137; 152). Они широко распространены также в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов, 1990: фото 1, 14; 4, 6, рис. 30, 9, 17; 22, 22 и др.; Gorbenko and Grebennikov, 2009: Fig. 4, 12) и в Крыму (Колотухин, 2003: рис. 54, 1, 3, 6).

Типы кубков K/1a и K/2 представлены в северо-восточной зоне черногооровской культуры и на Нижнем Дону (Шарафутдинова Э., 1991: рис. 3, 5; Дубовская, 1993: 151, рис. 73, 77). В Суботове тип K/1a связан с горизонтом Суботов II, K/2 — с горизонтом Суботов III. Такое распределение определенно указывает на синхронность горизонта Суботов III с черногооровскими древностями.

Относительно кубков с очень широкими пропорциями — K/3, K/5, K/6, K/6a и K/X.2a — может сложиться впечатление, что их больше в белозерском ареале. Но это связано с тем, что в целом виде они встречаются фактически во всех грунтовых и курганных белозерских могильниках. Например, кубки K/3 и K/6 найдены в Казаклии и Чернянском могильниках (Agulnikov, 1996: Fig. 6, 7; 11, 5; 14, 2; 23, 3; Nicic, 2008: Fig. 105, 9; 114, 5, 7), да и не только там.

В культурах Белегиш II, Гава-Голиграды, Кишинэу—Корлэтен горловина урн и амфор или их верхняя часть украшены горизонтальными широкими и узкими каннелюрами, в нижней трети или по бокам — разнообразными выступами и налестками (Levițki, 1994: Fig. 12, 10, 12; 31, 11; 41, 10, 12; 46, 9; 74, 14, 15, 33, 34; László, 1994: Fig. 62, 1–3, 7). На Суботовском городище фрагмент подобного сосуда (тип K/X.1a) обнаружен в «зольном» заполнении жилища № 1 (рис. B39, 1). Элемент орнамента в виде букраниевидного налестки n/4 — повторение в рельефе т. н. прочерченных волн, известных на керамике культур Ноуа и Кослоджен. И.В. Бруяко рассматривает последние как отражение «культурно-генетического фундамента» Картала II (2010: 287, 288, рис. 20).

Каннелюры k/1 и k/2 широко представлены на кубках и кубковидных формах культур общностей с каннелированной (Levițki, 1994: Fig. 62; 63, 2–4) и прочерченной керамикой, включая белозерские памятники (Nicic, 2008: Tab. 12).

Кишинэу—корлэтенским и гава-голиградским (группы Грэничешть) приемом является нанесение крупных вдавлений изнутри, образующих на внешней стороне выпуклости типа n/16 (см.: Levițki, 1994: Fig. 41, 13; László, 1994: Fig. 37, 6; Pl. IX, 48; Кашуба, 2000: 312). Хотя образцов с подобными элементами в суботовской коллекции очень мало, они с большой долей вероятности принадлежат именно кубкам (рис. B60, 9; B75, 14; B86, 15; B88, 14). Нужно также вспомнить и большую корчагу из Чернолесского городища. В верхней части она украшена горизонтальными каннелюрами, по бокам — полыми роговидными выступами. Подобные сосуды (англ. Knobbed Ware, нем. Buckelkeramik) характерны для каннелированного гальштата Карпато-Подунавья и Восточного Прикарпатья. Они известны на Восточных Балканах и в Трое VIIb1–VIIb2 (Левицкий и Кашуба, 2014: 259, рис. 7, 1, 2).

Орнаменты л/8 и л/17 (по схеме, но не по технике выполнения), фактически все виды рельефной орнаментации (n/1, n/3, n/5, n/8, v/18) есть на посуде прочерченного гальштата (Nicic, 2008: Fig. 158, 159; Бруяко, 2010: рис. 2, 8), в Подунавье и Поднестровье восходят к традициям культуры Ноуа, Кослоджен и сабастиновской (см.: László, 1994: Pl. IX, 46a, 47a; XIII, 31, 33, 34; Nicic, 2008: Tab. 3), откуда попадают в культуру Козия—Сахарна (см.: Кашуба, 2000: рис. XXXVI, A; XXXVII, A и др.).

В Пшеничево II имеются кубковидные сосуды с каннелюрами типа k/3 вокруг выступов (рис. B54, 15; B78, 7; см.: Hänsel, 1976: Taf. 71, 14). Ромбы c/1 (рис. B80, 11), вероятно, не получили широкого распространения, но показательное наличие очень похожих знаков на посуде культур и групп прочерченной и штампованной керамики Северной Болгарии (Hänsel, 1976: Taf. 56, 5).

Треугольники t/5 и t/20 аналогичны декору типа 10/III посуды Нижнего Подунавья (Nicic, 2008: Fig. 165) и штампованной керамики Северной Болгарии (Hänsel, 1976: Fig. 6, 6). В Картале II подобные встречены в сочетании с роговидным выступом (Бруяко, 2010: рис. 3, 11), полностью повторяются или несколько видоизменены на белозерской посуде (см.: Кубышев и Черняков, 1986: рис. 6, 1; Ванчугов, 1990: рис. 43, 19; Agulnikov, 1996: Fig. 18, 5; Nicic, 2008: Fig. 114, 2;). Те же параллели имеем для треугольников t/3 и t/8, зигзага z/4, точек tч/1 и tч/5 (см.: Кубышев и Черняков, 1986: рис. 1, 3; Nicic, 2008: Fig. 92, 6; 93, 11; 102, 12; 108, 15; 160; 163).

Определенно с орнаментами культур штампованного гальштата связаны линии л/9 и л/11, зигзаги з/11, бордюры б/4 и пучки пч/6, треугольники т/21 (см.: Кашуба, 2000: рис. XXII, 2, 4, 5). Последние соответствуют типу 21 Картала II (Бруяко, 2005: рис. 2). Не менее показательны концентрические окружности о/1–о/7. Они сами по себе или в различных сочетаниях характерны для Бабадага II и Пшеничево II (см.: Hänsel, 1976: Taf. 46, 14; 48, 4; 74, 5, 6; XV, 14, 18, 19), Инсула Банулуй (Ibid: Taf. XI, 20, 22, 46, 47), Козии–Сахарны (Гольцева и Кашуба: 1995, табл. XXXIX, 2). Концентрические окружности о/5 напоминают орнаменты в группе Винэтори и Картале II (Бруяко, 2010: рис. 3, 9, 10), которые, в свою очередь (по расположению концентрических окружностей по обеим сторонам от линии), повторяют схему расположения точек тч/1.

В Среднем Поднепровье в переходный период отпечатки в виде концентрических окружностей – совершенно новый элемент орнаментации, в то время как их распространение в Болгарии связывают с влияниями из Потисья, где их появление знаменует начало процесса гальштатизации. Этот элемент стал своеобразным символом периода, но использовался очень долго. По его наличию на керамике поселений культуры Инсула Банулуй в Сербии (Мала Врбица, Дрмно) предполагается, что эта культура является не чем иным, как ранней фазой культуры Басарабь или, по крайней мере, само эпонимное поселение существовало очень продолжительное время (Jevtić, 1994: 129, 140, Pl. I, 1–3; II, 4; V, 7).

Отпечатки иногда инкрустированы белой пастой (рис. В4, 3; В24, 4; В29, 6; В41, 10; В58, 9; В69, 2; В76, 1; В80, 2; В86, 9, 11). Это характерно для керамики басарабско-шолданештской и жаботинской, т. е. может восприниматься как заведомо поздний признак. Однако А. Готцев напомнил, что одним из компонентов группы Инсула Банулуй является местная более древняя культура инкрустированной керамики Балеа-Орсой (Gotzev, 1994: 110). Таким образом, инкрустация существовала не только в период среднего, но и на протяжении всего раннего гальштата и сама по себе, без учета всего комплекса, не имеет хронологического статуса.

На раннегальштатской посуде широко распространен и такой вид орнамента как горизонтальные пояса «касательных к окружностям» или тангенты (Мелюкова, 1979:

23, 25; Gotzev, 1994: 109, Tab. II, 4; Крушельницка, 1998: 181). Распределение сосудов с той или иной орнаментацией по глубинам на поселении Равадиново в Юго-Восточной Болгарии, существовавшего на протяжении всего раннего железного века, дольше поселения Пшеничево, показало, что посуда с подобными знаками встречается в нижних отделах слоя, а в сочетании с треугольниками и выше (Gotzev, 1994: 109, Tab. V, 2). В материалах Суботовского городища посуды с таким орнаментом нет. На белозерских памятниках Нижнего Поднепровья найден всего один фрагмент в сабадиновско-белозерском горизонте поселения Берислав (Gerškovič, 1999: Taf. 7, 10).

Редкость тангента в Среднем Поднепровье, его преимущественное распространение на фазе Бабадаг I в Добрудже (Бруяко, 2010: 296), фактически полное отсутствие в белозерской культуре требует объяснения. Видимо, такие знаки, в отличие от иных западного или юго-западного происхождения, были табуированы в исходной раннегальштатской среде (в той же Добрудже), имея для населения именно этого региона особое (сакральное?) значение. В таком случае понятно и отсутствие подобной орнаментации в Кораку на Коринфском перешейке, где местная керамика имеет, как и в Трое VIIb2, явные аналогии в Бабадаг I (Бруяко, 2010: 285), но также лишена тангентов.

Зигзаги з/7 встречаются в культуре Басарабь, линии из отпечатков л/15 (рис. В51, 11) напоминают знаки на керамике поселения Iernut в Трансильвании, которое считается одним из наиболее ранних басарабских (Gogăltan and Ursuțiu, 1994: 93, Fig. 8, 6).

Миски. Как и в лесостепном Днепровском Правобережье (см.: Березанська, 1964: рис. 8, 4, 10; Рыбалова, 1999: 330), миски типов М/1–М/7 и М/Х.1 широко представлены в культурах каннелированного гальштата (см.: Levițki, 1994: Fig. 13, 7, 8, 11; 20, 6; 24, 18; 25, 8; 28, 17; 30, 2, 4; 33, 5; 42, 2; 13; 43, 3; László, 1994: Fig. 20, 2, 6, 9; 21; 22; 55, 3, 4; Pl. X, 13–62).

На мисках и на баночных сосудах группы Выртоп Центральной и Юго-Восточной Румынии (Олтения) встречаются своеобразные направленные вверх подтреугольные выступы (Levițki, 1994: Fig. 13, 13–15; 43, 1; 73, 11). Такая же миска встречена в Сахарнянском могильнике (Кашуба, 2000: рис. LXI, 8). На Суботовском городище фрагмент миски с таким выступом (тип М/Х.2) проис-

ходит из ямы № 5 жилища № 9 (рис. В16, 8). В этой связи заметим, что группа Выртоп (периодов НаА1–НаВ1), как установил Б. Хенсель, вместе с группой Işalniţa (или Bistreţ–Işalniţa) в долине Муреша занимает промежуточное положение между концом культуры Гырла Маре и Вербичоара и началом культуры Инсула Банулуй (Hänsel, 1976: 101–105; Taf. 38, 2; Guma, 1995: 104). В Трансильвании группе Işalniţa соответствует группа Uioara de Jos (ранняя Гава), сосуществовавшая с группой Cugir-Band, в которой имеется уже и штампованная, и врезная, и каннелированная орнаментация (Ciugudean, 1994: 35).

Миски типа М/Х.1 с косыми каннелюрами на загнутом венчике характерны для прочерченного гальштата (см.: Nicic, 2008: Fig. 15, 8; 44, 3; 50, 9, 11), но также встречаются на белозерских поселениях (Ванчугов, 1990: рис. 22, 19; 28, 16).

Благодаря многолетним исследованиям С.Д. Лысенко могильника Малополовецкое 2 и других памятников на Фастовщине, по-моему мнению, однозначно установлено, что миски типов М/6 и М/4 появляются в горизонте Мп-V заключительного периода эпохи поздней бронзы (Лысенко С.Д.: 2001, 30, рис. 5, 19, 17, 18; 2006: рис. 13, 1, 2; 14, 10; 2008; Górski, Lysenko and Makarowich, 2003: 300–303). И хотя некоторые типы мисок известны в тшинецкой культуре (Березанская, 1972: табл. IV, 1, 5, 6), их массовое распространение в Среднем Поднепровье связано не с местными, а западными и юго-западными раннегальштатскими источниками.

Из всех элементов орнамента, встреченных на мисках Суботовского городища, на тшинецко-комаровской посуде встречаются лишь сквозные отверстия в линиях л/4, в то время как все виды налепов и каннелюров характерны для посуды, в том числе мисок, культур прочерченного гальштата и белозерской (Мелюкова, 1979: рис. 10, 8; Ванчугов, 1990: рис. 28, 8; Leviţki, 1994: Fig. 25, 4; 32, 13; 42, 4; László, 1994: Pl. X, 62). Характерными для культур Козия–Сахарна, Бабадаг II, Пшеничево II являются восьмерковидные горизонтальные налепы типа н/10 (рис. В54, 2; ср.: Hänsel, 1976: Taf. 71, 5).

Бытование мисок на протяжении заключительного периода эпохи поздней бронзы обеспечило их использование и в раннескифское время.

Чаши. Тип Чш/4 известен в материалах поселения Телеак (горизонт Ib) культуры Гава (Левицкий и Кашуба, 2014: рис. 4, 7);

Чш/5 – в культурах прочерченного гальштата (Nicic, 2008: Fig. 145) и белозерской (Ванчугов, 1990: Фото 1, рис. 30, 15); Чш/6¹ – там же (Ванчугов, 1990: рис. 43, 11; Nicic, 2008: Fig. 144) и в Кишинэу–Корлэтенъ (Leviţki, 1994: Fig. 66, 9); Чш/1 – в белозерской культуре (Ванчугов, 1990: рис. 23, 7) и Кишинэу–Корлэтенъ (Leviţki, 1994: Fig. 46, 1). Округлодонные чаши представлены в Козия–Сахарне и отнесены М.Т. Кашубой к кубкам (Кашуба, 2000: рис. XIX, 9), хотя опубликованный образец по соотношению Дб : Н = 1,25. Такой показатель, согласно моей классификации, характерен для чаш, тогда как максимальный показатель Дб : Н для кубков не превышает 1,098 (табл. 16).

Такие элементы орнамента как зигзаг з/8, налепы н/1, н/2 и н/8, отпечатки штампа в линиях л/19 встречаются на чашах культур прочерченного гальштата (тип 8/III, по: Nicic, 2008: Fig. 163) и белозерской (Ванчугов, 1990: рис. 17, 16; 18, 21; 23, 1, 4; 25, 18; 28, 11, 16; 43, 11 и др.). Линии из отпечатков разреженного мелкозубчатого штампа л/19 есть на посуде культуры Козия–Сахарна.

Горшки. Из всего разнообразия горшков определено с кишинэу–корлэтенскими сопоставимы горшки со сливом типов Г/Х.1 и Г/1 (см.: Leviţki, 1994: Fig. 14, 9; 17, 19; 32, 19; 34, 14). Такие бытовали и в черногооровской среде (Махортых, 2005: рис. 38, 12, 15, 16). Горшки с ручками типа Г/Х.2 известны в Кишинэу–Корлэтенъ (László, 1994: Pl. IV, 5Fс; Leviţki, 1994: Fig. 15, 4, 5) и на белозерских поселениях (Ванчугов, 1990: рис. 24, 5; 25, 5). Подобные сосуды иногда называют псевдоамфорами (Бруяко, 2010: 266, рис. 11). Они известны в памятниках позднего бронзового – раннего железного века Северо-Западного Причерноморья, на Балканах, в Северной Греции и вплоть до Трои.

Остальные типы горшков не столь специфичны, поскольку распространены в эпоху поздней бронзы и на ее заключительной стадии на очень широкой территории, достигая западных Балкан (Medovič, 1988: Sl. 231, 5–8; 280, 3; 293, 8; Teržan, 1990: Tabl. 6, 5, 13; 13, 2; 17, 22). Тюльпановидные горшки типа Г/2 встречены в культуре Козия–Сахарна (Кашуба, 2000: рис. X, 48), типы Г/3 и Г/12 представлены и на Жаботинском поселении (этап Жаботин-I, по: Дараган, 2011: рис. V, 1;

1. Такие чаши белогрудовской культуры иногда называют шлемовидными мисками (Березанська, 1964: рис. 8, 3, 5, 9). В.Д. Рыбалова отметила их отсутствие на Среднем Днестре (1999: 330).

табл. 111, 2; 147, 2), демонстрируя длительное сохранение западных или общих, западных и местных, норм керамического производства.

Разновидность паркетной орнаментации пр/1 известна в Кишинэу–Корлэтеңь (Levițki, 1994: Fig. 37, 12), там же – и все виды налестов на горшках и очень своеобразные налестные валики типа в/15 (рис. В83, 3; ср.: Levițki, 1994: Fig. 14, 6; 20, 2, 21; 21, 12–14; 25, 12; 29, 11; 37, 2; 44, 1, 10; 45, 5; 46, 15).

Налесты н/13 в культурах прочерченного гальштата продолжают традиции комплекса Ноуа–Сабатиновка–Кослодженъ эпохи поздней бронзы (см.: Nicic, 2008: Tab. 3), но на юге лесостепи, за пределами сабаатиновской культуры, горшки с такими налестами не местные.

Многоярусный зигзаг з/14 – одна из разновидностей орнаментов культуры Козия–Сахарна (Гольцева и Кашуба, 1995: табл. LIII, 2, 3; LVI, 2, 4; Кашуба, 2000: 308, 309, рис. XXII, 4), а налестные валики в/19 практиковали на протяжении всего гальштатского периода (Andrițoiu, 1992: Pl. 57, 6; Levițki, 1994: Fig. 29, 5; 25, 11; László, 1994: Fig. 74, 3).

Широкий хронологический диапазон бытования имеют роговидные и ушковидные выступы н/15. На городище Телеак они есть на посуде уже первого горизонта, т. е. в самом начале культуры Гава в Трансильвании (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: 242, Fig. 46, 1; Ciugudean, 1994: 35).

В горизонте Суботов III с раннегальштатскими, в первую очередь, сопоставимы орнаменты из волнообразных линий л/16, бордюры б/1, точки тч/2, все виды налестов, а в сочетаниях – каннелюры к/4.

Из горизонта Суботов II–III происходит фрагмент с элементом орнамента пч/1, свойственный керамике культур прочерченного гальштата (Nicic, 2008: Tab. 7) и Козии–Сахарне, для которой они определены как наиболее ранние (Кашуба, 2000: 308, рис. XXII, 2). Линии из проколотых точек, наколов, больших и маленьких вдавлений, не говоря о налестных валиках, также встречаются на посуде культур каннелированного (László, 1994: Pl. IX, 45) и прочерченного гальштата (Nicic, 2008: Fig. 55, 1–3).

Банки. На банках из Суботова раннегальштатские черты проявляются в наличии налестов, но эта, в целом простейшая форма посуды, широко распространена в пространстве и времени. Банки типа Б/3 (рис. В48, 3) имеются в культуре Кишинэу–

Корлэтеңь (Levițki, 1994: Fig. 32, 3) и в первом горизонте городища Телеак (Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 37, 13).

Из **редких типов сосудов** к первой группе можно отнести сосуд на сплошном поддоне (рис. В26, 1). Подобные изготавливали в среде культур урновых полей погребений Центральной Европы, спорадически они встречаются в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов, 1990: рис. 41, 6–8, 17, 18). Подобная рюмковидная пиксида, по М.Т. Кашубе, происходит из парного захоронения могильника Алчедар культуры Козия–Сахарна (2000: 398, рис. XI, 24; LXV, 13).

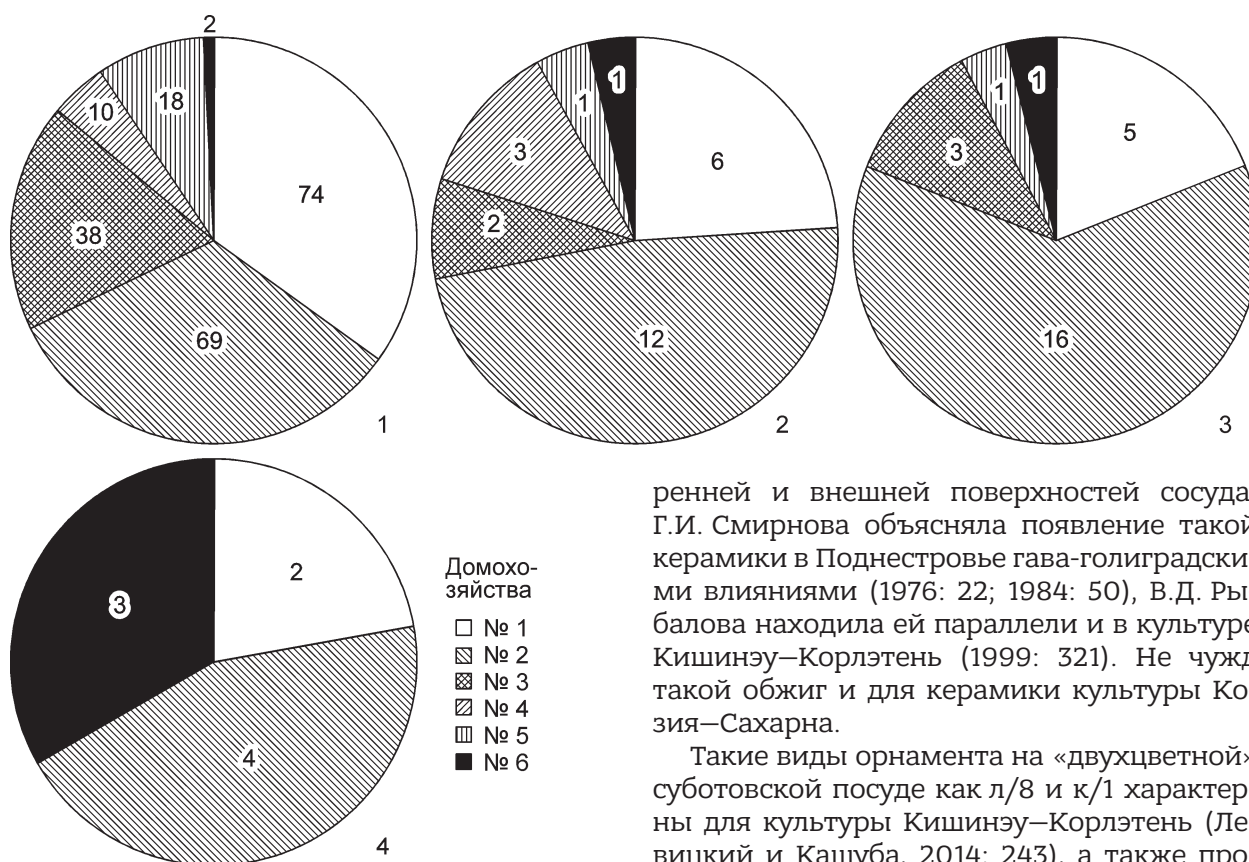
Тип некоторых сосудов не определен (рис. В49, 3; В76, 13). Один из них имеет очень высокую подцилиндрическую шейку и, возможно, близок «банковидному горшку с пуговичками-упорами под венчиком» из чернолесского поселения Непоротово III (Крушельницка, 1998: 123, рис. 76, 1). В культуре Кишинэу–Корлэтеңь подобный отнесен А. Ласло к типу Ab (László, 1994: Fig. 15, 1). Важным показателем именно западных параллелей в данном случае выступает не только оригинальная форма, но и орнамент в виде треугольников т/2 и налестов н/8.

Среди других элементов орнаментации на посуде западной или юго-западной группы нужно назвать каннелюры к/6 (см.: Levițki, 1994: Fig. 24, 11; 28, 3, 10; 33, 10; 39, 8; 46, 5), концентрические и кольцевые налесты н/12 (Ванчугов, 1990: рис. 43, 8; Levițki, 1994: Fig. 16, 3), рассеянные скобовидные знаки р/3 (Levițki, 1994: Fig. 25, 19). Очевидны балтские и тудоровские параллели для орнаментов пч/4, пр/2 и пч/5 (см.: Ванчугов, 1990: рис. 17, 16; 18, 21; 23, 1, 4; 25, 10, 18; 28, 11, 16 и др.). Точки тч/4 представлены на амфорах в Картале II (Бруяко, 2010: рис. 2, 2).

К числу ранних в комплексе культуры Козия–Сахарна, сопоставимых с прочерченными орнаментами керамики Тэмэоань–Голеркань–Ханск–Балта, М.Т. Кашуба относит композиции с бордюрами б/5, б/6, б/7 (1999: 377, рис. 4, 3, 5). Такие же имеются в нижнем (предкимммерийском) и среднем (кимммерийском) горизонтах Непоротово (Крушельницка, 1998: 189, рис. 94, 4, 23; 95, 31 та ін.), где представлены также такие элементы как «песочные часы» ч/1 и «лесенка» б/8 (Там же: рис. 94, 8, 34; 95, 3, 6; 96, 2). Элементы б/6 и б/7 соответствуют типу 5а геометрической орнаментации на керамике предскифского времени Северного Причерноморья (Бруяко, 2005: рис. 2).

Таблица 34. Количественное распределение глиняной посуды разных традиций по домохозяйствам (1 – юго-западная группа, 2 – юго-восточная группа, 3 – северо-восточная группа, 4 – керамика культуры Бабино)

Table 34. Distribution of the clay vessels of the different traditions over households (1 – western groups, 2 – north-eastern group, 3 – eastern group, 4 – the Babino Culture)

Характерными для Козия–Сахарны, Бабадага II, Пшеничево II, Гава-Голиграды являются выступы н/9 (Смирнова, 1976: рис. 3, 1, 2, 12, 13, 19, 20; Vasiliev, Aldea și Ciugudean, 1991: Fig. 33, 2–5; Бандрівський та ін., 1993: рис. 42).

Треугольники т/20, рассеянные S-видные знаки р/2 вместе с модификациями из треугольников т/5, зигзагов з/5, гроздей т/6, точек тч/1 характерны для Инсула Банулуй (Мелюкова, 1979: 23), Бабадаг I и II (Morintz, 1987: Fig. 9, 9; 13, 2; 10, 1), встречены в группе Босут IIIa (Medović, 1988: 408, Sl. 3). Знаки р/2 в различных вариантах имеются и на жаботинской посуде (см.: Дараган, 2011: рис. IV, 34, 22–29; IV, 3–7).

Отпечатки в виде концентрических окружностей о/2, о/3, о/5, как уже отмечено для кубков и кубковидных, распространены в культурах штампованного гальштата Бабадаг II–Пшеничево II–Инсула Банулуй, Козия–Сахарна и др.

Еще один важный критерий выделения посуды первой группы связан с технологией ее изготовления. Речь идет об обжиге в окислительной и редуцированной среде, результатом чего был разный цвет внут-

ренней и внешней поверхностей сосуда. Г.И. Смирнова объясняла появление такой керамики в Поднестровье гава-голиградскими влияниями (1976: 22; 1984: 50), В.Д. Рыбалова находила ей параллели и в культуре Кишинэу–Корлэтенъ (1999: 321). Не чужд такой обжиг и для керамики культуры Козия–Сахарна.

Такие виды орнамента на «двухцветной» суботовской посуде как л/8 и к/1 характерны для культуры Кишинэу–Корлэтенъ (Левицкий и Кашуба, 2014: 243), а также прочерченного гальштата (Niciș, 2008: Fig. 158). Так же привлекает внимание фрагмент из заполнения жилища № 6 (рис. В58, 8) от большого округлобокого кубковидного сосуда, подобного биконическим и большим округлобоким сосудам с прототипами в Белегиш II–Выртоп–Балта Верде (Levițki, 1994: 87–89, Fig. 63). Некоторые элементы орнамента (л/17, сочетание л/2–з/7) на такой посуде есть только в горизонте Суботов II.

«Двухцветная» посуда равномерно распространена во всех исследованных большой площадью домохозяйствах (№ 1–4). Образцы из домохозяйства № 2 залежали на полу жилищ № 1 (рис. В38, 3) и № 2 (рис. В42, 6), а также в «зольных» заполнениях жилищ № 2 (рис. В43, 12) и № 6 (рис. В58, 8, 9, 11). Распределение ее по вертикали относительно равномерное: 8 (42 %) в горизонте Суботов II и 11 (58 %) в горизонте Суботов III, т. е. окислительный и восстановительный обжиг, характерный для раннегальштатских мастеров-керамистов, использовался на протяжении всего времени существования городища.

Соотношение такой посуды с обычной, «одноцветной», на памятниках культур кан-

нелированного и прочерченного гальштата не известно. Что же касается Козия–Сахарны, то, по крайней мере, на поселениях Солончень–Хлиная и Хлинжень II–Ла Шанц найдено от 0,8 до 7,4 % корчаг с внешней черной и внутренней почти красной поверхностью (Кашуба, 2000: 301). В указанные рамки укладываются и 19 (2,02 %) «двухцветных» образцов суботовской коллекции.

На фоне приведенных сопоставлений обращает внимание абсолютное отсутствие в Суботове черпаков с высокой петельчатой ручкой с выступом, т. е. «ведущих типов кухонной и столовой посуды культуры Козия–Сахарна» (Кашуба, 2000: 312, рис. XXIV), известных и на чернолесских памятниках (Крушельницка, 1998: рис. 100, 1–7).

В целом посуда рассматриваемой группы есть во всех домохозяйствах (табл. 34, 1). При выяснении ее доли в коллекции существуют очевидные трудности из-за возможного присутствия переходных или гибридных типов и видов орнаментации (особенно в их сочетании). Поэтому подсчет для этой группы, как и для всех остальных, дает приблизительные значения. С учетом того, что западные истоки, наверняка, имеют все типы кубков и кубковидных сосудов, миски и чаши, но лишь некоторые типы горшков (Г/Х.1, Г/1, Г/Х.2), в суботовской коллекции, без отдельных фрагментов нераспознанных типов, имеем от 35 до 40 % посуды раннегальштатского облика.

VII.3.2. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ

Эта группа керамики связана с кругом древностей, которые в том или ином виде принято рассматривать в рамках бондарихинской (раннее марьяновско-бондарихинской) культуры.

Марьяновское звено, помещаемое в средний период бронзового века, считалось местным по происхождению (Ильинская, 1961; Березанська й Іллінська, 1971: 365). Следующее звено в виде памятников малобудковского типа соотносили с сабашиновским или предсабашиновским временем (Телегин, 1959: 77; Тереножкин, 1965: 73; Березанская, 1982: 43–46), а собственно бондарихинское датировали X–VIII / VII вв. до н. э. (Ильинская, 1961: 3). К настоящему времени такие взгляды существенно устарели. Ю.В. Буйнов относит малобудковский этап к началу белозерского времени, а «классическую» Бондариху – к позднебелозерскому, выделив так-

же поздний ее этап предскифского периода (Буйнов, 1981: 129–143; 1994; 2006а; 2007). В датировку бондарихинской культуры внесла коррективы А.В. Корохина (2011: 132).

Причину исчезновения бондарихинской культуры в раннем железном веке связывали с натиском скифов или носителей скифидной культуры посульско-донецкого типа, из-за которого ее население переместилось в лесную зону, где на ее основе сформировалась юхновская культура (Ильинская, 1961: 43–45; 1969: 94–101), а на Верхнем Дону и Среднем Поочье – городецкая (Буйнов, 2006а: 48).

Б.Н. Граков предполагал возможные генетические истоки бондарихинской культуры в поздняяковской эпохе бронзы (1977: 199). О поздняяковском субстрате писал В.И. Воловик, отрицая связь не только по линии Марьяновка–Бондариха, но и Марьяновка–Малые Будки (Воловик, 1995). Он значительно (на мой взгляд, неоправданно) расширил круг культур, принявших участие в этом процессе, назвав среди них поздне-срубную, сосницкую, абашевскую, фатьяновскую и даже сабашиновскую. Исследователи не признали такой «микс» заведомо разновременных образований очень разных регионов. Вывод В.И. Воловика подверг критике С.В. Кузьминых (1996), указав на поздняяковско-раннетекстильную основу бондарихинской культуры.

Долгое время последовательным сторонником «марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития на территории Днепро-Донской Лесостепи» был Ю.В. Буйнов (2001; 2011; 2014: 150). Он видел в марьяновских памятниках генетические истоки малобудковского типа, однако и сам отмечал сходство материалов марьяновского или малобудковского облика с балымско-карташихинским этапом приказанской культуры, а творцов памятников типа Студенок-5 считал пришельцами из Волго-Камья (Буйнов, 2000: 4–7; 2001; 2004: 150–151; 2008б: 48–50). Он же (1989) обращал внимание, что фактов прямого перехода марьяновской культуры в бондарихинскую нет.

Согласно последним разработкам по бондарихинской или малобудковско-бондарихинской проблематике А.В. Корохиной (2011: 143–145; 2014), формирование раннебондарихинского комплекса происходило на многокомпонентной основе. Что же касается роли марьяновской культуры как основы формирования малобудковской, то она, действительно, оказалась очень огра-

нической (Корохина, 2009: 17, 18; 2011: 161). Истоки малобудковских орнаментальных традиций А.В. Корохина видит в культурах лесной зоны Волго-Окского и Волго-Камского бассейнов начала позднего бронзового века (2011: 143–145), откуда они (в виде уже собственно бондарихинской традиции) распространились на юг лесостепи, на Средний Дон, Северское Подонцовье и левобережье Среднего Поднепровья, не заходя в степь.

Такие наблюдения противоречат выводам Ю.В. Буйнова (1994: 7), который определил границы распространения малобудковских памятников от Мордовии до Днепра и от Сейма и Оки до Среднего Подонцовья и Дона. Недавно он внес ряд корректив в свои выводы (Буйнов, 2011), в частности существенно изменил границы малобудковского ареала, ограничив его пространством от Сейма и Сулы до Среднего Подонцовья (2014: 151, рис. 3). Добившись всего лишь частичного совмещения этого ареала с ареалом лебедовским и сосницким, Ю.В. Буйнов проанализировал позднесосницкую керамику и обнаружил в ней те элементы, которые, как он полагает, дают основания для отказа от вывода о связи малобудковских памятников с Волго-Окским бассейном (поздняковской и культурой раннетекстильной керамики). Вместо этого он огласил «восточнотшинский вектор генезиса бондарихинской культуры» и по-прежнему отстаивает точку зрения о передвижении бондарихинской культуры из Днепро-Донского региона в Среднее Поочье (Буйнов, 2014: 151, 160)¹.

Для определения восточнотшинского вектора частичное совмещение ареала культур – аргумент довольно слабый, а все те малобудковские или бондарихинские

элементы орнаментации, которые есть на сосницкой или лебедовской керамике (многоярусные линии / ряды из ямок, гребенчатые расчесы, отпечатки конца палочки и др.; Буйнов, 2004; 2014: 155, 156), могут быть следствием внешнего воздействия на восточнотшинский массив на позднем этапе его существования. Иными словами, сходство части сосницкой и лебедовской керамики с малобудковской и бондарихинской не подлежит сомнению, но могло быть обусловлено общим для них влиянием из Волго-Окского региона. Вопрос же о характере лебедовской культуры никогда не решался однозначно (Артеменко, 1981: 112). С.С. Березанская указывала на заимствование таких элементов орнаментации как «виноградная гроздь» и наколы именно из бондарихинской среды (Березанская, 1976: 213).

Трудно также принять выводы Ю.В. Буйнова относительно этнической интерпретации. Через предполагаемую генетическую связь с лебедовской культурой он провозгласил бондарихинскую балтской (Буйнов, 2004: 152–155, рис. 3), а не финно-угорской, как считалось ранее. Здесь надо было бы, как минимум, разобраться с вопросом о выделении «особой бондарихинско-лебедовской культурно-исторической общности финального этапа позднего бронзового века» (Буйнов, 2004: 154) – с вопросом, который, по моему мнению, в принципе не имеет шансов на положительный ответ.

В отличие от раннегалльштатской керамики, малобудковская и бондарихинская не имеют специфических морфологических типов. Это вынуждает проводить сопоставления лишь по отдельным элементам орнамента и / или их сочетаниям.

Основными элементами орнаментации, привнесенными с северо-востока, являются наколы, жемчужины, оттиски мелкозубчатого штампа, обработка поверхности глубокими частыми расчесами. На суботовской посуде они встречены на горшках, причем отдельные фрагменты, не дающие полного представления о типе сосуда, скорее всего, принадлежат именно к этой категории.

Наиболее распространенным элементом орнамента этой группы являются линии из наколов л/5. Такие образцы происходят из культурного слоя раскопов I–II (рис. В6, 10), пола и заполнения жилища № 9 (рис. В15, 3; В18, 3), ямы № 2 раскопа III (рис. В51, 5) и из вала Малого Городка (рис. В88, 1). На фрагменте в заполнении жилища № 2 такие линии сочетаются с косыми клиновидными

1. Кстати, Ю.В. Буйнов (2014: 151) отмечал, что я, говоря о северо-восточном относительно Северского Подонцовья происхождении некоторых бондарихинских элементов орнамента (жемчужин и проколов), указал также на их наличие в ареале комаровской и восточнотшинской культур. Однако я писал не относительно лесостепных памятников, а о V горизонте поселения Безыменное-II в Северо-Восточном Приазовье (Гершкович, 1998: 81). Жемчужины и проколы действительно известны по всему тшинско-комаровскому ареалу, вероятно, из него попадают в культуру Ноуа, но не встречаются в сочетаниях с многорядными зигзагами, выполненными отпечатками зубчатого или гусеничного штампа, характерными для малобудковской керамики. Иными словами, эти внешне похожие элементы орнаментации имеют совершенно разное происхождение.

углублениями по верхнему краю венчика (л/3–л/5; рис. В43, 14), в культурном слое раскопа III – с косыми отпечатками зубчатого штампа (рис. В55, 6).

Одноярусные линии из косых наколов встречаются вместе с многоярусными линиями из вертикально ориентированных уколов (л/3–л/12; рис. В74, 1) и многоярусными линиями из зерновидных отпечатков (л/3–л/13; рис. В58, 2). Фрагменты происходят из заполнения жилища № 6 и нижней части заполнения жилища № 4. Многоярусные линии из уколов л/12 есть на образце из пола жилища № 4 (рис. В73, 3), в сочетании с косыми отпечатками зубчатого штампа (л/12–р/1) – на найденных в культурном слое раскопа III (рис. В48, 11; В 55, 7); многоярусные линии из коротких косых углублений л/11 – в яме № 11 раскопа XI (рис. В84, 14) и в культурном слое раскопа IX (рис. В24, 2); линии л/6 – в культурном слое возле жилища № 4 (рис. В78, 1), в сочетаниях с маленькими углублениями (л/5–л/6 или л/6–л/5) – в культурном слое раскопа III (рис. В55, 5, 8); линии из вдавлений вместе с горизонтальными уколами (л/2–л/14) – в культурном слое раскопа VIII (рис. В10, 4).

Перечисленные элементы характерны для бондарихинской посуды, некоторые (в сочетании с наколами присутствуют отпечатки гусеничного штампа) – для малобудковской (см.: Березанская, 1985б: рис. 106, 7, 8, 21; Буйнов, 1994: рис. 4, 1; 5, 3, 9). Неверно суммарно рассматривать проколы, уколы и маленькие вдавления изнутри как один вид орнамента (т. н. жемчужины позитивные и жемчужины негативные), как это видим у В.А. Ромашко (2013: 231).

В разных частях культурного слоя и ямах раскопа III найдены фрагменты горшковидного сосуда с гусеничными отпечатками, образующими многоярусный зигзаг з/15 (марьяновская черта) между жемчужинами (рис. В52, 6). Этот элемент – малобудковский, связанный, по мнению А.В. Корохиной¹, с волго-окским компонентом. Это определяет позицию сосуда в рамках ступеней 1–2 развития бондарихинской культуры по ее схеме (Корохина, 2011: 161). Отдельные фрагменты других сосудов с таким же орнаментом также происходят из разных ям и культурного слоя этого же раскопа III (рис. В44, 11).

Керамика северо-восточной группы встречается в горизонте Суботов II, Суботов III и в нерасчлененном, Суботов II–III (рис. 20), практически во всех домохозяйствах, кроме № 5, исследованном малой площадью (табл. 34, 2). Она относится к основному периоду существования городища, а не только к «нижнему ярусу», как полагал А.И. Тереножкин, а вслед за ним и многие другие исследователи (Буйнов, 2011: рис. 2). Образцы с малобудковскими чертами (их немало) никоим образом не могут быть отнесены, как это предполагал А.И. Тереножкин (он такую керамику определял как марьяновскую), к эпохе средней бронзы.

В суботовской коллекции глиняной посуды этой группы всего 2,6 %.

VII.3.3. ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ

Эта группа посуды отождествлялась первыми исследователями Суботовского городища с керамикой поселений «конца существования срубной культуры в области Нижнего Поднепровья» типа Бабино IV (Граков и Тереножкин, 1958: 166, 167) или, по О.А. Кривцовой-Граковой, из поселений белозерского этапа срубной культуры.

Еще О.А. Кривцова-Гракова смогла увидеть дальние восточные параллели белозерской посуде, сопоставив ее с керамикой Ивановского селища и поселения у Грачевского сада в Поволжье, отнесенных ею ко второму этапу (или хвалынского периода) срубной культуры (Кривцова-Гракова, 1955: 46, 47, 119). Предполагая отсутствие хронологического разрыва между поселениями на Волге и Днепре, она пришла к выводу, что белозерские памятники появились в Северном Причерноморье вследствие «еще одного перехода племен срубной культуры в юго-западном направлении» (Там же: 161, 162). Но «ушкальский статиграфический переворот», определив истинную последовательность сабашиновских и белозерских древностей, окончательно оторвал их от срубной культуры. Поэтому выделение белозерской культуры на основе нижнеднепровских поселений типа Бабино IV, а позже и грунтовых могильников типа Широцкого и др. было вполне закономерным.

Примерно таким же был тренд в оценке «срубности» памятников позднейшего периода бронзового века в лесостепной и степной зоне Поволжья и Волго-Уралья. Сейчас Н.М. Малов выделяет здесь отдель-

1. Выражаю А.В. Корохиной глубокую признательность за консультацию по этому вопросу.

ную хвалынскую культуру с более ранней, переходной, срубно-хвалынской фазой (Малов, 2008: 53–55). Керамика этой культуры сравнивается с саргаринско-алексеевской, тазабагыябской, межовской, позднеприказанской, белозерской, трушниковской и малокрасноярской (Изотова и Малов, 1992: 111, 112). Наряду с ними М.А. Изотова и Н.М. Малов упоминают еще и сабаатиновскую, но такое заключение ошибочно, вытекает из непонимания сути процесса ее формирования и развития как составной части совершенно иного, не срубного комплекса культур, Ноуа–Сабаатиновка–Кослодженъ догальштатского и добелозерского периода. Более осторожен в подобных сопоставлениях Ю.И. Колев, указывая на существенные отличия керамики ивановской культуры (к ней он относит и памятники хвалынской культуры, по Н.М. Малову) от посуды культур Ноуа и сабаатиновской (Колев, 2008: 209).

В первый период заключительного бронзового века в лесостепном Поволжье Ю.И. Колев (1988) сперва помещал сусканско-лебяжинскую группу, позже подняв ее статус до культуры, названной сусканской. Он полагает, что ее сложение произошло, благодаря импульсу из андроновской среды Урала, Западной Сибири и Казахстана и отрицает прямое участие в этом процессе местной срубной (Колев, 2000: 244, 245, 254). М.Ф. Обыденнов (1998: 28–31) помещает сусканские памятники в сусканский вариант луговской культуры южного Прикамья, тем самым еще раз подчеркивая ее не срубный характер и обращая внимание на связь с черкаскульской и федоровской.

От Поволжья и Подонья до Урала на востоке и Нижнего Поднепровья на западе Ю.И. Колев локализовал ивановскую культуру (2008: карта 1). В ее керамическом комплексе представлены горшки, орнаментированные отпечатками гладкого или зубчатого штампа, в том числе поверх налепного валика (образуют сетку и горизонтальные «елочки»). Внешняя сторона венчика сосудов иногда имеет воротничковое оформление, присутствуют желобки и налепы-шишечки. Последние, хотя и очень напоминают каннелюры и налепы на раннегальштатской посуде, связаны с межовско-атабаевскими лесостепными традициями и сусканскими (Колев, 2000: 245; 2002: 154, 155).

Показательно, что ивановские и сусканские памятники помещают в рамки от XV /

XIV до XIII / XII вв. до н. э. (Колев, 2000: 256), указывают на их формирование не на срубной (или не только на срубной) основе, многокомпонентный характер и устойчивые связи и сходство в керамике с постандроновскими образованиями. Они попадают в восточную зону культур валиковой керамики, выделенную Е.Н. Черных на обширных пространствах от Алтая, предгорий Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана до Карпато-Дунайского бассейна и Балкан (Черных: 1983). Исходное более древнее сочетание отмеченных компонентов абсолютно исключено не только для Северного Причерноморья и Поднепровья, но и Подонья, где они, следовательно, имеют пришлый характер.

Как и посуда северо-восточного облика, посуда восточной группы не имеет специфических морфологических типов¹. Поэтому и сопоставление суботовской керамики с ней возможно лишь по отдельным элементам орнамента и / или их сочетанию.

Диагностичным видом орнамента этой группы являются косые кресты. Они встречаются на сосудах / фрагментах с налепным «валиком-кольцом» (в/6) в заполнении жилища № 8 (рис. В13, 4), в сочетаниях с одноярусными линиями из косых клиновидных углублений (л/3–в/7) – на фрагментах в культурном слое раскопа III (рис. В61, 1). На одном экземпляре из культурного слоя раскопа XII есть одноярусные линии с прорезанными крестами л/7 (рис. В37, 11). Подобные элементы широко распространены от Северо-Восточного Приазовья до Притоболья (см.: Кривцова-Гракова, 1948: рис. 59, 14, 16, 18 и др.; Шарафутдинова Э., 1980: табл. IV, 5; Потемкина, 1985: рис. 30, 1, 5; Зданович, 1988: рис. 23, 6, 8; Горбов, 1995: рис. 2, 6, 8, 11).

Посуда из ямы № 10 раскопа III, средней части заполнения жилища № 10 и в вале Малого Городка имеет орнамент в виде одноярусного зигзага из косых углублений з/2 (рис. В47, 2, 6), горизонтальной «елочки» з/13 (рис. В87, 6) и многоярусного зигзага з/14 (рис. В67, 9). Многочисленные аналогии им известны именно на ивановских памятниках (Васильев, Кузьмина и Семено-

1. Исключением являются сосуды на полой или сплошной ножке, но их нет в суботовской коллекции. Лишь один фрагмент принадлежит так наз. рюмковидной пиксиде (рис. В26, 1) с раннегальштатскими параллелями, т. е. первой, западной или юго-западной группы.

ва, 1985: рис. 8, 1, 17, 11), саргаринско-алексеевских и позднефедоровских Притоболья и Казахстана (см.: Кривцова-Гракова, 1948: рис. 59, 13,12; Потемкина, 1985: рис. 12, 7, 8; Зданович, 1988: рис. 23, 14; 40, 1–3, 8; 56, 15; 57, 15 и др.), а также кобяковских Нижнего Дона (Шарафутдинова Э., 1980: Табл. V, 1; VII, 4) и в материалах позднейших слоев и горизонтов поселений эпохи поздней бронзы Северского Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья (Горбов, 1995: рис. 2, 4, 9; Гершкович, 1998: 76).

Тот же круг аналогий очерчивается и для одноярусных линий из углублений л/3 (рис. В46, 3; В62, 2; В63, 5; В72, 9; В86, 3) и л/6 (рис. В56, 1; В58, 6), также многоярусных л/11 (рис. В84, 4) (см.: Колев, 2008: рис. 3, 11; 2002, рис. 6; Малов, 2013: рис. 4, 3); косых отпечатков зубчатого штампа по налепному валику в/4 (рис. В12, 2; В53, 3; В82, 1); различного рода вдавлений по обеим сторонам или по краям налепных валиков в/11 и в/17 (рис. В15, 4, 5; В23, 2; В61, 2, 3; В83, 2; ср.: Потемкина, 1985: рис. 12, 4, 6, 8, 11; Зданович, 1988: рис. 20, 4); одноярусных зигзагов из рассеянных косых углублений з/2 (рис. В47, 2).

Наконец, в эту группу входит хотя бы какая-то часть горшков с налепными «валиками-усами» типов в/8–в/10, в/12 (рис. В38, 6; В40, 8; В61, 6; В65, 5; В70, 8; В71, 6; В78, 12; В79, 11; В83, 3, 6; В84, 1), но однозначно отнести их к любой из групп невозможно из-за чрезвычайно широкого бытования валика и многих горшковидных форм.

Образцы восточной группы происходят из горизонтов Суботов II и Суботов III. Большинство сосредоточены в домохозяйствах № 1 и № 2 (соответственно 6 и 12 ед.), меньше – в домохозяйствах № 5 и № 6 (по 1 ед.), № 4 (3 ед.) и № 3 (2 ед.) (табл. 34, 3). Как было показано, примерно такое же распределение характерно для посуды северо-восточной группы, что отличает и ту, и другую от переотложенных фрагментов посуды горизонта Суботов I. Это служит дополнительным доказательством отождествления керамики восточной и северо-восточной групп с основным периодом существования городища. В горизонте Суботов III (верхнем ярусе, по А.И. Тереножкину) она не была замечена бондарихинской, а сосуществовала с ней.

Всего в суботовской коллекции насчитывается, как минимум, 2,8 % керамики этой группы, не учитывая посуды с валиками-усами.

VII.3.4. МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ

После выделения посуды горизонта Суботов I (0,9 %), западной и юго-западной группы (35–40 %), северо-восточной (2,6 %) и восточной (2,8 %) следует очевидный вывод, что оставшуюся значительную группу (от 41,3 до 46,3 %) следует соотносить с местными традициями, т. е. белогрудовской культурой. Ее образцы представлены в обоих основных горизонтах и во всех домохозяйствах.

При условии отсутствия элементов орнамента, свойственных другим группам, в этом «белогрудовском остатке» имеем большинство типов и вариантов горшков (Г/1а, тюльпановидные Г/2а, Г/3а, Г/4а и Г/4 – Г/6, Г/7 и Г/7а, Г/8, Г/9, Г/10 и Г/10а, Г/11, Г/12а, Г/13, Г/14), а также банки (Б/1, Б/2, Б/4, Б/5).

Отсутствие черпаков с высокими петельчатыми ручками (раннегалыштатских) компенсируется черпаками типа Ч/2 со слабо выделенным гребешковидными выступами. Хотя подобные известны в группе Греничешть (László, 1994: Pl. IV, 5Cb; Nicić, 2008: Fig. 60, 14, 15), их прототипы есть также в культурах Ноуа и сабаиновской. Влияние последних достигло тшинецко-комаровского ареала еще в середине – второй половине II периода эпохи бронзы (Гершкович, 2003б: 33, 34), т. е. в Среднем Поднепровье традиция изготовления и использования таких черпаков к началу переходного периода стала местной. Примечательны сосуды, близкие типу Ч/2 (одноручных и двуручных) на поселении Чикаловка, по которым поселение было первоначально определено как однослойное раннесабатиновское (Шарафутдинова I., 1964: 167–169), сабаиновское или срубное старшей сабаиновской ступени (Лесков, 1967: 151; Чередниченко, 1977: 5). Последующая обработка чикаловской коллекции, проведенная Д.П. Куштаном, подтвердила мнение С.С. Березанской (Березанская, 1982: 80) о принадлежности памятника к белогрудовской культуре, но в его комплексе также оказались образцы с выраженными чертами каннелированного гальштата (см.: Куштан, 2013: 42, рис. 123, 18). В целом находки черпаков типа Ч/2 только в горизонте Суботов II (рис. 24, 1) в определенной степени подтверждают и выделение самого горизонта, и его более ранний возраст относительно горизонта Суботов III.

Черпаки типа Ч/1, имеющие не только белогрудовские, но и чернолесские аналогии (см.: Тереножкін, 1951б: табл. III, 5; Березанська і Тітенко, 1954: рис. 6, 8; Крушельницька, 1998: рис. 19, 2; Рыбалова, 1999: рис. 5, 8), встречены в нерасчлененном горизонте Суботов II–III.

Как и на Суботовском городище, на белогрудовских памятниках широко представлены горшки названных типов (Березанская, 1985а: рис. 137, 1–4); с налепным валиком в/16 (см.: Березанська, 1964: рис. 11, 2; Рыбалова, 1999: рис. 4, 2; 8, 6), а также в/20 и в/21 (Березанская, 1982: рис. 21, 4, 9; Рыбалова, 1999: рис. 1, 1; 8, 2, 4, 5), банки со стянутым устьем Б/1 (Тереножкін, 1951б: табл. II, 2).

Предложенное подразделение на культурные группы, их состав и соотношение не является абсолютным, так как в каждой группе явно присутствуют те или иные переходные или гибридные типы форм и сочетаний различных элементов орнаментов. Вполне закономерно некоторое преобладание белогрудовской керамики, но, как видим, в количественном отношении она не на много перевешивает группу раннегалльско-штатского происхождения. В то же время, малочисленность восточной и северо-восточной групп керамики не дает повода игнорировать ее, поскольку речь идет о конкретной исторической ситуации, вследствие которой соответствующие влияния достигли лесостепного Днепровского Правобережья, в том числе Суботовского городища.

VII.4. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ГОРИЗОНТОВ

От датировки выделенных горизонтов зависит определение хронологической позиции Суботовского городища в целом. Этому может помочь и установленное на массовом материале распределение находок по горизонтам.

VII.4.1. ГОРИЗОНТ СУБОТОВ I

Для выяснения хронологии этого горизонта данных на самом городище нет. Однако оно расположено в ареале Днепро-Бугского варианта Днепро-Прутской культуры Бабино, относительная позиция которого определяется расположением между среднеднепровской культурой и ингульской катакомбной, с одной стороны, и восточно-тшинецкой – с другой (Литвиненко, 2008:

рис. 180). Одно из надежных радиоуглеродных определений для памятников этого варианта, как считает Р.А. Литвиненко, происходит из погр. 1 кургана 7 из Росавы: 1990–1892 cal BC (Там же: 318). Помимо этого, время существования бабинской культуры может определяться по находкам, в том числе в зоне Днепро-Бугского варианта, дисковидных псалиев с шипами с аналогиями в IV шахтовой гробнице Микен периода LH I. Согласно последним данным (серия калиброванных дат для пепла из верхнего горизонта Акротири на о. Санторин), этот период сейчас относят ко времени не позднее XVII в. до н. э. (ранее – к середине XVI в. до н. э.). Такое удревнение нарушает традиционную синхронизацию с египетской хронологией, но подтверждается радиоуглеродными датировками пепла, занесенного из Санторина в северные области Европы (Randsborg, 1991: 92).

Близкие значения для некоторых изделий бабинской культуры получены традиционным археологическим методом при изучении такой малочисленной, но очень яркой категории как фигурные роговые пряжки (Гершкович, 1986; Гершкович и Сердюкова, 1991: 162–163), которые встречаются в погребениях от Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья до Среднего Поднепровья, зоны непосредственного стыка Днепро-Прутской и Днепро-Донской бабинских культур (Lytvinenko, 2013: 212, 213, Fig. 1; 2, 39, 40). Погребения с этими пряжками занимают в курганах стратиграфическую позицию между позднекатакомбными (бахмутскими) и позднебабинскими (с иными типами пряжек) или покровскими / позднеабашевскими (Гершкович, 1986: 137–138, рис. 1; 7). Они имеют конструктивные, а отчасти и по декору аналогии в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы периодов ВА1–ВА2 (Гершкович, 1986: рис. 8; Lytvinenko: 2013: Fig. 8, C19, 20).

Таким образом, горизонт Суботов I вполне очевидно относится ко времени не позднее XVIII–XVII вв. до н. э. Время его может измениться при дальнейшем пересмотре хронологии периода LH I и периодов ВА2 – начала ВВ2 или FDIИ/SDI (Hänsel, 1968: 20, Abb. 2), а также при получении новых абсолютных дат для культуры Бабино. Но в любом случае исключается временной стык горизонта Суботов I с древностями эпохи поздней бронзы – раннего железного века, с которыми связан наиболее длительный период обитания на Суботовском городище

и интенсивное хозяйственное освоение территории, окружающей его.

Показательно, что, в отличие от керамики переходного периода (табл. 34, 1–3), посуда культуры Бабино встречается не во всех домохозяйствах (табл. 34, 4). Это также является одним из доказательств ее «выпадения» из основного комплекса и отсутствия прямой связи с ним.

VII.4.2. ГОРИЗОНТЫ СУБОТОВ II И СУБОТОВ III

Для датировки этих горизонтов, т. е. собственно городища, могут быть привлечены общие современные хронологические построения по переходному периоду и его культурам, а также некоторые предметы-хроноиндикаторы.

Предварительный анализ посуды Суботовского городища, как представлялось, указывал, что в горизонте Суботов II встречена посуда, которая имеет параллели исключительно в каннелированном и прочерченном гальштате, балтском и тудоровском вариантах белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья, а в Суботове III – в штампованном гальштате, в первую очередь в Козия–Сахарне (Гершкович, 2007). Такое распределение указывало бы на существование городища в очень широких хронологических рамках, начиная с периода NaA1. Однако более детальный анализ показывает иное – в обоих горизонтах присутствует посуда, имеющая аналогии во всех раннегальштатских общностях, что свойственно для более поздних памятников.

В Среднем Поднепровье имеются случаи совместного залегания материалов Кишинэу–Корлэтенъ и белогрудовско-чернолесских, а также Гава-Голиграды и Кишинэу–Корлэтенъ (Levițki, 1992: 120–121). Сочетание белогрудовских элементов с гава-голиградскими и прочерченного гальштата (Тэмэоань–Голерканы–Балта) М.Т. Кашуба считает признаком Чернолесья I (2000: 242). Сосуществование штампованной орнаментации при сохранении рельефной, врезной и каннелированной установлены на западных по отношению к Среднему Поднепровью территориях (Крушельницка, 1998: 197). В григоровской и ленковецкой группах чернолесской культуры распространена посуда с каннелюрами, которой здесь больше, чем с резным и штампованным орнаментом (Смирнова, 1983: 62; 1984: 46; 1985а: 13). Взаимодействие раннегальштатских

культур в Пруто-Сиретском междуречье началось до середины X в. до н. э. (Кашуба, 2000: 241–244). Б. Хенсель полагает, что сочетание элементов культур прочерченного и штампованного гальштата могло наступить в начале X в. до н. э. (Hänsel, 1976: 111–113).

Таким образом, горизонт Суботов II явно попадает в пределы X в. до н. э. Но при этом следует обратить внимание на наличие в нем относительно ранних типов посуды, восходящих к традициям культур Ноуа и сабастиновской (черпаки типа Ч/2) и каннелированного гальштата (кубковидный сосуд К/Х.1). Такие находки могут указывать на некоторое удревнение нижнего рубежа этого горизонта хотя бы до конца XI в. до н. э. Конечно, более показательным было бы удревнение Сахарны (более позднего звена культуры Козия–Сахарны), но решение этого вопроса оставим исследователям раннегальштатских древностей. Так же интересно было бы их мнение о возможности проникновения раннегальштатского компонента, включая элементы культур штампованного гальштата, в лесостепное Поднепровье, не только из ближайшего Поднепровья, но и Подунавья до появления культуры Козия–Сахарна.

Значительные проблемы для установления нижней даты горизонта Суботов II связаны с неразработанностью хронологии белогрудовской культуры (Hänsel, 1976: 151) и той историографической традицией, согласно которой ее происхождение рассматривают как прямой результат воздействия белозерской (Рыбалова, 1999: 333). Это неминусом приводит к заведомому омоложению белогрудовской. Нечто подобное характерно и для звена Сахарна–Солончены – позднее Чернолесье, когда допускается, что чернолесская культура «могла сформироваться только после становления сахарнянских памятников в Молдавии» (Смирнова, 1985б: 42). Оба эти положения не учитывают того обстоятельства, что белозерская и белогрудовская культуры, Козия–Сахарна и чернолесская занимают смежные территории, и их происхождение может быть в значительной степени связано с общими внешними источниками.

В горизонте Суботов III наряду с посудой всех перечисленных раннегальштатских культур присутствуют образцы с орнаментами в виде зигзагов з/7, S-видных знаков л/15 и, возможно, р/12 (рис. 21; 25), среднегальштатского, басарабско-шолданештского облика.

Нижнюю границу среднего гальштата (культура Басарабь и Жаботин) А. Ласло и О.Г. Левицкий определяют началом VIII в. до н. э. (László, 1994: 164; Levički, 1994: 252, fig. 75). М.Т. Кашуба верхнюю границу Сахарны условно доводит до начала VIII в. до н. э. (2000: табл. XI). Указанные элементы орнаментации в Картале III появляются не позднее начала VIII в. до н. э. (Бруяко, 2005: 56, 58). Соответственно, конец IX в. до н. э. является позднейшим рубежом горизонта Суботов III, переходного к Жаботину.

Установленная таким образом общая хронология горизонтов не противоречит приведенным аналогиям в черногоровских памятниках. Еще в 1980-х гг. Г.И. Смирнова отмечала определенную тенденцию к удревнению предскифского периода и чернолесской культуры, постепенное сближение предскифских памятников с хронологической системой Карпато-Подунавья. Тогда она писала: «X в. до н. э. как нижняя граница черногоровской ступени, а соответственно, позднего Чернолесья, — дата далеко не бесспорная, требующая дополнительных доказательств. Однако относительно IX в. до н. э. возражать уже не приходится» (Смирнова, 1985б: 33, 34). А.И. Тереножкин синхронизировал с черногоровским этапом Чернолесье II (Тереножкин, 1976: 210). Сейчас А. Ласло, О.Г. Левицкий и М.Т. Кашуба частично синхронизируют Бабадаг II, Инсула Банулуй, Козия—Сахарну с черногоровскими, а М.Т. Кашуба даже с новочеркасскими памятниками. С.В. Махортых (1992: 24–27) доводит последние (в его понимании — позднечерногоровские) до IX в. до н. э.

Датирование городища на основании общих культурно-исторических сопоставлений в рамках конца XI — конца IX вв. до н. э. может быть проверено по отдельным находкам.

К горизонту Суботов II относятся предметы, отложение которых произошло не позже IV этапа археологизации жилищ и домохозяйств. Они происходят с пола и нижней части заполнения котлованов жилищ, а также из вотивных кладов как упорядоченных размещений, связанных с ритуальными действиями при совершении обряда оставления жилищ.

В культурном слое раскопа III найден фрагмент литейной формы с негативом безушкового кельта (рис. F4, 5, 5а). Представляя собой вариант D типа Вырбица, он попадает, как уже указывалось, в рамки периодов НаА2—НаВ1, т. е. XI—X вв. до н. э. (Дергачев, 1997: 21).

На полу жилища № 6 была пара псалиев типа Усатово / Деревка (рис. С15, 1, 2). В рамках этого типа они более древние, в том числе по сравнению с псалиями из погребения Подгорное в Поволжье. *Terminus ante quem* последних — конец IX в. до н. э., если принять заключение С.Б. Вальчака о том, что на их основе появляются бронзовые псалии типа Сержень-Юрт и Черногоровка (Вальчак, 2009: 72). Это полностью исключает для суботовских дат позже середины IX в. до н. э., времени их производных вариантов, например, тех же подгорненских.

Железный топор-тесло из клада № 4 (рис. E8, 2) имеет аналогии в кладах Бырлад культуры Козия—Сахарна и на афинской Агоре конца X — VIII вв. до н. э. или даже в более узком диапазоне, для клада Бырлад — не позднее конца X в. до н. э.

Широкие бронзовые браслеты из кладов № 1 и № 4 орнаментированы наподобие бронзовых поясов серии Чинку—Сусень в Трансильвании периодов НаА1—НаА2, т. е. не позднее XI в. до н. э. В этой же раннегальштатской серии известны, как уже отмечалось, аналогии спиралевидным пирамидальным в сечении серьгам из клада № 2 (рис. E5, 3), а также узким пластинчатым браслетам с рифлением (рис. F10, 1). Последние М.Т. Кашуба считает хроноиндикатором нижнего рубежа культуры Козия—Сахарна, определяя его второй половиной — концом X в. до н. э. (Кашуба, 2000: 347, рис. XXXIX, 21).

Ни одно из исследований хронологии переходного или позднейшего предскифского периода не обходится без ссылок на суботовский железный меч с бронзовой рукоятью (рис. E2, 1, 1а) и наконечник от его ножен из клада № 1 (рис. E2, 2). Согласно классификации С.Л. Дударева, который обратил внимание не только на морфологические признаки, но и технологию изготовления, такой меч является одним из прототипов северокавказских мечей группы I (Дударев, 1999: 98–100, рис. 23). Последние появились не позднее VIII в. до н. э., что естественным образом замыкает верхнюю границу прототипов, включая, соответственно, и суботовский экземпляр в пределах IX в. до н. э.

Наконечник ножен идентичен наконечнику из погр. 169 могильника Брно—Обжаны в Моравии, который Г. Коссак сперва отнес к IX, затем к IX—VIII вв. до н. э. (Kossak, 1980: 123, 137; 1994: 21; Stegmann-Rajtar, 1986: 213). Я. Хохоровский поместил это

погребение во вторую группу киммерийского горизонта Центральной Европы очень широкого диапазона от конца NaA2 до NaB3 (Chochorowski, 1993: 187). С.Л. Дударев видит в таких ножнах хроноиндикаторы раннечерногородовского времени (1999: 148–149). В Сержень-Юртовском и Эчкивашском могильниках они встречены вместе с мечами (кинжалами?), близкими суботовскому по типу рукояти (Тереножкин, 1976: рис. 68, 7; 69, 6). Суботовский наконечник не может быть позднее меча, рядом с которым был найден и ножны которого украл.

Горизонт Суботов III не содержит явных хроноиндикаторов. Однако показательной может быть бронзовая бляха-фалар из ямы № 11 раскопа IV (рис. E12, 8). Одна из ее поздних аналогий известна в Картале III периода среднего гальштата, не позднее VIII в. до н. э. (Бруяко, 2013: 358, рис. 86, 15).

Наверное, список предметов-хроноиндикаторов, найденных на Суботовском городище, можно было бы расширить. Но даже приведенные подтверждают его генеральную датировку в пределах конца XI / X – конца IX вв. до н. э.

Таблица 35. Список образцов из культурного слоя и объектов Суботовского городища, датировка которых произведена в Киевском центре радиохимии окружающей среды НАН Украины

Table 35. List of spaces (wood, bones) from the cultural layer and objects of Subotov hill-fort had been dated in the Kiev Centre of radiochemistry of environmental of UNAS

Номер	От	До	%	Место отбора образцов	Горизонт Суботова
R_Date Ki 5363	-836	-547	95,4	Скелет под валом Малого Городка	III
R_Date Ki 5365	-839	-556	95,4	То же	III
R_Date Ki 5359	-894	-590	95,4	»	III
R_Date Ki 5360	-895	-779	95,4	»	III
R_Date Ki 5367	-835	-797	95,4	»	III
R_Date Ki 5366	-900	-800	95,4	»	III
R_Date Ki 5361	-921	-801	95,4	»	III
R_Date Ki 5364	-971	-800	95,4	»	III
R_Date Ki 5368—5370	-916	-806	95,4	Из вала Малого Городка *	Не учтено
R_Date Ki 5362	-975	-807	95,4	Скелет под валом Малого Городка	III
R_Date Ki 5864	-1055	-899	95,4	Культурный слой раскопов VIII—IX	III
R_Date Ki 5868	-1117	-897	95,4	То же	II—III
R_Date Ki 5860	-1114	-917	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5865	-1117	-918	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5869	-1118	-929	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5866	-1208	-917	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5867	-1193	-929	95,4	»	III
R_Date Ki 5861	-1193	-929	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5862	-1195	-978	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5858	-1214	-1006	95,4	»	II—III
R_Date Ki 5507	-1261	-935	95,4	Заполнение жилища 4	II
R_Date Ki 8858	-1195	-1031	95,4	Скелет человека в верхней части заполнения жилища 4	?
R_Date Ki 5859	-1258	-1011	95,4	Культурный слой раскопов VIII—IX	II—III
R_Date Ki 5863	-1260	-1014	95,4	То же	II—III
R_Date Ki 5506	-1367	-1000	95,4	Заполнение жилища 4	II
R_Date Ki 5084	-1375	-946	95,4	Заполнение ямы № 1 раскопа XII	II—III
R_Date Ki 5501	-1283	-1013	95,4	Верхняя часть заполнения жилища 4	II
R_Date Ki 5087	-1391	-1031	95,4	Заполнение ямы № 12 раскопа XII	Не учтено
R_Date Ki 5503	-1392	-1024	95,4	Низ заполнения жилища 4	II
R_Date Ki 5508	-1410	-1111	95,4	Верхняя часть заполнения жилища 4	Не учтено
R_Date Ki 5086	-1430	-1111	95,4	Культурный слой раскопа XII	» »
R_Date Ki 5504	-1430	-1111	95,4	Заполнение ямы № 1 жилища 4 (помещение 4б)	» »
R_Date Ki 5502	-1419	-1128	95,4	Пол жилища 4 (помещение 4б) *	» »
R_Date Ki 5505	-1449	-1260	95,4	То же	» »

* – дата по дереву или углю, остальное – кость.

Из-за совместного залегания басарабско-шолданештских и раннегальштских образцов выше заполнений котлованов жилищ и в верхних отделах культурного слоя над и за пределами жилищ, четкий рубеж между горизонтами установить сложно. Но горизонт Суботов III не имеет жилищных объектов и

стратиграфически не выделяется. Это можно объяснить тем, жизнь здесь протекала намного менее продолжительное время по сравнению со временем горизонта Суботов II. При допуске «хронологического шага» в полстолетия, формирование этого горизонта началось не позже середины IX в. до н. э.

Таблица 36. Сводная диаграмма радиоуглеродных дат (calBC, 2 σ) для Суботовского городища

Table 36. Assembled diagram of radiocarbon dating (calBC, 2 σ) for Subotov hill-fort

OxCal v4.3.1 Bronk Ramsey (2017); r : 5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al, 2013)

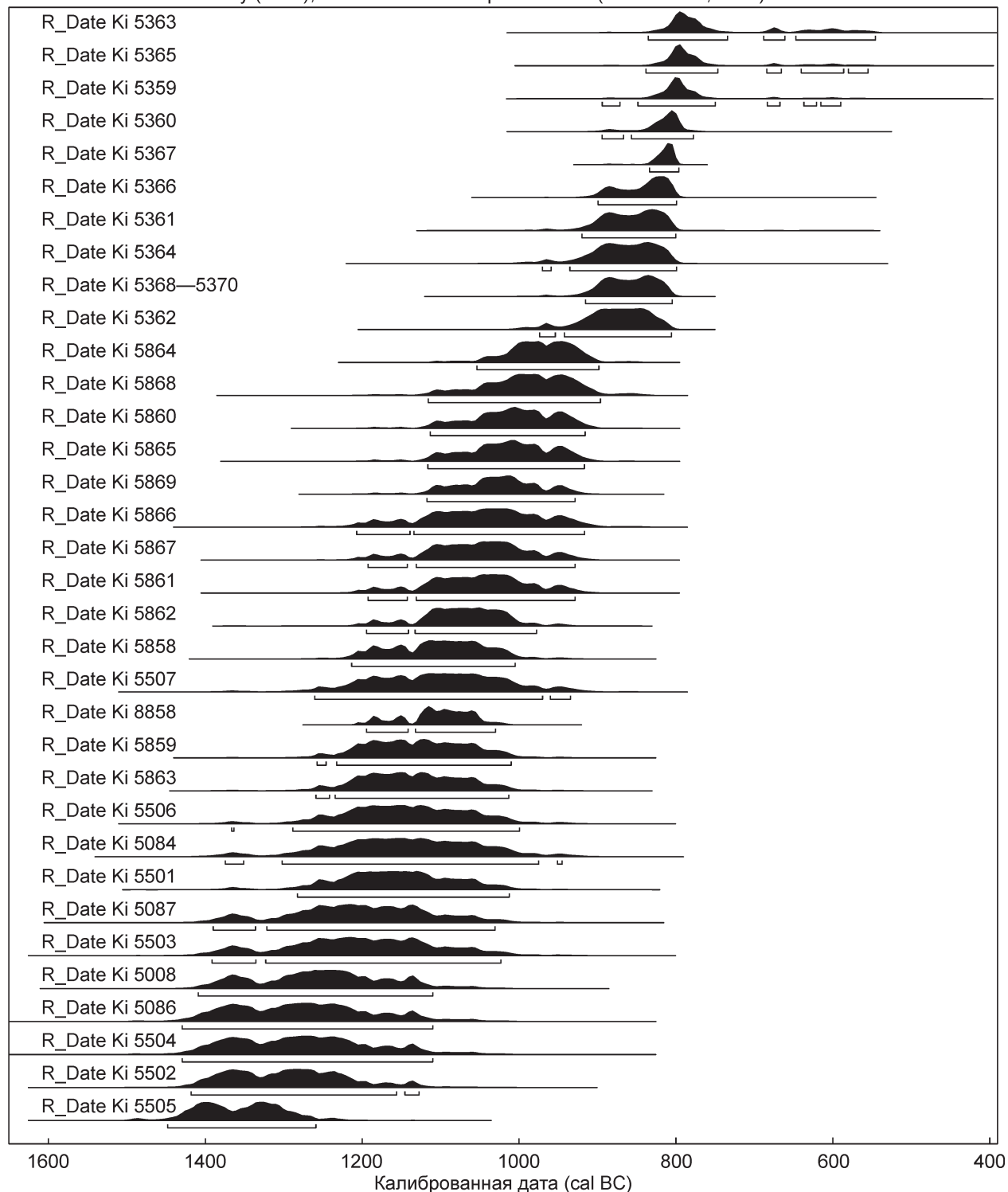

Таблица 37. Сводная диаграмма радиоуглеродных дат (calBC, 2σ) для горизонта Суботов II

Table 37. Assembled diagram of radiocarbon dating (calBC, 2σ) for horizon Subotov II

OxCal v4.2.4 Bronk Ramsey (2017); r : 5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al, 2013)

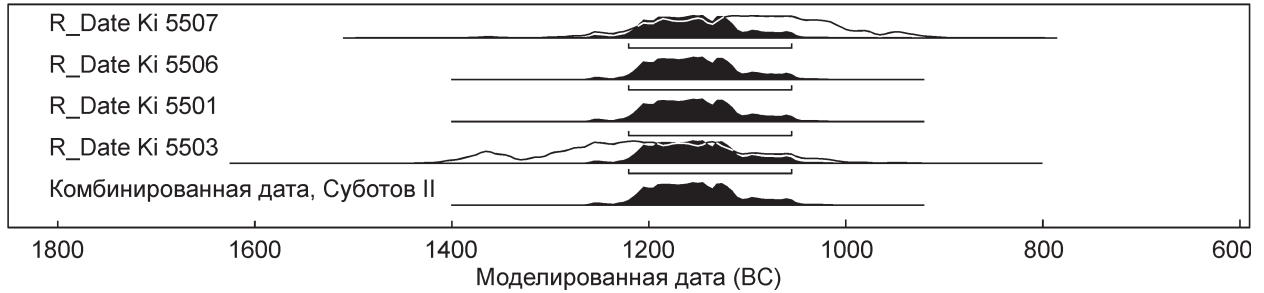

Таблица 38. Сводная диаграмма радиоуглеродных дат (calBC, 2σ) для нерасчлененного горизонта Суботов II–III

Table 38. Assembled diagram of radiocarbon dating (calBC, 2σ) for undismembered horizon Subotov II–III

OxCal v4.2.4 Bronk Ramsey (2017); r : 5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al, 2013)

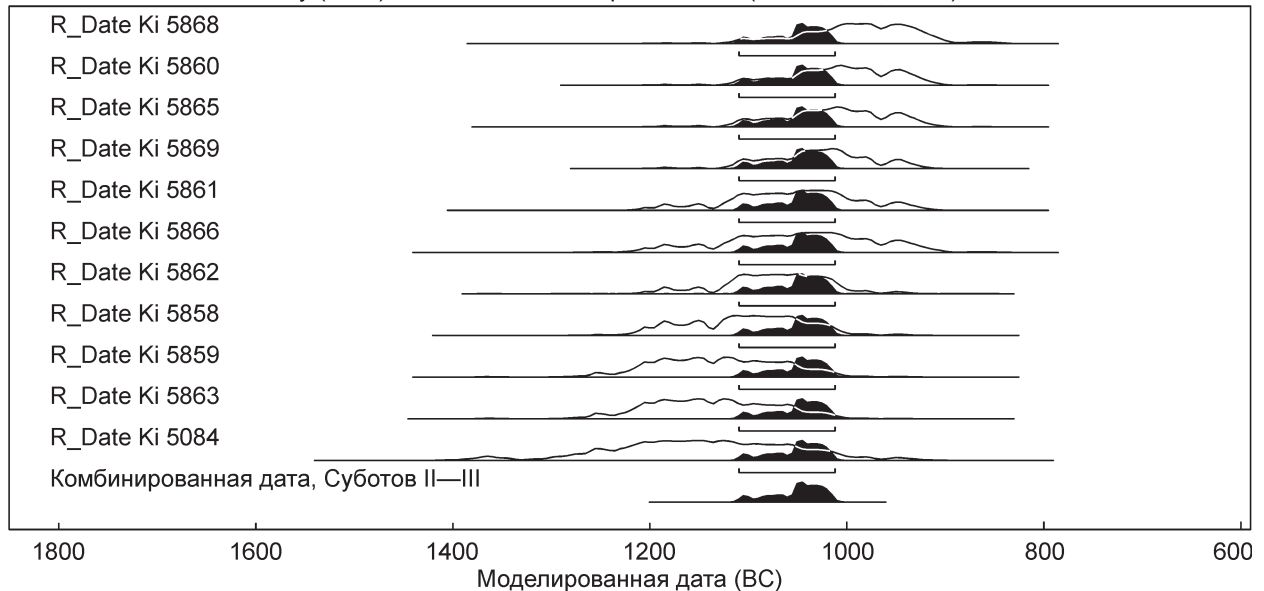
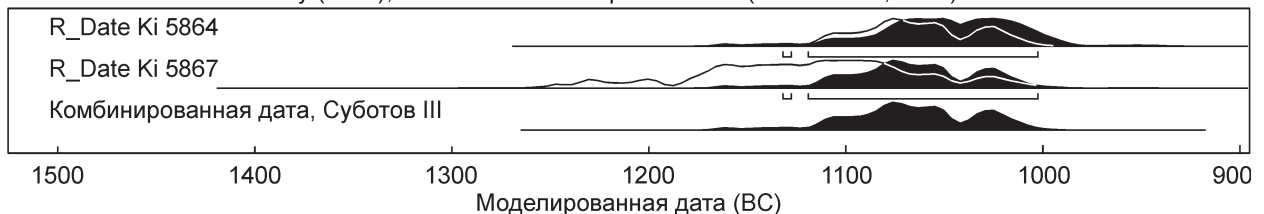

Таблица 39. Сводная диаграмма радиоуглеродных дат (calBC, 2σ) – возможное продолжение горизонта Суботов II

Table 39. Assembled diagram of radiocarbon dating (calBC, 2σ) – probable continuation of horizon Subotov III

OxCal v4.3.1 Bronk Ramsey (2017); r : 5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al, 2013)

Анализ приведенных выше данных позволяет разместить горизонт Суботов II в рамках от конца XI / X до середины IX вв. до н. э., Суботов III – от середины до конца IX вв. до н. э. Рубежи обоих горизонтов в будущем могут быть уточнены. Почти двухсотлетнее существование городища косвенно подтверждается тем, что его обитателям вряд ли хватило бы намного меньше време-

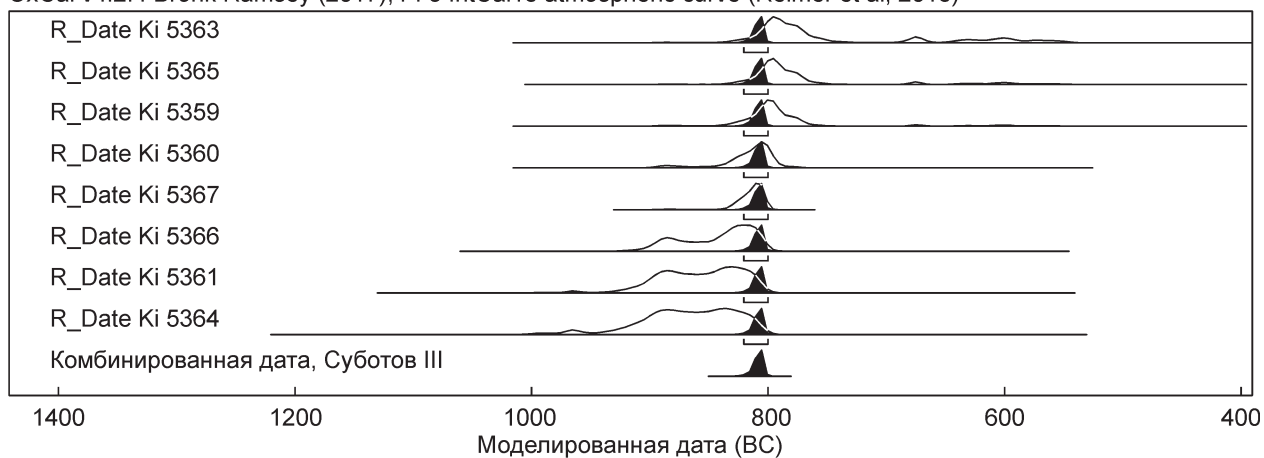
ни для сведения близлежащих лесов, засвидетельствованным по палинологическим и педологическим данным (см. Приложение 1).

Во время раскопок в 1995 г. для радиоуглеродного анализа были отобраны пробы с пола и различных уровней заполнения помещения № 4б жилища № 4, скелета человека в заполнении котлована этого жилища,

Таблица 40. Калиброванная дата (2б) для скелета человека в верхней части заполнения жилища № 4

Table 40. Calibrated date (2б) for human skeleton from upper filling of dwelling № 4

OxCal v4.2.4 Bronk Ramsey (2017); r : 5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al, 2013)

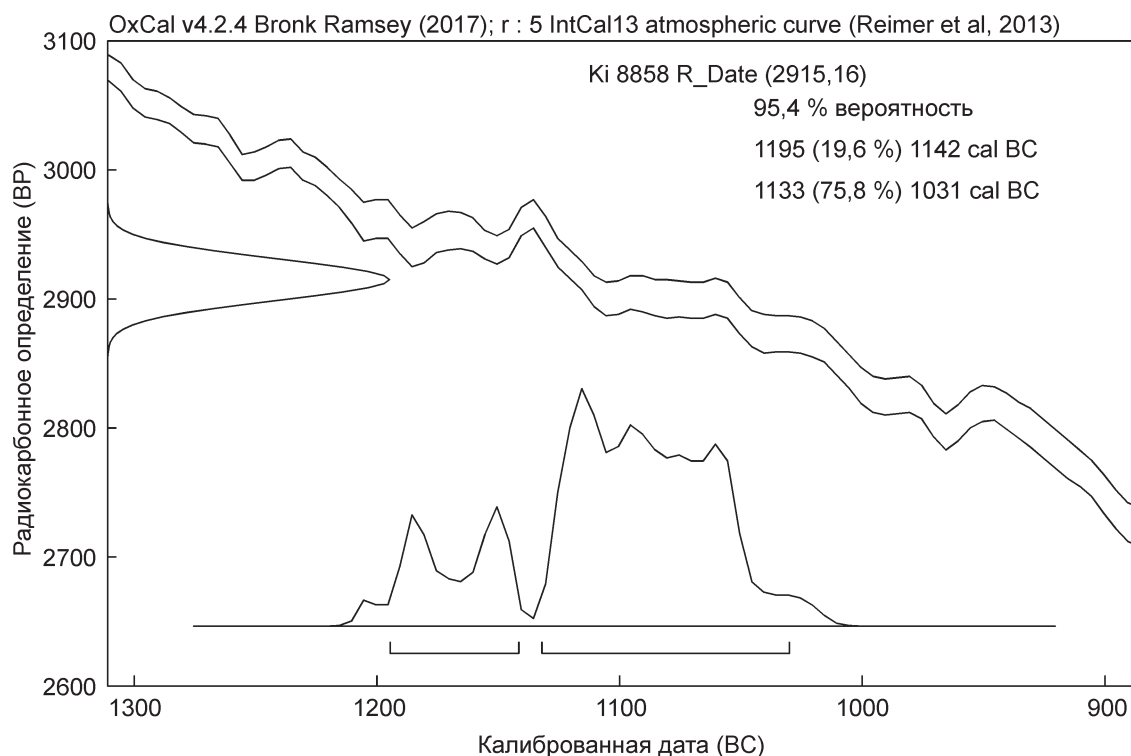

из культурного слоя раскопа XII и прирезки к старому раскопу IX (возле жилища № 9). Из Малого Городка были взяты пробы из скелета человека, погребенного под валом, и куски дерева из вала. Всего по ним в Киевском центре радиогеохимии окружающей среды НАН Украины получено 34 даты (табл. 35). Последние уже дважды были опубликованы (Клочко В., Ковалюх и Мотзенбеккер, 1998; Klochko et al., 1998), но при

этом был показан неверный и неполный план раскопов, а предпосылкой для выделения горизонтов послужила лишь разница в датах для погребений под валом Малого Городка и в заполнении помещении № 4б (Klochko et al., 1998: 669). Всего этого далеко недостаточно для абсолютной датировки городища и для преодоления той доли скептицизма, который порой высказывают некоторые исследователи относительно само-

Таблица 41. Сводная диаграмма радиоуглеродных дат (calBC, 2б) для погребения человека под валом Малого Городка (финал горизонта Суботов III)

Table 41. Assembled diagram of radiocarbon dating (calBC, 2б) for human grave burial under rampart of Malyi Gorodok (final of horison Subotov III)

го радиоуглеродного метода (Fleming, 1975: 101–102; Hänsel, 1982: 2–4; Harding, 1984: 13; Bouzek, 1985: 19).

Все суботовские даты калибровались в OxCal 4.2 (Ramsey, 2009), кривая – IntCal 13 Northern Hemisphere curve (Reimer et al., 2013).

В полученной серии некоторые радиоуглеродные даты имеют невероятно низкие хронологические значения (Ki-5087, 5508, 5086, 5504, 5502, 5505; табл. 35; 36), уходящие в пределы XV в. до н. э. Это, вероятно, связано с малым количеством коллагена в отобранных образцах по костям, а также с эффектом «старого дерева». Разумеется, учитывать эти даты не следует.

По залеганию в заполнении котлована жилища № 4, получены даты горизонта Суботов II (табл. 37). Их комбинационная дата – 1221–1056 cal BC.

Как и следовало ожидать, наибольшая серия дат относится к нерасчлененному горизонту Суботов II–III (табл. 38) с комбинационной датой 1110–1013 cal BC.

Две даты – Ki-5864 и Ki-5867 – не имеют 50 % совпадения с датами для нерасчлененного горизонта Суботов II–III, и поэтому их комбинационная дата 1071–920 cal BC (табл. 39) в своем верхнем значении соответствует продолжению горизонта Суботов II.

Дата для скелета человека в верхней части заполнения жилища № 4 (Ki-8858 – 1195–1031 cal BC; табл. 40) не имеет 50 % совпадения с датами горизонта Суботов II и Суботов III.

Явно позднейшую серию образуют даты по скелету человека под валом Малого Городка (табл. 41) с комбинационной датой – 821–801 cal BC.

Итак, с традиционной археологической датировкой памятника частично совпали верхние значения в диапазонах радиоуглеродных дат: середина – конец XI в. до н. э. – для начала горизонта Суботов II (табл. 37; 38) и его продолжение, как минимум, до второй половины X в. до н. э. (табл. 39). Поражает почти столетний разрыв между полученными верхними датами горизонта Суботов II (вторая половина X в. до н. э.) и комбинационной датой по скелету под валом Малого Городка (конец IX в. до н. э.). Это может быть связано либо с тем, что в отобранную серию по всем горизонтам не попал ни один из образцов середины – конца горизонта Суботов II и начала горизонта Суботов III, либо в рамках горизонта Суботов III совершение погребения человека под валом Малого Городка и сооружение самого этого вала представляет особый, но, во всех случаях, финальный эпизод в истории городища.

КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

VIII.1. ОЧАГИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

С началом переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку прежние археологические культуры в своем развитии подошли к тому, что В.С. Бочкарев назвал «важнейшим качественным рубежом» (2011: 5), и прекратили существование. Определение этого рубежа – непростая задача из-за воздействия двух основных равнозначных факторов.

Первый фактор связан с эффектом вертикального наложения, из-за которого возникают а) ошибочные хронологические определения диахронных культур одной и той же территории и б) неверные выводы относительно их генетического соподчинения. Второй фактор связан с эффектом горизонтального наложения, из-за которого а) трудно провести пространственные границы между культурами синхронными и б) определить степень и результат их воздействия друг на друга. «Иллюзия преемственности» диахронных культур провоцирует бесконечные войны «наивного автохтонизма» с «наивным миграционизмом» (Клейн, 1999: 53, 55), а иллюзия сходства синхронных – к конструированию аморфных образований-фантомов, которые рано или поздно заслуженно получают статус историографического казуса. Игнорирование этих факторов ведет в исследовательский тупик, к бегу по кругу. Выход из тупика невозможен без учета специфического сочетания тех или иных компонентов-атомов, проецируемых на ту или иную местную подоснову,

если таковая имеется, и образующих вместе с ней культуру-молекулу.

Для Суботовского городища, по своему характеру переходного в пространстве и времени, как и в других подобных случаях, задача заключается в том, чтобы выявить компоненты его неоднородного мозаичного материального комплекса в их естественной последовательности (Гершкович, 2005б: 179). Основную роль в этом играет глиняная посуда. Благодаря ее характерным типам и элементам орнаментации выделены группы (компоненты) разного происхождения.

VIII.1.1. ЗАПАДНЫЙ И ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КОМПОНЕНТ

Он связан с Карпато-Дунайским, затем Среднедунайским или Карпато-Балканским очагом культурогенеза (рис. 26; Кашуба, 2012: 241; 2013: 233; Левицкий и Кашуба, 2014: 241, 242, 244). В Северном Причерноморье этот компонент массово проявляется на белозерских памятниках, и это ни у кого не вызывает сомнений. В этой связи обратим внимание на погр. 6 Большого Владимирского кургана в степном левобережье Нижнего Поднепровья.

Споры вокруг этого погребения ведутся не один десяток лет. В.П. Ванчугов отнес его к «периоду сложения белозерской культуры» (1990: 94, 124, рис. 40, 1). Позже В.В. Отрощенко, указав на его аномальность, отметил отсутствие в обряде и сопровождающем инвентаре существенных белозерских черт

и отнес погребение ко второму этапу саба-тиновской культуры или бережновско-маевской срубной, определив в качестве реперного для предгальштатского времени в Украине (Отрощенко, 2001: 183–185). В.И. Клочко посчитал найденный в этом погребении бронзовый кинжал бабинским, но не привел доказательств (Klochko, 2001: 177, Fig. 71, 7), и это не удивительно, так как достоверно бабинских аналогий ему нет. О.Г. Левицкий отнес погребение к числу тех северо- и северо-западнопричерноморских, которые состоят «исключительно из предметов западного (раннегальштатского – Я. Г.) происхождения» (Левицкий, 2002: 189, рис. IIIБ, 3, 4). Однако степень «исключительности» здесь все же несколько преувеличена, так как найденный в погребении каменный оселок не имеет западных аналогий.

Поставив эти заключения под сомнение, я назвал аналогии сосуду в раннегальштатской группе Босут IIIа в Югославии. На основании датировки этой группы X–VIII вв. до н. э., владимировское погребение было отнесено к позднему этапу белозерской культуры (Гершкович и Разумов, 2009: 133, 135). Резкая, но справедливая критика прозвучала со стороны В.В. Отрощенко (2011)¹.

Нужно признать, что приведенные мной аналогии действительно оказались неточными. Сосуд представляет собой кубковидную корчагу совершенно необычного типа для Северного Причерноморья. Орнамент на ней лишь напоминает те, которые представлены на близких по форме сосудах в группе Босут IIIа. Самым же существенным является наличие уступа в нижней части тулова, т. е. детали, характерной только для посуды курганных культур Центральной Европы. Это подтверждает выводы О.Г. Левицкого и В.П. Ванчугова, особенно из-за полного сходства орнамента корчаги с орнаментами на таких же типах сосудов в кругу прочерченного гальштата (Nicić, 2008: Fig. 163) и, как стало известно позже, в Картале II (Бруяко, 2010: рис. 2, 2).

Бронзовый кинжал из владимировского погребения был сильно корродирован и при механической обработке в лабораторных условиях очень видоизменился². Бли-

жайшая на сегодня аналогия ему – кинжал из Скорень в Молдове (Topal și Sîrbu, 2016: 263, Fig. 6, 2). Хотя последняя находка случайная, показательна, что она происходит из междуречья Прута и Днестра, из зоны стыка белозерской культуры с общностями прочерченного и каннелированного гальштата. В рамках последней Гава-Голиграды и Кишинэу–Корлэтеня отчасти обязаны своим происхождением курганным культурам Центральной Европы, в среде которых первоначально бытовали корчаги с таким уступом в нижней части тулова. Оттуда традиция их изготовления была передана в раннегальштатские культуры, затем через них далее – в Северное Причерноморье.

Владимировское погребение, если и имеет статус реперного, то не для второго этапа саба-тиновской культуры или БМСК, а для раннебелозерского периода, является индикатором начала проникновения раннегальштатских традиций в Северное Причерноморье. Только при таком понимании оно перестает быть аномальным.

В Правобережной Днепровской лесостепи посуда западной и юго-западной группы, кроме Суботовского городища, широко представлена на Чернолесском, Калантаевском и Тясминском городищах, на поселениях в Белогрудовском лесу (см.: Тереножкин, 1961: рис. 28, 1, 2; 43; Крушельницка, 1998: рис. 101, 1, 2) и др., на Левобережье – в Орело-Самарском междуречье (Ромашко, 2013: рис. 108, 2, 4; Куштан, 2013: рис. 42, 7; 43, 4; 44, 6). Не случайно А.С. Беляев сравнивал кубковидные корчаги из Осиповского могильника с суботовскими (Беляев, 1981: 68–70, рис. 3, 5, 6; 4). В могильнике Залинейное найдена миска с лепестковидными краями, типичная для Гавы (Ромашко, 2013: рис. 126, 7). В.А. Ромашко причислил ее к импорту, но корчаги рассматривал как свидетельство непосредственного проникновения в Приорелье раннегальштатского населения (Ромашко, 1995: 73–80). Позже это не помешало ему определить такие миски конкретно как богуславско-белозерские (Ромашко, 2013: 388, 389, табл. 14).

Считается, что по левым притокам Днепра западная (столовая) посуда распространилась до Поворскля (Ильинская, 1961: 31–33; Ковпаненко, 1967: 101; Беляев, 1977: 47; Ромашко, 1995: 45–62) и Северского Подонцовья (поселения Оскол, Родной край, Сухая Гомольша, Ореховое, Райстародубовка, Диброва и др.). Большая кубковидная

1. Технические ошибки, на которые обратил внимание Виталий Васильевич, случились из-за того, что ни я, ни мой соавтор не получали верстку статьи.
2. После реставрации на одной из сторон почти полностью исчезли нервы, изделие стало настолько тонким, что при осмотре поневоле возникали сомнения, кинжал ли это.

корчага найдена в погр. 1 кургана 1 возле Мариенфельда (Славянский р-н Донецкой обл.). Донецкие археологи сравнили ее по форме с бондарихинскими и чернолесскими, по орнаменту – с кобяковскими, не сомневаясь в белозерском возрасте (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2012: 214–216, рис. 4). Ее поверхность тщательно заглажена, внешняя серо-желтого цвета, внутренняя – серого, т. е. обжиг произведен по раннегальштатской технологии в окислительно-восстановительной среде, орнамент имеет западные (л/8 и б/2) и восточные (з/1) элементы.

В Поворсклье и лесостепном Северском Подонцовье сложился «синкретический бондарихинско-чернолесский керамический комплекс», шла «переработка западных орнаментальных композиций на местной бондарихинской основе» (Буйнов, 2005: 253; 2006а: 41). Одним из доказательств этого является упомянутый аксютинский сосуд (рис. 18, 1), на котором видим симбиоз раннегальштатской формы со специфическим знаками с бондарихинскими аналогиями. И это не единственный пример.

На бондарихинских поселениях встречаются черпаки типов Ч/1 и Ч/3 (Буйнов, 2006б: рис. 2, 10; 3, 4; Корохина, 2011: рис. 16, 10; 17, 4), кубковидные корчаги К/4 (Корохина, 2011: рис. 16, 14; 17, 12), чаши Чш/6 (Там же: рис. 179, 1), сосуды с роговидными и сосцевидными выступами (Там же: рис. 43, 4; 95, 13). Известны орнаменты из отпечатков в виде концентрических окружностей (Там же: рис. 51, 6), линий / рядов из маленьких точек (Там же: рис. 104, 8), бордюры из отрезков в шахматном порядке б/6 (Там же: рис. 153, 10), своеобразные местные модификации элемента «песочные часы» (Там же: рис. 91, 8), ромбы (Там же: рис. 153, 10), широкие горизонтальные каннелюры (Там же: рис. 104, 9; 181, 3) и «лесенки»¹ (Горбов и Усачук, 2001: рис. 12, 9; Буйнов и Корохина, 2006: рис. 1, 12; 2, 7; 3, 8; Корохина, 2011: рис. 167, 12).

В степной зоне Северо-Восточного Приазовья общую позицию раннегальштатской посуды наилучшим образом демонстрируют исследованные В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком поселения Широкая Балка II, Безыменное I и Безыменное II (Гор-

бов, 1993). В.Н. Горбов представил местную стратиграфическую колонку, в которой финалу позднего бронзового века, как он полагает, отвечает горизонт V (с подгоризонтами Va и Vб), а также памятники камышевахского типа (Горбов и Подобед, 1996). К позднему бронзовому веку отнесен горизонт IV позднесабаатиновского времени, горизонты II и III – «предсабаатиновского этапа срубной культуры», I – раннесрубный (Горбов, 1995: 54–58). Хотя в горизонте IV имеется позднесабаатиновская посуда, этот факт может быть понят двояко: или как отражение синхронного существования сабаатиновской и срубной культур (Гершкович 1997: 139; 1998: 66, 69–72; Gerškovič, 1999: 75–77), или как показатель проникновения западных традиций в Приазовье с самого начала сложения белозерской культуры под раннегальштатским воздействием и вместе с соответствующей керамикой. Ведь на сабаатиновских поселениях такая керамика появляется во вполне сложившемся виде, являясь одновременно маркером и позднесабаатиновского, и раннебелозерского времени (Оленковський і Гершкович, 1993: 12–14).

Наиболее очевидно наличие керамики западной группы для горизонта V. Например, чашевидный сосуд с маленькой ручкой-выступом В.Н. Горбов сопоставил с тудоровской (белозерской) посудой (1996: рис. 1, 2). Но он имеет аналогии и в Бабадаг I–Тэмэоань–Голеркань–Ханск–Балта в Среднем Поднестровье (см.: Кашуба и Фидельский, 2007: рис. 3, 4; Nicic, 2008: Fig. 69, 4; Niculiță, Zapoci and Băț, 2016: Fig. 4, 4; 5, 3, 6; 9, 5). На Безыменном II округлобокий кубок с выступом найден вместе с горшком с фигурным налепом, по моей классификации – налеп н/14 (Горбов, 1995: рис. 3, 8, 11). Сопоставление этого сосуда с кизилкобинскими (Там же: 66, 67) возможно, но последние не являются их прототипами, так как не являются более древними и характерны не только для крымских памятников, как считает В.Н. Горбов, но и для белозерских, и для прочерченного гальштата (Nicic, 2008: Fig. 68, 4; 103, 1, 2, 5, 6, 9; 114, 2–8). От раннегальштатских производны такие и приазовские, и кизилкобинские формы (Колотухин, 1996: 60). Среди других образцов западной группы Безыменного II – чаша с сосцевидным выступом, также с явными аналогиями в прочерченном гальштате (см.: Ванчугов, 1990: рис. 28, 3, 14; Nicic, 2008: Fig. 15, 5). Элементы орнамента

1. Заметим, что здесь каннелюры и «лесенки» могут иметь все же иное происхождение, поскольку характерны для посуды Поволжья, Волго-Камья и Южного Приуралья (Колев, 2000: рис. 11, 7–12; 13, 4).

на указанных кубке, горшке и чаше также характерны и для Суботовского городища (рис. 20–25).

Раннегальштатские проявления в керамике достигают Прикубанья и Нижнего Подонья. Э.С. Шарафутдинова, анализируя упомянутый сосуд из Анапского могильника, указала на его отличие от белозерских, но увидела сходство с «киммерийскими» (Шарафутдинова Э., 1991: 190, 191). Сейчас следует учитывать не столько абстрактные «киммерийские», сколько конкретные суботовские аналогии (см. главу IV). Кроме этого, кубки, близкие суботовским по форме или по форме и орнаментации, есть в двух массивах погребений Нижнего Подонья (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2012: рис. 1; 2): Барановка погр. 2/6 – тип М/3 суботовской коллекции (рис. 9); Мартышкина Балка погр. 92 – тип К/5, орнамент б/2 (рис. 8; 14, 2); Отрадный II погр. 15/8 – «блюдец» (рис. 13); Шахаевский II погр. 2/11 – тип К/2, Большой Ипатовский курган погр. 10 – тип К/4, Отрадный II погр. 7/6 – тип К/Х.2а (рис. 8).

Своеобразное эхо раннегальштатского мира достигло лесостепной зоны Западной Сибири. На городище Лексус ирменской культуры обнаружен бронзовый кинжал с цельнолитой рукоятью (Бобров, 2011: рис. 1; 2, 1). Отмеченное В.В. Бобровым его сходство с сабатиновскими все же очень поверхностное (Там же: 67). Этот кинжал, хотя и имеет рукоять с маленьким гребешковидным окончанием, как на сабатиновских (красномаяцких), но его клинок совершенно иной формы – сужается в основании, рукоять заканчивается утолщением, охватывающим базальную часть клинка. По этим деталям он тождественен центральноевропейским мечам с цельнолитой рукоятью периодов НаА–НаВ1, является, по сути, их уменьшенной копией. Т. Кеменцеи рассматривает такие мечи и кинжалы совместно в качестве вариантов одного типа D (Kemenzei, 1991: 14, Taf. 5). Исходный регион их распространения находится преимущественно в южном Банате, входившем в Карпато-Балканский очаг культурогенеза, и не случайно для раннегальштатской металлообработки отмечено воздействие «Среднедунайского культурно-генетического фактора» (Дергачев, 1997: 52).

Один из таких кинжалов (из Панчево) сопровождался глиняным сосудом – амфорой, которая имеет аналогии в керамике группы Игрица, вкладах Корнуцель серии Уриу-До-

манешти и Печица II горизонта Чинку–Сусени периодов ВD–НаА1 (Boroffka, 1994: 9; Abb. 10, 1–4). Все они относятся ко времени «кристаллизации фракийского гальштата» (Крушельницка, 1985: 42). Таким образом, кинжал из Лексуса оказался в Западной Сибири не ранее периода НаА1 и, как и погребение Владимировского кургана, относится ко времени начала проникновения раннегальштатских традиций.

VIII.1.2. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ

На Суботовском городище он представлен малобудковской и бондарихинской посудой. Она не могла попасть в Потясминье, минуя лесостепное Левобережье, где вперемежку (чересполосно) с постсрубными расположены малобудковско-бондарихинские и / или собственно бондарихинские памятники (рис. 26). Западнее, далее Потясминья, такая керамика не известна.

Истоки северо-восточной группы уходят в Верхнее Поволжье. Там, от Поочья до Покамья, в переходный период располагался Окско-Камский очаг культурогенеза (рис. 26). Он воздействовал и на население соседнего Среднего Поволжья, где на памятниках срубно-хвалынской фазы, по Н.М. Малову, встречается специфическая керамика, обозначенная им как бондарихинская (Малов, 2013: 105, рис. 5, 6, 11).

VIII.1.3. ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ

Он проникал в Потясминье не только из Левобережной лесостепи, но и степи. На чернолесских памятниках в Поднестровье восточной керамики нет. В белозерском ареале она встречена не далее низовьев Южного Буга (см.: Gorbenko and Grebennikov, 2009: Fig. 4, 11; 5, 11–13). В горизонтах IV, Va и Vb поселений Северо-Восточного Приазовья есть посуда с воротничковым оформлением венчика, т. е. хвалынского, саргаринско-алексеевского, федоровского или позднефедоровского облика (Горбов, 1995: 58–62).

Четко очертить эпицентр первоначального формирования и распространения посуды этой группы трудно, так как он чрезвычайно широк (рис. 26). Из этого, возможно, «плавающего» в пространстве очага, от Поволжья (сусканская и ивановская культуры) до Центрального Казахстана, через степи

Центральной Азии в древнюю Бактрию и подгорную полосу Копет-Дага попадала «керамика степного облика» (Виноградова и Кузьмина, 1986: 127–129, рис. 10; Кузьмина, 1994: 240–241; 2010б: 79–82, 115; Пьянкова, 1999: 287, рис. 1; Щетенко, 1999: 333; Щетенко и Кутимов, 1999). В верхней части слоя Намазга VI она перекрыта слоями времени Яз I (Кузьмина, 1964б: 152, 154; Кутимов, 1999: 317). Эту керамику связывают с саргаринско-алексеевской (Кутимов, 1999: 315, 322) или заключительным этапом андроновской культурно-исторической общности, куда причисляют также межовскую, амирабадскую, ирменскую и бегазы-дандыбаевскую культуры (Зданович, 1988: 148). Для несколько более позднего времени (X–IX вв. до н. э.) через территорию этого Поволжско-Центральноказахстанского очага культурогенеза из более позднего «центральноазиатского очага культурогенеза», по И.В. Бруяко, в Восточную Европу и до Северного Ирана прошел карасукско-аржанский, киммерийский импульс (Бруяко, 2005: рис. 31).

Как и на Суботовском городище, в слоях и горизонтах поселений постсрубного времени Среднего Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья восточные, позднесрубные по А.И. Тереножкину¹, традиции сочетаются с западными, а в лесостепи — и северо-восточными. Яркий и достоверный пример предоставляет совместное залегание соответствующих образцов в верхнем слое поселения Диброва на Северском Донце (Гершкович, 1990; 1995). В Среднем Подонье в керамике поселения Шиловское отмечены северо-восточные и восточные черты. Их относят к «позднесрубному поселку» и «поселку финального этапа эпохи поздней бронзы» (Екимов и Беседин, 1980: 83, 90, рис. 2, 3, 5), но стратиграфически они не разделяются.

Еще не располагая такими фактами, А.И. Тереножкин считал, что «позднесрубная» керамика исчезает в верхнем ярусе Суботовского городища, где ее замещает бондарихинская (Тереножкин, 1961: 76, рис. 37, 2). Этот важный вывод никто не пытался проверить. Существовало убеждение, что на Чернолесском и Суботовском городищах «отмечены случаи прямой стратиграфии,

фиксирующей перекрывание «чистых» позднесрубных комплексов, содержащих горшки с валиковой орнаментацией восточного облика ... раннечернолесскими» (Ромашко, 1998: 92–93). Но таких случаев прямой стратиграфии на городище нет², а названные различные группы посуды переходного периода сосуществовали, поскольку представлены и в горизонте Суботов II, и в горизонте Суботов III, не говоря о нерасчлененном горизонте Суботов II–III.

Закономерность указанных сочетаний керамических групп разного происхождения на Суботовском городище и вне его подтверждается другими категориями находок.

С северо-востока, от Поочья до Нижнего Поволжья, Подонцовья и Потясминья, рассредоточены находки роговых лопаточек «суботовского типа» (рис. 26). С востока проникают некоторые типы металлических изделий, например, втульчатые секиры из Колонтаева (Харьковская обл.) и Стельмаховки (Луганская обл.), аналогичные западноказахстанским (Клоцко, 1995: Abb. 39, 1–4). Совместные находки керамики и некоторых металлических изделий саргаринско-алексеевского облика имеются в Нижнем Поднепровье (Гершкович, 1998: рис. 13, 1, 2).

Признаки не просто широких связей, но и связей по тем же направлениям, которые прослеживаются по керамическим группам, сфокусированы в кардашинском очаге металлообработки. Этот очаг функционировал за счет поступления сырья из карпатских источников, а его изделия сосредоточены в Нижнем Поднепровье, но достигают Потясминья (Черных, 1976: 154, 155, рис. 55). Хотя в нем не отмечено больших серий изделий западных металлургических очагов (Мелюкова, 1979: 59–62) и появления единой, гальштатско-белозерской, зоны металлообработки не произошло (Бочкарев, 2010: 51), появляется ряд новых типов изделий, которые напрямую или опосредованно связаны с раннегальштатским миром. И при всем для кардашинского очага отмечено усиление связей с Волго-Уралем (Черных, 1976: 188, рис. 55; 1978б, 77, 78).

1. Большой новый список памятников заключительного периода бронзы в Среднем Поднепровье, где встречается такая керамика, составил Д.П. Куштан (2011: 20).

2. В 2004 г. С.Д. Лысенко опубликовал небольшую статью «Феномен Субботовского городища» и в очередной раз ввел коллег в заблуждение, в том числе относительно наличия на памятнике прямой стратиграфии. Мне пришлось реагировать на эту и другие его ошибки (Гершкович, 2004б).

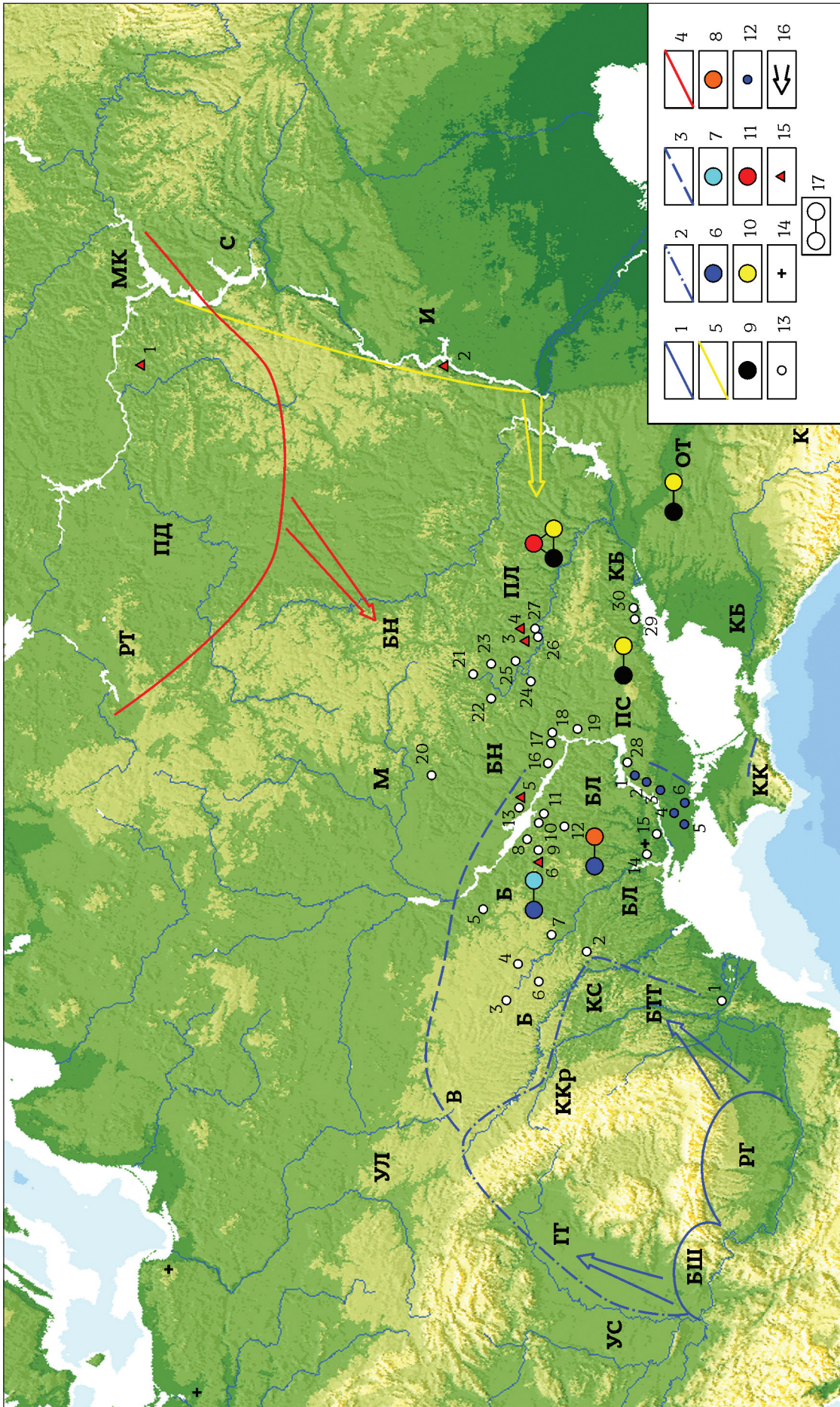

Рис. 26. Очаги культурогенеза переходного периода Юго-Восточной и Восточной Европы и направление их влияния и проникновения традиций в Подонцовье, Среднее Поднепрровье и Северо-Восточное Приазовье

Fig. 26. The cultural-generics centres of transition period of the South-Eastern and Eastern Europe and a direction of their influences and penetrations of traditions into Donets, Middle Dnieper and North-Eastern Azov areas

Условные обозначения: 1 – Среднедунайский очаг культурогенеза (условный контур по Кашуба, 2000: рис. 1); 2 – раннегалльштатские культуры Подунавья – Поднепровья (условный контур по Кашуба, 2000: рис. I, III; XLI); 3 – зона галльштатизации от Днестра до Днепра; 4 – Окско-Камский очаг культурогенеза; 5 – Поволжско-Центральноказахстанский очаг культурогенеза; 6 – раннегалльштатский компонент; 7 – тшинецко-комаровский компонент-подоснова; 8 – сабатиновский компонент-подоснова; 9 – срубный компонент-подоснова; 10 – поволжско-центральноказахстанский компонент; 11 – малобудковский и бондарихинский компонент; 12 – могильники белозерской культуры на левобережье Нижнего Поднепровья (1 – Первомаевка; 2 – Лукьяновка; 3 – Чернянка; 4 – Брилевка; 5 – Широкое; 6 – Каланчак); 13 – памятники (выборочно) переходного периода (1 – Картал II; 2 – Балта; 3 – Сандраки; 4 – Гордеевка; 5 – Малополовецкое; 6 – Ворошиловка; 7 – Белогрудовка (Пиковец); 8 – Адамовка; 9 – Суботов; 10 – Калантаев; 11 – Большая Андрусовка; 12 – Харивка (Черный лес); 13 – Градижск; 14 – Дикий Сад; 15 – Репринка; 16 – Компанийцы; 17 – Осиповка; 18 – Залинейное; 19 – Богуслав; 20 – Малье Будки; 21 – Шоссейное; 22 – Основа; 23 – Веселое-1; 24 – Студенок-5; 25 – Бондариха-2; 26 – Диброва; 27 – Глубокое озеро-2; 28 – Белозерский лиман; 29 – Безыменное-II; 30 – Широкая балка-II); 14 – «дома-урны» в Прибалтике (выборочно) и в Южном Побужье (городище Дикий Сад); 15 – роговые лопаточки «суботовского типа» в Поволжье (1 – Таутово; 2 – Нижняя Добрянка), Северском Подонцовье (3 – Диброва; 4 – Глубокое Озеро 2), Среднем Поднепровье (5 – Градижск) и Потясминье (6 – Суботовское городище); 16 – направления проникновения традиций, достигших Суботовского городища; 17 – комбинации компонентов. **Сокращения:** **УС** – среднедунайская культура урновых полей погребений; **БШ** – Белегиш II; **РГ** – ранний галльштат Олтении и Мунтении; **ГГ** – Гава-Голиграды; **ККр** – Кишинэу–Корлэтен; **БТГ** – Бабадаг I–Тэмзоань–Ганск–Балта и Бабадаг II; **КС** – Козия–Сахарна; **В** – высококая культура; **Б** – белогрудовская культура; **БЛ** – белозерская культура; **БН** – бондарихинская культура; **ПЛ** – постсрубная лесостепная; **ПС** – постсрубная степная; **КБ** – кобяковская культура; **КК** – кизил-кобинская культура; **ОТ** – отрадненская культура; **К** – кобанская культура; **РТ** – культура раннетекстильной керамики; **ПД** – поздняяковская культура; **МК** – маклашеевская культура; **С** – сусканская культура; **И** – ивановская культура

Обратные влияния из Среднего Поднепровья, Северного Причерноморья, а также из Поволжья и даже Центрального Казахстана, конечно, тоже исключать нельзя. Пример – уже упомянутые находки секир в Подонцовье, а также бронзового браслета, аналогичного большим суботовским, в Румынском Банате (см.: Gogăltan, 1999: 178, 179, Fig. 38, 4). Не отрицая, таким образом, «диалоговых позиций», как их представляет О.Г. Левицкий (2002) для раннегалльштатских культур и белозерской, все же, считаю их несколько преувеличенными. На самом городище Бабадаг сосуды «белозерского типа», выделенные С. Моринцем (Morintz, 1987: Fig. 13, 7), могут оказаться вовсе не белозерскими, а модификациями и разновидностями местных форм. Да и сам О.Г. Левицкий (2002: 201) подчеркивает, что белозерские проявления в основном ограничивались лишь соседними территориями.

Итак, обратные влияния, шедшие на запад хоть из белозерского ареала, хоть из белогрудовско-чернолесского, не были значительными и массовыми. Если даже и говорить о «диалоге», то в нем речь раннегалльштатского «собеседника» звучит чаще и убедительнее. Более явственно Восток заявляет о себе в Центральной и Юго-Восточной Европе во время «фрако-киммерийского горизонта» древностей (период HaB3), когда был разрушен «позднеурненфельдско-раннегалльштатский культурный монолит» (Бруяко, 2005: 11).

VIII.2. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА И КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Анализ приведенных данных позволяет ответить на вопрос о культурной принадлежности населения Суботовского городища и других синхронных и подобных ему памятников лесостепи от Днестра до Днепра. Они относятся к белогрудовско-чернолесскому этапу белогрудовской культуры. Чернолесский компонент здесь пришлый, раннегалльштатский, белогрудовский – местный посттшинецко-комаровский. Соотношение этих компонентов в керамике очень близко, соответственно 35–40 % и 41,3–46,3 % (см. главу VI), что не идет ни в какое сравнение с посудой восточной и северо-восточной групп (2,8 % и 2,6 %).

Ранний этап белогрудовской культуры (дочернолесский) изучен пока очень слабо. На поселениях не выделены группы посуды различного происхождения и не известно их соотношение, как это удалось установить для Суботовского городища. Как показывают материалы Чикаловского поселения, собственно белогрудовские памятники должны давать сочетание местной посуды с образцами более ранних культур каннелированного (Куштан, 2013: 42, рис. 123, 18) и прочерченного галльштата, без керамики штампованного галльштата, в том числе культуры Козия–Сахарна.

Двойственность белогрудовской культуры проявляется не из-за ее принадлежности к финальному горизонту тшинцеко-комаровской культуры (Лысенко С.Д., 2012: 271), а через посттшинцеко-комаровский характер и раннегальштатские воздействия.

В калейдоскопе культур переходного периода особенно большие отличия между памятниками лесостепи и степи, Днепровского Левобережья и Правобережья.

Схема культурогенеза в степном Северном Причерноморье, согласно которой белозерская культура есть или результат смешения сабастиновского и срубного населения, вытесненного носителями бондарихинской из Подонцовья, а кобяковской — из Подонья, или постепенной эволюции сабастиновской (Лесков, 1971: 75–91) давно устарела. Белозерская культура дает сочетание преимущественно местного постсабастиновского компонента наряду с раннегальштатским и в очень малом количестве (не далее Южного Побужья) восточным.

Через белозерский ареал раннегальштатские традиции передавали не только на восток, в Приазовье, но и на юг, на Крымский полуостров, где в степной зоне происходило сложение местной белозерской, а затем и / или параллельно с ней кизил-кобинской культуры в Горном Крыму.

В лесостепной зоне от Днепра до Подонья, включая Северское Подонцовье, и степном Северо-Восточном Приазовье культурогенез протекал на совершенно иной, чем в Правобережной Днепровской лесостепи и степном Северном Причерноморье, бережновско-маевской (позднесрубной) основе. На последнюю накладывались восточные влияния, а также видоизмененные западные, а в лесостепи еще и северо-восточные за счет чересполосного сосуществования с малобудковскими и бондарихинскими группами населения. Наверняка, в этой зоне иное, чем на Суботовском городище, соотношение посуды в комплексах, но визуально преобладает керамика восточной группы, а западная составляет не более 5–10 %¹. Определяемые некоторыми исследователями поселения синкретического «срубно-бондарихинского» типа (Смирнов и Сорокин 1984: 144, рис. 5; Горбов и Литвиненко 1998: 74–76; Буйнов 1999: 9–11) хотя

бы частично оказываются постсрубными (Корохина, 2010: 6).

На поселении на Белозерском лимане, скорее всего, преобладает восточный компонент, так как оно расположено на левом берегу Днепра вне сабастиновского ареала. В.Н. Горбов установил близость его керамики с безыменской и широкобалковской и отметил, что «памятники типа поселения на Белозерском лимане и памятники тудоровского типа не должны рассматриваться в пределах одной культуры» (Горбов, 1995: 69). Дело за малым — полной публикацией приазовских поселений, материалов которых качественно и количественно несравненно больше, чем из Белозерского.

«Выпадение» эпонимного поселения из белозерской свиты приводит к воистину тектоническим изменениям в нынешнем понимании и номенклатуре культур переходного периода. Ведь речь идет фактически о новом образовании, которое будет отвоевывать право на существование примерно так, как отвоевывала ее белозерская культура по мере отхода от представлений О.А. Кривцовой-Граковой о ее срубной принадлежности.

В будущей обновленной номенклатуре культуры рассматриваемого переходного периода на Левобережье термин «постсрубный» будет излишним. Более точным должно стать название по наиболее показательным памятникам в лесостепной и степной зоне, наподобие тому, как старое название «культура многоваликовой керамики» было заменено названием «бабинская» по поселению Бабино III (Братченко, 1977).

В этой номенклатуре не найдется места богуславско-белозерской культуре. Она охватила две различные зоны, лесостепь и степь, для каждой из которых характерно свое сочетание компонентов. Кроме этого, В.А. Ромашко не учел эффект вертикального наложения, вследствие чего обозначены этапы прото-ББ, ББ1 и ББ2, относящиеся к срубной культуре (БМСК) позднего бронзового века (Ромашко, 2013: 179–211), т. е. совершенно иной и эпохи, и культуры.

Обратим внимание на выделение В.В. Потаповым постсрубных, «поздневаликовых», памятников Нижнего Подонья и степного Предкавказья в отрадненскую культуру (Потапов, 2010). Ее территориальная и хронологическая близость с памятникам Северо-Восточного Приазовья, а далее — Нижнего Поднепровья, а всех вместе с ивановской культурой Поволжья имеет принципиаль-

1. Об этом можно судить по материалам поселений Диброва и Глубокое Озеро-2 в Подонцовье (мои раскопки 1989 и 1991 гг.).

ное значение. Близки они и за счет единой бережновско-маевской подосновы. Хотя некоторая специфичность отрадненской культуры очевидна из-за непосредственного контакта с кобяковским «анклавом» в низовьях Дона, кобанской Северного Кавказа, а также из-за наличия «маклашеевского инфильтрата» (Потапов, 2013а: 224–226), нельзя исключать возможности существования единой ивановско-отрадненской культуры, включающей в себя памятники типа Безыменное, Широкая Балка и само Белозерское поселение.

К выделению отрадненской культуры следует относиться спокойно, без паники, проявленной донецкими коллегами, критикующими выводы В.В. Потапова и в очередной раз, как ранее В.Н. Горбов, помещающих срубную в чрезвычайно растянутую ими финальную стадию бронзового века (Подобед, Усачук и Цимиданов, 2012: 225). Конструктивный ответ В.В. Потапова (2013б) и замечания В.В. Отрощенко (2012: 246–250) в значительной мере прояснили ситуацию. Выделение отрадненской культуры пошло в разрез с попытками очертить необъятную белозерскую культурно-историческую область от Северного Причерноморья до Прикубанья и Северного Кавказа (Пелих, 1998; Отрощенко, 2016: 152–153). Как и для «приказанского лоскутного одеяла», перетягиваемого то на одну, то на другую культуру позднего бронзового века Среднего Поволжья (Кузьминых, 2001: 18–20), «белозерского одеяла» явно не хватает даже для Северо-Восточного Приазовья, не говоря уже о Северном Кавказе и Прикубанье.

Культурные образования переходного периода Северного Причерноморья, Северского Подонцовья, Северо-Восточного Приазовья, Нижнего Подонья, Среднего и Нижнего Поднепровья, Поволжья и Приуралья, Центрального Казахстана и т. д. вне зависимости от нынешнего или будущего их статуса и обозначения, в основном синхронны (табл. 42). Без признания сосуществования невозможно объяснить наличие на их памятниках (при неизбежном сохранении локальных отличий) не только некоторых общих типов посуды и элементов ее ornamentации, но одних и тех же типов псалиев, украшений, наконечников стрел, молотовидных орудий и т. д., представленных и в суботовских материалах.

Отдельная большая проблема, которая сейчас не может быть решена, касается участия в рассмотренных культурогенетических

процессах населения кобанской культуры Северного Кавказа. Представляется, что ее роль в них ограничена, во всяком случае «кобанская группа» керамики в Северном Причерноморье, Северо-Восточном Приазовье (не считая «кобяковского анклава» на Нижнем Дону и Прикубанье), Подонцовье и Среднем Поднепровье не выделяется. В то же время большая роль кобанской культуры в культурно-исторических процессах (наложение контактов между регионами, участие в них и т. п.) сомнению не подлежит.

VIII.3. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ГОРДЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Предложенные схемы культурогенетических процессов гипотетичны. Одним из доказательств может быть повторяемость специфических сочетаний компонентов различного происхождения на той или иной территории. Рассмотрим, как эти схемы работают применительно к решению проблемы культурно-хронологического феномена Гордеевского могильника.

Еще в ходе раскопок С.С. Березанская и Б.И. Лобай связали появление Гордеевского могильника с интенсивным влиянием курганной культуры Центральной Европы (Березанская и Лобай, 1994: 152). Впоследствии С.С. Березанская и В.И. Ключко конкретизировали этот вывод, указав на продвижение в белогрудовский ареал носителей восточной группы предлужицкой и карпатской курганной культур, а также обозначив местный бабинский компонент-основу (Berezanskaja und Kločko, 1998: 21, 28). Многие исследователи не приняли такой вывод (Крушельницкая, 1998: 182–196, рис. 108; Кашуба, 2000: 242). При этом Л.И. Крушельницкая выделила «тип Гордеевка» между белогрудовским и белозерским ареалами (1998: 196, рис. 108). В.В. Отрощенко отнес могильник к белогрудовской культуре, поставив его в один ряд с такими памятниками как Ворошиловка, Собковка, Большая Андрусовка и др. (Залізняк та ін., 2005: 195–197, рис. 34). Н.С. Бандрицкий (2005б: 242–244) связал его сначала с проявлением «высоцко-белогрудовского симбиоза», затем с «высоцко-белогрудовской культурно-исторической общностью» и, наконец, с «центрально-восточноеропейской цивилизацией».

Если бы сочетание компонентов в гордеевских погребениях было именно таким,

Таблица 42. Синхронистическая таблица некоторых памятников и культур Юго-Восточной, Восточной Европы и Малой Азии переходного периода к раннему железному веку

Table 42. Synchronism table of some sites and cultures South-Eastern, Eastern Europe and Asia Minor of the transitional period to the Early Iron Age

Века до н. э.	Г. Мюллер-Карле	Регионы — культуры — памятники								
		Крит — Греция	Троя	Мунтения — Добруджа	Сирет — Днестр (лесостепь)	Днестр — Днепр (лесостепь)	Днестр — Днепр (степь)	Дон — Северский Донец (лесостепь)	Северо-Восточное Приазовье	Левобережье Дона — Прикумье — Капмыкия
VIII	НаВ3	Геометрический	VIII	Бабадаг III	Шолдэнешть Басарабь	Жаботин		Дон — Северский Донец (лесостепь)	Северо-Восточное Приазовье	Левобережье Дона — Прикумье — Капмыкия
IX	НаВ2		Темные века	Бабадаг II			Белогрудовская, этапы дочернолесский, чернолесский	Белозерская	Бондарихинская	Черногоровская
X	НаВ1	Сумиленский — протогеометрический	VII b2	Бабадаг I			Гордеевский могильник	Малобудковская	Пострубная лесостепная	Отраденнская
XI	НаА2		VII b1	Сихлеану (Пребадаг)	Кишену — Корптеня Тамозань — Холеркань — Балта	Козня — Сахарна	Белогрудовская, этапы дочернолесский, чернолесский	Студенок Марьяновка	Пострубная степная	Широкая Балка-II — Безыменная-II
XII	НаА1	Позднеэлладский III — протоэлладский III	VII a	Кослождень	Ноуа	Тшинецко-комаровская	Сабатиновская	Бережноско-маевская срубная культура	Камышевахский тип	Черногоровская
XIII	BD									

как указали С.С. Березанская и В.И. Клочко, то вывод о новой культуре, существовавшей почти полтысячелетия или даже больше – от периода ВВ до НаВ (Berezanskaja und Kločko, 1998: 19–20) – был бы закономерен. Но реальность, все же, иная. Недавно исследователи отказались от сопоставления могильника с Бабино, но снова подчеркнули связь с курганными культурами и настаивают на выделении «не известной ранее группы центральноевропейского курганного круга» (Березанська і Клочко, 2011: 88–90). Это явно диссонирует с выводами К. Слюсарской, опубликованными в виде отдельной главы в той же книге, но не прокомментированными инициаторами переиздания могильника.

К. Слюсарская (2011: 139) выделила в могильнике два этапа, связав их, соответственно, с продолжением белозерских и белогрудовских традиций, затем – с ранними киммерийцами. Ранее К. Метзнер-Небельсик на основании планиграфии выделила в могильнике три «комбинационные группы курганов» (Metzner-Nebelsick, 2005: 294–295, Abb. 1; 2) и рассмотрела их хронологию. Для первой группы (фазы) установлены связи с центральноевропейской курганной культурой периодов ВD–НаА1 и контакты с Прибалтикой, Карпатским бассейном и Юго-Восточной Европой; для второй – замещение связей с западом контактами с югом – белозерской культурой; для третьей группы, датированной не позднее начала IX в. до н. э., т. е. периодом НаВ1, предполагаются связи с миром степных кочевников (Ibid: 302, 306, 310). И.В. Бруяко оценивает Гордеевский могильник через его параллели с раннегалльскими культурами Нижнего Подунавья, Восточных Балкан и белозерской (Бруяко, 2011: 295).

Несомненно, этот памятник будет еще долго предметом дискуссий. Пока они в основном сосредоточены на хронологических группах погребений и на анализе металлических, бронзовых и золотых изделий, янтарных украшений и т. п. Но и керамика могильника достаточно показательна и не такая загадочная, да и не такая разнообразная, как казалось авторам раскопок (Березанська і Лобай, 1994: 153)¹. С.Д. Лысенко убедительно показал, что она и не такая ма-

лочисленная (2015: 215–217)². Трудно не согласиться с Л.И. Крушельницкой (1998: 193), что в гордеевской керамике нет никаких бабинских черт, равно как и предлужицких. Но нельзя игнорировать ее раннегалльские и конкретно суботовские аналогии.

Все типы кубков (см.: Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 3, 1; 10, 1, 2; 75, 1) имеют широкий круг параллелей в посуде каннелированного и прочерченного галльштата и белозерской (см.: Ванчугов, 1990: рис. 42, 8, 9, 19, 20; Levički, 1994: Fig. 20, 1; László, 1994: Fig. 37, 3). Кубок из кургана 6 Гордеевки имеет вогнутое дно (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 10, 1), т. е., возможно, соответствует суботовскому типу К/Х.2а.

Горшки из курганов 6 и 7 (Ibid: Taf. 10, 3; 13, 5) совпадают с суботовскими типами Г/11 и Г/6, из курганов 32 и 33 – с Г/12 (или Г/9?) и Г/4а (на гордеевских нет сквозных проколов).

Банки из курганов 8 и 28 (Ibid: Taf. 15, 5; 53, 2) соответствуют типам Б/2 и Б/3 из Суботова.

Гордеевские черпаки имеют высокие пельчатые ручки, в том числе с грибовидным выступом (Ibid: Taf. 60, 1; 66, 2; 72, 1, 2). Такие черпаки массово представлены в чернолесской культуре Среднего Поднестровья (Крушельницка, 1998: рис. 99, 5, 12; 100, 1, 2; 101, 9), их появление связывают с культурой Гава-Голиграды (Левицкий и Кашуба, 2014: 249). Они не местные в высокоцкой культуре, поэтому сходство с гордеевскими, отмеченное Н. Бандриным (2005б: рис. 6), есть результат не «высоцко-белогрудовского симбиоза», а высокоцко-раннегалльштатского.

Сосуды с полыми выступами на высоких ножках (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 15, 3; 25, 1; 37, 1) известны в белозерских погребениях (Ванчугов, 1990: рис. 41, 17, 18). Возможно, это своеобразный вариант «рюмковидных пиксид», но у последних ножка сплошная (Кашуба, 2000: рис. XXXII, 35). На чернолесской посуде полые ножки имеют т. н. фруктошницы (Крушельницка, 1998: рис. 24, 11; 67, 8).

1. В статье К. Слюсарской упомянута магистерская работа М. Кранц, в которой гордеевская посуда сопоставлена с балтской, белогрудовской и раннегалльштатской (2011: 133).

2. Со статьей С.Д. Лысенко я познакомился уже при макетировании этой книги. Мне показался странным его тезис о наличии в погребальном обряде могильника бабинских черт (2015: 211–215). Насколько эти черты бабинские? Да и какое это имеет значение, если непосредственный источник традиций погребальной обрядности был, по С.Д. Лысенко, тшинецко-комаровским.

Такие изделия как золотые подвески белогрудовского типа (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 3, 5; 11, 9; 23, 2; 28, 4; 42, 2; 47, 5, 6) указывают на белогрудовские аналогии, а янтарные украшения – весьма нередкие находки в белозерских погребениях Северного Причерноморья¹. Бронзовые колоколовидные подвески завадовского типа (Ibid: Taf. 58, 6, 7) – раннебелозерского времени. Бронзовый втульчатый двухлопастный наконечник стрелы (Ibid: Taf. 69, 2) аналогичен наконечнику из Бузовки (см.: Ромашко, 1982: рис. 1, 2; 2013: рис. 113, 19), восьмерковидная застежка (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 72, 3) – это вариант (возможно, позднейший) застежек павловского типа. Напомним, что павловское погребение по наличию столбовых ямок по углам могилы (Марина, Ромашко и Фещенко, 1988: рис. 2, 1) аналогично как комаровским (Свешников, 1968), так и гордеевским (Berezanskaja und Kločko, 1998: Taf. 6; 19; 33; 45; 46; 48 и др.), многим белозерским (Березанская и др., 1986: рис. 37, 1, 4) и шатровым черногоровским конструкциям. Иными словами, это местный тип погребального сооружения, который сохраняется очень долго (Яровой, Кашуба и Махортых, 2002: 303, рис. 5).

Большие гордеевские булавки (Березанська і Клочко, 2011: рис. 27) имеют аналогии в восточной части польских Карпат. В кладе из Кленщан подобные с воронковидной головкой датируют концом II – началом III периода эпохи бронзы и относят к ранней фазе тарнобжеской группы лужицкой культуры (Gedl, 1998: 37, Rys. 12, 1, 2).

Полые большие орнаментированные кольца диаметром 13–15 см с нанизанными на них небольшими кольцами условно включены то ли в раздел браслетов, то ли музыкальных инструментов (Березанська і Клочко, 2011: 27, 57, рис. 52, 1; 53, 1; фото 12). Авторы не привели им аналогии. Но такие есть в ранней фазе той же тарнобжеской группы. Это – нашейные гривны типа Синява (без нанизанных колец, но внутри полые) III периода бронзы, или периода BD–HaA1 (Gedl, 1998: 37–41, Rys. 15)².

1. Утверждение о том, что янтарные украшения нетипичны для погребений Северного Причерноморья (Ślusarska, 2009: 369) уже давно не соответствуют действительности.

2. Называть их музыкальными инструментами, конечно, не стоит, но то, что с их помощью достигались ритмические шумовые эффекты, сопровождавшие танцы во время ритуальных действий, более, чем вероятно.

В целом есть достаточно данных, которые, по моему мнению, однозначно указывают на принадлежность Гордеевского могильника к белогрудовской культуре ее раннего (дочернолесского) и более позднего (чернолесского) этапа. Посуда отсюда имеет, с одной стороны, параллели в западной группе керамики Суботовского городища и / или собственно в общностях раннего гальштата – с другой. Иными словами, этот могильник не представляет новую культуру, как считают С.С. Березанская и В.И. Клочко.

Интересное исследование относительно культурной принадлежности Гордеевского могильника провел С.Д. Лысенко. Однако из сопоставлений гордеевской керамики у него полностью выпали раннегальштатские параллели, видимо, ему не ведомые (Лысенко С.Д., 2015: 216–218, рис. 6; 7). «Праобразы» черпаков с высокой ручкой с выступом он видит в сосудах с ручками «разных фаз комаровской культуры» (Там же: 219, рис. 7, 8, 13, 14), но праобразы – это не аналогии, и их можно найти не только в тшинецкой или комаровской среде. Ограничив свою задачу демонстрацией только тшинецко-комаровских и белогрудовских параллелей, С.Д. Лысенко добился, фактически, невозможного, связав Гордеевский могильник с территориально ограниченной «подольской группой комаровской культуры ТКК» (Там же: 211, 225). С таким выводом можно согласиться, лишь представив лесостепное Побужье единственным регионом сосредоточения всех культурогенетических процессов финальной поры бронзового века.

Появление Гордеевского могильника совпадает с периодом HaA1. Это подтверждается и новыми радиоуглеродными датами (Ślusarska-Michalik, 2003: 365–366). При отнесении же, по К. Метцнер-Небельсик, первой фазы могильника к периоду BD сказался эффект вертикального наложения, т. е. объединение прототипов металлических изделий и их производных, а также полагание исследовательницы на выводы С.С. Березанской и В.И. Клочко относительно незнакомой для нее некой архаичной местной керамики, которой здесь просто нет.

Если подтвердится, что вблизи Гордеевского могильника нет синхронных ему городищ и / или поселений (Berezanskaja und Kločko, 1998: 25, 29), местность, в которой он расположен, можно будет сравнить с Геррами – священными землями скифов. Конечно, здесь погребали не царей, но это было место погребения определенной узкой

группы, некрополь «княжеского типа» или, попросту говоря, местной элиты (Metzner-Nebelsick, 2005: 310; Šliusarska, 2009: 373; Клочко В., 2011; Слюсарська, 2011: 140), т. е. элиты сперва белогрудовской, а затем белогрудовско-чернолесской. В сферу военной, хозяйственной и культурно-информационной деятельности этой элиты попадало и население городищ, надо полагать, и Суботовского.

VIII.4. ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИШЛЫХ И МЕСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ И ДРЕВНИЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ

В лесостепи Среднего Поднепровья раннегалыштатский компонент проступает настолько выразительно, что вполне можно говорить не только о попадании сюда отдельных импортов, как считает М.Т. Кашуба (2012а: рис. 1; 2). Раннегалыштатская «волна» не остановилась, как это предполагал С. Моринтц (Morintz, 1964: 101–118), на Днестре. Днестр не предстает «самой восточной окраиной раннегалыштатского мира Балкано-Подунавья» и «восточной периферией галыштатизации» (Кашуба, 2000: 241, 244; 2012: 242). Не позже второй половины X в. до н. э. в Пруто-Сиретском междуречье из-за формирования культуры Козия–Сахарна произошла не дестабилизация прежних «слабых взаимодействий» культур Гава-Голиграды, Кишинэу–Корлэтань, Тэмэоань–Голерканы–Балта и белогрудовской (Кашуба, 2000: 241–244), а их активное расширение при участии культур штампованного галыштата.

Ослабление и видоизменение западных традиций в Среднем Поднепровье по сравнению с исходными территориями вполне естественно, но оно не достигло того критического уровня, чтобы исключать этот регион из числа подвергшихся галыштатизации. Сюда были привнесены новая керамика и технология ее производства (окислительно-восстановительный обжиг), новые приемы металлообработки, включая, как и в Поднепровье (Кашуба, 2013: 237), технологию железодельного производства. Меч и топор-тесло из кладов Суботовского городища, не говоря уже о серии железных ножей, вполне попадают в категорию т. н. рабочего железа и не имеют местных прототипов. Возможно, это является показателем того, что новая технология, хотя бы первоначально-

но, не передавалась местному населению, и ее носители соблюдали нормы поведения, предполагаемые для значительно более раннего сейминско-турбинского времени (Кузьминых, 2001: 17).

Даже на Левобережье, несмотря на еще более существенные видоизменения, неизбежные по мере удаления от исходных территорий, посуду раннегалыштатского облика не следует, как предлагал В.А. Ромашко, рассматривать как обычную столовую, восходящую к срубной культуре (1998: 79–92). Ведь в одном случае речь идет об истоках традиций, во втором – об их дальнейшей судьбе, «переработке западных орнаментальных композиций в бондарихинской среде» и «сложении собственно бондарихинского комплекса столовой и тарной посуды из-за западного импульса» (Горбов и Усачук, 2001: 42–43). Я обозначил это явление как «белогрудовско-чернолесский компонент в памятниках заключительной поры бронзового века Восточной Украины» (Гершкович, 1998: 78; 2001б: 70). Сам факт его присутствия еще раз показывает реальную силу Среднедунайского очага культурогенеза. Его влияние не останавливали не только водные преграды, но и границы лесостепи и степи¹. Среднее Подонцовье и Северо-Восточное Приазовье оказываются в зоне затухающей галыштатизации, причем в лесостепном Подонцовье появляются и городища (Буйнов, 2005: 247, рис. 1, с. 247).

Вопрос о том, откуда шло распространение т. н. столовой лощеной посуды – из украинской лесостепи в степь или наоборот – следует снять, так как и в степи, и в лесостепи она не представляет местную линию развития. Единый внешний источник ее происхождения – Нижнедунайский (Мелюкова, 1979: 51, 56), Пруто-Сиретский или в целом Карпато-Дунайский.

Без учета этого обстоятельства возникают тупиковые ситуации в интерпретации памятников. Ведь примеры с Гордеевским могильником, Владимировским погребением не единственные. Так, на белозерском поселении Жовтневое в Северо-Западном Причерноморье найден сосуд, близкий суботовским среднешейным кубкам (кубковидным корчагам К3), который И.Т. Черняков сопоставлял с чернолесскими (1962: 139). На него обратила внимание и А.И. Ме-

1. Как известно, в предшествующую эпоху поздней бронзы обе эти зоны на юге Восточной Европы смогла занять лишь срубная культура (Бунятян, 2001: 101).

люкова, но ее смутило не столько такое сопоставление, сколько вытекающий из него вывод о сравнительно позднем возрасте белозерского памятника (Мелюкова, 1979: 48). Проблема была бы снята сама собой признанием единого ее источника – раннегальштатского. Интересно, что это допускала и сама А.М. Мелюкова, но не проявила последовательности, поддержав А.М. Лескова в том, что белозерские кубки древнее белогрудовских (Там же: 51, 56). Кубки кубкам – рознь, некоторые типы могут быть древнее, некоторые – моложе, но в любом случае в добелозерское время в Северном Причерноморье кубков не было в отличие от Карпато-Подунавья.

Конкретные формы взаимодействия пришлых и местных традиций могли быть очень разнообразными. Довольно часто инородные проявления объясняют или результатом подражания, или считают импортами. Появление лощеной столовой посуды связывают с деятельностью изолированных кланов сахарнянских мастеров-керамистов в чернолесских центрах (Смирнова, 1983: 71). Однако наличие таких кланов в первобытном обществе – не только керамистов, но и кузнецов-торговцев (Черных, 1976: 163, 164), ставят под сомнение (Бочкарев, 2010: 161). О кузнецах-торговцах писал Е.Н. Черных, изучая северопричерноморский металл, в частности ингуло-красномаяцкого очага металлообработки. Он видел в этом очаге следствие проникновения кланов мастеров с запада, откуда поступало и высококачественное сырье (Черных, 1976: 180–185; 1978: 76). Да, логически такой металл должен быть «чужим» для одной из срубных культур, каковой считалась сабатиновская. Но понимание последней как не срубной (Гершкович, 2002) в принципе снимает необходимость подобного объяснения.

По объему посуда раннегальштатского облика Суботовского городища – кубки и кубковидные, чаши и миски – относится к нескольким функциональным группам: кубки – от порционных 2 до тары, миски – от порционных 2 до кухонных 2, чаши – от дозовых до кухонных 2 (табл. 20). Это указывает на то, что раннегальштатское воздействие в лесостепном Правобережном Поднепровье выходило за пределы простого заимствования и не было результатом деятельности пришлых кланов мастеров-керамистов. Ведь если принять предположение Г.И. Смирновой, то тогда нужно признать, что местное население вдруг ра-

зучилось изготавливать не только т. н. столовую, но и значительную часть кухонной посуды.

Появление западных образцов керамики в лесостепном Правобережном Поднепровье связано с непосредственным физическим присутствием здесь больших групп – носителей западных бытовых и идеологических норм и стереотипов. Если следовать схеме Л.С. Клейна о видах миграций и способах отражения их в археологическом материале (1999: рис. 9), то в данном случае имела место частичная эмиграция, постепенное просачивание и перемещение, т. е. ползучая экспансия или волна переселения с запада. М.Т. Кашуба вполне резонно представляет так появление в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья культуры Козия–Сахарна (2012: 240).

Попытка В.Н. Горбова и В.А. Подобеда объяснить сосуществование традиций заведомо различного происхождения лишь результатом воздействия «фона», придававшего материалам восточной и западной групп вид «реплик» или «импортов» (Горбов и Подобед, 1999), даже в виде одного из возможных вариантов не учитывает, что «фон» не мог появиться, существовать и распространиться без людей, его создавших.

Объяснить наличие на Суботовском городище посуды северо-восточной и восточной групп намного сложнее. Однако соответствующие им орнаменты настолько специфичны, что также не позволяет и в этом случае усматривать простое подражание (копирование) и, тем более, случайное совпадение. Ведь не следует забывать еще и связь элементов орнаментации с теми или иными категориями и функциональными группами сосудов (см. главу IV). Иными словами, присутствие среди обитателей Суботовского городища носителей и этих традиций также не исключено, но они попадали в Среднее Поднепровье реже и в меньшем количестве, причем малобудковско-бондарихинских проявлений нет в степи, а ивановские и постандроновские, хотя и проникают в степную зону, но не достигают собственно раннегальштатского ареала, возможно, из-за того, что их носители были физически не допущены в этот мир.

И.В. Бруяко для объяснения распространения в Трое VIIb1 валиковой кухонной посуды, а в Трое VIIb2 – столовой, которая имеет аналогии в прочерченном гальштате, исходя из того, что они могут иметь единый Карпато-Понтийский источник, упоминает

т. н. эффект Версаля. Согласно нему, такую очередность появления (сперва «варварская» кухонная посуда, потом столовая) можно объяснить тем, что более развитое местное население постепенно ассимилировало пришельцев, которые сперва использовали свою грубую (валиковую) посуду и местную столовую. Лишь со временем, по мере возрастания количества пришельцев и из-за необходимости самоидентификации, они начали использовать свою столовую посуду – Buckelkeramik в Трое VIIb2 (Бруяко, 2011: 285). По материалам Суботовского городища ситуация выглядит зеркально: местное население восприняло керамику более высокой культуры пришельцев, не имея возможности, да и видимого желания противодействовать ее распространению.

Далекий территориально, но близкий по содержанию пример сосуществования разнотипных групп дает городище Чича 1 в Западной Сибири. На нем установлено совместное бытование позднеирменской доминирующей традиции и сопутствующих сузгунской, поздней красноозерской, гамаюновской, завьяловской, найдены фрагменты крашеной и расписной посуды, связанной со Средней Азией (Молодин и др., 2004: 266–275, 287). Для поселений гамаюновской культуры М.Ф. Косарев (1981: 184) выделил две группы керамики, одна из которых местная – межовская, другая же связана с северными мигрантами, которые «существуют как бы нераздельно, взаимосвязанно, находятся в постоянных контактах друг с другом». Он представил мигрантов как экзогамный коллектив, который, придя на новую территорию, вынужден был вступить в брачные связи с местным населением. В качестве одного из вариантов такие связи вполне можно предположить и для обитателей Суботовского городища, и других памятников переходного периода Правобережной лесостепи, Северного Причерноморья и Северо-Восточного Приазовья вне зависимости от того, какой из местных компонентов там преобладал и откуда бы мигранты не появлялись. Итак, мозаичность материальных комплексов переходного периода, включая Суботовское городище, вполне очевидна и естественна. Не исключено их сложение за счет взаимопроникновения различных по происхождению групп населения.

Остается ответить на вопрос, вследствие каких конкретно исторических и природных факторов эти взаимопроникновения и контакты имели место.

Сейчас можно считать доказанным факт кризиса и последующего краха скотоводческо-земледельческой экономики в Северном Причерноморье к концу XIII – началу XII вв. до н. э., когда заканчивается существование сабастиновская культура (Gershkovich, 2009: 87–89). Это совпало и в немалой степени обусловлено изменениями климата, аридизацией на рубеже суббореала и субатлантического периода (Gershkovich, 2011: 171).

Возрастание аридизации подтверждает палинологический комплекс городища белозерской культуры Дикий Сад на Южном Буге. Здесь отмечено увеличение содержания пыльцы ксерофитов от нижней к верхней части культурного слоя. Иссушение достигло апогея около IX в. до н. э. (Gerasimenko, 1995; Герасименко, 1997). Растительность, характерная для сухой степи, распространяется к северу. Уменьшается процент рогатого скота, число лошадей увеличивается. Отмечены находки костей верблюда, в частности они происходят из отложений сабастиновского поселения Виноградный Сад I (Журавлев, 2003: 284), в верхнем горизонте которого встречается восточная посуда и раннегалльштатская¹. Верхний постсрубный слой поселения Глубокое Озеро-2 на Северском Донце и синхронный с ним V горизонт приазовских поселений имеют явные признаки иссушения (Герасименко и Горбов, 1996; Герасименко и Гершкович, 1996: 72). То же прослежено по смене палинозон на Суботовском городище (Приложение 1) и материалам других памятников Днепровской Правобережной лесостепи (Лысенко С.Д. и Пашкевич 2009: 372–380; Лысенко С.Д., 2011б: 38–43). Вывод о том, что «в зоне лиственных и смешанных лесов этот процесс, похоже, сглаживался особенностями ландшафтов и затянулся на несколько столетий» (Лысенко С.Д., 2012: 272), вполне созвучен наблюдениям о влиянии региональной ландшафтной специфики на различные варианты адаптации древнего населения к климатическим изменениям (Gershkovich, 1999: 87–89).

Именно на фоне природно-климатических изменений происходила перестройка хозяйственно-экономической деятельности обществ переходного периода. Сокращается плотность поселений, увеличивается межобщинное разделение труда, постепен-

1. С этими неопубликованными материалами мне удалось познакомиться при посещении вместе с Н.П. Герасименко раскопок поселения осенью 2005 г.

но происходит отказ от относительно оседлого образа жизни (переменно-оседлого, по Е.П. Бунятыню) и осуществляется переход к мобильному скотоводству, а затем и номадизму, ярко выражена социально-имущественная дифференциация (Бунятыня, 2000: 39, 42; 2001: 101–103). Связи между регионами, ближними и дальними, становятся более интенсивными и широкими. Возникают новые пути коммуникаций и торговли.

Южнобугскую дистанцию пути от Прибалтики до Северного Причерноморья (Клочко В., 2009: рис. 1) контролировала элита, представители которой были захоронены в Гордеевском могильнике. Недавно в низовьях Южного Буга на городище Дикий Сад найдена глиняная урна (Gorbenko and Grebennikov, 2009: Fig. 5, 16; Gershkovich, 2011: 173, 174, Fig. 4), абсолютно уникальная для этой территории, но с очевидными аналогиями в Прибалтике (рис. 26) среди т. н. домов-урн конца бронзового – начала раннего железного века. В зоне первоначального и наибольшего распространения такие урны связаны с погребениями с трупопожжениями. В Диком Саду урна явно не предназначалась для представителя местного населения и, скорее всего, была изготовлена для умершего в пути участника одной из торговых экспедиций.

Уникальная находка этой урны фиксирует конечный юго-восточный пункт торгового пути из Северной и Центральной Европы в Северное Причерноморье, который, впрочем, далее вполне мог продолжаться по морю¹ (Кашуба, 2013: 239, 240, рис. 3). Но когда некоторые исследователи пишут, что по нему осуществлялась торговля янтарем (Metzner-Nebelsik, 2005: 302, 308, 310) или в Восточном Средиземноморье находились «потребители гордеевского янтаря» (Клочко В., 2009: 73), они упрощенно оценивают реальное сущностное наполнение древних связей. Распространение янтарных украшений – лишь одно из внешних их проявлений. «Янтарный путь» – условное археологическое обозначение того же порядка, что и современные названия археологических культур и некоторых типов находок. Залежи т. н. балтийского янтаря (сукцинита) известны в Правобережном Полесье, на Верхнем Днестре, в Среднем и Нижнем Поднепровье (Makarowicz, 2012: Abb. 22; Лысенко С.Д.,

2015: 225), т. е. доставлять их, по крайней мере, туда из Прибалтики особой необходимости не было. Речь идет, как справедливо отмечал З. Буковский, не о торговле именно и только янтарем, а об общих направлениях связей в различной форме (Bukowski, 1988: 111–112).

Не лишено оснований предположение, что в позднем бронзовом веке из Северного Причерноморья в Ахейскую Грецию поставляли зерно через проливы Босфор и Дарданеллы, которые контролировала Троя (Черняков, 2010: 119). В переходный период к раннему железному веку из-за постепенного иссушения степей земледельческая деятельность могла сохраняться лишь в лесостепи, в частности у населения белогрудовской культуры, одного из возможных новых поставщиков зерна.

Предметами обмена и торговли в то время, наверняка, являлись драгоценные металлы, а также соль, добыча которой в конце II – начале I тыс. до н. э. активно, фактически на индустриальном уровне, осуществлялась в Карпатском бассейне и на северо-западе Балканского полуострова (Каврук, 2012: 18). Для раннего железного века разработка соляных месторождений отмечена для среднего течения Одры, Вислы и Варты в Польше (Bednarczyk et al., 2015: 110–111) и Прикарпатья (Бандрівський та ін., 1993: 56; 2002: 97, 98).

В свою очередь, распространение восточных традиций совпадает с функционированием трансевразийского «оловянного» пути (Куштан, 2013: 180, рис. 111; Kushtan, 2015: 97–103, Fig. 4) или с трассами будущего Великого шелкового пути, по которым уже в эпоху поздней бронзы осуществлялась караванная торговля (Кузьмина, 2010б: 117)². Вполне очевидно подключение к новой сети связей и населения Верхнего и Среднего Поволжья.

Функционирование путей сообщений (от их разведывания до контроля и охраны) требовало значительных организационных усилий (Makarowicz, 2015: 214–215). На этом фоне и происходило формирование новой элиты, в которой от Карпато-Подунавья и Северных Балкан до Среднего Поднепровья значительную роль играли представители раннегалльштатского мира и / или их потомки. Совершенно естественным выглядит и появление городищ.

1. На городище Дикий Сад обнаружены каменные изделия, доставленные из Карпат и Малой Азии (информация К.В. Горбенко).

2. Как тут не вспомнить находку в Виноградном Саду костей верблюда?

Как было установлено, ров на Малом Городке Суботовского городища был сооружен на заключительном этапе существования городища. Укрепленные валами и рвами поселения раннегалльских культур Карпато-Подунавья и Днестро-Прутского междуречья также появляются на заключительном этапе существования обычных открытых поселений, расположенных на высоких участках рельефа (Смирнова, 1976: 23; Кашуба, 2000: 259). По наблюдениям Л.И. Крушельницкой, первые оборонительные сооружения в виде каменных кладок или валов появляются в Прикарпатье и в Поднестровье в период HaV (Бандрівський та ін., 1993: 117). То же отмечено для кобьяковской культуры на Нижнем Дону, носители которой сперва селились на участках с хорошей естественной защитой (Шарафутдинова Э., 1980: 9), но позже были вынуждены сооружать валы (Ларенок и Потапов, 2004: 141).

Л.И. Крушельницкая, перечислив несколько традиционных вариантов объяснения появления чернолесских городищ, указала на результаты исследования А. Неселовской-Вендзка, которая установила, что в галльский период в Европе они приурочены к обменно-торговым путям (Крушельницкая, 1998: 197). Примечательно, что в Западной Сибири традиция возведения оборонительных сооружений, хотя и существовала еще в неолите, но не имела продолжения вплоть до переходного периода к раннему железному веку (Молодин и др., 2004, с. 288), т. е. возрождение традиции и здесь каким-то образом подчинено «коммуникационному» фактору и «коммерциализации» связей.

Сейчас все больше подтверждений находит гипотеза М.И. Ростовцева о расположении вдоль сухопутных маршрутов курганов (Болтрик, 1990: 30–34 и др.). Один из них по степному Днепровскому Левобережью,

от Днепра на юг, четко обозначен такими крупными могильниками белозерской культуры как Первомаевский, Чернянский, Широчанский, Брилевский, Каланчакский, своеобразными аналогами Гордеевскому. Они вытянулись цепочкой почти по прямой по направлению к Крымскому полуострову (рис. 26). Картографирование же отдельных находок, какими бы выразительными они не были (Lysenko S.D., Lysenko S.S., 2009: 360–367, Fig. 42), показывает лишь относительно синхронные памятники, непосредственная связь между которыми не обязательно осуществлялась по линиям, прочерченным на контурных картах рукой современных исследователей.

Раннегалльская керамика в Трое VIIb показывает, какое большое значение придавалось центрам торговли того времени, поразительно активное участие и интерес к ним у населения именно Карпато-Подунавья и севера Балканского полуострова. Нельзя исключать того, что именно это явилось одним из главных стимулов галльстатизации. Она выражалась стремлением контролировать не только такие центры-реципиенты как Троя, но и своего рода местные Трои на территориях, которые поставляли предметы и продукты торговли и обмена.

В низовьях Дуная городище Картал II имело, по определению И.В. Бруяко, статус «дунайского замка», его население контролировало традиционную переправу через Дунай (Бруяко, 2010: 295). Городище Дикий Сад в Николаеве, расположенное в месте слияния Южного Буга и Ингула, и Репринское – в месте впадения Ингульца в Днепр, выполняли каждое на своей территории ту же функцию. Суботовское городище выступает в качестве «тясминско-суботовского замка». Все они представляли собой региональные культурные, торговые и политические центры (Отрощенко, 2008: 8–10), хотя и, очевидно, разного ранга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ доступных на сегодняшний день материалов Суботовского городища позволяет во многом по-новому представить этот памятник, а также культурно-исторические и культурогенетические процессы переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в лесостепном Днепро-вском Правобережье и далеко за его пределами.

Общую структуру городища определяют не два, как ранее считалось, а три топографически обособленных участка. Основная зона обитания, как показывает сосредоточение жилищ, хозяйственных ям и кузнечно-литейная мастерская, располагалась на Большом Городке. Малый Городок был наиболее защищен как особый социально значимый участок, возможно, здесь за рвом, а затем и за валом, сооруженным позже, обитатели городища и его окружи хранили стратегические запасы продуктов, семенной фонд, производственное сырье, оружейный арсенал и т. п. Назначение Нового Городка пока непонятно. Это своеобразное «предградье», полностью открытое, т. е. незащищенное со стороны плато, было очень уязвимым в случае нападения.

Для внутренней структуры характерна группировка жилищ-полуземлянок в пределах отдельных домохозяйств, существовавших более или менее одновременно. По характеру своего формирования и археологизации эти домохозяйства тождественны зольникам белогрудовского типа, сложным монументальным структурам. В эпоху поз-

дней бронзы в степи и лесостепи зольники белогрудовского типа представляли собой базы или выселки, вынесенные за пределы стационарных поселений вследствие внутриобщинного разделения труда – земледелия и скотоводства. В переходный период к раннему железному веку они представлены только в лесостепи и в виде групп домохозяйств сосредоточены не только на небольших базах, но и на долговременных центральных поселениях на высоких участках местности. Одним из таких было Суботовское городище.

При выборе места под заселение учтен фактор естественной защиты – высота площадки, система глубоких оврагов и балок. На подобных поселениях от Карпато-Подунавья до Среднего Поднепровья и далее до Северского Подонцовья и Нижнего Дона искусственные оборонительные сооружения в виде вала, как и на Суботовском городище, были возведены на заключительных этапах существования.

Очень часто признаки нападений и разрушений не такие явные и очевидные, как это первоначально представлялось исследователям. На Суботовском городище нет следов разрушений и пожаров в результате штурма – предполагаемого киммерийского или какого-либо иного. Потенциально угроза городищу существовала с разных сторон.

Обряды и связанные с ними ритуалы, прослеживаемые по упорядоченным отложениям, лишены явной стандартизации. Клады бронзовых изделий оказались в пре-

делах домохозяйств вследствие совершения обряда оставления жилищ. По своему характеру эти клады вотивные, не связанные с угрозой нападения.

С учетом последовательности формирования и археологизации домохозяйств, характера и взаимовстречаемости находок в культурном слое, выделяются несколько хронологических горизонтов. Собственно городищу предшествовал не связанный с ним горизонт Суботов I культуры Бабино, представленный немногочисленными разрозненными находками керамики и датированный не позднее первой четверти II тыс. до н. э. Горизонты Суботов II и Суботов III датированы, соответственно, концом XI / X – серединой IX и второй половиной IX в. до н. э.

Материальный комплекс горизонтов Суботов II и Суботов III чрезвычайно мозаичен, многокомпонентен, и, на наш взгляд, обусловлен импульсами и непосредственным проникновением носителей традиций Среднедунайского или Карпато-Балканского, Окско-Камского и Поволжско-Центральноказахстанского очагов культурогенеза (табл. 42). Эта мозаичность проявляется по всем категориям материального комплекса, но особенно ярко – по различным сосуществующим группам посуды: местной белогрудовской (от 41,3 до 46,3 %) и пришлых, в первую очередь, раннегальштатской (от 35 до 40 %) и в очень незначительной степени постсрубной и постандроновской (2,8 %), а также малобудковско-бондарихинской (2,6 %). По такому сочетанию и соотношению групп керамики памятник отнесен к белогрудовско-чернолесскому этапу белогрудовской культуры.

Белогрудовская культура лесостепной зоны от Днестра до Днепра относится к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку. Начало ее формирования – не позднее периода НаА1 – в значительной степени совпало и стимулировано процессом гальштатизации, охватившем и южную лесостепь Днепровского Правобережья. В зоне гальштатизации оказалось и степное Северное Причерноморье, где на местной сабастиновской подоснове при очень активном участии раннегальштатского компонента формируется белозерская культура.

В лесостепном Северском Подонцовье на срубной (БМСК) подоснове при участии восточного и северо-восточного компонентов, а в степном Северо-Восточном При-

азовье на той же подоснове, но при участии только восточного, формируются постсрубные образования. Здесь раннегальштатский компонент также представлен, но менее выражен, образуя зону затухающей гальштатизации.

Постсрубное степное образование на Правобережье очень близко и очевидно родственно отрадненской культуре Нижнего Подонья и степного Предкавказья, а также ивановской (в большей мере) и сусканской (в меньшей) культурам Поволжья.

В рассматриваемом периоде нет места и времени для срубной культуры, тшинецко-комаровской, Ноуа, сабастиновской. То, что от них остается, переходит в качественно новые образования переходного периода.

Не являются механическим продолжением чернолесского этапа белогрудовской культуры и жаботинские памятники, которые считают позднечернолесскими (Мелюкова, 1989: 23–26 и др.; Бандрівський і Кошман, 2011: 381). Исследование М.Н. Дараган, продемонстрировавшей комплекс Жаботинского поселения (Дараган, 2011), поставило точку в этом вопросе. Белогрудовская культура дает совершенно иное сочетание местных и пришлых компонентов, два из которых, северо-восточный и восточный, полностью отсутствуют в Жаботине и в целом в жаботинской культуре, а сохранившийся западный имеет истоки не в ранне-, а среднегальштатской среде Карпато-Подунавья и Поднепровья. Продвижение в Поднепровье носителей басарабско-шолданештских традиций (Кашуба, 2012: рис. 5) маркирует завершение процесса гальштатизации.

Трансформация и исчезновение культур в конце позднего бронзового века происходило на фоне климатических изменений, нарастающей аридизации. В лесостепи она началась несколько позже, чем в степи, и длилась дольше, стимулировав везде коренную перестройку хозяйственно-экономического уклада. Происходил переход к мобильному скотоводству, а затем и ному. Развивалась социально-имущественная дифференциация и формировалась новая социальная элита, в которой в зоне гальштатизации значительную роль играли выходцы из Карпато-Подунавья и Поднепровья. Следы присутствия последних в Трое VIIb в Малой Азии и на Суботовском городище в Среднем Поднепровье, на памятниках белозерской культуры Северного Причерноморья указывают на включение

населения этих разных регионов в единую евразийскую сеть торговли и обмена.

В эпоху средней и поздней бронзы городищ в Среднем Поднепровье не было. В Днестро-Сиретском междуречье, по мнению М.Т. Кашубы, их появление связано с переселением сюда носителей культуры Козия–Сахарна, которые таким образом закреплялись на новых территориях. В том палимпсесте и симбиозе, который видим в Среднем Поднепровье вообще и на Суботовском городище в частности, а также в Северном Причерноморье и в Подонцовье, только раннегальштатский «заказ» и / или know how обеспечивал возведение оборонительных сооружений.

Обосновавшись на узловых участках путей торговли и обмена, обитатели городищ обеспечивали стабильное функционирование этих путей. В культурно-историческом плане городища отражают не только возросшую милитаризацию, но и большую степень своеобразной коммерциализации обществ накануне раннего железного века.

Фактически вне рассмотрения остались вопросы этнической принадлежности населения белогрудовской культуры и других синхронных ей образований. Это сделано вполне осознанно из-за сложности сопоставлений «структурных единиц археологической систематики с этносами или его различными таксономическими подразделениями», особенно в случаях, когда этническое единство оказывается представленным несколькими археологическими культурами (Арутюнов и Хазанов, 1979: 79–81, 86). Многокомпонентность культур этого времени еще раз показывает, насколько

гипотетичны даже такие традиционные соотношения как, например, раннегальштатских культур с фракийской этнической и языковой общностью, белогрудовской и чернолесской – с праславянской, белозерской – с индоиранской, бондарихинской – с финно-угорской, а всех их взятых вместе или каждой в отдельности с любыми иными общностями.

Совершенно очевидно, что с конца бронзового века на юге Восточной Европы начали закладываться основы этнокультурного своеобразия населения раннего железного века. Многокомпонентность культур предшествующего времени предполагает многокомпонентность (и полиэтичность) кочевнической черногоровской культуры, отождествляемой с историческими киммерийцами.

Раннегальштатские памятники Карпато-Подунавья имеют хронологические реперы в Эгеиде и Малой Азии (Афины, Кастанас, Троя и др.). Соответственно, западные и юго-западные, раннегальштатские, проявления на Суботовском городище, сочетающиеся с восточными и северо-восточными (пусть и малочисленными), могут открыть новые перспективы для выяснения хронологии культур лесостепной и степной зон от Днестра и Днепра до Поволжья, Центрального Казахстана, Южной Сибири, а, возможно, и юга Центральной Азии.

Своеобразным символом, общим памятным знаком обитателям Суботовского городища является железный меч с бронзовой рукоятью. Спустя 500–700 лет здесь поселились носители зарубинецкой культуры. Но это уже другая история.

SUMMARY

The hill-fort is located on the edge of Subotov village, Chigirin district of Cherkassk oblast' of Ukraine on headland above a ravine (Fig. 1–3). The small drying Subot' river, one of numerous southern inflows of the Tjasmin rivers, runs in the runway of this ravine. Excavations of this site were spent in 1951, 1955, 1971, 1972 by Steppe Scythian expedition of Institute of Archeology of Academy of Sciences of Ukraine under the direction of prof. A.I. Terenozhkin.

The offered analysis of all materials of the Subotov hill-fort allows to present in a new way both a site oneself, and global cultural-historical and cultural-generic processes of a transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age.

This site has difficult structure because includes some topographic isolated parts: Bolshoi, Malyi and Novyi Gorodok (Fig. A2; A3; A4). Their general area makes about 4 hectares.

A concentration of dwellings, storage pits, casting workshop demonstrates that main habitation zone was situated on Bolshoi Gorodok (Fig. A5). Malyi Gorodok as most functionally and socially significant part, has been protected by a ditch and rampart (Fig. A30); probably, here inhabitants of hill-fort and its neighbourhood stored strategic stocks of products, seed fund, industrial raw materials, a weapon arsenal, etc. Function of Novyi Gorodok is not clear, this original «site in front of hill-fort» was completely opened from a plateau and consequently was the most vulnerable in case of an attack from the outside.

The internal structure of the site is formed by groups of dwellings-semidugouts within the framework of separate households which were situated around the area without cultural layer and objects. This area was 60 × 30 m in sizes (Fig. A5).

The natural protection factor (height of the headland, system of deep ravines etc.) has been considered in time of choice place for settling. On the Subotov hill-fort, as well as on other similar sites, artificial defensive structures were built at the final stage of its existence.

In contrast with the previous points of view any traces of destructions and fires as a result of assault – neither supposed the Cimmerian nor any other – are not present on the site. The potential external threat for its inhabitants had multivector character.

Ceremonies and the rituals connected with them are traced on structured depositions. They are deprived of obvious standardization. Hoards of bronze items have appeared within framework of households as a result of ceremony of abandonment of dwellings. These hoards are votive ones and were not connected with threat of an attack.

Taking into account a sequence of formation and archaeologisation of households, character and mutually occurrence of finds, some chronological horizons are allocated within the limits of the single cultural layer. Horizon Subotov I belongs to the Babino Culture, not later of the first quarter of the II millennium BC; Subotov II – the ending of the XI / Xth – the middle of IXth centuries BC; Subotov III – the second half – ending of the IXth century BC.

Identification of all diachronic and synchronous components is a basis for objective distinguishing of any archaeological culture and the studying of the culture-genesis processes. A material complex of the transition period to the Early Iron Age, horizons Subotov II and Subotov III, distinguishes extreme mosaic structure, is multicomponent. It is caused by impulses and-or direct penetration into forest-steppe zone of the Right bank of the Dnieper area bearers of traditions of the Middle Danube or Carpathian-Balkan, Oka-Kama and Volga-Central Asia culture-genesis centres (Fig. 26).

The extreme mosaic structure is most brightly shown on various co-existing groups of pottery: native, of the Belogradovka Culture (41.3–46.3 %), and outsiders ones: the Early Hallstattian (35–40 %), the Post-Timber Grave and Post-Andron Culture (2.8 %), the Malye Budki–Bondarikha Culture (2.6 %). Basarab-Soldanesht-Zhabotin samples are presented in very small amount in horizon Subotov III. On such combination and a percentage parity of groups, the site should be correlated with the Belogradovka-Chernyi Les stage of the Belogradovka Culture.

Forming of the Belogradovka Culture on the Tzcienc-Komarovo basis and the Belozherka Culture on the Sabatinovka Culture one has begun not later of HaA1 period. It is naturally enough reduction and modification of the western traditions in the Middle Dnieper area and North Black Sea region but they have not reached such critical level to exclude these regions from regions what have undergone hallstattization. The new ceramics and technology of its manufacture, new receptions of metal working have been introduced here, including, as well as in Dniester, iron manufacture. Partial emigration, gradual infiltration and moving, i.e. «creeping» expansion or «a resettlement wave» from the West took place.

The Timber Grave, Tzcienc-Komarow, Noua, Sabatinovka Cultures have not neither space, nor time in the considered period. Their remains should not be perceived as their simple mechanical continuation. The Zhabotin Culture also isn't a mechanical continuation of the Belogradovka Culture. The latest has absolutely other combination of the native and outsiders components, two of which, the Malye Budki-Bondarikha (northeastern one), the Post-Timber Grave and Post-Andron (eastern one), completely are absent, and western component has sources not in the Early- and Middle Hallstatt World. Penetration of bearers of

the Basarab-Soldanesht traditions into Middle Dnieper region corresponds with a finishing stage of hallstattization process.

The western influences also are presented in the Seversky Donets and North-Eastern Azov areas, but they less expressed there. The northeastern and eastern components overlapped the Timber-Grave component-background over the forest-steppe zone, but only eastern component was presented over the steppe zone on the same background. According with such combination of components the Post-Timber Grave entity of the steppe zone are identical to the Otradnoe Culture of the Lower Don area and Ivanovka Culture of the the Volga region.

There were not hill-forts in the Middle Dnieper region during the Middle and Late Bronze Age. According to M.T. Kashuba their occurrence in the Dniester-Siret interfluvium was connected with migration of bearers of the Kozia-Saharna Culture there, which in thus way consolidated on new territories. One might see that in such palimpsest and symbiosis which is seen on the Middle Dnieper region in general and on the Subotov hill-fort in particular, and in North Black Sea and Seversk Donets areas just early-hallstattian «know how» provided the building of the defensive structures.

Kartal II hill-fort, by I.V. Brujako's definition, had status of the «Danubian lock» in the lower reach of Danube, its inhabitants controlled traditional ways through Danube. Dikiy Sad hill-fort in Nikolaev situated in confluence of Southern Bug and Ingul river and Reprinka in confluence of Ingulec and Dnieper every on their territory performed same function. The Subotov hill-fort represents itself as «Tyasmin-Subot lock». All of them represented the regional cultural, trading and political centres, though also obviously of the different rank.

The Early Hallstatt pottery in Asia Minor, in Troy VIIb, on the Middle Dnieper region and on the sites of the Belozherka Culture of the Northern Black Sea area demonstrates what great value was attached to the centres of the trade of that time, amazingly active participation and interest to them, first of all, among population of the Carpathian-Dunabian area and the North Balkan peninsula.

It is impossible to exclude this interest was one of the main stimulus of hallstattization process. This process has been subordinated to aspiration to supervise not only such centres-recipients, as Troy, but also some kind of local troys, located on territories from which subjects and trade and exchange products

were delivered. The Subotov hill-fort was a local Troy also.

Being settled on central points of ways of trade and an exchange of that time, inhabitants of hill-forts provided stable functioning of these ways. Thus, in the cultural-historical aspect the existence of hill-forts reflects not only the increased militarization, but also the big degree of commercialisation of the society of the transition period.

Distribution of the eastern traditions coincides with functioning allocated D. Kushtan the Transeurasian «tin» way or with lines of the future Great silk way on which already during the Late Bronze Age, as E.E. Kuzmina considered, caravan trade was carried. It is enough obvious an involvement the population of the Upper and Middle Volga region to this network of communications too.

Transformation of cultures of the Late Bronze Age has coincided with the climatic changes, increasing aridization. In forest-steppe it has begun a bit later, than in steppe, and lasted longer, stimulating everywhere the radical reorganisation of the economic way.

There was a transition to the mobile cattle breeding, and then to nomadism. Social differentiation developed. The new social elite was formed in which residents from the Carpatian-Danube and Dniester area considerable role played in the hallstattization zone.

The Early Hallstatt sites have chronological reference points in Aegean and Asia Minor (Athens, Kastanas, Troy, etc.; tab. 44). Accordingly, the western elements from the Subotov hill-fort which combined with eastern and northeastern ones, open the new challenges for finding-out a chronology of cultures of forest-steppe and steppe zones from Dniestr and Dnieper up to the Volga region, the Central Kazakhstan, Southern Siberia, and, probably, and the south of the Central Asia.

An ethnocultural originality of the population of the Early Iron Age on the south of the Eastern Europe started its forming from the end of the Bronze Age. Multicomponent character of cultures of the previous time predetermines same character (and multiethnic character) of the nomadic Chernogorovka Culture identified with historical Cimmerians.

РИСУНКИ

А. ПЛАНЫ, ЧЕРТЕЖИ, ФОТО

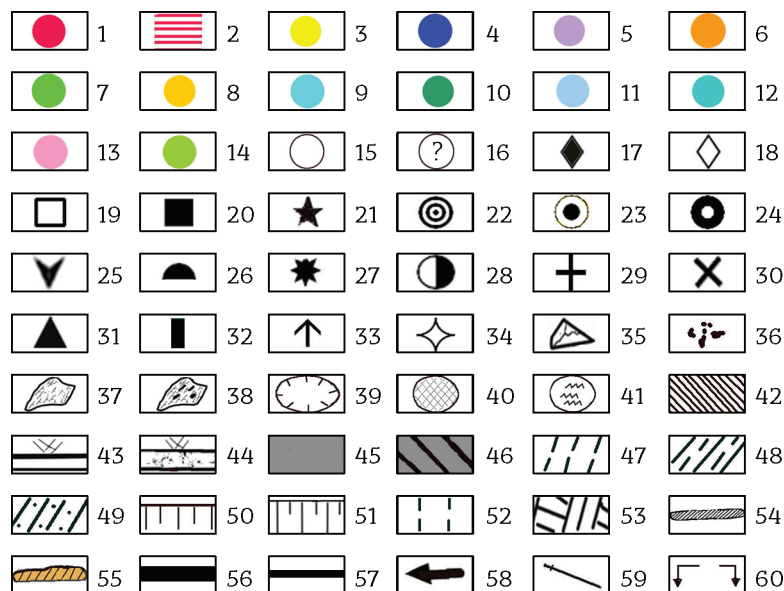

Рис. А1. Условные обозначения на рисунках / чертежах раскопов и жилищ

Fig. A1. Legend for drawings of trenches and dwellings

1 – очаги и предочажные ямы (на планах раскопов и реконструируемых схемах жилищ); 2 – скопления обожженной глины; 3–16 – ямы разных типов (3 – IB; 4 – IC; 5 – ID; 6 – IIA; 7 – IIB; 8 – IIC; 9 – IID; 10 – IIIA; 11 – IIIB; 12 – IIIC; 13 – IVB; 14 – IVC; 15 – IVD; 16 – тип не установлен); 17 – скопление металлических предметов; 18 – бронзовые изделия; 19 – сосуды или их крупные фрагменты; 20 – глиняные фигурки; 21 – мелкие глиняные изделия; 22 – фрагменты глиняных литейных форм; 23 – глиняные вкладыши в литейные формы; 24 – каменные литейные формы; 25 – глиняные воронки; 26 – глиняные льячки и тигли; 27 – железные изделия; 28 – камни; 29 – кремневые изделия; 30 – отдельные кости человека; 31 – изделия из кости и рога; 32 – псалии; 33 – наконечники стрел; 34 – раковины; 35 – необработанные камни (в жилищах и в разрезе вала Малого Городка); 36 – древесный уголь; 37 – кусок дерева; 38 – кусок горелого дерева; 39 – пологие углубления в полу жилищ («рабочие места»); 40 – очаги (на плане жилищ и раскопов); 41 – углубление или яма с золой; 42 – уплотненные участки пола (трамбовка?); 43 – пахотный слой; 44 – перемешанный грунт из отвала раскопок А.И. Тереножкина; 45 – лессовидный светло-серый неуплотненный («пепельный») грунт; 46 – лессовидный темно-серый («пепельный») грунт (в пределах замкнутых пространств котлованов жилищ и ям); 47 – светло-серый суглинистый грунт; 48 – белая глина; 49 – зеленая глина; 50 – погребенная почва с видимой линией древнего горизонта; 51 – погребенная почва без четко видимой (скрытой?) линией древнего горизонта; 52 – переход от культурного слоя к материковому суглинистому лессу; 53 – материковый лессовидный суглинок; 54 – глинистые прослойки; 55 – глинобитное возвышение; 56 – реконструируемый контур каркаса жилища (сплошная линия – между прослеженными столбовыми ямами; пунктирная – в предполагаемых местах); 57 – реконструируемый контур перегородок внутри жилищ; 58 – место входа / спуска в жилище; 59 – место обнаружения меча; 60 – границы разрезов (на общих планах)

1 – hearths and pits in front of hearths (on plans of trenches and on reconstructed schemes of dwellings); 2 – accumulation of the burnt clay; 3-16 – pits of different types (3 – IB; 4 – IC; 5 – ID; 6 – IIA; 7 – IIB; 8 – IIC; 9 – IID; 10 – IIIA; 11 – IIIB; 12 – IIIC; 13 – IVB; 14 – IVC; 15 – IVD; 16 – the type is not established); 17 – accumulation of metal items; 18 – bronze items; 19 – vessels or their large fragments; 20 – clay figures; 21 – small clay items; 22 – fragments of clay casting moulds; 23 – clay insert in casting moulds; 24 – stone casting moulds; 25 – clay funnels; 26 – clay crucibles; 27 – iron items; 28 – stones; 29 – flint items; 30 – detached bones of the person; 31 – bone and horn items; 32 – cheek-pieces; 33 – arrow heads; 34 – shells; 35 – raw stones (in dwellings and in the section of rampart of Maliy Gorodok); 36 – charcoal; 37 – tree piece of tree; 38 – a piece of burnt tree; 39 – flat hollow in a floor of dwellings («workplaces»); 40 – hearths (on the plan of dwellings and trenches); 41 – hollow or pit with ashes; 42 – compacted sites of a floor (ramming?); 43 – arable layer; 44 – the mixed ground from excavation of A.I. Terenozhkina; 45 – light-grey loess uncondensed («ash» or «cinder»); 46 – dark-grey loess («ash» or «cinder») inside of exclusive spaces of foundation ditches of dwellings and pits; 47 – a light-grey loamy ground; 48 – white clay; 49 – green clay; 50 – buried soil with a visible line of ancient horizon; 51 – buried soil without accurately visible ancient horizon; 52 – transition from cultural layer to virgin loess loamy loess; 53 – virgin loess loam; 54 – clay layers; 55 – a pise-walled eminence; 56 – reconstructed contour of a skeleton of dwellings (a continuous line – between tracked pits for pillars; dotted – in prospective places); 57 – a reconstructed contour of partitions in dwellings; 58 – an input / descent place in dwelling; 59 – a place of location of a sword; 60 – borders of sections (on general plans)

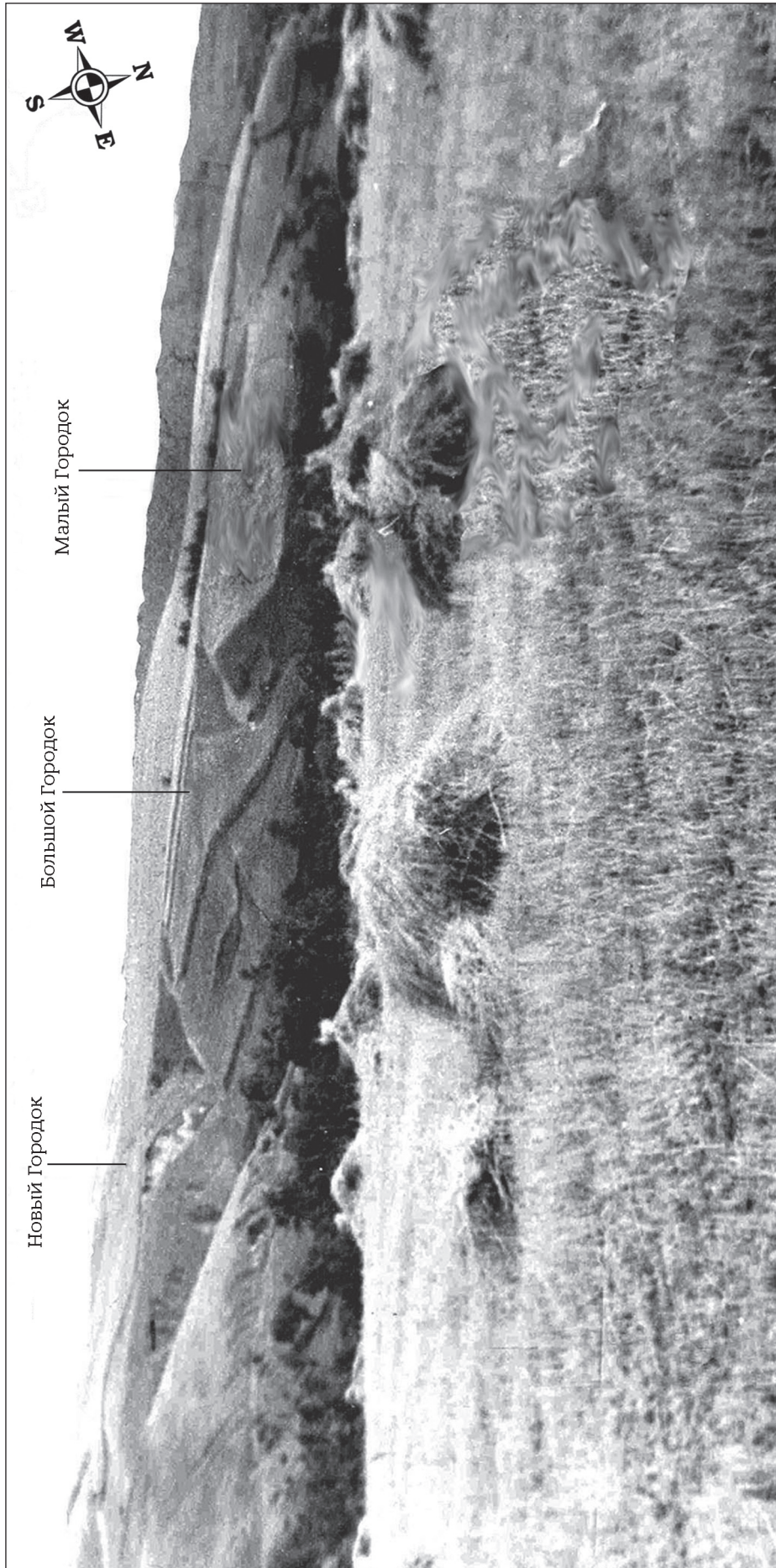

Рис. А2. Вид на Суботовское городище с северо-востока (фото А.И. Тереножкина, 1955 г.)
Fig. A2. The Subotov hill-fort, view from the northeast

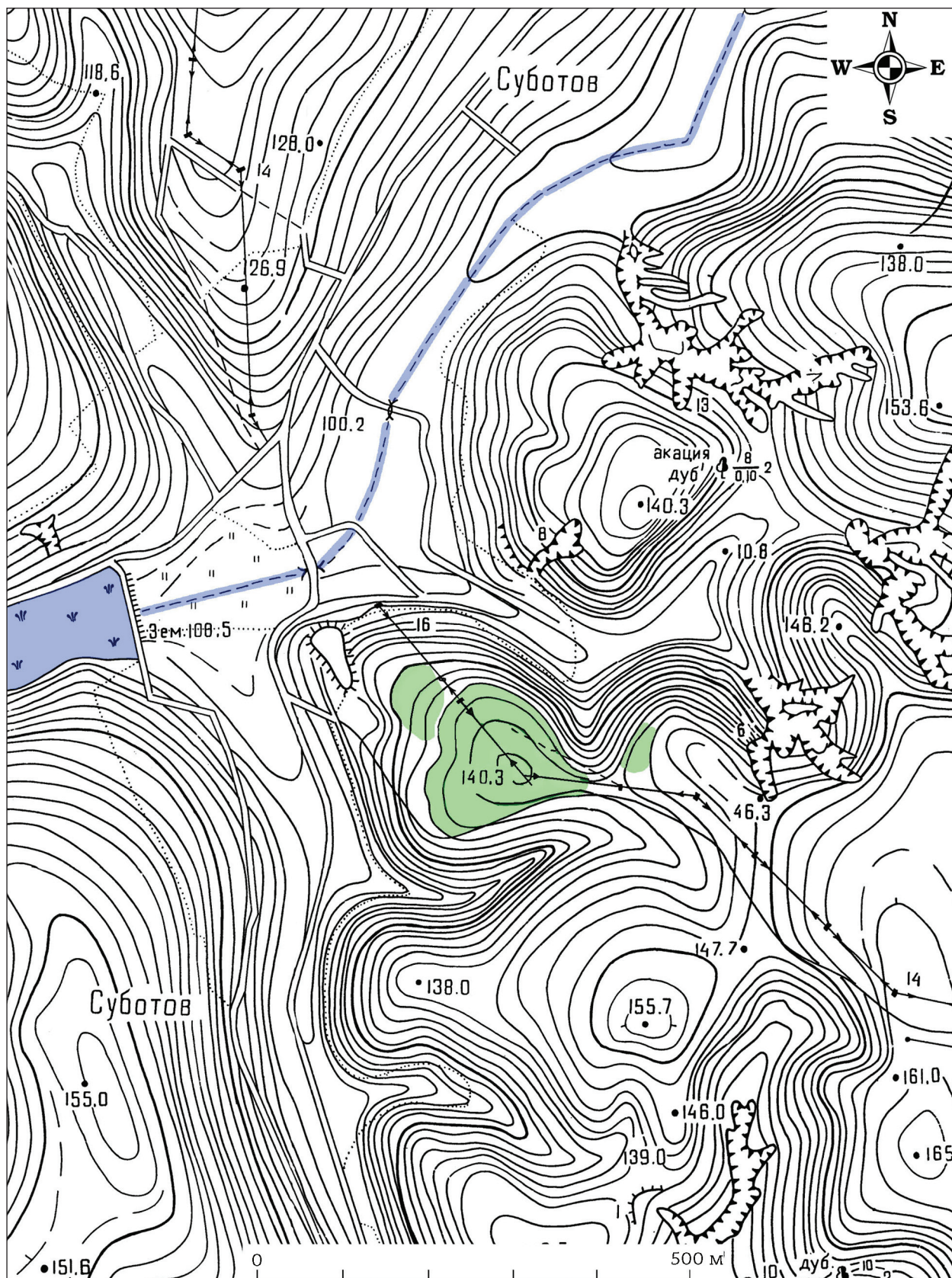

Рис. А3. План местности в районе с. Суботов, где расположено городище (инструментальная съемка 1995 г.)

Fig. A3. Site plan of the modern Subotov village area where the hill-fort is situated

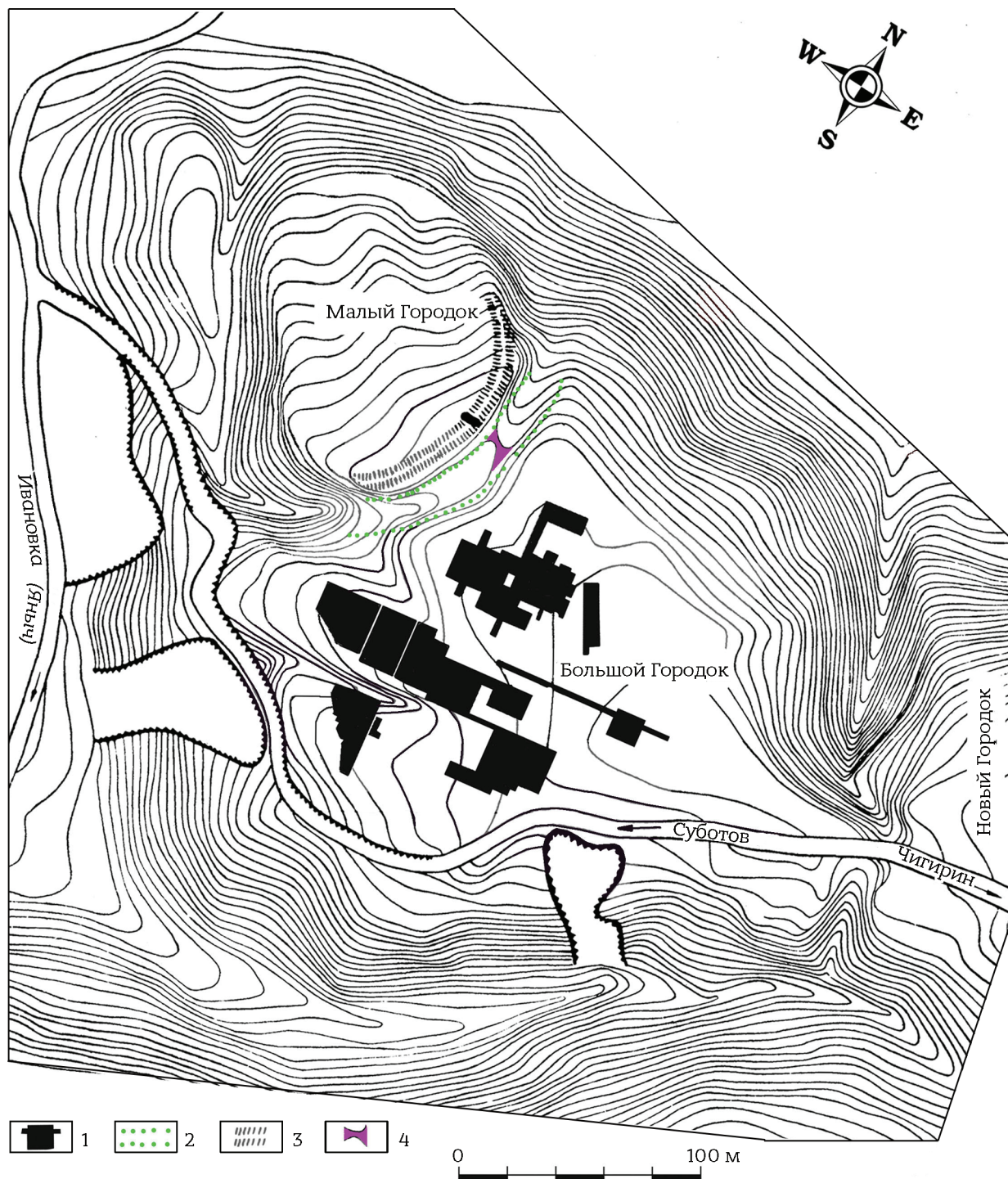

Рис. А4. Участки Суботовского городища и раскопы 1951, 1955, 1971 и 1994–1995 гг. на топооснове 1961 г. (топооснова по: Тереножкин, 1961: рис. 11)

Fig. A4. Parts of the Subotov hill-fort and trenches of the 1951, 1955, 1971, 1994–1995 on the topographical plan of the 1961

Условные обозначения: 1 – раскопы, шурфы и траншеи; 2 – ров; 3 – вал; 4 – проход в перемычке между Малым и Большим Городками

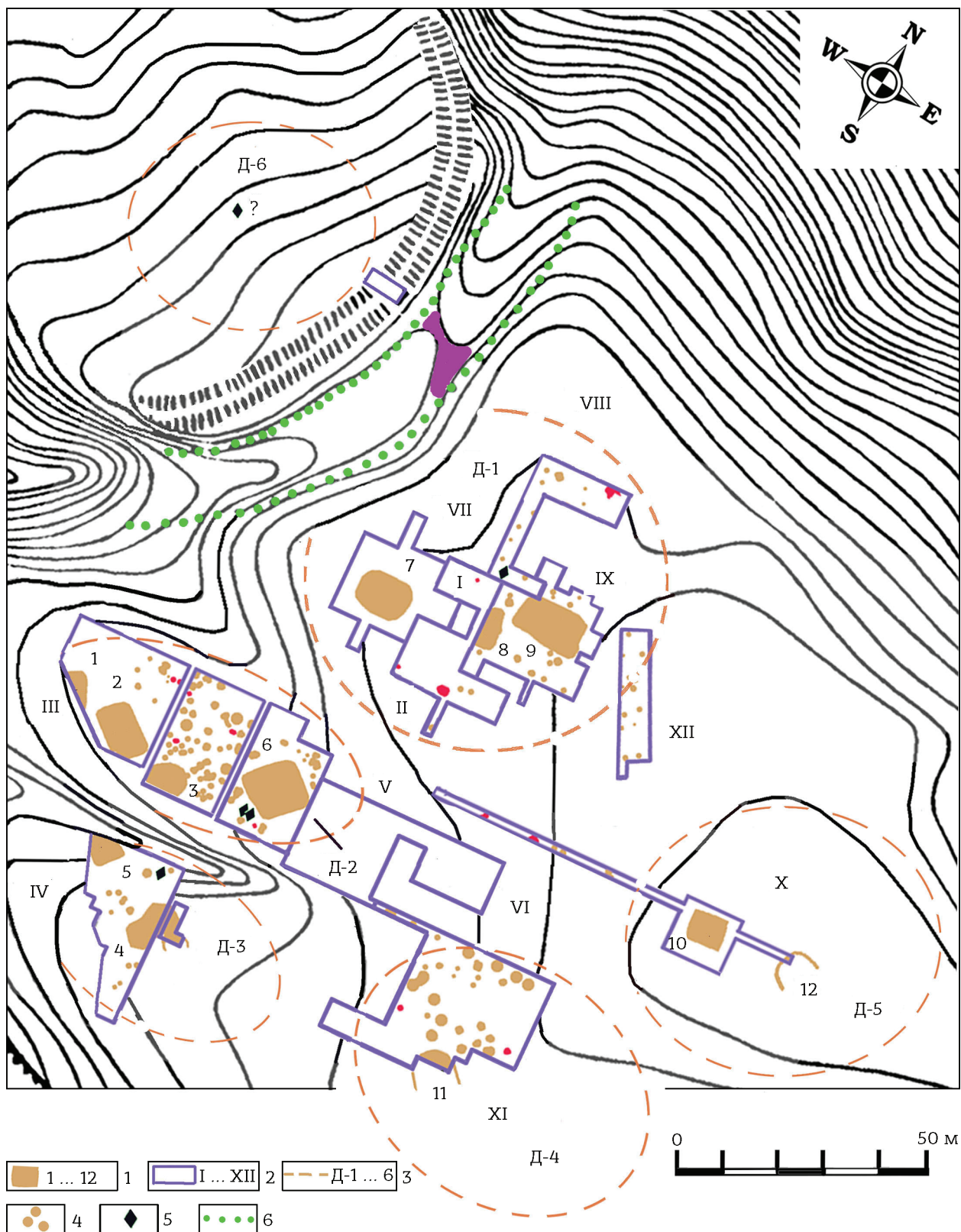

Рис. А5. Юго-восточная оконечность Малого Городка и Большой Городок

Fig. A5. Southeast edge of Malyy Gorodok and Bolshoi Gorodok

Условные обозначения: 1 – жилища и их номер; 2 – контуры раскопов и их номер; 3 – домохозяйства и их номер; 4 – ямы вне жилищ; 5 – клады; 6 – контур рва

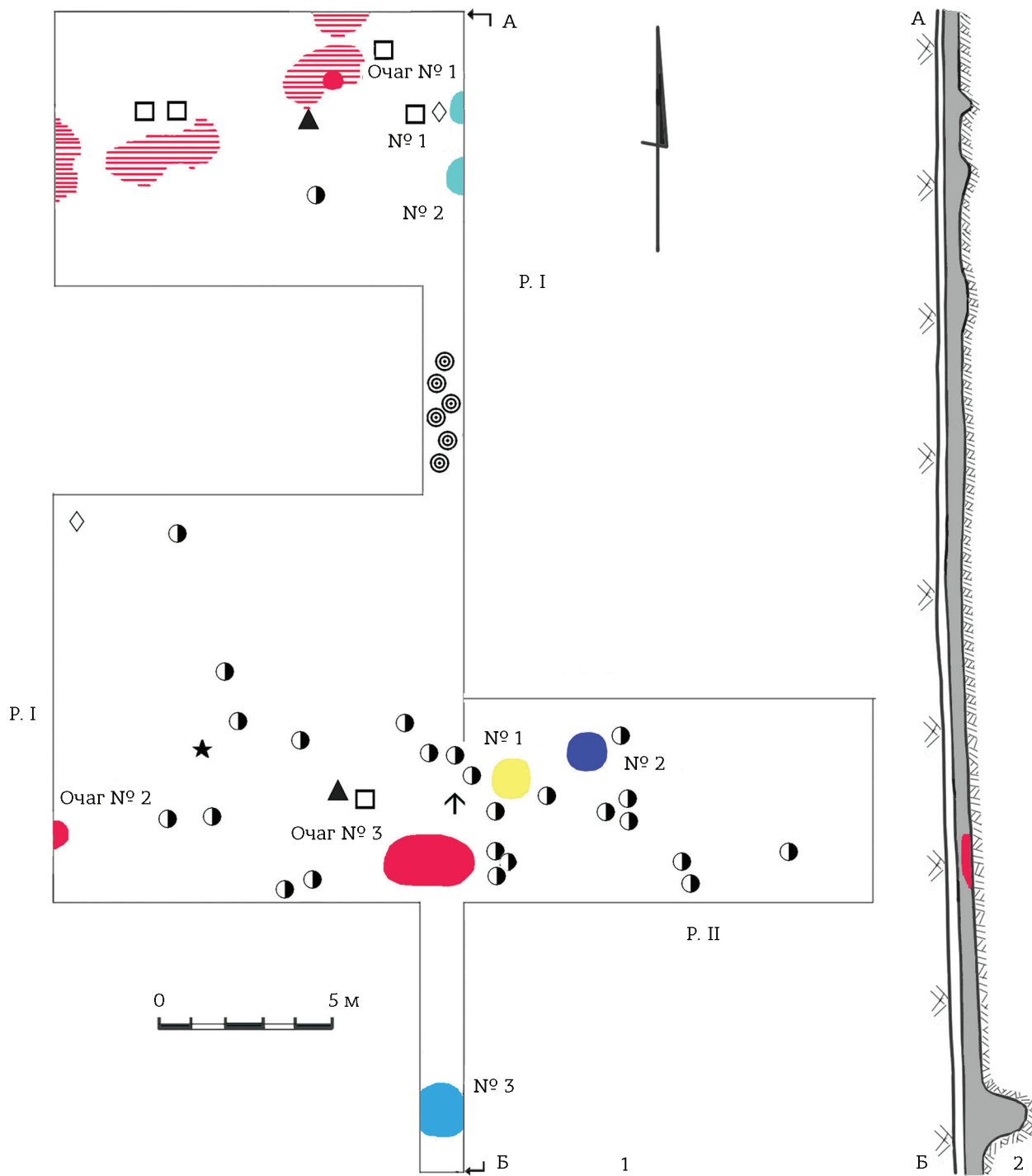

Рис. А6. Большой Городок, раскопы I и II

Fig. A6. Bolshoi Gorodok, trenches I and II

1 – план; 2 – разрез (здесь и далее см. условные обозначения на рис. А1)

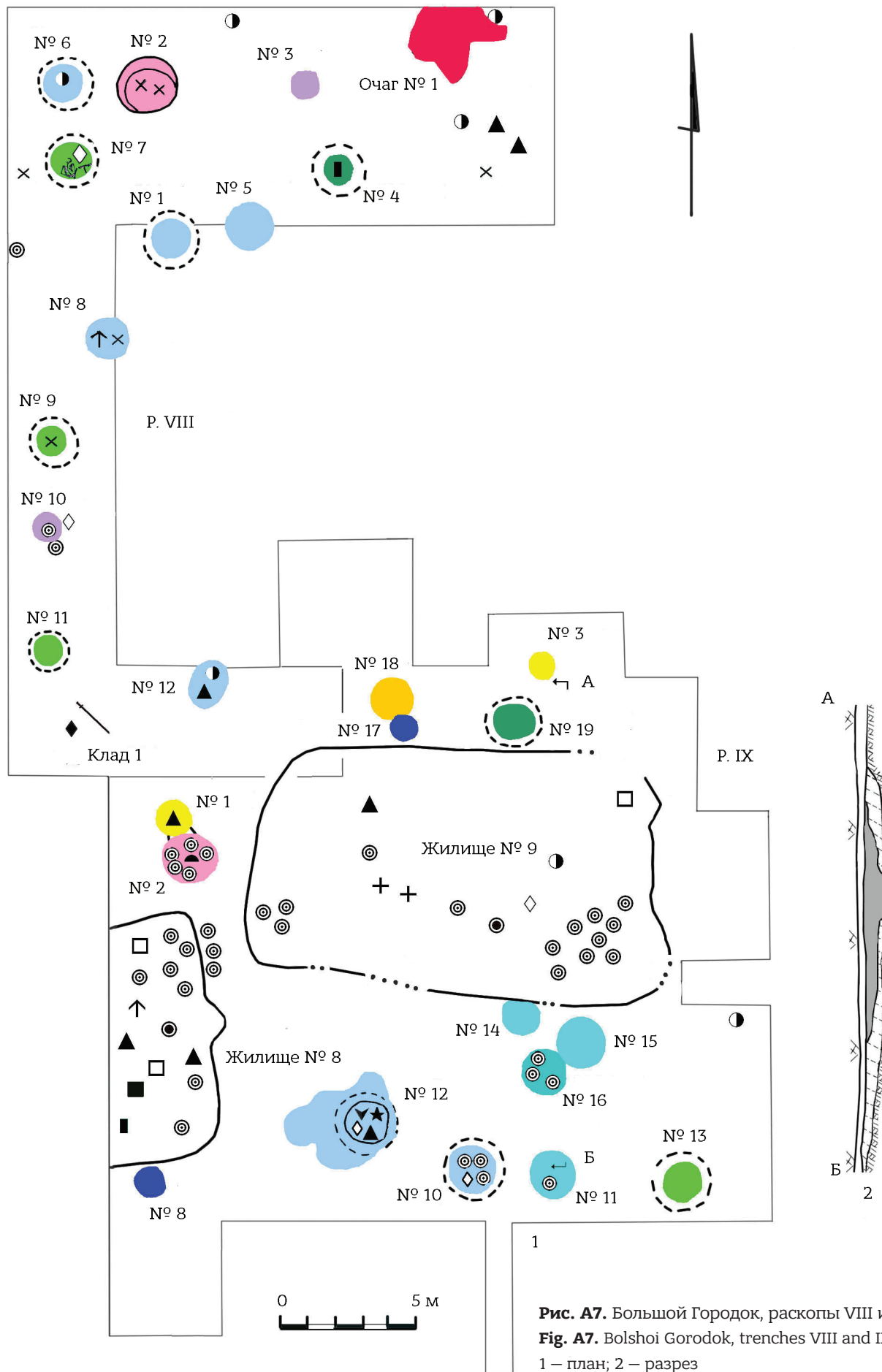

Рис. А7. Большой Городок, раскопы VIII и IX
 Fig. A7. Bolshoi Gorodok, trenches VIII and IX
 1 – план; 2 – разрез

Рис. А8. Большой Городок, раскоп VIII

Fig. А8. Bolshoi Gorodok, trench VIII

1 – бедренные кости человека в яме № 2; 2 – погребение в яме № 7 (фото А.И. Тереножкина)

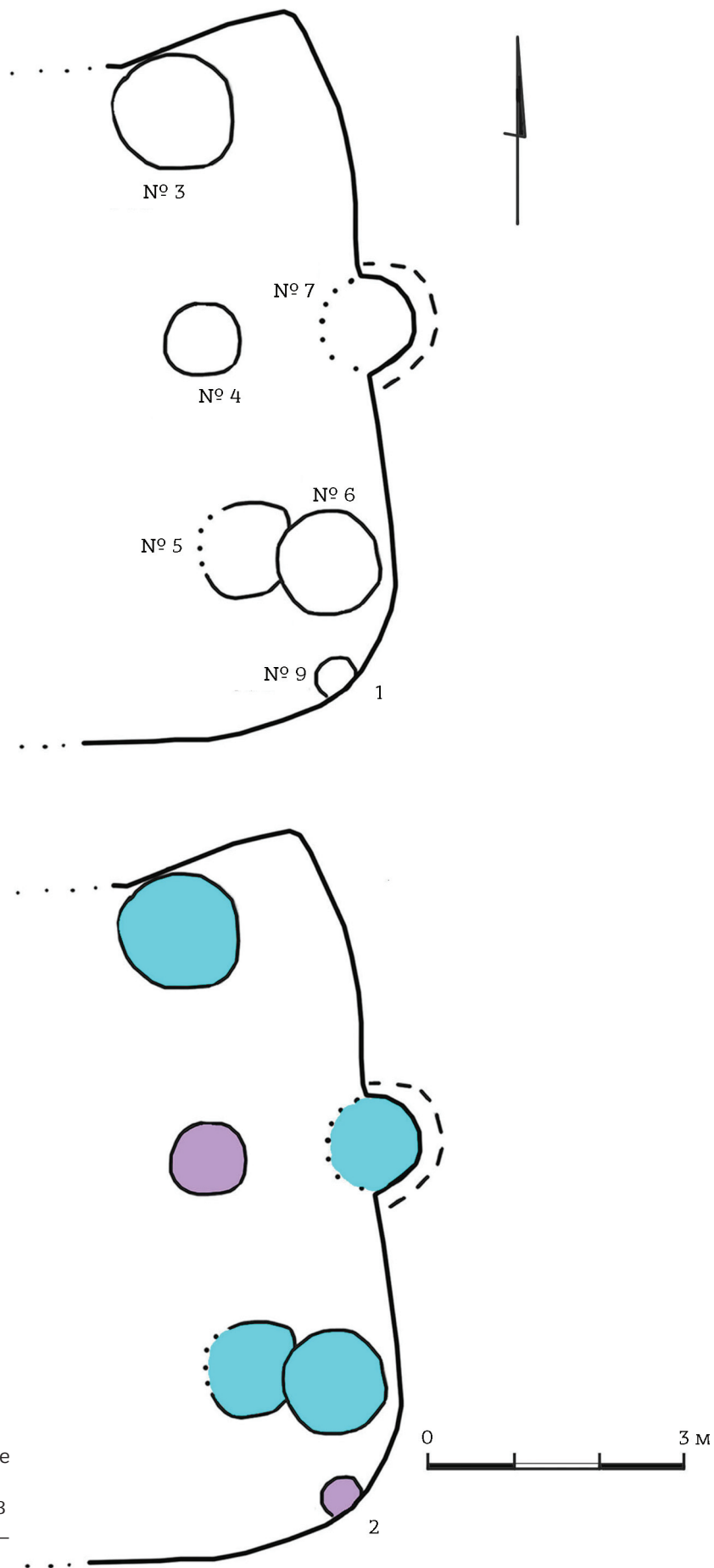

Рис. А9. Большой Городок, жилище № 8

Fig. А9. Bolshoi Gorodok, dwelling № 8
1 — план сохранившейся части; 2 —
типы ям в полу

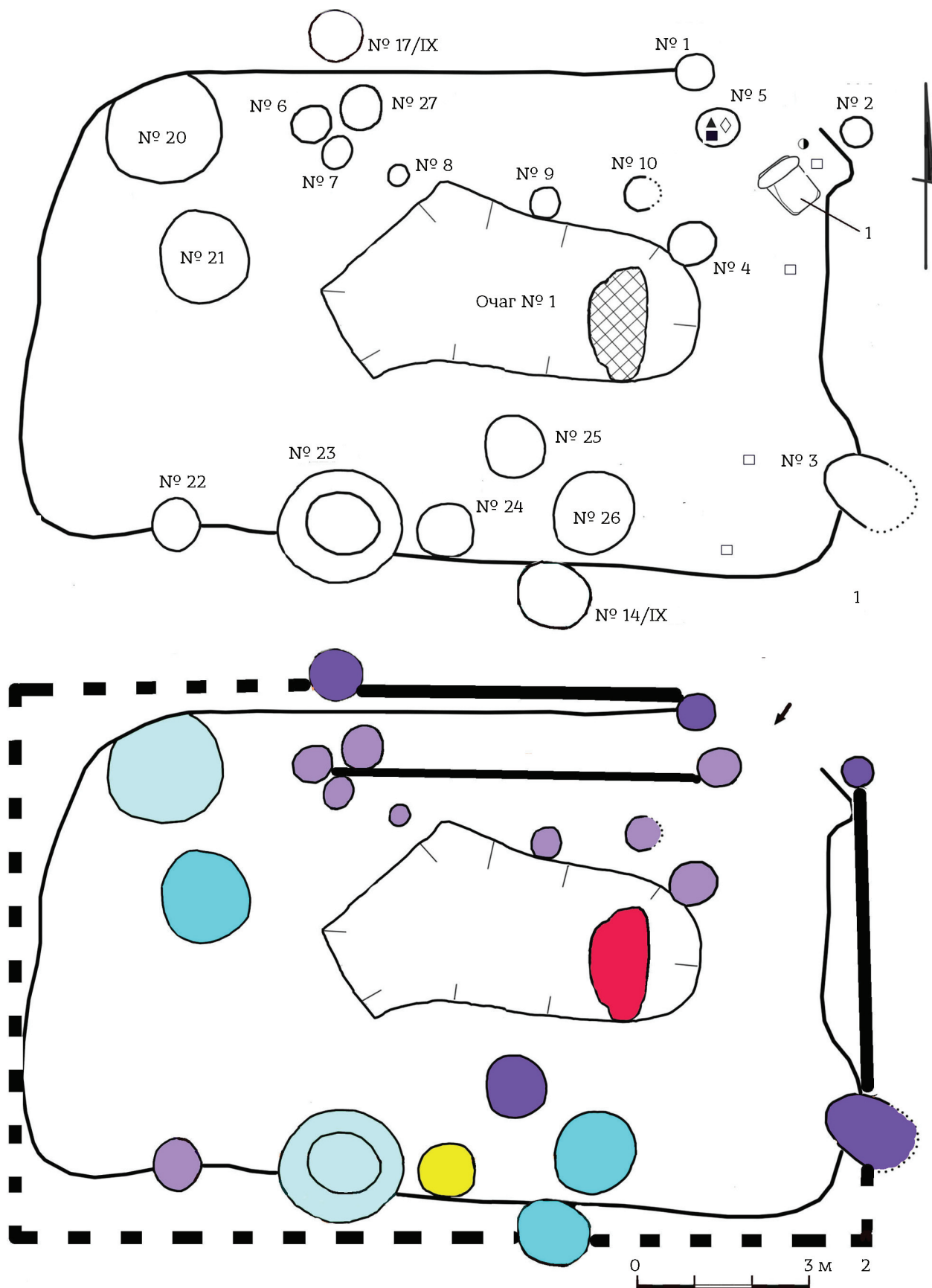

Рис. А10. Большой Городок, жилище № 9

Fig. A10. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9

1 – план (1 – зернотерка); 2 – предполагаемое размещение каркаса и перегородки (стрелкой обозначено возможное расположение входа)

Рис. А11. Большой Городок, раскоп VIII, клад № 1

Fig. A11. Bolshoi Gorodok, trench VIII, hoard № 1

1 – меч, наконечник ножен и браслеты; 2 – браслеты вблизи (фото А.И. Тереножкина)

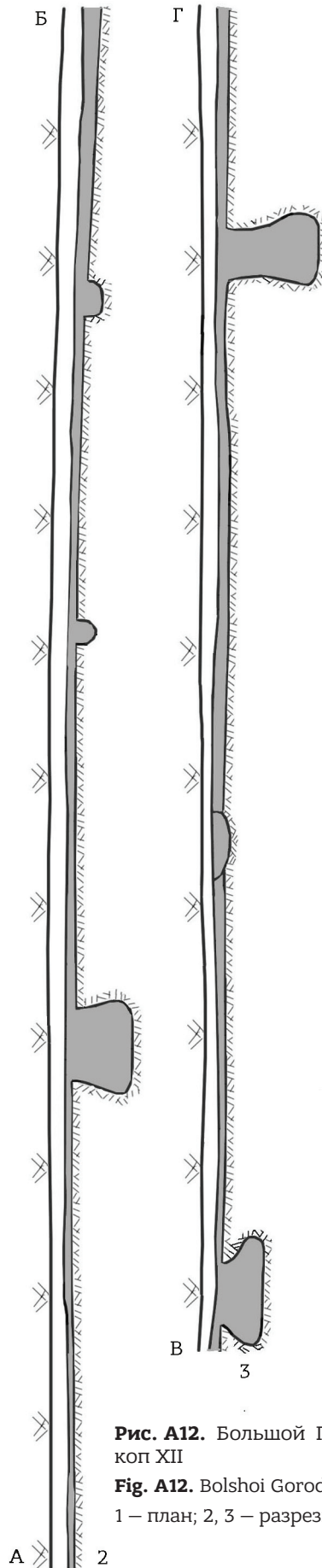
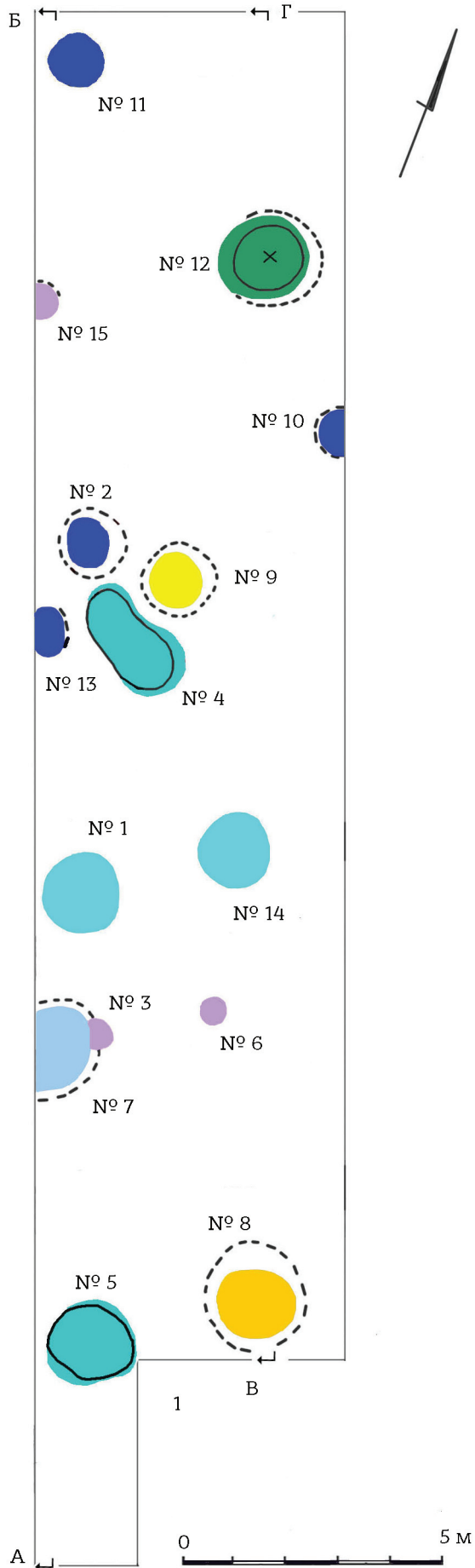

Рис. А12. Большой Городок, раскоп XII

Fig. A12. Bolshoi Gorodok, trench XII
1 – план; 2, 3 – разрезы

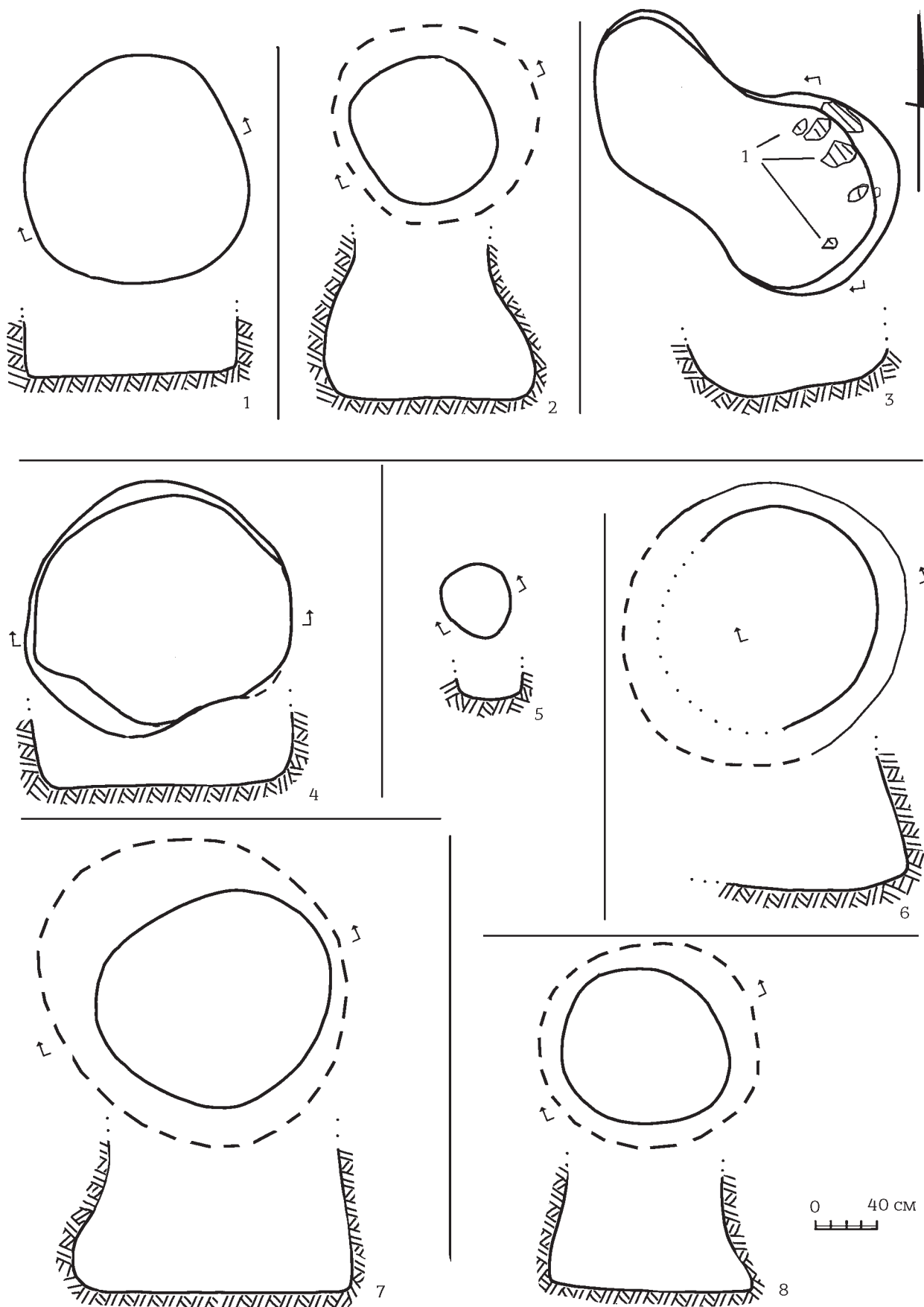

Рис. А13. Большой Городок, раскоп XII, план и разрез ям

Fig. A13. Bolshoi Gorodok, trench XII, plan and sections of pits

1, 2 – ямы № 1 и № 2; 3–8 – ямы № 4–9. Условные обозначения: 1 – обожженная глина

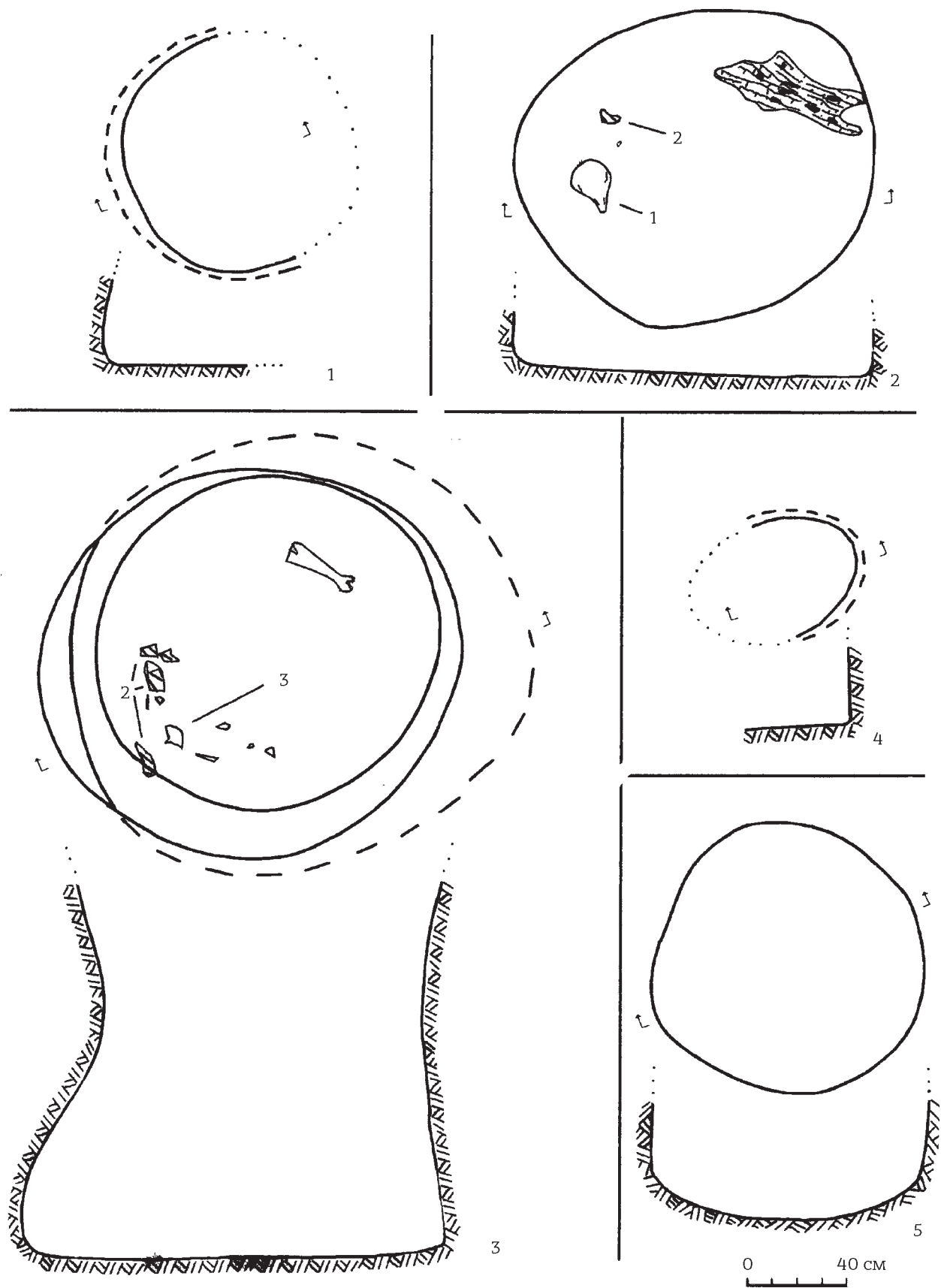

Рис. А14. Большой Городок, раскоп XII, план и разрез ям

Fig. A14. Bolshoi Gorodok, trench XII, plan and sections of pits

1 – яма № 10; 2 – яма № 14; 3 – яма № 12; 4 – яма № 15; 5 – яма № 11. Условные обозначения: 1 – череп быка, 2 – обожженная глина, 3 – черепная крышка человека

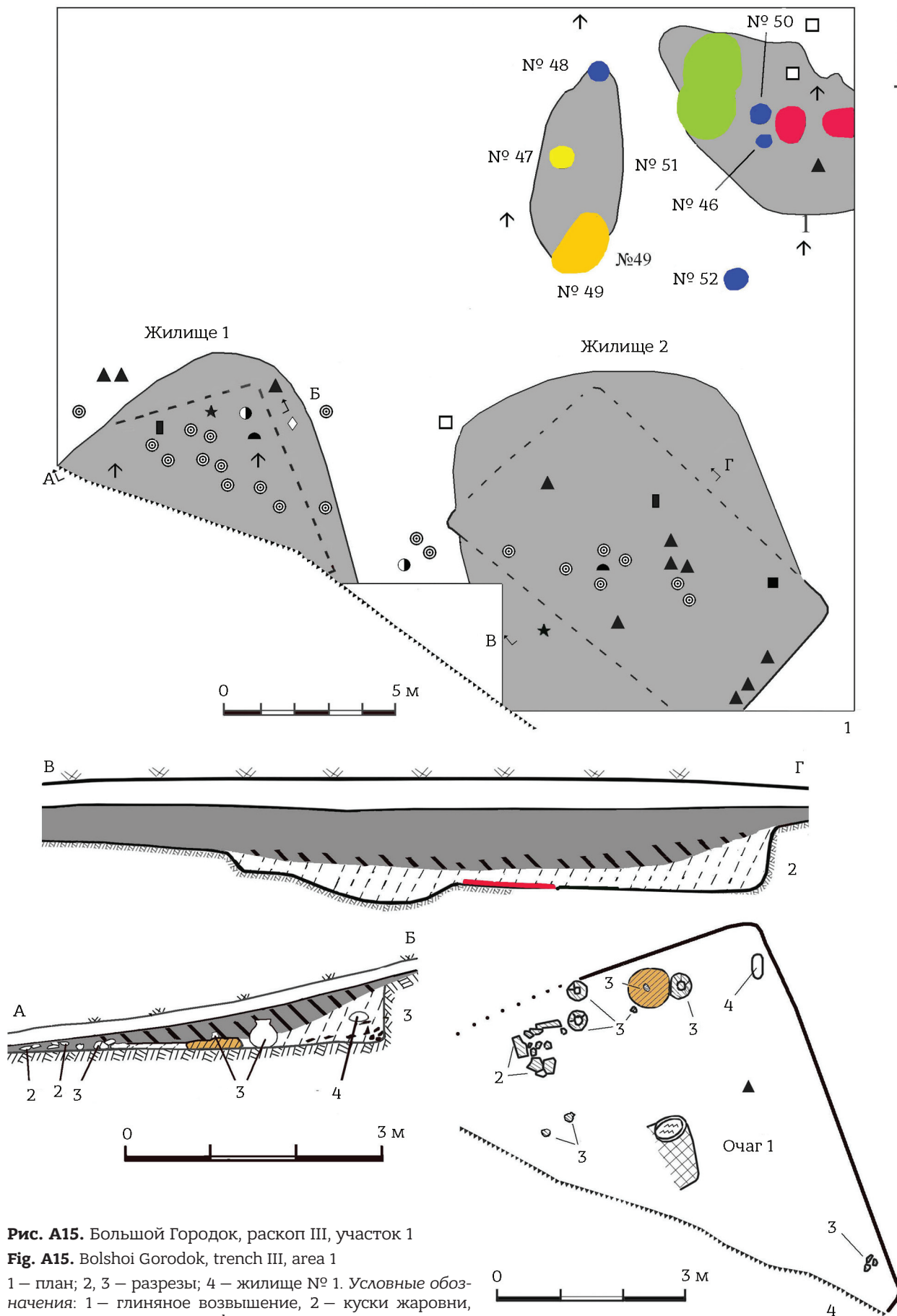

Рис. А15. Большой Городок, раскоп III, участок 1

Fig. A15. Bolshoi Gorodok, trench III, area 1

1 – план; 2, 3 – разрезы; 4 – жилище № 1. Условные обозначения: 1 – глиняное возвышение, 2 – куски жаровни, 3 – глиняные сосуды и их фрагменты, 4 – зернотерка

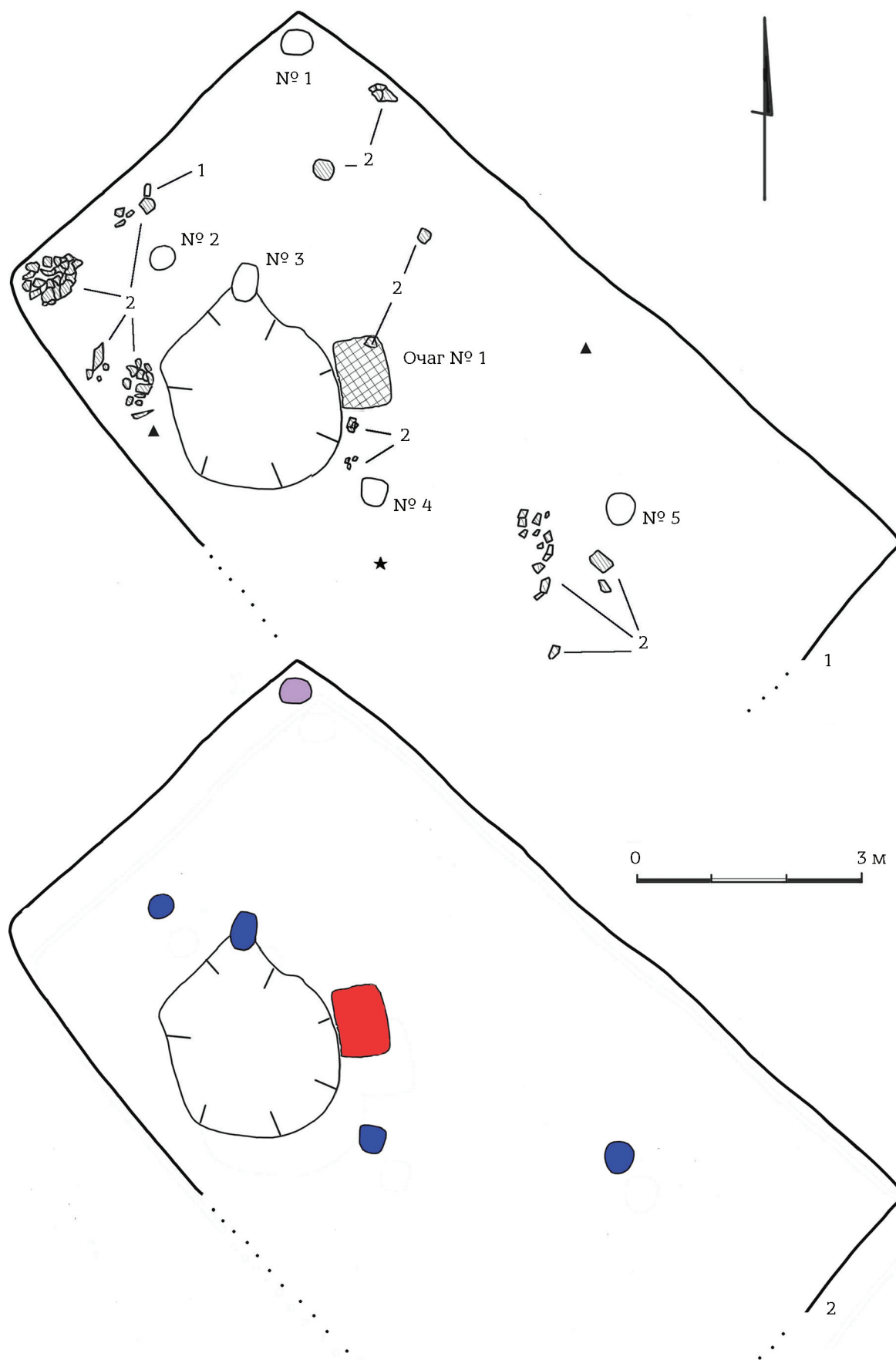

Рис. А16. Большой Городок, жилище № 2

Fig. A16. Bolshoi Gorodok, dwelling № 2

1 – план; 2 – ямы в полу жилища. Условные обозначения: 1 – зернотерка, 2 – глиняные сосуды

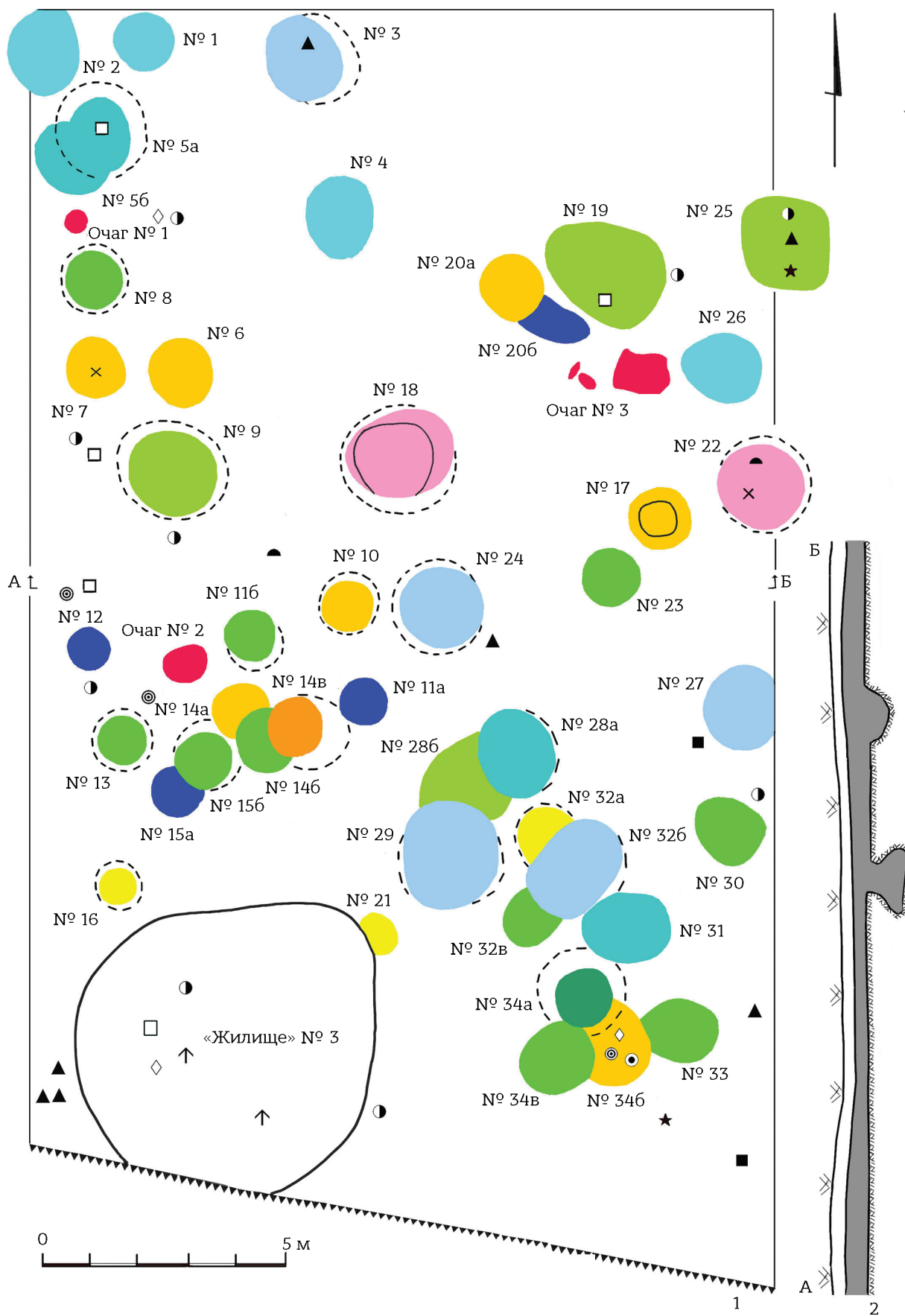

Рис. А17. Большой Городок, раскоп III, участок 2
Fig. A17. Bolshoi Gorodok, trench III, area 2
 1 – план; 2 – разрез

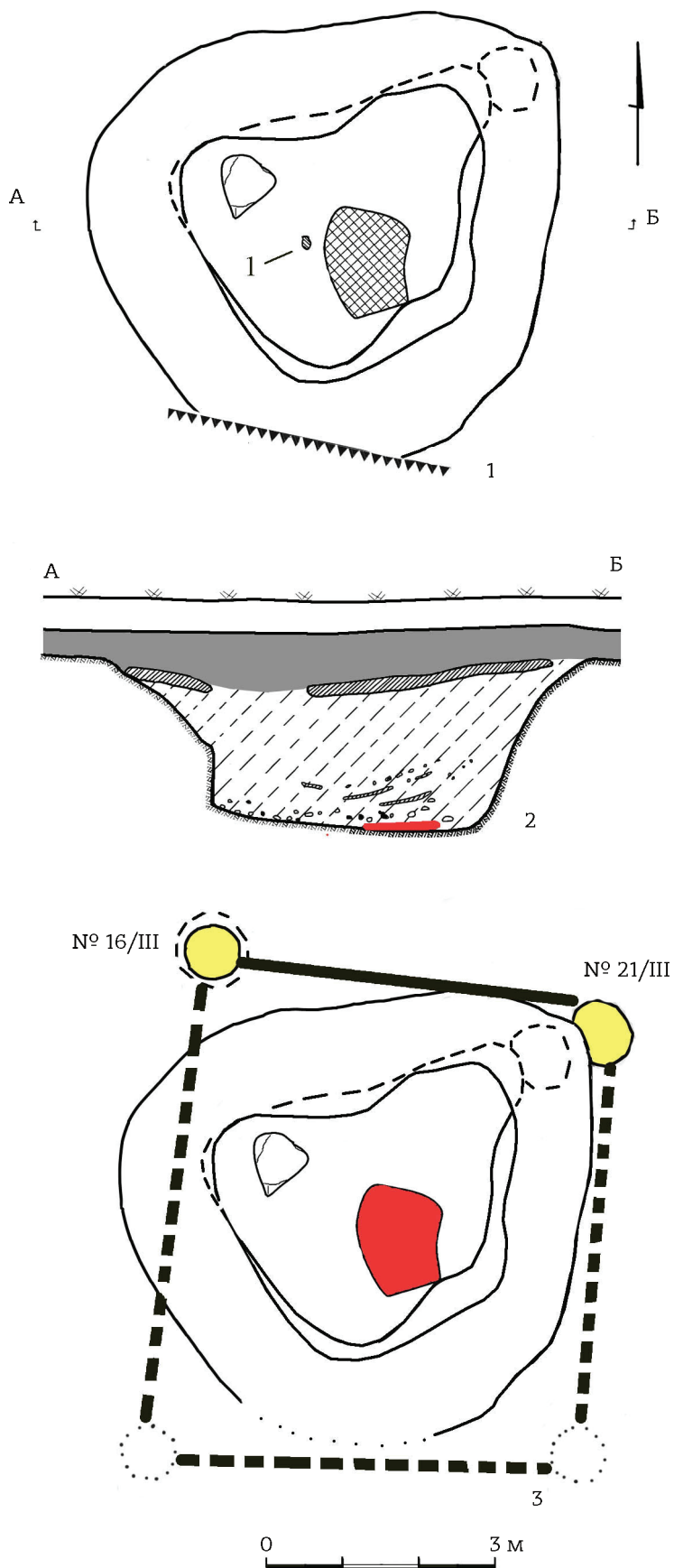

Рис. А18. Большой Городок, «жилище» № 3

Fig. A18. Bolshoi Gorodok, «dwelling» № 3

1 – план; 2 – разрез; 3 – предполагаемое размещение каркаса над котлованом. Условные обозначения: 1 – глиняный сосуд

Рис. А19. Большой Городок, раскоп III

Fig. A19. Bolshoi Gorodok, trench III

1 – «жилище» № 3, вид с северо-востока; 2 – клад № 2 (фото А.И. Тереножкина)

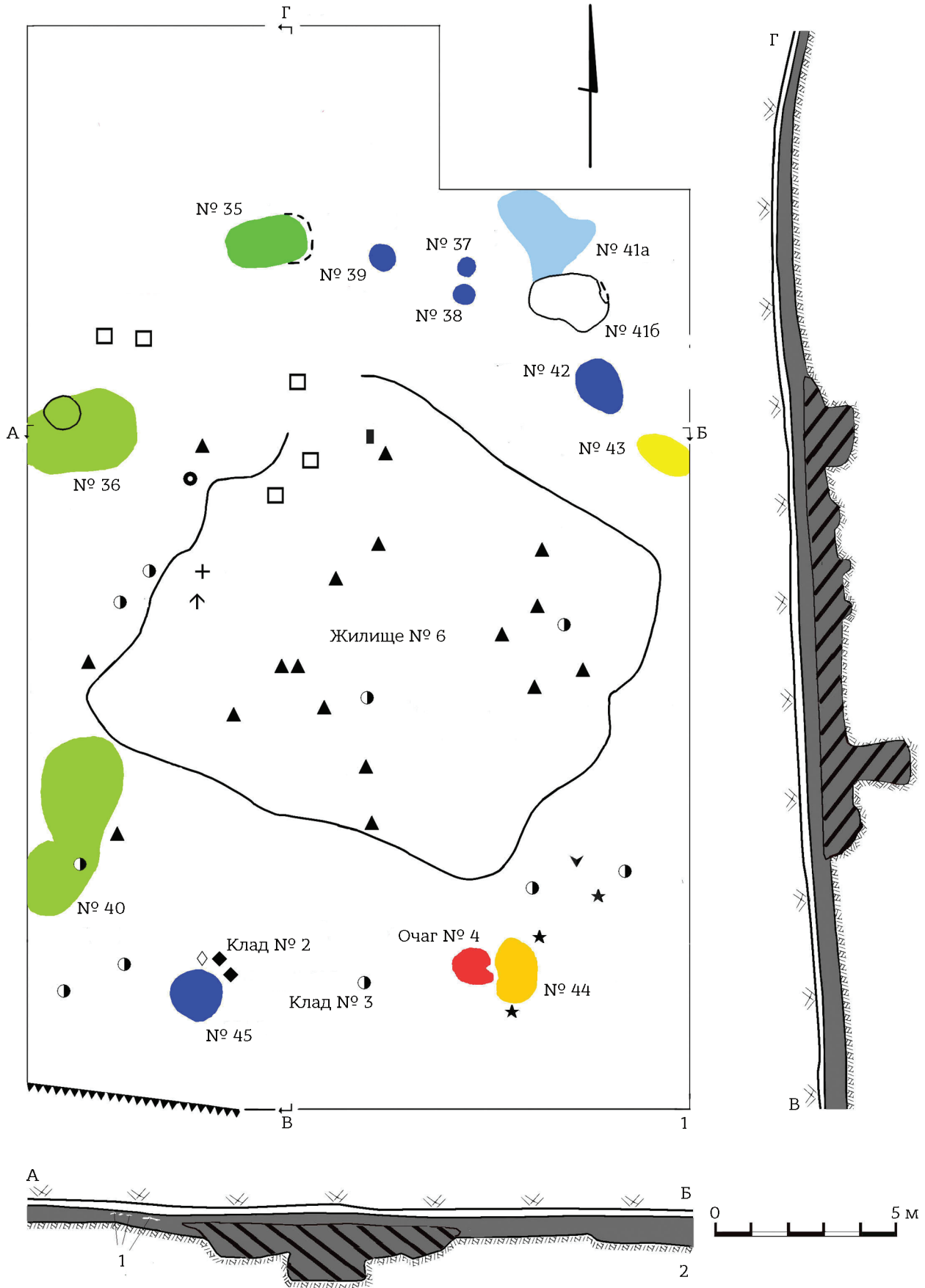

Рис. А20. Большой Городок, раскоп III, участок 3

Fig. A20. Bolshoi Gorodok, trench III, area 2

1 – план; 2, 3 – разрезы. Условные обозначения: 1 – глина с золой

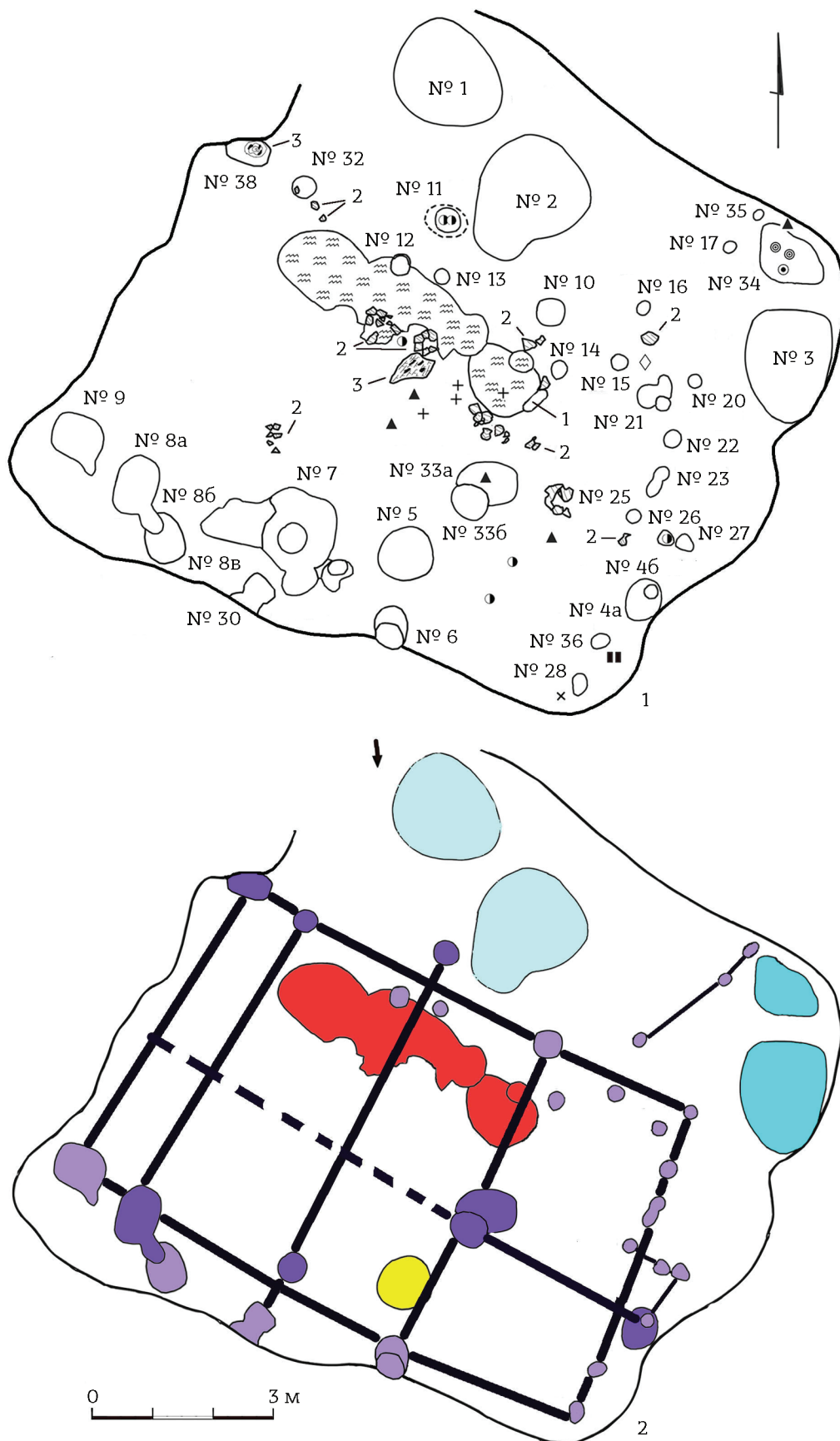

Рис. А21. Большой Городок, жилище № 6

Fig. А21. Bolshoi Gorodok, dwelling № 6

1 – план; 2 – предполагаемое расположение каркаса и перегородок. Условные обозначения: 1 – зернотерка, 2 – глиняные сосуды, 3 – горелое дерево

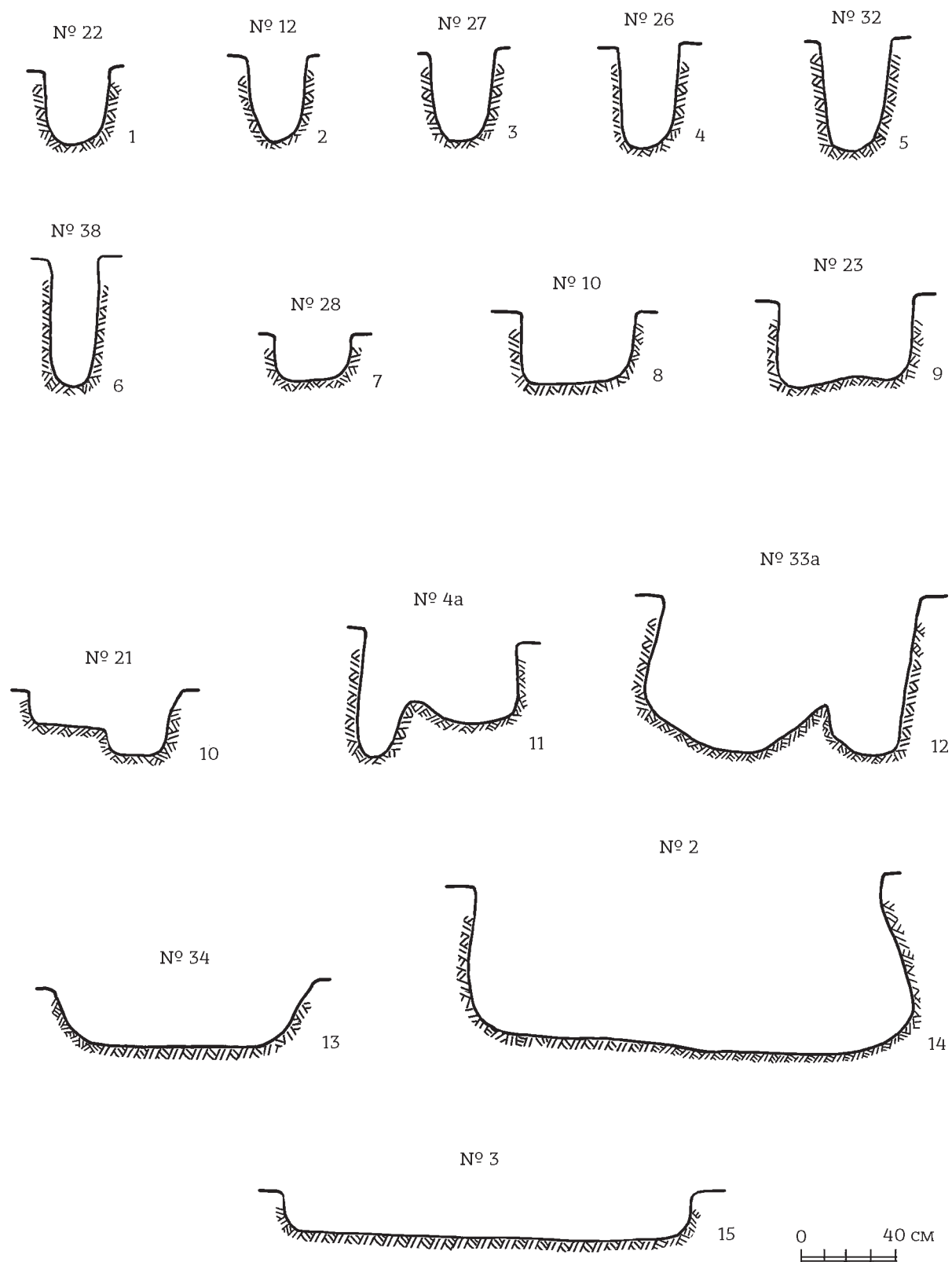

Рис. А22. Большой Городок, жилище № 6, разрез ям на полу
Fig. А22. Bolshoi Gorodok, dwelling № 6, section of floor pits

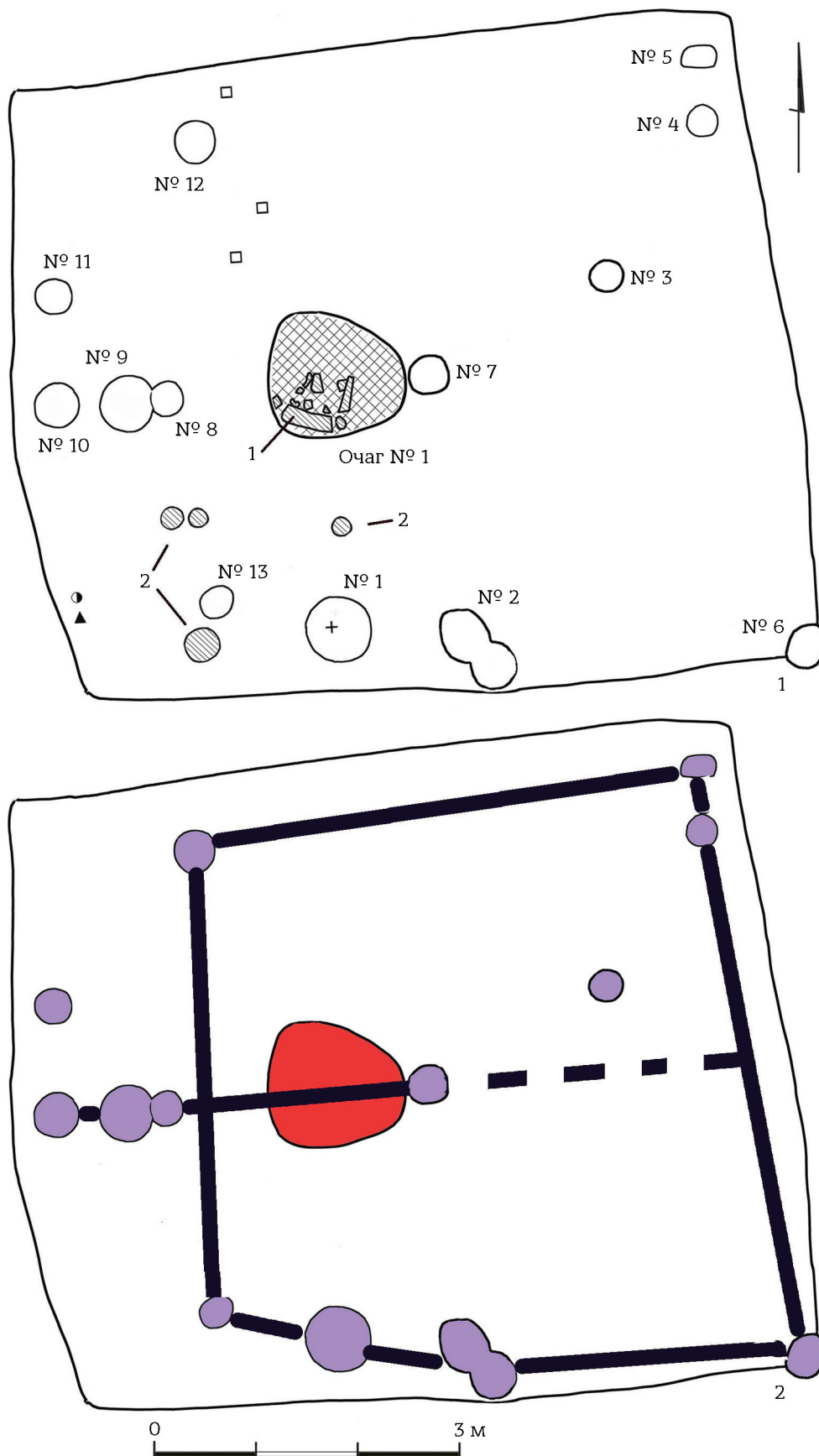

Рис. А23. Большой Городок, жилище № 10

Fig. A24. Bolshoi Gorodok, dwelling № 10

1 – план; 2 – предполагаемое размещение каркаса. Условные обозначения: 1 – куски глиняной жаровни, 2 – глиняные сосуды

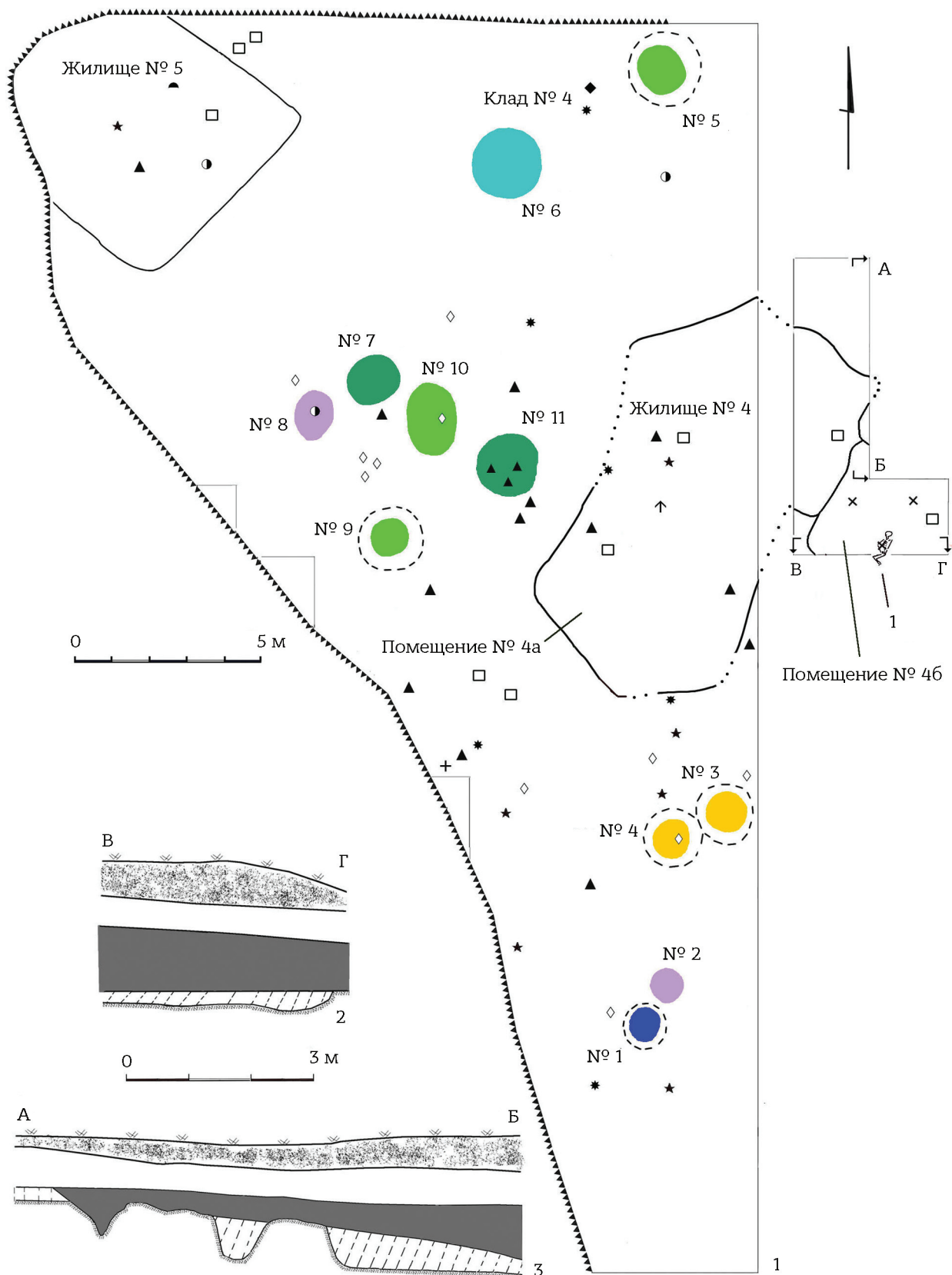

Рис. А24. Большой Городок, раскоп IV с прирезкой 1995 г.

Fig. A24. Bolshoi Gorodok, trench IV and additional part of the 1995

1 – план; 2, 3 – разрезы. Условные обозначения: 1 – погребение человека

Рис. А25. Большой Городок, жилище № 4, помещение № 4а

Fig. A25. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, room № 4а

1, 2 – вид с северо-востока (фото А,И. Тереножкина)

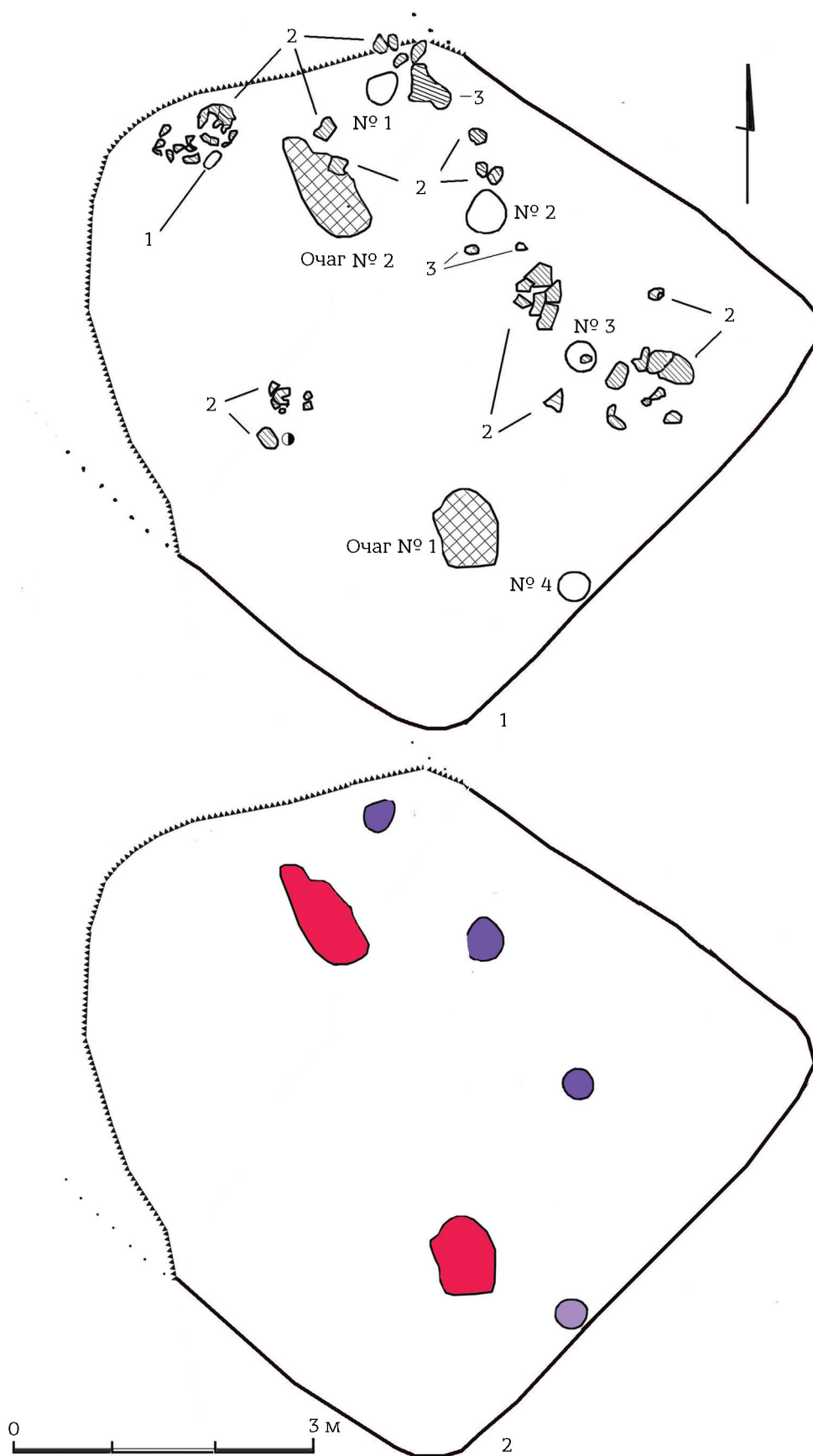

Рис. А26. Большой Городок, жилище № 5

Fig. A26. Bolshoi Gorodok, dwelling № 5

1 – план; 2 – ямы в полу и очаги. Условные обозначения: 1 – зернотерка, 2 – глиняные сосуды, 3 – обожженная глина

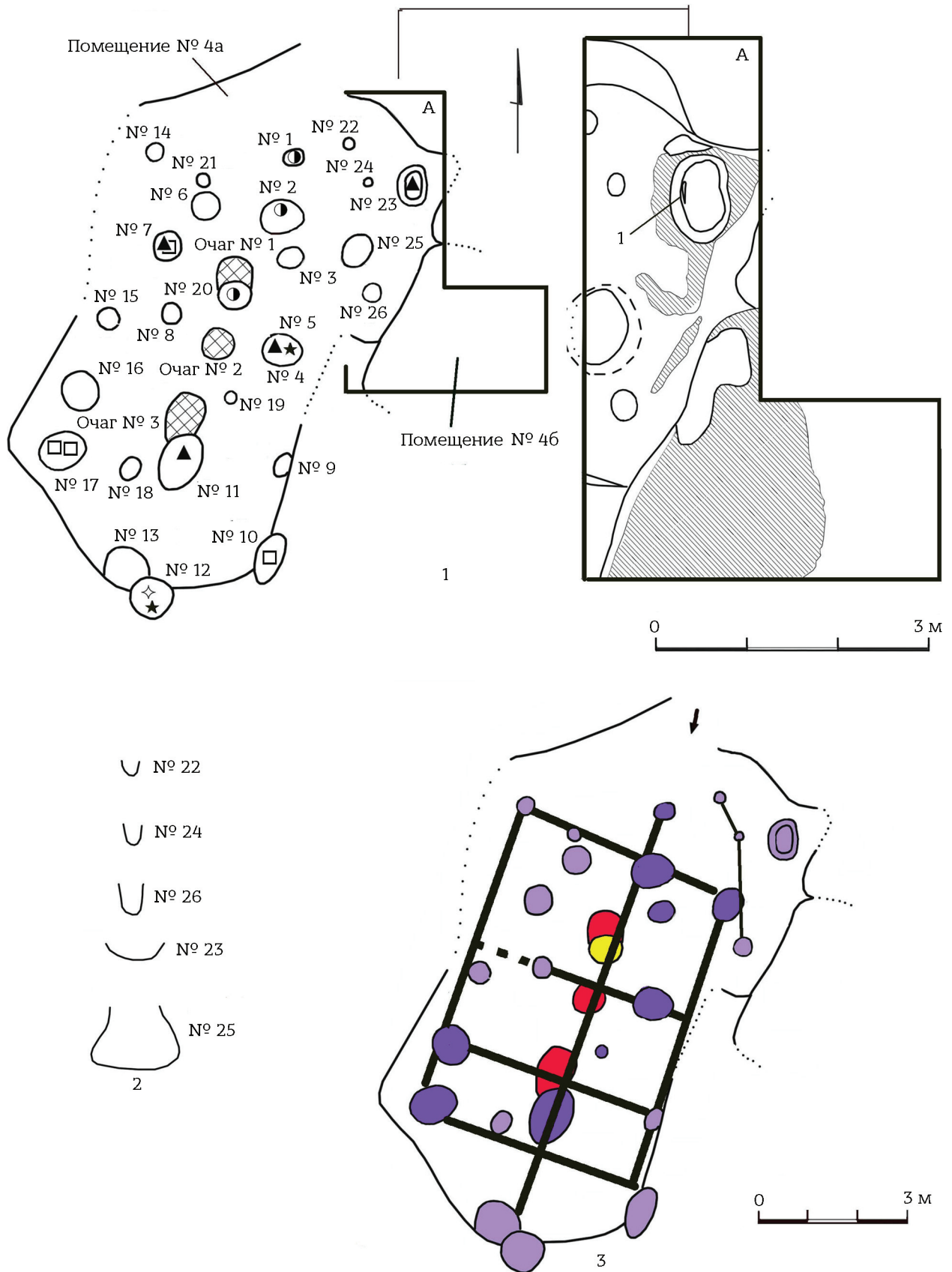

Рис. А27. Большой Городок, жилище № 4, помещение № 4а и частично раскопанное помещение № 4б

Fig. A27. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, room № 4а and partly excavated room № 4b

1 – план; 2 – разрез некоторых ям на полу помещения № 4а; 3 – предполагаемое размещение каркаса и перегородок в помещении № 4а. Условные обозначения: 1 – отросток рога оленя

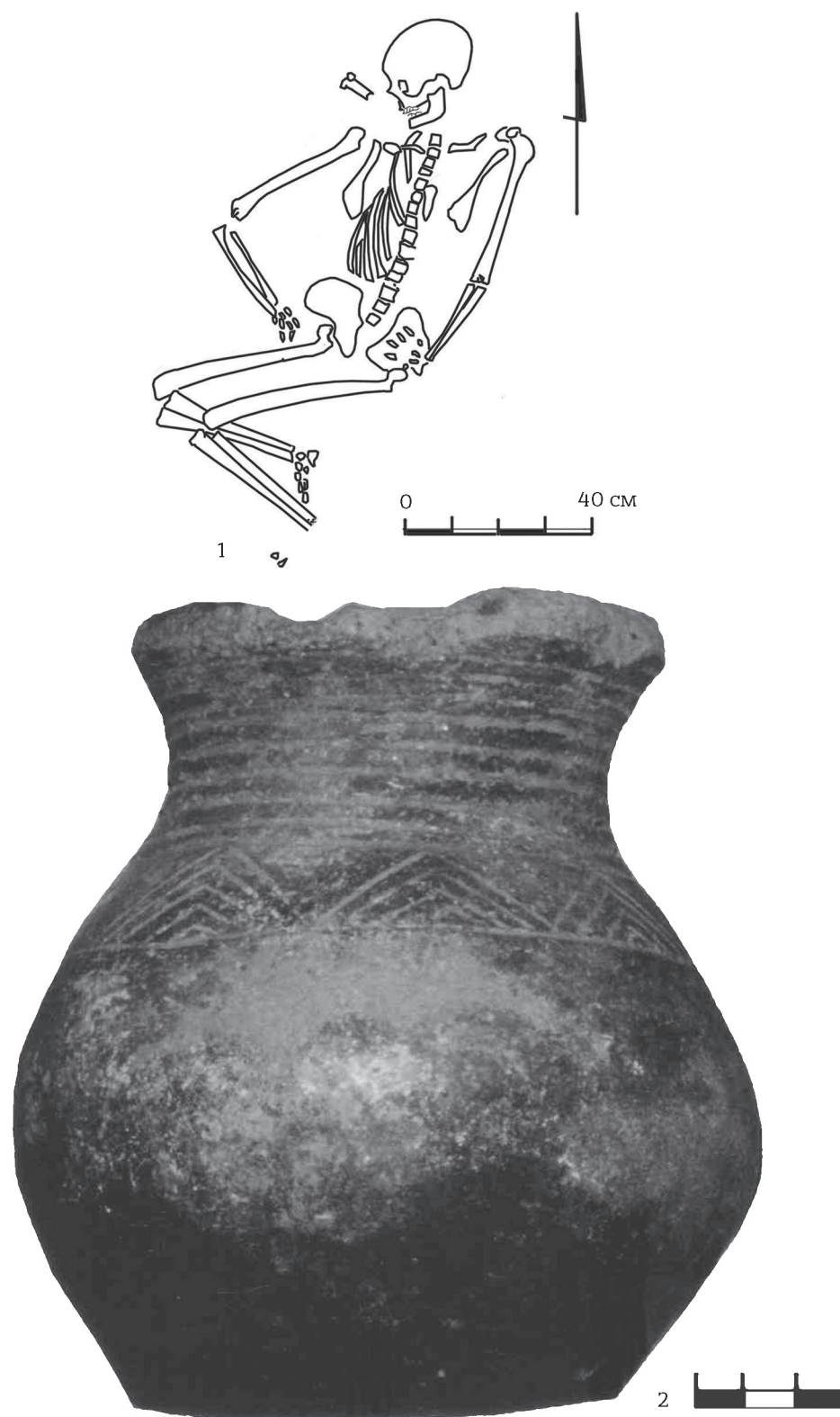

Рис. А28. Большой Городок, жилище № 4, помещение № 4б

Fig. A28. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, room № 4b

1 – погребение в верхней части заполнения; 2 – сосуд в 1,2 м к северо-востоку от скелета

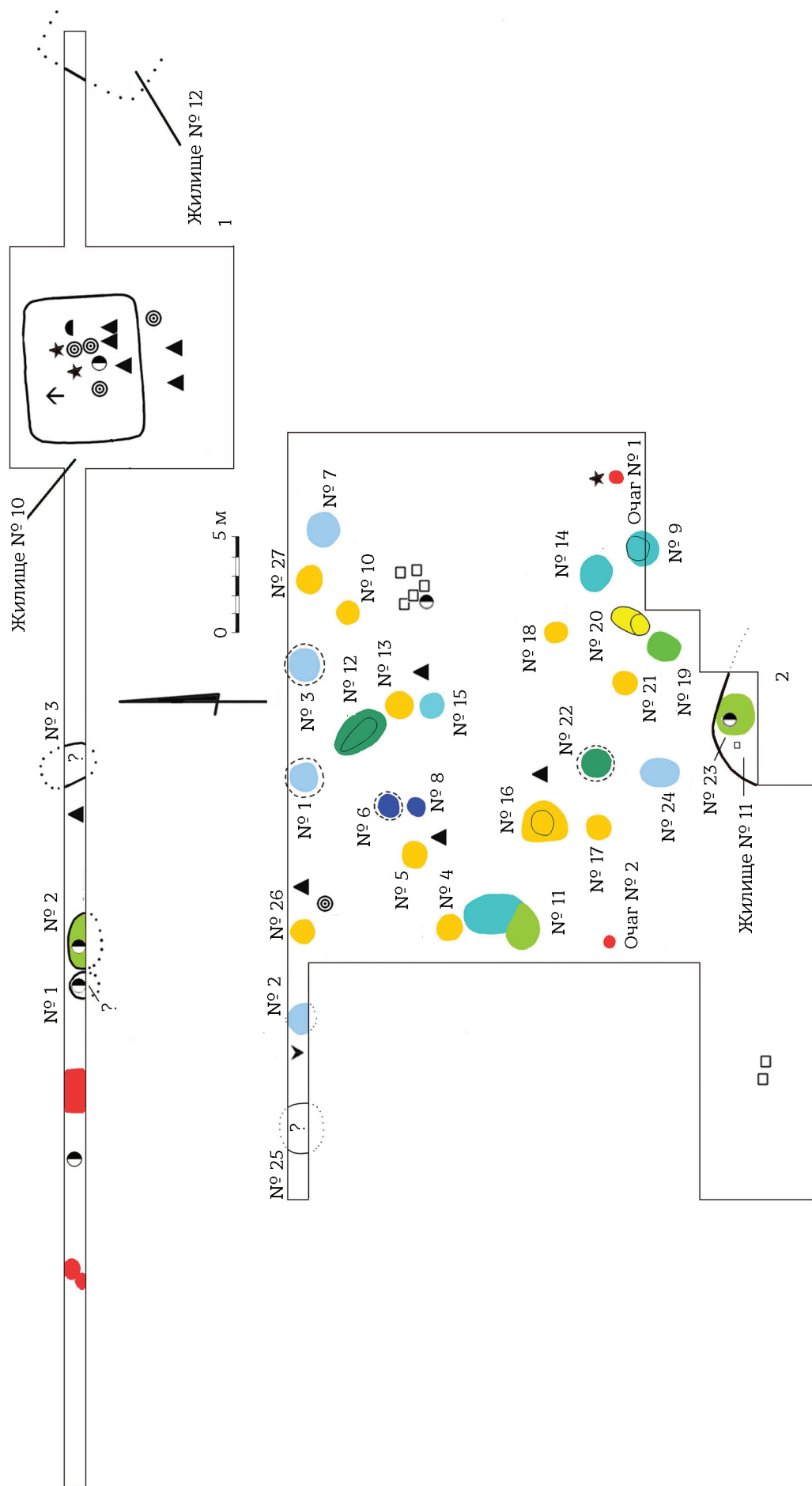

Рис. А29. Большой Городок, раскопы X и XI

Fig. A29. Bolshoi Gorodok, trenches X and XI

1 – раскоп X; 2 – раскоп XI

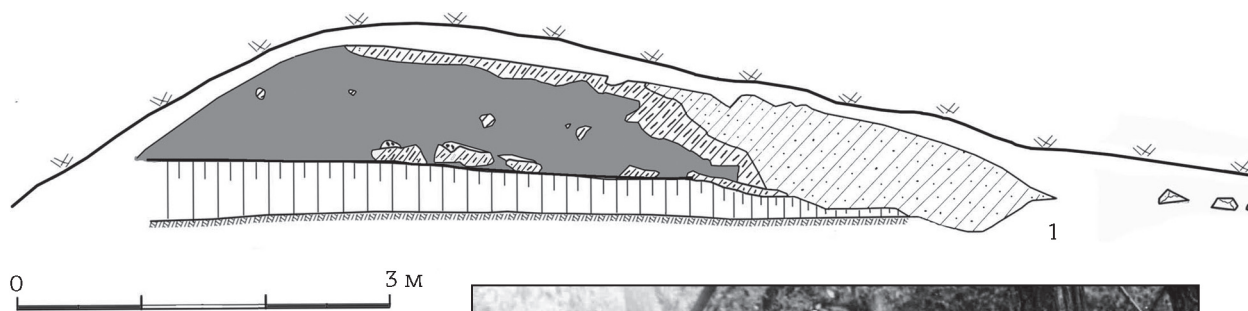

Рис. А30. Малий Городок, розрез вала
Fig. А30. Malyi Gorodok, section of the rampart
1 – чертеж; 2 – фото

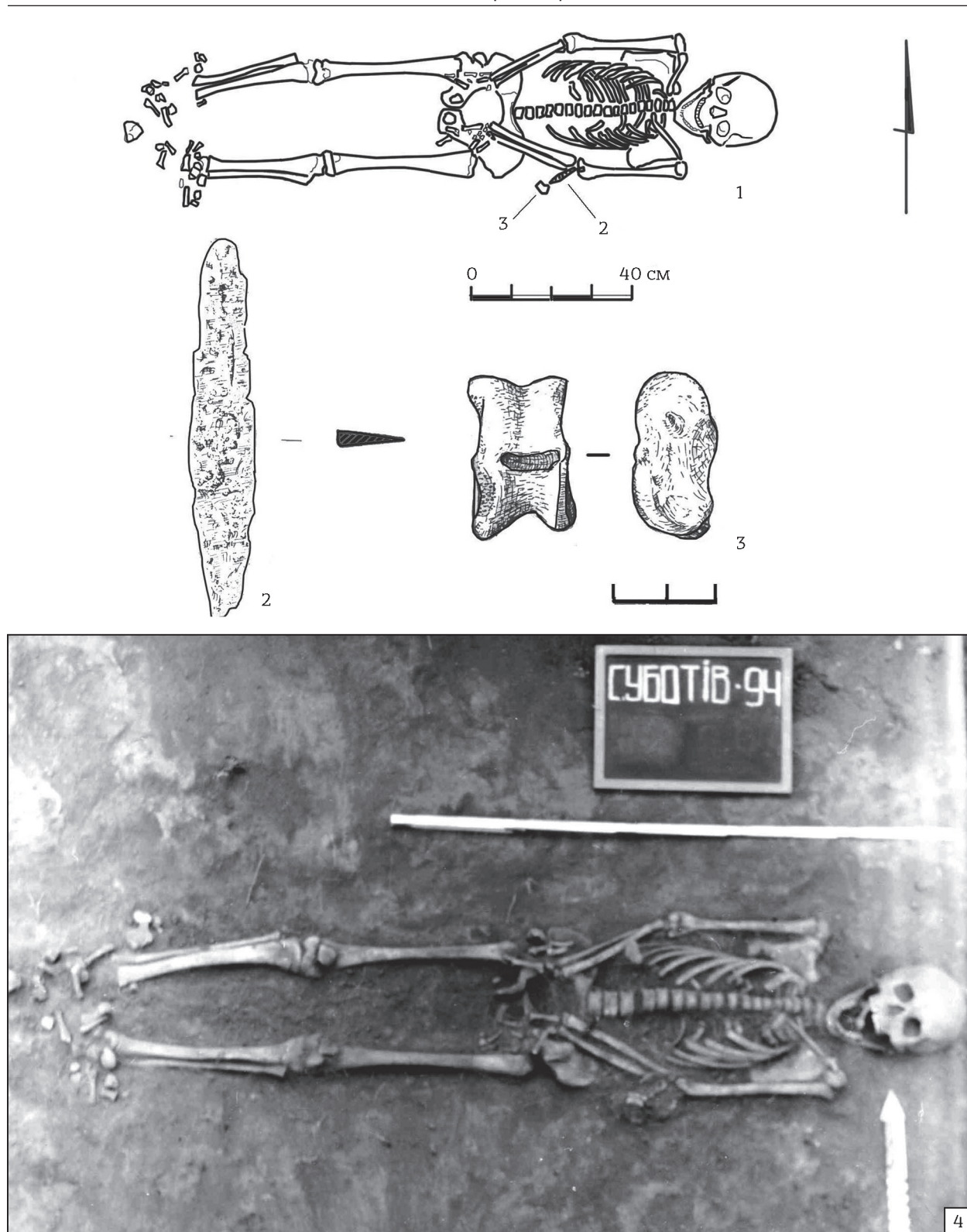

Рис. А31. Мальный Городок, погребение под валом

Fig. А31. Malyi Gorodok, grave under the rampart

1, 4 – рисунок и фото; сопровождающие предметы: 2 – железный нож; 3 – астрагал

В. ГЛИНЯНАЯ БЫТОВАЯ ПОСУДА

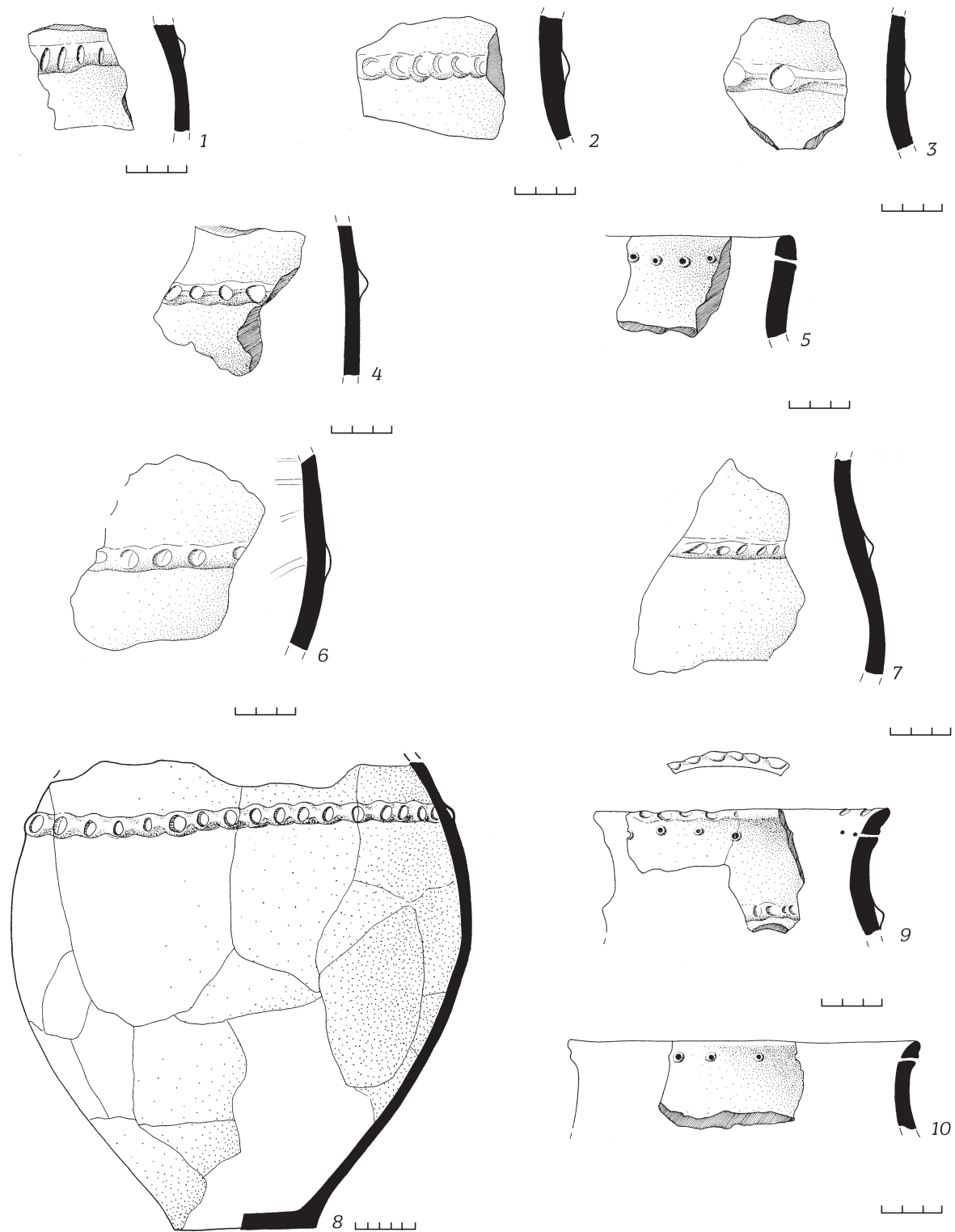

Рис. В1. Большой Городок, раскоп I, керамика возле очага № 1
 Fig. В1. Bolshoi Gordok, pottery near hearth № 1

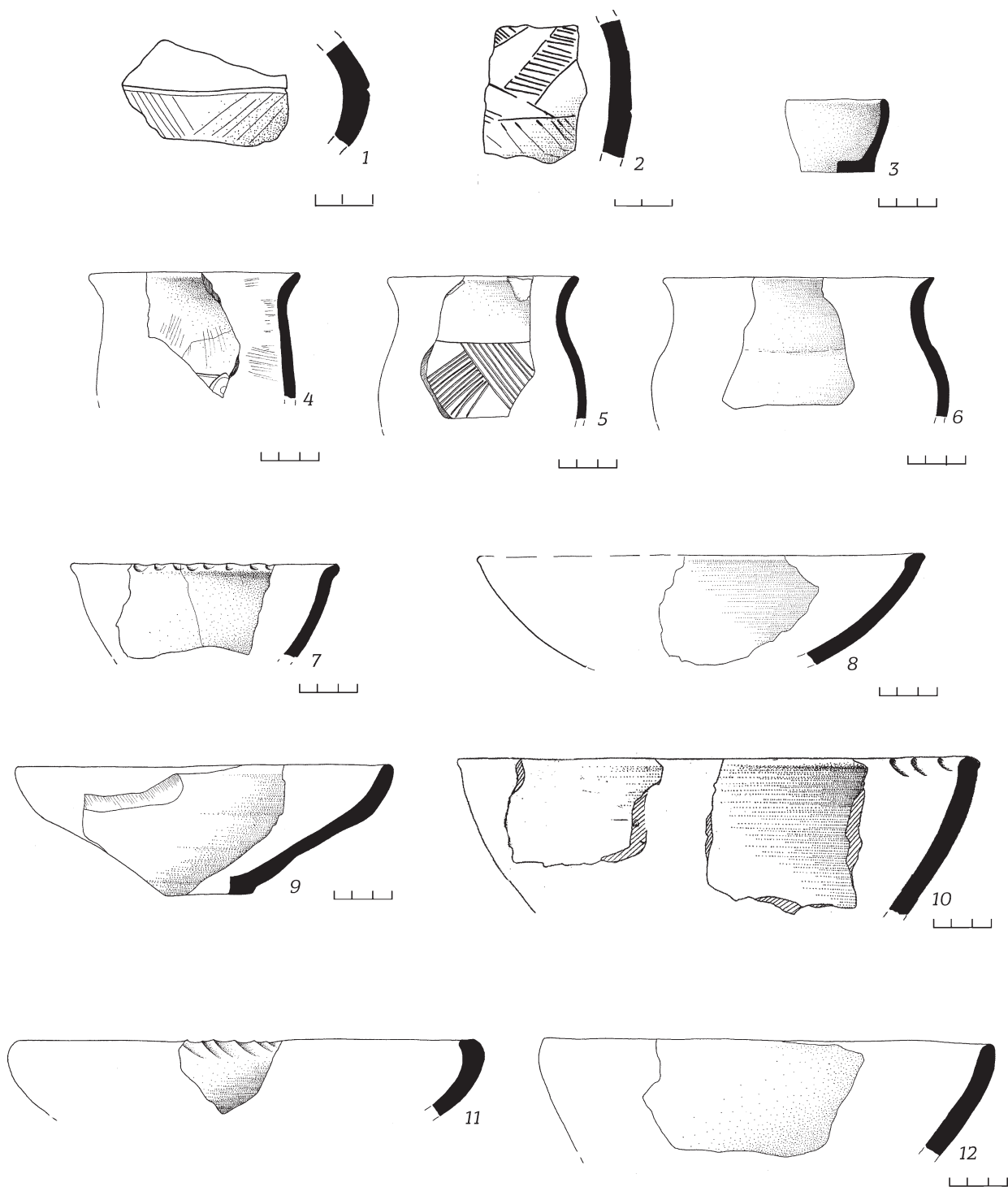

Рис. В2. Большой Городок, раскоп I, керамика возле очага № 1
Fig. B2. Bolshoi Gordok, pottery near hearth № 1

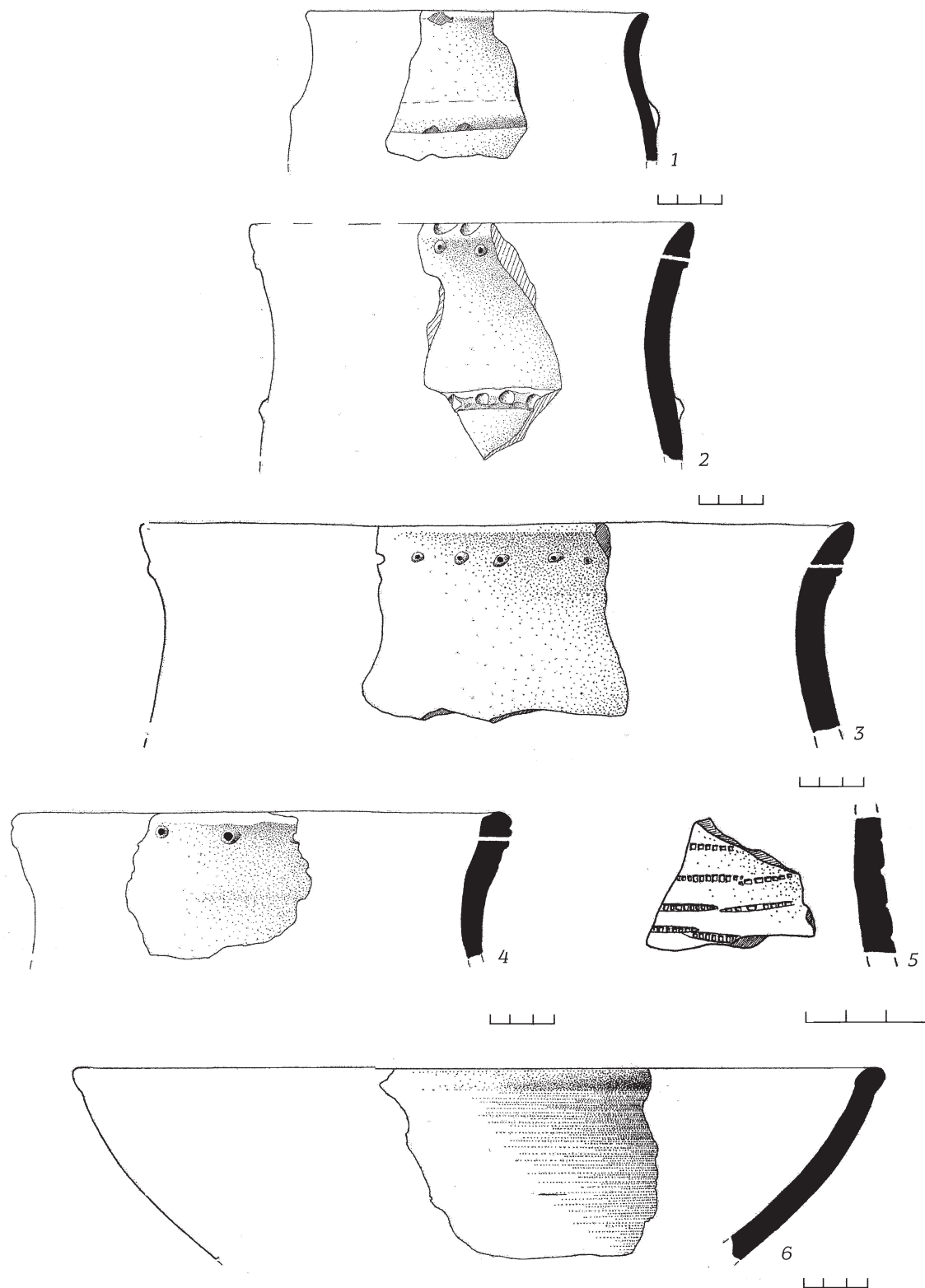

Рис. В3. Большой Городок, раскопы I и II, керамика

Fig. B3. Bolshoi Gordok, trenches I and II, pottery

1, 3, 4 – возле очага № 3 раскопа II; 2, 5, 6 – возле очага № 2 раскопа I;

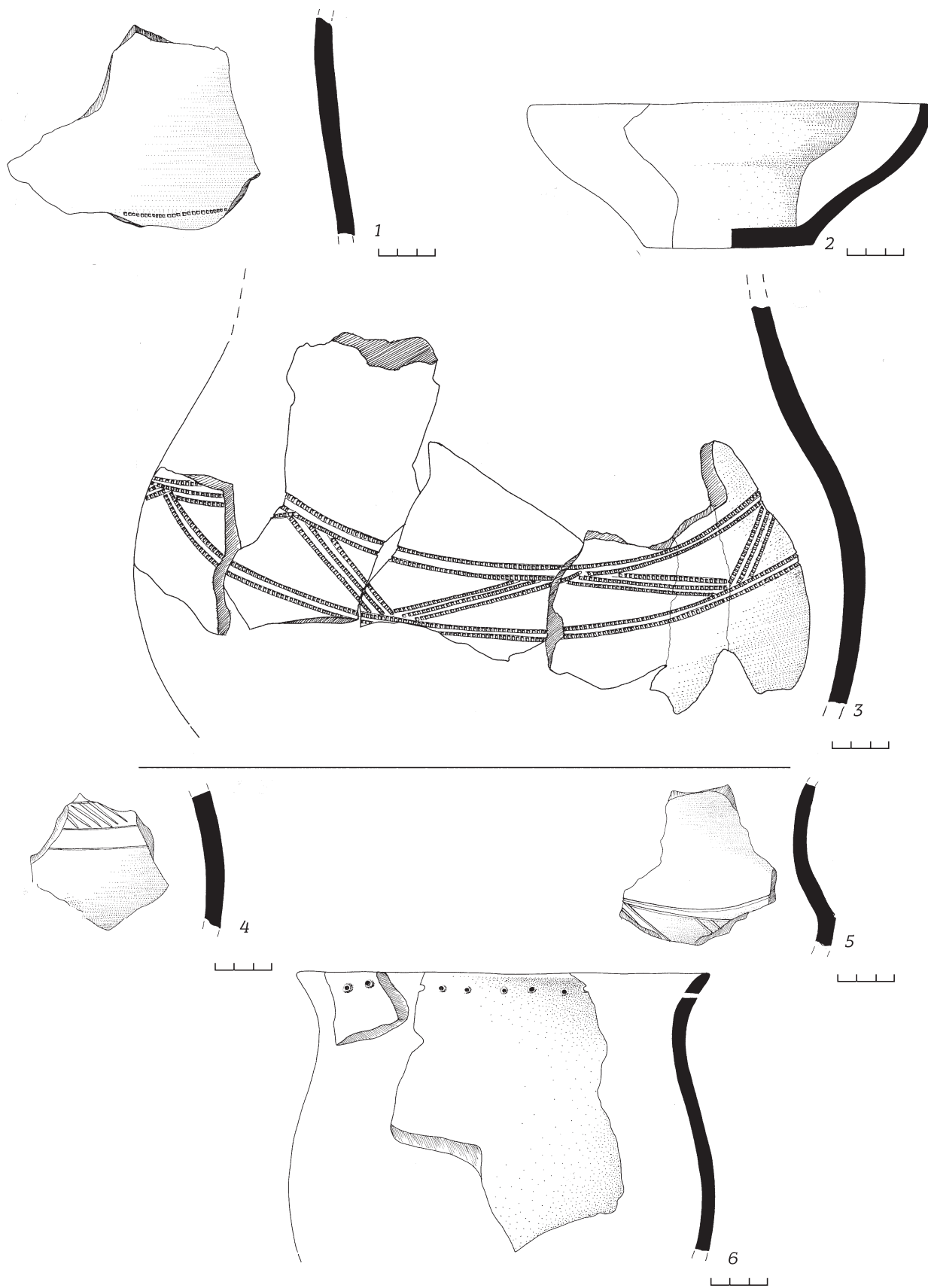

Рис. В4. Большой Городок, раскоп II, керамика

Fig. В4. Bolshoi Gorodok, trench II, pottery

1-3 – возле очага № 3; 4-6 – яма № 2

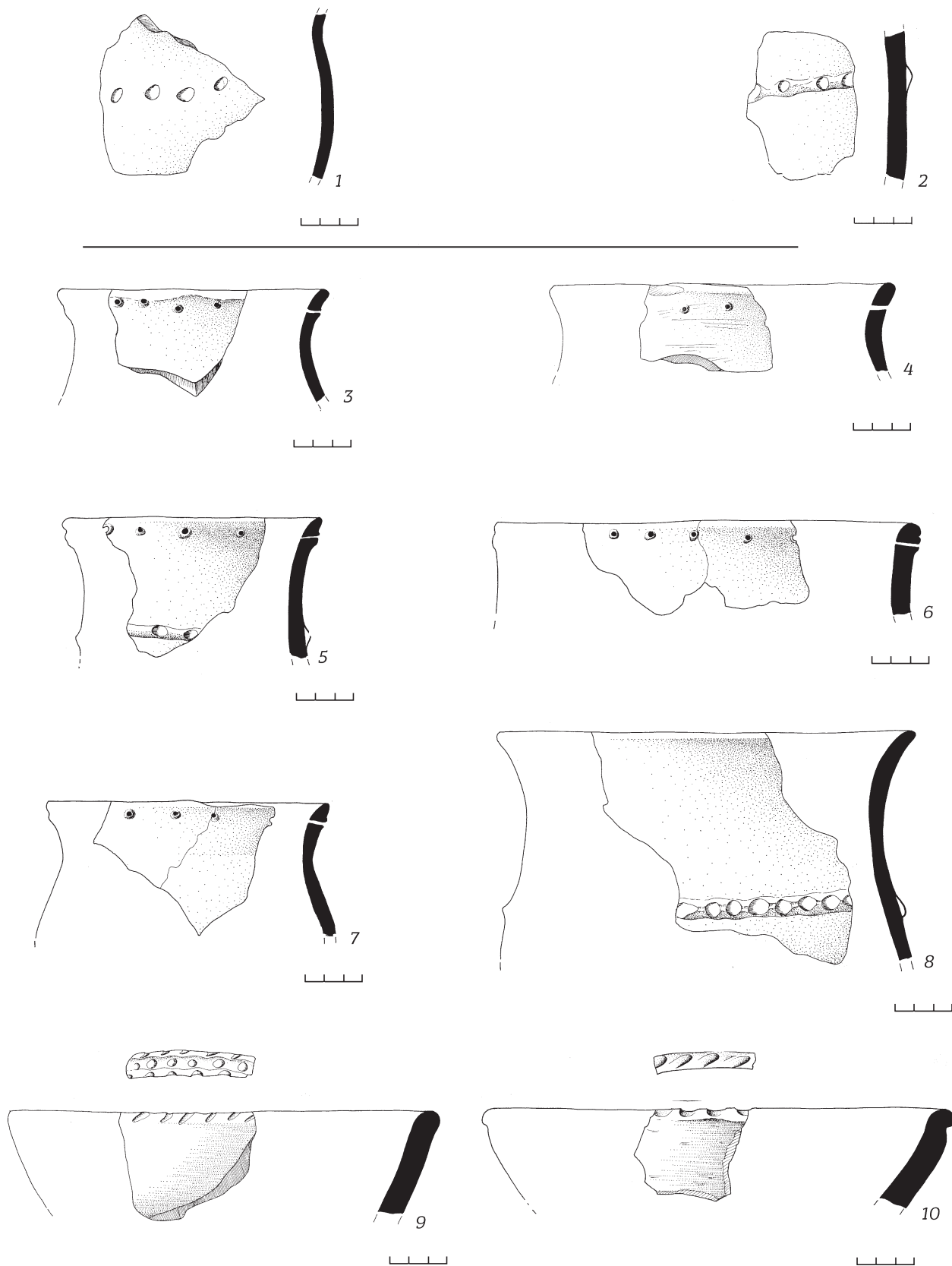

Рис. В5. Большой Городок, раскопы I и II, керамика

Fig. B5. Bolshoi Gorodok, trenches I and II, pottery

1, 2 – яма № 1, раскоп II; 3–10 – культурный слой, раскопы I и II

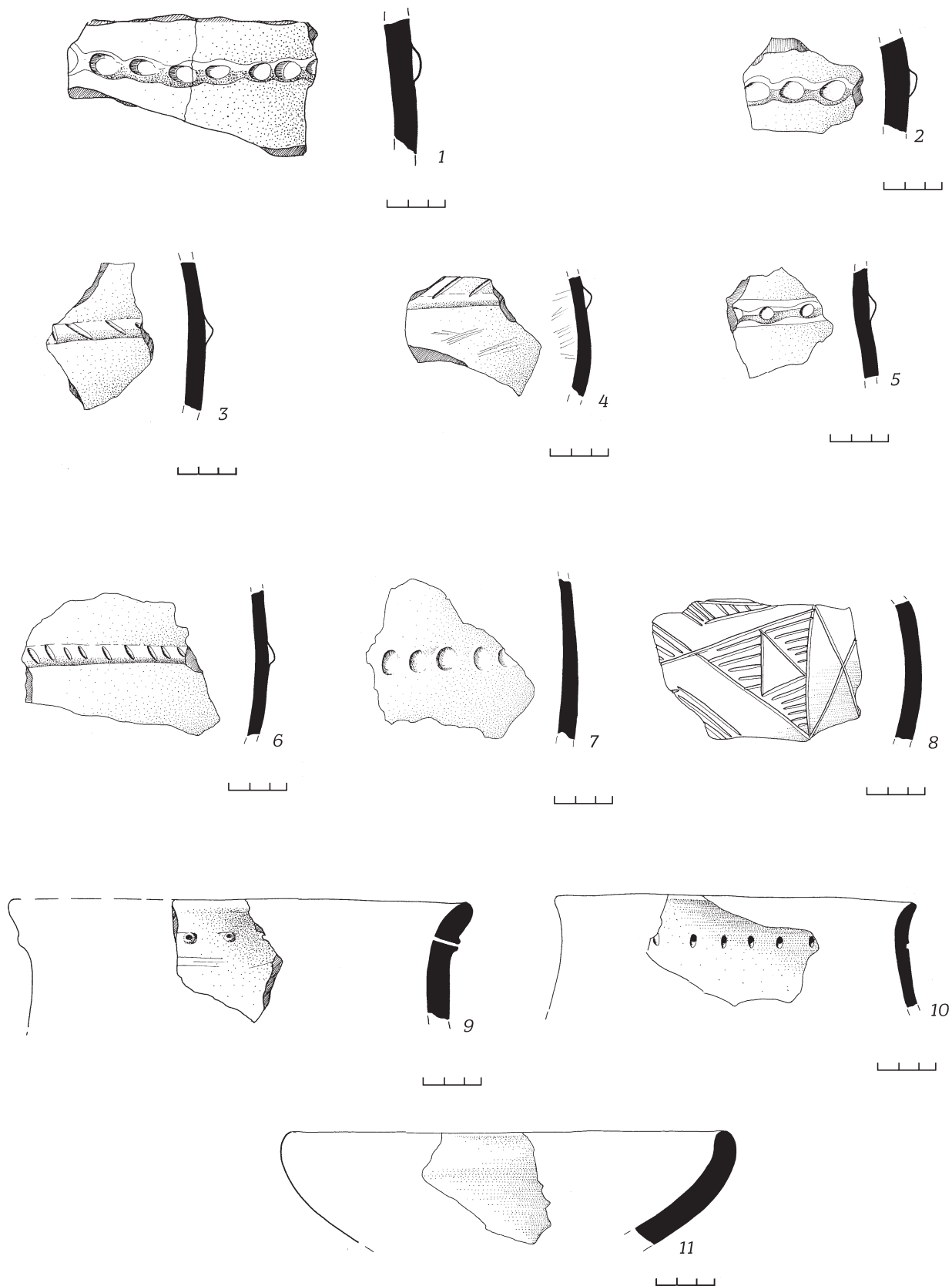

Рис. В6. Большой Городок, раскопы I и II, керамика из культурного слоя

Fig. B6. Bolshoi Gorodok, trenches I and II, pottery from the cultural layer

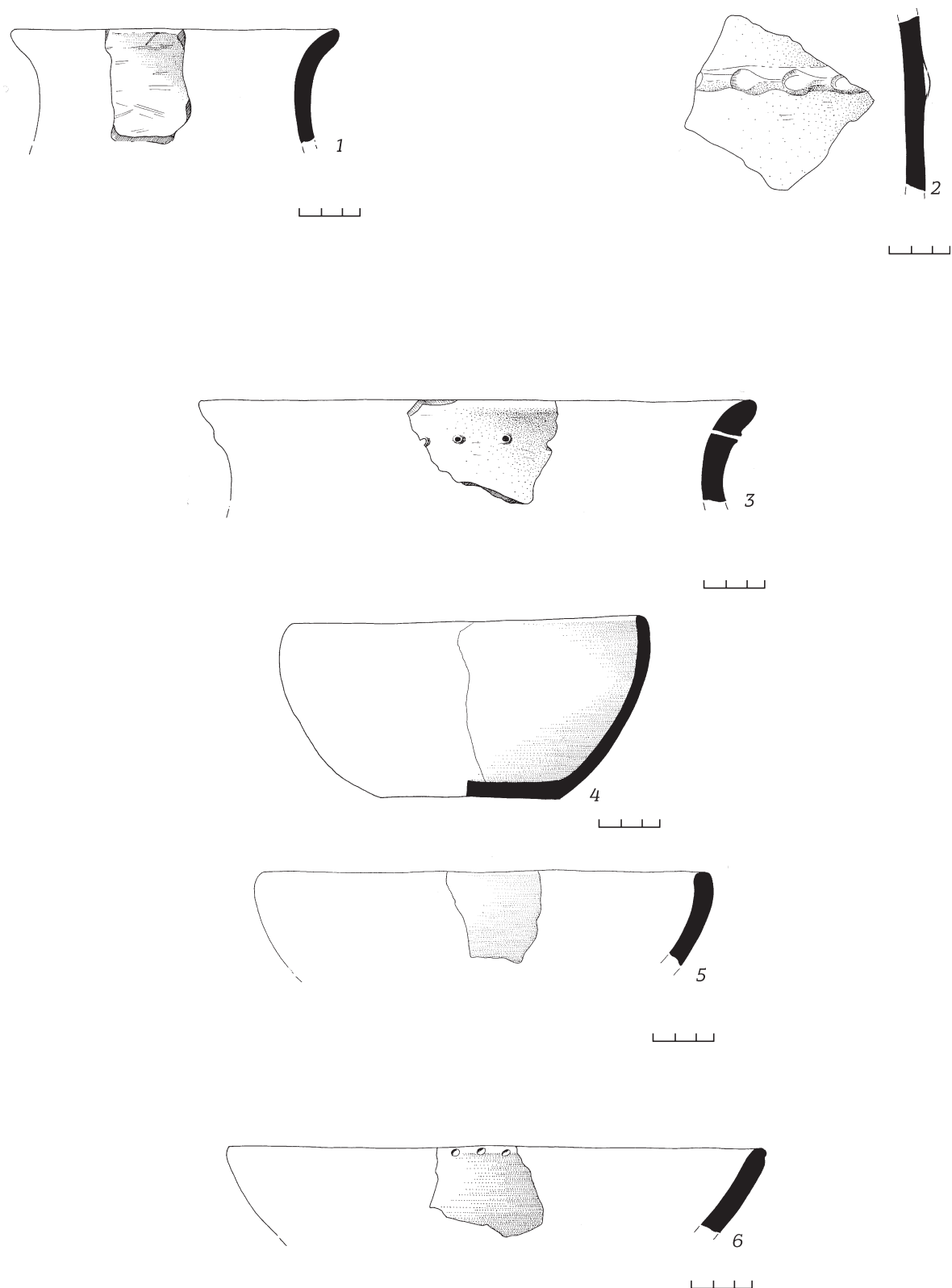

Рис. В7. Большой Городок, раскопы I и II, керамика из культурного слоя
Fig. B7. Bolshoi Gorodok, trenches I and II, pottery from the cultural layer

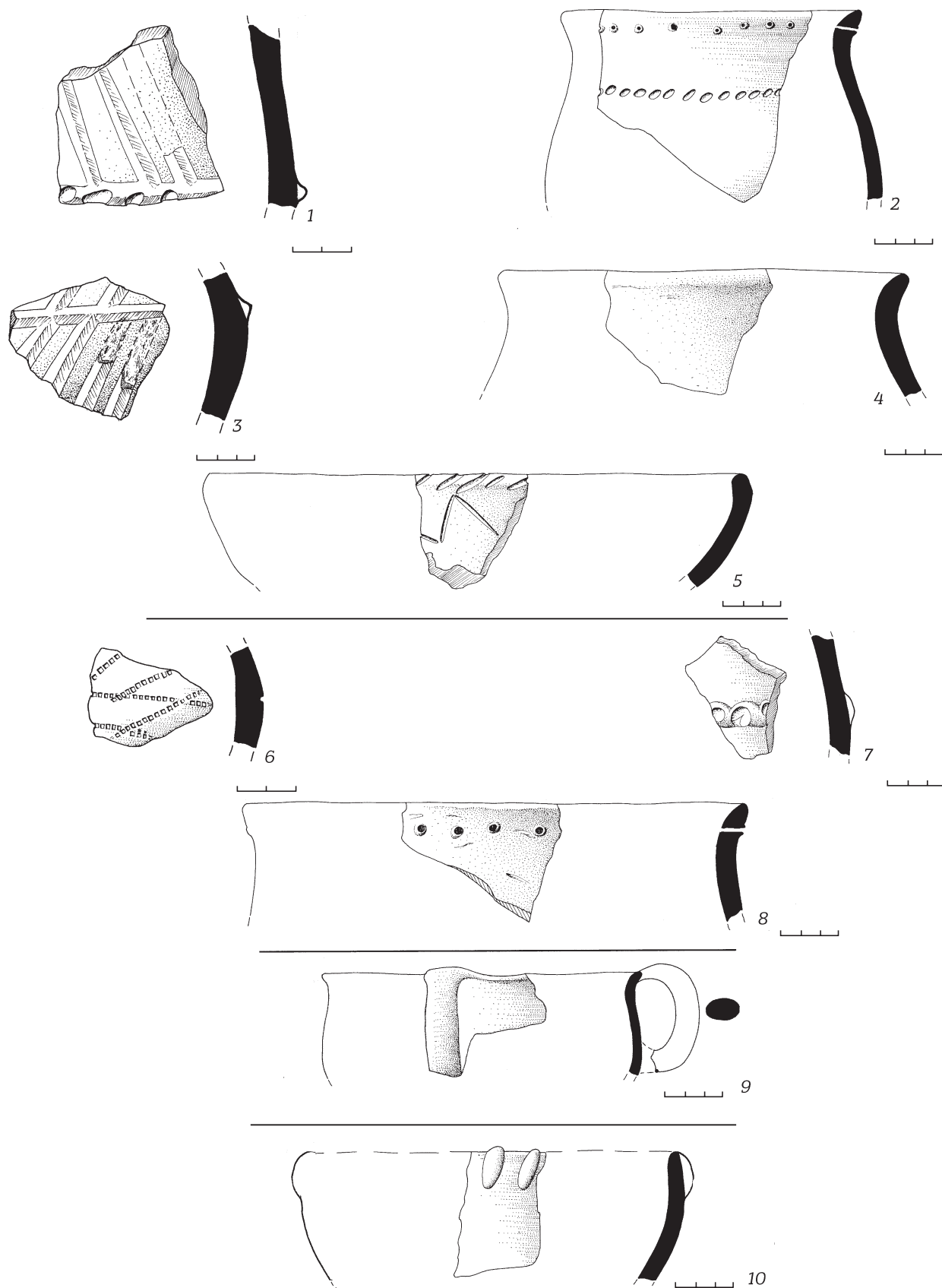

Рис. В8. Большой Городок, раскоп VIII, керамика из ям
Fig. В8. Bolshoi Gorodok, trench VIII, pottery from pits
 1–5 – яма № 1; 6–8 – яма № 4; 9 – яма № 9; 10 – яма № 11

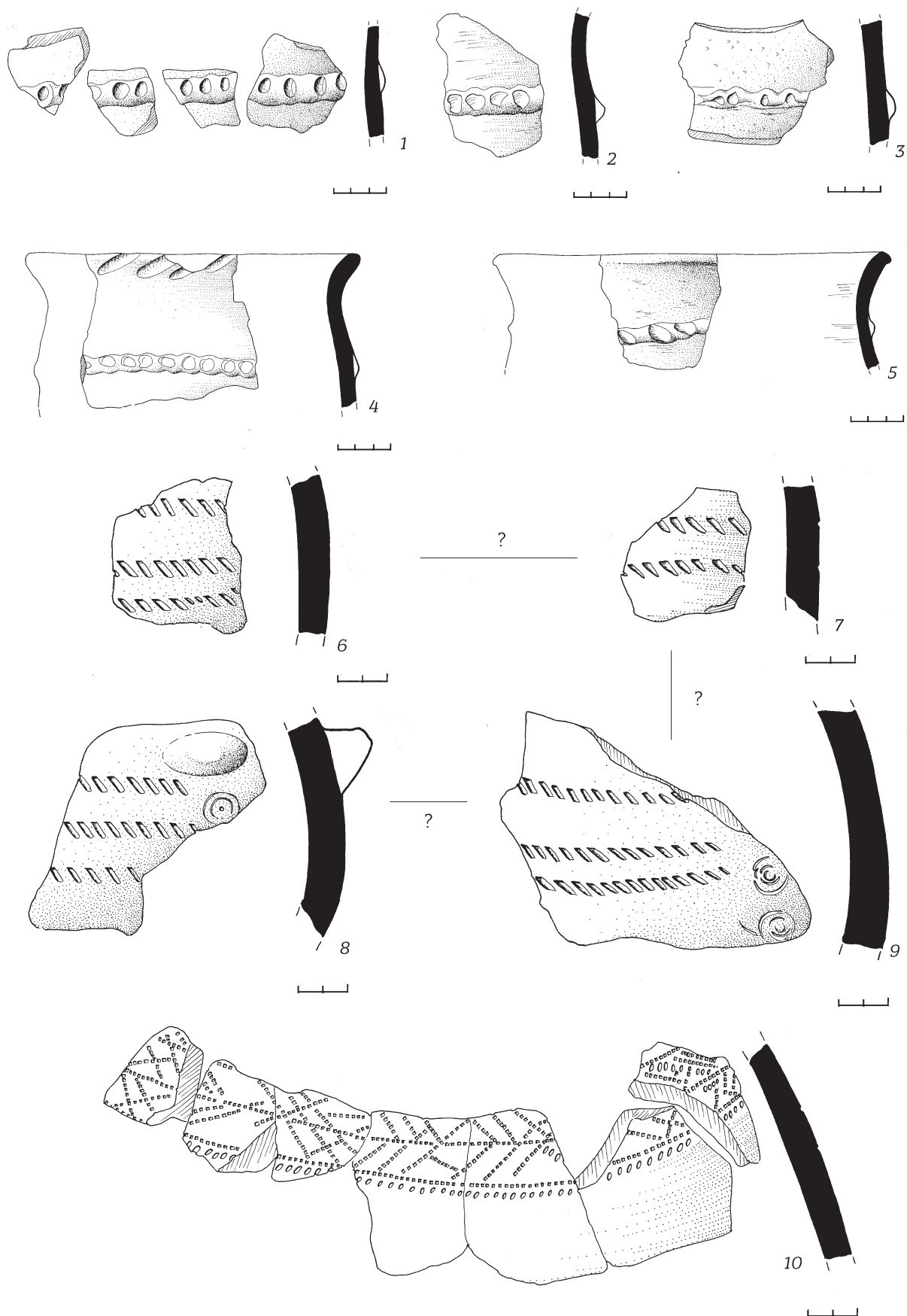

Рис. В9. Большой Городок, раскоп VIII, керамика из культурного (6–9 – возможно, от одного сосуда)
 Fig. B9. Bolshoi Gorodok, trench VIII, pottery from the cultural layer

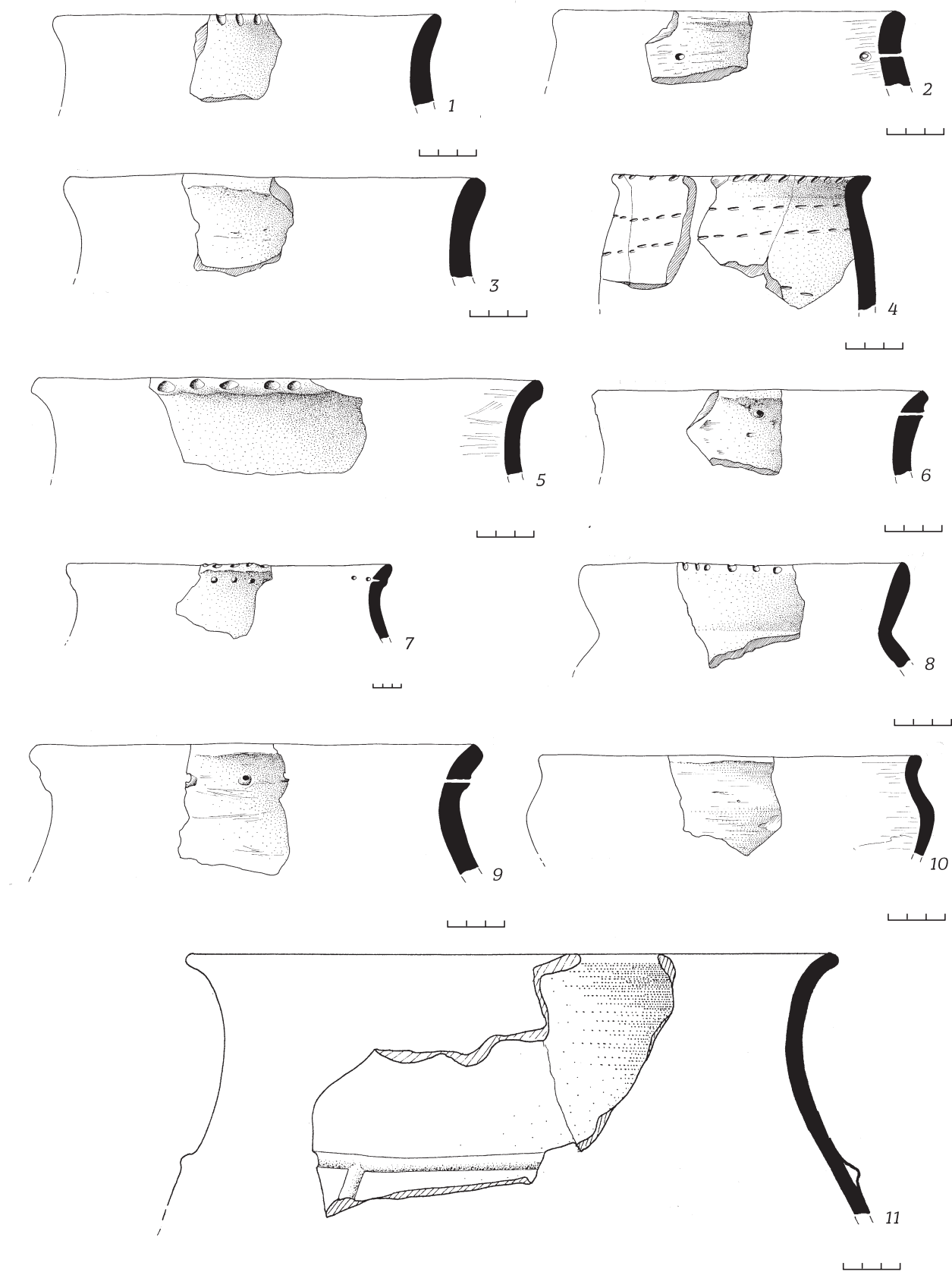

Рис. В10. Большой Городок, раскоп VIII, керамика из культурного слоя
Fig. В10. Bolshoi Gorodok, trench VIII, pottery from the cultural layer

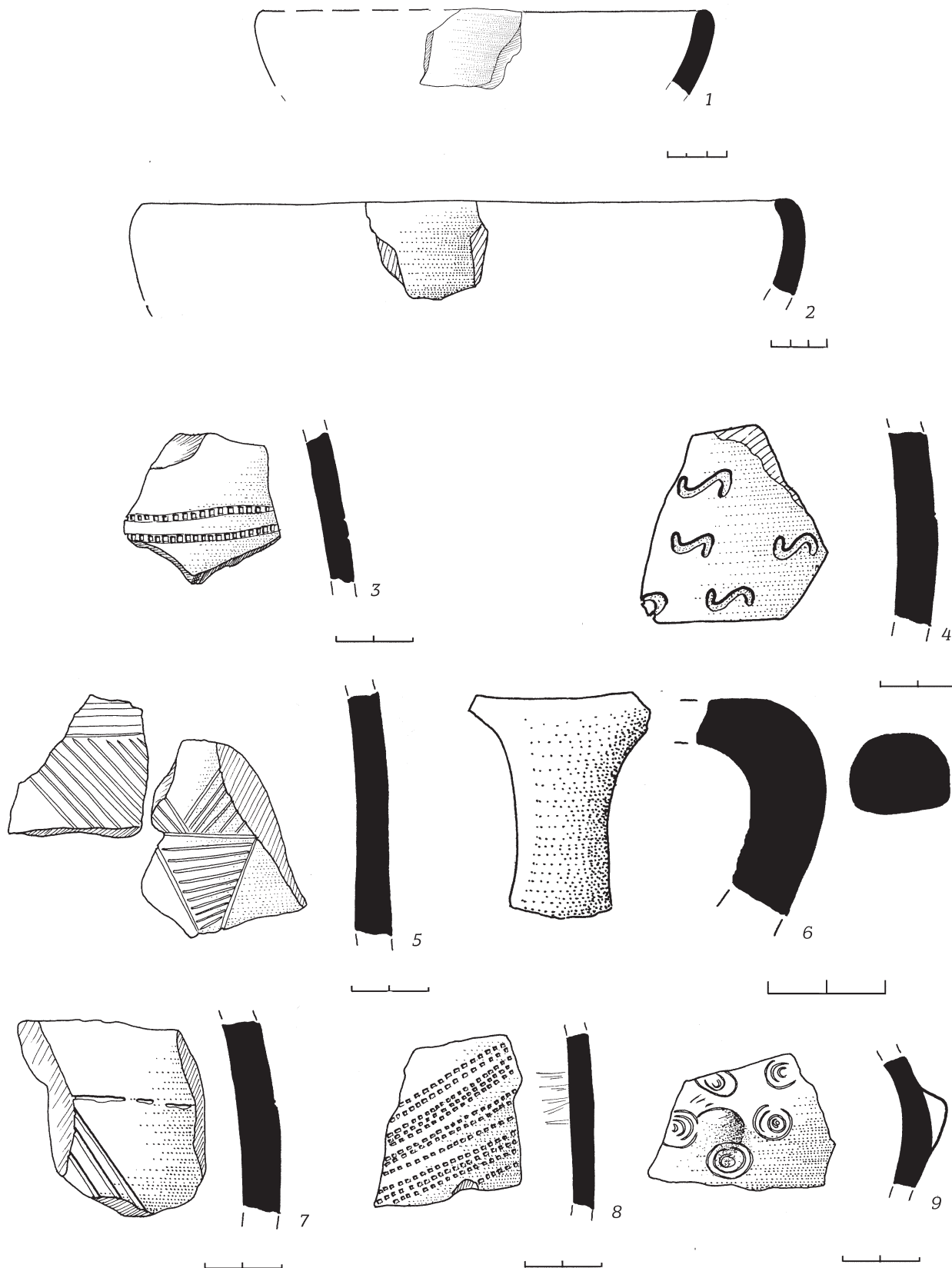

Рис. В11. Большой Городок, раскоп VIII, керамика из культурного слоя
Fig. B11. Bolshoi Gorodok, trench VIII, pottery from the cultural layer

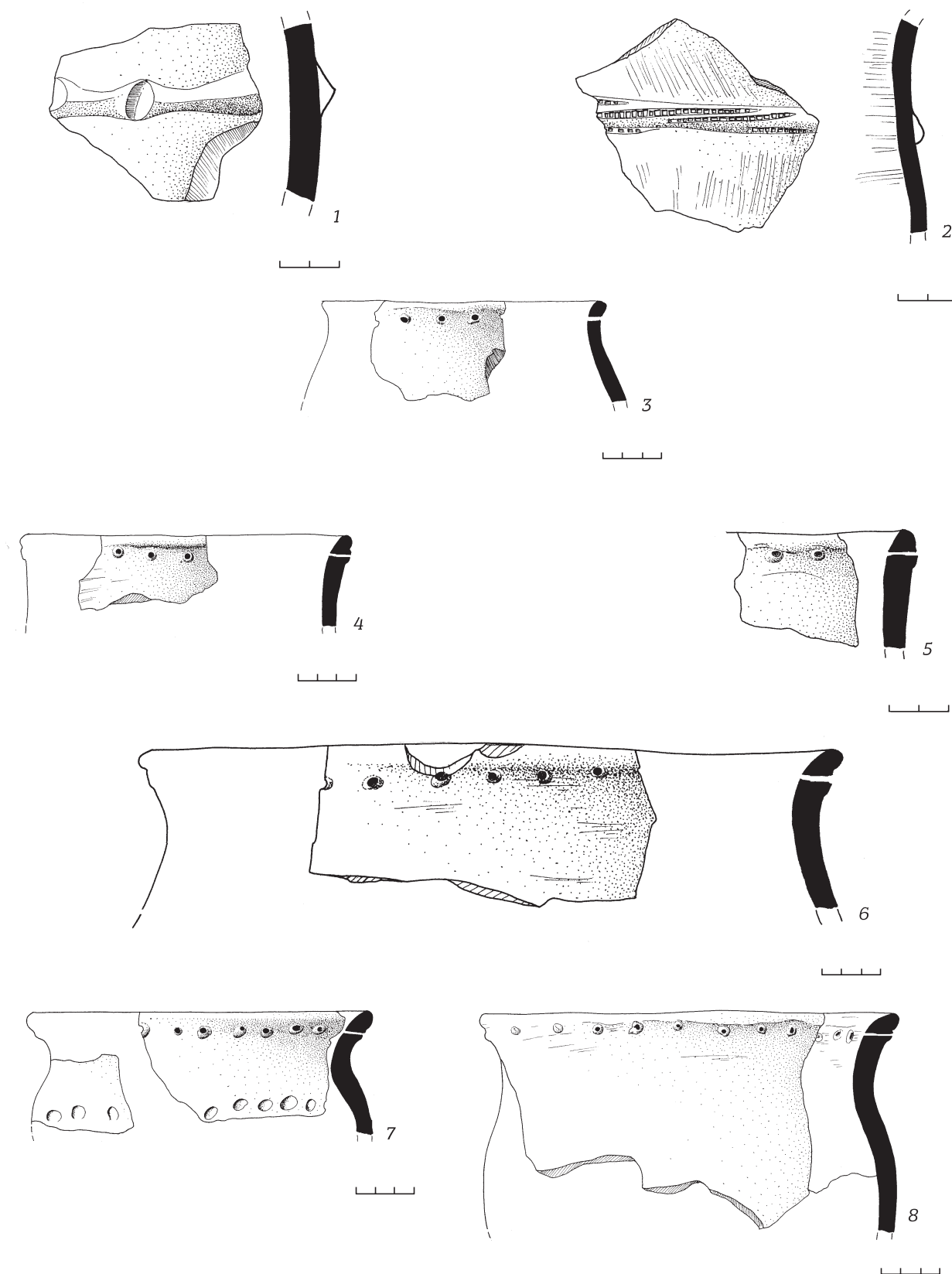

Рис. В12. Большой Городок, жилище № 8, керамика из заполнения котлована
Fig. В12. Bolshoi Gorodok, dwelling № 8, pottery from filling of ditch

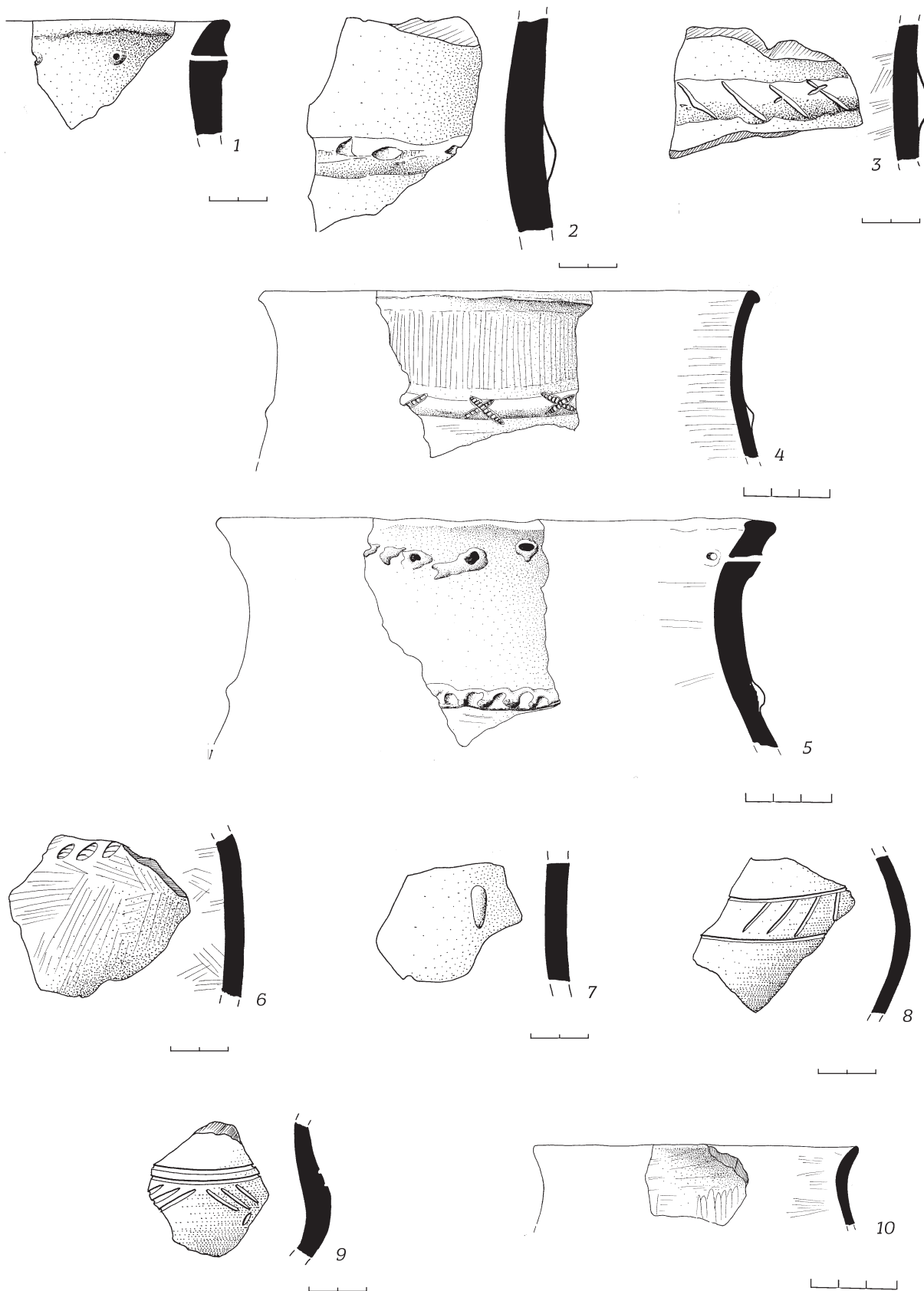

Рис. В13. Большой Городок, жилище № 8, керамика из заполнения котлована
Fig. B13. Bolshoi Gorodok, dwelling № 8, pottery from filling of ditch

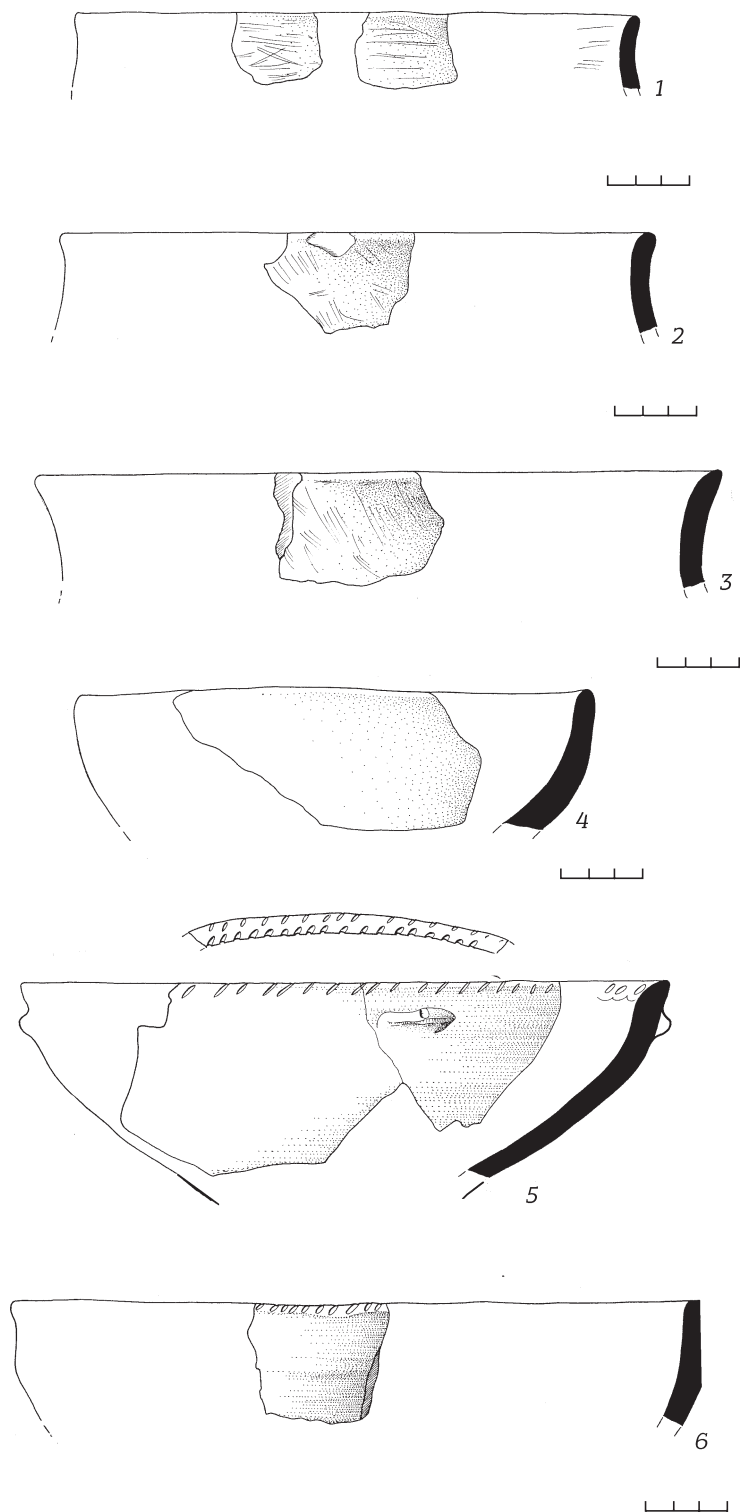

Рис. В14. Большой Городок, жилище № 8, керамика из заполнения котлована
Fig. В14. Bolshoi Gorodok, dwelling № 8, pottery from filling of ditch

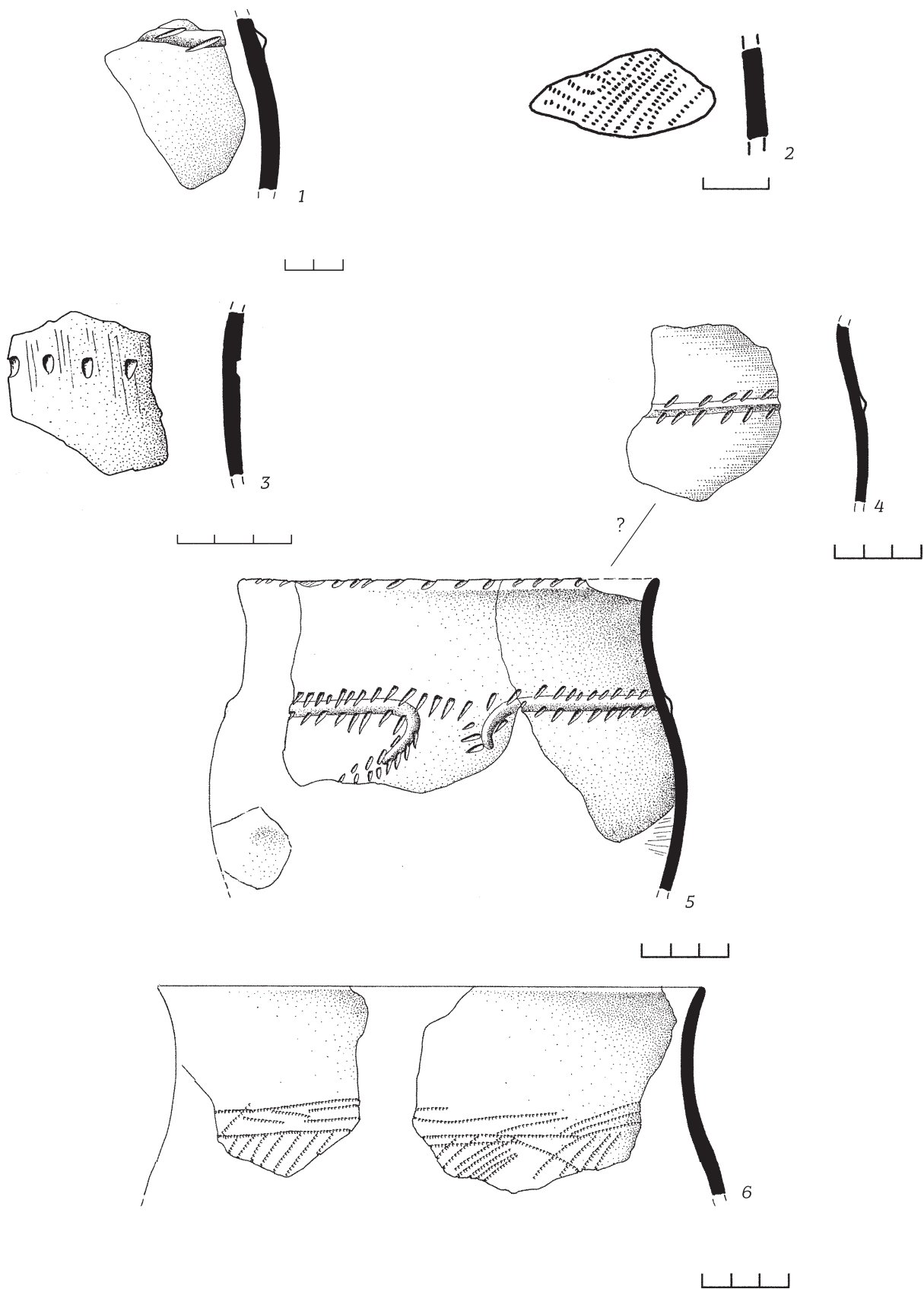

Рис. В15. Большой Городок, жилище № 9, керамика с пола (4, 5 – возможно, от одного сосуда)
Fig. В15. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery from the floor

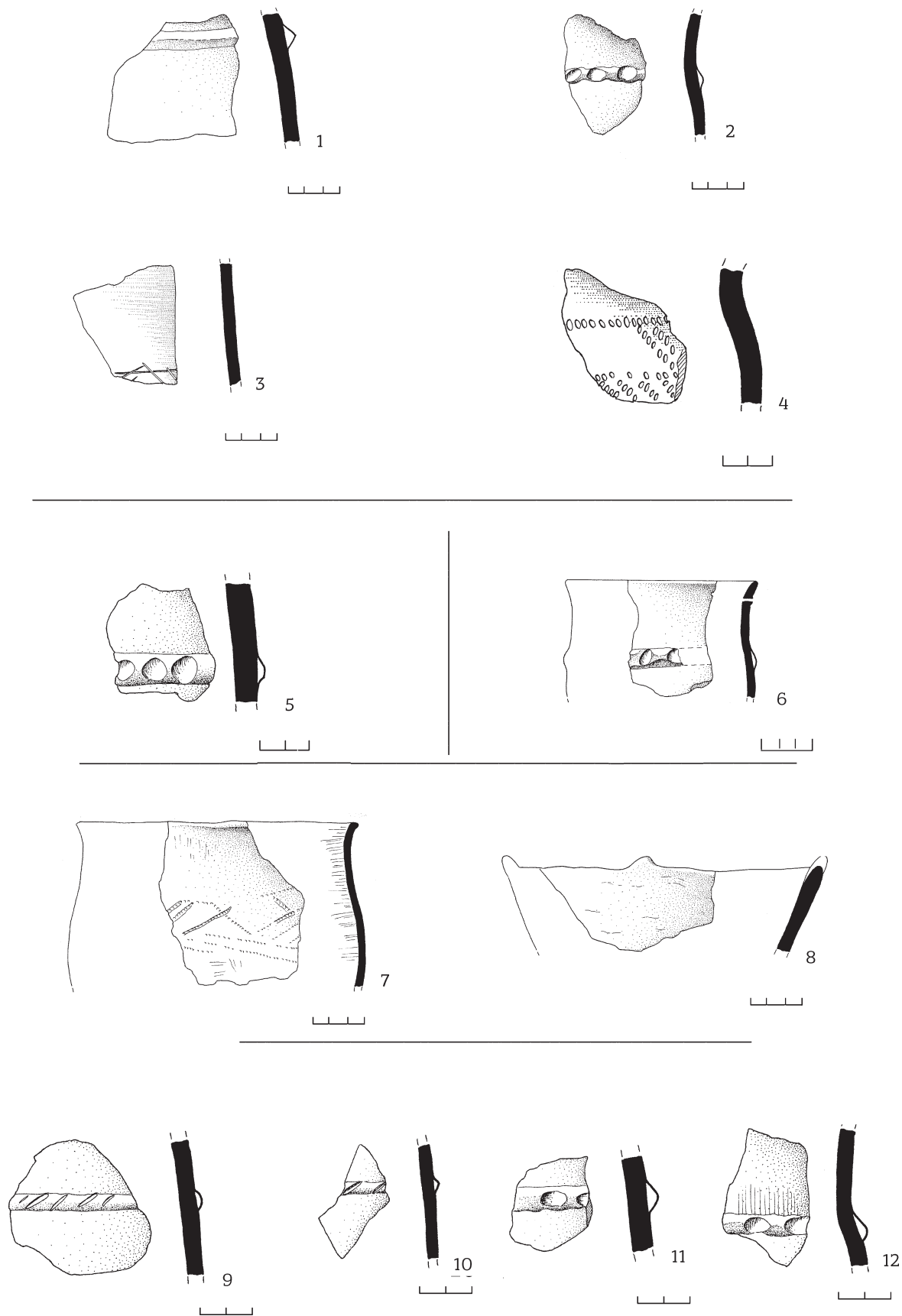

Рис. В16. Большой Городок, жилище № 9, керамика

Fig. В16. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery

1–4 – яма № 1; 5 – яма № 4; 6 – яма № 5; 7, 8 – яма № 20; 9–12 – заполнение котлована

РИСУНКИ

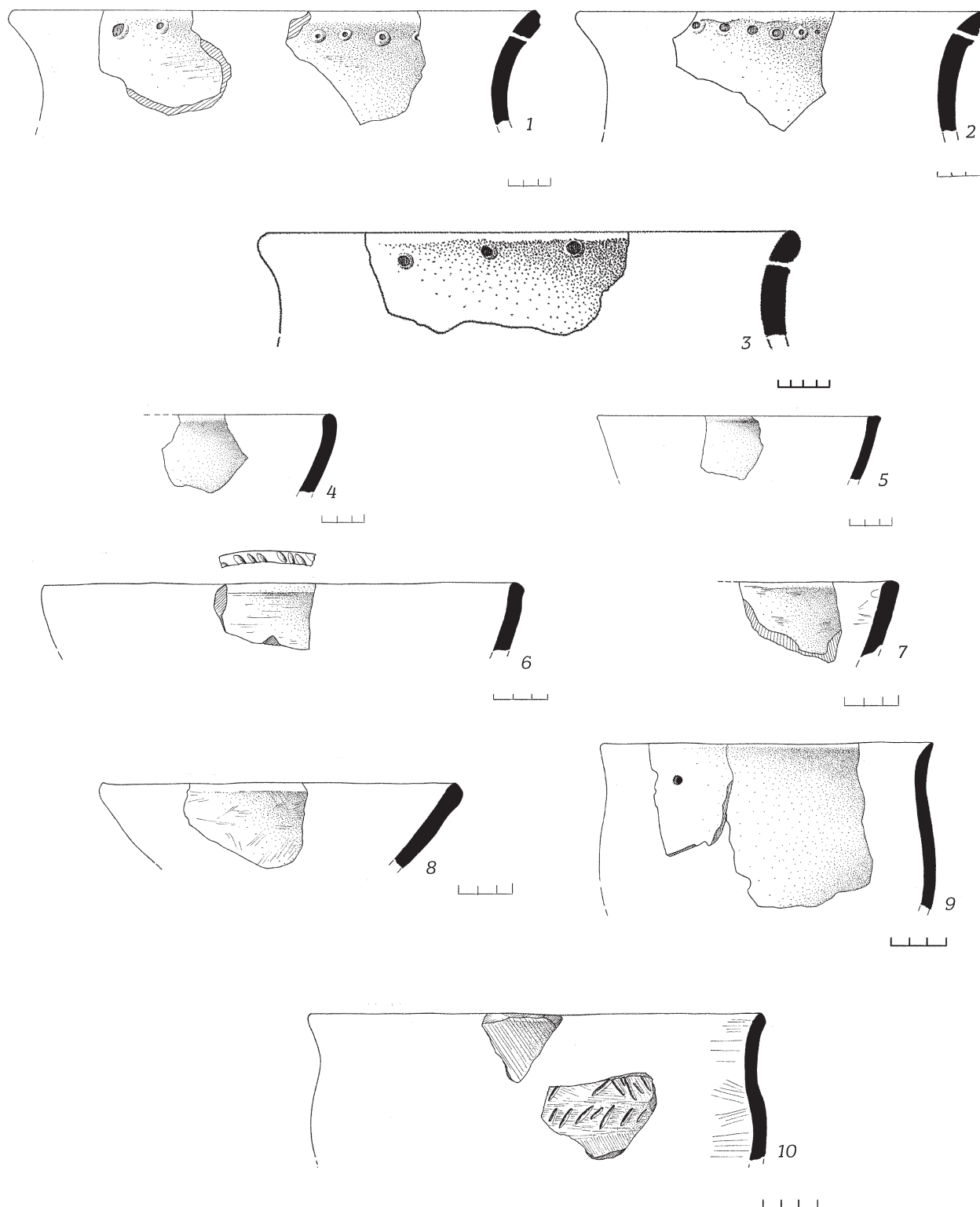

Рис. В17. Большой Городок, жилище № 9, керамика из заполнения котлована
Fig. В17. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery from filling of ditch

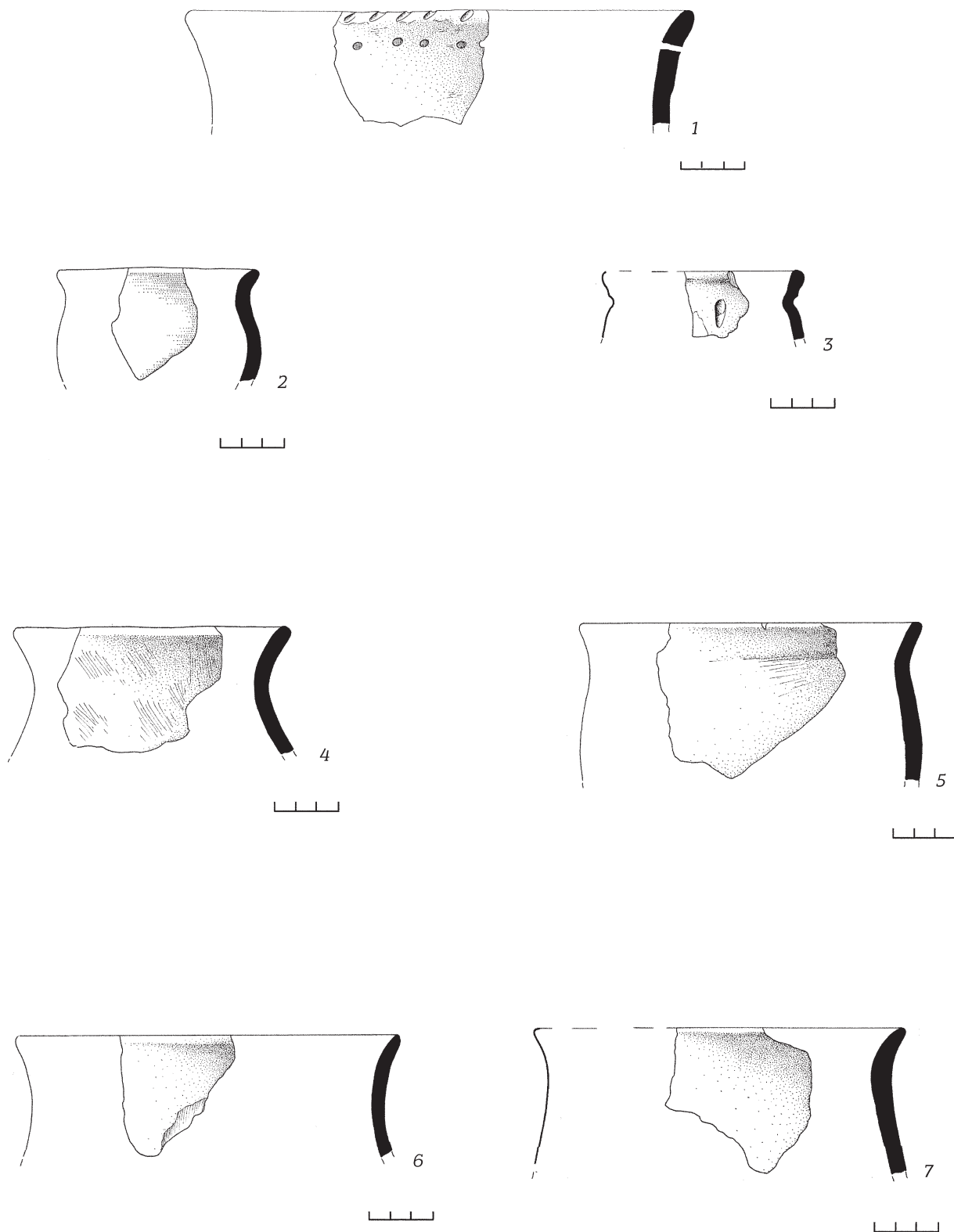

Рис. В18. Большой Городок, жилище № 9, керамика из заполнения котлована
Fig. В18. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery from filling of ditch

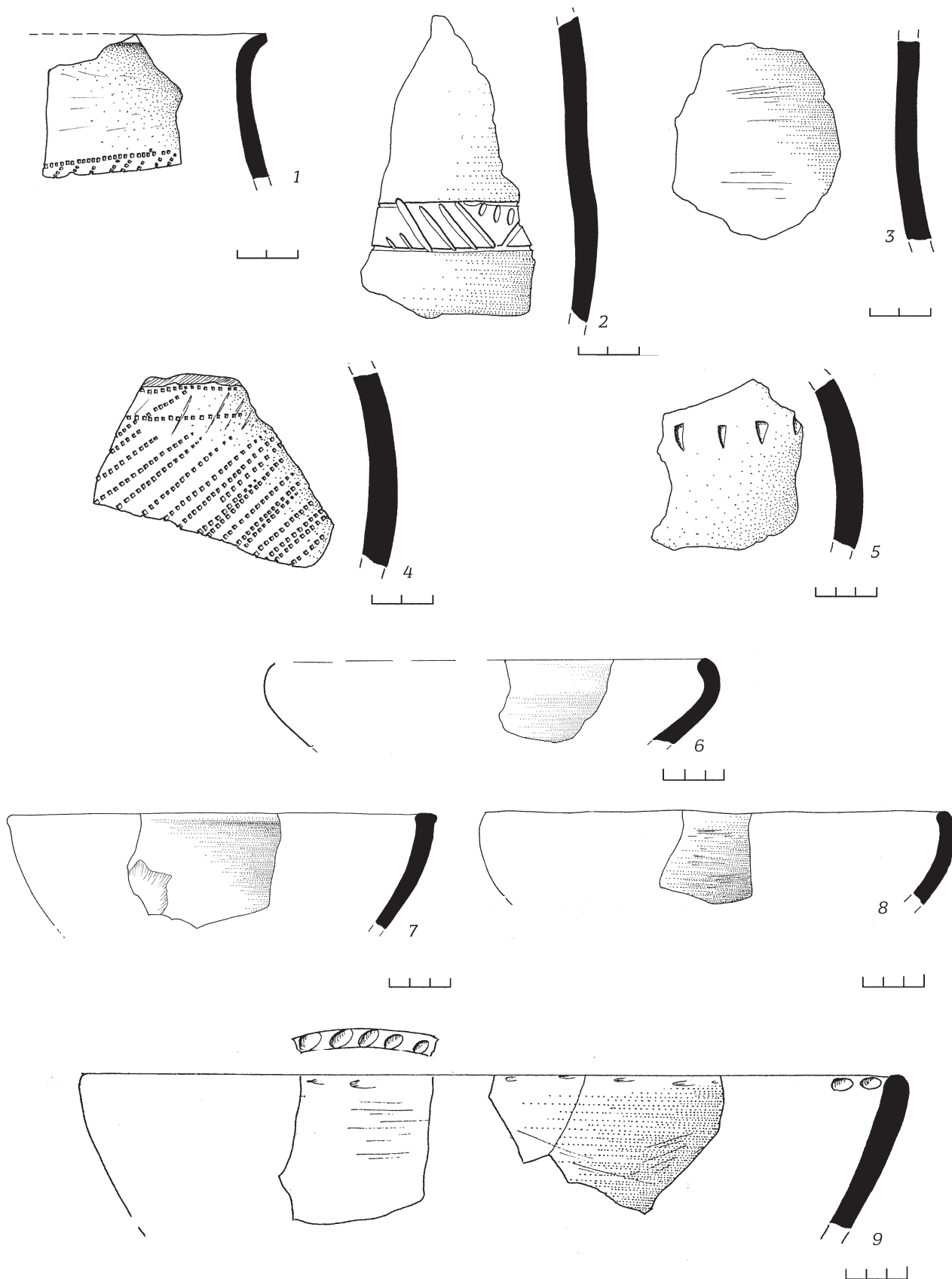

Рис. В19. Большой Городок, жилище № 9, керамика из заполнения котлована
 Fig. B19. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery from filling of ditch

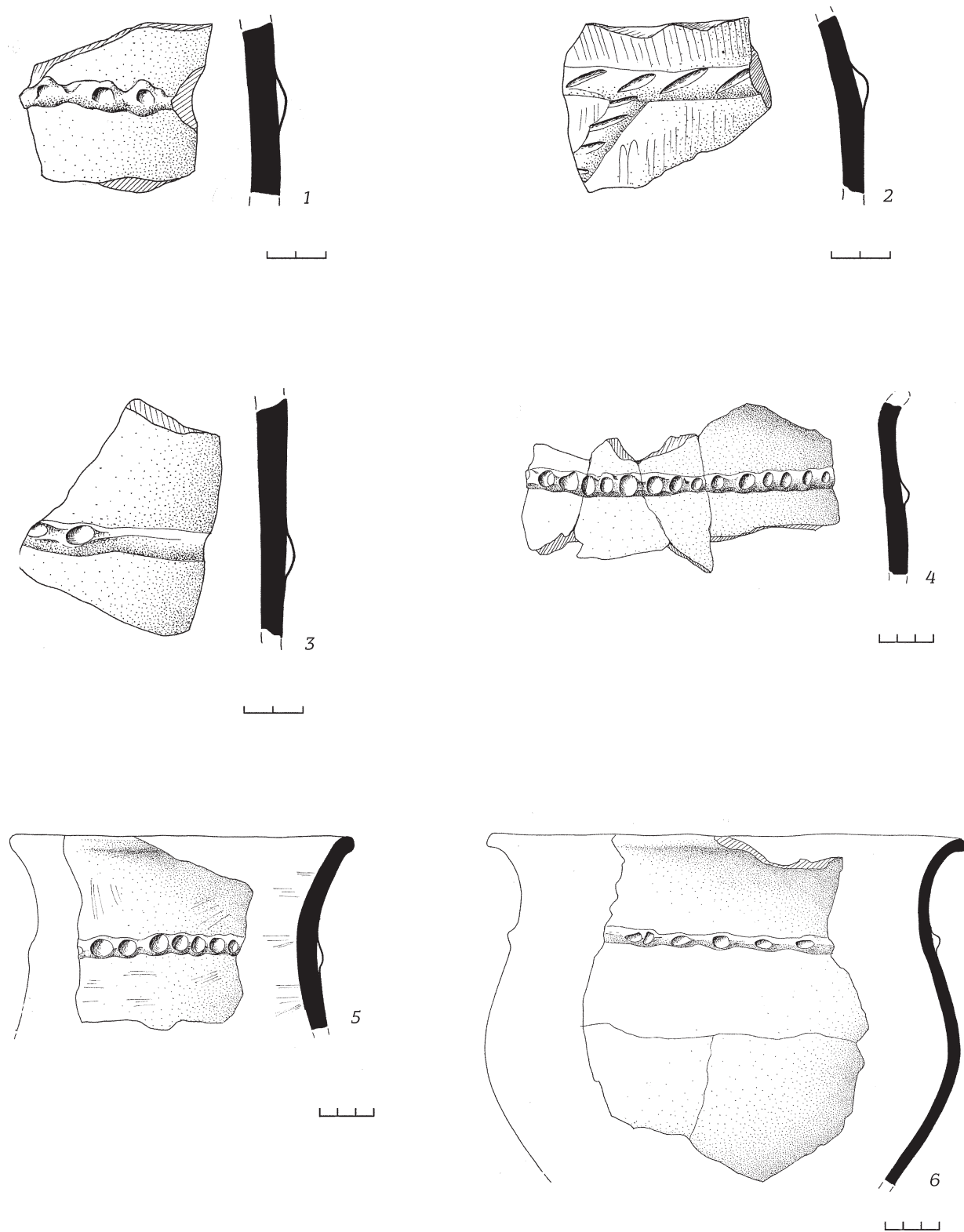

Рис. В20. Большой Городок, Жилище № 9, керамика из заполнения котлована
Fig. В20. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery from filling of ditch

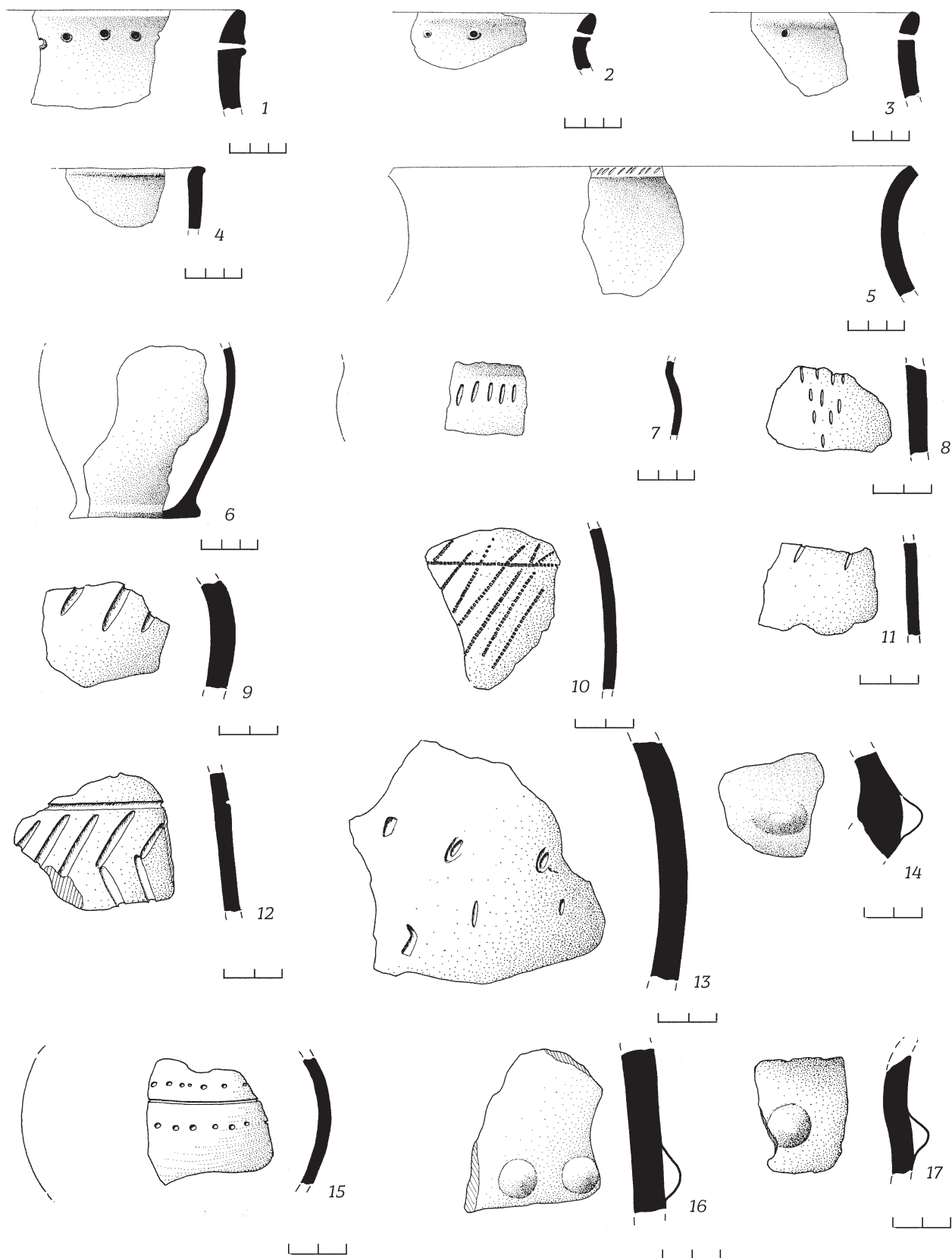

Рис. В21. Большой Городок, керамика из культурного слоя возле жилища № 9
Fig. B21. Bolshoi Gorodok, pottery from the cultural layer near dwelling № 9

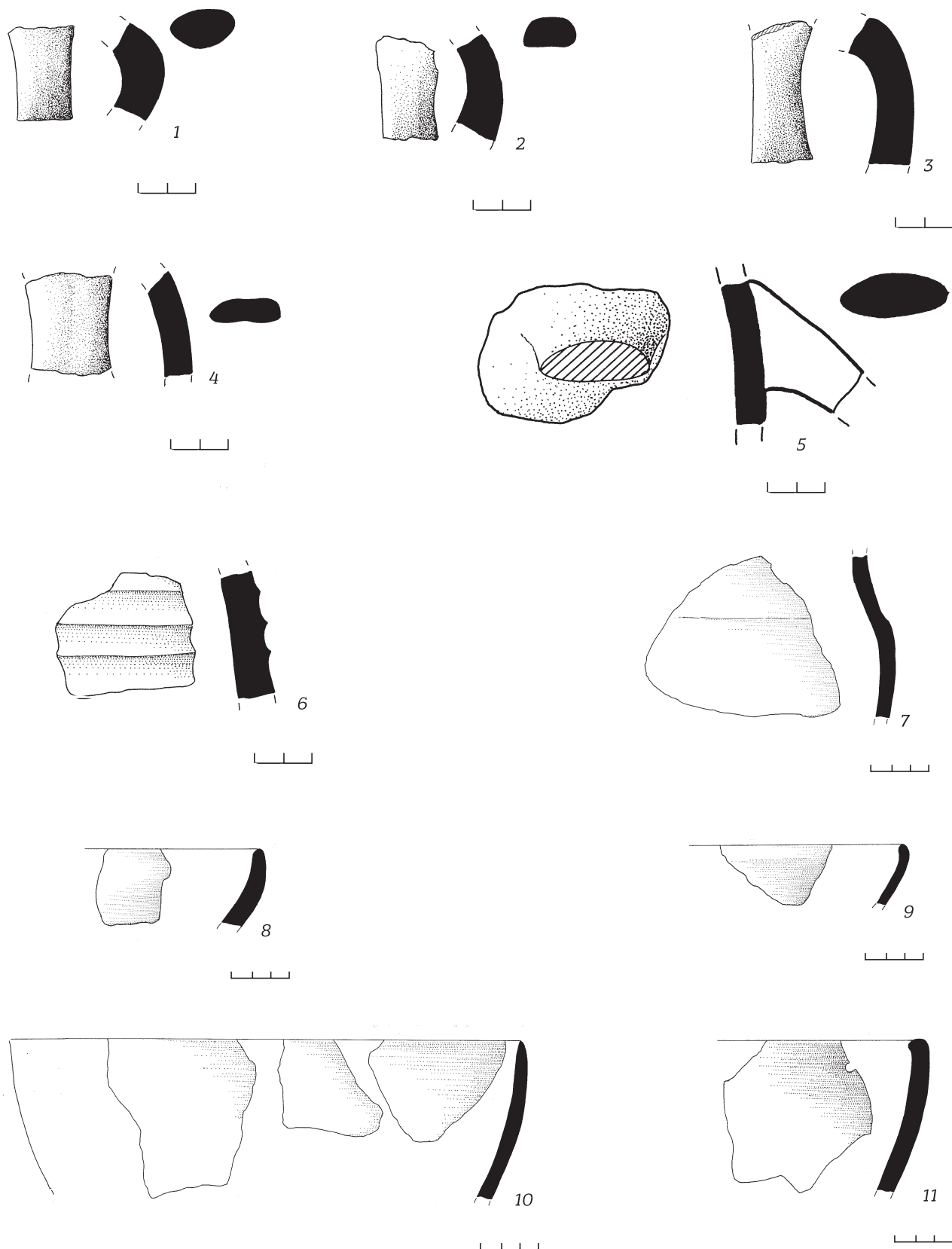

Рис. В22. Большой Городок, керамика из культурного слоя возле жилища № 9
Fig. В22. Bolshoi Gorodok, pottery from the cultural layer near dwelling № 9

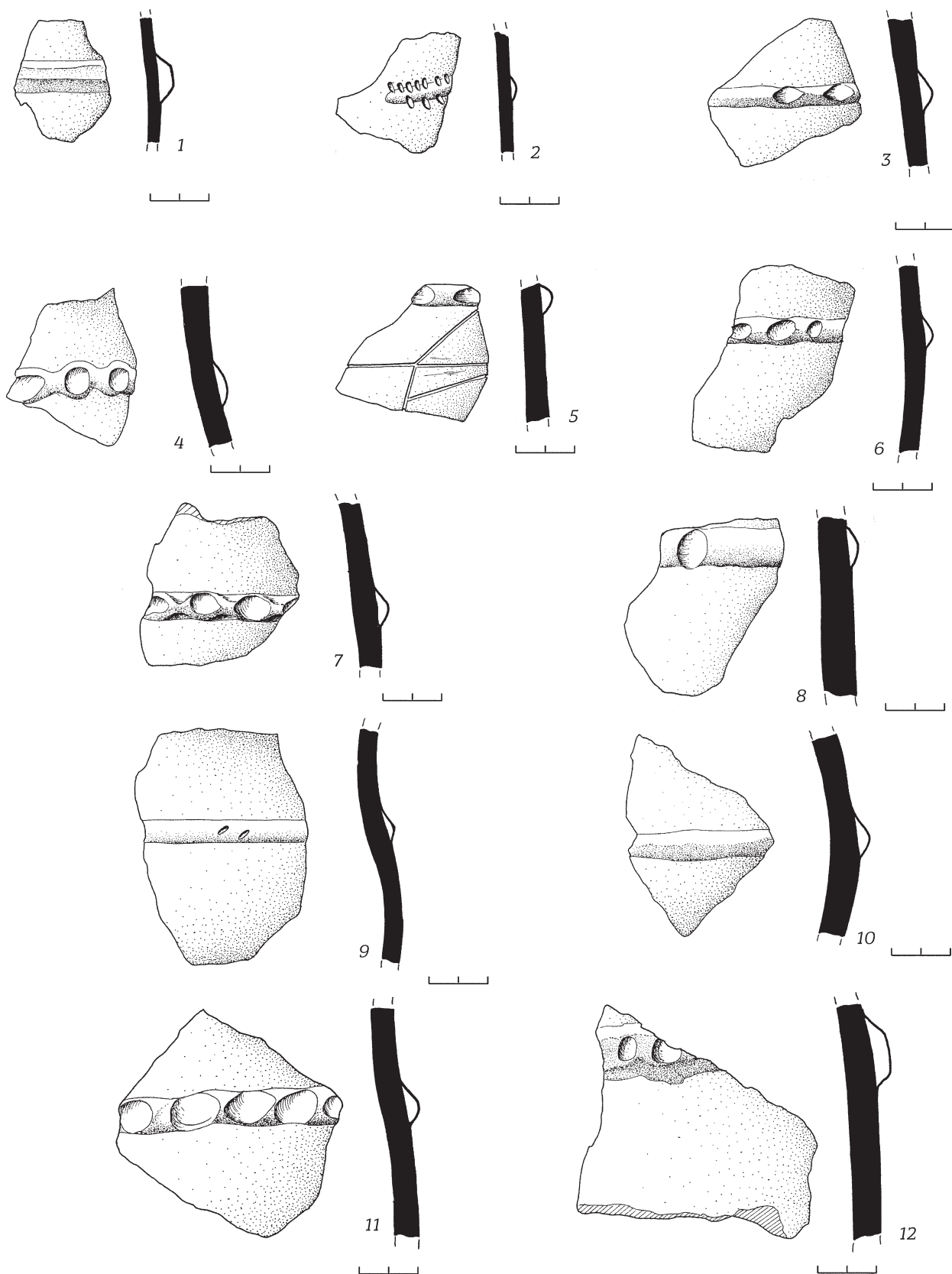

Рис. В23. Большой Городок, раскоп IX, керамика из культурного слоя
 Fig. B23. Bolshoi Gorodok, trench IX, pottery from the cultural layer

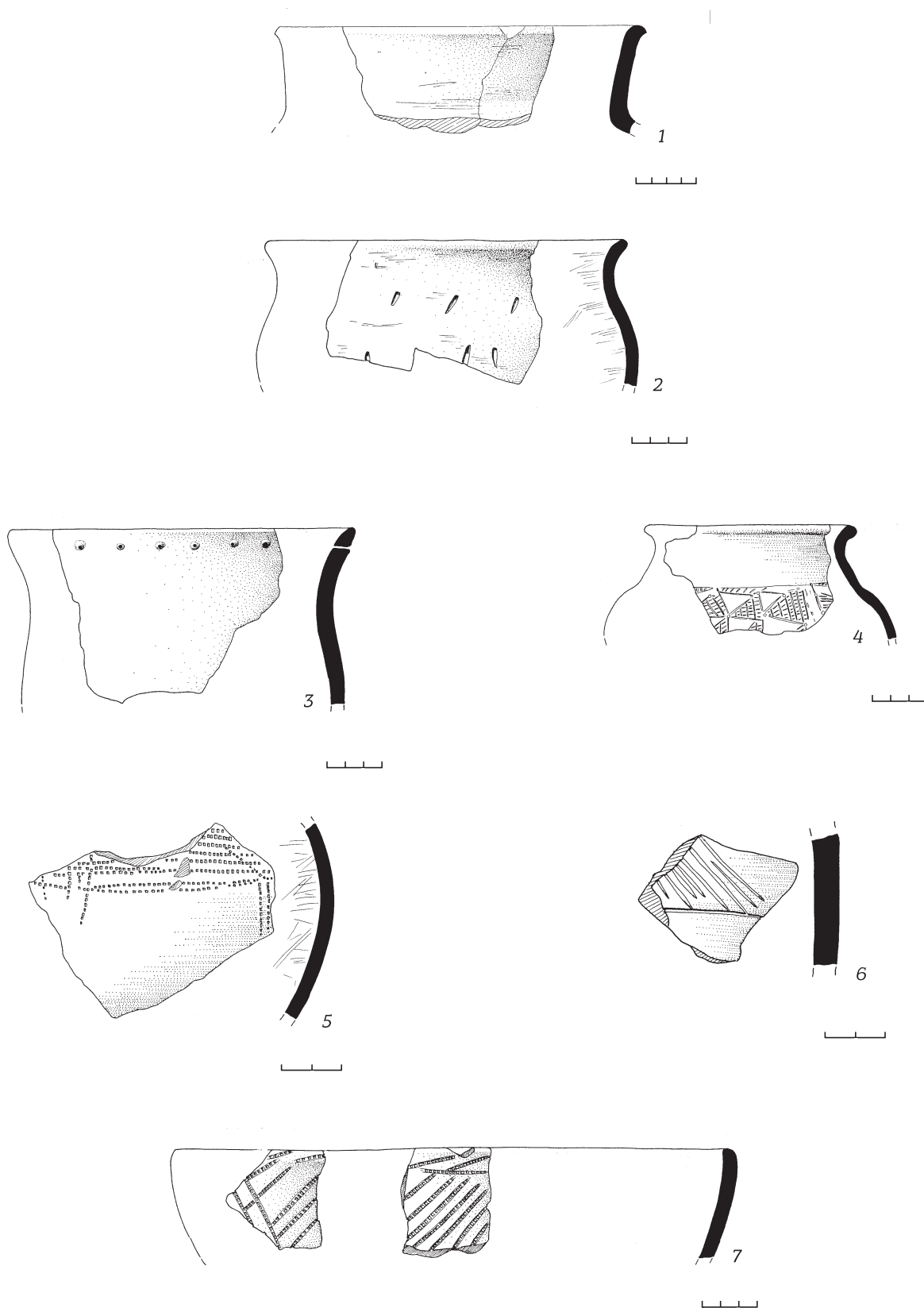

Рис. В24. Большой Городок, раскоп IX, керамика из культурного слоя
Fig. B24. Bolshoi Gorodok, trench IX, pottery from the cultural layer

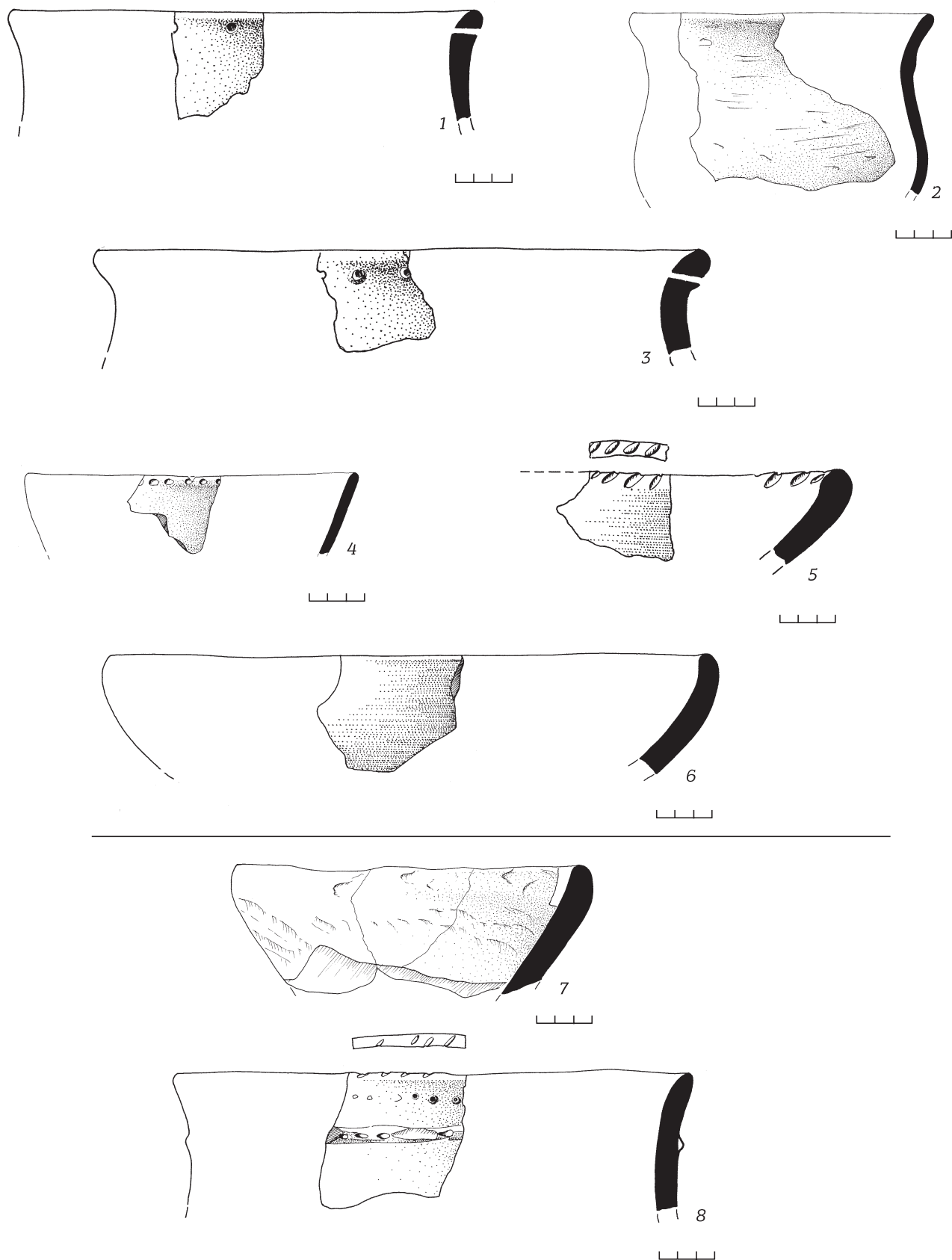

Рис. В25. Большой Городок, раскоп IX, керамика

Fig. B25. Bolshoi Gorodok, trench IX, pottery

1–6 – культурный слой; 7, 8 – яма № 2

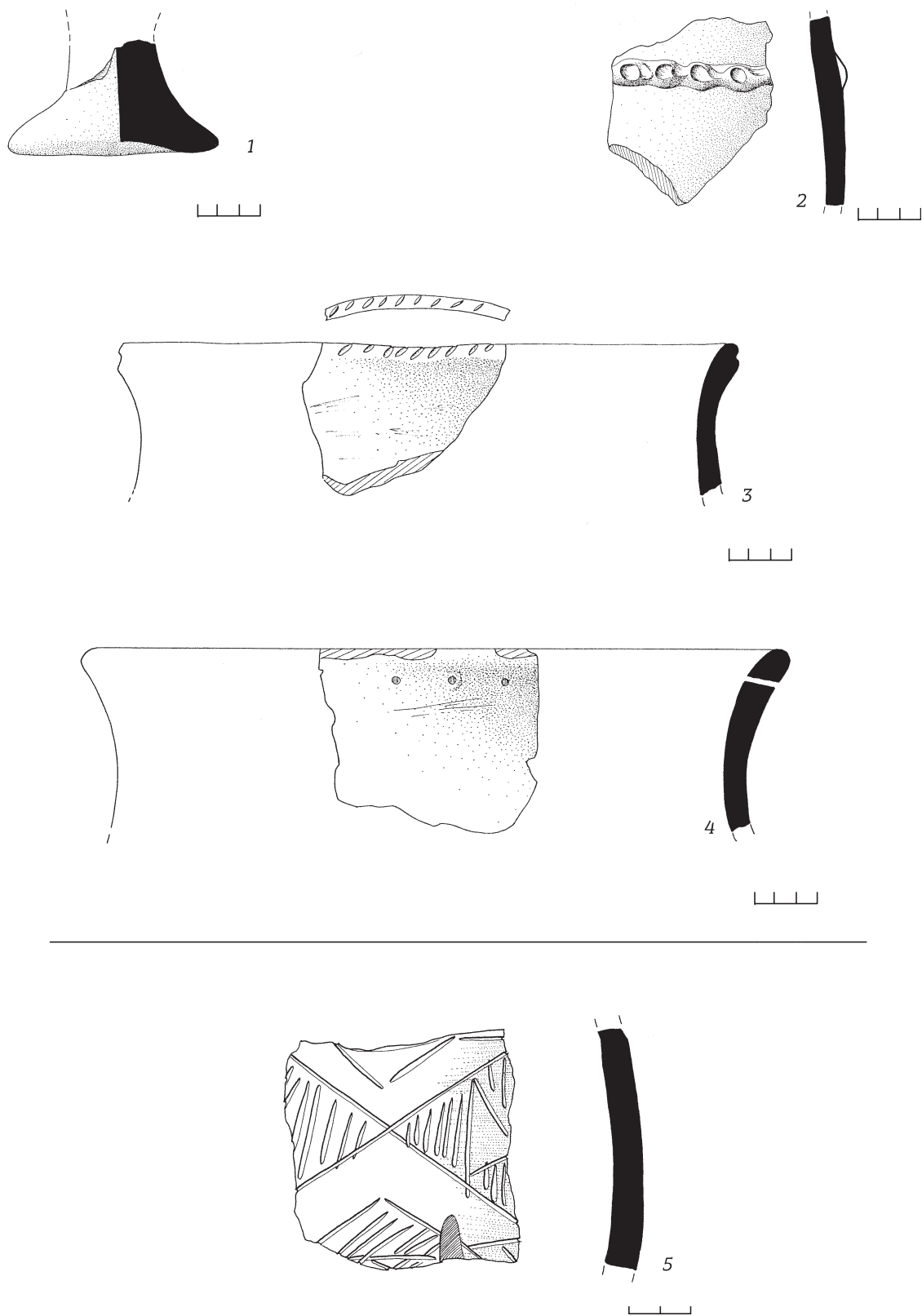

Рис. В26. Большой Городок, раскоп IX, керамика

Fig. В26. Bolshoi Gorodok, trench IX, pottery

1-4 – яма № 10; 5 – яма № 16

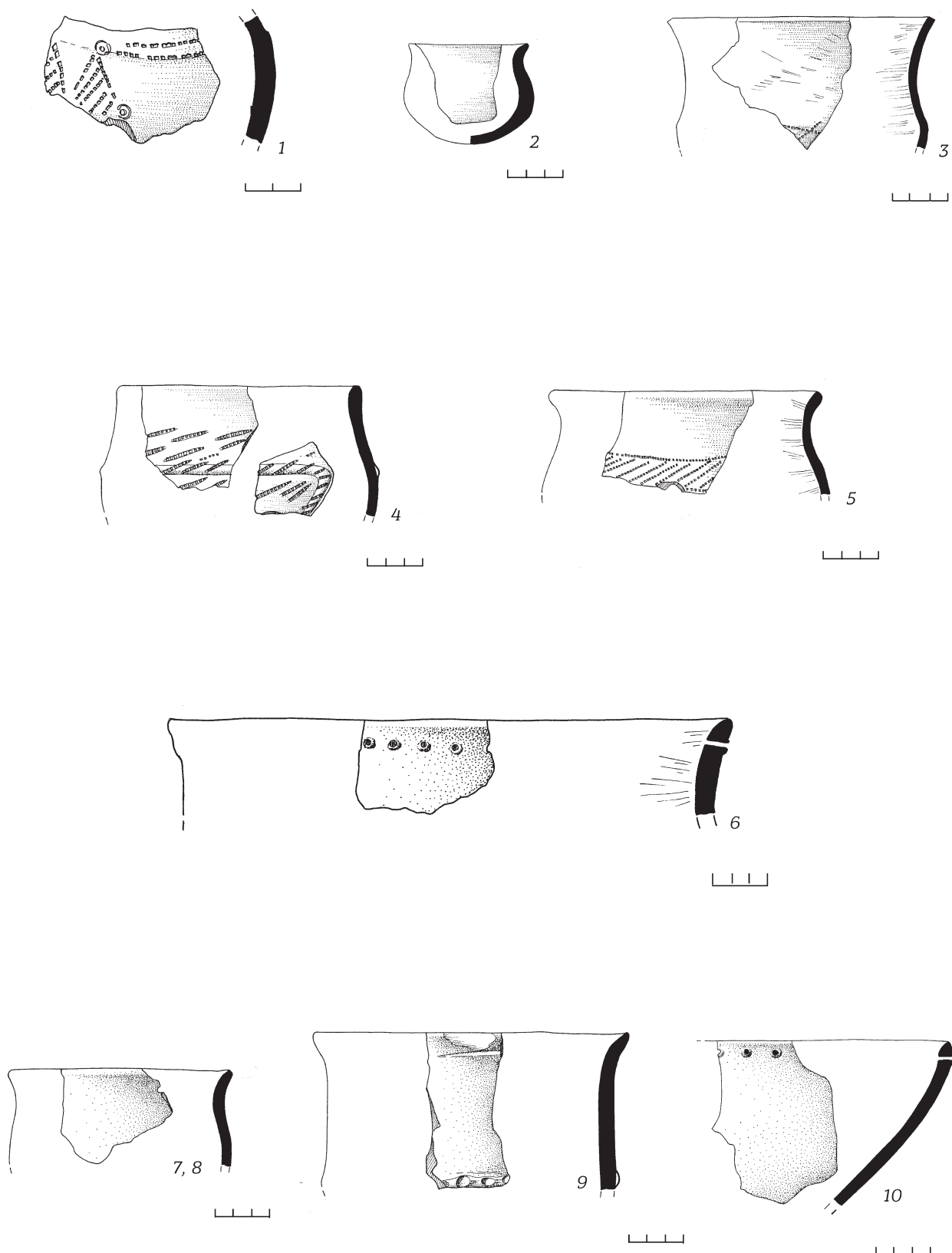

Рис. В27. Большой Городок, раскоп IX, керамика из ямы № 12
Fig. B27. Bolshoi Gorodok, trench IX, pottery from the pit № 12

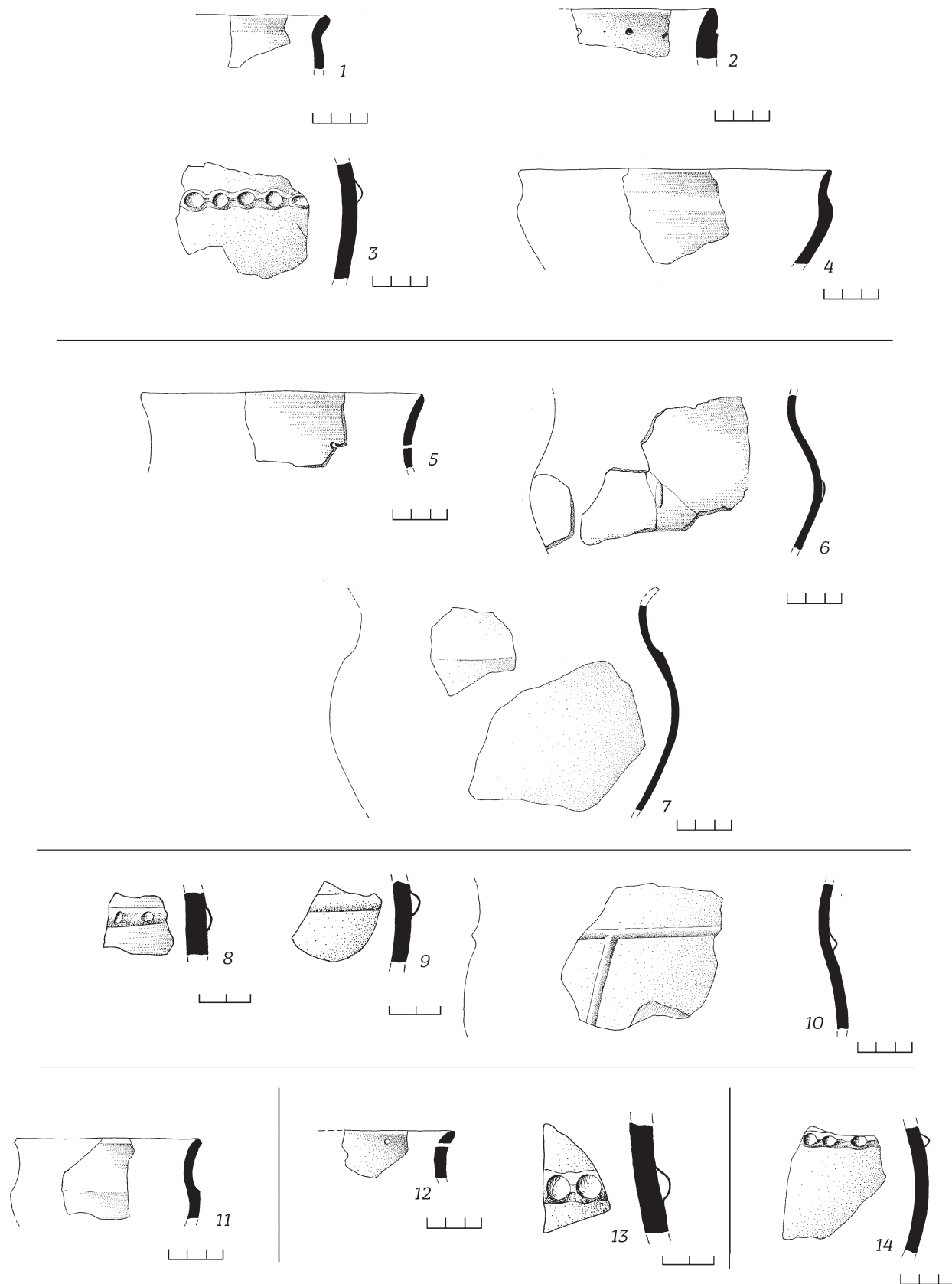

Рис. В28. Большой Городок, раскоп XII, керамика

Fig. B28. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery

1-4 – яма № 1; 5-7 – яма № 3; 8-10 – яма № 5; 11 – яма № 6; 12, 13 – яма № 10; 14 – яма № 7

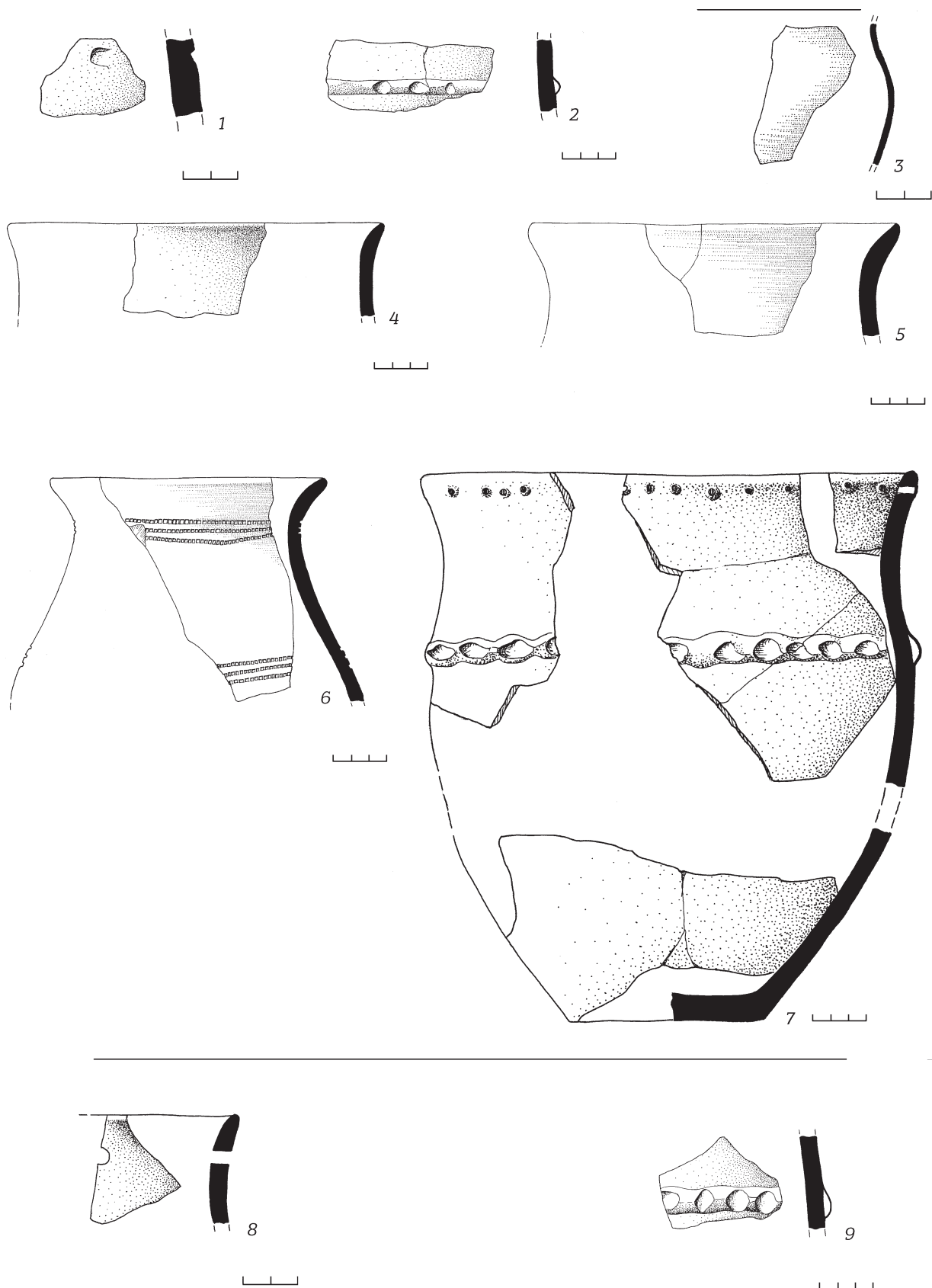

Рис. В29. Большой Городок, раскоп XII, керамика

Fig. B29. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery

1–7 – яма № 2; 8, 9 – яма № 14

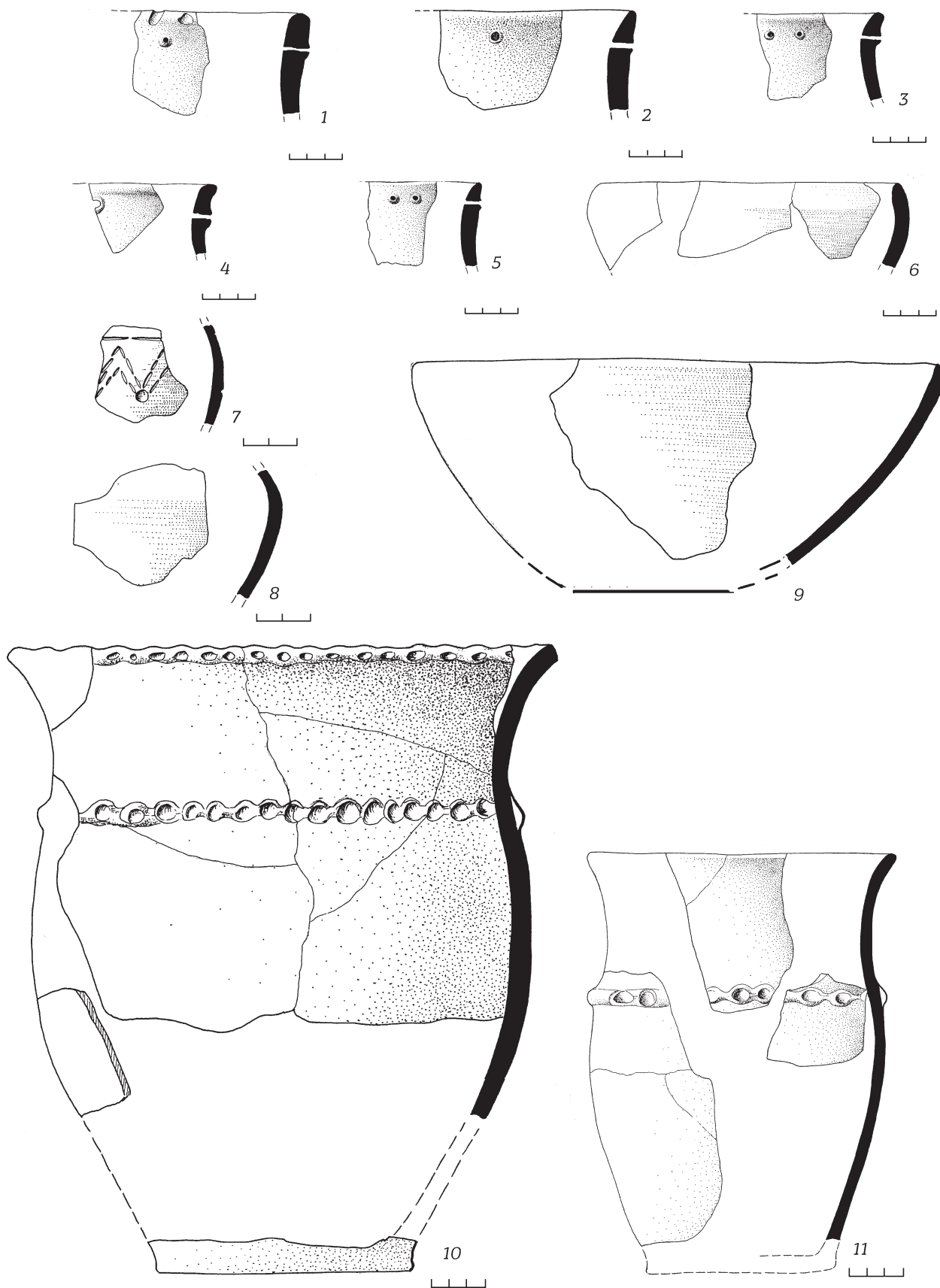

Рис. В30. Большой Городок, раскоп XII, керамика из ямы № 4
Fig. В30. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the pit № 4

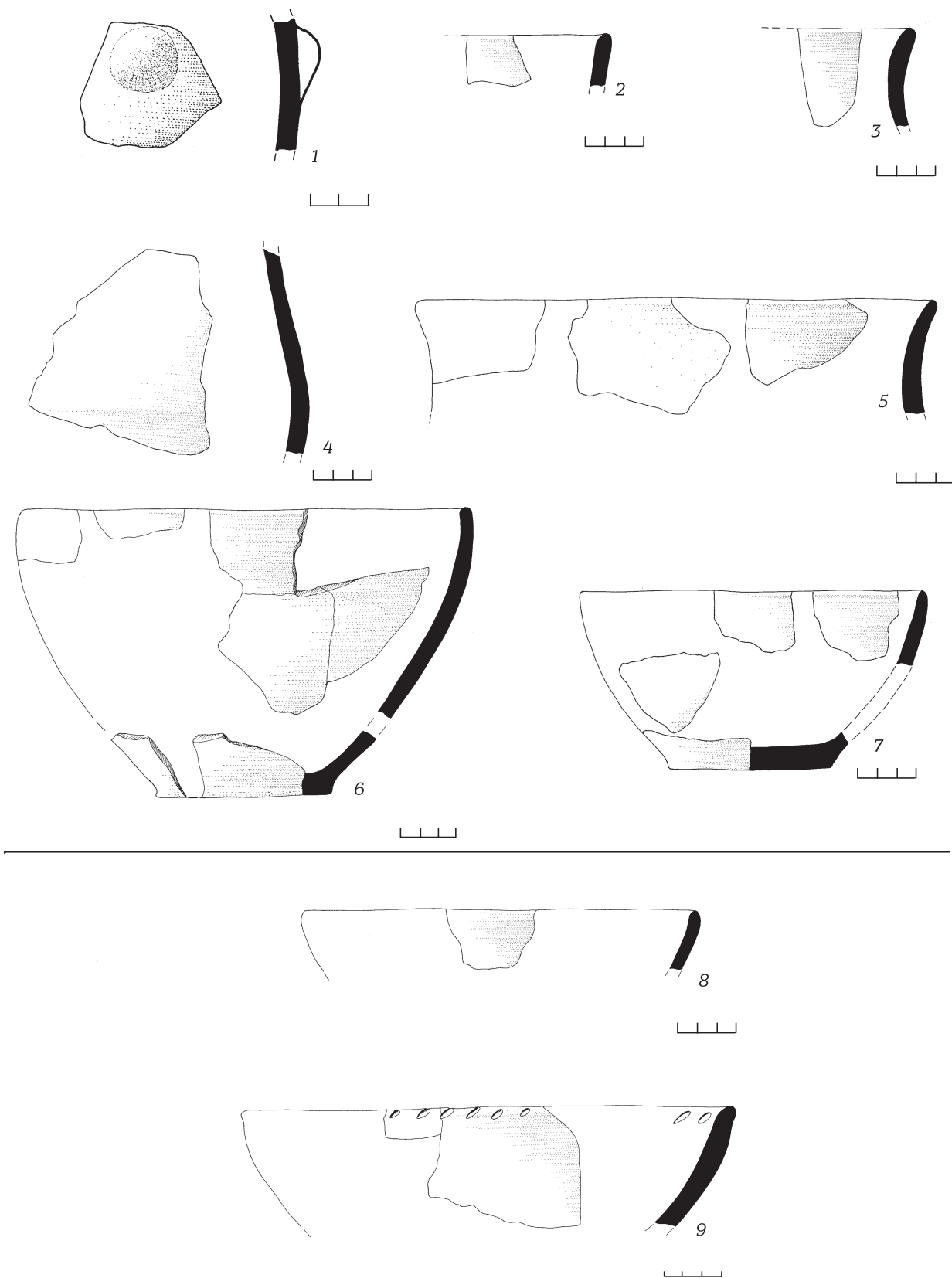

Рис. В31. Большой Городок, раскоп XII, керамика

Fig. В31. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery

1–7 – яма № 9; 8, 9 – яма № 13

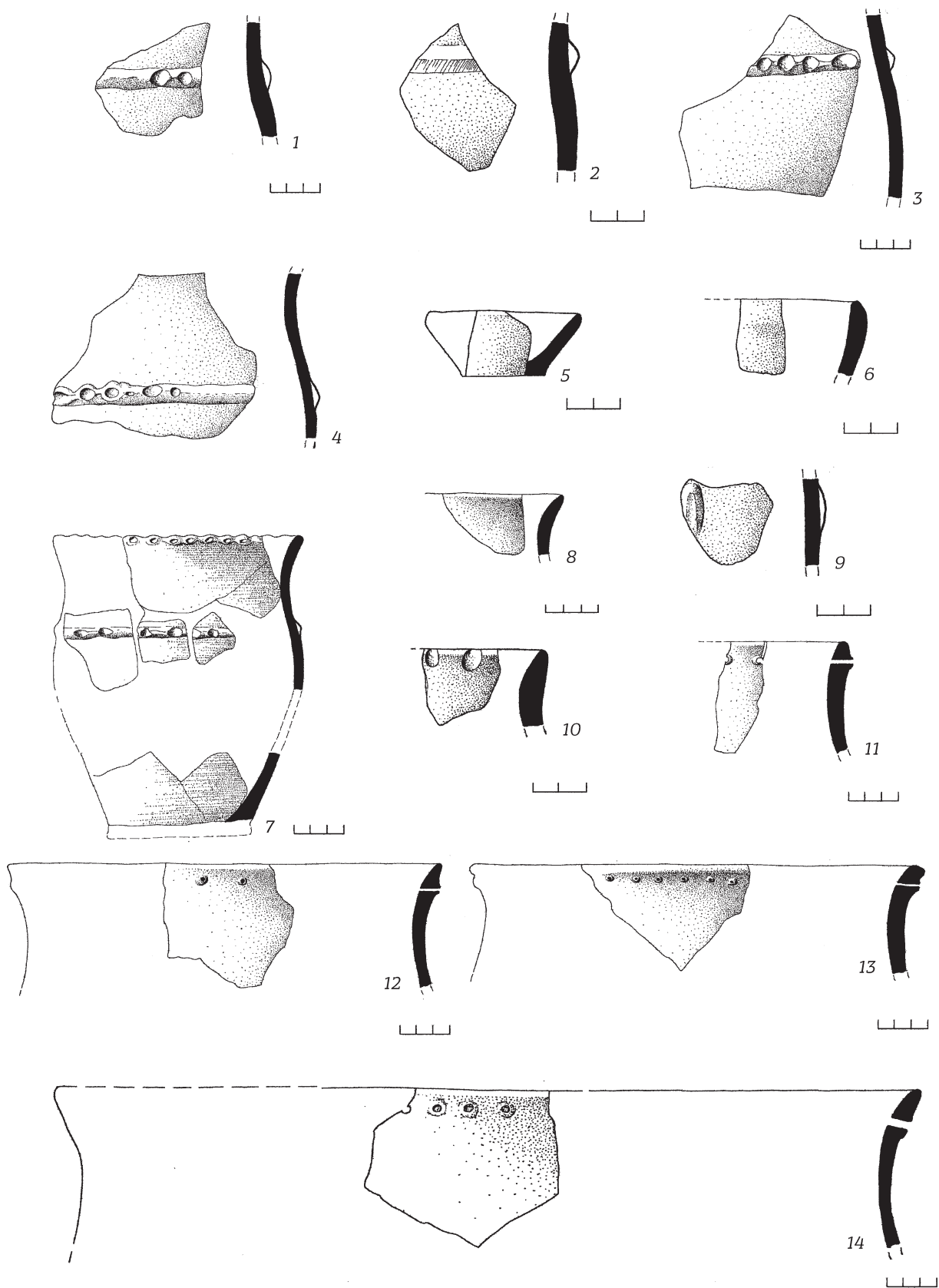

Рис. В32. Большой Городок, раскоп XII, керамика из ямы № 9
Fig. В32. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the pit № 9

РИСУНКИ

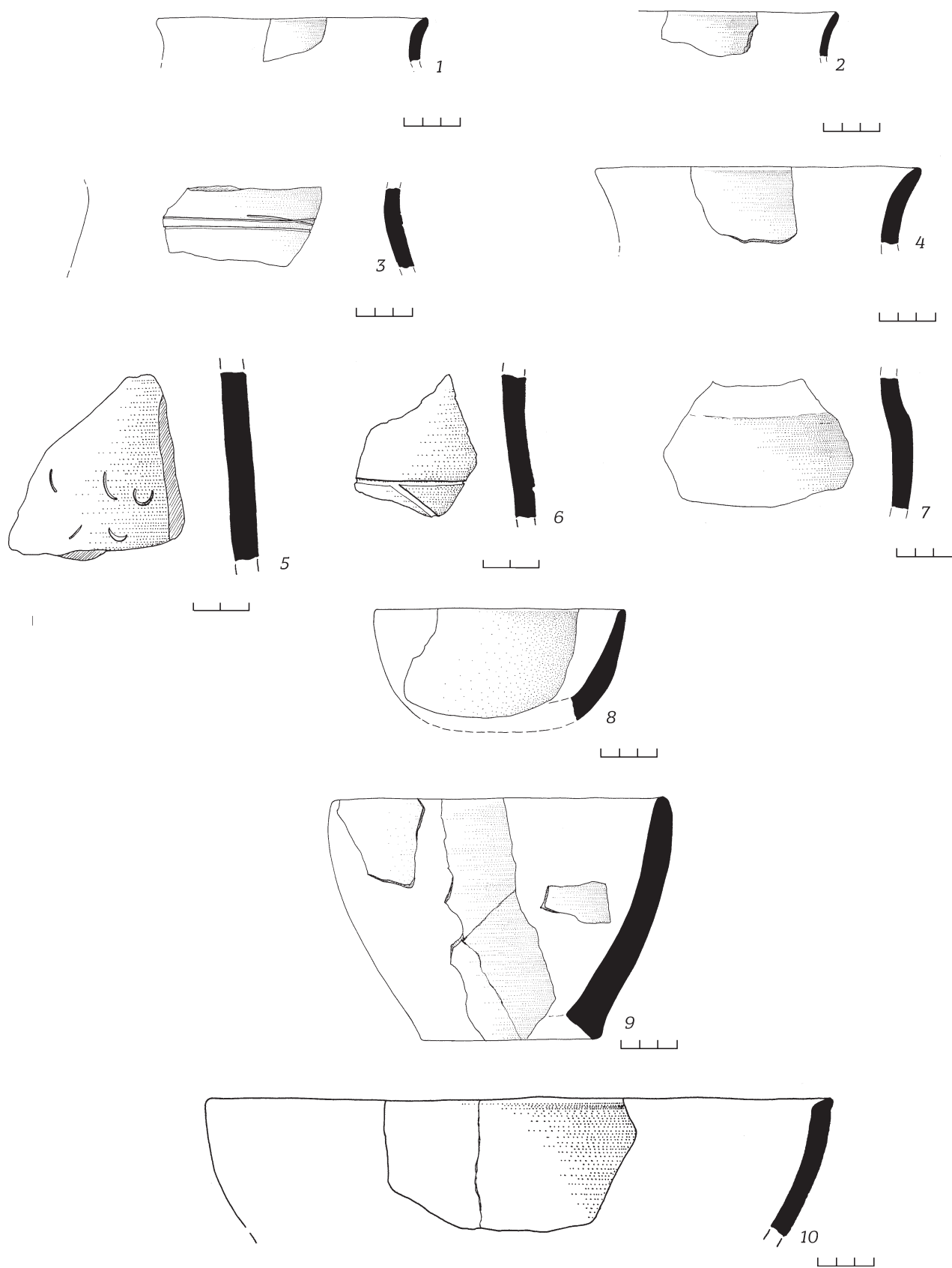

Рис. В33. Большой Городок, раскоп XII, керамика из ямы № 12

Fig. B33. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the pit № 12

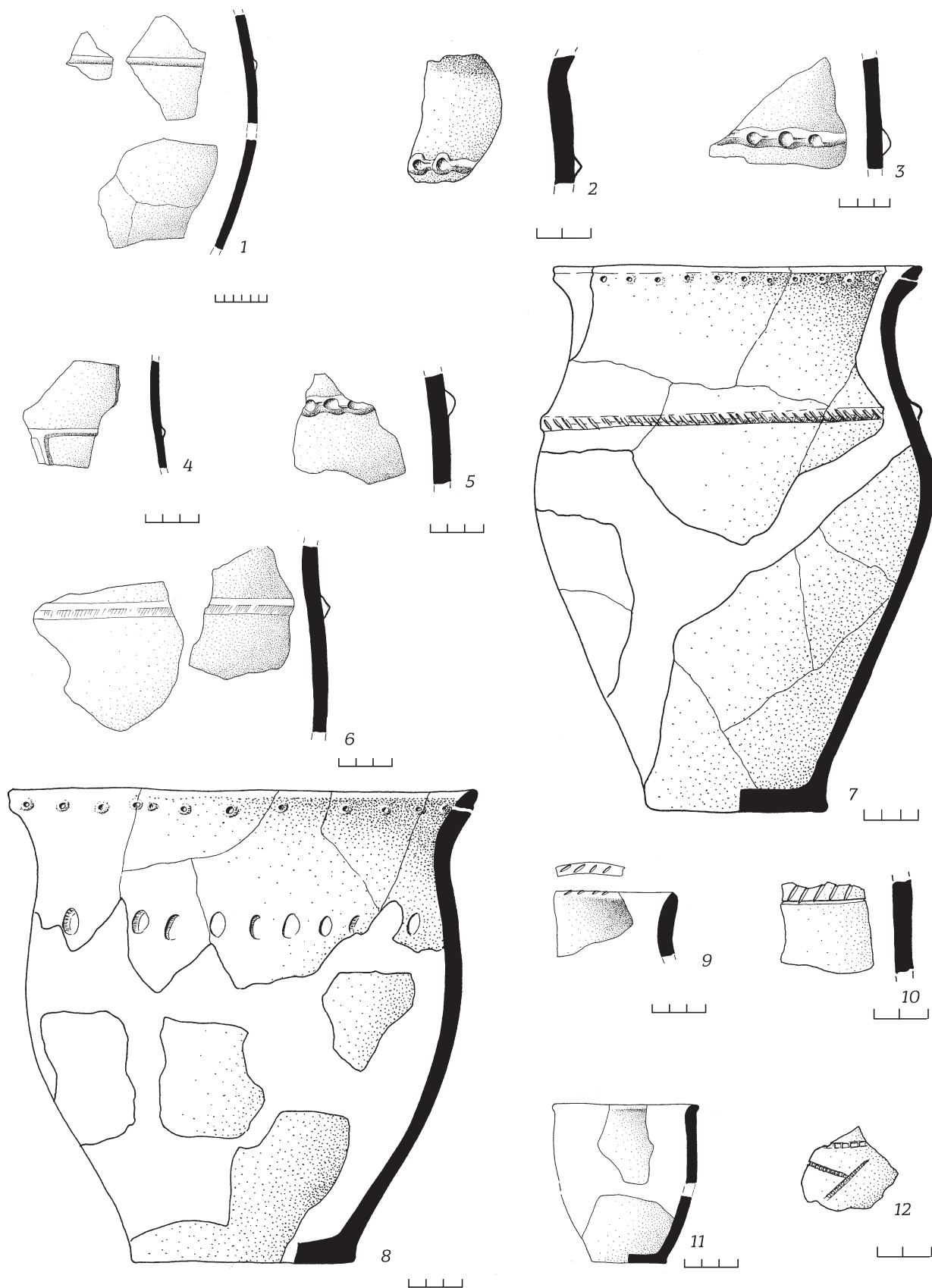

Рис. В34. Большой Городок, раскоп XII, керамика из ямы № 12
Fig. В34. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the pit № 12

РИСУНКИ

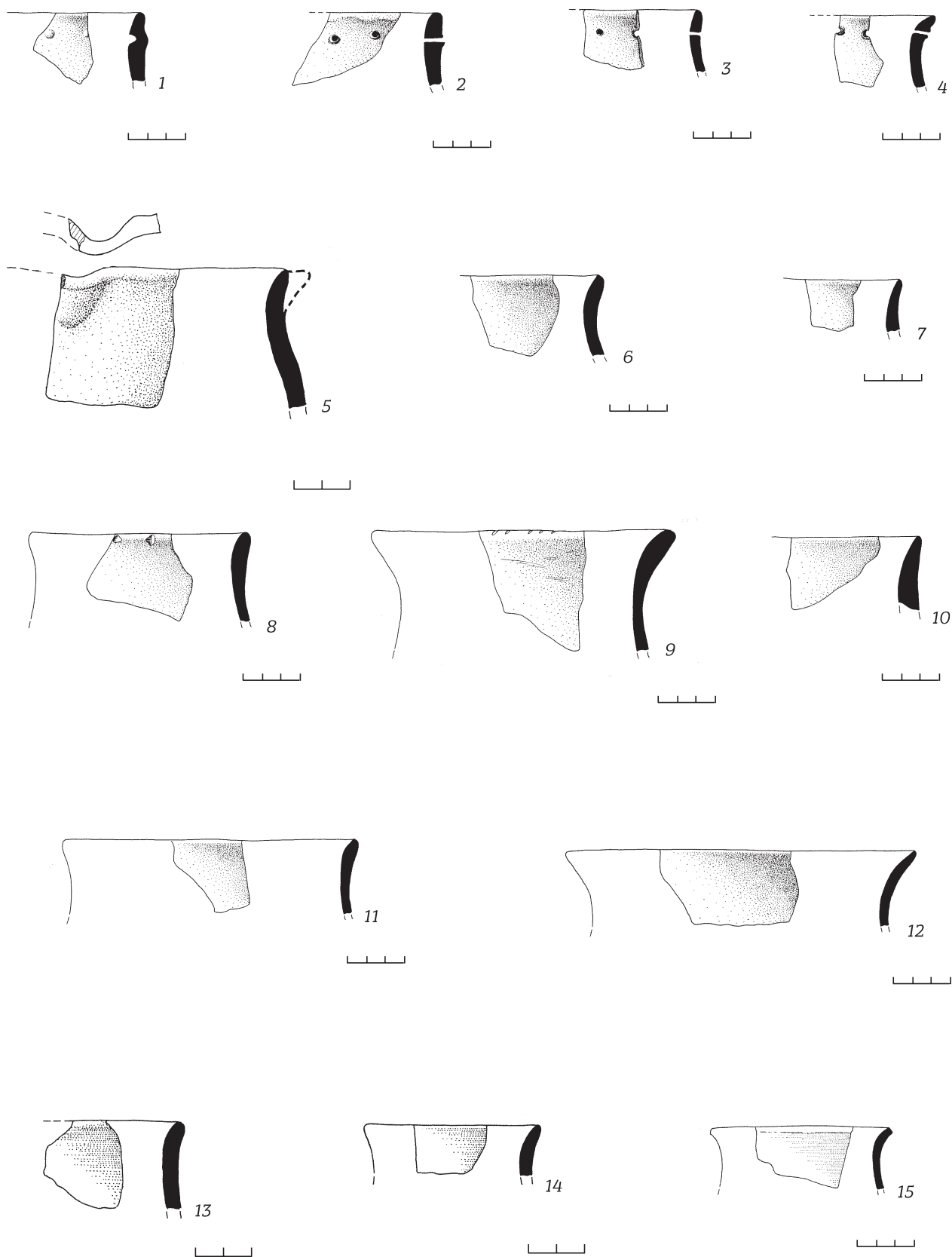

Рис. В35. Большой Городок, раскоп XII, керамика из культурного слоя
 Fig. B35. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the cultural layer

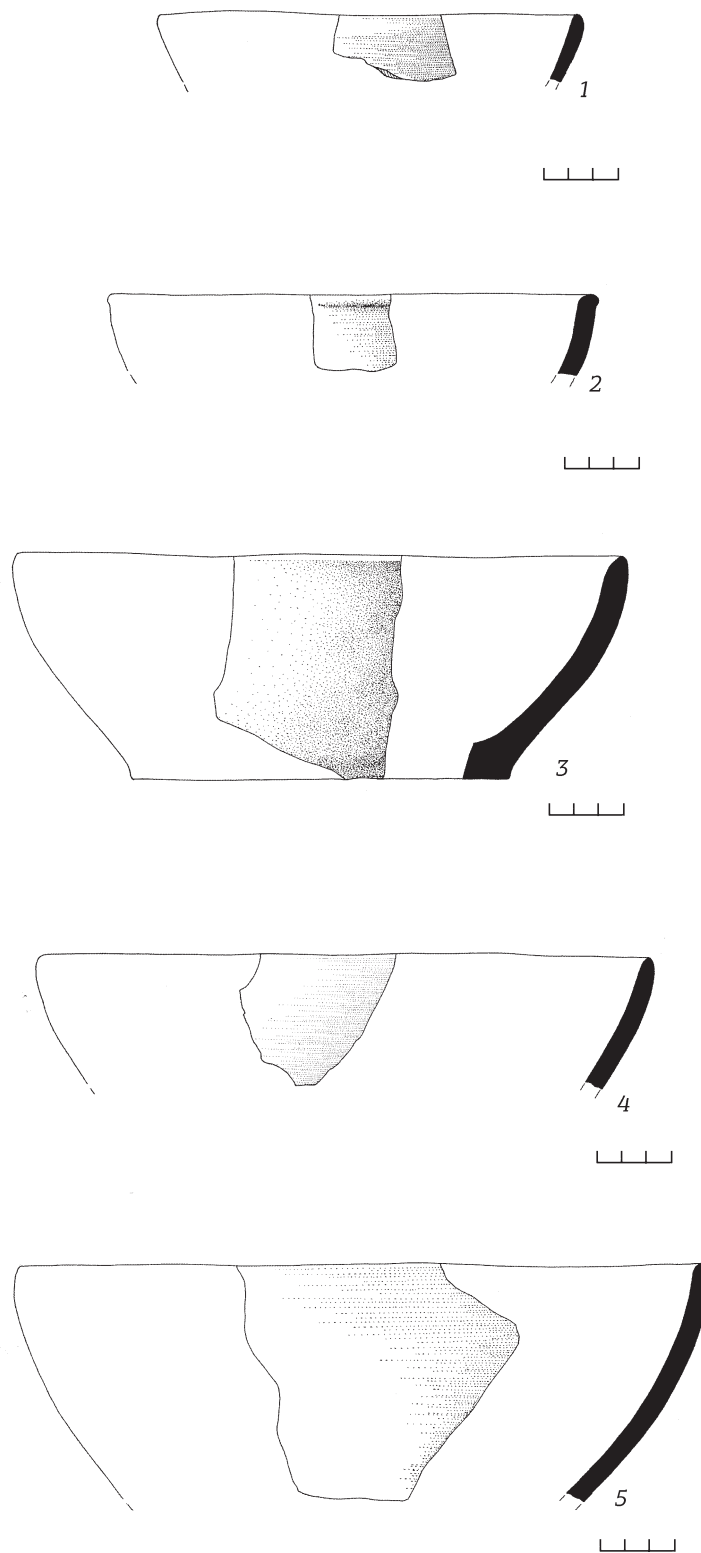

Рис. В36. Большой Городок, раскоп XII, керамика из культурного слоя
Fig. В36. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the cultural layer

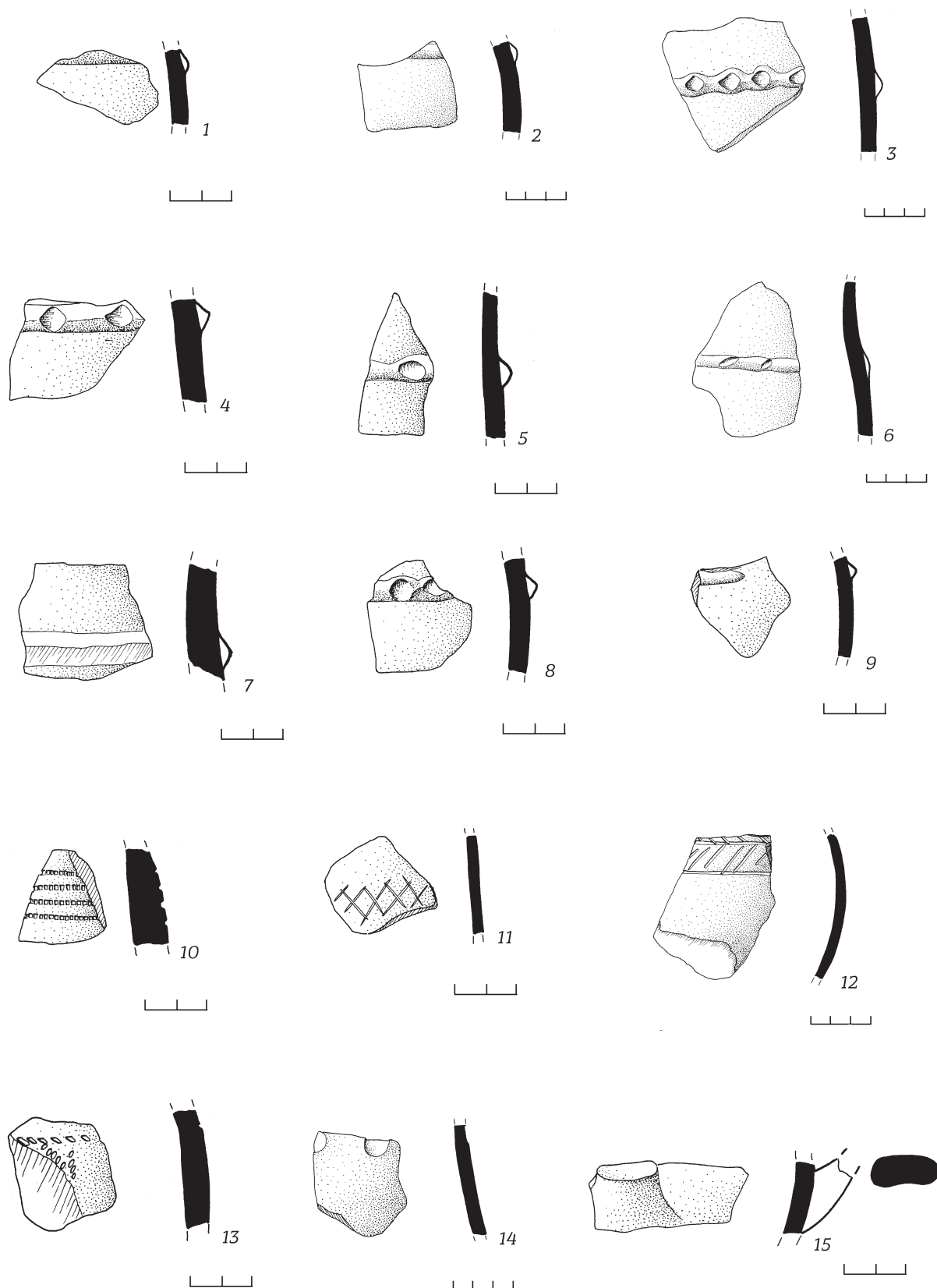

Рис. В37. Большой Городок, раскоп XII, керамика из культурного слоя
 Fig. B37. Bolshoi Gorodok, trench XII, pottery from the cultural layer

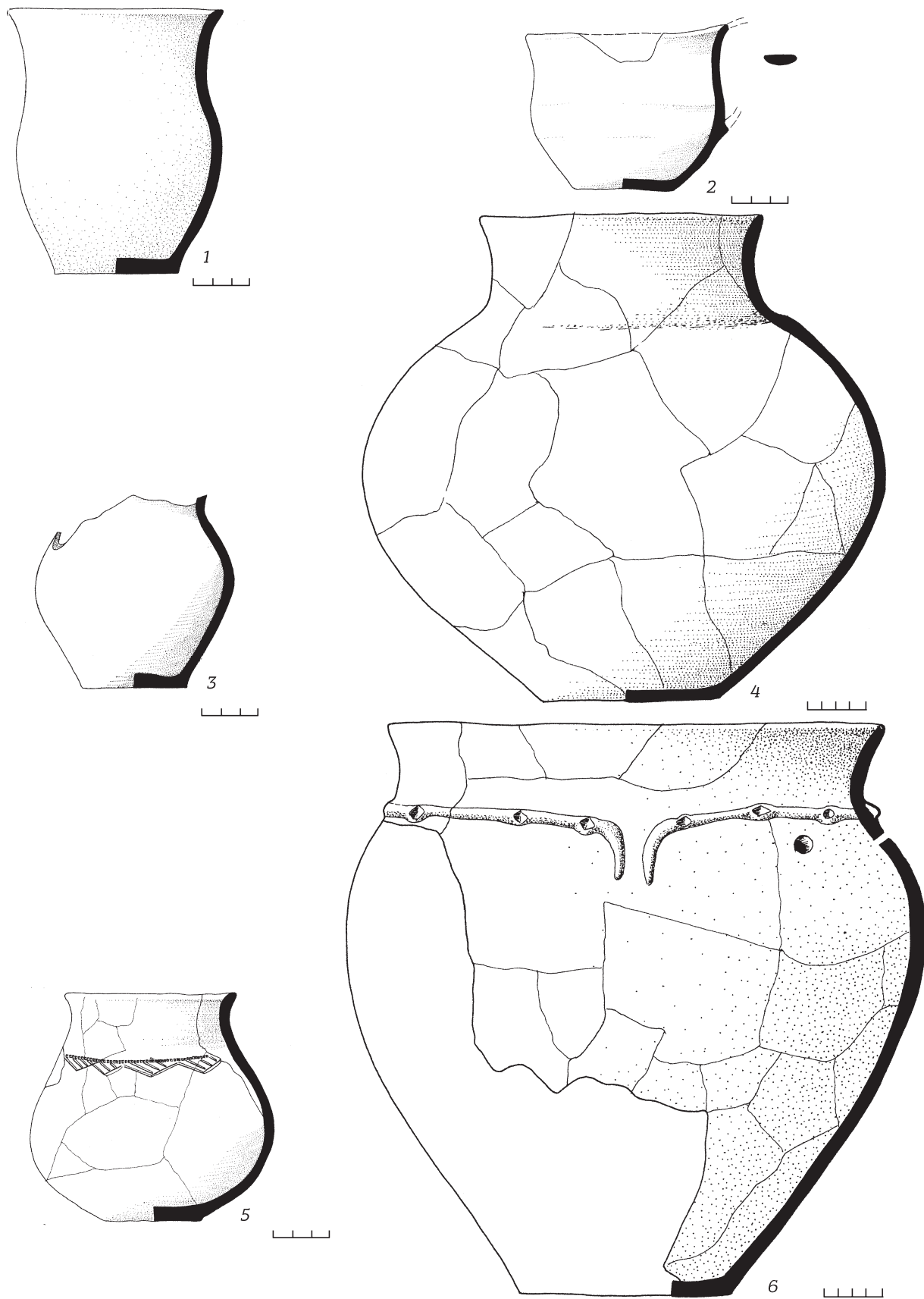

Рис. В38. Большой Городок, жилище № 1, керамика с пола
Fig. В38. Bolshoi Gorodok, dwelling № 1, pottery from the floor

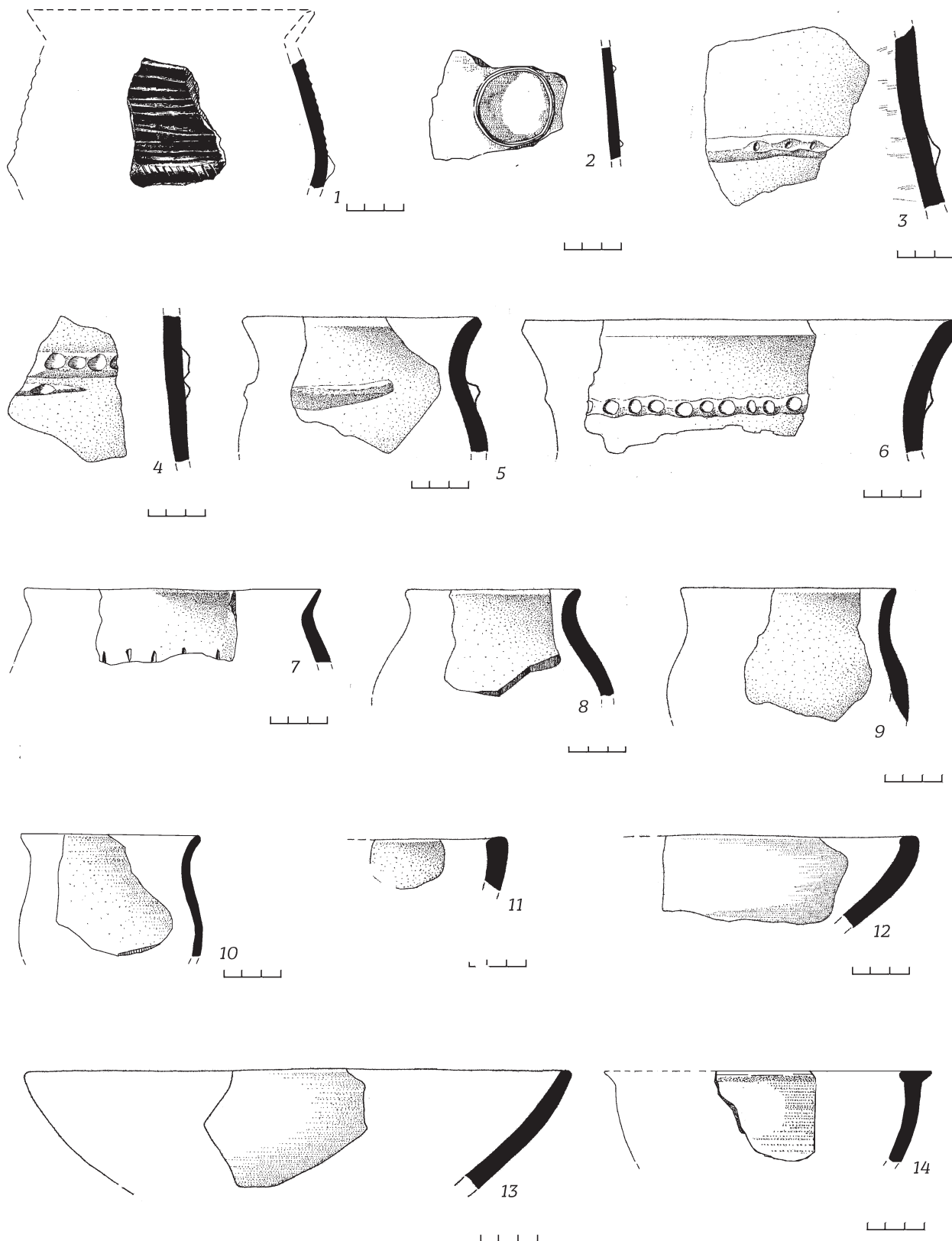

Рис. В39. Большой Городок, жилище № 1, керамика из «зольного» заполнения котлована
Fig. В39. Bolshoi Gorodok, dwelling № 1, pottery from filling of ditch

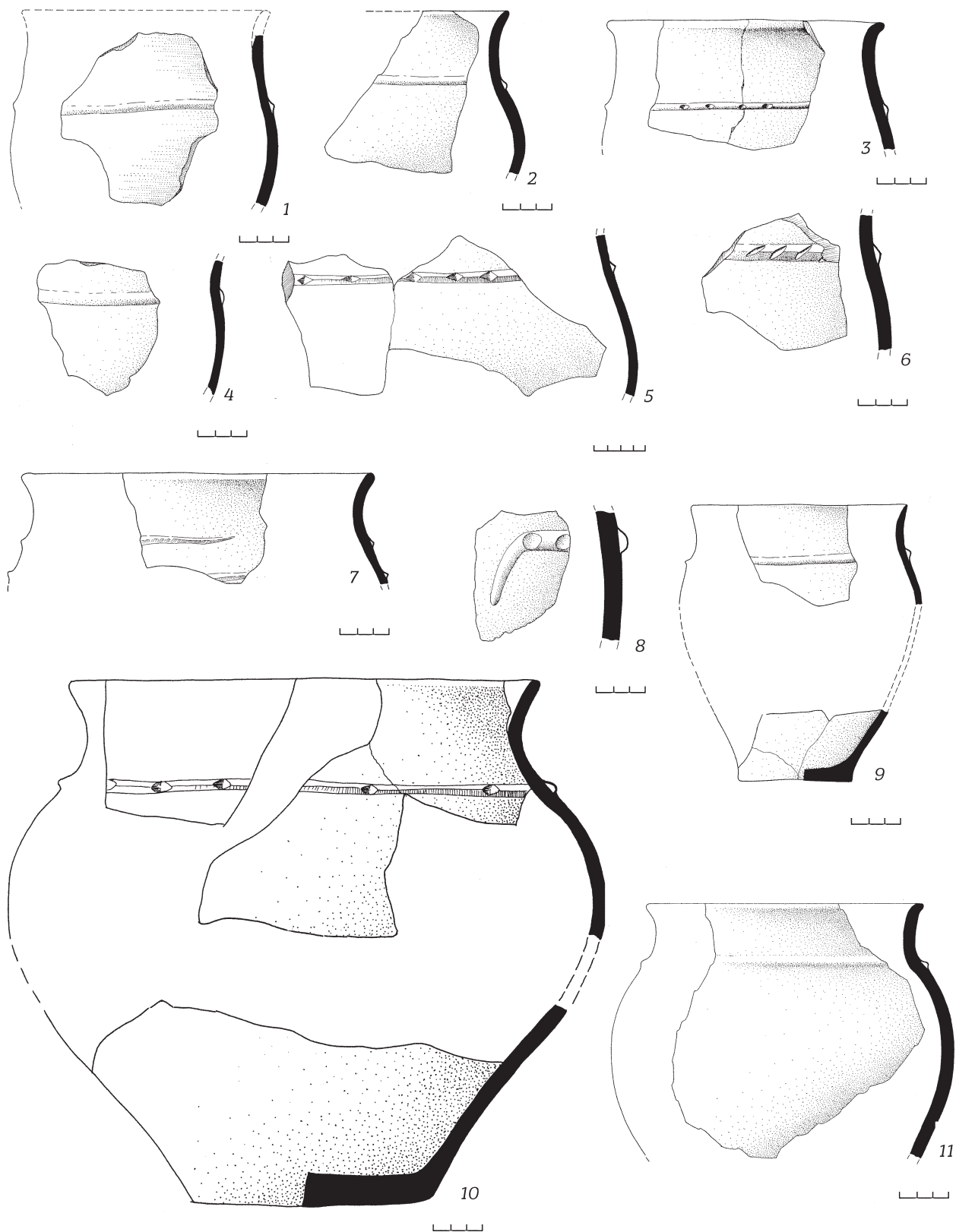

Рис. В40. Большой Городок, жилище № 2, керамика с пола
Fig. В40. Bolshoi Gorodok, dwelling № 2, pottery from the floor

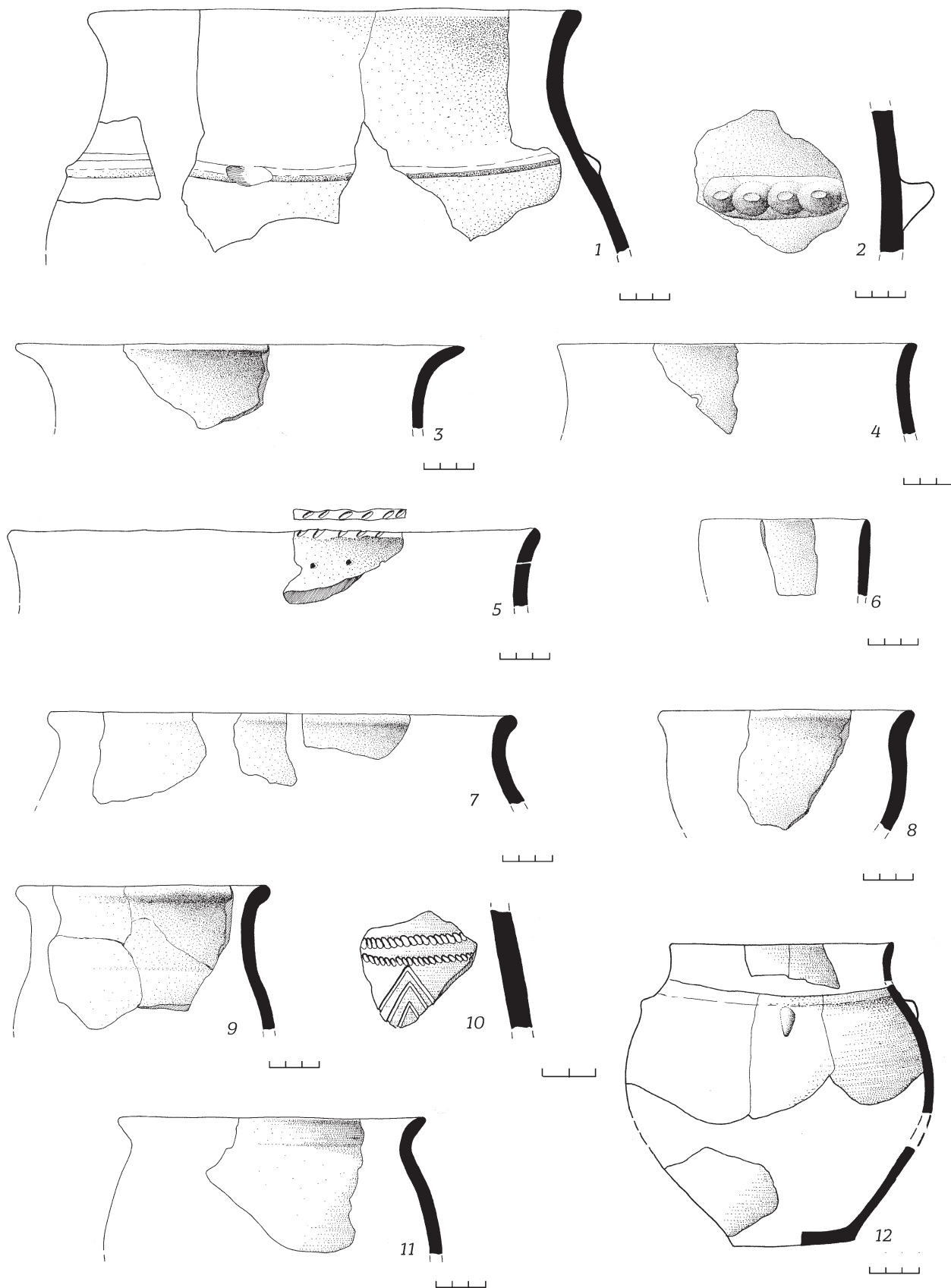

Рис. В41. Большой Городок, жилище № 2, керамика с пола
 Fig. В41. Bolshoi Gorodok, dwelling № 2, pottery from the floor

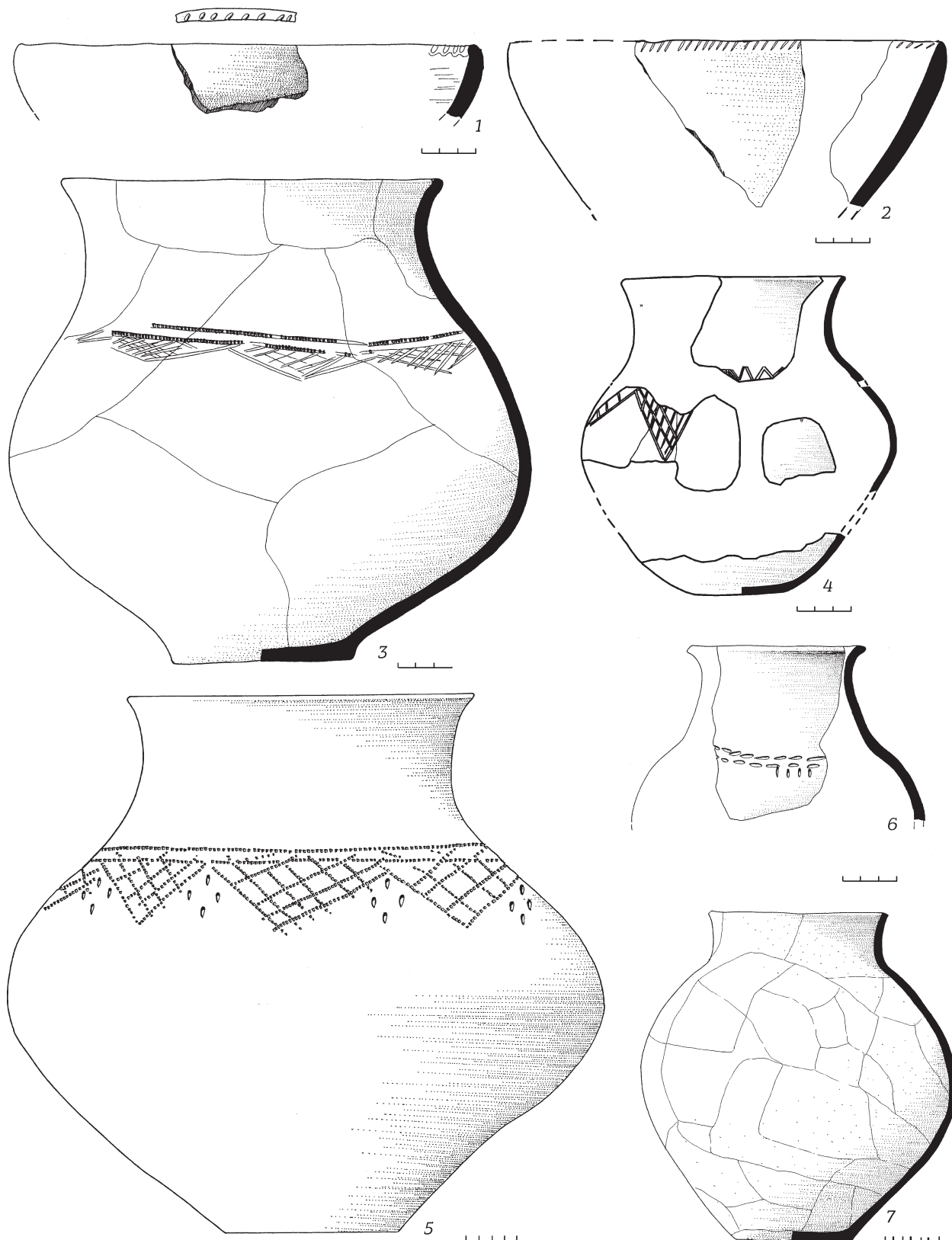

Рис. В42. Большой Городок, жилище № 2, керамика с пола
Fig. B42. Bolshoi Gorodok, dwelling № 2, pottery from the floor

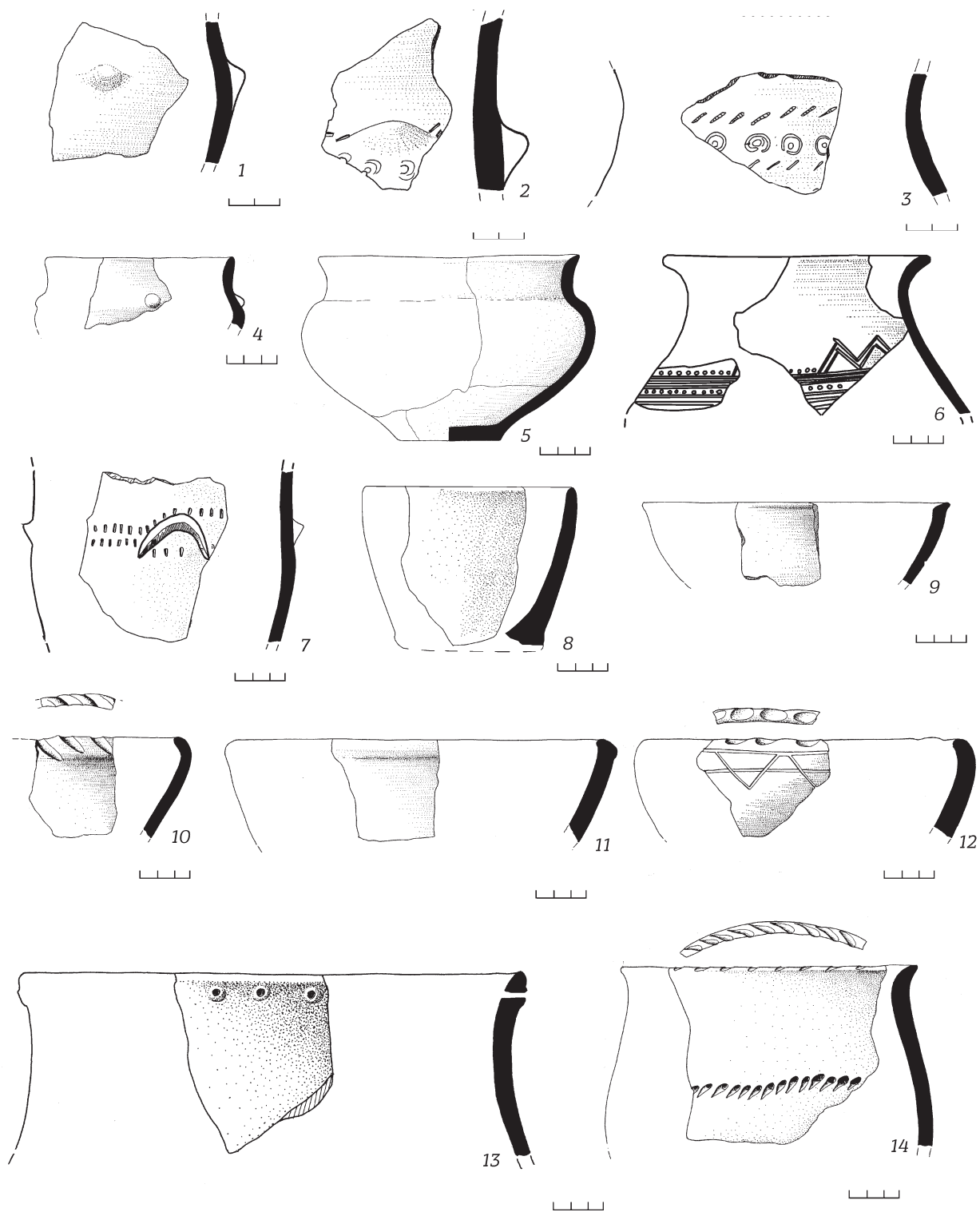

Рис. В43. Большой Городок, жилище № 2, керамика из «зольного» заполнения котлована
Fig. B43. Bolshoi Gorodok, dwelling № 2, pottery from «cindery» filling of ditch

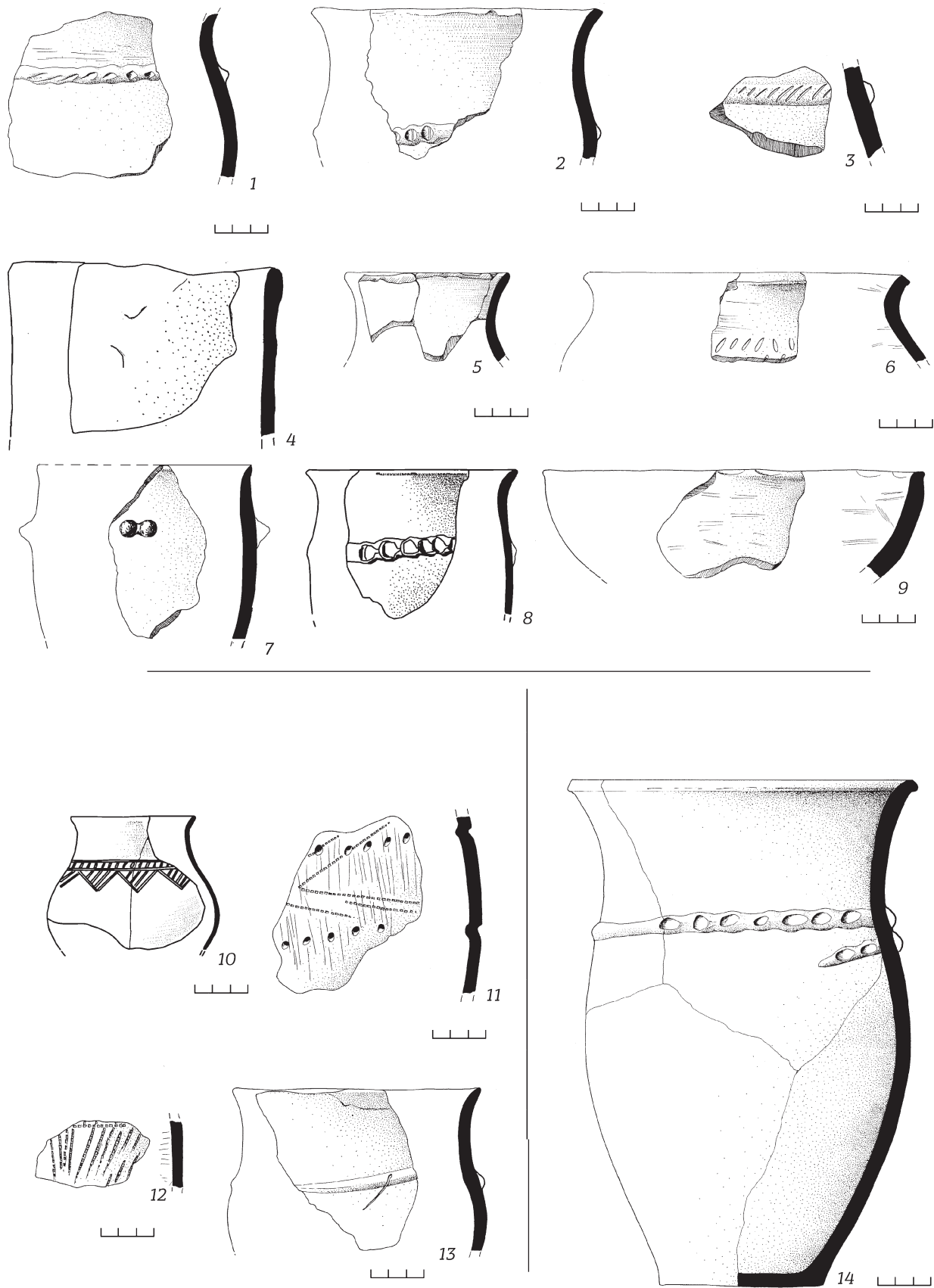

Рис. В44. Большой Городок, раскоп III, керамика

Fig. В44. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery

1-9 – культурный слой возле жилища № 2; 10-13 – возле очагов; 14 – яма № 49

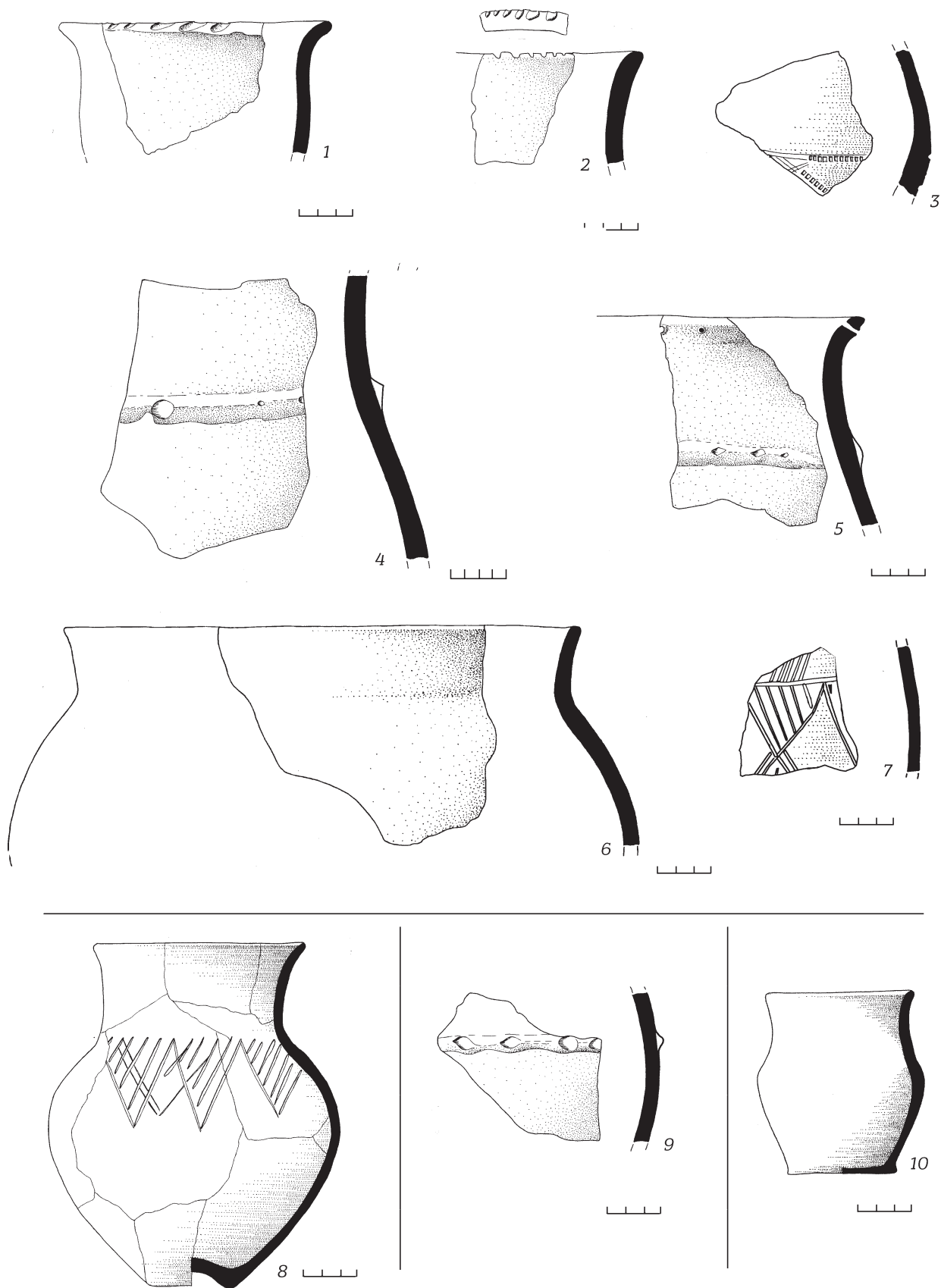

Рис. В45. Большой Городок, раскоп III, керамика

Fig. B45. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery

1–7 – культурный слой; 8 – «жилище» № 3, пол; 9 – заполнение котлована «жилища» № 3; 10 – яма № 21

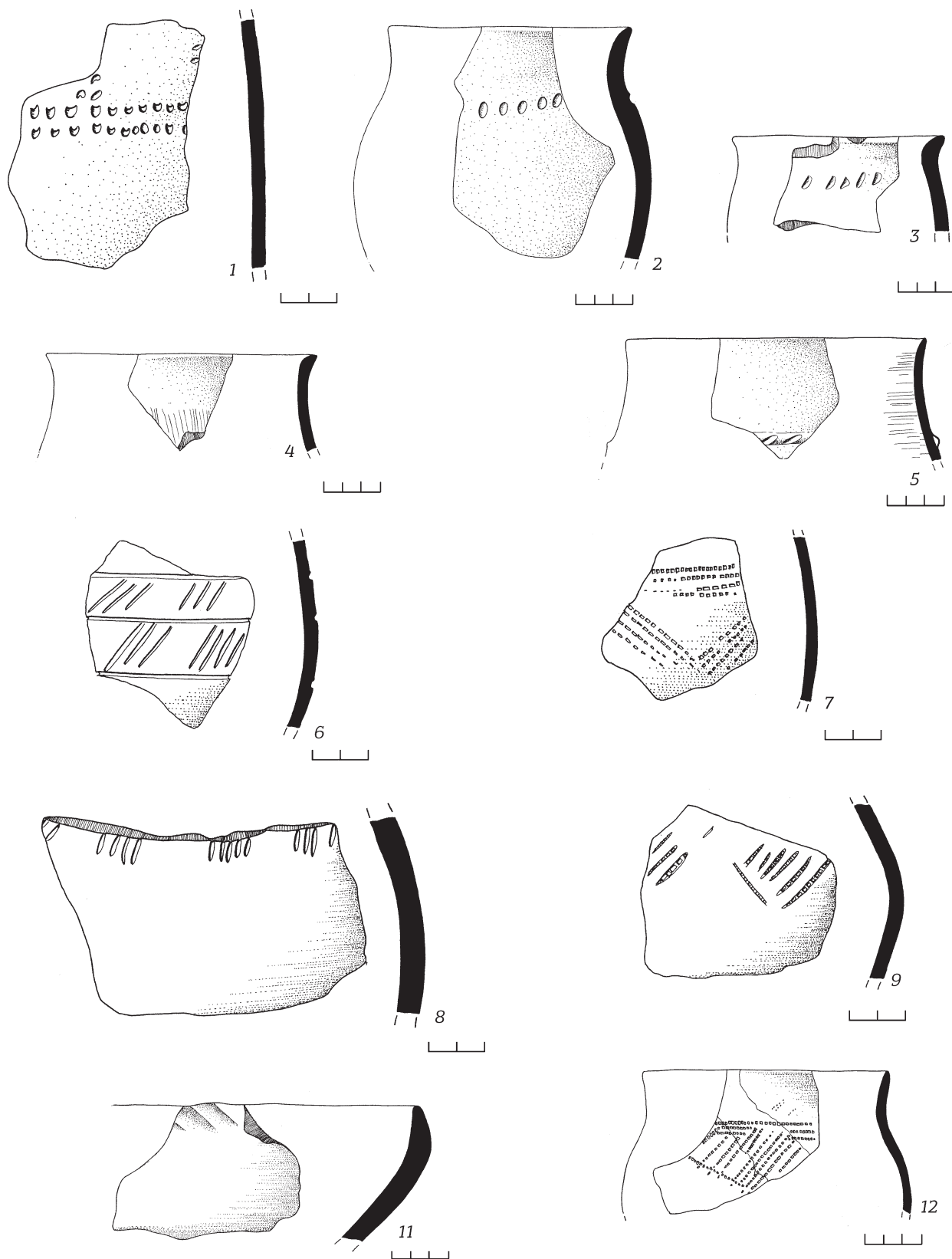

Рис. В46. Большой Городок, керамика из культурного слоя возле «жилища» № 3

Fig. В46. Bolshoi Gorodok, pottery from the cultural layer near «dwelling» № 3

РИСУНКИ

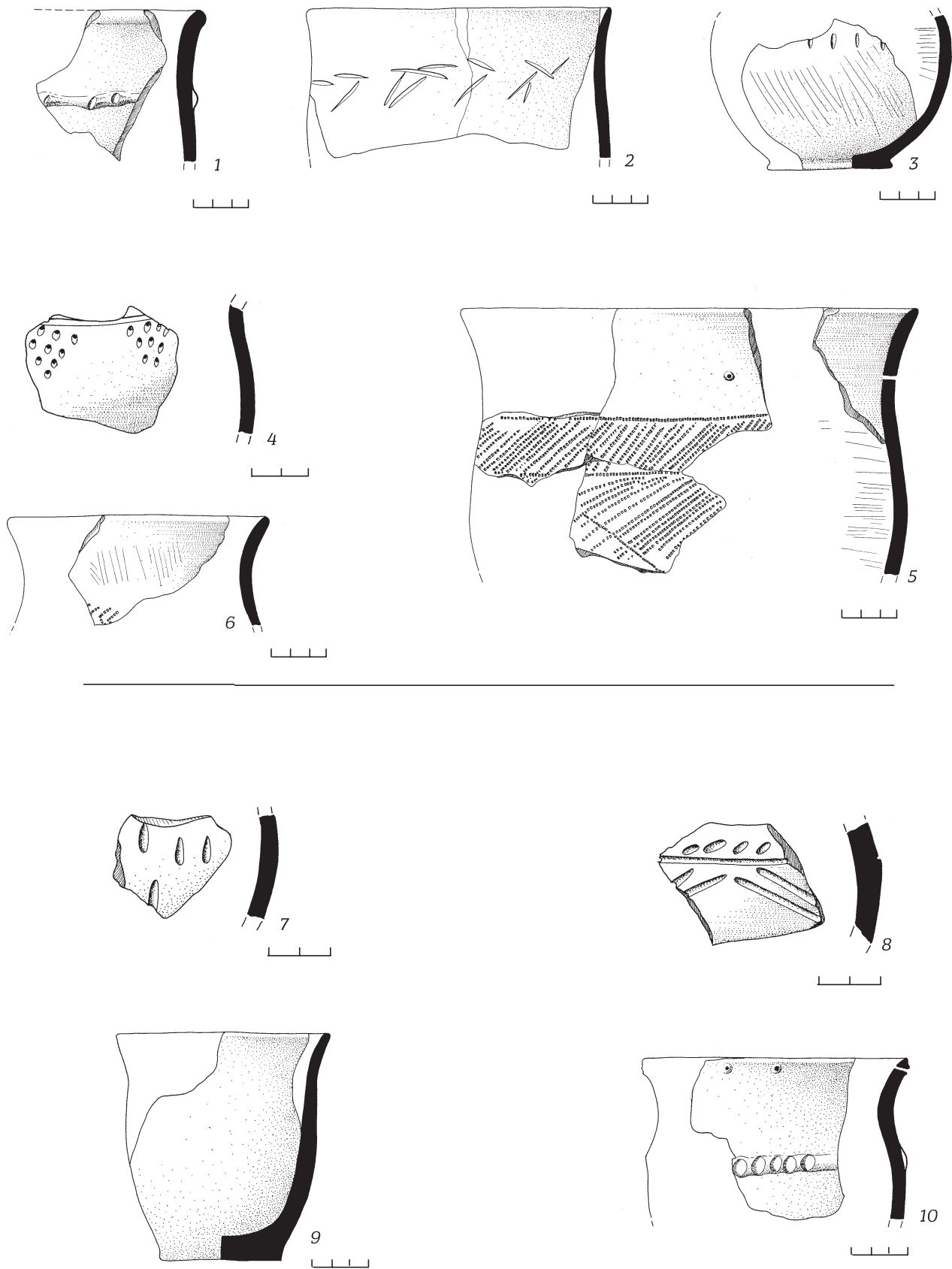

Рис. В47. Большой Городок, раскоп III, керамика

Fig. B47. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery

1–5 – яма № 10; 7–10 – яма № 56

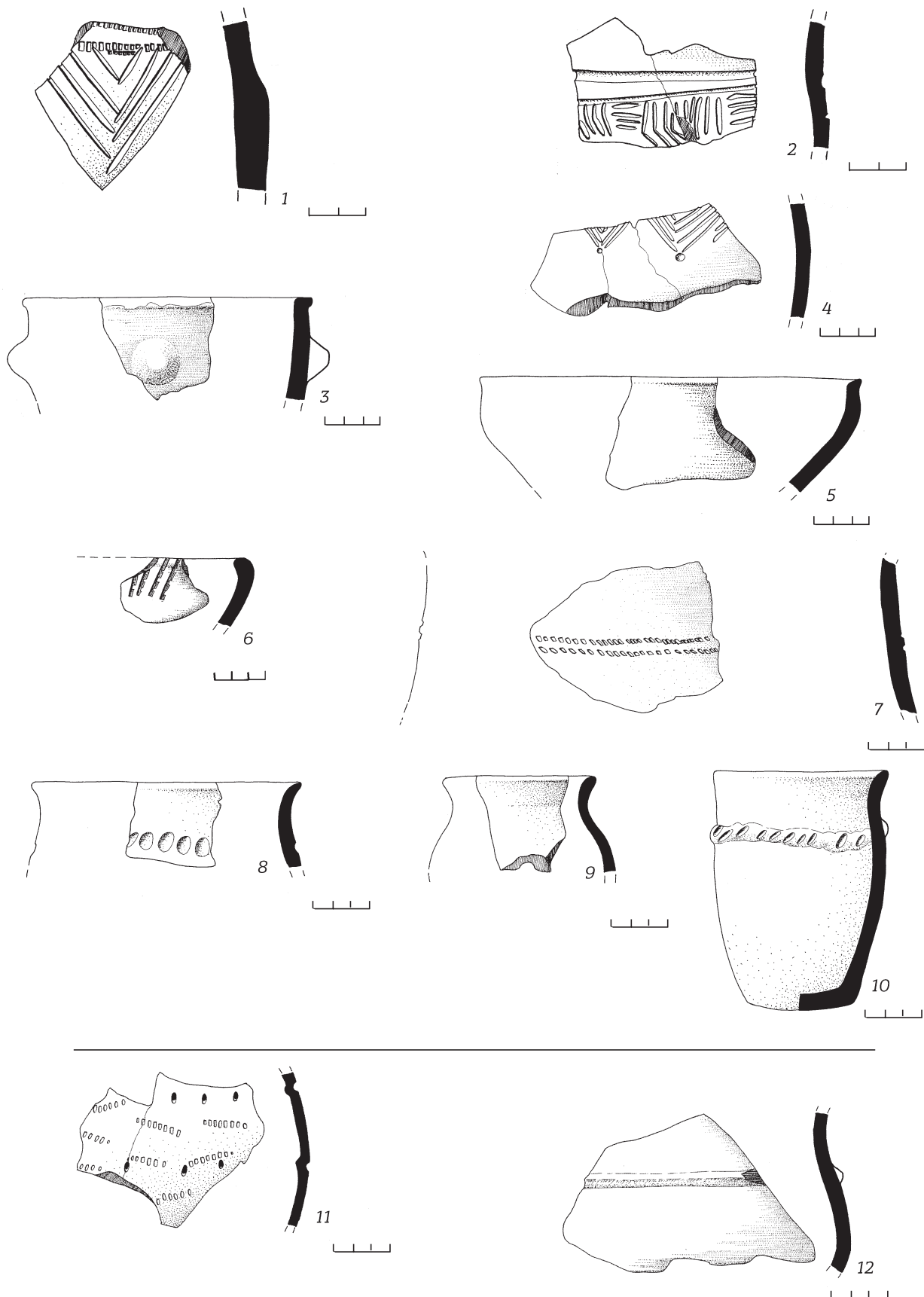

Рис. В48. Большой Городок, раскоп III, керамика

Fig. В48. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery

1–10 – культурный слой; 11, 12 – яма № 206

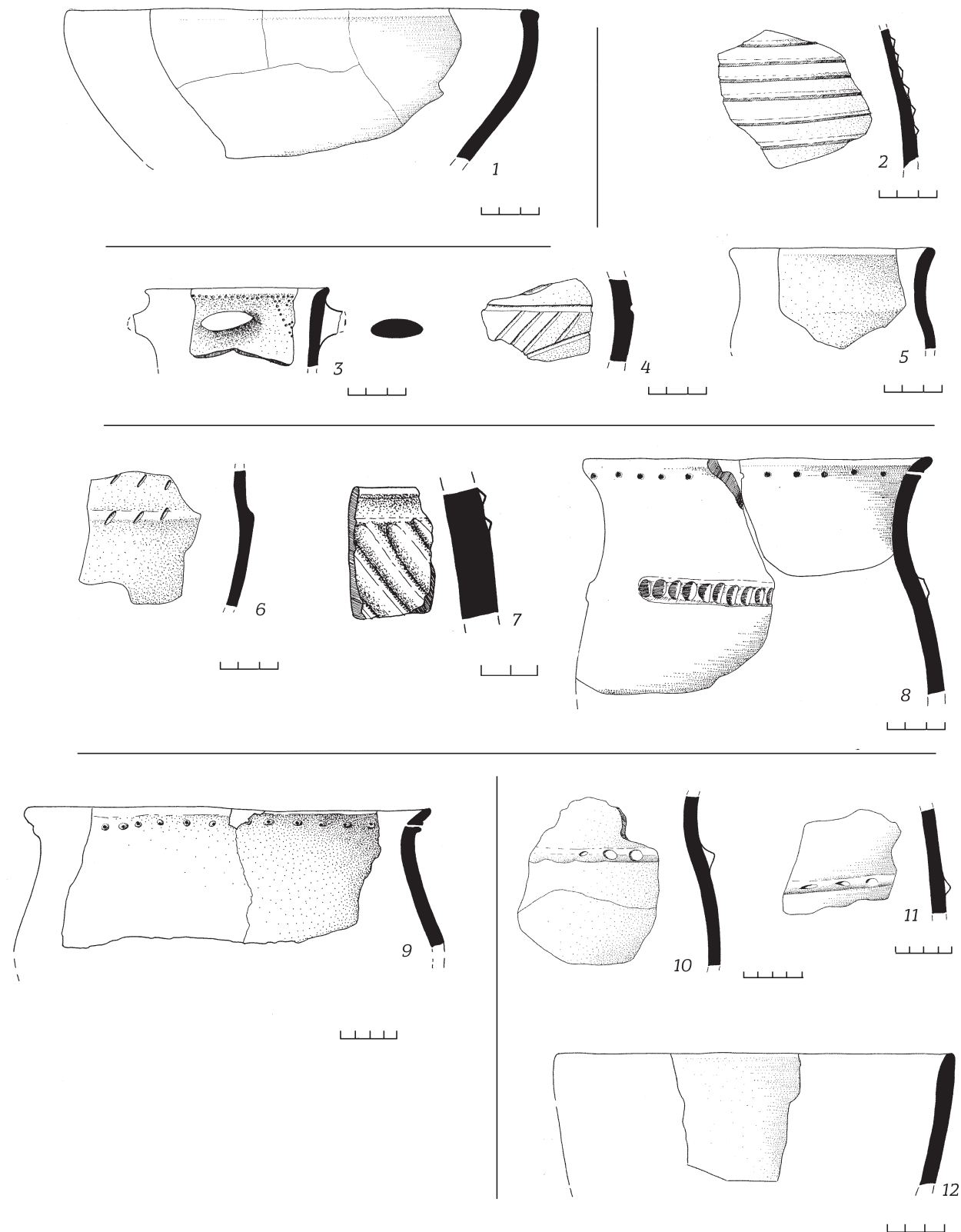

Рис. В49. Большой Городок, раскоп III, керамика

Fig. В49. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery

1 – яма № 28; 2–5 – яма № 31; 6–8 – яма 32б; 9 – яма № 33; 10–12 – яма № 34

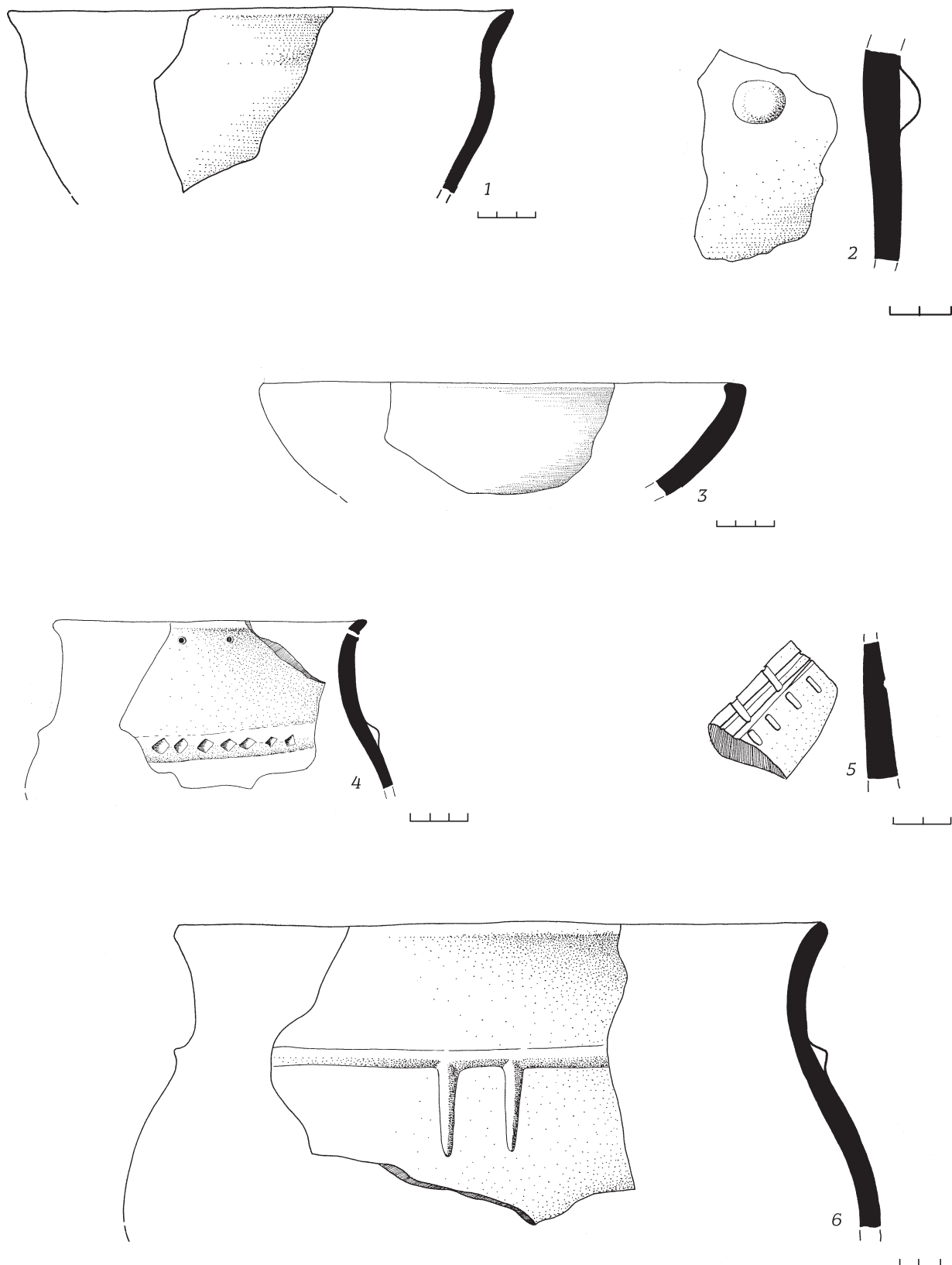

Рис. В50. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя
Fig. B50. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

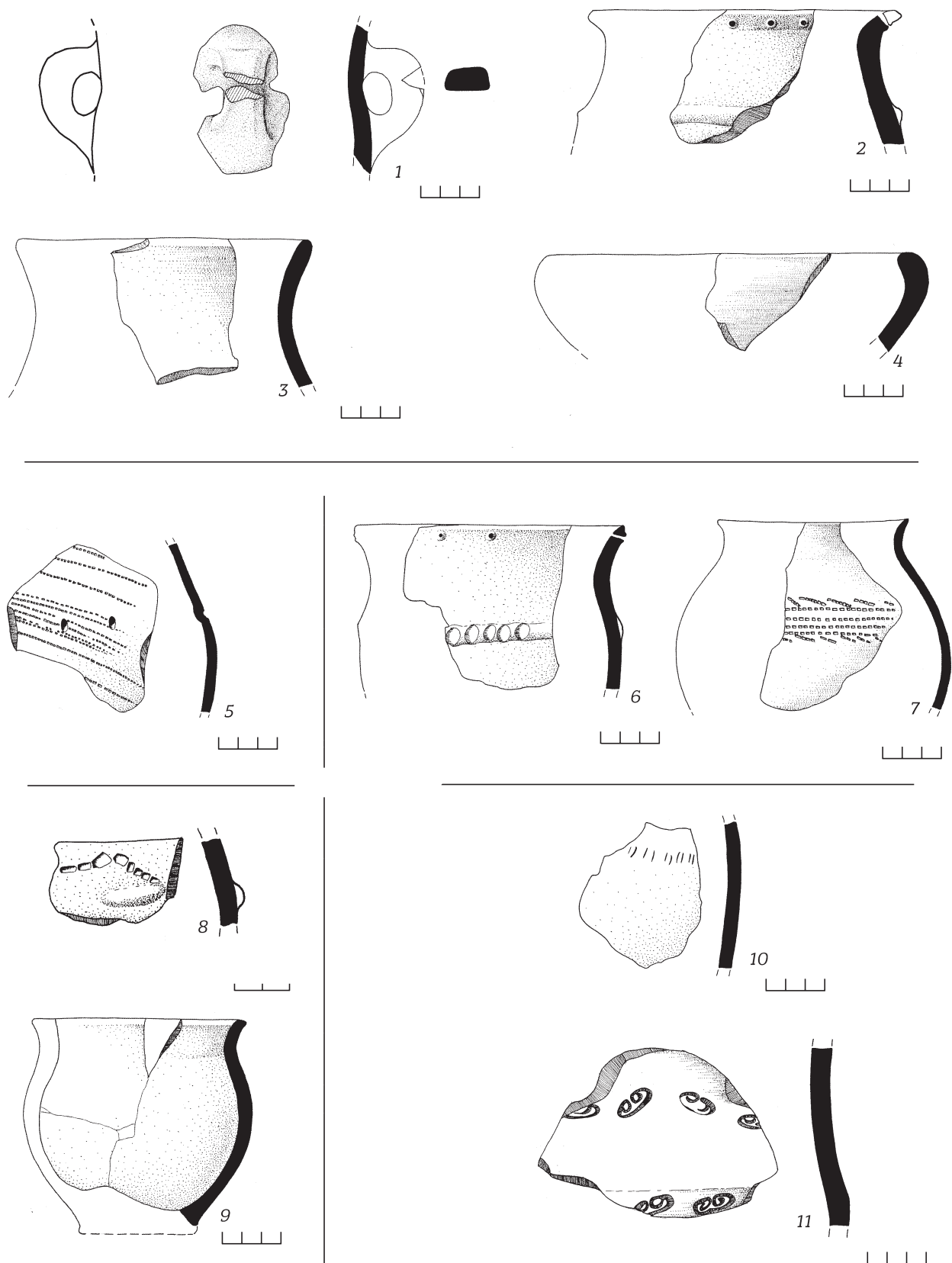

Рис. В51. Большой Городок, раскоп III, керамика

Fig. B51. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery

1-4 - яма № 8; 5 - яма № 2; 6, 7 - яма № 3; 8, 9 - яма № 4; 10, 11 - яма № 9

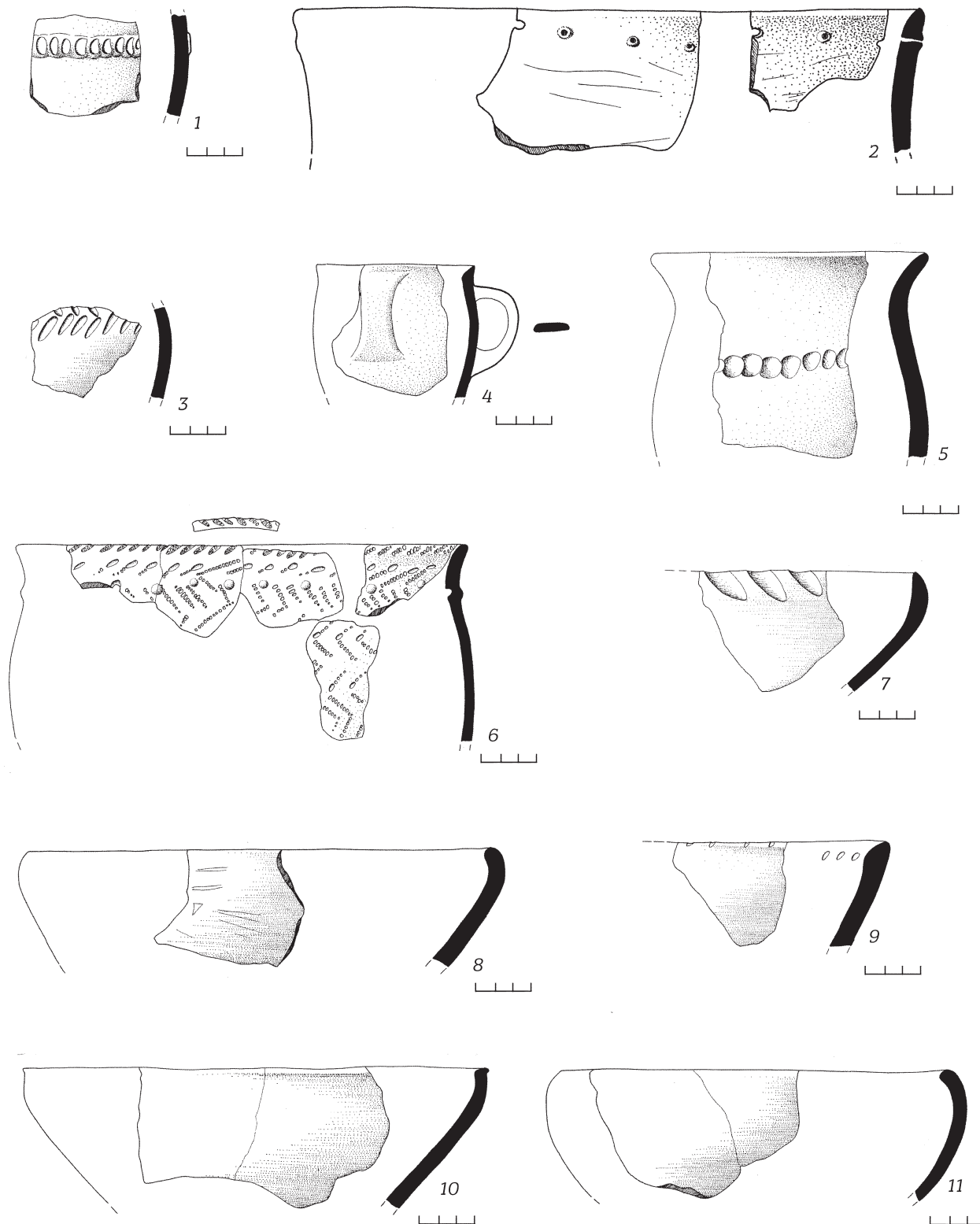

Рис. В52. Большой Городок, раскоп III, керамика из ямы № 25
Fig. В52. Bolshoi Gorodok, pottery from the pit № 25

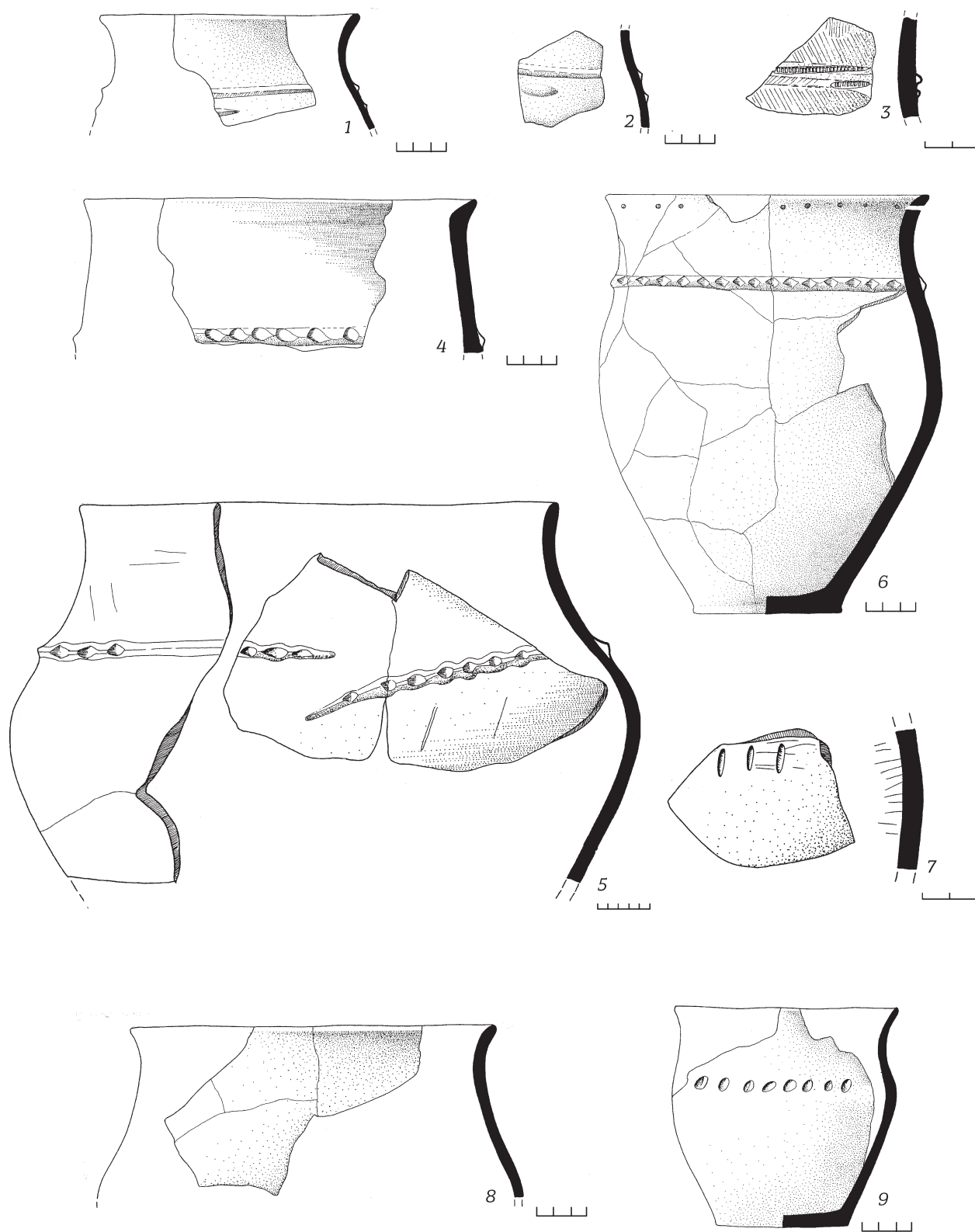

Рис. В53. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя
Fig. B53. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

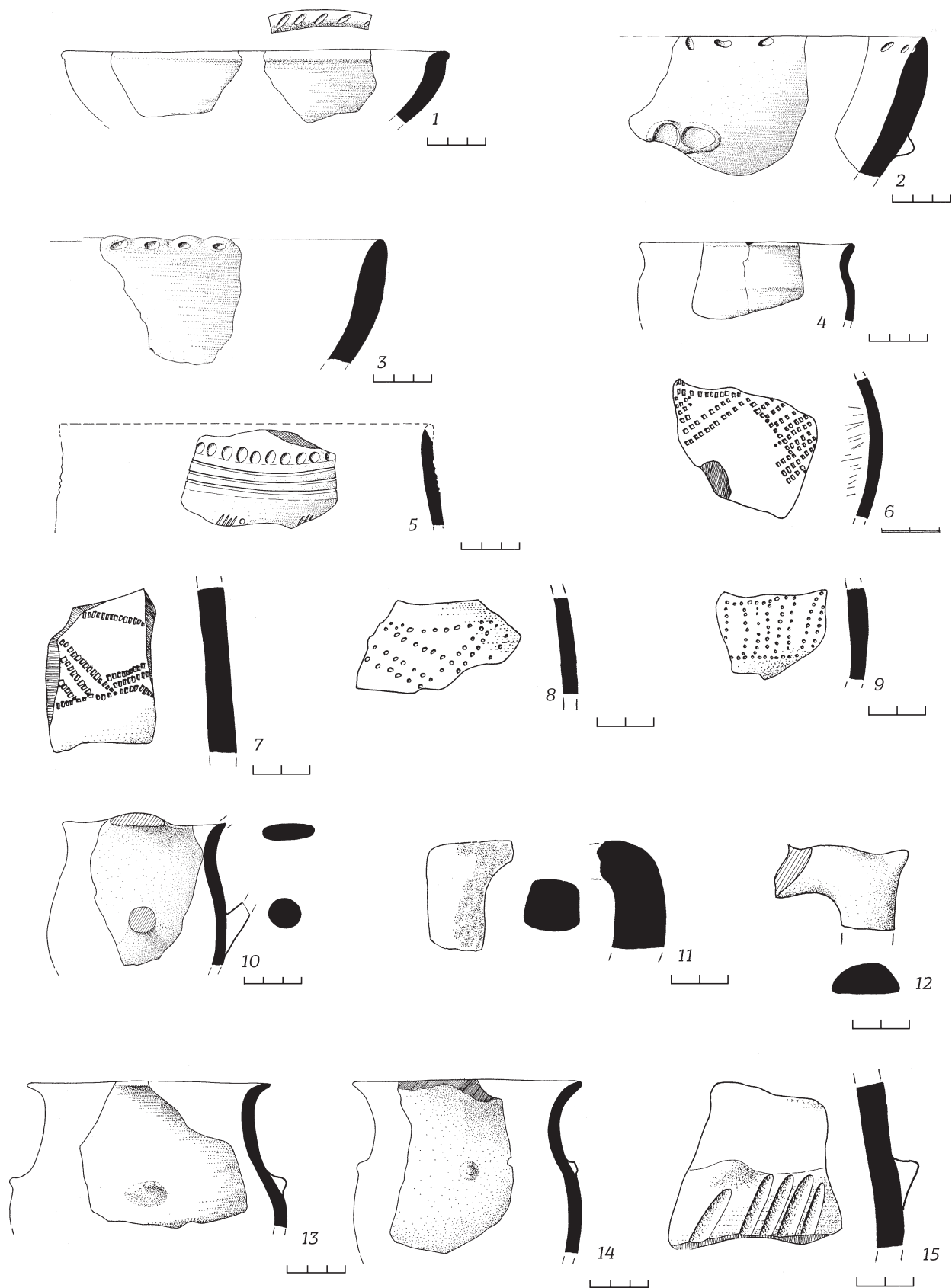

Рис. B54. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя
 Fig. B54. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

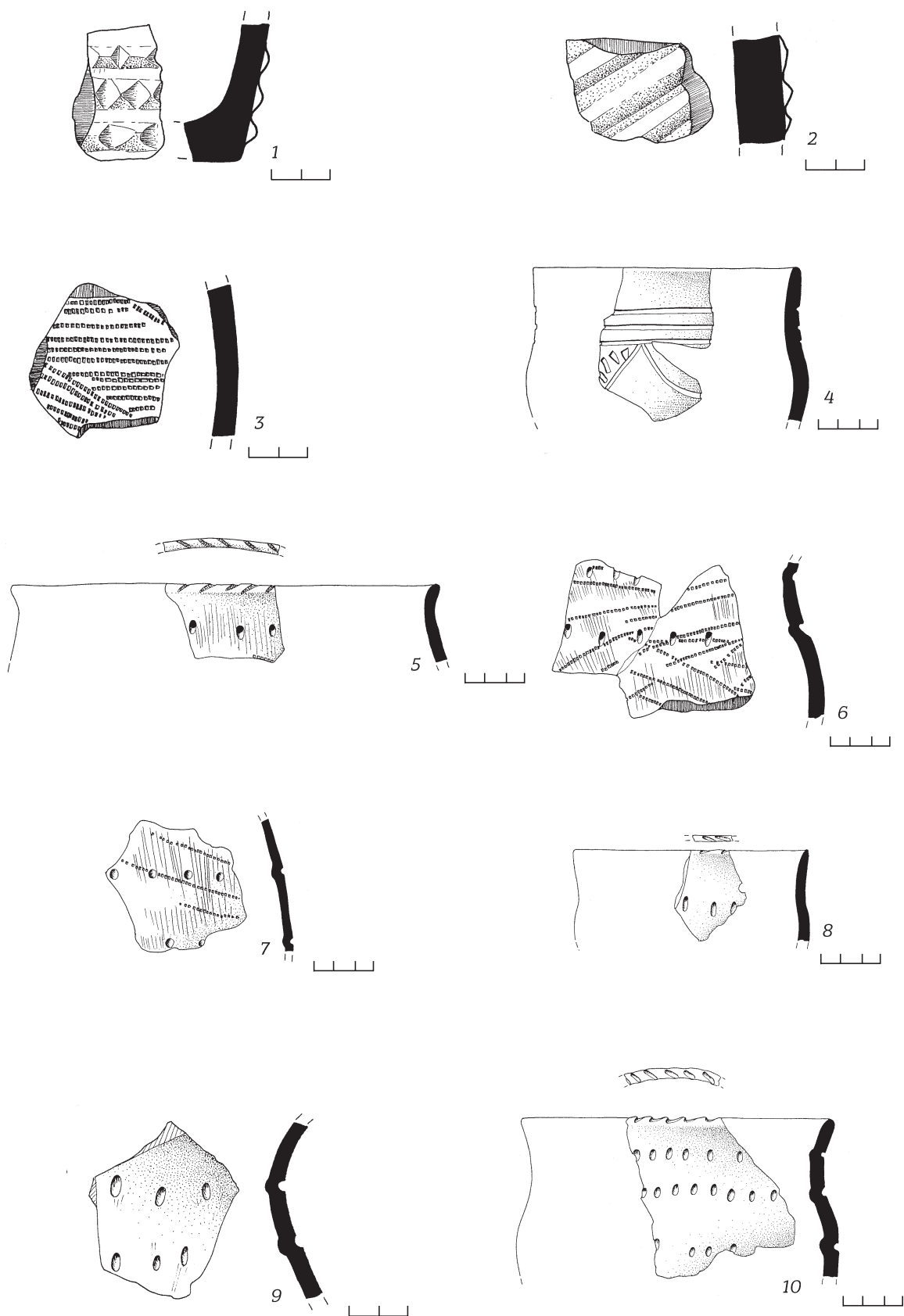

Рис. В55. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя
 Fig. B55. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

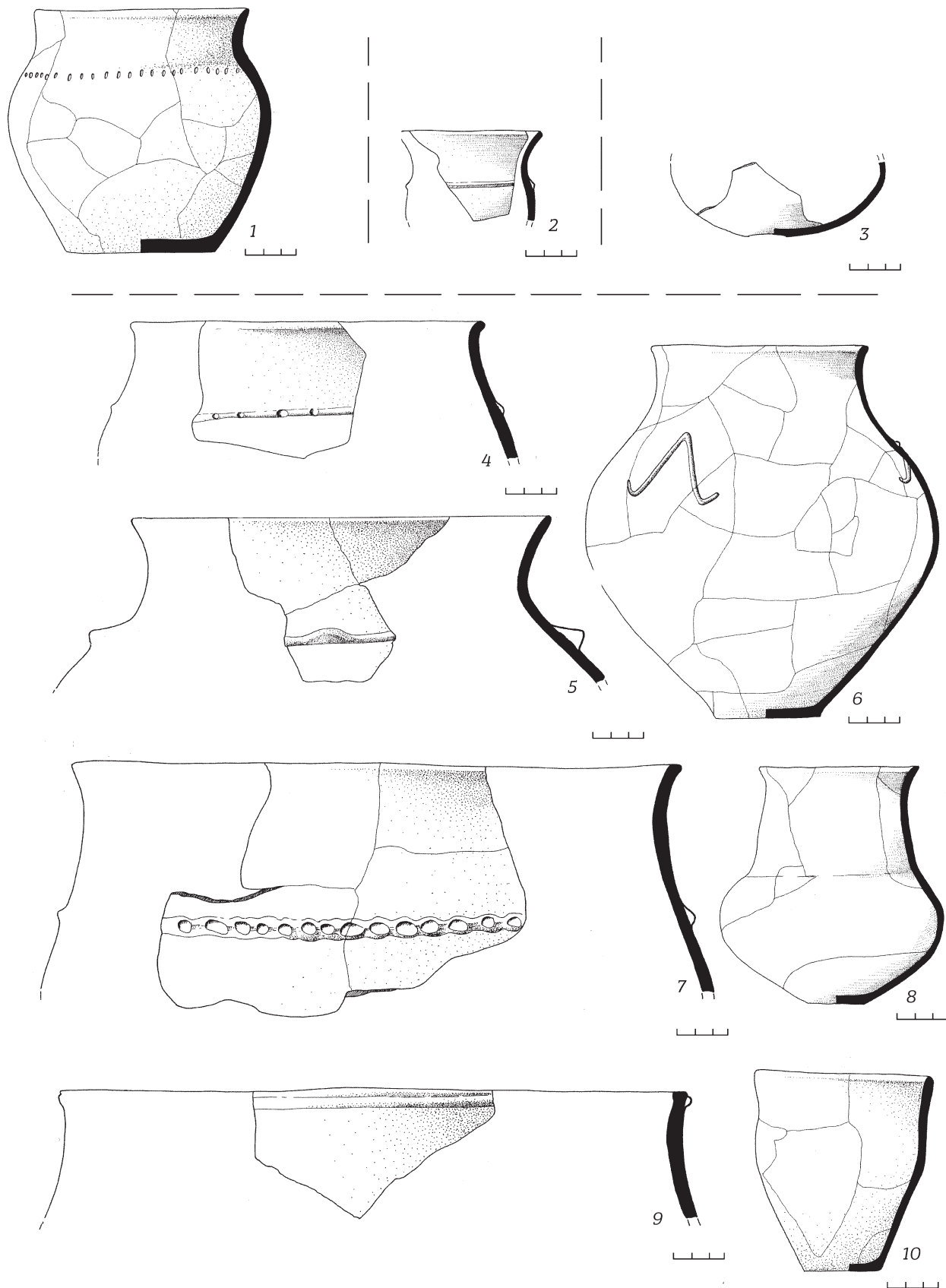

Рис. В56. Большой Городок, жилище № 6, керамика

Fig. B56. Bolshoi Gorodok, dwelling № 6, pottery

1 – яма № 5; 2 – яма № 11; 3 – яма № 9; 4–10 – пол

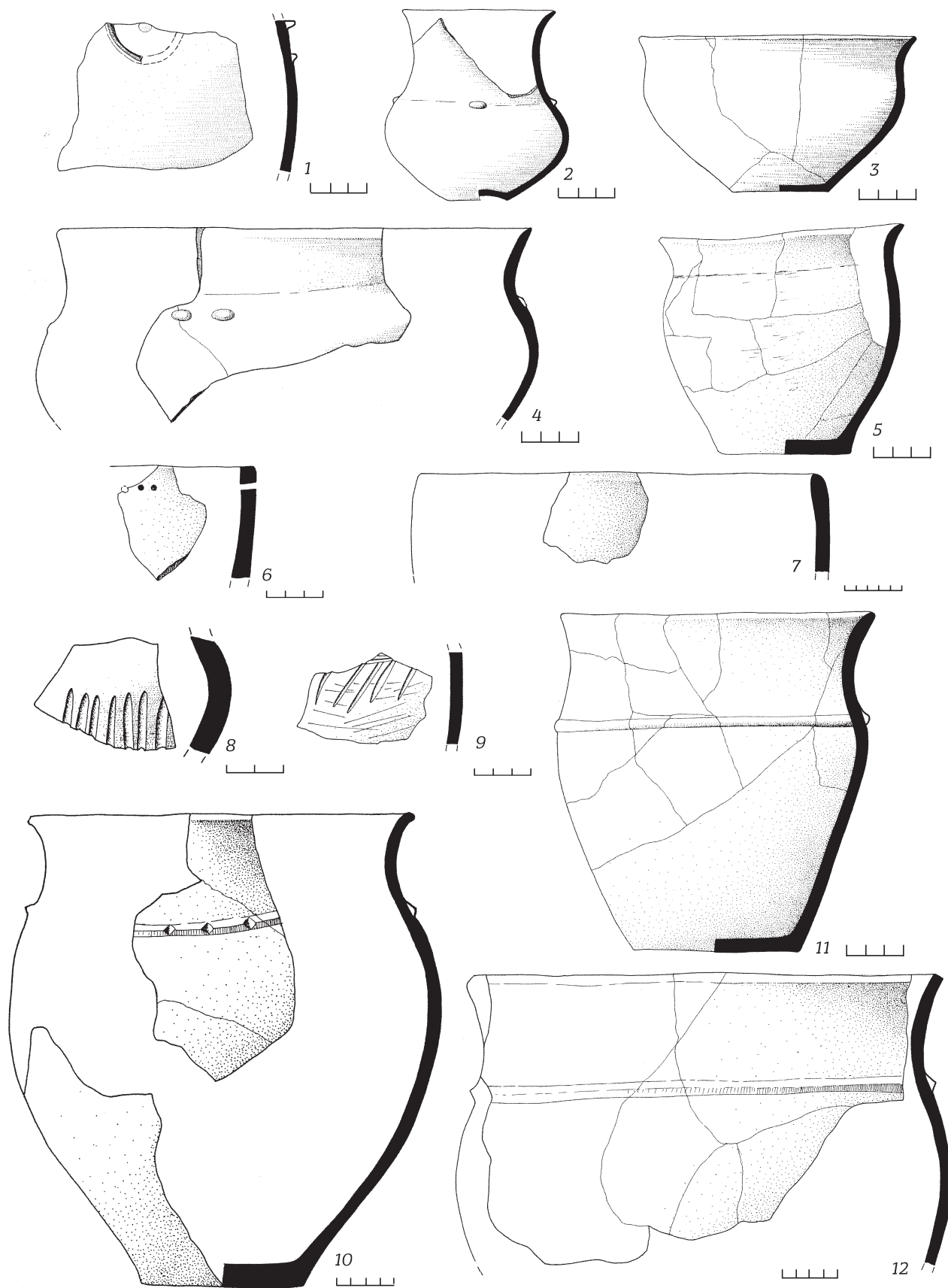

Рис. В57. Большой Городок, жилище № 6, керамика с пола
Fig. B57. Bolshoi Gorodok, dwelling № 6, pottery from the floor

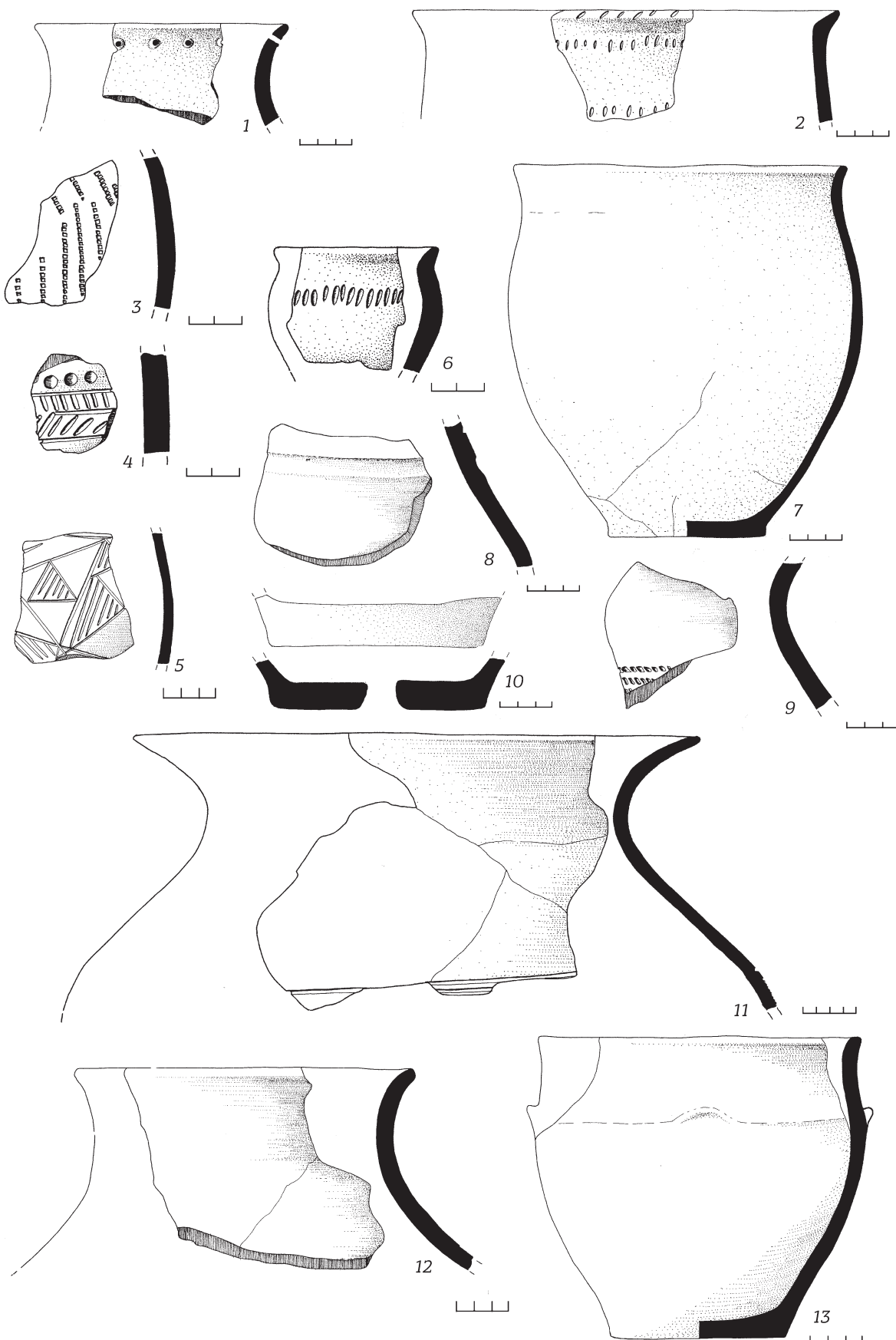

Рис. В58. Большой Городок, жилище № 6, керамика из «зольного» заполнения котлована
Fig. B58. Bolshoi Gorodok, dwelling № 6, pottery from «cindery» filling of ditch

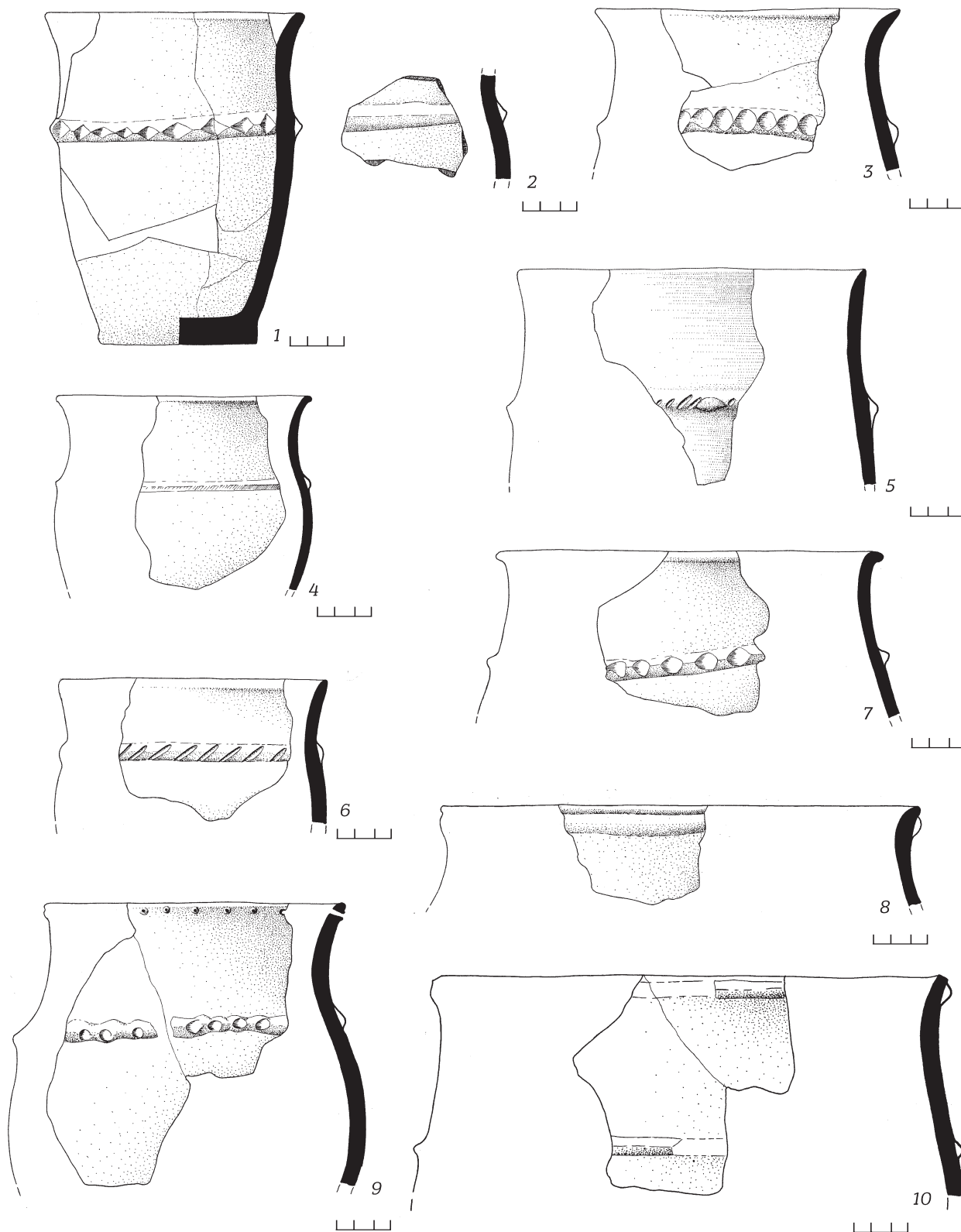

Рис. В59. Большой Городок, жилище № 6, керамика из «золистого» заполнения котлована
Fig. B59. Bolshoi Gorodok, dwelling № 6, pottery from «cindery» filling of ditch

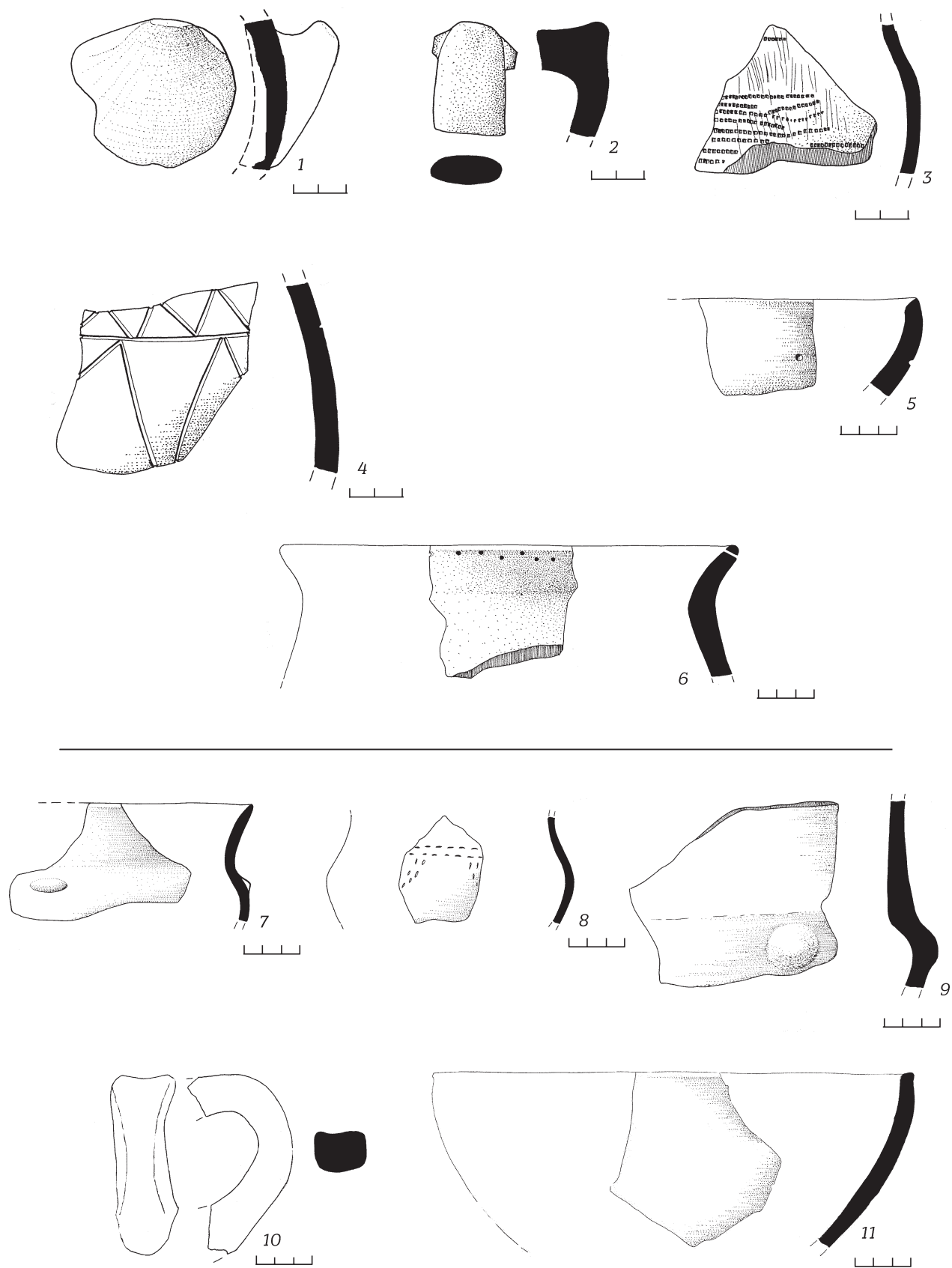

Рис. В60. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя

Fig. В60. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

1–6 – над заполнением котлована жилища № 6; 7–11 – за его пределами

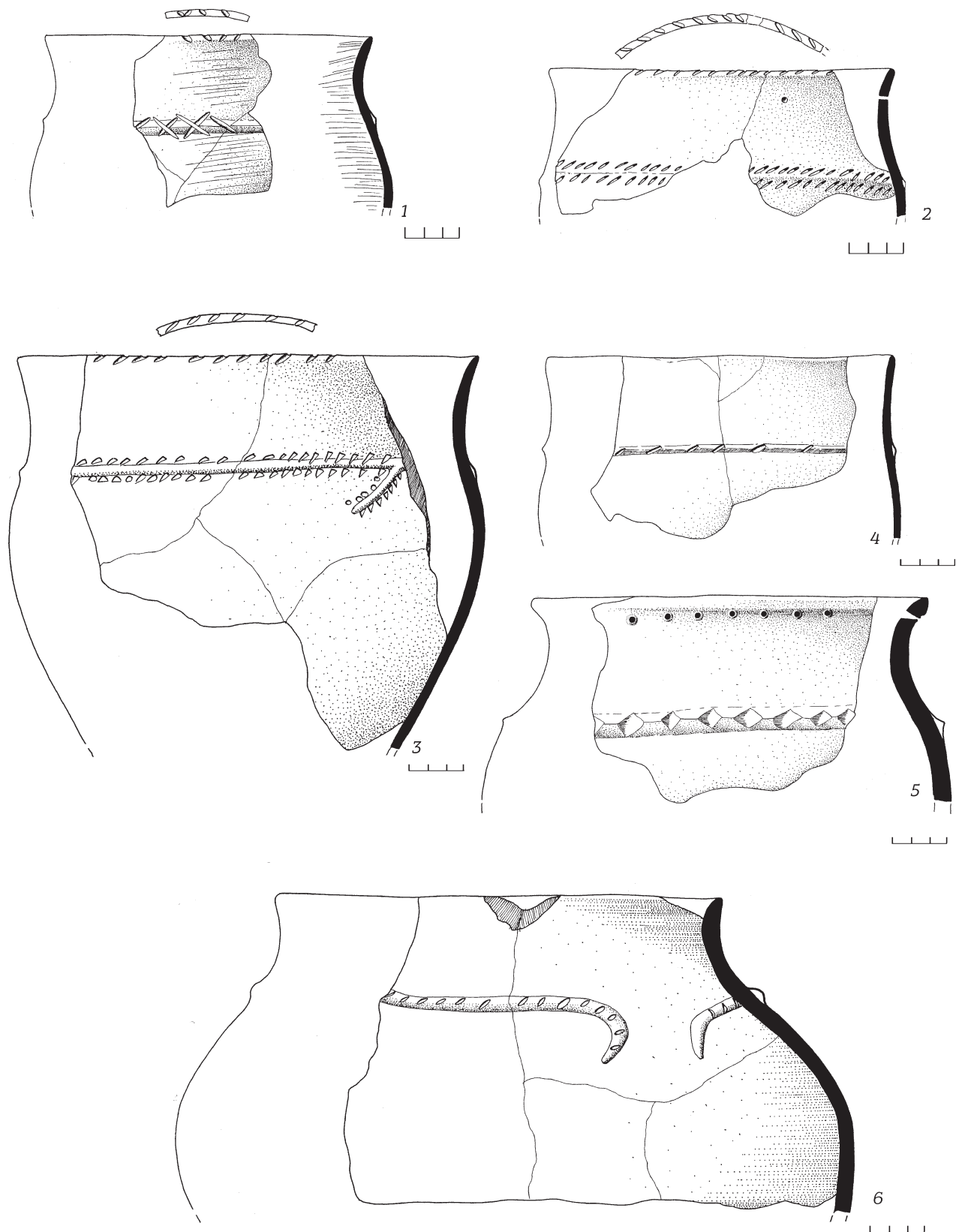

Рис. B61. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя

Fig. B61. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

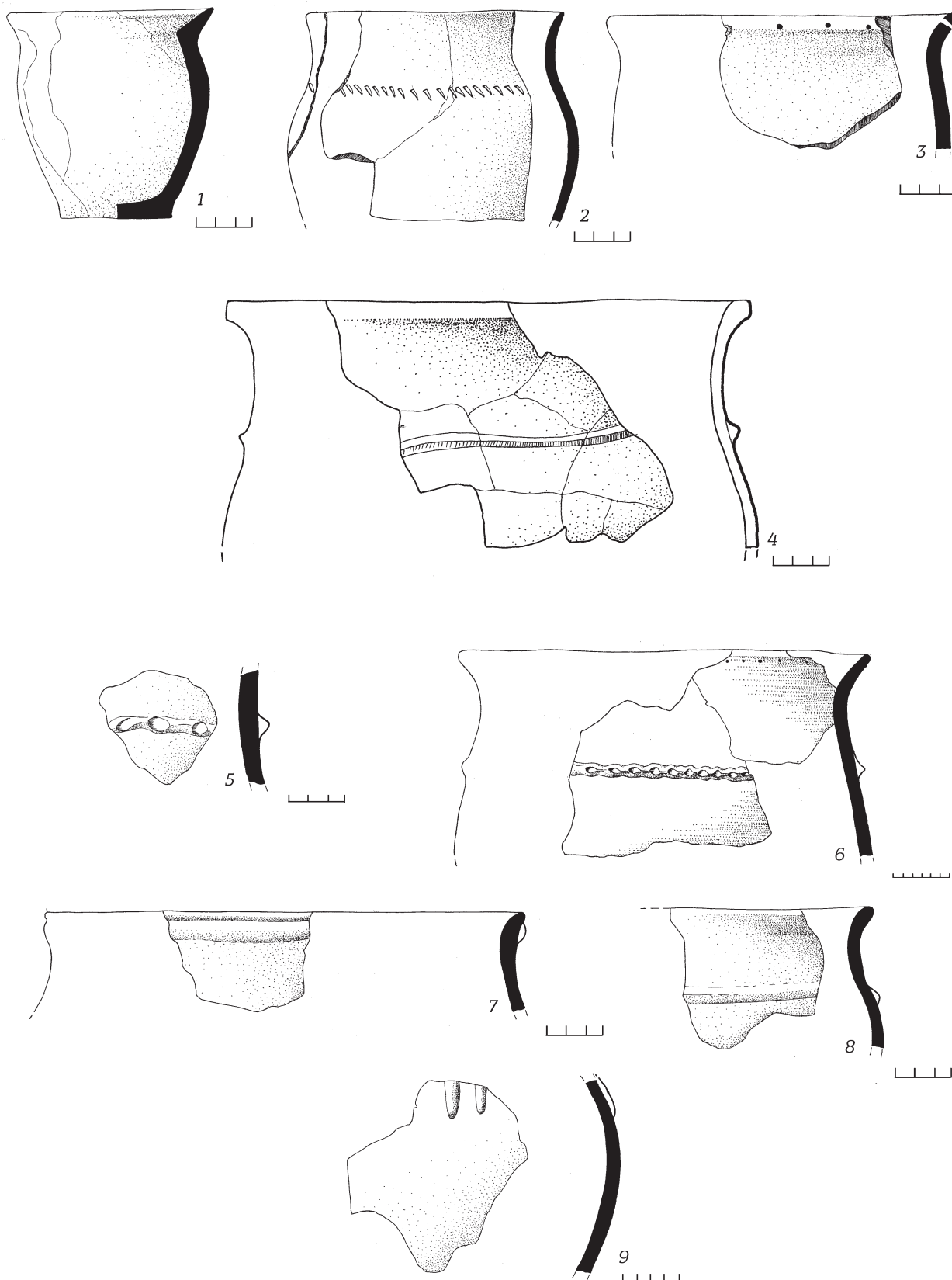

Рис. В62. Большой Городок, раскоп III, керамика из культурного слоя
Fig. В62. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery from the cultural layer

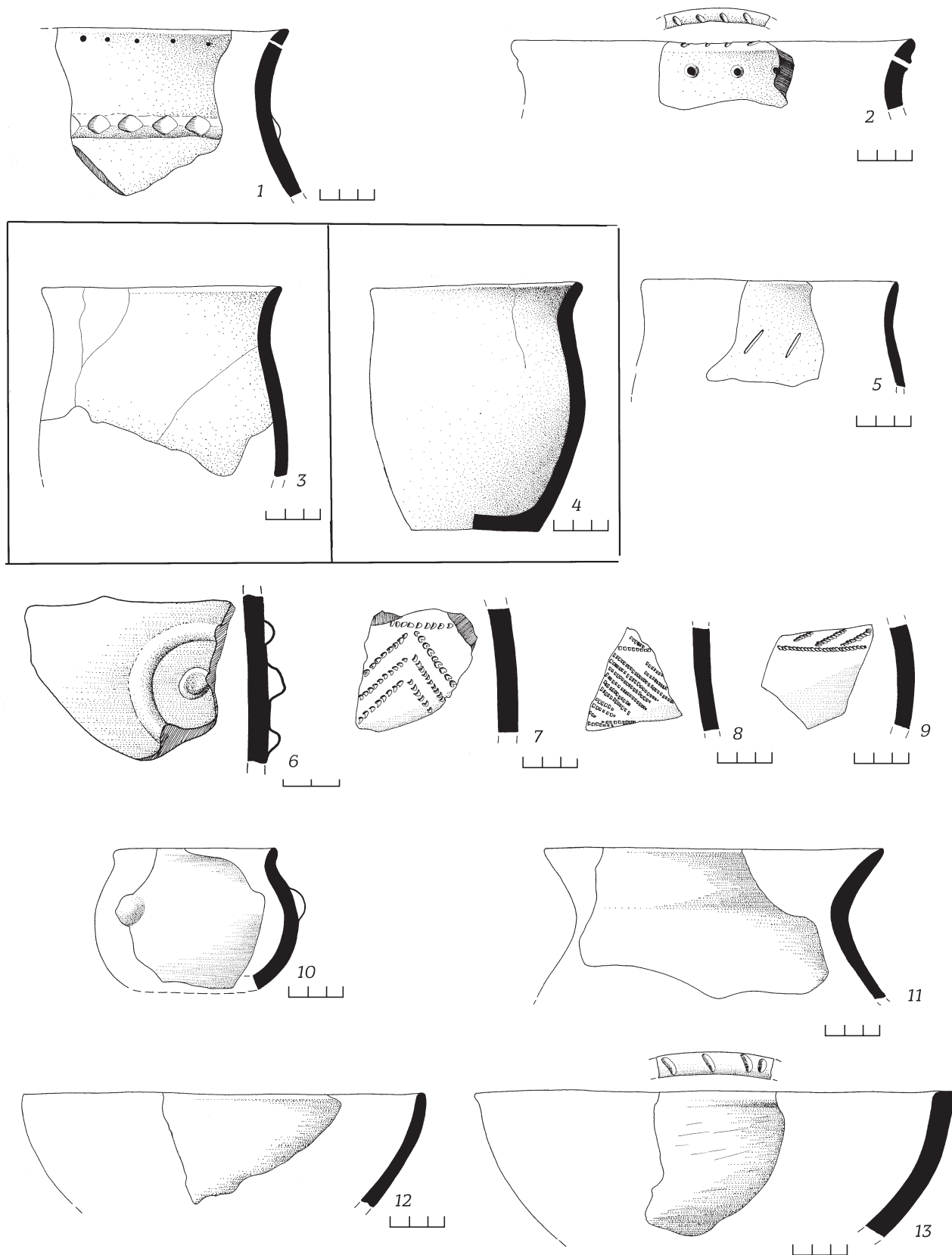

Рис. В63. Большой Городок, раскоп III, керамика
Fig. B63. Bolshoi Gorodok, trench III, pottery
 1, 2, 5–13 – культурный слой; 3, 4 – клады № 2 и № 3

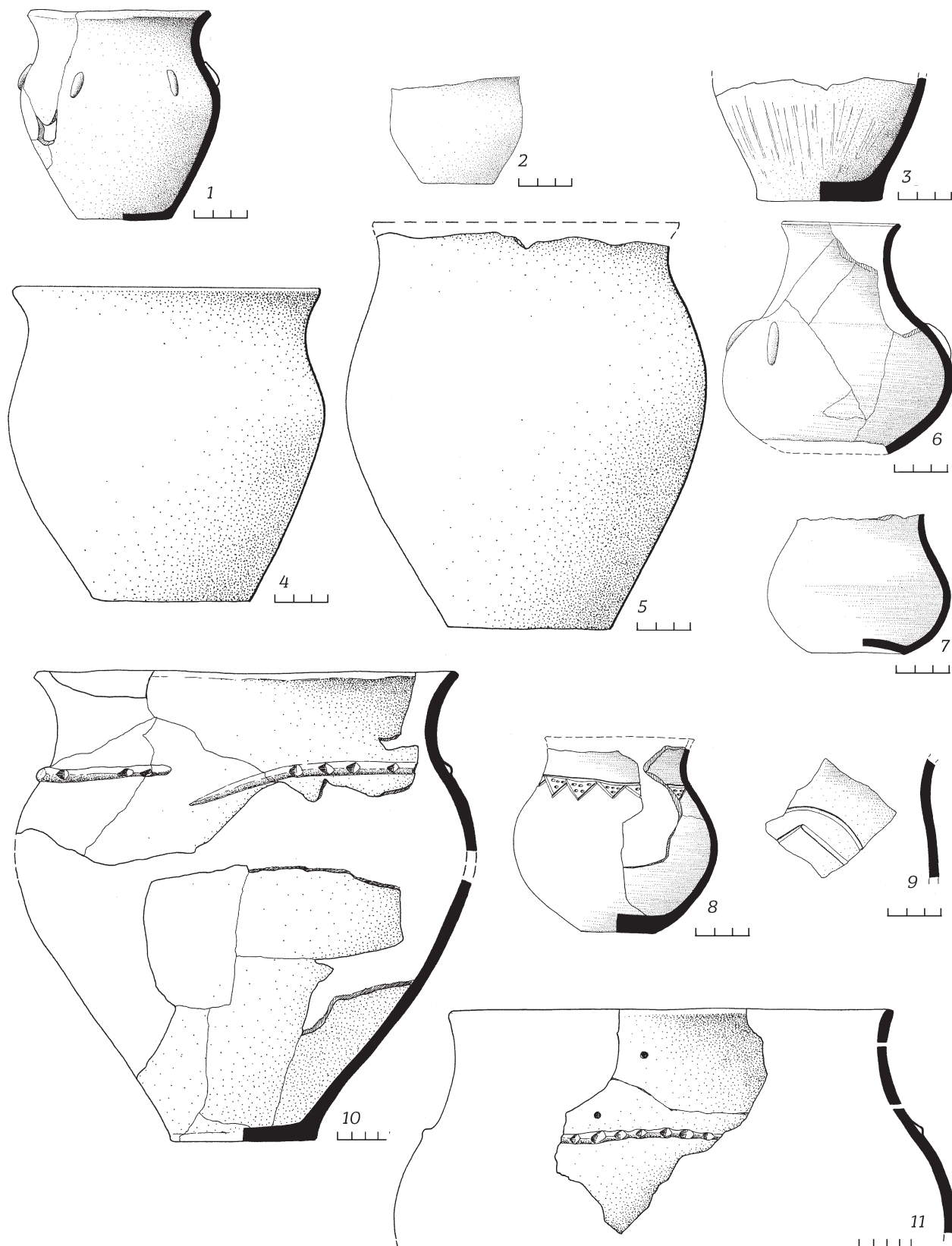

Рис. В64. Большой Городок, жилище № 10, керамика

Fig. В64. Bolshoi Gorodok, dwelling № 9, pottery

3 – яма № 1; остальная – пол

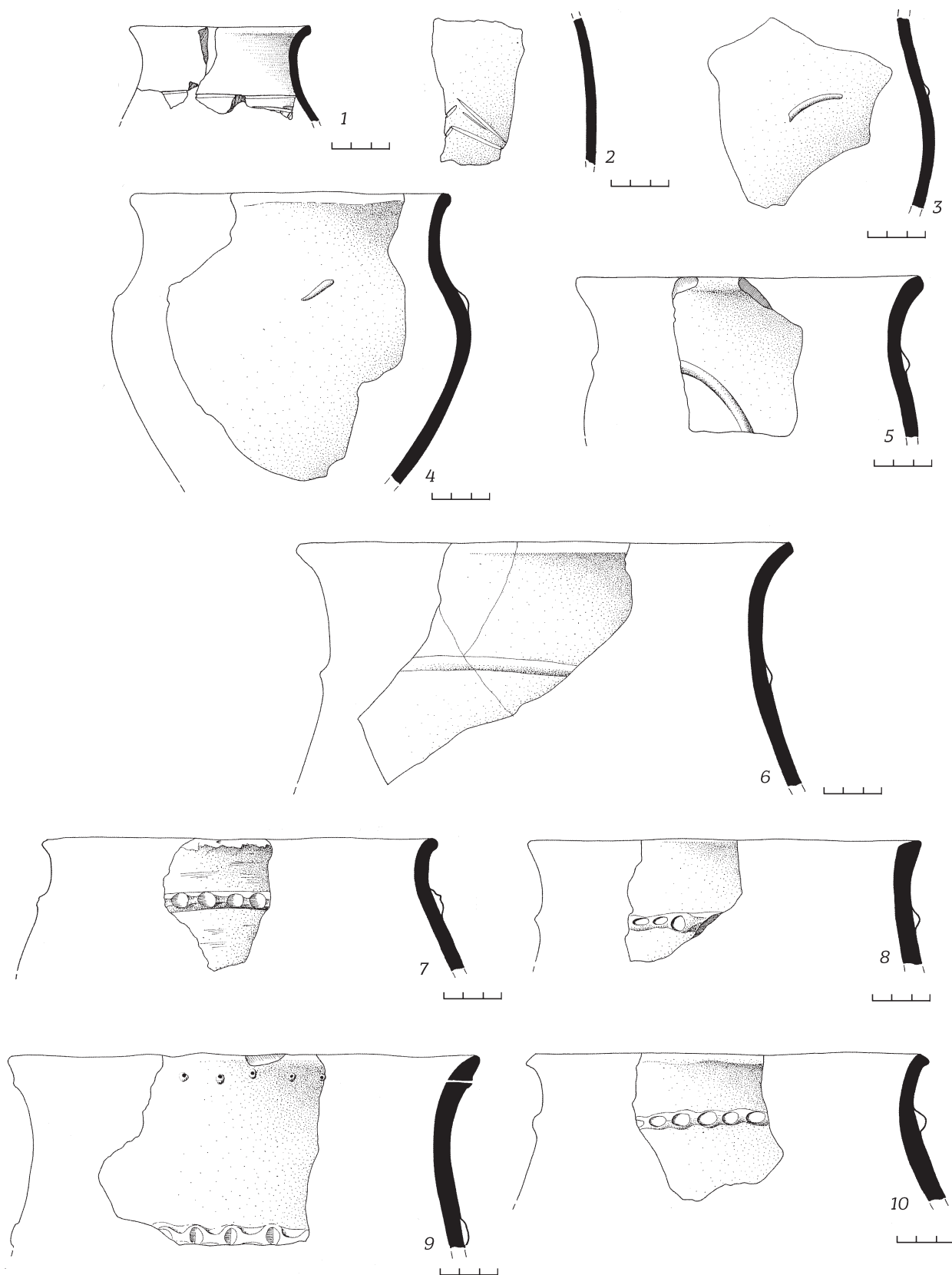

Рис. В65. Большой Городок, жилище № 10, керамика из «золистого» заполнения котлована
Fig. B65. Bolshoi Gorodok, dwelling № 10, pottery from «cindery» filling of ditch

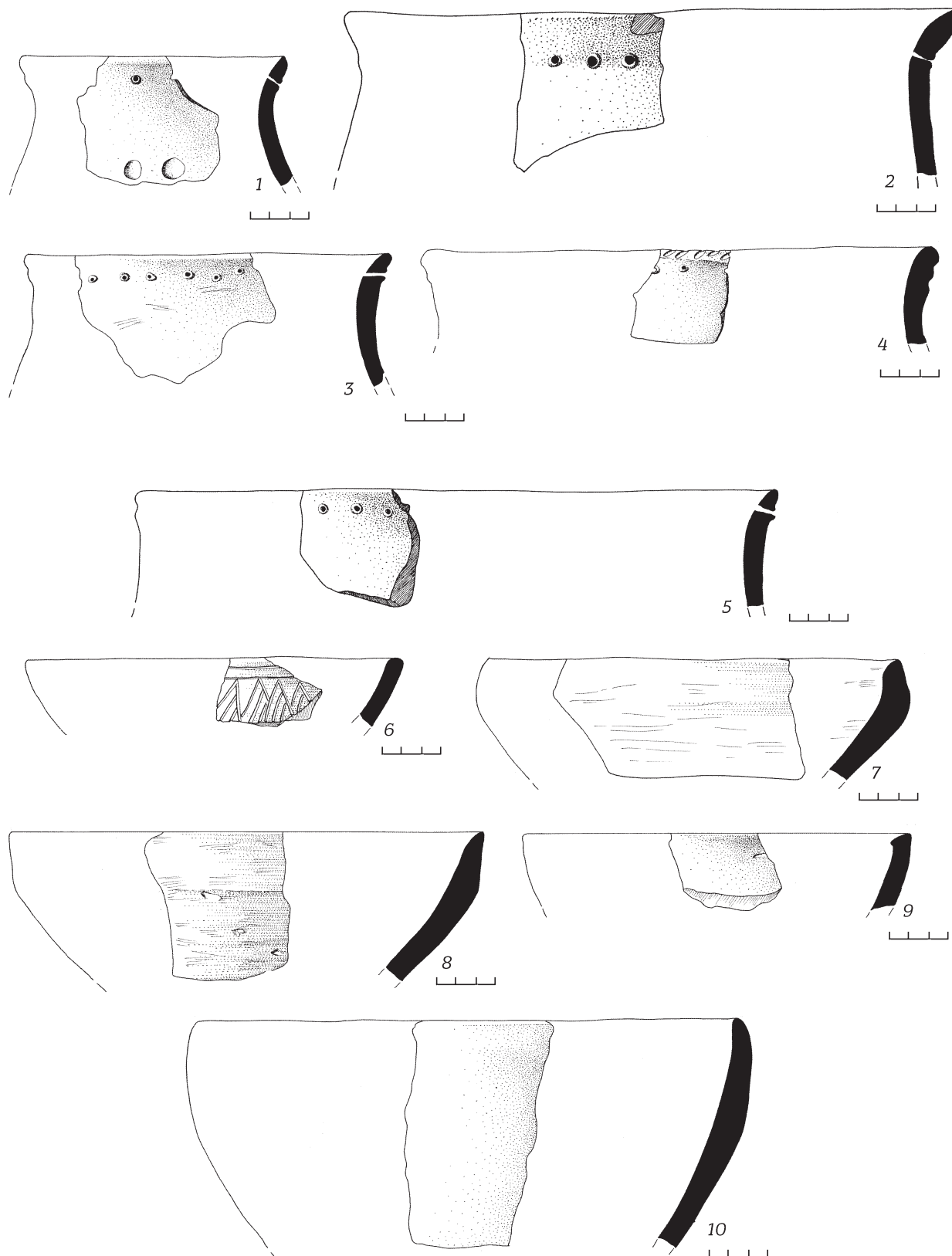

Рис. В66. Большой Городок, жилище № 10, керамика из «золистого» заполнения котлована
Fig. В66. Bolshoi Gorodok, dwelling № 10, pottery from «cindery» filling of ditch

РИСУНКИ

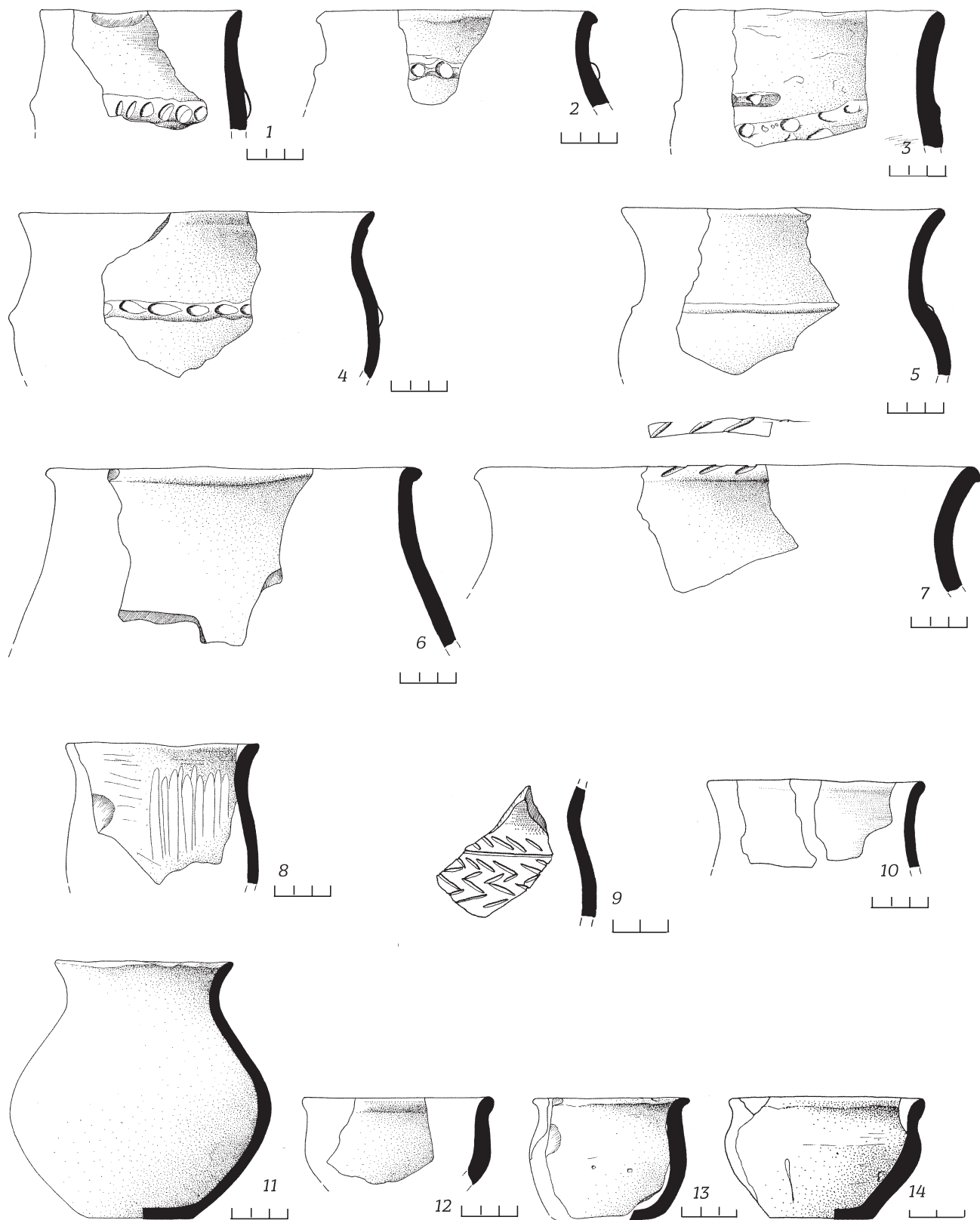

Рис. В67. Большой Городок, жилище № 10, керамика из «золистого» заполнения котлована
Fig. В67. Bolshoi Gorodok, dwelling № 10, pottery from «cindery» filling of ditch

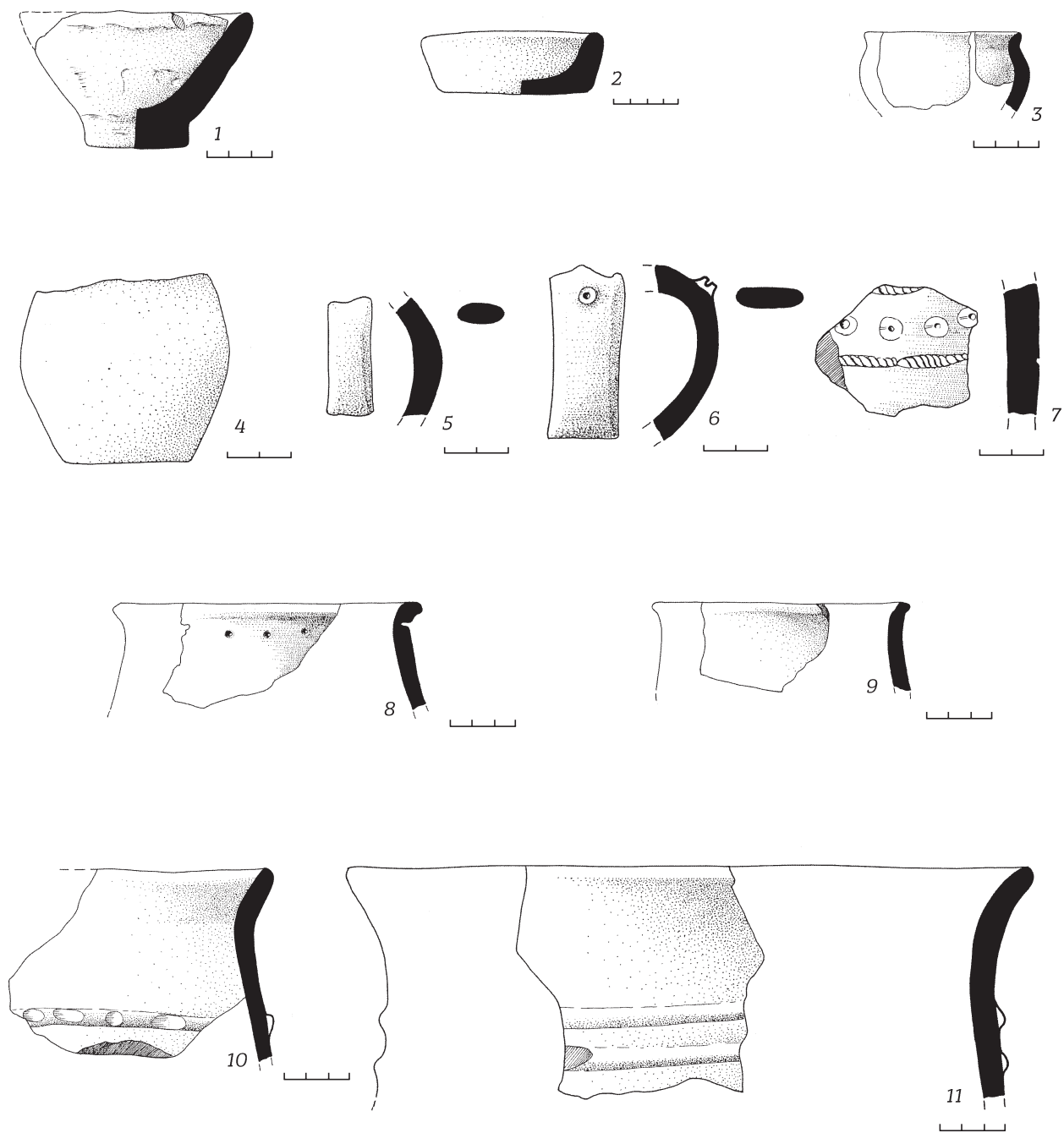

Рис. В68. Большой Городок, жилище № 10, керамика из «золистого» заполнения котлована
Fig. В68. Bolshoi Gorodok, dwelling № 10, pottery from «cindery» filling of ditch

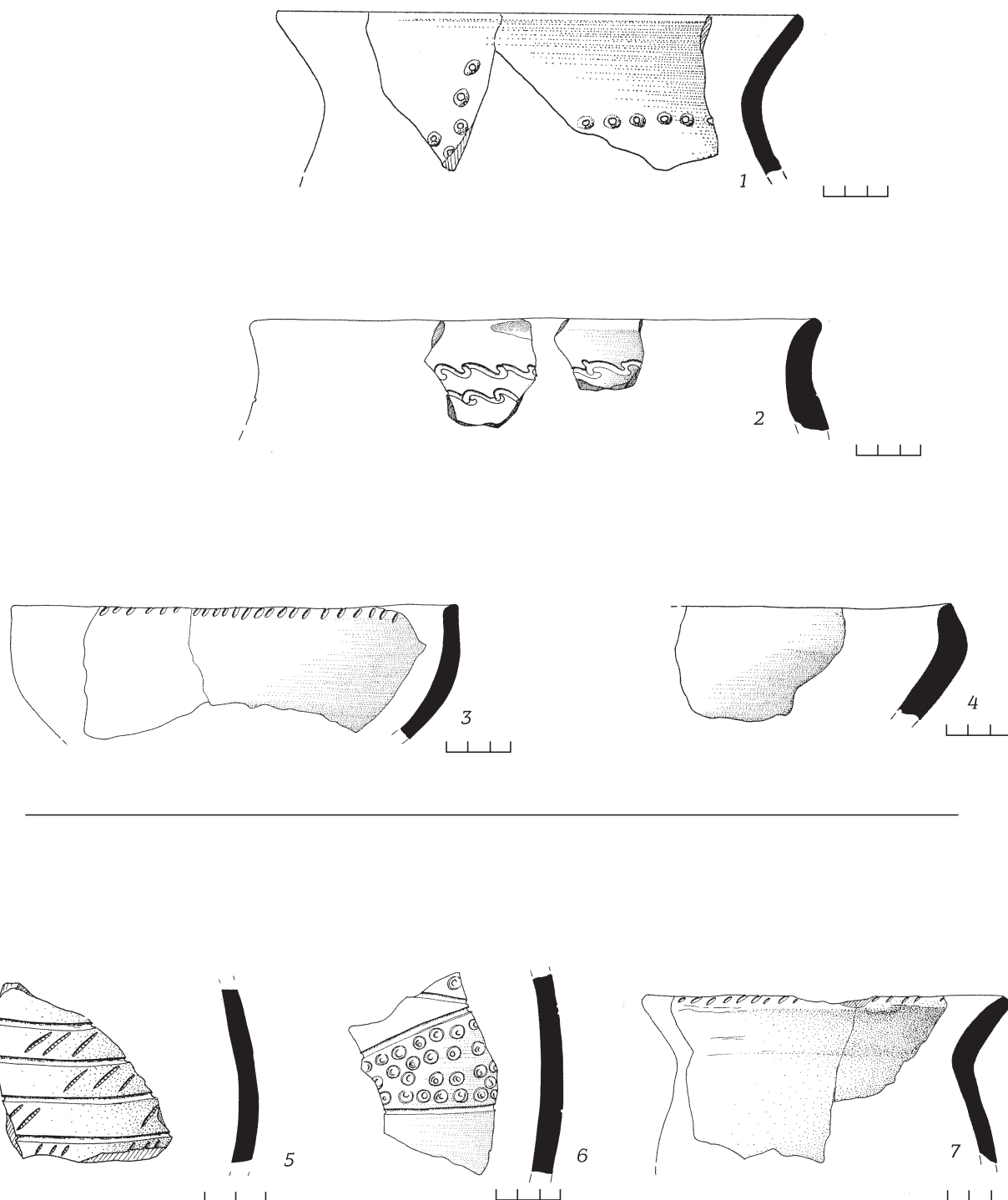

Рис. В69. Большой Городок, раскоп X, керамика

Fig. B69. Bolshoi Gorodok, trench X, pottery

1-4 – «золистое» заполнение котлована жилища № 10; 5-7 – культурный слой

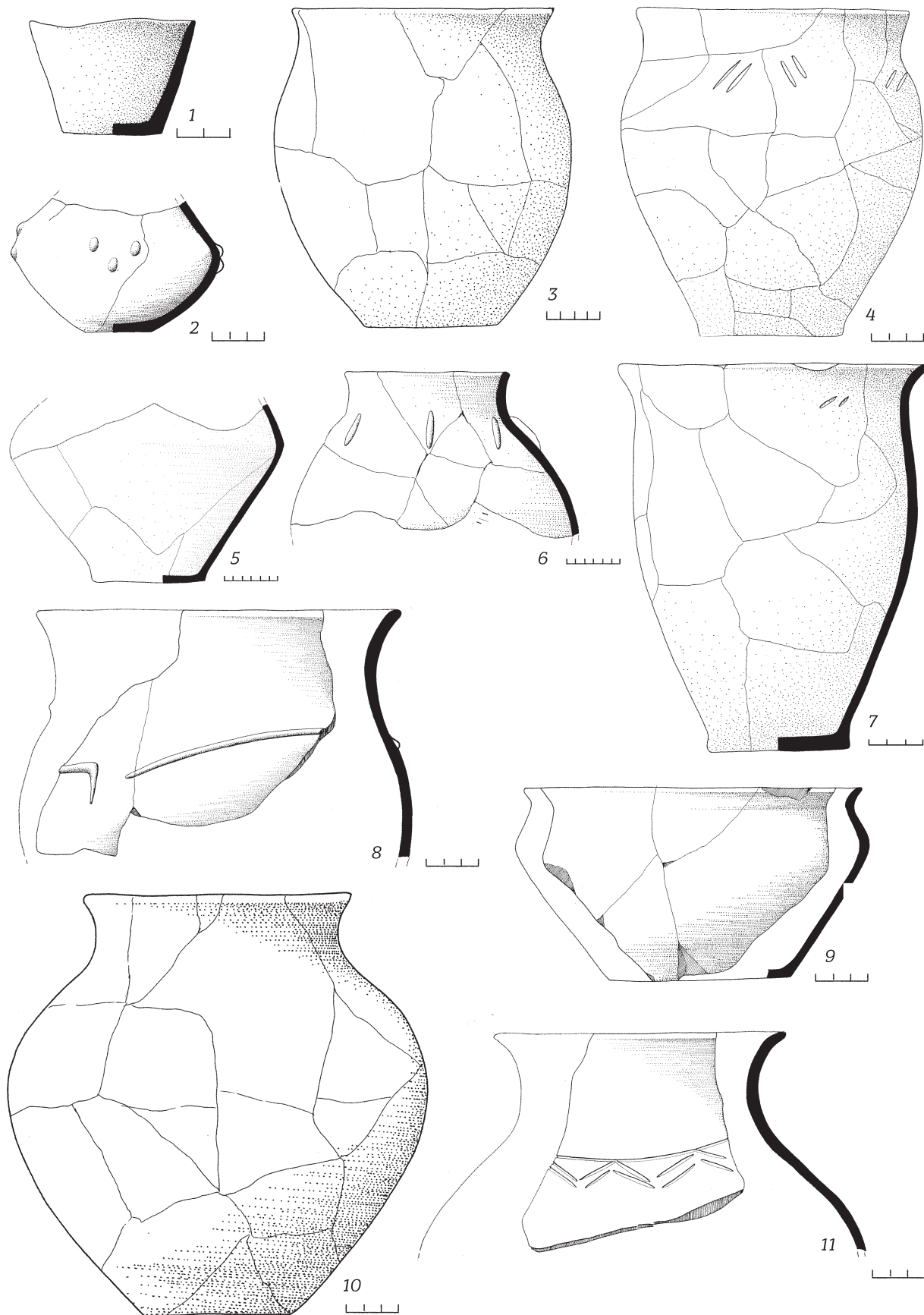

Рис. В70. Большой Городок, жилище № 5, керамика с пола
Fig. В70. Bolshoi Gorodok, dwelling № 5, pottery from the floor

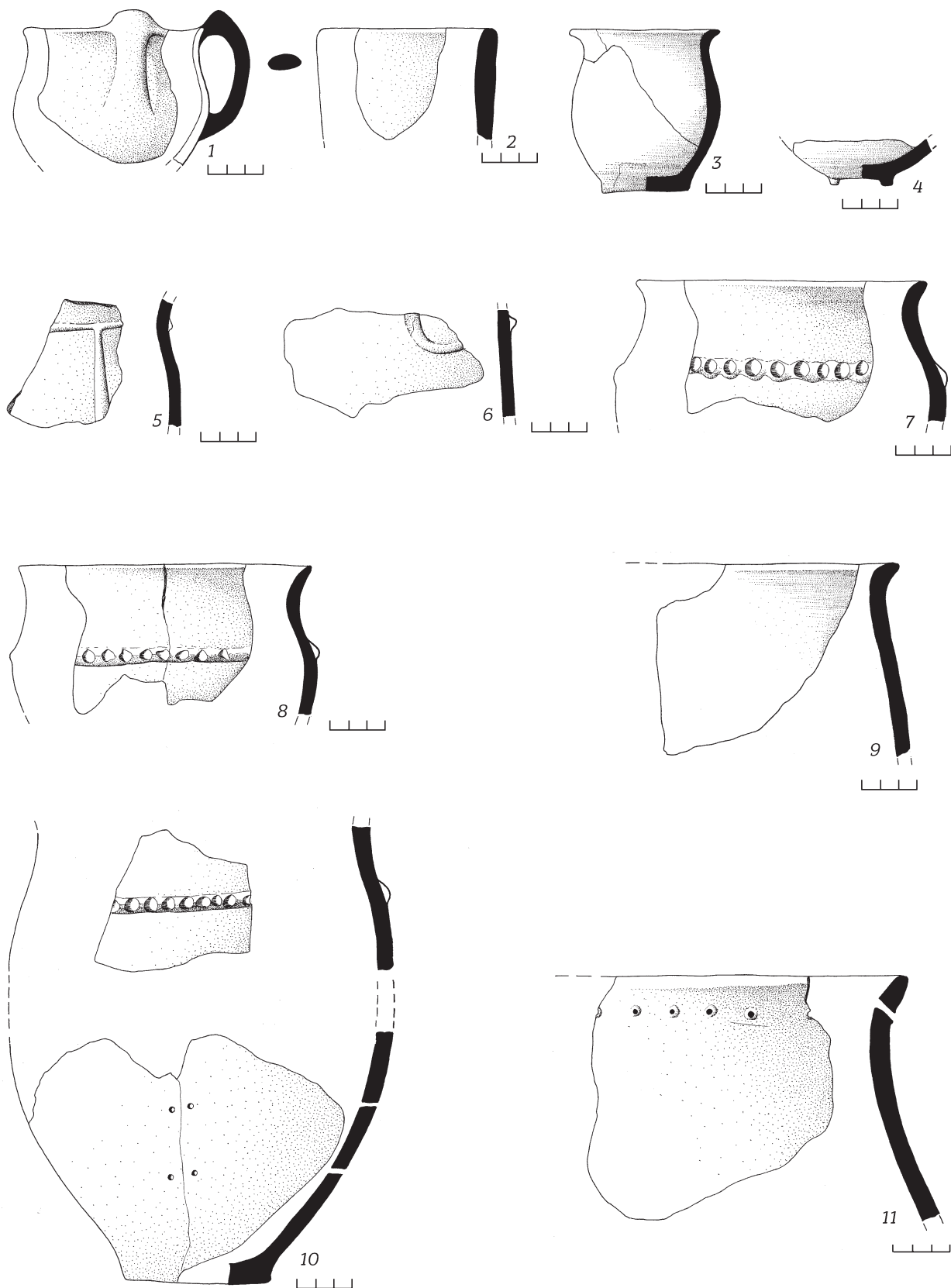

Рис. В71. Большой Городок, жилище № 5, керамика из «золистого» заполнения котлована
Fig. B71. Bolshoi Gorodok, dwelling № 5, pottery from «cindery» filling of ditch

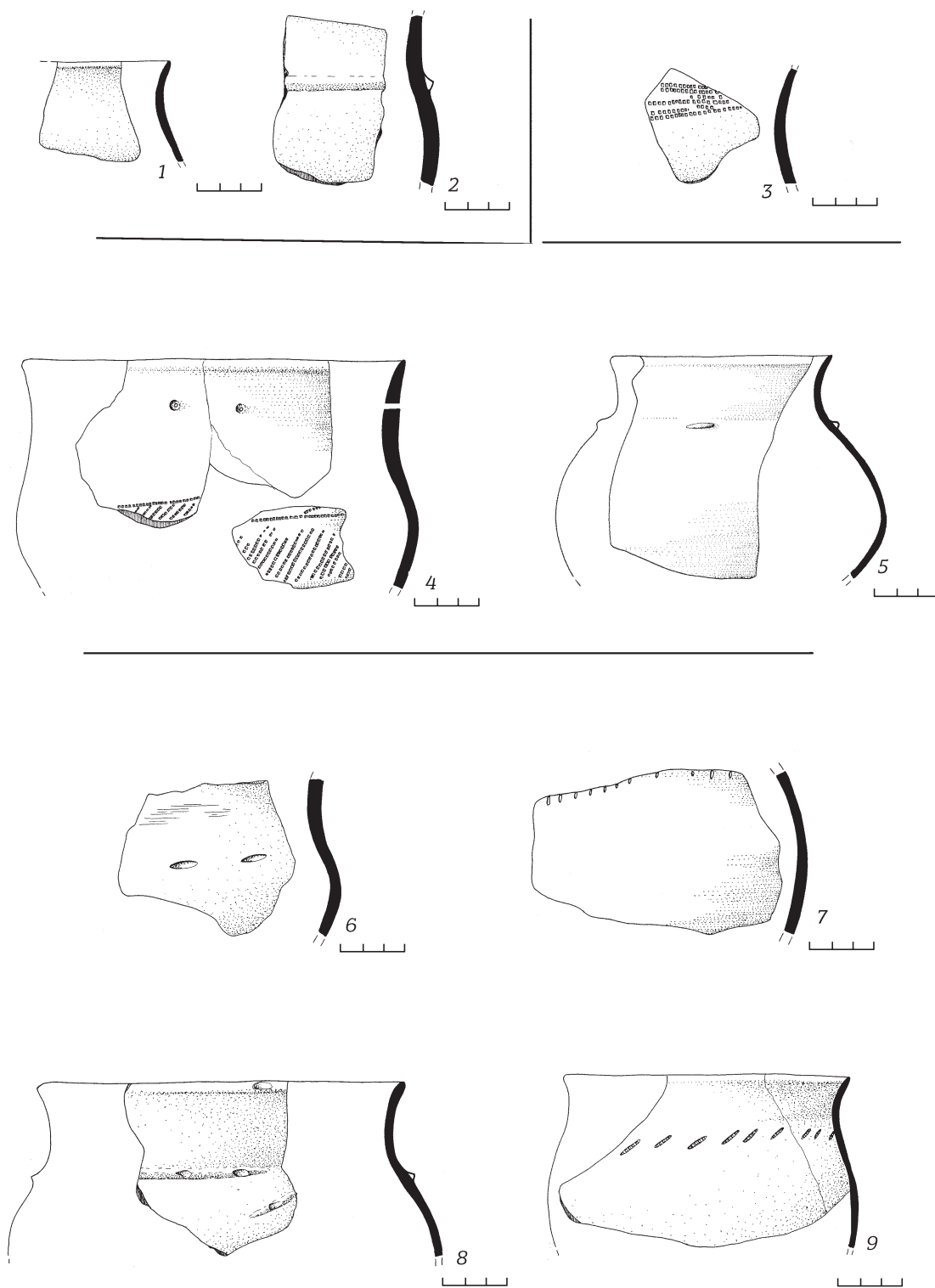

Рис. В72. Большой Городок, жилище № 4, керамика

Fig. В72. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, pottery from «cindery» filling of ditch

1, 2 – яма № 3; 3 – яма № 7; 4, 5 – яма № 4; 6–9 – яма № 12

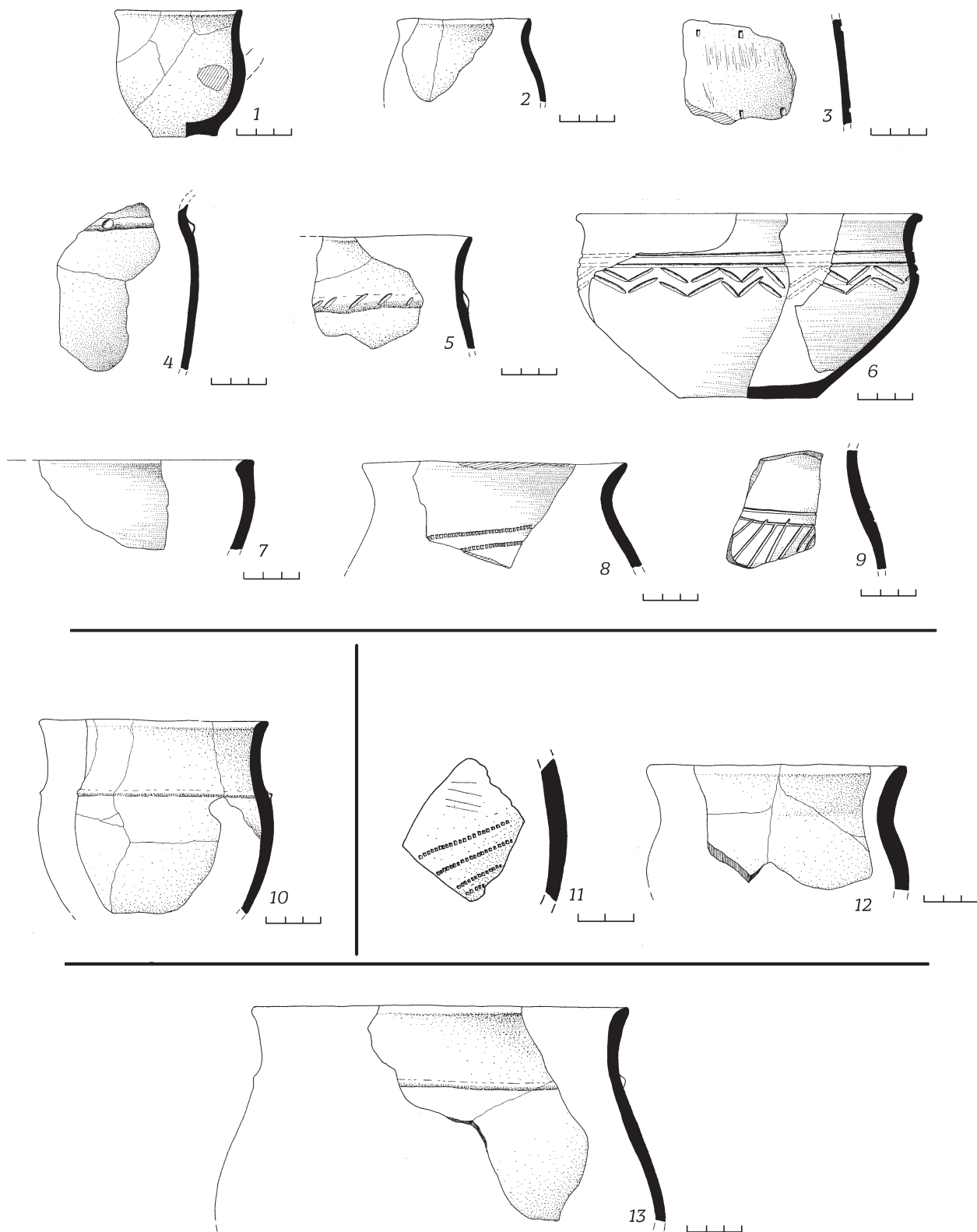

Рис. В73. Большой Городок, жилище № 4, керамика

Fig. B73. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, pottery

1–9 – пол; 10 – яма № 19; 11, 12 – яма № 17; 13 – яма № 10

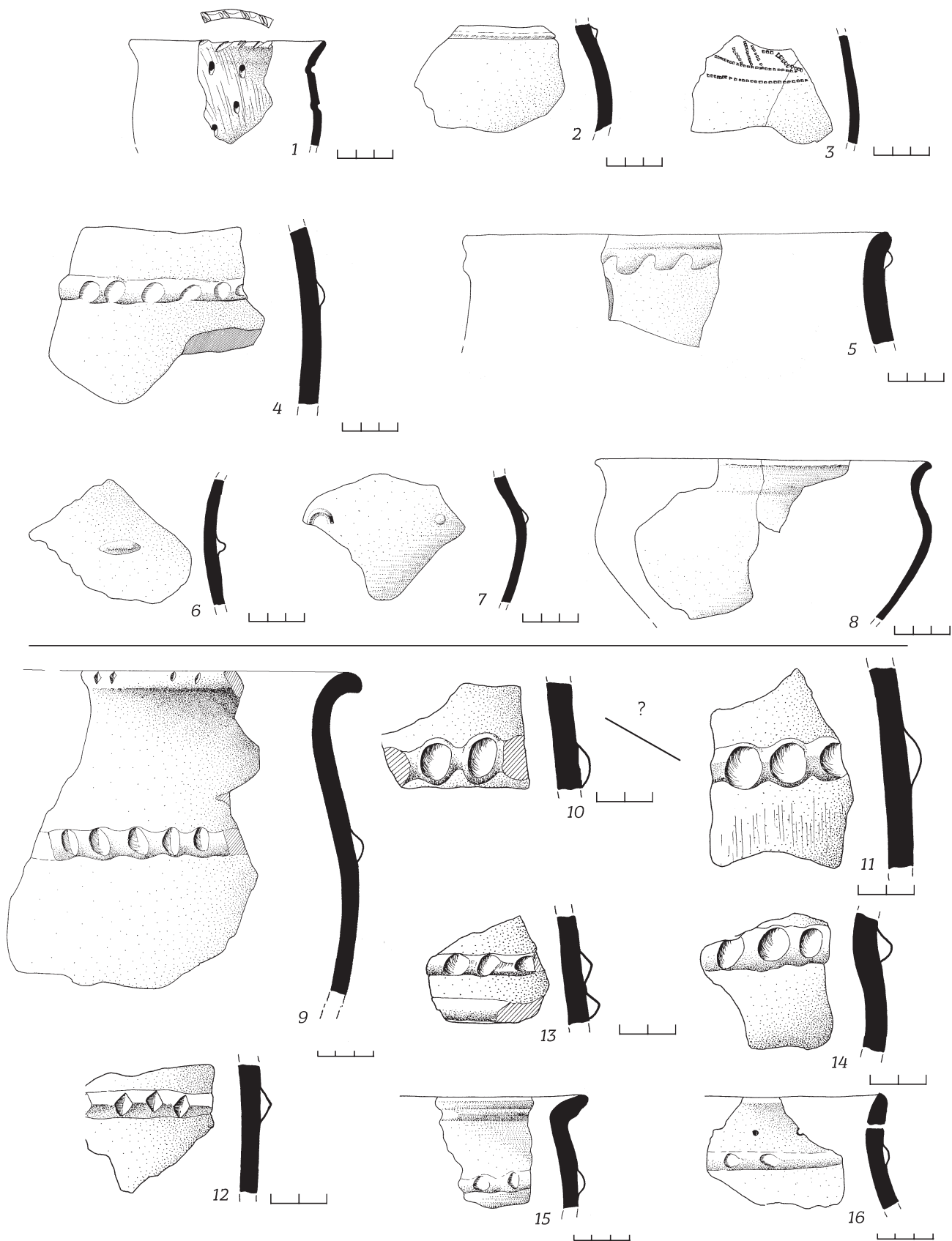

Рис. В74. Большой Городок, жилище № 4, керамика из заполнения котлована помещения № 4а

Fig. B74. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, pottery from filling of ditch of room № 4a

1–8 – «золистое» заполнение; 9–16 – верх заполнения

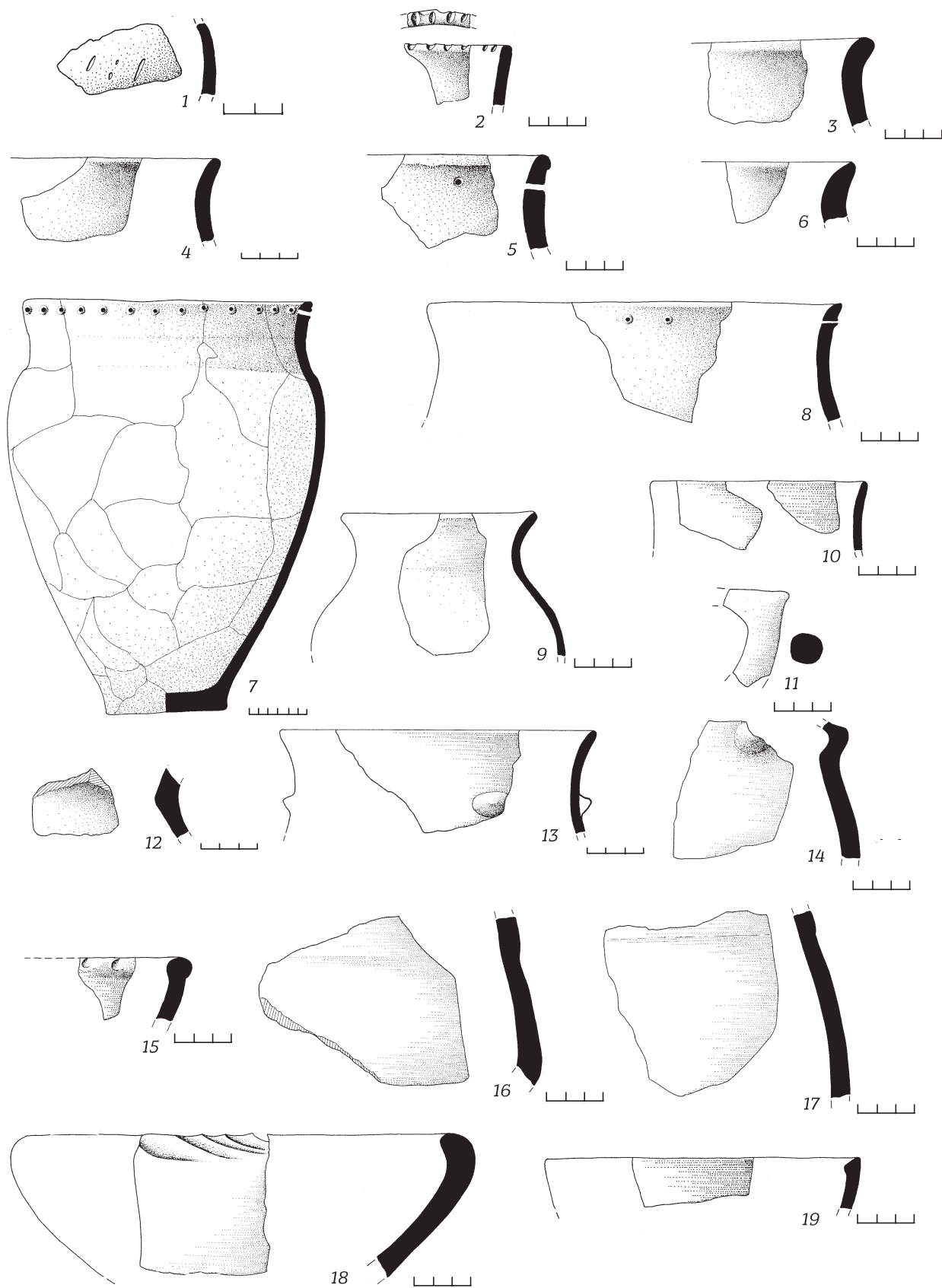

Рис. В75. Большой Городок, жилище № 4, керамика из верху заполнения котлована помещения № 4а
Fig. B75. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, pottery from the upper filling of ditch of room № 4a

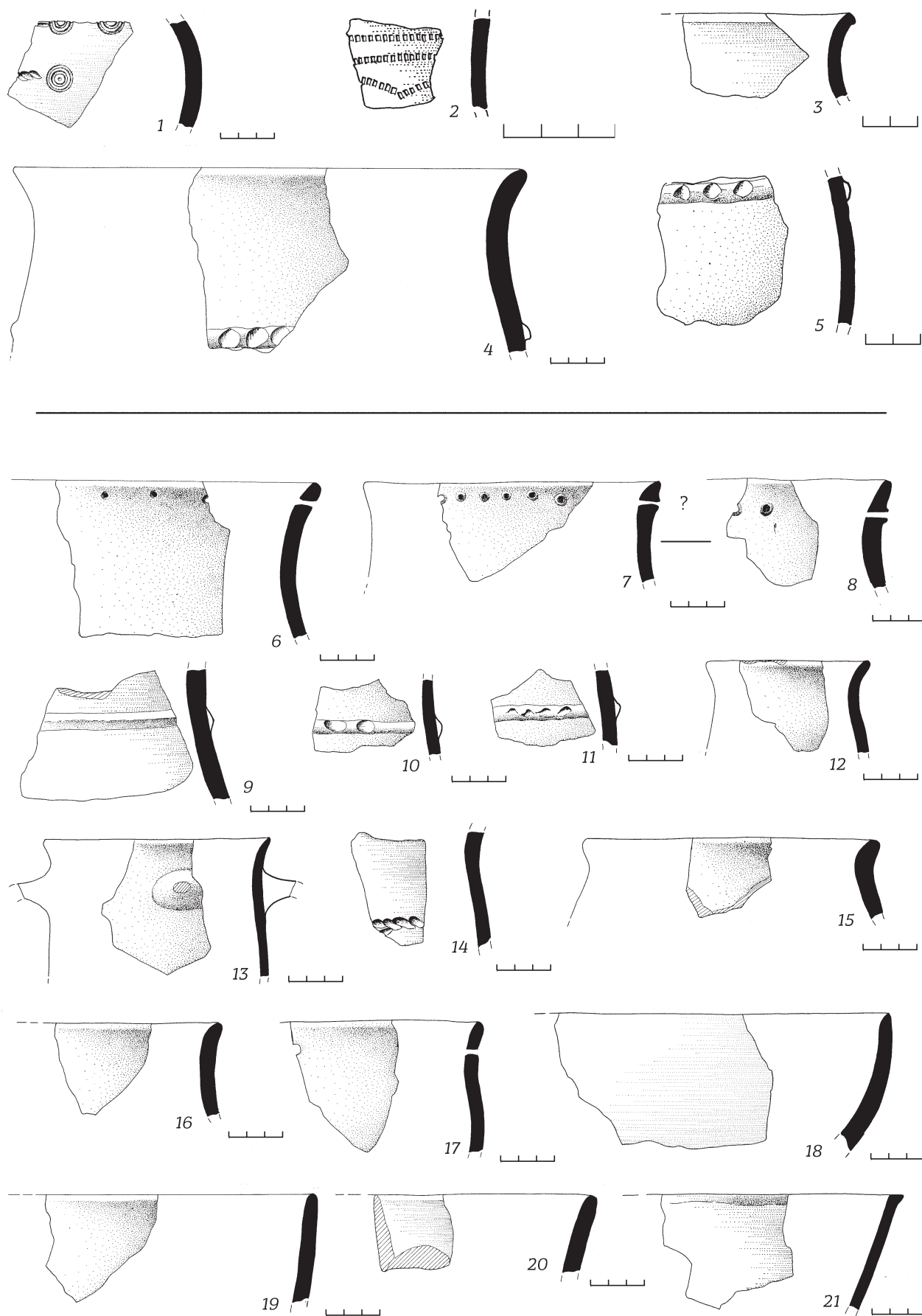

Рис. В76. Большой Городок, жилище № 4, керамика из помещения № 4б

Fig. В76. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, pottery from room № 4b

1–5 – пол; 6–21 – «зольное» заполнение котлована

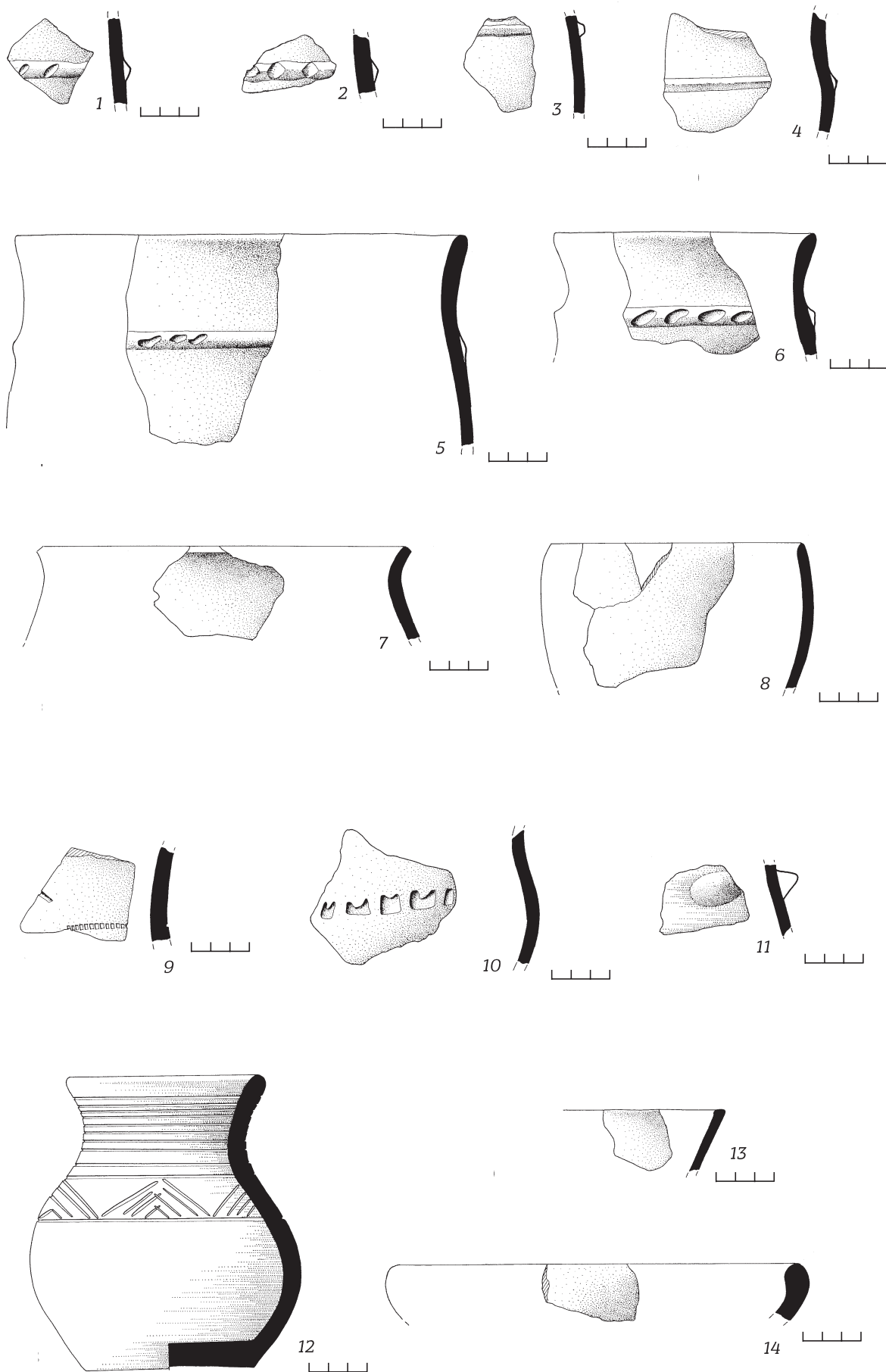

Рис. В77. Большой Городок, жилище № 4, помещение № 4б, керамика из верхнего заполнения котлована
Fig. В77. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, room № 4b, pottery from the upper filling of ditch

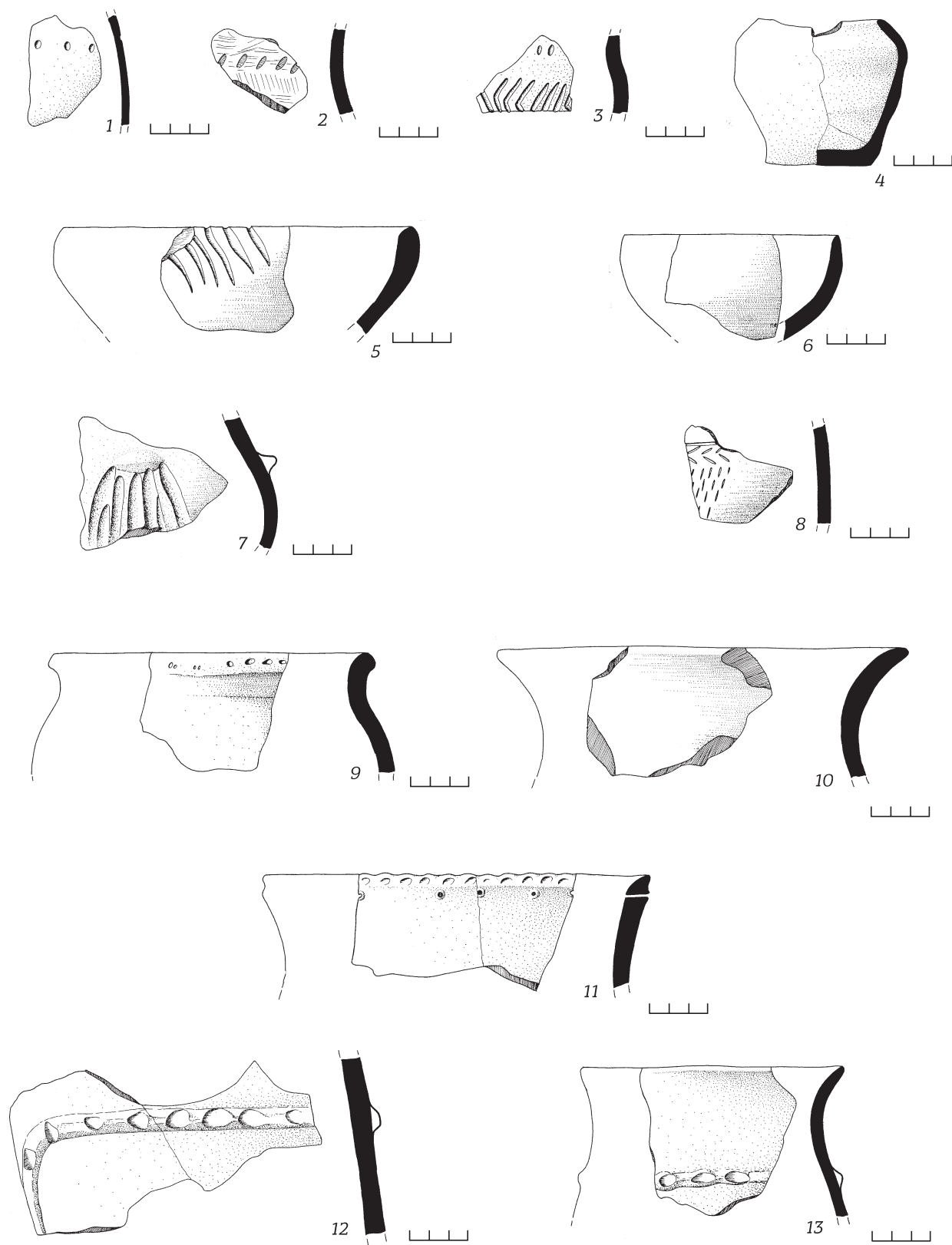

Рис. В78. Большой Городок, жилище № 4, керамика из культурного слоя возле жилища
Fig. В78. Bolshoi Gorodok, dwelling № 4, pottery from the cultural layer near dwelling

РИСУНКИ

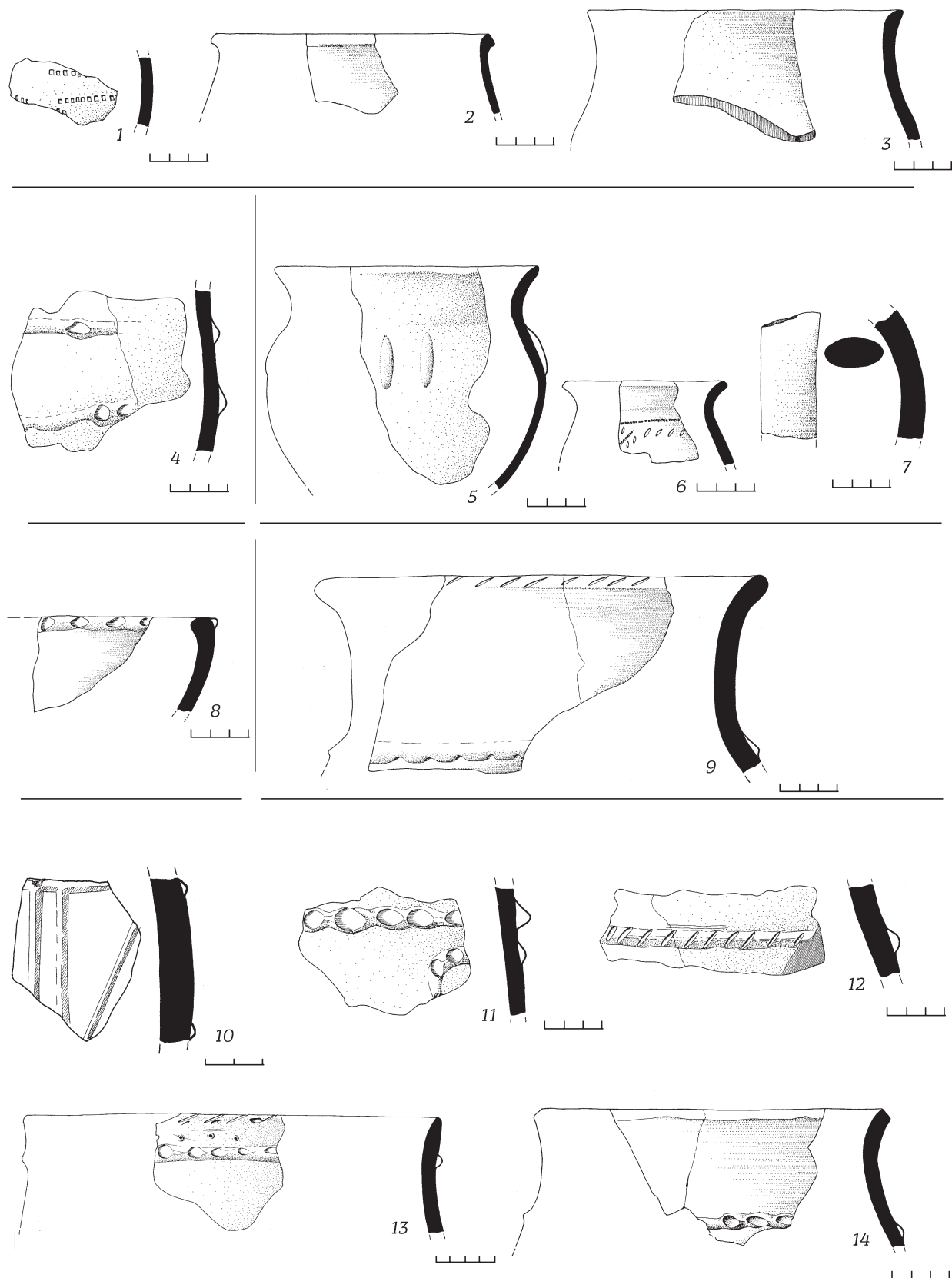

Рис. В79. Большой Городок, раскоп IV, керамика

Fig. B79. Bolshoi Gorodok, trench IV, pottery

1–3 – яма № 3; 4 – яма № 5; 5–7 – яма № 6; 8 – яма № 7; 9 – яма № 11; 10–14 – культурный слой

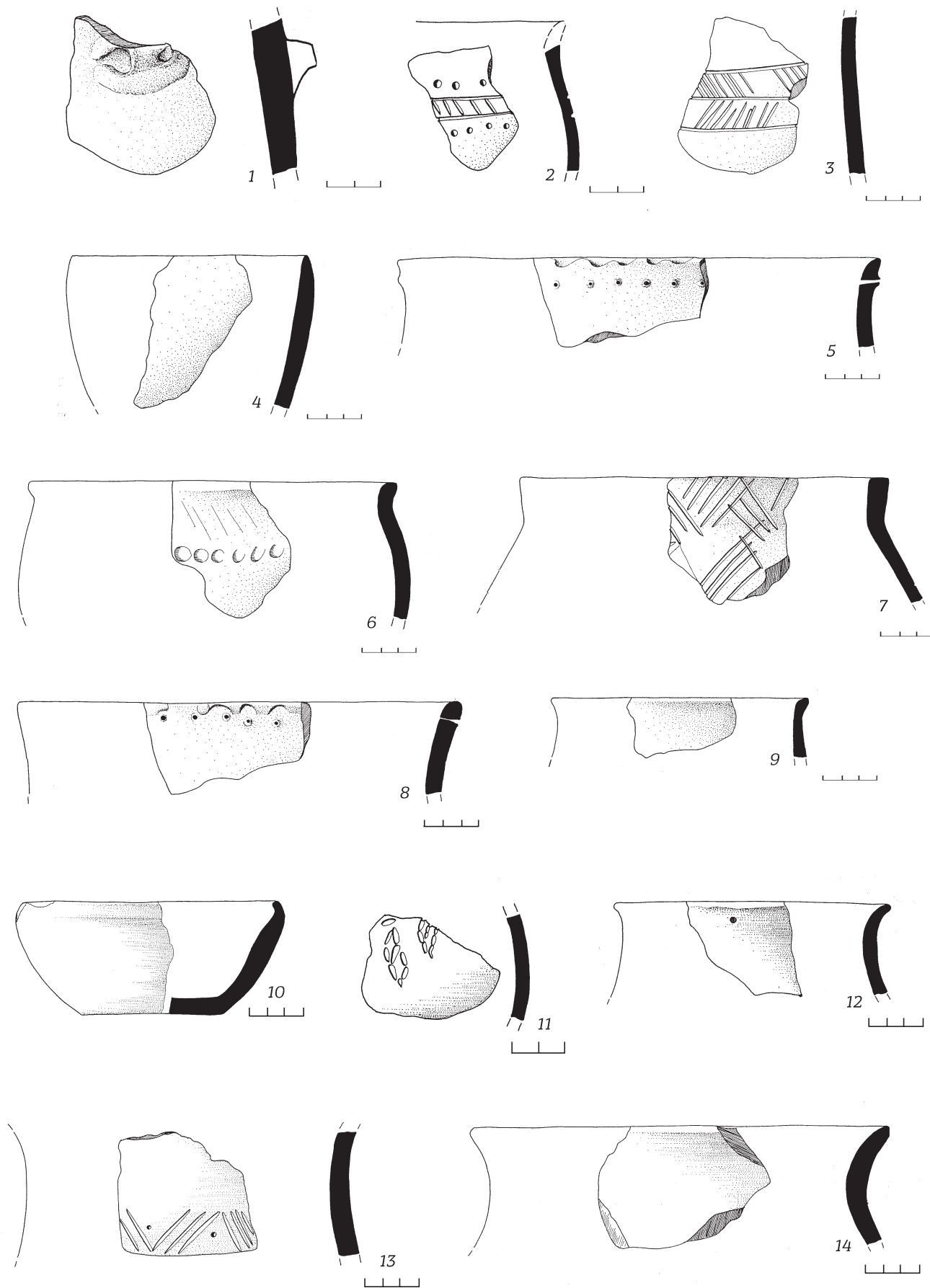

Рис. В80. Большой Городок, раскоп IV, керамика из культурного слоя
 Fig. B80. Bolshoi Gorodok, trench IV, pottery from the cultural layer

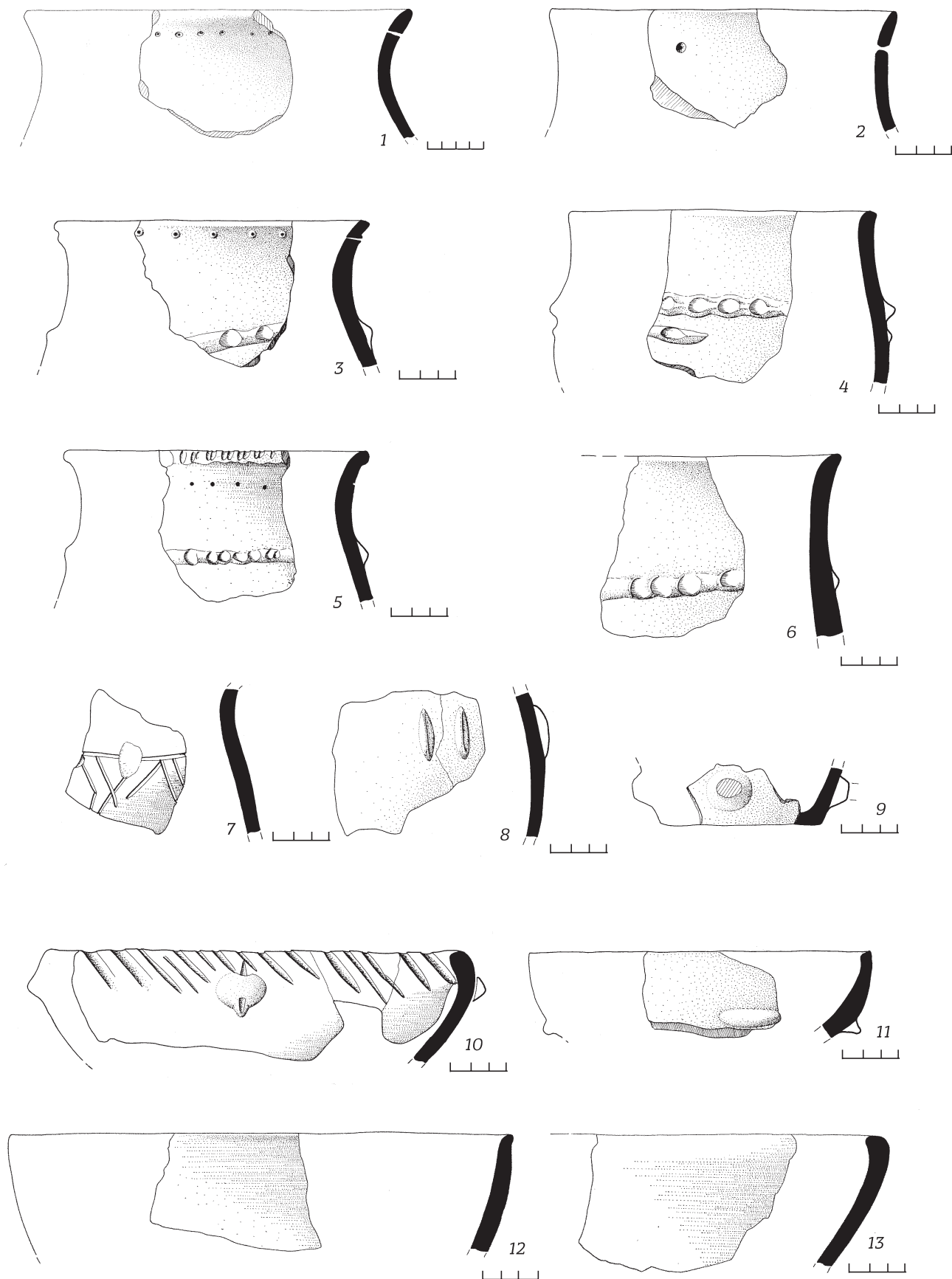

Рис. В81. Большой Городок, раскоп IV, керамика из культурного слоя
Fig. B81. Bolshoi Gorodok, trench IV, pottery from the cultural layer

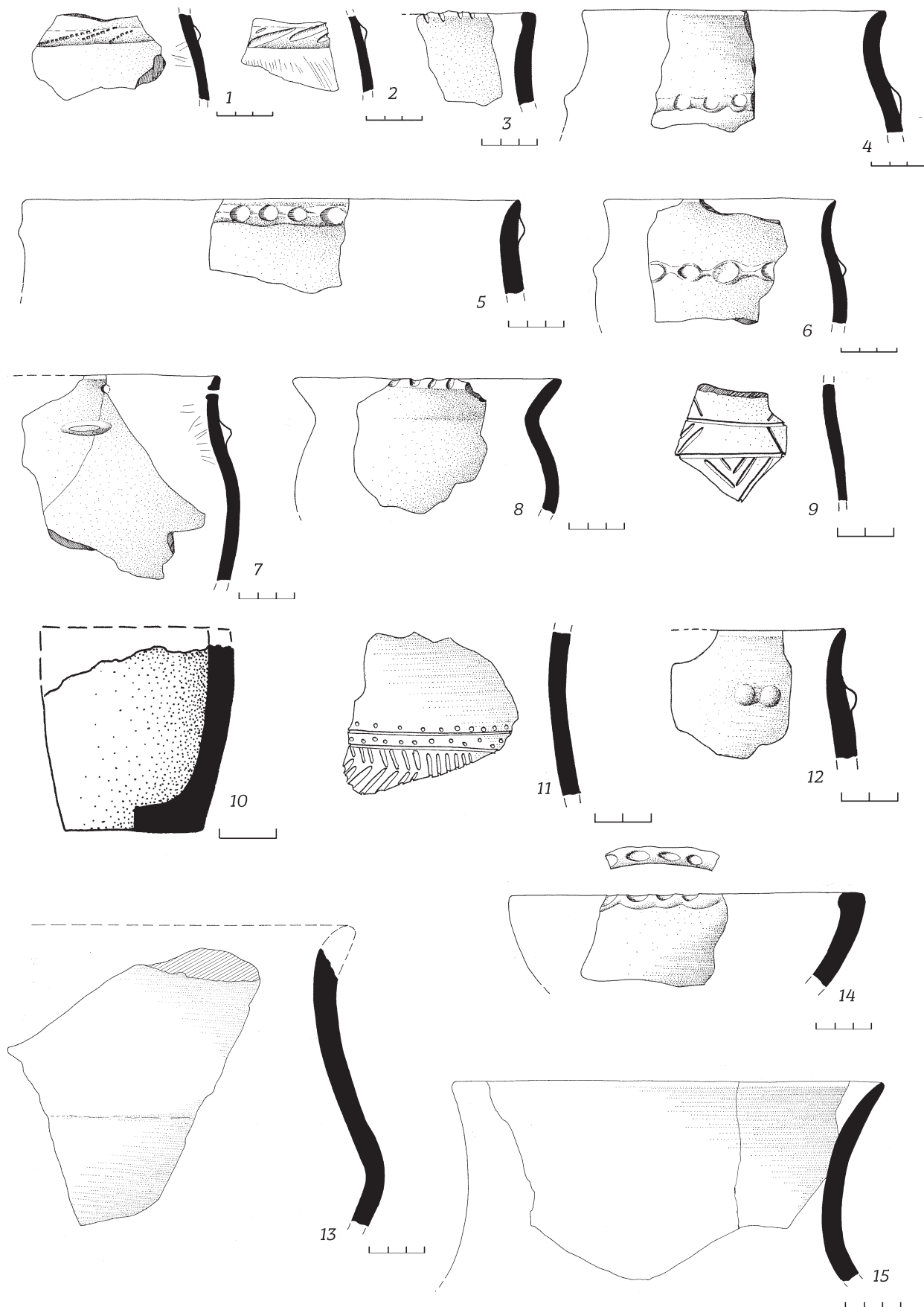

Рис. B82. Большой Городок, раскоп IV, керамика из культурного слоя
 Fig. B82. Bolshoi Gorodok, trench IV, pottery from the cultural layer

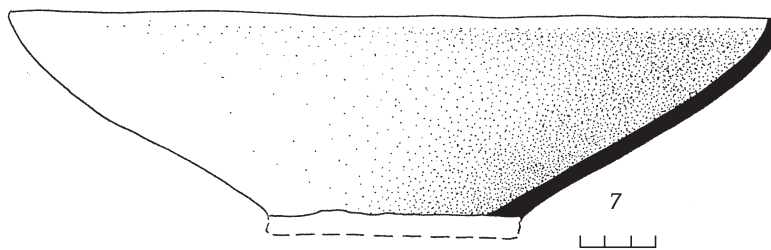
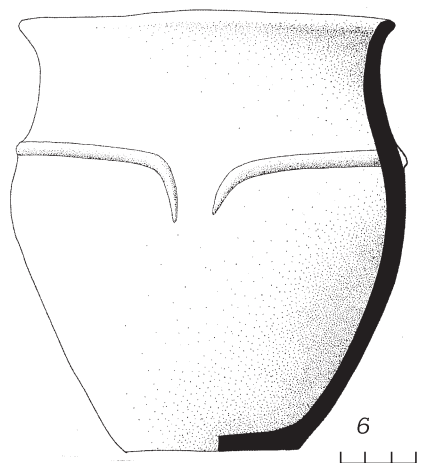
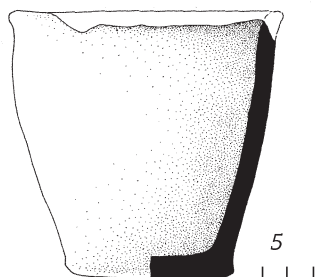
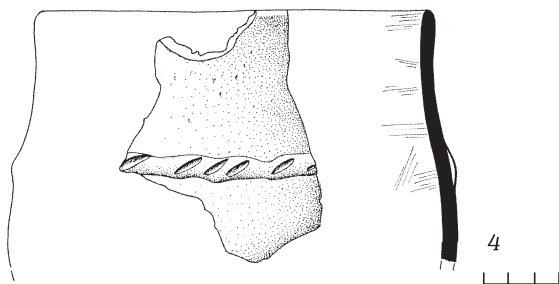
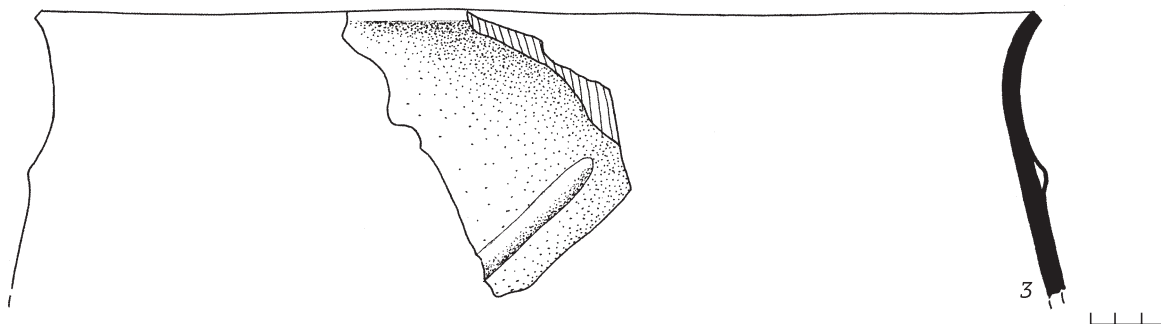
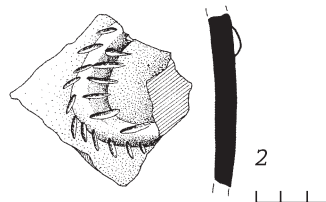
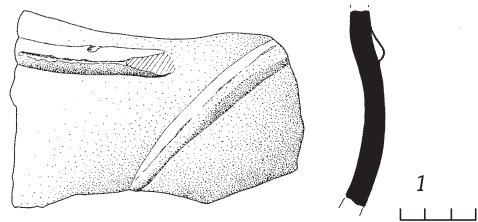

Рис. В83. Большой Городок, жилище № 11, керамика

Fig. В83. Bolshoi Gorodok, dwelling № 11, pottery

1-5 - пол; 6, 7 - яма № 21

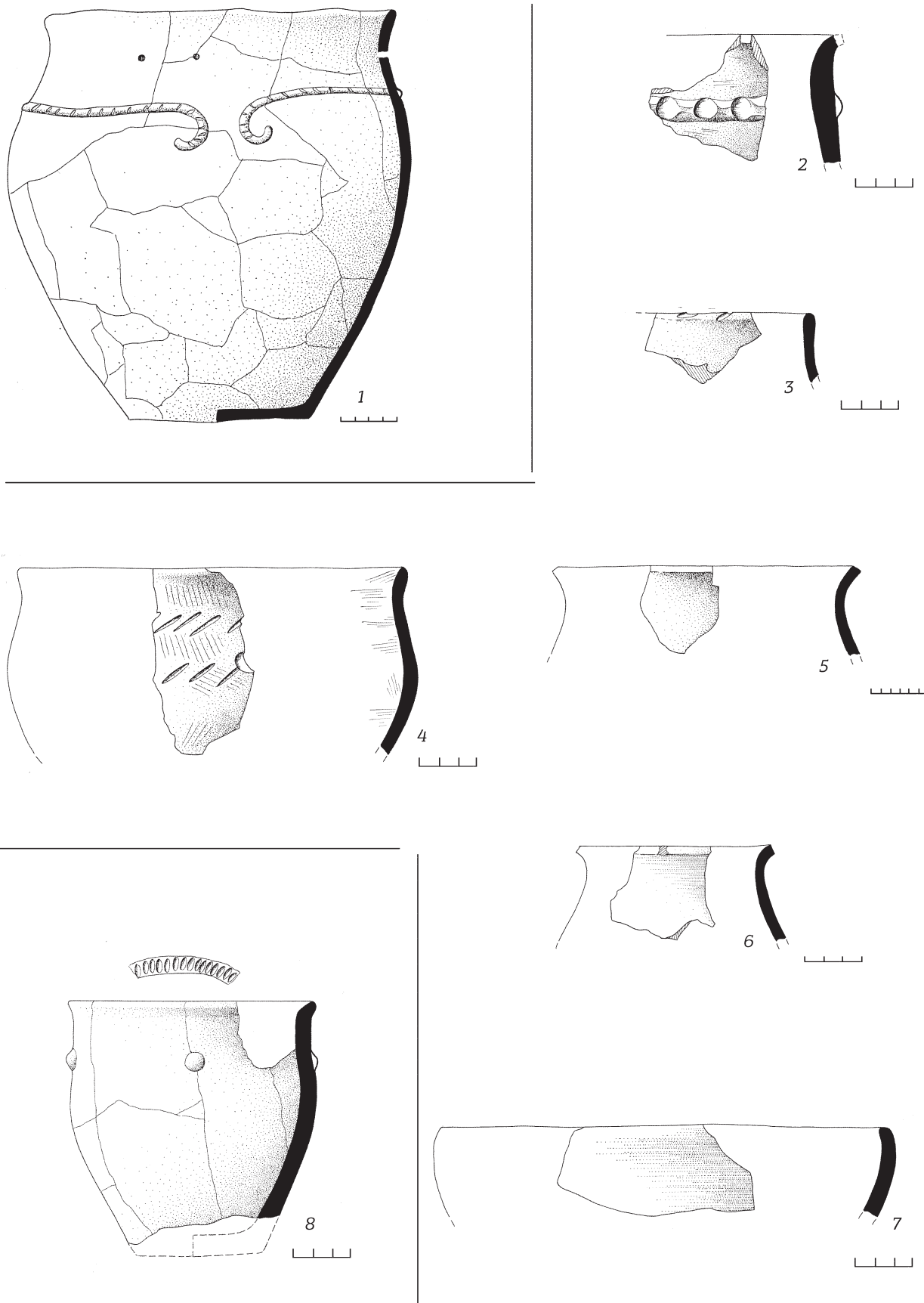

Рис. В84. Большой Городок, раскоп XI, керамика

Fig. В84. Bolshoi Gorodok, trench XI, pottery
 1 – яма № 2; 2–7 – яма № 11; 8 – яма № 20

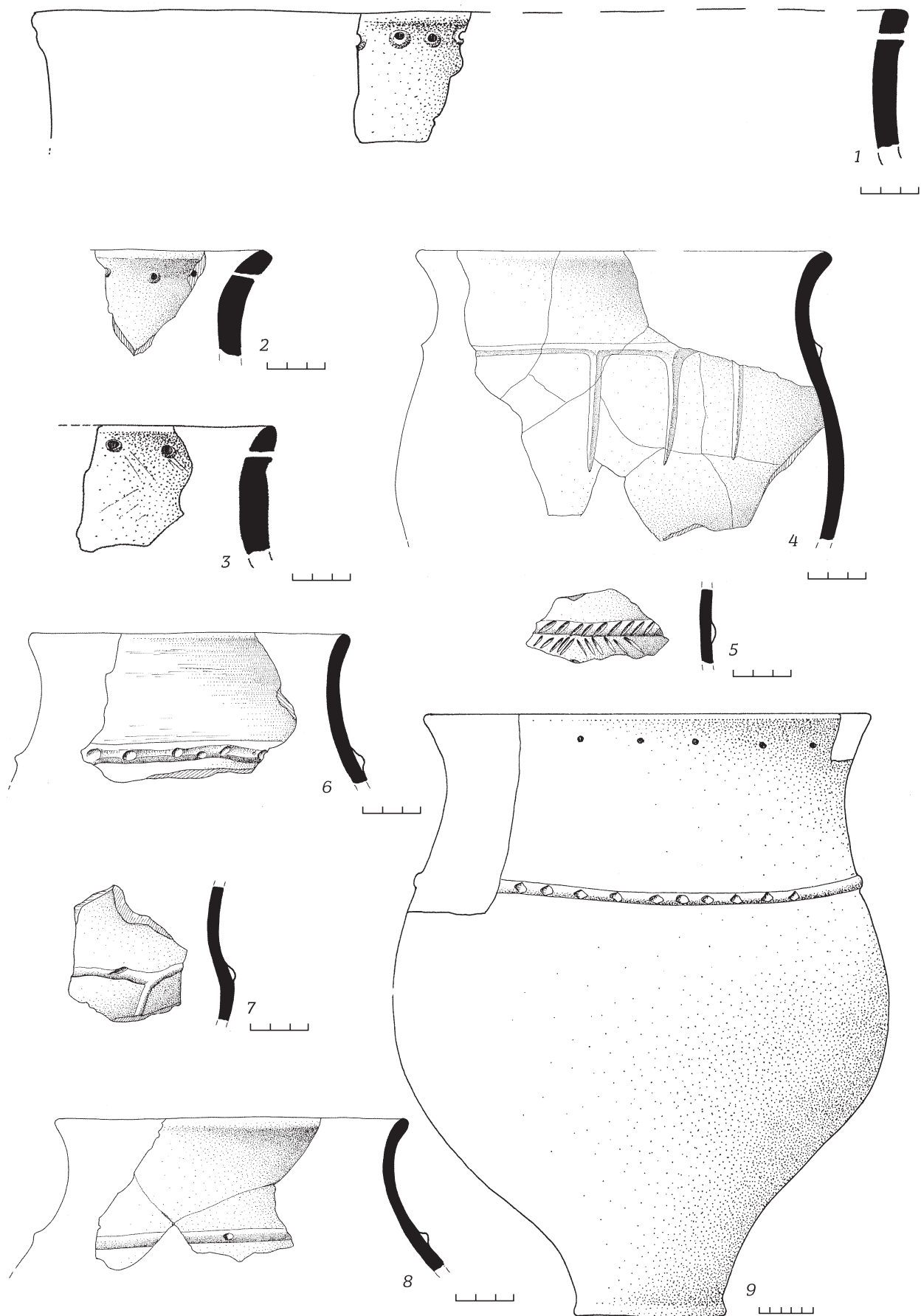

Рис. В85. Большой Городок, раскоп XI, керамика из культурного слоя
 Fig. B85. Bolshoi Gorodok, trench XI, pottery from the cultural layer

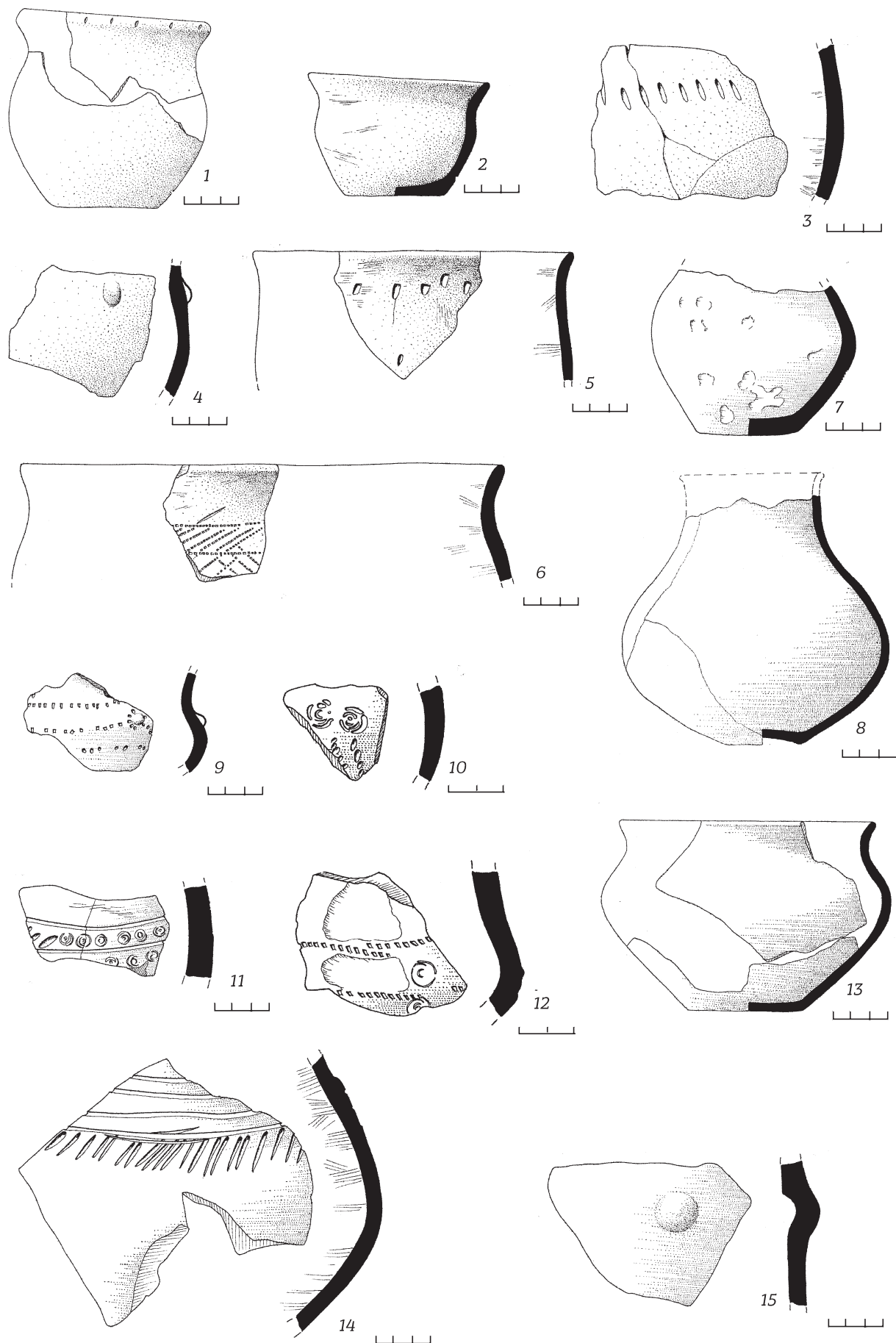

Рис. В86. Большой Городок, раскоп XI, керамика из культурного слоя
 Fig. B86. Bolshoi Gorodok, trench XI, pottery from the cultural layer

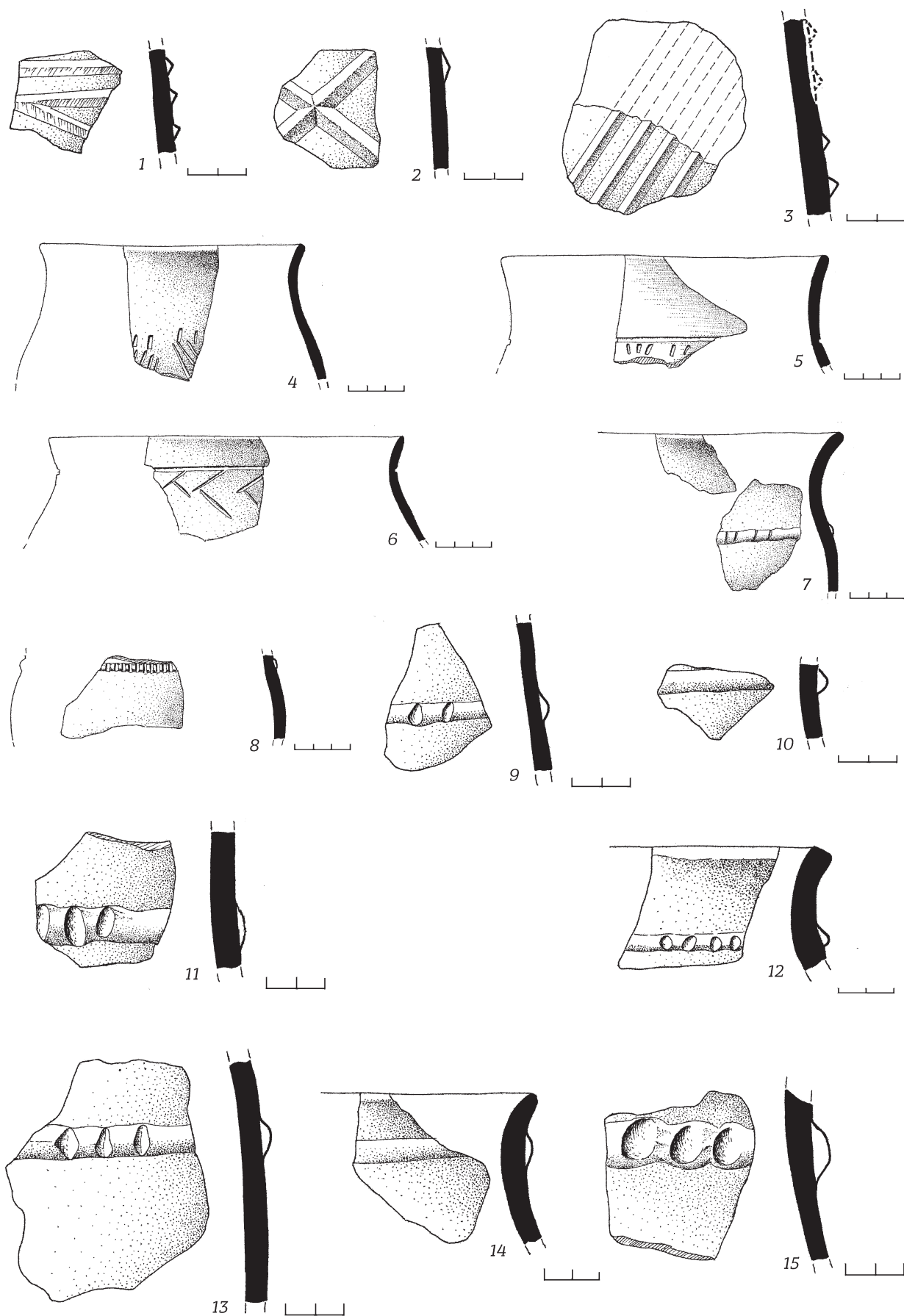

Рис. В87. Малый Городок, керамика из ядра вала
 Fig. B87. Malyy Gorodok, pottery from the nucleus of the rampart

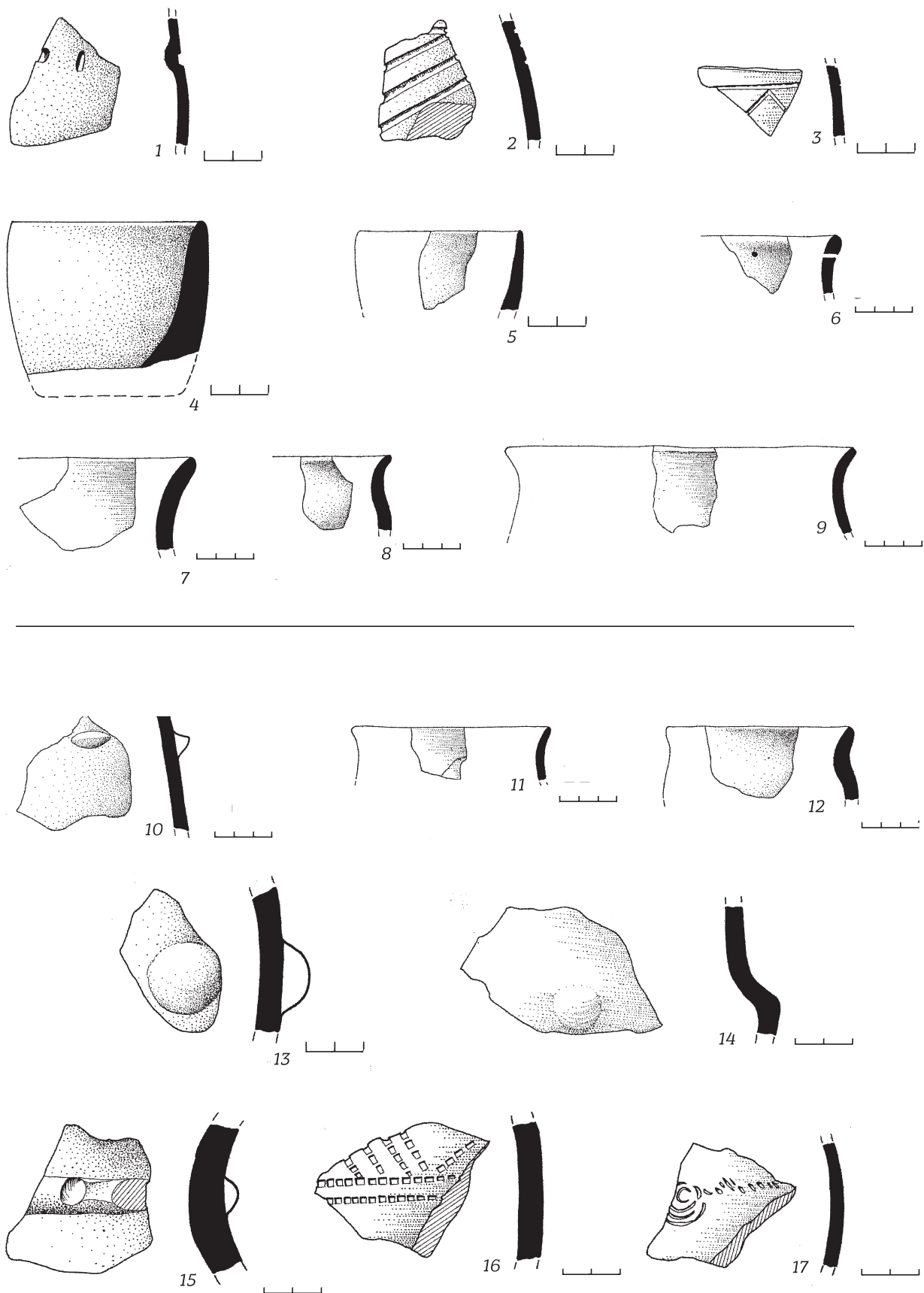

Рис. В88. Малый Городок и Новый Городок, керамика

Fig. В88. Malyy Gorodok and Malyy Gorodok, pottery

1–9 – Малый Городок, ядро вала; 10–17 – Новый Городок, подъемный материал

С. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА

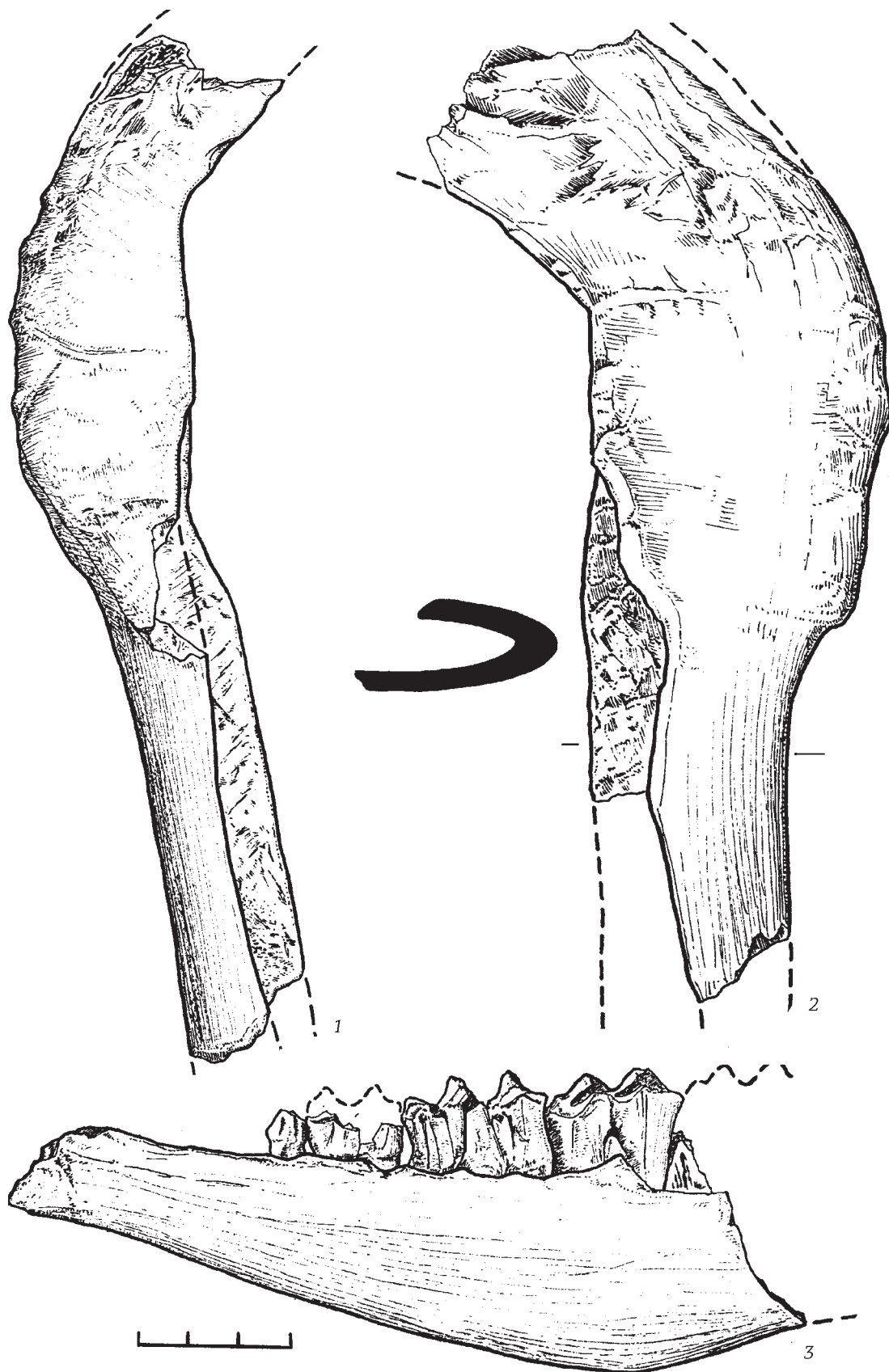

Рис. С1. Большой городок, костяные изделия

Fig. C1. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – раскоп I, очаг № 1; 2 – раскоп XII, яма № 4; 3 – раскоп XII, яма № 9

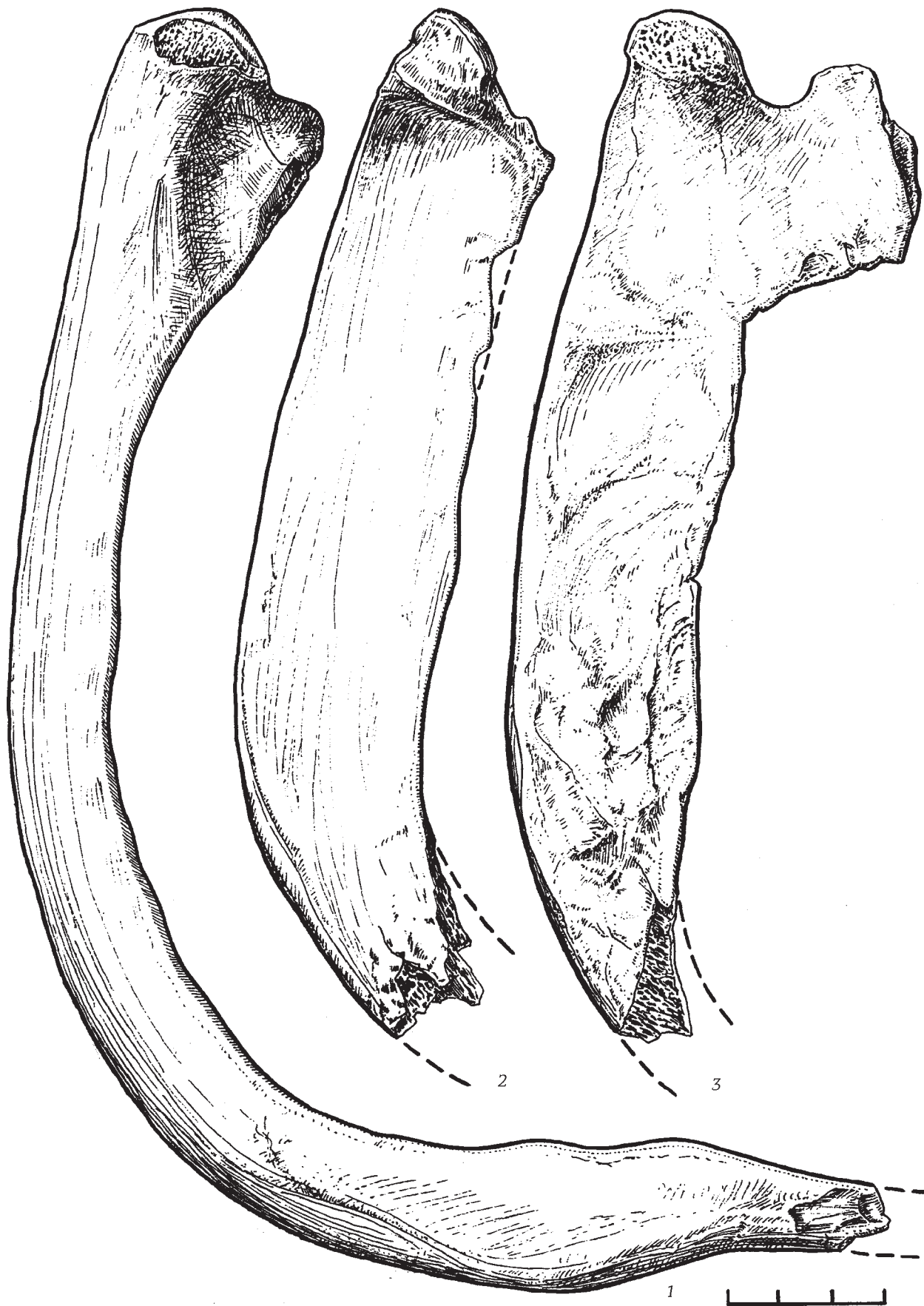

Рис. С2. Большой городок, костяные изделия

Fig. C2. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – жилище № 1, пол; 2, 3 – «золистое» заполнение котлованов жилищ № 2 и № 6

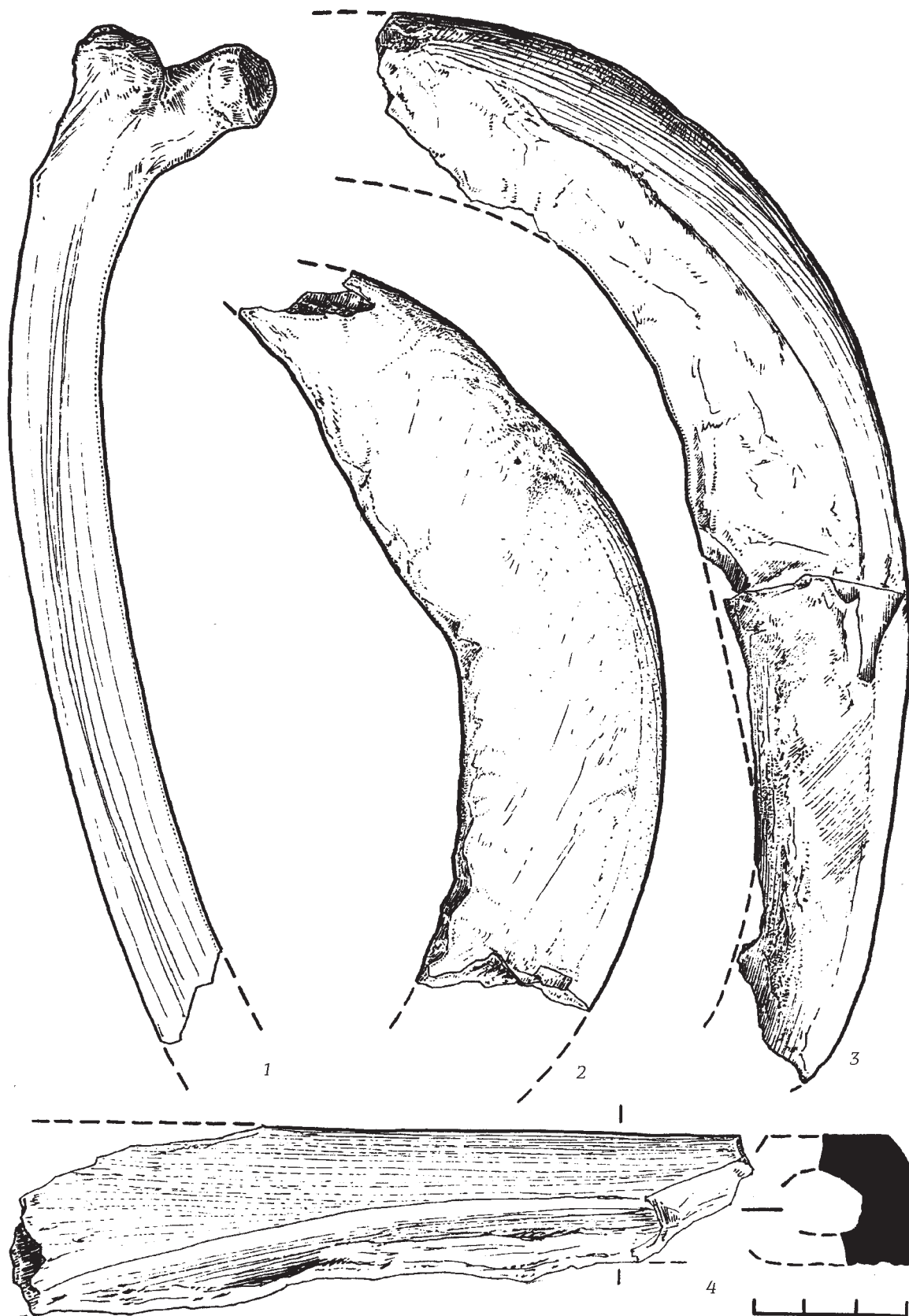

Рис. С3. Большой городок, костяные изделия

Fig. С3. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – раскоп XII, яма № 9; 2, 3 – «золистое» заполнение котлованов жилищ № 1 и № 5; 4 – заполнение котлована жилища № 8

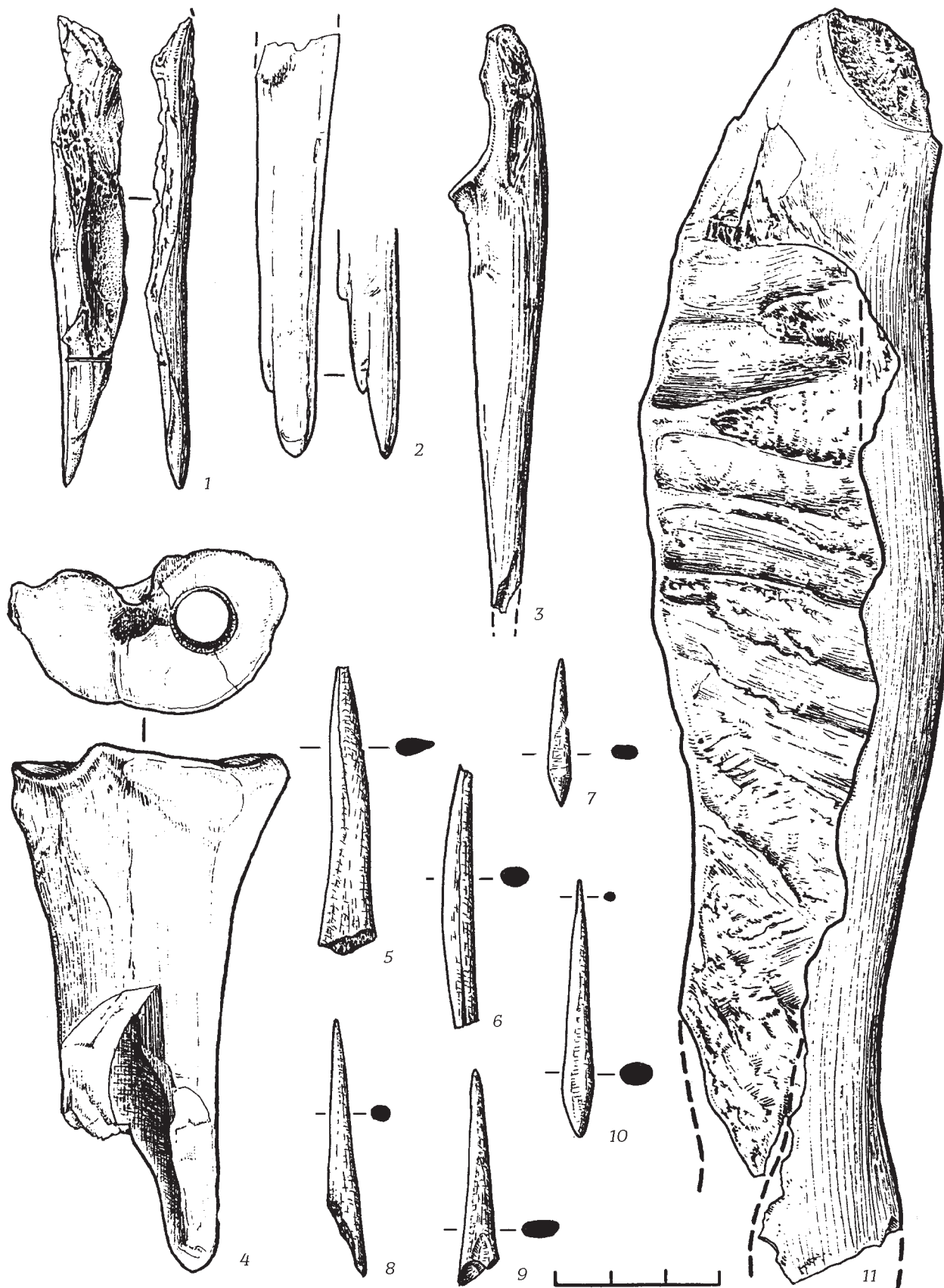

Рис. С4. Большой городок, костяные изделия

Fig. С4. Bolshoi Gorodok, bone items

1, 5, 6, 11 – культурный слой раскопа IV; 2–4 – культурный слой раскопа XI; 7, 10 – культурный слой раскопа III;
8 – жилище № 6, пол; 9 – заполнение ям № 12 и 13 жилища № 4

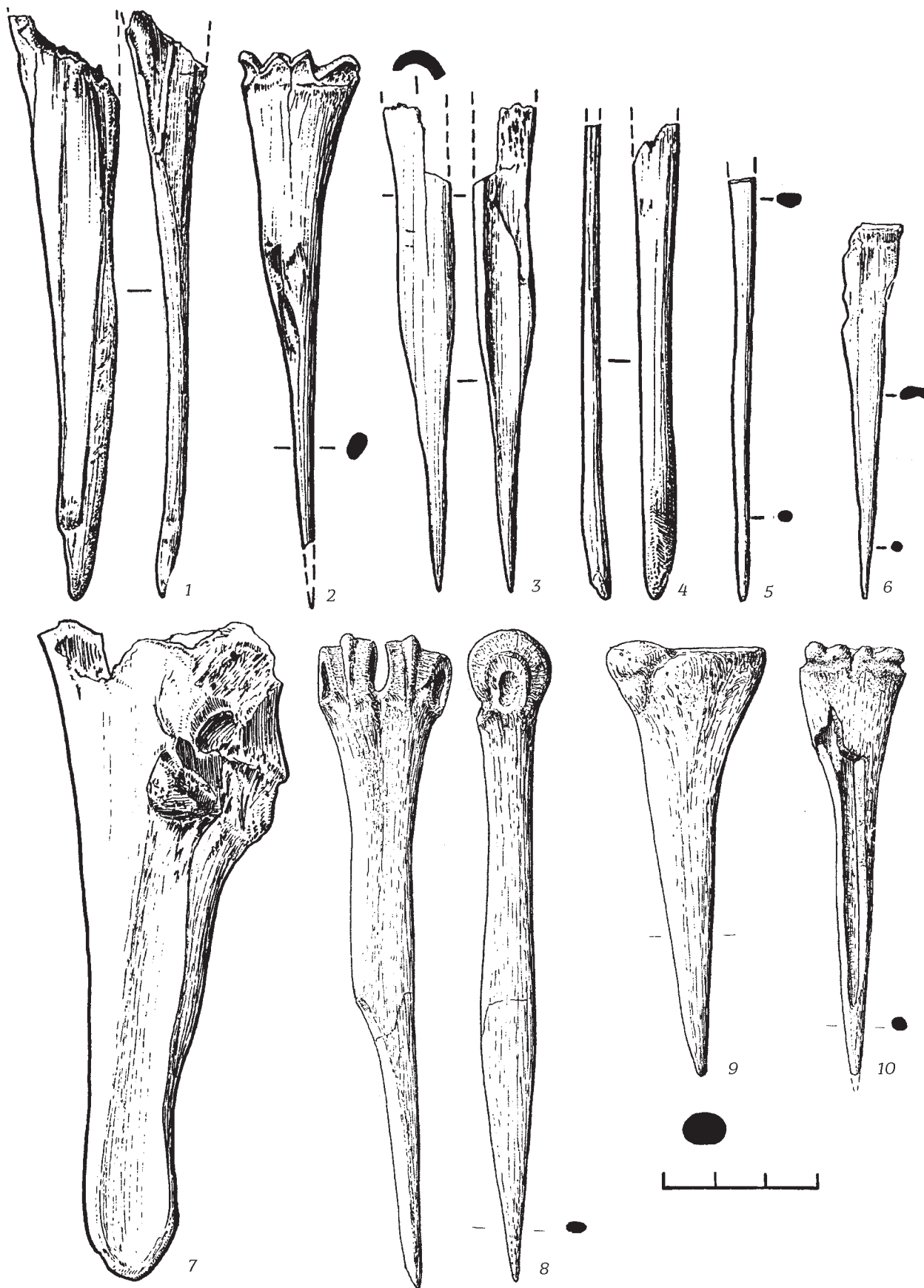

Рис. С5. Большой городок. Костяные изделия

Fig. C5. Bolshoi Gorodok, bone items

1–3, 10 – «золистое» заполнение котлована жилища № 6; 4, 6 – культурный слой раскопа III; 7 – раскоп IV, яма № 11; 8 – жилище № 6, пол; 5, 9 – раскоп VIII, яма № 12

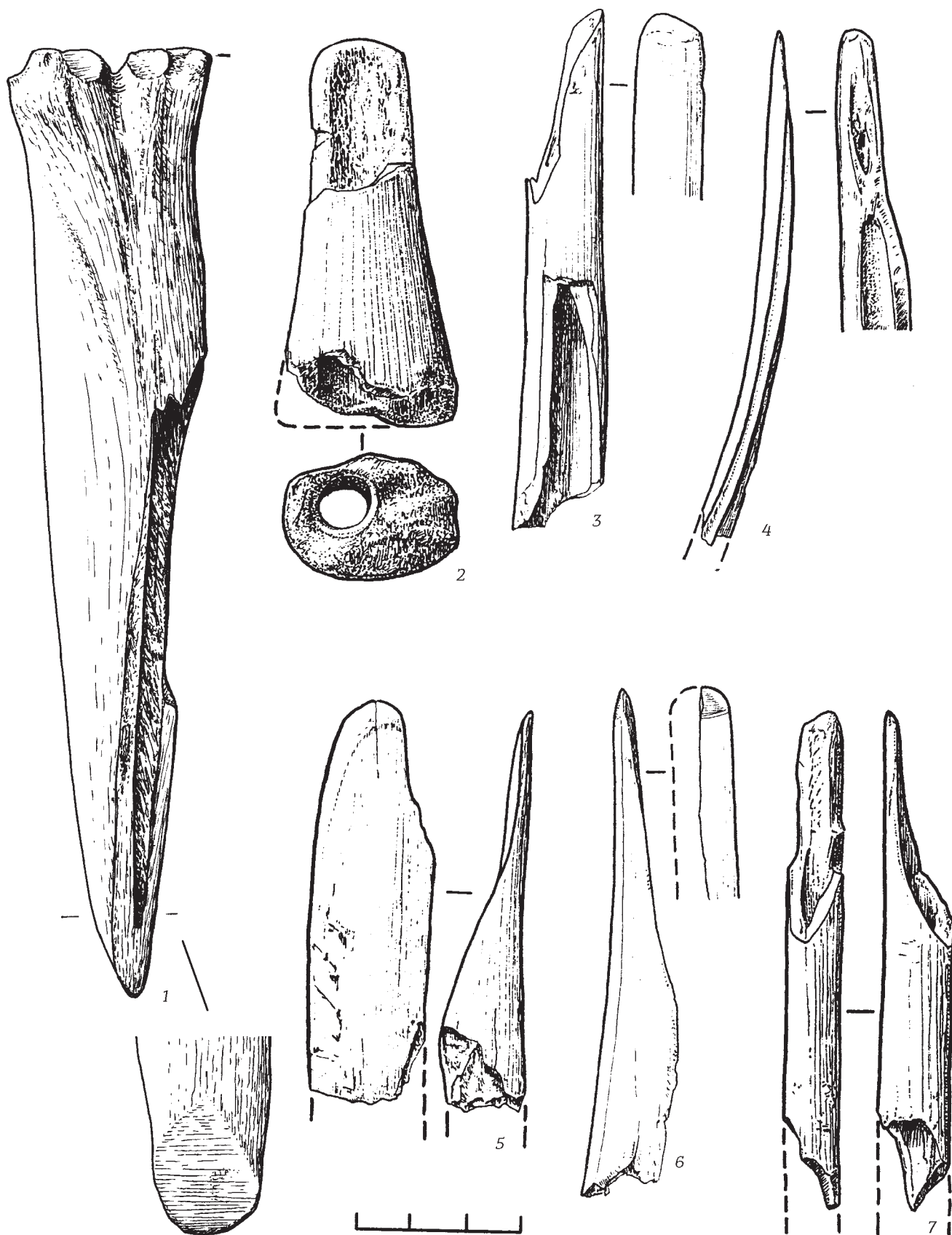

Рис. С6. Большой Городок, костяные изделия

Fig. C6. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – жилище № 2, пол; 2 – раскоп III, яма № 28б; 3 – культурный слой раскопа XI; 4, 6 – «золистое» заполнение жилища № 10; 5 – место находки неизвестно; 7 – раскоп XII, яма № 12

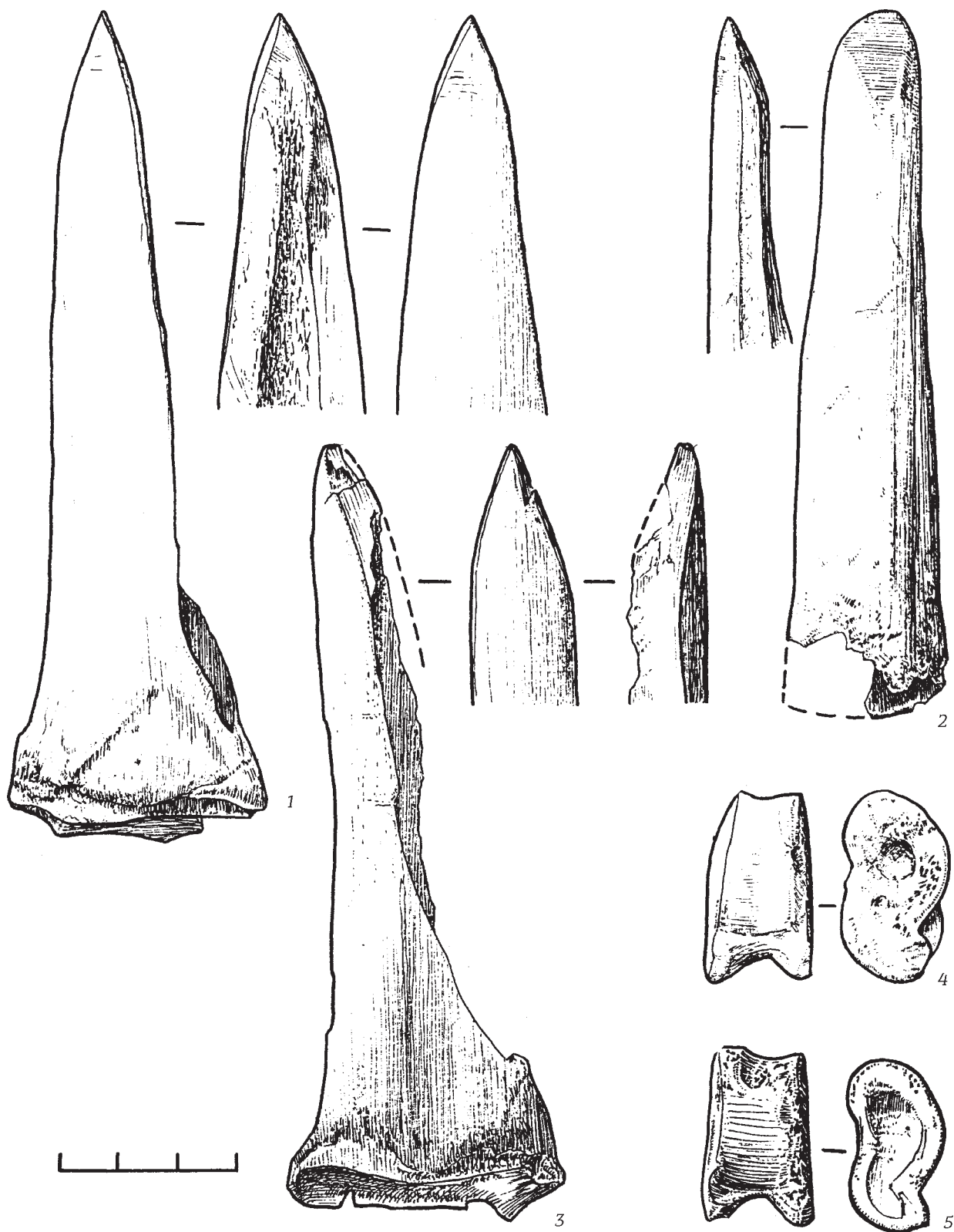

Рис. С7. Большой Городок, костяные изделия

Fig. С7. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – раскоп XI, яма № 8; 2, 5 – жилище № 10, пол; 3 – раскоп III, яма № 33; 4 – раскоп IX, яма № 2

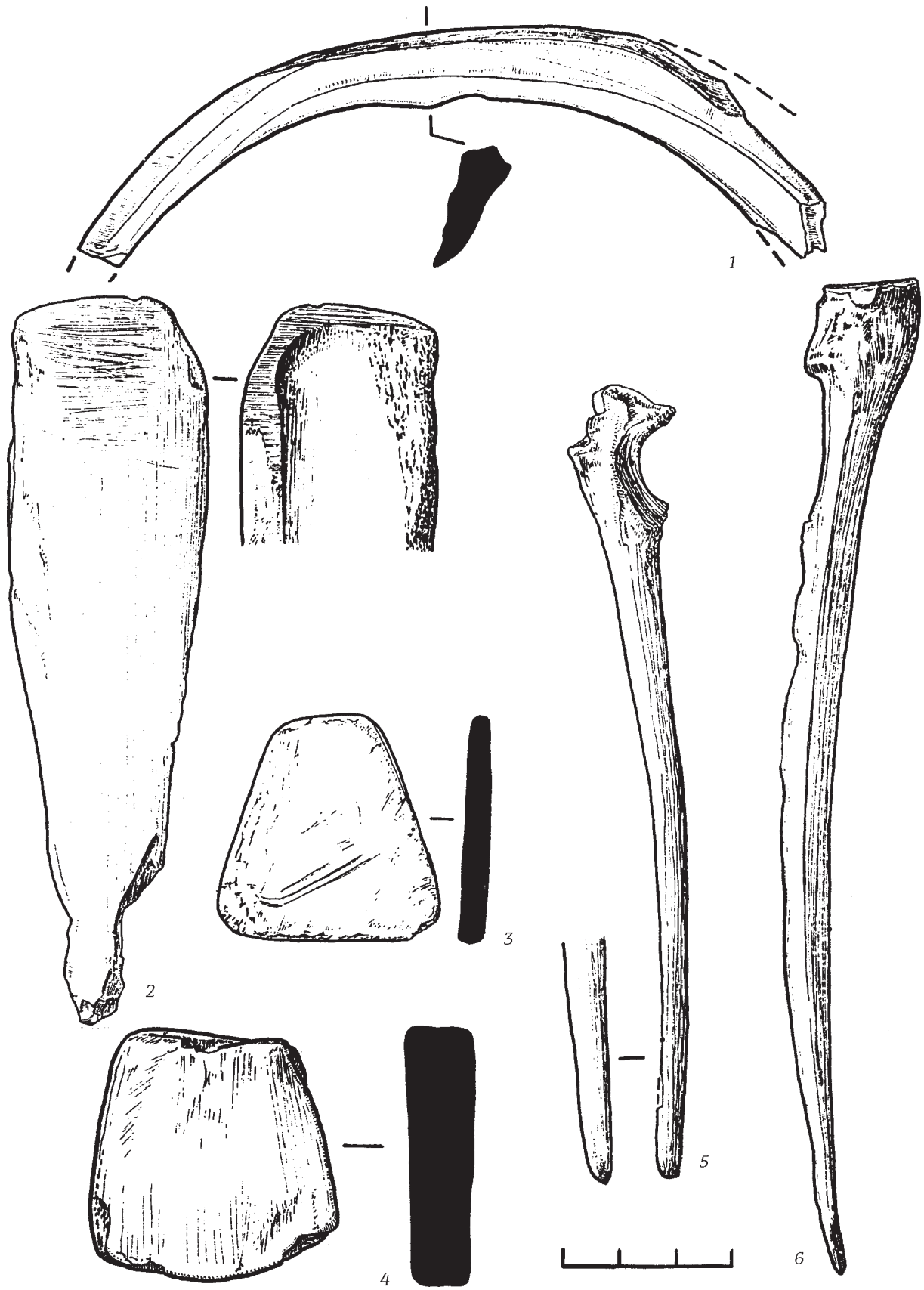

Рис. С8. Большой Городок, костяные изделия

Fig. C8. Bolshoi Gorodok, bone items

1, 2 – жилище № 6, пол; 3 – раскоп VIII, яма № 8; 4 – раскоп XII, яма № 9; 5 – заполнение «жилища» № 3; 6 – «золистое» заполнение котлована жилища № 10

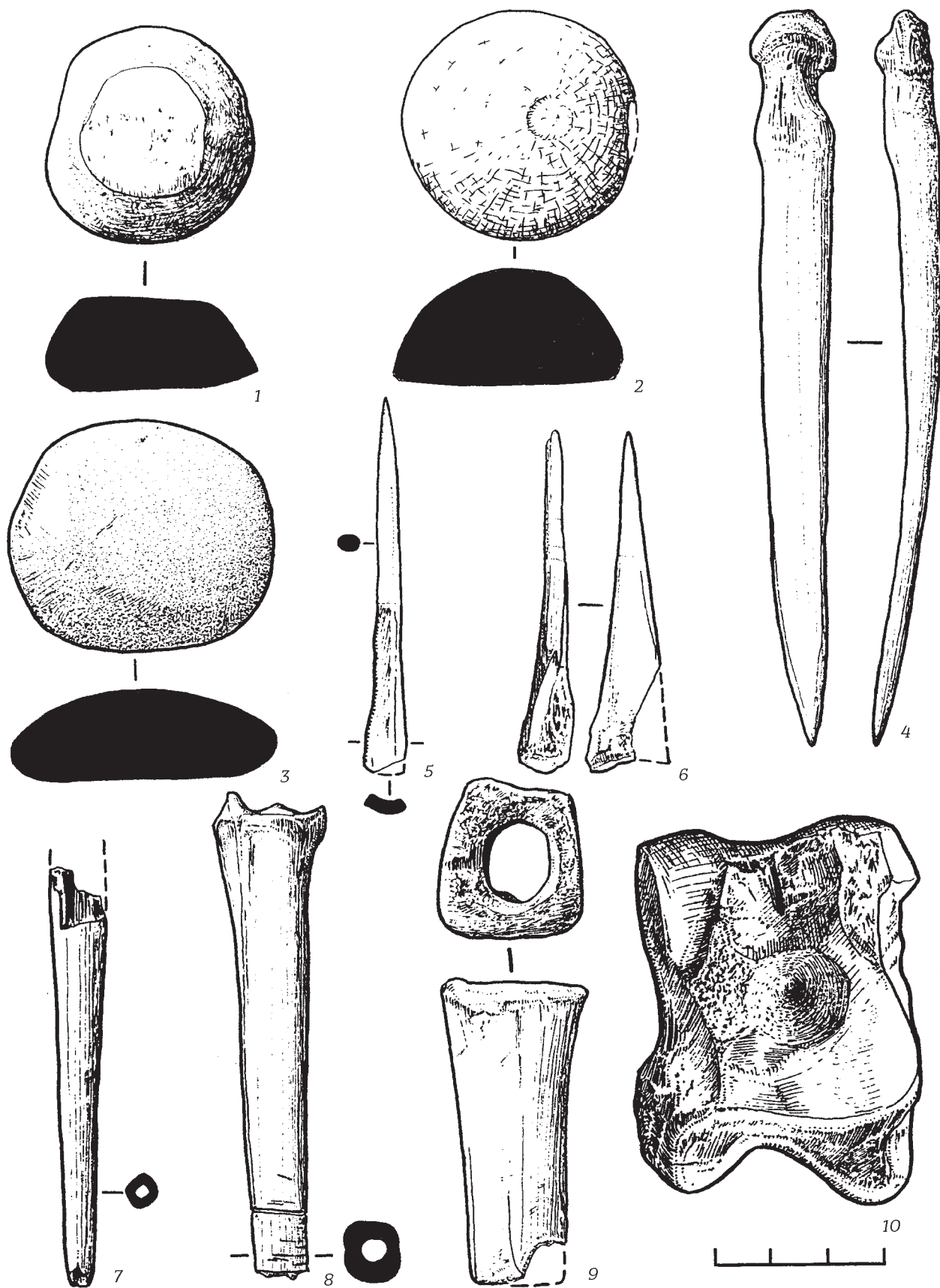

Рис. С9. Большой Городок, костяные изделия

Fig. С9. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – заполнение жилища № 9; 2 – жилище № 6, пол; 3 – «золистое» заполнение котлована жилища № 5; 4 – раскоп XI, культурный слой; 5, 7, 10 – место находки неизвестно; 6, 8 – раскоп III, ямы № 286 и № 27; 9 – раскоп VIII, очаг № 1

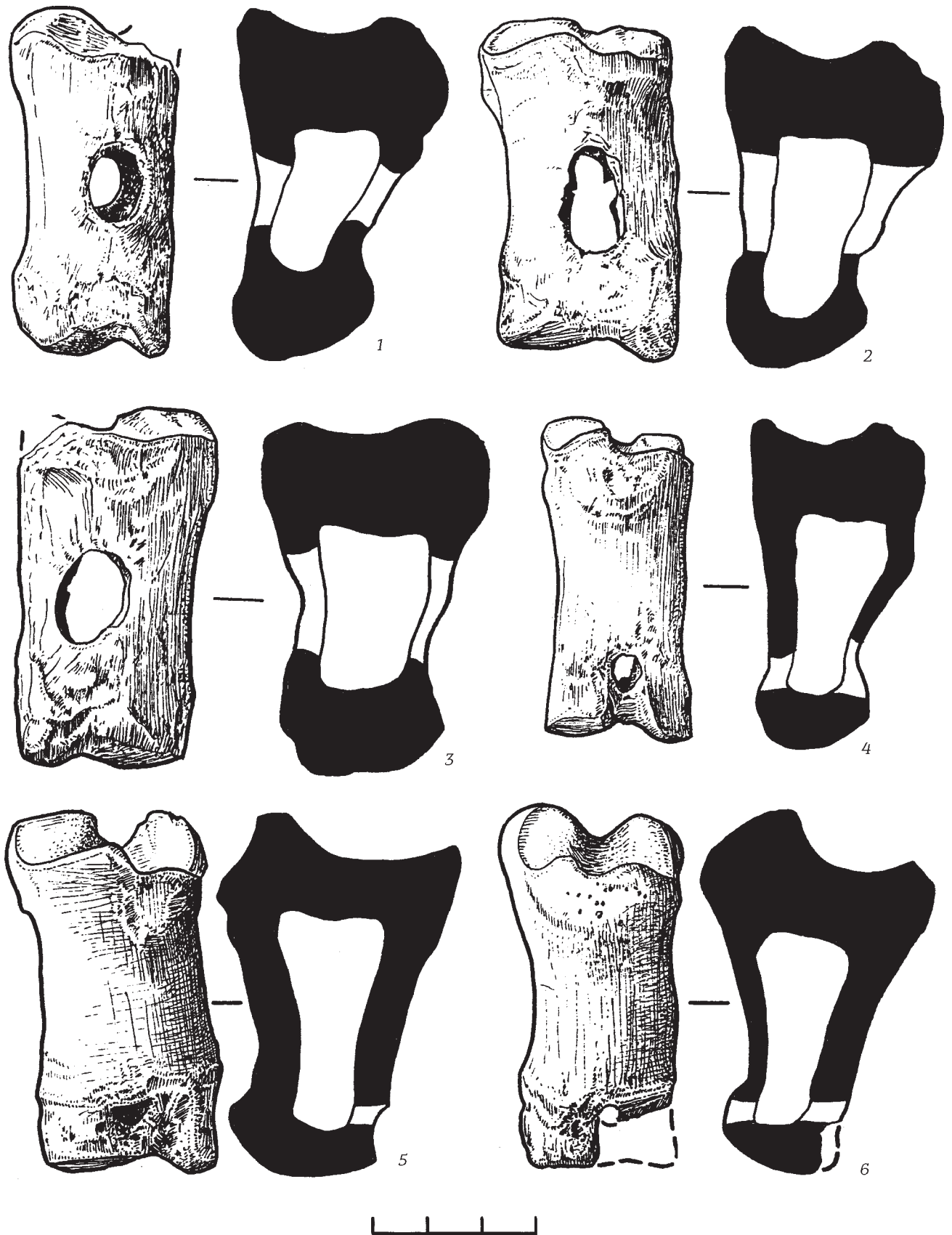

Рис. С10. Костяные изделия, место находки неизвестно
Fig. C10. Bone items, place of finding unknown

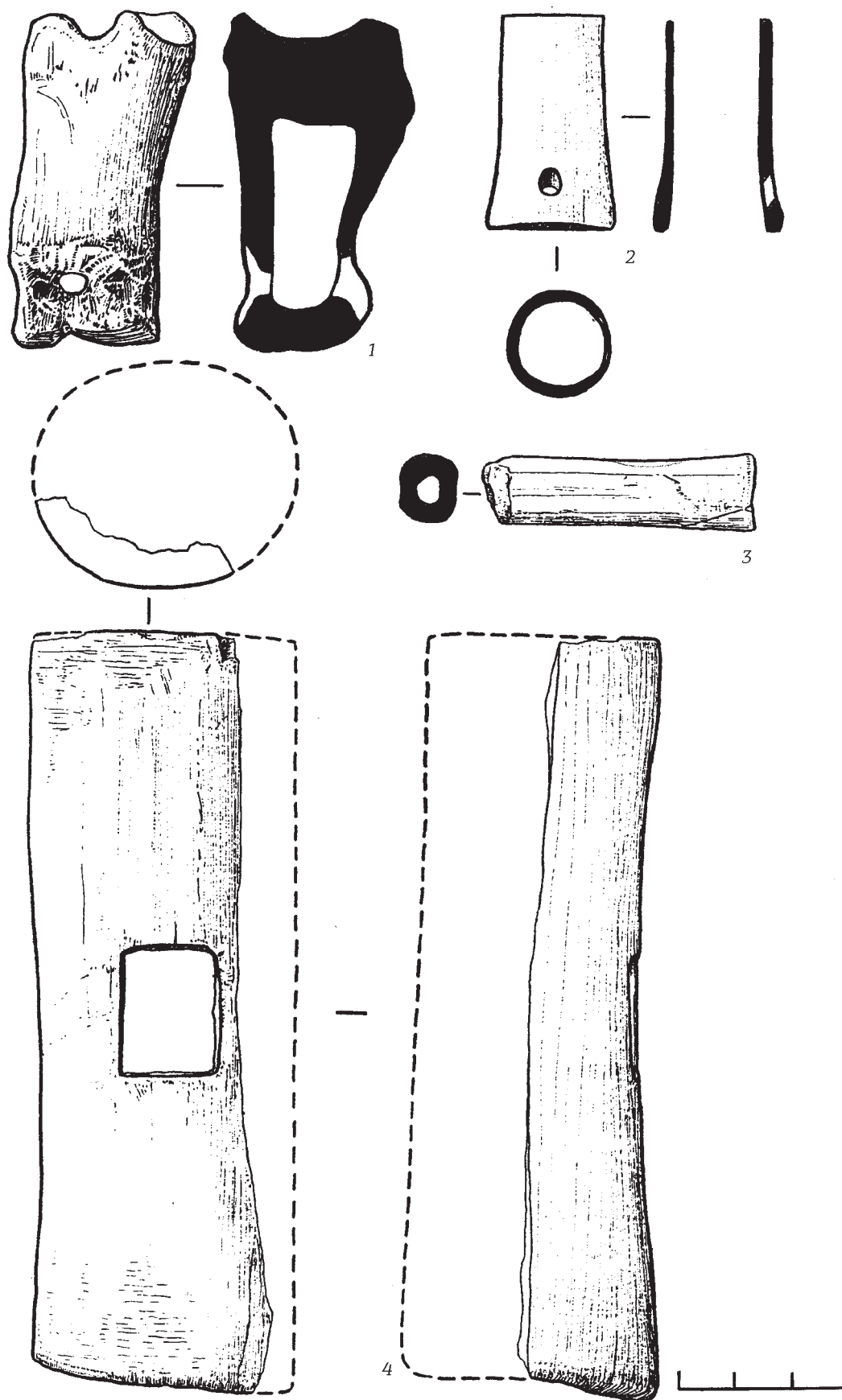

Рис. С11. Большой Городок, костяные (1–3) и роговые (4) изделия

Fig. C11. Bolshoi Gorodok, bone (1–3) and antler (4) items

1 – место находки неизвестно; 2, 3 – раскоп IX, яма № 12; 4 – раскоп IX, яма № 1

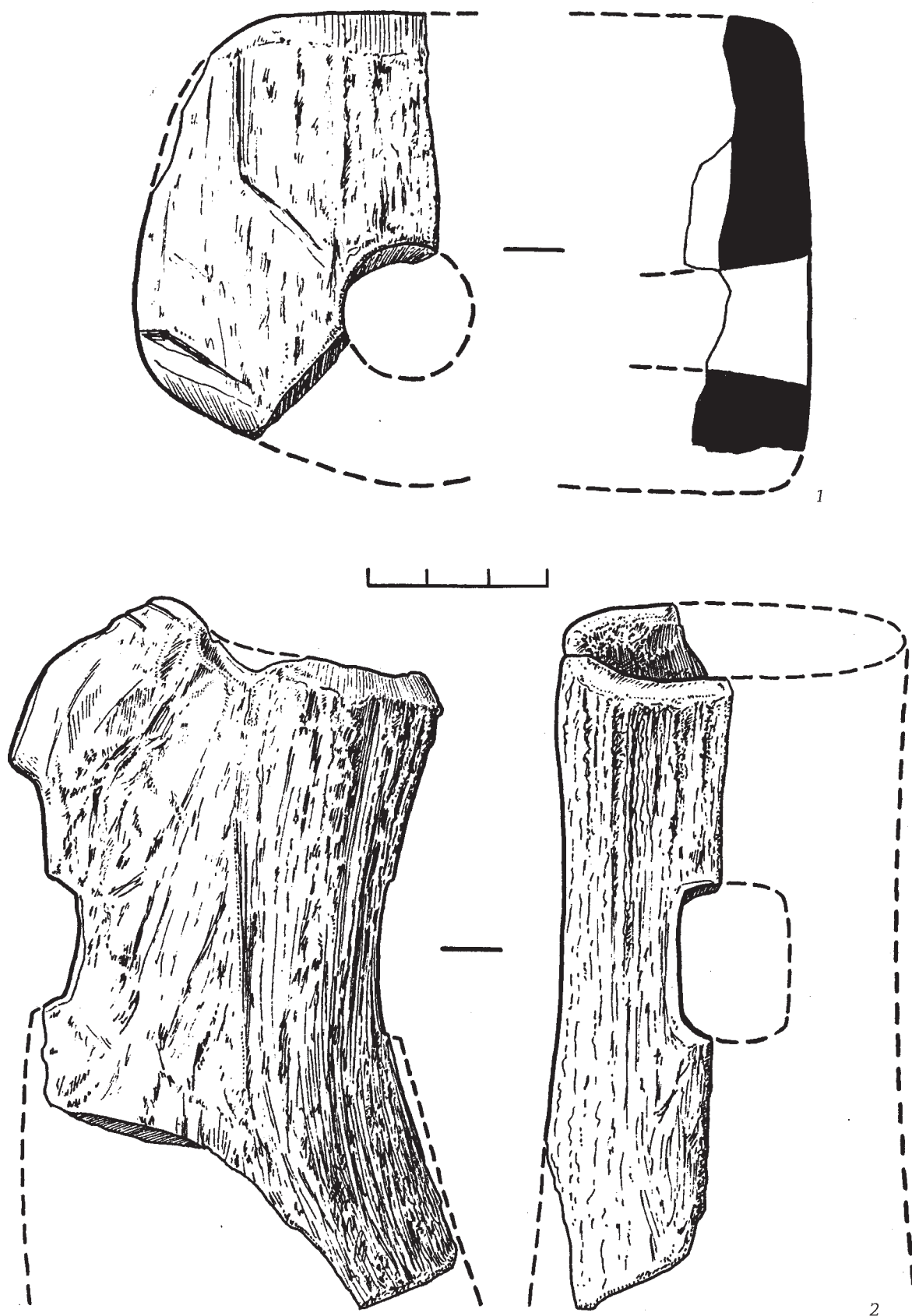

Рис. С12. Большой Городок, роговые изделия

Fig. C12. Bolshoi Gorodok, antler items

1-2 — «золистое» заполнение котлована жилища № 1

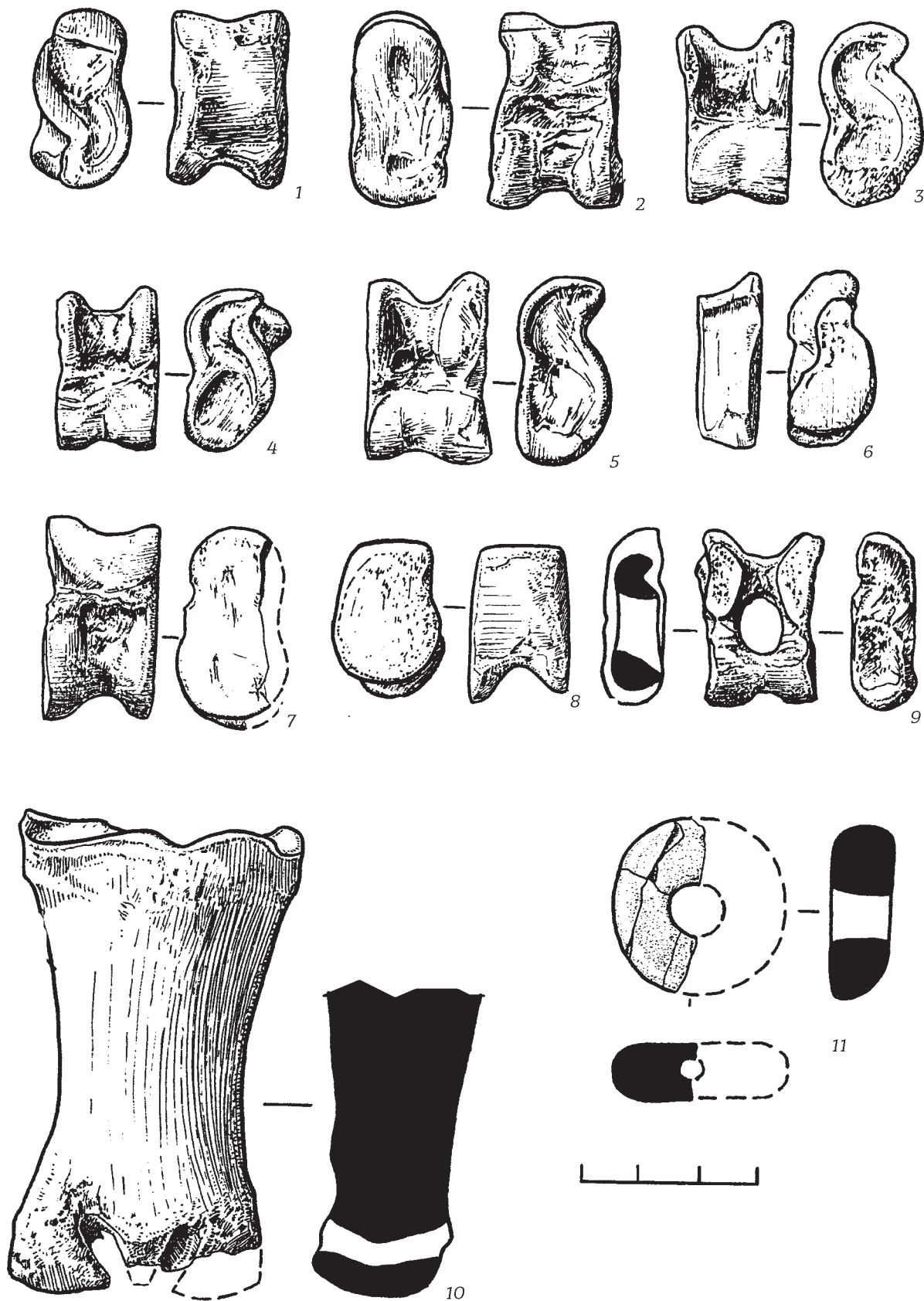

Рис. С13. Большой Городок, костяные изделия

Fig. C13. Bolshoi Gorodok, bone items

1, 2 – раскоп XII, яма № 9; 3 – культурный слой раскопа IX; 4, 5 – заполнение котлована жилища № 9; 6 – раскоп IX, яма № 10; 7 – «золистое» заполнение котлована жилища № 10; 8 – раскоп XII, яма № 12; 9 – культурный слой раскопа IV; 10 – место находки неизвестно; 11 – культурный слой раскопа IV

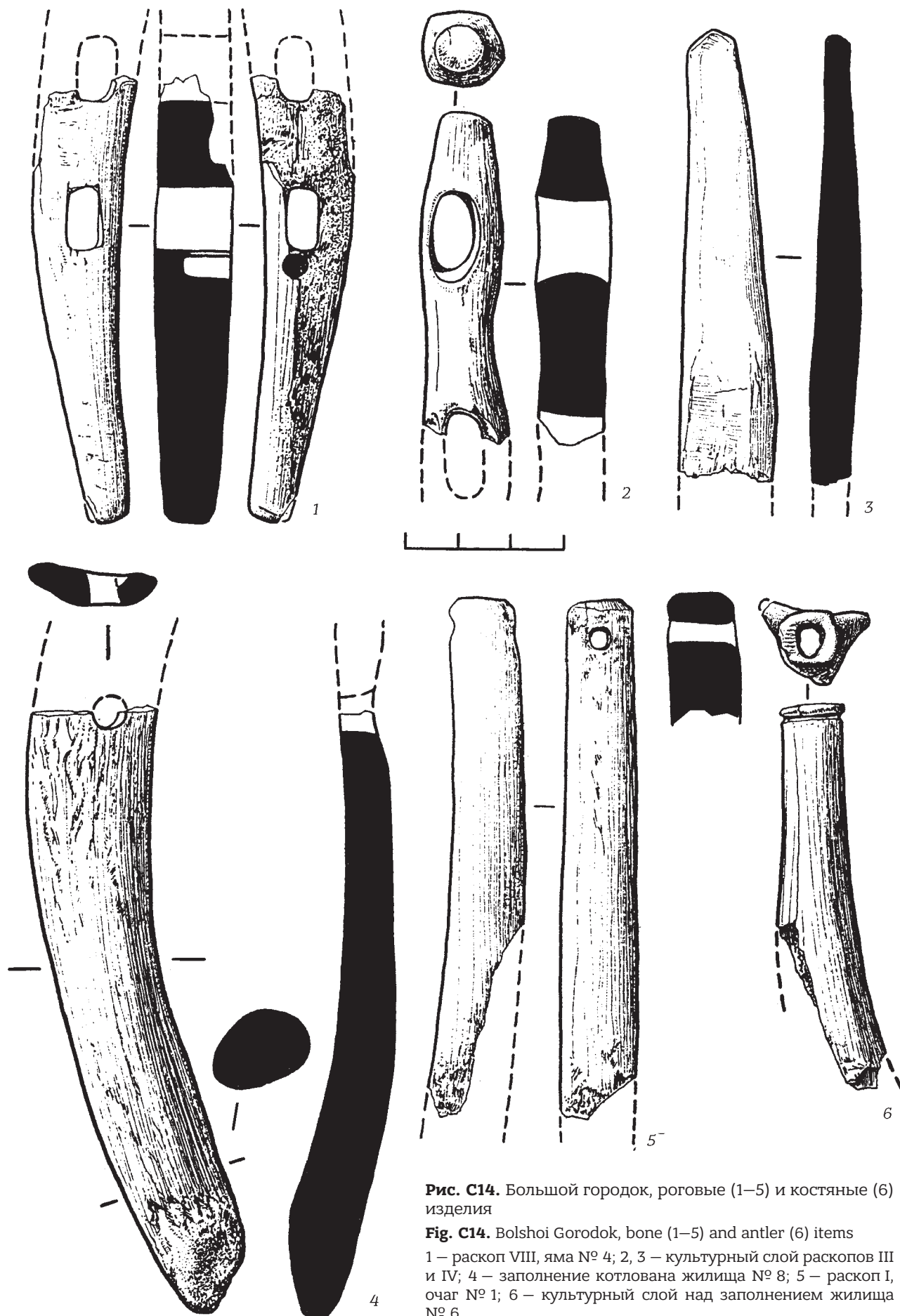

Рис. С14. Большой городок, роговые (1–5) и костяные (6) изделия

Fig. C14. Bolshoi Gorodok, bone (1–5) and antler (6) items
 1 – раскоп VIII, яма № 4; 2, 3 – культурный слой раскопов III и IV; 4 – заполнение котлована жилища № 8; 5 – раскоп I, очаг № 1; 6 – культурный слой над заполнением жилища № 6

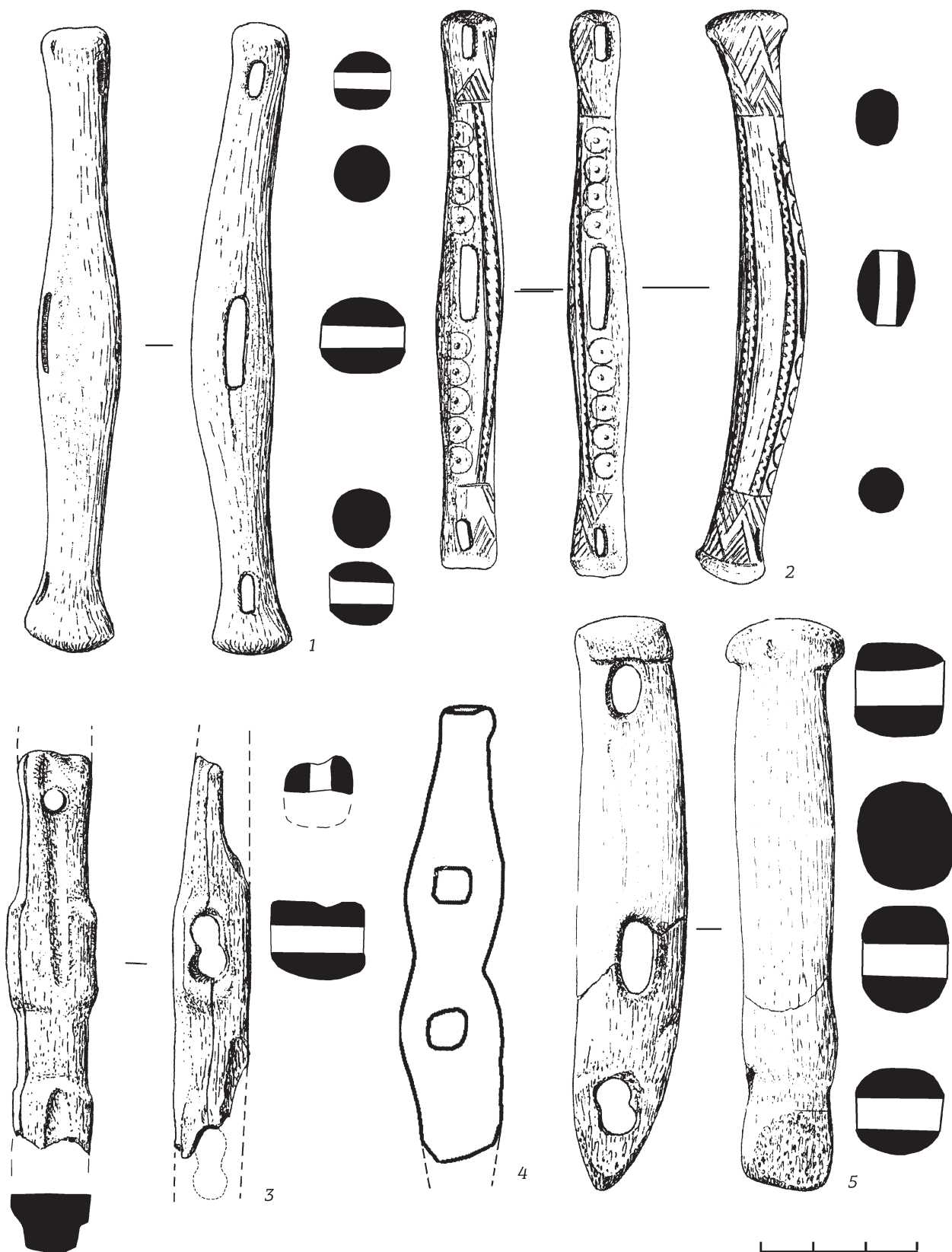

Рис. С15. Большой городок, роговые (1, 2, 4, 5) и костяные (3) изделия

Fig. C15. Bolshoi Gorodok, antler (1, 2, 4, 5) and bone (3) items

1, 2 – жилище № 6, пол; 3 – заполнение котлована «жилища» № 3; 4 – культурный слой раскопа VII; 5 – «золистое» заполнение котлована жилища № 6

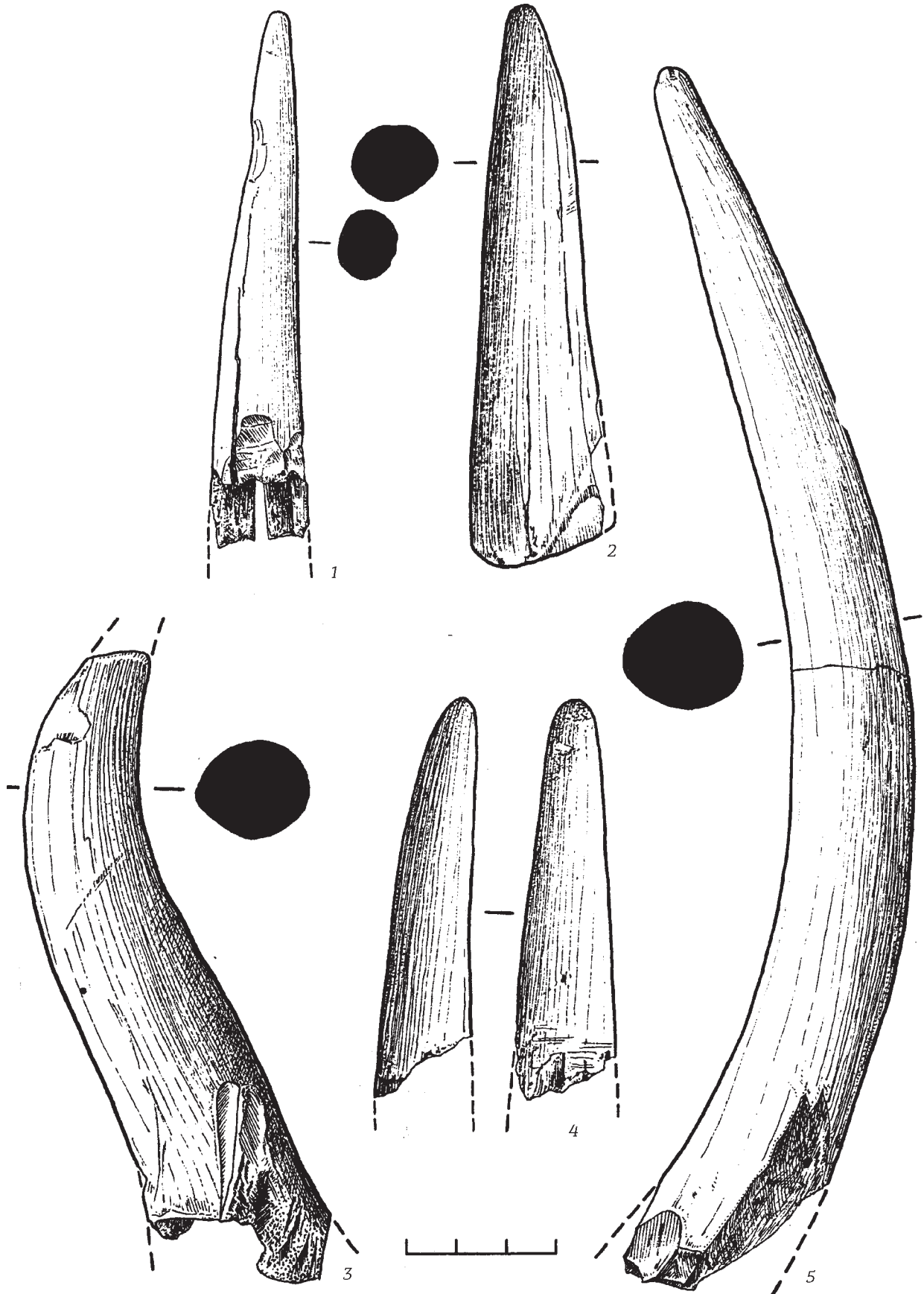

Рис. С16. Большой городок, роговые изделия

Fig. С16. Bolshoi Gorodok, antler items

1 – «золистое» заполнение котлована жилища № 5; 2, 3 культурный слой раскопа III; 4, 5 – жилище № 4, пол

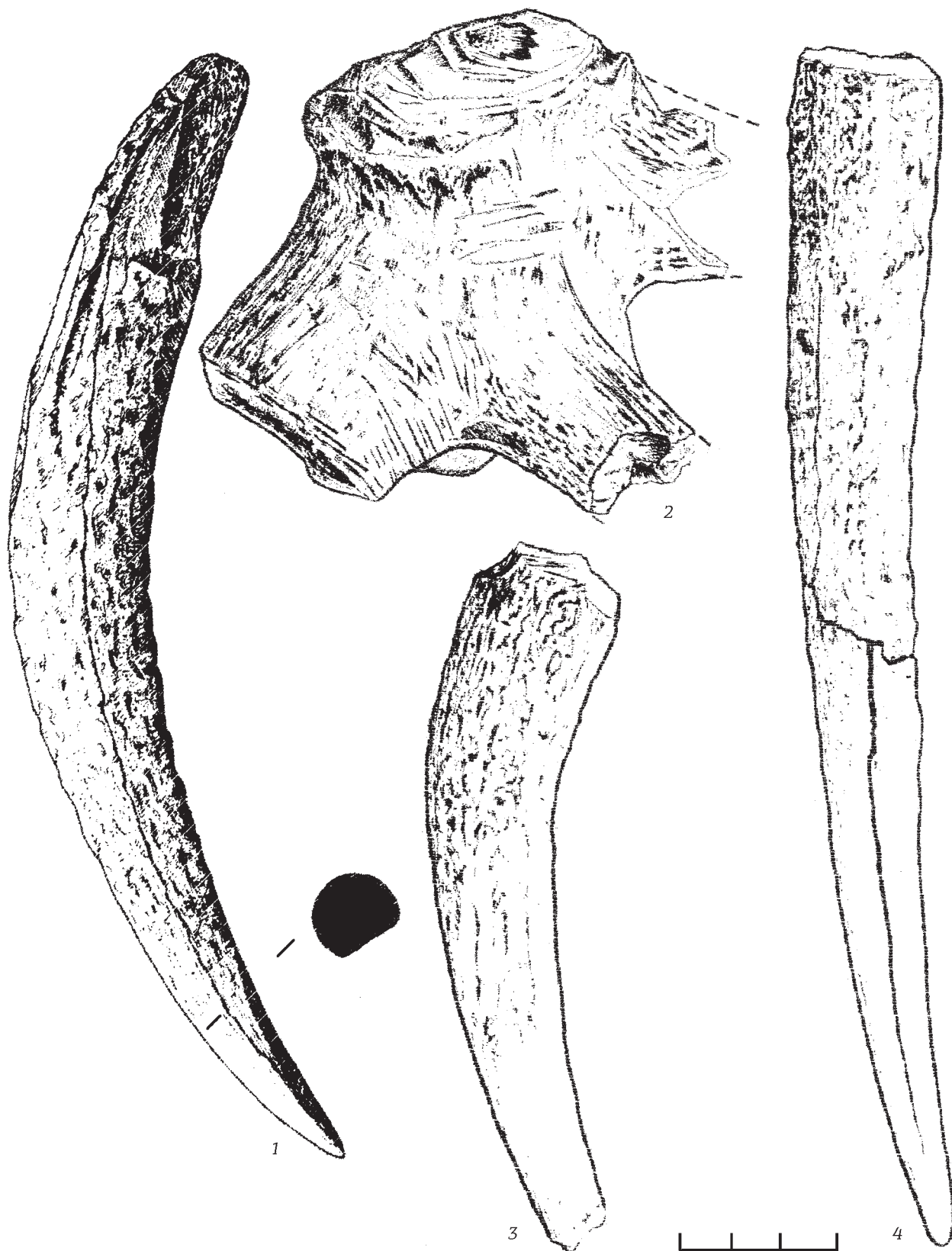

Рис. С17. Большой городок, роговые изделия

Fig. С17. Bolshoi Gorodok, antler items

1 – раскоп III, культурный слой; 2 – раскоп XII, яма № 3; 3 – «золистое» заполнение жилища № 2; 4 – заполнение жилища № 9

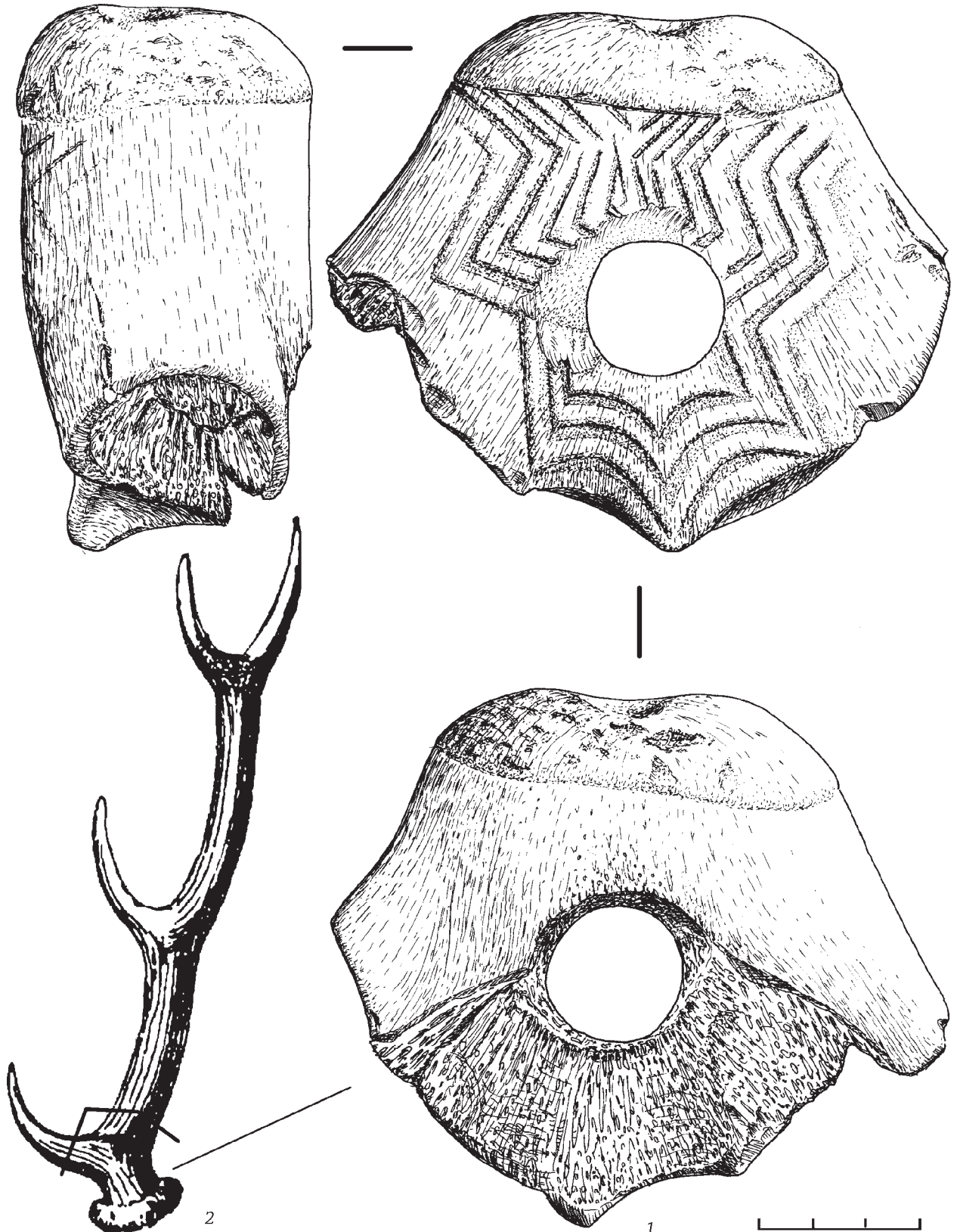

Рис. С18. Большой городок. Изделие из рога оленя

Fig. C18. Bolshoi Gorodok, antler items

1 – раскоп II, очаг № 3; 2 – участок рога, использованный для его изготовления

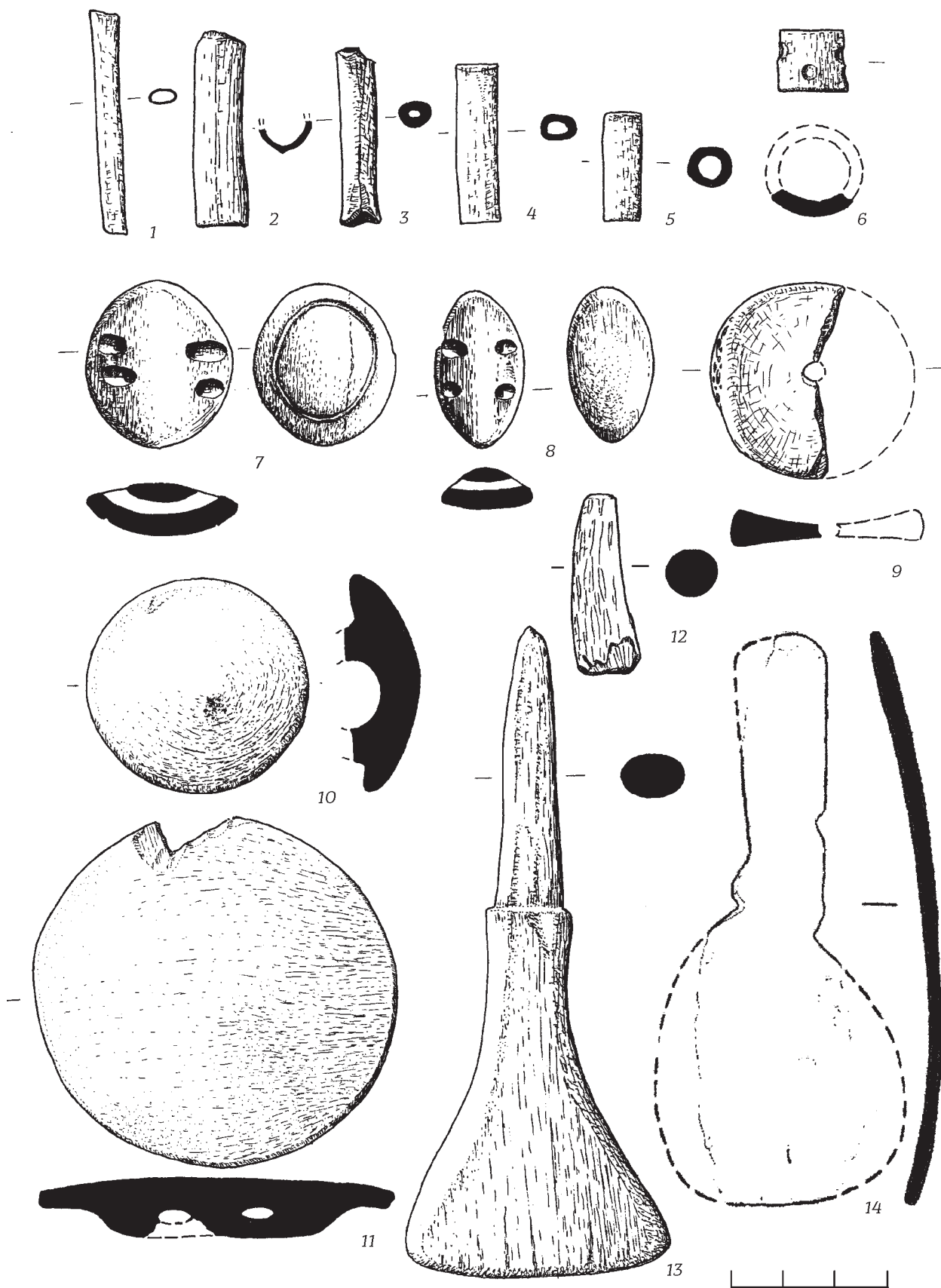

Рис. С19. Большой Городок, костяные (1–6, 9, 10, 11) и роговые (7, 8, 12–14) изделия

Fig. С19. Bolshoi Gorodok, bone (1–6, 9, 10, 11) and antler (7, 8, 12–14) items

1–4, 8, 11, 12 – раскоп III, культурный слой; 5, 10 – жилище № 6, «золистое» заполнение котлована; 6 – раскоп III, яма № 25; 7 – случайная находка; 9 – жилище № 4, пол; 13 – жилище № 8, заполнение котлована; 14 – культурный слой между жилищами № 8 и 9

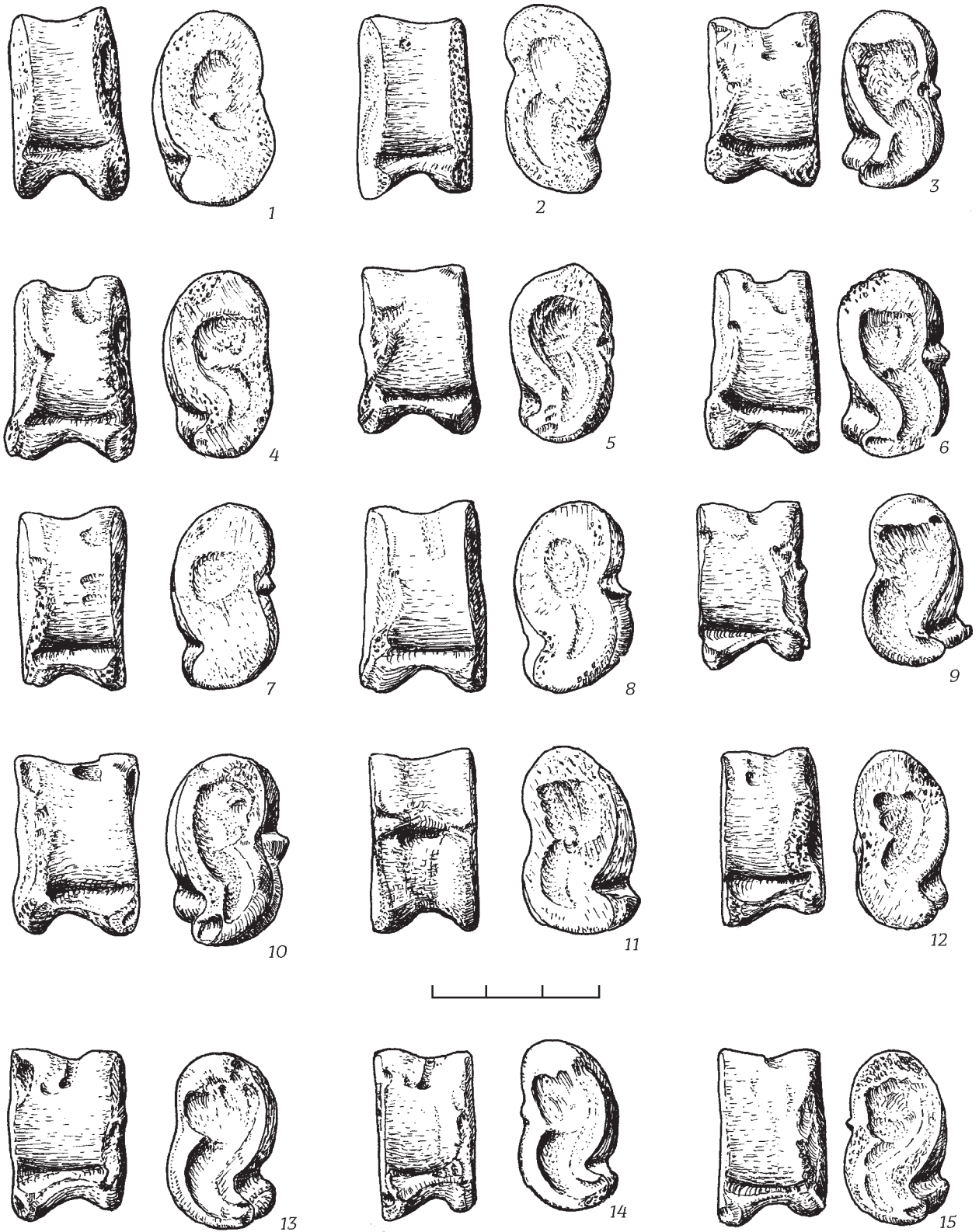

Рис. С20. Большой городок. Костяные изделия с пола жилища № 6
Fig. С20. Bolshoi Gorodok, bone items from the floor of dwelling № 6

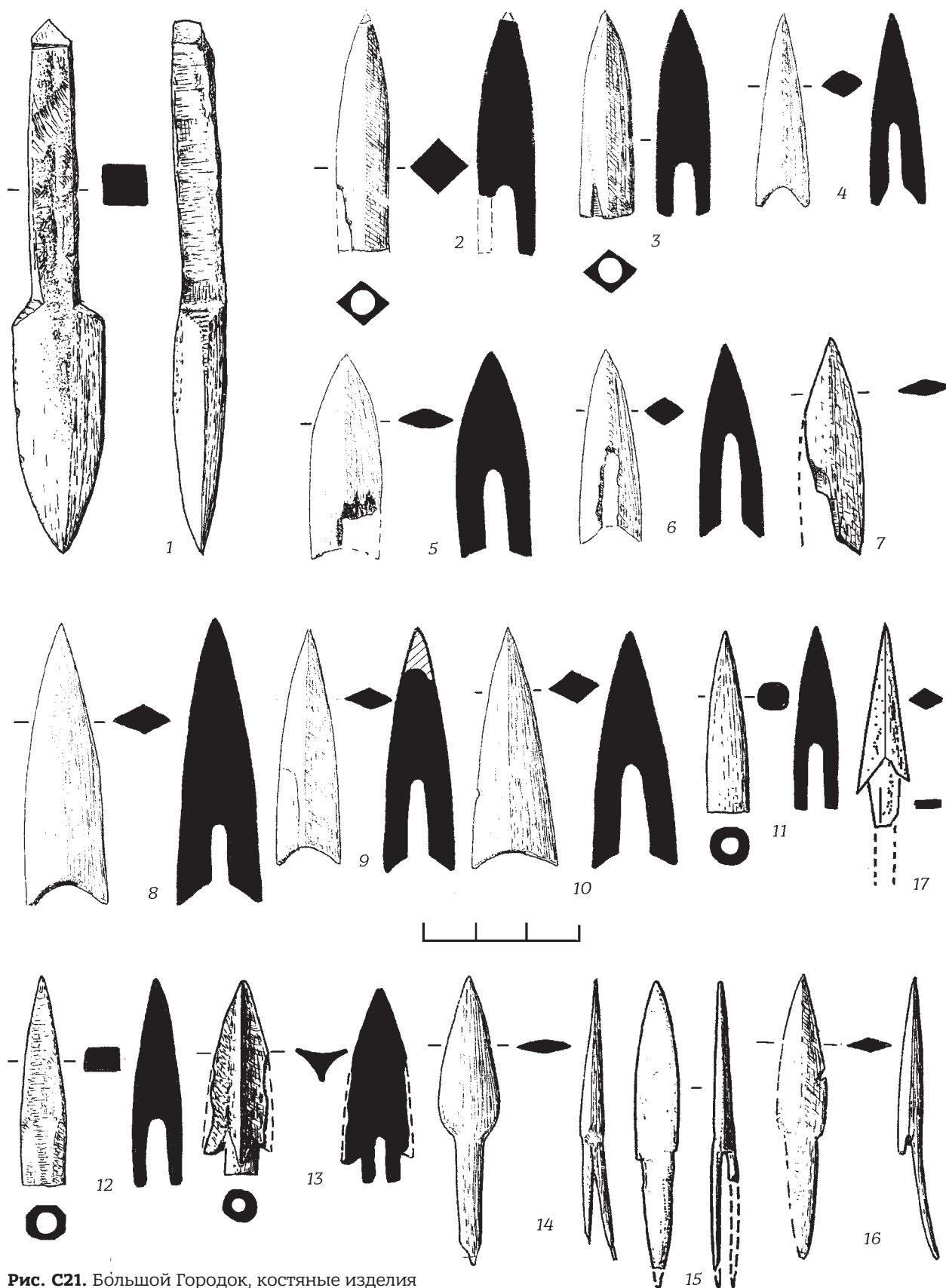

Рис. С21. Большой Городок, костяные изделия

Fig. C21. Bolshoi Gorodok, bone items

1 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована; 2, 12–14 – раскоп III, культурный слой; 3, 4 – «жилище» № 3, заполнение котлована; 5 – жилище № 4, «золистое» заполнение котлована помещения № 4а; 6, 7 – «золистое» заполнение котлована жилища № 6; 8 – раскопы I и II, культурный слой; 9, 10 – раскоп III, углубления № 1 и № 2 на участке 1; 11 – «золистое» заполнение котлована жилища № 1; 15 – жилище № 8, пол; 16 – раскоп III, очаг № 3; 17 – жилище № 6, яма № 6

D. КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

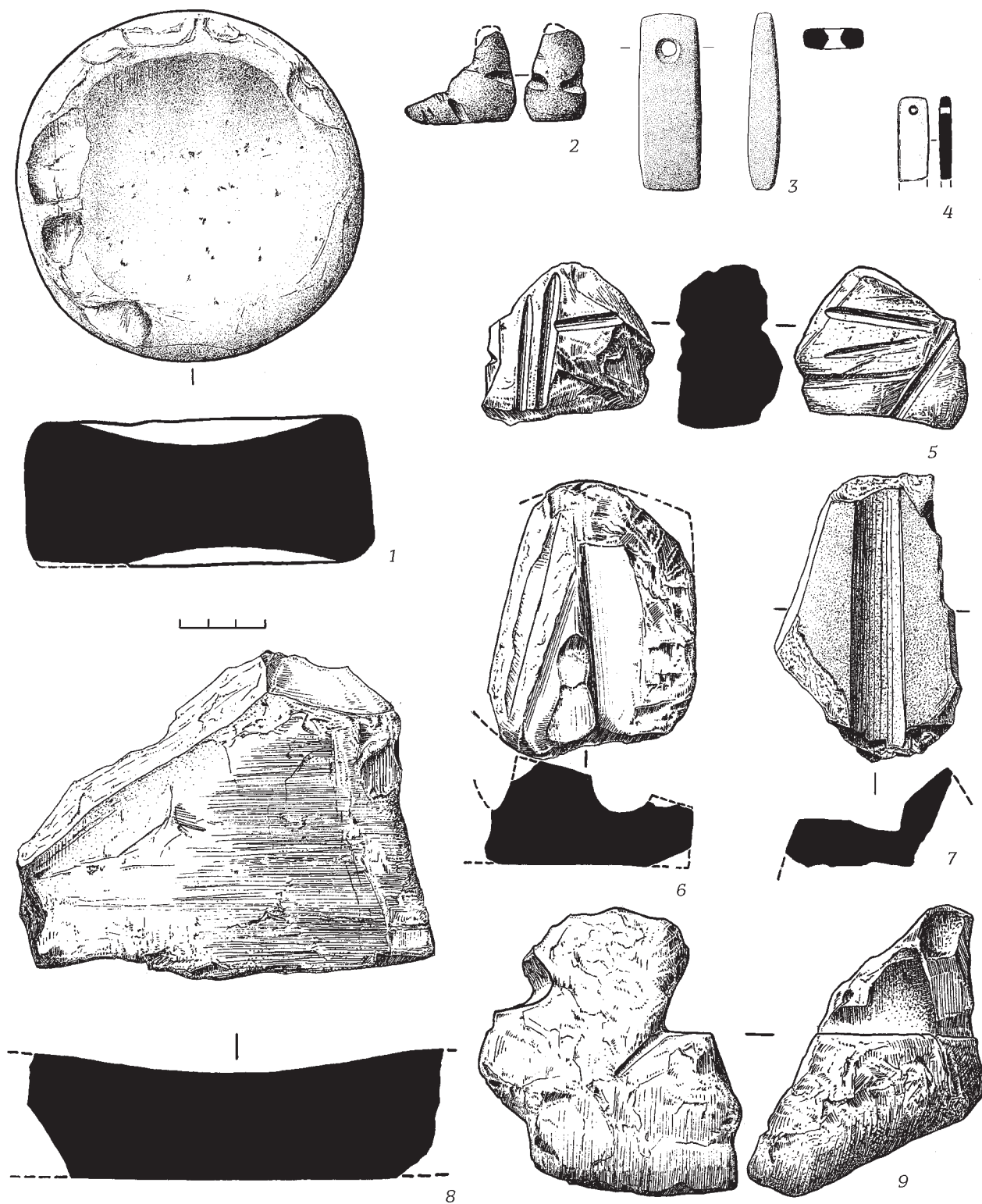

Рис. D1. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D1. Bolshoi Gorodok, stone items

1, 4, 6 – раскоп IX, культурный слой; 2 – жилище № 10, «золистое» заполнение котлована; 3 – место находки неизвестно; 5 – раскоп XII, культурный слой; 7 – раскоп XI, культурный слой; 8 – жилище № 6, «золистое» заполнение котлована; 9 – раскоп III, культурный слой

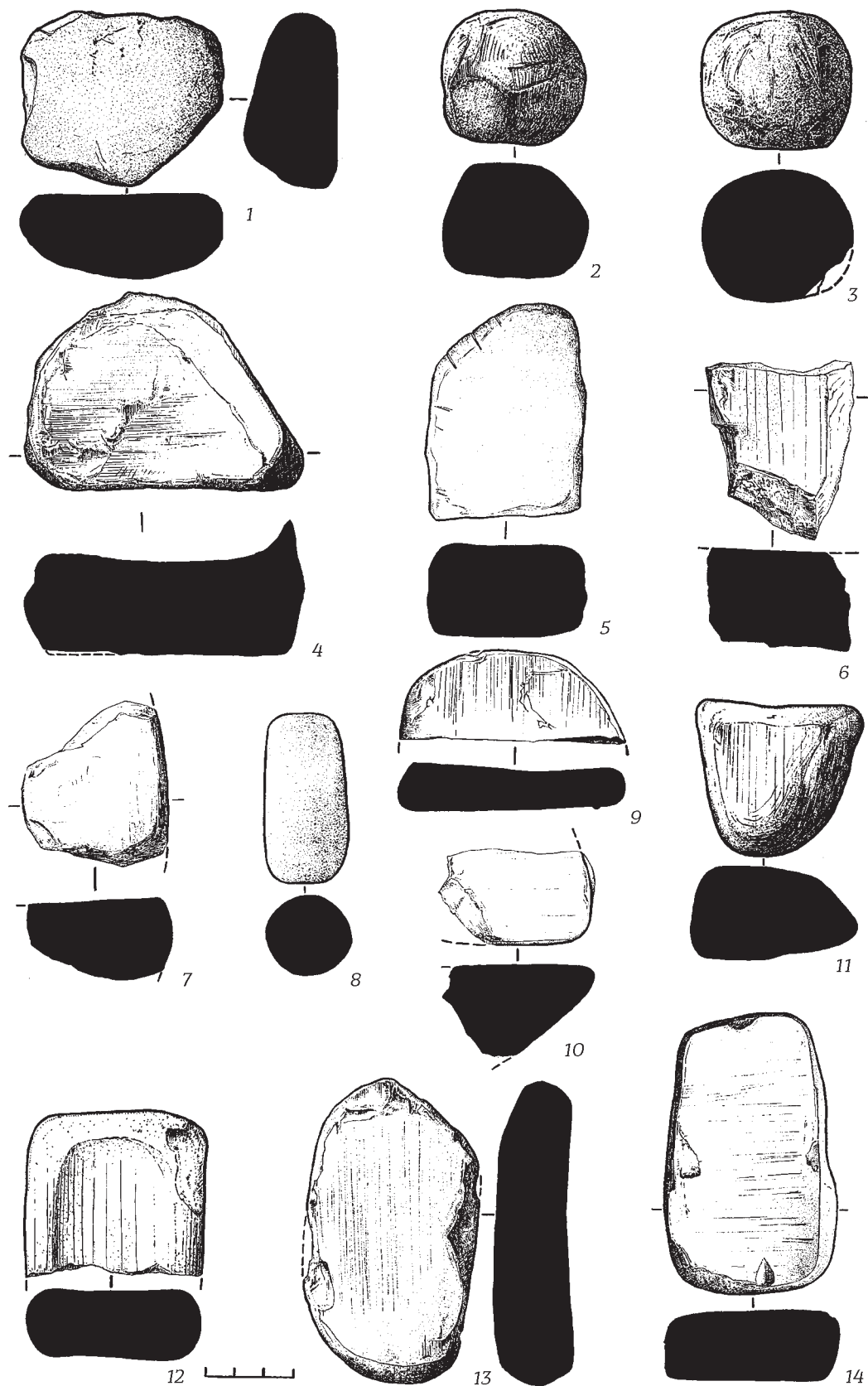

Рис. D2. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D2. Bolshoi Gorodok, stone items

1, 5 – раскоп X, культурный слой; 2 – жилище № 10, «золистое» заполнение котлована; 3, 4, 6 – раскопы XII, XI и IX, культурный слой; 7 – раскоп XII, яма № 8; 8 – раскоп X, яма № 1; 9, 10 – раскоп XII, яма № 12; 11 – раскоп X, яма № 2; 12 – раскоп VIII, яма № 6; 13 – жилище № 6, «золистое» заполнение котлована; 14 – раскоп I и II, культурный слой

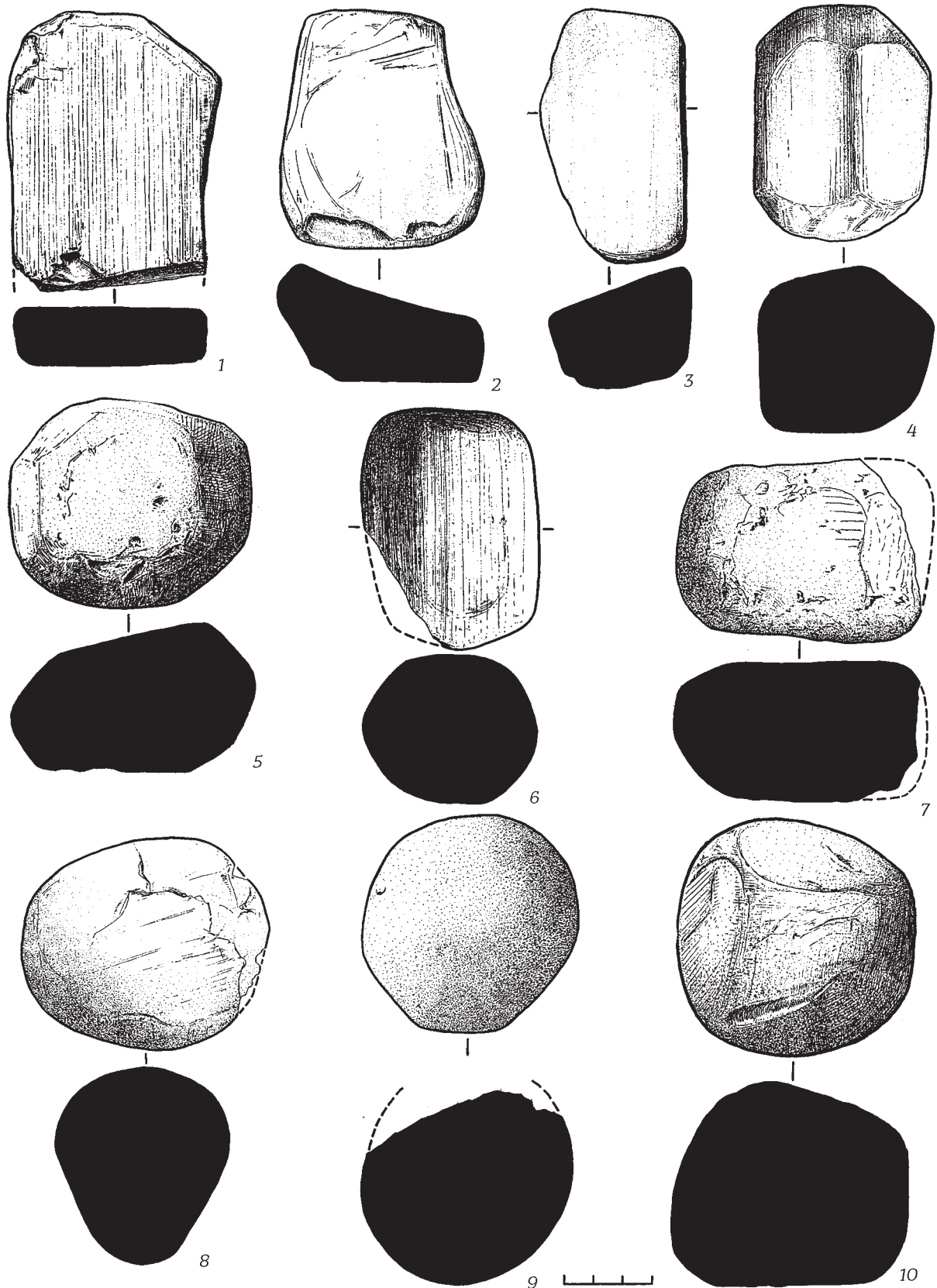

Рис. D3. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D3. Bolshoi Gorodok, stone items

1, 2, 6 – раскоп III, культурный слой; 3 – жилище № 6, пол; 4 – «жилище» № 3, заполнение котлована; 5 – раскоп XII, культурный слой; 7, 10 – раскоп III, ямы № 56 и № 25; 8 – жилище № 9, «золистое» заполнение котлована; 9 – раскоп III, яма № 3

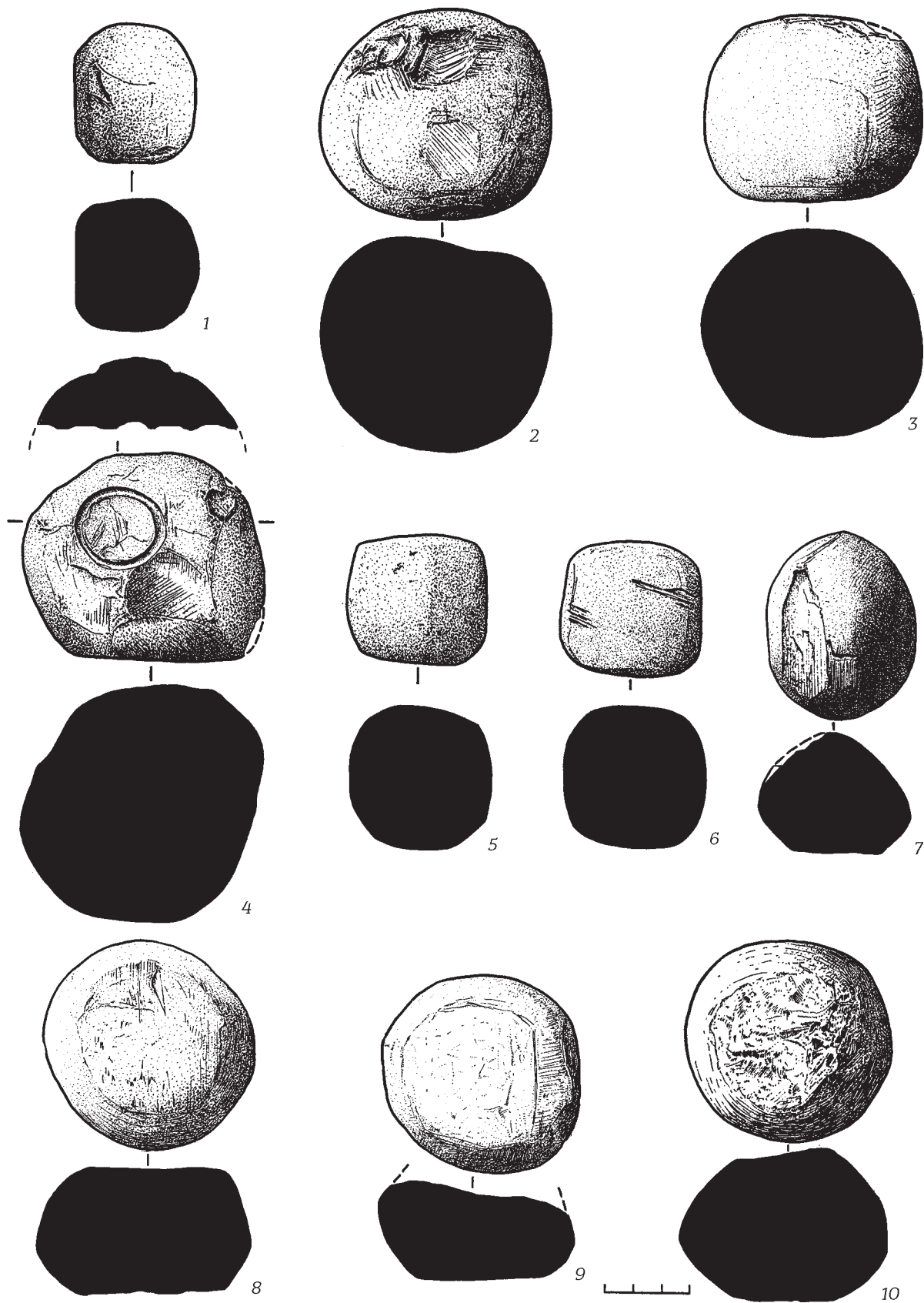

Рис. D4. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D4. Bolshoi Gorodok, stone items

1 – раскоп III, яма № 19; 2 – жилище № 6, «золистое» заполнение котлована; 3 – раскоп XII, культурный слой; 4 – раскоп XII, яма № 4; 5, 7 – раскоп III, культурный слой; 6 – «жилище» № 3, заполнение котлована; 8 – раскопы I–II, культурный слой; 9 – жилище № 6, пол; 10 – жилище № 5, пол

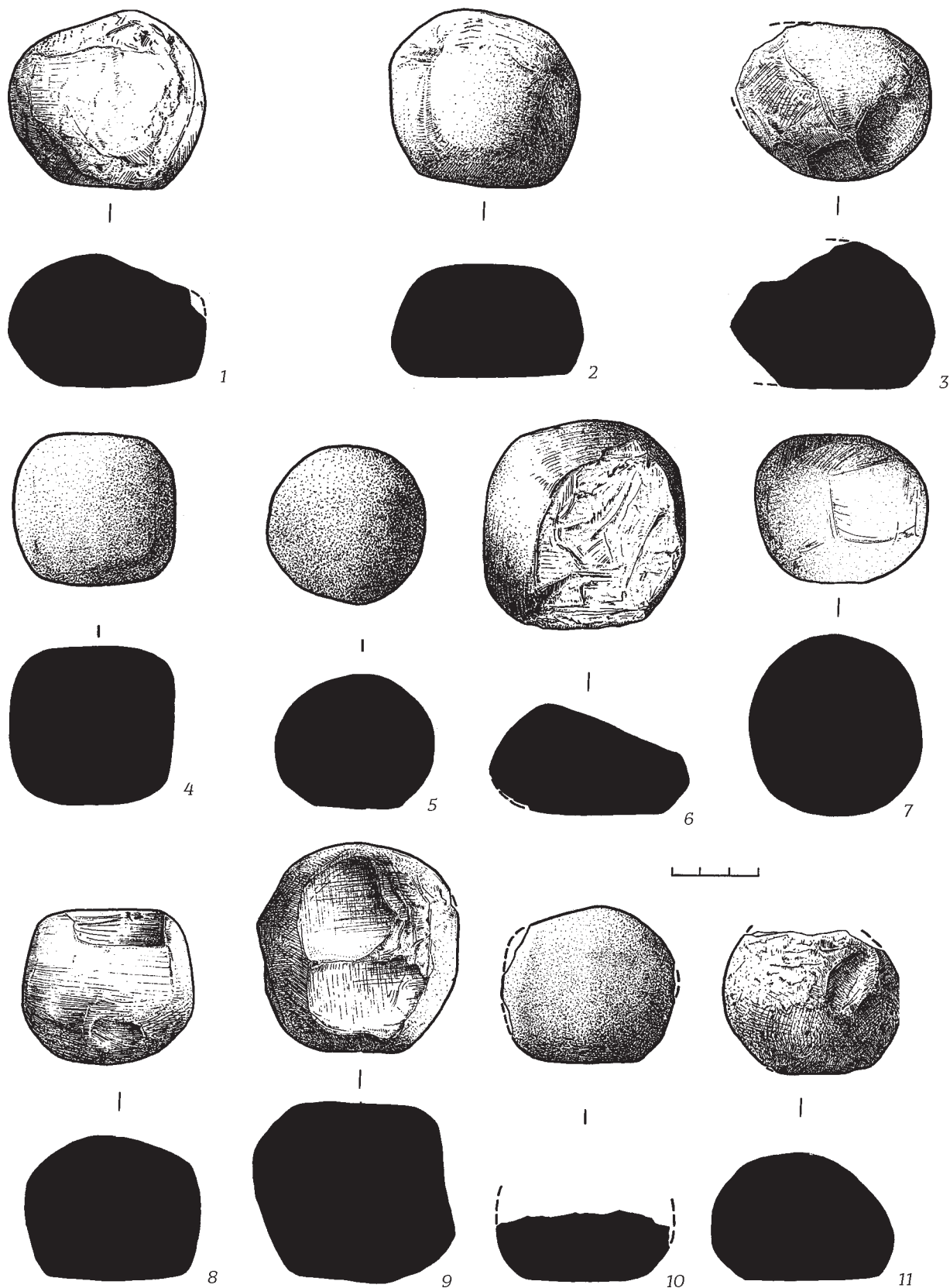

Рис. D5. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D5. Bolshoi Gorodok, stone items

1 – жилище № 6, пол; 2, 6, 9 – жилище № 6, «золистое» заполнение котлована; 3, 8 – раскоп III, яма 5б; 4 – раскопы I–II, культурный слой; 5 – раскоп III, яма № 8; 7 – раскоп XII, яма № 4; 10 – раскоп III, яма № 8; 11 – раскоп XII, яма № 5

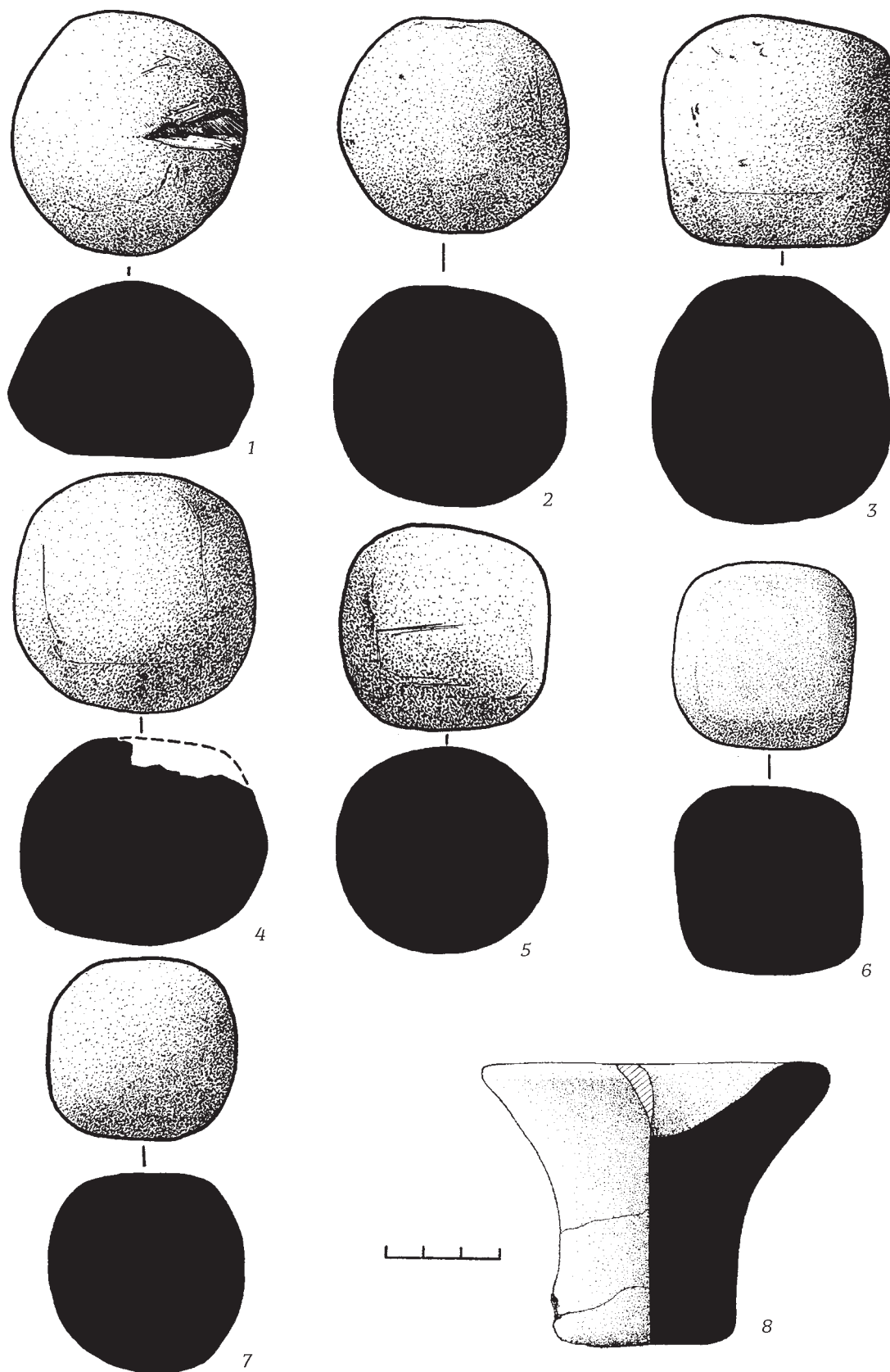

Рис. D6. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D6. Bolshoi Gorodok, stone items

1, 2, 8 – раскоп III, культурный слой; 3, 4 – раскопы I и II, культурный слой; 5 – раскоп XII, культурный слой; 6 – раскоп XII, яма № 4; 7 – место находки неизвестно

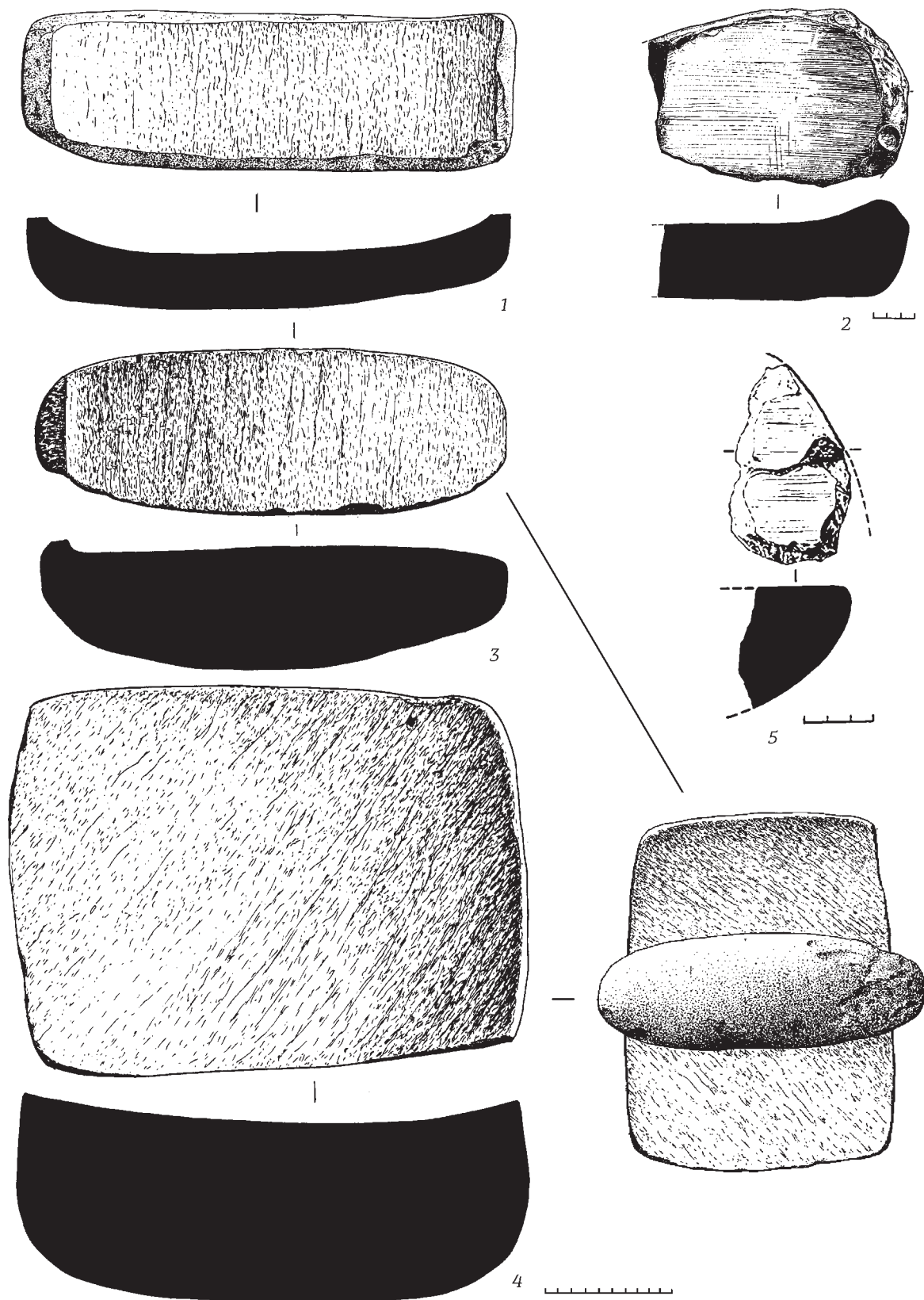

Рис. D7. Большой Городок и Малый Городок, изделия из камня

Fig. D7. Bolshoi Gorodok and Malyy Gorodok, stone items

1 – раскоп III, яма № 2; 2 – жилище № 2, пол; 3, 4 – жилище № 9, пол; 5 – ядро вала Малого Городка

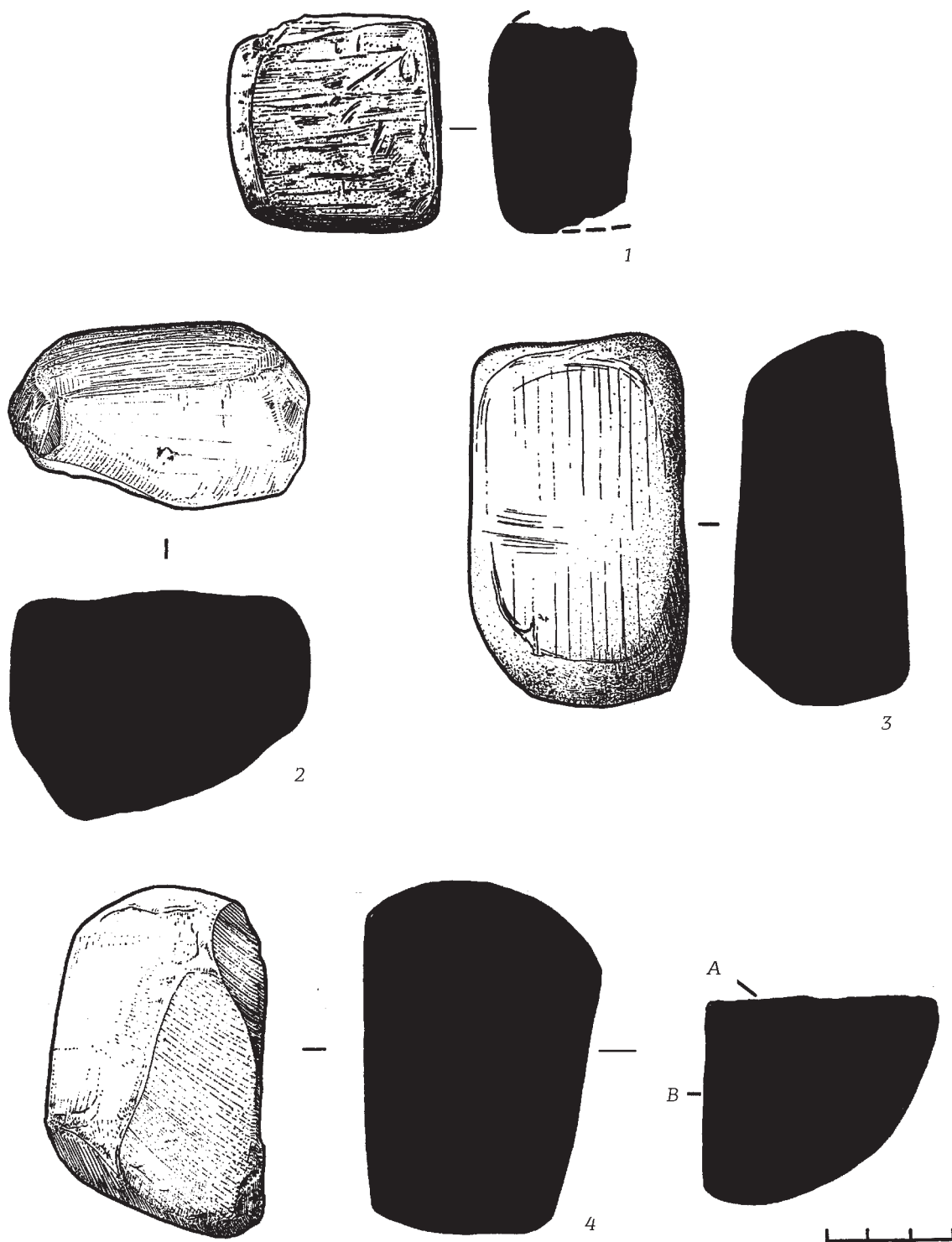

Рис. D8. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D8. Bolshoi Gorodok, stone items

1 – раскоп VIII, яма № 12; 2, 3 – раскоп XII, культурный слой; 4 – раскопы I–II, культурный слой (А, В – плоскости последовательных поломок)

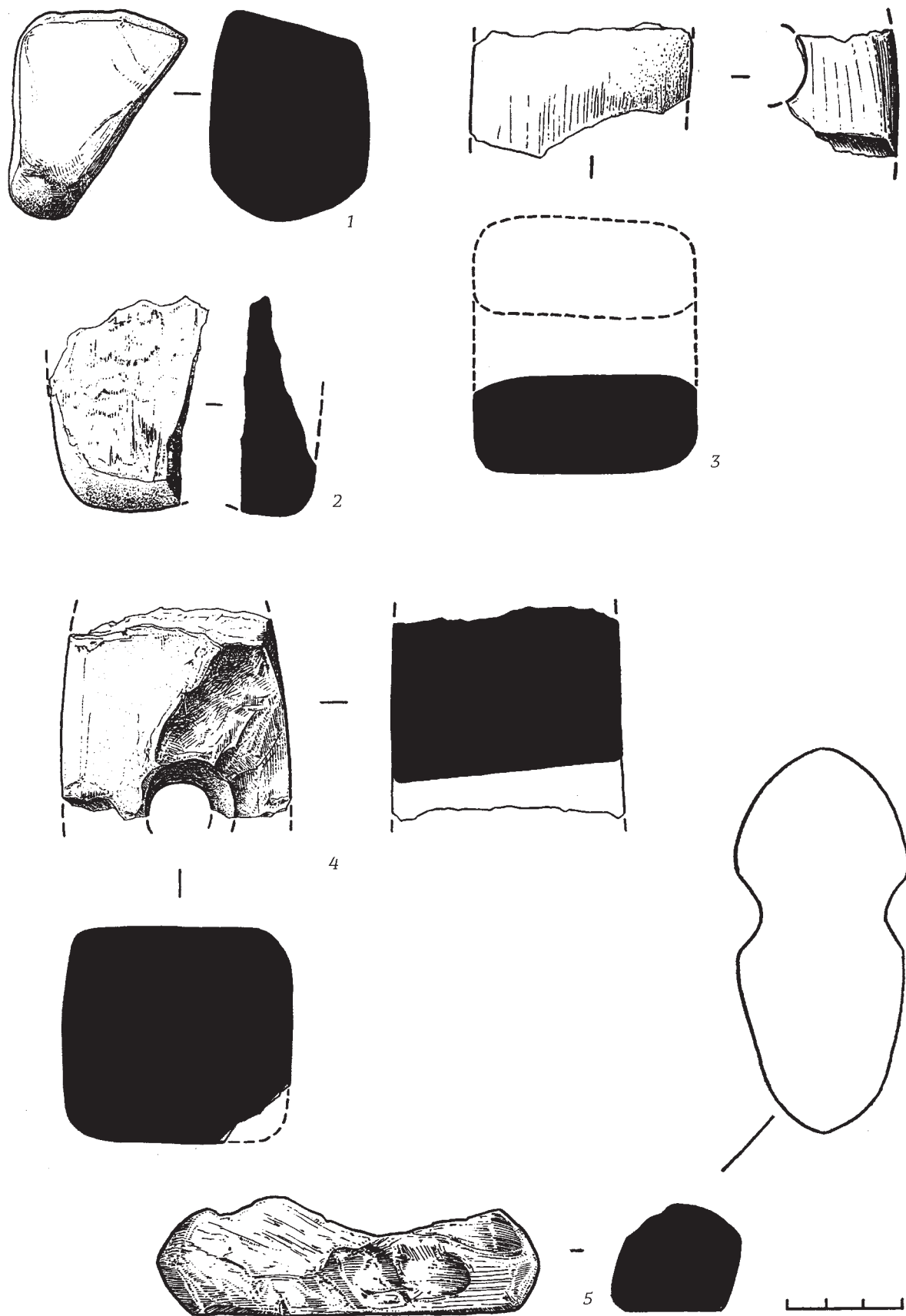

Рис. D9. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D9. Bolshoi Gorodok, stone items

1 – «жилище» № 3, заполнение котлована; 2 – раскоп XII, культурный слой; 3 – жилище 5, «золистое» заполнение котлована; 4, 5 – раскопы IX и III, культурный слой

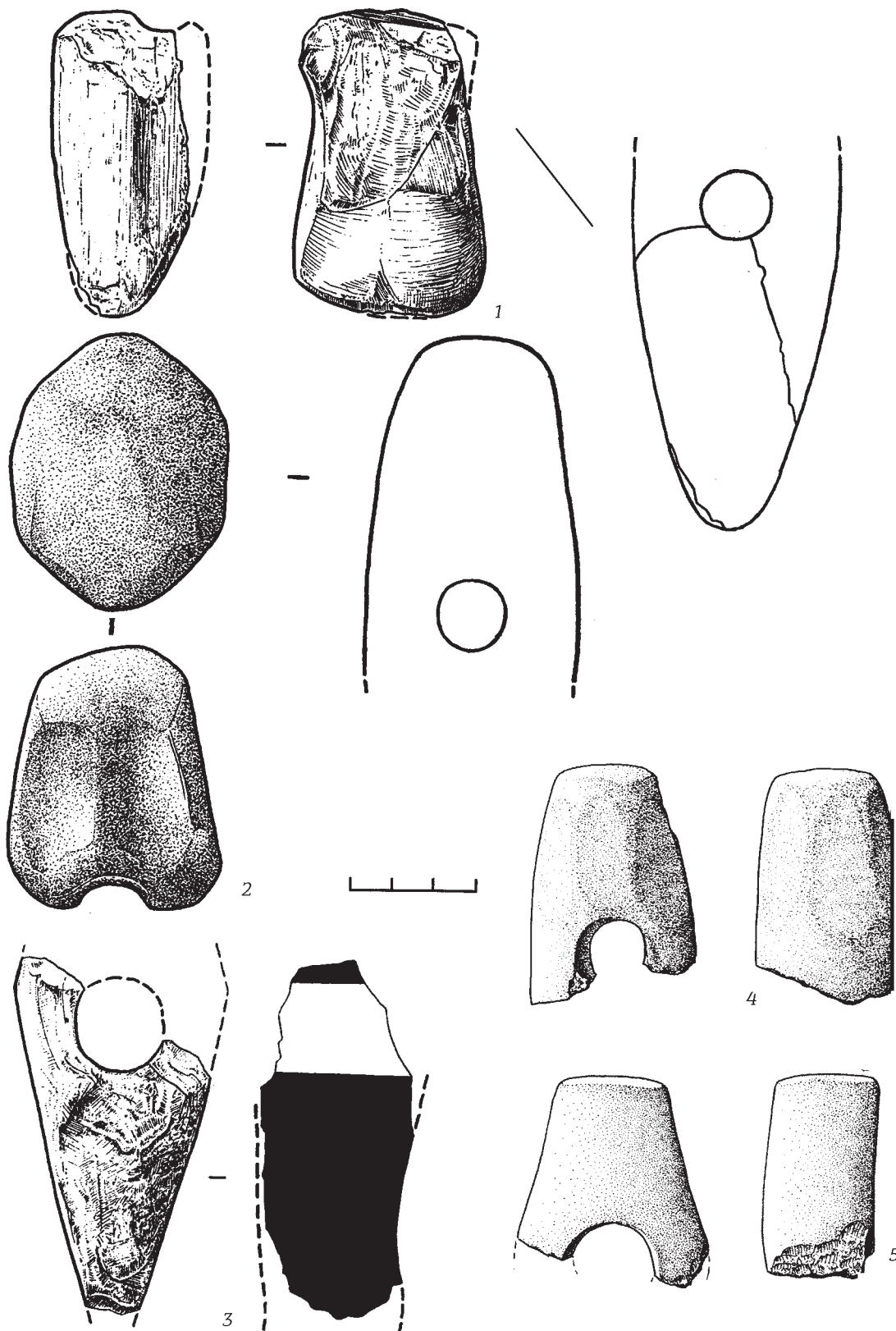

Рис. D10. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D10. Bolshoi Gorodok, stone items

1 – раскоп XI, культурный слой; 2 – раскоп XII, яма № 3; 3 – раскопы I–II, культурный слой; 4, 5 – раскоп III, жилище № 6, пол

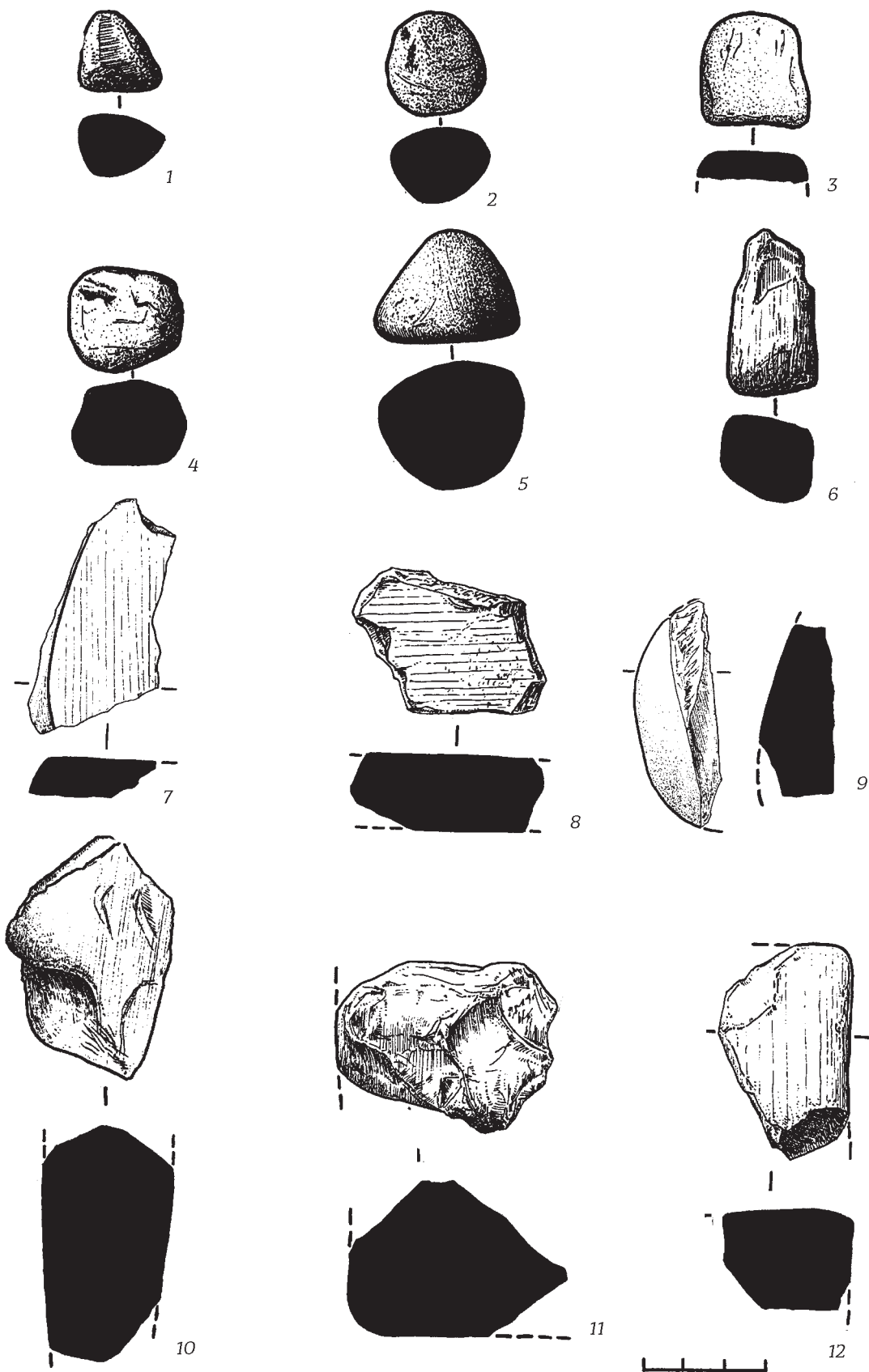

Рис. D11. Большой Городок, изделия из камня

Fig. D11. Bolshoi Gorodok, stone items

1, 3, 4, 6, 8, 10–12 – раскоп XII, культурный слой; 2, 7 – раскоп XII, яма № 2; 5 – раскоп VIII, культурный слой; 9 – раскоп XII, яма № 8

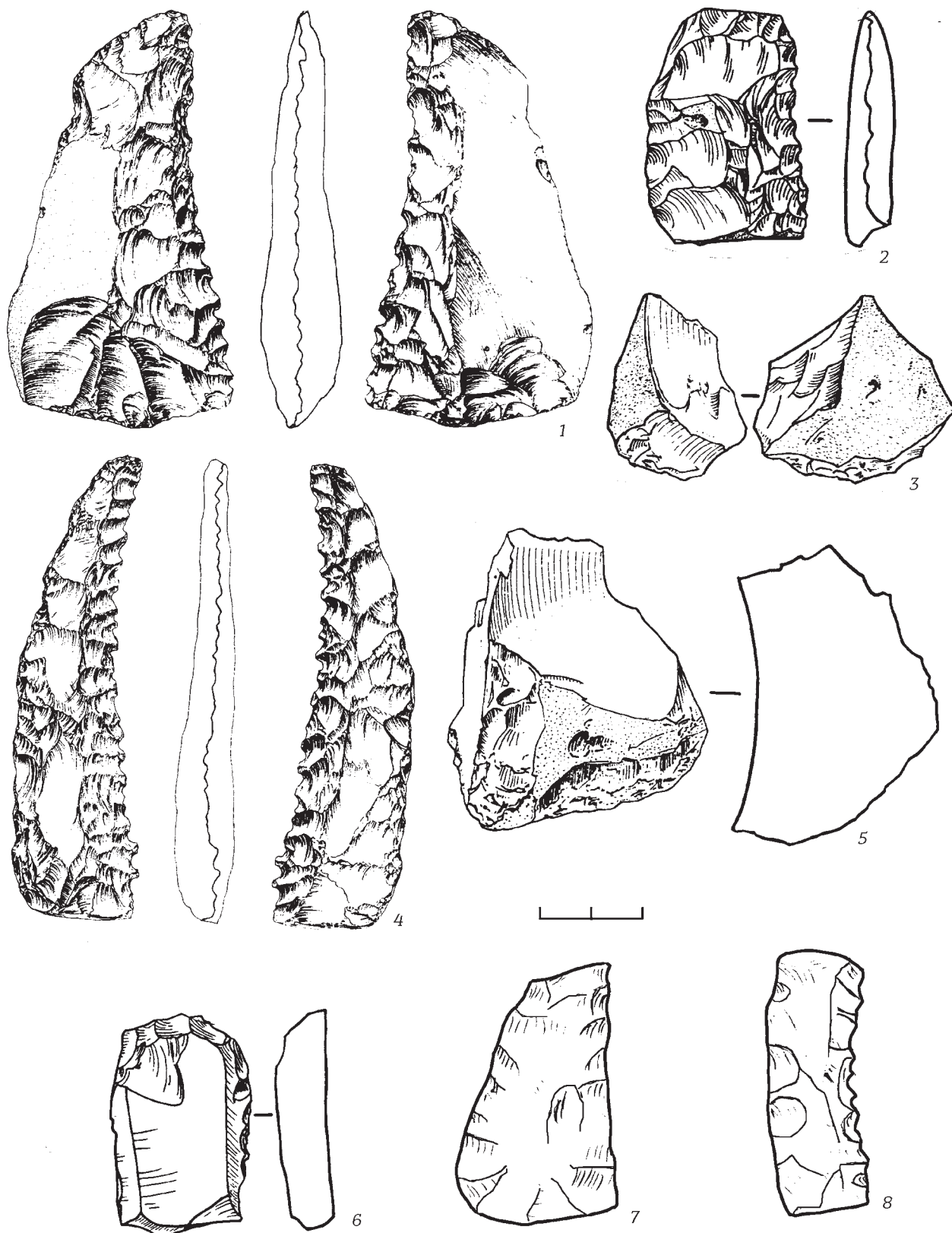

Рис. D12. Большой Городок, изделия из кремня

Fig. D12. Bolshoi Gorodok, stone items

1, 2 – жилище № 6, пол; 3 – раскоп III, культурный слой; 4 – жилище № 6, культурный слой над заполнением котлована; 5, 6 – раскоп XII, культурный слой; 7, 8 – жилище № 10, пол

Е. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

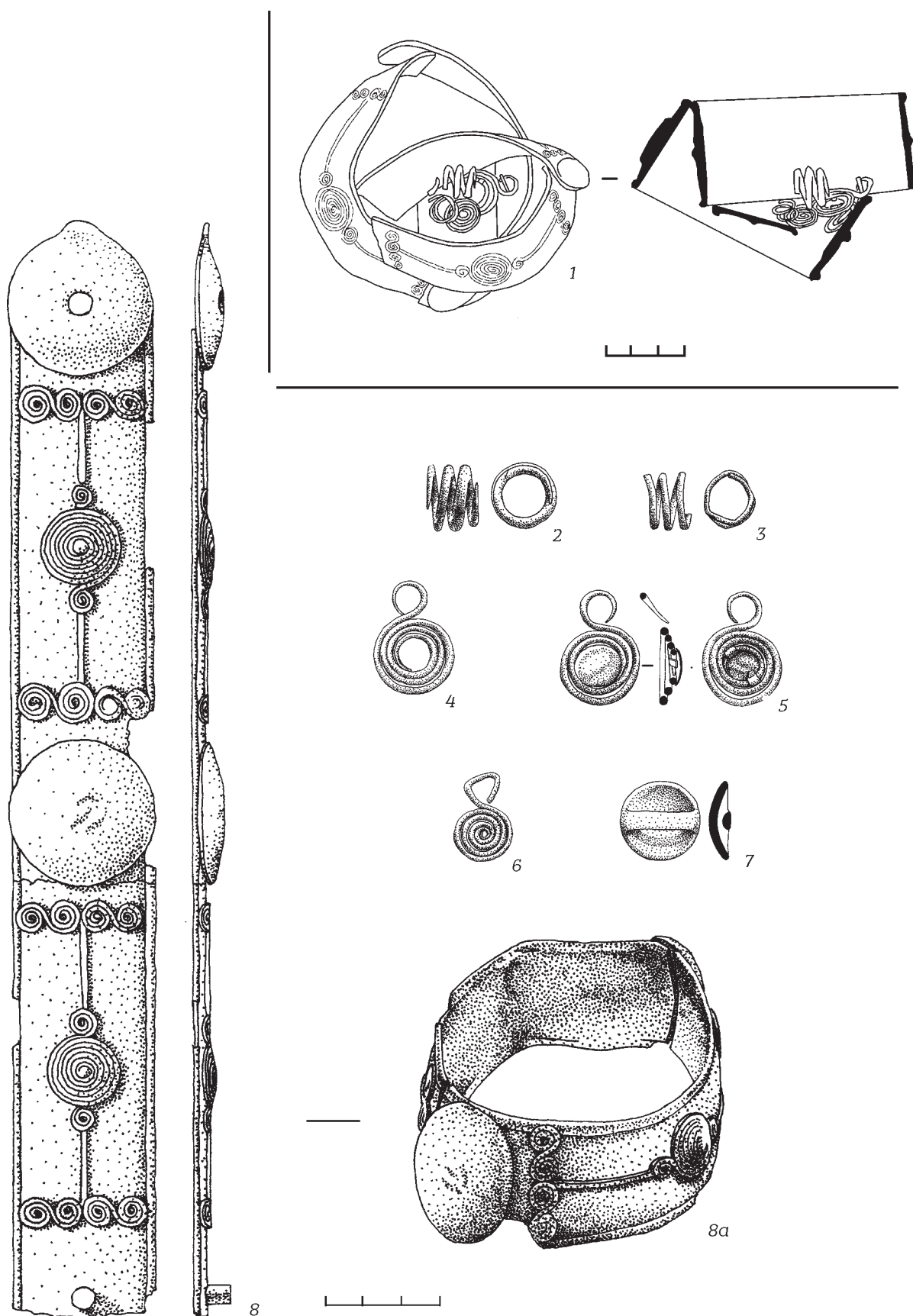

Рис. Е1. Большой Городок, раскоп VIII, клад бронзовых изделий № 1

Fig. E1. Bolshoi Gorodok, trench VIII, bronze items from hoard № 1

1 – зарисовка на месте обнаружения; 2–8 – состав находок

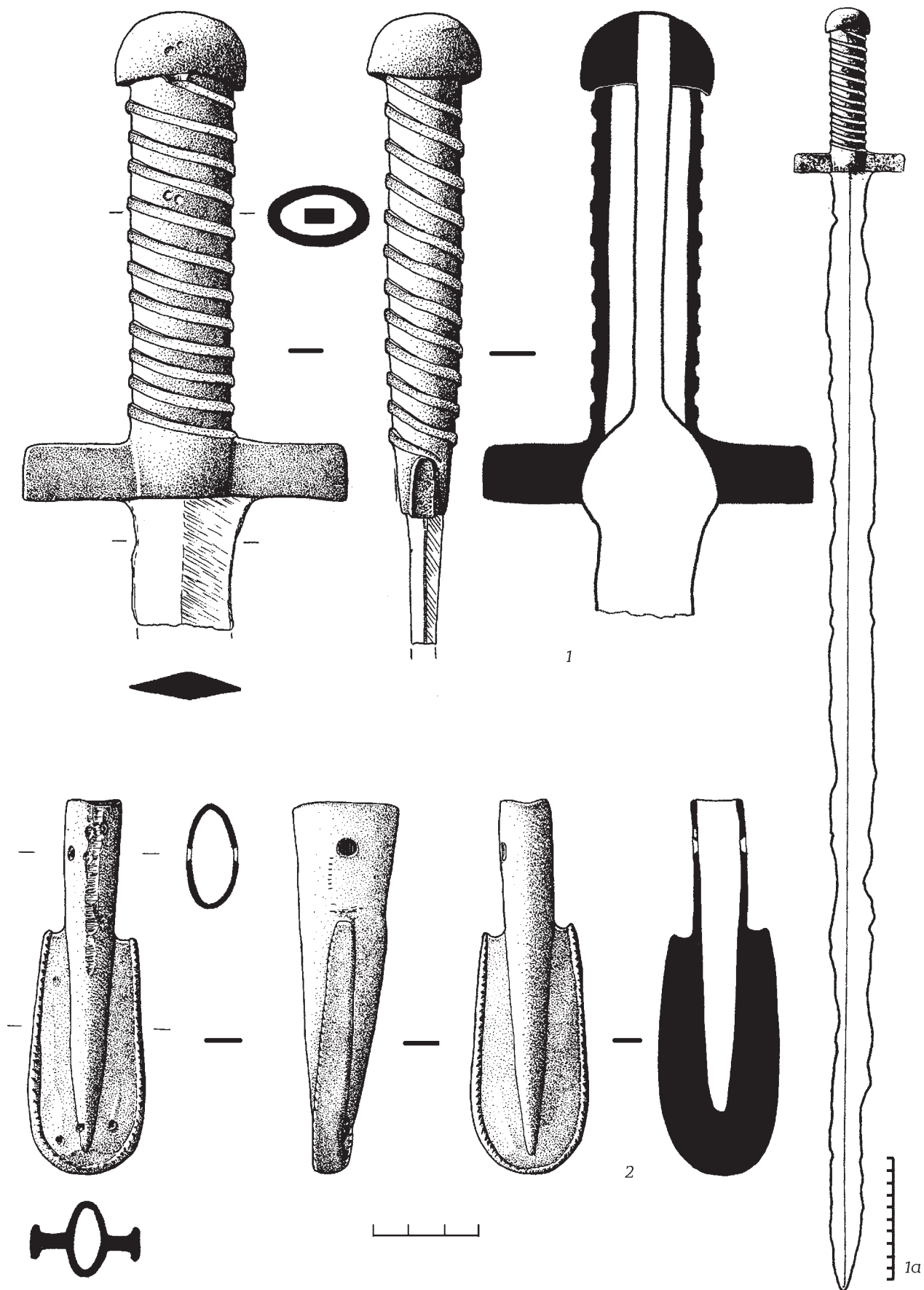

Рис. E2. Большой Городок, раскоп VII, клад № 1

Fig. E2. Bolshoi Gorodok, trench VII, bronze items from hoard № 1

1 – биметаллический меч; 2 – бронзовый наконечник ножен

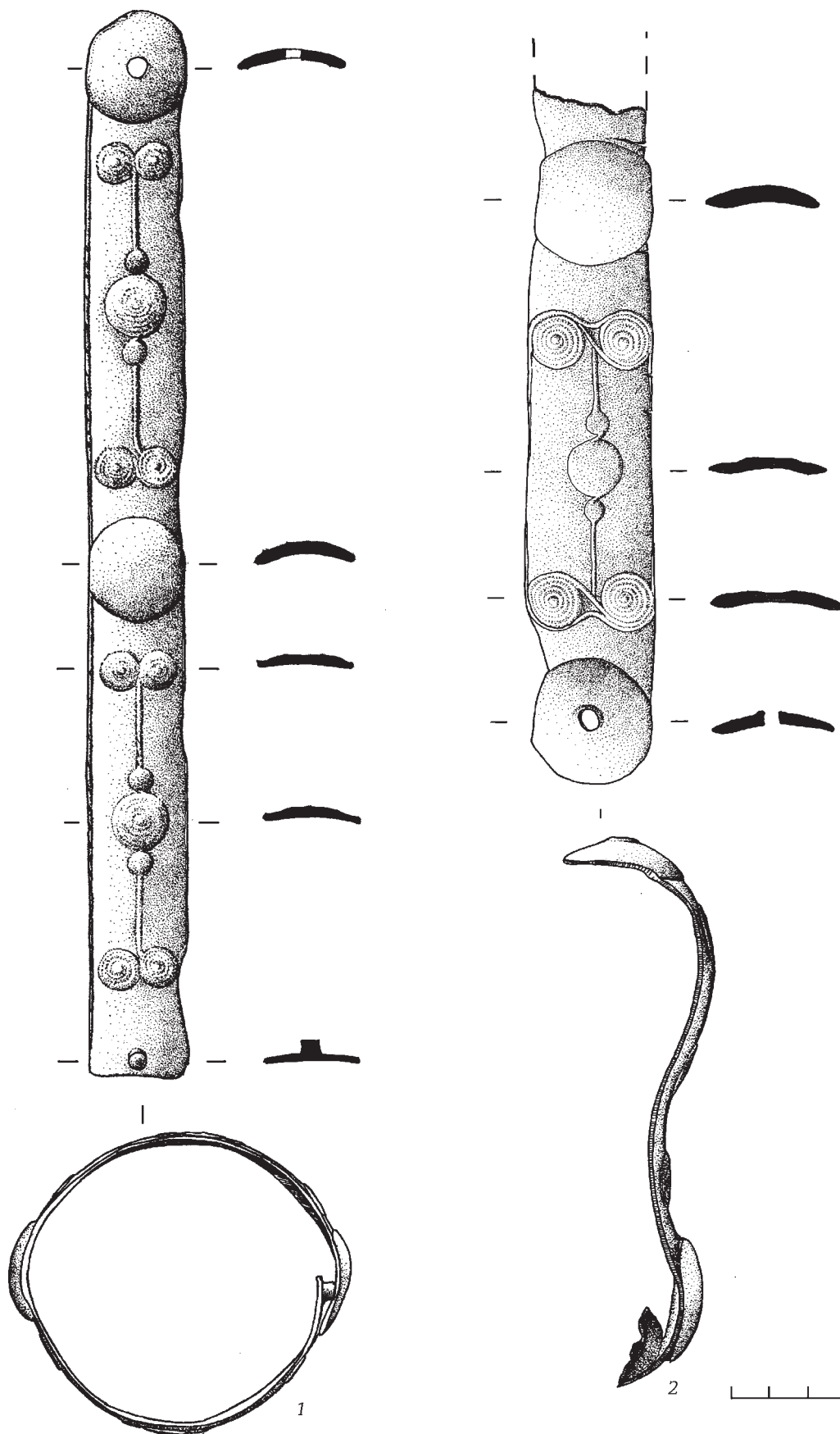

Рис. Е3. Большой Городок, раскоп IX и XII, бронзовые браслеты

Fig. E3. Bolshoi Gorodok, trenches IX and XII

1 – раскоп IX, старая засыпка раскопа; 2 – культурный слой раскопа XII

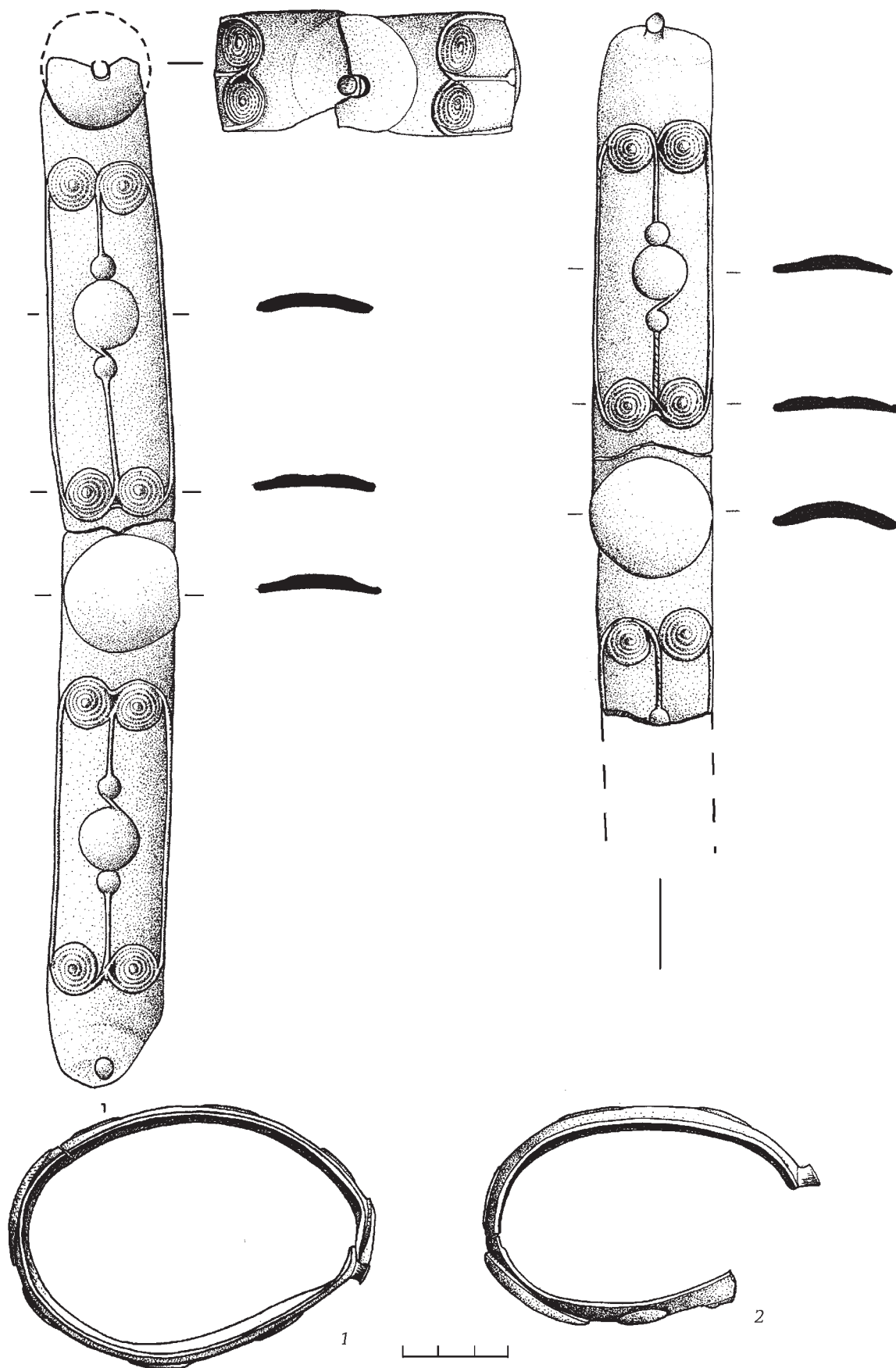

Рис. Е4. Бронзовые браслеты, переданные местными жителями А.И. Тереножкину в 1972 г.
Fig. E4. The bronze bracelets transferred by local residents for A.I. Terenozhkinu in the 1972

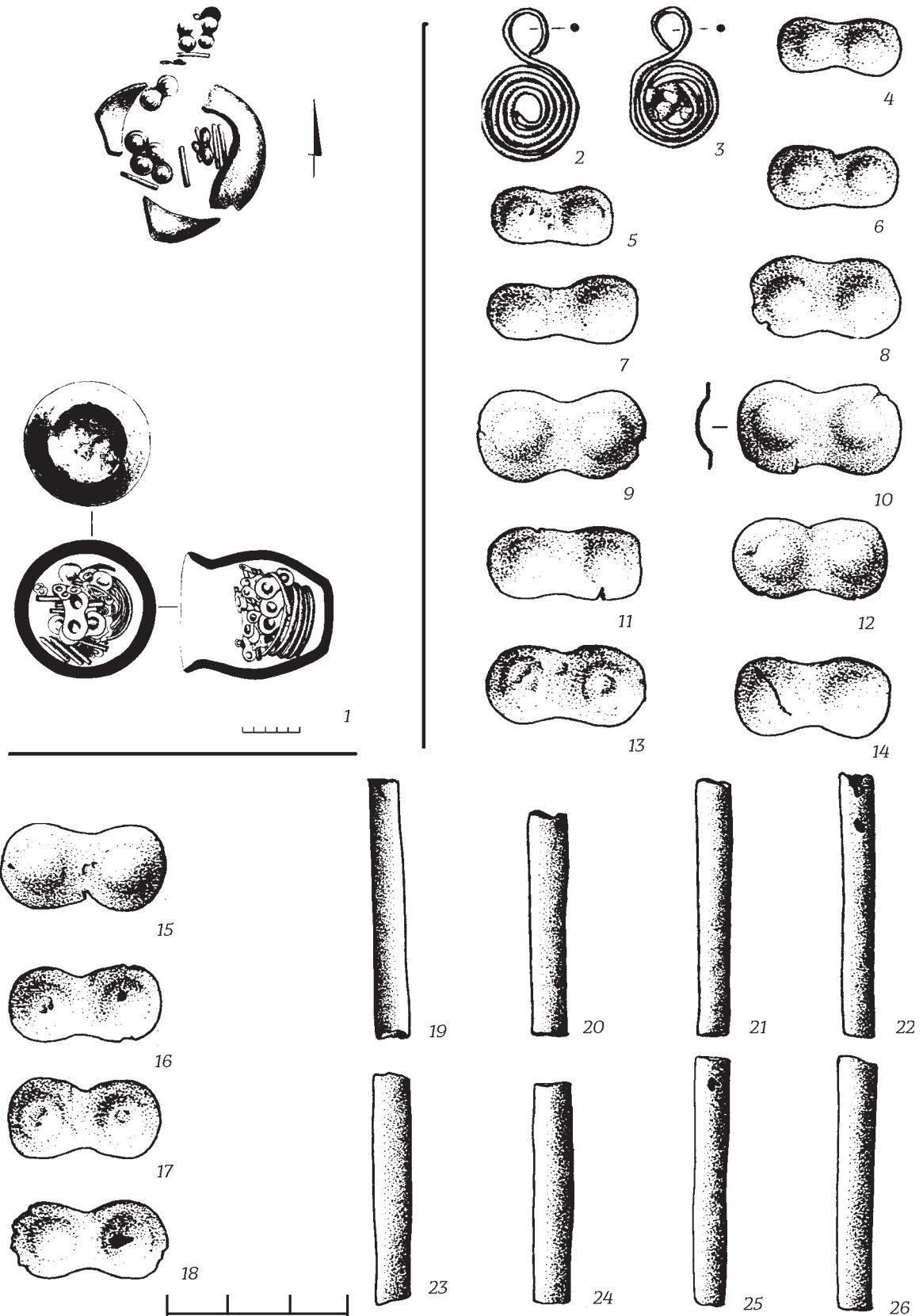

Рис. Е5. Большой Городок, раскоп III, клады № 2 и № 3

Fig. E5. Bolshoi Gorodok. Hoards № 2 and № 3

1 – зарисовка на месте обнаружения; 2–26 – состав клада № 2

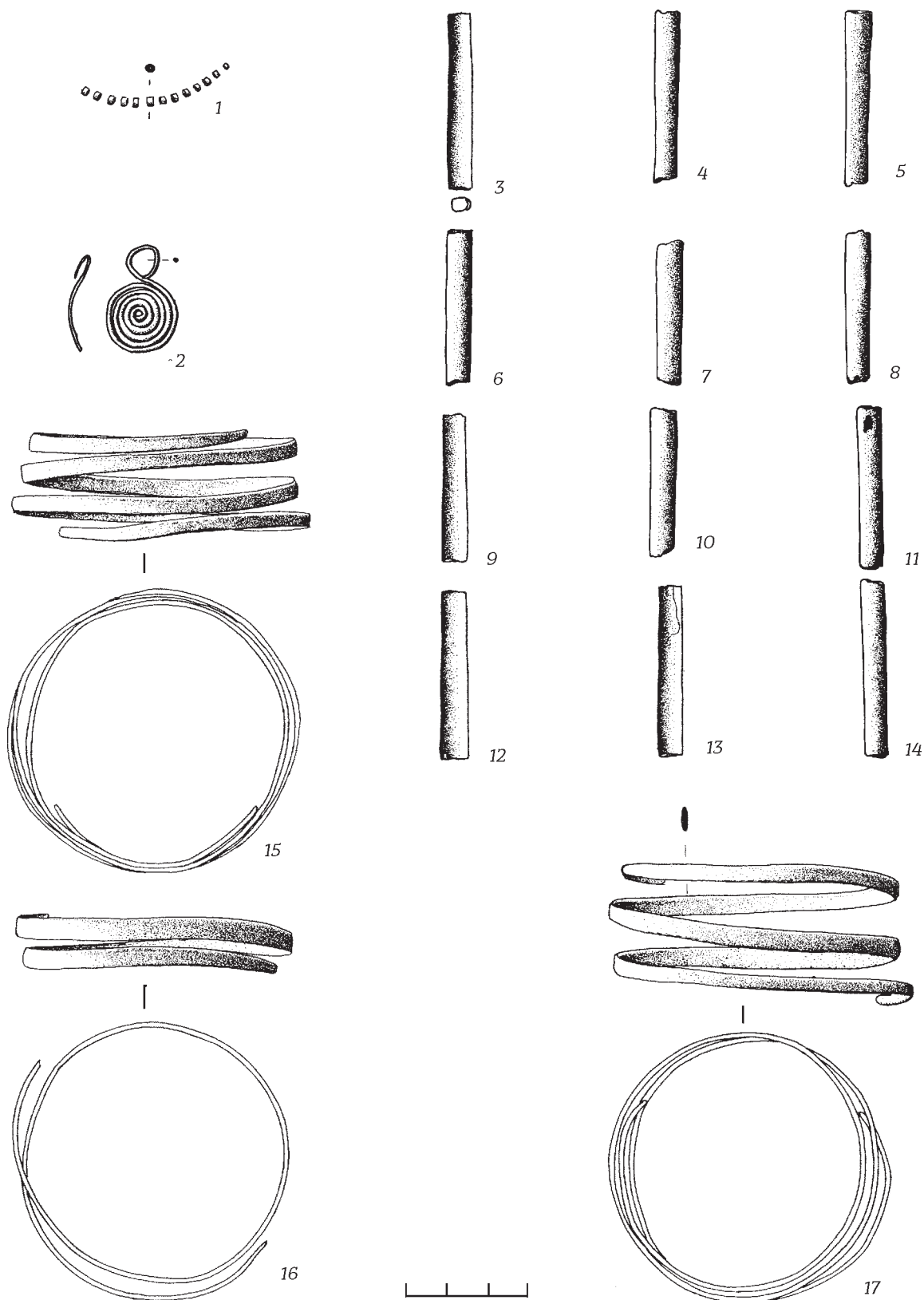

Рис. Е6. Большой Городок, клад № 3
Fig. E6. Bolshoi Gorodok, hoard № 3
 1 – паста; остальное – бронза

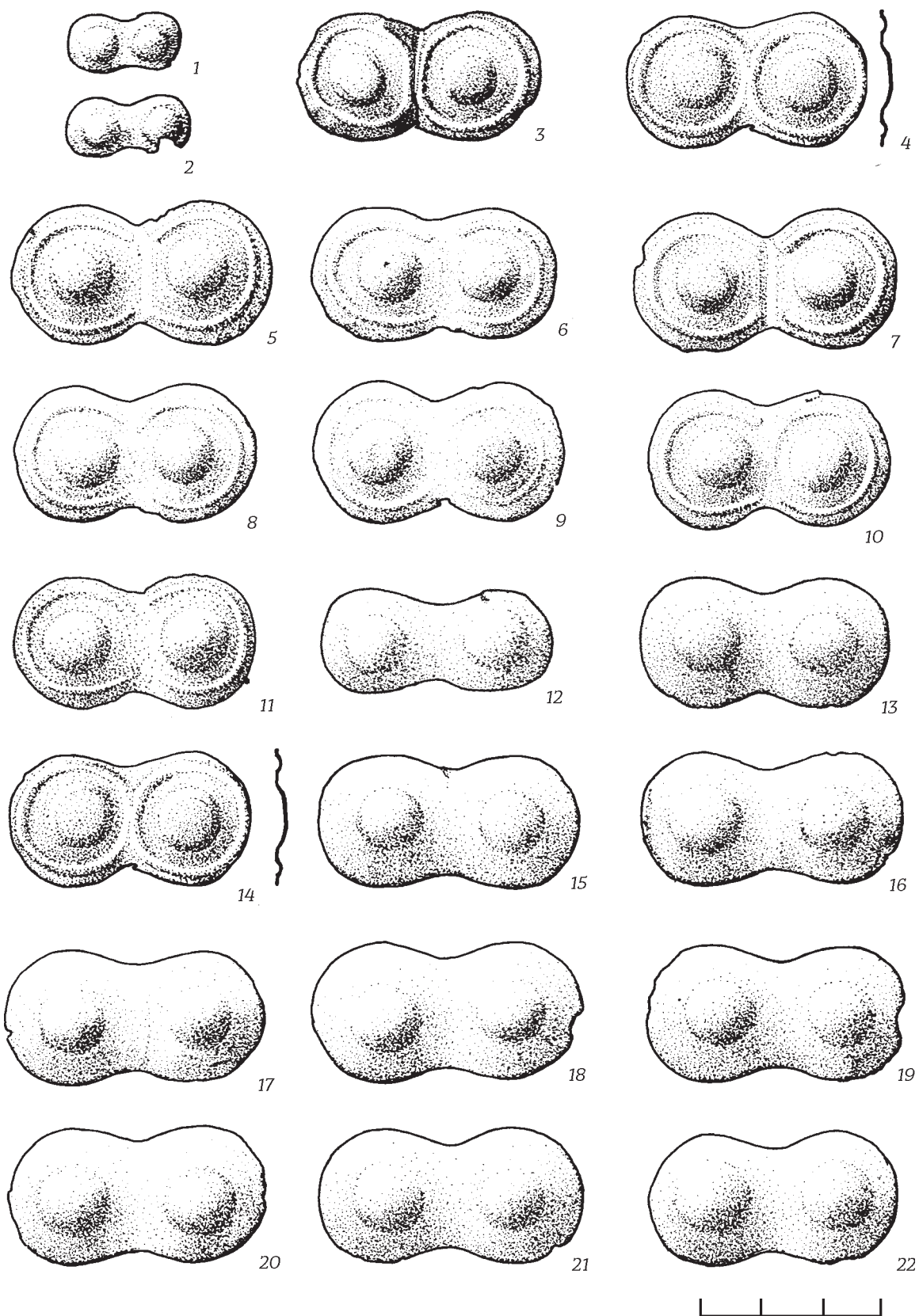

Рис. Е7. Большой Городок, клад № 3, бронзовые бляшки
Fig. E7. Bolshoi Gorodok, hoard № 3, bronze pendant

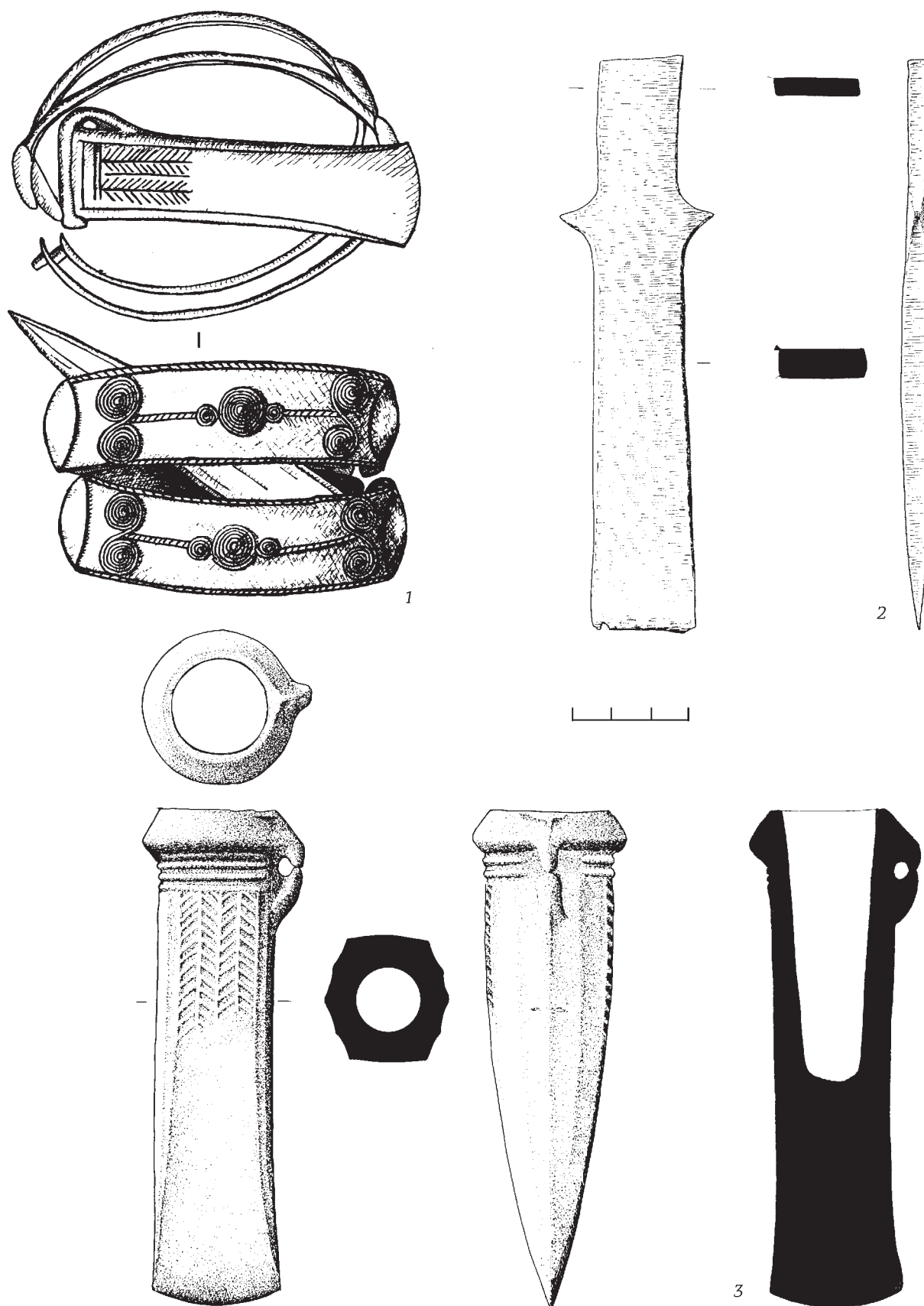

Рис. Е8. Большой Городок, раскоп IV, клад № 4

Fig. E8. Bolshoi Gorodok, trench IV, hoard № 4

1 – зарисовка на месте обнаружения; 2, 3 – орудия из клада (1 – железо; остальное – бронза)

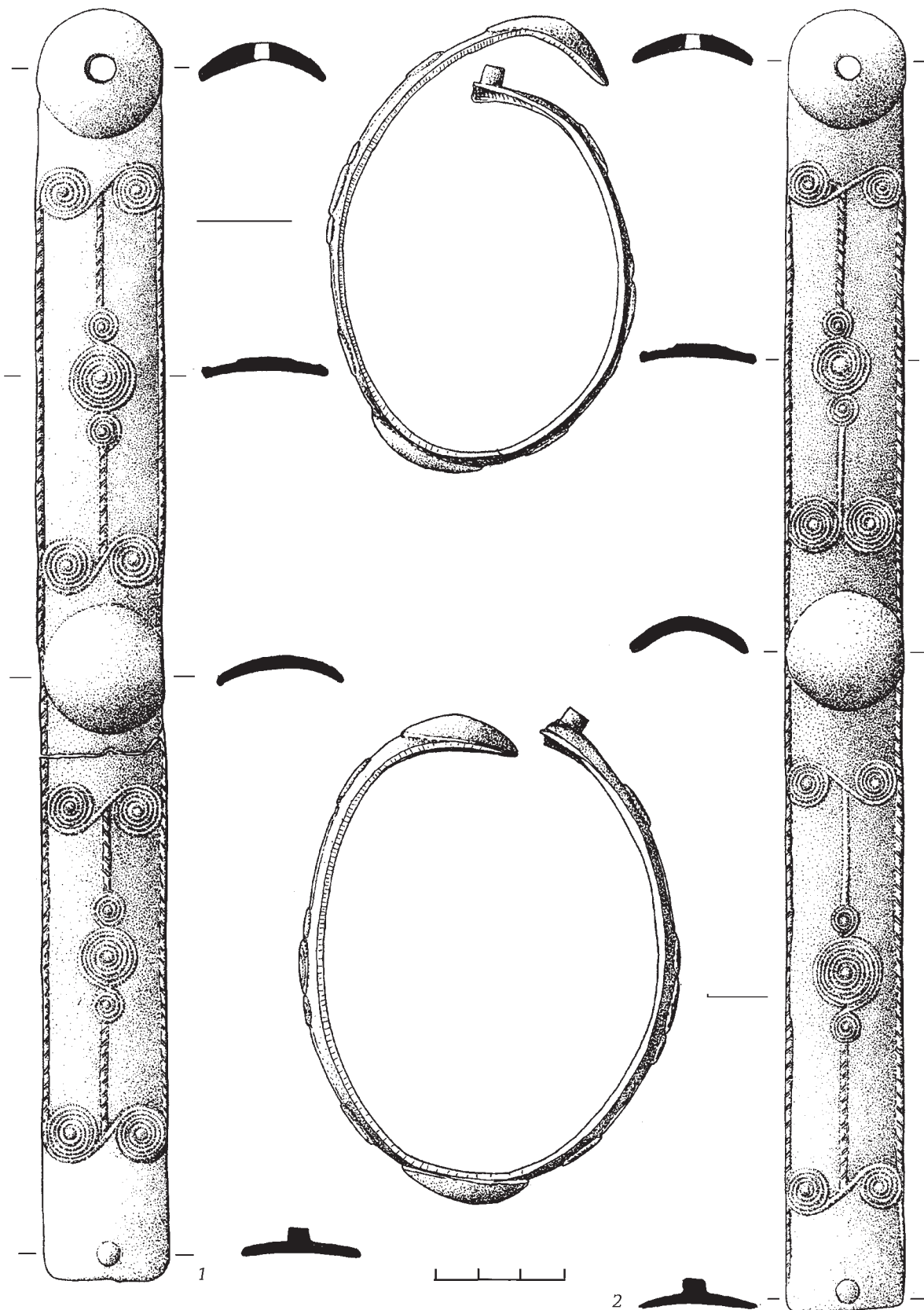

Рис. Е9. Большой Городок, клад № 4, бронзовые браслеты

Fig. E9. Bolshoi Gorodok, hoard № 4, bronze bracelets

РИСУНКИ

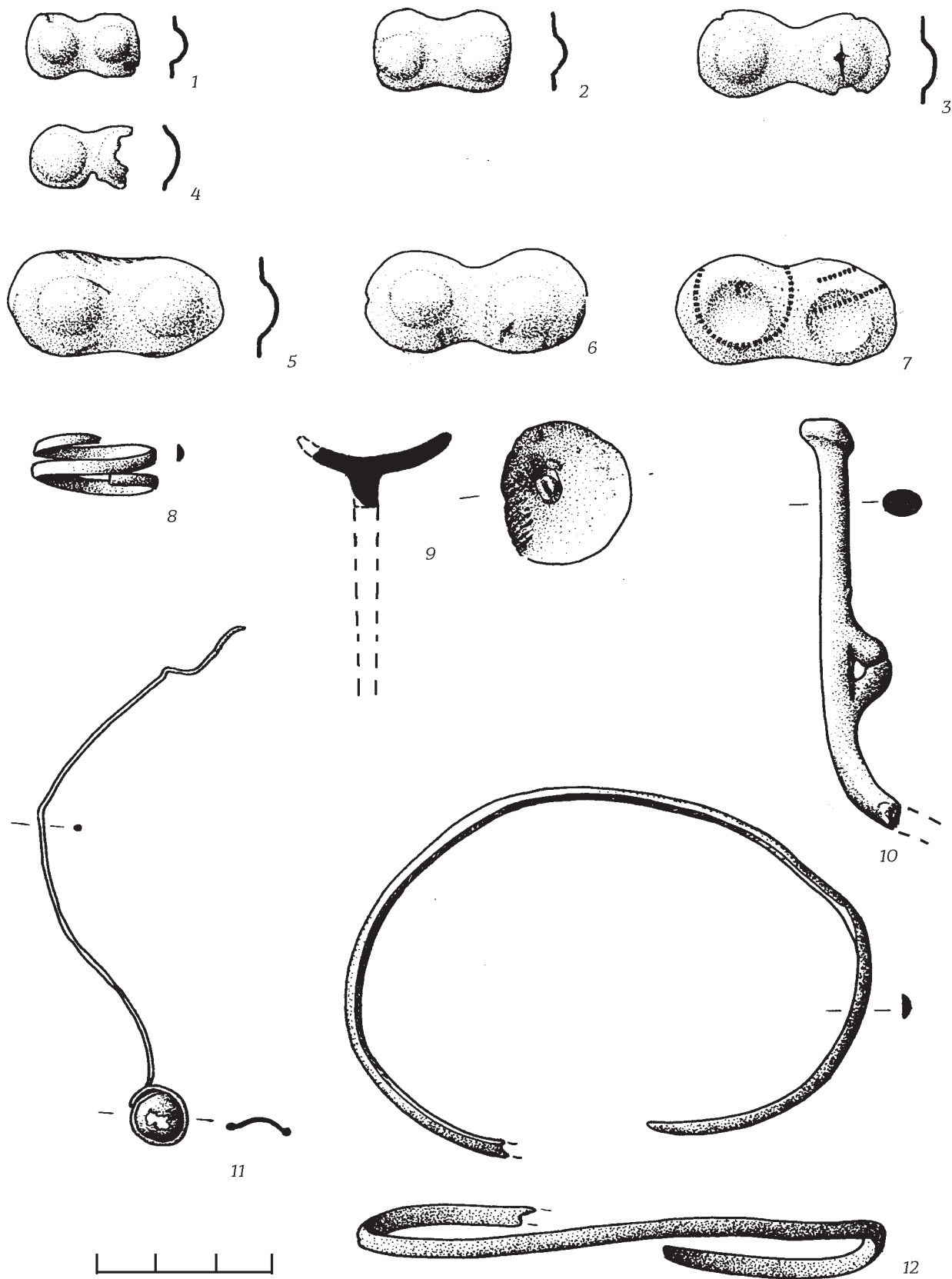

Рис. E10. Большой Городок, бронзовые изделия

Fig. E10. Bolshoi Gorodok, bronze items

1, 4, 9, 11 – раскоп IV, культурный слой; 2, 8 – раскоп III, культурный слой; 3 – раскоп IV, яма № 11; 5–7 – «жилище» № 3, заполнение котлована; 10 – раскоп I, культурный слой; 12 – жилище № 6, пол

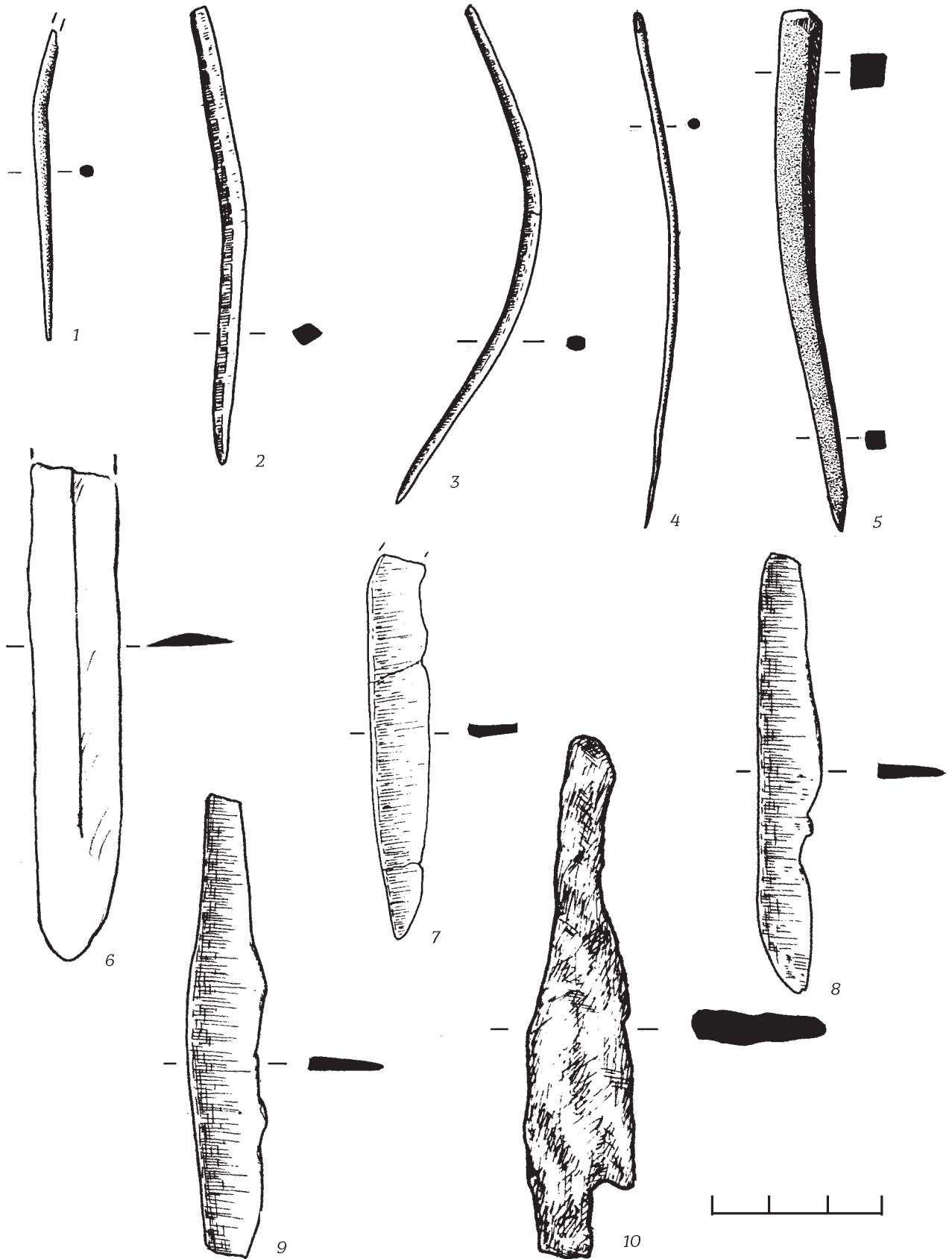

Рис. Е11. Большой Городок, металлические изделия

Fig. E11. Bolshoi Gorodok, metall items

1, 2, 5, 7 – раскоп IV, культурный слой; 3 – жилище № 6, культурный слой над заполнением котлована; 4 – жилище № 9, пол; 6 – раскоп VIII, яма № 7; 8 – раскоп III, яма № 4; 9 – жилище № 4, «золистое» заполнение котлована помещения № 4а; 10 – раскоп IX, яма № 18 (1, 4–6 – бронза; 2, 3, 7–10 – железо)

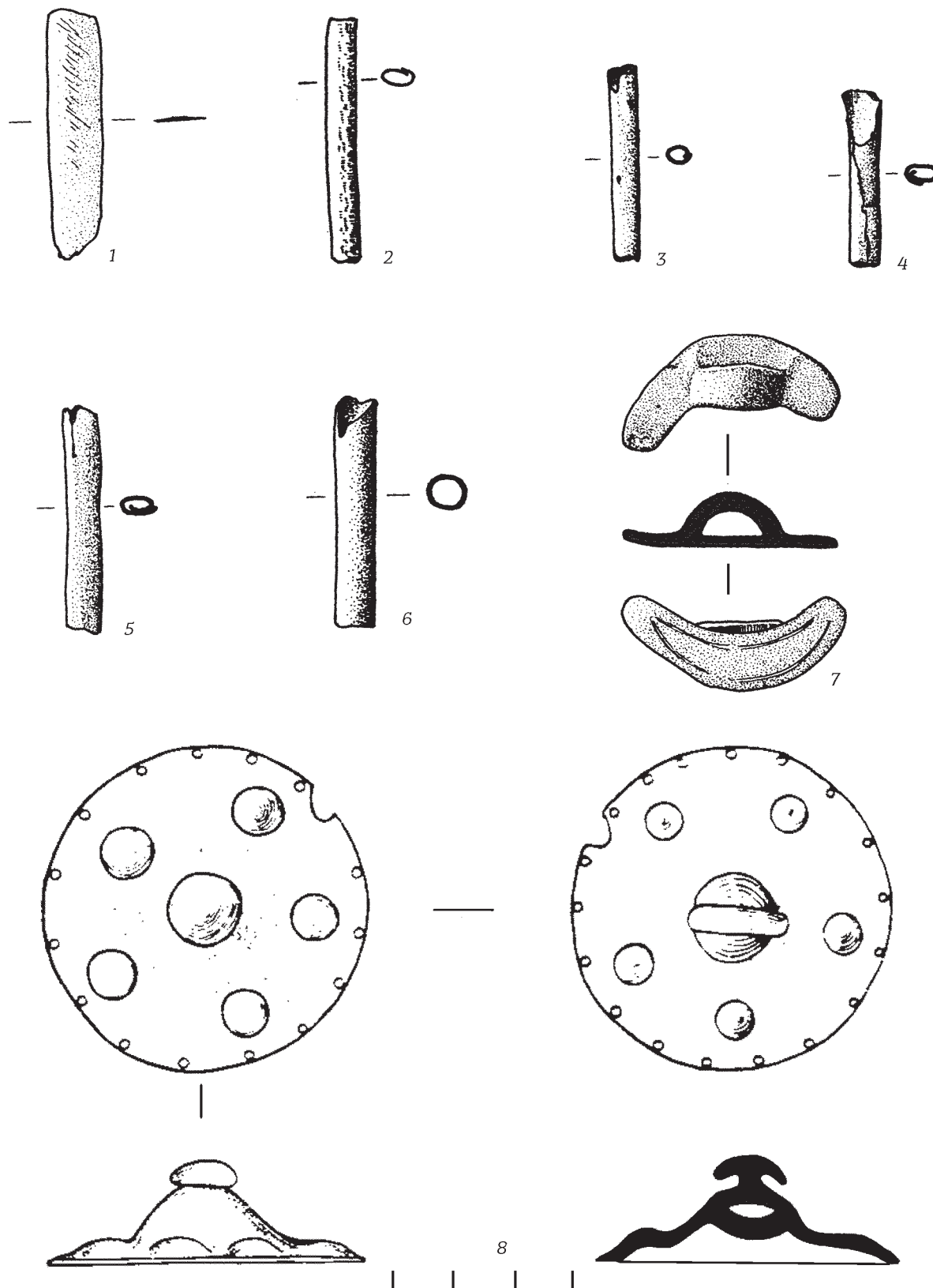

Рис. E12. Большой Городок, бронзовые изделия

Fig. E12. Bolshoi Gorodok, bronze items

1 – жилище № 9, заполнение котлована; 2 – раскопы I–II, культурный слой; 3–5 – жилище № 6, культурный слой над его заполнением; 6 – жилище № 9, пол; 7 – раскоп IV, культурный слой; 8 – раскоп IV, яма № 11

Ф. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ

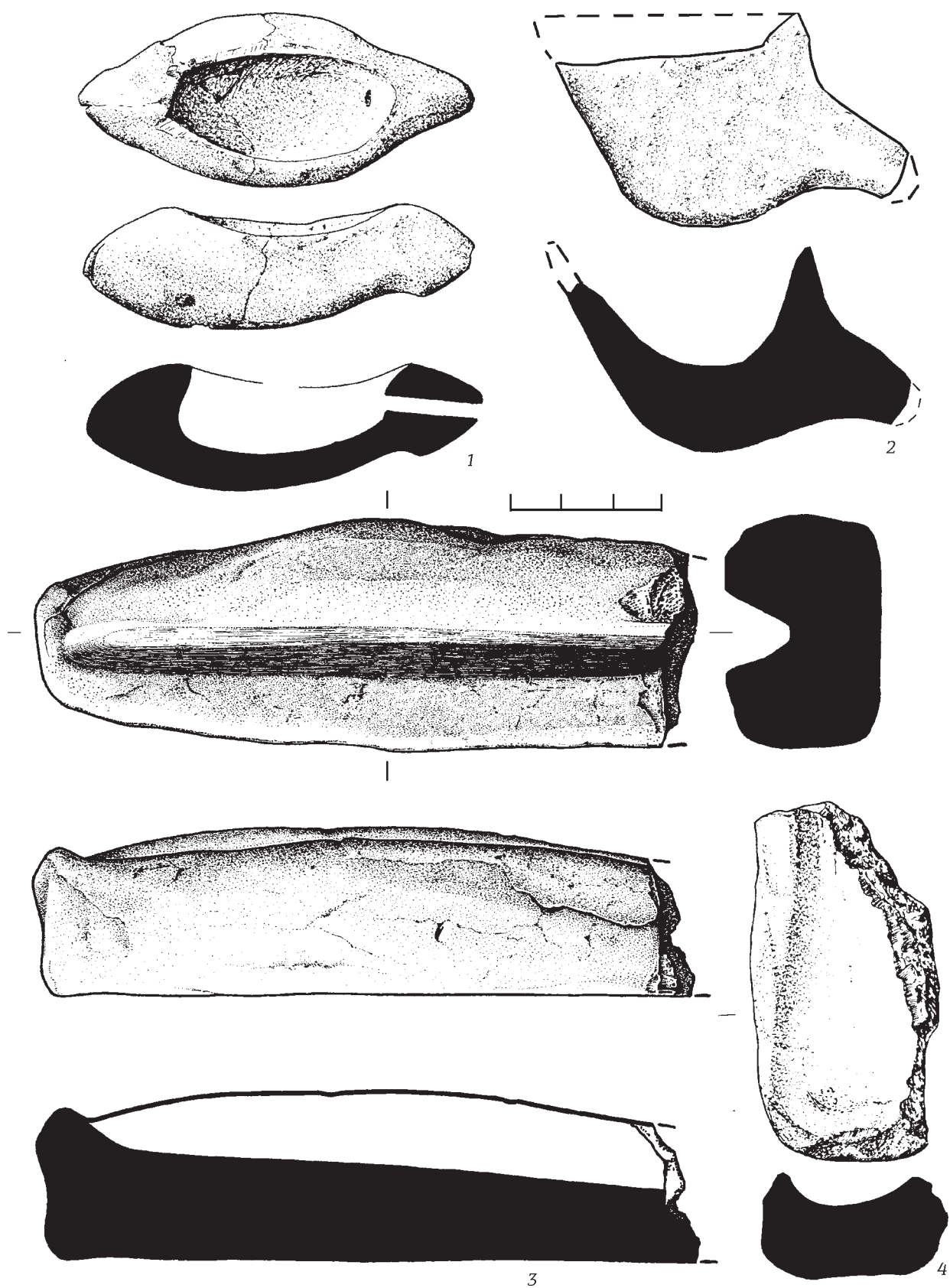

Рис. F1. Большой Городок, глиняные тигли, льячки и изложницы

Fig. F1. Bolshoi Gorodok, clay crucibles, scoops and molds

1 – раскоп III, культурный слой; 2 – жилище № 2, «золистое» заполнение котлована; 3 – раскоп III, яма № 22; 4 – раскоп II, очаг № 3

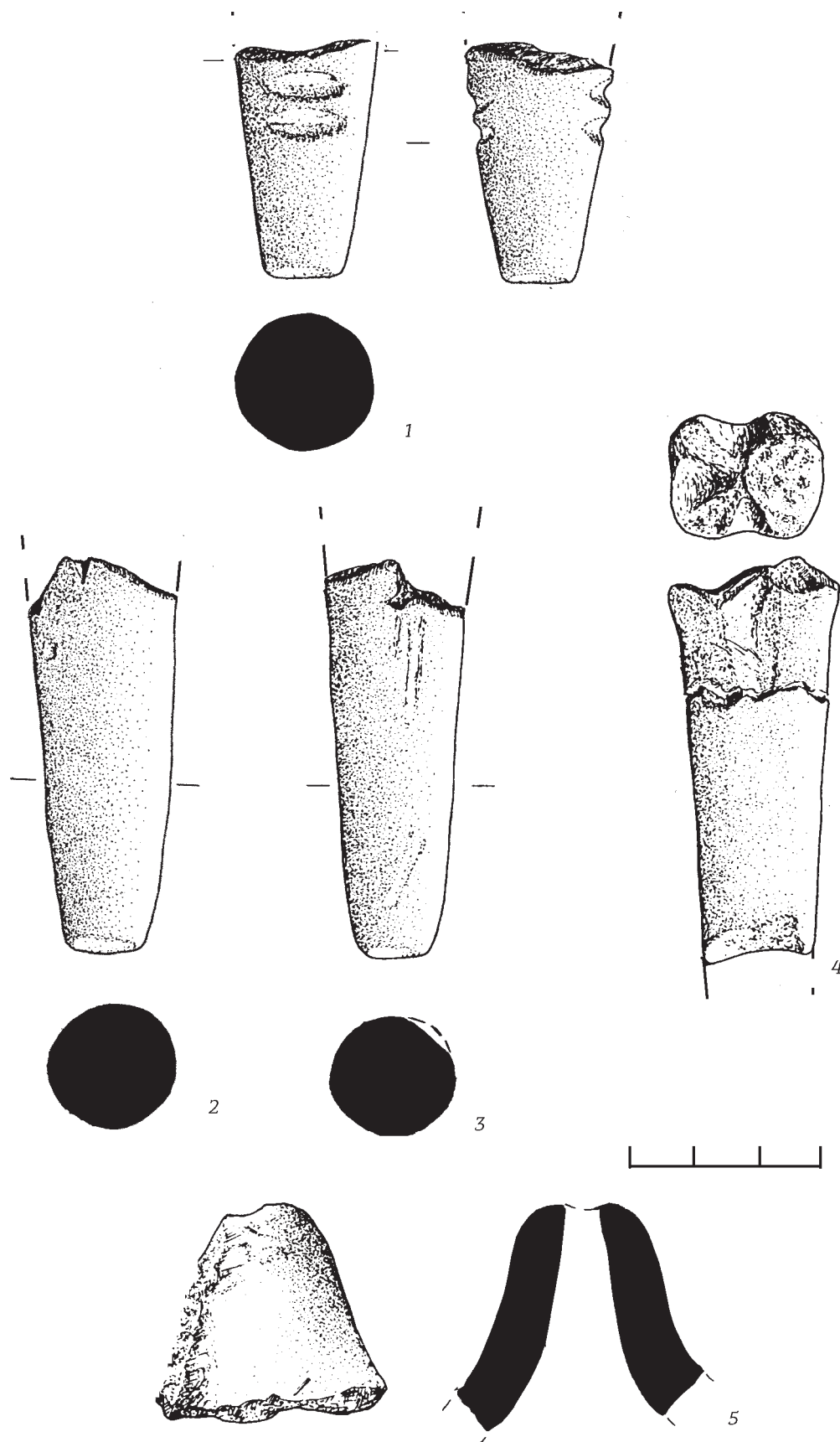

Рис. F2. Большой Городок, глиняные вкладыши в литейные формы и сопло

Fig. F2. Bolshoi Gorodok, clay inserts in the moulds and nozzle,

1 – раскоп III, яма № 346; 2, 4 – жилище № 9, заполнение котлована; 3 – жилище № 6, пол; 5 – «жилище» № 3, «золистое» заполнение котлована

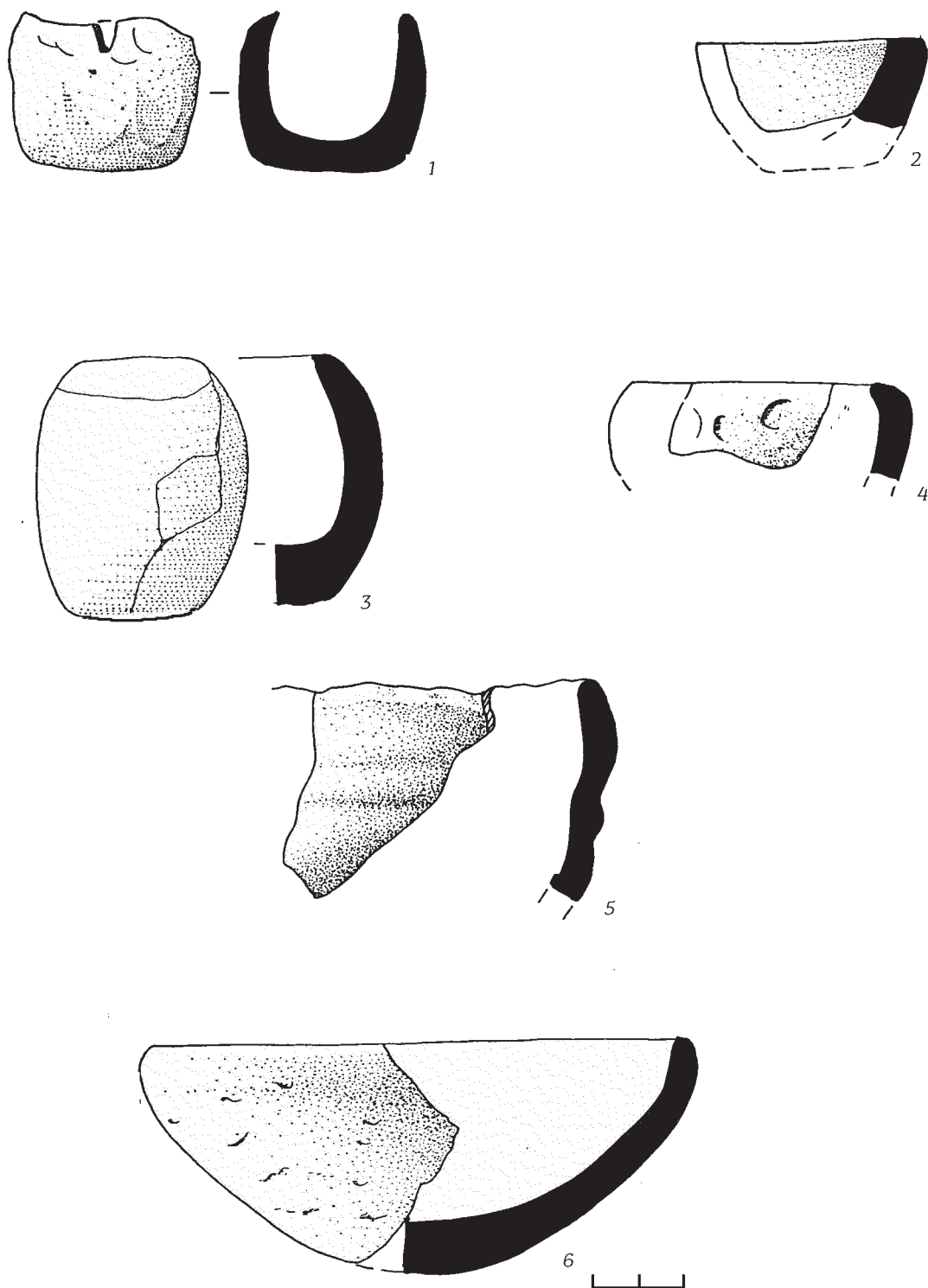

Рис. F3. Большой Городок, глиняные тигли

Fig. F3. Bolshoi Gorodok, clay crucibles

1, 3, 6 – раскоп XI, культурный слой; 2, 4 – раскоп XII, ямы № 12 и № 2; 5 – жилище 4, «золистое» заполнение котлована помещения № 46

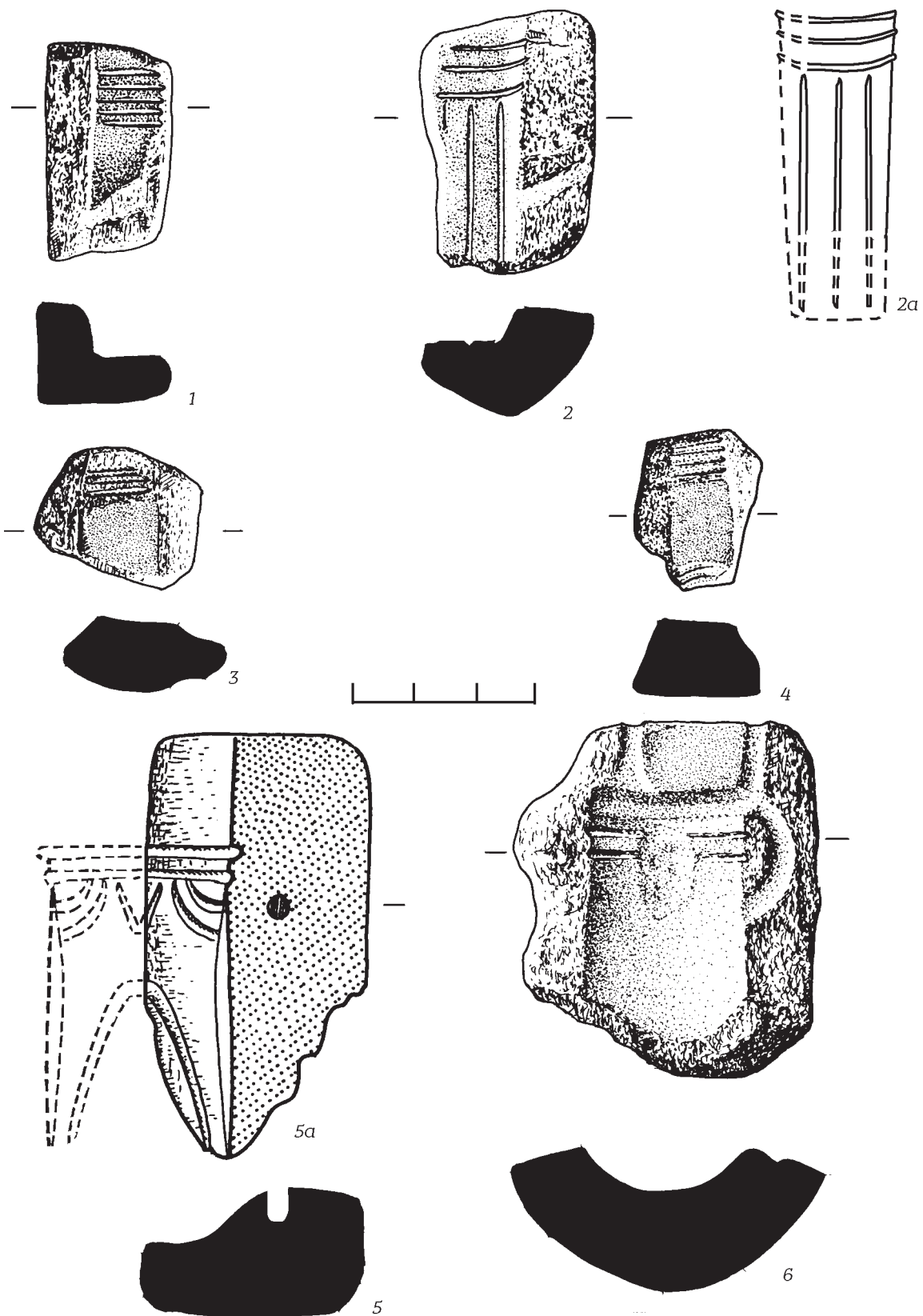

Рис. F4. Большой Городок, фрагменты литейных форм для отливки долот и кельтов

Fig. F4. Bolshoi Gorodok, fragments of the stone (5) and clay casting moulds for chisels and celts

1–4 – раскоп IX, культурный слой; 2a – реконструкция долота; 5 – раскоп III, культурный слой; 5a – реконструкция кельта; 6 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована (5 – камень, остальное – глина)

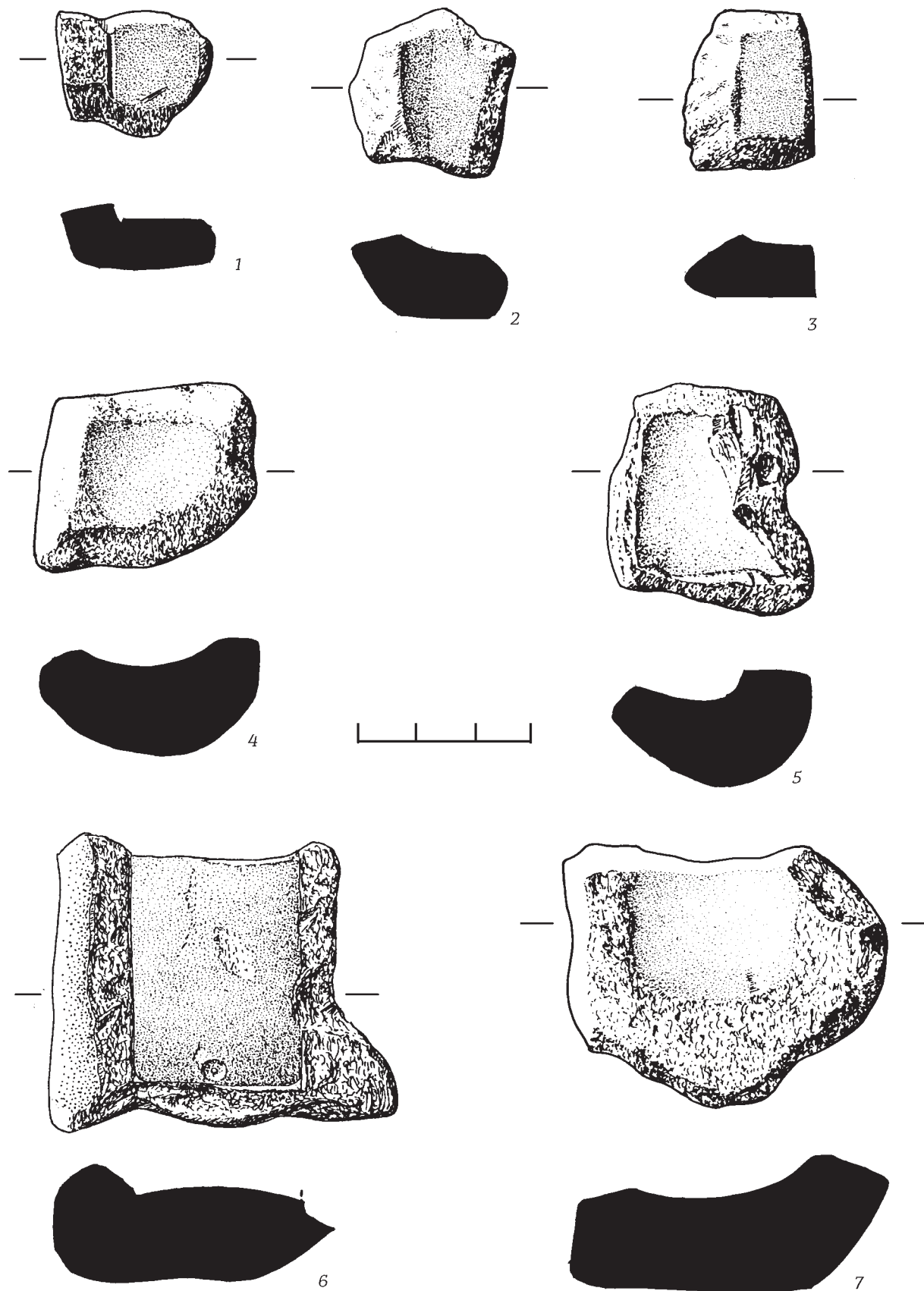

Рис. F5. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки широких браслетов
Fig. F5. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for wide bracelets
1–5, 7 – раскоп IX, культурный слой; 6 – раскоп III, культурный слой

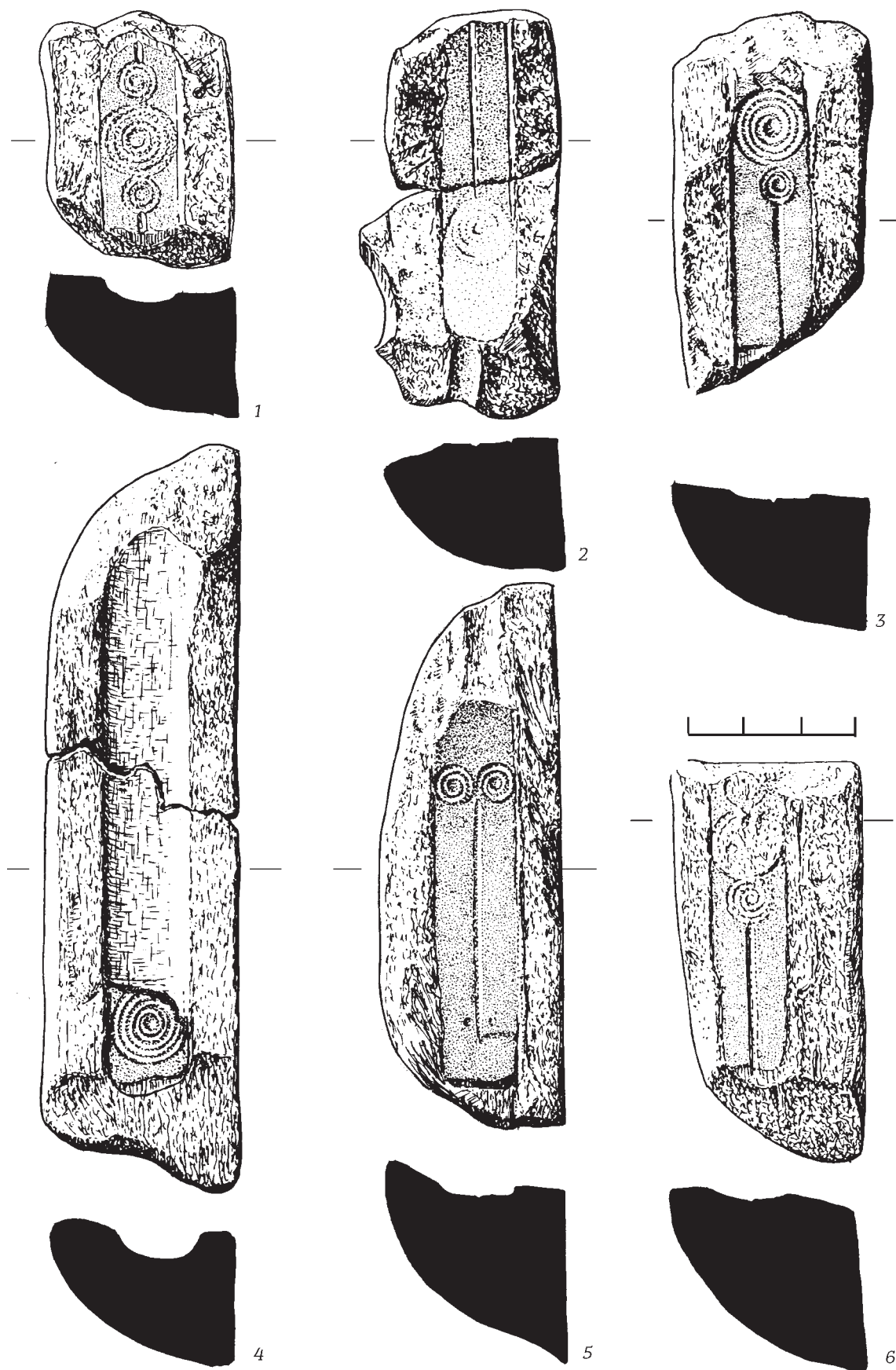

Рис. F6. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки узких браслетов

Fig. F6. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for narrow bracelets

1 – раскоп III, культурный слой; 2, 6 – раскопы I–II, культурный слой; 3–5 – жилище № 2, «золистое» заполнение котлована

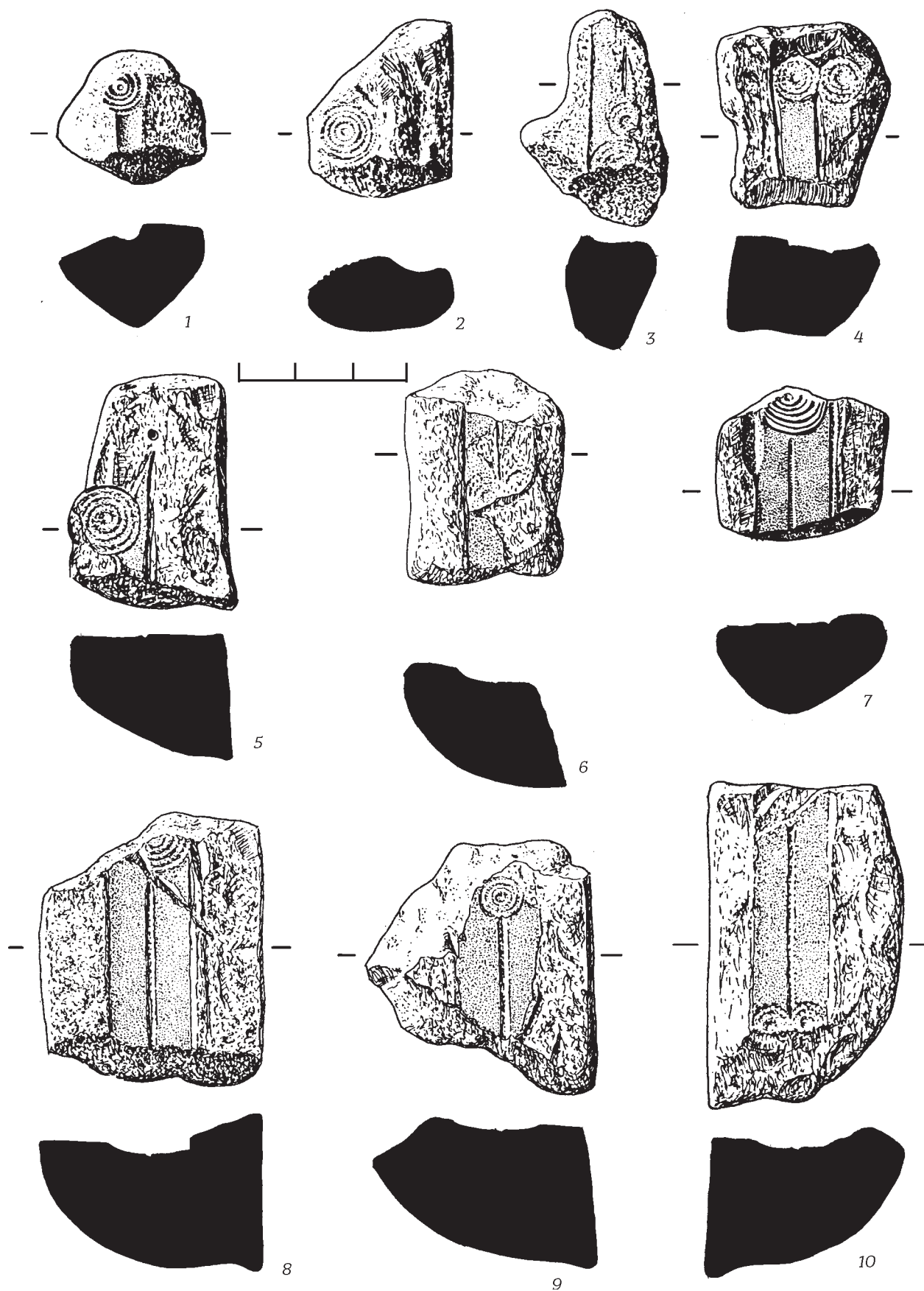

Рис. F7. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки узких браслетов

Fig. F7. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for narrow bracelets

1–5, 7, 8 – раскоп IX, культурный слой; 6, 9, 10 – жилище № 2, «золистое» заполнение котлована

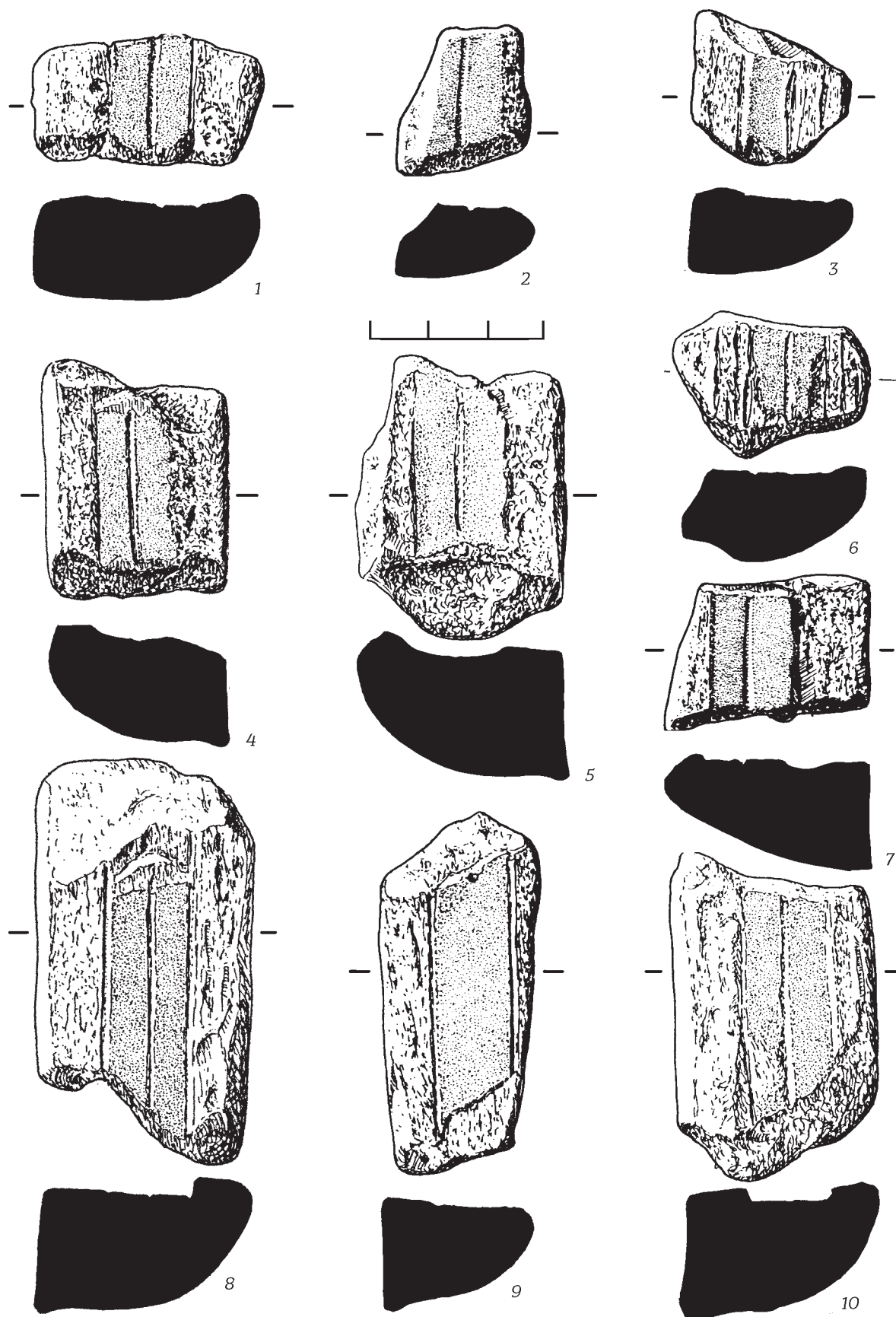

Рис. F8. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки узких браслетов

Fig. F8. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for narrow bracelets

1, 9 – раскопы I–II, культурный слой; 2, 3, 7 – раскоп IX, культурный слой; 6 – раскоп VIII, культурный слой; 4, 5, 8, 10 – жилище № 2, «золистое» заполнение котлована

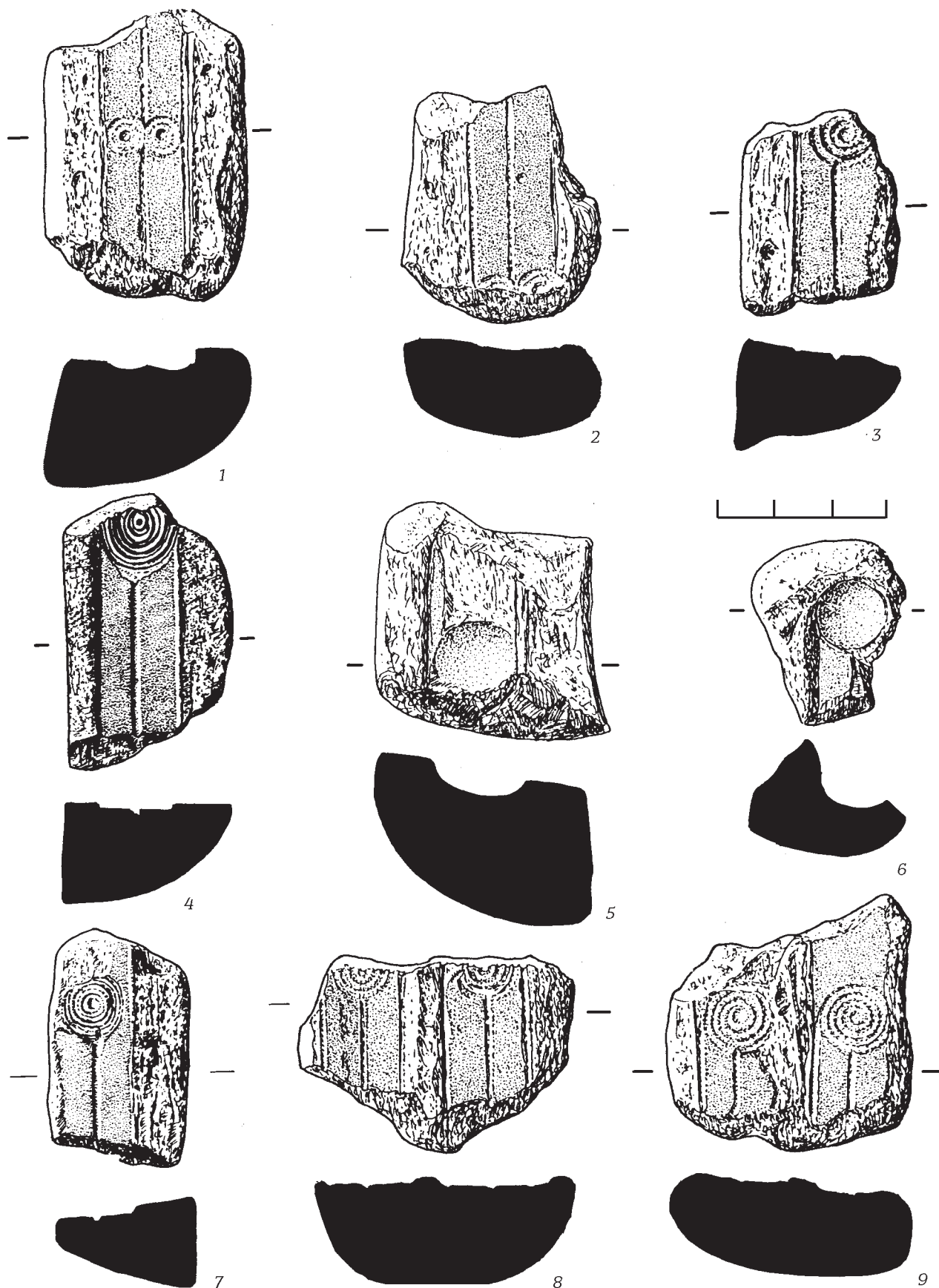

Рис. F9. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки узких браслетов

Fig. F9. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for narrow bracelets

1, 6 – жилище № 2, «золистое» заполнение котлована; 2, 5 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована; 3, 8, 9 – раскопы I–II, культурный слой; 4, 7 – раскоп IX, культурный слой

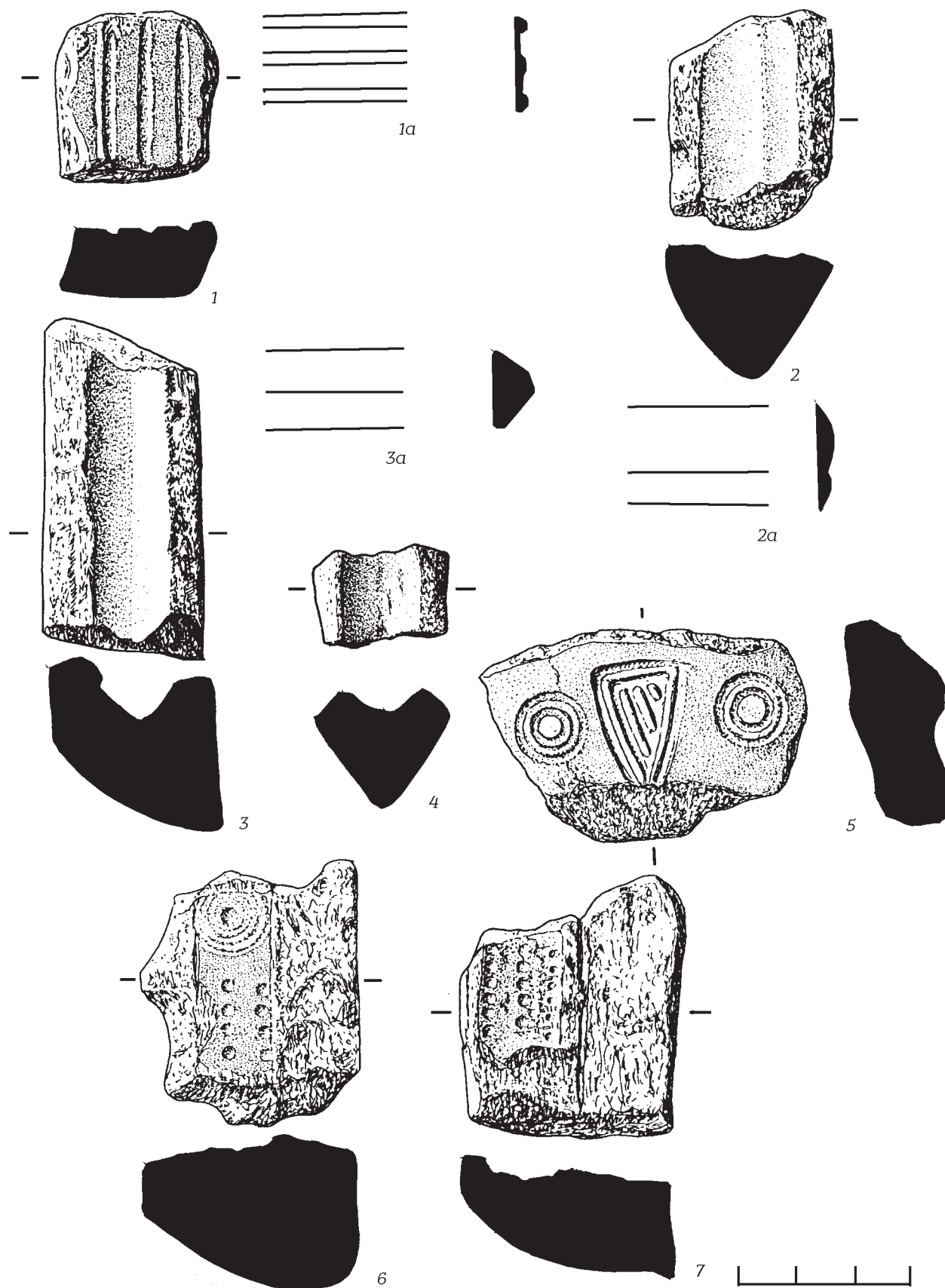

Рис. F10. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки браслетов разных типов и гривны (?)

Fig. F10. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for bracelets of different types and neck-ring

1 – жилище № 8, заполнение котлована; 2–4 – раскоп IX; 5 – раскоп III, яма № 25; 6, 7 – раскоп III, культурный слой (1а–3а – реконструкция сечения браслетов)

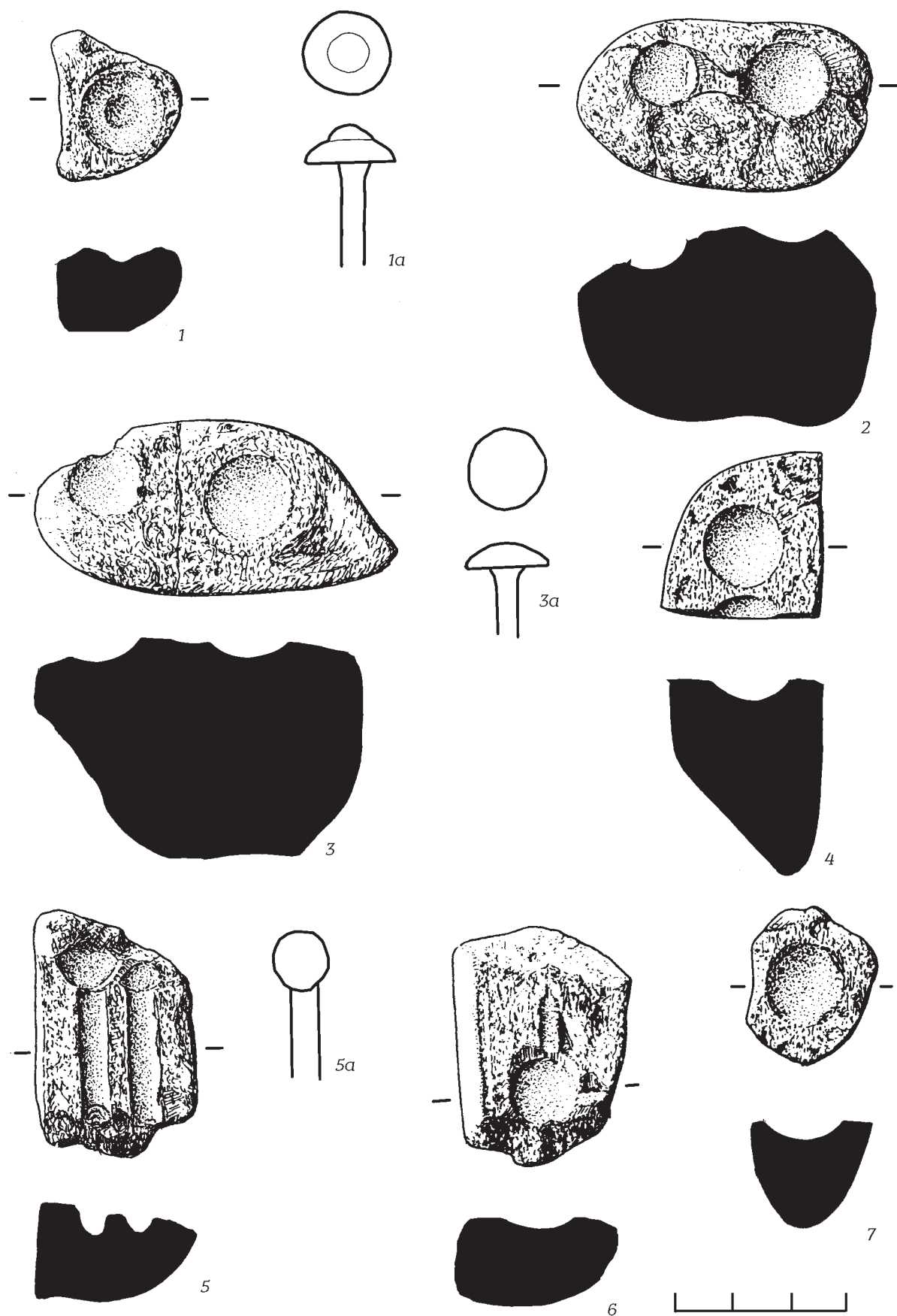

Рис. F11. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки булавок

Fig. F11. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for pins

1, 4, 6, 7 – жилище № 9, заполнение котлована; 2, 3 – раскопы I–II, культурный слой; 5 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована (1а, 3а, 5а – реконструкция булавок)

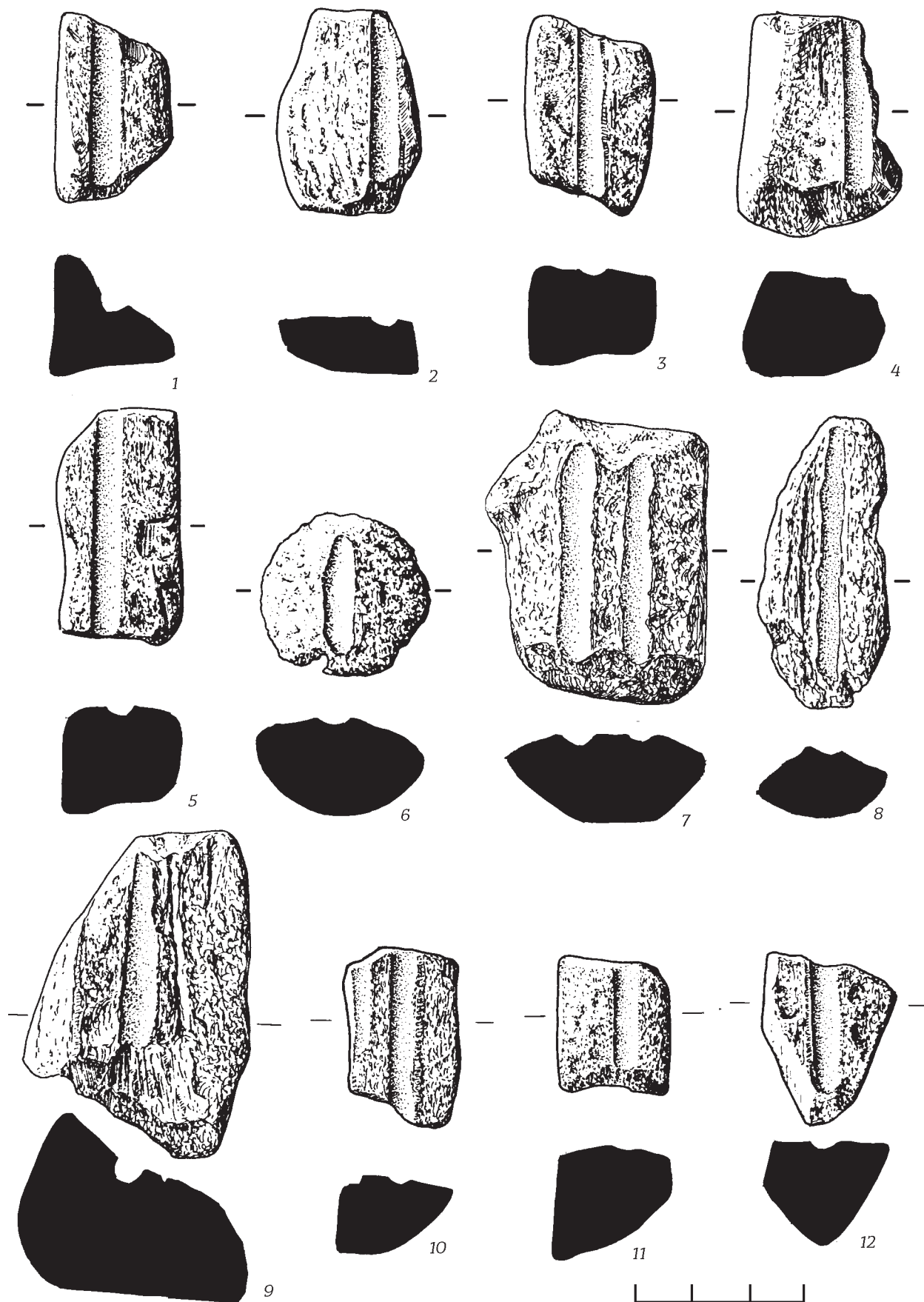

Рис. F12. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки многовитковых браслетов
Fig. F12. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for narrow bracelets
 1–5, 7, 10–12 – раскоп IX, культурный слой; 6 – ядро вала Малого Городка; 8, 9 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована

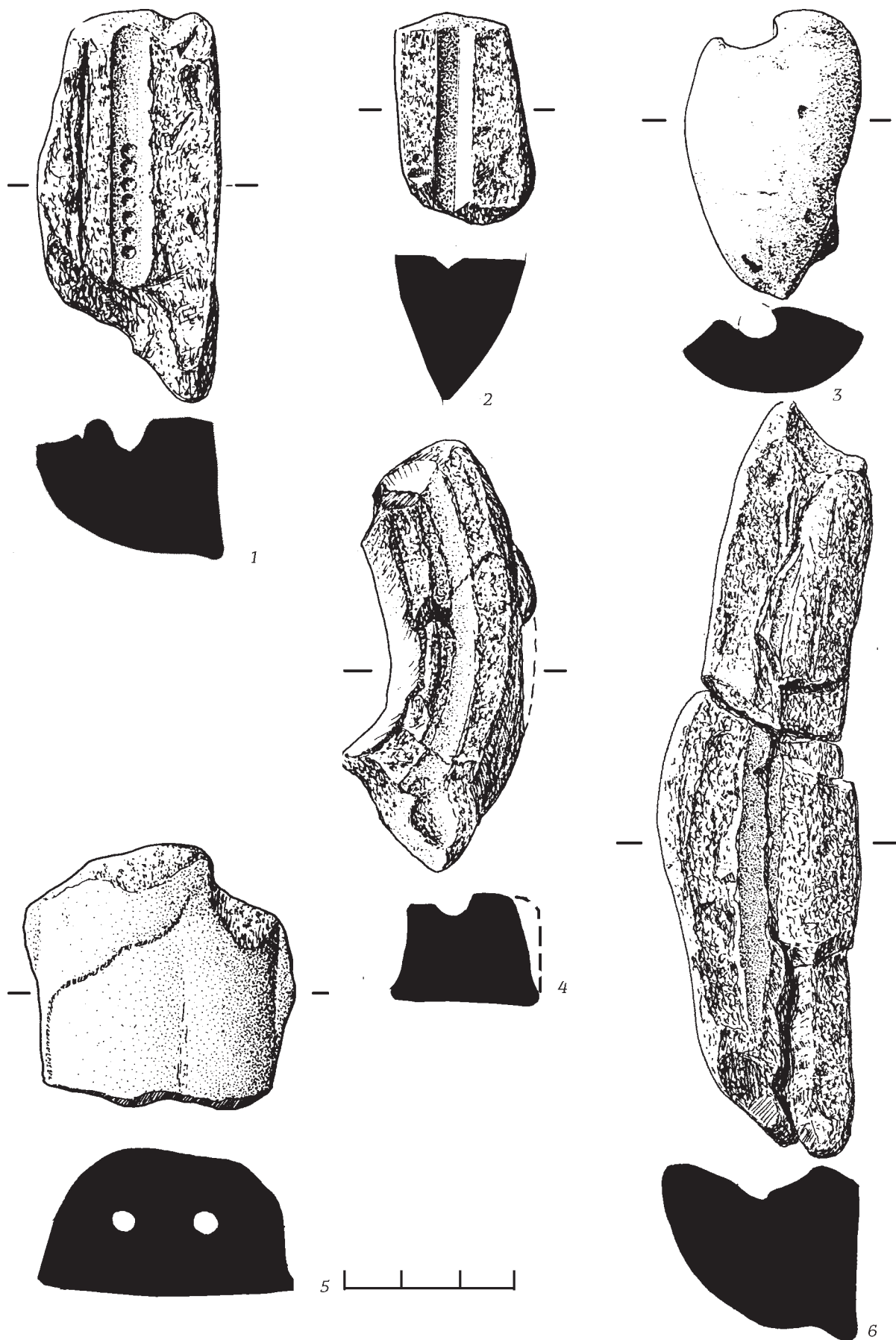

Рис. F13. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки многовитковых браслетов
Fig. F13. Bolshoi Gorodok, fragments of clay casting moulds for multispiral bracelets
 1 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована; 2 – раскоп IX, культурный слой; 3 – раскоп III, яма № 9; 4, 6 – раскопы I–II, культурный слой; 5 – жилище № 9, «золистое» заполнение котлована

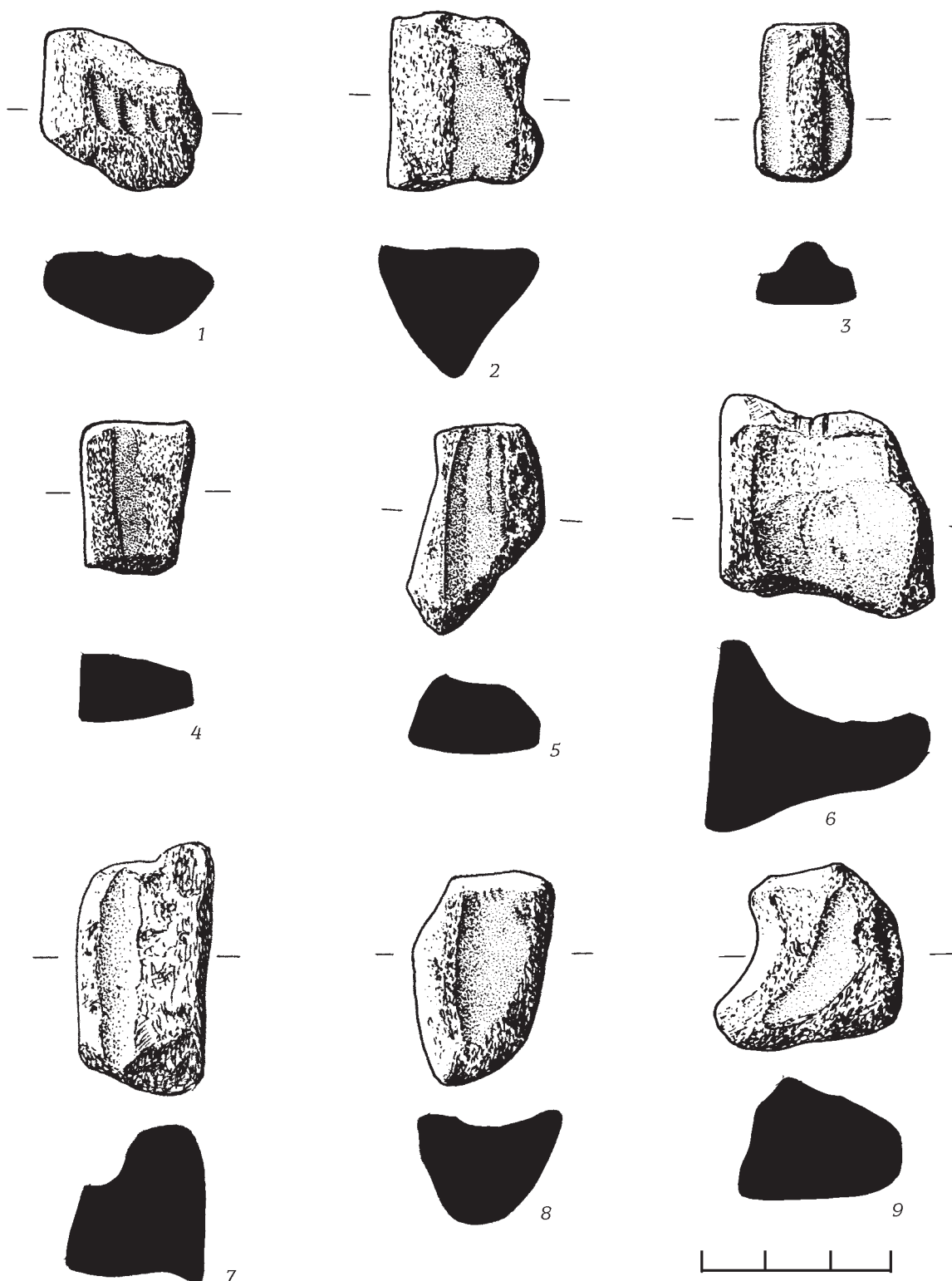

Рис. F14. Большой Городок, фрагменты глиняных литейных форм для отливки многовитковых браслетов
Fig. F14. Bolshoi Gorodok, fragments of the clay casting moulds for multispiral bracelets
 1–6, 8, 9 – жилище № 9, заполнение котлована; 7 – жилище № 1, «золистое» заполнение котлована

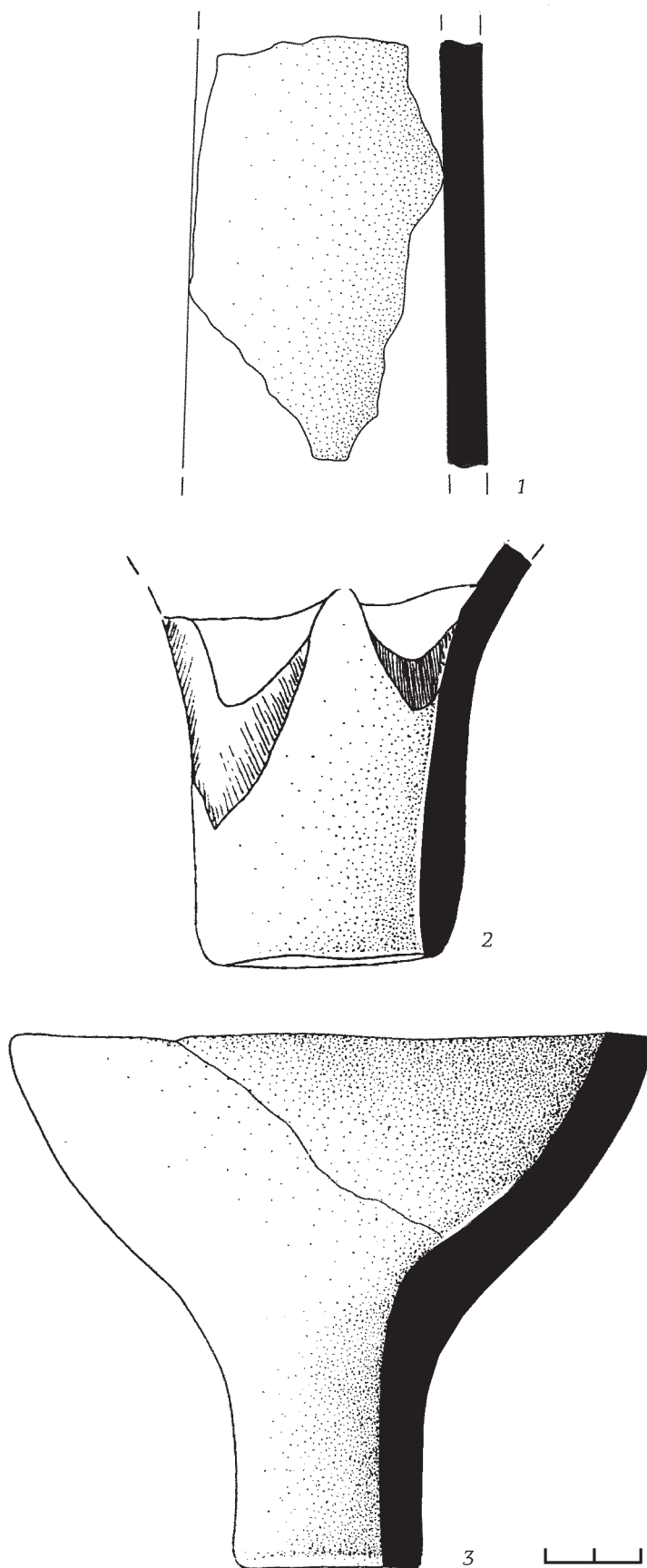

Рис. F15. Большой Городок, глиняные воронки

Fig. F15. Bolshoi Gorodok, clay funnels

1 – раскоп IX, яма № 12; 2, 3 – раскопы I–II и III, культурный слой

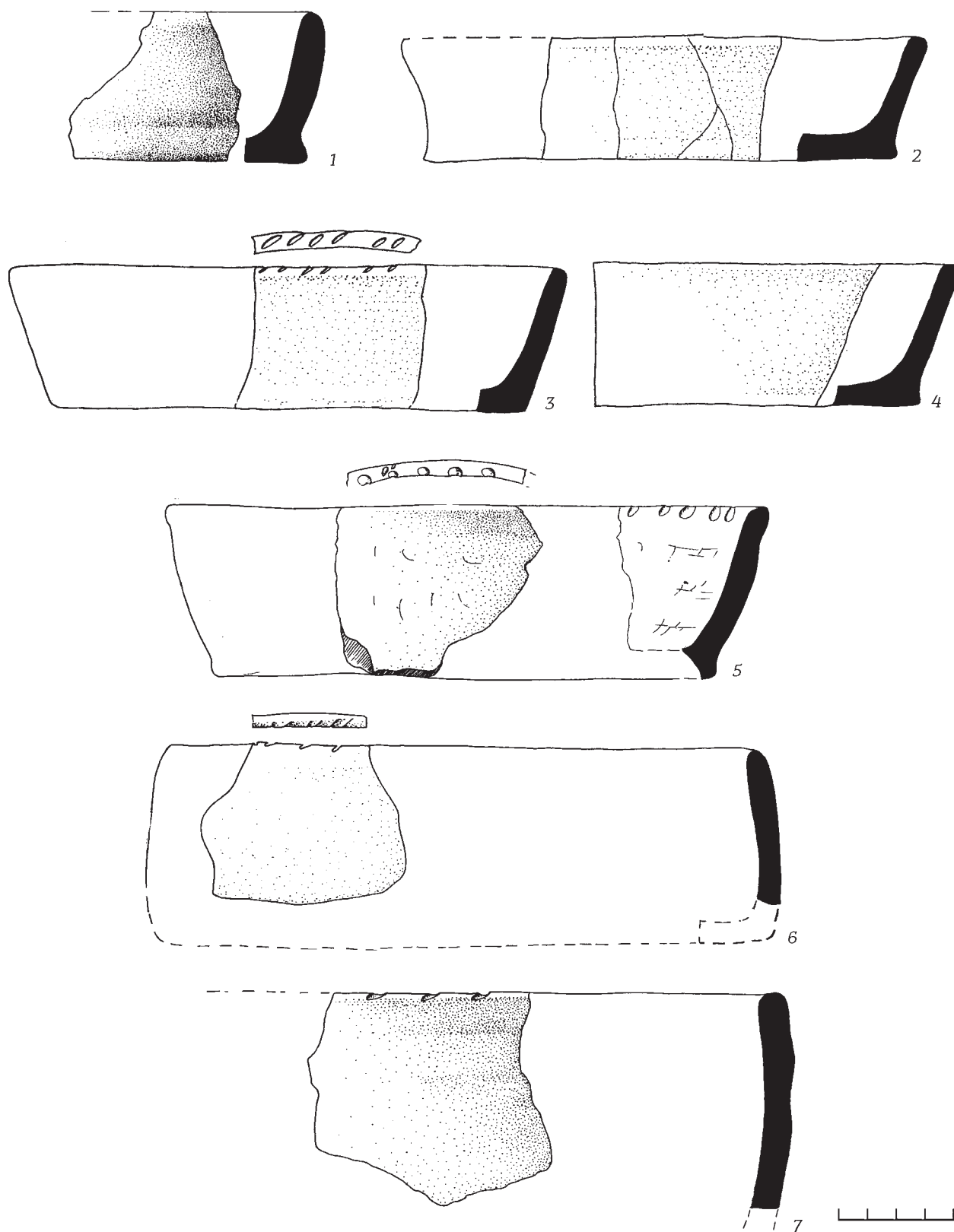

Рис. F16. Большой Городок, глиняные сковороды

Fig. F16. Bolshoi Gorodok, clay pans

1, 3, 5 – раскоп III, культурный слой; 2, 4, 6 – жилище № 4, пол; 7 – жилище № 2

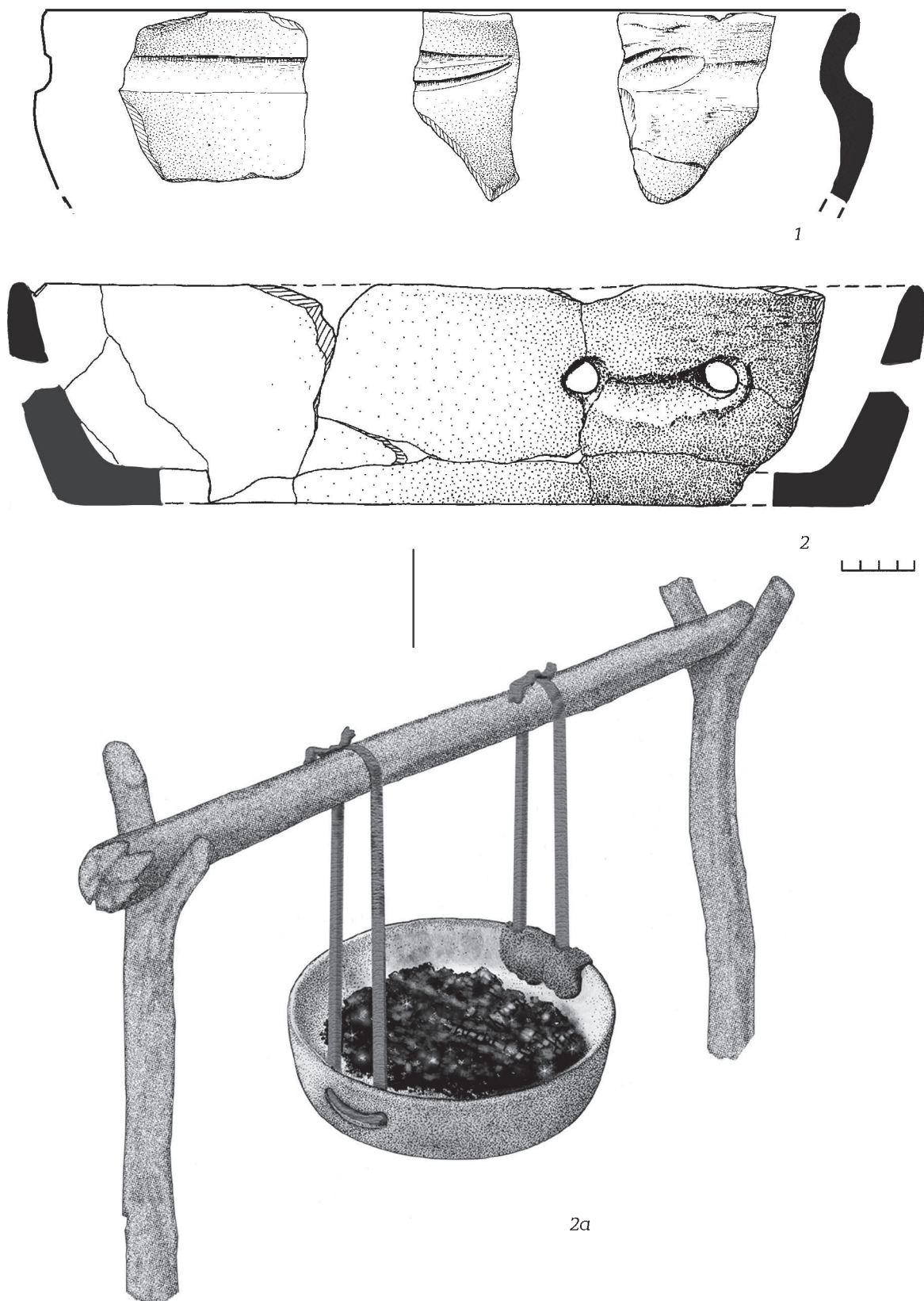

Рис. F17. Большой Городок, фрагменты подвесных / переносных глиняных жаровен

Fig. F17. Bolshoi Gorodok, fragments of hanging / portable brazier

1 – жилище № 11, пол; 2 – жилище № 10; 2а – реконструкция использования подвесной / переносной жаровни

Н. МЕЛКИЕ ИЗДЕЛИЯ

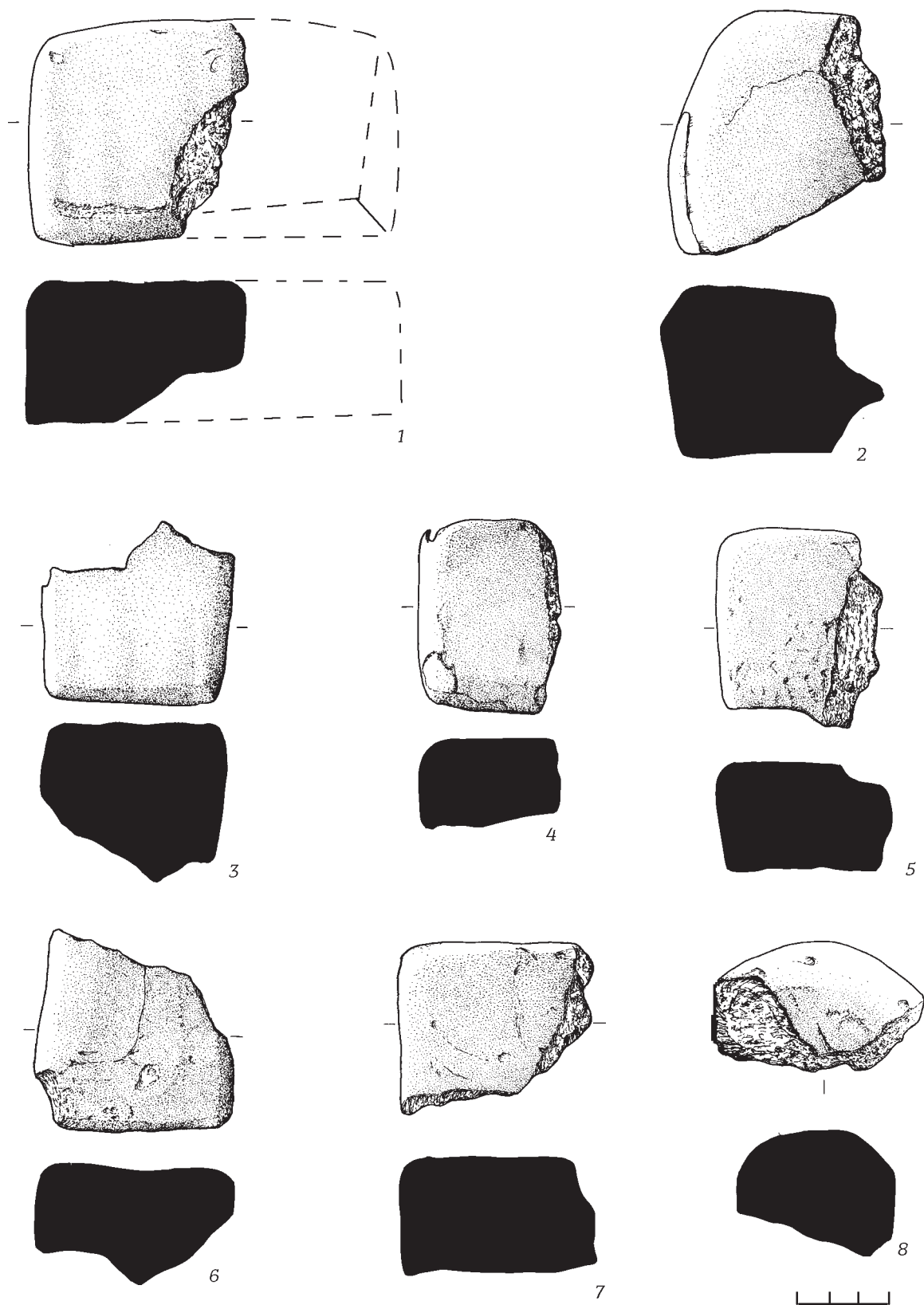

Рис. Н1. Большой Городок, фрагменты глиняных «кирпичиков» из культурного слоя раскопа IX

Fig. H1. Bolshoi Gorodok, trench IX. Fragments of the clay «bricks» from cultural layer

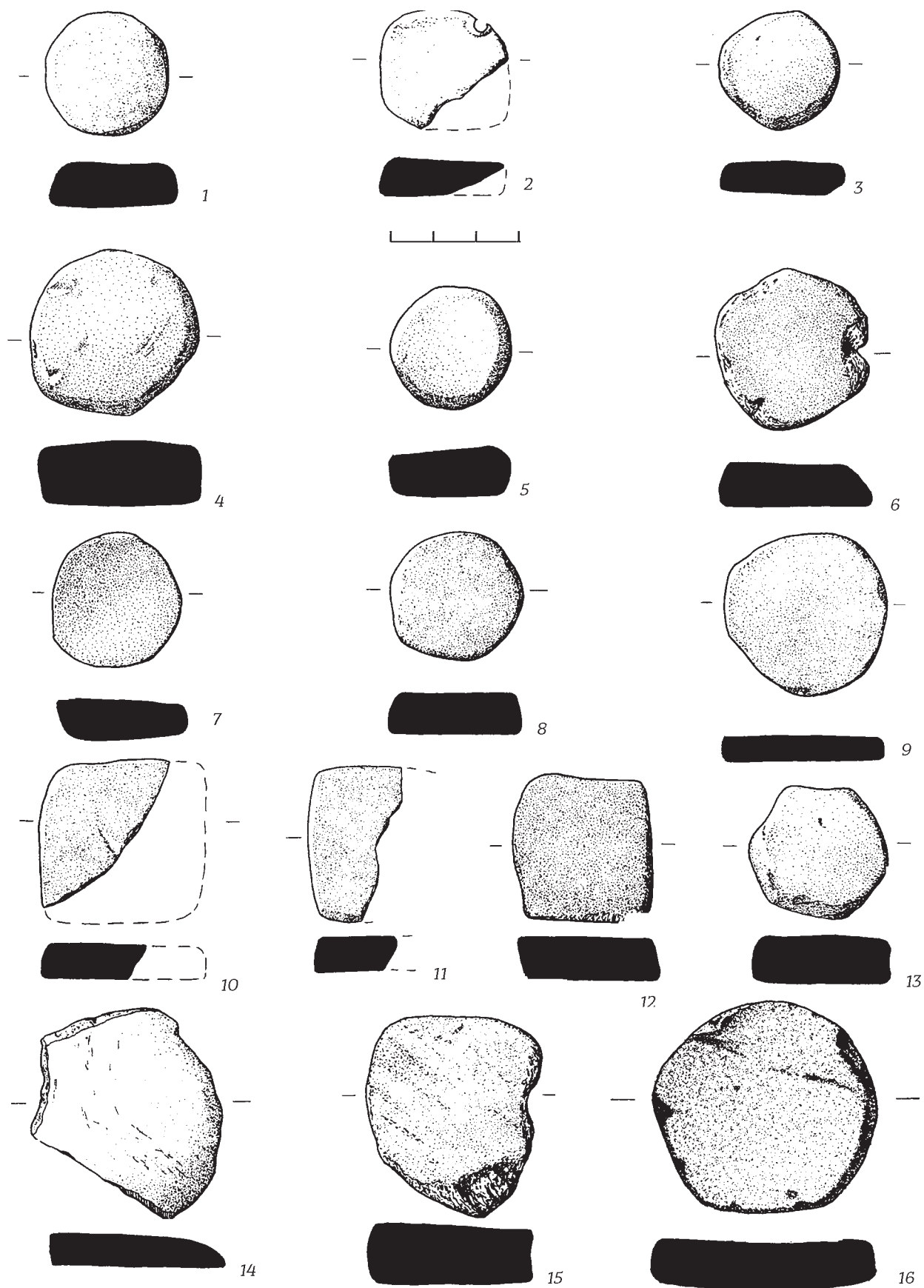

Рис. Н2. Большой Городок и Малый Городок. Глиняные диски из стенок сосудов

Fig. Н2. Bolshoi Gorodok and Malyi Gorodok, clay disk from bits of vessels

1, 2, 6–12 – раскоп IX, культурный слой; 3, 5 – раскоп III, культурный слой; 4 – раскоп III, яма № 27; 13, 16 – культурный слой над заполнением котлована жилища № 6; 14 – ядро вала Малого Городка; 15 – жилище № 9, пол

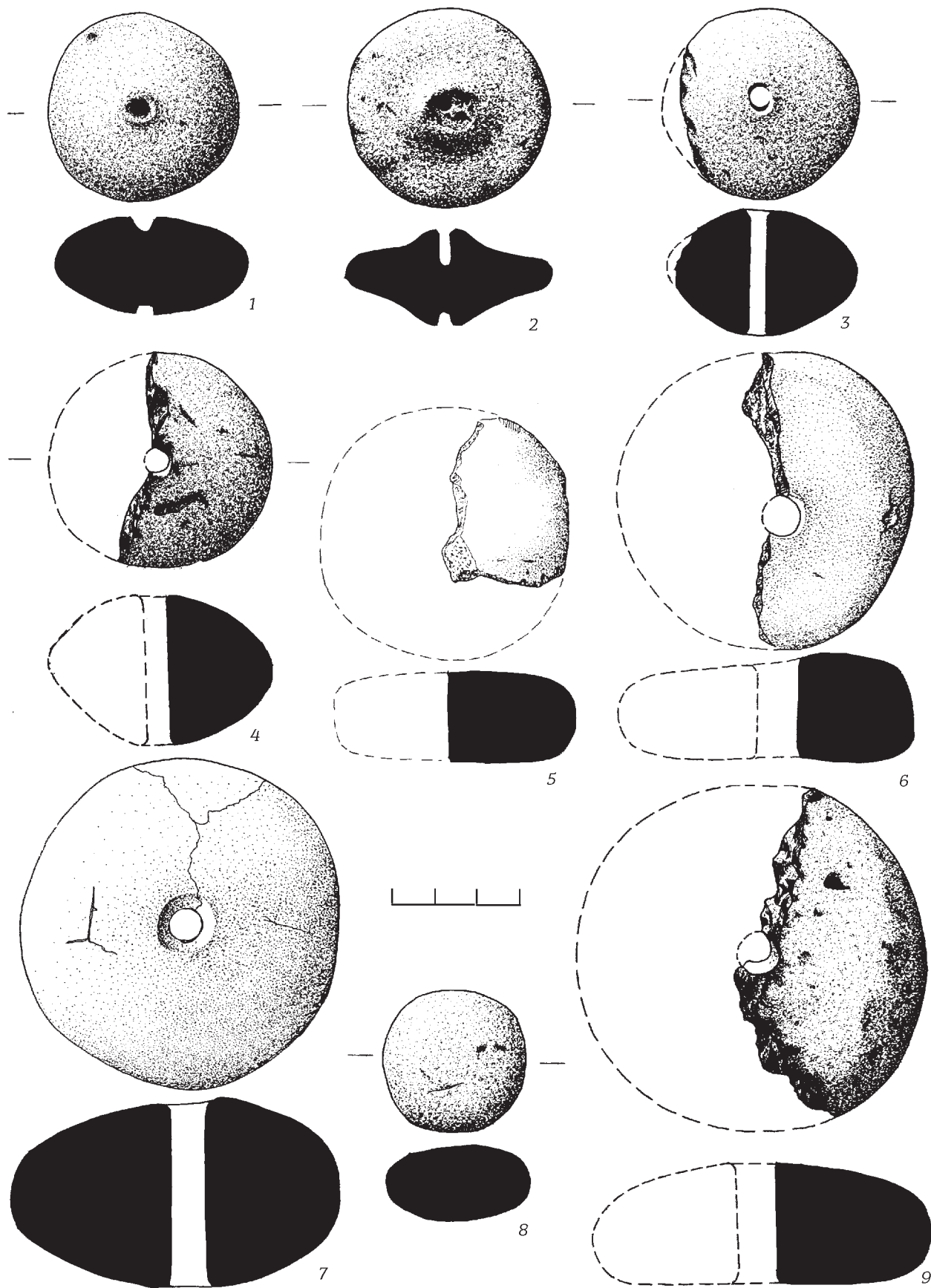

Рис. Н3. Большой Городок, глиняные пряслица (1–7, 9) и шаровидное изделие (8)

Fig. Н3. Bolshoi Gorodok, clay spindle whorls (1–7, 9) and globe-shaped item (8)

1 – раскоп II, очаг № 3; 2 – раскоп III, яма № 25; 3, 4, 8, 9 – раскоп III, культурный слой; 5 – жилище № 4, пол; 6 – «жилище» № 3, заполнение котлована; 7 – жилище № 2, пол

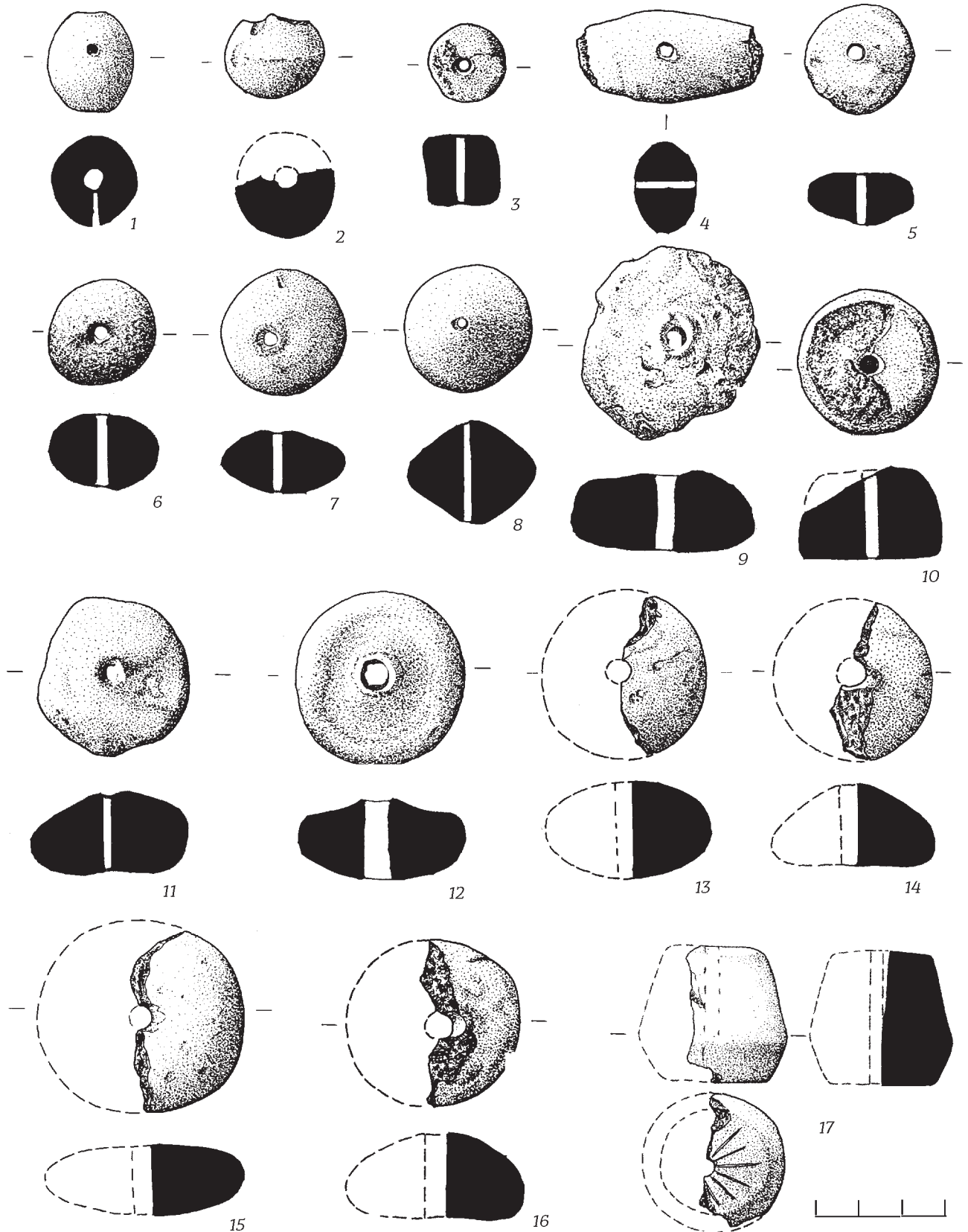

Рис. Н4. Большой Городок, глиняные бочонковидное и цилиндрическое изделия (1, 3), пряслица (2, 5–17), модель глиняного топорика (?) (4)

Fig. Н4. Bolshoi Gorodok, clay dolioform and cylindrical items, spindle whorls (2, 5–17), model of clay axe (?) (4)

1, 3 – жилище № 5, «золистое» заполнение котлована; 2, 11, 14, 16 – раскоп IV, культурный слой; 4 – раскопы I–II, культурный слой; 5 – жилище № 6, «золистое» заполнение котлована; 6 – раскоп IX, яма № 12; 7, 9, 12 – раскоп III, культурный слой; 8, 15 – жилище № 10, «золистое» заполнение котлована; 10 – место находки неизвестно; 13 – жилище № 4, пол; 17 – раскоп IX, культурный слой

РИСУНКИ

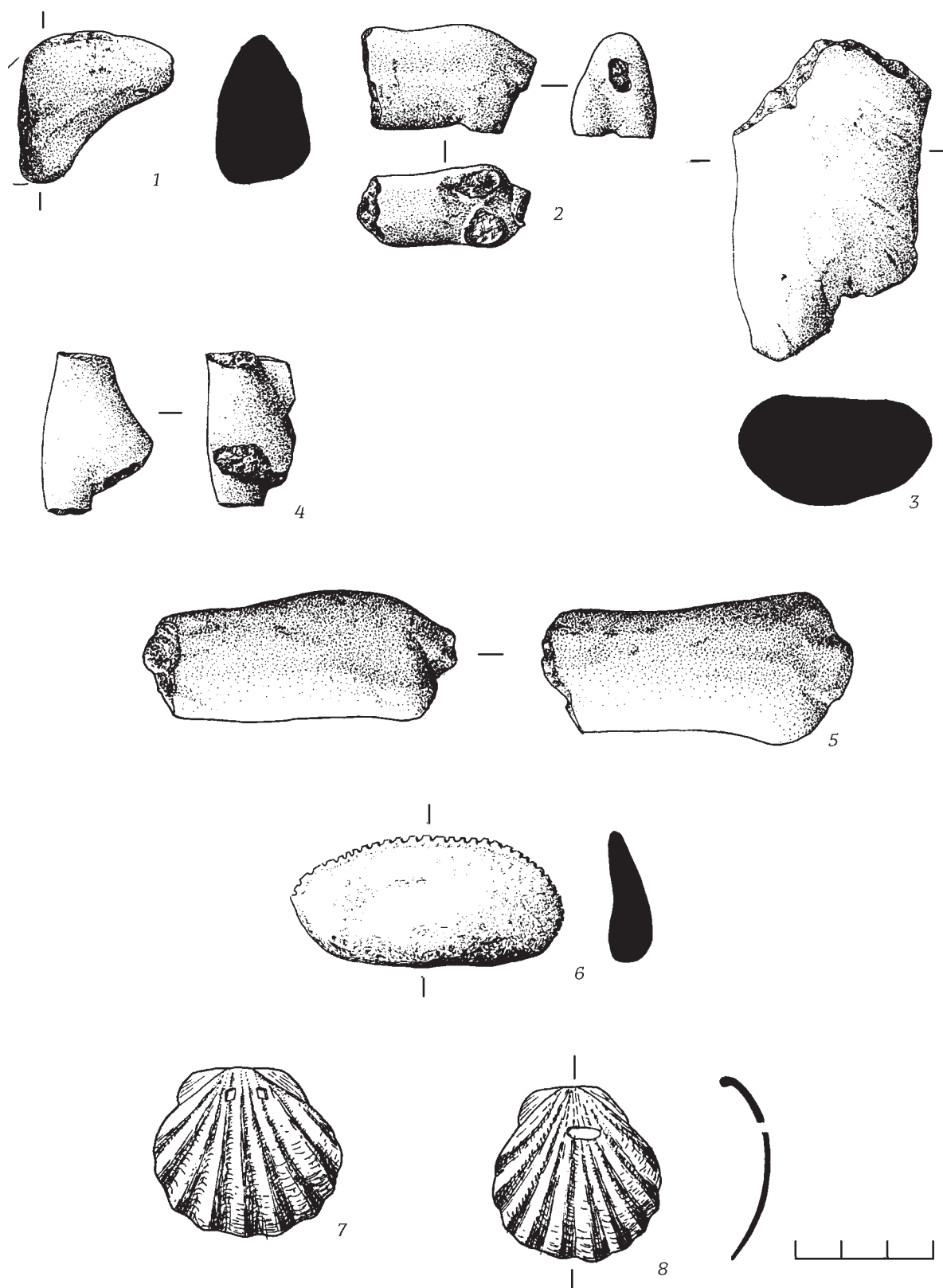

Рис. Н5. Большой Городок, фрагменты глиняных фигурок (1–5), глиняный штамп для нанесения орнамента (6), раковины (7–8)

Fig. H5. Bolshoi Gorodok, fragments of clay figurines (1–5), spindle whorls (1–7, 9) and globe-shaped item (8), stamp for ornamentation (6), shells (7–8)

1 – раскоп XII, культурный слой; 2 – жилище № 9, яма в полу; 3 – жилище № 2, «золистое» заполнение котлована; 4 – раскоп III, культурный слой; 5 – заполнение жилища № 8; 6 – «золистое» заполнение жилища № 4; 7, 8 – жилище № 4, пол

ТАБЛИЦЫ

К. СВОДНЫЕ ДАННЫЕ ПО КАТЕГОРИЯМ СОСУДОВ

Таблица К1. Сводная характеристика сосудов категории «горшки»
Table K1. Summary table of vessels of category «pots»

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект
Домохозяйство № 1																		
В1, 5	—	—	—	—	л/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Очаг № 1/1
В1, 8	—	Х—35,7614	А	тара	в/2	—	—	—	—	32,5	40,5	12,5	—	0,3086 (I)	—	—	—	»
В1, 9	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/3—л/4—в/2	—	3,3	—	14,4	12,4	—	—	—	—	—	—	—	»
В1, 10	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/4	—	2,7	—	17,0	16,1	—	—	—	—	—	—	—	»
В2, 4	—	—	Е3-3	порционные 2	л/1	—	2,0	6,7	11,1	9,8	10,5	—	—	1,0571 (III)	—	—	—	»
В2, 5	—	—	Е3-3	порционные 2	пр/1	—	2,3	6,0	10,0	8,9	11,0	—	—	0,9091 (II)	—	—	—	»
В3, 1	—	—	Е1	кухонные 2	в/1	—	2,0	7,0	16,4	15,6	17,7	—	—	0,9266 (I)	—	—	—	Очаги 2/1, 3/II
В3, 2	—	—	—	—	л/2—л/4—в/2	—	6,3	12,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В3, 3	—	—	А	тара	л/4	—	5,0	—	34,0	31,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В3, 4	—	—	Д	кухонные 2	л/4	—	6,3	—	23,5	21,8	—	—	—	—	—	—	—	»
В3, 5	—	—	—	—	р/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В4, 6	—	—	Д	кухонные 2	л/4	—	3,5	12,5	21,7	19,5	22,5	—	—	0,9644 (II)	—	—	—	К. с. и я., р. I, II, VIII, IX
В5, 1	—	—	—	—	л/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В5, 3	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/4	—	2,8	—	14,0	12,3	—	—	—	—	—	—	—	»
В5, 4	—	—	Е1	кухонные 2	л/4	—	2,6	—	18,0	16,7	—	—	—	—	—	—	—	»
В5, 5	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/4—в/2	—	3,2	—	13,4	11,5	—	—	—	—	—	—	—	»
В5, 6	—	—	Д	кухонные 2	л/4	—	5,0	—	—	21,6	—	—	—	—	—	—	—	»
В5, 7	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/4	—	2,8	7,0	14,7	13,0	16,0	—	—	0,9188 (II)	—	—	—	»
В5, 8	—	—	Д	кухонные 2	в/2	—	3,6	—	21,7	18,6	—	—	—	—	—	—	—	»
В6, 9	—	—	Д	кухонные 2	л/4	—	2,2	—	—	22,3	—	—	—	—	—	—	—	»
В6, 10	—	—	Е1	кухонные 2	л/5	—	2,0	—	18,5	17,8	—	—	—	—	—	—	—	»
В7, 3	—	—	Д	кухонные 2	л/4	—	4,1	—	27,0	24,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В8, 1	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В8, 2	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/4—л/2	—	2,4	9,4	15,5	14,4	17,4	—	—	0,8908 (II)	—	—	—	»
В8, 3	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В8, 4	—	—	Д	кухонные 2	—	—	2,0	—	20,5	20,0	—	—	—	—	—	—	—	»

ТАБЛИЦЫ

Продолжение табл. К1

Рис.	Тип	Объем общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект	
Домохозяйство № 1																			
В8, 8	—	—	D	кухонные 2	л/4	—	2,8	—	26,0	24,9	—	—	—	—	—	—	—	»	
В9, 4	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	к/4—в/2	—	2,7	8,4	18,5	16,7	18,0	—	—	1,0278 (III)	—	—	—	»	
В9, 5	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	3,2	—	22,0	20,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 1	—	—	D	кухонные 2	л/2	—	2,5	—	20,0	19,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 2	—	—	E1	кухонные 2	—	—	2,0	—	18,0	18,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 3	—	—	D	кухонные 2	—	—	3,5	—	21,4	20,2	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 4	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	л/2—л/14	—	1,0	6,2	13,4	12,6	14,2	—	—	0,9437 (II)	—	—	—	»	
В10, 5	—	—	D	кухонные 2	л/2	—	3,5	—	26,0	24,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 6	—	—	E1	кухонные 2	л/4	—	3,5	—	17,0	16,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 7	—	—	A	тара	л/3—л/4	—	4,0	—	34,0	32,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 8	—	—	E1	кухонные 2	л/2	—	3,5	—	17,0	15,3	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 9	—	—	D	кухонные 2	л/4	—	3,0	—	22,7	21,2	—	—	—	—	—	—	—	»	
В10, 11	—	—	A	тара	в/16	—	5,0	—	34,0	31,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В21, 5	—	—	B	тара	—	—	3,5	—	28,0	26,5	—	—	—	—	—	—	—	»	
В21, 6	—	—	E3-4	порционные 1	—	—	—	—	—	—	10,3	7,0	—	—	—	—	—	»	
В23, 2	—	—	—	—	в/11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В24, 2	—	—	D	кухонные 2	л/11	—	2,0	5,5	17,5	16,8	19,0	—	—	0,9211 (II)	—	—	—	»	
В24, 3	—	—	E1	кухонные 2	л/4	—	4,0	8,8	17,0	15,0	16,2	—	—	1,0494 (III)	—	—	—	»	
В25, 1	—	—	D	кухонные 2	л/4	—	3,2	—	24,0	23,6	—	—	—	—	—	—	—	»	
В25, 2	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	—	—	3,5	7,7	16,0	14,0	15,5	—	—	1,0323 (III)	—	—	—	»	
В25, 3	—	—	A	тара	л/4	—	3,0	—	32,0	30,2	—	—	—	—	—	—	—	»	
В25, 8	—	—	—	—	л/3—л/4—в/2	—	27,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В26, 3	—	—	B, C	тара	л/3	—	3,5	—	27,0	25,5	—	—	—	—	—	—	—	»	
В26, 4	—	—	B	тара	л/4	—	5,5	—	30,0	28,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В27, 3	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	р/1	—	3,6	6,0	14,0	12,5	13,6	—	—	1,0294 (III)	—	—	—	»	
В27, 4	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	р/1—в/12	—	2,0	5,4	13,0	13,2	14,8	—	—	0,8784 (II)	—	—	—	»	
В27, 5	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	б/1	—	2,2	5,8	14,4	13,5	15,6	—	—	0,9231 (II)	—	—	—	»	
В27, 6	—	—	B	тара	л/4	—	5,0	—	30,0	29,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В27, 8	—	—	E3-3	порционные 2	—	—	2,2	4,0	12,0	11,4	12,0	—	—	1 (III)	—	—	—	»	
В27, 9	—	—	E1	кухонные 2	в/2	—	2,5	8,5	17,0	15,5	15,6	—	—	1,0897 (III)	—	—	—	»	
В28, 10	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	в/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я., р. XII	
В29, 7	Г7а	9,7913—6,8699	D	кухонные 2	л/4—в/2	30,0	5,4	11,4	27,0	25,0	27,0	10,4	0,9 (III)	1 (III)	0,18 (I)	0,3852 (II)	0,3800	»	
В30, 10	Г2а	12,6797—9,5139	C	тара	л/2—в/2	37,2	8,0	14,6	30,0	25,6	27,6	14,0	0,7419 (I)	1,087 (III)	0,2150 (II)	0,5072 (III)	0,4269	»	
В30, 11	Г2а	3,3977—2,4754	E1	кухонные 2	в/2	22,2	5,0	9,5	17,0	14,7	16,5	10,5	0,7432 (I)	1,0303 (III)	0,2252 (II)	0,6364 (III)	0,4222	»	
В32, 7	Г4а	1,8587—1,4208	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	л/2—в/2	17,0	3,0	7,4	14,0	12,8	14,0	8,0	0,8235 (II)	1 (III)	0,1765 (I)	0,5714 (III)	0,4353	»	

К. Сводные данные по категориям сосудов

В32, 12																								»
В32, 13																								»
В32, 14																								»
В34, 7	Г/1а																							»
В34, 8	Г/7			6,3593—5,3869																				»
В35, 5	Г/15			7,6336—6,2271																				»
В35, 11																								»
В12, 2																								Ж. 8
В12, 3																								»
В12, 4																								»
В12, 6																								»
В12, 7																								»
В12, 8																								»
В13, 4																								»
В13, 5																								»
В13, 10																								»
В14, 1																								»
В14, 2																								»
В14, 3																								»
В15, 5																								»
В15, 6																								Заполн. ж. 9
В16, 6																								»
В16, 7																								»
В17, 1																								»
В17, 2																								»
В17, 3																								»
В17, 9																								»
В17, 10																								»
В18, 1																								»
В18, 2																								»
В18, 3																								»
В18, 5																								»
В18, 7																								»
В19, 1, 4																								»
В20, 2																								»
В20, 5																								»
В20, 6																								»
В38, 1	Г/2			0,8037—0,5998																				Ж. 1
В38, 3				X—0,4240																				»
В38, 6	Г/10а			40,4704—35,3303																				»

Домохозяйство № 2

ТАБЛИЦЫ

Продолжение табл. К1

Рис.	Тип	Объем общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект
Домохозяйство № 2																		
В39, 5	—	—	Е3-3	порционные 2	н/11	—	3,2	6,9	12,0	11,0	13,0	—	—	0,9231 (II)	—	—	—	Запол. ж. 1
В39, 6	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	6,0	—	22,2	19,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В39, 7	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/6	—	1,5	—	15,0	14,5	—	—	—	—	—	—	—	»
В39, 9	—	—	Е3-3	порционные 2	—	—	2,7	5,4	11,2	10,7	12,5	—	—	0,896 (II)	—	—	—	»
В39, 10	—	—	Е3-4	порционные 1	—	—	1,5	5,0	9,0	8,0	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 2
В40, 1	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	в/1	—	—	—	—	14,5	15,5	—	—	—	—	—	—	»
В40, 2	—	—	—	—	в/1	—	4,1	7,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В40, 3	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	в/2	—	2,8	7,0	16,0	15,0	17,0	—	—	0,9412 (II)	—	—	—	»
В40, 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В40, 9	Г/10а	1,7970—1,5164	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	в/1	—	2,5	—	12,6	12,3	—	6,5	0,8861 (III)	0,9 (II)	0,1582 (I)	0,4643 (III)	0,3608	»
В40, 10	Г/12а	13,2055—11,6830	C	тара	В2	30,4	4,0	12,0	27,2	25,0	35,6	14,0	1,1711 (IV)	0,764 (I)	0,1315 (I)	0,3933 (II)	0,3947	»
В40, 11	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	в/1	—	3,2	8,3	16,0	15,7	20,0	—	—	0,8 (II)	—	—	—	»
В41, 1	—	—	B	тара	в/16	—	5,0	15,0	29,0	27,3	35,0	—	—	0,8286 (II)	—	—	—	»
В41, 5	—	—	—	—	л/3—л/4	—	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В41, 7	—	—	B	тара	—	—	3,8	—	26,0	26,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В41, 9	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	—	—	4,3	7,9	14,0	12,8	14,7	—	—	0,9524 (II)	—	—	—	»
В41, 11	—	—	E1	кухонные 2	—	—	1,6	7,6	17,4	15,8	19,0	—	—	0,9158 (II)	—	—	—	»
В43, 13	—	—	B	тара	л/4	—	2,6	—	30,0	29,0	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 2
В43, 7	—	—	—	—	л/11—н/13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В43, 14	—	—	D	кухонные 2	л/3—л/5	—	2,2	15,8	17,7	16,7	19,5	—	—	0,9077 (II)	—	—	—	»
В44, 2	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	в/2	—	3,6	6,6	16,0	14,2	15,6	—	—	1,0256 (III)	—	—	—	К. с. и я. у. ж. 2
В44, 6	—	—	E1	кухонные 2	пч/1	—	2,5	—	17,5	17,4	—	—	—	—	—	—	—	»
В44, 8	—	—	Е3-3	порционные 2	в/2	—	1,5	7,0	11,0	10,0	11,0	—	—	—	—	—	—	»
В44, 11	—	—	—	—	з/15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В44, 13	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	в/1	—	3,0	7,2	13,8	12,7	14,5	—	—	0,9517 (II)	—	—	—	»
В44, 14	Г/2а	5,5744—4,3740	D	кухонные 2	в/13	28,0	7,0	14,1	19,0	15,7	18,1	9,0	0,6464 (I)	1,0497 (III)	0,25 (II)	0,4972 (III)	0,5036	»
В45, 1	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/3	—	3,2	5,5	14,8	12,5	12,5	—	—	1,184 (IV)	—	—	—	»
В45, 5	—	—	—	—	л/4—в/2	—	6,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В45, 6	—	—	D	кухонные 2	—	—	2,8	9,1	21,5	20,6	26,2	—	—	0,8206 (II)	—	—	—	»
В45, 9	—	—	—	—	л/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Запол. «ж.» 3
В45, 10	Г/11	0,3781—0,2806	Е3-4	порционные 1	—	9,9	2,0	5,1	8,0	7,5	9,0	6,0	0,9091 (III)	0,8889 (II)	0,2020 (II)	0,6667 (III)	0,5152	К. с. и я. у
В46, 2	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/2	—	2,4	7,4	12,7	12,2	15,2	—	—	0,8355 (II)	—	—	—	«ж.» 3
В46, 3	—	—	Е3-3	порционные 2	л/3	—	1,2	4,8	11,2	10,6	11,7	—	—	0,9573 (II)	—	—	—	»
В46, 4	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	—	—	2,3	—	14,2	13,3	—	—	—	—	—	—	—	»

ТАБЛИЦЫ

Продолжение табл. К1

Рис.	Тип	Объем общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект
Домохозяйство № 2																		
В63, 3	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	—	12,6	3,0	8,6	12,8	11,8	13,0	—	—	0,9615 (II)	—	—	—	Клад 2
В63, 4	Г/10	0,8232—0,6834	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	—	—	1,6	6,3	11,0	10,5	11,2	6,7	0,8889 (III)	0,9821 (II)	0,127 (I)	0,5982 (III)	0,5000	Клад 3
В63, 5	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/3	—	2,2	5,7	13,4	13,0	14,4	—	—	0,9306 (II)	—	—	—	»
В47, 1	—	—	—	—	в/2	—	3,8	7,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я.
В47, 2	—	—	Е1, Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1—2	з/2	—	3,0	5,5	16,0	15,5	16,0	—	—	1 (III)	—	—	—	»
В47, 3	—	—	—	—	л/6	—	—	—	—	—	12,6	6,5	—	—	—	—	—	»
В47, 5	—	—	D	кухонные 2	т/15	—	4,8	10,5	24,0	21,7	23,0	—	—	1,0435 (III)	—	—	—	»
В47, 6	—	—	—	—	р/1	—	3,0	—	13,5	12,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В47, 9	Г/6	0,5417—0,3603	Е3-4	порционные 1	—	12,0	2,4	5,6	11,2	10,0	10,0	6,5	0,8333 (II)	1,12 (IV)	0,2 (II)	0,65 (III)	0,4667	»
В47, 10	—	—	—	—	л/4—в/2	—	3,4	11,5	19,0	17,2	21,6	—	—	0,8796 (II)	—	—	—	»
В48, 8	—	—	—	—	л/2	—	2,0	—	14,0	13,1	—	—	—	—	—	—	—	»
В48, 10	Г/1	0,4430—0,3371	Е3-4	порционные 1	л/3	12,4	2,3	4,6	9,0	8,6	9,0	5,5	0,7258 (I)	1 (III)	0,1855 (I)	0,6111 (III)	0,3710	»
В48, 11	—	—	—	—	л/12—р/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В49, 2	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В49, 5	—	—	Е3-3	порционные 2	—	—	3,2	5,4	10,0	9,8	10,5	—	—	0,9524 (II)	—	—	—	»
В49, 6	—	—	—	—	в/11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В49, 7	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В49, 8	—	—	Е1	кухонные 2	л/4—в/2	—	3,9	12,0	18,0	15,6	19,0	—	—	0,9474 (II)	—	—	—	»
В49, 9	—	—	В	Тара	—	—	2,5	—	29,0	26,5	—	—	—	—	—	—	—	»
В50, 4	—	—	Е1, Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1—2	л/4—в/2	—	2,4	8,5	16,0	15,0	19,0	—	—	0,8421 (II)	—	—	—	»
В50, 6	—	—	D	кухонные 2	в/16	—	5,0	10,3	22,0	22,0	25,5	—	—	0,8627 (II)	—	—	—	»
В51, 1	Г/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В51, 2	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/4—в/2	—	2,3	—	16,0	14,2	—	—	—	—	—	—	—	»
В51, 5	—	—	—	—	л/12—р/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В51, 6	—	—	—	—	л/4—в/2	—	3,4	5,6	14,0	12,5	13,6	—	—	1,0294 (III)	—	—	—	»
В51, 9	Г/13	0,7435—0,6222	Е3-3	порционные 2	—	11,0	1,6	4,3	11,0	10,2	12,0	6,0	1,0909 (IV)	0,9167 (II)	0,1455 (I)	0,5 (III)	0,3909	»
В52, 2	—	—	—	—	л/4	—	—	—	34,0	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В52, 5	—	—	Е2, Е3-1, Е3-2	кухонные 1	л/2	—	3,0	9,0	15,2	12,9	15,2	—	—	1 (III)	—	—	—	»
В52, 6	—	—	D	кухонные 2	з/15	—	3,0	8,5	25,0	24,0	25,8	—	—	0,969 (II)	—	—	—	»
В53, 1	—	—	—	—	в/14	—	2,6	—	14,7	13,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В53, 2	—	—	—	—	в/1—н/8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В53, 3	—	—	—	—	в/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В53, 4	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	1,6	7,8	22,0	21,2	23,0	—	—	0,9565 (II)	—	—	—	»
В53, 5	—	—	A	Тара	в/13	—	5,5	21,5	48,0	47,0	63,5	—	—	0,7559 (I)	—	—	—	»
В53, 6	Г/4а	4,6763—3,9930	D	кухонные 2	л/4—в/2	23,6	2,7	11,4	18,4	16,8	19,5	8,5	0,8263 (II)	0,9436 (II)	0,1144 (I)	0,4359 (III)	0,4831	»

К. Сводные данные по категориям сосудов

B53, 8	—	—	—	—	2,8	10,0	20,5	19,5	24,3	—	—	0,8436 (II)	—	—	»	
B53, 9	Г/11	0,9183—0,7006	D	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	0,9921 (II)	0,2177 (II)	0,5906 (III)	0,3790	»
B54, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B55, 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B55, 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B55, 4	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	—	—	—	—	—	—	—	0,9441 (II)	—	—	—	»
B55, 5	—	—	D	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B55, 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B55, 8	—	—	E3-3	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B55, 10	—	—	E1, E2, E3-1, E3-2	кухонные 1—2	—	—	—	—	—	—	—	1 (III)	—	—	—	»
Домохозяйство № 5																
B64, 1	Г/10	0,6464—0,5578	E3-3	порционные 2	н/5	11,5	1,7	5,2	10,0	9,0	11,2	0,8929 (II)	0,1478 (I)	0,4643 (III)	0,4522	Ж. 10
B64, 2	—	X—0,1294	E3-5	порционные 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B64, 4	Г/10	2,9708—2,4295	E1	кухонные 2	—	18,5	3,0	7,3	18,0	16,5	18,5	0,9729 (II)	0,1621 (I)	0,4865 (III)	0,3946	»
B64, 5	—	X—4,1628	D	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,45 (III)	—	»
B64, 10	Г/9а	15,9317—14,7953	B	тара	в/13	31,0	4,6	11,5	28,5	26,0	31,5	0,9048 (II)	0,1483 (I)	0,3175 (I)	0,3710	»
B64, 11	—	—	A	тара	в/2	—	4,0	14,5	32,0	31,5	42,0	0,7619 (I)	—	—	—	»
B65, 4	—	—	E1, E2, E3-1, E3-2	кухонные 1—2	н/7	—	2,5	7,1	16,0	15,2	18,5	0,8649 (II)	—	—	—	Ж. 10, низ
B65, 5	—	—	E1	кухонные 2	в/8	—	3,5	7,7	17,5	15,6	17,2	1,0174 (III)	—	—	—	»
B65, 6	—	—	D	кухонные 2	в/1	—	4,7	—	25,0	22,2	—	—	—	—	—	»
B65, 7	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	2,3	—	20,0	19,6	—	—	—	—	—	»
B65, 8	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	2,0	—	20,0	19,0	—	—	—	—	—	»
B65, 9	—	—	D	кухонные 2	л/4—в/2	—	4,5	—	24,0	21,4	—	—	—	—	—	»
B65, 10	—	—	D	кухонные 2	л/2	—	2,8	—	19,8	19,2	—	—	—	—	—	»
B66, 1	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	л/4—л/2	—	2,5	—	13,5	12,2	—	—	—	—	—	»
B66, 2	—	—	D	кухонные 2	л/4	—	2,0	—	20,0	19,0	—	—	—	—	—	»
B66, 3	—	—	D, E1	кухонные 2	л/4	—	4,2	—	18,5	17,6	—	—	—	—	—	»
B66, 4	—	—	D	кухонные 2	л/2—л/4	—	3,8	—	26,0	24,6	—	—	—	—	—	»
B66, 5	—	—	D	кухонные 2	л/4	—	3,2	—	24,5	23,8	—	—	—	—	—	»
B67, 1	—	—	E3-3	порционные 2	в/2	—	1,7	6,7	10,5	10,0	11,0	0,9545 (II)	—	—	—	»
B67, 2	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	в/2	—	2,7	—	14,0	14,0	—	—	—	—	—	»
B67, 3	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	в/13	—	4,5	—	13,6	13,4	—	—	—	—	—	»
B67, 4	—	—	D, E1	кухонные 2	в/2	—	2,3	6,1	18,5	17,4	19,0	0,9737 (II)	—	—	—	»
B67, 5	—	—	E1	кухонные 2	л/1	—	3,5	8,1	16,5	14,4	17,0	0,9706 (II)	—	—	—	»
B67, 6	—	—	D	кухонные 2	—	—	1,5	—	19,0	18,5	—	—	—	—	—	»
B67, 7	—	—	D	кухонные 2	л/3	—	3,6	—	25,5	24,0	—	—	—	—	—	»
B67, 8	—	—	E3-4	порционные 1	—	—	2,5	6,2	10,0	9,0	10,0	1 (III)	—	—	—	»
B67, 9	—	—	—	—	з/14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B68, 8	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	л/4	—	1,5	—	14,0	13,2	—	—	—	—	—	Ж. 10, верх
B68, 9	—	—	E3-3	порционные 2	—	—	1,4	—	11,6	11,2	—	—	—	—	—	»

ТАБЛИЦЫ

Продолжение табл. К1

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект
Домохозяйство № 5																		
В68, 11	—	—	D	кухонные 2	в/20	—	4,6	—	24,0	21,3	—	—	—	—	—	—	—	»
В69, 2	—	—	B	тара	л/15	—	2,7	—	27,0	26,0	—	—	—	—	—	—	—	»
В69, 7	—	—	E1, E2, E3-1, E3-2	кухонные 2	л/6	—	3,2	—	17,2	14,0	—	—	—	—	—	—	—	К. с.
Домохозяйство № 3																		
В70, 3	Г/10	4,9212—4,3163	D	кухонные 2	—	23,8	2,6	10,0	19,6	18,0	22,4	10,0	0,9412 (III)	0,875 II	0,1092 I	0,4464 II	0,4202	Ж. 5
В70, 4	Г/10	3,0240—2,5055	E1	кухонные 2	пч/1	18,0	2,5	6,6	15,4	15,0	17,0	8,0	0,9444 (III)	0,9059 (II)	0,1389 (I)	0,4706 (III)	0,3667	»
В70, 7	Г/1	2,6410—2,2678	E1 (E)	кухонные 2	пч/1	21,5	2,4	8,1	17,0	15,5	16,0	8,0	0,7442 (I)	1,0625 (III)	0,1116 (I)	0,5 (III)	0,3767	»
В70, 8	—	—	D	кухонные 2	в/8	—	3,6	12,3	20,0	18,0	21,8	—	—	0,9174 (II)	—	—	—	»
В71, 3	Г/7	0,2048—0,1758	E3-5	порционные 1	—	8,3	0,9	4,0	7,8	6,6	7,8	4,6	0,9398 (III)	1 (III)	0,1084 (I)	0,5897 (III)	0,4819	Запол. ж. 5
В71, 5	—	—	—	—	в/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В71, 6	—	—	—	—	в/8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В71, 7	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	в/2	—	1,5	6,0	15,5	14,5	17,5	—	—	0,8857 (II)	—	—	—	»
В71, 8	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	в/2	—	2,8	5,3	15,4	14,5	16,0	—	—	0,9625 (II)	—	—	—	»
В71, 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В71, 10	—	X—4,5162	D	кухонные 2	в/2	—	—	—	—	18,0	20,5	7,8	—	—	—	0,3804 II	—	»
В71, 11	—	—	—	—	л/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В72, 4	—	—	E1	кухонные 2	т/13	—	4,5	7,5	17,6	17,2	18,7	—	—	0,9412 (II)	—	—	—	Ж. 4 (4а), пол и я.
В72, 8	—	—	E1	кухонные 2	в/13	—	3,3	7,8	17,0	16,0	20,0	—	—	0,85 (II)	—	—	—	»
В72, 9	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	л/3	—	2,2	5,4	13,2	12,7	14,4	—	—	0,9167 (II)	—	—	—	»
В73, 2	—	—	E3-4	порционные 1	—	—	1,3	4,6	7,2	7,1	8,8	—	—	0,8181 (II)	—	—	—	»
В73, 5	—	—	—	—	в/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В73, 3	—	—	—	—	л/12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В73, 4	—	—	—	—	в/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В73, 10	—	—	E3-3	порционные 2	в/1	—	2,0	5,4	12,5	11,6	12,8	—	—	0,9766 (II)	—	—	—	»
В73, 12	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	—	—	3,0	6,3	14,2	12,7	14,2	—	—	1 (III)	—	—	—	»
В73, 13	—	—	D	кухонные 2	в/1	—	3,5	11,5	20,4	19,5	24,5	—	—	0,8327 (II)	—	—	—	»
В74, 1	—	—	E3-4	порционные 1	л/3—л/12	—	1,8	3,9	10,7	9,5	10,2	—	—	1,049 (III)	—	—	—	То же, низ
В74, 5	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	2,5	—	23,0	22,3	—	—	—	—	—	—	0,5071	То же, верх
В74, 9	—	—	—	кухонные 2	в/2	—	2,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В74, 15	—	—	—	—	в/21	—	1,5	7,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В74, 16	—	—	—	—	л/4—в/2	—	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В75, 7	Г/4	20,4702—17,9603	B	тара	л/4	42,6	4,8	11,2	30,0	30,0	33,0	12,0	0,7746 (II)	0,9091 (II)	0,1126 (I)	0,3636 (II)	0,2629	»
В75, 8	—	—	D	кухонные 2	л/4	—	3,2	—	21,0	20,3	—	—	—	—	—	—	—	»
В76, 4	—	—	B, C	тара	в/2	—	3,7	—	27,0	25,5	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 4 (4б)

К. Сводные данные по категориям сосудов

В76, 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же, низ
В76, 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В76, 15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В76, 17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В77, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же, верх
В77, 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В78, 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К.с.уж. 4
В78, 11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В78, 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В78, 13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К.с.и.я.
В79, 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В79, 14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В80, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В80, 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В80, 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В80, 8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В80, 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В81, 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В81, 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В81, 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В81, 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В81, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В82, 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
																						Ж.11
В83, 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В83, 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В83, 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В83, 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В83, 6	Г/10а	1,8356—1,5362	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
																						»

Домохозяйство № 4

ТАБЛИЦЫ

Окончание табл. К1

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект	
Домохозяйство № 4																			
В84, 1	Г/10а	11,2465—9,5713	С	тара	в9	30,4	3,4	10,2	26,0	25,2	30,0	13,4	0,986 (III)	0,86667 (II)	0,1118 (I)	0,4467 (III)	0,3355	К. с. и.я.	
В84, 4	—	—	D	кухонные 2	л/11	—	1,8	5,3	20,0	20,0	21,4	—	—	0,9346 (II)	—	—	—	»	
В84, 8	Г/8	0,9670—0,7123	Е3-3	порционные 2	л/6—н/1	13,2	2,7	4,4	13,0	12,5	13,0	6,5	0,9848 (III)	1 (III)	0,2045 II	0,5 (III)	0,3333	»	
В85, 1	—	—	—	—	л/4	—	7,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В85, 4	—	—	D	кухонные 2	в/16	—	3,0	12,0	22,0	20,0	24,0	—	—	0,9167 (II)	—	—	—	»	
В85, 5	—	—	—	—	в/3—пч/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В85, 6	—	—	E1	кухонные 2	—	—	2,6	—	17,0	16,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В85, 7	—	—	—	—	в/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В85, 8	—	—	D	кухонные 2	в/2	—	2,3	—	18,5	17,4	—	—	—	—	—	—	—	»	
В85, 9	Г/3а	42,0791—35,3539	A	тара	л/4—в/2	43,5	6,5	20,5	32,5	29,0	36,0	11,0	0,8276 (II)	0,9028 (II)	0,1494 (I)	0,3056 (I)	0,4713	»	
В86, 1	Г/11	0,7009—0,5299	Е3-3	порционные 2	л/6	10,4	2,5	5,5	10,0	9,0	10,7	5,6	1,0288 (III)	0,9346 (II)	0,2404 (II)	0,5234 (III)	0,5288	»	
В86, 5	—	—	E1	кухонные 2	в/1	—	1,5	5,5	17,0	16,4	17,0	—	—	1 (III)	—	—	—	»	
В86, 6	—	—	D	—	т/13	—	1,8	—	26,0	25,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
Домохозяйство № 6																			
В87, 1	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В87, 2	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В87, 3	—	—	—	—	в/22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В87, 4	—	—	E2, E3-1, E3-2	кухонные 1	т/4	—	2,6	7,1	14,2	13,6	16,8	—	—	0,8452 (II)	—	—	—	»	
В87, 5	—	—	E1	кухонные 2	л/11	—	4,2	—	17,0	16,5	—	—	—	—	—	—	—	»	
В87, 6	—	—	D	кухонные 2	з/13	—	2,0	—	18,8	18,0	—	—	—	—	—	—	—	»	
В87, 7	—	—	—	—	в/3	—	3,2	7,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В87, 8	—	—	—	—	в/5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
Новый Городок																			
В88, 12	—	—	E3-3	порционные 2	—	—	1,6	3,6	9,6	9,5	10,2	—	—	0,9412 (II)	—	—	—	»	

Сокращения. здесь и далее: ж. — жилище; загол. — заполнение; к. с. — культурный слой; р. — раскол.

Таблица К2. Сводная характеристика сосудов категории «миски»
Table К2. Summary table of vessels of category «bowls»

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дв : Дб	Нб : Н	Нш : Н	Дд : Дб	Объект
B2, 7	M7	—	D-4	порционные 2	л/2	—	0,7	2,0	14,0	13,3	12,6	—	1,1111 (II)	—	—	—	Очаг 1/1
B2, 8	—	—	—	—	—	—	0,0	2,5	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B2, 9	—	0,8201	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	6,8	0,0	2,7	20,0	20,0	17,4	4,5	1,1494 (II)	0,0 (I)	—	0,2586 (II)	»
B2, 10	M7	—	B	кухонные 2	л/2	—	0,7	3,0	27,8	28,0	26,9	—	1,0335 (II)	—	—	—	»
B3, 6	M7	—	—	—	—	—	1,3	4,5	—	—	—	—	—	—	—	—	Очаги 2/1, 3/II
B4, 2	M4	1,0940	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	7,6	0,0	0,8	21,0	21,0	20,5	8,8	1,0244 (II)	0,0 (I)	—	0,4292 (III)	»
B2, 11	M/X.1	—	B	кухонные 2	к/4	—	0,0	0,5	24,5	24,5	25,5	—	0,9608 (I)	—	—	—	К с., я., р. I, II, VIII, IX
B2, 12	—	—	B	кухонные 2	—	—	0,0	1,3	24,0	24,0	24,0	—	1 (II)	—	—	—	»
B5, 9	M7	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	л/6	—	1,2	3,2	22,0	22,0	20,5	—	1,0732 (II)	—	—	—	»
B5, 10	M7	—	B	—	л/6	—	0,8	2,2	24,3	24,0	23,2	—	1,0474 (II)	—	—	—	»
B6, 11	—	—	—	—	—	—	0,0	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B7, 4	M3	1,4464	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	8,5	0,0	1,2	18,0	18,0	18,2	8,8	0,989 (I)	0,0 (I)	—	0,4835 (III)	»
B7, 5	—	—	C	—	—	—	0,0	1,1	22,0	22,0	22,5	—	0,9778 (I)	—	—	—	»
B7, 6	—	—	A	кухонные 2	л/6	—	0,0	0,0	26,2	26,2	26,2	—	1,0 (II)	—	—	—	»
B8, 5	—	—	A	кухонные 2	л/3—з/1	—	0,0	1,0	27,8	27,8	28,5	—	0,9754 (I)	—	—	—	»
B8, 10	—	—	—	—	н/6	—	0,0	2,4	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B11, 1	—	—	—	—	—	—	0,0	0,7	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B11, 2	—	—	A	кухонные 2	—	—	0,0	2,0	34,0	34,0	35,8	—	0,9497 (I)	—	—	—	»
B25, 5	M/X.1	—	—	—	л/6	—	0,0	1,4	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B25, 6	—	—	A, B	кухонные 2	—	—	0,0	1,0	29,0	29,0	30,0	—	0,9667 (I)	—	—	—	»
B27, 10	—	—	—	—	л/4	—	0,0	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B30, 6	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	1,7	17,0	17,0	18,0	—	0,9444 (I)	—	—	—	К с., я., р. XII
B30, 9	M1	7,3459	A	кухонные 2	—	13,0	0,0	3,0	29,0	29,0	26,0	9,0	1,1154 (II)	0 (I)	—	0,3462 (II)	»
B31, 6	M1	2,8668	B	кухонные 2	—	14,6	0,0	3,8	23,0	23,0	23,0	8,6	1 (II)	0 (I)	—	0,3691 (II)	»
B31, 7	M1	1,1784	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	8,9	0,0	3,7	17,5	17,5	17,7	8,4	0,988 (I)	0 (I)	—	0,4746 (III)	»
B31, 8	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	0,7	20,0	20,0	20,2	—	0,9901 (I)	—	—	—	»
B31, 9	M7	—	B	кухонные 2	л/6	—	0,7	1,7	25,0	25,0	24,5	—	1,0204 (II)	—	—	—	»
B33, 8	M2	0,4574	D-4	порционные 2	—	6,5	0,0	3,0	13,2	13,2	11,8	0,0	1,1186 (II)	0 (I)	—	0 (I)	»
B33, 10	M7	—	A	кухонные 2	—	—	0,6	3,0	33,0	33,0	32,0	—	1,0313 (II)	—	—	—	»
B36, 1	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	0,5	16,5	16,5	16,6	—	0,994 (I)	—	—	—	»
B36, 2	M7	—	—	—	—	—	0,3	1,3	19,2	19,1	19,0	—	1,0105 (II)	—	—	—	»
B36, 3	M5	1,9427	C	кухонные 1	—	8,8	0,0	2,8	24,0	24,0	23,2	14,9	1,03 (II)	0 (I)	—	0,64 (III)	»
B36, 4	—	—	B	кухонные 2	—	—	0,0	2,0	24,0	24,0	23,7	—	1,0127 (II)	—	—	—	»
B36, 5	—	—	B	кухонные 2	—	—	0,0	3,2	27,0	27,0	26,0	—	1,0385 (II)	—	—	—	»

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дв : Дб	Нб : Н	Нш : Н	Дд : Дб	Объект
Домохозяйство № 1																	
B16, 8	M/X.2	—	A	кухонные 1	—	0,0	0,0	18,0	18,0	—	—	—	—	0,0 (I)	—	—	Ж. 9
B14, 5	M7	2,6660	B	кухонные 2	л/6—н/11	9,0	1,0	3,0	25,5	25,0	23,6	8,0	1,0805 (II)	0,3333 (II)	0,1111 (II)	0,339 (II)	»
B14, 6	M7	—	B	кухонные 2	л/6	—	0,9	2,5	27,8	27,4	27,2	—	1,0221 (II)	—	—	—	»
B17, 4	—	—	—	—	—	—	0,0	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 9
B17, 5	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	2,4	19,7	19,3	18,0	—	1,0944 (II)	—	—	—	»
B17, 6	—	—	B	кухонные 2	—	—	0,0	1,2	25,5	25,7	25,7	—	0,9922 (I)	—	—	—	»
B17, 8	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	0,0	19,5	19,5	19,5	—	1 (II)	—	—	—	»
B19, 6	M/X.1	—	—	—	—	—	0,0	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B19, 7	M7	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,5	2,3	21,0	21,0	20,0	—	1,05 (II)	—	—	—	»
B19, 8	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	2,0	20,0	20,0	20,3	—	0,9852 (I)	—	—	—	»
B19, 9	—	—	A	кухонные 2	л/2	—	0,0	0,0	40,0	40,0	40,0	—	1 (II)	—	—	—	»
B22, 8	—	—	—	—	—	—	0,0	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B22, 9	—	—	—	—	—	—	0,0	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B22, 10	—	—	B	кухонные 2	—	—	0,0	1,2	27,0	27,0	27,5	—	0,9818 (I)	—	—	—	»
B22, 11	—	—	—	—	—	—	0,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B24, 7	—	—	B	кухонные 2	л/13	—	0,0	1,2	27,5	27,5	28	—	0,9821 (I)	—	—	—	»
Домохозяйство № 2																	
B39, 12	—	—	—	—	—	0,0	0,0	1	—	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 1
B39, 13	—	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	2,0	21,2	21,2	19,0	—	1,1158 (II)	—	—	—	»
B39, 14	M7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B42, 2	—	—	—	—	л/6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 2
B43, 9	M7	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,4	1,4	18,2	17,8	17,2	—	1,0581 (II)	—	—	—	Запол. ж. 2
B43, 10	M/X.1	—	—	—	к/5	—	0,0	1,6	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B43, 11	—	—	C	кухонные 1	—	—	0,0	3,0	22,0	23,0	22,0	—	—	—	—	—	»
B43, 12	M/X.1	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	л/2—з/9	—	0,0	1,3	19,0	19,0	20,0	—	0,95 (I)	—	—	—	»
B44, 9	M7	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	л/2	—	0,3	1,0	22,0	21,5	22,0	—	1 (II)	—	—	—	К. с., я. у ж. 2
B46, 11	M/X.1	—	—	—	к/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с., я. у ж. 3
B48, 5	M7	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,4	1,8	20,0	19,7	19,8	—	1,0101 (II)	—	—	—	К. с. и я.
B49, 1	M7	—	B	кухонные 2	—	—	0,5	1,9	24,0	24,3	24,3	—	0,9877 (I)	—	—	—	»
B50, 3	M/X.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B51, 4	M/X.1	—	D-1, D-2, D-3	кухонные 1	—	—	0,0	2,5	19,0	19,0	20,5	—	0,9268 (I)	—	—	—	»
B52, 7	M/X.1	—	C	кухонные 1	к/4	—	0,0	2,0	—	—	23,3	—	—	—	—	—	»
B52, 8	M/X.1	—	B	кухонные 2	л/6	—	0,0	1,5	26,0	26,0	27,0	—	0,963 (I)	—	—	—	»
B52, 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»

К. Сводные данные по категориям сосудов

B52, 10	M7	—	—	—	—	—	0,2	1,6	26,0	25,7	25,7	1,0117 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B52, 11	M/X.1	—	—	—	—	—	0,0	2,2	23,3	23,3	25,0	0,932 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B54, 1	M7	—	—	—	—	л/6	0,6	1,2	20,0	19,8	19,6	1,0204 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B54, 2	—	—	—	—	—	л/2-н/10	0,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
B54, 3	—	—	—	—	—	л/2	0,0	2,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
B60, 11	M7	—	—	—	—	—	0,3	1,3	26,0	26,0	26,2	0,9924 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B63, 12	—	—	—	—	—	—	0,0	2,0	21,0	21,0	20,7	1,0145 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B63, 13	M7	—	—	—	—	л/6	0,6	3,4	25,2	24,7	23,3	1,0815 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B60, 5	—	—	—	—	—	—	0,0	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. над ж. 6	
Домохозяйство № 5																						
B66, 6	—	—	—	—	—	л/16	0,0	0,0	19,0	19,0	19,0	1 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10, сере- дина
B66, 7	—	—	—	—	—	—	0,0	2,0	21,0	21,0	22,0	0,9545 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B66, 8	—	—	—	—	—	—	0,0	3,0	24,0	24,0	23,6	1,0169 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B66, 9	—	—	—	—	—	—	0,0	1,3	19,9	19,9	19,7	1,0102 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B66, 10	—	—	—	—	—	—	0,0	5,3	27,8	27,8	28	0,9929 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10, верх
B69, 3	M7	—	—	—	—	л/6	0,3	2,0	21	21,1	21,2	0,9906 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B69, 4	M/X.1	—	—	—	—	—	0,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
Домохозяйство № 3																						
B73, 7	M/X.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 4 (4а), пол и я.
B75, 18	M/X.1	—	—	—	—	к/4	0,0	1,0	24	24	25,5	0,9412 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же, верх
B75, 19	—	—	—	—	—	—	0,0	0,8	14,8	14,8	14,8	1 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B76, 18	—	—	—	—	—	—	0,0	4,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 4 (4б), низ
B77, 14	M/X.1	—	—	—	—	—	0,0	1,0	21,0	21,0	22,0	0,9545 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же, верх
B78, 5	M/X.1	—	—	—	—	к/5	0,0	1,4	18,0	18,0	19,0	0,9474 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. у ж. 4
B78, 6	—	1,0459	—	—	—	—	0,0	1,7	11,8	11,8	12,0	0,9833 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B79, 8	M/X.1	—	—	—	—	л/2	0,0	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я.
B80, 10	M3	—	—	—	—	—	6,2	0,0	1,0	14,0	14,7	0,9524 (I)	0 (I)	0,1613 I	—	—	—	—	—	—	—	»
B81, 10	M/X.1	—	—	—	—	к/5	0,0	1,5	22,0	22,0	23,5	0,9362 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B81, 11	—	—	—	—	—	н/15	0,0	3,0	18,2	18,2	17,4	1,046 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B81, 12	M7	—	—	—	—	—	0,6	1,9	28,0	28,0	28,0	1 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B81, 13	M/X.1	—	—	—	—	—	0,0	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B82, 14	—	—	—	—	—	л/2	0,0	2,0	18,8	18,8	18,3	1,0273 (II)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
Домохозяйство № 4																						
B83, 7	M6	—	—	—	—	—	8,4	0,0	2,0	30,2	30,0	1,0067 (II)	0 (I)	0,2381 (II)	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 11
B84, 7	—	—	—	—	—	—	0,0	1,4	23,0	23,0	24,0	0,9583 (I)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я.

Таблица К3. Сводная характеристика сосудов категории «кубки и кубковидные»

Table K3. Summary table of vessels of category «beakers and beaker-shaped»

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орна- мент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Нб : Н	Дд : Дб	Объект
Домохозяйство № 1																		
B4, 3	—	—	A	тара	пч/6	—	—	—	—	32,2	37,5	—	—	—	—	—	—	К. с. и я., р. I, II, VIII, IX
B7, 1	—	—	C	кухонные 2	—	—	4,0	—	16,0	13,3	—	—	—	—	—	—	—	»
B9, 9	—	—	—	—	о/6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B9, 10	—	—	—	—	б/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B11, 9	—	—	—	—	о/7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B21, 15	—	—	D-2, D-3	порционные 2	тч/1	—	—	—	—	—	10,5	—	—	—	—	—	—	»
B24, 1	—	—	A	тара	—	—	5,5	—	25,0	23,5	—	—	—	—	—	—	—	»
B24, 4	—	—	D-2, D-3	порционные 2	т/21	—	4,5	7,1	10,0	11,2	14,5	—	—	0,6897 (II)	—	—	—	»
B27, 1	—	—	—	—	т/6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B18, 4	—	—	D-1, C	кухонные 2	—	—	3,0	—	13,0	11,0	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 9
B18, 6	—	—	B	тара	—	—	3,5	—	18,0	16,5	—	—	—	—	—	—	—	»
B28, 5	—	—	C	кухонные 2	—	—	3,0	—	15,5	14,2	—	—	—	—	—	—	—	К. с., р. XII
B28, 6	—	—	D-1, C	кухонные 2	н/5	—	—	—	—	13,2	16,0	—	—	—	—	—	—	»
B29, 5	—	—	B	тара	—	—	3,7	—	20,0	18,0	—	—	—	—	—	—	—	»
B29, 6	—	—	C	кухонные 2	л/10	—	3,0	12,0	15,0	12,5	19,6	—	—	0,7653 (III)	—	—	—	»
B30, 7	—	—	—	—	з/5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B31, 5	—	—	A	тара	—	—	4,0	—	26,2	25,0	—	—	—	—	—	—	—	»
B35, 12	—	—	C	кухонные 2	—	—	4,2	—	15,0	15,0	—	—	—	—	—	—	—	»
B35, 14	—	—	—	—	—	—	—	—	6,0	—	—	—	—	—	—	—	—	»
Домохозяйство № 2																		
B38, 4	K/4	20,5189—18,9594	A	тара	—	35,0	6,5	18,0	20,0	23,0	36,5	12,5	1,0429 (II)	0,5479 (II)	0,1565 (I)	0,5143 (I)	0,3425 (I)	Ж. 1
B38, 5	K/5	—	D-2, D-3	порционные 2	т/7	11,7	1,4	6,6	9,0	8,2	12,7	5,0	1,085 (II)	0,7087 (II)	0,1429 (I)	0,5641 (I)	0,3937 (II)	»
B39, 1	K/X.1	—	D-1	кухонные 2	к/2- в/3	—	—	—	—	—	16,0	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 1
B39, 8	—	—	D-2, D-3	порционные 2	—	—	1,5	5,2	9,0	8,6	12,6	—	—	0,7143 (II)	—	—	—	»
B41, 10	—	—	—	—	з/11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 2
B41, 12	K/4	4,1712—3,7895	C	кухонные 2	н/5	21,0	3,0	11,0	15,0	15,0	22,0	8,2	1,0476 (II)	0,6818 (II)	0,1428 (I)	0,5238 (I)	0,3737 (I)	»
B42, 3	K/4	10,2624—9,2959	B	тара	т/9	25,5	3,0	14,8	20,0	18,0	28,0	9,2	1,098 (II)	0,7143 (II)	0,1724 (I)	0,5804 (I)	0,3286 (I)	»
B42, 4	K/4	2,3819—2,0165	D-1	кухонные 2	т/8	16,0	3,5	7,0	10,0	10,0	16,0	5,0	1 (II)	0,625 (II)	0,2187 (I)	0,4375 (I)	0,3125 (I)	»
B42, 5	K/4	10,2740—9,3607	B	тара	т/11	29,0	5,0	16,0	18,0	16,5	31,5	9,0	1,0862 (II)	0,5714 (II)	0,1857 (I)	0,5517 (I)	0,2857 (I)	»
B42, 6	—	—	—	—	л/17	—	5,5	9,9	10,0	11,0	17,0	—	—	0,5882 (II)	—	—	—	»
B42, 7	K/4	21,8631—20,0544	A	тара	—	38,0	5,4	18,4	20,0	20,4	36,4	13,2	0,9579 (II)	0,5495 (II)	0,1667 (I)	0,4842 (I)	0,3626 (I)	»
B43, 2	—	—	—	—	о/7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 2
B43, 3	—	—	D-2, D-3	порционные 2	о/2	—	—	—	—	—	12,0	—	—	—	—	—	—	»

К. Сводные данные по категориям сосудов

В43, 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В44, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К с. и.я. у.ж. 2	
В44, 10	—	—	—	Т/14	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В45, 8	К/1а	2,0783—1,6962	—	Т/3	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 3	
В47, 4	—	—	—	Т/6	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К с. и.я.	
В48, 7	—	—	—	л/9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В48, 9	—	—	—	—	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В51, 3	—	—	—	—	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В51, 7	—	—	—	л/20	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В, 51, 11	—	—	—	л/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В54, 13	—	—	—	н/1	кухонные 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В54, 14	—	—	—	н/1	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 6	
В56, 3	К/Х.2а	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В56, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В56, 6	К/4	4,0491—3,7903	—	н/14	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В56, 8	К/6	0,9968—0,6516	—	—	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В57, 2	К/6а	0,3917—0,3030	—	н/8	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 6	
В58, 8	—	—	—	к/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К с. и.я.	
В58, 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К с.	
В60, 8	—	—	—	з/7	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В63, 11	—	—	—	—	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
Домохозяйство № 5																								
В64, 6	К/3	0,7138—0,6553	—	н/5	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10
В64, 7	К/Х.2а	Х—0,3370	—	—	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В64, 8	К/4	0,7221—0,6052	—	т/5	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В65, 1	—	—	—	л/11	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10, низ	
В67, 10	—	—	—	—	кухонные 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10, середина	
В67, 11	К/5	0,9905—0,8849	—	—	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В69, 1	—	—	—	о/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10, верх	
Домохозяйство № 3																								
В70, 2	—	—	—	н/3	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 5
В70, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В70, 6	—	—	—	н/5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В70, 10	К/4	5,0835—4,8376	—	—	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В70, 11	—	—	—	з/4	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В72, 5	—	—	—	н/8	кухонные 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 4 (4а), пол и.я.	
В73, 8	—	—	—	л/8	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	
В75, 9	—	—	—	—	порционные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же, верх	
В75, 13	—	—	—	н/8	кухонные 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	

ТАБЛИЦЫ

Окончание табл. К3

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орна- мент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Нб : Н	Дд : Дб	Объект
B76, 1	—	—	—	—	о/б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 4 (4б)
B77, 12	К/2	0,9390—0,7814	D-2, D-3	порционные 2	т/17	15,3	3,8	10,2	10,0	8,5	14,0	8,8	0,915 (I)	0,7143 (II)	0,2483 (I)	0,6667 (II)	0,6286 (II)	То же, верх
B78, 7	—	—	—	—	к/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. у. ж. 4
B78, 10	—	—	В	тара	—	—	4,4	—	20,5	16,2	—	—	—	—	—	—	—	»
B79, 6	—	—	D-2, D-3	порционные 2	т/1	—	1,4	—	8,0	7,0	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и. я.
B80, 2	—	—	—	—	т/ч/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B80, 11	—	—	—	—	с/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B80, 12	—	—	С	кухонные 2	—	—	4,0	—	15,0	14,4	—	—	—	—	—	—	—	»
B80, 13	—	—	—	—	п/ч/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B81, 7	—	—	—	—	з/12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B82, 11	—	—	—	—	т/ч/5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B82, 15	—	—	А	тара	—	—	7,2	—	23,0	20,0	—	—	—	—	—	—	—	»
B84, 5	—	—	А	тара	—	—	3,4	—	31,0	29,0	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и. я.
B84, 6	—	—	D-2, D-3	порционные 2	—	—	1,5	—	10,0	9,3	—	—	—	—	—	—	—	»
B86, 7	—	X—0,4548	D-2, D-3	порционные 2	—	—	—	—	7,5	11,0	—	5,4	—	—	—	—	—	»
B86, 8	—	1,2140—1,0904	D-2, D-3	порционные 2	—	13,4	2,1	—	7,6	14,6	—	4,0	—	—	—	—	—	»
B86, 14	—	—	—	—	л/20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
B88, 9	—	—	В	тара	—	—	2,3	—	18,2	17,0	—	—	—	—	—	—	—	—
B88, 14	—	—	—	—	н/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Новый Городок

Таблица К4. Сводная характеристика сосудов категории «чашки»
Table К4. Summary table of vessels of category «cups»

Рис.	Тип	Объем, общий—рабочий	Группы объемов	Функциональные группы	Орнамент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Нб : Н	Объект
Домохозяйство № 1																		
В2, 6	—	—	В, С	кухонные 1	—	—	3,6	5,8	14,4	14,2	15,9	—	—	0,9057 (II)	—	—	—	Очаг 1/1
В10, 10	—	—	А	кухонные 2	—	—	1,0	3,2	19,7	19,5	21,2	—	—	0,9292 (II)	—	—	—	К. с. и я., р. I, II, VIII, IX
В27, 2	Чш/3	0,0864—0,0663	Г	дозовые	—	5,2	1,0	3,0	6,2	5,8	7,0	0,0	1,3462 (I)	0,8657 (II)	0,1923 (II)	0 (I)	0,5769	К. с. и я., р. XII
В28, 4	—	—	В, С	кухонные 1	—	—	1,2	2,2	17,0	16,7	17,4	—	—	0,977 (II)	—	—	—	
В28, 11	—	—	Д, Е	порционные 2	—	—	2,4	4,2	11,4	11,5	11,7	—	—	0,9744 (II)	—	—	—	
Домохозяйство № 2																		
В41, 8	—	—	Д, Е	порционные 2	—	—	1,7	3,9	14,0	13,3	13,3	—	—	1,0526 (III)	—	—	—	Ж. 2
В43, 4	—	—	Д, Е	порционные 2	н/1	—	2,0	4,0	11,0	11,1	12,5	—	—	0,88 (II)	—	—	—	Запол. ж. 2
В43, 5	Чш/5	1,5855—1,2072	ВС	кухонные 1	—	10,8	2,3	4,0	15,5	15,3	17,5	6,0	1,62 (II)	0,8857 (II)	0,213 (II)	0,3429 (II)	0,3704	»
В50, 1	—	—	А	кухонные 2	—	—	2,5	4,0	23,8	21,8	22,0	—	—	1,0818 (III)	—	—	—	К. с. и я.
В54, 4	—	—	Д, Е	порционные 2	—	—	1,3	2,3	11,0	10,5	11,3	—	—	0,97335 (II)	—	—	—	»
В57, 3	Чш/6	0,7547—0,5594	Д, Е	порционные 2	—	8,1	1,5	3,0	14,5	13,6	13,6	5,0	1,68 (II)	1,0662 (III)	0,1852 (II)	0,3676 (II)	0,3704	Ж. 6
В57, 4	—	—	А	кухонные 2	н/2	—	3,6	6,6	25,0	23,8	26,4	—	—	0,947 (II)	—	—	—	»
В60, 7	—	—	—	—	н/8	—	3,5	5,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я.
В63, 10	Чш/1	0,3836—0,3309	Д, Е	порционные 2	н/1	7,5	0,8	3,5	8,5	8,5	10,6	6,2	1,4133 (I)	0,8019 (I)	0,1067 (I)	0,5849 (III)	0,4667	»
Домохозяйство № 5																		
В67, 12	—	—	Д, Е	порционные 2	—	—	0,8	3,0	9,5	9,5	9,6	—	—	0,9896 (II)	—	—	—	Ж. 10, середина
В67, 13	Чш/2	0,2024—0,1743	Ф	порционные 1	—	5,9	0,9	3,3	8,0	7,5	8,2	5,5	1,39 (I)	0,9756 (II)	0,1525 (I)	0,6707 (III)	0,5593	»
В67, 14	Чш/6	0,0798—0,0504	Г	—	—	4,1	1,0	1,8	6,7	6,5	6,7	3,5	1,63 (II)	1 (I)	0,24 (II)	0,52 (III)	0,4400	»
В68, 3	—	—	Ф	порционные 1	—	—	0,6	1,6	7,2	7,2	8,0	—	—	0,9 (II)	—	—	—	Ж. 10, верх
Домохозяйство № 3																		
В70, 9	Чш/5	2,6358—2,3009	А	кухонные 2	—	10,8	1,2	3,2	19,0	18,0	19,8	10,2	1,83 (II)	0,9596 (II)	0,1111 (I)	0,5152 (II)	0,2963	Ж. 5
В73, 6	Чш/6	1,6796—1,2339	В, С	кухонные 1	з/8	10,0	1,9	3,3	18,7	18,0	18,6	7,6	1,86 (II)	1,0005 (III)	0,19 (II)	0,4086 (II)	0,3300	Ж. 4, пол и я.
В74, 8	—	—	В, С	кухонные 1	—	—	1,6	3,6	18,0	17,0	18,2	—	—	0,98 (II)	—	—	—	Ж. 4, низ
Домохозяйство № 4																		
В86, 2	Чш/4	0,2507—0,1594	Ф	порционные 1	—	6,2	1,5	2,8	9,5	8,4	8,6	5,3	1,39 I	1,1047 (III)	0,2419 (II)	0,6163 (III)	0,4516	К. с. и я.
В86, 9	—	—	—	—	л/19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с.
В86, 13	Чш/5	1,1413—0,9266	В, С	кухонные 1	—	10,0	1,5	4,2	13,7	13,5	15,5	6,0	1,55 II	0,8839 (II)	0,15 (I)	0,3871 (II)	0,4200	»

ТАБЛИЦЫ

Таблица К5. Сводная характеристика судов категории «черлаки»
Table K5. Summary table of vessels of category «scoops»

Рис.	Тип	Объем, об- щий—рабочий	Группы объемов	Функциональ- ные группы	Орна- мент	Н	Нш	Нб	Дв	Дош	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Нш : Н	Дд : Дб	Объект
Домохозяйство № 1																	
В8, 9	Ч/3	—	А	порционные 1	—	—	1,5	3,5	16,4	16,0	16,5	—	—	0,9939 (II)	—	—	К. с. и я., р. I, II, VIII, IX
В11, 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В22, 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Запол. ж. 9
В22, 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В22, 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В22, 4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В22, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В37, 15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я., р. XII
Домохозяйство № 2																	
В38, 2	Ч/3	0,5169—0,3791	А	порционные 1	—	8,0	2,0	5,2	10,5	9,8	10,0	5,0	1,25 (II)	1,05 (II)	0,25 (II)	0,5 (I)	Ж. 1
В52, 4	Ч/1	—	А	порционные 1	—	—	0,7	—	8,8	8,7	9,2	—	—	0,9565 (I)	—	—	К. с. и я.
В54, 10	Ч/1	—	А	порционные 1	—	—	2,0	4,8	8,4	7,8	9,2	—	—	0,913 (I)	—	—	»
В54, 11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В54, 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
В60, 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. над ж. 6
В60, 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я.
Домохозяйство № 5																	
В68, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 10, верх
В68, 6	—	—	—	—	н/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
Домохозяйство № 3																	
В71, 1	Ч/2	0,6075—0,4495	А	порционные 1	—	8,5	1,5	4,3	9,5	9,2	10,5	5,0	1,2352 (II)	0,9048 (I)	0,1764 (I)	0,48 (I)	Ж. 5, заполнение
В73, 1	Ч/1	0,1152—0,0829	В	дозовые	—	6,8	1,8	3,0	7,0	6,6	7,0	3,5	1,0294 (I)	1 (II)	0,2647 (II)	0,5 (I)	Ж. 4, пол и я.
В75, 11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж. 4, верх
В79, 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	К. с. и я.
В81, 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»

Таблица К6. Сводная характеристика сосудов категории «банки»
 Table К6. Summary table of vessels of category «jars»

Рис.	Тип	Объем	Группы объемов	Функциональные группы	Орнамент	Н	Нш	Н6	Дв	Дб	Дд	Дб : Н	Дв : Дб	Н6 : Н	Нш : Н	Дд : Дб	Объект
Домохозяйство № 1																	
В2, 3	Б/5	0,4580	D	дозовые	—	3,8	0,0	0,7	5,3	5,6	4,0	1,4737 (II)	0,9464 (II)	0,1842 (II)	0,0 (I)	0,71 (I)	Очаг 1/1
В21, 4	Б/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(II)	—	К. с. и я., р. I, II, VIII, IX)
В25, 4	—	—	A	кухонные 1	л/2	—	0,0	0,0	17,0	17,0	—	—	1 (II)	—	0,0 (I)	—	»
В32, 6	—	—	—	—	—	—	0,0	1,0	—	—	—	—	—	—	0,0 (I)	—	К. с. и я., р. XII
В33, 9	Б/5	1,7942	A	кухонные 1	—	12,4	0,0	4,0	17,3	17,5	10,0	1,4112 (II)	0,9885 (II)	0,3226 (II)	0,0 (I)	0,5714 (I)	»
В34, 11	Б/3	0,2542	C	порционные 1	—	8,6	0,6	2,9	8,0	7,9	4,1	0,9186 (I)	1,0127 (II)	0,3372 (II)	0,0465 (II)	0,519 (I)	»
Домохозяйство № 2																	
В41, 6	—	—	B	порционные 1	—	—	0,0	0,0	9,4	9,4	—	—	1 (II)	—	0,0 (I)	—	Ж. 2
В44, 7	Б/3	—	—	—	н/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(II)	—	К. с. и я. у ж. 2 и «углубления»
В48, 3	Б/3	—	—	—	н/1	—	—	—	15,5	—	—	—	—	—	(II)	—	К. с. и я.
В49, 12	—	—	A	кухонные 1	—	—	0,0	0,0	20,2	20,2	—	—	1 (II)	—	0,0 (I)	—	»
В57, 7	—	—	A	кухонные 1	—	—	0,0	1,5	21,0	22,0	—	—	0,9545 (II)	—	0,0 (I)	—	Ж. 6
Домохозяйство № 3																	
В70, 1	Б/4	0,0586	D	дозовые	—	4,4	0,0	0,0	6,2	6,2	3,7	1,4091 (II)	1 (II)	0 (I)	0,0 (I)	0,6 (I)	Ж. 5
В71, 2	—	—	B	порционные 1	—	—	0,0	0,0	9,0	9,0	—	—	1 (II)	—	0,0 (I)	—	Ж. 5, заполнение
В76, 19	—	—	—	—	—	—	0,0	3,0	—	—	—	—	—	—	0,0 (I)	—	Ж. 4а низ
В77, 8	—	—	A	кухонные 1	—	—	0,0	3,0	13,0	14,2	—	—	0,9155 (II)	—	0,0 (I)	—	Ж. 4а верх
В78, 4	Б/1	0,2918	C	порционные 1	—	7,4	0,0	1,5	6,2	8,8	5,5	1,1892 (I)	0,7045 (I)	0,2027 (II)	0,0 (I)	0,63 (I)	К. с. у жж. 4 и 4а
В80, 4	—	—	A	кухонные 1	—	—	0,0	1,5	13,0	13,5	—	—	0,963 (II)	—	0,0 (I)	—	К. с. и я.
В82, 10	Б/2	0,0124	E	—	—	3,4	0,0	0,0	3,4	3,4	2,3	1 (I)	1 (II)	0 (I)	0,0 (I)	0,68 (I)	»
Домохозяйство № 4																	
В83, 5	Б/3	0,4231	B	порционные 1	—	10,3	0,7	3,7	10,7	10,2	6,6	0,99 (I)	1,049 (II)	0,3592 (II)	0,068 (II)	0,6471 (I)	Ж. 11
Малый Городок																	
В88, 4	Б/2	0,2934	C	порционные 1	—	5,9	0,0	0,0	7,0	7,0	5,0	1,1864 (I)	1 (II)	0 (I)	0,0 (I)	0,71 (I)	»
В88, 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Агульников, С.М. 2005. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья. *Revista Arheologică I* (1): 77–91.
- Агульников, С.М. и Курчатова, С.И. 1994. Курган белозерского времени у с. Хаджилар в Нижнем Поднестровье. В сб. Г.Н. Тощев (ред.) *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тезисы конференции, посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова*. Т. II. Запорожье, 4–8.
- Александровский, А.Л. 2003. Зоотурбации и эволюция почв. В сб. *Проблемы эволюции почв. Материалы IV Всероссийской конференции*. Пушино, Издательство ОНТИ ПНЦ РАН, 77–83.
- Александровский, А.Л. 2007. Пирогенное карбонатобразование: результаты почвенно-археологических исследований. *Почвоведение* 5: 517–524.
- Андреев, М.С. 1958. *Таджикские долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Т. LXI. Сталинабад: Издательство АН Таджикской ССР.
- Андриенко, В.П. 1979. О семантике орнамента сосуда из Владимировки. В сб. *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тезисы докладов научной конференции*. Донецк, 70.
- Антипина, Е.Е. и Моралес, А. 2005. «Ковбои» восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке. *Opus: междисциплинарные исследования в археологии* 4: 29–49.
- Артеменко, И.И. 1981. Сосницкая культура. В сб. О.Н. Бадер (ред.) *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. Москва: Наука, 106–113.
- Арутюнов, С.А. и Хазанов, А.М. 1979. Проблема археологических критериев этнической специфики. *Советская этнография* 6: 79–89.
- Архипов, А.А. 1984. Об одном древнем названии Киева. *История русского языка в древнейший период. Вопросы русского языкознания* 5: 224–240.
- Байбуурин, А.К. 1983. *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука.
- Байбуурин, А.К. 1993. *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. Санкт-Петербург: Наука.
- Балагурі, Е.А. 1964. *Історія племен пізньобронзової доби Середнього Подністров'я (культура Ноа)*. Рукопис дисертації на здобуття наукового ступеня канд. істор. наук. НА ІА НАНУ.
- Балагурі, Е.А. 1968. Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської обл. *Археологія* XXI: 135–146.
- Бандрівський, М. 2005а. Висоцька культура і її східні зв'язки. У зб. В.В. Отрощенко (ред.) *На пошану Софії Станіславівни Березанської*. Київ: Шлях, 241–252.
- Бандрівський, М. 2005б. Проблема білогрудівки і чорнолісся – реабілітація «культури українського гальштату»? *Археологічні дослідження Львівського університету* 8: 311–321.
- Бандрівський, М.С. 2012. Коментарії к статье М.Т. Кашубы. *Российский археологический ежегодник* 2: 473–478.
- Бандрівський, М., Кобаль, Й., Крушельницька, Л., Павлів, Д., Попович, І., Сулик, Р., Філіпчук, М. і Чопек, С. 1993. *Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті*. Київ: Наукова думка.
- Бандрівський, М., Корчинський, О. і Крушельницька, Л. 2002. Оборонні укріплення у верхній Наддністрянщині. *Військово-історичний альманах* 2 (5): 90–99.
- Бандрівський, М. і Кошман, В. 2011. Ефес чорноліського залізного клинка із с. Перевоз у Білорусі. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 15: 376–384.
- Бандрівський, М. і Крушельницька, Л. 1998. Поховальний обряд неперотівської групи пам'яток. У кн. Л. Крушельницька. *Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами неперотівської групи)*. Львів: НАН України. Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника, 203–205.
- Бандрівський, М. і Крушельницька, Л. 2012. *Золоті Михалковські скарби та їх доля*. Львів: Ліга-Прес.
- Басаева, К.Д. 1984. Традиционное бурятское жилище и его членение. В сб. Т.М. Михайлов (ред.) *Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии*. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 109–124.

- Беляев, О.С. 1977. Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівка. *Археологія* 22: 40–48.
- Беляев, О.С. 1981. Поховання зрубної культури і раннього залізного віку Йосипівського могильника. *Археологія* 36: 67–70.
- Бер-Глинка, А.И. 2015. Домашние змеи как элемент традиционной культуры народов Европы. *Stratum plus* 2: 17–84.
- Березанська, С.С. 1964. Кераміка білогрудівської культури (за матеріалами розкопок біля с. Собківка). *Археологія XVI*: 49–75.
- Березанська, С.С. 1970. Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу. *Археологія XXIV*: 20–31.
- Березанская, С.С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев: Наукова думка.
- Березанская, С.С. 1974. *Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре*. Киев: Наукова думка.
- Березанская, С.С. 1976. Лебедовская культура эпохи бронзы в Лесостепной Украине. В кн. С.С. Березанская, В.В. Отрощенко и Д.Я. Телегин (ред.) *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 190–219.
- Березанская, С.С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы*. Киев: Наукова думка.
- Березанская, С.С. 1985а. Белогрудовская культура. В кн. Д.Я. Телегин и др. (ред.) *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 499–512.
- Березанская, С.С. 1985б. Памятники марьяновского типа. В кн. Д.Я. Телегин и др. (ред.) *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 397–403.
- Березанская, С.С. 1987. Еще раз о белогрудовских зольниках. В сб. *Религиозные представления в первобытном обществе: Тезисы докладов научной конференции*. Москва, 117–120.
- Березанская, С.С. 1990. *Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце*. Киев: Наукова думка.
- Березанська, С.С., Гершкович, Я.П. і Самолюк, В.О. 1998. Розкопки курганів тшинецької культури на р. Горинь. У зб. Д.Н. Козак (ред.) *Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр.* Київ, 53–54.
- Березанська, С.С. і Іллінська, В.А. 1971. Мар'янівсько-бондарихінська культура. У кн. Д.Я. Телегин та ін. (ред.) *Археологія Української РСР*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 363–373.
- Березанська, С.С. і Ключко, В.І. 2011. Гордіївський могильник. У кн. В.І. Ключко (ред.) *Гордіївський могильник*. Вінниця, 5–113.
- Березанська, С.С. і Лобай, Б.І. 1994. Курганний могильник бронзової доби поблизу с. Гордіївка на Південному Бузі (попереднє повідомлення). *Археологія* 4: 148–153.
- Березанская, С.С., Отрощенко, В.В., Чередниченко, Н.Н. и Шарфутдинова, И.Н. 1986. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка.
- Березанська, С.С. і Пясецький, В.К. 1978. Зольники білогрудівського типу на р. Горині під Славутю. *Археологія* 27: 48–55.
- Березанська, С.С. і Тітенко, Г.Т. 1954. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. *Археологія IX*: 119–131.
- Берестнев, С.И. 1980. Поселення зрубної культури Таранцево на Харківщині. *Вісник Харківського університету. Історія* 201 (12): 100–107.
- Берестнев, С.И. 1985. О погребениях предскифского периода в Левобережной лесостепи Украины. В сб. И.Ф. Ковалева (ред.) *Проблемы археологии Поднепровья*. Вып. 2. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 98–107.
- Берестнев, С.И. 1994. Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века. *Советская археология* 3: 121–139.
- Берестнев, С.И. 2001. *Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы*. Харьков: ПФ Амет.
- Беседин, В.И. 1996. Гончарное производство. В кн. А.Д. Пряхин. *Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы*. Кн. 2. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 158–174.
- Беседин, В.И. и Сафонов, И.Е. 1996. Числа в орнаментации керамики срубной культуры. *Советская археология* 2: 22–33.
- Бессонова, С.С., Романюк, В.В. и Скорый, С.А. 1995. *Зольник раннескифского времени из урочища Лысая Гора*. Киев.
- Бикерман, Э. 1975. *Хронология гревнего мира (Ближний Восток и античность)*. Москва: Наука.
- Бломквист, Е.Э. 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные постройки). В сб. С.А. Токарев (ред.) *Восточнославянский этнографический сборник. Труды ИЭ АН СССР. Новая серия*. Т. XXXI. Москва: Издательство АН СССР, 3–458.
- Бобринский, А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы и о курганах Звенигородского, Каневского и Роменского уездов. Том третий. Дневник раскопок 1889–1897 гг.* Санкт-Петербург.
- Бобринский, А.А. 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок. В сб. Г.И. Матвеева (ред.) *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного университета, 137–157.
- Бобринский, А.А., Волкова, Е.В. и Гей, И.А. 1993. Кострица для обжига керамики. В сб. Г.И. Матвеева (ред.) *Археологические исследования в Поволжье*. Самара: Издательство «Самарский университет», 3–44.
- Бобров, В.В. 2011. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Лексус. *Археология, этнография и антропология Евразии* 1 (45): 65–68.
- Бокй, Н.М., Горбул, Г.П. и Отрощенко, В.В. 1991. Киммерийские захоронения на Кировоградщине. *Советская археология* 1: 173–183.
- Болтрик, Ю.В. 1990. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра). *Советская археология* 3: 30–44.
- Бочкарев, В.С. 2010. *Культурогенез и гревнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Инфо Ол.
- Бочкарев, В.С. 2011. Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы. В сб. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев (ред.) *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года*. Санкт-Петербург, 5–8.
- Братченко, С.Н. 1977. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики). В сб. Д.Я. Телегин (ред.) *Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье*. Киев: Наукова думка, 21–42.

- Братченко, С.Н. 2012. *Левенцовская крепость*. Киев: Издательский дом «Скиф».
- Бруяко, И.В. 2005. *Ранние кочевники в Европе. V–V вв. до Р.Х.* Кишинев: Business-Elita.
- Бруяко, И.В. 2009. Киммерийский псалий из окрестностей городища Картал на Нижнем Дунае. В сб. С.С. Бессонова (ред.) *Эпоха раннего железа (сборник трудов к 60-летию С.А. Скорого)*. Киев; Полтава, 48–55.
- Бруяко, И.В. 2010. Троя и культуры Нижнего Дуная. Некоторые параллели позднего бронзового века (керамика и орнаментальные стили). В сб. И.В. Бруяко (ред.) *Terra Cognoscibilis: культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня – бронзы. Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 11. Одесса: Смил, 249–299.
- Бруяко, И.В. 2013. Памятники фракийского гальштата. В кн. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова (ред.) *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Смил, 353–368.
- Брюсов, А.Я. 1953. Некоторые теоретические вопросы хронологии неолита. *Советская археология XVIII*: 13–48.
- Буйнов, Ю.В. 1981. *Бондарихинская культура. Рукопис дисертації на здобуття наукового ступеню канд. істор. наук. НА ІА НАНУ*.
- Буйнов, Ю.В. 1989. О происхождении бондарихинской культуры позднего бронзового века. В сб. В.С. Терентьев (ред.) *Проблемы археологии Сумщины: Тезисы докладов областной научно-практической конференции*. Сумы, 40–41.
- Буйнов, Ю.В. 1992. Грунтовой могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине. В сб. В.К. Михеев (ред.) *История и археология Слободской Украины*. Харьков, 91–92.
- Буйнов, Ю.В. 1994. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы. *Древности*: 15–28.
- Буйнов, Ю.В. 1999. Об этнокультурных взаимосвязях племен бондарихинской и срубной культур. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія* 441 (31): 6–16.
- Буйнов, Ю.В. 2000. Пам'ятки мар'янівської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія* 485 (32): 4–12.
- Буйнов, Ю.В. 2001. О марьяновской линии этнокультурного развития населения Левобережной Лесостепной Украины и Полесья бронзового века. В сб. В.Ф. Мещеряков (ред.) *Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов научной конференции*. Харьков, 15–16.
- Буйнов, Ю.В. 2004. Бондарихинская и лебедовская культуры: проблема этнических связей. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія* 633 (36): 145–158.
- Буйнов, Ю.В. 2005. Бондарихинская и чернолесская культуры: проблема взаимоотношений (по материалам городища у с. Веселое на Харьковщине). *Древности*: 246–256.
- Буйнов, Ю.В. 2006а. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры. *Российская археология* 2: 39–50.
- Буйнов, Ю.В. 2006б. Поховальні пам'ятки та обряд племен бондарихинської культури. *Археологія* 4: 60–67.
- Буйнов, Ю.В. 2007. Новые данные о хронологии памятников малобудковского типа. В сб. С.В. Дьячков (ред.) *Laurea. К 80-летию профессора Влади-мира Ивановича Кагеева*. Харьков: Константа, 170–176.
- Буйнов, Ю.В. 2008а. Материалы позднего бронзового века из поселения Великая Тополяха-1 на Северском Донце. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія* 816 (40): 7–19.
- Буйнов, Ю.В. 2008б. Студенокская группа памятников финального этапа позднего бронзового века. В сб. С.И. Посохов (ред.) *Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Б.А. Шрамко*. Харьков: Харьковский национальный университет, 42–55.
- Буйнов, Ю.В. 2011. О роли поздняяковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія* 43: 7–18.
- Буйнов, Ю.В. 2014. Восточнополесский вектор генезиса памятников малобудковского типа финала бронзового века. *Древности*: 150–165.
- Буйнов, Ю.В. и Корохина, А.В. 2006. Позднебондарихинские комплексы в раскопе VII поселения Родной Край-1. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія* 728 (38): 259–272.
- Буйских, С.Б. 2001. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги). *ANAXARXIS*: 34–43.
- Бунятян, Е.П. 2000. Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы. В сб. А.Д. Пряхин и др. (ред.) *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Европейской степи и лесостепи. Материалы Международной научной конференции*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 39–42.
- Бунятян, К.П. 2001. Генеза кочового скотарства у Північному Надчорномор'ї. *Магістеріум. Археологічні студії* 6: 101–105.
- Бурдо, Н.В. 2011. Реконструкция жилищ и поселений трипольской культуры: от рисунков В. Хвойки до 3d-моделирования. *Археологія і давня історія України* 5: 38–52.
- Вальчак, С.Б. 2008. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII–VII вв. до н. э.). *Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее* 1: 6–25.
- Вальчак, С.Б. 2009. Происхождение и развитие «камышевахских» псалиев предскифского периода. В сб. С.С. Бессонова (ред.) *Эпоха раннего железа (сборник трудов к 60-летию С.А. Скорого)*. Киев; Полтава, 54–73.
- Вальчак, С.Б., Мамонтов, В.И. и Сазонов, А.А. 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе, происхождение и хронология. *Историко-археологический альманах* 2: 23–44.
- Ванчугов, В.П. 1982. О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. В сб. Г.А. Дзис-Райко (ред.) *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 44–52.
- Ванчугов, В.П. 1990. *Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (проблема формирования белозерской культуры)*. Киев: Наукова думка.
- Ванчугов, В.П. 1997. Погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. В сб. С.А. Булатович (ред.) *Археология и*

- этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Одесса: Гермес, 154–167.
- Ванчугов, В.П., Загинайло, А.Г., Кушнир, В.Г. и Петренко, В.Г. 1991. *Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.
- Ванчугов, В.П. и Раллев, А.Б. 1999. Проблемы реконструкции поселения поздней бронзы Вороновка II. У зб. І.Ф. Ковальова (ред.) *Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)*. Матеріали наукової конференції. Дніпропетровськ, 106–109.
- Варфоломеев, В.В. 2003. Кент и его округа (некоторые итоги социокультурного анализа памятников Восточной Сарыарки). В сб. М. Жолдасбеков (ред.) *Степная цивилизация Восточной Евразии*. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Кюльтегин: 88–99.
- Васильев, И.Б., Кузьмина, О. В. и Семенова, А.П. 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья. В сб. С.Г. Басин (ред.) *Срубная культурно-историческая общность*. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного университета, 60–94.
- Велецкая, Н.Н. 1978. *Языческая символика славянских архаических ритуалов*. Москва: Наука.
- Веллесте, Л. 1952. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР* 42: 135–140.
- Виноградов, А.В. 1991. Эюд о таштыкской керамике. В кн. Л.С. Клейн. *Археологическая типология*. Ленинград: ЛНИАО, 248–256.
- Виноградова, Н.М. и Кузьмина, Е.Е. 1986. Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы. В сб. Б.А. Литвинский (ред.) *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока*. Москва: Наука, 126–151.
- Винокур, Й., Гуцал, А. і Мегей, В. 1998. Дослідження курганів доби бронзи у селі Дорогощі на Волині. *Записки наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка. Праці Археологічної комісії ССХХV*: 432–465.
- Воловик, С.И. 1995. К вопросу о сложении бондарихинской культуры. В сб. В.И. Кадеев (ред.) *Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тезисы Международной научной конференции*. Харьков, 23–24.
- Воробьева, Г.А. и Бердникова, Н.Е. 2003. Почвы Прибайкалья как культуровмещающие образования. В сб. Г.В. Добровольский и др. (ред.) *Проблемы эволюции почв. Материалы IV Всероссийской конференции*. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 47–53.
- Воронов, Ю.Н. 1975. *Тайна Цебельдинской долины*. Москва: Наука.
- Гаврилюк, Н.А. 1979. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени. В сб. В.Д. Баран (ред.) *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 20–40.
- Гайдукевич, В.Ф. 1987. *Античные города Боспора. Мирмекий*. Ленинград: Наука.
- Гейко, А.В. 2015. *Гра «крем'яхи» як джерело наукових студій. Українські керамологічні студії*. Вип. 12. Опішне: Українське народознавство.
- Генинг, В.Ф. 1992. *Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии*. Киев: Наукова думка.
- Генинг, В.Ф., Зданович, Г.Б. и Генинг, В.В. 1992. *Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.
- Герасименко, Н.П. 1997. Окружающая среда древнего человека в Юго-Восточной Украине в позднеледниковье и голоцене (результаты палеогеографического изучения археологических памятников). *Археологический альманах* 6: 3–64.
- Герасименко, Н.П. и Гершкович, Я.П. 1996. К палеоэкологии бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья в эпоху поздней бронзы. В сб. А.Д. Пряхин (ред.) *Донско-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: Тезисы докладов и материалы российско-украинской научной конференции и Второго украинско-российского полевого археологического семинара*. Часть 2. Воронеж, 70–72.
- Герасименко Н.П. и Горбов В.Н. 1996. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)*. Материалы Международной конференции. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 47–49.
- Гершкович, Я.П. 1982. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней–поздней бронзы кургана у с. Пришиб. В сб. Д.Я. Телегин (ред.) *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 46–61.
- Гершкович, Я.П. 1986. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики. *Советская археология* 2: 132–145.
- Гершкович, Я.П. 1989. Отчет о работах Донецко-Луганской экспедиции в 1989 г. (раскопки поселения эпохи поздней бронзы у с. Диброва, Краснолиманского р-на Донецкой обл. и кургана у с. Чернухино, Перевальского р-на Ворошиловградской обл.). *НА ІА НАНУ*, № 192.
- Гершкович, Я.П. 1990. К вопросу о появлении чернолесской керамики на поселениях бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца. В сб. Ю.М. Бровендер (ред.) *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тезисы докладов научной конференции*. Луганск, 55–57.
- Гершкович, Я.П. 1995. О характере заселения Среднего Подонцовья в эпоху поздней бронзы. В сб. В.В. Отрощенко (ред.) *Эпоха бронзы Донско-Донецкого региона: Тезисы докладов научной конференции*. Луганск, 37–39.
- Гершкович, Я.П. 1997. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса. *Археологический альманах* 6: 125–144.
- Гершкович, Я.П. 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье). *Археологический альманах* 7: 61–92.
- Гершкович, Я.П. 2001а. Признак «объем» и категории (функциональные группы) посуды эпохи бронзы. В сб. Ю.И. Колев (ред.) *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»*, 23–28 апреля 2001 г. Самара: ООО НТЦ, 282–286.

- Гершкович, Я.П. 2001б. Взаимодействие археологических культур в заключительный период эпохи поздней бронзы на Юго-Западе Восточной Европы. В сб. Н.Л. Моргунова (ред.) *XV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов Международной научной конференции 17–21 апреля 2001 г.* Оренбург, 69–71.
- Гершкович, Я.П. 2002. Парадоксы в историографии сабастиновской культуры. *Stratum plus* 2: 598–607.
- Гершкович, Я.П. 2003а. Обряд «оставления жилища»: археологические признаки и историко-этнографические параллели. У зб. О.Г. Корвін-Піотровський (ред.) *Трипільські поселення-гіганти*. Київ: Корвін Прес, 28–31.
- Гершкович, Я.П. 2003б. Взаємодії населення степу та лісостепу України за доби пізньої бронзи. *Археологія* 3: 32–40.
- Гершкович, Я.П. 2004а. Феномен зольників белогрудовского типа. *Российская археология* 4: 104–113.
- Гершкович, Я.П. 2004б. Комментарий к статье С.Д. Лысенко «Феномен Субботовского городища». *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 3: 268–270.
- Гершкович, Я.П. 2005а. Хранителі нелегальних старожитностей в Україні. *Археологія* 3: 91–97.
- Гершкович, Я.П. 2005б. Пізньоабашівська та покровська ланки в періодизації культур бронзового віку Східної Європи. У зб. В.В. Отрощенко (ред.) *На пошану Софії Станіславівни Березанської*. Київ: Шлях, 177–180.
- Гершкович, Я.П. 2007. Субботовское городище в свете новых исследований. У зб. С.А. Скорий (ред.) *Ранній залізний вік: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції 16–19 травня 2007 р.* Київ; Чигирин, 58–60.
- Гершкович, Я.П. 2008. Специализированные производственные участки Субботовского городища. У зб. С.І. Климовський (ред.) *Старожитності Верхнього Придністров'я. Ювілейний збірник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малеева*. Київ: Стило, 37–38.
- Гершкович, Я.П. 2009. Зольники белогрудовского типа – монументальные структуры эпохи поздней бронзы. *Археологический альманах* 20: 327–331.
- Гершкович, Я.П. 2011. Псевдоархеологія на пострадянських просторах: неусвідомлена небезпека. *Археологія* 2: 110–118.
- Гершкович, Я.П., Антипина, Е.Е., Лебедева, Е.Ю., Панковский, В.Б., Усачук, А.Н. и Шевченко, Д.А. 2005. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца. У зб. Н.О. Гаврилюк (ред.) *Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.* Запоріжжя: Дике Поле, 95–99.
- Гершкович, Я.П. и Евдокимов, Г.Л. 1982. Об одной категории костяных изделий срубной культуры. *Советская археология* 4: 228–231.
- Гершкович, Я.П. и Клочко, В.И. 1987. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной мастерской). В сб. И.И. Артеменко (ред.) *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 101–114.
- Гершкович, Я.П., Панковский, В.Б. и Шамрай, А.В. 2013. Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина). *Revista Arheologică* IX (1): 188–197.
- Гершкович, Я.П. і Разумов, С.М. 2009. «Аномальний» комплекс заключного періоду пізнього бронзового віку з Північного Причорномор'я. У зб. В.В. Отрощенко (ред.) *Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. Збірка наукових праць на пошану Лариси Іванівни Крушельницької*. Київ; Львів, 132–139.
- Гершкович, Я.П. і Ромашко, О.В. 2013. Скіфські святилища Ареса: археологічні дані та свідчення Геродота. *Археологія* 1: 61–75.
- Гершкович, Я.П. и Сердюкова, И.Л. 1991. Ямные и катакомбные погребения Донецкого курганного могильника. В сб. О.Г. Шапошникова (ред.) *Катакомбные культуры Северного Причерноморья*. Киев: РАМУС, 150–164.
- Гершкович, Я.П. и Шепель, Е.А. 1987. Макеевский курганный могильник эпохи бронзы. В сб. О.Г. Шапошникова (ред.) *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 58–74.
- Гершкович, Я.П. та Якубенко, О.О. 2001. Календарний фриз на посудині бронзової доби з Аксютинських курганів. У зб. Ж.Г. Арустамян (ред.) *Музейні читання. Матеріали наукової конференції*. Київ, 72–81.
- Гольдштейн, А.Ф. 1979. *Зодчество*. Москва: Просвещение.
- Гольцева, Н.В. и Кашуба, М.Т. 1995. *Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья*. Тирасполь: Мако.
- Горбов, В.Н. 1993. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики. В сб. В.М. Массон, В.С. Бочкарев (ред.) *Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тезисы докладов научной конференции*. Санкт-Петербург, 90–92.
- Горбов, В.Н. 1995. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане. В сб. В.С. Бочкарев (ред.) *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II*. Санкт-Петербург, 52–72.
- Горбов, В.Н. 1996. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)*. Матеріали Міжнародної конференції. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 13–21.
- Горбов, В.Н. 1997. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века. *Археологический альманах* 6: 145–161.
- Горбов, В.Н. 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны. В сб. С.Д. Крыжицкий (ред.) *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк: Східний видавничий дім, 55–59.
- Горбов, В.Н. 2001. Парадоксы поселения у хутора Ляпичева. В сб. П.Ф. Добров и др. (ред.) *Проблемы археологии и архитектуры* 1. Донецк; Макеевка, 145–170.
- Горбов, В.Н. и Литвиненко, Р.А. 1998. К вопросу о населении бассейна р. Ворсклы в конце бронзового века. У зб. І.Ф. Ковальова (ред.) *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського національного університету, 69–79.

- Горбов, В.Н. и Мимоход, Р.А. 1999. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры. В сб. А.Д. Пряхин (ред.) *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк, 24–70.
- Горбов, В.Н. и Подобед, В.А. 1999. К проблеме культурной идентификации поселенческих комплексов финального бронзового века Левобережной Украины. У зб. І.Ф. Ковальова (ред.) *Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)*. Матеріали Міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 109–112.
- Горбов, В.Н. и Усачук, А.Н. 2000. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II. В сб. С.Д. Крыжицкий (ред.) *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк: Східний видавничий дім, 97–100.
- Горбов, В.Н. и Усачук, А.Н. 2001. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям. *Донецкий археологический сборник* 9: 15–45.
- Городцов, В.А. 1927. Типологический метод в археологии. Рязань.
- Горюнова, О.И. и Савельев, Н.А. 1981. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири. В сб. Г.И. Медведев (ред.) *Описание и анализ археологических источников*. Иркутск: Иркутский государственный университет, 115–125.
- Готун, І.А. 2003. Споруди для обробки продуктів та зберігання припасів на давньоруських селищах Середнього Подніпров'я. В сб. Н.А. Гаврилюк и др. (ред.) *Проблеми археології Середнього Подніпров'я*. Киев; Фастов, 342–347.
- Готун, І.А., Петраускас, А.В. і Петраускас, О.В. 2005. Моделювання чорнометалургійних та лісохімічних процесів за матеріалами Північної експедиції. *Археологія* 3: 52–65.
- Граков, Б.Н. 1977. *Ранний железный век*. Москва: Издательство Московского государственного университета.
- Граков, Б.Н. и Тереножкин, А.И. 1958. Субботовское городище (раскопки 1955 г.). *Советская археология* 2: 164–178.
- Гречко, Д.С. 2013. О происхождении столбовых гробниц лесостепи скифского времени. *Древности*: 137–154.
- Гречко, Д.С. 2014. О некоторых аспектах культа предков аборигенного населения Восточноевропейской Лесостепи скифского времени. В сб. А.Б. Супруненко (ред.) *Феномен Більського городища 2016. Матеріали наукової конференції*. Київ; Полтава: 46–51.
- Гречко, Д.С. 2014–2015. Об особьих видах погребений у населения восточноевропейской лесостепи VII–IV вв. до н. э. *Древности*: 181–200.
- Григорьев, С.А. 2013. *Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы*. Челябинск: Цицеро.
- Грязнов, М.П. 1953. Землянка бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* L: 137–148.
- Грязнов, М.П. 1973. Почва и археологические памятники в их взаимосвязи. В сб. *Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР*. Ташкент: Фан, 67–70.
- Грязнов М.П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.
- Гурина, Н.Н. 1953. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей. В сб. А.П. Окладников (ред.) *Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР* 39. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 408–420.
- Гусев, С.В. и Загоруйко, А.В. 2005. Этноархеологический подход к изучению жилищных комплексов древне- и неозскимосских культур Чукотки. *Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»*. Гуманитарные науки 3: 19–57.
- Дараган, М.Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи*. Киев: КНТ.
- Дашковский, П.К. 2003. Лошадь в религиозно-мифологической системе номадов Горного Алтая. *Археология и этнография Алтая*: 1–25.
- Дашковский, П.К. и Тишкин, А.А. 2002. Структурно-аналитическое изучение погребальных памятников Горного Алтая скифской эпохи. *Структурно-семиотические исследования в археологии* 1: 233–242.
- Деттерева, А.Д. и Костомарова, Ю.В. 2011. Металл позднего бронзового века лесостепного Притобольшья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 1 (14): 30–45.
- Демкин, В. 2011. О происхождении «зольников» на поселениях эпохи поздней бронзы по результатам их почвенно-химических и минералогических анализов. In E. Sava und E. Kaiser. *Die Siedlung mit «Aschehügeln» beim Dorf Odaia-Miciurin, Republic Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. Seria Tirageti XIX*. Chişinău: Bons Offices, 526–532.
- Демкин, В.А., Демкина, Т.С. и Удальцов, С.Н. 2014. Реконструкция погребальной пицци в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологических методов. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2: 148–159.
- Демченко, Л.В., Ключко, В.И. и Маничев, В.И. 2000. Геохимические исследования остатков бронзолитейного производства с Субботовского городища XII–IX вв. до н. э. *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини* 4: 29–47.
- Денисова, А.О. 2000. Технологія виготовлення кераміки сабатинівської культури. *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини* 4: 48–55.
- Дергачев, В.А. 1973. *Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавии* 3. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев, В.А. 1982. *Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976 гг.)*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев, В.А. 1997. *Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норпонтийского региона*. Кишинэу: Типография Академии наук.
- Дергачев, В.А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подоунавья. Одноушковыи кельты с арковидными фасками*. Кишинэу.
- Дергачев, В.А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подоунавья. Кельты и серпы Нижнего Подоунавья*. Кишинэу.
- Дубовская, О.Р. 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры. *Археологический альманах* 2: 137–160.

- Дударев, С.Л. 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир.
- Евдокимов, В.В. и Варфоломеев, В.В. 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Издательство Карагандинского государственного университета.
- Евдокимов, Г.Л. 1987. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка. В сб. О.Г. Шапошникова (ред.) *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 107–126.
- Евдокимов, Г.Л. 1999. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника. В сб. П.П. Толочко (ред.) *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова)*. Запорожье, 99–103.
- Екимов Ю.Г. и Беседин, В.И. 1980. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье. В сб. А.Д. Пряхин (ред.) *Археология Восточноевропейской лесостепи*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 79–102.
- Еньшин, Д.Н., Скочина, С.Н. и Зах, В.А. 2012. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергень 6). *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4 (19): 43–52.
- Журавлев, О.П. 2001. *Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья*. Киев.
- Журавлев, О.П. 2003. Археозоологические исследования поселений сабатиновской культуры Виноградный Сад и Шуцкое I. У зб. Н.О. Гаврилюк (ред.) *Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.* Київ, 283–287.
- Журавлев, О.П. и Гершкович, Я.П. 1999. Животноводство населения сабатиновской культуры Нижнего Поднепровья. *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму VII*: 49–75.
- Залізник, Л.Л., Бунятян, К.П., Зубар, В.М., Моця, О.П., Отрощенко, В.В. і Терпиловський, Р.В. 2005. *Археологія України. Курс лекцій за редакцією доктора історичних наук, професора Л.Л. Залізняка*. Київ: Либідь.
- Захарова, Е.Ю. 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: ЦЧКИ.
- Збенович, В.Г. 1989. *Ранний этап трипольской культуры на территории Украины*. Киев: Наукова думка.
- Збруева, А.В. 1950. Памятники поздней бронзы в Прикамье. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 32: 70–84.
- Зданович, Г.Б. 1988. *Бронзовый век Урало-Казахстанских степей*. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- Зеленин, Д.К. 2004. *Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954*. Москва: Индрик.
- Зиньковский, К.В. 1976. О методах изучения домостроительства племен трипольской культуры. *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья* 8: 26–48.
- Зиньковский, К.В. 2013. Жилища племен трипольской культуры. *Stratum plus* 2: 27–100.
- Златковская, Т.Д. 1979. К проблеме взаимодействия древнебалканской и древнеславянской культур: обряд сурвокания у болгар. *Советская этнография* 6: 59–70.
- Золотухин, Ю.В. 2007. О признаках графического дизайна в штемпельной графике. *Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв* 4: 90–119.
- Иванов, В.А. 1984. *Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа*. Москва: Наука.
- Иванчик, А.И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.
- Иванчик А.И. Еще раз к дискуссии о киммерийцах и хронологии раннескифской культуры. 2011. В сб. В.И. Молодин, С. Хансен (ред.) *Материалы Международного симпозиума «Terra Scythica» (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)*. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН: 64–76.
- Иессен, А.А. 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. *Советская археология XVIII*: 49–110.
- И жизнь, и слезы, и любовь... 2001. Запорожье: ООО ЛИПС ЛТД.
- Изотова, М.А. и Малов, Н.М. 1992. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища. *Археология Восточно-Европейской степи. Межвузовский сборник научных трудов* 3: 96–115.
- Изотова, М.А. и Слонов, В.Н. 1994. Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. В сб. И.С. Каменецкий (ред.) *Теория и прикладные методы в археологии*. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 97–110.
- Ильинская, В.А. 1961. Бондарихинская культура бронзового века. *Советская археология* 1: 26–45.
- Ильинская, В.А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В.А. 1969. Некоторые вопросы генезиса южновосточной культуры. *Советская археология* 2: 85–101.
- Ильинская, В.А. 1973. О священной чаше у скифов. В сб. *Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Тезисы докладов конференции*. Ленинград, 13–15.
- Ильинская, В.А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В.А. 1977. Может ли Бельское городище быть Гелоном? В сб. Б.Н. Мозолевский (ред.) *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, 73–95.
- Іллінська, В.А. і Тереножкін, О.І. 1971. *Скіфський період*. У кн. О.І. Тереножкін та ін. (ред.) *Археологія Української РСР*. Т. II. Київ: Наукова думка, 8–184.
- Ильинская, В.А. и Тереножкин, А.И. 1972. Отчет о работах Скифской Среднеднепровской экспедиции 1972 года. НА ІА НАНУ, № 15.
- Ильинская, В.А. и Тереножкин, А.И. 1986. Киммерийское время. В кн. С.Д. Крыжицкий и др. (ред.) *Археология Украинской ССР*. Т. 2. Киев: Наукова думка, 18–42.
- Илюков, Л.С. 2000. Каменные оградки эпохи поздней бронзы: символические колеса небесной повозки. В сб. С.Д. Крыжицкий (ред.) *Археология*

- и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 28.
- Каврук, В. 2012. Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке. Часть II. *Revista Arheologică VIII* (1–2): 16–36.
- Каган, М.С. 1996. Философия культуры. Санкт-Петербург: Петрополис.
- Кадырбаев, М.К. и Курманкулов, Ж. 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпакалы). Алматы: Наука.
- Казаков, Е.П. 2001. Памятники эпохи бронзы. В сб. Е.П. Старостин (ред.) *Очерки по археологии Татарстана*. Казань: Школа, 56–73.
- Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. 1993. *Археологический альманах 1*.
- Каховский, В.Ф. 1957. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары: Государственное издательство Чувашской АССР.
- Кашуба, М.Т. 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой. *Stratum plus 3*: 369–388.
- Кашуба, М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия–Сахарна). *Stratum plus 3*: 241–488.
- Кашуба, М.Т. 2011. Днестровско-Прутское междуречье как локальный центр перехода к раннему железному веку в Северном Причерноморье. В сб. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев (ред.) *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года*. Санкт-Петербург, 29–59.
- Кашуба, М.Т. 2012а. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье. *Археологические вести 18*: 232–252.
- Кашуба, М.Т. 2012б. Гальштаттское домостроительство в Восточном Прикарпатье. *Российский археологический ежегодник 2*: 433–472.
- Кашуба, М.Т. 2013. «Ускользающее» железо, или переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье. *Российский археологический ежегодник 3*: 233–257.
- Кашуба, М.Т. и Гольцева, Н.В. 1991. Сахарнянский могильник I (Циглзу). *Советская археология 1*: 197–209.
- Кашуба, М. и Фидельский, С. 2007. Находки финальной бронзы и раннего железного века из многослойных поселений Рашков XI и XII. *Revista Arheologică III* (1–2): 266–281.
- Клейн, Л.С. 1978. *Археологические источники*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
- Клейн, Л.С. 1999. Миграции: археологические признаки. *Stratum plus 1*: 52–71.
- Клейн, Л.С. 2011. *История археологической мысли*. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Клочко, В.И. 1992. Восточная граница (на Левобережной Украине) влияния круга луижской культуры. W S. Czorek (red.) *Ziemia Polska we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Materiały z konferencji*. Rzeszów: Wydawn. Muzeum Okręgowego w Rzeszowie, 183–188.
- Клочко, В.И. 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ: АртЕк.
- Клочко, В.И. 2009. Торговельний шлях Буг-Бог. У зб. В.В. Отрощенко (ред.) *Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи*. Збірка наукових праць на пошану Лариси Іванівни Крушельницької. Київ; Львів, 72–82.
- Клочко, В.И. 2011. «Гордіївський феномен» та сучасна археологія пізнього періоду бронзової доби Правобережної України. У кн. В.И. Клочко (ред.) *Гордіївський могильник*. Вінниця: Вістка, 275–276.
- Клочко, В.И., Гершкович, Я.П. і Мотзенбеккер, І. 1995. Звіт про розкопки Суботівського городища у 1994–1995 рр. НА ІА НАНУ, № 108.
- Клочко, В.И., Ковалюх, М.М. і Мотзенбеккер, І. 1998. Хронологія Суботівського городища. В зб. Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю від дня народження О.І. Тереножкіна (Музей історичних коштовностей України, 3 лютого 1998 р.). Київ, 96–98.
- Клочко, В.И. и Скорый, С.А. 1993. К исследованию позднечернолесского погребального обряда. *Российская археология 4*: 54–64.
- Клочко, Л.С. 1998. Женский костюм в Правобережной Украине по материалам украшений тшинецкой и комаровской культур. W A. Koško, J. Czebreszuk (red.) *«Trzciniec» – system kulturowy czy interkulturowy proces?* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 329–336.
- Клочко, Л.С. 2003. Реконструкція давнього вбрання за археологічними матеріалами. *Пам'ятки України 4*: 23–29.
- Ковалев, А.А. 2000. О происхождении оленных камней западного региона. В сб. В.С. Ольховский (ред.) *Археология, палеоэкология и палеогеография Евразии*. Москва: Издательство ГЭОС, 138–180.
- Ковпаненко, Г.Т. 1967. *Племена скіфського часу на Ворсклі*. Київ: Наукова думка.
- Ковпаненко, Г.Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.
- Козак, О.Д. 2010. *Кияни княжої доби. Біоархеологічні студії*. Київ: Академперіодика.
- Козенкова, В.И. 1977. *Кобанская культура (восточный вариант)*. Свод археологических источников В2-5. Москва: Наука.
- Козенкова, В.И. 1982. *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант)*. Свод археологических источников В2-5. Москва: Наука.
- Козенкова, В.И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология)*. Западный вариант. Свод археологических источников В2-5. Москва: Наука.
- Козенкова, В.И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племен (западный вариант)*. Свод археологических источников В2-5. Москва: Наука.
- Козенкова, В.И. 2004. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. В сб. Р.М. Мунчаев (ред.) *Археологические памятники раннео железного века юга России. Материалы и исследования по археологии России 6*. Москва, 66–92.
- Колев, Ю.И. 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века. В сб. А.А. Бобринский (ред.) *Проблемы изучения археологической керамики*. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного университета, 103–118.
- Колев, Ю.И. 2000. Заключительный этап бронзы в Поволжье. В сб. Ю.И. Колев (ред.) *История Са-*

- марского Поволжья с древнейших времен до наших дней. *Бронзовый век*. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 242–301.
- Колев, Ю.И. 2002. Комплексы позднего бронзового века поселения Григоровка I в Самарской области. *Вопросы археологии Поволжья* 2: 151–166.
- Колев, Ю.И. 2008. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования. В сб. Д.А. Сташенков (ред.) *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья*. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 208–240.
- Колесник, А.В. и Гершкович, Я.П. 2001. Традиция кремнеобработки в эпоху поздней бронзы в Донбассе и Северо-Восточном Приазовье. *Археологический альманах* 10: 97–118.
- Колотухин, В.А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости.
- Колотухин, В.А. 2003. *Поздний бронзовый век Крыма*. Киев: СтилоС.
- Конопля, В. та Онищук, Я. 2008. Кременярство височької культури. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 12: 103–126.
- Коренюк, С.Н. 2009. К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья. *Известия Самарского научного центра РАН. Археология и этнография* 2: 265–270.
- Коробейников, А.В. 2005. *Историческая реконструкция по данным археологии*. Ижевск: Издательство НОУ КИГИТ.
- Корохина, А.В. 2009. До походження бондарихинської культури. *Археологія* 3: 13–18.
- Корохина, А.В. 2010. Деякі проблеми вивчення генези та розвитку бондарихинської культури. *Археологія* 1: 3–10.
- Корохина, А.В. 2011. *Кераміка бондарихинської культури. Рукопис дисертації на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук. НА ІА НАНУ*.
- Корохина, А.В. 2014. Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской Лесостепи в заключительный период позднего бронзового века. В сб. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский (ред.) *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы*. Казань, 133–147.
- Корохина, А.В. и Квитковский, В.И. 2015. Материалы эпохи поздней – финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-I в бассейне Северского Донца. *Древности*: 107–123.
- Корочкова, О.Н. 1999. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири. В сб. *120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть 2*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 57–63.
- Корочкова, О.Н. 2009. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы. *Российская археология* 1: 25–35.
- Косарев, М.Ф. 1981. *Бронзовый век Западной Сибири*. Москва: Наука.
- Косарев, М.Ф. 1984. *Западная Сибирь в древности*. Москва: Наука.
- Костюков, В.П. и Ражев, Д.И. 2004. Погребения из курганной группы Верблюжьих Горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия исторические науки* 2: 129–149.
- Котович, В.Г. 1982. *Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана*. Москва: Наука.
- Кравченко, Е. 2011. *Кизил-Кобинська культура у Західному Криму*. Київ; Луцьк: Волинські старожитності, 2011.
- Кравченко, Э. 2014. Кто сжег Уч-Баш? (к вопросу о финале предскифского периода в Северном Причерноморье). *Revista Arheologică* X (1–2): 48–68.
- Кравченко, Е.А. 2015. Вироби з каменю поселення Уч-Баш. *Археологія і давня історія України* 2 (15): 75–93.
- Крапп, Э.К., 1999. *Астрономия. Легенды и предания*. Москва: Фаир-Пресс.
- Кривцова-Гракова, О.А. 1948. Алексеевское поселение и могильник. *Археологический сборник. Труды ГИМ XVII*: 57–181.
- Кривцова-Гракова, О.А. 1955. *Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Материалы и исследования по археологии СССР* 46. Москва: Издательство АН СССР.
- Крис, Х.И. 1981. *Кизил-Кобинская культура и тавры. Свод археологических источников Д-17*. Москва: Наука.
- Круц, В.О. 2003. До проблеми поселень-гігантів трипільської культури в Буго-Дніпровському межиріччі. У зб. В.О. Круц, О.Г. Корвін-Піотровський і С.М. Рижов (ред.), *Матеріали Міжнародної конференції «Трипільські поселення-гіганти»*. Київ: Корвін Пресс, 71–73.
- Круц, В.А., Корвин-Пиотровский, А.Г., Ръжов, С.Н., Бузян, Г.Н., Овчинников, Э.В., Черновол, Д.К. и Чабанюк, В.В. 2005. *Исследование поселений-гигантов трипольской культуры в 2002–2004 гг.* Киев: Корвин-Прес.
- Крушельницька, Л.І. 1976. *Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза*. Київ: Наукова думка.
- Крушельницька, Л.І. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи*. Київ: Наукова думка.
- Крушельницька, Л.І. 1998. *Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток)*. Львів. НАН України, ЛНБ.
- Крыжицкий, С.Д. 1982. *Жилье дома античных городов Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Крыжицкий, С.Д. 2000. Основные принципы методики определения степени достоверности реконструкции архитектурных сооружений античной эпохи в Северном Причерноморье. В сб. С.Д. Крыжицкий (ред.) *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк: Східний видавничий дім, 3–5.
- Крыжицкий, С.Д., Буйских, С.Б., Бураков А.В. и Отрешко, В.М. 1989. *Сельская округа Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- Кубышев, А.И. и Черняков, И.Т. 1986. Грунтовой могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.). *Советская археология* 3: 139–157.
- Кузьмина, Е.Е. 1964а. Андроновское поселение и могильник Шагдаша. *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 98: 100–106.
- Кузьмина, Е.Е. 1964б. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в

- Средней Азии. В сб. О.Н. Бадер (ред.) *Памятники каменного и бронзового веков Евразии*. Москва: Наука, 141–158.
- Кузьмина, Е.Е. 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим.
- Кузьмина, Е.Е. 1988. Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете. В С.Г. Боталов, Г.Б. Зданович (ред.) *Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 31–45.
- Кузьмина, Е.Е. 1994. *Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев*. Москва: МГПИ Калина ВИНТИ РАН.
- Кузьмина, Е.Е. 2010а. Кони степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы. В П.Ф. Кузнецов (ред.) *Кони, колесницы и колесничие степей Евразии*. Екатеринбург; Самара; Донецк, 5–13.
- Кузьмина, Е.Е. 2010б. *Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа – Азия*. Москва: КомКнига.
- Кузьминых, С.В. 1996. О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)*. Материалы Международной конференции. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 99–102.
- Кузьминых, С.В. 2001. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70-х–90-х гг. XX в.) В сб. Е.П. Казаков, С.И. Валиулина, Р.М. Валеев (ред.) *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Казань: Мастер-Лайн, 14–29.
- Кульбака, В. і Качур, В. 1998. *Соматичні культури півдня Східної Європи*. Маріуполь: Вид-во Приазовського державного технічного університету.
- Куриленко, В.В. и Отрощенко, В.В. 1997. Сосницкая культура в Подесенье и ее связи с восточными соседями. W A. Koško, J. Czebreszuk (red.) *«Trzciniac» – system kulturowy czy interkulturowy proces?* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 239–252.
- Курінний, П.П. 1926. Дослідження Білогрудівського могильника. *Коротке звідомлення ВУАК за 1925 р.*: 74–80.
- Курінний, П.П. 1927. Розкопки Білогрудівських могилподібних горбів в році 1926. *Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р.*: 79–83.
- Кутимов, Ю.Г. 1999. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана). *Stratum plus* 2: 314–322.
- Куштан, Д.П. 2001. Пам'ятки з керамікою малополовецького типу на Черкащині. У зб. С.Д. Лисенко (ред.) *Етнокультурні процеси у Середньому Подніпров'ї за матеріалами археологічних досліджень*. Матеріали науково-практичної конференції. Фастів, грудень 2001 р. Київ: Знання, 14–16.
- Куштан, Д.П. 2007. *Населення південної частини лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Автореферат дисертації на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук. Київ.
- Куштан, Д.П. 2011. Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы. В сб. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев (ред.) *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии*. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года. Санкт-Петербург, 19–21.
- Куштан, Д.П. 2013. *Південь лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Археологічний альманах 29. Донецьк.
- Лагодовська, О.Ф. 1954. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки. *Археологія* IX: 131–141.
- Ларенок, П.А., Потапов, В.В. 2004. Новые материалы кобяковской культуры на поселении Хапры. В сб. А.С. Скрипкин (ред.) *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Волгоград: Издательство Волгоградского университета: 141–146.
- Ларина, О. 2013. Антропоморфная пластика и ее разнообразие. *Revista Arheologica* IX (2): 211–217.
- Левицкий, О.Г. 2002. Раннегалыштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге культур. В сб. Н.А. Кетрару (ред.) *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Издательство Приднестровского государственного университета, 180–205.
- Левицкий, О.Г. и Кашуба, М.Т. 2014. Финал эпохи бронзы в Карпато-Подунавье: культурно-исторический ландшафт и его восточные (прикарпатские) рубежи. В сб. В.А. Алекшин (ред.) *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения*. Памяти В.М. Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 240–270.
- Лесков, А.М. 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб. А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт (ред.) *Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, 143–178.
- Лесков, А.М. 1970. Кировское поселение. В сб. А.М. Лесков (ред.) *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наукова думка, 7–59.
- Лесков, А.М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. В сб. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев (ред.) *Проблемы скифской археологии*. Материалы и исследования по археологии СССР 177. Москва: Наука, 75–91.
- Литвиненко, Р.О. 2008. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток)*. Рукопис дисертації на здобуття вченого ступеня доктора істор. наук. НА ІА НАНУ.
- Лосев, А.Ф. 1979. *История античной эстетики. Ранний эллинизм*. Москва: Искусство.
- Лукияшко, С.И. 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. *Донские древности*. Вып. 7. Азов: Издательство Азовского краеведческого музея.
- Лысенко, С.Д. 2001. Результаты исследований памятников эпохи бронзы у сел Малополовецкое и Яхны в 1992–1998 гг. и периодизация эпохи средней–поздней бронзы на Фастовщине. У зб. Т. Неліна (ред.) *Археологічні пам'ятки Фастівщини*. Проблеми дослідження та охорони. Прес-музей 10–11. Фастів, 30–47.
- Лисенко, С.Д. 2003. Поховання за обрядом демембрації доби пізньої бронзи у Середньому Подніпров'ї. *Наукові записки з української історії*. Переяслав-Хмельницький 14: 53–62.
- Лысенко, С.Д. 2004а. Феномен Субботовского городища. *Материалы і дослідження з археології Східної України* 3: 249–267.
- Лысенко, С.Д. 2004б. Погребения скифского времени Малополовецкого могильника. *Археологічні пам'ятки Фастівщини*. Матеріали до археологічної карти Київської області. Прес-музей. Фастів, 20–21.

- Лысенко, С.Д. 2006. Памятники эпохи средней – поздней бронзы на Фастовщине. W H. Taras (red.) *Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Kształtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w środkowej i młodszej epoce brązu. Lubelskie Materiały Archeologiczne*. Т. XVI. Lublin, 209–230.
- Лысенко, С.Д. 2008. Белогрудовский горизонт Малополовецкого археологического комплекса на Киевщине. *Revista Arheologică IV (1)*: 100–134.
- Лысенко, С.Д. 2011а. Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку на Северной Украине. В сб. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев (ред.) *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года*. Санкт-Петербург, 22–26.
- Лысенко, С.Д. 2011б. Палеоландшафты Киевского Поднепровья в эпоху бронзы – начале раннего железного века. У зб. О.В. Коваленко (ред.) *Інтеграція археологічних та палеогеографічних досліджень*. Полтава: ПНПУ, 38–43.
- Лысенко, С.Д. 2012. Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку в Северной Украине. *Российский археологический ежегодник 2*: 263–275.
- Лысенко, С.Д.: 2015. К вопросу о культурной принадлежности Гордеевского могильника. *Stratum plus 2*: 207–230.
- Лысенко, С.Д. і Куштан, Д.П. 1997. Про виділення пам'яток з керамікою малополовецького типу. В зб. *V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених: Київ, 22–24 квітня 1997 р.* Київ, 109–112.
- Лысенко, С.Д., Лысенко, С.С., Диденко, С.В. и Якубенко Е.А. 2005. Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века из фондов Национального музея истории Украины. В сб. С.Д. Лысенко (ред.) *Проблемы археологии Среднего Поднепровья. К пятидесятилетию основания Фастовского государственного краеведческого музея*. Киев; Фастов, 152–200.
- Лысенко, С.Д., Пашкевич, Г.А. 2009. К вопросу о земледелии на Киевщине в эпоху бронзы – начале раннего железного века. В сб. С.А. Васильев, Л.В. Кулаковская (ред.) *С.Н. Бибиков и первобытная археология*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 372–380.
- Лысенко, С.С. 2001. Подвески белогрудовского типа. У зб. Ж.Г. Арустамян (ред.) *Музейні читання. Матеріали наукової конференції*. Київ: Музей історичних коштовностей України, 116–125.
- Максимов, Е.В. 1960. Памятник зарубинецкого типа в с. Субботове. *Краткие сообщения Института археологии АН СССР 9*: 29–42.
- Малеев, Ю. 2007. Зооморфна пластика племен голіградської групи у Подністрів'ї. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 11*: 65–76.
- Малов, Н.М. 2008. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья. В сб. В.А. Лопатин (ред.) *Археология Восточно-Европейской степи*. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 32–134.
- Малов, Н.М. 2013. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики. В сб. Е.А. Черленок (ред.) *Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции*. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 102–117.
- Марина, З.П., Ромашко, В.А. и Фещенко, Е.Л. 1988. Курганы эпохи бронзы у села Павловка. В сб. И.Ф. Ковалева и др. (ред.) *Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы*. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 9–20.
- Массон, В.М. 1981. *Алтын-Депе*. Ленинград: Наука.
- Матвіїшина, Ж.М., Пархоменко, О.Г., Бондар, К.М. і Лысенко, С.Д. 2005. Палеопедологічні дані та магнітна сприйнятливість деяких ґрунтів на поселенні Ходосівка (ур. Діброва). В сб. Н.А. Гаврилюк и др. (ред.) *Проблемы археологии Среднего Поднепровья*. Киев; Фастов, 215–228.
- Махортих, С.В. 1992. Пам'ятки типу новочеркаського скарбу. *Археологія 1*: 23–31.
- Махортих, С.В. 2003. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Київ: Шлях.
- Махортих, С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Київ: Шлях.
- Медведев, А.П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.
- Мелюкова, А.И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. В сб. К.Ф. Смирнов (ред.) *Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР 64*. Москва: Издательство АН СССР, 5–102.
- Мелюкова, А.И. 1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. В сб. К.Ф. Смирнов (ред.) *Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР 96*. Москва: Издательство АН СССР, 5–52.
- Мелюкова, А.И. 1975. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских племен с фракийцами в советской науке. *Studia Thracica 1*: 54–66.
- Мелюкова, А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.
- Мелюкова, А.И. 1989. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне. В сб. А.И. Мелюкова (ред.) *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 16–29.
- Мимоход, Р.А. 1996. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)*. Материалы Международной конференции. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 27–33.
- Мимоход, Р.А. 1999. Строительные жертвоприношения в жилищах со столбовой конструкцией на поселениях срубной культуры. В сб. П.П. Толочко (ред.) *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. К 100-летию Бориса Николаевича Гракова. III Граковские чтения*. Запорожье, 175–181.
- Мимоход, Р.А. 2001. Критерии выделения поселенческих культурных комплексов эпохи поздней бронзы. В сб. П.Ф. Добров и др. (ред.) *Проблемы археологии и архитектуры 1*. Донецк; Макеевка, 94–104.
- Моисеев, Н.Б. и Ефимов, К.Ю. 1995. Пичаевский курган. В сб. И.Б. Васильев (ред.) *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.)*. Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета, 72–81.

- Молева, Н.В. 2002. Обряд жертвоприношений в Китейском святилище. В сб. В.Н. Зинько (ред.) *Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Вып. 2. Керчь, 188–192.
- Молодин, В.И. 1985. *Бараба в эпоху бронзы*. Новосибирск: Наука.
- Молодин, В.И. 1992. Надмогильные сооружения пазырыкской культуры: к реконструкции этапов погребальной обрядности. В сб. В.И. Матющенко (ред.) *Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова*. Часть 1. Омск, 103–106.
- Молодин, В.И., Парцингер, Г., Гаркуша, Ю.Н., Шнеевайсс, И., Гришин, А.Е., Новикова, О.И., Чемякина, М.А., Ефремова, Н.С., Марченко, Ж.В., Овчаренко, А.П., Рыбина, Е.В., Мильникова, Л.Н., Васильев, С.К., Бенеке, Н., Манштейн, А.К., Дядьков, П.Г. и Кулик, Н.А. 2004. *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Т. 2 *Материалы по археологии Сибири* 4. Новосибирск; Берлин: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
- Моргенштерн, П. 2011. Предметы из кости и рога. In E. Sava und E. Kaiser. *Die Siedlung mit «Aschehügel» beim Dorf Odaia-Miciurin, Republic Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. Seria Tirageti XIX*. Chişinău: Bons Offices, 248–289.
- Мурзин, В.Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Мыськов, Е.П. и Лапшин, А.С. 2007. *Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники*. Волгоград: Издательство Волгоградского университета.
- Нейгбауэр, О. 1968. *Точные науки в древности*. Москва: Наука.
- Нелин, Д.В. 2004. Шибаево 1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, серия 1, исторические науки 2: 50–180.
- Новикова, О.И. Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации. В сб. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов (ред.) *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. Т. 1. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 261–262.
- Носевич, В. 2001. Еще раз о Востоке и Западе: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы. В сб. Л.И. Бородин, В.Н. Владимиров, И.Ф. Юшин (ред.) *Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе*. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 15–38.
- Носова, Л.В. 2002. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса). В сб. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев (ред.) *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции*. Часть 2. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 62–69.
- Обыденнов, М.Ф. 1991. *Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тыс. до н. э.* Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Обыденнов, М.Ф. 1998. *Археологические культуры конца бронзового века Прикамья*. Уфа: Издательство БЭК.
- Оленковський, М.П. і Гершкович, Я.П. 1993. Поселення білозерської культури Великі Копані I. В *Археологічні та історичні дослідження Херсонщини*. Херсон: Айлант, 4–17.
- Ольховский, В.С. 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным. *Советская археология* 4: 83–97.
- Отрощенко, В.В. 1975. Новый курганный могильник белозерского времени. В сб. А.И. Тереножкин (ред.) *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, 193–206.
- Отрощенко, В.В. 1981. *Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников)*. Рукопис дисертації на здобуття вченого ступеня кандидата істор. наук. НА ІА НАНУ.
- Отрощенко, В.В. 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры). В сб. В.М. Зубарь (ред.) *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев: Наукова думка, 5–17.
- Отрощенко, В.В. 1996. О функциях костяных лопатковидных наверший. В сб. Н.Б. Моисеев (ред.) *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: Тезисы докладов Международной научной конференции*. Тамбов, 7–9.
- Отрощенко, В.В. 1998. Сюжет перевтілення у знакові системі зрубної спільноти. *Археологічний альманах* 7: 93–98.
- Отрощенко, В.В. 2001. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ.
- Отрощенко, В.В. 2002. *Історія племен зрубної спільноти*. Рукопис дисертації на здобуття вченого ступеня доктора істор. наук. НА ІА НАНУ.
- Отрощенко, В. 2008. Укріплене поселення «Дикий Сад» у системі пам'яток білозерської культури. *Емінак* 1–4: 5–10.
- Отрощенко, В.В. 2011. Міркування щодо одного «аномального» тексту. *Магістеріум. Археологічні студії* 45: 14–18.
- Отрощенко, В.В. 2012. Повертаючись до теми останніх поховань зрубної спільноти. *Донецький археологічний збірник* 16: 246–250.
- Отрощенко, В.В. 2016. Міркування з приводу білозерської культурної спільноти. В З.П. Марина (ред.) *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, 150–155.
- Отрощенко, В. і Формозов, А. 1968. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла. *Studia Praehistorica* 9: 147–178.
- Павсаний. 1994. *Описание Эллады*. Москва: Ладомир.
- Палагута, І.В. 1996. Культурна належність пам'яток середньої та пізньої бронзи Черкаського Лівобережжя. *Археологія* 1: 61–69.
- Панковський, В.Б. 2005. До характеристики виробу з Дударкова. У зб. В.В. Отрощенко (ред.) *На пошану Софії Станіславівни Березанської*. Київ: Шлях, 275–282.
- Панковський, В.Б. 2007. Кістяна та рогова індустрія з поселення сабатинівської культури Новогригорівка. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7: 234–243.
- Панковський, В.Б. 2010. Новые данные о костяной индустрии тшинецкого культурного круга. У зб. С.Д. Лисенко (ред.) *Археологічні пам'ятки Фастівщини: матеріали та дослідження*. До 75-річчя Н.М. Кравченко. Фастів, 42–50.
- Панковський, В.Б. 2013. Індустрія скелетних матеріалів нижнього слоя Михайлівки. В кн. Н.С. Котова.

- Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 449–483.
- Панковський, В.Б. і Філатов Д. 2013. Нові зразки кістяної індустрії поселення Розанівка. У зб. О.І. Гуржій та ін. (ред.) *III Аркасівські читання. Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції (26–27 квітня 2013 р.)*. Миколаїв, 69–73.
- Пассек, Т.С. 1949. *Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетие до н. э.)*. Материалы и исследования по археологии СССР 10. Москва: Издательство АН СССР.
- Пастернак, Я. 1961. *Археологія України*. Торонто: Наукове товариство ім. Т.Г. Шевченка.
- Пелих, А.Л. 1998. О внешних связях Прикубанья в эпоху поздней бронзы (по металлическим изделиям). В сб. В.Я. Кияшко, В.А. Ларенок, В.В. Потапов (ред.) *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донской археологической конференции*. Ростов-на-Дону, 60–61.
- Петрунь, В.Ф. 1997. Краткое заключение о результатах камерального и полевого исследования камня археологических комплексов срубного времени Безыменное I и II. *Археологический альманах* 6: 161–162.
- Плеханова, Л. 2006. Особенности культурных слоев неукрепленных поселений эпохи бронзы Степного Зауралья. *Вестник Челябинского государственного университета. Востоковедение. Евразийство. Геополитика* 3: 42–64.
- Подобед, В.А., Усачук, А.Н. и Цимиданов, В.В. 2010. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы). В сб. В.И. Соенов (ред.) *Древности Сибири и Центральной Азии* 3 (15). Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского государственного университета, 14–33.
- Подобед, В.А., Усачук, А.Н. и Цимиданов, В.В. 2012. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века. *Донецкий археологический сборник* 16: 194–245.
- Подобед, В.А., Усачук, А.Н. и Цимиданов, В.В. 2013. Манипуляции в столбовых ямах. *Теория и практика археологических исследований* 1 (7): 33–48.
- Подобед, В.А., Усачук, А.Н. и Цимиданов В.В. 2014. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н. э.: типологические и хронологические сопоставления). *Древности Сибири и Центральной Азии* 7 (19). Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского государственного университета, 85–119.
- Покровська, Є.Ф. 1953. Кургани передкіфського часу в басейні р. Тясмин. *Археологія* 8: 128–137.
- Покровська, Є.Ф. і Петровська, Є.О. 1961. Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка. *Археологія* 13: 129–144.
- Полтавець, В.І. 2008а. Нові археологічні знахідки: браслети чорноліської доби. В зб. *Чигиринщина: історія і сьогодення. Матеріали науково-практичної конференції*. Черкаси: Вертикаль, 25–27.
- Полтавець, В.І. 2008б. З історії досліджень пам'яток передкіфського і скіфського часів у басейні р. Тясмину. *Археологія* 4: 33–44.
- Полтавець, В.І. 2013. Браслети субботовського типу (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья). *Revista Arheologică IX* (1): 198–220.
- Потапов, В.В. 1993. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры. *Российская археология* 3: 218–220.
- Потапов, В.В. 1997. Предскифские захоронения с восьмерковидными бляшками. В сб. Р.М. Мунчаев (ред.) *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России*. Вып. 1. Москва: Издательство Института археологии РАН, 35–39.
- Потапов, В.В. 2010. Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону. *Российская археология* 1: 155–157.
- Потапов, В.В. 2013а. Погребение эпохи финальной бронзы из могильника «Крест» в дельте Дона. В сб. В.Я. Кияшко (ред.) *Археологические записки*. Ростов-на-Дону, 213–229.
- Потапов, В.В. 2013б. «Некоторые дискуссионные проблемы» финальной бронзы и некоторые дискуссионные решения этих проблем. *Донецкий археологический сборник* 17: 225–270.
- Потемкина, Т.М. 1985. *Бронзовый век лесостепного Притобольшья*. Москва: Наука.
- Привалова, О.Я. и Привалов, А.И. 1987. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье. В сб. О.Г. Шапошникова (ред.) *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 94–108.
- Пробейголова, А.С. и Красильников, К.И. 2010. Результаты исследований поселений конца эпохи поздней бронзы на территории Луганской области в 2010 г. У зб. Є.О. Черних (ред.) *Археологічні відкриття на сході України в 2010 р: Тези наукової конференції*. Луганськ, 31–37.
- Пряхин, А.Д. 1977. *Погребальные абашевские памятники*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Пряхин, А.Д. 1993. *Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Книга первая*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Пряхин, А.Д. 1996. *Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Пьянкова, Л.Т. 1999. Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана. *Stratum plus* 2: 286–297.
- Рабинович, М.Г. 1969. Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье). *Советская этнография* 2: 15–23.
- Разумов, С.Н. 2010. Кремневые изделия многослойного поселения Кошеевка-8 на Фастовщине. У зб. Т.В. Неліна (ред.) *Фастівський державний краєзнавчий музей*: 35–41.
- Романчук, А.А. 2002. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата. *Stratum plus* 3: 8–117.
- Ромашко, В.А. 1979. Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ. В сб. И.Ф. Ковалева (ред.) *Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э.* Вып. 3. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 104–107.
- Ромашко, В.А. 1982. Поселение финальной бронзы – раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской области. В сб. И.Ф. Ковалева (ред.) *Древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э.* Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 54–59.
- Ромашко, В.А. 1985. Об одном из типов псалиев рубежа II – начала I тысячелетия до н. э. В сб.

- И.Ф. Ковалева (ред.) *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 90–97.
- Ромашко, В.А. 1987. Погребение с роговым топором-молотом из Приорелья. В сб. И.Ф. Ковалева (ред.) *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 48–54.
- Ромашко, В.А. 1995. *Поздний бронзовый век в пограничье лесотепи и степи левобережной Украины*. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета.
- Ромашко, В.А. 1996. О контактной зоне культур валиковой керамики. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)*. *Материалы Международной конференции*. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 66–69.
- Ромашко, В.А. 1998. «Чернолесская» столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины. У И.Ф. Ковальова (ред.) *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: Издательство Днепропетровского государственного университета, 79–96.
- Ромашко, В.А. 2001. Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины (домовые ландшафты и ландшафты домовых форм). В П.Ф. Добров и др. (ред.) *Проблемы археологии и архитектуры 1*. Донецк; Макеевка, 132–145.
- Ромашко В.А. 2007. Результаты исследований поселений позднего бронзового века в окрестностях местонахождения Лобойковского клада. *Матеріали та дослідження з археології Східної України 7*: 209–216.
- Ромашко В.А. 2013. *Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры)*. Киев: КНТ.
- Русанова, И.П. 2002. *Истоки славянского язычества*. Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Черновцы: Прут.
- Рыбаков, Б.А. 1962. Календарь IV в. из земли полян. *Советская археология 4*: 66–89.
- Рыбаков, Б.А. 1981. *Язычество древних славян*. Москва: Наука.
- Рыбалова, В.Д. 1961. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа 2*: 9–25.
- Рыбалова, В.Д. 1999. Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра и некоторые проблемы белогрудовской культуры (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953–1954 гг.). *Археологические вести 6*: 320–345.
- Рыков, П.С. 1936. *Очерки по истории Нижнего Поволжья*. Саратов.
- Рындина, Н.В. 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. В А.В. Арциховский, Б.А. Колчин (ред.) *Новые методы в археологии*. *Труды Новгородской археологической экспедиции*. Т. III. *Материалы и исследования по археологии СССР 117*. Москва: Издательство АН СССР, 200–247.
- Саврасов, А.С. 1996. Экспериментальное изучение технологии металлообрабатывающего производства. В кн. А.Д. Пряхин. *Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы*. Книга вторая. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 135–158.
- Сальников, К.В. 1951. Бронзовый век Южного Зауралья. В сб. А.Я. Брюсов (ред.) *Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья 2*. *Материалы и исследования по археологии СССР 21*. Москва: Издательство АН СССР, 94–151.
- Сальников, К.В. 1959. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. *Башкирский археологический сборник 11*: 30–46.
- Самойловский, И.М. 1960. Субботовский могильник. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР 9*: 93–95.
- Санжаров, С.Н. 1988. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями. *Советская археология 1*: 140–158.
- Санжаров, С.Н. 2010. *Восточная Украины на рубеже эпох средней–поздней бронзы*. Луганск: Издательство Восточноукраинского национального университета им. В. Даля.
- Сафонов, И.Е. 1996а. Особенности хозяйственного календаря срубной культуры Доно-Донецкого региона. В сб. В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхин (ред.) *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: Тезисы конференции*. Часть 2. Воронеж, 66–70.
- Сафонов, И.Е. 1996б. «Священные» числа и восприятие времени в абашевском и срубном мире. В сб. В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхин (ред.) *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Тезисы конференции*. Часть 1. Воронеж, 63–65.
- Свешников, И.К. 1968. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иवानья Ровенской области. *Советская археология 2*: 159–168.
- Седова, М.С. 1993. О некоторых принципах типологизации построек срубной культуры. В сб. Г.И. Матвеева (ред.) *Археологические исследования в Поволжье*. Самара: Издательство «Самарский университет», 68–78.
- Синицын, И.В. и Фисенко, В.А. 1972. Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова. *Античный мир и археология 1*: 12–28.
- Синюк, А.Т. 1981. Стоянка Копанице-2. В сб. А.Д. Пряхин (ред.) *Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 104–114.
- Синюк, А.Т. и Козмирчук, И.А. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений). В сб. И.Б. Васильев (ред.) *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.)*. Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета, 37–72.
- Ситников, С.М. 2004. Псалии саргаринско-алексеевской культуры (по материалам лесостепного и степного Алтая). *Археологический альманах 15*: 139–142.
- Скорый, С.А. 1997. К вопросу о скифском этнокультурном компоненте на поселениях лесостепного Правобережья. *Древности 8*–14.
- Скорый, С.А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев; Полтава: Археология.
- Слюсарська, К. 2011. Гордіївка – феномен чи ні? Проблеми інтерпретації явища. У В.І. Клочко

- (ред.) *Гордіївський могильник*, Вінниця: Вістка, 124–140.
- Смирнов, А.С. и Сорокин, А.Н. 1984. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца. *Советская археология* 4: 138–150.
- Смирнов, К.Ф. 1961. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. *Советская археология* 1: 46–72.
- Смирнова, Г.И. 1957. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 70: 99–107.
- Смирнова, Г.И. 1969. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н. э.). В сб. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова (ред.) *Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР* 150. Москва: Наука, 7–34.
- Смирнова, Г.И. 1976. Гавско-Голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 13: 18–34.
- Смирнова, Г.И. 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолеско-жаботинских памятников). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 23: 60–72.
- Смирнова, Г.И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 25: 43–60.
- Смирнова, Г.И. 1985а. Поселение у с. Днестровка – памятник чернолесской культуры на Днестре. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 26: 5–29.
- Смирнова, Г.И. 1985б. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. *Советская археология* 4: 33–54.
- Сорокин, В.С. 1962. Жилища поселения Тасты-Бутак. *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 91: 51–55.
- Спицын, А.А. 1911. Скифы и Галыштатт. В *Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому*. Санкт-Петербург, 155–168.
- Сыроватко, А.С. 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов гьяковской культуры. Москва: Shebuk.
- Татарников, С.И. 1982. Раннескифское погребение из Приазовья. *Советская археология* 1: 227–229.
- Телегін, Д.Я. 1956. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. *Археологічні пам'ятки УРСР* VI: 75–84.
- Телегін, Д.Я. 1959. Оскольская экспедиция 1955–1956 годов. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР* 8: 72–79.
- Тереножкин, А.И. 1951а. Отчет о раскопах на городище в с. Субботове, Чигиринского района Кировоградской области в 1951 году. НА ІА НАНУ, № 11а.
- Тереножкин, О.І. 1951б. Поселення білоградівського типу біля Умані. *Археологія* V: 173–182.
- Тереножкин, О.І. 1952. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. *Археологія* VII: 110–135.
- Тереножкин, А.И. 1953. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. В сб. *Доклады VI научной конференции Института археологии*. Киев, 151.
- Тереножкин, А.И. 1954. Культура предскифского времени в Степном Поднепровье (чернолесский этап). В сб. *Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)*. Москва, 94–111.
- Тереножкин, А.И. 1955а. Об этнической принадлежности племен скифского времени в Правобережной Лесостепи. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР* 4: 75–77.
- Тереножкин, А.И. 1955б. Отчет об археологических раскопках на Субботовском городище в 1955 году. НА ІА НАНУ, № 5а.
- Тереножкин, А.И. 1957. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 67: 3–16.
- Тереножкин, А.И. 1961. *Предскифский период на Днепро-Правобережье*. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин, А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода. *Советская археология* 1: 63–85.
- Тереножкин, А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин, А.И. и Ильинская, В.А. 1971. Отчет Скифской Среднеднепровской экспедиции 1971 года в Черкасской области. НА ІА НАНУ, № 12.
- Ткачук, Т.М., 2005. *Знакові системи Трипільсько-Кукутенської спільності (мальований посуд)*. Частина 1. Вінниця: Нова Книга.
- Ткачук, Т.М., Мельник, Я.Г. 2005. *Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд)*. Частина 2. Вінниця: Нова Книга.
- Топоров, В.Н., 1992. Крест. В С.А. Токарев (ред.) *Мифы народов мира* 2. Москва: Советская энциклопедия, 12–14.
- Тощев, Г.Н. 1992. Белозерский могильник Будуржель в Подунавье. *Российская археология* 3: 19–30.
- Тощев, Г.Н. и Черняков, И.Т. 1986. Культурные зольники сабастиновской культуры. В сб. В.Н. Станко, И.Т. Черняков, Л.В. Субботин (ред.) *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 115–138.
- Триль, Ю.Н. 2008. Ритуал в традиционной культуре. *Известия Российского гуманитарного педагогического университета им. А.И. Герцена* 61: 263–268.
- Усачева, И.В. 2007. Доместикация пространства. В сб. С.А. Арутюнов (ред.) *Миф, обряд и ритуальный предмет в древности*. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 234–239.
- Усачук, А.Н. 2013. *Древнейшие псалии (изготовление и использование)*. Киев; Донецк.
- Фабриціус, І.В. 1927. *Відчит про діяльність Херсонського історико-археологічного музею. Червоні роки 1917–1927 рр. Літопис музею* 8. Херсон.
- Файзуллин, И.А. 2012. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья. *Известия Самарского научного центра РАН* 14(3): 226–230.
- Физико-географическое районирование УССР*. 1968. Киев: Наукова думка.
- Фридрих, И. 1979. *История письма*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Халиков, А.Х. 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VII вв. до н. э. Москва: Наука.
- Халиков, А.Х. 1980. *Приказанская культура. Свод археологических источников СССР* В1-24. Москва: Наука.

- Харинский, А.В. 2005. Вооружение жителей Приольхонья в III в. до н. э. – IV в. н. э. и некоторые тенденции развития военного дела населения Предбайкалья. В сб. А.А. Тишкин (ред.) *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 46–51.
- Хлопин, И.Н. 1994. Туркменское ковроделие: древнейшие инструменты. *Российская археология* 3: 83–91.
- Хохмут, М. 2011. Археозоологические исследования. In E. Sava, und E. Kaiser. *Die Siedlung mit «Aschehügeln» beim Dorf Odaia-Miciurin, Republic Moldova*. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. *Seria Tirageti* XIX. Chişinău: Bons Offices, 335–350.
- Цетлин, Ю.Б. 2001. Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии. В сб. В.И. Завьялов (ред.) *Древние ремесленники Приуралья*. Ижевск: Издательство УИИЯЛ УрО РАН, 54–75.
- Цимиданов, В.В. 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк.
- Цимиданов, В.В. 2010. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект. *Археологический альманах* 21: 120–139.
- Чередниченко, М.М. 1977. Хронология срубной культуры Північного Причорномор'я. *Археологія* 22: 3–21.
- Чередниченко, Н.Н. 1979. О некоторых проблемах срубной культуры. В *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тезисы докладов научной конференции*. Донецк: 6–8.
- Черников, С.С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. *Материалы и исследования по археологии СССР* 88. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Черных, Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.
- Черных, Е.Н. 1978а. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издательство на БАН.
- Черных, Е.Н. 1978б. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. *Советская археология* 4: 53–82.
- Черных, Е.Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии. В сб. Г.Б. Зданович (ред.) *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск: Башкирский университет, 81–99.
- Черных, Е.Н., Лебедева, Е.Ю., Журбин, И.В. и Лопес-Саец, Х.А. 2002. Каргалы. Т. II. Москва: Языки славянской культуры.
- Черняков, И.Т. 1962. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской обл. *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 4: 138–143.
- Черняков, И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наукова думка.
- Черняков, И.Т. 2010. Дикий Сад, Гомер, Геродот, Троя, ахейці та киммерійці (коментар одного археологічного відкриття в Україні). *Праці центру пам'яткознавства* 17: 116–122.
- Членова, Н.Л. 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. *Материалы и исследования по археологии СССР* 182. Москва: Наука.
- Членова, Н.Л. 1973. Карасукские находки на Урале и Восточной Европе. *Советская археология* 2: 191–204.
- Чубатенко, И.А. 1998. Керамика многоваликово-покровского горизонта поселения Ильичевка: две технологические традиции. *Археологический альманах* 7: 140–158.
- Шаповалов, Т.А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. В сб. Д.Я. Телегин (ред.) *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 150–172.
- Шарафутдинова, И.М. 1964. Поселения эпохи пізньої бронзи порблизу Кременчуга. *Археологія* XVII: 153–169.
- Шарафутдинова, И.Н. 1982. *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы*. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова, Э.С. 1980. *Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура)*. Свод археологических источников В1-11. Ленинград: Наука.
- Шарафутдинова, Э.С. 1985. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья. В сб. С.Г. Басин (ред.) *Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации)*. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института, 146–183.
- Шарафутдинова, Э.С. 1991. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье. *Советская археология* 1: 184–196.
- Шевченко, Н.П. 1987. Памятники чернолесской культуры Среднеднепровского Левобережья. В сб. *Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Часть II*. Кировоград, 89–90.
- Шовкопляс, И.Г. 1954. Поселения ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологія* IX: 98–105.
- Шрамко, Б.А. 2000. Некоторые вопросы развития строительства в Лесостепной Скифии. В сб. С.Д. Крыжицкий (ред.) *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк: Східний видавничий дім, 28–30.
- Шрамко, Б.А., Фомин, Л.Д. и Солнцев, Л.А. 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период). *Советская археология* 1: 57–74.
- Шрамко, И.Б. 2005. Новые данные о наземных жилищах у населения Днепровской Лесостепи в скифскую эпоху. *Древности*: 24–34.
- Щетенко, А.Я. 1999. О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе). *Stratum plus* 2: 323–335.
- Щетенко, А.Я. и Кутимов, Ю. Г. 1999. Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе. *Археологические вести* 6: 114–123.
- Щукин, М.Б. 1988. Чары черняховской культуры. *Знание – сила (ноябрь)*: 26–31.
- Яровой, Е.В., Кашуба, М.Т. и Махортьх, С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В сб. Е.В. Яровой (ред.) *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Типар, 279–343.
- Agulnikov, S. 1996. *Necropola culturii Belozerka de la Cazacklia*. *Biblioteca Thracologica* XIV. Bucureşti: Krok Service SRK.
- Ailincăi, S.-C. 2013. *Începuturile epocii fierului în Dobrogea. Cercetările arheologice de la Revărsarea, Isaccea, judeţul Tulcea*. *Biblioteca Istra-Pontică. Seria arheologie* 8. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei.

- Ailincăi, S.-C. 2016. Analysis and interpretation of the Babadag Culture pottery decoration style. In A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băt (Hrsg.) *Mench, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im nördlichen Eurasien. Beiträge zu ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava. Tyrageia International I*: 319–336.
- Ailincăi S.-C., Mihail, F. și Constantinescu, M. 2013. Așezarea din prima epocă a fierului de la Enisala–Palanca. Cercetările arheologice din anul 2010. În S.-C. Ailincăi, A. Țârlea, C. Micu (red.) *Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962–2012)*. Brăila: Editura Istros, 387–460.
- Andrișoiu, I. 1992. *Civilizatia Thracilor din Sud-Vestul Transilvaniei on epoca bronzului. Bibliotheca Thracologica II*. București: București Institutul român de tracologie.
- Armit, J. 2007. Hillforts at War: From Maiden Castle to Taniwaha Pā. *Proceedings of the Prehistoric Society* 73: 25–37.
- Arnold, D.E., 2000. Does the Standardization of Ceramic Pastes Really Mean Specialization? *Journal of Archaeological Method and Theory* 7 (4): 333–375.
- Bednarczyk, J., Jaworska J., Marciniak, A. and V. Ruiz del Arbol. 2015. Ancient salt exploitation in the Polish lowland: recent research and future perspectives. In R. Brigand, O. Weller (eds.) *Archaeology of salt. Approaching an invisible past*. Leiden: Sidestone Press, 103–121.
- Bell, C. 1992. *Ritual theory, ritual practice*. Oxford: Oxford University Press.
- Bell, C. 1997. *Ritual. Perspectives and dimensions*. Oxford: Oxford University Press.
- Berezanskaja, S.S. und Kločko, V.I. 1998. *Das Gräberfeld von Hordeevka. Archäologie in Eurasien 5*. Berlin: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Bloch, M. 1995. The resurrection of the house amongst the Zafiminy of Madagascar. In J. Carsten, S. Hugh-Jones (eds.) *About the house: Lévi-Strauss and beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, 69–83.
- Bočkarov, V.S. und Leskov, A.M. 1980. *Jung- und spät-bronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Prähistorische Bronzefunde XIX (1)*. München: C.H. Beck.
- Boroffka, N. 1994. Probleme der jungbronzezeitlichen keramik in Ostungarn und Westrumänien. In H. Ciugudean and N. Boroffka (eds.) *The Early Hallstatt period (1200–700 BC) in South Eastern Europe*. Alba Iulia, 7–23.
- Boroffka, N. 1998. Boroffka, N. 1998. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen (Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud. Teil II). *Eurasia Antiqua* 4: 81–135.
- Bouzek, J. 1985. *The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural interrelations in the Second Millenium BC*. Praha: Academia.
- Bouzek, J. 1999. Climatic changes and southern relations: two aspects of the East Hallstatt cultures. In E. Jerem, I. Poroszlai (eds.) *Archaeology of the Bronze and Iron Age. Experimental Archaeology, Enviromental archaeology, Archaeological Parks. Preceedings of the International Archaeological Conference. Százholmbatta, 3–7 October 1996*. Budapest, 13–24.
- Bradley, R. 2005. *Ritual and domestic life in prehistoric Europe*. London; New York: Routledge.
- Brück, J. 1999a. Houses, lifecycles and deposition on Middle Bronze Age settlements in Southern England. *Proceedings of the Prehistoric Society* 65: 145–166.
- Brück, J. 1999b. Ritual and rationality. Some problems of interpretation in European archaeology. *European Journal of Archaeology* 2 (3): 313–344.
- Brück, J. 2006. Fragmentation, personhood and social construction of technology in Middle and Late Bronze Age Britain. *Cambridge Archaeological Journal* 16/2: 297–315.
- Brukner, B., Jovanovic B. i Tasic, N. 1974. *Praistorija Vojvodine*. Novi Sad: Institut za izučavanje istorije Vojvodine Savez arheoloških društava Jugoslavije Beogra.
- Bukowski, Z. 1988. Critically about the so-called amber route in the Odra and Vistula rivers basins in the Early Iron Age. *Archaeologia Polona* XXVIII: 71–122.
- Bunyatyán, K. 2003. Correlation between Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic Steppe Area during the Bronze Age. In M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle (eds.) *Prehistoric steppe adaptation and the horse. McDonald Institute monographs*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Studies, 269–286.
- Cameron, C.M. 1993. Abandonment and archaeological interpretation. Abandonment of settlements and regions. In C.M. Cameron, S.A. Tomka (eds.) *Ethnoarchaeological and archaeological approaches*. Cambridge: Cambridge University Press, 3–7.
- Cavruk, V. 1996. Cîteva considerații privind originea culturii Noua. *Angustia* 1: 67–78.
- Chapman, J. 2007. Integrating Fragmentation Practices into Landscape Archaeology. In L. Popova, Ch. Hartkez, A. Smith (eds.) *Social orders and Social landscapes*. Newcastle: Cambridge Scholar Publishing, 55–94.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na teryny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1993.
- Ciugudean, H. 1994. The Hallstatt A Period in Central Transilvania. In H. Ciugudean, N. Boroffka (eds.) *The Early Hallstatt period (1200–700 BC) in South-Eastern Europe. Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10–12 June, 1993. Biblioteca musei Apulensis I. Alba Iulia*, 25–40.
- Clark, G. 1962. *Prehistoric England*. London: B.T. Batsford Ltd.
- Cromfoot, G.M. 1954. Textiles, basketry, and Mats. In C. Singer, E.J. Holmyard, P. Hall (eds.) *History of technology*. Oxford: Clarendon Presse, 413–447.
- Czopek, S. 2009. Kilka uwag o niektórych zabytkach kultury wysockiej. У В.В. Отрощенко (ред.) *Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. Збірка наукових праць на пошану Лариси Іванівни Крушельницької*. Київ; Львів, 140–147.
- Dąbrowski, J. 1972. *Powiązania ziem polskich z terenami wschodnimi w epoce brązu*. Wrocław: Wyd. PAN.
- Dąbrowski, J. 1987. Stan i potrzeby badań nad kulturą trzcinecką. W *Kultura trzcinecka w Polsce. Materiały z Symposium*. Kraków, 5–18.
- Dietrich, L. 2011. «Aschehügel» der Noua-Kultur als Plätze von Arbeit und Fest. In R.E. Nemeth, B. Rezi, S. Berecki (eds.) *Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium Form Târgu Mureș, 8–10 October 2010. Bibliotheca Musei Marisiensis* 4. Targu Mureș: Mega, 131–141.

- Dragomir, I.T. 1959. Săpăturile arheologice de la Cavadinești. *Materiale și Cercetări Arheologice* VI: 451–471.
- Dragomir, I.T. 1961. Săpăturile arheologice de la Cavadinești. *Materiale și cercetări Arheologice* VII: 151–162.
- Dragomir, I.T. 1981. Contribuții arheologice și etnografice referitoare la procesul de formare al așezarilor de tip cenușar «Zolniki». *Danubius* X: 31–58.
- Dubovskaja, O.R. 1997. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der «Novočerkassk-Gruppe». *Eurasia Antiqua* 3: 277–328.
- Enăchiuc, V. 1995. Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomița. In T. Soroceanu (Hg.). *Prähistorische Archäologie in Südosteuropa* 10. *Bronzefunde aus Rumänien* 2–5. Berlin: Wiss.-Verl. Spiess, 279–311.
- Erkanal, H. 1977. *Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien. Prähistorische Bronzefunde* IX, 8. München: C.H. Beck.
- Falting, D. 1998. *Die Keramik der Lebensmittelproduktion im Alten Reich. Ikonographie und Archäologie eines Gebrauchsartikels. Studien zur Archäologie und Geschichte Ägyptens* 14. Heidelberg: Heidelberger Orientverlag.
- Ferguson, R.B. 1984. Introduction: studying war. In R.B. Ferguson (ed.) *Warfare, Culture, Environment*. Orlando, Academic Press, 1–81.
- Fleming, A. 1975. The implication of Calibration. In T. Watkins (ed.) *Radiocarbon: calibration and Prehistory*. Edinburg: Edinburg University Press, 101–108.
- Florescu, A. 1957. Șantierul arheologic Trușești. *Materiale și Cercetări Arheologice* III: 203–215.
- Florescu, A. 1964. Contribuții la cunoașterea culturii Noua. *Arheologia Moldovei* II–III: 143–216.
- Florescu, A. 1991. *Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. Cultură și civilizația Dunărea de Jos* IX. Calarași: Publirom S.A.
- Garrow, D. 2012. Odd deposits and average practice. A critical history of the concept of structured deposition. *Archaeological Dialogues* 19 (2): 85–115.
- Gedl, M. 1998. *Młodsza epoka brązu we wschodniej części Polskich Karpat*. Kraków: Oficyna Cracovia.
- Gerasimenko, N.P. 1995. Holocene landscapes and climate changes in South-Eastern Ukraine. In A. Velichko (ed.) *Climate and environmental changes of East Europe during Holocene and Late-Middle Pleistocene*. Moscow, 38–49.
- Gerškovič, Ja.P. 1999. *Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und der Westküste des Azov'schen Meeres. Archäologie in Eurasien* 7. Rahden, Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Gershkovich, Ya. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Late Bronze Age. In M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle (eds.) *Prehistoric steppe adaptation and the horse. McDonald Institute monographs*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Studies, 307–317.
- Gershkovich, Ya.P. 2011. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Northern Pontic Steppe. In E. Sava, B. Govedarica, B. Hänsel (eds.) *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)*. Band 2. *Globale entwicklung versus lokalgeschehen. prähistorische Archäologie in Südosteuropa* 27. Rahden, Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 166–177.
- Gogăltan, F. 1999. *Bronzul timpuriu și mijlociu on Banatul Romănesc și pe cursul inferior al Murșului. Cronologia și descoperirile de metal. Biblioteca historica et archaeological Banatica* XXIII. Timișoara: Orizonturi universitate.
- Gogăltan, F. and Ursuțiu, A. 1994. The settlement of Basarabi type from Iernur, Hamlet Sfântu Gheorghe. In H. Ciugudean, N. Boroffka (eds.) *The Early Hallstatt period (1200–700 BC) in South-Eastern Europe. Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10–12 June, 1993. Biblioteca musei Apulensis* I. Alba Iulia, 81–96.
- Gorbenko, K.V. and Grebennikov, Yu.S. 2009. The «Dykyi Sad» fortified settlement as a uniting link in the context of economic, political and cultural relation of 1200–1000 BC (the Baltic shore, the Pontic region and the Medirerranean). In A. Koško, V.I. Klochko (eds.) *Routes between the seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC. Baltic-Pontic Studies* 14: 375–390.
- Górski, J., Lysenko, S. and Makarowich, P. 2003. Radiocarbon chronology of the Trzciniec cultural circle between the Vistula and Dnieper Basin. In A. Koško, V.I. Klochko (eds.) *The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Baltic-Pontic Studies* 12: 253–306.
- Gotzev, A. 1994. Decoration of the Early Iron Age pottery from South-East Bulgaria. In H. Ciugudean, N. Boroffka (eds.) *The Early Hallstatt period (1200–700 BC) in South-Eastern Europe. Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10–12 June, 1993. Biblioteca musei Apulensis* I. Alba Iulia, 97–127.
- Graham, M. 1993. Settlement organization and residential variability among the Rarámuru. In C.M. Cameron, S.A. Tomka (eds.) *Abandonment of Settlement organization and regions. Ethnoarchaeological and archaeological approaches*. Cambridge: Cambridge University Press, 25–41.
- Grömer, K. 2013. Discovering the people behind the textiles: Iron Age textiles producers and their products in Austria. In M. Gleba, J. Pásztoakai-Szeőke (eds.) *Making Textiles in pre-Roman and Roman Times: People, Places, Identities*. Oxford; Oakville: Oxbow Books, 30–59.
- Gumă, M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în Sud-Vestul României. Bibliotheca Thracologica* IV. București: Institutul Român de Thracologie.
- Guma, M. 1995. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review. *Thraco-Dacica*. XVI (1–2): 99–137.
- Gumă, M. și Gumă, N. 1977. Săpături de salvare la Valea Timișului (judențului Caraș-Severin). *Banatica* 4: 45–67.
- Hansen, S. 1994. *Studien zu den Metaldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken*. T. 1. Bonn: Habelt R.
- Hänsel, B. 1968. *Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken*. Bonn.
- Hänsel, B. 1974. Die Gliederung der älteren Hallstattzeit im Thrakischen Raum. *Thracia* 3: 87–94.
- Hänsel, B. 1976. *Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Archäologie des Mittelmeer-Kulturräume* 19. Bonn: Rudolf Habelt Verlag.
- Hänsel, B. 1982. Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. In: B. Hänsel (Hrsg.) *Prähistorische Archäologie in Südosteuropa* 1. Berlin: Moreland Aditions-Bad Bramstedt, 3–38.

- Hänsel, B. 1997. Gaben an die Göter-Schätze der Bronzezeit Europas – eine Einführung. In A. Hänsel, B. Hänsel (Hrsg.) *Gaben an die Götter: Schätze der Bronzezeit Europas. Bestandskataloge* 4. Berlin, 11–22.
- Harding, A.F. 1984. *The Mycenaean and Europe*. London: Academic Press Inc.
- Horedt, K. 1963. Hallstätische Tierfiguren aus Lechința de Mureș (rayon Luduș). *Dacia N. S.* VII: 527–534.
- Hüttel, H.-G. 1981. *Bronzezeitliche Trensens in Mittel- und Osteuropa. Prähistorische Bronzefunde* XIX (2). München: C.H. Beck
- Jantzen, D., Brinker, U., Orschiedt, J., Heinemeier, J., Piek, J. and Hauenstein, K. 2011. A Bronze Age battlefield? Weapons and trauma in the Tollense Valley, north-eastern Germany. *Antiquity* 85: 417–433.
- Jevtić, M. 1994. Stamped pottery of Insula Banului type and the beginning of the Basarabi Culture in Serbia. In H. Ciugudean, N. Boroffka (eds.) *The Early Hallstatt period (1200–700 BC) in South-Eastern Europe. Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10–12 June, 1993. Biblioteca musei Apulensis* I. Alba Iulia, 129–142.
- Jugănar, G. 2005. *Kultura Babadag. Istro-Pontică* 7. Constanța: Ex Ponta.
- Kadrow, S. 1998. The «Pompeii Premise» and Archaeological Investigations in Poland – Selected Aspects. In W. Hensel, S. Tabaczynski, P. Urbanczyk (eds.) *Theory and practice of archaeological research. Dialogue with the data: the archaeology of complex societies and its context in the '90s*. III. Warszawa: Polska akademia nauk. Instytut archeologii i etnologii, 287–301.
- Kaiser, E. and Sava, E. 2006. Die «Aschehugel» der späten Bronzezeit im Nordpontikum. Erste Ergebnisse eines Forschungsprojekts in Nordmoldavien. *Eurasia Antiqua* 12: 137–172.
- Kašuba, M. 2007. Das Siedlungswesen zu Beginn der Früheisenzeit im Mitteldnestrgebiet (Nordwestpontikum). Die unteren Zehntausend – auf den Unterschichten der Eisenzeit. *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas* 47: 127–138.
- Kašuba, M. 2008a. Despre depunerile de oseminte umane în așezările hallstattiene timpurii (sec. X–IX a. Chr.) cultura Saharna în regiunea Nistrului de Mijloc (spațiul nord-vest pontic). In C.S. Ailincăi (ed.) *Omăgiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare*. Constanța: Editura Dobrogea, 106–120.
- Kašuba, M. 2008b. Materiale ale culturii Șoldanești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare. *Tyragetia, s. n.*, II (XVII), 1: 37–50.
- Kashuba, M., Levitski, O. 2012. The Hallstatt house-building techniques of the Carpathian-Danube region and the emergence of circular pit-houses in the Early Scythian period in North-West Pontic. In W. Blaje (ed.) *Peregrinations archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Wydawnictwo Profil-Arche, 573–582.
- Keely, L.H. 1996. *War before Civilization: the myth of the peaceful savage*. Oxford: University Press.
- Kemenzci, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II. Prähistorische Bronzefunde* IV (9). München, C.H. Beck.
- Kločko, V.I. 1995. Zur bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine (Die Metallwaffen des 17.–10. Jhs. v. Chr.). *Eurasia Antiqua* 1: 81–163.
- Klochko, V.I. 2001. *Weaponry of societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC. Baltic-Pontic Studies* 10. Poznan: Drukarnia Kolejowa.
- Klochko, V., Kovalyukh, N., Skripkin, V. and Motzenbecker, I. 1998. The chronology of the Subotiv settlement. *Radiocarbon* 40 (2): 667–673.
- Koepf, C.W. 2009. Egypt, ancient. In J.H. Birx (ed.) *Encyclopedia of Time. Science, Philosophy, Theology and Culture* 1. Los Angeles – London – New Delhi – Singapore – Washington: SAGE, 385–391.
- Kossak, G. 1980. «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa. *Situla* 20–21: 109–143.
- Kossack, G. 1994. Neufunde aus dem Novočerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervöder späten Bronzezeit. *Il mar Nero. Annali di archeologie e storia* I: 19–54.
- Kushtan, D. 2015. The Late Bronze Age Trans-Eurasian «Tin» Road. In P. Suchowska-Ducke, S.M. Reiter, H. Vandkilda (eds.) *Forging Identities. The Mobility of Culture un Bronze Age Europe* 2. *BAR International Series* 2772: 95–105.
- Kristiansen, K. 2013. Integrating dry lands and wetlands in late prehistoric farming regimes. In F. Menotti and A. O'Sullivan. *The Oxford Handbook of Wetland Archaeology*, 795–810.
- László, A. 1975. Oncepturile metalurgiei fierului pe teritoriul României. *Începuturile metalurgiei fierului pe teritoriul României. Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* 26 (1): 17–39.
- László, A. 1986. Grupul Tămăoni. Asupra orizontului hallstattian timpurii cu ceramica incizata din sudul Moldovei. *Memoria Antiquitatis* 12–14: 65–92.
- László, A., 1994. *Începuturile epocii fierului la est de Carpați. Bibliotheca Thracologica* VI. București: S.C. Melior Trading.
- László, A. 1995. Statuetele antropomorfe ale culturii Gáva-Holigrady. *Memoria Antiquitatis* XX: 85–97.
- Lazăr, C., Ignat, Th., Stan, S., Moldoveanu, K. and Rădulescu, F. 2012. Beyond the archaeological imagination. Observations about Kodjadermen-Gumelnița-Karanovo VI architecture based on a study of experimental archaeology. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 12 (2): 55–79.
- Leskov, A.M. 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördliche Schwarzmeergebiet. *Depots mit einheimischen formen. Prähistorische Bronzefunde* XX, 1. München: C.H. Beck.
- Levițcki, O., 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpat-Dnistrien a l'époque du Hallstatt. *Symposia Thracologica* 9: 120–121.
- Levițcki, O. 1994. *Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați. Bibliotheca Thracologica* VII. București: S.C. Melior Trading.
- Levitskii, O.G. et Sava, E.N. 1993. Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua dans la zone comprise entre le Prout et le Nistru. *Culture et civilisation au bas Danube* X: 125–156.
- Lysenko, S.D. and Lysenko, S.S. 2009. Ground communications of the Eastern area of the Trzciniac Culture circle. In A. Koško (ed.) *Routs between the seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the Middle of the 1st millennium BC. Baltic-Pontic Studies* 14, 338–367.
- Lytvinenko, R.O. 2013. Central European parallels to the Dnieper-Don centre of the Babyno culture. In A. Koško (ed.) *The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic drainage basin 3200–1750 BC. Baltic-Pontic Studies* 18, 121–138.
- Makarowicz, P. 2012. Zwischen baltischem Bernstein und transylvanischem Gold. Der Trzciniac-Kulturkreis – nordöstlicher Partner der Otomani / Fűzesabony-Kultur. In M. Jaeger, J. Czebreszuk, K. Fischl. *Enclosed Space – Open Society. Contact and Exchange in the Context of Bronze Age Forti-*

- fied Settlements in Central Europe. *Studien zur Archäologie in Ostmitteleuropa* 9. Poznań; Bonn, 177–214.
- Makarowicz, P. 2015. Barrows, Long-distance Mobility and Peripheral Elites between the Baltic and Black Seas. In P. Suchowska-Ducke, S.M. Reiter, H. Vandkilda (eds.) *Forging Identities. The Mobility of Culture in Bronze Age Europe* 2. *BAR International Series* 2772: 213–223.
- Medović, P. 1998. *Kalakača. Naselje ranog gvozdenog doba*. Novi Sad: Vojvodanski muzej.
- Metzner-Nebelsick, C. 2005. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Hordeevka am Südlichen Bug im Spannungsfeld seiner auswärtigen Bezüge. In B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan (Hrsg.) *Interpretationsraum Bronzezeit Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie* 121. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 293–315.
- Morintz, S. 1964. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière des fouilles de Babadag. *Dacia* VIII: 101–132.
- Morintz, S. 1978. *Contribuții la istoria tracilor timpurii. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic* 1. București: Editura Academiei Republicii Socialiste Romania.
- Morintz, S. 1987. Noi date și probleme privind perioadele hallstattiana timpurie și mijlocie în zona istropică (cercetările de la Babadag). *Thraco-Dacia* VIII (1–2): 39–71.
- Morintz, S. și Roman, P. 1969. Un dou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României – Insula Banului. *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* 20 (3): 393–422.
- Mozsolics, A. 1953. Mors et bois de cerf sur territoire du bassin der Carpathes. *Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae* 3: 110–205.
- Mozsolics, A. 1967. *Bronzefunde des Karpatenbeckens*. Budapest.
- Mozsolics, A. 1973. *Bronze und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depot-fundhorizonte von Forro und Ópályi*. Budapest.
- Nicic, A. 2008. *Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin (la finele mil. II – începutul mil. I a. Chr.)*. Biblioteca Tyrigetia XV. Chișinău.
- Niculiță, I., Zanoci, A. and Băț, M. 2016. The horizon with incised pottery of the Holercani-Hanka type in the Middle Dniester river region. In A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băt (Hrsg.) *Mensch, kultur und gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava*. *Tyrigetia International* I: 295–317.
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1953. Contribuții la problema sfârșitului epocii bronzului și începutului epocii fierului în Moldova. *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* IV (3–4): 443–487.
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Biblioteca de arheologie XXX. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1998. *Arm- und Beinschmuck in Rumänien. Prähistorische Bronzefunde* X. Band 4. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Pieniżek, M. 2011. Kultische Landschaften in der Steppe. Zu den Anfängen sakraler Architektur im Nordpontikum. *Praehistorische Zeitschrift* 86 (1): 8–30.
- Ramsey, C. 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon* 51 (1): 337–360.
- Randsborg, K. 1991. Historical implications. Chronological studies in European Archaeology c. 2000–500 BC. *Acta Archaeologica* 62: 89–108.
- Rassamakin, Ju.Ja., 2004. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit II*. *Archäologie in Eurasien* 17. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Ramsey, C. Bronk, Buck, C.E., Cheng, H., Edwards, R.L., Friedrich, M., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hafliðason, H., Hajdas, I., Hattı, C., Heaton, T.J., Hoffmann, D. L., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., Manning, S.W., Niu, M., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Staff, R.A., Turney, C.S.M. and van der Plicht, J. 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50.000 cal BP. *Radiocarbon* 55 (4): 1869–1887.
- Renfrew, C. 1995. The Archaeology of Religion. In C. Renfrew, E.B.W. Zubrow (eds.) *The ancient mind. Elements of cognitive archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 47–54.
- Rența, E. 2008. *Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița*. Muzeul Județean Ialomița. *Seria situri arheologice* III. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Sava, E. 1998. Die rolle der «ostlichen» und «westlichen elemente bei der genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets). In B. Hänsel, J. Machnik (Hrsg.) *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe*. München: Rahden, Westf., 267–312.
- Sava, E. 2003. *Interferențe cultural – cronologice on epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistean (complexul cultural Noua-Sabatinovka)*. *Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice*. Chișinău.
- Sava, E. 2005. Die spätbronzezeitlichen Aschügel («Zol'niki») – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. In F. Bertemes, B. Hänsel, K. Peschel, K.-H. Willroth (Hrsg.) *Praehistorische Zeitschrift* 1 (80). Berlin; New York, 66–109.
- Sava, E. und Kaiser, E. 2011. *Die Siedlung mit «Aschühügeln» beim dorf Odaia-Miciurin, Republic Moldova*. *Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen*. *Seria Tyrigetia* XIX. Chișinău: Bons Offices.
- Sava, E. și Sîrbu, M. 2009. Așezări cu «cenușare» în bazinul Răutului (Catalog). *Tyrigetia. s. n., II (XVII)*, 1: 37–50.
- Schneeweiß, J. 2007. *Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe I. Untersuchungen zur spätbronze- bis früheisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung*. *Archäologie in Eurasien* 22. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- Ślusarska-Michalik, K. 2003. Radiokarbon chronology of the «Hordeevka type». In A. Koško, V.I. Klochko (eds.) *The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC*. *Baltic-Pontic Studies* 12: 365–381.
- Ślusarska, K. 2009. Hordeevka – implication of archaeological research on extra-regional relations (cultures of the Boh-Bug rivers basin). In A. Koško (ed.) *Routs between the seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the Middle of the 1st millennium BC*. *Baltic-Pontic Studies* 14, 368–374.
- Soroceanu, T. 2008. *Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien*. *Bronzefunde aus Rumänien* III. Bistrița, Cluj-Napoca: Accent.
- Stegmann-Rajtar, S. 1986. Neuer Kenntnisse zum Grab 169 von Brno-Obrany (Mähren). *Hallstatt Kolloquium Veszprem 1984*. Budapest, 211–219.

- Sulimirski, T. 1936. Zagadnienie ekspansji kultury łużyckiej na Ukrainie. *Wiadomości Archeologiczne* XIV: 41–54.
- Sulimirski, T. 1970. *Prehistoric Russia*. London: J. Baker; New York: Humanities Press.
- Tencariu, F.-A. 2010. Tencologia arderii ceramicii în preistorie. «Enigme» arheologice, informații etnografice, interpretări etnoarheologice. *Revista Arheologică* VI (2): 147 – 162.
- Teržan, B. 1990. *Starejša železna doba na slovenskem Štajerskem. Katalogi in Monografije* 2. Ljubljana: Narodni muzej.
- Topal, D. and Sorbu, M. 2016. New hoards and solitary finds of the Bronze Age – Early Iron Age from the territory of the Republic of Moldova. In A. Zancu, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băt (Hrsg.) *Mench, kultur und gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava. Tyrageia International* I: 251–267.
- Toussaint-Samat, M. 1992. *A History of Food*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Vasiliev, V., Aldea I. și Ciugudean, H. 1991. *Civilizația Dacică Timpurie în Aria. Intracarpatică a României*. Clui-Napoca: Dacia.
- Vivian, G. and Reiter, P. 1980. *The great kivas of Chaco Canyon and their relationships. Monographs of the School of American Research* 22. New Mexico.
- Vulpe, A. 1979. Rec.: B. Hänsel. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1968. *Germania* 57: 207–215.
- Webley, R. 2007. Using and abandoning roundhouses. A reinterpretation of the evidence from Late Bronze Age – Early Iron Age southern England. *Oxford Journal of Archaeology* 26: 127–144.
- Weidmann, T. 1982. Keramische Gussformen aus der spätbronzezeitlichen Seerandsiedlung Zug «Sump». *Jahrbuch der schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte* 65: 69–80.
- Wesse, A. 1990. *Die Armchenbeile der Alten Welt: ein Beitrag zum Beginn der Eisenzeit im östlichen Mitteleuropa. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie* 3. Bonn: In Kommission bei R. Habelt.
- Wittenberger, M. 2013. Câteva considerații privind cenușarele culturii Noua. In B.P. Niculică, D. Boghian (eds.) *Semper fidelis. In honorem magistri Mircea Ignat. Bibliotheca Societas Pro Patrimonium* 1. Suceava: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 167–174.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н.П. ГЕРАСИМЕНКО

ИЗМЕНЕНИЕ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ В РАЙОНЕ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА ПО ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ И ПЕДОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Комплексное использование палинологического и палеопедологического методов исследования голоценовых отложений позволяет проследить историю развития растительности и почв как важнейших индикаторов климатических обстановок и, таким образом, получить достаточно полную информацию о компонентах окружающей среды древнего человека. Почвы являются палеогеографическим документом, запечатлевающим изменения природной среды в данном конкретном месте. Тем не менее, эти локальные «летописи» палеогеографических обстановок могут нести в себе и сигнал глобальных климатических событий. В результате воздушного переноса пыльцы, палинокомплексы отложений отображают более широкую региональную картину изменений растительности и, посредством ее, климата. Палиноданные позволяют установить, в пределах какой природной зоны (лесной, степной, лесостепной) проживало население, выявить тип лесов и степей, а педологические данные – восстановить конкретный ландшафт, например, лесной или степной в пределах зоны лесостепи, плакорный или балочный заболоченный в лесной зоне.

Территория Суботовского городища находится на правом берегу р. Днепр, в пределах современной зоны Лесостепи, ее Центрально-Приднепровской ландшафтной области, характеризуемой холмистыми лессовыми равнинами с сочетанием злаково-разнотравных степей на оподзоленных

и выщелоченных черноземах и дубовых, дубово-грабовых лесов на темно-серых и серых оподзоленных почвах (Маринич та ін., 1982; Національний атлас ..., 2007). Распространены также участки моренно-зандровых равнин, что наблюдается и на территории городища.

История развития голоценовой природы Украины наиболее полно изучена палинологическим методом в пределах лесной зоны, где сосредоточено большинство наиболее репрезентативных источников палеоботанической информации: торфяников и озерных отложений (Артюшенко, 1970; Артюшенко и др., 1982 а; 1982б; Безусько Л., 1982; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л. і Безусько А., 2005; Безусько Л., Мосякін і Безусько А., 2011). Получены также данные об этапности развития почв лесной зоны Украины (Александровский, 1983; Веклич і Герасименко, 1993; Герасименко та ін., 2005; Матвіїшина та ін., 2006а; 2010; Пархоменко, 2007). Для лесостепной и степной зон Украины палеоботанические реконструкции для этапов развития голоценовой природы выполнены А. Артюшенко (1970), А. Артюшенко и др. (1982а; 1982б); Л. Исаевой-Петровой (1976); Г. Пашкевич (1981); К. Кременецким (1991), С. Kremenecki (1995); Л. Безусько и др. (2006; 2011); Н. Герасименко (2007; Gerasimenko and Subetto, 2011). История развития черноземов и серых оподзоленных почв Лесостепи и Степи Украины в позднем и среднем голоцене изучалась В. Золотуном (1975), И. Ивановым

(1992), И. Ивановым и др. (1986), Ж. Матвишиной и др. (2006б; 2010; 2013; 2014 и др.), Ю.М. Дмитруком и др. (2008; Dmytruk, Matviishina and Kushnir, 2014) А.С. Кушником (2016). По материалам комплексного палеопедологического и палинологического изучения археологических памятников восстановлена природная среда обитания человека позднеледникового и голоценового этапов для территорий различных природных зон Украины (Герасименко и Горбов, 1996; Герасименко и Гершкович, 1996; Gerasimenko, 1997; Герасименко, 1997; 2009; 2011; 2015; Gerasimenko, Gershkovich and Fomenko, 2008; Gerasimenko et al., 2009; Dolukhanov, Shukurov and Davison, 2009; Герасименко, Гладиревська і Горбенко, 2009; Gerasimenko and Pashkevich, 2011; Герасименко, Юрченко і Зайцев, 2013).

В пределах лесостепной зоны Приднепровья палинологические исследования истории развития растительности в голоцене выполнены А. Артюшенко (1970), однако по недатированным разрезам болотных и озерных отложений. Хронологически документированные ряды изменений растительности и климата по палеоботаническим данным имеются по левобережной Лесостепи (Серебрянная 1982; Климанов и Серебрянная, 1986; Безусько, Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л. и Климанов, 1992; Безусько Л., Мосякін і Безусько А., 2011). В пределах правобережной Лесостепи палинологически изучен культурный слой трипольской культуры – позднеатлантическое время (Кременецкий, 1991: Kremenecki, 1995). Эти данные были использованы для сопоставления с результатами исследований, проведенных в Суботове. Принята схема периодизации голоцена Н. Хотинского (1977; Hotinsky, 1982; Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991).

Спорово-пыльцевой анализ выполнялся по модифицированной нами методике Института географии Санкт-Петербургского университета с использованием для мацерации образцов 10-минутного кипячения в 10%-м растворе HCl, 25%-м растворе пиррофосфата натрия и 10%-м растворе КОН а также 12-часового отстаивания в 40%-м растворе HF кислоты. Для сепарации образцов использовалась тяжелая жидкость ($KdI + KI_2$) с удельным весом 2,2. Все образцы характеризовались хорошей сохранностью пыльцы при средних значениях ее концентрации. Палинологически стерильными были лишь образцы из нижних супесчаных слоев лес-

ных почв, сформированных на водно-ледниковых отложениях. Количество подсчитанных пыльцевых зерен (в основном между 100 и 200) является репрезентативным для суждений о составе растительности на изучаемых временных отрезках. Палинодиаграммы построены по полугрупповой методике: процентное содержание пыльцы деревьев и кустарников, пыльцы трав и полукустарничков, а также спор рассчитано от их общей суммы, а процентное содержание отдельных таксонов пыльцы деревьев и кустарников – от суммы их пыльцы, таксонов пыльцы трав и полукустарничков – от их суммы пыльцы.

Для интерпретации палиноматериалов использовались методологические разработки о соотношении состава спорово-пыльцевых спектров и продуцирующей их растительности (Арап, 1972; Bottema, 1975; Динесман, 1977; Клопотовская, 1985; Кременецкий, 1991; Спиридонова, 1991; Болиховская, 1995; Безусько Л. и Безусько А., 1999; Безусько Л., Мосякін і Безусько А., 2011). Для почвенных исследований использовались принципы изучения эволюции почв, изложенные в работах А. Александровского (1983), М. Веклича (1987), М. Веклича и др. (Веклич и др., 1979), А. Величко и др. (Величко и Морозова, 1986), И. Иванова (1992), В. Демкина и др. (2007) и в сборнике «Эволюция почв и почвенных покровов» (2015).

Территория Суботовского городища, расположенная на коренном правом берегу притока р. Тясмин, характеризуется неоднородным почвенным покровом. В настоящее время на выровненных участках плакоров распространены черноземы оподзоленные на позднеплейстоценовых лессах или дерново-слабоподзолистые почвы на выходах водно-ледниковых супесей днепровского климатолита (средний плейстоцен). На склонах развиты светло-серые оподзоленные почвы на лессах и супесчаных отложениях. Склоны и присклоновые части плакоров в настоящее время находятся под молодыми грабовыми насаждениями. На выровненных водораздельных поверхностях сохранились немногочисленные вековые дубы и сосны, однако большая часть площади занята сельскохозяйственными угодьями.

Объектами сопряженного палинологического и педологического анализа послужили естественный почвенный разрез на склоне плато (1.1), почвенный разрез плако-

ра, погребенный под валом Малого Городка (1.2), почва плакора с культурным слоем на раскопе IX (1.3) и заполнение котлована жилища № 4, погребенное под гумусовым горизонтом позднеголоценовой почвы (1.4).

1. ПАЛИНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПЕДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗРЕЗОВ

1.1. ЕСТЕСТВЕННЫЙ РАЗРЕЗ ФОНОВОЙ ПОЧВЫ

Разрез заложен в верхней части склона оврага, разделяющего Большой и Новый Городки, и вскрывает профиль полигенетической серой оподзоленной поверхностно-глееватой почвы с нарощенным гумусовым горизонтом. Почвенный профиль состоит из следующих генетических горизонтов.

0,0–0,67 м – гумусовый A1 горизонт, темно-серый с коричневатым оттенком, песчано-легкосуглинистый, неуплотненный, непрочно комковатый, переход вниз постепенный.

0,67–0,93 м – элювиально-глеевый Eg горизонт – светло-серовато-бурый, пылевато-легкосуглинистый, слабо уплотненный, непрочно призматический, с пятнами гидрооксидов железа, с червороинами, выполненными гумусовым материалом, переход вниз отчетливый.

0,93–1,26 м – иллювиальный Bth горизонт – коричневатый, средне-тяжелосуглинистый, плотного сложения, с прочной ореховато-призматической структурой, с блестящими гранями отдельностей, с темными кутанами глинисто-органического вещества, с пятнами гидрооксидов железа, переход вниз заметный.

1,26–1,36 м – иллювиальный Btf горизонт – ярко-бурый, песчано-среднесуглинистый, плотный, ореховато-призматический, со светлыми глинистыми кутанами на глянцеваых гранях отдельностей, с многочисленными пятнами лимонита, переход вниз постепенный.

1,36–1,50 м – переходный Bt(C) горизонт – красновато-бурый, супесчаный, уплотненный, крупнопризматический, переход вниз четкий, с тонким прослоем сизой глины.

1,50–1,70 м – лессовидная супесь сизовато-желтая, неуплотненная, бесструктурная. Подстиляется желтым мелкозернистым песком.

Спорово-пыльцевая диаграмма разреза отображена на рис. 1. Палинозона I выделена из нижней части иллювиального горизонта. Она принадлежит к лесостепному типу (42 % пыльцы деревьев и 45 % пыльцы трав) и характеризуется отсутствием пыльцы широколиственных пород. В группе деревьев преобладает пыльца сосны (81 %), встречены палиноморфы ольхи, березы, орешника и яблоневых. В группе трав основными компонентами являются разнотравье (23 %), злаки (21 %), цикориевые (21 %) и астровые (28 %). Последние рассматриваем отдельно от остального разнотравья, так как в составе этих семейств много ксерофитов и рудеральных растений. Отсутствие в составе палинозоны типичных ксерофитов (маревых, полыни, эфедры) свидетельствует о том, что климат не был засушливым, но в связи с отсутствием пыльцы широколиственных пород можно заключить, что он был весьма прохладным. Доминирование цикориевых и астровых, очевидно, связано с распространением нарушенных субстратов в эрозионно расчлененной местности. Опесчаненность подстилающих отложений подтверждает этот вывод. Так как на спорово-пыльцевой диаграмме не выражена фаза березовых лесов начала пребореала и фаза с элементами позднеледникового флористического комплекса / переславское похолодание (Хотинский, 1977; Хотинский, Алешинский и Гуман, 1991), можно предполагать, что описываемый отрезок распространения лесостепи холодного климата относится к похолоданию на рубеже бореального и атлантического периодов (около 8,2–8,0 тыс. лет назад), установленному для голоцена Русской равнины (Еловичева и др., 1988; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Герасименко, 1997; 2004; 2011; 2015; Безусько Л., Мосякин и Безусько А., 2011).

Палинозона II выделяется в верхней части иллювиального и нижней части гумусово-иллювиального горизонтов и отличается появлением небольшого количества (4–7 %) пыльцы широколиственных пород: дуба, липы и граба. Содержание пыльцы сосны снижается (62–71 %) также и за счет повышения роли ольхи (14–18 %). Это свидетельствует о том, что климат становился теплее и влажнее. Состав пыльцы травянистых растений из отложений иллювиального горизонта близок к таковому палинозоны I, но в суглинистом гумусово-иллювиальном горизонте резко доминирует пыльца разнотравья (60 %), а пыльца рудеральных

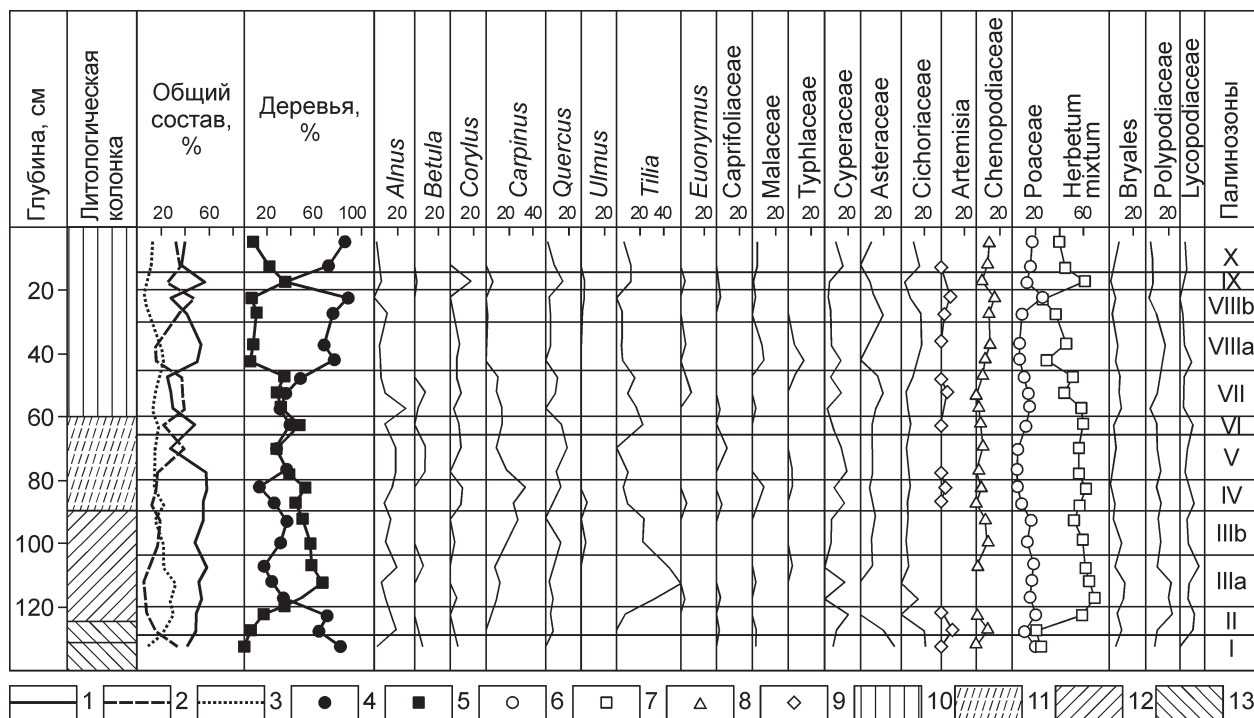

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза фоновой почвы близ поселения Суботов. **Условные обозначения:** здесь и далее: процентное содержание: 1 – пыльцы древесных пород и кустарников; 2 – пыльцы травянистых растений; 3 – спор; 4 – пыльцы сосны; 5 – суммы пыльцы широколиственных пород; 6 – пыльцы злаков; 7 – пыльцы разнотравья; 8 – пыльцы маревых; 9 – пыльцы полыни. **Генетические горизонты почвы:** 10 – A1; 11 – Eg; 12 – Bth; 13 – Bt(C)

Fig. 1. Pollen diagram of the natural undisturbed soil near the Subotov's settlement. **Legend: Here and below:** Percentages of: 1 – arboreal pollen; 2 – non-arboreal pollen; 3 – spores; 4 – pine pollen; 5 – sum of pollen of broad-leaved trees; 6 – pollen of grasses; 7 – pollen of forb; 8 – pollen of Chenopodiaceae; 9 – pollen of Artemisia. **Genetic horizons of the soil:** 10 – A1; 11 – Eg; 12 – Bth; 13 – Bt(C)

растений исчезает. Это фиксирует замедленные эрозионные процессы. Отличительной чертой является также повышение участия спор (30–40%) и резкое снижение роли пыльцы трав (11–21%). В связи с этим можно считать, что на описываемом отрезке доминировала лесная растительность – широколиственно-сосновые леса с папоротниками и плаунами в наземном покрове. Вероятно, этот интервал соответствовал началу атлантического периода, отличавшимся, по Н. Хотинскому (1977; 1991), влажным и умеренно-теплым климатом. Повышение роли широколиственных пород и ольхи на отрезке, датированном 7650 ± 90 лет назад, характерно для Левобережной Лесостепи Украины (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; 2011).

Палинозона III выделена в гумусово-иллювиальном горизонте и близка по составу спектров к лесному типу (49–58% пыльцы деревьев, 29–42% спор и 7–26% пыльцы трав). В группе спор преобладают многоножковые папоротники (до 22%), но постоянным и относительно высоким является и участие плаунов (5–15%). Очень высоким

является роль пыльцы широколиственных пород (48–68%), среди которых преобладает липа, но обильно представлены также дуб, граб и единично вяз. Содержание пыльцы сосны, напротив, низкое (17–36%). Постоянно присутствуют палиноморфы ольхи (6–19%). Палинозона подразделяется на две субзоны, нижняя из которых отличается очень низким участием пыльцы трав (7–13%) и высоким – спор, а в верхней содержание пыльцы трав повышается до 23–26% за счет понижения роли спор. В группе трав нижней субзоны доминирует разнотравье (60–70%), в верхней – усиливается роль астровых и маревых (усиление эрозионных процессов?). В группе пыльцы деревьев отличия двух субзон прослеживаются по более высокому участию пыльцы липы: 33–53% (максимальное в разрезе) в нижней из них. В верхней субзоне при содержании пыльцы липы 22–23% усиливается роль граба 17–27%. Увеличение участия пыльцы граба обычно связывается с возрастанием океаничности климата. Исходя из максимального содержания пыльцы широколиственных пород, относим этот

интервал спорово-пыльцевой диаграммы к климатическому оптимуму голоцена, имевшему место в атлантическом периоде около 6,5–5,5 тыс. лет назад. Примечательно, что максимум пыльцы липы на палинодиаграмме Гельмязевского болота (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988) относится к отложениям 6310 ± 85 лет назад, однако граб на территории Левобережной Лесостепи появляется позже (в суббореале). На Донбассе пыльца граба обнаружена уже в атлантических отложениях (Герасименко, 1997).

Палинозона IV выделяется в нижней части элювиального горизонта по некоторому снижению участия пыльцы широколиственных пород (43–52 %), а также по доминанте пыльцы граба в их составе (23–33 %) при участии пыльцы липы 6–9 %, дуба 6–13 %, вяза 0–5 %. Отличительной особенностью являются минимальные в разрезе значения пыльцы сосны (13–25 %), а также разнообразие пыльцы кустарниковых растений: орешника (9–10 %), яблоневых (5–10 %), бересклета и жимолостных (по 5 %). По общему составу спорово-пыльцевых спектров палинозона IV относится к лесному типу (55–58 % пыльцы деревьев, 16–22 % трав и 20–29 % спор). В группе трав преобладает разнотравье (57–60 %). Эта палинозона, безусловно, отражает условия еще очень теплого интервала (конец атлантики) с влажным, но несколько более прохладным климатом, чем во время атлантического климатического оптимума. М. Веклич (1987), В. Зубаков (1986) относят подобные условия к временному отрезку 5,5–4,8 тыс. лет назад. В южной части Правобережной Лесостепи 4890 ± 50 лет произошло снижение облесения территории, хотя его связывают и с антропогенным воздействием (Кременецкий, 1991). Состав лесов был близок к таковому в описываемом разрезе (граб, липа, орешник). Падение участия широколиственных пород и ольхи датировано также 4730 ± 80 лет назад ($2950\text{--}2620$ cal BC) в Левобережной Лесостепи (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988). Для более восточных районов с более континентальным климатом на этом отрезке прослеживается иссушение (Величко и Морозова, 1986; Климанов и Серебрянная, 1986; Спиридонова, 1991; Gerasimenko, 1997).

Палинозона V прослежена в средней части элювиального горизонта и характеризуется дальнейшим снижением участия пыльцы широколиственных пород (26–37 %).

Таким же является участие пыльцы сосны, заметно повышается роль пыльцы мелколиственных пород: ольхи (15–18 %) и березы (по 9 %). В группе широколиственных доминируют граб и дуб (по 9–18 % пыльцы). Среди трав по-прежнему преобладает разнотравье (55–57 %), повышенным является также участие пыльцы осок (14–19 %). Состав спорово-пыльцевых спектров палинозоны отображает дальнейшее похолодание климата. В то же время в их общем составе прослеживаются существенные изменения, проявляющиеся в снижении участия пыльцы деревьев (с 57 до 28 %) и повышении доли трав (с 23 до 52 %) снизу вверх. Возможно, сокращение роли широколиственных пород на этом уровне связано с иссушением, а не похолоданием климата, а сам уровень соответствует «ксеротермическому периоду» в середине среднего суббореала, определяемому в интервале между 4,2 и 3,4 тыс. лет назад (Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991), 3,8–3,4 тыс. лет назад (Герасименко, 1997), а для Левобережной Лесостепи подтвержденному палиноматериалами Т. Серебрянной (1982).

Палинозона VI установлена по одному образцу из верхней части элювиального горизонта. На этом уровне вновь (и в последний раз) повышается содержание пыльцы широколиственных пород (48 %), представленных липой (22 %), дубом и грабом (по 13 %). СП-спектр приближается к лесному типу (48 % пыльцы деревьев, 23 % спор и 29 % пыльцы трав). Среди спор преобладают таковые лесных растений: папоротники семейства многоножковых и плауны, в группе трав – разнотравье (59 %). Возможно, палинозона отображает влажную фазу позднего суббореала (Хотинский, 1977; Хотинский, Алешинский и Гуман, 1991; Кременецкий, 1991; Герасименко, 1997). Максимальное распространение лесов с высоким участием липы в пределах Левобережной Лесостепи отнесено по результатам радиоуглеродного датирования к интервалу около 3 тыс. лет назад (Серебрянная, 1982). На палинодиаграмме Гельмязевского болота Левобережья Днепра (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988) датировке 3470 ± 75 лет назад соответствуют максимум ольхи и высокие значения пыльцы широколиственных пород, что также свидетельствует о влажном климате.

Палинозона VII выделена из нижней части гумусового горизонта и отличается СП-спектрами лесостепного типа (25–30 %

пыльцы деревьев, 50–53 % пыльцы трав и 17–25 % спор). Лесные участки занимали значительные площади, в том числе вблизи изучаемого местоположения, о чем свидетельствует высокое участие спор. Однако доминантной стала степная растительность, представленная злаково-разнотравными ценозами (10–15 % пыльцы злаков и 43–60 % пыльцы разнотравья). С распространением степных ассоциаций связано повышение роли пыльцы астровых (13–19 %), появление палиноморф полыни (2–5 %). В составе спор увеличилось участие зеленых мхов, которые могут произрастать и в степи, и резко снижается роль лесных растений-плаунов. В группе древесной пыльцы несколько возрастает значение сосны (31–49 %) и снижается роль широколиственных пород (27–35 %). Это может быть обусловлено большим поступлением пыльцы дальнего заноса, каковой является пыльца сосны, на поверхность открытых незалесенных ландшафтов. Постоянно присутствует пыльца ольхи (5–26 %) и березы (3–9 %), а также орешника и бересклета (по 5–9 %). Среди широколиственных преобладают палиноморфы липы (9–17 %), но достаточно обильно представлена также пыльца дуба и граба (по 9–13 %). Описываемый интервал сокращения площадей лесных массивов относится, по нашему мнению, к засушливому отрезку в конце суббореала. Позднесуббореальное (после 3100–3000 лет назад) иссушение было прослежено в эволюции почвенных покровов Степи (Золотун, 1975; Иванов, 1992; Эволюция почв..., 2015), а по палинологическим данным установлено для Левобережной Лесостепи на отрезке 3100–2800 лет назад (Климанов и Серебрянная, 1986), для Донбасса и Приазовья 3000–2700 лет назад (Gerasimenko, 1997).

Палинозона VIII установлена в средней части гумусового горизонта по резкому снижению участия пыльцы широколиственных пород (5–11 %) и повышению роли пыльцы сосны (68–88 %). Характерной чертой является также отсутствие пыльцы граба, снижение участия разнотравья в группе трав (25–46 %). По общему составу СП-спектров палинозона отчетливо разделяется на две субзоны: нижняя принадлежит к лесному типу (50–53 % пыльцы деревьев, 26–29 % спор и 21 % пыльцы трав), а верхняя к лесостепному (28–41 % пыльцы деревьев, 46–64 % трав и 8–13 % спор). В нижней субзоне значительным является участие кустарниковых пород: орешника (5–8 %),

яблоневых (8–10 %), бересклета (0–4 %). В верхней субзоне появляется пыльца вяза (1–3 %). В нижней субзоне, кроме высокого участия папоротников сем. многоножковых (15–17 %), представлены плауны (3–9 %). В верхней субзоне плауны почти отсутствуют, резко сокращается роль папоротников, выше участие злаков – 9–28 % (6–7 % в нижнем), но ниже – осок – 3–5 % (в нижней субзоне 6–15 %). Характерным является усиление в верхней субзоне роли ксерофитных растений: маревых (10–15 %, максимум в разрезе), полыни (3–8 %), а также и астровых (12–19 %). Формирование отложений нижней субзоны происходило в светлых субориях с богатым кустарниковым и травянистым покровом, а верхней – в условиях мозаичной растительности: чередование светлых лесов и разнотравно-злаковых степей. Можно предполагать, что нижняя субзона отображает прохладные, но весьма влажные условия начала субатлантики SA-1 (Hotinsky, 1982; Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякин и Безусько А., 2011), а верхняя субзона – условия более засушливой средней субатлантики SA-2, с расширением площадей степных участков, осветлением лесных массивов. В Левобережной Лесостепи в начале субатлантики отмечено господство чистых дубрав, а в более северных районах – даже появление ельников, что свидетельствует об увлажнении климата (Серебрянная, 1982). Раннесубатлантическое увлажнение климата установлено также в ходе изучения эволюции почв Степи (Александровский, 1983; Иванов, 1992; Герасименко, 1997). Ухудшение лесорастительных условий после 2,2–2,0 тыс. лет назад прослежено в Левобережной Лесостепи (Серебрянная, 1982) и Степи Украины (Кременецкий, 1991; Герасименко, 1997).

Палинозона IX выделена по одному образцу, отличающемуся высоким содержанием пыльцы древесных (56 %) и широколиственных (36 %) пород, что отображает фазу распространения лесов в условиях теплого и влажного климата. На фоне падения пыльцы сосны отмечается значительное повышение роли пыльцы дуба (15 %), липы (12 %), орешника (18 %). Группа пыльцы деревьев и кустарников отличается большим разнообразием – представлены граб, вяз, ольха, береза, бересклет, жимолостные и яблоневые. В группе трав преобладает разнотравье (62 %), второе место по обилию занимают злаки (12 %), участие ксерофитов

невелико (по 4 % пыльцы маревых и полыней). Предполагаем, что эта фаза развития растительности соответствует улучшению климатических условий, известному на отрезке около 1,0–1,2 тыс. лет назад – «средневековый климатический оптимум» (Хотинский, 1977; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякин и Безусько А., 2011; Кременецкий, 1991; Герасименко, 1997; 2004; 2011; 2015).

Палинозона X установлена для верхних слоев гумусового горизонта и относится к лесостепному типу (37–40 % пыльцы древесных растений, 43–48 % пыльцы трав и 15–17 % спор). В СП-спектрах вновь возрастает участие пыльцы сосны (72–86 %) и сокращается широколиственных пород (8–20 %). Последние представлены исключительно дубом и липой. Прослежены микрофоссилии ольхи и яблоневых. В группе трав снижается участие пыльцы разнотравья (40–43 %), повышается злаков (16–17 %), осок, цикориевых и маревых (по 9–16 %). Пыльца полыни не выявлена. Это свидетельствует о злаково-разнотравном типе степей, площади которых на описываемом отрезке расширились. Лесные массивы не только сокращались по площади, но и обеднялись по флористическому составу в сравнении с временным отрезком 1,0–1,2 тыс. лет назад. По составу пыльцы палинозона X не соответствует современной растительности местоположения, представленной грабовым лесом с примесью клена, липы, вяза. Это позволяет предполагать, что соответствующие ей отложения были сформированы в течение поздней субатлантики (0,8–0,2 тыс. лет назад) – «малого ледникового периода».

1.2. РАЗРЕЗ ПОЧВЫ, ПОГРЕБЕННОЙ ПОД ВАЛОМ МАЛОГО ГОРОДКА

На Малом Городке объектом исследования явилась погребенная почва, законсервированная под валом на глубине 1,28 м и подстилаемая верхнеплейстоценовым лесом. Формирование почвы было искусственно прервано сооружением вала, в результате чего она отличается от фоновых почв плакора сокращением мощности гумусового горизонта. По сумме признаков почва приближается к выщелоченным и оподзоленным черноземам и характеризуется следующим строением генетического профиля.

0,0–0,15 м – гумусовый A1 горизонт, темно-коричневато-серый, пылевато-сред-

несуглинистый, комковатый, непрочно структурированный, слабо уплотненный, с постепенным переходом вниз.

0,15–0,30 м – A1(B) горизонт – серовато-коричневый, средне-легкосуглинистый, комковатый, неуплотненный, с примазками гидрооксидов марганца, интенсивно биотурбированный (червороины и кротовины), переход вниз отчетливый.

0,30–0,60 м – B горизонт – буровато-коричневый, среднесуглинистый, слабо уплотненный, в верхней части призматический, в нижней – бесструктурный, слабо копрогенный, но с кротовинами, выполненными материалом вышележающих горизонтов. Переход вниз постепенный.

0,60–0,70 м – переходный B(C) горизонт – суглинок буровато-коричневый, наиболее уплотненный в разрезе, бесструктурный. Переход вниз неровный, потечный.

0,70–0,80 м – лесс светло-палевый, легкосуглинистый, пылеватый.

Фоновые черноземы на территории Суботовского городища отличаются наличием более мощного гумусового горизонта: над вышеописанным H горизонтом погребенной почвы прослеживается до 35 см темно-серого комковатого суглинка.

Изменения состава пыльцы по профилю погребенной почвы позволяют выделить 7 палинозон, что отображено на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 2). Палинозона I выделена из лесса и относится – единственная на всей спорово-пыльцевой диаграмме – к степному типу (76 % пыльцы трав, 18 % пыльцы деревьев и 6 % спор). В группе деревьев абсолютно преобладает пыльца сосны, вероятно, дальнего заноса. Встречено несколько микрофоссилий берез. Несколько необычным является высокое участие в группе трав пыльцы разнотравья (42 %). Обычно самые верхние слои верхнеплейстоценовых лессов характеризуются преобладанием пыльцы злаков либо ксерофитов – маревых и полыней (Герасименко, 1988; Болиховская, 1995). Однако лессовое плато в пределах описываемого участка глубоко и густо расчленено балками, в которых и могло произрастать мезофитное разнотравье. Участие пыльцы маревых 16 %, полыни 5 %, астровых 21 %, злаков 12 %, осок 9 %. В составе спор преобладают зеленые мхи.

Палинозона II выделена в интервале 0,7–0,6 м из почвенного горизонта, переходного к породе. Характерной чертой палинозоны II является максимальное содержание

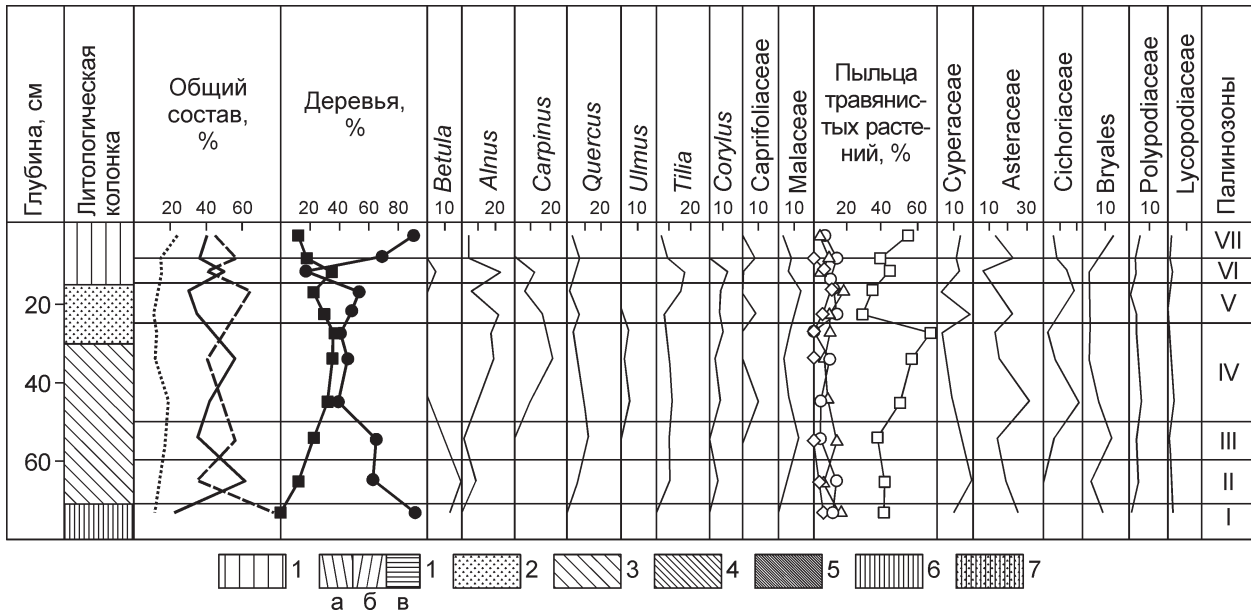

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза почвы; погребенной под валом Малого Городка. **Условные обозначения здесь и далее:** почвенно-литологическая колонка: 1 – А1 генетический горизонт почвы («золистое» заполнение жилища: 1а – верхняя часть; 1б – нижняя часть; 1в – 13 – донная часть заполнения жилища); 2 – культурный слой; 3 – В и ВС генетические горизонты почвы; 4 – Bth горизонт почвы; 5 – Btf горизонт почвы; 6 – лесс; 7 – лессовидная супесь

Fig. 2. Pollen diagram of the soil; buried under the wall of the Maly Gorodok. **Legend. Here and below:** Lithopedology: 10 – A1 soil genetic horizon (the «soot» filling of the pit house: 1a – the upper part; 1b – the lower part; 1в – the bottom part); 2 – cultural layer; 3 – В and ВС soil genetic horizons; 4 – Bth soil genetic horizon; 5 – Btf soil genetic horizon; 6 – loess; 7 – loess-like sandy loam

пыльцы деревьев (61%), высокое участие пыльцы березы (20%) и низкое – широколиственных пород (8%). Во всех остальных СП-спектрах разреза пыльца широколиственных превалирует над березой. Высоким является и участие пыльцы сосны (62%), что позволяет предполагать непосредственное произрастание ее вблизи района исследований. Описываемый участок характеризуется близким к поверхности залеганием песчаных пород, к которым могли быть приурочены сосновые боры. Однако они могли произрастать только в климатических условиях, неблагоприятных для широколиственной флоры, что повышало конкурентоспособность сосны. Наземный покров лесов и открытых участков был мезофитным: злаково-разнотравным (41% пыльцы разнотравья, 14% злаков), с высоким участием осок (20% пыльцы). Заметным было участие разнообразных споровых растений: зеленых мхов, папоротников сем. многожковых, плаунов, гроздовника. Участие ксерофитов было ничтожным (менее 10% пыльцы). Следует отметить, что в составе лесов заметной была роль мелколиственных пород: березы, ольхи (по 10% пыльцы), но встречались и широколиственные породы: дуб и липа (по 4% пыльцы).

Природные условия описываемого интервала существенно отличались от современных, прежде всего меньшей теплообеспеченностью. В голоцене известно несколько отрезков прохладного климата, но, исходя из стратиграфического положения отложений и не располагая абсолютными датами, мы склонны относить эту палинозону, к фазе сосново-березовых лесов раннего пребореала (Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991) в интервале 10–9,5 тыс. лет назад.

Палинозона III с глубины 0,5–0,6 м выделена в связи со снижением участия пыльцы древесных растений (31%), повышением участия пыльцы трав (55%), увеличением роли широколиственных пород (18%), особенно пыльцы дуба (12%). В составе трав несколько повышается участие микрофоссилий маревых (15%) и снижается осок (15%). По сравнению с предыдущим отрезком происходило остепнение ландшафтов, но степи сохраняли разнотравный луговой облик, характерный для зоны Лесостепи. В составе разнотравья преобладали семейства розовых (17%), астровых (13%), яснотковых (7%), бобовых (7%), встречена пыльца гвоздичных, лилейных, цикориевых, розговых, но также и ксерофитных растений: полыней, эфедры. Среди спор преобладают зеле-

ные мхи (11 %). В сосновых лесах уменьшилась примесь мелколиственных пород (8 % березы), но значительно увеличилась доля широколиственных пород (дуба, липы), а также древесных розовых (12 %). Подобные изменения растительности могут свидетельствовать о потеплении и иссушении климата. Потепление и некоторое иссушение климата в сравнении с пребореалом (Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991) характерны для последующего бореального периода голоцена ВО-1 (9,0–8,4 тыс. лет назад), к которому мы предварительно и относим описываемый интервал.

Палинозона IV объединяет СП-спектры в интервале 0,25–0,50 м (В горизонт погребенной почвы). Характерной чертой этой палинозоны является высокое содержание пыльцы деревьев, включая широколиственные породы (31–35 %), ольху (9–20 %), а также исчезновение пыльцы березы. Постоянно присутствуют микрофоссилии орешника, яблоневых (по 2–8 %), иногда жимолостных (до 10 %). Состав широколиственных пород разнообразен: преобладает граб (9–24 %), представлены дуб (2–11 %), липа (4–9 %), вяз (0–5 %). В составе трав резко преобладает разнотравье (50–68 %), включающее пыльцу таких мезофитных семейств как валериановые, гераниевые. В одном из образцов очень высоким является участие микрофоссилий астровых (30 %) и цикориевых (25 %). Можно предполагать, что на этом временном отрезке вблизи описываемого участка формировался овраг, поставляющий в спорово-пыльцевой спектр пыльцу этих растений нарушенных субстратов. Участие пыльцы злаков (2–12 %) и осок (2–8 %) невысокое. Среди спор преобладают папоротники семейства многоножковых, постоянно встречаются споры плаунов. Участие ксерофитов не превышает 10 %. Наиболее высокое участие пыльцы широколиственных пород и мезофитного разнотравья позволяет рассматривать описываемый интервал как отрезок наиболее теплого и влажного климата, вероятно соответствующий климатическому оптимуму атлантического периода – 6,0–4,8 тыс. лет назад (см. также р. 1.1).

Палинозона V выделена в интервале 0,15–0,25 м. Нижний образец из этого горизонта по характеру СП-спектров ближе к палинозоне IV и, вероятно, характеризует переходные условия от одного состояния экосистемы к другому. В сравнении с палинозоной IV описываемая палинозона ха-

рактеризуется снижением участия пыльцы деревьев, увеличением содержания пыльцы трав, уменьшением роли пыльцы широколиственных пород и разнотравья, повышением содержания палиноморф ксерофитов. Участие пыльцы широколиственных пород является довольно высоким (21–29 %), поэтому параллельное повышение содержания пыльцы сосны следует скорее объяснять не столько похолоданием климата, как его иссушением, сопровождаемым более интенсивным заносом пыльцы сосны на открытые пространства. Об иссушении свидетельствует и падение содержания пыльцы ольхи (до 6 %). Напротив, усилились позиции сем. яблоневых, которые могут образовывать самостоятельные кустарниковые формации в степи. Из широколиственных пород представлены граб (6–16 %), липа (4–12 %), дуб (0–8 %). Встречается пыльца орешника, калины. Содержание пыльцы разнотравья минимальное в разрезе (27–35 %). В состав доминантов травянистой пыльцы сначала входят астровые и злаки, выше по разрезу – астровые и маревые при повышенном участии полыней (12 %). Таким образом, ксерофитизация растительного покрова (вероятно, остепнение), и, соответственно, аридизация климата возрастали к концу описываемого интервала. Представляется, что палинозона V соответствует или концу атлантического периода, или ксеротермическому периоду суббореала (см. раздел 1.1).

СП-спектры уровня 0,10–0,15 м (нижняя часть гумусового горизонта погребенной почвы) выделены в самостоятельную палинозону VI. Основанием явилось резкое одновременное повышение содержания пыльцы деревьев и широколиственных пород (36 %): липы (17 %), граба (12 %), дуба (6 %), а также орешника (12 %), ольхи (24 %), появление пыльцы березы. Содержание пыльцы сосны падает ниже 20 %, т. е., согласно имеющимся эмпирическим данным о соотношении спорово-пыльцевых спектров и продуцирующей их растительности (Клопотовская, 1985), является полностью заносной. В составе пыльцы трав преобладает разнотравье (46 %), представленное семействами яснотковых, розовых, капустных, лютиковых, бобовых, гвоздичных. Из других компонентов группы трав ни один не входит в состав доминантов палинозоны, что позволяет реконструировать растительность луговых разнотравных степей, чередовавшуюся с участками широколи-

венного леса. Повышение облесенности лесостепной и степной зон Восточно-Европейской равнины происходило на отрезке суббореала между 3,4 и 3,0 тыс. лет назад (Серебрянная, 1982; Климанов и Серебрянная, 1986; Безусько, Л., Климанов и Шеляг-Сосонка, 1988; Кременецкий, 1991; Спиридонова, 1991; Герасименко и Гершкович, 1996; Герасименко и Горбов, 1996; Gerasimenko, 1997; Герасименко, 2004, 2011, 2015).

Палинозона VII выделена из верхней части гумусового горизонта погребенной почвы (инт. 0,0–0,1 м). Характерной ее чертой является снижение участия широколиственных пород (8–17 %), ольхи (4 %) и повышение содержания микрофоссилий сосны (66–83 %). При типично лесостепном общем составе СП-спектров (33–38 % пыльцы деревьев, 43–56 % пыльцы трав, 10–19 % спор) такое низкое содержание пыльцы широколиственных пород не характерно для растительности современной Европейской Лесостепи. Однако высокое участие пыльцы разнотравья (39–54 %) и низкое – ксерофитов (4–11 % маревых; пыльца полыни не выявлена) свидетельствует, что растительность открытых пространств принадлежала к луговой степи, свойственной именно лесостепным, а не степным ландшафтам. В составе травянистых ценозов преобладали яснотковые (19–22 %), розовые (8–15 %), капустные (2–8 %), лютиковые (2–4 %), цикориевые (2–4 %), бобовые (0–8 %). Единично встречены микрофоссилии эфедры и сорного растения – крапивы. Постоянным компонентом травянистых ценозов были осоки (10–12 %), злаки (8–16 %), астровые (15–24 %). Пыльца культурных злаков не выявлена. Содержание пыльцы сосны достигает максимально высоких значений. Естественно, большая часть ее является заносной, что свидетельствует об открытом, незатененном кронами деревьев местоположении, в котором сооружался оборонительный вал. Но приходится допускать и возможность произрастания сосны непосредственно вблизи района исследований, на выходах песчаных пород. На склонах существовали липово-дубовые перелески, произрастали боярышник и калина. Водоразделы же были заняты разнотравной, местами злаково-разнотравной, степью. Палинозона VII отображает иссушение, а, возможно, и похолодание климата в сравнении с предыдущей влажной фазой. Считаем, что этот интервал может быть скоррелирован с отрезком ксерофитизации растительности и аридизации

климата, установленным педологическими и палинологическими методами в конце суббореального периода, после 3000 лет назад (Золотун, 1975; Климанов и Серебрянная, 1986; Иванов, 1992; Gerasimenko, 1997) в пределах лесостепной и степной зон Левобережной Украины.

Согласно археологическим данным и по комбинационной дате для погребения, над которым был насыпан вал (см. табл. 41 книги), формирование палинозоны VII завершилось в конце IX в. до н. э.

1.3. РАЗРЕЗ ПОЧВЫ С КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ ВОЗЛЕ ЖИЛИЩА № 9

Разрез расположен на незалесенном плакорном участке. Исследовались отложения культурного слоя возле жилища № 9. Генетико-морфологический профиль изучаемой почвы следующий.

0,0–0,21 м – гумусовый горизонт A1, темно-серый, пылевато-легкосуглинистый, уплотненный, в верхних 0,12 м с копролитовой структурой, ниже – плитчатый, переход вниз отчетливый. Встречается археологический материал конца I тыс. до н. э.

0,21–0,62 м – культурный слой поселения, светло-серый, пылевато-легкосуглинистый, менее уплотненный, чем гумусовый горизонт, бесструктурный, насыщен включениями археологического материала.

0,62–0,76 м – иллювиальный горизонт Bth, буровато-коричневый, тяжелосуглинистый, плотного сложения, призматический, с коллоидными пленками на гранях, с мелкой карбонатной белоглазкой и червороинами (вторичными), переход вниз четкий.

0,76–0,92 м – иллювиальный горизонт Btf, бурый с красноватым оттенком, песчано-суглинистый, уплотненный, с прекрасно выраженной призматической структурой и коллоидными пленками на гранях отдельностей, переход вниз отчетливый.

0,92–0,99 м – лессовидная супесь, палевая, мелкозернистая, рыхлая.

Набор генетических горизонтов почвы свидетельствует о том, что процессы лесного почвообразования, развивавшиеся до основания поселения, не восстановились после его исчезновения, а сменились гумусоаккумуляцией в условиях открытого степного ландшафта или очень светлого разреженного леса. Это свидетельствует либо о сведении лесов жителями древнего поселения, либо о возрастании иссушения климата. Возможно, имели место оба процесса,

что и не позволило лесам восстановиться в прежней форме. Палинологические данные отображают следующие изменения растительности и климата.

Лессовидная супесь оказалась практически стерильной в палинологическом отношении: в ней встречены лишь единичные зерна сосны и папоротников семейства многоножковых. Насыщенность палиноморфами остальных образцов достаточна для построения спорово-пыльцевой диаграммы (рис. 3), которая по составу спорово-пыльцевых спектров отчетливо разделяется на две части. Палиноспектры из иллювиальных горизонтов, а также из нижней части культурного слоя характеризуются значительно более высоким участием пыльцы древесных пород (40–56 %) и низким – травянистых растений (22–40 %). Палиноспектры большей части культурного слоя и пахотного горизонта отличаются более высоким содержанием пыльцы трав (47–60 %) и низким – пыльцы деревьев (38–27 %). Ниже здесь и участие спор (не более 20 %), в то время как в иллювиальной части почвенного профиля оно составляет 20–30 %. Явственно прослеживается, что в условиях формирования отложений на хронологическом уровне культурного слоя (горизонты Суботов II и Суботов III) произошли существенные изменения, выражающиеся в снижении облесенности территории. Как видим, это прекрасно согласуется с почвенными данными.

По качественному и количественному составу спорово-пыльцевая диаграмма под-

разделяется на четыре палинозоны (рис. 3). Первый из них выделен из отложений нижней части горизонта Btf и характеризуется отсутствием пыльцы широколиственных пород. Кроме господствующей пыльцы сосны (70 %), встречена лишь пыльца ольхи и яблоневых. В группе трав господствуют микрофоссилии разнотравья (60 %). В состав доминантов выходят злаки (15 %), содержание пыльцы осок, маревых и полыней не превышает 10 % каждого. В группе разнотравья преобладают астровые, яснотковые, розовые. Количество спор зеленых мхов и многоножковых папоротников примерно равно. Этот спектр характеризует условия одного из прохладных и относительно влажных отрезков голоцена.

Так как палинозона выделена в основании голоценовой почвы он очевидно относится к раннему голоцену, а, судя по отсутствию пыльцы березы и травянистых растений позднеледникового комплекса, к похолоданию на рубеже бореала и атлантичного периода.

Палинозона II выделена из вышележающих отложений почвенных иллювиальных горизонтов и самой нижней части культурного слоя. Она отличается относительно высоким содержанием пыльцы широколиственных пород (20–47 %) и наиболее высоким участием пыльцы мезофитного разнотравья (яснотковые, розовые, бобовые, гераниевые и др.): 60–75 %. При этом участие микрофоссилий астровых и цикориевых ниже, чем в отложениях основного культурного горизонта, равно как и участие пыльцы

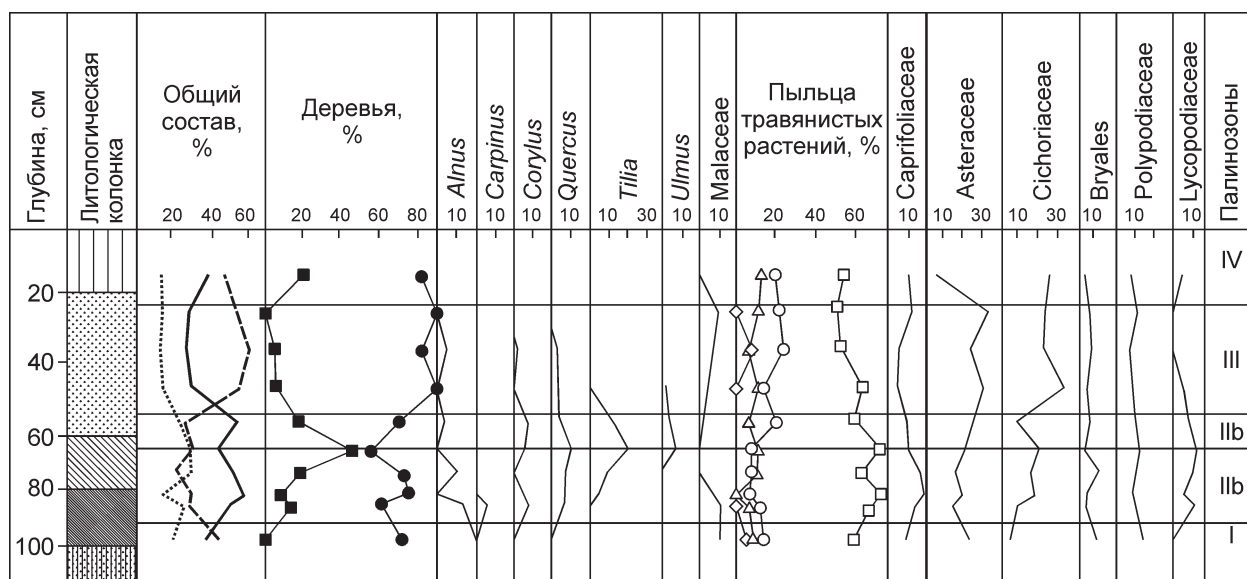

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза почвы возле жилища № 9 на поселении Суботов

Fig. 3. Pollen diagram of the soil near the pit house #9 at Subotovo

злаков (не более 10 %, лишь в нижнем слое культурного горизонта до 20 %). Группа спор отличается преобладанием папоротников и плаунов над спорами зеленых мхов. Особенно заметно участие плаунов (9–13 %), не достигающее таких значений нигде в разрезе. Единично встречаются споры *Pteridium* (орляк) и *Botrychium* (гроздовник), характерные для лесных местообитаний. Более высоким, чем в других палинозонах, является содержание пыльцы гигрофитов – осок (10–20 %). Участие маревых и полыней ни в одном из СП-спектров не превышает 10 %.

По изменению в группе древесных пород выделяются две субзоны. Нижняя из них отличается меньшим содержанием пыльцы широколиственных пород (20–23 %) и примерно равным содержанием в этой подгруппе пыльцы граба, дуба и липы. Постоянно присутствует пыльца орешника (7–8 %), ольхи (12–14 %), яблоневых (6–12 %). Верхняя субзона, соответствующая основной части иллювиального горизонта Bth и нижнему уровню культурного слоя, отличается максимальным содержанием пыльцы широколиственных пород (17–47 %) и доминантой липы в их составе (10–20 %) при отсутствии микрофоссилий граба. Характерной чертой является появление пыльцы вяза (2–6 %), довольно высокое участие дуба (до 12 %). Содержание пыльцы ольхи и орешника не превышает 10 %, а яблоневых – вообще резко уменьшается.

Диаграммы естественных разрезов района исследований (рис. 1 и 2) отображают максимальное присутствие граба в составе растительности в атлантическое время. В данном разрезе, сформировавшемся на песчаном субстрате, в нижних горизонтах почвы повышенным является участие пыльцы псаммофита сосны, и, следовательно, заниженным участие широколиственных пород и особенно граба, произрастающего на богатых почвах. Присутствие пыльцы граба в самой нижней, наиболее опесчаненной части почвы, может свидетельствовать о его широком распространении в соседних местоположениях и, вероятно, о начале формирования иллювиальных горизонтов в атлантическое время. В плакорных местоположениях, занятых лесной растительностью, как в описываемом здесь случае, прирост почв вверх происходит крайне медленно, поэтому маломощные иллювиальные горизонты могут соответствовать длительному временному интервалу – от атлантического до второй половины суб-

бореального периода. Увеличение содержания пыльцы широколиственных пород связано с падением роли палиноморф сосны и происходит почти полностью за счет увеличения содержания пыльцы липы. Снижение роли сосны связано, таким образом, не с ухудшением климата, а с резким сокращением выходов на поверхность песчаных пород, что отображено в формировании иллювиальных горизонтов почв, обогащенных иллыстыми частицами. На Среднерусской возвышенности и в Левобережной Украине преобладание липы в составе лесов установлено, начиная со среднего суббореала (Серебрянная, 1982; Климанов и Серебрянная, 1986). Возрастание роли пыльцы липы в суббореале по сравнению с концом атлантики прослежено и в естественных разрезах района исследований (разрезы 1.1 и 1.2).

Особенности СП-спектра основной части культурного слоя (верхний спектр палинозоны II) в сравнении с таковыми иллювиальных горизонтов почвы состоят в повышении участия пыльцы злаков (культурные злаки не определены, возможно, из-за смятости пыльцевых зерен), повышении участия пыльцы астровых (впервые ее более 20 %), появлении пыльцы гречихи посевной, которая в доисторическое время произрастала как сорняк. Как известно, злаки и сорняки являются типичными компонентами палинозон поселений.

Выше в культурном слое, не сопровождаемое абсолютно никакими литологическими изменениями, происходит изменение СП-спектров в сторону снижения участия пыльцы древесных пород и повышения участия палиноморф травянистых растений (палинозона III). Она характеризуется также снижением участия пыльцы широколиственных пород (4–5 %, до полного их исчезновения в самом верхнем слое). В группе древесных почти абсолютно доминирует сосна (81–90 %), практически единичными спорово-пыльцевыми зернами представлены дуб, орешник, ольха, несколько выше (до 10 %) участие яблоневых. Содержание разнотравья падает до 52–54 %, осок до 2–4 % за счет повышения роли злаков (15–22 %), полыней и маревых (в сумме до 20 %). Исключение составляет лишь один образец, где высокое содержание разнотравья сохраняется за счет максимального содержания пыльцы цикориевых (32 %) – растения-спутника поселений (Кременецкий, 1991). Постоянно повышенным является участие пыльцы астровых (23–33 %). Как и цикори-

евые, астровые, полыни, маревые являются представителями рудеральной растительности, сопутствующей поселениям (Bottema, 1975). Повышенное участие злаков, вероятно, связано с их культивацией древним человеком. Встречены также микрофоссилии таких сорных растений как крапива двудомная, гречиха посевная. Часто встречается пыльца гвоздичных, что также типично для СП-спектров отложений на поселениях (Кременецкий, 1991, Спиридонова, 1991). В группе спор практически исчезают плауны. Споры папоротниковых количественно примерно равны таковым зеленых мхов.

Таким образом, древний человек поселился в описываемом местонахождении в условиях преобладания широколиственных лесов (горизонт Суботов II, по Я.П. Гершковичу), но немедленно приступил к созданию земледельческих угодий с сопутствующими им рудеральными (сорняковыми) растениями. Как свидетельствует сопоставление палинозон II и III, площади лесов быстро и резко сокращались ко времени завершения существования городища (горизонт Суботов III). При этом в формируемых СП-спектрах увеличивалась роль сосны за счет дальнего заноса ее пыльцы.

Гумусовый (в настоящее время пахотный) слой отличается от культурного слоя некоторым повышением участия широколиственных пород (19 %), представленных липой и дубом (палинозона IV). В составе спор вновь появляются плауны (7 %). Несколько повышается в сравнении с культурным слоем и общее содержание пыльцы древесных пород (38 %), что свидетельствует о частичном восстановлении лесных массивов. Группа пыльцы трав мало отличается от таковой верхнего слоя культурного горизонта (палинозона III), за исключением падения пыльцы астровых за счет повышения роли мезофитного разнотравья, вероятно, связанного с распространением лесных группировок. В составе спорово-пыльцевого спектра из палинозоны IV, формировавшегося после суббореального времени, отсутствует пыльца граба, повсеместно произрастающего на склонах плакора в настоящее время. Очевидно, в течение последующего субатлантического периода, характеризовавшегося наличием фаз влажного климата (Хотинский и др., 1991; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988), мезофит граб не восстанавливался в составе лесов, а современные грабовые насаждения имеют очень молодой возраст. Это подтверждается свидетельствами старожилов.

1.4. РАЗРЕЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ЖИЛИЩА № 4

Разрез находится в раскопе IV, расположенном на присклоновой части плакора, характеризующейся распространением светло-серых оподзоленных почв. В раскопе разрез такой почвы нарушен – сооружение котлована жилища полностью уничтожило образованную ранее почву, а после заполнения жилища сформировался лишь гумусовый слой. Котлован впущен в материнскую породу голоценовой почвы – верхнеплейстоценовый лесс. Литологические признаки отложений разреза следующие.

0,0–0,44 м – отвалы раскопок предыдущих лет.

0,44–0,80 м – гумусовый горизонт A1 – темновато-серый, легко-суглинистый, рыхлый (уплотнение нарастает лишь с глубины 0,62 м), зернисто-комковатый, с прекрасно выраженной копролитовой структурой, пронизан ходами растений.

0,80–1,10 м – гумусово-переходный горизонт A1C – очень слабо гумусированный серый суглинок, легкий, рыхлый, бесструктурный, пылеватый. В археологическом отношении отвечает верхней части «золистого» заполнения жилища и перекрывающему его культурному слою.

1,10–1,38 м – очень светлый серый, с пепельным оттенком, легкосуглинистый, крупнопылеватый, рыхлый, бесструктурный. Признаки почвообразования отсутствуют. Это – нижняя часть «золистого» заполнения котлована жилища.

1,38–1,98 м – светло-серовато-бурый, пылеватый легкий суглинок, уплотненный, бесструктурный, по габитусу приближающийся к лессу. Тем не менее, граница его с лессом отчетливая: по исчезновению желтых тонов окраски, глыбистой структуры и карбонатности, свойственных лессу. Это – нижняя, придонная, часть заполнения котлована жилища.

Особенности спорово-пыльцевых спектров позволили выделить в описываемом разрезе палинозоны и их субзоны, отраженные на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 4). Палинозона I выделена из подстилающих лессовых отложений и характеризуется спектром степного типа, с наиболее высоким в разрезе содержанием пыльцы травянистых растений (71 %) и наиболее низким – древесных (17 %), а также с наиболее бедным составом группы пыльцы древесных пород: представлены только сос-

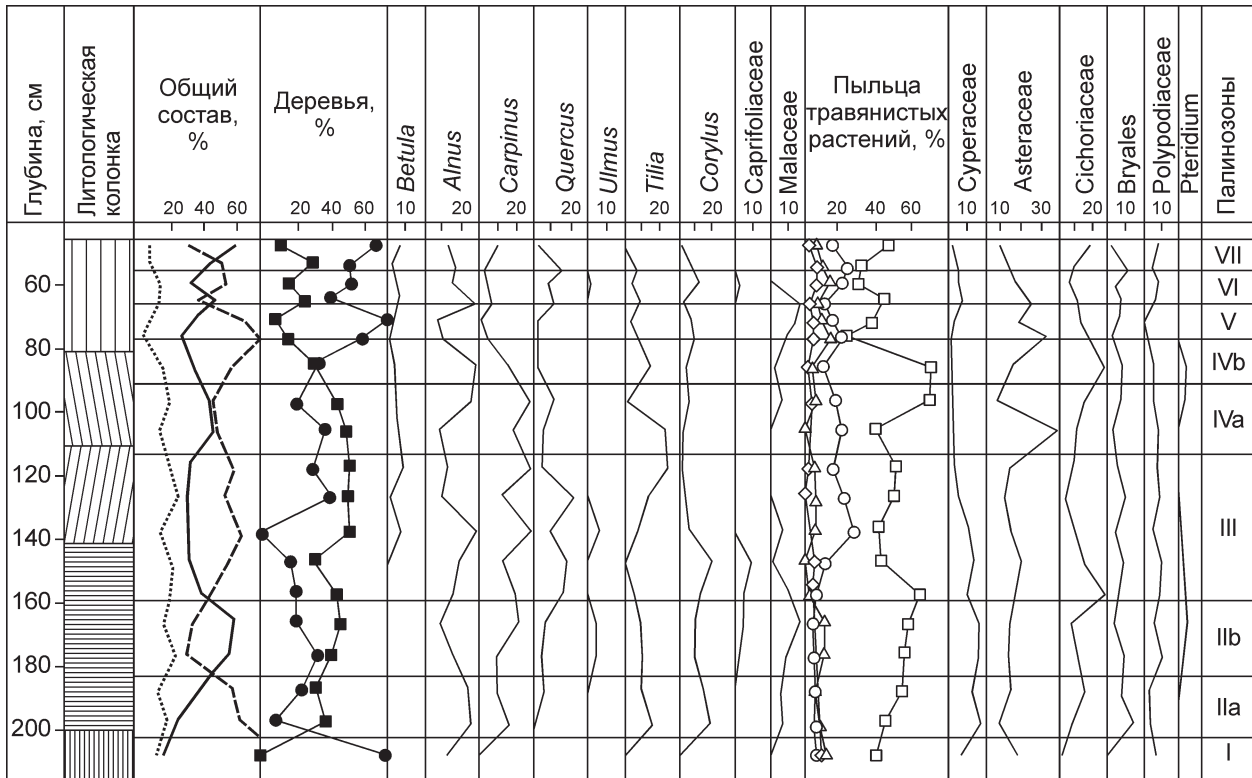

Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза заполнения жилища № 4 на поселении Суботов

Fig. 4. Pollen diagram of the filling of the pit house # 4 at Subotov

на (70 %), береза (18 %) и ольха (12 %). Эти особенности весьма типичны для верхнеплейстоценовых лессов Украины (Артюшенко, 1970; Болиховская, 1995). Как и в разрезе 1.3, несколько необычным является высокое участие пыльцы разнотравья, а именно семейств розовых, яснотковых, капустных. Участие ксерофитов: маревых (13 %), полыней (10 %), эфедры (2 %) – наиболее высокое в разрезе, однако ниже, чем обычно свойственно верхнеплейстоценовым лессам (Герасименко, 1988). Можно предполагать, что это связано с расположением разреза в присклоновом местоположении. Достаточно обильной является также пыльца астровых (18 %). Палинозона I отражает условия существования холодной степи.

Палинозона II выделена из материала нижней части заполнения жилища в интервале 1,98–1,50 м (горизонт Суботов II). Субзона IIa (1,98–1,80 м) отличается типично лесостепными СП-спектрами (23–33 % пыльцы деревьев, 55–57 % пыльцы трав) при участии пыльцы широколиственных пород 30–36 %. Субзона IIb (1,80–1,50 м) характеризуется максимальным в разрезе содержанием пыльцы деревьев (до 52–55 %) и более высоким участием пыльцы широколиственных пород (39–43%). Однако количественные соотношения компонентов

пыльцы деревьев и трав изменяются слабо и незакономерно. Учитывая это, субзоны IIa и IIb и объединены в единую палинозону II. Обособление двух субзон очевидно связано с большей примесью в нижних слоях заполнения жилища вмещающего лессового материала за счет смешивания в котловане мелкозема с лессовой пылью пола и / или обрушенных стен, врытых в лессе. Это могло произойти в результате преднамеренной засыпки котлована.

Согласно археологическим данным и по комбинационной дате (Кi-5501, 5503, 5506, 5507; см. табл. 37 книги) это произошло около середины XI в. до н. э.

Именно в связи с примесью лессового материала могло повышаться содержание пыльцы трав, снижаться содержание пыльцы деревьев в субзоне IIa. Изменения в составе пыльцы трав не прослеживаются, так как в пыльце трав лесса также преобладало разнотравье. В сравнении с палинозоной I из лесса отмечено повышение содержания пыльцы гигрофитов (осок), а также снижение роли пыльцы астровых (это семейство включает большое количество ксерофитных растений).

Характерной чертой группы пыльцы деревьев субзоны IIa является преобладание пыльцы широколиственных пород над сос-

ной (9–32 %). Учитывая высокую пыльцевую продуктивность и дальность заноса пыльцы сосны, принято, что при 20%-м ее содержании в СП-спектре она интерпретируется как пыльца дальнего заноса (Клопотовская, 1985). В нашем случае ее поступление в значительной степени связано с привносом лесового материала. В составе пыльцы широколиственных пород наиболее обильны граб (10–23 %), липа (6–18 %). Пыльца дуба составляет 0–15 %, вяза 0–6 %. Много микрофоссилий кустарниковых пород: орешника (8–18 %), яблоневых (5–17 %), жимолостных (0–6 %). Постоянно, и часто в больших количествах (8–27 %), присутствует пыльца ольхи. Характерной чертой группы пыльцы трав является преобладание пыльцы разнотравья (45–61 %). Больше всего в нем микрофоссилий цинкориевых (6–26 %), яснотковых (12–20 %), розовых (4–20 %), в меньших количествах встречаются бобовые (0–7 %), капустные (0–7 %), лютиковые (3–8 %). Высоким является участие пыльцы осок (12–19 %) и низким – злаков (4–6 %) и ксерофитов: маревых (6–12 %), полыни (выявлена только в одном образце, 4 %). Содержание микрофоссилий астровых (7–12 %) ниже, чем типично мезофитного разнотравья. Единично выявлены пыльцевые зерна зонтичных, крапивных, рогозовых, гречишных. Участие спор составляет 12–22 %, представлены они папоротниками сем. многоножковых (4–10 %), зелеными мхами (4–15 %), единично плаунами. Характерно присутствие спор орляка (до 4,5 %).

В сравнении с разрезами почв (разрезы 1.1 и 1.2) и, исходя из высокого содержания пыльцы граба, подобные СП-спектры следовало бы отнести к атлантическому периоду, но это не соответствует возрасту археологического материала (переходный период от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку), т. е. это СП-спектр относится к суббореальному периоду. Следовательно, разница в составе СП-спектров связана с различным местоположением разрезов. Грабовые леса произрастали в среднем суббореале главным образом на склонах (где и расположен разрез 1.4) и в понижениях, на плакорах уступая место дубово-липовым лесам. В разрезе пониженного местоположения Гельмязевского болота (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988) граб появляется также лишь с суббореала. В климатические оптимумы атлантического периода граб был распространен и на плакорах.

Палинозона III выделяется в интервале 1,5–1,1 м. От палинозоны II она отличается следующими признаками: снижение участия пыльцы деревьев (28–29 %, очень выдержанное по слою) и, соответственно, повышение участия пыльцы трав (48–58 %), появление пыльцы березы (0–9 %), снижение участия пыльцы кустарниковых пород (орешника, жимолостных, яблоневых). В группе пыльцы трав эти изменения следующие: понижается содержание пыльцы разнотравья (40–51 %, в палинозоне II оно составляло 45–61 %), и участие пыльцы цинкориевых (3–14 %), напротив, повышается содержание пыльцы злаков (14–29 %). При этом в составе последних выявлены пыльцевые зерна хлебных злаков. Учитывая слабый разнос и плохую сохранность пыльцы хлебных злаков, присутствие даже небольшого количества их пыльцы позволяет сделать заключение о существовании земледелия на поселениях (Кременецкий, 1991).

Участие сосны в нижних слоях очень низкое (0–19 %), что свидетельствует о ее чужеродности экотопу изучаемого местоположения. Прослеживается преобладание пыльцы мелколиственных пород: березы и ольхи. Их пыльца дает на этом уровне максимум на диаграмме. Если исходить из длительного формирования заполнения котлована жилища № 4, палинологические данные свидетельствовали бы о существенных изменениях растительности на временном отрезке, соответствующем интервалу глубин 1,4–1,5 м. Однако по археологическим данным заполнение жилища происходило быстро. Поэтому прослеживаемое по палинологическим материалам сокращение площадей широколиственного леса, очевидно, связано с его вырубками. Об антропогенном воздействии на растительный покров свидетельствует также появление плантаций хлебных злаков и распространение rudеральной растительности.

Содержание пыльцы широколиственных пород наиболее высокое в разрезе: 28–54 %. В их составе представлены граб (9–30 %), липа (7–23 %), дуб (4–22 %), вяз (0–5 %). Участие орешника, яблоневых в основном не превышает 7 %, микрофоссилий ольхи – 9–30 %. В группе пыльцы трав, кроме главной особенности – падения участия разнотравья за счет повышения роли злаков (в том числе хлебных) – прослеживаются такие черты. Сохраняется примерно одинаковое участие пыльцы осок (5–14 %) и астровых (10–19 %), но, в сравнении с

палинозоной II, осок становится меньше, а астровых (растения нарушенных субстратов) – больше. Участие ксерофитов: маревых (0–9 %), полыней (0–5 %) очень низкое. Содержание спор составляет 19–23 %: в равной мере представлены многоножковые папоротники и зеленые мхи. Встречается папоротник орляк, единичные споры плаунов. В слое представлены также микрофоссилии рудеральных (сорняковых) растений: гречиши посевной, василька синего (спутник хлебных злаков), семейств свинчатковых и цикориевых. В составе разнотравья преобладает пыльца семейства яснотковых (12–23 %), розовых (5–23 %), реже встречаются бобовые (0–5 %), капустные (0–5 %), единично лютиковые, эфедра. Вероятно антропогенно занесены микрофоссилии рогоза. Земледельческие угодья жителей Суботовского городища все еще были окружены богатыми по флористическому составу широколиственными лесами, но площади последних сократились.

В интервале 1,1–0,8 м выделена палинозона IV, которая с некоторой долей условности разделяется на субзоны IVa и IVb. Отличительной чертой всей палинозоны является повышение участия пыльцы сосны (до 40 %), сближающегося по содержанию с пыльцой широколиственных пород (31–46 %). Ниже в разрезе пыльца широколиственных заметно преобладает над пыльцой сосны. Повышению участия пыльцы сосны соответствует снижение участия пыльцы широколиственных пород, особенно дуба (3–12 %). Известно, что дуб возобновляется после вырубок медленнее граба. Несколько повысилось в сравнении с палинозоной III участие пыльцы орешника (3–6 %), яблоневых (3–6 %). Постоянно присутствует пыльца берез (3–6 %), ольхи (10–29 %). В группе пыльцы трав характерным является резкое возрастание роли пыльцы разнотравья (до 70 %), в том числе пыльцы цикориевых (9–25 %), а также уменьшение содержания пыльцы осок (2 %). Участие пыльцы ксерофитов ничтожно: маревых 0–3 %, полыни 0–3 %, зерно эфедры единично. Микрофоссилии хлебных злаков не выявлены. Вероятно, или земледельческие угодья территориально были удалены от бывшего жилища, или уменьшалась его посещаемость.

В сравнении с палинозонами III и IVb палинозона IVa характеризуется повышенным содержанием пыльцы деревьев (43–49 %), сближающимся с участием пыльцы трав (38–40 %), т. е. типично лесостепными СП-

спектрами. В составе пыльцы широколиственных пород преобладают граб (19–29 %), липа (1–22 %). Участие пыльцы дуба вдвое ниже. В группе пыльцы трав в состав доминантов входят разнотравье и злаки (19–20 %). Палинозона IVb отличается снижением содержания пыльцы деревьев (30 %) и пыльцы широколиственных пород (31 %) одновременно, а также снижением участия пыльцы злаков (10 %). В группе широколиственных пород представлены граб и липа (по 14–17 %). Состав пыльцы трав позволяет реконструировать растительность луговых разнотравных степей, типичную для лесостепной зоны.

Палинозона IV характеризует завершение формирования культурного слоя над заполнением жилища № 4 и отвечает горизонту Суботов III (не позже IX в. до н. э.). В составе отложений появляется примесь гумусового материала, резко увеличивается содержание пыльцы сорняков – цикориевых (25 %). К концу этого периода леса сохранялись преимущественно на склонах (граб) и в пойме (ольха).

Выше в разрезе из гумусового горизонта (по сути из дерново-черноземной почвы конца суббореального – всего субатлантического времени) выделены палинозоны V и VI. Скорость осадконакопления во время формирования этой почвы была незначительна и палеоэкологические изменения, происходившие с конца суббореального периода, не могли быть детально зарегистрированы. Тем не менее, изменения СП-спектров отражают некоторые климатические флуктуации, которые очень предварительно могут быть сопоставлены с подразделениями общей схемы этапности позднего голоцена (Хотинский, Алешинский и Гоман, 1991).

Палинозона V выделена в интервале глубин 0,7–0,8 м и отличается от предыдущей субзоны IVb снижением участия пыльцы деревьев (25–33 %) и повышением – пыльцы трав (54–72 %), резким уменьшением содержания пыльцы широколиственных пород (8–15 %) и увеличением роли сосны (57–68 %). Содержание пыльцы трав и сосны по сравнению с отложениями наполнения жилища № 4 достигает максимальных значений. Заметную роль в составе пыльцы деревьев играют яблоневые (11–16 %), орешник (4–8 %), ольха (8 %). Группа широколиственных пород представлена липой (4–8 %), дубом и грабом (до 4 %). Резкие изменения отмечаются также в группе пыльцы трав: участие разнотравья падает

до минимальных в разрезе значений (25 %) за счет повышения роли более ксерофитных элементов – злаков (17–20 %) и астровых (18–35 %). В состав доминантов СП-спектров входят маревые (13–16 %), постоянно присутствует пыльца полыни (5–6 %), сем. свинчатковых. Повышенное участие пыльцы цикориевых, вероятно, унаследовано от предшествующего этапа антропогенного воздействия на экосистему. В группе спор зеленые мхи преобладают над папоротниками, исчезает лесной вид орляк. Этот интервал, вероятно, соответствует позднесуббореальному иссушению 2900–2700 лет назад (см р.р. 1.1, 1.2) лесостепной и степной зон Украины.

Палинозона VI выделена в интервале 0,70–0,55 м и характеризуется типично лесостепными СП-спектрами (29–49 % пыльцы деревьев, 37–55 % пыльцы трав и 14–16 % спор). Повышается участие пыльцы широколиственных пород (19–27 %), хотя оно уступает таковому в отложениях заполнения котлована жилища. Пыльца широколиственных пород представлена дубом (9–15 %), липой (4–8 %), грабом (4–6 %), вязом (до 2 %), пыльца их спутника орешника достигает 4–10 %. Повышается участие микрофоссилий ольхи (14–20 %), появляется пыльца березы (2–6 %), в то время как содержание микрофоссилий сосны снижается до 35–51 %, но остается выше, чем в отложениях заполнения жилища. Подобная картина прослеживается и по составу пыльцы трав: участие разнотравья повышается (29–48 %), но не достигает таких значений, как в отложениях заполнения котлована жилища. В состав доминантов трав входят также астровые (18–25 %) и злаки (13–26 %). Участие ксерофитов невысокое: маревых 8–12 (до 17 %), полыней 2–8 %. Вновь фиксируется пыльца гигрофитов осок (4–6 %), а также споры лесных папоротников сем. многоножковых (5–9 %), а в составе разнотравья – пыльца таких лугово-лесных растений как щавель и гераниевые. Не располагая абсолютными датировками, но исходя из стратиграфического положения, предполагается, что палинозона VI соответствует субатлантическому периоду: нижняя его часть, с более высоким содержанием древесной и широколиственной пыльцы, возможно, относится к более влажному раннеатлантическому времени (Хотинский, Алешинский и Гоман, 1991), а верхняя – к более засушливому среднеатлантическому времени (см. разрез 1.1).

Палинозона VII, выделенная в интервале 0,44–0,55 м, отличается высоким содержанием пыльцы древесных пород (до 57 %), но низким широколиственных (до 12 %) за счет преимущества микрофоссилий сосны (65 %), ольхи (14 %) и березы (6 %). В составе широколиственных преобладает граб (10 %), пыльца дуба и орешника лишь по 2 %. В группе трав преобладает разнотравье (49 %), а в его составе сем. цикориевых (18 %). Из других составляющих группы трав представлены злаки (18 %), астровые (14 %), маревые (8 %), полыни (4 %), оски (4 %). Исходя из состава СП-спектров, можем реконструировать, прежде всего, похолодание климата в сравнении с предшествующими интервалами, отмечаемое в верхней части палинозоны («малый ледниковый период»?) и потепление в нижней ее части («средневековый климатический оптимум»?), имевший место на отрезке около 1,0–1,2 тыс. лет назад (Хотинский, Алешинский и Гоман, 1991; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько, Л., Мосякин и Безусько А., 2011; Кременецкий, 1991; Герасименко, 1997, 2011).

2. ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ГОЛОЦЕНЕ

Палинологические и педологические исследования разрезов фоновых почв и отложений разрезов Малого и Большого Городка позволили реконструировать эволюцию природной среды территории следующим образом.

2.1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Перед началом последнего этапа развития природы четвертичного периода – голоцена (10300 лет назад) территория района исследований была покрыта чехлом плейстоценовых осадочных пород. На большей части территории шла аккумуляция лессов, послуживших впоследствии субстратом развития голоценовых почв. На высоких участках развивались также денудационные процессы, приводившие к экспонированию на дневную поверхность супесчаных отложений более древнего – днепровского – этапа плейстоцена. К началу голоцена в районе будущего городища в основном была заложена балочная сеть, в которой накапливался песчаный балочный аллю-

вий. Растительность конца плейстоцена представляла собой разнотравно-злаковую степь (СП-комплексы I в разрезах 1.2 и 1.4). При этом разнотравье произрастало на более увлажняемых склонах балок, выполняя здесь также роль закрепителя и задернителя нарушенных суглинистых субстратов. Песчаные отложения в днище балок занимали экологически менее требовательные растения: маревые, астровые. В составе преимущественно злаковых ценозов плакоров встречались ксерофиты – полынь и эфедра. В долине реки, протекающей у подножия суботовских холмов, могли произрастать ольха и береза, хотя пыльца этих растений также, как и сосны, принадлежит к группе дальнего заноса, и в условиях открытого безлесного ландшафта могла поступать издалека. Климатические условия описываемого временного отрезка были качественно отличны от существовавших в голоцене по значительной большей континентальности и суровости климата и обуславливали существование в районе исследований холодной степи («перигляциальной степи», по Артюшенко, 1970; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988).

К раннеголоценовому пребореальному времени отнесена палинозона II разреза Малого Городка (разрез 1.2). В это время склоны суботовских холмов покрывали березовые леса, а выходы песчаных пород на плато и в балках – сосновые боры. Распространение лесов свидетельствует о влажном климате, а присутствие в них примеси широколиственных пород (дуба, липы, орешника) – о возрастании теплообеспеченности. Однако климат был холоднее (хотя, вероятно, несколько влажнее) современного. В лесостепных и северо-степных районах к востоку от Днепра в пребореале преобладала сосново-березовая лесостепь, с примесью липы, вяза и дуба (Климанов и Серебрянная, 1986; Спиридонова, 1991; Герасименко, 1997, 2011), а в лесной зоне Украины – березовые леса с единичными широколиственными породами (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякин и Безусько А., 2011).

Потепление бореального периода: 9,0–8,4 тыс. лет назад, в лесной зоне Украины 8410 ± 100 лет назад (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988) – возможно, нашло отображение в палинозоне III разреза Малого Городка (разрез 1.2). На суботовских холмах сократилась роль березовых формаций и ольшаников за счет расширения площадей

дубрав, усилились позиции лугово-степных ценозов. Потепление климата сопровождалось его заметным иссушением, как в лесной зоне (Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991; Еловичева и др., 1988), так и в восточных районах Украины (Герасименко, 1997, 2009).

В основании профиля лесных почв (палинозона I разрезов 1.1 и 1.3) выявлены фазы распространения лесостепной растительности с отсутствием широколиственных пород и низким участием (или отсутствием) березы. Последнее характерно для позднего бореала (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988). Сосновые боры с орешником и яблоневыми в подлеске, распространенные на выходах песков, на плакорах сменялись злаково-разнотравной степью. Содержание пыльцы ольхи позволяет реконструировать ее произрастание непосредственно в долине р. Суботь. Овраги занимали ценозы пионерной растительности из астровых и цикориевых. Характер растительности позволяет относить этот отрезок к последнему возврату относительно холодного и засушливого климата, установленного для конца бореала, около 8000 лет назад (Хотинский, Алешинская и Гуман, 1991; Климанов и Серебрянная, 1986; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякин и Безусько А., 2011; Герасименко, 1997, 2011).

Начало атлантического периода ознаменовалось расширением площадей лесов, появлением в них дуба, позднее липы и граба (палинозона II разреза 1.1, палинозона IIa разреза 1.3). Выше этого уровня в разрезах прослеживается наиболее интенсивное проявление процессов лесного почвообразования с формированием оглиненного V_{tf} горизонта на склонах, В горизонта на плакорах. Это фаза максимального распространения широколиственных лесов климатического оптимума атлантического периода (палинозона III разреза 1.1, палинозона IV разреза 1.2). Первая фаза оптимума характеризовалась развитием полидоминантных лесов из дуба, липы, вяза, граба с развитым кустарниковым ярусом (орешник, бересклет, жимолостные, древесные розовые). Балку, разделяющую Большой и Малый Городок, занимал преимущественно липовый лес с разнотравно-папоротниковым наземным покровом. В наиболее сырых местах росли мхи и плауны. В урочище Малого Городка на плакоре лес был светлее, с богатым подлеском, меньшей ролью споровых растений в наземном покрове. Значительные площади были заняты лесными полянами

со злаково-разнотравной растительностью. Вторая фаза климатического оптимума атлантического периода характеризовалась усилением позиций граба. Леса стали более тенистыми, в них происходила редукция кустарникового яруса. Доминанта граба свидетельствует о возрастании влажности климата на этом этапе атлантического периода. Долина р. Суботь была занята черноольшаниками.

Первый оптимум произрастания широколиственной растительности атлантического периода (максимум тепла и влаги) датирован как для лесной, так и лесостепной зон Русской равнины около 7500 лет назад (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Еловичева и др., 1988; Спиридонова, 1991). Второй оптимум начался 6000 лет назад, однако на отрезке около 5500 лет назад возрастание температур соответствовало уже не увеличению, а уменьшению количества осадков (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякин і Безусько А., 2011). На этом же отрезке в более восточных районах Русской равнины зафиксирована смена процессов лесного почвообразования лугово-черноземными (Величко и Морозова, 1986). Вероятно, второй оптимум произрастания широколиственной растительности в атлантическое время в районе Суботова также имел место около 6000 лет назад. На Дону наиболее богатые по составу леса произрастали на отрезке 6,6–6,2 тыс. лет назад (Спиридонова, 1991), на Донбассе – 6,6–6,1 тыс. лет назад, при этом участие граба также увеличивалось в течение второго оптимума атлантики (Герасименко, 1997, 2011).

Завершающая стадия атлантического периода, вероятно, отображена в палинозоне IV разреза 1.1 и нижней части палинозоны V разреза 1.2. На спорово-пыльцевой диграмме плакорного разреза Малого Городка на этом уровне фиксируются выпадение пыльцы вяза, что характерно для начала суббореала (Хотинский, 1977). На описываемом временном отрезке поймы были заняты ольхой, овражно-балочные местности – тенистым липово-дубово-грабовым лесом, с папоротниками и плаунами в наземном покрове. Однако выше по склону он сменялся разреженным светлым лесом с густым кустарниковым ярусом. На плакорах значительные участки занимали злаково-разнотравные ценозы. Процессы лесного почвообразования развивались на склонах, а на плакорах сочетались с процессами гу-

мусонакопления. Состав растительности фиксирует несколько более прохладные и засушливые условия, чем на предыдущих отрезках атлантического периода. Для более восточных районов вторая половина атлантического периода (после 5500 лет назад) в целом характеризуется сменой лесного почвообразования лугово-степным и степным и, следовательно, является интервалом с более засушливыми условиями в сравнении с первой его половиной (Иванов и др., 1986; Величко и Морозова, 1986; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякин і Безусько А., 2011; Герасименко, 1997, 2011).

Средний суббореал (4,1–3,4 тыс. лет назад) на изучаемой территории характеризовался сокращением роли широколиственной растительности как в связи с общей тенденцией похолодания в послееатлантическое время, так и с возрастанием засушливости климата (палинозона V разрез 1.1 и 1.2). Резкое сокращение содержания пыльцы деревьев фиксируется даже в отложениях склонов балки, особенно если учесть, что пыльца сосны (исходя из ее процентного содержания) является заносной. Плакоры в это время были покрыты исключительно степной злаково-разнотравной растительностью, под которой развивались процессы гумусонакопления. Возникли и более ксерофитные марево-польные группировки. Несколько сократились площади ольшаников в долине реки. Тем не менее, склоны занимали широколиственные леса, оставшиеся заметным компонентом состава растительности. Возрастание засушливости климата в районе Суботовского городища не приводило к таким резким изменениям ландшафта, которые зафиксированы на этом временном отрезке в пределах более восточных районов Лесостепи и современной степной зоне (Золотун, 1975; Иванов, 1992; Кременецкий, 1991; Спиридонова, 1991; Gerasimenko, 1997, 2011). В Лесостепи среднесуббореальное иссушение климата проявилось в сокращении площадей лесных массивов и в некотором изменении состава степной растительности, представленной, наряду с луговым разнотравьем, и разнотравно-злаковыми (в меньшей мере польно-маревыми) ценозами. Граница зоны Степи, вероятно, продвигалась в это время к северу. В то же время увлажняемые склоны покрывали широколиственные леса богатого состава. Склоны южной экспозиции могли занимать кустарниковые формации.

2.2. ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА (горизонты Суботов II и Суботов III)

Основными материалами для восстановления природных обстановок на Суботовском городище были результаты палинологического изучения культурного слоя возле жилища № 9 (разрез 1.3) и жилища № 4 (разрез 1.4). Корреляция этих результатов с данными изучения разрезов фоновых почв позволила охарактеризовать природную ситуацию времени проживания древнего человека в общем контексте изменения природной среды в голоцене.

Палиноматериалы из отложений нижней части заполнения котлована жилища № 4 (палинозона II, разрез 1.4) позволяют реконструировать палеоэкологию на временном отрезке от середины – конца XI в. до н. э. (горизонт Суботов II). Городище возникло в зоне Лесостепи, но с высокой степенью облесенности, приближающейся к южно-лесной зоне. Преобладали широколиственные дубово-липово-грабовые леса, в то время как долины занимали ольшаники. Широколиственные леса характеризовались сложной структурой: с дубом и липой в первом ярусе, грабом во втором ярусе, дикими яблоней, грушей, орешником, бузиной в подлеске, папоротниково-разнотравным наземным покровом. Обязательным компонентом наземного покрова грабово-дубовых лесов являются осоки, пыльца которых постоянно присутствует в СП-спектрах. Низкое участие пыльцы маревых и полыней свидетельствует, что степные участки были достаточно удалены от городища. Наличие пыльцы астровых и особенно очень высокое участие пыльцы цикориевых в ассоциациях, существовавших под пологом широколиственного леса, могут быть объяснены воздействием антропогенных факторов. Резкое преобладание в СП-спектрах из культурных слоев поселений эпох неолита и энеолита пыльцы астровых, особенно цикориевых, наблюдается для памятников Средиземноморья (Bottema, 1975), в Молдове и Подонье (Кременецкий, 1991), предгорьях Колхиды (Клопотовская, 1985). О существовании антропогенно обусловленной сорняковой растительности свидетельствует также нахождение микрофоссилий крапивы, гречихи посевной (в то время дикорастущего сорняка), занос человеком из пониженных местообитаний пыльцы рогоза (в природе пыльца его не разносится на значительные

расстояния). Однако пыльца хлебных злаков не выявлена. Так как она относится к быстроразрушаемым палиноморфам, следует предполагать, что на этом временном отрезке значительные количества ее в котлован жилища не попадали.

Палиноматериалы из нижней части «золистого» заполнения котлована жилища № 4 (палинозона С, разрез 1.4) показывают, что широколиственные дубово-липово-грабовые леса произрастали вокруг жилища, ольшаники – в речной долине, но заметно расширились площади открытых незалесенных пространств. Большая часть последних вероятно была представлена полями (наличие микрофоссилий хлебных злаков). По К. Кременецкому (1991), присутствие даже небольшого количества пыльцы хлебных злаков в культурном слое может служить достаточным основанием для суждения об их произрастании рядом с поселением. С деятельностью человека, вероятно, связано также осветление лесов путем вырубки кустарников и деревьев нижнего яруса, внедрение сорняковой растительности (гречишные, свинчатковые, подорожниковые, астровые, в частности василек, и цикориевые). Появление золистых тонов окраски в культурном слое также позволяет предполагать наличие вырубок или выжигания лесов, а появление пыльцы березы, являющееся необычным на фоне максимального содержания пыльцы широколиственных пород, может быть связано не только с привнесением ее с осыпающихся стенок, но и с возникновением быстро возобновляющихся зарослей березы на месте лесных пожаров. Накопление материала заполнения котлована жилища отображает значительные изменения характера растительного покрова, которые могли иметь место или в результате естественных лесных пожаров или в результате деятельности человека.

Палиноматериалы выше «золистого» заполнения жилища № 4 и перекрывающего культурного слоя (палинозона IV, разрез 1.4) позволяют предполагать, что со временем (горизонт Суботов III) происходило сокращение лесных массивов. Леса из граба, с примесью дуба, липы, и березы, с орешником и дикими яблоневыми на опушках, с разнотравно-папоротниковым наземным покровом существовали преимущественно на склонах, ольховые леса – в днищах балок. Плакоры были заняты злаково-разнотравными лугово-степными ценозами. Исчезновение микрофоссилий культурных

злаков, как и резкая вспышка пыльцы сорных растений, может свидетельствовать об упадке земледелия. Над заполнением жилища возобновляются процессы почвообразования (гумусонакопление).

Итак, изменения в экосистеме, отмечаемые в разрезе 1.4, выразились в сокращении площадей, занятых лесом, за счет расширения участков разнотравных луговых степей (однако в пределах одной и той же зоны широколиственной Лесостепи). В связи с увеличением площади открытых пространств увеличилась и возможность дальнего заноса пыльцы сосны (повысилось участие ее в спектрах). Изменился и состав лесов за счет снижения роли дуба (медленно возобновляемой породы), усиления доли пыльцы граба и появления пыльцы березы (быстро возобновляемых пород). Это свидетельствует об искусственном сведении лесов человеком, особенно учитывая факт снижения облесенности именно на отрезке появления в спорово-пыльцевых спектрах пыльцы культурных злаков. Тем не менее, облесенность территории не восстановилась на временном интервале, соответствующей палинозоне IV, в которой культурные злаки исчезают. Дуб может вытесняться грабом и при природно обусловленных факторах: возрастании континентальности климата и падении уровня грунтовых вод. Природная сукцессия дуб–липа–граб известна для аналога голоценового этапа – микулинского межледниковья плейстоцена, а также прослежена для климатического оптимума атлантического периода в разрезе фоновой почвы (разрез 2.1).

На спорово-пыльцевой диаграмме культурного слоя возле жилища № 9 (разрез 1.3) фазе распространения широколиственных лесов, отображенной в палинозонах I–IV разреза 1.4, соответствует субзона IIb. Неадекватное соотношение мощностей отложений одного и того же хронологического интервала в разных разрезах является вполне возможным в связи с различными скоростями осадконакопления в их местоположениях, в частности, высокой скоростью осадконакопления в котловане жилища № 4.

Культурный слой на участке раскопов VIII–IX формировался в условиях достаточно широкого распространения широколиственных, а именно, дубово-липовых лесов, с разнотравным наземным покровом и полян с луговым разнотравьем. Преобладание липы в разрезе 1.3. связано с его плакорным положением, тогда как грабовые и ольховые

формации занимали склоны и понижения, соответственно. Но медленно восстанавливающийся дуб уже терял свое значение в составе сократившихся по площади плакорных лесов.

Фаза распространения широколиственных лесов установлена для начала позднего суббореала (Серебрянная, 1982; Спиридонова, 1991; Кременецкий, 1991; Герасименко, 1997, 2011) и характеризуется повышенным участием липы в составе лесов центра Русской равнины (Серебрянная, 1982). Высокое участие липы отмечено и в описываемом разрезе. Однако в менее континентальных фациях Лесостепи на Правобережье Украины высоким было и участие граба (Кременецкий, 1991), особенно в условиях глубоко расчлененной местности с повышенным увлажнением на склонах.

Культурный слой возле жилища № 9 (палинозона III разреза 1.3) формировался в экологических условиях, резко отличных от таковых, представленных в палинозоне IIb. Произошло резкое обезлесивание территории (пыльца сосны, как известно, относится к группе дальнего заноса). Дубово-липовые леса, произраставшие у местоположения накануне появления человека (и в первые фазы существования поселения), позднее практически полностью исчезают из состава растительности. Леса были замещены полями, увеличились также участки, занятые сорняковой растительностью. После ухода населения облесенность территории восстановилась очень нескоро и не в прежних размерах. Вероятно, заключительные стадии функционирования Суботовского городища совпали с началом естественного климатического тренда иссушения, известного для левобережных Степи и Лесостепи (Золотун, 1975; Иванов, 1992; Климанов и Серебрянная, 1986; Gerasimenko, 1997, 2011). В разрезе 1.4 (палинозона IV, субзона IVb) представлена более ранняя стадия этого процесса (более высокое облесение территории), чем в палинозоне III – разреза 1.3 (значительное преобладание степи).

В разрезе фоновой почвы (см. разрез 1.1) фазе поздне-суббореального распространения широколиственных лесов соответствует палинозона VI. Теневой дубово-грабово-липовый лес с папоротниково-разнотравным наземным покровом одевал склоны балки. Под ним интенсивно развивались почвенные процессы элювиирования-иллювиирования, приводившие к дальнейшей более глубокой текстурной дифференциации профиля свет-

ло-серой оподзоленной почвы. Миграция полутораоксидов железа и алюминия сопровождалась также миграцией вниз по профилю тонкодисперсных гумусовых веществ, что приводило к формированию гумусово-иллювиального горизонта Bth. Также развивались процессы поверхностного оглеения, что свидетельствует об избыточном количестве осадков. Тем не менее, факт формирования гумусово-иллювиального горизонта свидетельствует о некотором возрастании континентальности климата и неравномерном распределении осадков по сезонам. Археологических остатков этого времени на поселении нет. Частично возможно отнесение к нему находок горизонта Суботов I (культура Бабино). Основанием к этому является тот факт, что в разрезах степной зоны Украины временной интервал, соответствующий периоду культуры Бабино, отличался максимальной аридностью климата (Герасименко и Горбов, 1996). В Лесостепи соответствующий интервал был влажнее, чем в Степи, но также выделялся значительным увеличением континентальности климата, и, следовательно, выраженными засушливыми сезонами.

Фаза засушливого климата в разрезе почвы, погребенной под валом Малого Городка (разрез 1.2, палинозона VI), определена в материале нижней части гумусового горизонта. Она отображает лесостепной ландшафт: чередование дубово-грабово-липового леса с разнотравными луговыми степями. Судя по развитию гумусонакопления в описываемом местоположении, здесь в это время не было сомкнутого лесного покрова. Возможно, урочище Малый Городок представляло собой лесную опушку с некоторым переизбыточным увлажнением. Признаками этого могут быть примазки гидрооксидов марганца, связанные с сезонным переувлажнением, развивающимся над более тяжелым и плотным В горизонтом. Тем не менее, в это время здесь развивались процессы не лесного почвообразования, а гумусонакопления. Возможно, палинозона VI соответствует начавшемуся сокращению древесной растительности, отображенному в палинозоне IV разреза 1.4.

Палинозона III (разрез 1.3) может быть сопоставлена с палинозоной VII верхнего слоя гумусового горизонта, погребенного под валом Малого Городка (разрез 1.2). Эта палинозона отображает растительность плакоров, представленную луговыми и злаково-разнотравными степями. На выходах

песчаных пород росли сосновые боры с небольшой примесью дуба, липы, яблоневых и жимолостных. Исходя из вышеперечисленного, можно заключить, что непосредственно перед сооружением вала, в конце IX вв. н. э., Суботовское городище, как и в настоящее время, находилось в зоне Лесостепи, но с иным составом растительности, как по сравнению с современным этапом, так и с этапом, на котором существовало жилище № 4. Урочище, в котором позднее был сооружен вал, занимала луговая степь (сейчас оно покрыто грабовыми насаждениями). Позиции широколиственной флоры в составе растительности ослабли, возможно, также и за счет распространения сосновых боров и суборей. Сократились площади ольшаников в долине.

Описываемый временной интервал с неблагоприятными условиями произрастания мезофильной лесной растительности может быть сопоставлен с интервалом, прослеженным в верхней части заполнения жилища № 4 и перекрывающем его культурном слое (палинозона IV, субзона IVb). Последняя, однако, отличается несколько более ксерофитным составом степной растительности и еще более низкой облесенностью. Можно предполагать, что на Малом Городке палинозона VII представляет собой одну из переходных фаз к максимуму этапа иссушения, отображенному в палинозоне V. Все описанные признаки этой палинозоны, выделенной в нижней части гумусового горизонта, перекрывающего заполнение жилища (разрез 1.4), свидетельствуют об изменениях в сторону уменьшения лесистости территории и расширения площадей открытых травянистых ценозов. По общему составу палинозона V формально относится к лесостепному типу. Однако, учитывая высокое содержание пыльцы сосны (относится к группе дальнего заноса), можно предполагать, что облесенность изучаемой территории была незначительной. Исходя из доминантов СП-спектров в группе пыльцы трав, степи изменялись от луговых к разнотравно-дерновинно-злаковым. Следовательно, имело место смещение зоны Степи к северу. Непосредственно на месте расположения жилища № 4 лес не произрастал, но освещенные широколиственные массивы, а, возможно, и самостоятельные кустарниковые формации, занимали низкие увлажняемые части склонов.

Коррелятивный интервал в разрезе фоновой почвы (см. 1.1) представлен субпали-

нозоной VIIIb, в котором отмечается минимальное в разрезе содержание пыльцы древесных растений. Нижняя часть палинозоны VIII разреза фоновой почвы (палинозона VIIa) может быть соотнесена с культурным горизонтом жилища № 9 (разрез 1.3, палинозона III) и верхним горизонтом почвы под валом (разрез 1.2, палинозона VII). По палиноматериалам разреза фоновой почвы также прослеживается расширение площадей степных ландшафтов, появление участков не только луговой, но и разнотравно-злаковой степи, а также сокращение широколиственных лесов и распространение кустарниковых формаций. Разрез, расположенный на склоне балки, отображает более высокое участие в составе растительности широколиственных пород, приуроченных к более увлажненным понижениям рельефа.

Как известно (Золотун, 1975; Иванов, 1992; Кременецкий, 1991; Спиридонова, 1991; Герасименко, 1997, 2011), в конце суббореала в пределах степной и восточно-лесостепной зонах установлена «ксеротермическая депрессия» (3000–2600 лет назад). Ксерофитизация растительного покрова в окрестностях Суботова может служить отражением этого засушливого климатического события в условиях правобережной зоны Лесостепи. Резкие изменения произошли и в эволюции почвенных процессов на территории городища. Развитие лесного почвообразования на склонах, сопровождавшееся глубоким преобразованием и выносом органико-минеральных веществ, сменилось аккумуляцией гумуса. На площадях, где лесная растительность была заменена лугово-степной или разрежена, осветлена, формировались гумусовые горизонты почв. Они прослеживаются на этом уровне во всех изученных разрезах (1.1–1.4).

Экологические условия проживания древнего человека на Суботовском городище изменялись следующим образом. Жилище № 4 возникло в экосистеме дубово-липово-грабового леса лесостепной зоны, с облесенностью выше современной. Во время существования поселения происходило сокращение площадей лесов, одновременное с появлением злаковых полей. Следовательно, происходила вырубка лесов древним человеком. Та же картина сокращения площадей лесов прослеживается и по участку возле жилища № 9. Однако в составе СП-спектров здесь практически абсолютно отсутствует пыльца граба, а позднее и полностью исчезает пыльца широколиствен-

ных пород. Это свидетельствует о большем увлажнении склоновых местоположений.

Вал на Малом Городке был сооружен тогда, когда широколиственные леса были уже сведены. Они возобновились не скоро. По СП-спектрам отложений, перекрывающих заполнение жилища № 4, установлена более засушливая климатическая фаза, чем все имевшие место в течение существования городища. Результаты хозяйственной деятельности человека были закреплены естественным трендом иссушения климата и уменьшения лесистости в зоне Лесостепи в позднем суббореале. Несмотря на то, что на протяжении всего периода существования Суботовское городище находилось в пределах зоны Лесостепи, климатические условия в месте расположения памятника менялись. К моменту возникновения поселения большая часть территории была покрыта широколиственным лесом, а позже, ко времени сооружения вала, была незалесена и занята лугово-степной растительностью.

Согласно археологическим и абсолютным датировкам, в зоне Лесостепи этап поздне-суббореального увлажнения установлен в бассейне Дона на отрезке XIV–XII вв. до н. э. и 1200–900 лет назад (Кременецкий, 1991), а также 1300–900 лет назад (Спиридонова, 1991). В бассейне Донца и Северном Приазовье на отрезке XV–XIII вв. до н. э. климат был наиболее влажным, интенсивное иссушение его имело место в X / IX – конце VIII / VII вв. до н. э. Отрезок XIV / XIII–X / IX вв. до н. э. был переходным от увлажнения к иссушению (Герасименко и Гершкович, 1996: 71–72; Gerasimenko, 1997). В Центральной Европе этап влажного и прохладного климата фиксируется на отрезке XVIII / XVII–XIV / XIII вв. до н. э. (Bouzek, 1982). Для степной зоны Северного Причерноморья более влажный, благоприятный для хозяйственной деятельности (в том числе для земледелия) климат должен был существовать в интервале примерно XVI / XV–XIII / XII вв. до н. э. (Gerškovič, 1999: 89; Gerasimenko, Gershkovich and Fomenko, 2008). Таким образом, снижение увлажнения началось на территориях с более теплым климатом (Центральная Европа, степная зона Украины) не позднее XVI / XV–XIV / XIII вв. до н. э., а в более прохладном климате Лесостепи, соответственно, позже.

Этап поздне-суббореального иссушения климата выделялся в лесостепной зоне центра Русской равнины для временного ин-

тервала 3100–2800 лет назад (Климанов и Серебрянная, 1986), в бассейне Дона для X / IX–VII вв. до н. э. (Спиридонова, 1991), в степной зоне Северного Причерноморья – для начала XII в. до н. э. и до VIII / VII вв. до н. э. (Золотун, 1975; Gerškovič, 1999: 89; Gerasimenko, Geršhkovich and Fomenko, 2008), в бассейне Донца и Северном Приазовье – на отрезке X / IX–VIII вв. до н. э. (Герасименко и Гершкович, 1996: 71–72; Gerasimenko, 1997, 2011). В Центральной Европе этап засушливого и теплого климата установлен для интервала XIII – IX / VIII вв. до н. э. (Bouzek, 1982). Общим для всех названных временных интервалов является засушливость климата в течение X / IX–IX / VIII вв. до н. э. Отрезок XIII / XII– X / IX вв. до н. э. был засушливее, чем XVI / XV–XIII / XII вв. до н. э., но влажнее, чем интервал X / IX – конца VIII / VII вв. до н. э. Он имел как бы переходный характер, поэтому рядом исследователей (Спиридонова, 1991; Климанов и Серебрянная, 1986) включается в интервал влажного климата, а рядом исследователей – в интервал засушливого (Золотун, 1975; Bouzek, 1982).

На Суботовском городище, расположенном на территории Правобережной Лесостепи Украины, интервал XIII–XII вв. до н. э. еще относился к влажной климатической фазе позднего суббореала, которая в юго-восточной части Украины завершилась примерно на 200 лет раньше (Gerasimenko, 1997, 2011). Обезлесивание территории поселения связано с хозяйственной деятельностью древнего местного населения переходного периода (горизонты Суботов II–III). Однако, непосредственно за этим отрезком следовало климатическое иссушение (на интервале XI–VIII / VII вв. до н. э.), установленное в более восточных разрезах Лесостепи и Степи (Спиридонова, 1991; Кременецкий, 1991; Gerasimenko, 1997, 2011).

3. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК ПОСЛЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГОРОДИЩА

После засушливой фазы конца суббореала (2,9–2,6 тыс. лет назад), прослеженной во всех четырех разрезах, изученных на Суботовском городище, устанавливаются более влажные климатические условия. Состав палинозоны VIIa (разрез 1.1) и нижней части палинозоны V (разрез 1.4) отражают возрастание облесенности тер-

ритории. Усилились позиции лесных группировок сложного состава: с дубом, липой в первом ярусе и грабом, вязом во втором, с подлеском и папоротниково-разнотравным покровом. Вероятно, с повышением облесенности и возможностью развития инициальных процессов лесного почвообразования связано нарастание уплотнения в гумусовом горизонте почв названных разрезов. Расширились также площади ольшаников в долине р. Суботь. Однако, учитывая дальний занос микрофоссилий сосны, преобладающей в группе пыльцы деревьев, можно сделать вывод, что леса занимали меньшие площади, чем во время возникновения городища, а климат (исходя из более низкого участия широколиственных пород) был более прохладным. В луговых степях, покрывавших в это время значительные пространства плакоров, более обильными стали ксерофитные растения в сравнении с луговой степью, существовавшей в течение поздне-суббореальной фазы возрастания облесения территории. Климатические условия поздне-суббореального оптимума мезофильной растительности лесостепи второй половины II тыс. до н. э. не были достигнуты ни по тепло-, ни по влагообеспеченности. Фаза влажного, но относительно прохладного климата установлена для начала субатлантического периода (Hotinsky, 1982; Серебрянная, 1982; Александровский, 1983; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Иванов, 1992; Безусько Л., Мосякин і Безусько А., 2011; Герасименко, 1997, 2011) во второй половине I тыс. до н. э. Вероятно, именно она отражена в разрезах 1.1 и 1.4, что также подтверждается находками на этом уровне материалов зарубинецкой культуры рубежа нашей эры.

В верхней части палинозоны VI (разрез 1.4) и в палинозоне VIIIb (разрез 1.1) одновременное падение содержания пыльцы древесных и широколиственных пород, ольхи, разнотравья свидетельствует об иссушении климата. Последнее не было столь выразительным, как в поздне-суббореальную засушливую фазу. Тем не менее, площади лесов в это время также сокращались, усиливались позиции злаков и маревых в составе степных ценозов. Судя по развитию на этом уровне гумусонакопления в почвах всех изученных разрезов, территория бывшего поселения была занята степными группировками, при этом не луговыми, а злаково-разнотравными. Нижние части склонов занимали грабово-липово-дубовые леса,

расширились площади кустарниковых формаций, сократились площади ольшаников в долине. Этот отрезок остепнения ландшафта и ксерофитизации степной растительности, вероятно, может быть соотнесен с фазой климатического иссушения, установленной в начале нашей эры (Hotinsky, 1982; Серебрянная, 1982; Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Кременецкий, 1991; Герасименко, 2004, 2007, 2015).

Следующая фаза увеличения облесенности прослеживается по палиноматериалам палинозоны IX (разрез 1.1), нижней части палинозоны VII (разрез 1.4) и палинозоны IV (разрез 1.3). Леса, произраставшие в это время, были светлыми, с многочисленными лесными полянами, о чем свидетельствует низкое участие в наземном покрове тенелюбивых споровых растений и резкое преобладание разнотравья. В составе древостоев преобладали дуб и липа, хотя встречались также граб и вяз. Самостоятельное значение, возможно, имели кустарниковые формации, особенно из орешника. Процессы гумусонакопления под развитым травянистым покровом этих светлых лесов не прекращались. Эта фаза увлажнения климата и увеличения лесистости в зоне Лесостепи вероятно относится к интервалу около 1,0–1,2 тыс. лет назад. Для последнего установлено расширение площадей лесов даже в степной зоне (Кременецкий, 1991), улучшение условий произрастания широколиственной растительности в лесной зоне (Безусько Л., Климанов и Шеляг-Сосонко, 1988; Безусько Л., Мосякін і Безусько А., 2011).

Палиноданные из верхних слоев гумусовых горизонтов (палинозона X разреза 1.1 и верхняя часть палинозоны VII разреза 1.4) отображают условия, непосредственно предшествующие современным. Обращает на себя внимание низкое содержание пыльцы широколиственных пород на фоне относительно высокого содержания пыльцы древесных. Так как роль заносной пыльцы сосны увеличивается в открытых ландшафтах, можно предполагать, что облесенность территории в течение второй половины нашего тысячелетия была невелика. В ландшафте доминировали луговые степи, свойственные и современной зональной растительности изучаемого региона. Леса из дуба, граба и липы, с орешником и яблоневыми в подлеске, имели подчиненное значение. Это может быть связано как с некоторым угнетением широколиственной

флоры в прохладных климатических условиях «малого ледникового периода» (XIV–XIX вв.), так и, в основном, со сведением лесов в ходе хозяйственной деятельности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненные исследования отобразили сложную динамику природных условий на поселении Суботов в течение голоцена. В контексте изменений палеоэкологических обстановок в голоцене время прихода человека на поселение определяется как влажная климатическая фаза. Природные условия в начале существования поселения в позднем суббореале были одними из наиболее благоприятных для произрастания широколиственной растительности в течение голоцена. т. е. характеризовались влажным и теплым климатом, в определенной мере сопоставимым с оптимумом атлантического периода. Тем не менее, климат оптимума атлантического времени был мягче, менее континентальным, а фаза увлажнения в начале суббореала, вероятно, более влажной. После завершения позднесубореальной фазы распространения широколиственных лесов аналогичные по влаго- и теплообеспеченности условия не повторялись, климат становился прохладнее и континентальнее.

Изменения ландшафтов во время существования поселения состояли в уменьшении облесенности территории в результате хозяйственной деятельности человека. Однако, эти изменения совпали и с природным трендом остепнения лесостепи и иссушения климата. После ухода человека с поселения леса не восстанавливались в течение длительного периода. Фаза позднесубореального иссушения климата была одной из наиболее выразительных в голоцене. По условиям к ней приближалась фаза засушливого климата на рубеже нашей эры, а более засушливым был средне-суббореальный ксеротермический период. Высокая облесенность территории поселения в настоящее время связана с искусственным насаждением леса, однако современные условия благоприятствуют его произрастанию. Современный климат является более влажным, чем во время позднесубореальной фазы остепнения, и, возможно, близким к позднесуббореальному оптимуму широколиственной растительности.

SUMMARY

At the Subotov hill-fort, four sections through Holocene soils have been palynologically studied (one profile with a natural undisturbed soil, and three soils which include cultural layers). The results demonstrate significant vegetational and climatic changes during the Holocene, and during the time of the settlement's existence.

At the beginning of the Early Holocene, cold steppe landscapes with loess deposition were replaced by the pine-birch forests (with a few broad-leaved species) of the Preboreal. The climate was colder and wetter than nowadays. During the Boreal, forest-steppe replaced the forest. The proportion of broad-leaved species first increased (the warm Early Boreal) and then drastically decreased (the cooling of the Late Boreal). The first half of the Atlantic was characterized by the maximum spread of broad-leaved forest landscapes (the climatic optimum), but after 5,500 years, forest-steppe re-appeared because of an increase in aridity. The Early Subboreal was a cool phase, whereas during the Middle Subboreal, steppe occupied the plateaux (the time of maximum aridity).

The Subotov hill-fort had its beginning during the Late Subboreal (the XI century BC) in a forest-steppe setting which was strongly dominated by broad-leaved trees (the warm humid climatic phase). During the existence of the settlement, the area of forest was strongly reduced as a result of human impact, as well as a natural trend towards increasing aridity. At the site studied, forest was replaced by forb-grass steppe at the end of the IXth to earliest VIII century BC, and it did not re-appear for a long time, until the beginning of the Subatlantic period of the Late Holocene. During the Subatlantic, the climate was cooler than when the settlement was in existence. A dry phase occurred around 2000 years ago. The wet and warm phase of the «Medieval climatic optimum» and the cold phase of the «Little Ice Age» preceded the warm period of the last 150 years. The settlement appeared under a climate that was similar to (or wetter) than that of the present day, and it ceased to exist under a drier and colder climate than that of today.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский, А.Л. 1983. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. Москва: Наука.
 Арап, Р.Я. 1972. Палинологічні дослідження поверхневих шарів ґрунту лісостепової частини УРСР. Український ботанічний журнал 29: 506–513.

Артюшенко, А.Т. 1970. Растительность Лесостепи и Степи Украины в четвертичном периоде. Киев: Наукова думка.
 Артюшенко, А.Т., Арап, Р.Я. и Безусько, Л.Г. 1982а. История растительности западных областей Украины в четвертичном периоде. Киев: Наукова думка.
 Артюшенко, А.Т., Арап, Р.Я., Безусько, Л.Г., Ильвес, Э.О., Каюткина, Т.М. и Ковалюх, Н.Н. 1982б. Новые данные о растительности Украины в голоцене. В сб. А.А. Величко, И.И. Спасская, Н.А. Хотинский (ред.) Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. Москва: Наука, 173–179.
 Безусько, Л.Г. 1982. История растительности Малого Полесья в позднем плейстоцене и голоцене. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Киев: Институт ботаники АН УССР.
 Безусько, Л.Г. 2006. Палинологічна характеристика відкладів неоліту та раннього енеоліту багатощарового поселення Кам'яна Могила (Запорізька обл.). Наукові Записки НаУКМА. Біологія та екологія 54: 11–19.
 Безусько, Л.Г. и Безусько, А.Г. 1999. Основні домінантні комплекси пилоквих спектрів поверхневих проб ґрунтів степової зони України. Наукові записки НаУКМА. Біологія та екологія 10: 4–9.
 Безусько, Л.Г. і Безусько, А.Г. 2005. До історії формування лісів України в голоцені за палинологічними даними. У зб. П.Ф. Гожик (ред.) Біостратиграфічні критерії розчленування та кореляції відкладів фанерозою України. Київ: Інститут геологічних наук НАНУ, 308–312.
 Безусько, Л.Г., Безусько, А.Г., Мосякін, С.Л. і Котова, Н.С. 2006. Палинологічна характеристика відкладів енеоліту багатощарового поселення Раздольне (Донецька обл., Україна). Український ботанічний журнал 6: 783–793.
 Безусько, Л.Г. и Климанов, В.А. 1992. Климат Украины в голоцене. В сб. А.А. Величко (отв.) Климаты прошлого и климатологический прогноз: Тезисы докладов симпозиума. Москва: Наука, 11.
 Безусько, Л.Г., Климанов, В.А. и Шеляг-Сосонко, Ю.Р. 1988. Климатические условия Украины в позднеледниковье и голоцене. В сб. А.А. Величко, Н.А. Хотинский (ред.) Палеоклиматы голоцена Европейской части СССР. Москва: Деп. в ВИНТИ, 125–135.
 Безусько, Л.Г., Котова, Н.С. и Ковалюх, Н.Н. 2006. Население эпохи неолита-раннего энеолита Западного Приазовья и окружающая среда. Старожитності степового Причорномор'я і Криму 8: 89–109.
 Безусько, Л.Г., Мосякін, С.Л. і Безусько, А.Г. 2011. Закономірності та тенденції розвитку рослинного покриву України у пізньому плейстоцені та голоцені. Київ: Альтерпрес.
 Болиховская, Н.С. 1995. Лессово-почвенная формация Северной Евразии. Москва: Издательство Московского государственного университета.
 Веклич, М.Ф. 1987. Проблемы палеоклиматологии. Киев: Наукова думка.
 Веклич, М.Ф. і Герасименко, Н.П. 1993. Етапність середньо- та пізньоголоценового ґрунто- та осадкоутворення на заплаві нижньої Десни. Вісник Київського університету, серія геогр. 2: 10–16.
 Веклич, М.Ф., Матвишина, Ж.Н., Медведєв, В.В. и Федоров, К.Н. 1979. Методика палеопедологических исследований. Киев: Наукова думка.
 Величко, А.А. и Морозова, Т.Д. 1986. Палеогеографические основы истории формирования совре-

- менного ґрунтового покрива. В сб. И.В. Иванов (ред.). *Эволюция и возраст почв СССР*. Пушино, 22–36.
- Герасименко, Н.П. 1988. *Палеоландшафты правобережья Киевского Приднепровья (поздний кайнозой)*. Москва: Деп. в ВИНТИ.
- Герасименко, Н.П. 1997. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников). *Археологический альманах* 6: 3–64.
- Герасименко, Н.П. 2004. *Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України*. Автореф. дис. докт. ... географ. наук. Київ: Інститут географії НАНУ.
- Герасименко, Н.П. 2007. Ландшафтно-кліматичні зміни на території України за останні 2,5 тисяч років. У зб. *Історична географія: початок ХХІ ст.* Вінниця: Теза, 41–53.
- Герасименко, Н.П. 2009. Изменение природной среды в степной зоне Украины в течение средней и поздней эпох бронзового века. В сб. И.В. Иванов (ред.). *Эволюция почвенного покрова в голоцене*. Пушино, 72–74.
- Герасименко, Н.П. 2011. Антропогенний розвиток зональних рис ландшафтів в українських землях. У зб. Ю.І. Лоза (ред.) *Історичний атлас України: найдавніше минуле*. Київ: Мапа, 21–29.
- Герасименко, Н.П. 2015. Эволюция ландшафтов и почв Украины в голоцене. В сб. В.Н. Кудеяров, И.В. Иванов (ред.) *Эволюция почв и почвенного покрова*. Москва: ГЕОС, 421–430.
- Герасименко, Н.П. и Гершкович, Я.П. 1996. К палеоэкологии бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья в эпоху поздней бронзы. В сб. А.Д. Пряхин (ред.) *Донско-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: Тезисы докладов и материалы российско-украинской научной конференции и Второго украинско-российского полевого археологического семинара. Часть 2*. Воронеж, 70–72.
- Герасименко, Н.П., Гладиревська, М.Б. і Горбенко, К.В. 2009. Природне середовище людини за ключового періоду бронзової доби на поселенні Дикий Сад. *Фізична географія та геоморфологія* 86: 282–293.
- Герасименко, Н.П. и Горбов, В.Н. 1996. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы Международной конференции. Часть 2*. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 47–49.
- Герасименко, Н.П., Матвіїшина, Ж.М. і Пархоменко, О.Г. 2005. Ландшафтно-кліматичні зміни голоцену у Середньому Придніпров'ї, відображені у стадійності розвитку ґрунтів. *Фізична географія та геоморфологія* 47: 93–100.
- Герасименко, Н.П., Юрченко Т.І. і Зайцев, Ю.П. 2013. Палеогеографічні умови проживання людини скіфської доби у передгір'ях Криму (за даними палеонтологічного вивчення поселення Вишенне). У зб. П.Г. Шищенко, С.Ю. Борник (ред.) *Україна: географія цілей та можливостей*. Т. 1. Київ: Лисенко М.М., 55–57.
- Демкин, В.А., Гугалинская, Л.А., Алексеев и др. 2007. *Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы*. Москва: НИА Природа.
- Динесман, Л.Г., 1977. *Биогеоценозы степей в голоцене*. Москва: Наука.
- Дмитрук, Ю.М., Матвіїшина, Ж.М. і Слюсарчук, І.І. 2008. *Ґрунти Траянових валів: еволюційний та еколого-географічний аналіз*. Чернівці: Рута
- Еловичева, Я.К., Богдель, И.И., Зерницкая, В.Н. и Климанов, В.А. 1988. Климатические реконструкции голоцена Белорусии (по палинологическим данным). В сб. А.А. Величко, Н.А. Хотинский (ред.) *Палеоклиматы голоцена Европейской части СССР*. Москва: Деп. в ВИНТИ, 86–104.
- Золотун, В.В. 1975. *Развитие почв юга Украины за последние 45–50 веков*. Автореф. дис. ... докт. с.-х. наук. Киев.
- Зубаков, В.А. 1986. *Глобальные климатические события плейстоцена*. Ленинград: Гидрометеиздат.
- Иванов, И.В. 1992. *Эволюция почв степной зоны в голоцене*. Москва: Наука.
- Иванов, И.В., Губин, С.В., Скрипниченко, И.И. и Ковалева, И.Ф. 1986. Развитие черноземов юга Русской равнины в голоцене. В сб. И.В. Иванов, О.В. Макеев (ред.) *История развития почв СССР в голоцене*. Пушино, 56–64.
- Исаева-Петрова, Л.С. 1976. Растительность Стрельцовской степи в голоцене. *Известия АН СССР, сер. геогр.* 2: 75–87.
- Климанов, В.А. и Серебрянная, Т. А. 1986. Изменение растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене. *Известия АН СССР, сер. геогр.* 2: 93–102.
- Клопотовская, Н.Б. 1985. Интерпретация результатов спорово-пыльцевого анализа отложений пещеры Апианча в Абхазии. В сб. В.П. Гринчук, Е.Д. Заклинская (ред.) *Палинология четвертичного периода*. Москва: Наука, 104–115.
- Кременецкий, К.В. 1991. *Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины*. Москва.
- Кушнір, А.С. 2016. *Природні умови проживання людини на території сучасного Лівобережжя Дніпровського Лісостепу України у пізньому плейстоцені–голоцені (за палеопедологічними даними)*. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Київ.
- Маринич, О.М., Ланько, А.І., Щербань, М.І. і Шищенко, П.Г. 1982. *Фізична географія Української РСР*. Київ: Вища школа.
- Матвіїшина, Ж.М., Герасименко, Н.П., Передерій, В.І., Івченко, А.С. та ін. 2010. *Просторово-часова кореляція палеогеографічних умов четвертинного періоду на території України*. Київ: Наукова думка.
- Матвіїшина, Ж.М., Дорошкевич, С.П. і Кушнір, А.С., 2014. Реконструкція ландшафтів часів існування Трипільської культури на основі палеопедологічних досліджень. *Вісник Львівського університету, сер. геогр.*: 107–117.
- Матвіїшина, Ж.М. і Кушнір, А.С. 2013. Нові дані про генезис ґрунтоутворювальних процесів на основі палеопедологічного аналізу курганного насипу біля с. Сторожове. *Географія і сучасність* 18 (30): 64–70.
- Матвіїшина, Ж.М. и Пархоменко, А.Г. 2006б. Голоценовые почвы Киевщины. В сб. Ю.Г. Чендеев (ред.) *Проблемы древнего земледелия и эволюции почв в лесных и степных ландшафтах Европы. Материалы Международного научного семинара, Белгород, 19–21 октября 2006 г.* Белгород: Издательство Белорусского государственного университета, 98–105.
- Матвіїшина, Ж.М., Пархоменко, О.Г. і Лисенко, С.Д., 2006а. Археологічні пам'ятки Київщини і

- природні умови проживання людини з пізнього палеоліту. *Київський географічний щорічник* 6: 82–101.
- Національний атлас України. 2007. Л.Г. Руденко (ред.). Київ: ДНВП Картографія.
- Пархоменко, О.Г. 2007. *Розвиток голоценових ґрунтів Середнього Придніпров'я*: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Київ, Інститут географії НАНУ.
- Пашкевич, Г.А. 1981. Динамика растительности Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека. В сб. А.А. Величко, П.М. Долуханов (ред.) *Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем*. Москва: Наука, 74–96.
- Серебрянная, Т.А. 1982. О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене. В сб. А.А. Величко, И.И. Спасская, Н.А. Хотинский (ред.) *Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене*. Москва: Наука, 170–189.
- Спиридонова, Е.С. 1991. *Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене и голоцене*. Москва: Наука.
- Хотинский, Н.А. 1977. *Голоцен Северной Евразии*. Москва: Наука.
- Хотинский, Н.А., Алешинская, З.В., Гуман М.А. и др. 1991. Опорный разрез голоценовых отложений центра Русской равнины. *Известия АН СССР. Сер. геогр.* 3: 30–41.
- Эволюция почв и почвенных покровов. Теория, разнообразие природной эволюции и антропогенных трансформаций почв*. 2015. В.Н. Кудеяров, И.В. Иванов (ред.). Москва: ГЕОС.
- Bottema, S. 1975. The interpretation of pollen spectra from prehistoric settlements (with special attention to Liguliflorae). *Paleohistoria* 17: 18–35.
- Bouzek, J. 1982. Climatic changes in Central European prehistory. In A.F. Harding (ed.) *Climatic Change in Later Prehistory*. Edinburg: University Press, 179–191.
- Gerasimenko, N. 1997. Environmental and climatic changes between 3 and 5 ka BP in Southeastern Ukraine. In: H.N. Dalfes, G. Kukla, H. Weiss (eds). *Third Millennium BC Climate Change and Old World Collapse*. Berlin – Heidelberg: Springer-Werlag, 371–399.
- Gerasimenko, N., Gershkovich, Ya. and Fomenko, V. 2008. Environment of the Late Bronze cultures in the Lower Bug and Dnieper areas. In A. Gilbert, V. Yanko-Hombach (eds) *Extended Abstracts of the Forth meeting of IGCP 521*: 61–62.
- Gerasimenko, N., Gladysheva, M., Bruyako, I. and Gorbenko, C. 2009. New data of the Late Neolithic and Late Bronze Age environments in the southwestern part of the Ukrainian steppe. In A. Gilbert, V. Yanko-Hombach (eds.) *Extended Abstracts of the Fifth meeting of IGCP 521*: 89–91.
- Gerasimenko, N. and Pashkevish, G. 2011. Environment and subsistence of the Mesolithic-Chalcolithic in Southern Ukraine (based on palynology and ethnobotany). In *Extended Abstracts of the INQUA 510 project conference*. Odessa: Ilya Mechnikov National University of Odessa, 95–97.
- Gerasimenko, N. and Subetto, D. 2011. Pollen data from the Saki lake as an indicator of the Holocene environmental changes in the South-Western Crimea. In *Extended Abstracts of the EMMM 2011 conference*. Moscow: Paleontological Institute of RAN, 29–34.
- Gerškovič, Ja. P. 1999. *Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und der Westküste des Azov'schen Meeres*. Archgologie in Eurasien 7. Rahden, Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Dmytruk, Y., Matviishina, Zh. and Kushnir, A. 2014. Evolution of chernozem in the complex section at Storozheve, Ukraine. In D. Dent (ed.) *Soil as World Heritage*, 91–100.
- Dolukhanov, P., Shukurov, A., Davison, K. et al. 2009. The spread of the Neolithic in the South East European Plain: Radiocarbon chronology, subsistence and environment. *Radiocarbon* 52: 56–67.
- Kremenecki, C.V. 1995. Holocene vegetation and climate history of South-Western Ukraine. *Review of Palaeobotany and Palynology* 85: 289–301.
- Hotinsky, N. 1982. Paleogeographical principles of the definition and subdivision of the Holocene of the USSR. *Striae* 16: 95–98.

А.Н. УСАЧУК

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ, РОГА И КАМНЯ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА

1. КОСТЬ И РОГ

Коллекция изделий из кости и рога из Суботовского городища насчитывает не менее 136 экз. По независимым от автора обстоятельствам, некоторая часть предметов не исследована (не менее 48 экз.). Однако основную группу из них составляют наконечники стрел (18 экз.), псалии (6 экз.), бляшки (6 экз.) и пронизи (5 экз.), то есть предметы, типологически понятные (предметы вооружения, конского снаряжения, украшения). Жаль, что трасологическая информация не получена, прежде всего, о псалиях. Сами же находки опубликованы (Тереножкин, 1961: 91–105; 1976: 83–85, 88, рис. 53, 91–93, рис. 55–56).

Всего трасологическому анализу подвергнуты 88 экз. изделий из кости и рога¹. Наиболее представительная группа орудий кожевенного производства (23 экз.). Орудия для мездрения и волососгонки представлены фрагментами тупиков из нижней челюсти лошади (7 экз.) и нижней челюсти крупного рогатого скота (1 экз.). Тупики из нижней челюсти лошади изготовлены как из правой, так и левой половины (рис. С1, 1, 2; С2, 1–3; С3, 2, 3)². Тупик из нижней челюсти крупного рогатого скота (рис. С4, 11) изготовлен из левой половины. При изготовлении тупиков удаляли зубы и вырезали

части тела челюсти. Характерна операция продольного утончения, когда намеренно делали орудия узкими (рис. С2, 1–3). Морфологически такие узкие тупики становились близки стругам из ребер животных; одно такое орудие (рис. С3, 1) служило для операции мездрения.

Помимо тупиков и стругов определяют еще три орудия кожевенного производства – ложила по коже. Одно из них является фрагментом нижней челюсти свиньи (?) (рис. С1, 3), которую использовали без подготовки гладкой поверхностью кости. Другое (рис. С5, 7) перед работой по коже обрабатывали абразивом. Третье ложило (рис. С3, 4) представляет собой обломок, который, возможно, является фрагментом «конька» – довольно специфичного орудия, возможно, для лощения и разминания кожи и ткани (ср.: Семенов, 1957: 225–226).

Помимо этого, к кожевенному производству относятся разнообразные проколки (11 экз.), сделанные из фрагментов трубчатых костей или грифельных костей лошади без специальной подготовки (рис. С4, 1–3) либо с небольшой подрезкой для утончения рабочего острия (рис. С5, 1–5). Зафиксированы и следы скобления и заточки на абразиве (рис. С5, 6). Интересна большая проколка, сделанная на обломке рукоятки (рис. С4, 4), а также проколки, которые одновременно использовались и как шпатели по глине (рис. С5, 4; С6, 7). Зафиксирован случай, когда первоначальное острие было сломано, но на месте слома при помощи

1. Использовались микроскопы МБС-9 и «Микко», а также экспериментальные образцы различных костяных орудий.

2. Здесь и ниже ссылки на рисунки в книге.

подрезки и строгания металлическим лезвием было сформовано новое острие (рис. С5, 1). Все проколки заложены от работы, некоторые сильно сглажены (рис. С4, 4; С5, 1, 4). На остриях зафиксированы следы поступательного и поступательно-вращательного движения, рукояточные части проколов заложены от кожи рук.

Значительную группу костяных изделий составляют орудия гончарства (18 экз.). В основном это различные шпатели – инструменты для обработки поверхностей. Как правило, использовались удобные обломки трубчатых костей животных (рис. С6, 3, 5), лишь слегка подправленные резкой (рис. С6, 4, 6; С7, 1–3). Одно орудие изготовлено на обломке рукоятки (рис. С6, 2), напоминая подобный случай изготовления проколки (рис. С4, 4). Два шпателя представляют собой небольшие пластинки из фрагментов плоских костей (рис. С8, 3, 4). Два орудия, о которых говорилось выше, являются и шпателями, и проколками по коже (рис. С5, 4; С6, 7). Одно орудие имеет небольшой подрезанный выступ (рис. С8, 2). Вполне вероятно, что широкий рабочий край этого орудия специально огрубили поперечными следами при помощи абразива. Кстати, во время работы по глине использовался и узкий подрезанный край орудия. Кроме шпателей, в качестве ложила по глине применялся фрагмент клыка кабана (рис. С8, 1) и две таранные кости мелкого рогатого скота (рис. С7, 4, 5). Два узких орудия из грифельной кости лошади (рис. С8, 5, 6) служили в качестве орнаментов для нанесения врезных линий.

Судя по следам, шпатели использовали для заглаживания глины на сосудах во всех направлениях, но чаще горизонтально или диагонально. Зафиксированы и круговые движения. Орудия использовались долго – многие из них очень сработанные. При утрате части рабочего края один шпатель (рис. С6, 4) продолжали использовать и с очень узким рабочим краем. Впрочем, узкое орудие для нанесения врезного орнамента (рис. С8, 5) тоже использовали в качестве шпателя (поперечные следы фиксируются выше острия на 3 см). Маленькие шпатели – пластинки (рис. С8, 3, 4) – применяли для выглаживания внутренней поверхности сосудов.

К ткачеству относятся только четыре костяных изделия. Два из них являются, вероятнее всего, заготовками пряслиц (рис. С9, 1, 2, 3). Два других – спицы, изготовленные

из фрагментов трубчатых костей (рис. С9, 5, 6). Морфологически спицы похожи на проколки, однако имеют рукоять и рабочую часть и рукоятку и имеют ярко выраженные вращательные следы на рабочей части в то время, как проковка имеет следы, параллельные длинной оси орудия. Обе спицы являются орудиями прядения.

Единичными находками представлены: орудие для плетения (рис. С9, 4) из кости мелкого рогатого скота и орудие, которое использовалось в качестве сверла по дереву (рис. С9, 7). Судя по следам, орудие использовалось для ручного сверления.

Выделяется группа костяных изделий, которые служили рукоятками. Отверстия в некоторых рукоятках просверлены при помощи лучкового (рис. С4, 4; С6, 2) или ручного (рис. С9, 9) сверла. Вполне вероятно, что рукоятка из кости мелкого рогатого скота (рис. С9, 9) была длиннее и переделана после поломки на более короткую. Рукоятки с просверленными отверстиями служили для крупных орудий. Только одна рукоятка такого типа (рис. С9, 8) предназначена для небольшого орудия.

Весьма интересна группа рукояток-упоров из первых фаланг крупных копытных. Несколько изделий являются рукоятками для крупных орудий (рис. С10, 1–3). Отверстия в фалангах животных пробиты и немного подправлены металлическим лезвием. Так же сделаны и маленькие отверстия на рукоятках-упорах для небольших по диаметру орудий типа проколов (рис. С10, 4–6; С11, 1). Вероятно, заготовка на таранной кости крупного рогатого скота со следами сверления является попыткой сделать рукоятку-упор (рис. С9, 10).

К костяным изделиям, которые служили довольно грубыми рукоятками-упорами, примыкает тщательно изготовленная костяная насадка на ручку (рис. С11, 2). Обработка изделия производилась очень острым лезвием (резка, строгание). Маленькое боковое отверстие просверлено станковым сверлом. Внутренняя поверхность изделия слегка заложена. Очевидно, насадка или неплотно сидела на рукоятке (деревянной?), или использовалась неоднократно на разных рукоятках.

Весьма своеобразными являются обломки орудий из рога оленя. Несмотря на то, что изделия сохранились меньше, чем наполовину, можно реконструировать их как роговые муфты для металлических или каменных орудий (рис. С11, 4; С12, 2). На

орудии, которое сохранило фактуру рога, зафиксированы следы резки (рис. С12, 2). Другое орудие подверглось строганию металлическим ножом, а затем обработано крупным абразивом (поперечные следы). Поверх крупного абразива наложился следы очень мелкого абразива, а затем поверхность орудия заложили мягким материалом (вероятно, кожей). После обработки поверхности наметили прямоугольное отверстие, которое вырезали при помощи тонкого металлического лезвия многочисленными короткими движениями. Лезвие ставили под углом 90° и $108-109^\circ$. Торцы орудия завальцованы и залощены. Интересно, что продольные участки слома разные: один из них слегка залощен, другой не имеет лощения. Создается впечатление, что после того, как изделие лопнуло вдоль, оно какое-то время продолжало использоваться, пока не лопнуло в другом месте.

К роговым муфтам примыкает и фрагмент рогового молотка (рис. С12, 1). Вероятно, орудие было длиннее, и отверстие располагалось симметрично относительно граней. После поломки была, очевидно, зашлифована новая грань и отверстие оказалось сдвинуто к этой грани.

Изящным изделием является тонкая ложечка из рога (рис. С19, 14). При ее изготовлении использовали металлическое лезвие и абразив. На ручке ложки сделан небольшой треугольный вырез. Части ложечки утрачены, однако какое-то время изделие продолжали использовать и с поломанными краями.

К предметам вооружения относится вильчатый наконечник стрелы (рис. С21, 15), изготовленный из компактного слоя кости при помощи строгания и подрезки острым металлическим лезвием. Отметим, что изученный нами наконечник стрелы имеет аналогии среди таких же изделий из Суботова, которые не подвергались трасологическому анализу (Тереножкин, 1961: 94, 95, рис. 66, 2, 3).

Целая группа таранных костей мелкого рогатого скота с гранями, которые обработаны абразивом. На некоторых изделиях грани едва сточены (рис. С13, 1–5), на других сильнее (рис. С13, 6–8). Эти изделия такие же, как таранные кости, которые служили орудиями гончарства (рис. С7, 4–5), однако не имеют специфических следов, оставленных вязкой глиной с твердыми включениями. На их гранях, кроме следов абразива, фиксируется только залощенность. Скорее

всего, таранные кости со сточенными гранями и залощенностью являются ритуальными / игральными предметами. К этой же группе следует отнести такую же таранную кость с крупным отверстием, которое начали пробивать, но затем просверлили вручную с другой стороны и подрезали металлическим лезвием (рис. С13, 9).

К ритуальным, вероятнее всего, относятся еще два изделия: поделка из первой фаланги лошади со следами пиления на дистальном конце фаланги (рис. С13, 10) и фрагмент круглого предмета с двумя отверстиями (рис. С13, 11). Этот предмет вряд ли мог служить пряжкой, поскольку торцы большого отверстия едва залощены. Возможно, этот предмет является амулетом.

К принадлежностям конского уздечного набора относятся пять проанализированных предметов. В материалах рассматриваемого памятника, кроме них, найдены еще 6 псалиев (целых и обломков) и 6 блях (Тереножкин, 1961: 91, 98; 1976: 83–84, 91, рис. 54, 92; 55, 93; 56, 148; 85, 3, 4).

Два фрагмента стержневидных псалиев (рис. С14, 1, 2) изготовлены из рога. Поверхность их хорошо обработана. На одном псалии (рис. С14, 1) фиксируются следы строгания металлическим лезвием, которое производилось короткими движениями в направлении от центра к узкому торцу псалия. Иногда лезвие слишком глубоко входило в материал. Тогда толщину срезаемого участка уменьшали. Это оставляло поперечные заусеницы. После резки поверхность псалия обрабатывалась абразивом (камень довольно мягкой породы). Прямоугольные отверстия сделаны в несколько этапов. Сперва сверлились два круглых отверстия впритык друг к другу, диаметр отверстий чуть более 0,5 см. Первоначально впритык друг к другу сделали три маленьких отверстия, однако одно из них недосверлили. Судя по четкости следов, использовалось станковое сверло. Сверление проводилось с одной стороны и шло под прямым углом к плоскости псалия. При изготовлении первого маленького отверстия сверло было поставлено немного под углом. Центральное прямоугольное отверстие сверлилось с обеих сторон на конус. После сверления маленьких круглых отверстий узким металлическим лезвием производилась резка — оформление больших прямоугольных отверстий. Резка велась осторожными движениями. Очевидно, после изготовления отверстий псалий специально подвергали лощению.

Судя по легкой залощенности краев отверстий, этот псалий использовали недолго. Немного больше сработано центральное отверстие, т. е. нагрузка на него была больше (вероятно, это и послужило причиной поломки псалия). Второй псалий (рис. С14, 2) сработан гораздо сильнее: большая изношенность стенок отверстия.

Возможно, к псалиям относятся и два обработанных фрагмента рогов (рис. С14, 3, 4). Следы резки и строгания перекрыты следами мелкого абразива. У одного из фрагментов (рис. С14, 4) обработка поверхности чрезвычайно тщательная. Отверстие просверлено станковым сверлом и толщина рога в районе отверстия специально уменьшена. Такое же уменьшение толщины в районе слома фиксируется и на другом фрагменте рога (рис. С14, 3).

А.И. Тереножкин относил к удилам роговой стержень с маленьким отверстием (Тереножкин, 1961: 98, рис. 67, 1, 99; 1976: 83–84, 91, рис. 54, 3). Возможно, это так. Однако, на этом орудии (рис. С14, 5) зафиксирована резка металлическим лезвием и просверливание отверстия ручным сверлом, но нет следов какой-либо сработанности отверстия.

Не совсем понятна функция целой группы предметов из отростков оленьих рогов (рис. С16, 1–5; С17, 1–3). Судя по работам А.И. Тереножкина, к этой группе нужно добавить еще четыре орудия (Тереножкин, 1954: 100, рис. 69, 5–7; 1971: 92, 93, рис. 64, 1; 65, 1, 2). Все предметы имеют следы рубки металлическим топором (кельтом?) и следы резки металлическим лезвием. Помимо резки, на одном экземпляре (рис. С17, 1) – следы скобления кремневым лезвием. Заметим, что в материалах из Суботова найден и фрагмент основания оленьего рога с многочисленными следами резки (рис. С17, 2). Именно от оснований оленьих рогов отделяли более узкие и длинные отростки. Помимо резки и скобления, при обработке поверхности изделий применялся абразив. Создается впечатление специального оформления узкого остро-округлого конца орудия. Подобные изделия, предположительно, интерпретируются как мотыги – орудия земледелия (Тереножкин, 1954: 100; 1961: 92). Однако, на орудиях для вскапывания почвы или для выборки грунта, которые происходят из материалов других памятников, а также на экспериментальных орудиях для грунта фиксируются в большом количестве крупные грубые длинные следы.

Подобные следы отсутствуют на поверхности изделий из оленьих рогов. Наоборот, вся поверхность этих орудий, и особенно узкая часть, залощена. Своеобразная «мягкость» очертаний орудий, довольно сильная залощенность свидетельствуют о контакте острей с каким-то эластичным материалом (кожа, шерсть, ткань, кора?). Возможно, этим орудиям свойственны функции кочевников.

К изделиям без точной функции относится и небольшая трубочка (рис. С11, 3) из кости мелкого рогатого скота со следами резки по торцам. Технология резки типична для бронзового века: надрезка по периметру с последующим сломом кости по надрезанному участку.

Анализ коллекции костяных изделий из Суботовского городища позволяет сделать некоторые выводы. К сожалению, костяные орудия других памятников чернолесской культуры трасологически не изучались, проводился лишь сравнительный анализ (Тереножкин, 1961: 89–105), из которого стало ясно, что орудия кожевенного производства (тупики, шилья) встречаются на всех чернолесских поселениях и городищах. На различных чернолесских памятниках найдены и близкие к суботовским наконечники стрел, а также заостренные орудия из оленьих рогов. Таким образом, можно с известной долей вероятности утверждать, что использование костяных изделий на всех чернолесских памятниках является более-менее одинаковым.

Однако из-за того, что обработка кости является довольно консервативным производством, приемы которого не меняются веками, есть смысл посмотреть на суботовские костяные изделия со стороны. Дело в том, что хорошо изучена костяная индустрия памятников эпохи поздней бронзы Восточной Украины и Среднего Подонья (Килейников, 1988; 1989; Усачук, 1993а; 1994; 1995; 1996а и др.). Особенно это касается поселений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья, где расцвет косторезного производства и использования костяных орудий приходится на XI – середину X вв. до н. э. Хронологически, по Я.П. Гершковичу, это соответствует горизонту Суботов II.

Как уже указывалось, проанализированная коллекция из кости и рога насчитывает не менее 136 экз. Разумеется, это связано с тем, что на памятнике исследована значительная площадь. Однако опыт изучения многочисленных поселений показывает, что

даже при больших площадях раскопок часто изделий из кости насчитывается не более нескольких десятков. Очевидно, в Суботове довольно активно использовали костяные изделия (более точное сравнение возможно после детальных подсчетов количества орудий из кости других памятников).

Как правило, почти на всех поселениях эпохи поздней бронзы преобладают орудия кожевенного производства. Подобное зафиксировано и в Суботове. Отмечено, что на многочисленных поселениях эпохи поздней бронзы применялись тупики из нижних челюстей крупного рогатого скота в качестве орудий кожевенного производства (Усачук, 1994; 1996б). При этом предпочтение отдавалось левым половинам нижних челюстей. Тупики из нижних челюстей лошади использовались гораздо реже. Как ни мала серия тупиков, однако фиксируется безусловное преобладание тупиков как раз из нижних челюстей лошади, причем и левой, и правой половин. Следы использования на тупиках такие же, как и на многих тупиках поселений эпохи поздней бронзы различных регионов. Морфологически тупики всех памятников близки, но в Суботове существовала, очевидно, традиция делать тупики узкими (рис. С1, 1–3; С3, 4; С1, 1), в то время, как на поселениях срубной культуры тупики оставались широкими. Возможно, эта деталь характеризует традиции изготовления костяных орудий на конкретном памятнике.

По поводу «конька» (рис. С3, 4) укажем на то, что подобные орудия широко распространены в бронзовом веке в степной зоне Причерноморья и гораздо реже встречаются на памятниках лесостепи. Вероятно, традиции редкого использования «коньков» или их полное отсутствие – характерная черта памятников чернолесской культуры.

Отметим большое количество костяных орудий, связанных с изготовлением глиняной посуды. Как показывает опыт обработки коллекций костяных орудий поселений срубной культуры, орудия гончарства встречаются довольно редко. Судя по изучению следов на поверхности посуды, основное количество орудий для керамики делалось из дерева (Беседин, 1996: 166; Чубатенко и Горбов, 1994: 57–58). Возможно, большое количество орудий гончарства в Суботове связано с тем, что 5 орудий найдены в жилище № 10 (рис. С6, 6; С7, 2, 5; С8, 6). Не является ли это жилище или какая-нибудь его часть помещением для изготовления посуды? Косвенным доказательством существ-

ования возможного специализированного участка (помещения?) для изготовления керамики служит тот факт, что на Большом Городке зафиксировано специальное место для изготовления каменных зернотерок (Тереножкин, 1961: 88–89).

Техника использования костяных шпателей такая же, как и на многих поселениях позднего бронзового века. Обратим еще раз внимание на специальное огрубление рабочей поверхности одного из шпателей (рис. С8, 2). Подобная операция специального нанесения грубых поперечных следов на рабочей части орудия неоднократно зафиксирована на костяных орудиях гончарства различных поселений срубной культуры (Березанская, 1990: 129, табл. XV, 10; Усачук и Бровендер, 1993: 181; Килейников, 1989: 121, рис. 1, 17).

Обратим внимание на интересные орудия – спицы (рис. С9, 5, 6). На сегодняшний день подобные орудия, которые выделяются из массы проколов и шильев только при трасологическом анализе, найдены на 24 поселениях позднего бронзового века и в 12 погребальных комплексах срубной культуры (Усачук и Литвиненко, 1999). Общее количество спиц – 130 экз. Спицы, выявленные в Суботове, полностью аналогичны всем этим многочисленным орудиям прядения и являются пока единственными среди костяного инвентаря чернолесских памятников. Вполне вероятно, что дальнейшее изучение изделий из кости чернолесской культуры позволит увеличить число спиц на чернолесских памятниках.

Остальные орудия (за исключением псалев и блях) имеют аналогии среди памятников позднего бронзового века различных территорий. Зачастую не только следы использования, но и технология изготовления орудий различных поселений срубной культуры и Суботова одинаковы. Близка и технология разделки туш животных, судя по следам резки (особенно на костях конечностей). Только длинные заостренные орудия из рога оленя (рис. С16, 1–5; С17, 1–4) редко встречаются на лесостепных поселениях срубной культуры и почти отсутствуют в степи. Очевидно, использование этих не совсем понятных орудий, равно как и появление роговых муфт с прямоугольным отверстием (рис. С11, 4; С12, 2), приходится на начало раннего железного века (ср.: Ромашко, 1987: 52–53).

Заметим, что существуют более далекие аналогии этим изделиям, интерпретируе-

мые как орудия для рыхления почвы (Батиров и Ширинов, 1984: 109; Ширинов, 1986: 99). Однако не совсем ясна, на наш взгляд, трасологическая обработка этих материалов (Аскарлов, 1973: 93–94; Батиров и Ширинов, 1984: 109). Скорее всего, для правильного истолкования функций этих изделий требуется дальнейшее накопление информации.

По поводу изделия из первой фаланги лошади (рис. С13, 10) заметим, что предположение о ритуальном характере его базируется на фактах использования первых фаланг лошади для изготовления ритуальных фигурок в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Курочкин, 1992: 98, 103, рис. 2).

В целом, подводя итоги, можно сказать, что коллекция костяных изделий из Суботова близка составу подобным коллекциям памятников позднего бронзового века, что отражает, очевидно, близкие формы использования кости в хозяйстве и близкую организацию таких производств как кожевенное, гончарное, ткачество. При всех небольших различиях (а различия в изготовлении и использовании костяных орудий фиксируются даже между поселениями, не говоря уже о различных регионах и, тем более, различных археологических культурах), можно говорить о том, что чувствуется непрерывность использования костяных орудий в течение всего позднебронзового и раннежелезного веков.

2. КАМЕНЬ

Коллекция каменных изделий насчитывает 113 экз., из которых 93 экз. подвергнуты трасологическому анализу. Помимо микроскопирования (10^{\times} – 30^{\times} -кратное увеличение), использовался метод макротрасологии, делающий упор на закономерности визуального признака износа (Коробкова, 1987: 27–34; Коробкова и Щелинский, 1996: 19–21; Шаровская, 1994: 120)¹.

При определении назначения каменных орудий учитывалась их полифункциональность. Использование одних и тех же каменных орудий в различных производствах часто отмечается исследователями (Килейников, 1984: 109; Зданович и Коробкова, 1988: 61; Мирсаатов и Ширинов, 1974: 70).

Все каменные изделия Суботова делятся на три группы: металлообрабатывающие орудия, земледельческие орудия и орудия домашних производств. Дополнительно выделяются группы ударных орудий (топоры) и группа обломков, функцию которых установить трудно.

Наиболее многочисленна группа **металлообрабатывающих орудий**. Выделяется круглая наковаленка с двумя рабочими поверхностями, изготовленная из алевролита (рис. D1, 1). По всей площади углублений – большое количество мелких следов забитости. Кромка шириной 1–1,5 см, идущая по краю изделия, пришлифована. Выщерблены на поверхности изделия заглажены. По всей видимости, наковальня по трасологической характеристике весьма близка такой-же наковальне из материалов поселения эпохи бронзы Северного Казахстана Петровка II (Зданович и Коробкова, 1988: 65–66). Следы пришлифовки, зафиксированные на вогнутых поверхностях, отражают операцию выравнивания рельефа рабочих частей орудия. Подобная операция зафиксирована при трасологическом исследовании на каменных наковальнях Мосоловского поселения (Килейников, 1984: 113–114). Наковаленка из Суботова использовалась и в качестве растиральника.

Кроме операции растирания, отметим крупный фрагмент терочной плиты из песчаника (рис. D1, 8). А.И. Тереножкин отнес это орудие к точильным камням (1961: 88, рис. 58, 4). Рабочими сторонами являлись обе плоские грани. На одной из них – следы растирания какой-то органической краски вишнево-лиловых оттенков. Судя по цвету, можно говорить о растирании кусков железной руды, однако отсутствуют глубокие борозды, которые остаются на поверхности терочника при обработке руды. Вероятнее всего, нечеткость следов объясняется тем, что песчаник следы «не держит» в отличие от более прочных пород.

Большую и разнообразную группу составляют различные абразивы (11 экз.). Обратим внимание, прежде всего, на бесформенные куски песчаника с различными желобками для заточки металлических орудий. Некоторые абразивы применялись при заточке крупных широких лезвий – мечей (?) (рис. D1, 6, 7, 9). Округлое ложе одного из желобков (рис. D1, 6) предполагает заточку какого-то крупного металлического предмета с округлым сечением. Подобные абразивы использовались долго и форма их

1. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В.Ф. Петруню (Одесса) и А.В. Колесника (Донецк) за большую помощь во время работы над коллекцией.

не имела значения, поскольку два орудия (рис. D1, 7, 9) первоначально были большие и дошли до нас в виде интенсивно используемых обломков. Только один абразив (рис. D1, 6) представляет собой специально слегка углощенную плитку. Одно из орудий (рис. D1, 9) опубликовано А.И. Тереножкиным (1961: 88, рис. 58, 32).

Несколько абразивов такого же типа предназначены для заточки небольших металлических предметов (рис. D1, 2, 5; D2, 1, 4–6). Узкие желобки идут во всех направлениях на бесформенных кусках песчаника (рис. D1, 2, 5). Немного больше оформлены иные абразивы: им придана форма плитки (рис. D2, 1, 4–6). Следы на обеих гранях одного из этих орудий свидетельствуют о заточке на нем шильев, иглол, тонких лезвий. Другой абразив служил не только для заточки узких лезвий, но и применялся в качестве лощила, поскольку обе поверхности залощены.

Интересно отметить два абразива округлой формы из непрочного песчаника (рис. D2, 2, 3).

К описанной группе абразивов примыкает группа таких же орудий, но изготовленных из немного более прочного песчаника и чуть более тщательно — края этих абразивов подработаны (10 экз.). Как правило, рабочими гранями этих орудий являются не только плоские стороны брусков, но и слегка округленные торцы (рис. D2, 7, 9; D3, 2, 3). Иногда некоторые грани этих абразивов использовались с различной интенсивностью (рис. D2, 9; D3, 1). Складывается впечатление, что один из абразивов (рис. D3, 3) первоначально был больше по размерам и обработанные грани его являются вторичными. Обломком более крупного орудия является и терочник из черного мелкозернистого амфиболита, который несет на себе и следы подточки тонких лезвий (рис. D2, 11). Три абразива использовались и в качестве лощила по коже (рис. D2, 12–14). Одно из этих орудий имеет продольные (рис. D2, 13), а другое — поперечные (рис. D2, 14) слабые следы. Два орудия этой группы из раскопок 1955 г. (рис. D3, 1, 2) опубликованы (Тереножкин, 1961: рис. 58, 1, 2).

К абразивам относятся и небольшие оселки (3 экз.). Два фрагмента оселков представлены А.И. Тереножкиным (1961: 87, рис. 57, 1, 2). Отметим, что в более поздней публикации А.И. Тереножкин ошибочно отнес два оселка с Московского городища (Там же: 87, рис. 57) к Суботову (Теренож-

кин, 1976: 85, 95, рис. 58, 1, 4). Трасологически изучен оселок, найденный при раскопках 1971 г. (рис. D1, 4). Он изготовлен тщательно из алевроито-аргиллита. Отверстие просверлено станковым сверлом. Оселок использовался некоторое время после поломки, так как грани слома чуть-чуть залощены.

К оселкам следует отнести и небольшое орудие из песчаника со следами продольного и коротких поперечных следов заточки металлических лезвий (рис. D2, 8). Следы сохранились очень плохо, поскольку рыхлая поверхность орудия их почти не «держит».

Наиболее многочисленной является группа орудий шаровидной или близкой к шаровидной форм (35 экз.). К этим же орудиям следует прибавить и три орудия цилиндрической формы, а также два изделия на обломках. Отметим, что эта группа наиболее трудна для трасологического анализа из-за нечеткости или малочисленности следов использования. Орудия этой группы изготовлены из различных песчаников. Отдельные экземпляры — из амфиболита, гранита и порфирированного гранита, порфирита, кварца.

Большинство орудий имеют диаметр от 5 до 7 см и лишь несколько экземпляров отличаются большими размерами и массивностью (рис. D3, 5, 8–10; D4, 2–4), а несколько (рис. D4, 1, 5, 6) — меньшими размерами.

Обратим внимание на несколько таких изделий, которые использовались в качестве металлообрабатывающих орудий. От работы на орудиях образовались более или менее выраженные рабочие грани (рис. D3, 4, 5; D4, 7–10; D5, 1–3, 6–8). Характер обрабатываемого материала не всегда ясен, однако на некоторых орудиях прослеживаются группы тонких взаимопараллельных линейных следов (рис. D3, 4, 6; D4, 2; D5, 4, 7, 8). Подобные следы остаются на каменных изделиях, используемых для выравнивания поверхности металлических изделий после разгонки (Килейников, 1984: 118) или для раскатки металла (Зданович, Коробкова, 1988: 66). На некоторых изделиях грани сработаны почти до полировки (рис. D4, 1; D5, 8), что также характерно для металлообрабатывающих орудий (Килейников, 1984: 118; Потемкина, 1985: 121; Зданович и Коробкова, 1988: 66).

Шаровидные и цилиндрические ручные орудия использовались в качестве отбойников. Иногда грани изделий настолько забиты, что орудия раскалывались (рис. D4, 9; D5, 6, 9, 10; D6, 1) или сильно деформи-

ровались, образуя участки сплошной забитости (рис. D3, 5; D4, 10; D5, 1). На других же орудиях следы забитости концентрируются либо на отдельных небольших по площади участках (рис. D3, 4, 10; D5, 2, 3, 5; D6, 3), либо рассеяны по всей площади изделия, не образуя скоплений (рис. D3, 7; D5, 11). Вероятнее всего, шаровидные и цилиндрические орудия со следами забитости использовались как различные ручные молотки. Подобные изделия интерпретируют как молотки для холоднойковки металла, разгонки заготовок, оттяжки рабочего лезвия (Зданович и Коробкова, 1988: 63–64). Таким образом, шаровидные и цилиндрические изделия служили, в большинстве своем, полифункциональными орудиями металлообработки. Лишь на некоторых изделиях отсутствуют следы забитости (рис. D4, 1, 5) или следы трения (рис. D3, 9). Заметим, что на поверхности одного шаровидного изделия – следы заточки тонких металлических лезвий (рис. D4, 6), то есть орудие использовали и для выравнивания металлических изделий, и в качестве абразива.

Вероятно, помимо обработки металла, какое-то количество каменных шаровидных орудий использовалось в качестве отбойников при обработке камня. Напомним, что на Большом Городке обнаружено место массового изготовления зернотерок (Тереножкин, 1961: 88–89). Попыты изготовления зернотерок показали, что наиболее эффективными отбойниками являются шаровидные и овальные орудия (Ширинов, 1980: 6; 1986: 22). Однако, не следует забывать еще одно из возможных применений шаровидных каменных изделий. Дело в том, что на многих разнокультурных и разновременных памятниках выделяются небольшие каменные (иногда глиняные) шаровидные изделия, которые интерпретируют в качестве метательных камней для пращи (Махно, 1960: 22; Аскарлов, 1963: 86–87; Ширинов, 1977: 13–21; Мирсаатов и Ширинов, 1974: 69–70; Заитов, 1985: 31). Выделение метательных камней для любого памятника в какой-то мере гипотетично, поскольку эти орудия одновременно использовались и как отбойники (Мирсаатов и Ширинов, 1974: 70; Ширинов, 1977: 19), и как терочки (Пузикова, 1997: 85). Интересно и то, что камни-отбойники, приняв от сработанности округлую форму, употреблялись затем в качестве орудий для пращи (Ширинов, 1977: 16). Суботовские шаровидные орудия при сглаживании граней вполне могли использоваться

и в качестве метательных камней. Заметим, что некоторые орудия напоминают кубы со сглаженными гранями (рис. D4, 1, 5, 6; D5, 4; D6, 3, 6, 7), а на других таких же орудиях грани почти исчезли, придав орудиям почти шаровидную форму (рис. D5, 7; D6, 2, 4, 5). Стремление специально привести орудия к шаровидной форме во время эксплуатации может быть проиллюстрировано наличием двух шаровидных абразивов (рис. D2, 2, 3), хотя большинство абразивов бесформенны.

Таким образом, коллекция шаровидных каменных орудий из Суботова больше поставила вопросов, чем дала ответов¹. Несомненно то, что трасологической обработке должны быть подвергнуты подобные орудия из коллекций других памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

В качестве орудий для металлообработки использовались фрагменты разбитых крупных изделий. Это небольшой обломок топора (?) из порфирита (рис. D9, 1) и довольно крупная часть проушного топора из диабазо-базальта (рис. D10, 2). Массивное шаровидное орудие из розоватого природного гранита несет на себе следы начала сверления (рис. D4, 4). Желобок намечен пикетажной техникой, а затем немного высверлен полым сверлом (вероятно, костью). Возможно, шаровидная заготовка предназначалась для изготовления булавы, но сверление было оставлено в самом начале.

Вероятно, к орудиям металлообработки относится фрагмент ступки из серого сланца (рис. D6, 8), к сожалению, не подвергшийся трасологическому анализу. А.И. Тереножкин специально подчеркивал, что найдена нижняя часть «ступки» (1961: 89). Таким образом, углубленная часть, поверхность которой наиболее информативна в трасологическом отношении, отсутствует. Точная аналогия, как указывает А.И. Тереножкин, подобная находка на Алексеевском поселении на Тоболе (Кривцова-Гракова, 1948: 122, рис. 47). Работы 1980–1990-х гг. позволили выявить целую группу подробных небольших по размерам ступок (Шарафутдинова, 1982: 132–134; Ширинов, 1986: 41; Савва, 1987: 68, рис. 2, 22–24; Саенко, 1993: 34, рис. 37, 4, 5) на весьма обширной территории. Существует несколько точек зрения по поводу использования небольших ступок (Шарафутдинова, 1982: 132). Вероятнее, точнее всего их функции определяет

1. Отметим еще использование шаровидных камней в ритуальных целях (Гаврилюк, 1989: 79).

Е.Н. Савва, считая, что этому орудью металлургического производства одновременно придавалось и ритуальное значение (Савва, 1987: 68). Я.П. Гершкович обратил внимание на то, что подобной формы изделия известны в Восточном Средиземноморье и Эгеиде и многими исследователями интерпретируются как лампы, причем появление их в Трое VI связывают с крито-микенским влиянием (Gerškovič, 1999: 64–65).

К **земледельческим орудиям** относятся инструменты для жатвы злаков и переработке зерна. Жатвенные орудия представлены кремневыми серпами (8 экз.). Все они опубликованы (Тереножкин, 1961: 84, рис. 54). Трасологическому изучению подвергся лишь один экземпляр из этой серии (Там же: 84, рис. 54, 3). Серп вкладышевый, полусегментовидный, изготовлен из мелкого фрагмента низкосортной плитки или небольшого валуна. Кремень темно-серый, мелового возраста с перекристаллизованной органикой и известковыми кавернами. Плоскости серпа двусторонне оббиты, лезвие прямое, зубчатое. Только участок лезвия подвергся двусторонней заполировке. Заполировка четко ограничена, охватывающая примерно одну треть плоскости орудия. Грани фасеток стерты (рис. D12, 2).

Кремневые вкладыши серпов находят многочисленные аналогии на разнообразных памятниках ряда культур конца эпохи бронзы – начала раннего железного века (Тереножкин, 1961: 83–84; Березанская, 1990: 41, 42, рис. 9, 1–4; Килейников и Печенкин, 1985: 31–33, 43; Колесник и Гершкович, 1996: 8–13).

Одна надбитая галька серого кремня и два угловатых обломка алеврито-опоки являются, очевидно, специально принесенным сырьем.

Последняя находка – концевой скребок из высококачественного мелового халцедоно-палового серого стекловидного кремня (рис. D12, 6). Поверхность скребка покрыта пятнистой патиной, залощена. По определению А.В. Колесника, скребок относится к мезолиту–неолиту и никак не связан с бронзовым веком. Вероятно, найден и принесен в качестве возможного сырья.

К орудиям для переработки зерна относятся зернотерки – 95 экз. (Тереножкин, 1961: 89, рис. 60). Фрагмент одной зернотерки найден в жилище № 2 (рис. D7, 2). Первоначально длина этого орудия из песчаника была больше, однако зернотеркой пользовались и после поломки, поскольку

торец слома слегка завальцован. Еще один фрагмент зернотерки из кварцитосодержащей полнозернистой породы (рис. D7, 5) сохранился очень плохо, потому что камень подвергся сильному нагреву.

В связи с этим заметим, что в материалах Суботова зафиксирована целая серия различных фрагментов каменного сырья со следами обжига: фрагмент болотной руды, обломок песчаника, рассыпающийся фрагмент прокаленного среднезернистого гранита, а два орудия (рис. D2, 2; D6, 7) закончены.

Группа орудий домашних производств представлена исключительно орудиями **кожевенного производства** (8 экз.). Примечательно, что для большинства орудий работа в качестве лоцил и разминателей кожи – вторая функция. Три орудия, о которых говорилось выше, первоначально использовались в качестве абразивов (рис. D2, 12–14). Еще четыре орудия являются обломками первоначально более крупных изделий. Из них одно лоцило сделано, скорее всего, из обломка привязного топора-молота. Сырье: черный мелкозернистый амфиболит (рис. D9, 5). Другое лоцило (из такого же сырья) – обломок орудия, на котором начали формироваться новые рабочие грани (рис. D8, 1). Третье лоцило сделано на очень прочном орудии, на котором начали формироваться новые рабочие грани (рис. D8, 3). Судя по небольшой забитости торца, это орудие первоначально было пестом. После того, как пест продольно раскололся, утратив около четверти своего объема, его переформировали в лоцило. Подобная картина утилизации характерна и для еще одного лоцила на черном сливном тонкозернистом катализированном гнейсе-милоните (рис. D8, 4). Первоначально орудие было округлым или овальным в сечении. Последовали две поломки – сначала по линии А, затем через какое-то время – по линии В (рис. D8, 4а). И после первой, и после второй поломки орудие продолжали использовать в качестве лоцила всеми гранями, в том числе и вновь образованными.

Последнее лоцило (рис. D8, 2) не несет ярко выраженных следов. Галька использовалась без подготовки в течение небольшого времени.

Группа **ударных орудий** представлена фрагментами каменных топоров (12 экз.). Сюда входят 8 экз., обработанных трасологически (в том числе и два обломка топоров из раскопок А.И. Тереножкина, об одном из

которых он говорит без публикации рисунка). Остальные четыре топора опубликованы (Тереножкин, 1961: 85, рис. 55, 1–3, 86, рис. 56; 1976: 83, 141). Обратим внимание на то, что два обломка настолько малы, что отнесение их к топорам находится под вопросом (рис. D9, 1–2)¹. Вспомним, что обломок топора (рис. D9, 1) служил орудием металлообработки, о чем говорилось выше.

Практически все топоры являются проушными (в том числе и неизученные автором, но представленные в монографии А.И. Тереножкина). Исключение составляет привязной топор-молот, реконструируемый из ложила по коже (рис. D9, 5). Форма топоров удлинённая (рис. D10, 1, 2) с наибольшим расширением в районе отверстия (рис. D9, 3, 4; D10, 1–3). Такая форма топоров характерна и для других чернолесских памятников (Тереножкин, 1961: 85, рис. 55, 4–6). Обратим внимание на расширение лезвия одного из топоров (рис. D10, 3).

Материал для орудий выбран из прочных пород: диабазовый порфирит (?) (рис. D9, 4), гнейсокварцит (рис. D10, 1), гнейс (рис. D10, 3), диабаз (?) (рис. D9, 3), чёрносерый диабазо-базальт (рис. D10, 2). Два небольших обломка, определяемые как топоры, относятся тоже к прочным породам: порфирит (рис. D9, 1) и темносерый диабаз (рис. D9, 2).

При изготовлении топоров применялся пикетаж и шлифовка граней. Сверление отверстий осуществлялось станковым сверлом с одной сороны. Иногда сверло шло немного на конус (рис. D9, 4). Зафиксирован случай (рис. D9, 3), когда начало сверления шло с обеих сторон, а затем продолжалось только с одной. Сверление проводили, скорее всего, полым костяным сверлом с подсыпкой кварцевых песчинок (ср.: Семенов, 1957: 103). Песчинки оставляли на стенках отверстия концентрические следы. В одном случае эти следы были различной толщины (рис. D10, 2), что свидетельствует как о стаивании поверхности сверла, так и о разном диаметре кварцевых песчинок. Напомним, что начало такого же сверления зафиксировано на массивном шаровидном орудии, о котором говорилось выше (рис. D4, 4). В целом, операция сверления камня традиционна для эпохи поздней бронзы (Свешников, 1952: 126, 131; Усачук, 1993б: 114; Михальчи-

шин, 1993: 23). В связи с использованием не только проушных, но и привязных орудий, укажем на переоформление проушного топора в небольшой привязной топорик с оформлением новых нервюр и нового обушка (рис. D10, 1).

Последняя группа каменных изделий – различные обломки или очень небольшие по размеру камни (12 экз.). Возможно, кусочки полупрозрачного (рис. D11, 2) или молочно-белого (рис. D11, 1) стекловидного кварца, а также гнейсокварцита (рис. D11, 5) служили для каких-нибудь поделок. Сырьём являются и маленькие гальки (рис. D11, 4, 6). Обломком продольно расколотой гальки является небольшой кусочек светло-серого кварца (рис. D11, 3). Вероятно, обломки песчаника (рис. D11, 7, 9, 11, 12), розового кварцита (рис. D11, 8) и розового мелковкрапленного лептоид-порфириода (рис. D11, 10) являются мелкими фрагментами терочников.

Подводя итоги трасологическому и типологическому анализу коллекции каменных изделий, хочется подчеркнуть настоятельную необходимость проведения такого же анализа коллекций и других памятников белогрудовской и чернолесской культур. Это даст возможность наметить то общее, что объединяет их (или отличает) в обработке и использовании камня. Но ещё важнее то, что сравнение коллекций позволит нащупать трудно уловимые мелкие различия, которые могут оказаться этнографическими «визитными карточками» каких-либо поселений или регионов.

Не менее интересно сравнить обработку и использование камня во времени, тем более, что каменные орудия (особенно орудия металлообработки) эпохи поздней бронзы довольно хорошо изучены (Килейников, 1984; Зданович и Коробкова, 1988: 60–79; Григорьев, 1988: 46–59; Березанская, 1990; Шаровская, 1994: 119–126; Пряжин, 1996: 80–94). От эпохи поздней бронзы через бондарихинские, белогрудовские и чернолесские памятники можно выйти на раннескифские и, возможно, на позднескифские материалы, то есть охватить процесс обработки и использования камня на территории Восточной Европы от второй половины II тыс. до н. э. до последних веков I тыс. до н. э.

1. В.Ф. Петрунь при просмотре коллекции также определил эти обломки как фрагменты топоров.

SUMMARY

The collection of bone and horn artifacts from the Subotov hill-fort includes no less than 136 copies. Analysis of trace materials of 88 copies has been made. The most representative group consists of tools of leather industry (23 pcs.). There was a large group of pottery tools (18 pcs.). Only four bone objects connect with weaving. A group of bone artifacts, which served as various handles, stands apart. Very peculiar are the fragments of tools made of horn of a deer: they can be reconstructed as horn connections for metal or stone tools. A fragment of horn hammer is close to the horn connections. Parts of a horse bridle and arrowheads were found at the hillfort. Tali with grinded off verges are ritual or playing objects. In general, we can say that the collection of bone artifacts from Subotov is similar by composition to the collections from the Late Bronze Age sites and apparently reflects the similar forms of use of bone in the economy and similar organization of leather, pottery and weaving production. Obviously, we can say that there is a continuity of using bone tools during the Late Bronze and Early Iron Ages in the steppe and forest steppe areas of the Black Sea Littoral.

The collection of stone objects of the Subotov hill-fort includes 113 copies. Analysis of trace materials has been made for 93 of them. All Subotov stone objects are divided into three groups, i. e. metalworking tools (the largest group), agricultural tools and tools of household workshops. Perhaps, in addition to the metalworking, some globular stone tools were used as hammer-stones for stone processing. Agricultural tools are flint sickles and a large group of grain grinders. Group of home workshop tools only includes tools of leather industry (8 pcs.), i. e. polishers and leather kneaders. In addition to the three groups of stone tools, there are small quantity (12 pcs.) of fragments of stone axes. Various fragments or very small-sized stones (12 pcs.) were used for some handicrafts. To sum up trace evidence and typological analysis of the collection of stone artifacts of the Subotov hillfort, I would like to emphasize the urgent need to make the same analysis of collections of other sites of the Belogrudovka and Chernyi Les cultures. This will provide an opportunity to set something in common that unites and differentiates them in the working and use of stone. However, it is more important that the comparison of the collections will permit to feel about for elusive minor differences that could appear to be ethnographic «business cards» of some settlements or regions.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскарлов, А. 1973. *Сапаллитепа*. Ташкент: Фан.
- Батиров, А.Р. и Широин, Т. 1984. Костяные изделия из археологических памятников Узбекистана. В сб. А. Аскарлов (ред.) *История материальной культуры Узбекистана* 19. Ташкент: Фан, 108–117.
- Березанская, С.С. 1990. *Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце*. Киев: Наукова думка.
- Беседин, В.И. 1996. Гончарное производство. В кн. А.Д. Пряхин. *Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы*. Кн. 2. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 158–174.
- Гаврилюк, Н.А. 1989. *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев: Наукова думка.
- Григорьев, С.А. 1988. Новые материалы к истории металлургии Южного Урала. В сб. С.Г. Боталов, Г.Б. Зданович (ред.) *Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 46–59.
- Зайтов, В.И. 1985. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ). В сб. В.Ф. Зайберт, С.Я. Зданович (ред.) *Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск: Издательство Башкирского университета (подготовил Челябинский университет), 17–33.
- Зданович, С.Я. и Коробкова, Г.Ф. 1988. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка). В сб. С.Г. Боталов, Г.Б. Зданович (ред.) *Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 60–79.
- Килейников, В.В. 1984. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения. В сб. А.Д. Пряхин (ред.) *Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 108–123.
- Килейников, В.В. 1988. Ремесло и домашнее производство у населения донской лесостепной срубной культуры. В сб. А.Т. Синюк (ред.) *Исследование памятников археологии Восточной Европы*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 97–110.
- Килейников, В.В. 1989. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы. В сб. А.Т. Синюк (ред.) *Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 119–126.
- Килейников, В.В. и Печенкин, С.В. 1985. Функциональная оценка каменного инвентаря поселения Копанице-II. В сб. А.Т. Синюк (ред.) *Археологические памятники на европейской территории СССР*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 31–44.
- Колесник, А.В. и Гершкович, Я.П. 1996. Кремнеобрабатывающий комплекс поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца. В сб. В.Н. Горбов (ред.) *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских гревностей (энеолит – бронзовый век)*. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 8–13.

- Коробкова, Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград: Наука.
- Коробкова, Г.Ф. и Щелинский, В.Е. 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда 1. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры.
- Кривцова-Гракова, О.А. 1948. Алексеевское поселение и могильник. Археологический сборник. Труды ГИМ XVII: 57–181.
- Куручкин, Г.Н. 1992. Открытие богатой жреческой гробницы сибирских скифов. Археологические вести 1: 97–106.
- Махно, Е.В. 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янци. Археологічні пам'ятки УРСР IX: 14–38.
- Мирсаатов, Т.М. и Ширинов, Т. 1974. Функциональный анализ некоторых каменных изделий из Сапаллитепа. В сб. А. Аскараров (ред.) История материальной культуры Узбекистана 11. Ташкент: Фан, 61–70.
- Михальчишин, І. 1993. Кам'яні вироби з Овруцького повіту. Наукові записки 1: 18–26.
- Потемкина, Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притобольшья. Москва: Наука.
- Пряхин, А.Д. 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Пузикова, А.И. 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). Москва: Институт археологии РАН.
- Ромашко, В.А. 1987. Погребение с роговым топором-молотом из Приорелья. В сб. И.Ф. Ковалева (ред.) Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 48–54.
- Савва, Е.Н. 1987. К вопросу о пестях-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. В сб. А.Д. Урсул (ред.) Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук 1: 62–71.
- Саенко, Р.И. 1993. Ступки каменные. В сб. А.В. Колесник (ред.) Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах 1: 34.
- Свешников, И.К. 1952. Серпентиновый топор в коллекции Львовского исторического музея. Краткие сообщения Института истории материальной культуры 70: 126–131.
- Семенов, С.А. 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). Материалы и исследования по археологии СССР 54. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Тереножкин, А.И. 1954. Культура предскифского времени в Степном Поднепровье (Чернолесский этап). В сб. Д.Б. Шелов (ред.) Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). Москва, 94–111.
- Тереножкин, А.И. 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин, А.И. 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка.
- Усачук, А.Н. 1993а. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино. В сб. С.Н. Санжаров (ред.) Древние культуры Подонцовья 1. Луганск, 135–147.
- Усачук, А.Н. 1993б. Технология изготовления инвентаря из срубных погребений у с. Калиново. Археологический альманах 2: 113–114.
- Усачук, А.Н. 1994. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений Северо-Восточного Приазовья. В сб. Н.М. Малов (ред.) Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 63–69.
- Усачук, А.Н. 1995. Анализ костяных изделий поселения срубной культуры Безыменное II, Украина. В сб. В.М. Массон (ред.) Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры, 88–92.
- Усачук, А.Н. 1996а. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное-II. В сб. В.Н. Горбов (ред.) Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы Международной конференции. Часть 2. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 21–27.
- Усачук, А.Н. 1996б. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века. В сб. А.В. Кияшко (ред.) Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена, 66–1.
- Усачук, А.Н. и Бровендер, Ю.М. 1993. Изделия из кости поселения поздней бронзы у с. Лиман. В сб. С.Н. Санжаров (ред.) Древние культуры Подонцовья 1. Луганск, 175–186.
- Усачук, А.Н. и Литвиненко, Р.А. 1999. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности. В сб. Н.И. Шишлина (ред.) Текстиль эпохи поздней бронзы евразийских степей. Труды Государственного исторического музея 109: 204–216.
- Шарафутдинова, И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка.
- Шаровская, Т.А. 1994. Развитие технологии производства в эпоху бронзы (по материалам поселения Старчики). В сб. Г.Ф. Коробкова (ред.) Экспериментально-трасологические исследования в археологии. Санкт-Петербург: Наука, 119–126.
- Ширинов, Т. 1977. Каменные ядра Сапаллитепа. В сб. А. Аскараров (ред.) История материальной культуры Узбекистана 13. Ташкент: Фан, 13–21.
- Ширинов, Т. 1980. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского муждуречья (по данным экспериментально-трасологического изучения). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ленинград.
- Ширинов, Т., 1986. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского муждуречья (по данным экспериментально-трасологического изучения). Ташкент: Фан.
- Чубатенко, И.А. и Горбов, В.Н. 1994. Данные о росте специализации керамического производства срубного населения Приазовья. В сб. Н.М. Малов (ред.) Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 57–62.
- Gerškovič, Ja. P. 1999. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und der Westküste des Azov'schen Meeres. Archgologie in Eurasien 7. Rahden, Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.

Л.В. ЛИТВИНОВА

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Во время исследования Суботовского городища в 1994–1995 гг. получен антропологический материал в количестве 3 костяков различной сохранности. На Большом городке в яме № 12 раскопа XII обнаружена черепная крышка взрослого человека, в заполнении котлована помещения № 4б жилища № 4 – погребение. Один костяк обнаружен на Малом Городке под валом (Гершкович, 2007; 2008).

Антропологический материал изучен по краниологической и остеологической программам. Длина тела (рост) определена по двум формулам: Л. Мануврие, а также М. Троттер и Г. Глезер (Алексеев и Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Ubelaker, 1984; Martin und Saller 1958).

На костях отсутствуют следы травм, а также не прослеживается посмертная обработка костей. Учитывая уникальность представленного антропологического материала, опишем его подробно.

Большой Городок, яма № 12 раскопа XII. Обнаружено два фрагмента черепа: правая теменная кость и фрагмент правой височной кости. Кость массивная, значительно развиты места прикрепления мышц, сосцевидный отросток 2 балла, черепные швы не облитерированы. Возможно, череп принадлежал мужчине (пол определен с некоторой долей сомнения), возраст – *adultus* (возмужалый).

Большой Городок, погребение в верхней части заполнения жилища № 4. Сохранились череп, фрагменты костей верхних

и нижних конечностей, ребра и позвонки. Костяк принадлежал мужчине 55–60 лет. Индивидуальные измерения черепа представлены в табл. 1. Мозговой отдел черепа имеет большую величину продольного и малую поперечного диаметров, форма черепной коробки долихокранная (черепной указатель 70,8), высотный диаметр (*basion–bregma*) большой. Лоб умеренно покатый, лицевой скелет характеризуется малой шириной лица и его средней высотой, орбиты среднеширокие и невысокие, по указателю мезоконхные. Нос средневысокий и узкий, по указателю лепторинный, выступание носовых костей и переносья значительное. Вертикальный профиль лицевого отдела мезогнатный. Наблюдается ослабление горизонтальной профилировки лица на верхнем уровне, на среднем (зигомаксиллярном) уровне лицо хорошо профилировано. Глубина клыковой ямки значительная (7 мм), нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Череп относится к грацильным долихокранным и узколицым формам средиземноморского типа. Такой комплекс признаков характерен для населения Лесостепи периода поздней бронзы.

Измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в табл. 2.

В заполнении котлована жилища № 4 на разных уровнях найдена лопатка, ключица, грудина, позвонки, ребра, фрагменты плечевой, локтевой, лучевой и большой берцовой кости человека. Учитывая общую массивность костей и характер костных разраста-

Таблица 1. Индивидуальные измерения черепов Суботовского городища

Table 1. Individual measurements of skulls of skeletons of Subotov hill-fort

Признак, по Мартину	Ж. 4, по-ребение, мужчина, 55—60 л.	Малый городок, вал, женщина (?), 16—18 л.	Признак, по Мартину	Ж. 4, по-ребение, мужчина, 55—60 л.	Малый городок, вал, женщина (?), 16—18 л.
1. Продольный диаметр	185	168	62. Длина неба	46	49
8. Поперечный диаметр	131	149	63. Ширина неба	39	40
8 : 1. Черепной указатель	70,8	100,6	63 : 62. Небный указатель	84,7	81,6
17. Высотный диаметр (basion—bregma)	140	137	55. Высота носа	52	49
17 : 1. Высотно-продольный указатель (basion)	75,6	81,5	54. Ширина носа	23	22
17 : 8. Высотно-поперечный указатель (basion)	106,8	91,9	54 : 55. Носовой указатель	44,2	44,8
20. Ушная высота (porion—bregma)	112,5	119,5	51. Ширина орбиты (maxillofrontale)	41	39
20 : 1. Высотно-продольный указатель (porion)	60,8	71,1	51a. Ширина орбиты (dacryon)	39	38
20 : 8. Высотно-поперечный указатель (porion)	85,8	80,2	52. Высота орбиты	33	32
5. Длина основания черепа	105	99	52 : 51. Орбитный указатель (maxillofrontale)	80,4	82
9. Наименьшая ширина лба	92	100	52 : 51a. Орбитный указатель (dacryon)	84,6	84,2
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	70,2	67,1	MC. Максиллофронтальная ширина	17	22,5
10. Наибольшая ширина лба	115	123	MS. Максиллофронтальная высота	9	10
9 : 10. Широтный лобный указатель	80	81,3	MS : MC. Максиллофронтальный указатель	52,9	44,4
29. Лобная хорда	112	109	SC. Симотическая ширина	7	8
30. Теменная хорда	111	110	SS. Симотическая высота	5	3
31. Затылочная хорда	107	88	SS : SC. Симотический указатель	71,4	37,5
23a. Горизонтальная окружность (orhyon)	376	324	DC. Дакриальная ширина	19	23
24. Поперечная дуга (por-br-por)	310	330	DS. Дакриальная высота	13	14
25. Сагиттальная дуга	374	348	DS : DC. Дакриальный указатель	68,4	60,8
26. Лобная дуга	126	126	32. Угол профиля лба (nasion)	82	92
27. Теменная дуга	120	122	g—m. Угол профиля лба (glabella)	75	87
28. Затылочная дуга	128	100	43/1/. Биорбитальная хорда	93	96
7. Длина затылочного отверстия	37	35	sub. n/43/1/. Высота nas. над биорбитальной хордой	15	17
16. Ширина затылочного отверстия	31	27	77. Назомалярный угол	144	141
16 : 7. Указатель затылочного отверстия	83,7	77,1	zm—zm. Зигомаксиллярная хорда	92	93
11. Ушная ширина	113	125	sub. ss/zm—zm. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	23	26
12. Ширина затылка	112	114	zm. Зигомаксиллярный угол	126,5	121
11 : 8. Аурикулярно-поперечный указатель	86,2	83,8	72. Общий лицевой угол	83	84
12 : 8. Затылочно-поперечный указатель	85,4	76,5	73. Средний лицевой угол	82	83
40. Длина основания лица	102	95	74. Угол альвеолярной части	86	86
40 : 5. Указатель выступания лица	97,1	95,9	75. Угол наклона носовых костей	50	55
43. Верхняя ширина лица	101	103	75/1/. Угол выступания носа	33	29
45. Скуловой диаметр	125	131	FC. Глубина клыковой ямки	7	4
46. Средняя ширина лица	94	95	65. Мыщелковая ширина нижней челюсти	115	127
48. Верхняя высота лица	70	61	66. Угловая ширина нижней челюсти	95	97
48 : 45. Верхний лицевой указатель	56	46,5	66 : 65. Широтный указатель нижней челюсти	82,6	76,3
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	50	44,5	71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	34	30
45 : 8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,4	87,9	67. Передняя ширина нижней челюсти	45	49
9 : 45. Лобно-скуловой указатель	73,6	76,3	69. Высота симфиза нижней челюсти	34	28
60. Длина альвеолярной дуги	53	51	69/1/. Высота тела нижней челюсти	31	27
61. Ширина альвеолярной дуги	62	49	69/3/. Толщина тела нижней челюсти	12	12
61 : 60. Альвеолярный указатель	116,9	129,4	69/3/:69/1/. Указатель толщины тела нижней челюсти	38,7	44,4
			C. Угол выступания подбородка	79	64

Таблица 2. Индивидуальные измерения длинных трубчатых костей верхних и нижних конечностей скелетов из Суботовского городища

Table 2. Individual measurements of long bones of lower and upper extremities from Subotov hill-fort

Признак, по Мартину	Ж. 4, погребение, мужчина, 55—60 л.		Малый городок, вал, женщина (?), 16—18
	правая	левая	левая
Плечевая кость			
1. Наибольшая длина	336	335	286
2. Вся длина	334	332	—
3. Верхняя эпифизарная ширина	52	51	44
4. Нижняя эпифизарная ширина	60	61	52
5. Наибольший диаметр середины диафиза	23	22	20
6. Наименьший диаметр середины диафиза	17	17	16
7. Наименьшая окружность середины диафиза	63	61	55
7а. Окружность середины диафиза	66	64	57
6 : 5. Указатель сечения	73,9	77,2	80
7 : 1. Указатель массивности	18,7	18,2	19,2
Лучевая кость			
1. Наибольшая длина	256	—	—
4. Поперечный диаметр диафиза	170	—	—
5. Сагиттальный диаметр диафиза	130	—	—
3. Наименьшая окружность диафиза	43	—	—
5 : 4. Указатель сечения	76,4	—	—
Бедренная кость			
1. Наибольшая длина	466	—	393
2. Длина в естественном положении	461	—	390
21. Мыщелковая ширина	85	—	71
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	31	—	22
7. Поперечный диаметр середины диафиза	25	—	21
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	30	—	30
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	27	—	21
8. Окружность середины диафиза	88	—	68
8 : 2. Указатель массивности	19	—	17,4
6 : 7. Указатель пиллястрии	124	—	104,7
10 : 9. Указатель платимерии	90	—	70
Большая берцовая кость			
1. Полная длина	366	—	325
1а. Наибольшая длина	364	—	—
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	72	—	61
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	55	—	—
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	29	—	25
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	31	—	28
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	21	—	17
9а. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	24	—	20
10. Окружность на уровне середины диафиза	80	—	70
10b. Наименьшая окружность диафиза	74	—	65
9а : 8а. Указатель сечения	77,4	—	71,4
10b : 1. Указатель массивности	20,2	—	19,9
Малая берцовая кость			
1. Наибольшая длина	365	—	306
Рост по формулам:			
Л. Мануврие	168,5	—	152
М. Троттер и Г. Глезер	173	—	159,4

ний на длинных трубчатых костях, вероятно, останки принадлежат описанному скелету.

Малый Городок, погребение под валом. Изучались череп, длинные трубчатые кости и кости таза. Измерения черепа даны в табл. 1, костей верхних и нижних конечностей — в табл. 2. Череп в целом довольно инфантильный; на длинных трубчатых костях и костях таза эпифизы не срослись. Учитывая размеры черепа и длинных трубчатых костей, состояние зубной системы и черепных швов возраст индивида определен в интервале 16—18 лет. Пол определен с некоторой долей сомнения. Мышечный рельеф на длинных костях полностью сглажен, форма костей таза показывает, что скелет, возможно, принадлежал женщине (?).

Для сравнительного анализа пригоден только мужской череп из Большого Городка (в заполнении котлована жилища № 4). Он характеризуется грацильностью, долихокранной формой мозговой коробки, узким средньюсоким лицом. Такие же признаки характерны для населения тшинцево-комаровской (Кондукторова, 1979), белогрудовской (Круц и Литвинова, 1994; Литвинова, 2011) и высоцкой (Кондукторова, 1980) культур. Но следует учесть, что эти краниологические серии насчитывают небольшое количество черепов. Долихокранные и узколикие формы со значительной вертикальной и горизонтальной профилировкой лица представлены в культурах срубной (Круц, 1984), Бабино (Великанова, 1975; Круц, 1984), Ноуа (Некрасова, 1964; Cristescu și Antoniu, 1962) и белозерской (Зіневич і Круц,

1968; Литвинова и Рудич, 1994). Однако они имеют большие размеры черепной коробки и лицевого отдела по сравнению с мужским черепом из Суботова. Значительное сходство по ряду признаков отмечено с серией скифского времени Лесостепи из могильника Медвин (Зіневич, 1985: 68–72).

SUMMARY

The anthropological material is studied by craniological and osteological programs. The comparative analysis has shown that the male skull (burial in filling of a foundation ditch of dwelling № 4) has the general signs with population of the Trzciniac, Belogradovka and Vysotck Cultures.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, В.П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.
Алексеев, В.П. и Дебец, Г.Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.
Великанова, М.С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.
Гершкович, Я.П. 2007. Суботовское городище в свете новых исследований. У зб. С.А. Скорий (ред.) *Ранній залізний вік: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції 16–19 травня 2007 р.* Київ; Чигирин, 58–60.
Гершкович, Я.П. 2008. Специализированные производственные участки Суботовского городища. У зб. С.І. Климовський (ред.) *Старожитності Верхнього Придністров'я. Ювілейний збірник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малеева*. Київ: Стилос, 37–38.
Зіневич, Г.П. 1985. Антропологічні дослідження медвинських курганів ранньоскіфського періоду. *Археологія* 52: 68–72.

Зіневич, Г.П. і Круц, С.І. 1968. *Антропологічна характеристика давнього населення території України (за матеріалами експедицій 1961–1963 рр.)*. Київ: Наукова думка.
Кондукторова, Т.С. 1979. Антропологический тип людей комаровско-тшинецкой культуры Украины. *Вопросы антропологии* 62: 44–60.
Кондукторова, Т.С. 1980. Антропологический тип людей высотской культуры. *Вопросы антропологии* 64: 107–110.
Круц, С.И. 1984. *Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы)*. Киев: Наукова думка.
Круц, С.И. и Литвинова, Л.В. 1994. Антропологические материалы из погребений белогрудовской культуры. В сб. *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) Материалы Международной конференции. Кишинев 10–14 декабря 1994 г.* Тирасполь, 124–125.
Литвинова, Л.В. 2011. Палеоантропологічні матеріали з Гордіївського могильника. У В.І. Клочко (ред.) *Гордіївський могильник*, Вінниця: Вістка, 259–269.
Литвинова, Л.В. и Рудич, Т.А. 1994. Новые материалы к антропологии позднего бронзового века Украины. В сб. Г.Н. Тощев (ред.) *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тезисы конференции, посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова*. Т. II. Запорожье, 110–111.
Некрасова, О.К. 1964. К изучению антропологического состава населения бронзового века восточной части Румынской Народной Республики. *Труды Московского общества исследователей природы XIV*: 270–283.
Cristescu, M. și Antoniu, S. 1962. Studiul antropologic al scheletelor aparținând culturii Noua de la Doina. *Analele Științifice ale Universității «Al. I. Cuza» din Iași* 8 (2): 137–156.
Martin, R. und Saller, K. 1958. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung* 5. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag.
Ubelaker, D.H. 1984. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Washington: Taraxacum.

20.05.2002

А.В. ДЯЧЕНКО

ОБЪЕМ СОСУДОВ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Систематизация (археологически) целых сосудов по признаку объема – важный этап первичного упорядочивания керамики для последующих интерпретаций функционального назначения изделий, изучения мерных систем древности и возможных палеодемографических реконструкций или хронологических построений. В данном приложении проанализированы значения мерного признака и констатированы закономерности в его распределении. Интерпретации предложены Я.П. Гершковичем в главе IV этой книги.

Отметим, что объем посуды, происходящей из раскопок Суботовского городища, уже служил объектом специального исследования (Гершкович, 2001). Обратиться к этому материалу вновь позволяют уточненные мерные характеристики – вместо использованной ранее формулы применялась специальная программа «Macromedia Director Shockwave Studio 8.5», позволившая существенно скорректировать исходные данные.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Выборка включает 101 сосуд, условно объединенный Я.П. Гершковичем в восемь типов по морфологическим признакам (Гершкович, 2001: 285, табл. 1). Удельный вес изделий разных типов представлен на рис. 1. Замерен полный объем мисок, банок, блюд и чашек. За объем горшков, кубков, чаш и черпаков условно принят их объем от ос-

нования венчика до дна (замеры проводил Я.П. Гершкович – результаты представлены в табл. К1–К7 этой книги). Объем сосудов приведен в литрах, значения округлялись до одной десятитысячной. В ряде случаев отсутствуют полные профили изделий, а потому полученные значения мерного признака являются ориентировочными.

Ввиду относительно небольшого объема выборки, значения признака ранжировались: наблюдения были упорядочены по убыванию, а близкие величины объединены в таксономические единицы. На первом этапе проверена гипотеза о корреляции форм и объемов посуды. Последующие этапы исследования заключались в установлении закономерностей в распределении объемов в зависимости от морфологии сосудов и закономерностей в распределении сосудов разных групп, выделенных по мерным признакам, в рамках домохозяйств. Рассмотрим полученные результаты.

2. КОРРЕЛЯЦИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ И МЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ

На первом этапе был рассмотрен вопрос о наличии общих дискретных групп, объединяющих разные типы посуды, выделенные по морфологическим признакам. Наличие таких групп должно свидетельствовать о том, что функциональное назначение сосудов определяет только морфологию и технико-технологические особенности их изготовления, отсутствие – подтверждает взаимосвязь

форм и объемов посуды, определяемых функциональным назначением изделий.

Рис. 2 показывает распределение объема сосудов для всех их типов, выделенных по морфологическим признакам. Распреде-

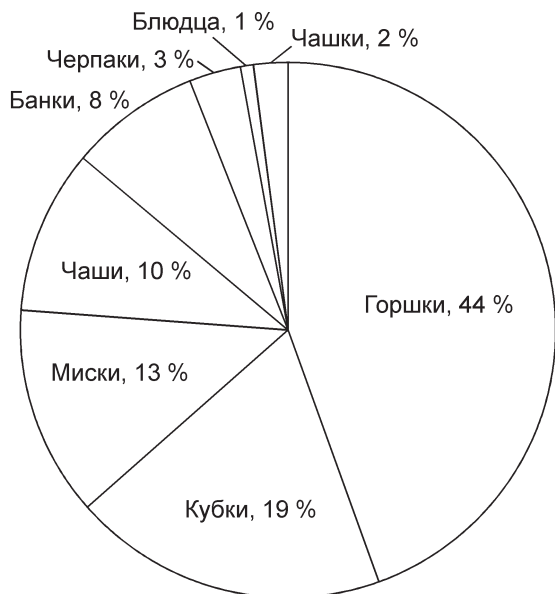

Рис. 1. Удельный вес посуды с разными особенностями морфологии.

Fig. 1. Percentage of vessels referred to different types according to their morphology

ние величин выборки показывает возможность выделения таксономических единиц. Однако последние будут иметь неоправданно широкие интервалы между крайними членами (наименьшим и наибольшим значениями). Такая тенденция одинаково справедлива для посуды больших (рис. 2: а, б) и относительно малых объемов (рис. 2: в, г). Соответственно, морфология и объем сосудов были взаимообусловлены, а систематизация заданного мерного признака целесообразна в рамках типов, выделенных по морфологическим признакам.

Близкие значения признака объединены в группы. В рамках некоторых групп выделены подгруппы, часть из которых разделена на варианты. Рассмотрим полученные результаты систематизации.

Горшки (рис. 3)

группа А: 35,3303–35,7614 л;

группа В: 14,2430–17,9609 л;

группа С: 9,5139–11,6830 л;

группа D: 3,9330–6,8699 л;

группа Е: объемом до 2,5055 л. В рамках

данной группы выделены следующие подгруппы:

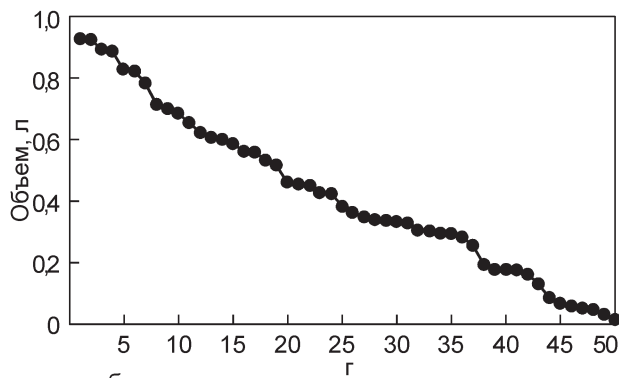
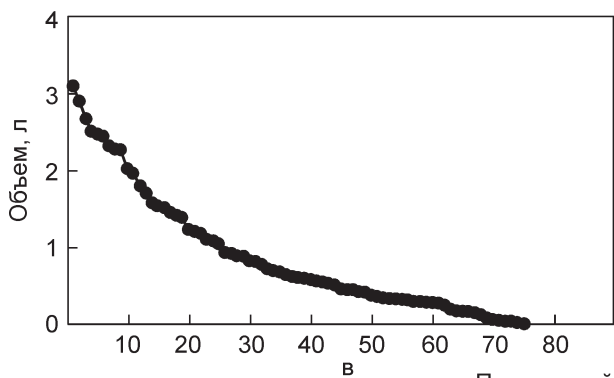
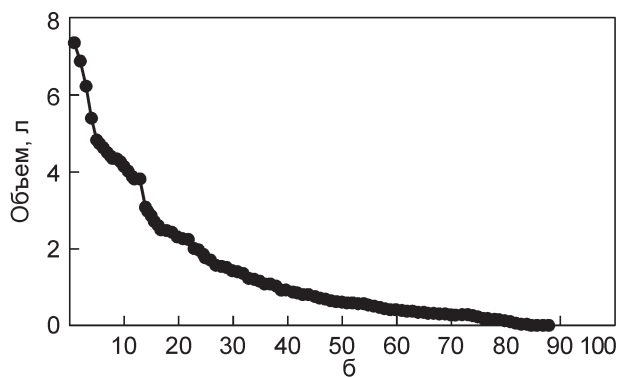
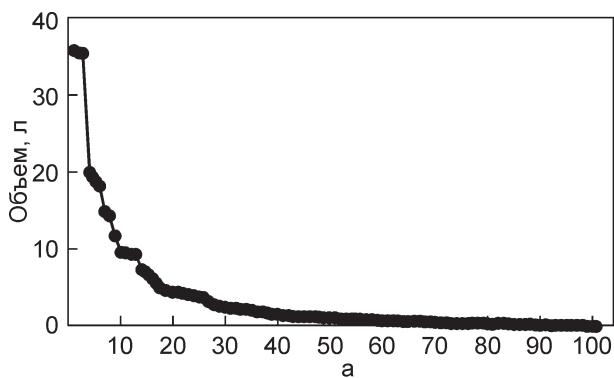

Рис. 2. Распределение сосудов по объему, л: а – 0,0124–35,7614; б – 0,0124–7,3459; в – 0,0124–3,0910; г – 0,0124–0,9266. Морфологические особенности изделий на данном этапе не учитывались. Вариационный ряд включает все сосуды выборки

Fig. 2. Distribution of the volume of vessels, l: а – 0,0124–35,7614; б – 0,0124–7,3459; в – 0,0124–3,0910; г – 0,0124–0,9266. Morphology of pottery was not considered at this stage. Series includes all vessels of this sample

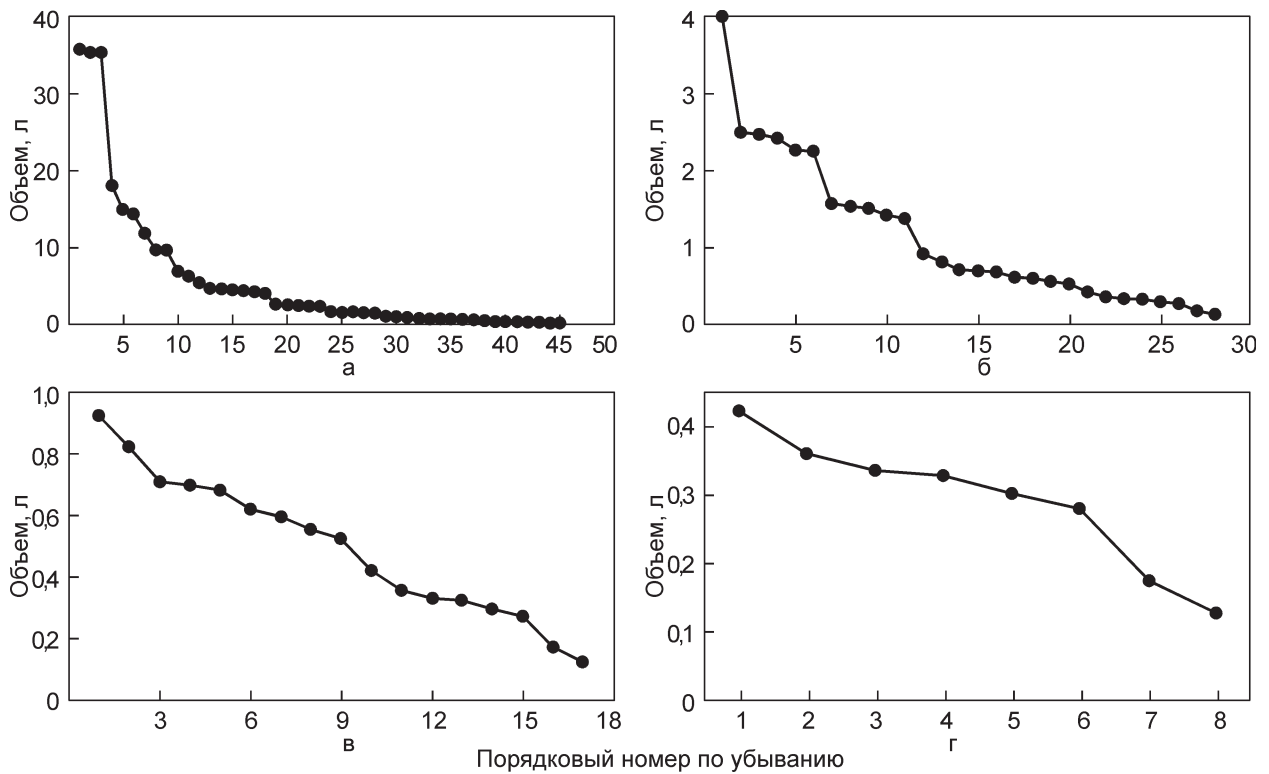

Рис. 3. Распределение горшков по объему, л: а – 0,1294–35,7614; б – 0,1294–3,9930; в – 0,1294–0,9258; г – 0,1294–0,4240

Fig. 3. Distribution of the volume of pots, l: а – 0,1294–35,7614; б – 0,1294–3,9930; в – 0,1294–0,9258; г – 0,1294–0,4240

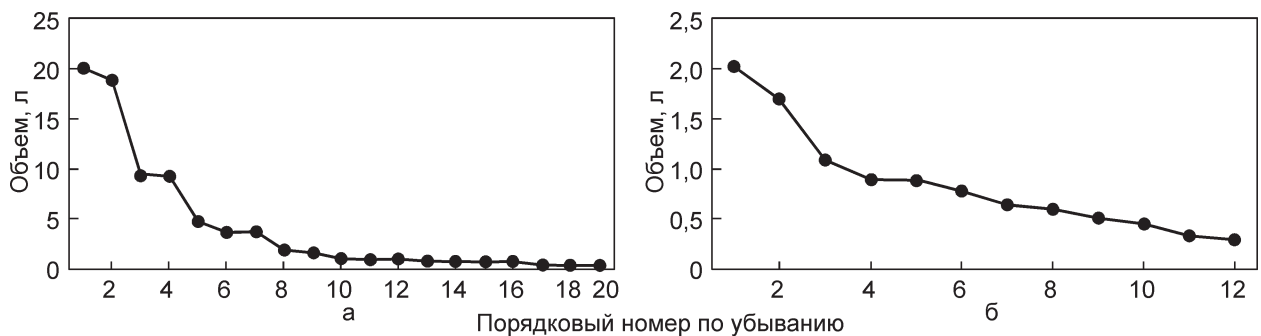

Рис. 4. Распределение кубков по объему, л: а – 0,3030–20,0544; б – 0,3030–2,0165

Fig. 4. Distribution of the volume of beakers, l: а – 0,3030–20,0544; б – 0,3030–2,0165

подгруппа E1: 2,2524–2,5055 л;
 подгруппа E2: 1,3777–1,5683 л;
 подгруппа E3: объемом до 0,9258 л. В рамках данной подгруппы выделены следующие варианты:

- вариант E3-1: 0,9258 л;
- вариант E3-2: 0,8262 л;
- вариант E3-3: 0,5299–0,7123 л;
- вариант E3-4: 0,2806–0,4240 л;
- вариант E3-5: 0,1294–0,1758 л.

Кубки (рис. 4)

- группа А: 18,9594–20,0544 л;
- группа В: 9,2959–9,3607 л;
- группа С: 3,7895–4,8376 л;

группа D: объемом до 2,0165 л. В рамках данной группы выделены следующие подгруппы:

- подгруппа D-1: 1,6962–2,0165 л;
- подгруппа D-2: 1,0904 л;
- подгруппа D-3: 0,3030–0,8912 л.

Миски (рис. 5)

- группа А: 7,3459 л;
- группа В: 2,6660–3,0910 л;
- группа С: 1,9427 л;
- группа D: объемом до 1,4464 л. В рамках данной группы выделены следующие подгруппы:
- подгруппа D-1: 1,4464 л;

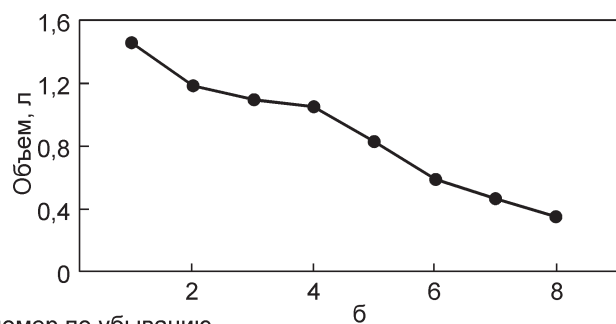
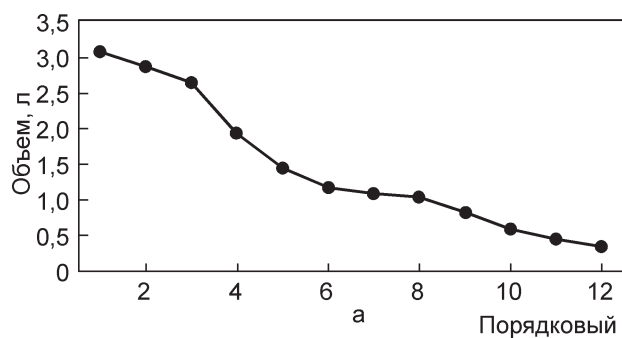

Рис. 5. Распределение мисок по объему, л: а – 0,3467–3,0910; б – 0,3467–1,4464

Fig. 5. Distribution of the volume of bowls, l: а – 0,3467–3,0910; б – 0,3467–1,4464

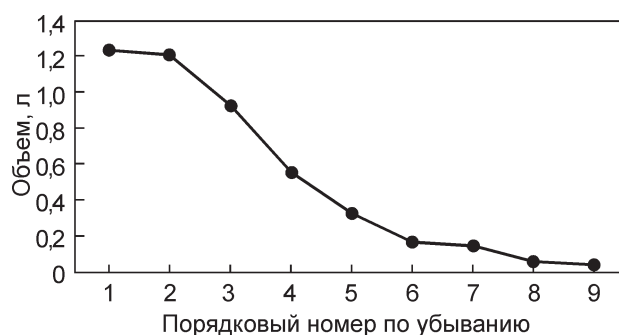

Рис. 6. Распределение чаш по объему

Fig. 6. Distribution of the volume of cups

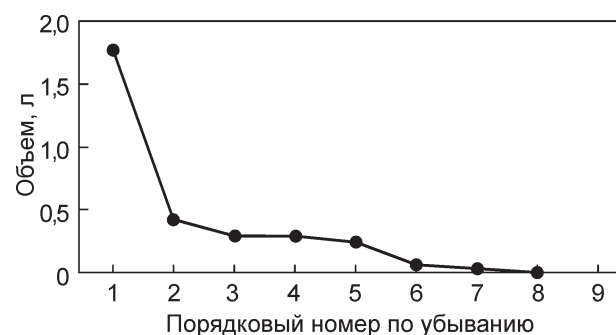

Рис. 7. Распределение банок по объему

Fig. 7. Distribution of the volume of jars

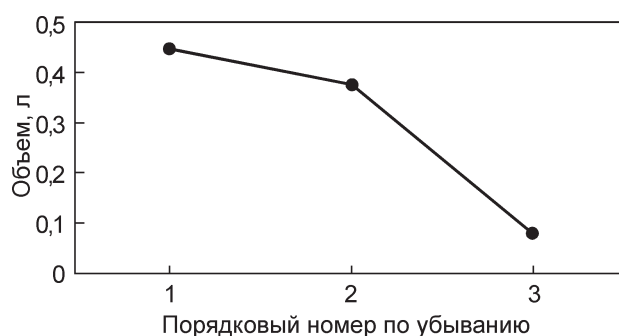

Рис. 8. Распределение черпаков по объему

Fig. 8. Distribution of the volume of scoops

подгруппа D-2: 1,0459–1,1784 л;
подгруппа D-3: 0,8201 л;
подгруппа D-4: 0,3467–0,5852 л.

Чаши (рис. 6)

группа А: 2,3009 л;
группа В: 1,2072–1,2339 л;
группа С: 0,9269 л;
группа D: 0,5594 л;
группа E: 0,3309 л;
группа F: 0,1594–0,1743 л;
группа G: 0,0504–0,0663 л.

Банки (рис. 7)

группа А: 1,7942 л;

группа В: 0,4231 л;
группа С: 0,2542–0,2934 л;
группа D: 0,0458–0,0586 л;
группа E: 0,0124 л.

Черпаки (рис. 8)

группа А: 0,3791–0,4495 л;
группа В: 0,0829 л.

Типы блюдца и чашки представлены единичными экземплярами изделий. Их объем составляет 0,1764; 0,0290 и 0,1929 л, соответственно.

Результаты систематизации также представлены в табл. 1. Эти данные еще раз подтверждают целесообразность работы по выделению таксономических единиц с учетом морфологических особенностей керамики. Кроме того, упорядоченные данные позволяют поставить вопрос о размерности таксономических единиц, выделенных по признаку объема сосудов.

3. ЗАКОНОМЕРНОСТИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕМОВ ПОСУДЫ В РАМКАХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИЗДЕЛИЙ

Для каждой из таксономических единиц, выделенных по признаку объема со-

Таблица 1. Распределение сосудов по объему в рамках морфологических особенностей изделий

Table 1. Distribution of the volume of vessels according to the morphology of pottery

Горшки	Кубки	Миски	Чаши	Банки	Черпаки	Блюдца	Чашки
35,3303— 35,7614 (A)	—	—	—	—	—	—	—
14,2430— 17,9609 (B)	18,9594— 20,0544 (A)	—	—	—	—	—	—
9,5139— 11,6830 (C)	9,2959— 9,3607 (B)	7,3459 (A)	—	—	—	—	—
3,9330— 6,8699 (D)	3,7895— 4,8376 (C)	—	—	—	—	—	—
2,2524— 2,5055 (E1)	1,6962— 2,0165 (D-1)	2,6660— 3,0910 (B)	2,3009 (A)	—	—	—	—
1,3777— 1,5683 (E2)	—	1,9427—(C); 1,4464 (D-1)	1,2072— 1,2339 (B)	1,7942 (A)	—	—	—
0,9258 (E3-1)	1,0904 (D-2)	1,0459— 1,1784 (D-2)	0,9269 (C)	—	—	—	—
0,8262 (E3-2)	—	0,8201 (D-3)	—	—	—	—	—
0,5299— 0,7123 (E3-3)	0,3030— 0,8912 (D-3)	—	0,5594 (D)	0,4231 (B)	—	—	—
0,2806— 0,4240 (E3-4)	—	0,3467— 0,5852 (D-4)	0,3309 (E)	0,2542— 0,2934 (C)	0,3791— 0,4495 (A)	—	—
0,1294— 0,1758 (E3-5)	—	—	0,1594— 0,1743 (F)	—	—	0,1764 (A)	0,1929 (A)
—	—	—	0,0504— 0,0663 (G)	0,0458— 0,0586 (D)	0,0829 (B)	—	—
—	—	—	—	0,0124 (E)	—	—	0,0290 (B)

судов, рассчитаны два средних показателя – медиана и среднее арифметическое. Для таксономических единиц, включающих единственное числовое значение признака, последнее условно принималось за среднее. Напомним, что медиана для парного числа величин (включая две) может быть рассчитана как среднее арифметическое от двух средних значений вариационного ряда. Для каждой пары таксономических единиц с наиболее близкими значениями рассчитана кратность (значения округлены до сотых) по названным средним величинам. Результаты сведены в табл. 2–6.

Среди значений коэффициента кратности для таксономических групп, выделенных по признаку объема, для горшков, кубков, чаш и, отчасти, мисок высока частота встречаемости величин, близких к 2, реже – 1,5. Учитывая относительно небольшой объем выборки, можно предположить, что ряд полученных таксономических единиц на самом деле является т. н. тяжелыми хвостами. По-видимому, горшки групп E-2, E3-1 и E3-2, а также чаши групп C и D следует объединить в единые таксономические единицы. Заметим, что ряд объемов сосудов, объединенных в названные таксономические единицы, к тому же характеризуется

ориентировочными, а не точными величинами.

Если предположение о близкой к константе кратности верно, то распределение сосудов в рамках таксономических единиц имеет фракталоподобную структуру, описываемую следующим образом:

$$V_n \approx V_{max} R^{1-n} \quad (1),$$

Таблица 2. Средние значения по объемам горшков и их кратность

Table 2. Averages and scaling ratios obtained for the volume of pots

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
35,3303—35,7614 (A)	35,4819		35,3539	
14,2430—17,9609 (B)	15,6664	2,26	14,7953	2,39
9,5139—11,6830 (C)	10,2561	1,53	9,5713	1,55
3,9330—6,8699 (D)	4,9439	2,07	4,5162	2,12
2,2524—2,5055 (E1)	2,3861	2,07	2,4295	1,86
1,3777—1,5683 (E2)	1,4839	1,61	1,5164	1,60
0,9258 (E3-1)	0,9258	1,60	0,9258	1,64
0,8262 (E3-2)	0,8262	1,12	0,8262	1,12
0,5299—0,7123 (E3-3)	0,6294	1,31	0,6222	1,31
0,2806—0,4240 (E3-4)	0,3390	1,86	0,3333	1,87
0,1294—0,1758 (E3-5)	0,1526	2,22	0,1526	2,18

Таблица 3. Средние значения по объемам кубков и их кратность

Table 3. Averages and scaling ratios obtained for the volume of beakers

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
18,9594—20,0544 (A)	19,5069	2,09	19,5069	2,09
9,2959—9,3607 (B)	9,3283	2,25	9,3283	2,46
3,7895—4,8376 (C)	4,1391	2,23	3,7903	2,04
1,6962—2,0165 (D-1)	1,8564	1,70	1,8564	1,70
1,0904 (D-2)	1,0904	1,92	1,0904	1,95
0,3030—0,8912 (D-3)	0,5665		0,5596	

Таблица 4. Средние значения по объемам мисок и их кратность

Table 4. Averages and scaling ratios obtained for the volume of bowls

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
7,3459 (A)	7,3459	2,55	7,3459	2,55
2,6660—3,0910 (B)	2,8813	1,48	2,8868	1,49
1,9427 (C)	1,9427	1,34	1,9427	1,34
1,4464 (D-1)	1,4464	1,31	1,4464	1,33
1,0459—1,1784 (D-2)	1,1049	1,35	1,0904	1,33
0,8201 (D-3)	0,8201	1,78	0,8201	1,79
0,3467—0,5852 (D-4)	0,4631		0,4574	

Таблица 5. Средние значения по объемам чаш и их кратность

Table 5. Averages and scaling ratios obtained for the volume of cups

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
2,3009 (A)	2,3009	1,89	2,3009	1,89
1,2072—1,2339 (B)	1,2206	1,32	1,2206	1,32
0,9269 (C)	0,9269	1,66	0,9269	1,66
0,5594 (D)	0,5594	1,69	0,5594	1,69
0,3309 (E)	0,3309	1,98	0,3309	1,98
0,1594—0,1743 (F)	0,1669	2,86	0,1669	2,86
0,0504—0,0663 (G)	0,0584		0,0584	

где V — объем сосуда порядка n в иерархии таксономических групп, V_{max} — объем сосуда наиболее высокого порядка, а R — коэффициент кратности. Значения V и V_{max} являются средними величинами. Среднее значение R близко к 2, реже — 1,5.

В данном контексте важно отметить соответствие (или близость) объемов черпаков выделенным таксономическим единицам

Таблица 6. Средние значения по объемам банок и их кратность

Table 6. Averages and scaling ratios obtained for the volume of jars

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
1,7942 (A)	1,7942	4,24	1,7942	4,24
0,4231 (B)	0,4231	1,51	0,4231	1,45
0,2542—0,2934 (C)	0,2798	5,36	0,2918	5,60
0,0458—0,0586 (D)	0,0522	4,20	0,0522	4,20
0,0124 (E)	0,0124		0,0124	

по другим типам посуды. Средний объем по двум таксономическим единицам таких изделий также имеет кратность близкую к двум. Это свидетельствует в пользу интерпретации их функционального назначения, оговоренного в названии типа сосудов.

Полученные результаты обуславливают постановку вопроса о возможных закономерностях в распределении посуды по признаку объема в рамках домохозяйств.

4. ЗАКОНОМЕРНОСТИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕМОВ ПОСУДЫ В РАМКАХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Анализируемые изделия происходят из пяти домохозяйств, каждое из которых включает три—четыре жилища и хозяйственные ямы (см. главу IV этой книги). Ввиду относительно небольшого числа сосудов в вы-

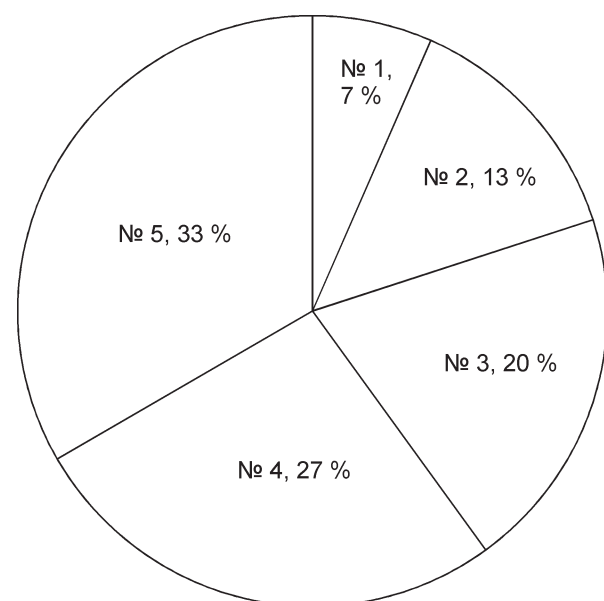

Рис. 9. Удельный вес сосудов с разными морфологическими особенностями в рамках домохозяйств 1—5
Fig. 9. Relative number of vessels of different morphology in households 1—5

борке, сравнительный анализ распределения признака в рамках каждого из объектов, как и их анализ с учетом морфологии не имеет смысла. Поэтому проанализированы закономерности распределения сосудов разного объема в рамках домохозяйств в целом. Изделия распределены неравномерно (рис. 9).

Первичное упорядочивание материала заключалось в систематизации сосудов по признаку объема без учета морфологических признаков изделий (рис. 10–14). Важно отметить, что в отличие от негативных результатов идентичного подхода к выборке в целом, систематизация значений заданного признака с поправкой на принадлежность сосудов к домохозяйствам позволила получить дискретные группы с приемлемой длиной интервалов.

Домохозяйство 1 (рис. 10)

группа 1: 35,7614 л;
группа 2: 9,5139 л;
группа 3: 6,2271–7,3459 л;
группа 4: объемом до 2,8868 л. В рамках данной группы выделены следующие подгруппы:

подгруппа 4а: 2,4754–2,8868 л;
подгруппа 4б: 1,7942–1,9427 л;
подгруппа 4с: объемом до 1,4408 л. В рамках данной подгруппы выделены следующие варианты:

вариант 4с-1: 1,4208–1,4408 л;
вариант 4с-2: 1,0940–1,1784 л;
вариант 4с-3: 0,7123–0,8201 л;
вариант 4с-4: 0,4574 л;
вариант 4с-5: 0,2542 л;
вариант 4с-6: 0,0290–0,0663 л.

Домохозяйство 2 (рис. 11)

группа 1: 35,3303 л;
группа 2: 18,9594–20,0544 л;
группа 3: 14,2430 л;
группа 4: 11,6830 л;
группа 5: 9,2959–9,3607 л;
группа 6: 3,7895–4,6491 л;
группа 6: объемом до 2,2524 л. В рамках данной группы выделены следующие подгруппы:

подгруппа 7а: 2,2524 л;
подгруппа 7б: 1,2072–1,6962 л;
подгруппа 7с: объемом до 0,9258 л. В рамках данной подгруппы выделены следующие варианты:
вариант 7с-1: 0,8262 – 0,9258 л;
вариант 7с-2: 0,5594 – 0,7006 л;
вариант 7с-3: 0,2806 – 0,4240 л.

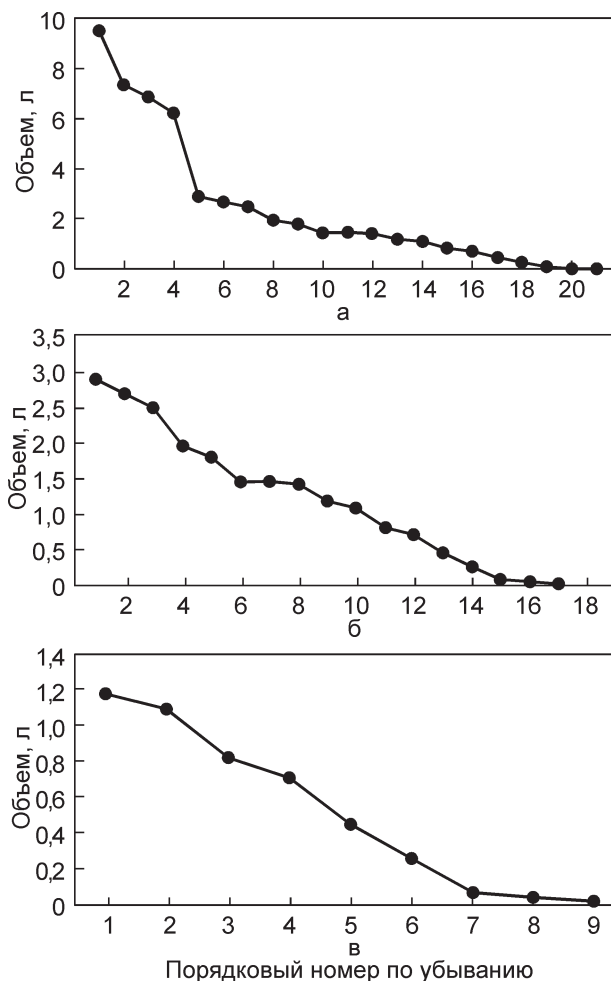

Рис. 10. Распределение сосудов по объему в рамках домохозяйства 1, л: а – 0,0290–9,5139; б – 0,0290–2,8868; в – 0,0290–1,1784

Fig. 10. Distribution of the volume vessels in household 1, l: а – 0,0290–9,5139; б – 0,0290–2,8868; в – 0,0290–1,1784

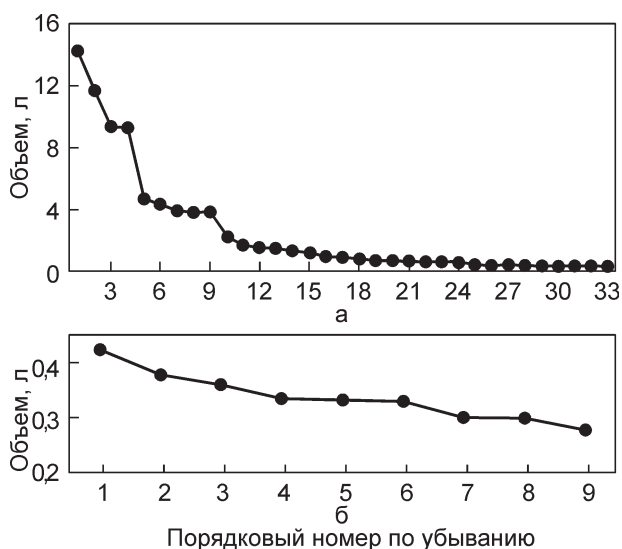

Рис. 11. Распределение сосудов по объему в рамках домохозяйства 2, л: а – 0,2806–14,2430; б – 0,2806–2,2524; в – 0,2806–0,4240

Fig. 11. Distribution of the volume vessels in household 2, l: а – 0,2806–14,2430; б – 0,2806–2,2524; в – 0,2806–0,4240

Домохозяйство 3 (рис. 12)

группа 1: 17,9063 л;
 группа 2: 4,2353–4,8376 л;
 группа 3: 2,2678–2,5055 л;
 группа 4: объемом до 1,5007 л. В рамках данной группы выделены следующие подгруппы:

подгруппа 4а: 1,2339–1,5007 л;
 подгруппа 4б: 0,1758–0,7814 л;
 подгруппа 4с: 0,0586–0,0829 л;
 подгруппа 4д: 0,0124 л.

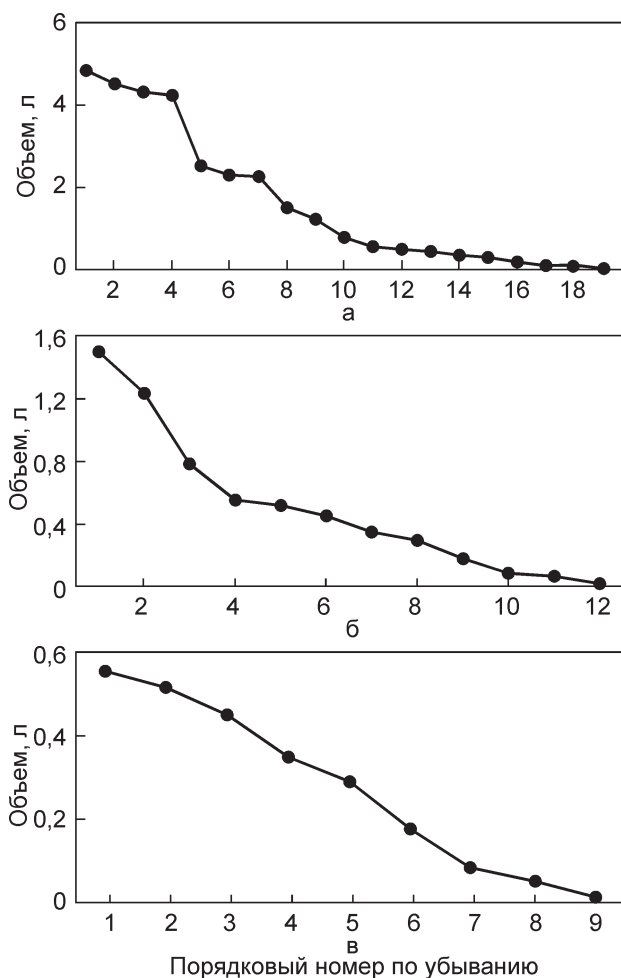

Рис. 12. Распределение сосудов по объему в рамках домохозяйства 3, л: а – 0,0124–4,8376; б – 0,0214–1,5007; в – 0,0124–0,5544

Fig. 12. Distribution of the volume vessels in household 3, l: а – 0,0124–4,8376; б – 0,0214–1,5007; в – 0,0124–0,5544

Домохозяйство 4 (рис. 13)

группа 1: 35,3539 л;
 группа 2: 9,5713 л;
 группа 3: 3,0910 л;
 группа 4: 0,7415–1,5362 л;
 группа 5: 0,4231–0,5299 л;
 группа 6: 0,1719 л.

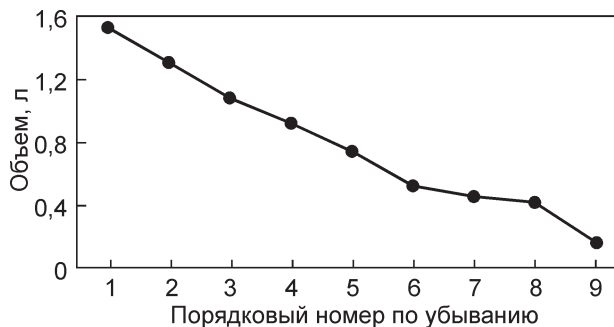

Рис. 13. Распределение сосудов по объему в рамках домохозяйства 4

Fig. 13. Distribution of the volume vessels in household 4

Домохозяйство 5 (рис. 14)

группа 1: 14,7953 л;
 группа 2: 4,1628 л;
 группа 3: 2,4295 л;
 группа 4: объемом до 0,8849 л. В рамках данной группы выделены следующие подгруппы:

подгруппа 4а: 0,5578–0,8849 л;
 подгруппа 4б: 0,3370 л;
 подгруппа 4с: 0,1743–0,1929 л;
 подгруппа 4д: 0,1294 л;
 подгруппа 4е: 0,0504 л.

Полученные данные также представлены в табл. 7. При иногда отличающихся величинах в рамках домохозяйств, очевидно, обусловленных объемом выборки, общие тенденции в распределении признака налицо. Это позволяет поставить вопрос о раз-

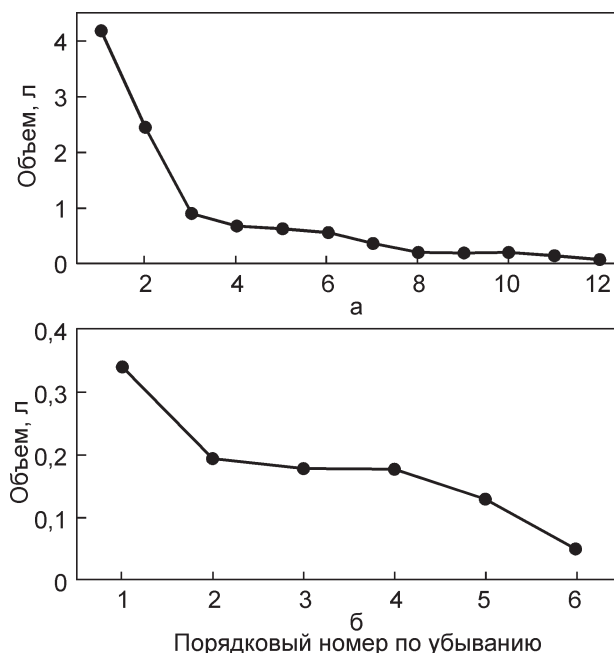

Рис. 14. Распределение сосудов по объему в рамках домохозяйства 5: а – 0,0504–4,1628; б – 0,0504–0,3370

Fig. 14. Distribution of the volume vessels in household 5, l: а – 0,0504–4,1628; б – 0,0504–0,3370

Таблица 7. Распределение сосудов по объему в рамках домохозяйств. Разница в морфологических особенностях изделий не учитывалась

Table 7. Distribution of the volume of vessels that were found in different households. Morphology of pottery was not considered

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
35,7614 (1)	35,3303 (1)	—	35,3539 (1)	—
—	18,9594—20,0544 (2)	17,9063 (1)	—	—
—	14,2430 (3) 11,6830 (4)	—	—	14,7953 (1)
9,5139 (2)	9,2959—9,3607 (5)	—	9,5713 (2)	—
6,2271—7,3459 (3)	3,7895—4,6491 (6)	4,2353—4,8376 (2)	—	4,1628 (2)
2,4754—2,8868 (4a)	2,2524 (7a)	2,2678—2,5055 (3)	3,0910 (3)	2,4295 (3)
1,7942—1,9427 (4b)	—	—	—	—
1,4208—1,4408 (4c-1)	1,2072—1,6962 (7b)	1,2339—1,5007 (4a)	0,7415—1,5362 (4)	—
1,0940—1,1784 (4c-2)	0,8262—0,9258 (7c-1)	—	—	—
0,7123—0,8201 (4c-3)	0,5594—0,7006 (7c-2)	0,1758—0,7814 (4b)	—	—
0,4574 (4c-4)	—	—	0,4231—0,5299 (6)	0,3370 (4b)
0,2542 (4c-5)	0,2806—0,4240 (7c-3)	—	0,1719 (6)	0,1743—0,1929 (4c)
0,0290—0,0663 (4c-6)	—	0,0586—0,0829 (4c)	—	0,1294 (d)
		0,0124 (4d)		0,0504 (4e)

мерности таксономических групп в рамках домохозяйств.

Для каждой из таксономических единиц, выделенных по признаку объема сосудов, рассчитаны два средних показателя — медиана и среднее арифметическое. Для таксономических единиц, включающих единственное числовое значение признака, последнее условно принималось за среднее. Для каждой пары таксономических единиц с наиболее близкими значениями рассчитана кратность (значения округлены до сотых) по названным средним величинам. Результаты сведены в табл. 8–12.

Таблица 8. Средние значения по объемам посуды в рамках домохозяйства 1 и их кратность

Table 8. Averages and scaling ratios obtained for the volume of pottery that was found in household 1

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
35,7614 (1)	35,7614		35,7614	
9,5139 (2)	9,5139	3,76	9,5139	3,76
6,2271—7,3459 (3)	6,8143	1,40	6,8699	1,38
2,4754—2,8868 (4a)	2,6761	2,55	2,6660	2,58
1,7942—1,9427 (4b)	1,8685	1,43	1,8685	1,43
1,4208—1,4408 (4c-1)	1,4385	1,30	1,4464	1,29
1,0940—1,1784 (4c-2)	1,1362	1,27	1,1362	1,27
0,7123—0,8201 (4c-3)	0,7662	1,48	0,7662	1,48
0,4574 (4c-4)	0,4574	1,68	0,4574	1,68
0,2542 (4c-5)	0,2542	1,80	0,2542	1,80
0,0290—0,0663 (4c-6)	0,0470	5,40	0,0458	5,55

Если допустить, что т. н. тяжелые хвосты включают сосуды группы 3 домохозяйства 1, распределение основной массы средних величин здесь описывается формулой 1 и имеет кратность, близкую к 1,5. Коэффициент кратности для домохозяйств 2 и 5 близок к 2 — также налицо отсутствие некоторых групп сосудов, выделенных по мерным признакам. В свою очередь, распределение средних величин в рамках домохозяйства 3, очевидно, также описывается формулой 1, однако некоторые таксономические единицы не выделены, исходя из небольшого объема выборки. Сама

Таблица 9. Средние значения по объемам посуды в рамках домохозяйства 2 и их кратность

Table 9. Averages and scaling ratios obtained for the volume of pottery that was found in household 2

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
35,3303 (1)	35,3303		35,3303	
18,9594—20,0544 (2)	19,5069	1,81	19,5069	1,81
14,2430 (3)	14,2430	1,37	14,2430	1,37
11,6830 (4)	11,6830	1,22	11,6830	1,22
9,2959—9,3607 (5)	9,3283	1,25	9,3283	1,25
3,7895—4,6491 (6)	4,1192	2,84	3,9930	2,93
2,2524 (7a)	2,2524	1,73	2,2524	1,68
1,2072—1,6962 (7b)	1,4732	1,53	1,5164	1,49
0,8262—0,9258 (7c-1)	0,8811	1,67	0,8912	1,70
0,5594—0,7006 (7c-2)	0,6362	1,38	0,6369	1,40
0,2806—0,4240 (7c-3)	0,3386	1,88	0,3309	1,92

Таблица 10. Средние значения по объемам посуды в рамках домохозяйства 3 и их кратность.

Table 10. Averages and scaling ratios obtained for the volume of pottery that was found in household 3

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
17,9063 (1)	17,9063	4,00	17,9063	4,05
4,2353—4,8376 (2)	4,4764	1,90	4,4163	1,92
2,2678—2,5055 (3)	2,3581	1,57	2,3009	1,53
1,2339—1,5007 (4a)	1,3673	3,07	1,3673	3,04
0,1758—0,7814 (4b)	0,4448	6,28	0,4495	6,35
0,0586—0,0829 (4c)	0,0708	5,71	0,0708	5,71
0,0124 (d)	0,0124		0,0124	

Таблица 11. Средние значения по объемам посуды в рамках домохозяйства 4 и их кратность

Table 11. Averages and scaling ratios obtained for the volume of pottery that was found in household 4

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
35,3539 (1)	35,3539	3,69	35,3539	3,69
9,5713 (2)	9,5713	3,10	9,5713	3,10
3,0910 (3)	3,0910	2,01	3,0910	2,01
0,7415—1,5362 (4)	1,1216	2,76	1,0904	2,40
0,4231—0,5299 (5)	0,4693	2,39	0,4548	2,65
0,1719 (6)	0,1719		0,1719	

Таблица 12. Средние значения по объемам посуды в рамках домохозяйства 5 и их кратность

Table 12. Averages and scaling ratios obtained for the volume of pottery that was found in household 5

Группы	Среднее арифметическое	Размерность	Медиана	Размерность
14,7953 (1)	14,7953	3,55	14,7953	3,55
4,1628 (2)	4,1628	1,89	4,1628	1,89
2,4295 (3)	2,4295	4,01	2,4295	4,01
0,5578—0,8849 (4a)	0,6061	1,80	0,6052	1,80
0,3370 (4b)	0,3370	1,80	0,3370	1,80
0,1743—0,1929 (4c)	0,1812	1,40	0,1764	1,36
0,1294 (d)	0,1294	3,33	0,1294	3,33
0,0504 (4e)	0,0504		0,0504	

тенденция кратности средних значений по таксономическим единицам подтверждает предположение о фракталоподобной структуре распределения групп сосудов. Важно отметить, что распределение посуды по объему с близкими коэффициентами кратности зафиксировано для посуды культур

шнуровой керамики (Dzbyński, 2008: 149–161). Таким образом, можно предположить более полное распределение мерных признаков по домохозяйствам Суботовского городища, чем представленное в табл. 7, а, значит, анализ сочетания форм сосудов в комплексах для данной выборки не имеет смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проанализировали распределение посуды Суботовского городища по признаку объема. Фиксируется взаимосвязь между морфологическими и мерными характеристиками сосудов, очевидно, обусловленная их функциональным назначением. Распределение керамики разного объема в рамках домохозяйств также неслучайно.

Систематизированы данные о распределении заданного мерного признака в рамках типов изделий, выделенных по морфологическим признакам, и в рамках домохозяйств. Однако результаты систематизации будут скорректированы с дальнейшим увеличением объема выборки – скорее всего, с включением в нее посуды, происходящей из раскопок других памятников (табл. 1; 7).

Соотношение средних величин по выделенным таксономическим единицам показывает фракталоподобную структуру распределения заданного мерного признака (формула 1). Аналогии, включительно с идентичными и близкими значениями постоянных, известны для посуды КШК (Dzbyński, 2008: 149–161), сосудов определенных типов кукутень-трипольского культурного комплекса (Урсу и Апараскивей, 2014), старорусской системы мер посуды. В перспективе такая особенность распределения заданной мерной характеристики позволит не только скорректировать классификации, основанные на формальных статистических подходах, но и указать на отсутствующие в выборках таксономические единицы (Witschey and Brown, 2003).

Более затруднительна интерпретация установленной закономерности. Безусловно, проблемы такого рода не решаются на материалах одного памятника даже с внушительной генеральной совокупностью посуды. Однако полученные данные позволяют наметить перспективы работы в данном направлении. На первый взгляд, кажется очевидной связь коэффициента кратности

с мерными системами древности (Dzbyński, 2008). Между тем, предложенные реконструкции последних показывают куда большее разнообразие чисел и пропорций (Chapman and Richter, 2009).

Суть проблемы заключается в том, что фракталы, степенные функции, самоорганизованная критичность, $1/f$ шум описывают огромное количество явлений и процессов физического и социального мира (Mandelbrot, 1983; 1999; Schroeder, 1991; Bak, 1996; Jensen, 1998 et al.). Фракталоподобная структура распределения населения в иерархических поселенческих системах, описываемая правилом Ципфа (Zipf, 1965) особенно хорошо известна археологам (Hodder and Orton, 1976; Clarke, 1977; Zubrow, 1985; Thurston 2001 et al.). Вместе с тем за последнее десятилетие зафиксировано и идентичное распределение численности групп охотников-собирателей (Hamilton et al, 2007a; 2007b; 2009; Diachenko, 2013). Вряд ли случайным является совпадение основных параметров в структуре населения и наборах посуды, особенно принимая во внимание распределение керамики по домохозяйствам. Впрочем, поиск прямых коррелятов между наборами сосудов и составом семей пока является преждевременным, в особенности принимая во внимание проблемы сопоставления численности населения и емкости среды (Strogatz, 2000; Diachenko, 2013; Diachenko and Zubrow, 2015). Работа в данном направлении, основанная на анализе больших серий керамики из разных пространственно-временных срезов, является перспективным направлением дальнейших исследований.

SUMMARY

This paper deals with the distribution of volume of vessels that were found at Subotov hill-fort. Distribution of the related values was analyzed in relation to the morphology of vessels and their location at certain households. In both cases distribution have fractal-like properties with the scaling ratios of 2 and 1.5. This confirms the interrelations between the forms of pottery, their volumes and function. Further studies in this direction that will be based on large series of ceramics could allow the reconstruction of measurement systems in remote past, household structure and may be used in construction of more reliable classifications of vessels.

ЛИТЕРАТУРА

- Гершкович, Я.П. 2001. Признак «объем» и категории (функциональные группы) посуды эпохи бронзы. В сб.: Ю.И. Колев (ред.) *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»*, 23–28 апреля 2001 г. Самара: ООО НТЦ, 282–285.
- Урсу, К.-Э. и Апараскивей, К. 2014. Сосуды со стилизованными антропоморфными изображениями из ареала Прекукутень–Триполье А. Некоторые соображения. *Stratum plus* 2: 309–330.
- Bak, P. 1996. *How nature works: the science of self-organized criticality*. New-York: Springer-Verlag.
- Chapman, J. and Richter, Й. 2009. Geometric order and scientific principles: a view from the Mesolithic, Neolithic and Chalcolithic of Central and South East Europe. In G. Bodi (ed.) *In medias res praeistoriae. Miscellanea in honorem annos LXV peragentis Professoris Dan Monah oblate*. Iași: Editura Univeristății «Alexandru Ioan Cuza», 21–58.
- Clarke, D.L. 1977. Spatial information in archaeology. In D.L. Clarke (ed.), *Spatial archaeology*. London: Academic Press, 1–32.
- Diachenko, A. 2013. Settlement growth as a fractal. *Journal of Neolithic Archaeology* 15: 88–105.
- Diachenko, A. and Zubrow, E.B.W. 2015. Stabilization points in carrying capacity: population growth and migrations. *Journal of Neolithic Archaeology* 17: 1–15.
- Dzbyński, A. 2008. *Ritual and understanding: rational bases of communication and exchange in prehistoric Central Europe*. Rzeszów: Miel.
- Hamilton, M.J., Milne, B.T., Walker, R.S. and Brown, J.H. 2007a. Nonlinear scaling of space use in human hunter-gatherers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 104 (11): 4765–4769.
- Hamilton, M.J., Milne, B.T., Walker, R.S., Burger O. and Brown, J.H. 2007b. The complex structure of hunter-gatherer social network. *Proceedings of the Royal Society B*, 274(1622): 2195–2202.
- Hamilton, M.J., Burger, O., DeLong, J.P., Walker, R.S., Moses, M.E., and Brown, J.H. 2009. Population stability, cooperation, and the invisibility of the human species. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 106 (30): 12255–12260.
- Hodder, I. and Orton, C. 1976. *Spatial analysis in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jensen, H.J. 1998. *Self-organized criticality: emergent complex behavior in physical and biological systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mandelbrot, B.B. 1983. *The fractal geometry of nature*. New York: W.H. Freeman and Co.
- Mandelbrot, B.B. 1999. *Multifractals and 1/f noise: wild self-affinity in physics (1963–1976)*. New York: Springer-Verlag.
- Schroeder, M. 1991. *Fractals, chaos, power laws: minutes from an infinite paradise*. New York: W.H. Freeman and Company.
- Strogatz, S.H. 2000. *Nonlinear dynamics and chaos with applications to physics, biology, chemistry, and engineering*. Cambridge: Westview Press.
- Thurston, T. 2001. *Landscapes of power, landscapes of conflict: state formation in the South Scandinavian Iron age*. New York: Kluwer Academic; Plenum Publishers.

Witschey, W.R.T. and Brown, C.T. 2003. Fractal fragmentation of archaeological ceramics. *Paper presented at the symposium «Fractals in Archaeology» at the 68th Annual Meeting of the Society for American Archaeology*, April 9–13, Milwaukee, Wisconsin.

Zipf, G.K. 1965. *Human behavior and the principle of least effort: an introduction to human ecology*. New York: Hafner Publishing Company.

Zubrow, E.B.W. 1985. Fractals, cultural behavior, and prehistory. *American Archaeology* 5 (1): 63–77.

01.05.2015

А.В. КОРОХИНА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЦЕПТОВ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ СУБОТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Определение рецептов формовочных масс проводилось с помощью бинокулярного микроскопа по методике А.А. Бобринского (1978; 1999).

Формовочной массой называют пластический материал определенной вязкости, который использовали для изготовления керамики (Бобринский, 1978: 84). Ее основными компонентами являются: исходное пластичное сырье и (в большинстве случаев) искусственные примеси. Исходным сырьем называют природный или искусственно образованный материал, который использовали для изготовления посуды. В зависимости от роли, которую он играл при ее конструировании, такое сырье распадается на пластичное и непластичное (Бобринский, 1999: 17).

Анализ пластичного исходного сырья, согласно использованной методике, включал определение: 1) его группы (ил, органический материал животного происхождения, глина); 2) вида (по особенностям происхождения и состава в каждой группе выделяются, соответственно, равнинные или горные илы; навоз травоядных животных или помет птиц; ожелезненная или нежелезненная глина); 3) состояния исходного сырья (сухое или влажное, выделяется по возможности); 4) качественного состава естественных примесей; 5) относительной концентрации естественной примеси песка (высокая, средняя или низкая). Характеристика искусственных примесей предполагает определение их качественного состава и концентрации по отношению к пластичному сырью (Бобринский, 1999: 17–25, 31–46).

Отметим также, что в сфере анализа исходного сырья некоторые исследователи отмечают ограниченные возможности метода бинокулярной микроскопии, в связи с чем он рассматривается как предварительный относительно точной характеристики при помощи инструментальных методов, в частности, петрографического анализа (Bishop, Rands and Holley, 1982: 281; Глушков, 1996: 31; Глушков, Гребенщиков и Жущиковская, 1999: 157).

Для анализа отобраны 10 образцов керамики из трех культурных групп, выделенных Я.П. Гершковичем (см. главу VII этой книги): малобудковско-бондарихинской (северо-восточные традиции) – 3, белогрудовской (местные традиции) – 3, раннегалыштатской (юго-западные и западные традиции) – 4 единицы. Согласно требованиям методики, фрагменты образцов предварительно обжигались при температуре каления в окислительной среде, определения проводились по свежим сколам.

Обобщенные результаты анализа в каждой группе следующие.

1. *Малобудковско-бондарихинская керамика.* Формовочную массу готовили на основе ожелезненной глины, предположительно во влажном состоянии¹, с высокой

1. В проанализированных образцах признаков использования пластичного сырья в сухом состоянии не замечено, что учитывалось при определении концентрации искусственных примесей в формовочной массе. Вместе с тем нужно учитывать, что, по замечанию А.А. Бобринского, по керамическим находкам сегодня не во всех случаях удается зафиксировать состояние исходных материалов (Бобринский, 1999: 31).

концентрацией естественного мелкого песка (не более 0,5 мм). Характерно присутствие единичных органических включений (пустот, иногда с волокнистой структурой поверхности), наиболее вероятно – естественного происхождения.

Зафиксирован один вид рецепта: глина + шамот. Шамот низкотемпературный (часто имеет сглаженные грани), некалиброванный (размерность частиц от 0,4 до 1,6–2,2 мм в одном фрагменте), представлен относительно устойчивой концентрацией в диапазоне 1 : 6 – менее 1 : 6¹.

2. Белогрудовская керамика. Формовочную массу готовили на основе ожелезненной глины, предположительно во влажном состоянии, с высокой концентрацией естественного песка (обычно не более 0,5 мм). Выявлен один вид рецепта: глина + дресва. Дресва некалиброванная (размерность частиц от 0,5 до 1,5–2,4 мм в одном фрагменте). По концентрации представлены два вида: 1 : 3 и 1 : 5.

3. Раннегальштатская керамика демонстрирует разнообразный состав навыков отбора сырья и приготовления формовочных масс. Представлена как ожелезненная (со средней и высокой концентрацией естественного песка размерностью не более 0,5 мм), так и неожелезненная глина (с высокой концентрацией естественного песка размерностью не более 0,5 мм), предположительно во влажном состоянии. Выявлено несколько видов рецептов:

1) глина ожелезненная + дресва;

2) глина неожелезненная + дресва (в концентрации 1 : 5);

3) глина ожелезненная + дресва + шамот – выделены два вида по концентрации:

3а) суммарная концентрация искусственных примесей близко 1 : 3;

3б) концентрация искусственных примесей очень незначительна – в пределах скола выявлены лишь единичные включения (что позволяет предполагать отсутствие их функционального значения).

Дресва и шамот во всех образцах третьей группы некалиброванные, представленные размерностями от 0,5 до 1,2–1,7 мм в одном фрагменте.

Исследования А.А. Бобринского и его последователей, проведенные с опорой на

1. Определение концентрации искусственных примесей проводилось по шкалам концентрации, разработанными на основе экспериментальных данных (Бобринский, 1999: рис. 3а–5б).

широкую этнографическую базу, показали «чувствительность» состава формовочных масс к протеканию этнокультурных процессов в среде изготовителей керамики. Такая чувствительность проявляется, с одной стороны, в консервативности навыков приготовления формовочных масс в условиях постоянного состава носителей культурных традиций, с другой – их относительно быстрым изменением (в пределах жизни одного поколения) в условиях культурного усложнения. Индикатором последнего является образование «смешанных рецептов» (Бобринский, 1978: 92–93). Следует также упомянуть, что И.Г. Глушков высказал мнение о том, что подход А.А. Бобринского преувеличивает значение культурной традиции и недооценивает влияние функционального фактора (зависимость от характеристики исходного сырья) на формирование рецептов формовочных масс (Глушков, 1996: 111–114).

Так или иначе, более-менее уверенные выводы относительно влияния различных факторов на технико-технологические характеристики керамики, а тем более – реконструкция по этим данным этнокультурных процессов, возможны только на основе исследования статистически представительных выборок образцов и в сочетании с данными их комплексного технико-технологического анализа. Автор такими данными не располагает, поэтому можно сделать только предварительные и условные обобщения. В частности, можно отметить следующее.

- Группы малобудковско-бондарихинской и белогрудовской керамики демонстрируют относительно постоянный состав навыков приготовления формовочных масс. Малобудковско-бондарихинскую группу характеризует традиция добавления в качестве искусственной примеси шамота в концентрации около 1 : 6, белогрудовскую – дресвы.
- Предполагается культурная неродственность изготовителей двух указанных групп, о чем свидетельствует использование в качестве искусственной примеси функционально дублирующих друг друга добавок – шамота и дресвы. Свидетельств этнокультурного смешения представителей этих групп по материалам памятника не зафиксировано.
- Неустойчивый состав рецептов формовочных масс в раннегальштатской группе свидетельствует об участии в ее формировании носителей различных по про-

исхождению культурных традиций. Разнообразие последних проявляется как в использовании разных видов исходного сырья, так и в непостоянстве качественного и количественного состава формовочных масс. Присутствие «смешанного» рецепта (глина ожелезненная + дресва + шамот) свидетельствует о смешении различных по культурным традициям групп населения. Не исключено, что традиция добавления дресвы может быть связана с местным, белогрудовским, компонентом.

Обращаясь к поиску сравнительного материала, отметим, что на данный момент исследования технико-технологических особенностей керамики эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы не имеют систематического характера. Наиболее значительную работу в данной области осуществила А.А. Денисова, которая исследовала по программе А.А. Бобринского керамику СКИО поселения Усово Озеро (Березанская, 1990: 75–77), поселений сабатиновской культуры (Денисова, 2000), провела сравнение нескольких групп керамики из многослойных поселений Подонцовья с многоваликовыми и абашевскими чертами, срубной, а также с бондарихинскими чертами¹ (Денисова, 2005).

Керамику финального периода эпохи бронзы северной части восточнорусского региона исследовала на предмет традиций составления формовочных масс автор (Корохина, 2011: 76–84, добавок А.12). Проанализированы небольшие выборки из памятников нескольких культурных групп – малобудковской, бондарихинской среднего и позднего этапов, студенокской, лебедовской и марьяновской. Данные, полученные для малобудковской (поселения Малые Будки и Ивановка-Майоров Бугор-2), а также студенокской групп (поселение Студенок-5), позволяют провести некоторое сравнение с результатами анализа синхронной им ма-

лобудковской группы керамики из Суботовского городища.

Из коллекции поселения Малые Будки, расположенного на р. Смела, правом притоке Сулы, определения проведены для 15 фрагментов. В целом большинство характеристик формовочных масс сравниваемых групп схожи, за исключением того, что керамика из Малых Будков демонстрирует навыки отбора глины с низкой концентрацией песка, а также в среднем более высокую концентрацию шамота (колеблется в пределах 1 : 4 – 1 : 6, наиболее вероятный стандарт связывается со значениями 1 : 4 – 1 : 5). Размерность шамота схожа с зафиксированной в суботовских образцах – в среднем от 0,4 до 2,1 мм в одном фрагменте (Корохина, 2011: 78, добавок А.12.1).

Из коллекции поселения Ивановка-Майоров Бугор-2, расположенного на левом берегу р. Сейм, проанализированы четыре фрагмента. В отличие от двух предыдущих памятников здесь зафиксирована среднезапесоченная глина. Помимо, видимо, характерного для малобудковского гончарства рецепта глина + шамот, обнаружены также фрагменты с высоким содержанием органики, которая может быть искусственного происхождения. Обратим внимание, что в этих образцах, как и в суботовских, концентрация шамота низкая – 1 : 6 – <1 : 6. Его размерность также, в целом, схожа с зафиксированной на суботовской керамике – от 0,75 до 3,0 мм в одном фрагменте (Там само: 81, добавок А.12.7).

Несколько отличная ситуация прослеживается по материалам керамики поселения Студенок-5, где даже по небольшой выборке (15 фрагментов) зафиксировано разнообразие использованного пластичного сырья и рецептов формовочных масс. Здесь, однако, так же, как и в малобудковских образцах, использована запесоченная ожелезненная глина с преобладающей фракцией мелкого песка (до 0,5–0,6 мм). В качестве преобладающей тенденции отмечено введение низкотемпературного шамота в концентрации 1 : 4 – <1 : 6 и размерностью в среднем 0,7–2,9 мм, что составляет аналогию малобудковским традициям (Корохина, 2011: 79–80, добавок А.12.4).

Таким образом, малобудковская керамика Суботовского городища, вероятно, демонстрирует типичный для этого культурного образования состав традиций приготовления формовочных масс.

1. Исследованная керамика с бондарихинскими чертами была отобрана с поселений Ильичевка, Усово Озеро, Лиман и Капитаново-1 (Денисова, 2005: 183). К сожалению, не понятно, какие именно образцы подверглись анализу. Имеющиеся публикации позволяют датировать материалы Ильичевки и Лимана предположительно средним этапом бондарихинской культуры, материалы Усового Озера атрибутировать как позднебондарихинские (Шаповалов, 1976: 166–169, 171, рис. 8, 12–14, 16–20; Бровендер, 1993: рис. 17; 18; Березанская, 2001).

SUMMARY

The analysis of ceramics paste recipes was conducted using three binocular microscope according to the A.A. Bobrinskij method. Ten samples presenting three cultural groups were analyzed: Malye Budky Cultural Type (north-eastern tradition) – 3 samples, Belogradovka Culture (native tradition) – 3 samples, Early Hallstatt group (western and south-western tradition) – 4 samples.

Attainments of preparing paste recipes within the Malye Budky Type group and Belogradovka Culture group are relatively constant. Malye Budky Type group is characterized by tradition of adding the grog in concentration nearly 1 : 6. Belogradovka Culture group is characterized by tradition of adding the crushed stone. Evidence of mixing of technological traditions of mentioned groups is absent on the site.

Group of western origin demonstrates unstable composition of paste recipes. Its diversity is manifested by the use of different types of plastic material and inconstancy of qualitative and quantitative composition of ceramic paste. Mixed recipe (ferruginous clay + crushed stone + grog), according to the A.A. Bobrinskij approach, can be interpreted as a result of mixing of population with different cultural traditions.

Presently, it exists very limited corpse of technological data as a comparative material for the mentioned ceramic groups. Malye Budky Type ceramics of Subotov hill-fort probably demonstrates typical for this cultural type composition of paste recipes.

ЛИТЕРАТУРА

- Березанская, С.С. 1990. *Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце*. Киев: Наукова думка.
- Березанская, С.С. 2001. Материалы бондарихинской культуры на поселении Усово Озеро. В сб. *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. Материалы 5-го украинско-российского полевого археологического семинара*. Воронеж, 11–14.
- Бобринский, А.А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Бобринский, А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения. В кн. А.А. Бобринским (ред.) *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета: 5–110.
- Бровендер, Ю.М. 1993. Поселение срубной культуры у с. Лиман в Северско-Донецком Левобережье. В сб. С.Н. Санжаров (ред.) *Древние культуры Подонцовья* вып. 1. Луганск, 148–174.
- Глушков, И.Г. 1996. *Керамика как археологический источник*. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
- Глушков, И.Г., Гребенщиков, А.В. и Жущиховская, А.С. 1999. Петрография археологической керамики: проблемы, возможности, перспективы. В кн. А.А. Бобринский (ред.) Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета, 150–166.
- Денисова, А.О. 2000. Технологія виготовлення кераміки сабатинівської культури. *Археометрія та охорона історико-культурної спадщини* 4: 48–55.
- Денисова, А.А. 2005. К проблеме взаимосвязей культур эпохи бронзы на территории Донецкого региона. У зб. В.В. Отрощенко (ред.) *На пошану Софії Станіславівни Березанської*. Київ: Шлях, 181–189.
- Корохина, А.В. 2011. *Кераміка бондарихинської культури. Дисертація на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук*. Київ.
- Шаповалов, Т.А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. В сб. Д.Я. Телегин (ред.) *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 150–172.
- Bishop, R.L., Rands, R.L. and Holley, G.L. 1982. Ceramic compositional analysis in archaeological perspective. *Advances in archaeological method and theory* 5: 275–330.

02.10.2014

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук СССР
БМК КР	– Биметаллические мечи и кинжалы с крестовидной рукоятью
БМСК	– Бережновско-маевская срубная культура
БФ СО АН СССР	– Башкирский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР
ВИНИТИ РАН	– Всероссийский институт научной и технической информации, Москва
ВУАК	– Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ	– Государственный исторический музей, Москва
ДГ	– Древний горизонт
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЭ АН СССР	– Институт этнографии Академии наук СССР
КМК	– Культура многоваликовой керамики (Бабино)
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
НА ІА НАНУ	– Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
НАНУ	– Національна академія наук України
ОНТИ ПНЦ РАН	– Объединенное научно-техническое издательство Пушкинского научного центра РАН
ПНПУ	– Полтавский национальный педагогический университет им. В.Г. Короленко
РАМУС	– Республиканская ассоциация молодых ученых и специалистов
РАН	– Российская академия наук
СКИО	– Срубная культурно-историческая общность
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СП	– современная поверхность
ТКК	– Тшинецко-комаровский круг (цикл)
УИИЯЛ УрО РАН	– Уральский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
ЕХАРК	– Международная организация археологических музеев под открытым небом и экспериментальной археологии

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ
DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG
Наукове видання

ГЕРШКОВИЧ Яків Петрович **СУБОТІВСЬКЕ ГОРОДИЩЕ**

Російською мовою
Надруковано в авторській редакції
Рисунки авторські
Комп'ютерна верстка С.А. Горбаненка

Підписано до друку 21.11.2016. Формат 60 × 84/8. Папір офс. Гарн. Bandera Pro.
Друк офс. Ум.-друк. арк. 59. Обл.-вид. арк. 57,2. Наклад 300 прим. Зам.

Тираж надруковано ПП «Видавництво «Стародавній Світ»», тел.: (044) 599-34-43
e-mail: books@ancientry.org; www.ancientry.org
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 3991 від 24.02.2011 р.